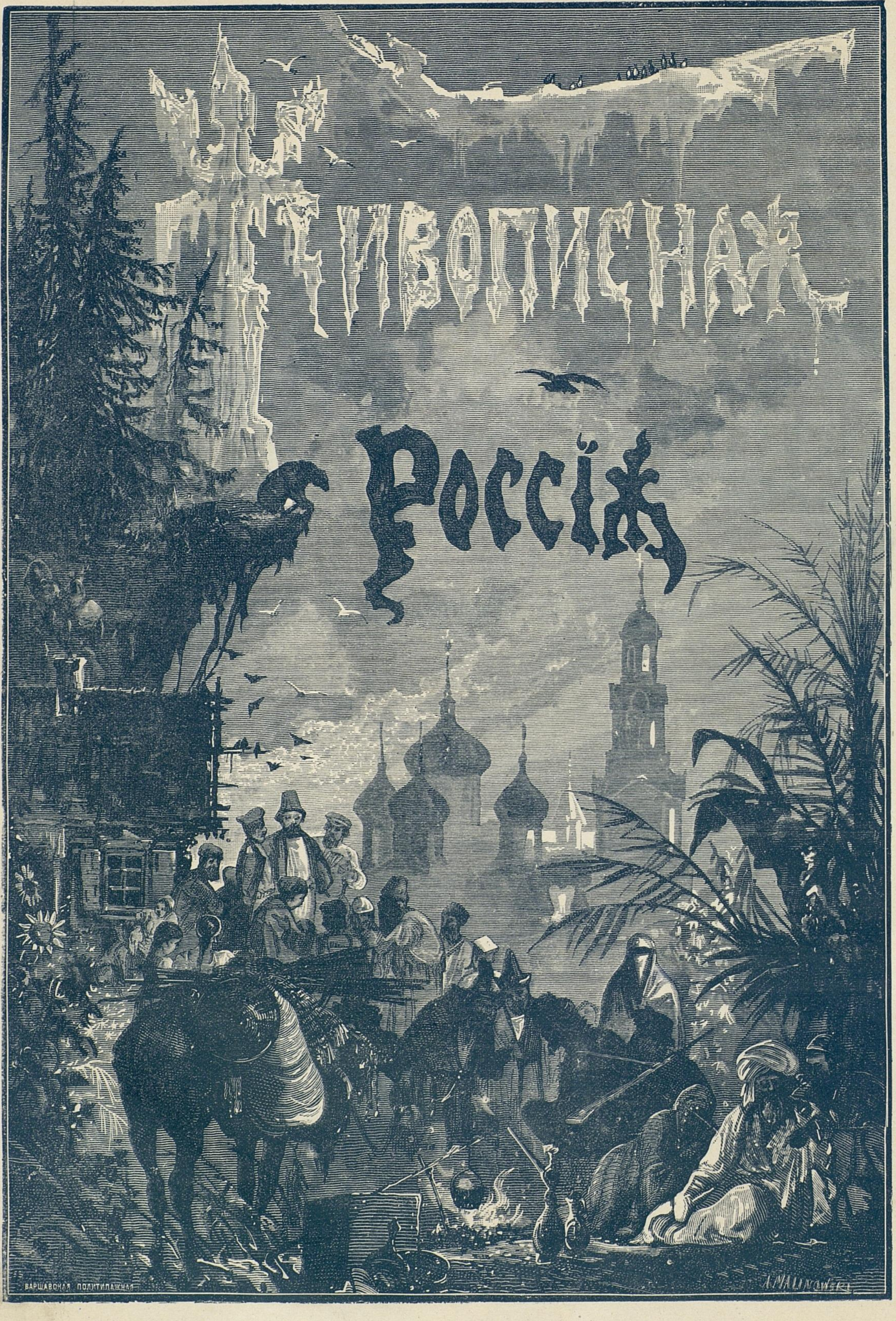
Живописная Россія.

Изданіе тов. М. О. Вольфъ

R. GERHOLD'S G. A. LEIPZIG.

ЖИВОПИСНАЯ РОССІЯ.

ТОМЪ X.


Живописная
Россія
ВАРШАВСКАЯ ПОЛИТИПАЖНАЯ
A. MALINOWSKI

134
356-10

ЖИВОПИСНАЯ
РОССІЯ.

ОТЕЧЕСТВО НАШЕ

ВЪ ЕГО

ЗЕМЕЛЬНОМЪ, ИСТОРИЧЕСКОМЪ, ПЛЕМЕННОМЪ, ЭКОНОМИЧЕСКОМЪ И БЫТОВОМЪ ЗНАЧЕНІИ,

ПОДЪ ОБЩЕЙ РЕДАКЦІЕЙ

П. П. СЕМЕНОВА,

ВИЦЕ-ПРЕДСѢДАТЕЛЯ ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

ТОМЪ ДЕСЯТЫЙ.

РУССКАЯ СРЕДНЯЯ АЗІЯ.

Съ 239 рисунками въ текстѣ, 52 отдѣльными картинами, рѣзанными на деревѣ, и 14 схемами.

ИЗДАНІЕ ТОВАРИЩЕСТВА М. О. ВОЛЬФЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ,
Гостиный дворъ, №№ 17 и 18.

МОСКВА,
Петровка, д. Михалкова, № 5.

1885

Дозволено цензурою. Спб., 10 сентября 1884 г.

Гос. Публичная Библиотека в Ленинграде

Печать типографіи Товарищества М. О. Вольфъ, въ Спб., Вас. Остр., 16 л., д. № 5.
Шрифты словолитни его же.

РУССКАЯ СРЕДНЯЯ АЗІЯ.

Закаспійскій край, Туркестанъ и Киргизскія степи.

ОБЛАСТИ: СЫРЪ-ДАРЬИНСКАЯ, СЕМИРѢЧЕНСКАЯ, ТУРГАЙСКАЯ, АКМОЛИНСКАЯ И АМУ-ДАРЬИНСКАЯ

ОЧЕРКЪ I.

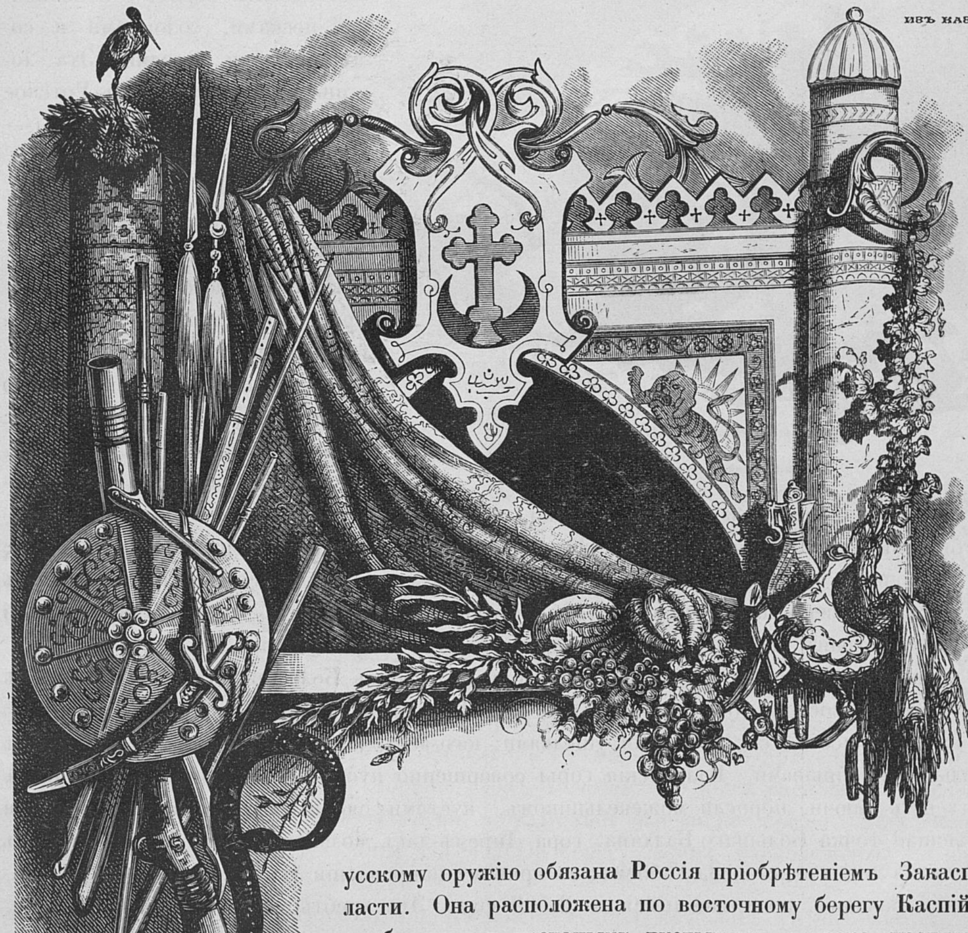
ЗАКАСПІЙСКАЯ ОБЛАСТЬ.

I. — Восточный берегъ Каспійскаго моря и Туркмены.

Горы, рѣки, острова и нагорье Усть-Уртъ. — Ахалъ-Текинскій оазисъ. — Туркмены вообще и Текинцы въ частности. — Текинскіе походы. — Развалины древнихъ поселеній и городовъ.

„И прошли мы степь, какъ море,
Сквозь песчаный ураганъ...
Тамъ онъ ходитъ на просторѣ,
Мчитъ съ кургана на курганъ...
Птица рѣдко тамъ летаетъ,—
Тамъ песокъ летитъ столбомъ...“

Изъ казачьей пѣсни.

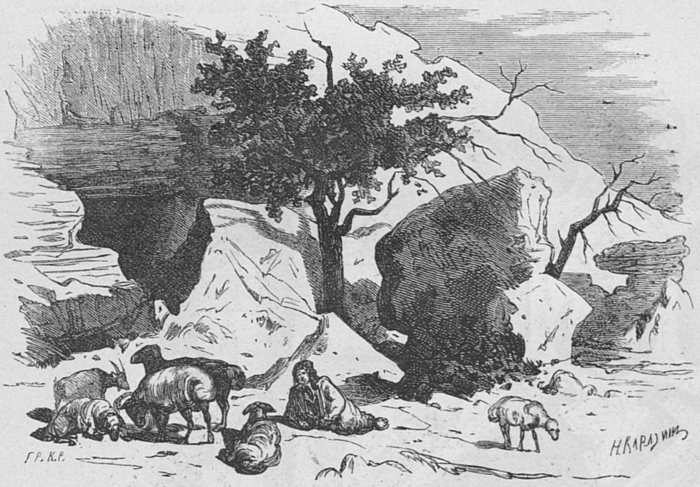


усскому оружію обязана Россія пріобрѣтеніемъ Закаспійской области. Она расположена по восточному берегу Каспійскаго моря и обширнымъ песчанымъ пустынямъ, широко протянувшимся въ глубь Средней Азіи, до береговъ Аму-Дарьи. Пространство Закаспійской области, за исключеніемъ нѣкоторыхъ небольшихъ оазисовъ, по старому руслу Аму-Дарьи (Узбою), состоитъ изъ пустынныхъ, песчаныхъ мѣстностей. На сѣверѣ области — высокое нагорье

непріютнаго Усть-Урта заполняетъ огромное пространство; средняя же и большая половина южной ея части заняты сыпучими песками.

На всемъ этомъ протяженіи нѣтъ ни рѣкъ, ни сколько-нибудь значительныхъ ключей. Ярко сверкающіе солончаки, песчаные холмы, безводные овраги и балки, соленыя озера и грязи и лишь изрѣдка прѣсно-водныя озерки, глубокіе колодцы, часто съ непригодной, горькой или горько-соленой водой, да высохшія русла рѣкъ и холмы сыпучихъ песковъ, —вотъ та картина, какую представляетъ собой пустыня.

Плоскогорье Усть-Уртъ скорѣе можетъ быть названо возвышенной равниной. Оно обрывается на югѣ въ направленіи къ песчаной пустынѣ возвышеніемъ болѣе 500 фут. и такимъ же точно обрывомъ спускается на сѣверѣ — къ Киргизской степи, на востокѣ — къ Аральскому морю и на западѣ — къ Каспійскому морю. Усть-Уртское плоскогорье представляетъ равнину съ глинисто-хрящеватой или известковой почвой, покрытой бугристыми песками или солонцеватыми грязями. Эта равнина, на меридіанѣ Кайдакъ и Карабугазскаго заливовъ Каспійскаго моря, раздѣляется широкой и глубокой впадиной (отъ тридцати до шестидесяти верстъ), наполненной песками, солонцами и солонцеватыми грязями. Эта лощина раздѣляетъ Усть-Уртское плоскогорье на двѣ половины — восточную и западную, изъ коихъ послѣдняя, меньшая, называется Мангишлакскимъ полуостровомъ. На этомъ полуостровѣ, въ юго-восточномъ направленіи, проходятъ два невысокіе хребта: Акъ-тау и Кара тау, служащіе какъ бы границею между двумя полуостровами: Мангишлакскимъ и Бузачи. Между Кара-тау и Акъ-тау лежатъ богатыя прѣсной водою и травами долины, отъ двухъ до восьми верстъ шириною, служащія пастбищами для киргизскихъ стадъ. Въ Каратаускихъ горахъ найденъ каменный уголь, невысокаго, впрочемъ, качества. На площади всего Усть-Урта замѣчается немало небольшихъ углубленій, какъ бы озеръ или рѣчныхъ руслъ, которыя доказываютъ, что нѣкогда и въ этой пустынной теперь странѣ были обширныя озера и быстро-текущія рѣки.



Мангишлакскія балки.

Болѣе значительными высотами отличается горный хребетъ Большой Балханъ, идущій съ сѣверо-запада на юго-востокъ, отъ восточнаго берега Балханскаго залива, состоящій изъ крутыхъ, скалистыхъ высотъ, съ глубокими ущельями; юго-восточный его склонъ спускается къ Узбою небольшими обрывами. Балханскія горы совершенно пустынны и лишь въ немногихъ мѣстахъ, гдѣ есть ключи, поросли можевельникомъ, кустами смоквы, барбариса и кое-какими травами. Высшая точка Большаго Балхана, гора Диремъ-дагъ, возвышается на 5,360 фут. надъ океаномъ и видна за сто верстъ. За Узбоемъ, въ прямомъ направленіи отъ Большаго Балхана, находится Малый Балханъ, поднимающійся до 2,500 фут. Эти хребты мало еще изслѣдованы.

Въ этомъ же юго-восточномъ направленіи тянется довольно возвышенный и не менѣе пустынный горный хребетъ Копетъ-дагъ, дающій начало рѣкамъ Атреку съ его притоками и рѣкѣ Гюргени. Копетъ-дагъ, составляющій нынѣ нашу границу съ Персіею, ограничиваетъ съ юга Ахалъ-Текинскій оазисъ, орошая его сбѣгающими съ высотъ ручьями и рѣчками, разведенными затѣмъ по оросительнымъ канавамъ или теряющимися въ пескахъ непріют-

ной пустыни. Общая высота Копетъ-дагскихъ горъ не превосходитъ 2,000 футовъ, а высшая его точка — 2,400 ф. надъ океаномъ. Сѣверо-западная оконечность Копетъ-дага состоитъ изъ известковыхъ возвышенностей, около 1,000 футовъ надъ уровнемъ океана, подымающихся довольно отлого отъ степи. На этихъ возвышенностяхъ и по склонамъ ихъ, въ изобиліи встрѣчаются окаменѣлости, какъ то: белемниты, остатки древнѣйшихъ растеній и раковины, свидѣтельствующіе о томъ, что всѣ эти возвышенности составляли когда-то дно моря. Длина Копетъ-дагскаго хребта — около трехъ-сотъ съ небольшимъ верстъ. Къ сѣверо-западу, въ русскихъ предѣлахъ, онъ развѣтвляется, образуя четыре параллельныхъ хребта, отдѣляющихъ другъ отъ друга долины рѣкъ: Сумбара, Чандыря и Атрека.

Проходовъ черезъ Копетъ-дагъ, вообще, немного. Кромѣ извѣстнаго Бендесенскаго перевала, по дорогѣ изъ долины р. Сумбара въ Ахалъ-Текинскій оазисъ, существуютъ еще: Ах-

Долина Апазиръ.

васскій проходъ, въ верховьѣ Сумбара, Фирусанскій — изъ Асхабада въ Фирусу и Кельтичинарскій — изъ Аннау въ Дурунъ.

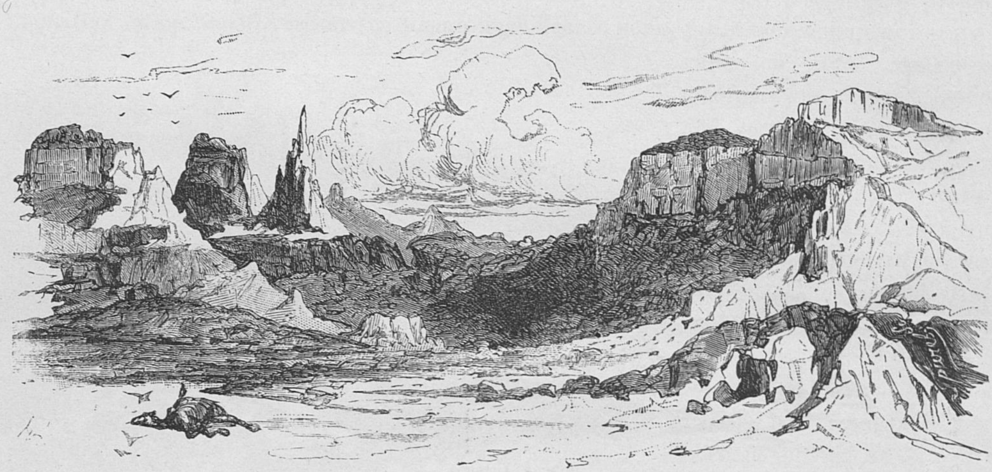
Каспійское море, отъ устья рѣки Урала къ юго-востоку, образуетъ обширный, мелководный заливъ — Мертвый Култукъ, въ юго-западномъ концѣ котораго, между низменнымъ полуостровомъ Бузачи и обрывомъ Усть-Урта, расположенъ обширный заливъ Кайдакъ. При устьѣ этого залива, на восточномъ его берегу, нѣкогда стояло русское укрѣпленіе—Ново-Александровское, устроенное для защиты русскихъ тюленьщиковъ отъ нападенія Киргизовъ; но затѣмъ, по мелководью залива и нездоровому мѣстоположенію, было перенесено впослѣдствіи на полуостровъ Тюкъ-Караганъ. Укрѣпленіе это было первымъ русскимъ осѣдлымъ пунктомъ на восточномъ берегу Каспійскаго моря. Полуостровъ Тюкъ-Караганъ, оканчивающійся высокимъ мысомъ того же имени, составляетъ продолженіе Усть-Урта и крайнюю западную его оконечность. Съ восточной стороны Тюкъ-Караганскаго мыса расположенъ небольшой, но хорошо закрытый заливъ того-же имени, образуемый песчаною косою, отдѣляющеюся отъ материка. Глубина залива—до пяти саженъ. На берегу залива расположены Александровское укрѣпленіе и Николаевскій поселокъ.

Отъ мыса Тюкъ-Карагана берегъ Каспійскаго моря загибаетъ къ юго-востоку и до мыса Мѣловаго состоитъ изъ круто падающихъ известковыхъ скалъ, вплоть подходящихъ къ водѣ. На западной сторонѣ Карабугазской косы берегъ понижается и нѣсколько отходитъ отъ моря; затѣмъ онъ смѣняется песчаною степью, которая простирается до Балханскаго залива и наполнена остатками соляныхъ озеръ и солончаковъ. На этомъ протяженіи берега находятся заливы: Александръ-бай, Киндерлинскій и Карабугазскій.

Александръ-бай не удобенъ для стоянки судовъ. Въ немъ есть подводные камни; онъ открытъ для юго-западныхъ вѣтровъ; наконецъ, здѣсь нѣтъ ни дровъ, ни воды, годной для питья. Названіе свое онъ получилъ отъ извѣстнаго князя Александра Бековича-Черкасскаго, построившаго на берегу его укрѣпленіе, при началѣ своего несчастнаго похода на Хиву, въ 1716 г.

Въ Киндерлинскомъ заливѣ стоянка спокойна, но берега его пустынны и почти необитаемы.

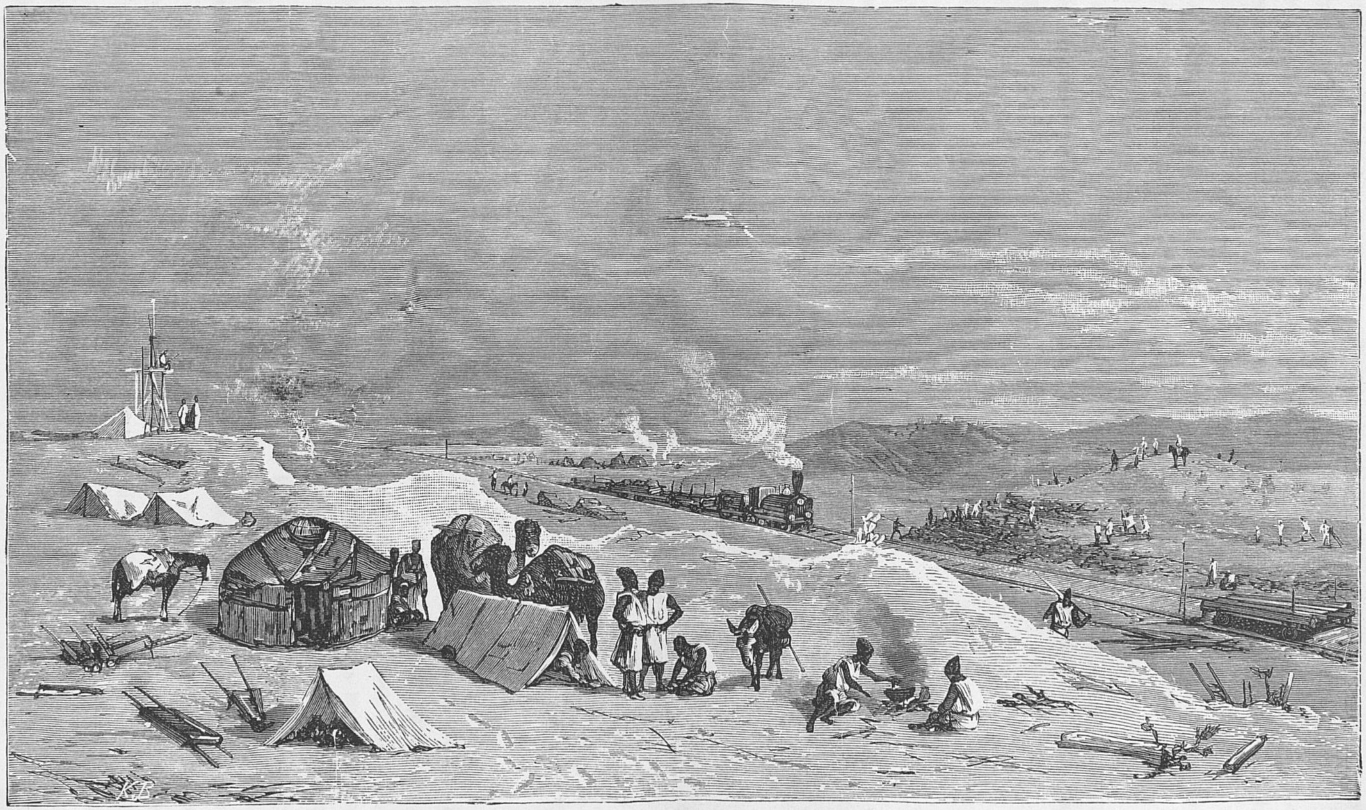
Карабугазскій заливъ — одинъ изъ наиболѣе обширныхъ въ Каспійскомъ морѣ. Онъ отдѣленъ отъ моря низменной, узкой песчаной косой, прорѣзанной узкимъ проливомъ до 160 саж. ширины, при глубинѣ отъ 2 до 4 саж. У входа съ моря проливъ съуживается до 80 саженъ. Теченіе въ проливѣ (изъ моря въ заливъ) обусловливается сильнымъ испареніемъ воды въ заливѣ и достигаетъ пяти верстъ въ часъ. Острововъ въ заливѣ почти совсѣмъ нѣтъ, если не считать двухъ незначительныхъ островковъ у восточнаго берега. Вода въ заливѣ очень богата солью,



Мѣловыя горы (въ Актаузскихъ, т. е. бѣлыхъ горахъ).

густа, и потому рыба здѣсь не водится. Карабугазъ значитъ — «черная пасть». По понятіямъ Туркменъ, заливъ этотъ «сосетъ Каспійское море». Дѣйствительно, огромная площадь залива, представляя обширную поверхность для испаренія воды подъ жгучими лучами солнца, поглощаетъ массу воды Каспійскаго моря, черезъ проливъ, соединяющій этотъ заливъ съ моремъ. На западномъ и на южномъ берегахъ Карабугазскаго залива найдены залежи горючей сѣры, а близъ колодца Туаръ, въ юго-восточномъ направленіи отъ залива, залежь каменнаго угля.

На югѣ отъ Карабугазскаго залива лежитъ Балханскій заливъ, раздѣляющійся на двѣ части: западную или Красноводскій заливъ и восточную или собственно Балханскій заливъ. Входъ въ него удобенъ и безопасенъ; берега возвышенны и песчаны; вода очень соленая. Красноводскій заливъ отдѣляется отъ Каспійскаго моря длинною (до 28 верстъ) косою и, въ свою очередь, раздѣляется мысомъ на двѣ бухты: Муравьевскую и Соймоновскую. Близъ оконечности косы, въ старые годы, находилось русское укрѣпленіе, выстроенное княземъ Бековичемъ-Черкасскимъ, въ 1716 году, отъ котораго остались теперь одни только слѣды; ровъ укрѣпленія заросъ камышемъ и осокою. Въ настоящее время, при бухтѣ Муравьевской находится городокъ Красноводскъ, главный нѣкогда городъ Закаспійской области и торговый ея центръ, откуда отправляются караваны въ Хиву. Въ юговосточный уголъ Балханскаго залива впадала когда-то Аму-Дарья (древній Узбой). Русло этой рѣки, на протяженіи слишкомъ 28 верстъ, наполнено соленой водою. Южный берегъ Балханскаго залива составляетъ низменный полуостровъ Дарджа, который къ западу вдается въ море нѣсколькими мысами. Полуостровъ этотъ вообще безплоденъ; растительность на немъ самая скудная; поверхность его покрыта песками и солончаками; съ западной же стороны полуострова, въ него вдается довольно значительный



Т. X. Пробный поѣздъ закаспійской желѣзной дороги.

Михайловскій заливъ нѣсколькими бухтами. Заливъ этотъ усѣянъ малыми островками, песчаными и низменными, извѣстными подъ названіемъ «Обливныхъ Бугровъ». Проливъ между островомъ Челекеномъ и юго-западнымъ берегомъ полуострова Дарджи такъ мелководенъ, что по немъ съ трудомъ могутъ ходить даже небольшія лодки. На полуостровѣ кочуютъ нѣсколько кибитокъ Туркменъ рода Шихо, промышляющихъ добычею нефти и рыболовствомъ. На берегу средней бухты Михайловскаго залива нынѣ находится Михайловское укрѣпленіе, отъ котораго идетъ вновь построенная, военная желѣзная дорога, черезъ степь къ Ахалъ-Текинскому оазису, до туркменскаго поселенія и русскаго военнаго поста Кизилъ-Арвата.

Къ югу отъ Михайловскаго залива, море становится чрезвычайно мелкимъ, тогда какъ въ Михайловскомъ заливѣ и сѣвернѣе, до мыса Тюкъ-Карагана, оно на столько глубоко, что суда какой угодно величины могутъ подходить къ берегу очень близко; здѣсь же они должны сторожно держаться отъ берега болѣе чѣмъ за десять верстъ. Бывшій Хивинскій заливъ, отдѣленный отъ моря узкою, длинною косою того же имени, нынѣ совершенно высохъ и превратился въ солончакъ.

Тюкъ-Караганскій заливъ.

Русскія владѣнія на юго-восточномъ берегу Каспійскаго моря оканчиваются мелководнымъ, почти заросшимъ камышомъ, заливомъ Гассанъ-Кули, въ который вливается рѣка Атрекъ нѣсколькими рукавами. Заливъ этотъ хотя довольно обширенъ, но для судоходства мало пригоденъ и доступенъ только небольшимъ туркменскимъ судамъ. Близъ полуострова Мангишлака находится группа Тюленьихъ островов, изъ которыхъ островъ Кулалы самый обширный. Острова эти замѣчательны тюленьимъ промысломъ, который ежегодно здѣсь производится. Самый большой островъ Каспійскаго моря, — Челекень, лежащій близъ восточнаго берега Михайловскаго залива, отличается богатствомъ соли и особенно нефти. Нефтяные колодцы идутъ отъ юго-запада къ сѣверовостоку. Здѣшніе колодцы не глубоки, отъ четырехъ до десяти саженъ, даютъ въ изобилии черную и бѣлую нефть. Колодцевъ насчитываютъ нынѣ до трехъ тысячъ. На островѣ, кромѣ того, есть нефтяное озерко, съ теплою, сѣрно-соленою водою, на поверхности которой плаваетъ нефть; вокругъ же самаго озера разрабатываются до десяти нефтяныхъ колодцевъ. Кромѣ нефти, на островѣ добываютъ красную и черную краски и соль. Нефти добывается ежегодно до 2,000,000 пудовъ. Прѣсныхъ колодцевъ на островѣ два, почему за водою ѣздятъ на близлежащій островъ Огурчинскій. На Челекенѣ кочуютъ до трехъ-сотъ кибитокъ Туркменъ, занимающихся добычей нефти и проживающихъ въ двухъ аулахъ. Кромѣ нефти и другихъ нефтяныхъ продуктовъ, на островѣ добываютъ также и соль, изъ соляныхъ озеръ на восточномъ берегу острова, и рыбу — близъ его береговъ. Къ югу отъ Челекеня, лежитъ островъ Огурчинскій, до сорока верстъ длины и отъ 200 саженъ до 3 верстъ ширины. На островѣ въ изобиліи находится прѣсная вода въ колодцахъ. Кочующія на островѣ до тридцати кибитокъ Туркменъ занимаются разведеніемъ арбузовъ и дынь, рыболовствомъ и морскимъ промысломъ. Низменный островокъ Ашуръ-Аде, при

входѣ въ Астрабадскій заливъ (южнѣе залива Гассанъ-Кули), замѣчателенъ лишь тѣмъ, что на немъ устроена наша морская станція для военныхъ судовъ.

О рѣкахъ въ Закаспійскомъ краѣ не можетъ быть и рѣчи, за исключеніемъ части, пограничной съ Персіею, гдѣ протекаетъ рѣка Атрекъ съ притоками, названными выше. Въ этой маловодной, пустынной странѣ вода играетъ первенствующую роль, какъ во время передвиженій, такъ и еще болѣе для постоянныхъ поселеній. Поэтому всякій источникъ, всякій колодезь съ прѣсной и даже солоноватой водой, могущей употребляться въ пищу, тщательно поддерживается населеніемъ съ незапамятныхъ временъ. При передвиженіяхъ колодцы составляютъ какъ бы станціи; караваны, путники и отряды двигаются отъ колодца къ колодцу. Но не всегда въ колодцахъ есть вода, или она не годна къ употребленію. Это самое грозное бѣдствіе во время путешествій по этой странѣ.

На Усть-Уртѣ текучихъ водъ нѣтъ; единственными водохранилищами, кромѣ соленыхъ озеръ, служатъ колодцы, какъ и во всей туркменской степи, но и тѣ нерѣдко бываютъ съ горько-соленой водой, глубиною отъ десяти и до двадцати и болѣе саженъ. Въ Текинскомъ же оазисѣ, напротивъ, ключи съ текучей и прѣсной водой встрѣчаются довольно часто. Они придаютъ этому оазису жизнь и служатъ причиной его плодородія и населенности. Ключи вытекаютъ изъ Копетъ-дагскихъ горъ и разводятся арыками на поля и бахчи.

Скала «Монахъ» (недалеко отъ Тюкъ-Карагана).

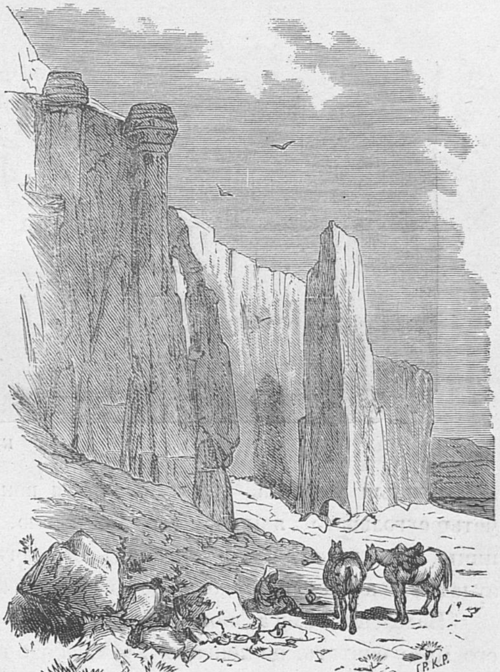
Климатъ Закаспійскаго края чрезвычайно разнообразенъ. Усть-Уртъ на сѣверѣ, Ахалъ-Текинскій оазисъ на юго-востокѣ и Приатрекскій край на югѣ — весьма различны между собою. Но есть и общая черта климата, свойственная всѣмъ мѣстностямъ — чрезмѣрная сухость воздуха и крайняя незначительность атмосферныхъ водяныхъ осадковъ. На Усть-Уртѣ зима бываетъ очень сурова и даже снѣжна; весна кратковременная, съ дождями; лѣто сухое, знойное, изрѣдка сопровождаемое небольшими дождями; осень сухая и жаркая, съ самымъ кратковременнымъ переходомъ къ зимѣ. Въ Ахалъ-Текинскомъ оазисѣ зима умѣренная и кратковременная, снѣгъ лежитъ недолго; зимою и весною идутъ частые дожди; лѣто сухое и знойное; осень теплая и сухая, лишь изрѣдка сопровождается дождями. Зной здѣсь и въ пустынѣ доходитъ до $+50^{\circ}$ Р.; холода же рѣдко достигаютъ -10° Р. Въ пустынѣ нерѣдко бываютъ сильные вѣтры, превращающіеся въ бурю, песчаные или снѣжные бураны. Въ Приатрекскомъ участкѣ, весна бываетъ сырая и дождливая, зима сопровождается дождями, осень сухая, лѣто знойное

Растительность здѣсь, вообще, чрезвычайно скудна. Деревья и кустарники произрастаютъ тамъ, гдѣ есть влага; злаки крайне тощи, и лишь въ нѣкоторыхъ долинахъ, гдѣ есть источники прѣсной воды, имѣются злаки лучшаго качества и растутъ въ изобиліи. По берегамъ рѣкъ Атрека, Сумбара и залива Гассанъ-Кули растутъ густыми зарослями камышъ, тростникъ и осока. Въ Ахалъ-Текинскомъ оазисѣ и другихъ мѣстахъ, гдѣ возможно проведеніе оросительныхъ канавъ (арыковъ), почва даетъ богатые урожаи пшеницы, проса, ячменя, гороху, лю-

церны, бобовъ, табаку и хлопчатника. Въ садахъ произрастаютъ абрикосовыя, персиковыя и тутовыя деревья, виноградъ и другія плодовыя деревья и кустарники. Но тамъ, гдѣ нѣтъ воды, — мертвая пустыня.

Само собою разумѣется, что и осѣдлость возможна лишь въ тѣхъ немногихъ пунктахъ, гдѣ имѣется въ изобиліи прѣсная вода. Въ виду этого, кочевая жизнь здѣсь преобладаетъ надъ осѣдлою. Русскіе осѣдлые пункты здѣсь имѣютъ видъ укрѣпленій или военныхъ постоевъ. Какъ уже было сказано, первое, по времени, русское поселеніе—Александровскій фортъ съ Николаевской при немъ слободкой, на Тюкъ-Караганѣ, устроенное для защиты нашихъ рыбаковъ отъ набѣговъ Туркменъ и Киргизовъ. Оно состоитъ изъ стѣнъ и бастіоновъ, построенныхъ изъ камня и вооруженныхъ небольшими орудіями. Здѣсь есть каменная церковь, комендантскій домъ, казармы, небольшой садъ и кое-какія другія строенія. Проживающіе здѣсь Армяне ведутъ торгъ съ Киргизами и Туркменами, а также и съ наѣзжающими сюда рыбопромышленниками. Населеніе укрѣпленія простирается до 300 душъ обоего пола.

Красноводскъ, представляющій собою городъ съ укрѣпленіемъ, до послѣдняго времени былъ главнымъ городомъ Закаспійскаго края; нынѣ онъ только станція каспійскаго пароходства и пунктъ отправленія каравановъ въ Хиву. Въ Красноводскѣ до сотни домовъ, церковь, гостиный дворъ и до 500 человѣкъ жителей. Аулъ и фортъ Чикишляръ близъ залива Гассанъ-Кули — пунктъ отправки двукратной экспедиціи противъ Текинцевъ. Пристань въ Чикишлярѣ крайне неудобна, суда должны бываютъ останавливаться въ четырехъ верстахъ отъ берега по причинѣ мелководья. Но какъ пограничный пунктъ, онъ имѣетъ стратегическое значеніе, равно какъ и морская станція Ашуръ-Аде на близлежащемъ островѣ, при входѣ въ Астрабадскій заливъ.

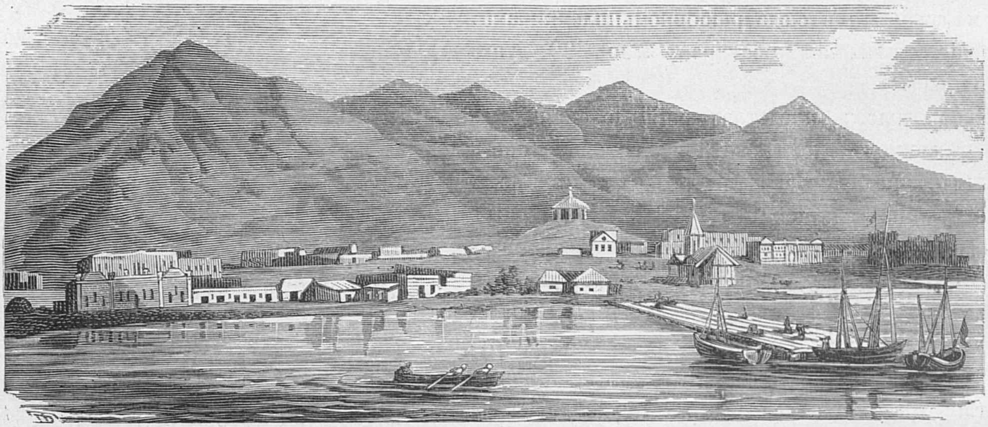


Чиръ-Кала.

Текинскій оазисъ — лучшая, плодороднѣйшая и населеннѣйшая часть Закаспійскаго края. Отъ крайняго сѣвернаго аула — укрѣпленія Кизилъ-Арвата, нынѣ конечнаго пункта закаспійской желѣзной дороги, вдоль сѣверо-восточнаго склона Копетъ-дага, на протяженіи трехъ-сотъ верстъ, до аула Гяурса, послѣдняго населеннаго пункта, занятаго русскимъ отрядомъ, тянутся непрерывной почти цѣпью, отъ десяти до тридцати и лишь въ одномъ мѣстѣ до шестидесяти верстъ въ ширину, текинскіе поселенія и аулы, орошенные тридцатью пятью ручьями, рѣчками и проведенными изъ нихъ каналами, теряющимися затѣмъ въ пескахъ пустыни. Это и есть Ахалъ-Текинскій оазисъ. Почва оазиса песчано-глинистая, мѣстами песчаная, на границѣ же съ пустыней переходитъ въ солончаковую. Не смотря на это, вслѣдствіе обильнаго орошенія, здѣшняя почва даетъ богатые урожаи. Пшеница, сорго, арбузы и дыни—главныя произрастенія здѣшнихъ полей. Въ садахъ обиліе разнообразныхъ фруктовыхъ деревьевъ и винограда. Населеніе разумно воспользовалось величайшимъ даромъ природы — водой, и система орошенія садовъ и полей, доведенная здѣсь до большой степени совершенства, производится весьма правильно. Поля и сады окружены канавками, соединенными съ главнымъ арыкомъ или ручьемъ, откуда получается вода. Обращается самое заботливое вниманіе, чтобы орошеніе полей производилось

равномѣрно и всякое поле получало необходимое количество воды. Аулы строятся при ручьяхъ или арыкахъ, и тамъ, гдѣ нѣтъ орошенія, оазисъ обращается въ выжженную солнцемъ пустыню, которая оживаетъ нѣсколько только во время дождей.

Устройство ауловъ вездѣ одинаково. Обыкновенно посрединѣ возвышается глинобитное укрѣпленіе, обнесенное двумя стѣнами, изъ коихъ внутренняя на сажень выше наружной. Обѣ эти стѣни имѣютъ извнутри широкіе банкеты, а впереди наружной стѣны выведенъ неглубокій ровъ, до сажени глубины. Въ укрѣпленномъ аулѣ имѣются всего однѣ ворота, довольно узкія, и нѣсколько калитокъ. Укрѣпленія эти большею частью четыреугольныя, но встрѣчаются и шестиугольныя, съ бойницами по угламъ, и круглыя, безъ бойницъ или съ бойницами. Вокругъ укрѣпленія, а также и внутри его, раскинуты глиняныя мазанки и кибитки. У богатыхъ имѣется по нѣскольку кибитокъ, изъ коихъ одна всегда назначается для пріема гостей.



Красноводскъ.

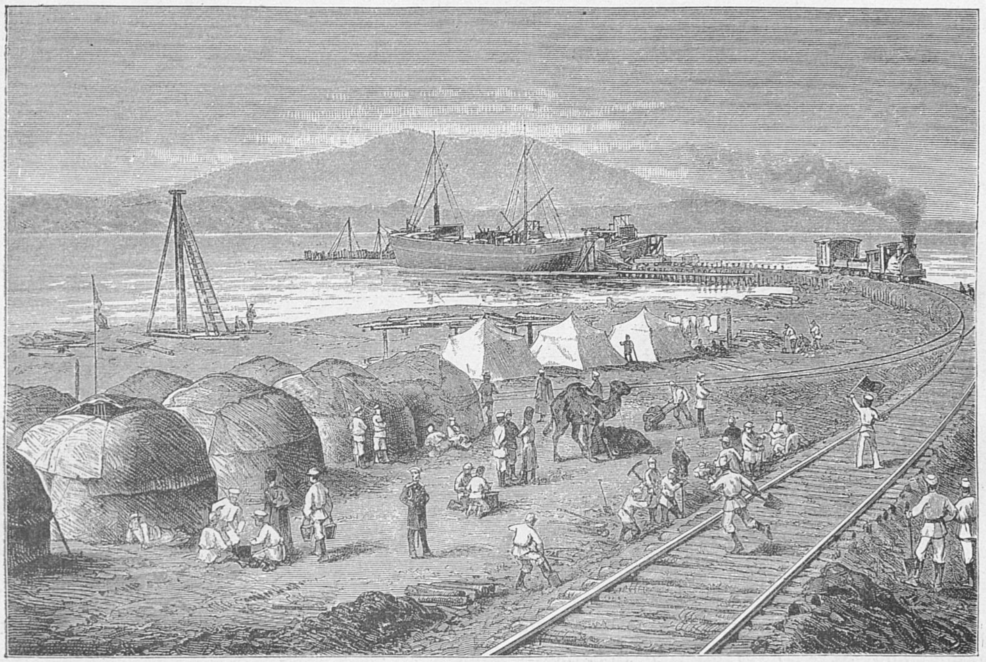
Постоянныя жилища, группирующіяся вокругъ цитадели, невзрачны. Это — подобіе глинянаго четыреугольнаго ящика, съ низенькою, узкою дверью и окнами, напоминающими бойницы. Въ нѣкоторыхъ важныхъ стратегическихъ пунктахъ, по сосѣдству съ укрѣпленными аулами, выстраиваются еще добавочныя укрѣпленія или ко́лы.

Населеніе оазиса, послѣ Скобелевскаго разгрома, значительно уменьшилось; но все же его надо считать, по меньшей мѣрѣ, около ста тысячъ душъ. Главными населенными пунктами служатъ: бывшій укрѣпленный аулъ, нынѣ городъ Асхабадъ, на юго-восточномъ концѣ оазиса, въ шестидесяти шести верстахъ отъ границы съ Персіей, центръ русскаго военнаго управленія краемъ. Здѣсь въ настоящее время устроена крѣпость съ гарнизономъ и базаръ. Въ Асхабадѣ до двѣнадцати тысячъ жителей обоего пола, считая въ томъ числѣ и гарнизонъ. Въ десяти верстахъ отъ Асхабада лежитъ аулъ Аннау, вокругъ котораго находятся развалины древняго города; отъ него осталась лишь мечеть, да и та въ полуразрушенномъ видѣ, покрытая нѣкогда снаружи глазурными изразцами, украшенными арабесками, свидѣтельствующими о высокой культурѣ прежнихъ обитателей. У нынѣшнихъ Текинцевъ мечетей не существуетъ. Въ двадцати верстахъ отъ Аннау находится фортъ Гяурсъ, послѣдній русскій военный постъ и небольшой текинскій аулъ.

Знаменитый укрѣпленный аулъ Геокъ-Тепе, имѣвшій до разгрома, съ окрестными аулами, до 35,000 жителей, нынѣ сильно опустѣлъ. Въ бывшемъ аулѣ Дурунъ, на дорогѣ изъ Геокъ-Тепе къ Кизилъ-Арвату, близъ Арвасскаго прохода, въ верховьяхъ рѣки Сумбара, находится Оренбургское укрѣпленіе; далѣе къ сѣверо-западу, близъ аула Арчманъ, — Полтавское укрѣпленіе. Въ аулѣ Беурма, лежащемъ на дорогѣ къ Кизилъ-Арвату, находится до тысячи ки-

битокъ или до пяти тысячъ жителей обоего пола. Въ шестидесяти верстахъ отъ Беурмы, на границѣ оазиса, находится укрѣпленный аулъ Кизилъ-Арватъ съ пятью стами кибитокъ или 2,000 жителей, гдѣ находится нынѣ русскій военный постъ и — какъ было уже замѣчено выше — конечная станція закаспійской желѣзной дороги.

Туркмены заняли здѣшній край около двухъ сотъ лѣтъ тому назадъ. Они принадлежатъ по происхожденію своему къ семейству нѣкогда грозныхъ Сельджукскихъ Турокъ. Нѣкоторые не безъ основанія называютъ ихъ «Турками попреимуществу». Не смотря на то, что



Устройство желѣзной дороги (лагерь у Михайловскаго поста).

они распадаются на различные отрасли, роды и подъ-отдѣленія, нерѣдко враждебные другъ другу, они, защищенные песчаными, трудно проходимыми пустынями отъ своихъ недруговъ, сохранили чистоту первоначальнаго типа лучше другихъ тюркскихъ племенъ; между тѣмъ у Киргизовъ и Каракалпаковъ, вслѣдствіе нашествія Монголовъ, не мало произошло измѣненій какъ въ типѣ, такъ и въ обычаяхъ. Языкъ Туркменъ настолько сохранилъ свою первоначальную чистоту, что даже нынѣшній анатолійскій Османлы можетъ понять и быть понятымъ Гокланами и Іомудами больше, чѣмъ сосѣдній съ нимъ асарбейджанскій Татаринъ.

Туркмены, какъ уже сказано, распадаются на нѣсколько племенъ, родовъ и подъ-отдѣленій. Не касаясь проживающихъ въ Мервѣ, Бухарѣ, Хивѣ и Персіи, скажемъ только о тѣхъ, которые живутъ теперь въ принадлежащемъ намъ Закаспійскомъ краѣ или приходятъ туда на лѣтнія кочевки. Главныя теркменскія племена: Текинцы, Гокланы, Іомуды и Огурджалинцы, большею частью (за исключеніемъ вторыхъ) кочуютъ въ нашихъ предѣлахъ. На обоихъ берегахъ рѣки Атрека кочуетъ іомудское племя Кара-Чуга, раздѣляющееся на два подъ-отдѣла: Джафарбаевъ, до сорока тысячъ душъ обоего пола, или восемь тысячъ кибитокъ, и Акъ-Атабаевъ, до тридцати пяти тысячъ душъ, или семь тысячъ кибитокъ, раздѣляющихся снова на роды и подъ-отдѣлы. Туркмены эти кочуютъ у насъ большею частью лѣтомъ. Хотя они и имѣютъ нѣсколько постоянныхъ ауловъ на нашемъ прибрежьѣ, но главное мѣстопребываніе ихъ на-

ходится между рѣками Атрекомъ и Гюргенемъ. По роду жизни они дѣлятся на осѣдлыхъ и кочевыхъ, причемъ нерѣдко осѣдлый вновь дѣлается кочевникомъ и наоборотъ.

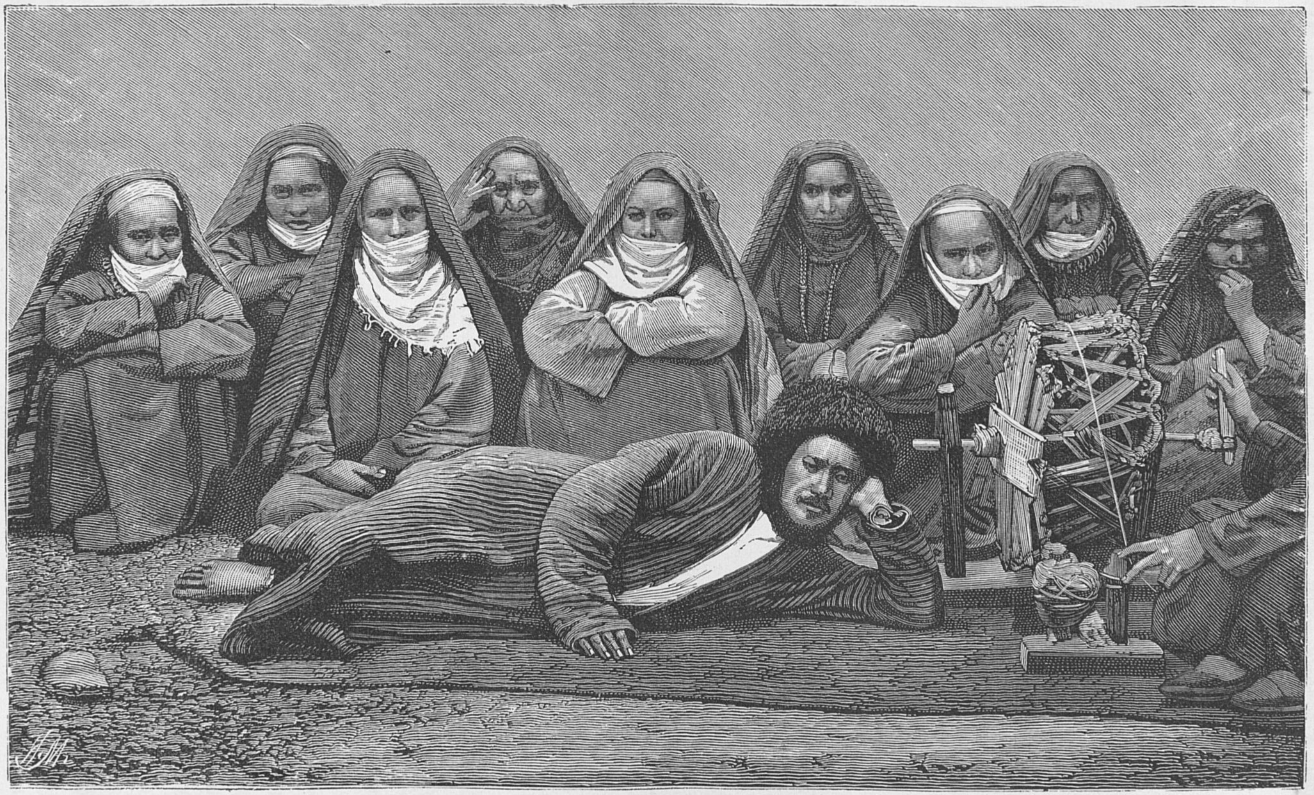
Какъ только наступитъ конецъ февраля, — оба іомудскіе рода, перекочевавъ за рѣку Атрекъ, распространяются отъ нея къ сѣверу и сѣверо-западу. Джафарбаи слѣдуютъ линіей колодцевъ, по морскому прибрежью, до бывшаго Хивинскаго залива, а Акъ-Атабаи распространяются по направленію къ рѣкѣ Сумбару и по долинѣ этой рѣки. Въ старые годы племена эти враждовали между собою, но общая опасность отъ набѣговъ Текинцевъ примирила ихъ, и нынѣ случается такъ, что представители того и другаго рода живутъ въ одномъ и томъ же аулѣ. Осѣдлые Джафарбаи живутъ преимущественно на русской территоріи; осѣдлые же Акъ-Атабаи — на персидской. У первыхъ имѣются значительные и густо населенные аулы, какъ, напримѣръ, Чикиш-

Островъ Кулалы.

ляръ, Гассанъ-Кули и другіе. Изъ восьми тысячъ кибитокъ Джафарбаевъ, до трехъ тысячъ съ половиною считаются осѣдлыми, остальные — кочевники; изъ Акъ-Атабаевъ же, осѣдлыхъ всего двѣ съ половиною тысячи кибитокъ. Хотя послѣдніе живутъ на персидской территоріи, но не признаютъ себя подданными шаха, а, напротивъ, склоняются скорѣе къ русской власти, которую достаточно уже научились уважать. Въ недавнее еще время Джафарбаи занимались разбоями и ловлею людей для перепродажи на средне-азіатскіе рынки; нынѣ, съ основаніемъ военныхъ постовъ въ Чикишлярѣ, Красноводскѣ и Читѣ, особенно же послѣ разгрома Текинцевъ, страна умиротворилась, и разбои прекратились.

Къ сѣверу отъ Джафарбаевъ, до полуострова Мангишлака и на островахъ Челекенѣ и Огурчинскомъ, кочуютъ роды Огурджалинцевъ, Шиховжировъ и другихъ помѣсей туркменской народности. Огурджалинцы представляютъ собою какъ бы сбродъ туркменскаго племени. Ихъ считается около тысячи кибитокъ; они принимаются въ Джафарбаевскій родъ, причемъ вновь поступающій обязанъ выбрать себѣ патрона изъ Іомудовъ, которому онъ платитъ за патронатъ небольшую дань. Живущіе на островахъ и на побережьѣ Каспійскаго моря занимаются рыболовствомъ, а на островѣ Челекенѣ, кромѣ того, добываютъ нефть и соль. Между Огурджалинцами встрѣчаются очень зажиточные и даже богатые люди, пріобрѣвшіе состояніе нефтяной промышленностью и торговлей.

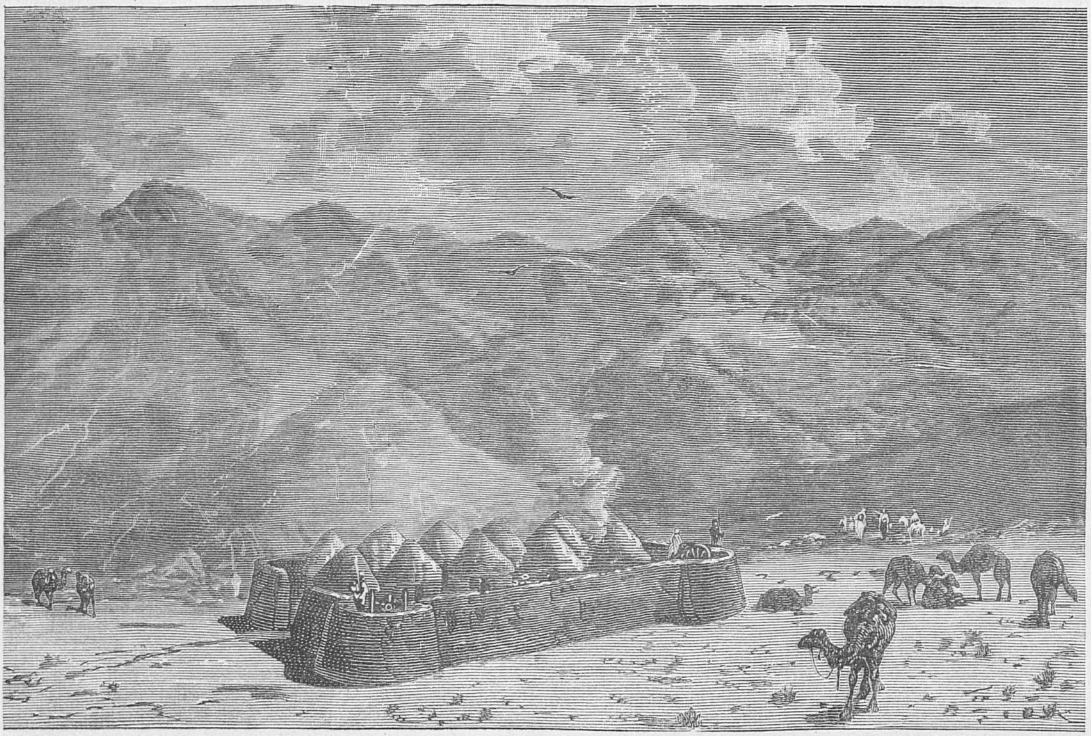
Между Огурджалинцами и Іомудами, кромѣ того, находится еще особый, по своему соціальному положенію, слой населенія, такъ называемые «куль», рожденные отъ невольницъ. Они не вполнѣ пользуются правами туркменскаго народа, а только нѣкоторыми изъ нихъ. Такъ напримѣръ, они не могутъ наслѣдовать своему отцу болѣе какъ въ половинѣ его имущества.



T. X. Женскіе типы Текинскихъ Туркменъ

Шиховжиры или Шихо — Текинцы по происхожденію; они отдѣлились отъ главнаго племени въ отдаленныя времена. Они обитаютъ, въ количествѣ 400 кибитокъ, между Карабугазскимъ и Балханскимъ заливами, занимаются добычей соли изъ соляныхъ озеръ и рыболовствомъ.

Кочующіе на полуостровѣ Мангишлакѣ (между Карабугазскимъ заливомъ и Александров-



Кизилъ-Арватъ.

скимъ укрѣпленіемъ) Туркмены составляютъ помѣси разныхъ туркменскихъ племенъ, за исключеніемъ Игдырскаго рода, который чисто-іомудскаго происхожденія.

Осѣдлые Туркмены занимаются земледѣліемъ, скотоводствомъ и рыболовствомъ. Земледѣліе даетъ имъ пшеницу, ячмень, маисъ, рисъ, просо, джугару или сорго, дыни и арбузы, которые растутъ на бахчахъ или огородахъ въ полѣ. При обильномъ орошеніи жатвы бываютъ богатыя; въ хорошій годъ получается самъ-20 и даже самъ 30-зерна, въ худой годъ неменѣе самъ -5. Воздѣлываніе сорго — наивыгоднѣйшее занятіе, потому что сорго даетъ урожай *самъ — 200* и болѣе. Рыболовство производится, главнымъ образомъ, при устьѣ рѣки Атрека, въ заливѣ Гассанъ-Кули, гдѣ аулъ этого же имени служитъ центромъ рыболовства. Сотни лодокъ снуютъ по заливу или стоятъ у пристани этого обширнаго аула, имѣющаго около 1,500 кибитокъ населенія, а на болѣе глубокой водѣ колышатся десятки мачтовыхъ судовъ, принадлежащихъ армянскимъ торговцамъ, обыкновенно скупающимъ здѣсь рыбу или вымѣнивающимъ ее на различные необходимые Туркменамъ товары. Противъ каждой почти кибитки или деревянной, на высокихъ сваяхъ построенной, хижины, разложены и развѣшаны сѣти и другія орудія рыболовства.

Изъ рыбъ ловятся здѣсь преимущественно сомы, достигающіе нерѣдко громадной величины (3-хъ саженъ), осетры, карпы и другія пород. Продукты рыболовства — икра, вязига, ры-

бій клей и сомовій пузырь также составляютъ предметъ торга. Всякое рыболовное судно приноситъ до 50 руб. въ годъ чистаго дохода, а судно, занимающееся перевозкою товаровъ въ Персію — отъ 80 до 120 рублей въ годъ. Нефтяной и соляной промыслы составляютъ важный, а для нѣкоторыхъ туркменскихъ племенъ, не занимающихся земледѣліемъ, и главный родъ промышленности. Соль добывается изъ соляныхъ озеръ и солончаковъ, какъ на Мангишлакѣ, такъ равно по Узбою и въ пустынѣ, и изъ залежей каменной соли, находящихся на урочищѣ Кахъ-Пуляръ, гдѣ подъ незначительнымъ поверхностнымъ слоемъ земли залегаетъ

Денгли-Тепе (ближайшій аулъ къ Геокъ-Тепе) послѣ занятія его Русскими.

пластъ соли до полуторы сажени въ толщину. Соль не только добывается для мѣстнаго потребленія, но вывозится отчасти въ Персію и въ Закавказье.

Нефть встрѣчается по всему Закаспійскому краю, островъ же Челекень представляетъ собою колоссальный резервуаръ нефти. Въ настоящее время на Челекенѣ число нефтяныхъ колодцевъ дошло уже до 3,000, а здѣшняя нефть, говорятъ, добротнѣе бакинской. Изъ частныхъ обществъ, фирма братьевъ Нобель имѣетъ на островѣ до 10 колодцевъ и разрабатываетъ нефть раціональнымъ образомъ; мѣстные же жители производятъ разработку по-прежнему, ручнымъ способомъ. Одинъ изъ колодцевъ фирмы Нобель выбрасываетъ фонтанъ нефти до 10 саженъ высоты и даетъ въ сутки до 10,000 ведеръ нефти. Нефтью отапливаются локомотивы желѣзной дороги Закаспійскаго края.

Нынѣ открыты около Узбоя залежи такъ называемаго горнаго воска. Что же касается разработки каменнаго угля на Мангишлакѣ, въ Кара-Тау и сѣры близъ Карабугазскаго залива, то дѣло это ждетъ еще капиталистовъ, такъ какъ мѣстными средствами, по недостатку капиталовъ и знанія, разработка немыслима.

Туркменское племя Гоклановъ живетъ между рѣками Атрекомъ и Гюргенемъ, на персид-

Т. X. Туркменъ Тепке Коракчи (хищникъ).

ской территоріи, а также и въ Хивинскомъ ханствѣ. Всѣхъ Гоклановъ считается не болѣе 4,000 кибитокъ или до 20,000 человѣкъ.

Текинское племя — самое могущественное, многочисленное и храброе изъ всѣхъ туркменскихъ племенъ. Оно было вѣчною грозою Персіи и Герата; изъ-за ихъ набѣговъ страны эти пустѣли, земледѣліе и торговля въ нихъ падали. Туркмены Теке держали въ страхѣ всю сѣверовосточную часть Персидскаго государства. Племя Теке дѣлится на два большихъ отдѣла, называемыхъ, по мѣсту ихъ нахожденія: Ахалъ-Текинцы — въ количествѣ 40,000 кибитокъ, или 200,000 душъ обоего пола, и Мервскіе Текинцы — въ количествѣ 48,000 кибитокъ, или около 240,000 душъ обоего пола. Кромѣ того, оба эти отдѣла подраздѣляются, въ свою очередь, на Тохтамышей и Утамышей, которые, въ свою очередь, опять подраздѣляются. Ахалъ-Теке, какъ уже было сказано выше, населяютъ самый оазисъ у подножія Копетъ-дага и частью внутри этого хребта. Населеніе это распредѣляется не вездѣ равномѣрно, что зависитъ отъ количества воды въ рѣчкахъ и ключахъ. Такъ, напримѣръ, на ключѣ Гэсбаши, при выходѣ его изъ горъ, расположенъ аулъ Бачиръ въ 200 кибитокъ; ниже этого аула, обильный водою Гэсбаши даетъ воду пяти арыкамъ. На одномъ изъ нихъ стоятъ аулъ Карри-Кала въ 700 дворовъ и аулъ Мирава въ 150 дворовъ; на другомъ арыкѣ расположенъ аулъ Кипчакъ въ 600 дворовъ; на третьемъ — аулъ Гэктамъ въ 700 кибитокъ; на четвертомъ — аулъ Гэпи въ 1,000 кибитокъ и на пятомъ — городъ Асхабадъ, или вѣрнѣе — восемь рядомъ расположенныхъ ауловъ, въ 2,000 кибитокъ, или 10,000 жителей. Всего на ручьѣ Гэсбаши расположено до 5,350 кибитокъ или до 27,000 душъ обоего пола. На ручьѣ Которъ лежатъ два поселенія, каждое въ 1,000 кибитокъ, или по 5,000 душъ обоего пола.

Туркменъ-батырь во время аттаки.

Мулла-проповѣдникъ.

По низовьямъ другихъ рѣчекъ и проведенныхъ отъ нихъ арыковъ лежитъ множество ауловъ, въ томъ числѣ знаменитый Геокъ-Тепе. Говорятъ, что въ этой мѣстности сосредоточено было, до войны съ Русскими, около 16 тыс. кибитокъ, или до 80,000 душъ обоего пола. Въ прежніе годы, когда на Копетъ-дагѣ не были такъ ужасно истреблены лѣса, — ручьи и рѣчки были многоводнѣе нынѣшнихъ и могли пропитывать бо̀льшую массу населенія, чѣмъ нынѣ.

Текинское племя, нуждаясь, вслѣдствіе малоземелья, въ иныхъ средствахъ пропитанія, жило на счетъ своихъ сосѣдей и занималось грабежемъ и разбоемъ. Но воровство и грабежъ своихъ же сородичей очень строго наказывались. Какъ между другими Туркменами, такъ и между Текинцами, имѣются осѣдлые и кочевые. Съ наступленіемъ лѣта, кочевники покидаютъ свои аулы и уходятъ на пастбище, уводя туда и свои стада; вся трава въ оазисѣ въ это время высыхаетъ и выгораетъ. Осенью же, съ наступленіемъ дождей, весь оазисъ снова покрывается травой, и кочевники возвращаются въ свои аулы. Идеаломъ Текинца были кочеванье и баранта или набѣгъ на сосѣднюю Персію, причемъ совершались неслыханныя жестокости. Если же почему-либо нельзя было совершить набѣга на персидскія земли, — набѣгъ совершался на земли Іомудовъ и Гоклановъ, или на другія не текинскія племена Туркменъ и на хивинскія владѣнія. «На конѣ Туркменъ не знаетъ ни отца, ни матери, ни роду, ни племени», — говоритъ мѣстная поговорка. Быстроногіе кони уносятъ барантачей за сотни верстъ отъ ихъ жилья на охоту за невольниками и прочимъ добромъ, въ предѣлы ничего не ожидающихъ сосѣднихъ обитателей. Выносливость текинскихъ всадниковъ и ихъ лошадей поразительна. Пробыть сутки и даже болѣе безъ воды — для

Туркмена не считается чѣмъ-либо особеннымъ; лошадь способна пробѣжать до 150 верстъ въ сутки. Вотъ почему въ рѣдкихъ случаяхъ удается накрыть хищниковъ и учинить надъ ними расправу.

Туркмены — магометане, но далеко не фанатики. У нихъ нѣтъ ни мечетей, ни минаретовъ. Моленье производится на открытомъ воздухѣ, на какомъ-нибудь избранномъ для того около аула мѣстѣ. Они суннитскаго толка; но это нисколько не мѣшаетъ имъ грабить какъ шіитовъ, такъ и суннитовъ. Правленіе у Текинцевъ имѣло форму народоправства. Ни общаго для всѣхъ племенъ хана, ни наслѣдственной аристократіи не имѣлось. Каждый аулъ или нѣсколько ауловъ одного рода избирали наиболѣе почетнаго и славящагося умомъ и храбростью соотчича ханомъ, которому платилось опредѣленное жалованье. Вліяніе его было очень не велико. Только во время похода или набѣга хану подчинялись безусловно, въ остальное же время онъ былъ лишь старшимъ совѣтникомъ своихъ избирателей. Если почему-либо ханъ терялъ довѣріе и уваженіе избирателей, — немедленно лишался власти. Въ виду общей опасности, въ ханы выбиралось наиболѣе выдающееся лицо всѣми аулами цѣлаго оазиса. Такъ, во время войны съ Русскими, ханомъ былъ выбранъ всѣми уважаемый за мужество и толковитость Текинецъ, Нерръ-Верди-ханъ. И дѣйствительно, онъ доказалъ это на дѣлѣ — отбитіемъ штурма Ломакина на Геокъ-Тепе и мужественной его защитой во время осады Скобелевымъ.

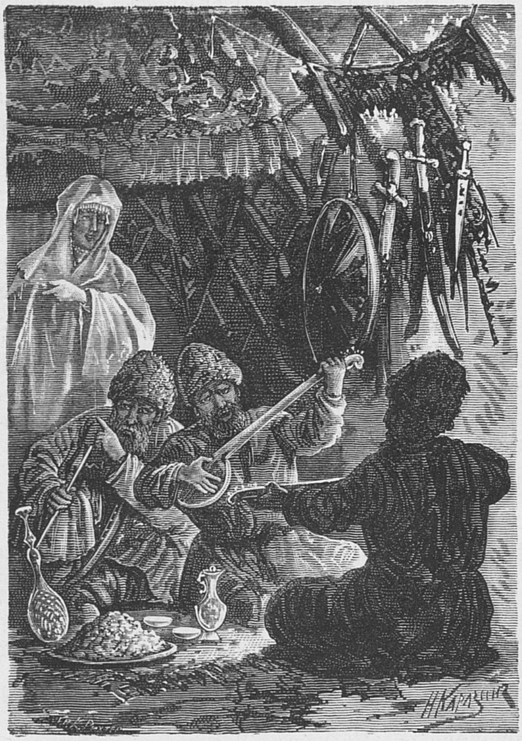
У хановъ имѣлись совѣтники изъ наиболѣе уважаемыхъ сердарей и батырей, но всѣ важнѣйшія дѣла рѣшались и рѣшаются общею сходкою. Дѣла же, касающіяся всего племени, какъ у Ахалъ-Текинцевъ, такъ и у Мервцевъ, рѣшаются съѣздами хановъ, муллъ и представителей отъ всѣхъ ауловъ. Въ послѣднее время, такіе общіе съѣзды происходили ежегодно. Текинцы не платили никакихъ повинностей, каждый изъ нихъ былъ вполнѣ самостоятеленъ. Обычное право — ихъ законъ. Нарушители его считаются самыми крупными преступниками. Распоряженія хановъ должны строго совпадать съ обычнымъ правомъ; всякое распоряженіе, несогласное съ этимъ правомъ, считается необязательнымъ. На основаніи этого права происходитъ и судъ надъ нарушителями общаго спокойствія. Кары закона ограничиваются денежной или имущественной пеней. Въ случаяхъ тяжкихъ преступленій, пеня достигаетъ довольно крупныхъ размѣровъ. За убійство цѣнность пени достигаетъ до 2,000 рублей. Сумма эта уплачивается родичамъ убитаго. Если убійца не имѣетъ чѣмъ заплатить пеню, то весь аулъ, гдѣ проживалъ убійца, обязанъ участвовать въ платежѣ пени. Убійства между Текинцами чрезвычайно рѣдки, также какъ и грабежи, за которые укравшій, обыкновенно, изгоняется изъ своего рода.

Текинская женщина — не раба своего мужа, какъ въ другихъ частяхъ мусульманской Азіи, а полноправная гражданка, имѣющая наравнѣ съ мужемъ гражданскія и политическія права. Она не скрываетъ своего лица покрываломъ (чадрой); вліяніе ея не только въ семьѣ, но и на общественныя дѣла немаловажно; мнѣніе ея выслушивается наравнѣ съ другими. Въ этомъ отношеніи Туркмены далеко ушли впередъ, сравнительно со всѣми народами Азіи и даже Европы. Этимъ они обязаны своеобразному политическому и соціальному устройству, имѣющему полное сходство съ республиканскими учрежденіями.

Но рядомъ съ этимъ у Туркменъ существовало рабство, образовавшееся изъ захвата въ плѣнъ людей во время набѣговъ. Плѣнники и рабы подвергались жестокому обращенію; ихъ жизнь была въ рукахъ ихъ владѣльца; за малѣйшій проступокъ и даже по капризу, рабъ подвергался жестокимъ истязаніямъ, даже лишенію жизни. Содержались рабы не лучше собакъ. На ночь ихъ заковывали въ тяжелыя цѣпи или привязывали за ноги къ тяжелымъ чурбанамъ, чтобы они не ушли. Впрочемъ, съ плѣнными единоплеменниками Туркмены обходились гуманнѣе, чѣмъ съ Персіанами и Русскими. Съ разгромомъ въ 1873 году Хивы и съ прекращеніемъ Русскими рабства въ этомъ и Бухарскомъ ханствахъ, Текинцы потеряли охоту брать въ плѣнъ рабовъ. Положеніе рабынь было не лучше, чѣмъ рабовъ; онѣ находились въ полномъ распоря-

женіи своей госпожи, которая могла сколько угодно мучить ихъ непосильною работою и награждать побоями. Положеніе рабыни не улучшалось, если она становилась матерью ребенка отъ мужа своей госпожи. Какъ ребенокъ, такъ и она сама оставались въ положеніи рабовъ.

Торговля у Текинцевъ очень мало развита, хотя они и производятъ ее съ Мервомъ, Персіей и Хивой. Вывозятся изъ оазиса ковры, лошади и отчасти холодное оружіе. Ввозъ состоитъ изъ пороха, свинца, огнестрѣльнаго оружія, бумажныхъ и шелковыхъ тканей и другихъ произведеній. Торговля ведется на принципахъ честности и прямодушія, безъ обмана и обмѣриванія. Производство Текинцевъ заключается въ ручной обработкѣ верблюжьей и другой шерсти. Текинскія женщины мастерски выдѣлываютъ бархатные и нитяные ковры и другія ткани, славящіяся своей прочностью и изяществомъ рисунка; онѣ же ткутъ также грубыя сукна, низкаго сорта бумажныя и шелковыя матеріи и вышиваютъ ткани шелками и золотомъ. Мужчины выдѣлываютъ довольно искусно кинжалы и шашки. Текинскіе оружейники недурно справляются также и съ выдѣлкою ружей.



Туркменскіе музыканты.

ипъ Текинцевъ своеобразенъ. Они не только не безобразны, но между ними встрѣчается не мало красивыхъ, статныхъ. Смѣшиваясь очень часто съ Иранскимъ племенемъ, они, въ продолженіе нѣсколькихъ вѣковъ, образовали помѣсь персидскаго типа. Текинцы высокаго роста, хорошо сложены, смуглы и черноволосы. Женщины высокаго роста, хорошо сложены и съ хорошо развитыми формами; онѣ не отличаются особенною красотою, но встрѣчаются иногда и красавицы, особенно въ молодости; старухи, вообще, довольно безобразны.

Костюмъ туркменскій одинаковъ у всѣхъ племенъ. Мужской костюмъ состоитъ изъ шерстянаго, бумажнаго, а въ парадныхъ случаяхъ и парчеваго или шелковаго халата, съ широкимъ кожанымъ или матерчатымъ кушакомъ, за который засовывается оружіе — кинжалъ или пистолеты. Шаровары — синяго цвѣта, полотняные или изъ бумажной матеріи. Обувь — кожаныя, остроконечныя туфли, надѣваемыя на босую ногу. Бритая голова покрывается ермолкой, расшитой шелками или серебромъ и золотомъ, поверхъ которой надѣвается черный бараній папахъ. Женщины одѣваются въ платье безъ таліи, съ кушакомъ, голову повязываютъ платкомъ. Въ торжественные дни и, вообще, когда требуется нарядный костюмъ, онѣ надѣваютъ внакидку шелковый халатъ желтаго цвѣта. На шеѣ носятъ ожерелья, въ ушахъ — серьги. Зажиточныя Текинки носятъ рубашки, короткія юпки, одѣтыя поверхъ широкихъ, стянутыхъ внизу шароваръ, шелковый или суконный бешметъ, спереди не застегивающійся; на головѣ бѣлый, шелковый тюрбанъ; на рукахъ и ногахъ толстые серебряные браслеты.

Пищу Текинцевъ и Туркменъ вообще составляютъ: рыба, баранина, верблюжій и овечій сыръ, масло и хлѣбъ изъ пшеничной муки, арбузы, дыни и крупа изъ джугары. Шашлыкъ и пловъ — самыя любимыя ихъ блюда. Фрукты разнаго рода составляютъ необходимое подспорье, такъ же какъ

чай, кофе или напитокъ, состоящій изъ верблюжьяго молока, разведеннаго водою. Вино же они никогда не употребляютъ. Охотники до табаку, Туркмены курятъ его изъ кальяновъ и трубокъ. Свободное отъ занятій время Туркмены проводятъ въ разговорѣ съ сосѣдями, слушаютъ разсказы о своихъ батыряхъ или сказки, занимаются пѣніемъ подъ акомпанементъ дудки или двухструнной балалайки и охотятся. Туркмены — многоженцы; но много женъ могутъ имѣть только богатые или зажиточные, такъ какъ пріобрѣтеніе жены не дешево обходится. Цѣна невѣстамъ зависитъ отъ ихъ положенія, а также отъ красоты и молодости. Самыя дорогія бываютъ въ возрастѣ отъ четырнадцати до двадцати двухъ лѣтъ. Въ этомъ періодѣ дѣвушки цѣнятся отъ четырехъ сотъ до шести сотъ и болѣе рублей. За тридцатилѣтнюю дѣвицу платятъ отъ 100 до 150 рублей. Уплата денегъ родителямъ производится по уговору, частями. По совершеніи рядной, устраивается угощеніе для друзей и родственниковъ, и, по прочтеніи муллою брачной молитвы, бракъ считается состоявшимся. Новобрачную отводятъ къ жениху, у котораго она остается десять дней. Затѣмъ являются женины родственники и уводятъ молодую обратно къ родителямъ. Она возвращается къ мужу лишь по уплатѣ договорнаго калыма. Въ случаѣ же неуплаты, мужъ обязанъ дать разводъ своей женѣ; все, что онъ за нее уплатилъ, остается въ пользу новобрачной. Разводъ дается обыкновенно мужемъ и совершается безпрепятственно. Вообще, на согласіе или несогласіе дѣвушки выдти замужъ родители не обращаютъ вниманія, а отдаютъ ее тому, кто болѣе заплатитъ калыма, т. е. за кого сами пожелаютъ ее выдать. Богатство Туркмена заключается въ его садахъ и пашнѣ, стадахъ барановъ, верблюдовъ и лошадей. Лошади чрезвычайно красивы; онѣ напоминаютъ англійскихъ скакуновъ, чрезвычайно выносливы и неприхотливы; главной ихъ пищей служитъ саманъ — мелко изрубленная солома. У богатыхъ имѣются стада въ нѣсколько сотъ головъ верблюдовъ и лошадей и въ нѣсколько тысячъ барановъ.

Туркмены хоронятъ умершихъ на кладбищахъ, вдали отъ аула, въ пустынѣ. Могилу роютъ глубокую; покойника покрываютъ досками и сверхъ досокъ насыпаютъ землю, образуя небольшой курганъ, поверхъ котораго ставятъ камни съ высѣченными надписями, или шесты съ тряпками и глиняные кувшины. Но павшіе при защитѣ своего роднаго аула, почитающіеся святыми, хоронятся на томъ мѣстѣ, гдѣ они пали; могилы ихъ украшаются на общій счетъ.

Всѣ Туркмены, особенно же Текинцы, отличаются храбростью и полнѣйшимъ презрѣніемъ къ смерти. Они смѣло идутъ въ бой, не жалѣя себя, и, въ то же время, не имѣютъ никакой жалости къ своему врагу. Отличительная черта характера Туркмена — подозрительность, недовѣрчивость и осторожность, особенно же къ тѣмъ людямъ, которыхъ онъ мало знаетъ. Съ людьми, ему извѣстными, онъ довѣрчивъ и прямодушенъ. Ложь и нарушеніе даннаго слова считаются великимъ преступленіемъ. Имущество оставляется въ аулѣ безъ всякаго присмотра, въ увѣренности, что оно будетъ въ цѣлости и сохранности во время отсутствія хозяевъ. Туркмены и особенно Текинцы горячо любятъ свою родину и готовы защищать ее до послѣдней капли крови, что они и доказали при Геокъ-Тепе, гдѣ Русскіе потеряли больше, чѣмъ, вообще, за все время завоеваній въ Средней Азіи.

Туркмены — народъ довольно способный, предпріимчивый. Насколько Туркменъ жестокъ къ своимъ врагамъ и рабамъ, настолько же нѣженъ и сострадателенъ къ домашнимъ животнымъ. Рука его не подымается убить непріятельское животное, которое онъ не въ состояніи захватить съ собою. Если ему случится встрѣтить гдѣ-либо въ степи, у колодца, заблудившагося верблюда или барана, не могущаго достать воды, — онъ постарается напоить его. «Человѣкъ обязанъ любить животныхъ, — говорятъ Туркмены, — потому что они кормятъ его». Къ своимъ сосѣдямъ не Туркменамъ, въ большинствѣ случаевъ, особенно же Ахалъ-Текинцы и Мервцы, не питаютъ никакой дружбы. Персіанъ, Гератцевъ и Хивинцевъ они презираютъ; Русскихъ боятся.

Первое знакомство Русскихъ съ Закаспійскимъ краемъ относится къ IX столѣтію, когда они явились на Каспійское море для торговли, а также грабежей и набѣговъ. Русскіе съ торговыми цѣлями пробирались не только въ Ховарезмъ (нынѣшнюю Хиву), но достигали

Т. X. Туркменка на сторожевомъ посту

Бухары, Мерва и Балха, этихъ центровъ арабской культуры и торговли. Въ XIII и XIV вѣкахъ, Хивинцы пріѣзжали торговать въ Россію. Въ XVI вѣкѣ въ Москву являлось даже посольство изъ Ургенча. Доказательствомъ того, что Русскіе порядочно знали эти страны, служитъ книга «Большаго Чертежа», гдѣ о Каспійскомъ морѣ и рѣкѣ Аму-Дарьѣ находятся довольно подробныя свѣдѣнія. Въ XVI же вѣкѣ, англійскій агентъ торговаго общества въ Лондонѣ, Дженкинсонъ, былъ посланъ черезъ Россію въ Бухару, для ознакомленія съ тамошней торговлей. Онъ высадился на Мангишлакѣ, прошелъ отсюда въ Ургенчъ и далѣе, составилъ довольно подробное описаніе и карту своего путешествія, опредѣливъ, по широтѣ, положеніе полуострова Мангишлака довольно сходно съ нынѣшнимъ. Въ XVII вѣкѣ сношенія эти не прекращались; были даже попытки проникнуть въ Индію, въ царство Великаго Могола, окончившіяся, впрочемъ, неудачно, такъ какъ посолъ царя Алексѣя Михайловича далѣе Кабула не могъ проникнуть, вслѣдствіе отказа Великаго Могола принять русское посольство.

Но болѣе всего край этотъ становится извѣстенъ намъ со временъ Петра I — этого геніальнаго прозорливца, намѣтившаго путь, которымъ мы должны были слѣдовать въ центральной Азіи. Посланный имъ въ 1716 году, для изслѣдованія восточно-каспійскихъ странъ и нахожденія прямаго пути въ Индію, черезъ рѣку Аму-Дарью и Хиву, князь Бековичъ-Черкасскій утвердился впервые на Красноводской косѣ и въ Киндерлинскомъ заливѣ и принялся за то дѣло, которое намъ пришлось вновь начинать въ 1869 году. Неудачный походъ Бековича въ Хиву, съ 3,000 войска, — которое онъ погубилъ по своей безпечности и излишней довѣрчивости къ коварному хивинскому хану, — хотя и надолго остановилъ занятіе Закаспійскаго края Русскими, но все-таки далъ толчекъ къ изслѣдованію Каспійскаго моря, производившемуся Кожинымъ, Урусовымъ и Верденомъ, на основаніи котораго и была впервые составлена карта этого моря, гравированная въ 1720 году.

Въ теченіе XVIII вѣка произведены были на Каспійскомъ морѣ многія описи, по которымъ составлялись и издавались въ разное время карты этого моря. Въ 1808 году командированъ былъ штурманъ Колодкинъ, которому предписывалось «сочинить полный атласъ Каспійскаго моря.» Несмотря на скудныя средства, данныя казною Колодкину, онъ работалъ здѣсь девять лѣтъ, и въ 1817 году представилъ новый полный атласъ Каспійскаго моря, на семнадцати листахъ. Атласъ этотъ, основаніемъ которому послужили, опредѣленные Колодкинымъ, сорокъ восемь астрономическихъ пунктовъ, былъ вѣрнѣе и лучше всѣхъ предыдущихъ картъ, хотя и не вполнѣ удовлетворителенъ. Въ 1819 году капитану Муравьеву, посланному въ Хиву и на восточный берегъ Каспійскаго моря, удалось собрать много свѣдѣній объ этихъ странахъ, причемъ онъ впервые завелъ сношенія съ здѣшними Туркменами, оставивъ надолго между ними добрую о себѣ славу. Въ 1822 году изслѣдованіе этого побережья производилъ русскій профессоръ Э. Э. Эйхвальдъ, очень много написавшій о флорѣ и фаунѣ этихъ странъ и впервые изслѣдовавшій низовья сухаго русла Аму-Дарьи — Узбоя. Въ тридцатыхъ годахъ была хорошо составлена опись восточнаго берега Каспійскаго моря Бларамбергомъ. и въ тоже время флора и фауна восточнаго прибрежья Каспійскаго моря очень обстоятельно изслѣдованы Карелинымъ. Въ 1854 году многолѣтніе труды капитана Ивашинцова привели къ составленію самой лучшей до сего времени карты и описи всего Каспійскаго моря. Въ 1858 году была совершена экспедиція на восточный берегъ Каспійскаго моря, подъ начальствомъ полковника Дандевиля, также входившаго въ сношенія съ Туркменами, окончившіяся, впрочемъ, крайне неудачно.

Съ занятіемъ Туркестана, когда явилась надобность въ болѣе крѣпкомъ и солидномъ опорномъ пунктѣ на восточномъ берегу Каспійскаго моря, болѣе близкомъ къ хивинскимъ границамъ и болѣе удобномъ въ смыслѣ морской пристани, — въ 1869 году былъ основанъ городъ Красноводскъ, въ Красноводской бухтѣ Балханскаго залива; вмѣстѣ съ тѣмъ выдвинуты были военные посты въ Большіе Балханы, въ Ташъ-Арватъ и къ южному концу Актама или наполненному водою устью древняго русла рѣки Аму-Дарьи, на урочищѣ Молла-Кары. Съ этого времени начались военно-ученыя рекогносцировки по Узбою и пустынѣ. Послѣ

разгрома Хивы и водворенія спокойствія въ этомъ ханствѣ, а также водворенія нашего на низовьяхъ рѣки Аму-Дарьи, для обезпеченія спокойствія въ Закаспійскомъ краѣ, тревожимомъ набѣгами Туркменъ, дѣлались рекогносцировки, кончившіяся разрушеніемъ укрѣпленнаго текинскаго аула Кизилъ-Арвата и крѣпостцы Ходжа-Калы и основаніемъ военнаго поста въ аулѣ Чикишляръ и форта Чатъ, при устьѣ Сумбара.

Въ 1874 году всѣ береговые Туркмѣны, какъ на Мангишлакѣ, такъ равно и на всемъ восточномъ берегу Каспійскаго моря до рѣки Атрека, формально приняли подданство Россіи, почему и былъ учрежденъ военный Закаспійскій округъ съ главнымъ городомъ Красноводскомъ. Новый округъ раздѣлялся на два приставства: Мангишлакское и Красноводское; туркменское же насаленіе раздѣлялось на волости и аулы, по своимъ главнымъ родамъ. Тѣ же, которые переходили въ Закаспійскій край, на лѣтнее кочевье, изъ Персіи, обязаны были подчиняться особо изданному для нихъ постановленію, которое обязывало ихъ, прежде перехода въ русскія владѣнія, избрать для каждаго рода хана или старшину, съ обязательствомъ подчиняться всѣмъ тѣмъ постановленіямъ, какія будутъ изданы русскимъ начальствомъ, въ видахъ сохраненія спокойствія и ненарушимости общаго мира въ краѣ.

Но Текинцы, озлобленные противъ водворенія Русскихъ на Каспійскомъ побережьѣ, не смотря на неоднократныя завѣренія жить въ мирѣ, прекратить грабежи въ степи и не нападать на проходящіе въ Красноводскъ караваны, не унимались, и дерзость ихъ доходила до того, что, подъ самымъ Красноводскомъ, угонялись стада преданныхъ намъ Туркменъ и захватывались въ плѣнъ жители.

Изъ всѣхъ указанныхъ рекогносцировокъ, заслуживаетъ вниманія по размѣрамъ рекогносцировка, сдѣланная въ 1872 году полковникомъ (нынѣ генераломъ) Столѣтовымъ, который, съ отрядомъ въ 1,700 человѣкъ, выступилъ по Узбою, прошелъ по нему до колодцевъ Игды и впервые далъ точное понятіе объ этомъ древнемъ руслѣ Аму-Дарьи; затѣмъ посѣтилъ аулъ Кизилъ-Арватъ, гдѣ пробылъ цѣлый мѣсяцъ; двинувшись черезъ аулы Кидисъ, Кизилъ-Чешме, Бами и Беурму, перевалилъ черезъ Копетъ-дагъ, спустился затѣмъ по берегамъ рѣкѣ Сумбара и Атрека и дошелъ до Чикишляра. Въ 1878 году небольшіе рекогносцировочные отряды наши ходили во всѣхъ направленіяхъ по туркменской степи.

Наступилъ 1879 годъ, въ который назначенъ былъ походъ въ Текинскій оазисъ въ небывалыхъ до сихъ поръ размѣрахъ. Начальникомъ похода назначенъ былъ генералъ Лазаревъ. Сборнымъ пунктомъ былъ избранъ Чикишлярскій постъ съ его неудобной пристанью. Это сдѣлано было въ виду того, что движеніе отряда вполнѣ обезпечивалось здѣсь водой; самый большой безводный переходъ составлялъ не болѣе 45 верстъ. Между тѣмъ по красноводскому пути было два значительныхъ безводныхъ перехода: одинъ въ 70, другой въ 120 верстъ. За годъ до похода, линія наступленія по Атреку была обезпечена военными постами, именно устройствомъ укрѣпленій на урочищахъ: Чатъ, Дузумъ и Теръ-Саханѣ. Послѣ продолжительныхъ сборовъ по обезпеченію отряда продовольствіемъ, устройства большаго верблюжьяго транспорта и доставки необходимаго для похода военнаго матеріала, войска тронулись въ путь 29 іюля, по долинѣ Атрека и Сумбара, къ Бендесенскому перевалу. Но генералу Лазареву не удалось столкнуться съ Текинцами, — онъ заболѣлъ и вскорѣ умеръ. Главную команду надъ отрядомъ принялъ генералъ Ломакинъ. Болѣзненность въ войскахъ, охрана транспортовъ, занятіе военныхъ постовъ значительно уменьшили боевую силу отряда. Когда весь отрядъ собрался по ту сторону Копетъ-дагскихъ горъ, въ аулѣ Бами, и началъ наступленіе по оазису, на Текинцевъ, сосредоточившихся въ укрѣпленномъ аулѣ Геокъ-Тепе, которымъ помогали и Мервцы, — боевая сила нашего отряда не превышала собою шести батальоновъ пѣхоты, двухъ эскадроновъ и, трехъ сотенъ кавалеріи, роты саперовъ, четырнадцати орудій и двухъ ракетныхъ станковъ. Послѣ быстраго марша по оазису, къ крѣпости Геокъ-Тепе, нашъ отрядъ, тотчасъ по приходѣ къ ней, не обстрѣлявъ хорошенько непріятельскихъ укрѣпленій, въ которыхъ сосре-

доточились до 20,000 защитниковъ, и даже не отдохнувъ, какъ слѣдовало, послѣ утомительнаго похода,— принялся штурмовать Геокъ-Тепе. Результатомъ этого было отбитіе штурма, большая потеря въ людяхъ (до 500 человѣкъ), болѣе чѣмъ быстрое отступленіе нашего отряда и торжество Текинцевъ, выразившееся въ безчисленныхъ набѣгахъ на сосѣдей и грабежахъ.

Вслѣдствіе постигшей насъ неудачи, рѣшенъ былъ новый походъ въ 1880 году, и дѣло это поручено было генералу Скобелеву. Скобелевъ понялъ съ перваго раза, что главное дѣло заключается не во взятіи только Геокъ-Тепе, а въ томъ, чтобы прочно утвердиться въ оазисѣ. А чтобы наиболѣе легко достигнуть этого, необходимо, прежде всего, улучшить способы сообщенія оазиса съ берегомъ моря. Чикишлярско-Бендесенскій трактъ не представлялъ тѣхъ удобствъ, какія необходимо было имѣть. Для того, чтобы снабженіе окупаціоннаго отряда было безостановочно, необходимо было устроить сообщеніе съ лучшею и наиболѣе удобною гаванью и пристанью на восточномъ берегу Каспія. Такою пристанью, менѣе удаленною отъ оазиса, чѣмъ Чикишляръ, былъ Михайловскій заливъ, удобный для нагрузки и выгрузки судовъ. Но такъ какъ онъ отдѣлялся отъ оазиса пустыней, гдѣ находились два большіе, безводные перехода, то рѣшено было построить военную желѣзную дорогу, которая пригодилась-бы и для торговыхъ цѣлей.

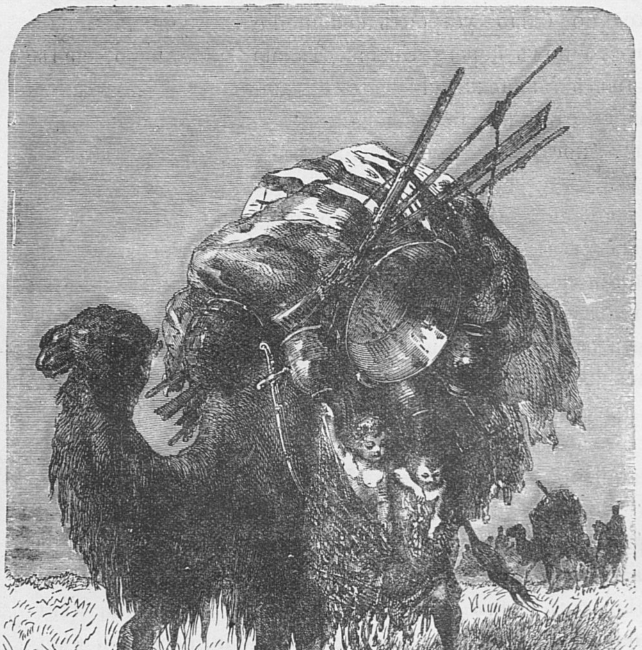
Твердыня Текинскаго оазиса была сломлена. Послѣ довольно продолжительной осады и кровопролитнаго штурма, Геокъ-Тепе былъ взятъ. Текинцы были разбиты на голову. Побѣда эта далеко отозвалась въ Азіи, возстановила нашъ престижъ между Азіатами и умиротворила Закаспійскій край. Послѣ взятія Геокъ-Тепе, Скобелевъ быстро погнался за убѣгавшими Текинцами и, такъ сказать, съ налета занялъ весь оазисъ, до послѣдняго ахалъ-текинскаго селенія Гяурса. Русскіе прочно утвердились въ этой отдаленной закаспійской окраинѣ. Центромъ административнаго управленія краемъ былъ избранъ менѣе потерпѣвшій и лежащій въ густо населенной мѣстности аулъ Асхабадъ.

Имѣя нынѣ желѣзную дорогу отъ Михайловскаго залива до Кизилъ-Арвата, необходимо было сдѣлать нивелировку всего оазиса и далѣе его предѣловъ, до рѣки Тенджена, до того пункта на ней, гдѣ стоитъ персидскій укрѣпленный городъ Серахсъ. Нивелировка эта, исполненная инженеромъ Лессаромъ, убѣждаетъ, что желѣзная дорога не встрѣтитъ здѣсь большихъ затрудненій при ея дальнѣйшей постройкѣ, такъ какъ она пройдетъ почти по ровной мѣстности и будетъ стоить дешевле, нежели первый ея участокъ, проложенный по песчаной мѣстности, покрытой песчаными холмами и глубокими балками. Имѣя въ виду чисто-торговыя цѣли, не говоря ужь о стратегическомъ значеніи, эта желѣзнодорожная линія заслуживаетъ особеннаго вниманія и будетъ играть въ недалекомъ будущемъ огромную роль. По ней пойдутъ наши фабриканты не только въ Хоросанъ, Мервъ и Гератъ, но и далѣе — въ Авганистанъ, — могутъ пріобрѣсти много новыхъ центровъ сбыта. Мы же будемъ имѣть хоросанскій хлопокъ и другіе персидскіе товары.

Намъ остается еще сказать нѣсколько словъ о пустынѣ и о древнихъ развалинахъ, встрѣчающихся въ разныхъ ея мѣстахъ, — этихъ свидѣтеляхъ нѣкогда процвѣтавшей здѣсь арабской, а можетъ быть даже и греческой культуры. Къ сѣверу отъ рѣки Атрека до Усть-Урта и отъ восточнаго берега Каспійскаго моря до Хивинскаго оазиса и береговъ Аму-Дарьи распространяется громадная песчаная пустыня. Пустыня эта бугриста, холмиста, мѣстами даже по ней проходятъ горы, какъ, напримѣръ, Кюрюнъ-дагъ и Малый Балханъ. Мѣстами она покрыта солончаками или твердой, глинистой и песчано-глинистой почвой. Мѣстами пустыня изрыта глубокими оврагами или балками; мѣстами же на ней встрѣчаются слѣды древнихъ арыковъ и даже остатки древнихъ руслъ, по которымъ когда-то текли рѣки. Колодцы служатъ здѣсь станціями для путниковъ. Но колодцы эти такъ удалены другъ отъ друга, что представляютъ промежутки въ нѣсколько десятковъ и даже сотенъ верстъ другъ отъ друга; да, наконецъ, не всегда имѣется въ нихъ свѣжая, прѣсная вода. Кромѣ колодцевъ, въ степи находятся ямы, напол-

ненныя дождевою или снѣговою водой; но вода въ нихъ не долго держится, — тропическіе жары быстро осушаютъ ее.

Конечно, одинокій путникъ не рѣшится ѣздить по этимъ пустынямъ. Путешествующіе по какимъ бы то ни было цѣлямъ соединяются въ караваны. Безъ лошадей или верблюдовъ, на которыхъ везутъ съ собой запасъ воды, ни одинъ караванъ не пускается черезъ пустыню въ путь. Караваны, отправляясь въ путь, держатся опредѣленнаго, намѣченнаго направленія, на которомъ есть колодцы, ямы или другія прѣсноводныя вмѣстилища и кормъ для скота. Эти караванные пути — мѣстныя большія дороги, нисколько, впрочемъ, неустроенныя, остающіяся въ естественномъ ихъ видѣ, и лишь кое-гдѣ, на крутыхъ спускахъ и подъемахъ нѣсколько разработаны. Этими путями связаны между собою всѣ сколько-нибудь выдающіеся пункты на Каспійскомъ прибрежьѣ, въ Текинскомъ и Мервскомъ оазисахъ и въ Хивинскихъ владѣніяхъ; пути эти пролегаютъ далѣе въ Персію. Караваны употребляютъ на путешествіе много времени. Верблюжій ходъ тихъ; болѣе $3^1/_2$ верстъ въ часъ, при легкомъ вьюкѣ, верблюдъ не можетъ дѣлать. Лошадиный караванъ съ легкими вьюками, конечно, идетъ быстрѣе, но зато лошадь скорѣе устаетъ и требуетъ лучшей пищи и воды, тогда какъ верблюдъ неприхотливъ на кормъ и можетъ выдержать безъ водопоя нѣсколько дней. Поэтому торговые караваны, въ большинствѣ случаевъ, состоятъ изъ верблюдовъ. Отъ Александровскаго укрѣпленія до Хивы караваны идутъ около четырехъ недѣль.


Верблюдъ, съ навьюченнымъ на него домомъ.

Какъ ни пустынна, вообще, эта мѣстность, но близъ текучихъ водъ и у озерныхъ плесовъ, густо поросшихъ тростникомъ и камышомъ, животная жизнь развита достаточно. Да и въ самой пустынѣ водятся стада куланова (дикихъ ословъ), мясо которыхъ употребляется Туркменами въ пищу: встрѣчаются небольшія стада дикихъ козъ и барановъ, охотой за которыми туземцы не брезгаютъ. Между дикими животными преобладаютъ хищныя. Здѣсь водятся гіены, шакалы, волки, барсуки и лисицы, а въ Атрекскихъ заросляхъ встрѣчаются тигры и пантеры. Изъ грызуновъ находятся здѣсь зайцы и мыши разныхъ видовъ.

Съ водвореніемъ Русскихъ и съ основаніемъ прочныхъ поселеній и городковъ, какъ Чикишляръ, Асхабадъ и Красноводскъ, торговое движеніе здѣсь стало понемногу разрастаться. Съ 1875 по 1878 годъ торговый оборотъ достигъ до 6,500,000 рублей. Съ замиреніемъ края, торговля значительно усилилась; по приблизительнымъ свѣдѣніямъ, ежегодный оборотъ ея достигаетъ 3.000,000 рублей, если не болѣе. Такъ, изъ Мангишлакскаго района вывозятся въ

Россію: рыба и рыбные продукты, тюленій жиръ и кожа, бараны и шерсть. Ввозятся же мануфактурныя русскія издѣлія, бакалейные и колоніальные товары, мука, крупа, сѣно, овесъ, лѣсъ и желѣзные товары. По Красноводскому району вывозными товарами служатъ: рыба, нефть, соль, ковры, хлопокъ, халаты, шелковыя издѣлія и сырецъ-шелкъ, кожи, сафьянъ и дешевыя бумажныя матеріи. Ввозными же товарами служатъ тѣ же, что и въ Мангишлакскомъ районѣ, съ прибавкою винъ, водокъ, спирта и разнаго рода мануфактурныхъ издѣлій. Красноводскому району, особенно же Михайловскому порту, предстоитъ въ будущемъ огромная роль. Вслѣдствіе замиренія края, Хивинская караванная торговля будетъ имѣть преимущественно красноводское направленіе, потому что путь на Красноводскъ изъ Хивы удобнѣе по корму для скота и водоснабженію и притомъ короче мангишлакскаго.

Остатками древней цивилизаціи въ Туркменскихъ пустыняхъ являются многочисленныя мечети и надгробные памятники, облицованные обожженнымъ кирпичомъ и разноцвѣтными изразцами арабскаго стиля. Такихъ зданій мѣстные жители строить не умѣютъ. Кромѣ этихъ зданій, въ пустынѣ къ сѣверу отъ рѣки Атрека, встрѣчаются слѣды оросительныхъ каналовъ, а подъ 38°15′ с. ш., на безводныхъ нынѣ арыкахъ, находятся обширныя развалины городовъ Местеріанъ и Мешеди. Вотъ какъ очевидцы описываютъ эти развалины:

«Въ 1875 году, когда колонна генерала Ломакина дѣлала рекогносцировку къ Атреку, въ 36 верстахъ отъ степнаго прѣсноводнаго озерка Бугдайлы, на плодоносной равнинѣ, простирающейся къ Атреку, посреди остатковъ древнихъ превосходно устроенныхъ водопроводныхъ канавъ и водопроводовъ, которые простираются на шестьдесятъ верстъ вокругъ, мы увидали остатки и развалины обширныхъ зданій, мечетей, минаретовъ, водохранилищъ и кучи мусора и щебня, въ которыхъ валялись изразцы и кирпичи, съ слѣдами рельефныхъ и мозаичныхъ работъ. Это были развалины древняго города Местеріана. Городъ Местеріанъ былъ окруженъ рвами и землянымъ валомъ, сзади котораго возвышались одна надъ другою двѣ стѣны изъ превосходно обожженнаго кирпича, причемъ каждая его штука имѣла до полуаршина въ квадратѣ. Какъ по угламъ стѣнъ, такъ равно и посрединѣ ихъ возвышались башни, причемъ стѣны были чрезвычайно толсты; длина каждой стороны городской стѣны равнялась верстѣ, а ширина — 300-мъ саженямъ. Какъ все пространство укрѣпленія, такъ равно и на двѣ версты вокругъ его, во всѣ стороны, лежатъ груды того же прекраснаго кирпича и отчасти изразцовъ. Изъ болѣе сохранившихся зданій оказались: часть городской стѣны и городскія ворота, также мечеть Ширъ-Кабиръ и два минарета, каждый по тринадцати саженъ въ вышину и по три сажени въ діаметрѣ; затѣмъ, какое-то зданіе, одно водохранилище и цистерны. Минареты были вѣроятно около двадцати саженъ въ вышину; какъ они, такъ равно и мечеть, выстроены изъ превосходно обожженнаго кирпича. Кромѣ того, они были облицованы пестрыми изразцами или изразцами съ фигурами цвѣтовъ, плодовъ и всевозможныхъ арабесокъ, стихами изъ корана, сдѣланными мозаикой. Стиль этихъ чудныхъ построекъ — чисто-мавританскій, лучшихъ временъ арабскаго искусства.

«Въ пяти верстахъ отъ Местеріана находятся развалины Мешеди, который наполненъ погребальными памятниками и другими развалинами. Здѣсь же находится мечеть Ширъ-Кабиръ, съ гробницей этого святаго, чрезвычайно чтимаго всѣми, не только здѣшними туземцами, но даже и отдаленными отъ здѣшнихъ мѣстъ магометанами. Мечеть эта украшена приносимыми въ даръ святому коврами.

«Кромѣ того, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ озерка Бугдайлы находятся развалины крѣпости Кичикъ-Кала, стоявшей на высокомъ песчаномъ курганѣ. Отъ нея идетъ цѣлая линія укрѣпленныхъ фортовъ, нынѣ находящихся въ развалинахъ, по направленію къ рѣкѣ Сумбару, съ одной стороны, и къ такъ называемому «зеленому бугру» близъ берега Каспійскаго моря — съ другой стороны. Нѣтъ сомнѣнія, что эта линія укрѣпленій возведена была въ защиту Местеріанскаго оазиса отъ нападенія номадовъ.

«Весь этотъ оазисъ нѣкогда орошался огромнымъ арыкомъ, начинавшимся при нынѣшнемъ русскомъ укрѣпленіи Чатъ, гдѣ вода въ него искусственно подымалась изъ Атрека, и затѣмъ онъ простирался на сѣверо-западъ къ Местеріану и Мешеди и далѣе до Каспійскаго моря. Слѣды этого сооруженія и выведенныхъ изъ него оросительныхъ канавъ видны и до сихъ поръ въ окрестностяхъ развалинъ Местеріана. По мѣстнымъ преданіямъ, угодникъ божій, Ширъ-Кабиръ, жилъ и померъ въ Местеріанѣ, въ годъ нашествія Монголовъ на эти страны, въ первой четверти тринадцатаго вѣка. Монголы нахлынули тогда, предводимые Чингизъ-ханомъ, на всю Среднюю Азію, испепелили и разрушили ея города. Тогда разрушены были и древній Балхъ, и славившійся своими учеными и учебными заведеніями, своимъ многолюдствомъ и торговлею Мервъ, а вслѣдъ за ними палъ и Местеріанъ. Но окончательный и уже непоправимый ударъ получилъ Местеріанъ въ годъ нашествія Узбековъ. Эти варвары-истребители остатковъ арабской культуры не оставили въ Местеріанѣ, какъ видно, камня на камнѣ; и съ того времени городъ запустѣлъ, богатый и роскошный оазисъ его, лишенный жителей и водопровода, разрушеннаго Узбеками, превратился въ пустыню, въ которой кочуютъ нынѣшніе обитатели этого края, Туркмены. Такіе же слѣды арыковъ и жилыхъ нѣкогда мѣстъ встрѣчаются и въ сосѣдствѣ Узбоя, древняго русла протекавшей по нему рѣки Аму-Дарьи».

Безъ сомнѣнія, и нынѣ возможно сдѣлать то, что сдѣлали нѣкогда, за шесть вѣковъ до насъ, тогдашніе арабскіе строители и инженеры. И теперь возможно поднять въ искусственный водопроводъ-арыкъ воду и обводнить громадное пространство земли, до 200,000 десятинъ, и сдѣлать изъ части нынѣшней пустыни благодатную, населенную мѣстность, могущую поспорить своимъ плодородіемъ съ лучшими мѣстностями Персіи. Но эта работа не по силамъ невѣжественнымъ Туркменамъ, и они ждутъ, что новые обладатели края, Русскіе, исполнятъ то, что нѣкогда совершили арабскіе цивилизаторы этихъ, нынѣ совершенно одичавшихъ и запустѣлыхъ, странъ.

Николай Латкинъ.

Улучшенная Русскими туркменская арба.

II. — Аму-Дарья.

Нынѣшнее и прежнее русло Аму-Дарьи. — Предположенія о причинахъ измѣненія въ направленіи теченія этой рѣки. — Вопросъ о судоходствѣ.

«И поднялись стѣной, — послѣ смерти княжны Турубьи, — воды Аму-Дарьи и потекли къ Аральскому морю».

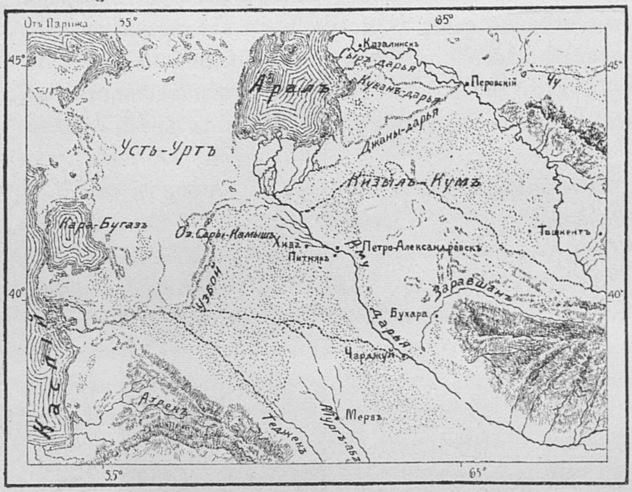
(Изъ Хивинскаго преданія о поворотѣ Аму-Дарьи).

Аму-Дарья — притокъ Аральскаго моря. Вопросъ объ особенностяхъ теченія этой рѣки имѣетъ самую тѣсную связь съ массою другихъ вопросовъ, касающихся явленій, представляемыхъ Аральскимъ моремъ.

Аму-Дарья — главная питательница Арала. Другой притокъ его, Сыръ-Дарья, вноситъ гораздо меньшую долю участія въ поддержаніе жизни этого моря. Въ то же время, это прекрасный водный путь въ страны, сношенія и торговля съ которыми обѣщаютъ многія выгоды. Въ своемъ теченіи Аму-Дарья представляетъ

особенности, надъ разрѣшеніемъ которыхъ трудились весьма многіе ученые:—образовался такъ называемый аму-дарьинскій вопросъ, — вопросъ о бывшемъ теченіи этой рѣки въ Каспійское море и о возможности снова заставить ее течь въ Каспій. Благодаря этому обстоятельству, интересъ къ рѣкѣ въ началѣ 70-хъ годовъ сильно повысился. Къ изслѣдованію ея обратились многія научныя силы, почему въ настоящее время Аму является изслѣдованною весьма разносторонне, и относительно ея имѣются подробныя данныя, касающіяся такихъ сторонъ, которыя не затронуты для другихъ рѣкъ Россіи.

Аму начинаетъ свое теченіе въ области Пянджа,—Пятирѣчья,—на Памирѣ и почти отъ самыхъ вершинъ хребта Гиндукушъ; она течетъ сначала почти на западъ, принимая въ себя, справа и слѣва, значительное число притоковъ, а затѣмъ, выйдя изъ горъ, начинаетъ поворачивать отъ бухарскаго города Широна нѣсколько на сѣверъ и, немного ниже другаго бухарскаго города, Каркина, направляется однимъ русломъ, не принимая въ себя болѣе притоковъ, по равнинѣ, на сѣверо-западъ.



Рѣки и сухія русла Арало-Каспійской равнины.

Пунктирами обозначены сухія русла рѣкъ: — мелкимъ двойнымъ пунктиромъ — болѣе или менѣе изслѣдованныя русла, а крупнымъ однорядным ъ— мало изслѣдованныя.)

Приближаясь къ Аралу, Аму-Дарья даетъ въ сторону лѣваго берега массу питательныхъ каналовъ, служащихъ для орошенія полей хивинскаго оазиса. Затѣмъ, пробивши себѣ путь черезъ небольшой горный хребетъ Шейхъ-Джейли (въ русскихъ владѣніяхъ), рѣка распадается на нѣсколько рукавовъ, образующихъ ея дельту и вливающихъ воду ея въ Аралъ. Главные изъ этихъ рукавовъ: Талдыкъ (самый западный), Улькунъ-Дарья (средній) и Яны-су (самый восточный).

Большую часть своего пути Аму пробѣгаетъ въ предѣлахъ Авганистана, Бухары и Хивы, отграничивая ихъ другъ отъ друга, и лишь въ низовьяхъ является границею между Россіею и Хивою. Дельта же почти вся принадлежитъ Россіи: граница проходитъ по Талдыку, и, такимъ образомъ, Улькунъ-Дарья и Яны-су находятся въ русскихъ владѣніяхъ.

Прежде раздѣленія на рукава дельты (въ области хивинскаго оазиса), Аму-Дарья представляетъ, со стороны лѣваго берега, нѣсколько сухихъ руслъ, а именно: Сону-Дарья, которая начинается около города Хазаръ-аспа, Дауданъ, отъ Ханки, и Куня-Дарья, отъ Ургенча; они направляются въ общемъ на з.-с.-з., къ подошвѣ Усть-Урта. Обширная котловина Сары-Камышскихъ озеръ, находящаяся у подошвы обрыва плато Усть-Уртъ, составляетъ предѣльный пунктъ, до котораго достигаютъ два сѣверные рукава,—Куня-Дарья и Дауданъ. Сону-Дарья не прослѣжена вполнѣ. Сары-Камышская котловина представляетъ поворотный пунктъ въ направленіи стараго русла. За Сары-Камышскою котловиною оно поворачиваетъ сначала на юго-западъ, потомъ, между колодцами Куртышъ и Игды, измѣняетъ свое направленіе почти въ западное, съ небольшимъ склоненіемъ на югъ, и наконецъ, за колодцемъ Кара-Ишанъ, снова поворачиваетъ на сѣверо-западъ, распадаясь на два рукава, которые подходятъ къ Каспійскому морю. Сѣверный изъ нихъ называется Ахтамомъ, а южный — Аджаибомъ; пространство же между ними, бывшая дельта, носитъ имя полуострова Дарджи.

Мѣстность, въ которой проходитъ старое русло Аму, получающее,—послѣ выхода изъ Сары-

Камышской котловины, — имя Узбоя, характеризуется всѣми признаками новѣйшихъ арало-каспійскихъ степей. Это — безплодная, выжигаемая солнцемъ, равнина, мѣстами глинистая, — прорѣзанная оврагами, для которыхъ Узбой и Сары-Камышскія озера являются водопріемниками, — мѣстами песчаная. Съ сѣвера ее ограничиваетъ южный обрывъ Усть-Уртскаго плато, а къ югу она представляетъ обширное песчаное море, которое простирается до подошвы хребтовъ Копетъ-дага и Парапомійскаго, поглощаетъ въ себѣ воды рр. Мургъ-аба и Теджена, выбѣгающихъ изъ Парапомійскаго кряжа, и примыкаетъ къ лѣвому берегу Аму-Дарьи.

Хотя мѣстами старое русло занесено пескомъ или сглажено, вслѣдствіе осыпанія и смыванія береговъ, но въ большей части протяженія оно выражено совершенно опредѣленно, имѣетъ явственные берега и въ общемъ производитъ столь полное впечатлѣніе сухаго рѣчнаго ложа, что даже самые первые наблюдатели сразу остановились на этой именно мысли. Длина сухаго русла свыше 1,000 верстъ.

Кромѣ упомянутыхъ выше трехъ сухихъ руслъ, отходящихъ отъ лѣваго берега Аму, въ послѣднее время найдено, болѣе къ югу, еще одно русло, направляющееся къ Узбою, мимо Сары-Камышской котловины; да кромѣ того существуютъ весьма настоятельныя указанія туземцевъ, что около города Чарджуя отъ Аму отдѣляется, направляясь въ сторону Каспійскаго моря, еще одинъ сухой жолобъ (Онгузъ; только-что изслѣдованъ г. Лессаромъ).

Вотъ это-то явленіе и привлекло къ себѣ вниманіе ученыхъ съ одной стороны, а съ другой — людей, заинтересованныхъ вопросами путей сообщенія и торговли. Однихъ поражала громадность масштаба измѣненія теченія рѣки, такъ какъ размѣры сухаго русла и жолоба, ведущаго нынѣ воду къ Аралу, измѣряются сотнями верстъ. Другихъ интересовала практическая сторона дѣла: если рѣка текла нѣкогда въ Каспійское море, то нельзя ли возстановить ея прежнее теченіе и связать съ Европейскою Россіею удобнымъ воднымъ путемъ страны, лежащія по Аму-Дарьѣ? Этотъ двойной интересъ вызвалъ рядъ изслѣдованій Аму и стараго русла, рядъ предположеній о причинахъ поворота Аму. Вопросъ этотъ особенно подвинулся впередъ со времени хивинскаго похода.

Мы попытаемся, въ общихъ чертахъ, представить читателю главнѣйшіе взгляды и мнѣнія о причинахъ и ходѣ разсматриваемаго явленія и важнѣйшія историческія указанія о прежнемъ теченіи рѣки.

По самому главному пункту вопроса: съ чѣмъ имѣемъ мы дѣло въ огромномъ жолобѣ Узбоѣ, тянущемся по туркменской степи, — съ русломъ ли бывшей рѣки, или съ бороздою инаго происхожденія? — мнѣнія раздѣляются на двѣ категоріи. Это раздѣленіе возниклось первыхъ моментовъ появленія ясныхъ и надежныхъ свѣдѣній объ Узбоѣ. Покойный Сенковскій (баронъ Брамбеусъ) былъ горячимъ противникомъ взгляда одного изъ первыхъ изслѣдователей Узбоя, Муравьева, утверждая, что Узбой — простой оврагъ, а не сухое русло Аму. Другіе были склонны считать его за остатки пролива, соединявшаго нѣкогда Аральское море съ Каспійскимъ, и это мнѣніе находитъ себѣ отголоски даже до настоящаго времени. Большинство ученыхъ, притомъ наиболѣе авторитетныхъ, считаютъ Узбой — сухимъ рѣчнымъ ложемъ и не находятъ основаній сомнѣваться въ этомъ. Въ самомъ дѣлѣ, уже общія черты, представляемыя сухимъ русломъ, исключаютъ возможность сомнѣнія. При огромномъ протяженіи, небольшой ширинѣ, изгибахъ и извилинахъ рѣчнаго характера, Узбой имѣетъ при устьѣ дельту, — треугольникъ между рукавами Ахтамомъ и Аджаибомъ, т. е., такое образованіе, которое свойственно только рѣкамъ и типично для нихъ. Сверхъ того, въ верховьяхъ Узбой связывается съ сухими жолобами, примыкающими къ бороздѣ, въ которой течетъ нынѣ Аму, притомъ въ такихъ частяхъ ея, какъ, напр., на высотѣ Чарджуя, гдѣ не можетъ быть и рѣчи о томъ, чтобы тутъ находилось море, изливавшее по Узбою излишекъ своихъ водъ въ Каспій.

Кромѣ того, въ массѣ историческихъ свѣдѣній и намековъ, подробно изслѣдованныхъ и

толковавшихся многими учеными (проф. Ленцомъ, Рӧсслеромъ, Лерхомъ, де-Гойе и др.), есть два документа, которые, по опредѣленности и ясности своихъ указаній, ставятъ внѣ возраженій фактъ, что Аму-Дарья текла, — покрайней мѣрѣ, частью своихъ водъ, — до Сары-Камышскихъ озеръ и даже до Каспійскаго моря. Такими достовѣрными историческими свидѣтельствами служатъ: описаніе путешествія англичанина Дженкинсона въ Хиву въ 1559 году и генеалогія татарскихъ государей, составленная туземцемъ Абуль-Гази-Богадеръ-ханомъ и относящаяся къ половинѣ XVII вѣка.

Изъ фактовъ, сообщаемыхъ Дженкинсономъ, видно, что, пройдя черезъ Усть-Уртъ, отъ Мангишлака, этотъ путешественникъ вышелъ, спустившись съ южнаго обрыва Усть-Урта, къ восточному берегу огромнаго прѣсноводнаго бассейна, куда впадала Аму-Дарья или Оксусъ, который онъ и счелъ за заливъ Каспійскаго моря, упуская изъ вида несоленую его воду, или полагая, что это — естественное явленіе вблизи устьевъ Аму. Изъ ближайшаго разбора фактовъ, приводимыхъ Дженкинсономъ, легко понять, при современномъ состояніи свѣдѣній о туркменской степи, что Дженкинсонъ вышелъ не къ заливу Каспійскаго моря, а къ наполненнымъ прѣсною водою Аму-Дарьи озерамъ Сары-Камышъ, куда Аму-Дарья можетъ иногда проникать, какъ это и было въ 1878 году, при огромномъ разливѣ ея и прорывѣ плотинъ, преграждающихъ ей на нѣкоторыхъ старыхъ руслахъ путь на западъ. Этотъ взглядъ былъ установленъ авторомъ настоящаго очерка и проф. Ленцомъ.

Абуль-Гази-ханъ прямо говоритъ, что, во время походовъ на Туркменъ Софіанъ-хана, властвовавшаго въ Хивѣ въ началѣ XVI вѣка, между ханами Хассанъ-Кули и Буджуга-ханомъ, Аму поворачивала у Ургенча на западъ, потомъ на югъ, потомъ снова на западъ и при Угурджэ впадала въ Каспійское море. Это описаніе направленія рѣки строго отвѣчаетъ дѣйствительному, хорошо извѣстному теперь направленію, Узбоя. Противъ дельты его находится островъ, называемый и въ настоящее время Русскими Огурчинскій (Угурджинскій; переходы *о* въ *у*, *ч* въ *дж* свойственны нарѣчіямъ языка туземцевъ). Наконецъ, показанія Дженкинсона и Абуль-гази замѣчательно согласуются другъ съ другомъ относительно времени, когда струя прѣсной воды направлялась отъ Аму къ Каспію. Въ виду этого, можно считать стоящимъ совершенно прочно положеніе, что Узбой въ извѣстное время наполнялся аму-дарьинскою водою.

Но принимая, что Узбой есть сухое рѣчное русло, различные изслѣдователи вопроса объ Аму-Дарьѣ высказывали весьма разнообразные взгляды на причины ея поворота и предлагали различныя теоріи для объясненія этого явленія. Между этими теоріями нужно, прежде всего, отмѣтить, во-первыхъ, теоріи, построенныя на предположеніи, что измѣненіе теченія рѣки и поворотъ ея отъ Каспія къ Аралу — дѣло рукъ человѣка; во-вторыхъ, — теоріи, принимающія за основаніе, что причинъ, лежащихъ въ самой рѣкѣ и измѣненій, совершившихся въ послѣдніе геологическіе періоды въ мѣстности, гдѣ протекаетъ Аму-Дарья, достаточно для объясненія поворота.

Кромѣ того, теоріи поворота Аму-Дарьи подраздѣляются еще далѣе. Одни ставятъ необходимымъ условіемъ первичную двураздѣльность, бифуркацію, рѣки въ нижнемъ теченіи, т. е. предполагаютъ, что Аму-Дарья распадалась въ низовьяхъ на два рукава, и однимъ изъ нихъ часть ея воды изливалась въ Каспійское море, а другимъ — въ Аральское. Здѣсь вся задача сводится къ тому, чтобы объяснить, въ силу какихъ причинъ высохло каспійское русло, такъ что осталось только русло, направленное къ Аральскому морю. Другіе пытаются объяснить поворотъ безъ этого условія, предполагая, что Аму-Дарья сначала текла въ Каспійское море всею массою своихъ водъ.

Уже изъ простаго перечисленія этихъ взглядовъ легко видѣть, какъ запутанъ вопросъ.

Менѣе всего заслуживаютъ вниманія теоріи, которыя считаютъ поворотъ Аму дѣломъ человѣческихъ рукъ и относятъ его къ историческимъ временамъ, а также и тѣ теоріи, которыя ставятъ необходимымъ условіемъ двураздѣльность рѣки въ ея нижнемъ теченіи. Нѣтъ воз-

можности предположить причины и условія возникновенія рѣки съ двумя рукавами столь огромной длины, какъ Узбой и отрѣзокъ нынѣшняго русла. Кромѣ того, такое предположеніе осложняется еще тѣмъ, что оба рукава должны вливаться въ различныя моря, удаленныя на сотни верстъ другъ отъ друга. Подобное явленіе, если бы оно когда-либо существовало, было бы единственнымъ и безпримѣрнымъ на землѣ. Оно, наконецъ, не могло бы быть прочнымъ по самой сущности вещей: скорость теченія въ обоихъ рукавахъ никогда не могла бы быть одинаковою; тотъ изъ рукавовъ, въ которомъ вода текла бы съ бо̀льшею скоростью, долженъ непремѣнно стать сначала главнымъ, а потомъ и единственнымъ, тогда какъ другой рукавъ, въ которомъ вода текла съ меньшею скоростью, сталъ бы бѣднѣть водою, которая болѣе и болѣе утрачивала-бы свою скорость, засоряя рукавъ иломъ. Изслѣдованія Дорандта, работавшаго въ Нукусѣ въ теченіе 1873 — 74 годовъ надъ опредѣленіемъ быстроты теченія Аму, а также количества несомой ею воды и ила, представили матеріалъ для сужденія о томъ, какова давность теченія рѣки въ Аральское море. Матеріалы Дорандта, помимо историческихъ свидѣтельствъ о теченіи Аму въ XVI вѣкѣ по жолобу Узбоя, — позволяютъ сдѣлать вычисленія, изъ которыхъ видно, что рѣка эта текла въ Аральское море еще въ доисторическія времена.

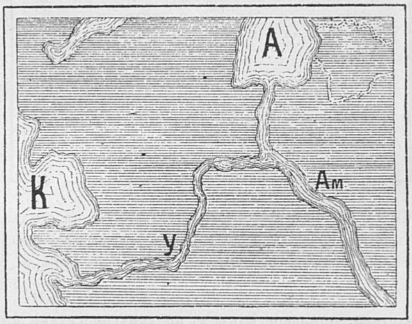


Схема бифуркаціи Аму-Дарьи.

(Обозначеніе: А — Аральское море, К — Каспійское, Ам — Аму-Дарья, У — Узбой, наполненный водою.)

Дорандтомъ вычислено, что количество ила, проносимое Аму къ морю при укрѣпленіи Нукусъ, равно 44,854,000 кубическимъ метрамъ въ годъ; этого количества ила достаточно, чтобы образовать въ столѣтіе 88 квадратныхъ верстъ дельты.

Такъ какъ, однако, вся площадь дельты простирается до 10,000 кв. верстъ, то, пользуясь данными Дорандта, можно вычислить, что время, необходимое для образованія дельты, равняется, примѣрно, 12,000 лѣтъ.

Конечно, эта цифра неточна, и погрѣшность можетъ быть весьма значительна въ обѣ стороны; но если мы допустимъ погрѣшность даже въ 50%, то и тогда наименьшій возрастъ аму-дарьинской дельты получится въ 6,000, наибольшій — въ 18,000 лѣтъ, то есть мы придемъ, во всякомъ случаѣ, къ выводу, что Аму-Дарья текла уже въ Аральское море еще во времена доисторическія; значитъ, дѣятельность человѣка не можетъ быть причиною, обусловившею теченіе ея въ Аралъ.

Принимая въ разсчетъ свѣдѣнія о старомъ руслѣ, историческія указанія на то, что оно наполнялось и въ историческія времена водою, и показанный возрастъ аму-дарьинской дельты, — мы можемъ представить себѣ главные моменты исторіи рѣки въ слѣдующемъ видѣ. Аму-Дарья, въ весьма отдаленныя времена, впадала не въ Аральское, а въ Каспійское море, куда воды ея направлялись по Узбою. Но въ болѣе позднее время (однако, еще въ доисторическое), вслѣдствіе нѣкоторыхъ измѣненій въ условіяхъ теченія, рѣка проложила себѣ новый путь — въ сторону Аральскаго моря, и это новое русло стало мало-по-малу главнымъ. Прежнее русло обѣднѣло водою, но она все-таки оставалась въ немъ еще и въ историческія времена, по крайней мѣрѣ, до Сары-Камышскихъ озеръ. Наконецъ, Аму направилась къ Аралу всею массою своихъ водъ, старое русло высохло совершенно, мѣстами даже сгладилось. Несомнѣнно, однако, что старое русло, при случайныхъ переполненіяхъ рѣки водою, остается доступнымъ для воды и можетъ, повременамъ, наполняться. Сначала, вѣроятно, оно наполнялось на всемъ протяженіи, а потомъ только въ верхнихъ, ближайшихъ къ живой рѣкѣ, частяхъ. Такой случай и былъ въ 1878 году; онъ именно, главнымъ образомъ, и возбудилъ снова горячія надежды на воз-

можность практическаго рѣшенія аму-дарьинскаго вопроса, вызвавъ также и послѣднія экспедиціи для изслѣдованія Аму-Дарьи и Узбоя. Разливъ рѣки въ 1878 году былъ чрезвычайный: вода не вмѣщалась въ настоящемъ жолобѣ, прорвалась въ одно изъ старыхъ руслъ и достигла Сары-Камышской котловины. Въ виду этого факта можно предполагать, что случаи, засвидѣтельствованные Абуль-Гази и Дженкинсономъ, принадлежатъ къ той-же категоріи явленій.

Сверхъ того, важныя указанія на то, что поворотъ Аму долженъ объясняться естественными причинами, мы находимъ на другомъ притокѣ Аральскаго моря—Сыръ-Дарьѣ. Сыръ-Дарья имѣетъ живое, нынѣшнее, и старое, покинутое водою, русло. На ней такъ же, какъ и на Аму-Дарьѣ, старое русло—Джаны-Дарья,—отдѣляется отъ лѣваго берега настоящей рѣки; какъ и на Аму,— уголъ расхожденія стараго и живаго русла весьма значителенъ, свыше 50°; длина обоихъ руслъ измѣряется сотнями верстъ; наконецъ, у Сыръ-Дарьи есть еще и второстепенное старое русло,— Куванъ-Дарья. Словомъ, аналогія явленій, представляемыхъ обѣими рѣками,— полная. Первая мысль, которая является при изученіи этой аналогіи, состоитъ въ томъ, что причина, заставившая рѣки измѣнить свое теченіе, должна быть одна и та же для обѣихъ рѣкъ. Достоинство теорій, объясняющихъ явленія поворота Аму естественными причинами, безъ условія первичной двураздѣльности, и заключается прежде всего именно въ томъ, что онѣ предлагаютъ объясненіе явленій поворота разомъ для обоихъ притоковъ Аральскаго моря.

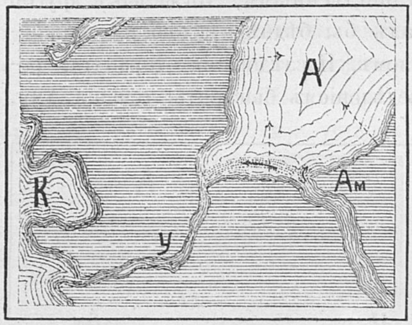


Схема поворота рѣки плотиною (стрѣлки на всѣхъ схемахъ указываютъ на прибыль или убыль воды въ моряхъ, являющуюся вслѣдствіе поворота рѣки).

(Обозначеніе: У' — сухое русло Узбоя, II— плотина; остальное, какъ въ предыдущей схемѣ.)

Какъ теоріи, не принимающія въ расчетъ первичной двураздѣльности, такъ и теоріи, объясняющія поворотъ лишь съ этого момента, признаютъ, какъ сказано, причинами поворота искусственныхъ или естественныхъ дѣятелей.

Теорія съ искусственнымъ дѣятелемъ, но не считающая необходимымъ условіемъ первичную двураздѣльность рѣки, мыслима лишь въ слѣдующей формѣ. Рѣка, текшая нѣкогда въ Каспійское море, была перепружена мѣстными жителями и направлена къ Аралу. Эту теорію можно сдѣлать нѣсколько болѣе естественною, если замѣнить слово «направлена» словомъ «направилась». Но на подобную теорію до сихъ поръ не отважился никто, за исключеніемъ хивинца Ата-Мурадъ-Хана: слишкомъ очевидна ея произвольность.

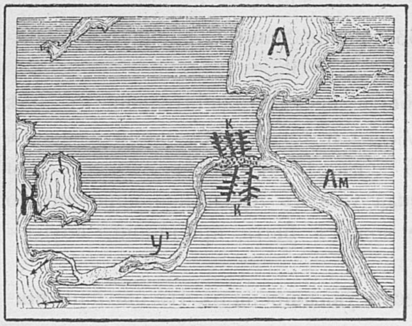


Схема измѣненія теченія подъ вліяніемъ истощенія Узбоя системою оросительныхъ каналовъ.

(Обозначеніе: К — каналы; остальное, какъ въ предъидущихъ схемахъ.)

Другія теоріи съ искусственнымъ дѣятелемъ уже нуждаются въ условіи первичной двураздѣльности рѣки. Онѣ могутъ быть раздѣлены на теоріи:

a) *Прямаго* дѣйствія: вѣтвь рѣки, текшая въ Каспій, перепружена, почему вся вода, не имѣя болѣе возможности течь и въ этомъ направленіи, потекла по аральской вѣтви.

b) *Косвеннаго* дѣйствія: вода, текшая по каспійской вѣтви, разбираясь на орошеніе, отводилась въ значительномъ количествѣ въ боковые оросительные каналы, и главное русло постепенно становилось маловоднѣе; вода текла медленнѣе, вслѣдствіе чего увеличивалось въ немъ осажденіе ила, и, въ концѣ концовъ, каспійская вѣтвь засорилась и исчезла.

Нужно замѣтить, что теоріи искусственныхъ дѣятелей не принадлежатъ ученымъ и не поддерживаются ими. Научныя теоріи, основанныя на естественныхъ дѣятеляхъ, сводятся къ слѣдующимъ главнѣйшимъ:

a) Поворотъ рѣки, текшей нѣкогда въ Каспій, обусловленъ геологическими причинами, т. е., нѣкоторымъ поднятіемъ почвы, въ силу чего стокъ воды въ Каспій сдѣлался невозможнымъ. Эта гипотеза высказывалась многими.

b) Аралъ былъ нѣкогда многоводнѣе и имѣлъ стокъ въ Каспій по теперешнему старому руслу. При высокомъ уровнѣ моря, воды его покрывали то мѣсто, гдѣ позднѣе явилось раздѣленіе рѣки на рукава. Вслѣдствіе постепеннаго высыханія, уровень Арала нѣсколько понизился, притоки Аму уменьшились, и оба рукава опредѣлились на обнажившейся сушѣ. При дальнѣйшемъ высыханіи Арала и пониженіи его уровня, рукавъ къ Каспію сталъ высыхать и исчезъ, почему нѣкоторые города вдоль его были покинуты. Это—гипотеза графа Канкрина.

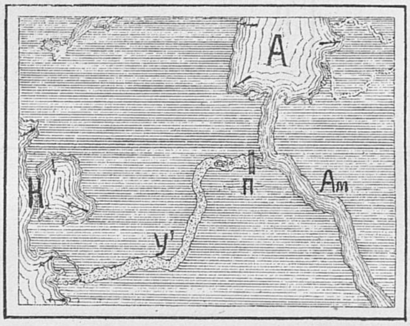


Схема образованія Аму и Узбоя по предположенію графа Канкрина.

c) Аму-Дарья двигалась и двигается вправо, по закону Бэра, согласно которому рѣки, текущія по меридіану, уклоняются вправо, въ силу различія скоростей движенія поверхности земли около оси въ разныхъ широтахъ. Это предположеніе высказано проф. Ленцомъ.

d) Аму-и Сыръ-Дарья измѣнили свое теченіе подъ вліяніемъ поднятія, въ направленіи отъ Крыма, чрезъ Кавказъ, до Памира. Измѣненіе направленія теченія по этой теоріи понимается очень просто. Поднимается сначала устье рѣки (Узбоя), вслѣдствіе чего вода рѣки, подпираясь, такъ сказать, снизу и сбоку, должна отклониться и потечь къ востоку. Ходъ поднятія направляется съ юго-запада на сѣверо-востокъ, т. е., отъ южной части Каспійскаго моря въ сторону Сыръ-Дарьи и далѣе, такъ какъ и эта рѣка совершаетъ свой поворотъ подъ вліяніемъ того же поднятія. Взглядъ этотъ былъ высказанъ г. Богдановымъ въ 1873 году, въ засѣданіи Географическаго Общества.

e) Извѣстнымъ средне-азіатскимъ путешественникомъ Н. А. Сѣверцовымъ, въ 1875 году, была предложена слѣдующая теорія поворота. Наблюдая признаки обнаженія изъ-подъ воды восточнаго берега Аральскаго моря и залеганіе рѣчныхъ осадковъ на Сыръ-Дарьѣ и Аму-Дарьѣ, въ извѣстныхъ пунктахъ, выше современнаго уровня рѣки, г. Сѣверцовъ сдѣлалъ выводъ, что Аралъ высыхаетъ, и что рѣки, при пониженіи уровня моря, вслѣдствіе этого высыханія, вырыли себѣ болѣе глубокое русло, а потому и въ Аму-Дарьѣ, въ частности, уровень воды въ углубленномъ руслѣ сталъ ниже прежняго. Ниже прежняго онъ долженъ былъ стать и въ той вѣтви, которая направлялась къ Каспійскому морю; но такъ какъ предполагается, что эта вѣтвь не углублялась, потому что не было соотвѣтственнаго высыханія Каспійскаго моря, то, слѣдовательно, она должна была обмелѣть; затѣмъ, обмелѣвшее русло должно было засориться иломъ и сдѣлаться непроходимымъ для воды.

f) Въ 1875 же году появилась и наша теорія поворота рѣкъ Аму - и Сыръ-Дарьи. Нами констатированы были: обрывистость всего сѣверо-западнаго берега Аральскаго моря, его подмытость, при крайней отлогости, на огромныхъ разстояніяхъ, юго-восточнаго берега; существованіе лишь немногихъ континентальныхъ острововъ и скалъ, оторванныхъ отъ сѣверо-западнаго берега, при громадномъ множествѣ мелкихъ, намытыхъ, песчаныхъ острововъ вдоль юго-восточнаго; крутизна склона дна моря у сѣверо-западнаго берега и отлогость его на юго-восточномъ берегу (наклонъ дна къ поверхности моря равенъ иногда всего лишь нѣсколькимъ секундамъ). Все это, взятое вмѣстѣ, заставило насъ принять, что сѣверо-западный берегъ моря очень сильно разрушался и разрушается, тогда какъ на юго-восточномъ идетъ новообразованіе суши. Въ замкну-

томъ же бассейнѣ это должно происходить тогда, когда море, отступая и удаляясь отъ юго-восточнаго берега, напираетъ на сѣверо-западный. Принять это положеніе о движеніи моря съ юго-востока на сѣверо-западъ не значило сдѣлать предположеніе, а лишь просто замѣтить и признать фактъ. Это явленіе нельзя было объяснить ни съ помощью предположенія о преобладаніи вѣтровъ и волненій въ направленіи съ юго-востока на сѣверо-западъ, ни паденіемъ системы пластовъ породъ, образующихъ сѣверный и западный берега моря, такъ какъ пласты ока-

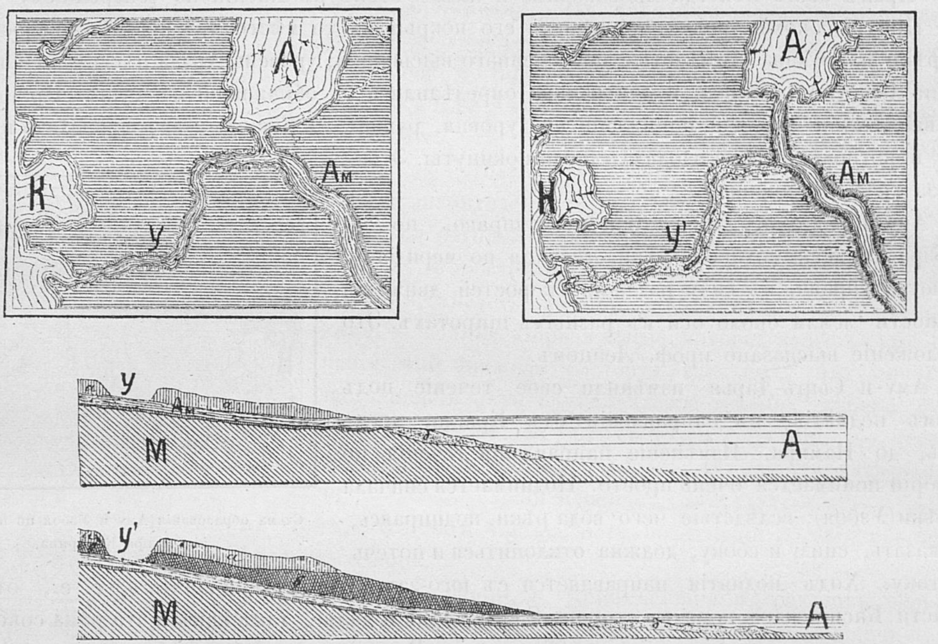
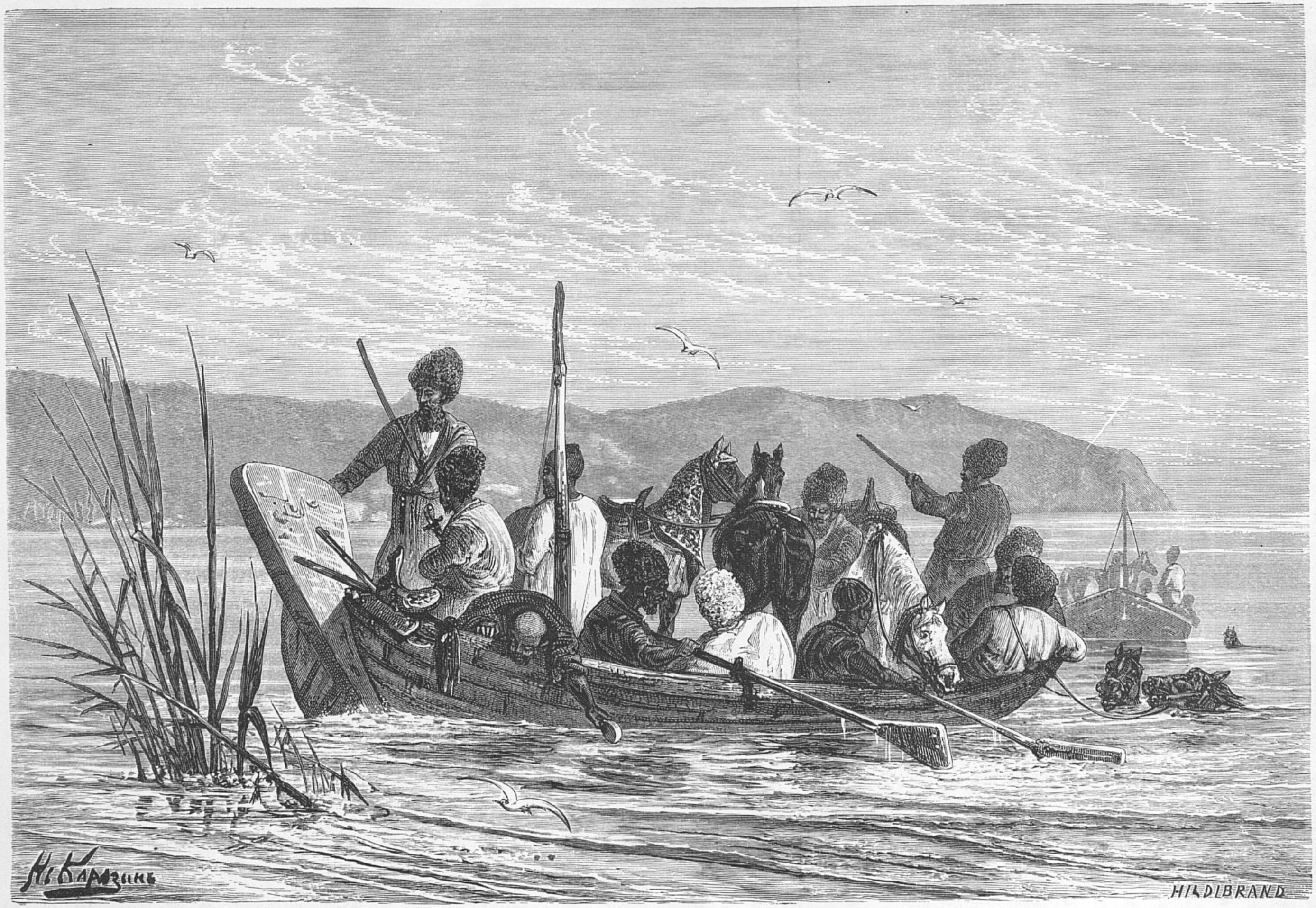


Схема измѣненія теченія Аму-Дарьи по взгляду Сѣверцова.

(Обозначеніе: а — берега Аму до углубленія ложа, в — послѣ углубленія ложа, съ обнаженными рѣчными осадками; остальное, какъ на другихъ схемахъ.)

зывались подмытыми, и на встрѣчу, и по пути паденія, т. е., со стороны головы и со стороны пяты. Мы предположили поэтому, что причина, давшая, а можетъ быть, и до сихъ поръ дающая морю движеніе на сѣверо-западъ, есть поднятіе страны на юго-востокѣ отъ него, съ чѣмъ связывается также и огромное распространеніе песковъ и солончаковъ на юго-востокъ отъ Аральскаго моря.

Но если такое предположеніе допущено,—поворотъ рѣкъ объясняется вполнѣ и естественнымъ образомъ. Рельефъ страны указываетъ самъ по себѣ на центры, гдѣ могло совершаться поднятіе и гдѣ оно выразилось всего сильнѣе. Это — горные массивы къ югу-востоку отъ Аральскаго моря, область Памира и Тянъ-Шаня, гдѣ Аму-и Сыръ-Дарья берутъ свое начало. При поднятіи верховьевъ рѣки, скорость теченія ея увеличивается. Съ увеличеніемъ же скорости увеличивается разрушающее дѣйствіе рѣки въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ она встрѣчаетъ сопротивленіе своему движенію со стороны ложа и береговъ. А такъ какъ направленіе стремленія рѣки выражается въ планѣ (т. е., если разсматривать построеніе сверху) прямою линіею, идущею отъ мѣста, гдѣ рѣка беретъ начало, къ подошвѣ склона, то рѣка всегда и стремится къ выпрямленію своего русла. Но направленіе теченія никогда не отвѣчаетъ направленію стремленія, потому что препятствія, въ видѣ подробностей рельефа, строенія страны,—въ частности — строенія рѣчнаго ложа, заставляютъ ее измѣнять направленіе стремленія въ направленіе теченія и виться около тѣхъ препятствій, которыхъ она не можетъ смыть.



Т. X. Туркмены переправляющіеся черезъ рѣку.

Но чѣмъ больше скорость рѣки, тѣмъ болѣе она способна выпрямить русло, если только породы, въ которыхъ оно прорыто, мягки и уступчивы. При этомъ рѣка углубляетъ свое русло (это имѣетъ полное примѣненіе только въ среднемъ теченіи) и разрушаетъ преимущественно тотъ берегъ, въ который на изгибахъ ударяетъ струя, т. е., если излучина рѣки направляется влѣво, то правый, а если излучина идетъ вправо, то — лѣвый. При увеличеніи скорости, это размываніе нижняго, — выразимся такъ, — берега (онъ лежитъ ниже по рѣкѣ, если взять въ разсчетъ общее ея направленіе) усиливается. А такъ какъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, все болѣе и болѣе выпрямляется русло рѣки, то направленіе теченія ея болѣе и болѣе приближается къ направленію стремленія. Если при этомъ рѣка дѣлаетъ изгибъ значительной крутизны вправо или влѣво, то въ томъ мѣстѣ, гдѣ этотъ изгибъ начинается, размываніе нижняго берега будетъ происходить всего сильнѣе. Вотъ этотъ-то принципъ и былъ положенъ нами въ основаніе объясненія причинъ поворота.

Судя по направленію старыхъ руслъ — Джаны-Дарьи и стараго русла Аму по Куня-Дарьѣ, — Аму-и Сыръ-Дарья находятся въ такомъ отношеніи другъ къ другу, что какъ будто, начиная отъ форта Перовскаго (по Сыръ-Дарьѣ) до самаго Каспія, текла одна рѣка, и Аму-Дарья была лишь притокомъ этой рѣки. Древнее Арало-Каспійское море, отступая на западъ къ Каспію, оставило свое дно съ наклономъ къ Каспійскому морю. А такъ какъ мѣстность въ то время должна была имѣть равнинный характеръ (она равнина и до сихъ поръ), то рѣка и приняла направленіе этого наклона страны. То же самое, вѣроятно, поднятіе почвы, дѣйствіемъ котораго Арало-Каспійское море было удалено съ нынѣшней Арало-Каспійской равнины, — поднятіе, шедшее всего сильнѣе въ области средне-азіатскаго горнаго массива, т. е., главнымъ образомъ, поднятіе области верховьевъ рѣкъ, — неизбѣжно обусловило увеличение скорости рѣкъ и въ то же время измѣнило, хотя незначительно, склонъ страны. Но такъ какъ области средняго и нижняго теченія рѣкъ, если онѣ и были также нѣсколько подняты, сохранили равнинный характеръ и, кромѣ того, образованы, вообще, на поверхности, изъ уступчивыхъ и легко размываемыхъ почвъ, каковы, напримѣръ, глины, то измѣненіе направленія теченія было неизбѣжно. Паденія по Аму-Дарьѣ къ Каспію и Аралу отличаются другъ отъ друга очень незначительно, но рѣка все-таки течетъ по направленію преобладающаго склона, какъ показываютъ слѣдующія опредѣленныя нами числа:

ПАДЕНІЕ:

	къ Аралу	къ Каспію.	
Отъ Бенда	0,000109.	0,000099	(длины теченія).
» Ургенча.	0,000105.	0,000100.	

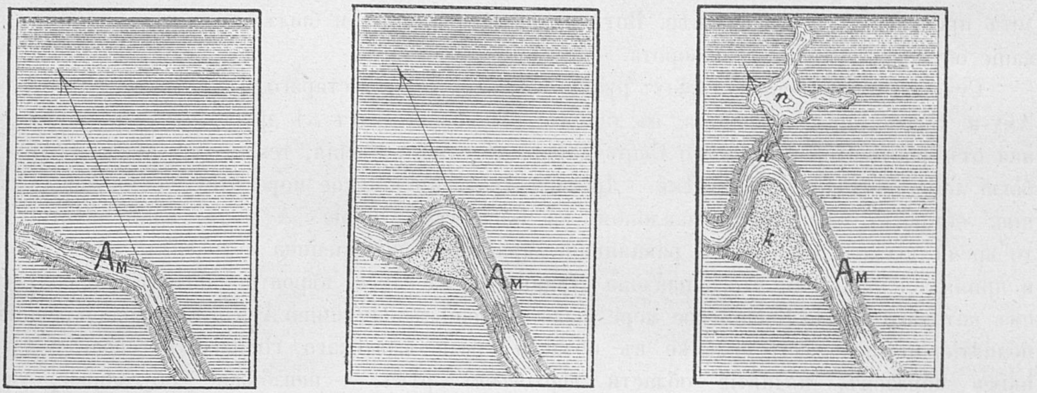
При нѣсколько иныхъ условіяхъ разсчета:

Отъ Ургенча.	0,000100.	0,000099.

Эти числа весьма выразительно говорятъ, что страна имѣетъ дѣйствительно равнинный характеръ; изъ этого, — въ связи съ указаннымъ выше обстоятельствомъ, что поверхностныя почвы вообще уступчивы, — можно заключить, что мѣстность представляетъ или, точнѣе, представляла сравнительно удобныя условія для передвиженія русла. Но при этомъ мы еще разъ напоминаемъ, что направленіе старыхъ руслъ Аму-и Сыръ-Дарьи, вмѣстѣ съ приведенными выше числами, заставляетъ принять положеніе о необходимости смѣны одного склона мѣстности, — при которомъ Аму могла течь въ Каспій, а Сыръ направлялся въ сторону Аму и вливался въ Аралъ съ юго-востока, — другимъ склономъ, при которомъ рѣки приняли нынѣшнее направленіе, хотя разница между этими склонами и крайне незначительна.

Слѣдовательно, въ виду продолжающагося поднятія страны (послѣ удаленія Арало-Каспія), главнымъ образомъ, въ области горъ, а стало быть, и въ верховьяхъ обѣихъ рѣкъ, измѣ-

нился наклонъ страны, — хотя въ низовьяхъ и незначительно, но, однако, настолько, что образовался преобладающій склонъ къ Аралу,— и увеличилась скорость рѣкъ. Но такъ какъ рѣки, въ области средняго теченія, поворачивали, подъ очень значительнымъ угломъ къ общему направленію своего теченія, влѣво, то въ этомъ именно мѣстѣ и должно было происходить наиболѣе сильное размываніе праваго берега. На противоположномъ же берегу, менѣе размываемомъ, должна была отлагаться коса. Но такъ какъ въ теченіи извѣстнаго времени размываніе нижняго берега и постоянное наростаніе верхняго влекли за собою образованіе луки, и лука эта все увеличивалась и увеличивалась, спускаясь ниже и ниже по новообразующемуся склону мѣстности, то наступилъ, наконецъ, моментъ (во время-ли половодья, или тогда, когда



Вѣроятныя фазы измѣненія теченія Аму подъ вліяніемъ предполагаемаго поднятія.

(Обозначеніе: Ам — колѣно Аму-Дарьи, стрѣлка показываетъ направленіе стремленія струи; к — коса, отлагаемая на лѣвомъ берегу рѣкою, п — протокъ.)

уровень воды въ опускающейся по склону лукѣ сталъ ниже, сравнительно съ уровнемъ частей рѣки, лежащихъ ниже луки), когда вода вырвалась изъ русла черезъ правый берегъ и устремилась по направленію склона страны, направляющагося въ сторону Аральскаго моря.

Такое представленіе, само собою понятно, есть лишь схема явленій. Въ дѣйствительности, по всей вѣроятности, вода многократно изливалась, во время половодій, черезъ правый берегъ, образуя здѣсь разливы и временные, побочные фарватеры, соединявшіеся все-таки съ главною рѣкою, которые мало-по-малу устанавливались, превращаясь въ постоянные и давая водѣ возможность снова изливаться, черезъ свой безпрерывно размываемый правый берегъ, въ случайныя углубленія почвы, овраги и т. д.

Короче говоря, наша теорія состоитъ въ томъ, что Сыръ- и Аму-Дарья, подъ вліяніемъ поднятія верховьевъ и увеличенія, вслѣдствіе этого, скорости теченія, прорвались черезъ свой правый берегъ, размывая его въ стремленіи къ выпрямленію русла. Нынѣшнее направленіе общаго склона мѣстности явилось при этомъ содѣйствующимъ обстоятельствомъ.

Когда же новое русло установилось, то, въ виду того, что оно шло по направленію преобладающаго склона мѣстности,—оно стало главнымъ: вода должна была течь въ немъ съ наибольшею скоростью, постоянно размывая и расширяя его, между тѣмъ какъ въ старомъ руслѣ она стала убывать, скорость ея уменьшалась, а соотвѣтственно этому, въ немъ возникали болѣе и болѣе благопріятныя условія для отложенія ила, а, слѣдовательно, и для засоренія. Въ концѣ же концовъ, оставшаяся струя воды въ вѣтвяхъ стараго русла могла быть разобрана на орошеніе до совершеннаго прекращенія въ нихъ теченія, либо заперта туземцами плотинами въ тѣхъ или иныхъ политическихъ или хозяйственныхъ видахъ. Но нужно помнить при этомъ, что какъ разборъ воды на орошеніе, такъ и прекращеніе доступа водѣ плотинами могли лишь завершить дѣло поворота, въ самомъ концѣ его, потому что никакого

искусства туземцевъ въ гидро-техническихъ сооруженіяхъ недостаточно для преграждені течeнія такой могучей рѣки, какъ Аму, тѣмъ болѣе, что на всю ирригацію Хивинскаго ханства берется всего лишь около трети того количества воды, которое протекаетъ въ лѣтнія мѣсяцы. Только вода рукавовъ въ послѣдніе моменты ихъ существованія могла быть вполнѣ разобрана на орошеніе или запружена, т. е., искусственно могъ быть только ускоренъ естественный ходъ ихъ уменьшенія и исчезновенія.

Самое же поднятіе, т. е., основаніе всей теоріи, не представляетъ только гипотезу,—оно доказывается также и рядомъ прямыхъ фактовъ, число которыхъ продолжаетъ увеличиваться, по мѣрѣ изслѣдованія путешественниками горныхъ массивовъ Средней Азіи. Средне-азіатскія горы, судя по ихъ высотѣ и очертаніямъ, насколько это намъ извѣстно, — горы молодыя, т. е., или поднимающіяся, или переставшія подниматься въ недавнее сравнительно время. Горы, поднятіе которыхъ прекратилось давно, разрушаются, становятся ниже и пріобрѣтаютъ пологіе скаты. Г. Мышенковъ указываетъ на случаи опусканія ледниковъ, т. е., пониженія ихъ края, что составляетъ признакъ поднятія страны. Кромѣ того, есть еще обстоятельство (послужившее г. Сѣверцову основаніемъ для его теоріи), заключающееся въ томъ, что рѣчныя образованія лежатъ, въ извѣстныхъ мѣстахъ, надъ уровнемъ современной рѣки. Это обстоятельство и само по себѣ, особенно же въ совокупности съ другими обстоятельствами, можетъ также считаться признакомъ поднятія верховьевъ, такъ какъ рѣки, при поднятіи верховьевъ, съ увеличеніемъ скорости теченія, углубляютъ свое русло, — собственно въ среднемъ теченіи. Затѣмъ, совершенно аналогичную картину тому, что мы видимъ на Аралѣ, находимъ также на озерѣ Балхашъ, лежащемъ восточнѣе Аральскаго моря, между Семипалатинскомъ, Семирѣченскою и Акмолинскою областями. Балхашъ находится ближе къ горамъ, удобообозрѣваемъ, по причинѣ своей сравнительно небольшой величины, а потому явленія его движенія, со всѣми сопутствующими обстоятельствами — обрывистостью и крутизною подмываемаго сѣверо-западнаго берега, пологостью обнажающагося юго-восточнаго, сильнымъ развитіемъ на немъ песковъ и пр., — выступаютъ съ чрезвычайною ясностью. Направленіе текущихъ въ него рѣкъ, показывающее направленіе склона страны, замѣчательнымъ образомъ согласуется съ направленіемъ его передвиженія.

Особенно характерно очертаніе юго-западной границы песковъ, отложенныхъ на сушѣ: это почти прямая линія, идущая по направленію съ юго-востока на сѣверо-западъ.

Но самый крупный и капитальный фактъ, имѣющій окончательно рѣшающее значеніе, заключается въ открытіи г. Мушкетовымъ, въ самое недавнее время, ясныхъ признаковъ новѣйшаго поднятія въ области Памира. Въ 1879 году г. Мушкетовъ нашелъ, что третичныя образованія на Памирѣ залегаютъ часто на высотѣ болѣе 10,000 фут. Онъ полагаетъ, на основаніи наблюдавшихся имъ особенностей строенія мѣстности, что въ третичную эпоху вся Памирская область представляла только группу острововъ на третичномъ морѣ и съ этого времени поднялась на огромную высоту 10,000 — 15,000 футовъ, т. е., что свой современный видъ Памирская высь получила весьма недавно — послѣ отложенія третичныхъ остатковъ. Это открытіе г. Мушкетова чрезвычайно важно для нашей теоріи. Оно прочно устанавливаетъ фактъ недавняго поднятія,— быть можетъ, продолжающагося и доселѣ, — верховьевъ Аму, со всѣми послѣдствіями этого; вмѣстѣ съ тѣмъ разъясняется и еще одинъ факторъ, игравшій существенную роль въ дѣлѣ поворота Аму, — именно дѣлается несомнѣннымъ, вмѣстѣ съ увеличеніемъ скорости теченія рѣки, увеличеніе также и количества протекающей въ ней воды.

При поднятіи поверхности суши, поднимающаяся часть вдается въ область болѣе и болѣе холодныхъ слоевъ атмосферы, переходитъ границу области вѣчнаго снѣга и продолжаетъ затѣмъ входить въ еще болѣе холодные слои атмосферы. Поднимающаяся точка одѣвается, далѣе, на извѣстной высотѣ снѣговою шапкою, размѣры которой растутъ вмѣстѣ съ

5*

увеличеніемъ высоты поднятія. При этомъ, съ одной стороны, поднявшійся участокъ является рѣшительнымъ высасывателемъ влаги изъ текущей черезъ него атмосферы, а съ другой стороны хранилищемъ запаса твердой воды (снѣга и льда), который продолжаетъ до извѣстнаго предѣла только увеличиваться. Насыщенный парами потокъ воздуха, текущій надъ землею, встрѣчая на пути такой возвышенный участокъ земной поверхности, неизбѣжно двигается по его склонамъ кверху и переваливаетъ черезъ вершины его въ болѣе холодныхъ слояхъ атмосферы, при чемъ онъ теряетъ тѣмъ большее количество влаги, чѣмъ больше высота. Эта влага, въ предѣлахъ снѣговой области, отлагается на поверхности горы, а ниже ея стекаетъ по склонамъ. Такимъ образомъ, количество снѣга на верхахъ горъ только увеличивалось бы, если бы масса его, въ силу возрастающей тяжести, не ползла по склонамъ книзу, за предѣлы снѣговой области, и не таяла бы на своемъ нижнемъ краѣ, стекая, въ видѣ ручьевъ, рѣчекъ, рѣкъ. Само собою понятно, что чѣмъ выше выдвигается гора надъ снѣговою линіею, тѣмъ многоводнѣе должны быть источники, берущіе начало отъ ея снѣговъ.

Эта схема должна быть цѣликомъ приложена къ поднимающемуся Памиру и текущей съ него Аму. Памирская высь стала сильнѣе покрываться снѣгами, нижняя же окраина снѣговъ, — тающій поясъ, — стала спускаться по склонамъ горъ ниже и пріобрѣтать большую и большую ширину, а струи текучей воды, берущія начало отъ этого пояса, въ томъ числѣ и Аму-Дарья, вмѣстѣ съ увеличеніемъ скорости теченія, стали многоводнѣе и, вслѣдствіе этого, пріобрѣли большую силу для устраненія сопротивленій движенію и для выпрямленія своего русла.

Вотъ, въ главныхъ чертахъ, обзоръ болѣе значительныхъ взглядовъ на причины поворота Аму-и Сыръ-Дарьи, при объясненіи явленія естественными причинами.

Высказанный нами взглядъ не подвергся опроверженіямъ, и мы не только не видимъ основаній, которыя заставили бы насъ существенно измѣнить его, но, напротивъ, какъ было уже указано, находимъ новые факты, подтверждающіе нашу мысль.

Въ виду изложенныхъ данныхъ относительно теоретической стороны аму-дарьинскаго вопроса, нужно сознаться, что они нисколько не отвѣчаютъ надеждамъ на благополучное практическое разрѣшеніе вопроса въ смыслѣ направленія рѣки къ Каспійскому морю. Рѣка течетъ нынѣ къ Аралу по направленію естественнаго склона страны, образовавшагося въ теченіе тысячелѣтій, и при томъ въ сторону наибольшаго паденія. Попытка разъясненія явленій привела насъ къ тому выводу, что настоящее положеніе дѣлъ прочно. Если поднятіе Памира продолжается и доселѣ (а въ этомъ нѣтъ ничего невѣроятнаго), то возможно лишь дальнѣйшее упроченіе нынѣшняго положенія дѣлъ, т. е., углубленіе русла Аму въ томъ же самомъ направленіи.

Посмотримъ теперь, какими средствами располагаемъ мы, въ дѣйствительности, для того, чтобы заставить Аму течь снова къ Каспію, и въ какихъ условіяхъ нужно произвести эту работу. Средство оказывается одно — плотина въ руслѣ потока, несущаго болѣе пяти милліардовъ кубическихъ саженъ воды въ годъ, съ среднею скоростью трехъ четвертей сажени въ секунду. Мы не будемъ касаться практической стороны дѣла, т. е., вопроса о связи плотины съ берегами, ея высотѣ и т. д., — это завлекло бы насъ слишкомъ далеко. Скажемъ только, что созданіе такой плотины на Аму, которая отбросила бы ея воды (сполна или часть ихъ) къ Каспію — дѣло колоссальное. Допуская, что оно можетъ удаться, мы получимъ такую картину: — все равно, гдѣ бы ни была построена плотина, рѣка должна будетъ сдѣлать поворотъ, образовать колѣно, нижняя часть котораго будетъ направлена къ Каспію, а верхняя понесетъ воду по направленію дѣйствительнаго склона страны, т. е., къ Аралу. Говоря иначе, масса воды верхнихъ частей рѣки, двигаясь съ извѣстною скоростью, будетъ стремиться по направленію къ Аральскому морю, но въ нѣкоторомъ мѣстѣ русла встрѣтитъ сопротивленіе этому стремленію и от-

сюда должна будетъ принять менѣе естественное направленіе къ Каспію. Конечно, точка поворота струи будетъ подвергаться преимущественному напору воды и размыванію, и, рано или поздно, точнѣе — при первомъ же значительномъ половодьѣ, неизбѣжно долженъ будетъ произойти новый поворотъ Аму отъ Каспійскаго моря къ Аралу, т. е., въ направленіи естественнаго теченія. Если рѣка срываетъ иногда, при многоводіяхъ, плотины на старыхъ руслахъ, въ направленіи, уже оставленномъ ею, то едва ли можно сомнѣваться, что она еще съ большимъ успѣхомъ будетъ устранять препятствія на своемъ нормальномъ руслѣ. Допустимъ даже, что для техники плотиностроенія и возможно сооруженіе такой плотины, которую Аму была бы не въ состояніи смыть; но, размывая свой правый берегъ и прокладывая новыя русла, она, навѣрное, будетъ обходить плотину и оставлять ее на сушѣ, или на старицѣ.

Есть и еще важное практическое обстоятельство, возникающее при вопросѣ о поворотѣ рѣки къ Каспію. Между мѣстечкомъ Питнякъ и городомъ Ходжейли, отъ лѣваго берега Аму-Дарьи проведено множество каналовъ, составляющихъ оросительную систему Хивинскаго ханства, безъ которой немыслимо его существованіе. Главная масса каналовъ приходится ближе къ Питняку, и общее направленіе ихъ идетъ косо по склону мѣстности, т. е., они прорыты въ сторону отъ рѣки, но не подъ прямымъ угломъ, а подъ острымъ, — по направленію теченія. Предположивъ, что можно воздвигнуть прочную плотину на Аму и охранить ее отъ разрушенія, мы сталкиваемся съ практическимъ вопросомъ: гдѣ она должна быть возведена по отношенію къ ханству — выше ли, ниже ли его, или въ его предѣлахъ? Въ первомъ случаѣ устройство плотины было бы равносильно совершенному уничтоженію ханства; въ послѣднемъ — мѣстомъ для постройки плотины является дельта Аму, гдѣ едва ли возможны какія-либо прочныя гидротехническія сооруженія. Кромѣ того, воды Аму должны будутъ вступить, на пути своего движенія къ Каспію, въ Сары-Камышскую котловину и, только по наполненіи ея, течь далѣе по Узбою, въ Каспійское море. Емкость же Сары-Камышской котловины столь значительна, что Аму-Дарья должна для наполненія ея изливать въ нее всю свою воду въ теченіе, примѣрно, 50 лѣтъ. Это обстоятельство столь важно, что даже самые задорные сторонники поворота Аму-Дарьи къ Каспійскому морю ищутъ средствъ обойти Сары-Камышскую впадину, грозящую поглотить, по ихъ соображеніямъ, огромное количество воды и сдѣлать не судоходнымъ Узбой, тогда какъ судоходство его и есть единственная важная цѣль предполагаемаго предпріятія. Проведеніе струи Аму черезъ хивинскій оазисъ нисколько не улучшаетъ дѣла. Отводъ арыковъ отъ лѣваго берега рѣки на значительное разстояніе трудно мыслимъ, такъ какъ, судя по общему склону мѣстности, они должны направляться въ общемъ болѣе или менѣе въ гору, т. е., въ сторону выше лежащихъ частей рѣки. Если же оросительные каналы для оазиса будутъ отводимы отъ праваго берега новообразованной рѣки, то они пойдутъ по направленію склона мѣстности, въ сторону Аральскаго моря; слѣдовательно, одинъ изъ нихъ, при благопріятныхъ условіяхъ, послужитъ путемъ, по которому Аму-Дарья прорвется снова къ Аралу. Кромѣ того, во всѣхъ этихъ случаяхъ остается неизмѣннымъ и то обстоятельство, что правый берегъ, отъ точки поворота, находится, соотвѣтственно склону страны, подъ преимущественнымъ давленіемъ протекающей въ рѣкѣ воды, постоянно тяготѣющей прорваться черезъ него въ сторону Арала. Нужно имѣть, далѣе, въ виду еще и то, что во всѣхъ этихъ случаяхъ необходима невозможная работа — перестройка въ Хивинскомъ ханствѣ всей системы оросительныхъ каналовъ, а слѣдовательно, и измѣненіе распредѣленія населенія, или же уничтоженіе ханства.

Дальнѣйшее, практически-важное обстоятельство, которое необходимо принимать въ разсчетъ при вопросѣ объ Аму-Дарьѣ, состоитъ въ томъ, что при отводѣ рѣки къ Каспійскому морю, если бы это было осуществимо, долженъ быть уничтоженъ судоходный путь къ русскимъ поселеніямъ на Аму-Дарьѣ отъ поселеній по Сыръ-Дарьѣ, черезъ Аральское море. Строго говоря, при перенесеніи низовьевъ Аму изъ хивинскихъ и русскихъ владѣній въ туркменскую

степь, русскія поселенія въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они существуютъ нынѣ, стали бы немыслимы, и весь при-амударьинскій участокъ нашихъ владѣній оказался бы совершенно изолированнымъ отъ Туркестана. Въ виду этого, можно встрѣтить мнѣнія, что желательно было бы отвести по Узбою лишь часть воды Аму-Дарьи, между тѣмъ какъ остальная вода должна течь по нынѣшнему жолобу, служа судоходнымъ путемъ, соединяющимъ Туркестанъ и Аму-Дарьинскую область и давая воду для оросительныхъ каналовъ Хивинскаго ханства. Но задаваться такою цѣлію значитъ создавать бифуркацію рѣки, — ту самую двураздѣльность ея, которая принимается всѣми теоріями поворота — или какъ необходимое условіе и основаніе поворота, или какъ неизбѣжный фазисъ въ ходѣ явленія. Всякая бифуркація рѣки — явленіе неустойчивое; скорость теченія въ двухъ вѣтвяхъ никогда не можетъ быть одинаковою; а разъ эта скорость неодинакова, то вѣтвь съ бо́льшею скоростью сдѣлается преобладающимъ русломъ, а другая вѣтвь будетъ болѣе и болѣе терять свою воду, заноситься иломъ и мелѣть. Такъ какъ наибольшее паденіе приходится на нынѣшнее русло Аму, то, при условіи бифуркаціи, — если мы будемъ считать созданіе ея возможнымъ, — это русло, имѣя при бо́льшемъ паденіи бо́льшую скорость, сдѣлается главнымъ, т. е., мы, въ концѣ концовъ, останемся при томъ же положеніи дѣлъ, какое имѣемъ въ настоящее время. Шлюзы и регулированіе тока воды въ обѣихъ вѣтвяхъ — сложная работа и въ отношеніи Аму-Дарьи имѣетъ смыслъ грандіозной технической фантазіи, — не болѣе.

Съ отрицаніемъ возможности обводненія Узбоя, аму-дарьинскій вопросъ, въ практическомъ смыслѣ, не перестаетъ, однако, существовать, а лишь принимаетъ другое направленіе. Судоходный путь изъ Каспія въ страны, орошаемыя Аму, — вотъ къ чему стремятся тѣ, кого интересуетъ обводненіе Узбоя. Если этотъ судоходный путь невозможенъ, то этимъ вовсе не исключается возможность судоходнаго пути въ Хиву и Бухару *изъ Арала*. Вопросъ о правильномъ устройствѣ этого пути и есть, собственно, тотъ аму-дарьинскій вопросъ, рѣшеніе котораго обѣщаетъ весьма значительные результаты, какъ въ отношеніи торговли Россіи съ средне-азіатскими государствами, такъ и въ отношеніи удовлетворенія потребностей края въ лучшихъ путяхъ сообщенія, ибо устройство аму-дарьинскаго судоходнаго пути неизбѣжно вызоветъ улучшеніе судоходнаго дѣла по Сыръ-Дарьѣ и по Аральскому морю.

Въ аму-дарьинскомъ вопросѣ, въ этомъ смыслѣ, главныя задачи гораздо проще и рѣшеніе ихъ гораздо доступнѣе: нужны суда, улучшеніе фарватеровъ въ нижнихъ теченіяхъ Сыръ-Дарьи и Аму-Дарьи и устройство пристаней на Аральскомъ морѣ.

Судоходство по Сыръ-Дарьѣ совершается давно, почти съ первыхъ временъ нашего утвержденія на этой рѣкѣ. На ней же стоитъ и бывшій портъ аральской флотиліи — Казалинскъ, гдѣ находилось управленіе флотиліею. Но это судоходство шло годъ отъ году къ упадку: суда старѣли и изнашивались; да, говорили еще, будто бы мелѣетъ и рѣка; и въ прошломъ (1882) году военная аральская флотилія была упразднена, такъ какъ въ послѣднее время она приносила лишь одни убытки казнѣ, — съ тѣмъ, чтобы замѣнить ее частною пароходною компаніею. Въ виду этого, ближайшее ознакомленіе съ вопросомъ объ обмелѣніи рѣки и изысканіи средствъ къ противодѣйствію совершенному засоренію фарватера продолжаетъ все-таки оставаться одною изъ существеннѣйшихъ нуждъ края. Обмелѣніе рѣкъ здѣсь, по всей вѣроятности, представляетъ собою образованіе мелей на привычныхъ пароходныхъ путяхъ, т. е., лишь случайное занесеніе пескомъ фарватера, такъ какъ для распознанія явленій общаго обмелѣнія никѣмъ не было сдѣлано надлежащихъ наблюденій, а случаи засоренія фарватера, взятые сами по себѣ, не могутъ служить основаніемъ для подобнаго вывода, и можно надѣяться, что обычный пріемъ углубленія фарватера на меляхъ, по мѣрѣ надобности, съ помощью очистительныхъ машинъ, можетъ въ достаточной степени сглаживать препятствія для судоходства.

Баръ Сыръ-Дарьи очень затрудняетъ входъ въ рѣку съ моря, и указанная мѣра врядъ ли можетъ примѣняться на немъ съ успѣхомъ, такъ какъ одного сильнаго прибоя съ юго-запада доста-

точно, чтобы уничтожить работу очистительныхъ машинъ; волненія же при юго западномъ вѣтрѣ дѣйствительно отличаются силою и продолжительностью. Поэтому, вопросъ о средствахъ улучшенія входа черезъ баръ остается открытымъ и нуждается въ болѣе основательномъ изученіи.

Судоходство по Аму-Дарьѣ — дѣло совершенно новое. Пароходный путь въ Аму изъ Аральскаго моря впервые былъ проложенъ капитанъ-лейтенантомъ Н. Н. Зубовымъ (героемъ переправы черезъ Аму во время хивинскаго похода и переправы черезъ Дунай во время послѣдней русско-турецкой войны) лишь въ 1874 году, когда имъ же въ первый разъ сдѣланы были опредѣленія количества воды, несомой Аму. Со времени основанія аральской флотиліи, въ Аму-Дарью не разъ пытались проникнуть. А. И. Бутаковъ доходилъ по Талдыку до Кунграда, а также проникалъ довольно далеко въ Улькунъ-Дарью. Во время хивинскаго похода также была сдѣлана попытка пробраться черезъ мелководные рукава на глубокій фарватеръ средняго теченія рѣки, но неудачно. Капитанъ-лейтенантъ Н. Н. Зубовъ проникъ въ Аму, на пароходѣ «Перовскій», черезъ Яны-су, правда, съ большими затрудненіями, такъ какъ мѣстами глубина была около 4 футовъ; тѣмъ не менѣе, онъ проложилъ путь, и послѣ него начались уже постоянныя пароходныя сообщенія съ Петро-Александровскомъ.

Но хотя путь былъ найденъ и возможность плаванія по нему была доказана, его нельзя было считать удовлетворительнымъ въ предѣлахъ Яны-су, вслѣдствіе мелей на ней и, мѣстами, узкости фарватера, такъ что на первыхъ же порахъ оказалась надобность привести въ порядокъ этотъ путь. Покойный Н. Н. Зубовъ (умеръ подъ Геокъ-Тепе отъ раны) полагалъ, что сосредоточеніе воды, разсѣянной въ массѣ мелкихъ рукавовъ и протоковъ, въ одномъ жолобѣ, было бы наиболѣе цѣлесообразною мѣрою для улучшенія фарватера. Насколько подобная мысль исполнима, это должны показать точныя изслѣдованія дельты и протоковъ.

Дальнѣйшее дѣло должно заключаться въ выработкѣ соотвѣтствующихъ условіямъ типовъ судовъ и постройкѣ ихъ, а также въ организаціи судоходства по морю. Такое разрѣшеніе аму-дарьинскаго вопроса дастъ въ ближайшемъ будущемъ болѣе значительные результаты, чѣмъ стремленія и попытки заставить Аму-Дарью течь къ Каспію черезъ безплодную Туркменскую степь.

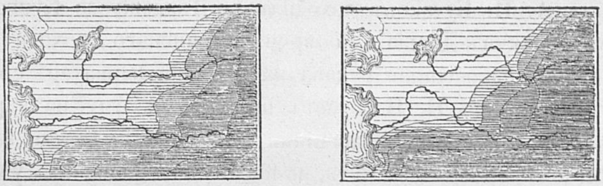
Заканчивая этимъ нашу статью объ Аму-Дарьѣ, мы прилагаемъ въ заключеніе три небольшія, составленныя нами, карты, изъ коихъ одна изображаетъ современный рельефъ страны и современное теченіе рѣкъ Аму-Дарьи и Сыръ-Дарьи; двѣ же другія представляютъ опытъ реставраціи рельефа мѣстности и теченія рѣкъ въ два предшествующіе момента: одна карта изображаетъ положеніе дѣлъ при томъ условіи, что страна предполагается пониженною, въ области горъ, на 10,000 футовъ относительно настоящей высоты вершинъ; другая — при условіи, что область горъ понижена лишь на 5,000 футовъ. Иначе сказать, взявши въ основаніе положеніе Мушкетова, что Памирская высь поднялась послѣ отложенія третичныхъ осадковъ на 10,000 — 15,000 футовъ, и допуская гипотетически, что современный рельефъ, какъ бы онъ ни отличался въ частностяхъ, обусловливается главными данными древняго рельефа, мы попытались составить представленіе о прежнемъ характерѣ страны, понизивши ее на картѣ съ помощью извѣстнаго построенія. Насъ занимала мысль: въ какомъ соотношеніи съ этимъ, гадательно опредѣляемымъ, рельефомъ окажутся старыя русла въ разные моменты.

Результатъ получился весьма любопытный и еще разъ подтверждающій вѣрность нашей теоріи. Мы думаемъ, что внимательный взглядъ на эти реставраціи, въ связи съ картою, изображающею современное положеніе дѣлъ, поможетъ читателю разобраться въ вопросѣ.

Что направленіе современнаго теченія Сыръ-Дарьи и Аму-Дарьи есть въ то же время направленіе общаго склона страны, какъ это и должно быть, — видно сразу на послѣдней картѣ.

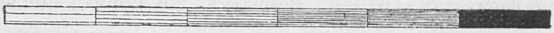
Но, реставрируя рельефъ страны при условіи пониженія горъ на 10,000 футовъ, мы получаемъ карту съ наклономъ страны, общее направленіе котораго весьма удовлетворительно согласуется съ направленіемъ наименѣе изслѣдованныхъ (болѣе древнихъ) руслъ Аму и Сыра. Промежуточный же рельефъ (вторая карта) снова удовлетворительно связывается съ направленіемъ лучше изслѣдованныхъ старыхъ руслъ, — Узбоя для Аму-Дарьи и Джаны-Дарьи для Сыра, — по всей вѣроятности — руслъ, болѣе новыхъ.

В. Д. Аленицинъ.



Предполагаемыя измѣненія теченія Аму-и Сыръ-Дарьи подъ вліяніемъ предполагаемаго нами поднятія.

Нынѣшнее направленіе этихъ рѣкъ.



Отъ 0 до 500 ф.; 500 — 1,500; 1,500—3,000; 3,000—7,000; 7,000—15,000; свыше 15,000 футовъ.

ОЧЕРКЪ II.

Суша на берегахъ Аральскаго моря; ея особенности, флора и фауна. — Вода моря: характеръ и строеніе дна, растенія и животныя. — Судоходство.

АРАЛЬСКОЕ МОРЕ.

Wem will Gott seine Gunst erweisen,
Den schickt er in die weite Welt;
Dem will er seine Wunder weisen, —
Im Berg, im Wald, im Strom und Feld.

Rückert.

Типъ Аральскаго моря — пустыня: пустынная степь составляетъ его берега; пустынную, ровную степь представляетъ дно моря, и, наконецъ, обширною пустынею является, по характеру флоры и фауны, его водная масса.

Н. И. Казаковъ, — кругосвѣтный плаватель, бывшій, между прочимъ, на извѣстномъ всей читающей Россіи фрегатѣ «Палладѣ», спутникомъ И. А. Гончарова, — командовалъ, во время моего плаванія по Аралу на «Баржѣ № 2-й», пароходомъ «Самаркандъ». Отвѣчая на мои разспросы о морѣ передъ выходомъ въ него, онъ предложилъ мнѣ, съ своей стороны, вопросъ: что́ я буду ловить въ морѣ? — Все, что найдется, — отвѣчалъ я: рыбъ, моллюсковъ и т. д. — «Моллюсковъ?... разсмѣялся г. Казаковъ, — ну, моллюсковъ-то въ немъ нѣтъ....» И «моллюсковъ» въ извѣстномъ смыслѣ, дѣйствительно, не оказалось: Н. И. Казаковъ вспомнилъ, говоря о моллюскахъ, живую, кишащую разными тварями, поверхность океана. Поверхность воды Арала, вообще, столь же мало оживлена вдали отъ прибрежныхъ оазисовъ, какъ поверхность воды въ стаканѣ. Черезъ бортъ судна видна вода, чистая и прозрачная до большой глубины (иногда дно видно вполнѣ отчетливо на глубинѣ 5 саженъ), необыкновенно красиваго зелено-бирюзоваго цвѣта. Подъ микроскопомъ вода оказывается также — чистою водою. Въ открытомъ морѣ я видѣлъ рыбъ около борта судна всего одинъ разъ. Не часто также видали ихъ съ судна и матросы при остановкахъ вблизи береговъ.

Эта водная пустыня обрамляется съ востока низменнымъ прибрежьемъ, сливающимся съ пустынею Кизылъ-Кумъ и песками Кара-Кумъ, которые подходятъ, у могилы Акъ-Джулпасъ, къ самому морю (у сѣверо-восточнаго угла его). Съ юга — то же низменное песчаное прибрежье, которымъ примыкаетъ къ морю покрытая тростниковыми лѣсами и плесами дельта Аму-Дарьи. Съ запада надъ моремъ высятся обрывы Усть-Урта, постепенно понижающіеся къ сѣверу,

хотя, однако, и сѣверный берегъ моря образуетъ возвышенія и кручи надъ его поверхностью. Сѣверный берегъ Арала, къ которому подходятъ пески Большіе и Малые Барсуки, переходитъ, представляя извѣстный рядъ измѣненій, въ степи Уральской и Тургайской областей.

Аральское море очень обильно островами, массою которыхъ окаймленъ восточный и отчасти южный, — собственно, юго-восточный берегъ. Эти острова не велики, большею частію безъ названій, песчаны и едва возвышаются надъ поверхностью моря. Но кромѣ нихъ, есть еще острова континентальные, отдѣлившіеся отъ западнаго и сѣвернаго береговъ и расположенные около нихъ; этихъ островов немного. Изъ нихъ вблизи сѣверо-западнаго берега, сѣвернѣе другихъ большихъ островов, лежитъ высокій глинистый островъ Кугъ-Аралъ (съ лежащимъ къ сѣверу отъ него маленькимъ островомъ Бьюргунды). На юго-западъ отъ него, вдали отъ берега, лежитъ также высокій, глинистый островъ Барса-Кильмесъ, а еще далѣе къ юго-западу — возвышенный, известковый островъ Николай I, съ принадлежащими къ его группѣ (группа Царскихъ острововъ) низменными островами Константинъ и Наслѣдникъ. Далѣе, — къ югу отъ группы Царскихъ острововъ находятся еще два маленькіе острова, также несомнѣнно континентальнаго происхожденія. Это — острова Беллинсгаузена и Лазарева. Островъ Токмакъ-Ата, находящійся вблизи южнаго берега, принадлежитъ, повидимому, къ иному порядку острововъ, чѣмъ названные континентальные.

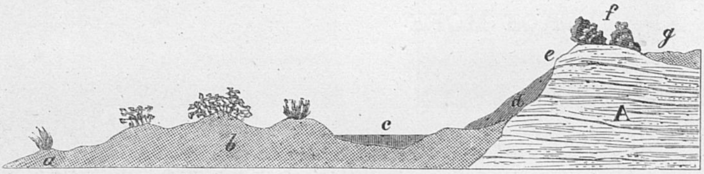


Схема сѣченія западнаго берега моря.

a) Прибойная и тростниковая полосы.
b) Новая барханная, или дюнная, полоса.
c) Новѣйшій солончакъ.
d) Осыпь.
e) Обрывъ.
f) Высокая глинистая степь.
g) Древняя барханная полоса.
A — коренныя породы берега.

На томъ кольцѣ побережья, которымъ пустыня суши охватываетъ воду Арала, нужно различить три полосы, отличающіяся другъ отъ друга, какъ по своему происхожденію и почвамъ, такъ и по фаунѣ и флорѣ. Вотъ эти полосы, образующія террасы на берегахъ моря: а) *новѣйшая* (прибойная песчаная полоска и тростниковая полоса, которую мы подраздѣляемъ на оставшуюся и дѣйствующую); б) *послѣтретичная* (новая, песчаная, барханная или дюнная, полоса и новѣйшій солончакъ); в) *третичная* (высокая степь, — глинистая степь и древніе барханные пески, — и обрывы).

Новѣйшая терраса составляетъ то кольцо, которое непосредственно примыкаетъ къ водѣ. Мѣстами это — просто наклоненная къ морю полоска песковъ, на которыхъ разбиваются волны прибоя, — песковъ совершенно однообразныхъ, состоящихъ изъ тонкихъ кварцовыхъ зеренъ, безъ галекъ. Мѣстами она прерывается грудами камней, свалившихся съ обрывовъ и достигшихъ до прибоя. Мѣстами же прибойная полоса порастаетъ тростникомъ (Arundo phragmites). Тростникъ растетъ на ней не вездѣ одинаково. Тамъ, гдѣ берегъ защищенъ отъ прибоя, онъ образуетъ настоящую болотную поросль, но на прибоѣ онъ отодвигается отъ воды, за предѣлъ раската волнъ. Это происходитъ, однако, вовсе не потому, что тростникъ не любитъ, чтобы волны лизали его подъ корень, а потому, что полоса песковъ прибоя набрасывается самимъ прибоемъ, — если только величина наклона морскаго дна благопріятствуетъ этому, — и тростниковая полоса отодвигается далѣе и далѣе отъ урѣза. На очень отлогомъ прибережьѣ, гдѣ энергичнѣе всего происходитъ отложеніе песковъ, валы вкатываются на берегъ съ большою силою на значительное разстояніе отъ урѣза спокойной воды, выламывая тростникъ, какъ онъ ни гибокъ и какъ прекрасно ни противостоитъ волненіямъ въ другихъ случаяхъ, напримѣръ, на сравнительно небольшихъ прѣсноводныхъ озерахъ.

Вотъ эту-то полосу тростника, оттѣсненнаго далеко отъ урѣза и получающаго изъ почвы мало воды для питанія, — такъ какъ ему приходится расти на едва влажныхъ, до значительной глубины, пескахъ, — я и называю оставшеюся тростниковою полосою. Если она будетъ отодвинута еще дальше отъ урѣза, — она должна исчезнуть. Дѣйствующая полоса тростниковъ есть та, которая находится вблизи урѣза или даже входитъ въ воду. Разница между этими полосами огромная, хотя есть, какъ само-собою понятно, безпрестанные и всевозможные переходы отъ одной къ другой. Тростникъ дѣйствующей полосы здоровъ, высокъ, толстъ, образуетъ сплошныя поросли, давая пріютъ и убѣжище разнымъ животнымъ формамъ, — отъ комаровъ до тигровъ; тростникъ же оставшейся полосы иногда даже и нельзя признать, съ перваго взгляда, и издали, за тростникъ: — стволики до фута длины, на разстояніи фута или двухъ одинъ отъ другаго, отдѣленные другъ отъ друга раскаленнымъ, сыпучимъ пескомъ, съ короткими междоузліями, съ небольшими сухими листьями.

Самаго большаго развитія тростникъ достигаетъ на юго-восточномъ берегу моря; самаго меньшаго — на сѣверо-западномъ. На это обстоятельство я теперь же прошу читателя обратить вниманіе, такъ какъ мы вездѣ будемъ указывать на противоположность въ особенностяхъ юго-восточнаго и сѣверо-западнаго береговъ, имѣющую весьма важное значеніе. На южномъ и восточномъ берегахъ тростникъ находится у устьевъ рѣкъ и разростается на берегахъ рукавовъ и разливовъ, захватывая огромныя протяженія. Такъ, капитанъ-лейтенантъ Н. Н. Зубовъ, открывшій входъ въ Аму-Дарью, указываетъ, что площадь аму-дарьинскаго разлива (не всего разлива, образуемаго рѣкою, а только между рукавами Улькунъ-Дарья и Талдыкомъ) равняется, приблизительно, 2,000 кв. верстъ, что, въ свою очередь, составляетъ 2,000 кв. верстъ тростниковыхъ порослей. Равнымъ образомъ, и Сыръ-Дарья сопровождается въ своихъ низовьяхъ обширными лѣсами тростника.

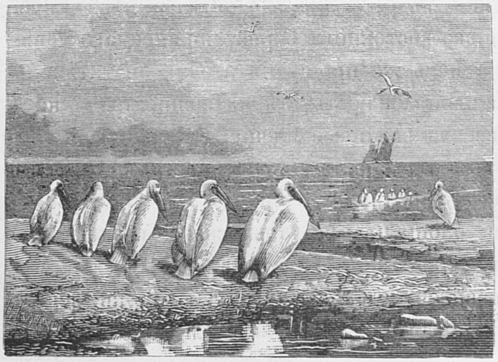
Само собою, разумѣется, однако, что тростникъ, хотя онъ опредѣляетъ и характеризуетъ тростниковую полосу, не есть форма, свойственная исключительно этой полосѣ: онъ растетъ вездѣ, гдѣ есть вода, въ самыхъ разнообразныхъ условіяхъ, о которыхъ рѣчь будетъ дальше. Въ тростниковой полосѣ онъ лишь достигаетъ огромнаго развитія, создавая особый типъ мѣстности.

Прибойно-тростниковая полоса — самая богатая жизнью полоса прибрежья; все, что нуждается въ водѣ и тѣнистой защитѣ отъ солнца, въ прикрытіи отъ глазъ врага или добычи, — все это группируется здѣсь.

На первомъ мѣстѣ, по многочисленности, стоятъ комары и близкія къ нимъ двукрылыя, нѣсколько видовъ мошекъ и саранча. Нашъ общеизвѣстный комаръ-кусачка (Culex) встрѣчается собственно только на прѣсной водѣ, но масса другой двукрылой мелкоты дѣлаетъ положительно необходимымъ употребленіе полога повсюду на морѣ, при ночлегахъ вблизи камышей, такъ какъ къ вечеру поднимаются цѣлыя облака этого живаго сора, гудятъ и лѣзутъ въ ротъ и въ носъ. Иногда, запустивши руку въ складку въ углахъ тента, который ставился на ютѣ судна, можно было забирать Chironomus всѣми пятью пальцами. Но въ море двукрылыя вылетаютъ, впрочемъ, только при штилѣ, а во время вѣтра держатся чащъ камышей. Въ экономіи Арала они имѣютъ большое значеніе: такія именно тучи насѣкомыхъ и нужны, чтобы прокормить рыбное населеніе моря.

Саранча въ морскихъ тростникахъ встрѣчается не часто и поодиночкѣ, и лишь въ Сыръ-Дарьѣ, по возвращеніи съ моря, я въ первый разъ наблюдалъ ее массами. Эти массы, однако, нисколько не похожи на тѣ тучи саранчи, которыя обрушиваются, какъ бѣдствіе, на поля и покосы юга Россіи. Тамъ саранча перелетная и поэтому является табунами. Табуны саранчи возникаютъ тогда, когда, при подходящихъ условіяхъ времени года и погоды, «отродится» новое крылатое поколѣніе ея, которое составляетъ уже избытокъ относительно нормальнаго количества саранчи, могущаго прокормиться въ той мѣстности, гдѣ она родилась, и должно удалиться изъ нея, чтобы найти себѣ пищу. А потому, избытокъ этотъ и летитъ прочь. Кромѣ того при

подходящихъ условіяхъ времени года и погоды, «отрожденіе» саранчи, т. е. выходъ крылатаго насѣкомаго, совершается въ нѣсколько дней, и безчисленное множество особей, давно уже подготовляющихся къ выходу, получаетъ крылья разомъ, одни за другими, и поднимается тучами надъ землею; но такъ какъ именно эти тучи и составляютъ избытокъ, который долженъ улетѣть, то саранча и летитъ тучами. Въ родной же сторонѣ и при обыкновенныхъ условіяхъ, т. е. не во время выхода крылатой формы, она встрѣчается поодиночкѣ, хотя во множествѣ. Дитя воздуха и свѣта, она любитъ солнце; поэтому, въ тихій день, къ вечеру, она поднимается надъ камышами и плавно скользитъ въ воздухѣ, по прямой линіи; пролетѣла одна, за ней сейчасъ же и въ ту же сторону паритъ другая, третья и т. д., безъ конца. Вечерній летъ саранчи, наблюдавшійся на Сыръ-Дарьѣ, направлялся вверхъ по рѣкѣ. Здѣсь летающая саранча очень красива и пріятно оживляетъ картину. При значительной величинѣ и сильномъ, увѣренномъ полетѣ, она производитъ впечатлѣніе очень маленькой птички. Летъ и рѣянье ея надъ рѣкою напоминаютъ до нѣкоторой степени такой же вечерній летъ ласточекъ и стрижей, хотя тѣ летаютъ несравненно быстрѣе и притомъ не прямолинейно.



Бабы на прибойной полосѣ.

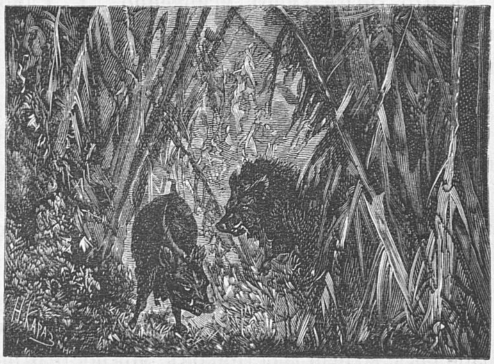
Тростниковыя поросли и близость воды привлекаютъ на прибойную полосу пеструю толпу водяныхъ и голенастыхъ птицъ Арала.

Вотъ пеликану не нужны камыши, но зато онъ здѣсь въ полушагѣ отъ воды и то тутъ, то тамъ на пескѣ прибоя, на отмели, снаружи тростниковъ, вытянулись вереницы бабъ (Pelecanus crispus Bruch), одной изъ тѣхъ немногихъ птицъ, которыя настолько знакомы съ строевою службою, что, даже отдыхая, норовятъ выстроиться въ шеренги. Тутъ же, безпорядочною толпою, обсѣли отмель чайки (Larus ridibundus L., Larus cachinans Pall.) и др. Здѣсь присосѣдился, но на приличной, впрочемъ, дистанціи отъ бѣлоперагo сброда, на краю отмели, орелъ (Haliaetos albicilla Briss.). Эти представители фауны — сразу на виду, на выставкѣ, а въ глубинѣ камышей гнѣздятся утки, цапли, выпи, кулики и множество тѣхъ мелкихъ пѣвчихъ пташекъ, которыхъ зовутъ обыкновенно славками, пѣночками и т. д. Большинство жителей тростниковъ и побережья — старые знакомые для каждаго русскаго человѣка, какъ, напр., сѣрыя трясогузки (Motacilla alba L.). Но тонъ картинѣ населенія даютъ уже другія птицы. Надъ камышами вьются (иногда въ такомъ изобиліи, что невольно вспоминаешь о комарахъ) крошечныя, стройныя, съ узкими, гибкими крыльями и раздвоенными хвостами, черныя мартышки (Hydrochelidon nigra Briss.), къ которымъ присоединяются и общеизвѣстныя бѣлыя, черноголовыя, крупныя мартышки (Sterna hirundo L.) и еще болѣе крупная, великанъ между здѣшними мартышками, — Sterna caspia Pall. Отъ поры до времени появится надъ камышами и красавецъ среди пернатаго населенія тростниковъ — персидская щурка (Merops persica Pall.), птичка величиною со скворца, но болѣе тонкая и стройная, съ яркою бирюзово-зеленою грудью, желтымъ пятномъ надъ горломъ, бурыми крыльями, отливающая издали всѣми цвѣтами радуги. Иногда тяжелымъ полетомъ пронесется надъ рѣкою бѣлая, черно-ногая цапля (Ergetta alba L.), усядется на опушкѣ тростниковъ или на отмели, и уставится въ воду. Тутъ выступаетъ оригинальный уродъ-колпица (Platalea leucorodia L.), довольно крупная птица, немного меньше бѣлой цапли, но ниже ея на ногахъ, бѣлая, съ желтоватымъ хохломъ, черными ногами и длинными, черными же, щипцами вмѣсто клюва: — клювъ колпицы очень сплюснутъ сверху книзу, такъ что состоитъ какъ будто бы изъ двухъ тонкихъ дощечекъ и на концѣ расширяется въ видѣ круглой лопатки.

Тамъ, въ мелкой лужѣ, бродитъ большой бѣлый куликъ съ черными пятнами, несоразмѣрно длинными красными ногами и клювомъ, ходульникъ (Hipsibates himantopus L.), — врагъ всякаго охотника и наблюдателя. Ему присуща такая горячая любовь къ своимъ дѣтямъ, что онъ въ это время весь — вниманіе и, завидѣвши какой-нибудь подозрительный предметъ, поднимаетъ самый неистовый крикъ, подхватываемый другими такими же нѣжными родителями, — и все остальное птичье населеніе тоже настороживается.

Здѣсь прилетѣла черная ворона (Corvus corone Lat.), очень похожая на обыкновенную, но совершенно черная, такъ что съ перваго взгляда ее можно принять за грача, — и ищетъ поживы.

Далѣе въ густой чащѣ тростника возятся, лазаютъ по стволамъ и перепархиваютъ маленькie, красивые ремезы (Calamophilus biarmicus L.), строящіе, какъ и обыкновенный ремезъ (Aegithalus pendulinus L.), замысловатыя и весьма удобныя гнѣзда, въ родѣ бутылкообразнаго мѣшка, искусно сотканнаго изъ мягкихъ растительныхъ волоконъ, съ горлышкомъ сбоку, подвѣшиваемыя къ стволикамъ тростника.



Кабанъ.

Изрѣдка проскользнетъ, шныряя надъ тростниками, камышевый лунь (Circus rufus Gm).

Тростниковая полоса роститъ и кормитъ также и кабана (Suss crofa aper L.), — «чушка» Киргизовъ. Кабановъ много по камышамъ Сыра и Аму, но въ особенности много ихъ въ порosляхъ аму-дарьинской дельты. Здѣсь они находятъ самыя роскошныя условія для своего существованія: обиліе пищи, сырая, удобная для отыскиванія ея почва, масса болотинъ, любимыхъ кабаномъ, и т. д., — все это дается здѣсь — чуть не сплошь на тысячахъ квадратныхъ верстъ протяженія!

Богатство тростниковой полосы животными привлекаетъ къ ней и хищниковъ. Одни изъ нихъ приходятъ сюда за добычею, а для другихъ она является нормальнымъ мѣстомъ обитанія. Волкъ здѣсь — постоянный гость: рядъ слѣдовъ на пескѣ прибоя, снаружи тростниковъ, составляетъ обыкновеннѣйшій элементъ картины береговой полосы Арала. Корсакъ (Canis corsac L.) также встрѣчается. Въ аму-дарьинской дельтѣ, которая, какъ сказано выше, вся принадлежитъ къ тростниковой полосѣ, является уже чисто-южная форма этой группы — шакалъ (Canis aureus L.). Наконецъ, здѣсь же живутъ и множатся барсъ и бенгальскій тигръ (Felis tigris L. var. bengalica); «джулъ (дорога)-барсъ (большая и дикая кошка вообще)». Низовье Сыръ-Дарьи и дельта Аму-Дарьи представляютъ большія удобства для жизни тигра. На Сыръ-Дарьѣ особою славою, какъ тигровое гнѣздо, пользуется мѣстность между фортомъ № 2 (Майлибашъ) и Перовскимъ, гдѣ Сыръ-Дарья распадается на два рукава: Джаманъ-Дарью и Кара-Узякъ, снова сливающіеся потомъ другъ съ другомъ. Изъ нихъ Кара-Узякъ течетъ по очень низменной мѣстности, образуя обширные, поросшіе тростниками разливы, которые собственно и составляютъ притонъ для тигровъ. Несправедливо было бы, однако, думать, что страна изобилуетъ тиграми, подобно Индіи; тѣмъ не менѣе тигры, составляютъ здѣсь заурядныхъ обитателей, и любители сильныхъ ощущеній охотятся на нихъ. Одинъ изъ туркестанскихъ офицеровъ, г. Гамовъ, пріобрѣлъ даже себѣ въ краѣ репутацію неутомимаго и счастливаго врага тигровъ. Вотъ что, напримѣръ, передаютъ объ его первомъ дебютѣ охоты на тигра.

Г. Гамовъ всегда былъ страстнымъ охотникомъ. Пріѣхавши на службу въ Туркестанъ, онъ обрадовался случаю поохотиться на крупнаго и серьезнаго звѣря. Взявши на помощь себѣ нѣсколькихъ охотниковъ изъ солдатъ, онъ отправился на тигра. Дѣло было на Сыръ-Дарьѣ. Верхомъ на лошади, онъ заѣхалъ въ тростники одинъ, оставивши солдатъ на опушкѣ.

Прошло нѣсколько времени. Онъ потихоньку пробирался камышами, — какъ вдругъ лошадь и наѣздникъ получили такой сильный ударъ сбоку, что повалились на землю: молодой тигръ, поднятый спутниками Гамова и бѣжавшій отъ нихъ, натолкнулся на г. Гамова, свалилъ его вмѣстѣ съ лошадью и убѣжалъ. Гамовъ, оставивши лошадь, кинулся пѣшкомъ по слѣду и скоро нашелъ звѣря. Гамовъ выстрѣлилъ, но въ то же мгновеніе почувствовалъ, что на него навалилась какая-то масса... Онъ вытащилъ, подъ этою массою, изъ-за пояса короткій ножъ, повернулъ его остріемъ впередъ... и лишился чувствъ.... Выстрѣлъ и наступившая за нимъ тишина дали знать спутникамъ Гамова, что въ камышахъ что-то произошло. Бросились къ мѣсту, откуда раздался выстрѣлъ, и нашли въ лужѣ крови безчувственнаго Гамова, а на немъ — мертваго тигра: — Гамовъ успѣлъ всадить ножъ въ грудь тигра и послѣднимъ отчаяннымъ движеніемъ руки книзу распоролъ ему брюхо, такъ что тигръ умеръ мгновенно. У Гамова же остались на память огромные шрамы на лицѣ и непримиримая вражда къ тигровой породѣ, представитель которой испортилъ ему прирожденный видъ. Теперь за Гамовымъ считается уже не мало побѣдъ надъ тиграми.

Изъ тростниковой полосы тигръ выбѣгаетъ на прилежащую степь, грабитъ стада Киргизовъ и вообще ведетъ себя пренагло. Тѣмъ не менѣе, однако, тигры все-таки не настолько многочисленны, чтобы быть бичемъ страны.

Еще нужно упомянуть о тарантулѣ, который встрѣчается между тростниками на сухихъ мѣстахъ, гдѣ, напримѣръ, тростникъ примыкаетъ къ солончаку; но онъ не составляетъ уже типичной формы тростниковой полосы. Тарантулъ — огромный волосатый паукъ, красиво расписанный чернымъ и буро-желтоватымъ цвѣтами. Тарантулъ ядовитъ, и вообще укушеній его боятся. Но здѣсь, не смотря на свое обиліе, онъ не внушаютъ никому особаго страха. Однажды, во время ночлега на солончакѣ, вблизи тростниковъ, моя постель была приготовлена прямо на землѣ; тарантулъ забрался ко мнѣ подъ одѣяло и, вѣроятно, переночевалъ вмѣстѣ со мною: — утромъ, сбросивши одѣяло, я нашелъ его пріютившимся подлѣ ноги. Когда я нарушилъ его покой, тарантулъ убѣжалъ.

Тростниковый берегъ.

а тростниковой полосой слѣдуетъ полоса дюнная или барханная (*барханъ* — песчаный холмъ), т. е. полоса подвижныхъ песковъ.

Куда бы здѣсь ни упалъ глазъ, — всюду доволь большіе (въ нѣсколько аршинъ высоты) песчаные холмы или барханы изъ красновато-сѣраго, мельчайшаго кварцеваго песку. Пески бархановъ — отложенія моря. Они были перемыты водою, отложились на побережьѣ и, съ отступленіемъ урѣза моря, отстали отъ него болѣе или менѣе далеко на сушѣ. Вѣтеръ, легко передвигая эти мелкія, какъ пыль, песчинки, свернулъ сухіе пески въ сугробы, постоянно измѣняющіе свою форму и наклонъ, смотря по тому, откуда и съ какой силою дуетъ вѣтеръ. Постоянно всхолмленное песчаное поле — вотъ основной типъ барханной или дюнной полосы. Среди песковъ барханной полосы, если она достаточно широка, навѣрное можно встрѣтить, тамъ и сямъ, ровныя глини-

стыя плато, которыя окружены буграми песковъ. Почва ихъ состоитъ изъ тончайшей глины табачнаго цвѣта (зеленовато-сѣраго), съ примѣсью также очень тонкаго песку, такъ что почва не вязка. Сырая солончаковая почва имѣетъ совершенно гладкую, а очень сырая — даже блестящую поверхность; но едва солнце высушитъ ее, она растрескивается сначала на отдѣльные участки, въ свою очередь, раздѣляющіеся, тоже растрескиваясь, на болѣе мелкія частицы, пока высушенныя части плато не превратятся въ разсыпчатую массу, въ которой вязнетъ нога. Мѣстами эта почва бываетъ подернута коркою изъ кристалловъ глауберовой и поваренной соли. Иногда, въ болѣе углубленныхъ мѣстахъ такого плато, остаются еще или сырые участки, или даже и вода, то свободная мѣстами, то покрытая, какъ льдомъ, гладкою соляною корою. Это — солончаки.

Вкратцѣ — общая картина образованія почвъ барханной полосы слѣдующая: море, при слабомъ наклонѣ дна, постоянно отлагаетъ пески на побережьѣ уже подъ водою, образуя параллельныя берегу песчаныя мели или песчаные валы, крутой бокъ которыхъ обращенъ къ берегу, а пологій — въ сторону моря. Такіе валы, мало-по-малу, вслѣдствіе постояннаго набрасыванія на нихъ моремъ песку, выходятъ на поверхность моря, образуя наносные острова. При соединеніи, вслѣдствіе той же причины, одного конца острова съ берегомъ, проливъ, отдѣлявшій его прежде, замыкается и превращается въ бухту, которая, въ свою очередь, при занесеніи входа въ нее пескомъ превращается въ прибрежное соляное озеро. Но пока совершается этотъ процесъ, море продолжаетъ набрасывать къ берегу новыя и новыя массы песковъ, образуя новыя мели и острова, также постепенно соединяющіеся съ берегомъ, — вслѣдствіе чего образовавшееся раньше озеро болѣе и болѣе удаляется отъ урѣза. Сообразно условіямъ жизни всякой бухты и озера, заселяющихся растительностью и становящихся пунктами, куда сносится съ ближайшихъ окрестностей, потоками атмосферной воды, масса землистыхъ частицъ, — въ нихъ начинается отложеніе на днѣ типичной для всякаго покойнаго бассейна почвы, — ила. Дальше, отодвинувшись на извѣстное разстояніе отъ моря и не получая болѣе изъ моря даже и той воды, которая проникала раньше сквозь песокъ, и не имѣя другихъ источниковъ для покрытія расхода воды на испареніе, кромѣ воды, падающей изъ атмосферы, озеро высыхаетъ, — оставляя обнаженнымъ свое илистое дно, пропитанное солью, — солончакъ.

Процессъ такого, — совершающагося постоянно и неизмѣнно, — образованія бухтъ и соляныхъ озеръ на замкнутыхъ соленоводныхъ бассейнахъ, каковы Аралъ и Каспій, играетъ огромнѣйшую роль въ дѣлѣ измѣненія состава воды этихъ бассейновъ, — въ дѣлѣ постепеннаго ихъ опрѣснѣнія. Вода мелководной бухты и мелководнаго озера нагрѣвается сильнѣе и сильнѣе испаряется, чѣмъ вода въ сосѣднемъ морѣ, — вслѣдствіе чего изъ моря устанавливается постоянный токъ въ бухту или озеро, пока оно стоитъ въ связи, — открытой или черезъ толщу песковъ, — съ моремъ. При узкомъ проходѣ и обширности поверхности озера (какъ напр. на заливѣ Кара-Бугазъ на Каспіѣ) соль, безпрерывно-притекающая изъ моря съ водою, *уже не возвращается болѣе въ него*, а когда связь прекратится, остается въ озерѣ или отлагается имъ при испареніи на солончакѣ.

Эти двѣ почвы, — солончаки и барханные пески, — составляютъ собою типичные элементы послѣ-третичной террасы, указывая въ то же время на ея происхожденіе. Эта полоса, въ каждой своей точкѣ, была на прибоѣ моря. Пески ея отложились именно прибоемъ, а солончаки — остатки соляныхъ озеръ, оставленныхъ удалявшимся моремъ среди постепенно обнажавшихся песковъ.

На солончакѣ не растетъ ничего: соляное озеро, дномъ котораго былъ онъ нѣкогда, умерло, а съ водою исчезла и всякая жизнь, такъ что въ солончакѣ мы имѣемъ передъ собою своего рода — скелетъ мертвеца. Но издали — солончакъ можетъ иногда ввести въ обманъ и посулить воду и жизнь: водяной миражъ на немъ — обыкновеннѣйшее явленіе.

Не много лучше и пески. Растительность на нихъ, во всякомъ случаѣ, есть; это прежде

всего: джюзгуны (Calligonum), колючка (Alhagi) и гребенщикъ (Tamarix), растущій на болѣе сырыхъ участкахъ песковъ, напримѣръ, около соляныхъ озеръ, прибрежныхъ лужъ и т. д.

Прежде всего, типичныя попреимуществу формы песковъ, какъ джюзгуны, не даютъ тѣни, даже при самой роскошной листвѣ. Легко судить по этому, какова должна быть физіономія мѣстности: — почва — сыпучій, подвижной песокъ, однообразный, свернутый въ холмы; на вершинахъ холмовъ — низенькіе кусты, зеленые издали, но не дающіе тѣни.

Общее явленіе для древесной и кустарной растительности этой страны заключается въ томъ, что, вдали отъ прѣсной воды, она отличается необыкновенно узкими листьями. Дѣло въ томъ, что растеніе постоянно испаряетъ листьями влагу и должно, конечно, получать, взамѣнъ испареннаго количества, не меньшее количество ея изъ почвы. При этомъ листъ испаряетъ тѣмъ больше воды, чѣмъ сильнѣе нагрѣвается солнцемъ. Въ этомъ испареніи, отчасти, секретъ противодѣйствія его жару солнца, — и разъ онъ не будетъ въ состояніи испарять столько, чтобы на образованіе паровъ уходилъ весь избытокъ получаемой имъ теплоты, — листъ нагрѣется до температуры, при которой онъ не можетъ жить, завянетъ и высохнетъ. При страшномъ лѣтнемъ жарѣ, на сухихъ, почти безводныхъ почвахъ степи, каждое растеніе съ широкими листьями должно быстро и неминуемо погибнуть. Во-первыхъ, листъ нагрѣвается очень сильно и быстро; во-вторыхъ, онъ нагрѣвается на большой поверхности и, стало быть, долженъ испарять значительное количество влаги. Испареніе изъ листьевъ идетъ такъ быстро, что влага, необходимая для замѣна испаренной воды, не успѣваетъ притекать, да сверхъ того, ее и взять не откуда — почва почти безводна. Очевидно, что въ подобныхъ условіяхъ могутъ жить лишь соотвѣтственно приспособленныя растительныя формы: — поверхность, съ которой растеніе испаряетъ влагу, должна быть настолько не велика, чтобы расходъ влаги уравновѣшивался тѣмъ ничтожнымъ количествомъ ея, какое растеніе можетъ извлечь изъ почвы. Это уменьшеніе испаряющей поверхности достигается уменьшеніемъ поверхности листьевъ: — величина ея должна быть такова, чтобы количество испаряемой ими влаги и влаги, притекающей къ нимъ, находилось въ равновѣсіи. Поэтому-и не даютъ тѣни здѣшнія растенія: — джюзгуны, представляющіе, не смотря на листву, своего рода живые и растущіе голики, саксаулъ (Haloxylon ammodendron), съ его тонкими, цилиндрическими листьями, сливающимися съ вѣтвями и составляющими какъ бы продолженіе вѣтви, и пр. Самою густою и ярко-зеленою, хотя съ голубоватымъ или синеватымъ оттѣнкомъ, листвою отличается гребенщикъ (Tamarix). Но и его листья мелки, сухи, сидятъ, какъ чешуйки, близко другъ къ другу, очень напоминая общеизвѣстный кипарисъ, встрѣчающійся у насъ часто въ горшкахъ, какъ комнатное растеніе.

Джюзгуны могутъ давать тѣнь, развѣ усѣянные своими оригинальными плодами. Плодъ джюзгуна состоитъ изъ центральнаго столбика, отъ котораго идутъ кнаружи (звѣздообразно, въ поперечномъ сѣченіи) пластинчатыя лопасти, имѣющія форму полукруговъ, наружный край которыхъ причудливо вырѣзанъ и даетъ множество вѣтвящихся выростковъ, иногда спутывающихся другъ съ другомъ. Плодъ имѣетъ, поэтому, форму шарика, состоящаго изъ очень сухаго, рыхлаго матеріала. Но стоитъ смять такой шарикъ между пальцами, чтобы выростки на краяхъ пластинокъ обломались, осыпались, и между пальцами осталась основа, состоящая изъ столбика съ гранями, углы котораго выросли въ пластинчатыя лопасти. Джюзгуны въ плодахъ очень красивы, хотя эти плоды, по своей сухости, похожи на бумажные цвѣты.

Гребенщикъ, напротивъ, образуетъ густыя поросли и покрывается, во время цвѣтенія, массою цвѣтовъ, какъ сирень; но эти цвѣты другаго строенія, красиваго, малиноваго цвѣта, очень мелки, сухи и безъ запаха.

Бѣдна эта полоса и животными. Самыми типичными формами являются здѣсь нѣсколько гадовъ (не имѣющихъ, какъ понятно, русскихъ названій), съ очень своеобразными особенностями, тушканчики (Dipus) и кое-какія насѣкомыя.

На первомъ планѣ здѣсь нужно поставить весьма обыкновенную и распространенную яще-

рицу, которая одна изъ первыхъ бросается въ глаза по обилію, довольно большому росту и способности перекрашиваться; это — агама (Agama sanguinolenta Pall.), — бурожелтоватая ящерица около четверти длиною, съ короткою и толстою головою, коренастая, съ длиннымъ, толстоватымъ при основаніи хвостомъ. Способность перекрашиваться напоминаетъ до извѣстной степени хамелеона, но процессъ перекрашиванія идетъ здѣсь очень медленно и притомъ въ одинъ цвѣтъ. Перекрашиваніе происходитъ на горлѣ и на груди, которыя въ обыкновенномъ состояніи нечистаго бѣлаго цвѣта. Иногда оно бываетъ слабое и не обширное, т. е., напр., синеватый оттѣнокъ появляется только на горлѣ, а иногда горло окрашивается въ интензивный синій цвѣтъ, распространяющійся на грудь и даже на брюхо. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ перекрашиваніе доходитъ до заднихъ ногъ.

Часто съ перекрашиваніемъ совпадаетъ ясное измѣненіе въ настроеніи духа ящерицы. Напр., послѣ возбужденія, въ которомъ она мечется при поимкѣ, животное впадаетъ въ апатичное состояніе, дѣлается вялымъ, мало подвижнымъ, и иногда остается лежать на рукѣ брюшкомъ кверху, какъ бы въ обморокѣ, — вполнѣ непритворномъ, потому что, если оставить ящерицу на свободѣ, она приходитъ въ себя очень медленно. Именно у такой, впавшей въ обморокъ, агамы я видѣлъ самое сильное, хотя не широко распространявшееся перекрашиваніе. При слабомъ перекрашиваніи, такого утомленнаго состоянія я не наблюдалъ.

Тигръ при переходѣ черезъ барханную полосу; джюзгуны.

Изрѣдка попадаются агамы также съ четыреугольными красножелтыми пятнами на спинѣ, но, повидимому, эти пятна постоянны.

Вторая интересная форма песковъ, встрѣчающаяся въ обиліи, — тоже ящерица и, въ общемъ, того же типа, какъ агама, т. е., короткоголовая, коренастая, съ толстымъ при основаніи хвостомъ, сплюснутая сверху книзу, съ плоскою спиною, но почти вдвое меньше ея ростомъ, — Phrynocephalus caudivolvulus Pall.

У фриноцефаловъ, собственно, очень любопытенъ и забавенъ ихъ способъ запрятываться въ песокъ. Замѣтивши какой-нибудь враждебный предметъ, ящерица плотно прилегаетъ къ песку и начинаетъ быстро и своеобразно дрожать на мѣстѣ, раздвигая при этомъ песокъ боками и надавливая на него брюхомъ. Черезъ нѣсколько мгновеній — на пескѣ вмѣсто нея остается лишь продолговатое, едва замѣтное углубленіе: ящерица, такъ сказать, утонула въ пескѣ и лежитъ на нѣкоторой глубинѣ подъ его поверхностью.

Да песокъ и дѣйствительно, если не жидкое, то полужидкое тѣло; такимъ считаютъ его механики, а вмѣстѣ съ ними и «кумъ-джилянъ» Киргизовъ, маленькій степной удавъ (Erix jaculus L.). Эриксъ ходитъ въ пескѣ очень быстро и ловко; онъ врывается въ него, роется и прямо ползетъ въ его массѣ, извиваясь по-змѣиному, чѣмъ часто выдаетъ себя, такъ какъ онъ роется недалеко отъ поверхности песка, который и движется сообразно движеніямъ змѣи. «Кумъ-джилянъ» — настоящій удавъ; онъ точно такъ же ловитъ живую добычу, часто гораздо толще себя, напр., мышей, и точно такъ же глотаетъ ее цѣликомъ, медленно втягивая внутрь. По виду это — небольшая красноватобурая змѣя, около аршина длиною, съ очень мелкими гладкими чешуйками. Эриксъ совершенно не ядовитъ. Его очень легко сразу отличить отъ всякой другой змѣи этой мѣстности, по тупому, какъ бы обрубленному хвосту, толстоватому, округлому тѣлу, съ довольно глубокимъ пережимомъ около конца хвоста.

Кромѣ этой змѣи, барханы характеризуются еще прекрасивою и также неядовитою змѣйкою, живущею на поверхности, — Taphrometopon lineolatum Brandt. Это необыкновенно

стройная змѣя, нѣсколько длиннѣе эрикса и толщиною около мизинца, съ ясно отдѣленною красивою головкою и постепенно утончающимся острымъ хвостомъ. Сверху она буро-желтоватаго цвѣта, съ узкими, рѣзко отдѣляющимися, черными полосами. Рисунокъ, не смотря на простоту, такъ красивъ и ярокъ, что Киргизы дѣлаютъ изъ ея шкурки оправу для рукоятокъ нагаекъ. Ходитъ тафрометопонъ чрезвычайно быстро, извиваясь изъ стороны въ сторону, крупными, очень чистыми и однообразными извивами.

Кромѣ нихъ, въ барханной полосѣ водится еще одинъ гадъ — крупная черепаха (Homopus Horsfieldii Gray), съ невысокимъ черепомъ, сравнительно съ другими наземными черепахами, некрасиво окрашенная, но интересная тѣмъ, что она — единственный представитель наземныхъ черепахъ, имѣющій одинаковое число пальцевъ на заднихъ и переднихъ ногахъ. и, кромѣ того, тѣмъ, что живетъ въ западной песчаной Индіи, связывая, стало быть, фауну береговъ Арала съ индійскою.

Характерны также для песковъ тушканчики или земляные зайцы (Dipus). Эти небольшіе звѣрьки—забавныя созданія. Тушканчикъ держится обыкновенно вертикально, т. е., ходитъ на заднихъ ногахъ, которыя очень длинны; переднія же лапы коротки. Бѣгаетъ онъ очень быстро, огромными прыжками. Къ людямъ, обжившись около нихъ, тушканчикъ привыкаетъ до того, что не обращаетъ на нихъ большаго вниманія и ходитъ по джюламейкамъ (войлочнымъ киргизскимъ кибиткамъ, которыя употребляются здѣсь всѣми, кому приходится болѣе или менѣе долго прожить въ открытой степи). Тушканчики юрки, подвижны и, при манерѣ держаться на заднихъ лапахъ, оригинальны и миловидны.

Пески не бѣдны насѣкомыми. Въ особенности бросаются въ глаза нѣсколько видовъ кузнечиковъ, и жукъ, встрѣчающійся на караванныхъ путяхъ (Scarabeus). Караванный путь обыкновенно бываетъ усѣянъ шариками верблюжьяго помета, величиною въ небольшой картофель. Жукъ, — черный, толстый, съ короткимъ тѣломъ. крѣпкими ногами, — имѣетъ длину около дюйма. Ему нужны эти комья помета, чтобы положить въ нихъ яйца. Наложить же яицъ прямо въ шарикъ, лежащій на дорогѣ, жукъ находитъ неудобнымъ: — шарикъ нужно удалить съ дороги и затѣмъ спрятать въ песокъ. Жукъ упирается передними ногами въ песокъ, задними въ комокъ помета и начинаетъ катить шаръ, пятясь задомъ. И удивительно приспособился онъ къ этой работѣ! Ровно перебирая задними и передними ногами и приноровляясь къ неровностямъ поверхности шарика и почвы, онъ катитъ комъ ровно и довольно быстро, хорошо сохраняя направленіе и обнаруживая въ себѣ опытнаго и выдержаннаго работника.

Вотъ, — не говоря о немногихъ птицахъ (жаворонки, каменушки), — наиболѣе типичныя формы барханной полосы. Замѣчательно, что большая часть ихъ окрашена въ желтовато-бурый цвѣтъ, съ различными оттѣнками и измѣненіями, — подъ цвѣтъ песковъ.

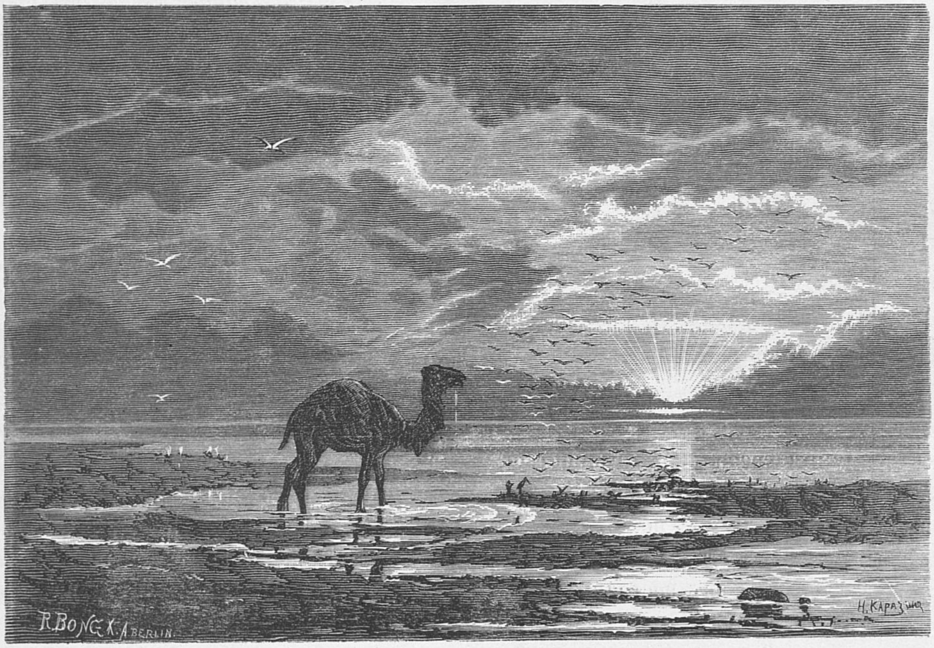
Барханная полоса — полоса наибольшаго жара лѣтомъ. Съ самаго утра, при обыкновенной безоблачности здѣшняго неба, солнце начинаетъ сильно нагрѣвать ее, и около полудня и пески, и солончаки, — въ особенности послѣдніе, — пышутъ жаромъ. Тепло сохраняется надолго еще и вечеромъ, и ночью, — и послѣ короткаго промежутка свѣжести, передъ восходомъ солнца, снова начинается накаливаніе песковъ и солончака. Потому, вѣроятно, и ютятся здѣсь жители жаркой Африки и Индіи.

По своему протяженію въ ширину, барханная полоса слѣдуетъ на берегахъ моря прибойно-тростниковой. Она шире на восточномъ и южныхъ берегахъ и у́же на сѣверномъ и западномъ. Въ устьяхъ рѣкъ, барханная полоса вытѣсняется тростниковою. Ширина барханной полосы на западномъ и сѣверномъ берегахъ мѣряется десятками и сотнями саженъ и лишь въ отдѣльныхъ исключительныхъ случаяхъ достигаетъ 1 и 2 верстъ.

Барханно-дюнная полоса вообще лежитъ не высоко надъ уровнемъ моря. Начало ея можно считать отъ 2—3 футовъ надъ линіею урѣза. Что же касается высоты баргановъ, то она находится въ связи съ протяженіемъ барханно-дючныхъ песковъ. Гдѣ пески широки, тамъ барханы

имѣютъ значительную вышину; при узкой же полоскѣ песковъ барханы не образуются, если не считать за нихъ невысокія, до 1 — 2 футовъ, кучи песку. Пройдя барханно-дюнную полосу, мы выходимъ, черезъ обрывъ или откосъ, на высокую степь, — на почвы, составляющія основу равнины, въ которой вырыта котловина ложа Аральскаго моря. Взглянемъ, по порядку, сначала на обрывы, а потомъ уже перейдемъ и къ степи.

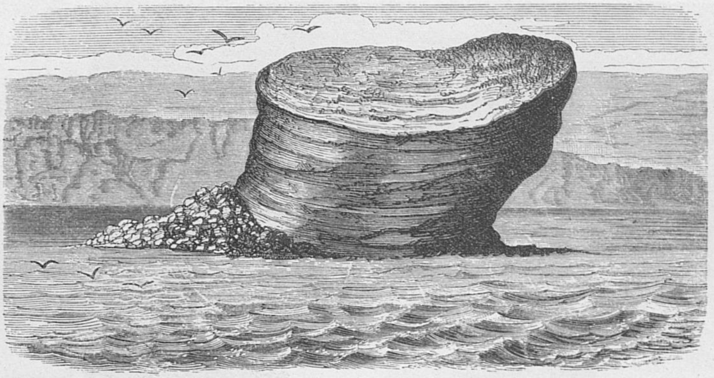
Вотъ уперлась прямо въ узкую дюнную полосу стѣна (въ нѣсколько сотъ футовъ вышины) обрыва Усть-Урта у родника Анты-Кенды. Подножіе усѣяно огромными глыбами камней, свалившихся сверху. Отдѣльные крупные камни долетѣли до самаго урѣза. Пяту его составляютъ частью известняки, болѣе или менѣе потрескавшіеся, разрыхленные, мѣстами обвалившіеся; но чаще у пяты находится глинистая осыпь, образующая уступъ, который, соединяясь съ обрывомъ,



Видъ Аральскаго моря: — сѣверо-восточный берегъ около могилы Акъ-Джулпасъ.

прикрываетъ его подножіе. Этотъ уступъ покрытъ рядомъ неглубокихъ, разнообразной формы, рытвинъ, образованныхъ атмосферною водою. Вообще же, поверхность его совершенно гладка. Поднимаясь выше, приходится столкнуться съ новымъ уступомъ, за нимъ — со вторымъ, третьимъ и т. д. Чѣмъ выше по обрыву, тѣмъ менѣе гладкою становится поверхность уступовъ,—на ней попадаются глыбы глины, отвалившейся сверху и еще не разсыпавшейся подъ вліяніемъ атмосферной воды и перемѣнъ температуры,—тѣмъ выше становятся самые уступы, образуя огромные гребни, которые тянутся параллельно главному направленію обрыва. Долины между отдѣльными гребнями уступовъ связываются другъ съ другомъ водомоинами и рытвинами, по которымъ потоки дождевой и снѣговой воды стремятся къ морю. Лѣтомъ, когда воды почти не выпадаетъ, эти рытвины обыкновенно высыхаютъ, но почва въ нихъ постоянно сыра; поэтому, густыя поросли тростника лѣпятся, слѣдуя имъ, по обрыву, отъ подошвы до вершины, разрастаясь въ видѣ обширныхъ чащъ тамъ, гдѣ долины, между гребнями уступовъ, представляютъ удобныя условія для образованія лужъ. На самомъ верху, стѣна послѣдняго уступа состоитъ изъ известняка, плиты котораго выставляются изъ стѣны самымъ разнообразнымъ образомъ, давая крайне пестрый рисунокъ въ очертаніяхъ. Нужно замѣтить, что и линія

обрыва вообще крайне разнообразна, и что, поэтому, на каждомъ шагу можно натолкнуться на совершенно неожиданныя картины. Между стѣною и послѣднимъ гребнемъ уступа тянется, въ извѣстныхъ мѣстахъ берега, узкая долинка, и эти долинки—одни изъ самыхъ живописныхъ уголковъ на берегахъ Аральскаго моря. Тутъ обыкновенно много, сравнительно, воды, такъ какъ известковая стѣна долинки представляетъ обнаженіе водосодержащаго пласта Усть-Урта, изъ котораго и сочатся въ нее родники. Общій типъ родника здѣсь таковъ: изъ небольшой, обмытой ямки течетъ струйка воды, которая, пройдя нѣсколько шаговъ, распространяется въ почвѣ и поглощается тростниковою гривою, или болотомъ, смотря по величинѣ струи. Благодаря присутствію воды, здѣсь является болѣе сильная растительность. Неправильно перерѣзанная рытвинами и раздѣленная на отдѣльные холмы гряда самаго верхняго уступа, съ одной стороны, а съ другой — каменная стѣна, придаютъ долинкѣ видъ горнаго ущелья, но только въ миніатюрѣ, такъ какъ ложныя горы очень невысоки.



Камень Токпакъ-Кызъ.

Перебравшись по какой-нибудь лощинкѣ черезъ известковую стѣну, мы — на высокой степи. Но это одинъ, и самый полный, случай обрыва. Вотъ другой, — на островѣ Барса-Кильмесъ. Здѣсь известняковъ, а поэтому, и камней нѣтъ вовсе; весь обрывъ, состоящій изъ уступовъ и долинокъ между ихъ гребнями, — глинистый. На верхнемъ краю его глины немного выдались и нависли карнизомъ надъ кручею. Карнизъ, на всемъ протяженіи, зазубренъ мелкими водомоинами, которыя тянутся по обрыву, въ верхней части его, спускаясь почти отвѣсно къ морю. Очевидно, здѣсь дѣло стоитъ значительно проще. Еще проще третій случай обрыва на мысѣ Изенде-Аралъ, юго-восточной оконечности полуострова Куланды, вдающагося въ море съ сѣверо-запада. Тутъ надъ моремъ просто висятъ подмытые пласты известняка, съ одной стороны, а съ другой -- гладкій глинистый, очень крутой склонъ, упирающійся въ узкую прибойную полосу. Мысъ Изенде-Аралъ окруженъ водою почти со всѣхъ сторонъ, исключая полоски въ нѣсколько десятковъ саженъ шириною, которою онъ еще соединяется съ берегомъ, и которая, по всей вѣроятности, будетъ позднѣе размыта, и мысъ превратится тогда въ маленькій островокъ; а когда потоки атмосферной воды снесутъ съ темени его всю глину и совершенно обнажатъ известняки, то — въ скалу, подобную камню Токпакъ-Кызъ, находящемуся въ нѣсколькихъ верстахъ къ сѣверу отъ Изенде-Арала. Обрывы на Токпакѣ-Кызѣ еще проще: это — подмытая съ одной стороны и выдающаяся частью верхняго края надъ моремъ скала, футовъ около 45 вышиною; съ другой стороны, она такимъ же обрывомъ, но не подмытымъ внизу, примыкаетъ къ невысокой розсыпи изъ крупныхъ известковыхъ камней. Розсыпь тянется грядою саженъ около 150 длиною, по направленію къ берегу, постепенно понижаясь и указывая, съ которой стороны Токпакъ-Кызъ былъ соединенъ съ материкомъ. Поверхность обрывовъ часто покрыта, какъ сказано, водомоинами, и на это ничтожное, повидимому, явленіе я обращаю особенное вниманіе читателя. Такая небольшая борозда на поверхности обрыва, проведенная потокомъ дождевой воды, есть зародышъ весьма крупныхъ явленій. Разъ водомоина образовалась,— она стала русломъ для стока всей атмосферной воды съ извѣстнаго участка поверхности суши, склоняющагося къ ея ложу, до водораздѣла съ другими, сосѣдними водомоинами. Годъ отъ

году атмосферная вода углубляетъ водомоину, бока ея осыпаются, осыпавшіяся на дно частицы земли уносятся новыми и новыми потоками воды,— и водомоина растетъ. Она дѣлается глубже, шире и поглощаетъ въ себя не успѣвшія еще развиться на столько же сосѣднія водомоины. Вмѣстѣ съ расширеніемъ и углубленіемъ, она удлиняется, ползетъ своимъ верховьемъ дальше и дальше вглубь материка, и — водомоина становится оврагомъ. На краяхъ береговъ оврага образуются новыя водомоины, также растущія и также превращающіяся постепенно въ овраги, — побочные. Получается нѣкоторое подобіе рѣки, повременамъ текущей, временно получающей воду изъ атмосферы и собирающей въ себя эту воду съ извѣстнаго участка поверхности суши. Оврагъ можетъ удлиняться почти до самыхъ высокихъ точекъ данной мѣстности, но углубляться ниже поверхности того бассейна или струи воды, куда онъ впадаетъ, — не можетъ. Поэтому, достигнувши извѣстной глубины, оврагъ перестаетъ увеличиваться въ этомъ направленіи; зато русло его, вслѣдствіе осыпанія береговъ, становится шире и шире, а самые берега положе и положе,— и около оврага начинаетъ образоваться логъ. Съ побочными оврагами происходитъ то же самое, и они постепенно превращаются также въ лога, соединяющіеся съ логомъ, образовавшимся около перваго оврага. Является, стало быть, система логовъ, по дну которыхъ вьются овраги, открывающіеся, въ концѣ концовъ, въ главный оврагъ. Но и бока самаго лога, наконецъ, продолжаютъ смываться, становятся болѣе и болѣе отлогими, — логъ расширяется настолько, что глубина его дѣлается ничтожною, сравнительно съ шириною; даже то, что на землѣ существуетъ углубленіе въ этомъ мѣстѣ, дѣлается иногда замѣтнымъ лишь издали: — является лощина.

Однако, въ то время, когда водомоина и оврагъ все ползли да ползли вглубь материка, осыпаніе ихъ береговъ при устьѣ шло своимъ порядкомъ, такъ что устье именно и прошло прежде всего стадіи устья водомоины, устья оврага и устья лога, — и могутъ быть случаи, когда при устьѣ на мѣстѣ бывшаго оврага уже образовалась лощина, тогда какъ вблизи верховья еще и не начиналось, въ ясной формѣ, образованіе лога.

Но, вѣдь, оврагъ на обрывѣ въ окончательной стадіи развитія прорѣзываетъ обрывъ сверху донизу: въ этомъ мѣстѣ нѣтъ обрыва. Когда изъ оврага произошелъ логъ, то обрывъ исчезъ на берегу, либо понизился уже на большомъ разстояніи въ стороны отъ бывшаго устья оврага. При лощинѣ это разстояніе сдѣлалось еще болѣе значительнымъ. Поэтому, если мы встрѣчаемъ гдѣ-нибудь на равнинѣ лощину, по наиболѣе глубокому мѣсту которой вьется оврагъ, мы смѣло можемъ говорить, что отсюда унесена атмосферною водою масса почвы, что суша была здѣсь нѣкогда выше. Иногда мы можемъ заключать даже, что масса этой почвы находилась нѣкогда на высотѣ наивысшихъ точекъ, которыя мы находимъ въ окрестностяхъ.

На берегахъ Арала, въ области обрывистыхъ береговъ, мы не встрѣчаемъ иногда, какъ сказано, — именно поэтому обрыва, а пологій откосъ, упирающійся въ барханно-дюнную полосу. Это бываетъ именно въ лощинахъ. Разсматривая положеніе этой лощины, въ иномъ случаѣ имѣющей нѣсколько верстъ въ ширину и едва замѣтной относительно обрыва, мы убѣдимся, что здѣсь былъ нѣкогда и обрывъ, столь же высокій, какъ вправо и влѣво отъ лощины, но теперь онъ совершенно смытъ атмосферною водою, и вся почва, выполнявшая лощину, снесена въ море. Овраги въ глубинѣ лощины, куда впадаютъ другіе овраги, присутствіе невысокаго, крутаго откоса отъ лощины къ барханно-дюнной полосѣ, не встрѣчающагося лишь въ очень рѣдкихъ случаяхъ, — откоса, линія направленія котораго представляетъ продолженіе линіи направленія обрыва, — дѣлаютъ это несомнѣннымъ.

Поэтому правильно будетъ сказать, что за барханно-дюнною полосою слѣдуетъ обрывъ, ведущій на высокую степь, мѣстами смытый и перерываемый устьями промоинъ, овраговъ и лощинами. Сообразно тому, что барханно-дюнная полоса наиболѣе узка на сѣверо-западномъ берегу Арала, здѣсь ближе всего подходятъ къ берегу и обрывы: — сѣверный и западный берега Арала обрывисты.

Вообще обрывы Арала почти совершенно лишены растительности. Лишь слѣдуя направленію родниковъ и сырыхъ водомоинъ, по нимъ тянутся зеленыя полосы тростника, даже случайно съ единичными кустами тальника, иногда тополя (Populus diversifolia), да торчатъ разбросанные кусты саксаула, спустившагося сверху, — съ высокой степи. Иногда, впрочемъ, на небольшихъ участкахъ, кусты образуютъ довольно частую поросль, но, въ общемъ, обрывъ представляетъ голую, съ неправильнымъ рельефомъ, поверхность; лишь изрѣдка, кое-гдѣ виднѣются на немъ то одиночные кустики, то небольшія группы ихъ.

Къ числу отдѣльныхъ интересныхъ пунктовъ въ области известковыхъ обрывовъ принадлежатъ два весьма любопытныхъ мѣста на Аральскомъ морѣ: уже упомянутые выше мысъ Изенде-Аралъ и скала Токпакъ-Кызъ. Изенде-Аралъ имѣетъ весьма красивый обрывъ съ южной и восточной сторонъ. На сѣверной сторонѣ обрывъ замаскированъ глинистою осыпью, образующею весьма ровную и однообразную кручу. На западной сторонѣ глинистая осыпь внизу прерывается глыбами камней обнаженныхъ самыхъ нижнихъ пластовъ известняковъ, образующихъ мысъ. Эти камни тянутся по всему узкому перешейку, соединяющему Изенде-Аралъ съ Куланды. Между ними находятся куски весьма плотнаго мелкозернистаго песчаника, — которые наши матросы нашли очень пригодными на бруски для точенія ножей, а также куски каменнаго угля, залегающаго неизвѣстно гдѣ, — по всей вѣроятности, подъ водою, откуда они и извлекаются отъ поры до времени на поверхность.

Обнаженныя восточная и южная стороны мыса очень сильно подмыты, такъ что верхнія части скалы выдаются надъ подошвою, которую непосредственно омываетъ море. Прибойная полоса такъ узка, что, мѣстами, по ней нельзя пройдти и нужно идти по водѣ. Поверхность всей скалы представляетъ систему отвѣсныхъ выступовъ и углубленій самой разнообразной формы: море влизалось въ узкія трещины скалы, въ водомоины на ней, и разлизало ихъ въ широкія при входѣ, съуживающіяся къ концу, глубокія, вертикальныя расщелины, отдѣленныя другъ отъ друга, какъ толстыми перегородками, выступами известняковъ, нависающими надъ моремъ. Иныя изъ расщелинъ, — которыя всѣ вообще имѣютъ стремленіе распространяться кверху и въ глубину скалы, — косо пробились до самаго темени скалы, сквозь глины, такъ что, взглянувши въ глубину такой расщелины, можно видѣть клочекъ синяго неба въ рамкѣ изъ освѣщенныхъ солнцемъ бурыхъ глинъ.

На Изенде-Аралѣ мы встрѣтили перваго и единственнаго на морѣ ястреба — маленькаго Falco cenchris (?), по всей вѣроятности, гнѣздившагося здѣсь. Кромѣ того, тутъ же, у подошвы скалы, одинъ изъ матросовъ замѣтилъ глубокую, черную пустоту, настоящую нору, въ которой оказалась утка (Vulpanser Tadorna L.).

Кругомъ Изенде-Арала множество подводныхъ камней; съ южной стороны нѣсколько глыбъ выдаются надъ поверхностью моря, служа мѣстомъ пристанища для баклановъ и чаекъ: — еще издали онѣ чернѣютъ и бѣлѣютъ отъ насѣвшихъ птицъ. Но едва ли гдѣ-нибудь на Аралѣ собирается такая масса птицы, какъ на камнѣ Токпакъ-Кызъ.

Мы подходили къ камню съ сѣвера, отъ мыса Кауфманна, и еще миль за 10 онъ вырисовывался въ видѣ сѣраго пятна на желтобуромъ фонѣ глинистыхъ береговъ. Масса темныхъ точекъ, то поднимающихся надъ нимъ и двигающихся въ различныхъ направленіяхъ, то снова исчезающихъ на совершенно черномъ темени скалы, была видна издали. Съ приближеніемъ къ камню черное пятно начало разрѣшаться въ массу черныхъ точекъ, а двигающіяся надъ нимъ точки — превращаться въ черныхъ баклановъ и бѣлыхъ чаекъ. Я зналъ, что камень служитъ пріютомъ для массы птицы, а стало быть, знали объ этомъ и мои спутники, которымъ я не разъ сулилъ удовлетвореніе на Токпакъ-Кызѣ ихъ охотничьихъ порывовъ. Мы ждали поэтому камня съ большимъ интересомъ и нетерпѣніемъ. Вся команда выбралась на палубу и сгрудилась на носу, устремивъ глаза на скалу. Разстояніе постепенно уменьшалось. Мы увидѣли, наконецъ, совершенно ясно, что всю верхнюю площадку камня, плечомъ къ плечу, бокомъ къ боку,

обсѣли большія, величиною съ ворона, черныя птицы съ длинными, вытянутыми, какъ палки, шеями, маленькими головами, довольно длинными носами, выпяченными грудями, плоскими брюхами, коротконогія, но съ огромными лапами. Птицы, очевидно, сильно возбуждены: онѣ вытянулись во весь ростъ и съ тревожнымъ вниманіемъ смотрятъ на насъ. Время отъ времени съ вершины камня сорвется наиболѣе любопытная и нетерпѣливая птица, сильнымъ, отчасти вороньимъ, отчасти утинымъ, полетомъ пролетитъ мимо судна, умчится дальше и пропадетъ вдали надъ моремъ, или, сдѣлавши большой кругъ, сунется снова на камень. Нѣсколько чаекъ также снуютъ и надъ судномъ, и около камня.

Мы подвигаемся еще ближе. Съ камня чаще и чаще срываются и носятся надъ судномъ бакланы. Ружья давно заряжены, но разстояніе все еще велико, такъ какъ судно не можетъ идти близко къ камню: — опасно.

Попробуемъ стрѣлять пулями...

Между нами и камнемъ всего уже около 60 саженъ... Можно стрѣлять... Состояніе духа на суднѣ напряженное. Охотники изъ команды, кажется, готовы были бы пѣшкомъ броситься по водѣ къ камню. Оружіе наготовѣ... Наконецъ, разрѣшено стрѣлять... Двѣ пули и гнѣздо ружейной картечи понеслись на Токпакъ. Шелохнулось птичье населеніе; десятка два баклановъ поднялись съ камня въ разныя стороны, безпорядочно, какъ бы въ недоумѣніи, зачѣмъ это имъ слѣдуетъ летѣть, и половина ихъ тотчасъ же сѣла обратно; другіе закружились надъ камнемъ; часть полетѣла прочь. Отъ низменной гряды камней отдѣлилось бѣлое пятно: — табунъ незамѣченныхъ раньше бабъ (Pelecanus crispus Bruch)... Охотничьи инстинкты разгораются еще сильнѣе. — «Не стрѣлять! Не стрѣлять! Разгонимъ бабъ!..»

Паруса берутся на гитовы. Быстро спустили на воду шлюбку, и мы, охотники, пустились на Токпакъ. Шлюбка скоро прошла небольшое разстояніе, отдѣлявшее судно отъ камня. Глубина посвѣтлѣла; на днѣ замелькали большія, неясныя пятна... Еще нѣсколько ударовъ веселъ, — пятна получаютъ контуры, обращаясь въ огромные подводные камни. Вотъ болѣе высокія волны на послѣднихъ камняхъ. Шлюбка качнулась разъ, два и стала на плоскомъ камнѣ, едва прикрытомъ водою...

Между птицами полный переполохъ. Съ другой стороны камня поднялся и могучимъ, плавнымъ полетомъ, съ рѣдкими, тяжелыми взмахами крыльевъ, потянулся табунъ бабъ. Насъ обуялъ охотничій азартъ, въ особенности разгорячились матросы. Убрали шлюбку, и всѣ кучей пустились подлѣ обрыва камня, согнувшись и высматривая впереди... Подошли къ грядѣ, поднялись на нее до половины: — черезъ гряду видно море, виденъ другой берегъ... У самой воды цѣлая вереница массивныхъ, огромныхъ, коротконогихъ, бѣлыхъ птицъ — бабъ, съ широкими, длинными клювами, опущенными книзу, съ большими желтыми мѣшками подъ клювами. Одна замѣтила наши головы, выставившіяся изъ-за гряды, сунулась впередъ и всплыла на водѣ. За нею другая, третья... Ба—бацъ! Бацъ!.. Нѣсколько бабъ свернулись на мѣстѣ... Но точно отвалился край известковаго берега Токпака и всплылъ на водѣ: — до десятка табуновъ бабъ бросились въ воду и пошли отъ берега. Сотни крыльевъ взмахнули въ разныхъ мѣстахъ камня, огласившагося птичьимъ крикомъ; зашлепали, падая въ воду съ вершины, камня болѣе взрослые бакланята... Нѣсколько бѣло-сѣрыхъ плавучихъ островковъ чаекъ отдѣлилось отъ Токпака и пошло въ море. Здѣсь бакланъ, тамъ чайка,—все птица непригодная, и охотничій жаръ черезъ нѣсколько минутъ стихнулъ. Первые выстрѣлы на камнѣ были и послѣдними, — скоро мы ходили по Токпаку уже безъ малѣйшаго желанія поднять ружье для выстрѣла. Суматоха на камнѣ, однако, продолжается, не смотря на то, что мы не стрѣляемъ. Бабы, сгруппировавшись въ нѣсколько табуновъ, все болѣе и далѣе удаляются отъ берега, образуя необыкновенно красивыя бѣлыя пятна на темной синевѣ покойнаго, искрящагося и едва колыхающагося моря. Но у нихъ тамъ, вдали, творится что-то неладное... Вонъ какой каскадъ водяныхъ брызгъ поднялся около одной!.. Она мечется, хлопаетъ крыльями объ воду

и понемногу исчезаетъ подъ ея поверхностью... А тамъ тоже дѣлаетъ другая, третья... Табуны разбиваются, птицы бросаются изъ стороны въ сторону, порывисто кидаясь по поверхности воды и взмахивая недоросшими крыльями...

— Сомы! Сомы! Сюда идутъ! — крикнулъ кто-то съ камня.

Шлепанье падающихъ бакланятъ привлекло рыбу, почуявшую добычу, но сомы встрѣтили раньше баклановъ молодыхъ бабъ, зашедшихъ дальше въ море, и начали охоту съ нихъ... Намъ нужно было, между тѣмъ, смѣрить высоту камня, и матросы взлѣзли наверхъ. Сидѣвшіе пока еще спокойно наверху, остальные, болѣе молодые, бакланята не могли вынести появленія ихъ въ своей средѣ. Едва матросы показались кучею (одинъ, два матроса взлѣзли еще прежде) на площадкѣ вверху камня, какъ съ него посыпался въ воду настоящій дождь бакланятъ... У насъ уже и раньше начало шевелиться чувство недовольства собой за надѣланную въ птичьемъ населеніи тревогу, но встрѣтить птенцовъ никто не разсчитывалъ... Полетѣвшіе сверху въ море бакланята были послѣднею каплею, совершенно испортившею все настроеніе духа. Еще не совсѣмъ оперившіеся, неумѣющіе хорошо плавать, они, едва попробовавши прикосновенія непривычной холодной воды къ голому брюху и борясь, правда, съ мелкими, но все же замѣтными для ихъ крошечныхъ силъ, волнами, взлѣзали обратно на берегъ, уже совершенно не обращая вниманія на человѣка; нѣкоторые, просто въ какомъ-то безчувственномъ состояніи, тянулись къ берегу, выползали на первый попавшійся камень и ложились на него. Иныхъ волна прибивала уже мертвыми... Живыхъ мы отсаживали дальше отъ прибоя, на скалу...

Но пусть представятъ себѣ читатели все-таки и слѣдующую картину... На берегу, почти уткнувшись носомъ въ воду, лежитъ на брюхѣ матросъ. У него въ обѣихъ рукахъ что-то бѣлое, подъ мышками — тоже, и огромная масса этого бѣлаго возится, — очевидно, живая... Подходимъ ближе... Одинъ изъ нашихъ лучшихъ и милѣйшихъ матросовъ, совершенно не обнаруживавшій раньше духа стяжанія, поймалъ нѣсколькихъ молодыхъ бабъ. Однѣхъ онъ держитъ руками за крылья и шеи, другихъ прижалъ локтями подъ мышками, и такъ какъ птенцы величиною съ добрую дворняжку, то ему трудно сладить съ добычею. Они бьются, и чтобы не выпустить ихъ, остается одно — лежать на брюхѣ и сжимать покрѣпче непокорное пріобрѣтеніе... Онъ такъ и дѣлаетъ...

— Это что такое? Зачѣмъ? — спрашиваю я...

— Позвольте на судно взять...

Нужно было видѣть величину заполоненной массы, чтобы понять весь комизмъ этого желанія и просьбы...

— Зачѣмъ же ихъ тебѣ?..

— Кормить будемъ, в. вб—діе!.. Выкормимъ...

(Выкармливать и воспитывать — страсть матросовъ.)

— Чѣмъ же кормить ты будешь?...

— Крупкой, хлѣбомъ...

Я приказалъ бывшему со мной другому матросу взять одну изъ убитыхъ бабъ и встряхнуть ее за ноги головою внизъ... Изъ мѣшка выпалъ карпъ, вершковъ 6 длины.

— Такой крупкой? — спрашиваю я...

— А крупы-то онѣ ѣсть не будутъ?

— Низачто не будутъ...

— Что же прикажете дѣлать съ ними, в. вб—діе?

— Пустить, — вотъ что...

Матросъ освобождаетъ плѣнницъ, которыя бросаются въ воду и уплываютъ...

Токпакъ осмотрѣнъ, смѣрянъ; все, что можно собрать на немъ, собрано, и мы возвращаемся на судно.

Я не запомню такого непріятнаго и тоскливаго вечера на Аралѣ, какъ на этотъ разъ. Стоя-

яли мы на якорѣ очень близко отъ камня, и до поздней ночи слышались крики перетревоженнаго населенія...

Бакланы, чайки и бабы составляютъ всю птичью фауну Токпака. Мы нашли, правда, тутъ же молодыхъ, еще не летавшихъ, сѣрыхъ цапель или чепуръ (Ardea cinerea L.) но, по всей вѣроятности, это случайное явленіе.

На побережьѣ Токпака, подъ водою, въ обиліи растутъ водоросли, Enteromorpha и Cladophora, а между ними устраиваются мелкіе раки. Съ другой стороны, водоросли даютъ притонъ личинкамъ разной двукрылой мелкоты.

Но Токпакъ-Кызъ и Изенде-Аралъ, однако, не настоящіе типы обрывовъ. Это — исключительные частные случаи, гдѣ, благодаря сочетанію особаго рода условій, сложились своеобразная фауна, своеобразныя отношенія элементовъ, своеобразная обстановка и т. д.

Нормальныя условія обрывовъ иныя,— они были уже указаны выше. Типичны для обрывовъ не бакланы, бабы и чайки, которыхъ можно встрѣтить и на любой песчаной отмели, а ящерица Eremias velox Pall., да, можетъ быть, весьма некрасивый Gymnodactylus caspius Eichw., тоже ящерица,— ночная, чуть зеленоватосѣрая, съ огромными глазами, покрытая крупными щитками, разсѣянными между мелкою чешуею. Случайно можно встрѣтить въ обрывахъ также волчьи норы, а въ одномъ мѣстѣ мы видѣли огромную колонію галокъ (Corvus monedula L.?). Стрижи (Cotyle riparia L.)—также нормальные жильцы этой узкой полосы.

Усть-Уртъ.

Изрѣдка, около родниковъ, можно встрѣтить также одну изъ красивѣйшихъ птицъ мѣстности — розоваго скворца (Pastor roseus L.), покрытаго перьями чистаго розоваго цвѣта, съ черною головою и крыльями.

Но самою типичною формою обрывовъ изъ всѣхъ ихъ остается юркая и живая Eremias velox Pall.

Жарко. Солнце страшно печетъ. Прибрежные пески нагрѣты. Нагрѣты и свалившіяся на нихъ съ обрыва каменныя глыбы. Отсутствіе жизни, на первый взглядъ, полное. Но это—на первый взглядъ. Жизнь идетъ своимъ чередомъ, и на камняхъ, и между камнями, хотя можетъ быть, притихшая, разомлѣвшая подъ тяжелымъ припекомъ солнца: — изящныя, стройныя, длиннохвостыя и остромордыя ящерицы, — синевато-сѣрыя, съ продольными рядами черныхъ точекъ по бокамъ тѣла, внутри которыхъ находится еще по синеватому глазку, — расположились на теплыхъ камняхъ, и въ одиночку, и кучками, и сторожко слѣдятъ за тѣмъ, что происходитъ вкругъ нихъ. Это и есть эреміасъ.

Издали можно любоваться ими подолгу. Ловко повернутыя, внимательныя фигуры ящерицъ, съ граціозными линіями изгибовъ тѣла, живыми глазками, часто крутыми, часто внезапными, но всегда красивыми мелкими движеніями — даютъ жизнь сѣрымъ камнямъ и удивительно стройно сливаются съ ними.

Но если подойти ближе, — то ящерицы сейчасъ же дадутъ ясныя доказательства, что онѣ недаромъ носятъ данное имъ Палласомъ имя velox, — быстрый.

Движенія, которыми онѣ срываются съ мѣста и прячутся за камень, — мгновенны. При преслѣдованіи онѣ сперва быстро перебѣгаютъ на другую сторону камня, прячутся въ трещинахъ, но, убѣдившись, что за ними ведется охота en forme, начинаютъ куда-то исчезать съ камней, къ удивленію наблюдателя, имѣющаго съ ними дѣло въ первый разъ. Несомнѣнно, что онѣ сидѣли на камняхъ во множествѣ, — а теперь ихъ нѣтъ ни на камняхъ, ни подъ камнями, ни въ расщелинахъ, ни на сосѣднихъ камняхъ. Убѣжали? Случайно попавшаяся на глаза, сверкнувши стрѣлою на полосѣ песку, по направленію къ обрыву, эреміасъ разъясняетъ, наконецъ, въ чемъ дѣло: — ящерицы перебѣжали къ обрыву, гдѣ онѣ, по ихъ мнѣнію, въ бо́льшей безопасности.

И мнѣніе ихъ на этотъ счетъ вполнѣ основательно: — стоитъ подойти къ камнямъ, лежащимъ у подошвы обрыва, какъ то одна, то другая ящерица стремглавъ бросается вверхъ по обрыву, по отвѣсной линіи, цѣпляясь за неровности камней, мелкія щели, корешки растеній, и чрезъ нѣсколько мгновеній пропадаетъ изъ виду или останавливается уже на совершенно недосягаемой высотѣ.

Очень любопытны молодыя Eremias; это крошечныя, — дюйма до полутора, — созданія, совершенно другой окраски, чѣмъ ихъ родители, — до того, что изъ нихъ былъ сдѣланъ даже особый видъ, Eremias erythrurus Sewerzow, пока не разъяснилось, что это молодыя Eremias velox Pall. Маленькія эреміасъ — сѣро-желтаго цвѣта, въ узкихъ продольныхъ черныхъ полосахъ (которыя и распадаются при возрастѣ на глазкообразныя пятна) и съ краснымъ снизу хвостомъ. Онѣ встрѣчаются тутъ же, гдѣ и старыя, но не на камняхъ, а въ пескахъ: очевидно, Eremias кладутъ яйца въ песокъ, гдѣ и держатся въ первое время молодыя, окрашенныя въ этомъ случаѣ подъ цвѣтъ песковъ, тогда какъ взрослыя окрашены подъ цвѣтъ камней. Стало быть, мы видимъ здѣсь разную окраску, одной и той же формы, соотвѣтственно различію условій, въ которыхъ она живетъ, то въ одно, то въ другое время. Общій тонъ расписанія молодыхъ сверху очень напоминаетъ окраску живущаго въ пескахъ же тафраметопона.

Но перейдемъ, однако, черезъ обрывъ и выйдемъ на высокую степь. Мы находимся теперь на глинистой равнинѣ. Почва очень плотна, общій цвѣтъ ея—зеленовато-сѣрый. Всюду рѣдкія щетки сухой травы, нисколько не скрывающей почвы и съ трескомъ ломающейся подъ ногами. Равнина покрыта мелкими водомоинами, вообще очень широкими и неглубокими, по самому углубленному мѣсту которыхъ тянутся мелкія бороздки, — ложа послѣднихъ дождевыхъ ручьевъ. Мѣстами, попадаются болѣе глубокія рытвины, заросшія тамъ и тутъ тростникомъ, изрѣдка съ одиночными кустиками тальника (Salix) и тополей (Populus diversifolia). Рѣже встрѣчаются настоящіе овраги, иногда очень длинные, весьма глубокіе, съ крутыми боками. Такъ, напр., овраги острова Кугъ-Аралъ производятъ положительно впечатлѣніе горныхъ ущелій. Съ обѣихъ сторонъ стоятъ высокія, въ сотни футовъ, отвѣсныя стѣны, изъ которыхъ торчатъ, вися надъ головою, какъ будто бы каменныя глыбы. Такими же глыбами усѣяно и чрезвычайно узкое ложе на днѣ оврага. Но эти камни — вовсе не камни, а комья глины, и это обстоятельство даетъ разгадку необыкновенной узкости овраговъ при значительной глубинѣ ихъ. Бока оврага состоятъ изъ глинъ нѣсколькихъ родовъ, между которыми главное мѣсто занимаютъ зелено-сѣрыя, — грубо-сланцеватыя и тонко-сланцеватыя, — глины. Тѣ и другія чрезвычайно плотны и, при сухости здѣшняго воздуха, — безъ всякаго слѣда влажности. Между тѣмъ, въ силу очень тонкаго внутренняго строенія, онѣ легко размокаютъ и весьма уступчивы по отношенію къ текучей водѣ. Поэтому, когда потокъ атмосферной воды углубляется въ толщу ихъ, то струя, легко размачивая глину и увлекая то, что размокло, быстро прорѣзываетъ всю толщу съ верху до низу, причемъ, въ силу уступчивости

глинъ, потокъ углубляется, не успѣвая расшириться, — и оврагъ выходитъ узкимъ. Но такъ какъ въ сухомъ состоянiи, тѣ же самыя глины, по причинѣ сухости воздуха, чрезвычайно плотны, то, выше уровня воды въ оврагѣ, онѣ распадаются на мелкiе куски или разсыпаются очень медленно, и, при осыпанiи сильнѣе разрыхленныхъ частей, болѣе плотныя массы ихъ выдаются изъ бока оврага и висятъ, какъ каменныя глыбы. Такое впечатлѣнiе еще болѣе усиливается особенностями общаго очертанiя кусковъ, въ сущности, сланцевато-сложенныхъ и принимающихъ форму брускообразныхъ или доскообразныхъ отдѣльностей. Но разрыхленiе ихъ и осыпанiе боковъ овраговъ, какъ ни медленно оно совершается, идетъ своимъ чередомъ, и, какъ сказано выше, овраги переходятъ, въ концѣ концовъ, въ лощины. Одного внимательнаго взгляда на высокую, глинистую степь совершенно достаточно, чтобы понять, что всѣ ея неровности, всѣ впадины, холмы и горки — результаты размыванiя первоначальной равнины, что возвышенiя — наиболѣе прочные, дóльше устоявшiе передъ влiянiемъ размыва атмосферною водою, пункта на равнинѣ. А потому, не смотря на нѣкоторое разнообразiе очертанiй поверхности, иногда довольно значительное, на отдѣльныя возвышенности, глинистая степь производитъ ясное впечатлѣнiе равнины.

Растительность степи бѣдна. Какъ сказано, лѣтомъ — это полусожженныя поросли рѣдкой, невысокой травы, да отдѣльные кусты или рощи саксаула, который, собственно, и типиченъ для степи, хотя спускается отсюда на обрывы и даже переходитъ на пески. Видъ степи, съ остатками высушенной травы, пусть читатель вообразитъ самъ; что же касается саксаульниковъ, то они въ главной чертѣ производятъ очень сходное впечатлѣнiе съ джюзгунами: нѣтъ широкихъ листьевъ, нѣтъ тѣни. По взгляду одного изъ нашихъ ботаниковъ, близко знакомаго съ Арало-Каспiйскою страною, г. Смирнова, характеристика деревьевъ адскаго лѣса, даваемая Дантомъ, отчасти (за исключенiемъ «con tosco», съ ядомъ) могла бы годиться и для саксаула:

Non frondi verdi, ma di color fosco;
Non rami schietti, ma nodosi e involti;
Non pomi v'eran, ma stecchi con tosco.

(Не зеленые листья, но бураго цвѣта, не гладкiя вѣтви, но узловатыя и искривленныя, не яблоки, а тернiя (ядовитыя) росли на нихъ *(деревьяхъ)*.

Кусты саксаула,— не высокiе, кривые и извитые, вправо и влѣво, отъ корня до послѣднихъ крупныхъ вѣтвей, съ узлами различной величины и формы, на различныхъ разстоянiяхъ другъ отъ друга, съ самыми неожиданными изгибами въ стороны послѣ каждаго узла, — образуютъ весьма оригинальныя по виду поросли. Издали эти поросли производятъ впечатлѣнiе жидкихъ, молодыхъ порослей сосняка, пока деревца еще не начали вытягиваться кверху, но только инаго цвѣта. Сосновая поросль имѣетъ яркiй, зеленый цвѣтъ, а саксауловая — тусклый, темно-зеленый, но не бурый, какимъ долженъ быть дантовскiй лѣсъ.

Саксаулъ на равнинахъ, какъ на темени острововъ Барса-Кильмеса и Николая I, растетъ довольно рѣдко разставленными другъ отъ друга кустами или группами кустовъ; но по окраинамъ обрыва, по верховьямъ и вдоль раждающихся водомоинъ, на островѣ Николай I, онъ образуетъ настоящiя рощицы. Такiя рощицы, какъ слѣдуетъ ожидать, необыкновенно свѣтлы: листья деревьевъ не развиты, и весь солнечный свѣтъ чуть не сполна проникаетъ въ рощу. Только около корней образуются свѣтлыя, голубоватыя тѣни. Сквозь вѣтви глазъ видитъ далеко. Если прибавить къ этому, что кусты покрыты грязновато-сѣрою корою, потрескавшеюся и мѣстами отстающею, запылены или обросли паразитами, то легко понять, насколько сильное впечатлѣнiе сухости и мертвенности должна производить саксауловая роща. Это — не то высохшая, обезлиственная тальниковая чаща (если бы не такъ извиты и узловаты были вѣтви), не то остатки какого-то частаго мелколѣсья послѣ пожарища въ сосѣднемъ лѣсу, до того изсушившаго и подпалившаго поросль, что деревья потеряли листья и только что не обуглились, едва-едва сохранивъ въ себѣ настолько силы, чтобы зазеленѣть снова... Эта новая зелень словно не можетъ пробиться и засiять сквозь слой пыли и грязи, насѣвшiй на деревья, пока

они стояли безъ листьевъ. Но голубыя тѣни между кустами и страшный зной солнца говорятъ вамъ, что тотъ пожаръ, который высушилъ эти поросли, продолжается сейчасъ, будетъ продолжаться дальше, и что эта зелень — не свѣжая листва, пробивающаяся на загрязненныхъ вѣтвяхъ, а листва, которую онѣ только и могутъ выростить на такомъ припекѣ.

Высокая степь не кажется, однако, безжизненною, какъ, напр., барханная полоса. Остатки сухой, побурѣвшей травы придаютъ ей такой видъ, какъ будто бы это положеніе дѣлъ — временное: придетъ весна, и все зазеленѣетъ. Такъ оно и бываетъ на дѣлѣ. Когда стаетъ снѣгъ, степь быстро покрывается растительностью, живущею, однако, весьма короткій срокъ. Наступающіе жары высушиваютъ и сжигаютъ ее начисто; остаются лишь воспоминанія о ней въ видѣ сухихъ щетокъ.

Съ другой стороны, не бѣдна степь и животными. Видовъ немного, но много особей, и что-нибудь безпрестанно попадаетъ на глаза. Такъ, напр., премилая ящерица (Phrynocephalus helioscopus Kaup.) является здѣсь постояннымъ спутникомъ. Это—маленькая ящерица, зеленовато-сѣрая, совсѣмъ подъ цвѣтъ почвѣ, толстобрюхая, съ короткою, широкою головою, съ тупымъ рыломъ, сильно сплюснутая сверху внизъ. Покрыта она очень мелкими чешуйками, между которыми вкраплены другія, болѣе крупныя, такъ что, въ общемъ, поверхность тѣла на спинѣ шероховатая. Хвостъ округленный, тонкій, сравнительно съ туловищемъ, и утолщенный лишь при основаніи.

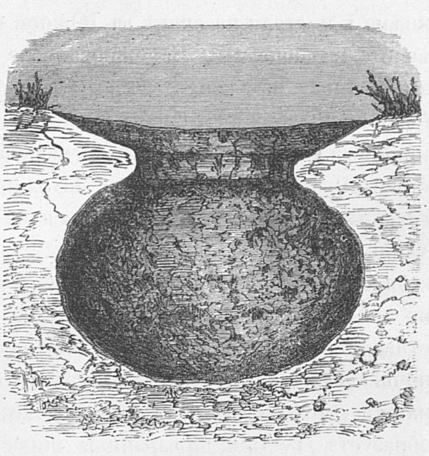
Неизбѣжнымъ и непріятнымъ спутникомъ на глинистой степи является также одна змѣя (Trigonocephalus halys Pall.), весьма ядовитая, принадлежащая къ той же группѣ змѣй, какъ всесвѣтно извѣстная гремучая змѣя Америки. Какъ и фриноцефалъ, тяжелый и мало-подвижный тригоноцефалъ окрашенъ подъ цвѣтъ почвы, — зеленовато-сѣрымъ цвѣтомъ, и на этомъ фонѣ разбросаны крупныя, неправильныя черныя пятна. Змѣя — длиною до аршина, толщиною четверти въ три дюйма. Тригоноцефалы встрѣчались намъ очень часто, и съ рѣдкой прогулки по берегу мы возвращались безъ этой добычи. Однажды такая добыча даже сама явилась на судно, неизвѣстно какъ и откуда. Мы стояли около мыса Кауфманна, и я съ частью команды пробылъ около полтора сутокъ на берегу. По возвращеніи на судно, командиръ встрѣтилъ меня извѣстіемъ, что они поймали въ мое отсутствіе змѣю на суднѣ. Утромъ, въ день моего возвращенія, стали снимать съ компаса брезентъ, которымъ онъ закрывался на ночь, чтобы защитить чищенную мѣдь нактоуза отъ вліянія ночной сырости. Вдругъ изъ-подъ брезента вывертывается змѣя и пускается по судну. Ее поймали и посадили въ банку. Я пошелъ осматривать змѣю, въ глубокомъ убѣжденіи, что это какой-нибудь ужъ, и легко представить мое удивленіе, когда въ банкѣ оказался тригоноцефалъ. Какъ попала змѣя на судно — я до сихъ поръ не понимаю: — вѣроятно, была принесена съ тростникомъ, запасавшимся для скота, или съ саксауломъ. Тригоноцефалъ не отличается, какъ сказано, живостью; накрытый человѣкомъ, онъ свертывается кольцомъ, шипитъ, и мы ловили его прежде, чѣмъ онъ собирался уходить.

Въ степи можно встрѣтить также общеизвѣстнаго обитателя юга Россіи — удода или пустошку (Upupa epops L.), и другаго жильца южной Россіи — козодоя (Caprimulgus europaeus L.). Въ норахъ, во множествѣ вырытыхъ на степи, живутъ желтые суслики (Spermophilus mugosaricus Licht?; иногда можно встрѣтить и ушатаго степнаго ежа (Erinaceus auritus Gm). Одного изъ такихъ обитателей глинистой степи я собственноручно вытаскивалъ изъ норы на островѣ Барса-Кильмесѣ, и не безъ нѣкотораго удивленія относился къ его, діогеновскимъ въ своемъ родѣ, приспособленіямъ. Представьте себѣ среди гривокъ сухой травы, на совершенно голомъ мѣстѣ, круглую дыру въ почвѣ, до 4 — 5 дюймовъ въ діаметрѣ. Прямо изъ этой дыры, на глубинѣ 2 — 3 дюймовъ отъ поверхности почвы, изъ земли выпячивается масса иголъ. Это — нора; изъ нея торчитъ спина ежа. Когда ежъ развернется, онъ вылѣзетъ совершенно свободно; но когда онъ свернутъ въ клубокъ, отверстіе норы оказывается слишкомъ мало, чтобы

можно было вытащить звѣрька, тѣмъ болѣе, что и ухватить его не за что. Въ такомъ видѣ ему не страшны никакіе враги. Пусть придетъ, напр., хоть степная лисица и попробуетъ достать его. Почва тверда, и чтобы добыть ежа, нужно начать разрывать отверстіе норы и сильно работать лапами... Но тогда лапа, при каждомъ движеніи, неизбѣжно наткнется на иглы ежа. Присмотрѣвшись къ его положенію, легко видѣть, что это самая презрительная и самоувѣренная — безмолвная манера выразить: «не безпокой!»

Но настоящими дѣтьми и владѣльцами степи являются степные рябки (Pterocles arenarius Pall. Pterocles и alchata L.), степная кура (Syrrhaptes paradoxus Pall) и сайгакъ (Antilope saiga Pall.), дающіе тонъ мѣстности.

Рябки и куры очень близки другъ къ другу, и непривычный глазъ не различитъ ихъ на лету. Это очень подвижныя птицы, великолѣпные летуны, которые могутъ ежедневно совершать и, дѣйствительно, совершаютъ большія передвиженія по степи. Въ общемъ онѣ напоминаютъ по виду и полету голубей, но, съ другой стороны, въ нихъ много общаго съ курами.



Нора степнаго ежа.

Описать внѣшность этихъ своеобразныхъ птицъ и характеризовать ее какими-нибудь немногими чертами — крайне трудно; нужно видѣть ихъ, чтобы понять ихъ красоту при весьма скромной наружности. Какъ рябки, такъ и куры — птицы общественныя и живутъ огромными стаями. Часто вблизи родниковъ, куда онѣ являются на водопой, эти стаи встрѣчаются и взлетаютъ на каждомъ шагу, достигая, кромѣ того, весьма большой численности, такъ что воздухъ положительно наполняется летающими птицами. Куръ и рябковъ вообще здѣсь много, и при стоянкѣ въ заливѣ Кумъ-Суатѣ, они служили очень замѣтнымъ подспорьемъ нашей свѣжей провизіи. Мясо, хотя и сухо, но вкусно.

Самая завидная охотничья добыча и самый видный представитель полосы высокой глинистой степи — сайгакъ. И въ началѣ плаванія, когда охотникамъ попадались лишь чайки да бакланы, т. е., птица, для охоты негодная, и потомъ, когда у насъ были и утки, и степныя куры, и рябки, — охотники все-таки собирались «поохотиться по-настоящему» только на островѣ Николаѣ I, обильномъ сайгаками.

Въ первый разъ мы встрѣтили сайгаковъ на полуостровѣ Куланды, гдѣ разыскивали и осматривали родники, чтобы забрать свѣжей воды. Осмотрѣвши одни родники, мы шли къ другимъ. Я былъ съ порядочною кучкою матросовъ. Мы шли, сильно утомленные и жаромъ, и длиннымъ путемъ, который успѣли уже сдѣлать. Съ высокой глинистой степи намъ нужно было спуститься на солончакъ, а за нимъ были уже и тѣ родники, куда слѣдовало идти. Солнце склонялось, и сухой зной былъ томителенъ. На солончакъ мы вступили почти съ отвращеніемъ, кое-какъ протащились черезъ сыпучую пыль и, выбравшись на твердое мѣсто, приготовились отдохнуть. Унтеръ-офицеръ Барбашевъ шелъ впереди и обходилъ кругомъ глинистый холмикъ на той сторонѣ солончака, высматривая, нѣтъ ли какой дичины. Спустя нѣсколько минутъ послѣ того, какъ онъ скрылся за холмикомъ, мы услыхали глухой, рокочущій шумъ, перешедшій въ явственный, раскатистый топотъ, и изъ-за холма, вплоть передъ нами, бурей вылетѣло нѣсколько рогатыхъ и безрогихъ, буроже̂лтыхъ фигуръ, съ бѣлыми манишками. Грудь впередъ, переднія ноги взмахнуты и вытянуты во всю силу мышцъ, головы немного назадъ... Табунъ бросается черезъ солончакъ... Торопливо срываются съ плечъ винтовки...

Бацъ!...

Чья-то пуля несется рикошетами, поднимая пыльныя облачка на солончакѣ, далеко въ сторонѣ отъ скачущаго табуна. Стрѣляю я... Тоже мимо... Но мой выстрѣлъ сайгаки почувствовали: табунъ раздался въ сторону отъ пули и раздѣлился на два... Обѣ половины бросаются нѣсколько разъ, съ огромною быстротою, зигзагами, изъ стороны въ сторону; нѣкоторые козлы прыгаютъ, подбрасывая заднія ноги высоко кверху. Половины снова сплачиваются въ одно цѣлое; табунъ въ два прыжка переносится черезъ крутой спускъ съ высокой степи и мчится, въ облакахъ пыли, въ даль.

Первая охота окончилась неудачею.

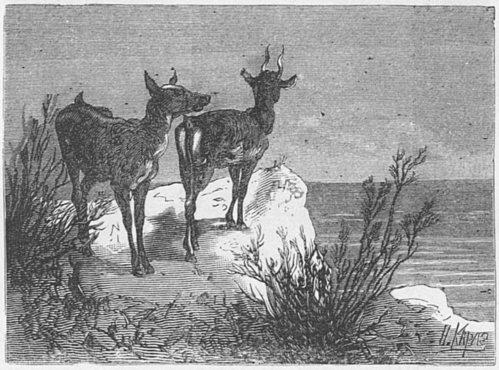
Послѣ того мы встрѣчали сайгаковъ и въ другихъ мѣстахъ, поодиночкѣ и небольшими кучками, стрѣляли, но всегда на огромныхъ разстояніяхъ и на удачу.

Островъ Николай I не обманулъ нашихъ ожиданій и сразу отбилъ всякое желаніе охотиться за сайгаками, — по крайней мѣрѣ, на этотъ разъ. 11-го августа мы подошли къ о. Николаю I и стали на якорѣ въ Южной бухтѣ, а 12-го, проснувшись, я нашелъ судно подвинутымъ вплоть къ берегу, и Барбашева уже не было дома: ушелъ за сайгаками. Послѣ чаю, и я заторопился на берегъ. Утро было совершенно ясное, солнце уже пекло, и день обѣщалъ быть очень жаркимъ. Освѣщеніе конца лѣта, дымка паровъ надъ моремъ, низменное, песчаное прибережье Николая I и невысокій обрывъ, поросшій саксаульникомъ, — вводили въ обманъ: — казалось, будто бы находишься у берега какого-то болѣе сѣвернаго моря. Саксаульникъ глядѣлъ соснякомъ, а вертѣвшіяся на немъ сороки (Pica caudata L.), одинъ только разъ и видѣнныя на Аралѣ, именно здѣсь, еще болѣе усиливали впечатлѣніе сѣвера. Я чувствовалъ себя бодрымъ по-сѣверному, и перебравшись черезъ окраину обрыва, пустился по равнинѣ на темени острова. Какъ вездѣ, такъ и на Николаѣ I, — глинистая, зелено-сѣрая степь составляетъ темя, тѣ же гривы высушенной, хрустящей подъ ногами травы, тѣ же голые клочки почвы между ними, тотъ же саксаулъ... Солнце понемногу поднимается, и отъ земли начинаютъ струиться потоки теплаго воздуха. На окраинахъ плоскаго темени острова саксаулъ образуетъ густыя, прозрачныя поросли. На степи много сайгачьихъ слѣдовъ... Да, должно быть, не мало и сайгаковъ, такъ какъ черезъ полчаса ходьбы я уже вижу вдали нѣсколько штукъ. Иду къ нимъ, но они бѣгутъ прочь и уходятъ. Вышли же они на степь, повидимому, изъ тѣхъ саксауловыхъ порослей, которыя тянутся вдоль низкаго обрыва, слѣва отъ меня. Начинаю отъ поры до времени мелькомъ взглядывать на саксаульники, хотя меня больше занимаетъ даль, гдѣ я уже видѣлъ сайгаковъ... Вдругъ, шагахъ въ пятидесяти, въ кустахъ саксаула мелькнуло что-то буровато-желтое... Сайгакъ?.. Да... Крупною, но медленною, рысью онъ проходитъ между кустами, выходя изъ поросли на степь. Вышелъ... У меня зеленѣетъ въ глазахъ, дыханье захватываетъ... Машинально взвожу курокъ, машинально прицѣливаюсь— ровно и методически, не смотря на внутреннюю лихорадку... Нужно прежде всего остановить... Въ крестецъ нужно стрѣлять... Бацъ! шагахъ въ ста... Сайгакъ вздрогнулъ, остановился и пошелъ потихоньку, наклоняя, какъ будто къ травѣ, голову... Опять совершенно машинально, — словно руки дѣлаютъ все сами собою, — взводится курокъ, откидывается стволъ винтовки, выдвигается и вдвигается на мѣсто экстракторъ, достается изъ патронташа и вкладывается новый патронъ, защелкивается стволъ и взводится на второй взводъ курокъ... Въ глазахъ положительно темнѣетъ... Въ головѣ одна болящая мысль: «уходитъ!» Бацъ!.. Снова вздрогнулъ и продолжаетъ уходить тою же медленною поступью... Перемѣненъ патронъ... Бацъ!.. Идетъ... Уйдетъ!.. Еще разъ вложенъ новый патронъ... Разстояніе больше ста шаговъ... Теперь я буду стрѣлять въ шею... Полновѣсный звукъ выстрѣла, затѣмъ глухой щелчекъ тамъ, въ немъ, въ родѣ щелчка пальцемъ по подушкѣ, и сайгакъ падаетъ, какъ подкошенный, на бокъ... Въ глазахъ посвѣтлѣло... Не ушелъ, не уйдетъ!.. Со всѣхъ ногъ бросаюсь, переводя на бѣгу духъ, къ добычѣ... Сайгакъ бьется на землѣ... Но какіе великолѣпные, какіе чистые и кроткіе глаза у него!.. Меня сразу охватываетъ какое-то непріятное чувство, какъ

будто-бы я сдѣлалъ очень дурное дѣло... Я рѣшительно не могу видѣть его предсмертнаго вздрагиванія... Пусть бы еще не былъ такъ красивъ и такъ милъ... Я отхожу на нѣсколько саженъ, становлюсь спиною къ сайгаку и жду: пусть умретъ настолько спокойно, насколько это теперь возможно для него... Оглядываюсь, не бьется... Значитъ, кончено... Мнѣ рѣшительно совѣстно и грустно... Къ чему?... Однако, иду къ сайгаку... Но добыча не дурна: — стройная антилопа, съ гладкою, короткою, желто-бурою шерстью, съ бѣлымъ брюхомъ и нагрудникомъ, съ высокою, — выше чѣмъ у лошади, — верхнею губою, стройными, тонкими ножками, съ маленькими копытцами и стройною шеей...

Мой сайгакъ былъ первымъ на суднѣ. Когда кожа была снята, то на спинѣ она оказалась очень тонкою и рыхлою. Всю эту часть занимали, сидя бокъ-къ-боку, какъ пчелиная черва въ сотахъ, огромныя личинки овода, — толстые, бѣлые черви около дюйма длины и болѣе трети дюйма толщиною... Какая страдальческая жизнь! Таскать на себѣ, въ кожѣ, каждое лѣто до трехъ фунтовъ паразитовъ, причемъ надъ каждымъ просверлена въ кожѣ маленькая дырка на свѣтъ Божій!..

Первая пуля прошла, дѣйствительно, черезъ крестецъ на-вылетъ, послѣдняя на-вылетъ черезъ шею; двѣ же другія оцарапали ухо и переднюю ногу.


Сайгакъ на высокой степи; саксаулъ.

Барбашевъ вернулся вечеромъ. Онъ убилъ двухъ сайгаковъ и не могъ принести ихъ, такъ что оказалась необходимою помощь. На нихъ личинокъ овода (свищей) было еще больше, чѣмъ на моемъ.

Мясо сайгака очень вкусно. Кромѣ сайгака, въ степи живетъ еще другая антилопа (Antilope subgutturosa Güld.). Но мы видѣли ее всего разъ. Она очень похожа на сайгака, но уже прежде всего отличается отъ него отсутствіемъ вздутой верхней губы, дѣлающей сайгака горбоносымъ. Что же касается дикаго степнаго осла — кулана (Equus onager Pall.), — то онъ не попался намъ на глаза ниразу, хотя на солончакахъ, около родниковыхъ водопоевъ, слѣды его встрѣчались часто и во множествѣ.

Вотъ болѣе типичные представители высокой степи, въ дополненіе къ которымъ упомянемъ еще о красивой, маленькой каменушкѣ (Saxicola Sp.), попадающейся около грудъ камней на киргизскихъ могилахъ, и о скорпіонѣ (Scorpio Sp.?), принадлежащемъ одинаково и степи, и обрывамъ, — послѣднимъ даже въ бо̀льшей степени. Его можно найти, въ извѣстныхъ мѣстахъ, почти подъ любымъ камнемъ. Это — маленькое животное, длиною немного больше чернаго таракана, но значительно коренастѣе, однообразнаго, некрасиваго, зеленоватаго цвѣта. Его очень боятся въ степи, хотя увѣряютъ, что укушеніе не сопровождается серьезными послѣдствіями. Какъ лекарство, употребляютъ деревянное масло, смазывая имъ укушенное мѣсто.

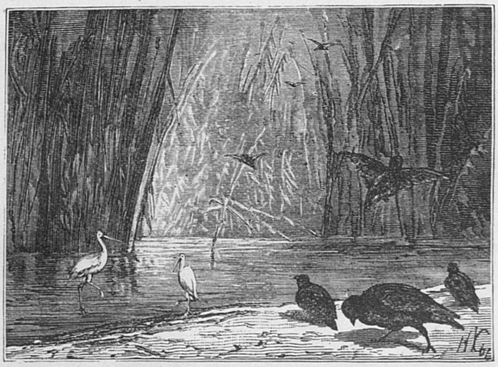
Высокая глинистая степь не есть, однако, предѣльная полоса, если идти вглубь суши отъ уровня моря. На глинахъ, мѣстами, являются снова пески, достигающіе иногда весьма большаго протяженія. Это — пески древней барханной полосы, къ которымъ принадлежатъ Исень-Чагыльскіе пески, находящіеся вблизи залива Кумъ-Суатъ, около сѣверо-западнаго берега моря, пески Большіе и Малые Барсуки, и др.

Въ главныхъ чертахъ то, что сказано о пескахъ дюнной полосы, относится и къ этимъ пескамъ: одинаковая флора, одинаковая фауна. Но, благодаря своему протяженію и обилію матерьяла, переносимаго вѣтромъ для образованія холмовъ, самые холмы или барханы достигаютъ здѣсь весьма большой величины. Пески эти — морскаго происхожденія, хотя на нихъ

нельзя иногда найти ни одной раковины, но они отложены въ болѣе древнія времена, при болѣе высокомъ стояніи моря. Что же касается отсутствія окаменѣлостей, то нужно принять въ разсчетъ, сколько разъ онѣ переметались вѣтромъ, причемъ органическіе остатки должны перетираться; а съ другой стороны, при переметахъ вѣтромъ переносятся болѣе легкія частицы песку, который выдувается изъ-подъ сравнительно тяжелыхъ предметовъ. Неизбѣжнымъ послѣдствіемъ этого должно быть все бо̀льшее и бо̀льшее погруженіе въ глубину песковъ предметовъ тяжелыхъ, и по всей вѣроятности, окаменѣлости и находятся въ нихъ, но не на подвижной поверхности, а въ глубинѣ.

Равнымъ образомъ, на высокой степи есть и соляныя озера, и солончаки — тоже остатки и памятники древняго моря. Вообще они находятся на большихъ разстояніяхъ другъ отъ друга и имѣютъ большіе размѣры.

Чтобы покончить съ сушею, намъ остается еще упомянуть о родникахъ. Мы уже говорили о формѣ родника. Они находятся вообще въ обрывахъ или на границѣ глинистой степи и дюнной полосы, гдѣ степь подходитъ къ дюнамъ полого, устьемъ лощины. Кромѣ нихъ, въ пескахъ есть иные источники прѣсной воды — простыя окошки въ массѣ песку, ведущія къ скопленіямъ атмосферной воды въ глубинѣ песковъ. Воды родниковъ, охваченныя болотистыми тростниковыми порослями, являются рѣзко выраженными типами мѣстности и въ извѣстныя времена дня сборными пунктами для звѣрей, живущихъ на сосѣдней степи, и для массы различныхъ птицъ, — прибѣгающихъ и прилетающихъ сюда на водопой. Кромѣ гостей, родники имѣютъ и постоянныхъ жильцовъ, гнѣздящихся тутъ и выводящихъ дѣтей. Это — прежде всего кулики съ неизбѣжнымъ ходульникомъ (Hipsibales himantopus) L. во главѣ, и нѣкоторыя изъ живущихъ въ тростникахъ пѣвчихъ птицъ.

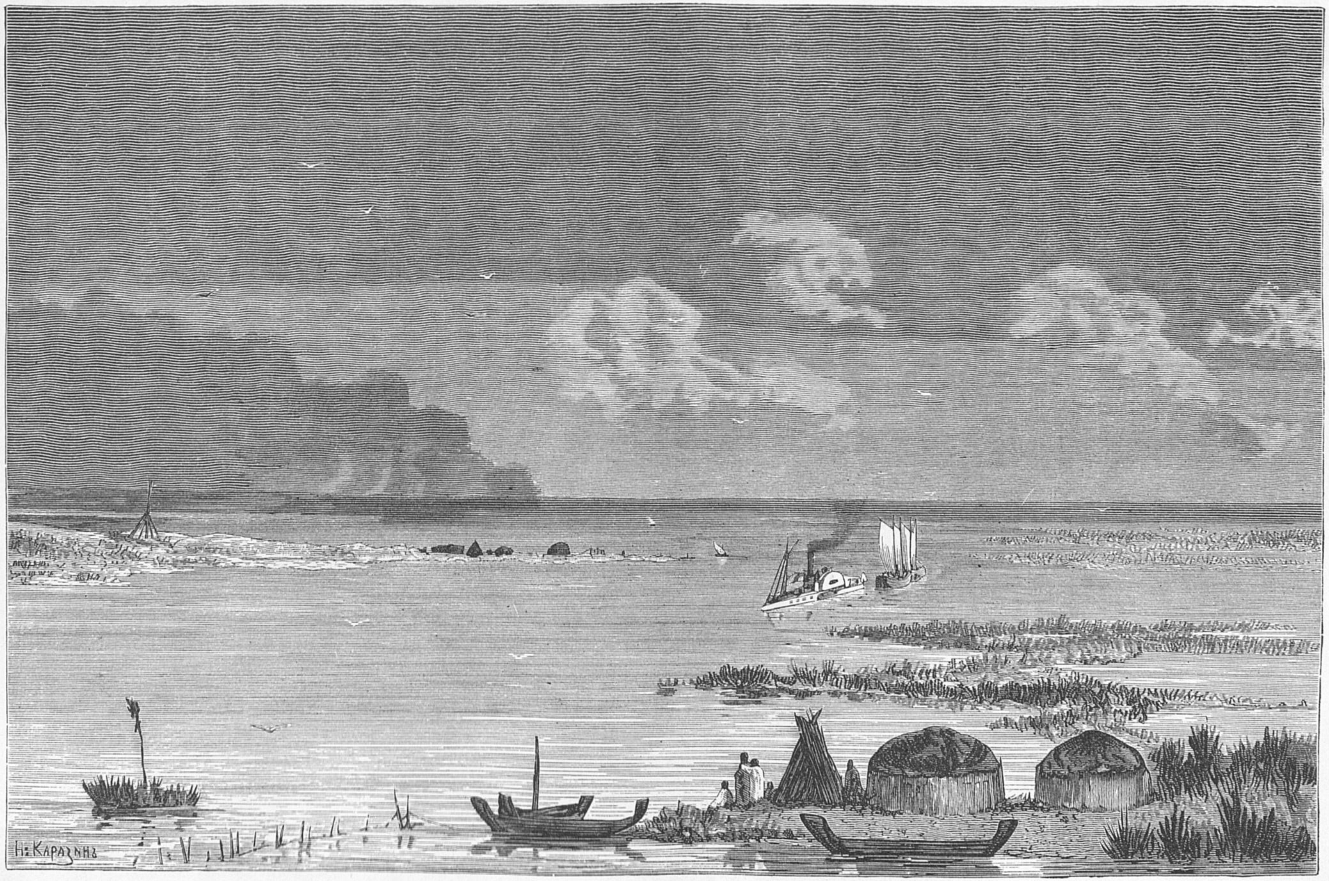


Родникъ; степныя куры и ходульникъ.

Слѣдовало бы сказать, въ заключеніе очерка суши, о хозяевахъ земли, о людяхъ. Но, въ нашемъ случаѣ, дѣло упрощается тѣмъ, что постоянныхъ жителей на берегахъ Арала — нѣтъ. Сюда прикочевываютъ на зиму, откочевывая на лѣто къ сѣверу, Киргизы, не имѣющіе ни одного населеннаго пункта, ни одного прочно основаннаго шалаша на берегу. Только въ устьяхъ Аму-Дарьи встрѣчаются шалаши рыбаковъ Киргизовъ, да въ устьѣ Сыръ-Дарьи на островѣ Косъ-Аралѣ, уже въ рѣкѣ, есть двѣ избушки, также рыбаковъ, но Русскихъ.

Въ нашу бытность на Аралѣ, въ посѣщенныхъ нами пунктахъ береговъ, Киргизы держались лишь около песковъ Исень-Чагылъ, но, кажется, ихъ было немного. Мѣста же зимовокъ встрѣчаются на берегахъ не рѣдко; иногда зимнія жилья, — шалаши, — бываютъ, какъ напр., на полуостровѣ Кара-Тюпъ, вблизи пролива Аузы-Кугъ-Аралъ, отдѣляющаго островъ Кугъ-Аралъ отъ материка, весьма многочисленны, указывая, что зимовка была здѣсь людная.

Движеніе Киргизовъ съ сѣвера къ берегамъ Арала начинается, собственно, осенью. Пески Кара-Кумъ и Барсуки и вообще пункты, гдѣ есть вода, являются одними изъ наиболѣе замѣтныхъ пристанищъ. Но нѣкоторые проникаютъ и на острова, по льду, — на Кугъ-Аралъ и даже на Барса-Кильмесъ, куда, однако, какъ указываетъ самая кличка острова — «пойдешь, не вернешься», — они заходятъ лишь случайно и подъ страхомъ не вернуться. Одна частная шкуна, плававшая по Аралу въ 40-хъ годахъ, забрала разъ съ Барса-Кильмоса Киргизовъ потерявшихъ на островѣ весь скотъ и чуть не умершихъ съ голода. По рѣкамъ Киргизы ко-

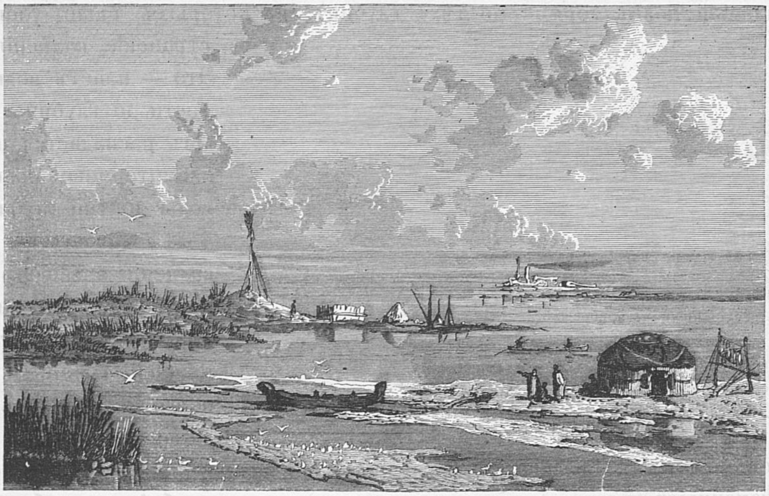


 Ученая экспедиція на Аму-Дарью. Входъ въ дельту Аму-Дарьи.

чуютъ и зимою, и лѣтомъ. Когда мы возвращались по Сыръ-Дарьѣ съ моря, въ концѣ августа, то берега рѣки были покрыты киргизскими кочевками.

Обратимся теперь къ водѣ.

Рельефъ дна моря, на пространствѣ 62,000 кв. верстъ, очень не сложенъ. Отъ южнаго и восточнаго береговъ оно становится постепенно глубже и глубже къ сѣверу и западу; но такъ какъ самая большая глубина моря достигаетъ всего лишь 37 морскихъ (6-футовыхъ) саженъ, то легко представить себѣ, какъ склонъ дна отлогъ: — на разстояніи многихъ миль отъ берега глубина все еще остается 1 и $1^1/_2$ сажени. Въ морѣ различаютъ: Большое море — часть моря къ югу отъ острова Кугъ-Аралъ, и Малое море — къ сѣверу отъ него. По особенностямъ рельефа дна, нужно раздѣлить и Большое море на двѣ части — восточную и западную. Границу между ними образуетъ подводная гряда, сильно возвышенная надъ дномъ восточной и западной частей Большаго моря и идущая отъ южнаго берега, черезъ острова Беллинсгаузена и Лазарева, къ острову Николай I. Въ восточной части, болѣе обширной, глубина моря не превышаетъ 15 морскихъ саженъ, но въ узкой, западной части она доходитъ до 37 морскихъ саженъ, хотя такая глубина находится въ одномъ только мѣстѣ, вблизи западнаго берега, въ 4 — 5 миляхъ отъ него, въ пространствѣ между родниками Тасъ-Булакъ и Кутанъ-Булакъ. Это мѣсто — наиболѣе пониженная часть узкой глубокой борозды, идущей вдоль всей средины западнаго берега и сливающейся, посредствомъ полосы, глубиною въ 10—15 саженъ, находящейся между островомъ Николай I и полуостровомъ Куланды, съ областью наиболѣе глубокихъ частей восточной половины моря. Малое море имѣетъ глубину не свыше 15 морскихъ саженъ. Вообще, нужно замѣтить, какъ для всего моря въ цѣломъ, такъ и для указанныхъ главныхъ частей его въ отдѣльности, что области наибольшихъ глубинъ приходятся на сѣверъ и на западъ, между тѣмъ какъ на югѣ и востокѣ дно полого, и глубины незначительны; стало быть, склонъ дна у сѣвернаго и западнаго береговъ круче, чѣмъ у южнаго и восточнаго. Такъ, въ восточной половинѣ Большаго моря наибольшія глубины находятся вблизи острововъ Беллинсгаузена, Лазарева и Николай I, приближаясь, затѣмъ, къ полуостровамъ Куланды и Кара-Тюпъ. Въ западной части Большаго моря наибольшія глубины находятся возлѣ западнаго берега, а на западъ отъ острова Николай I дно спускается отлого.



Устье Улькунъ-Дарьи.

Въ Маломъ морѣ наиболѣе глубокія мѣста находятся также въ западной части его, ближе къ сѣверному берегу, чѣмъ къ острову Кугъ-Аралу, ограничивающему эту часть Малаго моря съ юга.

Вода Аральскаго моря имѣетъ весьма небольшое количество солей, сравнительно съ другими морями, но, тѣмъ не менѣе, вкусъ ея солоновато-горькій, и она совершенно не годна для питья. Сильный горькій оттѣнокъ во вкусѣ зависитъ отъ значительнаго содержанія сѣрно-кислой магнезіи и сѣрно-кислаго натра.

Вода Арала въ теченіе лѣтнихъ мѣсяцевъ очень тепла. Средняя температура на поверхности, съ 15 іюня по 15 августа 1874 г., была, напр., вычислена мною изъ ежедневныхъ наблюденій (по 6 разъ въ день, черезъ каждые 4 часа), въ 22,4° Ц.

Что же касается почвъ моря вообще и въ соотвѣтствіи съ глубинами, а также распредѣленія въ немъ растеній и животныхъ, то здѣсь необходимо различать:

1) Возмущаемый поясъ моря, — до тѣхъ глубинъ, на которыхъ было уловлено распространеніе волненія въ глубинѣ. Это — пластъ воды отъ поверхности до глубины 10 саженъ. Онъ распадается на а) верхній или штормовой подпоясъ (пластъ воды до той глубины, — около 4 — 5 саженъ, — гдѣ дѣйствіе волненій очевидно) и b) нижній или подвижный (слѣдующій, болѣе глубокій пластъ воды, — до нижней границы песковъ). Въ первомъ подпоясѣ нужно различать: — область незащищеннаго отъ прибоя прибрежья, распадающуюся, далѣе, на полосу прибрежныхъ песковъ и полосу камней и каменныхъ грядъ, расположенныхъ открыто на прибоѣ, — и область защищеннаго прибрежья (бухты, заливы или вообще такіе пункты, куда не проникаетъ прибойная волна, приходящая съ открытаго моря).

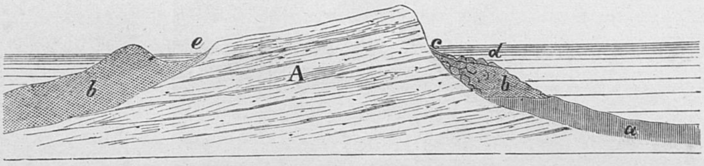


Схема сѣченія черезъ островъ.

a — илъ глубинъ.
bb — пески на незащищенномъ прибрежьѣ.
c — камни на прибоѣ.
d — глубокая гряда камней.
e — защищенное прибрежье (бухты, лужи и пр.).
А. Коренныя породы острова.

2) Относительно покойный поясъ, — пластъ воды съ глубины 20 саженъ, гдѣ нельзя предполагать существованія вліянія волненія, по крайней мѣрѣ, съ замѣтною силою.

3) Промежуточный, между 10 и 20 саженями, гдѣ можно предположить существованіе слабаго движенія воды, подъ вліяніемъ сильныхъ волненій, хотя, вообще, онъ долженъ примкнуть, по представляемымъ имъ условіямъ, къ относительно покойному поясу.

Пласты воды обоихъ нижнихъ поясовъ лежатъ на илѣ, который и составляетъ дно глубокаго моря, а пластъ воды перваго пояса, на своихъ окраинахъ, гдѣ онъ соприкасается съ сушею, лежитъ, главнымъ образомъ, на пескѣ и камняхъ, хотя въ закрытыхъ до извѣстной степени мѣстахъ, въ заливахъ, илъ встрѣчается и на глубинѣ меньше 10 саженъ, а именно на глубинѣ 5—6 саженъ.

Мы начнемъ описаніе бассейна, для простоты, съ наиболѣе глубокихъ пунктовъ,—съ ила глубинъ.

Илъ представляетъ чрезвычайное однообразіе въ своемъ строеніи. Это — сплошная, очень тонкая, вязкая, почти полужидкая сверху, масса. Вообще цвѣтъ его темно-синевато-сѣрый, но, на болѣе мелкихъ мѣстахъ, на его поверхности залегаетъ тонкій слой буро-желтаго цвѣта, достигающій иногда такой толщины, что добытый со дна илъ оказывается болѣе или менѣе сильно окрашеннымъ буро-желтою примѣсью. Такой буро-желтый илъ встрѣчается вблизи устьевъ рѣкъ и въ неглубокихъ заливахъ. Высушенный сине-сѣрый илъ или сохраняетъ свой цвѣтъ,

но безъ синяго оттѣнка, или становится сѣро-бѣлымъ. Область сине-сѣраго известковистаго ила, повидимому, приближена преимущественно къ западному берегу моря.

Илъ — новѣйшее и до сихъ поръ продолжающееся образованіе, обязанное своимъ происхожденіемъ береговымъ породамъ и наносамъ рѣкъ Аму- и Сыръ-Дарьи.

По вычисленіямъ умершаго въ 1878 году Фердинанда Дорандта, дѣлавшаго опредѣленія какъ количества воды, протекающаго въ Аму-Дарьѣ, мимо укрѣпленія Нукусъ, такъ и количества ила, несомаго водою, видно, что одного аму-дарьинскаго ила ежегодно проносится къ морю мимо Нукуса 44,854,000 куб. метровъ или около $4^1/_2$ милліоновъ куб. саженъ, хотя большая часть его осаждается, безспорно, въ плесахъ и разливахъ дельты.

Илъ, впрочемъ, представляется однообразною вязкою массою лишь при первомъ впечатлѣніи. Если положить его на рѣшето и промыть водою, то на рѣшетѣ остается огромное количество раковинъ моллюсковъ, главнымъ образомъ, мелкихъ, двустворчатыхъ (Adacna и Dreissena), вообще болѣе или менѣе разрушенныхъ, тонкихъ, отчасти растворенныхъ водою.

Растительности на илѣ, — такой растительности, которая была бы доступна невооруженному глазу, — нѣтъ почти никакой, исключая очень рѣдко встрѣчающихся (притомъ обрывками, хотя и свѣжими, а поэтому, весьма вѣроятно, принесенными случайно) экземпляровъ одного вида высшихъ вѣтвистыхъ водорослей, — харъ. Но та растительность, которую можно видѣть и изучать съ помощью микроскопа, весьма значительна.

Богатая особями и бѣдная видами флора простѣйшихъ панцырныхъ водорослей, такъ-называемыхъ діатомовыхъ или двураздѣлковыхъ, характерна для ила глубинъ Арала. Эти водоросли, какъ извѣстно, представляютъ микроскопически-мелкіе организмы, состоящіе изъ извѣстнымъ образомъ организованной основной массы всѣхъ организмовъ, полужидкой, слизистой, прозрачной протоплазмы, а поверхность организма, симметрично дѣлящаяся на двѣ половины, покрыта тонкимъ панцыремъ изъ кремневой кислоты, прозрачнымъ и отличающимся чрезвычайно разнообразнымъ, для разныхъ видовъ, рисункомъ, вообще красивымъ и необыкновенно деликатнымъ и тонкимъ. Однѣ изъ діатомовыхъ представляютъ свободные организмы; другія же образуютъ колоніи, причемъ отдѣльныя особи сростаются другъ съ другомъ, или сидятъ на общемъ стебелькѣ, прикрѣпляющемся, въ свою очередь, къ чему-нибудь. Извѣстныя свободныя діатомовыя способны къ движенію: водоросль, медленно, но непрерывно подвигается въ одну сторону, по направленію прямой линіи, останавливается, сталкиваясь съ препятствіями, и, продержавшись нѣкоторое время на мѣстѣ, снова продолжаетъ свое движеніе. Число всѣхъ извѣстныхъ доселѣ діатомовыхъ Арала, собранныхъ мною и опредѣленныхъ покойнымъ проф. И. Г. Борщовымъ, составляетъ 72 вида; изъ нихъ 60 видовъ живутъ на илистомъ днѣ моря, т. е. принадлежатъ вообще къ области глубинъ.

Какъ ни мелки діатомовыя, но онѣ залегаютъ въ огромномъ количествѣ, сплошнымъ слоемъ, на днѣ моря и представляютъ значительную массу питательнаго матерьяла для низшихъ животныхъ. Простѣйшихъ животныхъ организмовъ встрѣчается здѣсь очень мало: при постоянныхъ микроскопическихъ изслѣдованіяхъ ила я встрѣтилъ всего два вида инфузорій, а изъ червей одинъ видъ коловратки (коловратки — простѣйшіе микроскопическіе черви съ особыми колесообразными аппаратами по сторонамъ рта, усаженными по краю волосками, движущимися такимъ образомъ, что около головы животнаго образуется водоворотъ, въ которомъ пища влечется ко рту; да сверхъ того, червь и плаваетъ съ помощію того же аппарата).

Но на илѣ глубинъ водятся въ несмѣтномъ количествѣ двѣ слѣдующія другія формы животныхъ: темнокрасная червеобразная личинка одного двукрылаго насѣкомаго (Chironomus, сродни комару) и двустворчатый моллюскъ, изъ рода Corbula, — животное, по очертанію раковины, нѣсколько напоминающее рѣчную двустворчатку, но всего до $^1/_3$ дюйма длиною. Она сидитъ въ илѣ переднимъ концомъ книзу, выставивши нѣсколько задній конецъ надъ его поверхностью. Такъ какъ раковина у сидящаго спокойно, въ обычныхъ для него условіяхъ, мол-

люска нѣсколько раскрыта, то вода, необходимая ему для дыханія и несущая вмѣстѣ съ тѣмъ и пищу, и течетъ, постоянною струею, черезъ образующуюся между створками щель. Хирономусъ и корбуля просто усѣиваютъ дно Арала, на сотни верстъ протяженія.

Въ области глубинъ и ила мы не встрѣчали рыбъ, исключая одного табуна уклеекъ (Alburnus chalcoides Güld.). Табунъ этотъ былъ для насъ явленіемъ очень замѣтнымъ. Мы настолько привыкли видѣть кругомъ себя совершенно прозрачную и свободную отъ всякихъ постороннихъ вещей глубину, что появленіе около борта цѣлой массы красивыхъ, такихъ же изумрудно-зелено-синеватыхъ, какъ сама глубина, спинокъ рыбъ вызвало общее возбужденіе и интересъ. На окраинахъ же области ила, на небольшихъ глубинахъ, встрѣчались и ловились сѣтями лещи (Abramis sopa Pall.) и тарань (Leuciscus rutilus L.). Весьма вѣроятно, что сюда заходятъ также, т. е. спускаются случайно изъ болѣе мелкихъ мѣстъ, усачи (Barbus lacertoides Kessler?), — очень крупная травоядная рыба, иногда свыше аршина величиною, напоминающая въ извѣстной степени, по очертаніямъ тѣла, пискаря (Gobio fluviatilis Rond.), — впрочемъ настолько, что если не гнаться за многими, не бросающимся въ глаза сразу различіями, то вообразить себѣ аршиннаго пискаря, — значитъ вообразить нѣчто, очень напоминающее усача, даже до свинцово-сѣраго цвѣта.

Но, говоря строго, эти рыбы здѣсь лишь гости, — онѣ принадлежатъ нормально верхнимъ слоямъ воды и прибрежью.

Равнымъ образомъ, нельзя считать за нормальнаго жильца ила глубинъ также одного, рѣдко попадающагося въ полосѣ ила, двустворчатаго моллюска — Dreissena polymorpha Ben., который живетъ массами въ болѣе мелкихъ частяхъ моря.

Область почвъ прибрежья, образующихъ рамку для ила глубинъ, примыкаетъ, на наибольшей глубинѣ, къ илу такъ называемымъ «пескомъ съ ракушкою», а на меньшей — нижнею границею песковъ. «Песокъ съ ракушкою» доходитъ до глубины 10 саженъ, образуя вдоль восточнаго берега Большаго моря широкую полосу, около ста верстъ въ длину, примыкающую глубоко-лежащимъ краемъ къ илу, а мелколежащимъ — къ чистымъ пескамъ прибережья. Онъ представляетъ собою песокъ съ примѣсью пустыхъ раковинъ моллюсковъ, иногда столь значительною, что эти раковины и составляютъ главный матеріалъ почвы, къ которому примѣшивается лишь немного песку.

За «пескомъ съ ракушкою» начинаются пески прибережья, образующіе кольцо кругомъ всего моря и переходящіе въ пески надводнаго кольца прибойной полосы. Вся та часть песчанаго прибрежья, гдѣ прибойная волна ударяетъ прямо въ берегъ, и есть полоса прибрежныхъ песковъ въ области незащищеннаго прибрежья.

На пескѣ живутъ массами нѣсколько видовъ багряныхъ водорослей, — Polysiphonia, образуя нитчатыя хлопья различной величины и разнообразной формы. Кто видалъ хлопья тины въ нашихъ прѣсныхъ водахъ, прудахъ и озерахъ, тому легко представить себѣ общій видъ массъ полисифоній на песчаномъ днѣ. Теперь полисифоній изъ Арала извѣстно 7 видовъ.

Здѣсь, благодаря присутствію водорослей, встрѣчаются немногіе виды мелкихъ рачковъ. Изъ моллюсковъ же типичный жилецъ — Adacna vitrea Eichw. Иногда встрѣчается на случайно попавшихъ на песчаное дно постороннихъ предметахъ, напр., обломкахъ саксаула, дрейссена. Адакна похожа до извѣстной степени на упомянутую раньше корбулю, но болѣе крупна, болѣе сжата съ боковъ, чистаго бѣлаго цвѣта; раковина сильно просвѣчиваетъ, полупрозрачна даже на моллюскѣ. Адакна сидитъ въ пескѣ, подобно корбулѣ, головою книзу, на небольшомъ (до полу-линіи) разстояніи отъ его поверхности, а внутренность ея сообщается съ водою моря помощью особой трубочки, — сифона, — ведущей къ ней необходимую свѣжую воду и выводящей обратно воду, которою моллюскъ уже дышалъ и изъ которой онъ выбралъ частицы пищи. Сифонъ для моллюска, живущаго въ пескѣ, — приспособленіе крайне важное; иначе песокъ постоянно наби-

вался бы въ раковину, — особенно у формъ, обитающихъ въ подвижной водѣ, гдѣ песокъ приходитъ въ движеніе при волненіяхъ, — какъ въ нашемъ случаѣ адакна. Съ сифономъ же животное избавлено отъ этого: при отсутствіи волненія оно раскрываетъ немного раковину, выставляетъ конецъ сифона надъ поверхностью песка, — и жизнь идетъ своимъ порядкомъ; а пришелъ песокъ въ движеніе отъ волненія, — стоитъ только втянуть сифонъ и закрыть раковину.

Въ этой же полосѣ нужно упомянуть еще одного моллюска, такъ какъ его раковина была найдена здѣсь, хотя всего одинъ разъ и въ одномъ мѣстѣ. Это — Hydrobia spica Eichw. — маленькій одностворчатый моллюскъ съ раковиною, свернутою восходящею спиралью, въ видѣ стройной заостренной башенки, очень длинной, сравнительно съ шириною основанія, — съ поперечникомъ перваго оборота.

Изъ рыбъ здѣсь встрѣчаются чаще всего лещи (Abramis sopa Pall.), тарань (Leuciscus rutilus L.), изрѣдка окуни (Perca fluviatilis L.). Не разъ также видали на днѣ сомовъ (Silurus glanis L.), а какъ разсказываютъ рыбаки, — здѣсь же держится, вблизи устьевъ рѣкъ, и аральскій осетръ — шипъ (Acipenser Schipa Lov.).

Вдоль прибоя въ огромномъ количествѣ встрѣчается единственный крупный рачекъ Арала — Gammarus aralensis Ulijanin, — некрасивое сѣрое животное, до дюйма величиною, въ родѣ общеизвѣстнаго бокоплава-блохи (Gammarus pulex Fabr.), встрѣчающагося во всѣхъ нашихъ прѣсныхъ водахъ, особенно же въ озерахъ. Гаммарусы держатся на прибоѣ, привлекаемые сюда массою выбрасываемыхъ моремъ органическихъ остатковъ, обрывковъ растеній, хлопьевъ водорослей и т. д., гдѣ они находятъ себѣ пищу. Но гаммарусъ принадлежитъ прибрежью, — прибойной полосѣ, — вообще, а не исключительно песчаному прибрежью, хотя здѣсь онъ часто встрѣчается несмѣтными полчищами.

На пески, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ къ морю примыкаютъ каменистые обрывы, сваливаются массы каменныхъ обломковъ, образуя полосу камней на незащищенномъ прибрежьѣ, — единственную, въ строгомъ смыслѣ, полосу зелени на прибоѣ. Камни поростаютъ густымъ и толстымъ, пышнымъ войлокомъ изъ двухъ родовъ водорослей: Enteromorpha, — представляющей собою длинные яркозеленые, волнуемые водою, чрезвычайно тонкостѣнные мѣшочки, неправильно смятые, неправильно съуживающіеся и расширяющіеся, и мохообразной, вѣтвистой, темнозеленой Cladophora, образующей настоящій коверъ на камняхъ.

Камни вдаются въ море болѣе или менѣе далеко, достигаютъ, сваливаясь на дно моря, различной глубины, но энтероморфа и кладофора растутъ только на самыхъ верхнихъ камняхъ. Это, въ строгомъ смыслѣ, формы поверхности и прибоя. Кладофора образуетъ здѣсь также и тѣ поросли на подводной части корабля, которыя моряки называютъ «бородою» судна. Какъ сказано, поросли кладофоръ сильно напоминаютъ поросли мха; это впечатлѣніе усиливается еще тѣмъ, что поверхность очень тонкихъ ея вѣточекъ глянцевита, такъ что поросли имѣютъ весьма свѣжій видъ.

Вмѣстѣ съ энтероморфами и кладофорами, между которыми массами встрѣчается уже извѣстный намъ аральскій гаммарусъ, мы находимъ спеціальныхъ обитателей полосы камней, — дрейссену и Neritina liturata Eichw. На камняхъ дрейссена встрѣчается во множествѣ. Здѣсь отдѣльныя особи оставляютъ даже памятники своего существованія, — маленькія пирамидальныя кучки, какъ будто-бы сложенныя изъ крошечныхъ жердочекъ, сходящихся въ одной точкѣ: биссусъ, остающійся отъ умершаго моллюска. Безъ этихъ нитей биссуса, которыми дрейссена накрѣпко прикрѣпляетъ свою раковину къ подводнымъ предметамъ, она была бы смыта съ камней волнами. Другой моллюскъ прибоя, неритина, одностворчатый, но тоже приспособленный для жизни въ этихъ условіяхъ. Раковина неритины чрезвычайно характерна: первый снаружи отъ отверстія оборотъ ея очень великъ, а всѣ остальные малы и помѣщаются внутри его, далеко въ сторонѣ отъ центра, притомъ такимъ образомъ, что и сверху эти обороты почти не выдаются надъ первымъ, образуя лишь небольшой бугорокъ. Для неритины возмож-

ность удерживаться на прибоѣ достигается сильнымъ развитіемъ ноги, занимающей всю площадку подъ первымъ оборотомъ раковины, и формою послѣдней, представляющей небольшое сопротивленіе волнамъ. Неритина и дрейссена не гнѣздятся собственно въ войлокѣ покрывающихъ камни водорослей, на самихъ водоросляхъ, а массами сосредоточиваются на свободныхъ отъ порослей мѣстахъ камней или на голыхъ камняхъ, лишь вблизи этихъ порослей.

Водорослевыя поросли даютъ также пріютъ, кромѣ гаммарусовъ, личинкамъ нѣкоторыхъ насѣкомыхъ, кладущихъ яйца въ воду.

Обиліе водорослей и гнѣздящихся между ними рачковъ и личинокъ насѣкомыхъ привлекаетъ сюда рыбъ, и прежде всего мы находимъ около камней знакомыхъ уже намъ усачей, приходящихъ сюда, какъ на пастбище. Громадныя рыбы вылѣзаютъ буквально къ самой поверхности воды, къ прибрежной полоскѣ водорослей, и роются въ нихъ. Наши матросы стрѣляли на островѣ Николай I усачей пулями, и охота бывала обыкновенно удачная. Вмѣстѣ съ усачемъ, сюда же является и карпъ (Cyprinus carpio L.), типичный травоядникъ, а также лещи (Abramis) и (Leuciscus rutilus L.).

Обиліе рыбы влечетъ, далѣе, къ камнямъ рыболововъ. На камнѣ Токнакъ-Кызъ мы уже видѣли, какая масса и чьихъ когтей и клювовъ ждетъ обитателей водорослевыхъ порослей, и за кѣмъ, въ свою очередь, охотятся сомы (Silurus glanis L.), достигающіе въ Аралѣ почтенной величины (6 — 7 футовъ). Кромѣ нихъ тутъ рыбу ждетъ еще обычный жилецъ камней, ужъ (Tropidonotus hydrus Pall.), чувствующій себя въ водѣ и подъ водою совершенно дома, превосходно и быстро плавающій подъ поверхностью воды. Этотъ ужъ зеленовато-сѣрый, съ сѣрымъ брюхомъ, оранжевыми подпалинами и черными пятнышками по бокамъ брюха. Ужей особенно много вдоль каменистаго восточнаго берега острова Николай I, а также на Изенде-Аралѣ. Они съ удовольствіемъ лежатъ на камняхъ, на солнышкѣ, у воды, гдѣ находятъ добычу и куда бросаются при тревогѣ.

Камни, находящіеся на значительной, сравнительно, глубинѣ подъ водою, представляютъ иныя образованія, чѣмъ прибрежные камни. Послѣдніе образуются до настоящаго времени; матеріалъ ихъ розсыпей—третичные известняки, составляющіе берега Арала на западѣ и отчасти на сѣверѣ. Величина камней въ розсыпи, вообще, не велика. Камни же, видимые на большихъ глубинахъ, напр., около мыса Курзунды, между заливами Кумъ-Суатъ и Чернышева, въ сѣверо-западной части моря, представляютъ собою огромныя глыбы и принадлежатъ къ образованіямъ болѣе древнимъ. Подробнаго осмотра ихъ намъ не удалось сдѣлать. По всей видимости, это розсыпи, образовавшіяся на краю вымытыхъ моремъ и обнаженныхъ пластовъ известняковъ, лежащихъ подъ третичными образованіями.

Участки воды защищеннаго побережья (бухты и заливы) обрастаютъ густымъ тростникомъ, который по отлогому дну вдается далеко въ воду (но не на лужахъ, которыя относятся также къ области защищеннаго прибережья — обыкновенно не обрастающихъ тростникомъ), а при крутомъ днѣ образуетъ шпалеру на нѣкоторомъ разстояніи отъ урѣза. Мы находимъ здѣсь уже высшія растенія, а именно: Zostera (nana?) и Myriophyllum, иногда перепутанныя хлопьями красныхъ водорослей. — полисифоній. Къ этой зостерѣ наиболѣе примѣнимо названіе «морской травы». Она растетъ въ Аральскомъ морѣ въ обиліи, судя по массѣ ея узкихъ, длинныхъ листьевъ, носимыхъ по поверхности моря при волненіяхъ и выбрасываемыхъ на берегъ, но, очевидно, мѣстами. Мы лично нашли ее массами въ прибрежныхъ лужахъ на восточномъ берегу острова Николай I. Поросли же Myriophyllum состоятъ изъ переплетающихся другъ съ другомъ, очень длинныхъ, тонкихъ, округлыхъ, нитевидныхъ стволовъ, на которыхъ сидятъ своеобразные перистые листья: — нужно представить себѣ какой-нибудь небольшой круглый листъ, въ которомъ всей пластинки листа нѣтъ, а остаются только однѣ очень многочисленныя жилки, — это дастъ примѣрное понятіе объ этихъ перистыхъ листьяхъ. Myriophyllum образуетъ положительно чащи, напр., въ проливѣ Аузы-Кугъ-Аралъ, гдѣ между его

стволами устроились и разрослись полисифоніи, образовавши, такимъ образомъ, мѣстами сплошной, весьма рыхлый войлокъ отъ поверхности до дна, сквозь который пробираются къ поверхности листья Myriophyllum, съ глубины 2 — 3 футовъ. Въ болѣе глубокихъ бухтахъ и на болѣе глубокихъ мѣстахъ того же самаго бассейна, зостера и Myriophyllum не растутъ.

Пόросли зостеры на пескѣ (въ лужахъ) и пόросли полисифоній, опутывающихъ Myriophyllum — мѣста жизни кардіума. Кардіумъ имѣетъ толстую двустворчатую раковину, покрытую снаружи сильно выпуклыми ребрами; створки очень выпуклы, такъ что закрытая раковина напоминаетъ орѣхъ. Мы показали, говоря объ адакнѣ, значеніе сифона для моллюсковъ, живущихъ въ пескѣ. Сифонъ есть и у кардіума,—тоже зарывающагося въ извѣстныхъ случаяхъ въ песокъ, — но болѣе короткій: — онъ живетъ въ мѣстахъ, защищенныхъ отъ волненій, подлѣ самой поверхности песковъ, между тѣмъ какъ адакна помѣщается на пескахъ, подвергающихся прямому дѣйствію волнъ, приходящихъ съ моря, и должна глубже внѣдряться въ песокъ,— иначе она была бы вырвана съ мѣста, — и ея сифонъ долженъ проникать сквозь болѣе толстый пластъ лежащаго сверху песку.

Сифоны, въ видѣ странныхъ черноватыхъ звѣздъ съ свѣтлымъ углубленіемъ въ срединѣ (входъ въ полость сифона), это — первое, что замѣчается отъ кардіума на песчаномъ днѣ лужи. Если коснуться такой звѣзды чѣмъ-нибудь, она исчезаетъ: животное втягиваетъ сифонъ внутрь. Иногда эти звѣзды разсѣяны на днѣ лужи во множествѣ, и кардіумы сидятъ въ пескѣ въ несмѣтномъ количествѣ, — бокъ-къ-боку.

Въ другихъ случаяхъ кардіумъ встрѣчается въ условіяхъ, совершенно не похожихъ на только-что описанныя:—въ упомянутыхъ хлопьяхъ полисифоній, опутывающихъ Myriophyllum. Тутъ моллюски, завернувшись въ хлопья, висятъ въ водѣ. Но между полисифоніями кардіумъ не такъ многочисленъ, какъ на песчаномъ днѣ лужъ.

Кромѣ кардіума въ тѣхъ же порсляхъ водится еще другой моллюскъ — Hydrobia stagnalis L., очень мелкая одностворчатая, завитая въ спираль, ракушка, по общему очертанію близко напоминающая извѣстную, запирающуюся крышечкою, болотницу (Paludina viodpara L.), только въ миніатюрѣ. Весь моллюскъ до 1 линіи въ длину. Гидробіи, просто, облѣпляютъ стебли и листья Myriophyllum, ползаютъ по хлопьямъ полисифоній, — словомъ, попадаются огромными массами.

Конечно, безъ гаммаруса, если бассейнъ соединяется съ моремъ, и личинокъ насѣкомыхъ не обходится и здѣсь, но, во всякомъ случаѣ, для нашего рака тутъ не мѣсто, и мы не видѣли его въ этихъ условіяхъ въ такомъ обиліи, какъ на прибоѣ.

Бухты Арала — въ то же время и пункты сосредоточенія рыбъ, изъ которыхъ, напр., карпы чувствуютъ себя здѣсь какъ нельзя лучше, находя теплую, покойную воду, мягкое грязное дно и обиліе растительности и пищи.

За карпомъ слѣдуютъ жерехи A(spius erythrostomus Kessler), — очень красивая, стройная рыба съ серебристою чешуею и иногда съ киноварно-красною губою,—тарань (Leuciscus rutilus L.), лещи (Abramis brama L. и Abramis sopa Pall.), изрѣдка попадется окунь (Perca fluviatilis L.), чаще чехонь (Pelecus cultratus L.), аральская сельдь, длиною до 10 — 12 дюймовъ. Табунокъ живыхъ чехоней въ неводѣ — положительно одна изъ красивѣйшихъ картинъ. Въ чащахъ Myriophyllum встрѣчается еще довольно нестройно сложенная небольшая колюшка (Gasterosteus platygaster Kessler). Эти рыбы попадаются въ бухтахъ часто; хотя мы видѣли, что почти всѣ онѣ, кромѣ колюшки, встрѣчаются и въ открытомъ морѣ, но въ бухтахъ онѣ гораздо многочисленнѣе. Усачей мы въ бухтахъ никогда не находили; въ морѣ же намъ не попадалась чехонь, — хотя послѣднее, конечно, простая случайность.

Въ заливахъ, въ устьяхъ рѣкъ, куда вдвигаются изъ рѣки и рѣчныя формы водяныхъ растеній, встрѣчается красноперка (Scardinus erytrophtalmus L.), судакъ (Lucioperca sandra Cuv.), щука (Esox lucius L.), одинъ маленькій видъ усача (короткоголовый Barbus brachycephalus

Kessler), аму-дарьинскій головль (Squalius oxianus Kessler), уклейка (Alburnus Chalcoides Güld), окунь и осетръ-шипъ.

Рядъ рыбъ замыкается вездѣ главнымъ хищникомъ — сомомъ, котораго мы видали и въ бухтахъ, и въ открытомъ морѣ, а также ловили неводомъ и удочкою въ устьяхъ Аму и Сыра.

Крайне интересныя, недавно открытыя, осетровыя рыбы, — скафирринхи (Scaphyrhynchus Fedtschenkoi Kessler въ Сыръ-Дарьѣ, Scaphyrrhynchus Kaufmanni, Bogdanow, Scaphyrrhynchus Hermani Scwezow въ Аму-Дарьѣ), которыхъ слѣдуетъ считать за родоначальниковъ всѣхъ осетровъ, не встрѣчаются въ морѣ и не переходятъ черезъ него, какъ это видно изъ того, что аму-дарьинскій видъ не попадается въ Сыръ-Дарьѣ, а сыръ-дарьинскій — въ Аму. Рыбы эти, кромѣ ихъ значенія для уясненія генеалогіи осетровъ и странной формы, любопытны въ томъ отношеніи, что эти три вида — единственные извѣстные на всемъ материкѣ Стараго Свѣта. Кромѣ нихъ еще извѣстенъ лишь одинъ видъ — Sc. Rafineskii Heck, живущій въ Сѣверной Америкѣ.

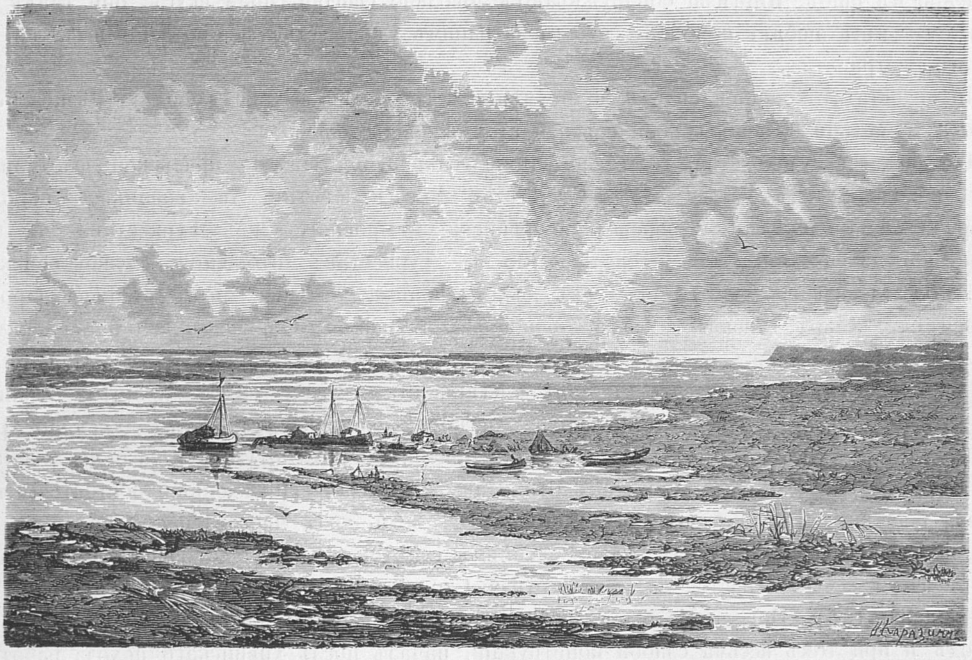
Познакомившись съ физіономіей моря, его флоры и фауны, мы обратимся теперь къ его исторіи.

Изъ формъ, которыя живутъ на берегахъ моря, на сушѣ, нѣкоторыя принадлежатъ Африкѣ, другія — Индіи, или точнѣе, южной и восточной Азіи, третьи — пришельцы съ сѣвера, хотя послѣднихъ очень мало. Почвы береговъ и окружающей степи — морскія образованія, отложенныя сравнительно въ недавнія времена. Эти факты привели ученыхъ къ заключенію, что на мѣстѣ нынѣшнихъ Арало-Каспійскихъ степей, въ то время, когда значительная часть формъ, населяющихъ страну нынѣ, уже существовала, — еще было море, которое принято называть Арало-Каспійскимъ или Арало-Каспіемъ, а представители наземной фауны жили на берегахъ его. Съ убылью моря, животныя и растенія съ юга, востока и запада, а также съ сѣвера, вступили, распространяясь, изъ прибрежныхъ областей на обнажавшееся, высыхавшее и видоизмѣнявшееся, подъ вліяніемъ атмосферныхъ дѣятелей, дно Арало-Каспія. Въ силу этого обстоятельства, мы и встрѣчаемъ теперь здѣсь оригинальную фауну, представляющую (за исключеніемъ нѣсколькихъ, сравнительно, немногихъ формъ, сложившихся уже здѣсь среди обстановки молодой суши) сочетаніе формъ различныхъ, чуждыхъ другъ другу, областей, какъ Африка, Индія и сѣверъ Европы и Азіи. Стоитъ вспомнить изъ перечисленныхъ нами формъ животныхъ тигра, свойственнаго Индіи, и сороку, птицу характерную для сѣвера, эрикса, свойственнаго Африкѣ, и фриноцефаловъ — форму южно-азіятскую, антилопу и волка и т. д. Одно это сопоставленіе даетъ возможность понять, какъ своеобразна смѣсь формъ, входящихъ въ составъ этой фауны.

Съ другой стороны, въ водѣ живутъ морскіе моллюски, какъ кардіумъ, корбуля, адакна, неритина, дрейссена и гидробія, и въ то-же время — ни одного чисто-прѣсноводнаго моллюска. Между тѣмъ рыбы всѣ сплошь — рѣчныя, заходящія въ море, или такія, жизнь которыхъ существеннымъ образомъ связана съ рѣками. При этомъ моллюски, кромѣ корбули, всѣ живутъ въ Каспійскомъ морѣ, а рыбы, за исключеніемъ свойственныхъ рѣкамъ Азіи, живутъ въ рѣкахъ Каспійскаго бассейна и сѣвера Азіи и Европы. Далѣе, вся водная фауна бѣдна формами, и можетъ считаться сильно обѣднѣвшею фауною Каспійскаго моря. Обѣднѣніе же фауны есть результатъ вымиранія и исчезновенія тѣхъ или другихъ формъ, жившихъ раньше, когда были иныя условія. Суша и море даютъ, стало быть, весьма согласную картину: молодая суша, освобождаясь изъ-подъ поверхности моря, заселяется новою, нигдѣ раньше не сгруппировавшеюся такимъ образомъ, — молодою, — фауною, оригинальною именно въ силу своей молодости, — и старое, умирающее море съ остатками былой, болѣе богатой фауны, — остатками снова оригинальными въ силу своей старости, ибо въ немъ выжили и живутъ лишь самые живучіе, способные переносить значительныя измѣненія условій, представители фауны моря и солоноватой воды; въ то же время, въ этомъ остаткѣ былаго моря уже явились и завладѣли имъ новые, молодые сравнительно жильцы, — прѣсноводныя рыбы.

Основныя причины этого явленія нужно искать въ поднятіи суши на югѣ и востокѣ

отъ Арала, — въ области горъ и страны, прилежащей къ нимъ. Подъ вліяніемъ его Арало-Каспій отступилъ на западъ, дно обнажилось, и воды остались лишь въ двухъ углубленіяхъ на бывшемъ днѣ его,—въ котловинахъ Арала и Каспія. Потерявши связь съ большимъ бассейномъ и существуя на счетъ воды своихъ притоковъ, Аралъ долженъ былъ сильно усохнуть. При этомъ въ немъ исчезла или сильно съузилась, — область холодныхъ глубинъ, столь необходимая для многихъ морскихъ формъ, и эти холодноводныя формы должны были тоже исчезнуть, вмѣстѣ съ глубинами, какъ тюлень, большіе осетры и др. Изъ осетровъ выжилъ лишь шипъ. Затѣмъ, въ условіяхъ жизни каждаго обширнаго замкнутаго солоноводнаго бассейна лежитъ то, что онъ долженъ прѣснѣть: соль извлекается изъ него, какъ уже было указано, имъ же самимъ образуемыми соляными озерами и отлагается въ нихъ. Кромѣ того, Аму вливается въ послѣдующія



Устье Сыръ-Дарьи.

времена въ Аралъ и дѣлаетъ его воду еще прѣснѣе: — рѣчныя рыбы, хотя и немногія, вдвигаются въ море и находятъ въ немъ подходящія условія для постоянной жизни.

Признаки поднятія страны на югѣ и востокѣ отъ Арала указаны нѣсколькими натуралистами. Аральское море и само по себѣ даетъ указанія на существованіе этого поднятія. Выше мы не разъ обращали вниманіе на различіе очертанія береговъ, ихъ высоты, состава, распредѣленія почвъ и полосъ моря въ сѣверо-западной и юго-восточной его частяхъ. Сѣверо-западный берегъ Арала возвышенъ, обрывистъ, сильно разрушенъ и разрушается моремъ, — смывается имъ, а юго-восточный — низменъ, отлогъ, и здѣсь идетъ новообразованіе суши, отложеніе мелей, образованіе песчаныхъ острововъ. Острова вдоль сѣверо-западнаго берега Арала — континентальные, отдѣленные отъ берега врывающимся въ материкъ моремъ; острова же противоположнаго берега — недавняго происхожденія: почвы ихъ наметаны моремъ и не имѣютъ ничего общаго съ почвами коренной суши. Дно Арала круто спускается подъ поверхность воды отъ сѣверо-западнаго берега, и очень полого отъ юго-восточнаго; илъ придвинутъ къ сѣверо-западному берегу и т. д. Совокупность всѣхъ подобныхъ фактовъ заставляетъ признать, что Аралъ передвинулся съ ю.-в. на с.-з. Подобное же явленіе, но еще въ болѣе ясной формѣ,

представляется на озерѣ Балхашъ, лежащемъ ближе къ горамъ, а окружающая мѣстность представляетъ нѣсколько болѣе мелкихъ фактовъ (какъ, напримѣръ, отклоненіе р. Чу, бывшей притокомъ Сыръ-Дарьи, къ сѣверу, при чемъ она образовала при своемъ устьѣ озеро Соумаль-Куль, въ которое и впадаетъ нынѣ), указывающихъ на существованіе поднятія, въ направленіи съ ю.-з. на с.-з.

На Аралѣ хотя существуютъ рыболовство и существовало до послѣднихъ дней судоходство, но въ очень небольшихъ размѣрахъ. Упомянутые шалаши и избушки Русскихъ въ устьяхъ Аму-Дарьи и Сыра, — вотъ и всѣ рыбачьи поселенія. Ловятъ главнымъ образомъ шипа, на крючковую снасть, — систему крючьевъ, привѣшенныхъ къ основной веревкѣ, за которые рыба и зацѣпляется на ходу, какъ и чѣмъ попало. На крючья попадается также и усачъ. По отношенію къ рыбѣ, Киргизы обнаруживаютъ довольно своеобразный вкусъ: они ѣдятъ сома и притомъ такъ любятъ сомовину, что съ большимъ удовольствіемъ промѣниваютъ на сома крупнаго осетра.

По недостатку хорошей соли и по неумѣнію, здѣсь балыковъ не дѣлаютъ. Вязига собирается въ довольно большомъ количествѣ и стоитъ очень дешево.

Что касается судоходства, то, въ послѣдніе годы существованія аральской флотиліи, по Аралу проходили, изъ устьевъ Сыра въ устья Аму и обратно, два военныхъ парохода, «Самаркандъ» и «Перовскій», перевозившіе войска и провіантъ изъ Туркестана въ Аму-Дарьинскую область и отвозившіе обратно въ Туркестанъ отбывшія службу войсковыя части. Въ аральской флотиліи судовъ было, правда, больше; были рѣчные пароходы «Ташкентъ», «Сыръ-Дарья», «Аралъ», паровой барказъ «Обручевъ», двѣ морскихъ и нѣсколько рѣчныхъ баржъ и нѣсколько барказовъ. Но кромѣ «Самарканда» и «Перовскаго», другіе пароходы не могли плавать въ морѣ. «Ташкентъ» мелко сидѣлъ и имѣлъ слишкомъ высокую надводную часть, такъ что въ морѣ его легко могло опрокинуть; «Сыръ-Дарья» и «Аралъ» были не только чисто-рѣчные пароходы, но притомъ пароходы узкой и мелкой рѣки: они имѣли одно гребное колесо — сзади, такъ что одинъ изъ нихъ, вынужденный обстоятельствами, рѣшился даже прорыть себѣ, поворотясь кормой къ мели, ходъ черезъ нее своимъ же собственнымъ колесомъ и выполнилъ это съ большимъ успѣхомъ. Они были очень узки и были построены въ видахъ судоходства по узкому рукаву Сыра, — Джаманъ-Дарьѣ.

«Самаркандъ» и «Перовскій» были главные работники флотиліи. «Самаркандъ», хотя рѣчной пароходъ и при томъ весьма слабой конструкціи, началъ послѣ хивинскаго похода работу по перевозкѣ людей и провіанта въ новопріобрѣтенную область и обратно. Потомъ «Самаркандъ» былъ значительно передѣланъ, хорошо скрѣпленъ и приспособленъ къ плаванію по морю, что раньше было для него сопряжено съ рискомъ. Насколько этотъ рискъ былъ значителенъ, лучше всего покажетъ читателю случай, бывшій на пароходѣ въ то самое лѣто, когда и наша «Баржа № 2», съ сопровождавшимъ ее барказомъ, находилась также въ Аральскомъ морѣ.

«Самаркандъ», подъ командою Н. И. Казакова, шелъ изъ Аму-Дарьи въ Сыръ-Дарью. Сѣверный вѣтеръ развелъ сильное волненіе, и пароходу пришлось ломиться на встрѣчу валамъ и вѣтру. Въ подобныхъ условіяхъ положеніе «Самарканда» выходило всегда незавиднымъ: жидкій, безъ солидныхъ морскихъ скрѣпленій, корпусъ гнулся при перевалахъ черезъ волны до того, что щели въ рубкахъ, между досками, «мигали», т. е. однѣ съуживались при подъемѣ на волну и расширялись при спускѣ, а другія — наоборотъ. Тонкимъ бортамъ, сшитымъ изъ кровельнаго желѣза, доставалось настолько, что, по возвращеніи въ портъ, постоянно нужно было вставлять нѣсколько новыхъ заклепокъ въ швахъ корпуса, вмѣсто выпавшихъ во время перехода черезъ море. Но «Самаркандъ» все-таки ходилъ, — было необходимо, такъ какъ одного «Перовскаго» было мало, а другихъ пароходовъ не было. Точно также было сначала и на этотъ разъ. Не смотря на волненіе и разныя мелочи, смыслъ которыхъ понятенъ лишь

опытному моряку, «Самаркандъ» идетъ. Н. И. Казаковъ ходитъ по мостику, посматривая на компасъ и отдавая повременамъ приказанія.

Вдругъ является растерянный матросъ съ докладомъ, что «въ боковой каютѣ листъ оторвало!» (Боковая каюта — носовая, въ которой на военныхъ судахъ помѣщается команда.)

Казаковъ, тонко знавшій свойства своего «Самарканда», конечно, сразу оцѣнилъ всю соль этого извѣстія. Въ боковой каютѣ листъ оторвало, — значило — ни болѣе, ни менѣе, что ударами волнъ разорвало связь между двумя листами желѣза въ бортѣ, и что черезъ эту щель въ каюту льется вода. Но онъ имѣлъ на суднѣ, кромѣ команды, пассажировъ, — солдатъ и офицеровъ изъ Аму-Дарьинской области, — и поэтому долженъ былъ сохранить все присутствіе духа съ перваго же момента. Въ силу этого, Н. И. Казаковъ, въ отвѣтъ на докладъ, далъ хорошую головомойку матросу, который, очевидно (!), былъ пьянъ (!), если ему показался (!) такой явный вздоръ, прогналъ его обратно и не спѣша отправился на бакъ, успокоивая по дорогѣ переполошившихся пассажировъ.

Войдя въ каюту, онъ нашелъ, что листъ, дѣйствительно, оторванъ и матросы всѣми силами стараются остановить воду. Н. И. Казаковъ осмотрѣлъ зіявшую щель, сквозь которую изумрудный цвѣтъ аральской воды былъ виденъ во всемъ великолѣпіи, сдѣлалъ необходимыя распоряженія, чтобы, хотя на время, не дать щели расшириться и прекратить, насколько возможно, доступъ водѣ внутрь судна, ободрилъ матросовъ и вернулся на палубу съ совершенно спокойнымъ видомъ.

— Двѣ заклепки выпали, пустяки, — отвѣтилъ онъ дожидавшимся его пассажирамъ.

Получивши полномочіе отъ помощника начальника флотиліи, бывшаго во время этого рейса также на «Самаркандѣ», поступать, какъ онъ найдетъ лучше, Н. И. Казаковъ направилъ пароходъ къ Кугъ-Аралу и, закрывшись островомъ отъ вѣтра, сталъ на тихой водѣ на якорь.

Починившись на свободѣ, насколько позволяли обстоятельства, онъ перешелъ, при стихнувшей погодѣ, въ Сыръ-Дарью, гдѣ, по крайней мѣрѣ, пассажирамъ не грозило уже никакой опасности. Пароходъ оказался, однако, въ состояніи продолжать плаваніе и по Сыръ-Дарьѣ, благополучно дошелъ до Казалинска и былъ здѣсь починенъ, какъ слѣдуетъ.

Людямъ, знакомымъ съ безпримѣрною находчивостью, рѣшительностью и хладнокровнымъ мужествомъ Н. И. Казакова, вполнѣ понятно, что безъ него этотъ случай могъ кончиться не такъ благополучно.

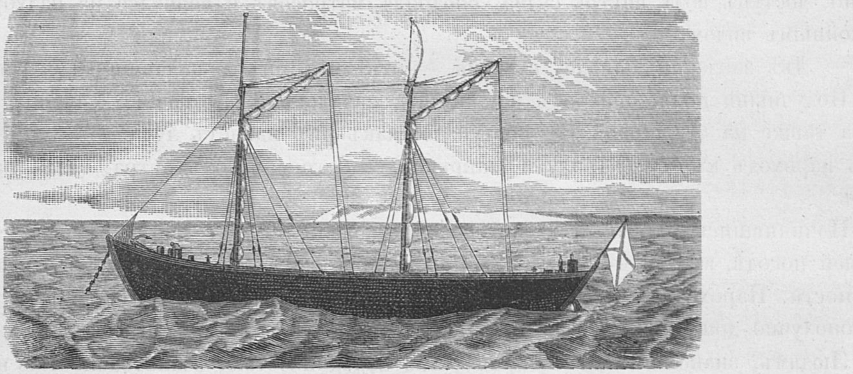
Все это не мѣшало, однако, «Самарканду» быть лучшимъ (съ сильною машиною и хорошимъ ходомъ) и изящнѣйшимъ пароходомъ флотиліи, тѣмъ болѣе, что, благодаря заботамъ Н. И. Казакова, крайне строгаго въ соблюденіи дисциплины и порядка на суднѣ, онъ содержался неизмѣнно въ величайшемъ порядкѣ и чистотѣ.

«Перовскій» — судно историческое, — дѣдушка паровой Аральской флотиліи. Съ нимъ покойный А. И. Бутаковъ нагналъ, дойдя въ первый разъ по Аму до Кунграда, страхъ на хивинскаго хана, осаждавшаго этотъ городъ, до того, что осада была снята. Съ нимъ А. И. Бутаковъ ходилъ по Аралу. Вмѣстѣ съ «Самаркандомъ» и флотиліей баржъ, приведенныхъ обоими пароходами, онъ обстрѣливалъ укрѣпленіе Акъ-Калу, при форсированіи входа въ устье Аму, и принималъ участіе въ ея взятіи. На его долю выпало первому пройдти по истинному фарватеру Аму въ 1874 году и, сдѣлавши первый рейсъ до Петро-Александровска, открыть русское судоходство по этой рѣкѣ. «Перовскій» былъ пароходъ весьма крѣпкаго сложенія, («ударитъ въ берегъ носомъ, — полберега оторветъ», какъ комически охарактеризовалъ его одинъ изъ моряковъ Аральской флотиліи), но съ несильною машиною, почему онъ оказался тихоходомъ на быстринахъ Аму, а во время общихъ съ «Самаркандомъ» рейсовъ, выходя одновременно съ нимъ въ море, всегда приходилъ значительно позже. При волненіяхъ онъ держался въ морѣ очень удовлетворительно.

Но теперь все это относится уже къ исторіи аральскаго судоходства. «Самарканда» не стало, — затонулъ въ Сыръ-Дарьѣ около форта № 2; — «Перовскій» пришелъ въ полную негодность отъ старости и выбылъ изъ строя съ лопнувшимъ цилиндромъ, — а безъ нихъ и флотилія перестала быть флотиліею, — и когда зашла рѣчь объ ихъ замѣнѣ, то было найдено болѣе выгоднымъ совершенно упразднить ее.

Предшествующая же исторія судоходства по Аралу вообще очень не сложна. Послѣ плаваній А. И. Бутакова въ 1848 и 1849 годахъ, для съемки и описи моря, и послѣ прекращенія дѣятельности судовъ частной рыболовной компаніи, основавшейся вскорѣ послѣ начала нашего господства на Аралѣ и нашедшей свое предпріятіе невыгоднымъ, — въ морѣ почти не плавали; изрѣдка суда ходили на островъ Николай I за известкою для порта. Послѣ долгаго затишья, хивинскій походъ далъ толчекъ къ началу болѣе частыхъ рейсовъ черезъ море. Наше плаваніе въ 1874 году было первымъ серьезнымъ и долговременнымъ плаваніемъ послѣ временъ А. И. Бутакова. Часть результатовъ именно этого плаванія мы и предложили вниманію читателя.

В. Д. Аленицинъ.



Аральское море. «Баржа № 2» въ виду острова Барса-Кильмесъ.

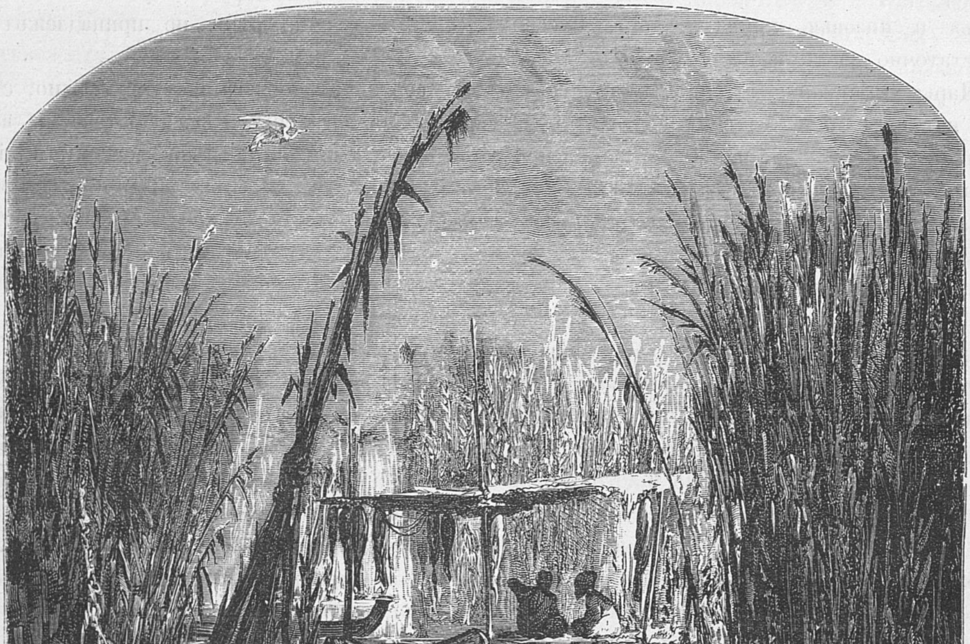
ОЧЕРКЪ III.

РУССКІЙ БЕРЕГЪ АМУ-ДАРЬИ.

Низовье рѣки Аму-Дарьи. — Русскій берегъ. — Древній Ховарезмъ и нынѣшнее Хивинское ханство. — Вступленіе русскихъ войскъ въ Хиву. — Освобожденіе рабовъ.

Слава намъ! Хивинецъ дикій
Передъ нами отступилъ...
Что задумалъ Петръ Великій, —
Александръ то довершилъ.

Изъ казацкой пѣсни.



Рыбаки на оз. Сара-Куль (въ дельтѣ Аму-Дарьи).

Аму-Дарья — одна изъ наиболѣе важныхъ рѣкъ въ Средней Азіи. Вообще, рѣки Туркестанскаго края не имѣютъ торгово-промышленнаго значенія, а исключительно земледѣльческое; неудивительно поэтому, что измѣненіе направленія въ ихъ теченіи, вслѣдствіе тѣхъ или другихъ причинъ, естественныхъ или искусственныхъ, весьма рѣдко отражается на характерѣ страны, ея процвѣтаніи или упадкѣ. Весьма характерную картину запустѣнія представляетъ древній Ховарезмъ, нѣкогда богатое государство, орошенное прекрасными каналами; теперь это

песчаная, пустынная мѣстность, со слѣдами древнихъ, искусныхъ, водопроводныхъ и оросительныхъ каналовъ, нынѣ вполнѣ разрушенныхъ.

Въ древности Аму-Дарья была мало извѣстна. Страбонъ сообщаетъ о ней только, что черезъ Гирканію протекали рр. Охъ и Оксъ (Аму-Дарья) до впаденія въ море. Охъ протекалъ также и черезъ Несаю. По словамъ Аристобула, Оксъ — самая большая изъ видѣнныхъ имъ въ Азіи рѣкъ, за исключеніемъ индійскихъ. И Аристобулъ, и Эратосфенъ, со словъ Патрокла, говорятъ, что рѣка эта судоходна, что по ней перевозилось въ Гирканію много индійскихъ товаровъ; отсюда они доставлялись въ Албанію и затѣмъ, черезъ Куръ и слѣдующія за нимъ мѣстности, въ Эвксинъ. Въ настоящее же время расширеніе средне-азіятскихъ владѣній со стороны Россіи и многочисленныя изслѣдованія малоизвѣстныхъ странъ экспедиціями и отдѣльными лицами даютъ возможность составить вѣрное представленіе, какъ объ орографіи края, такъ и о водныхъ бассейнахъ его. Теперь вся рѣка Аму, особенно же ея верховья и низовья, принадлежащія Русскимъ (среднее теченіе рѣки не принадлежитъ намъ), достаточно обслѣдована.

Аму-Дарья беретъ начало на высотахъ Памира. Въ верховьяхъ берега Аму круты, но, съ выходомъ изъ горъ, они низменны, пустынны и весьма мало населены. Рѣка протекаетъ въ мѣстности безжизненной, песчаной и безпріютной. Притоки не оживляютъ рѣки, поэтому рѣдкіе населенные пункты бываютъ удалены болѣе или менѣе значительно отъ нея. Однообразный, даже унылый видъ имѣетъ рѣка на всемъ протяженіи. Она отдѣляетъ бухарскія владѣнія отъ афганскихъ и отъ земель независимыхъ Туркменовъ. Далѣе она служитъ пограничною линіею между русскими владѣніями и хивинскими, начиная отъ урочища Ичке-Яра. Ширина рѣки отъ 300 до 500 саженъ, при глубинѣ отъ одной до трехъ саженъ.

Въ предѣлахъ Хивинскаго ханства ширина ея колеблется отъ одной до двухъ верстъ. Но, вообще, Аму не представляетъ широкой и глубокой, одной линіей текущей, величественной рѣки, подобно, напримѣръ, Волгѣ. Она, подобно Сыръ-Дарьѣ, другой значительной рѣкѣ, впадающей также въ Аральское море, разбивается на множество протоковъ, образуя отмели, заливни и острова. Фарватеръ чрезвычайно быстро мѣняется, иногда нѣсколько разъ въ годъ. Теченіе Аму-Дарьи очень быстрое, отъ четырехъ до шести верстъ въ часъ; во время половодья доходитъ иногда до 8 и 9 верстъ. Аму-Дарья окаймлена, такъ сказать, двойными берегами. Первые непосредственно обрамляютъ рѣку; вторые же находятся въ отдаленіи отъ нея, иногда на пятиверстномъ разстояніи. Эти отдаленные берега возвышенны, особенно же возвышенъ правый берегъ, который обыкновенно крутъ, иногда обрывистъ и достигаетъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, 200 футовъ высоты надъ поверхностью рѣки. Пространство между этими берегами (низменнымъ и возвышеннымъ) то расширяется, то съуживается, причемъ иногда оба берега сливаются, и тогда рѣка течетъ непосредственно въ крутыхъ берегахъ. По гористымъ берегамъ растетъ саксаулъ и нѣкоторыя другія степныя растенія, какъ, напримѣръ, полынь. На низменныхъ берегахъ, на лугахъ, называемыхъ тугаями, растутъ различные виды кустарниковъ и травянистыя растенія; гребенщикъ (Tamarix) и камышъ преобладаютъ ниже развалинъ укрѣпленія Мешекли; выше же, кромѣ гребенщика, растутъ деревья — тополь и талъ.

Въ тѣхъ мѣстахъ Аму-Дарьи, гдѣ берега круты, — теченіе очень быстрое, фарватеръ широкъ и глубокъ; въ низменныхъ берегахъ теченіе медленнѣе, рѣка сильно извивается, что затрудняетъ плаваніе по ней даже на обыкновенныхъ лодкахъ.

Быстрое теченіе рѣки размываетъ неустойчивый песчано-глинистый грунтъ береговъ и дна, къ водѣ примѣшивается много глины, придающей ей красноватый цвѣтъ, такъ что она по цвѣту напоминаетъ квасъ. Количество осадковъ въ аму-дарьинской водѣ весьма значительно; но она быстро отстаивается, дѣлается чистой, прозрачной. Туземцы обыкновенно употребляютъ мутную воду и, какъ говорятъ, безъ вреда для здоровья. Мутный видъ Аму-Дарьи далъ поводъ арабскимъ писателямъ назвать ее Джейхуномъ, т. е. грязной рѣкой. Въ Аму повыше-

ніе воды продолжается съ апрѣля по августъ; съ августа до октября — вода спадаетъ Въ половодье Аму-Дарья весьма сильно разливается, затопляя низменныя мѣста на большое разстояніе. Въ этомъ затопленіи луговъ и заключается причина, почему туземцы не селятся у береговъ рѣки, даже и въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ оазисы непосредственно примыкаютъ къ самой рѣкѣ. Такъ, напримѣръ, хивинскій оазисъ, расположенный на лѣвомъ берегу нижняго теченія Аму, раскинулся не непосредственно по берегу рѣки, а по системѣ большихъ арыковъ, проведенныхъ изъ рѣки. Селенія его отстоятъ на нѣсколько верстъ отъ берега рѣки. Оазисъ подходитъ къ рѣкѣ близъ города Гурлена, у маленькой деревушки Ахунъ-баба, гдѣ находится мечеть и гробница одного изъ самыхъ популярнѣйшихъ и уважаемыхъ святыхъ хивинскаго оазиса, и еще ниже, у небольшаго узбекскаго городка Кипчакъ, гдѣ Аму преграждается порогами.

Начиная отъ укрѣпленія Петро-Александровскаго, Аму-Дарья течетъ по низменной мѣстности. Берега Аму здѣсь плоски и рѣка разбивается на рукава, образующіе массу острововъ. Рукава эти, ниже города Гурлена, снова собираются въ одно русло. Здѣсь правый берегъ рѣки сопровождаетъ скалистая гряда горъ Шейхъ-Джели. У хивинскаго города Мангита, эта скала подступаетъ къ самой рѣкѣ, пересѣкаетъ ее и образуетъ ворота Киснахъ, причемъ ширина рѣки доходитъ до 250 саженъ.

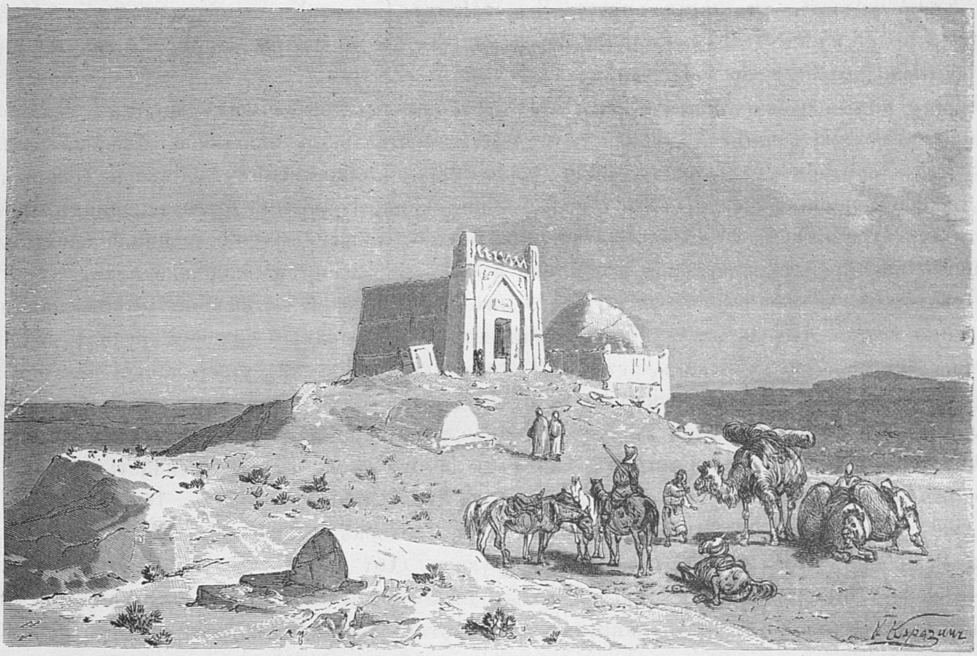
Берега нижняго теченія Аму покрыты кустарникомъ различныхъ породъ и камышемъ, особенно же ниже города Ходжейли. Эти мѣста составляютъ любимыя убѣжища кабановъ и тигровъ. Въ одномъ изъ такихъ мѣстъ, извѣстный путешественникъ Вамбери, совершавшій, подъ видомъ дервиша, экскурсіи въ Средней Азіи, Хивѣ, Бухарѣ и другихъ дикихъ и малоизвѣстныхъ странахъ, едва не былъ убитъ кабанихой; лошадь путешественника наступила въ камышахъ на поросятъ и свалила его прямо къ мордѣ разсвирѣпѣвшей кабанихи.

Отъ города Ходжейли, вблизи котораго находится русское укрѣпленіе Нукусъ, начинается собственно дельта Аму-Дарьи. У Нукуса отдѣляется вправо самый важный рукавъ — Куванъ-Джарма (Яны-су). Этотъ рукавъ, съ 1873 года, когда Русскіе утвердились въ низовьяхъ Аму, служитъ сравнительно удобнымъ путемъ для прохода судовъ аральской флотиліи изъ Сыръ-Дарьи и Аральскаго моря въ Аму. Рукавъ этотъ, пройдя болѣе ста верстъ отъ выхода изъ Аму, впадаетъ въ озеро Кунградъ, которое соединяется весьма извилистымъ и узкимъ протокомъ съ другимъ озеромъ — Кара-Теренъ. Вытекающій изъ Кара-Терена протокъ носитъ уже другое названіе — Яны-су (новая рѣка), которая и впадаетъ въ Аральское море у залива Тущебашъ. Протяженіе судоходнаго рукава Аму-Дарьи отъ Нукуса до Аральскаго моря — около 215 верстъ. Необходимо замѣтить, однако, что и этотъ рукавъ малоудобенъ для судоходства, вслѣдствіе извилистости и крутыхъ поворотовъ Куванъ-Джармы, быстроты теченія, узкости и мелководья протока, соединяющаго оба озера, носящія общее названіе Дау-Каринскихъ озеръ. Условія эти препятствуютъ буксировкѣ грузовъ и значительно затрудняютъ движеніе пароходовъ. Этимъ воднымъ путемъ суда могутъ пользоваться только лѣтомъ, съ половины іюня и не позже половины сентября, такъ какъ въ это время полыя воды заливаютъ непрерывную систему Дау-Каринскихъ озеръ, образующихъ тогда громадную водную площадь въ 5,000 кв. верстъ. Плаваніе же въ другое время года невозможно. Озеро Кунградъ иногда бываетъ не глубже одного фута. Кромѣ того, плаваніе по этому рукаву затрудняется еще и тѣмъ, что весь заливъ Тущебашъ, въ который впадаетъ Яны-су, равно какъ и устье этой рѣки усѣяны множествомъ мелей, тянущихся почти на 8 миль. По морскому берегу, въ направленіи отъ запада къ востоку, также тянутся непрерывныя мели. Въ концѣ 40-хъ годовъ Русскіе доходили до Нукуса. Послѣ удаленія Русскихъ, Хивинцы, неизвѣстно по какимъ причинамъ — съ цѣлью ли усиленія орошенія, или для преграждения доступа Русскимъ, преградили Талдыкъ одной плотиной, а Дарьялыкъ — семью, вслѣдствіе чего оба протока стали несудоходны. Не лишено интереса также и то обстоятельство, что, сравнительно, удобная теперь для судо-

ходства вѣтвь Куванъ-Джарма въ концѣ сороковыхъ годовъ была невозможна для судоходства.

Замѣчательное перемѣщеніе русла Аму-Дарьи произошло, по свидѣтельству исторіи, въ позднѣйшую эпоху. Его можно сравнить только съ періодическими перемѣщеніями Желтой рѣки (Хуанъ-хо) въ Китаѣ. По свидѣтельству греческихъ историковъ, Аму-Дарья переходила изъ притоковъ Каспійскаго моря въ притокъ Аральскаго — два раза.

Старое ложе Аму, по которому рѣка впадала въ Каспій, называется Узбоемъ. Длина Узбоя достигаетъ почти 800 верстъ; вся долина была заселена. Развалины городовъ и деревень, слѣды которыхъ находятся на берегахъ верхняго Узбоя, между дельтой Аму и Сары-Камышскими озерами, повидимому, принадлежатъ двумъ различнымъ эпохамъ, имѣющимъ, быть можетъ, связь съ двумя различными періодами впаденія Аму-Дарьи въ Каспійское море. Постройки болѣе древнихъ городовъ указываютъ на гораздо высшую культуру и богатство, чѣмъ въ эпоху болѣе новыхъ построекъ, совершенно сходныхъ съ современными хивинскими зданіями.



Типъ надгробныхъ сооруженій въ Средней Азіи.

Вопросъ о развитіи пароходства по Аму, Сыръ-Дарьѣ и Аральскому морю встрѣчаетъ весьма серьезныя препятствія въ незначительной глубинѣ рѣкъ и отклоненіи ихъ въ правую сторону, при чемъ образуются новые протоки, а старые, даже судоходные, нерѣдко совершенно засыпаются. Такъ, рѣчной путь, по которому проходилъ въ концѣ пятидесятыхъ годовъ капитанъ Бутаковъ, теперь непроходимъ. Вообще, проходъ въ Аму-Дарью не легко рѣшить. Аму-Дарья чрезвычайно прихотлива. По изслѣдованіямъ капитана Бутакова, прожившаго въ устьяхъ Сыръ-Дарьи много лѣтъ, самымъ лучшимъ устьемъ для судоходства считался рукавъ Аму-Талдыкъ, ведущій къ городу Кунграду. Въ 1858 г. Талдыкъ обмелѣлъ; болѣе глубокимъ сталъ рукавъ Улькунъ-Дарья, къ востоку отъ Талдыка; затѣмъ и этотъ рукавъ сталъ мелѣть, и образовался теперь наиболѣе глубокій протокъ черезъ Дау-Карійскія озера. Эта измѣнчивость рукавовъ дельты Аму-Дарьи даетъ право сказать, чтъ здѣсь рѣка не имѣетъ главнаго русла.

Одинъ изъ участниковъ хивинской экспедиціи въ 1873 году, слѣдующимъ образомъ описываетъ поиски прохода по Аму-Дарьѣ: «Мы пріѣхали къ стоянкѣ пароходовъ («Самаркандъ» и «Перовскій») наканунѣ отправки парохода «Перовскій» вверхъ по Аму-Дарьѣ, на новые поиски прохода. Пароходъ отправился въ сопровожденіи ханскаго есаулъ-баши Махмуда, который, какъ говорили, былъ высланъ сюда потому, что, когда было получено въ нашемъ отрядѣ, въ Хивѣ, извѣстіе о встрѣчаемыхъ пароходами препятствіяхъ къ проходу по Аму-Дарьѣ, онъ, со свойственной всѣмъ азіятцамъ хвастливостью, вызвался хану провести наши пароходы. Ханъ уполномочилъ его распоряжаться, по своему усмотрѣнію, жителями, населяющими дельту, и принимать всѣ мѣры, какія понадобятся, чтобы только исполнить желаніе командующаго войсками генерала Кауфмана. Есаулъ-баши поспѣшилъ изъ Хивы къ Кунѣ-Дарьѣ. Мы еще въ Ходжейли слышали отъ туземцевъ о самоувѣренности, съ какой Махмудъ-есаулъ-баши ѣхалъ доказать Русскимъ свое искусство. Намъ говорили, что всѣ наши моряки, какъ ни стараются пройти, ничего не могутъ сдѣлать, а что вотъ ихъ есаулъ баши, великій *уста* (мудрецъ), знаетъ отлично рѣку и непремѣнно проведетъ ушанъ (пароходъ). Хотя намъ и казалось сомнительнымъ лоцманство есаула-баши, тѣмъ не менѣе мы не рѣшались спорить; а пока же мы видѣли только, что проѣздъ есаула-баши прошелъ грозой по населенію. Не зная, въ чемъ дѣло и какая предстоитъ работа, есаулъ-баши, проѣзжая съ огромной свитой (на Востокѣ такой обычай, кто хочетъ показаться важной особой), повсюду объявлялъ приказъ свой о высылкѣ изъ селеній и городовъ рабочихъ людей въ Кушканъ-тау (близъ Дау-карійскихъ озеръ). Несчастные рабочіе, оторванные отъ полевыхъ занятій, вооруженные землекопными орудіями, толпами направлялись къ сборному пункту. Выѣзжая изъ Ходжейли къ Кунграду, мы видѣли массу народа, толпившагося на берегу въ ожиданіи переправы на правый берегъ рѣки, съ тѣмъ чтобы идти оттуда по указанію. Намъ говорили, что все это *казучи* (землекопы), идущіе къ пароходу. Впослѣдствіи, какъ мы узнали, — что̀ такъ и слѣдовало по хивинскимъ порядкамъ, — этотъ сборъ людей не обошелся безъ пользы для есаулъ-баши: болѣе богатыя личности и даже цѣлыя деревни откупились у него отъ выхода на работу.

«Пріѣхавъ на пароходъ, есаулъ-баши, не видавшій никогда такихъ большихъ ушановъ, какъ нашъ пароходъ, — присмирѣлъ. Явившись къ начальнику флотиліи, онъ уже сталъ спрашивать только приказанія, что ему дѣлать? Ему отвѣтили, что онъ брался указать путь, и отправили съ нимъ пароходъ «Перовскій». Но это веденіе есауломъ-баши парохода оказалось также неудачнымъ. Онъ водилъ пароходъ по тому же пути, который былъ изслѣдованъ русскими моряками при началѣ экспедиціи. Пароходу мѣстами пришлось тянуться на глубинѣ менѣе 3 футовъ. Въ виду того, что тогда было время половодія Аму-Дарьи и со спадомъ воды обратный путь былъ-бы совершенно непроходимъ, пароходъ не рѣшился идти далѣе.»

Капризность русла Аму, постоянное образованіе на ней мелей — въ высшей степени затрудняютъ правильное судоходство по этой рѣкѣ. Дѣйствительно, до сихъ поръ значеніе Аму-Дарьи для прилегающихъ мѣстностей, особенно въ ея низовьяхъ, ограничивается орошеніемъ, посредствомъ котораго сберегаются оазисы среди болѣе и болѣе увеличивающихся площадей сыпучихъ песковъ.

При условіи судоходства, громадныя выгоды для торговли могла бы представлять Аму, какъ рѣка, прорѣзывающая пустыни отъ Арала до Гиндукуша и Памира. Не говоря уже о водномъ сообщеніи между собственно хивинскими городами, какимъ богатымъ передаточнымъ пунктомъ могла бы быть эта рѣка для обмѣна европейскихъ товаровъ на азіятскіе.

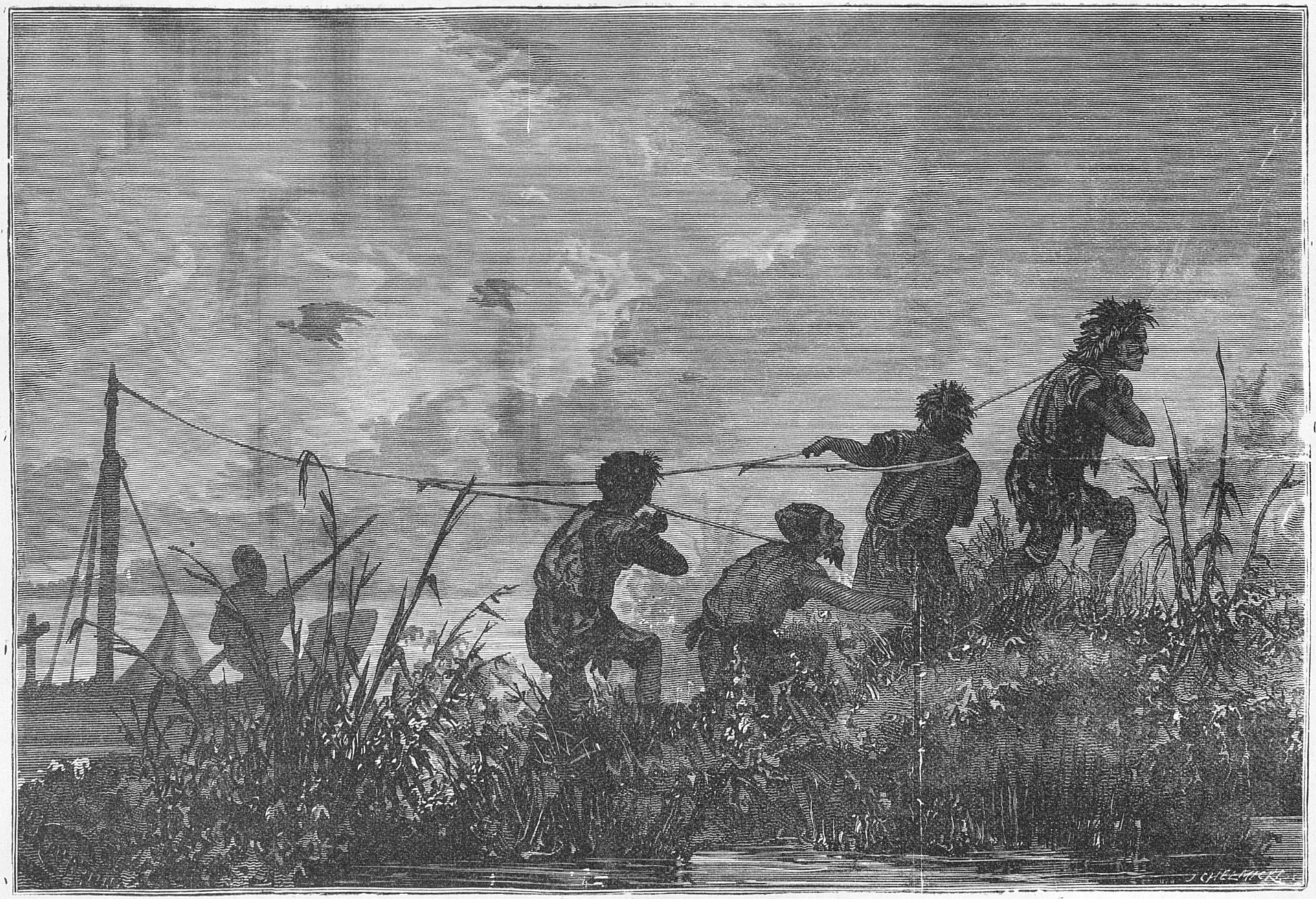
Хивинцы, вообще, боятся воды, даже болѣе — имѣютъ отвращеніе къ занятію судоходствомъ. Судоходствомъ занимается тамъ самый бѣднѣйшій классъ жителей. Правильно устроеннаго бичевника нигдѣ нѣтъ; люди тянутъ лодки сквозь кусты, по разливамъ, и на ночлегахъ дѣлаются добычей страшныхъ москитовъ, которыми такъ изобилуетъ долина Аму. Умѣнье управлять лодкой ограничивается у Хивинцевъ почти однимъ бичевникомъ. Одинъ изъ членовъ

экспедиціи въ 1858 году, плывшій въ устьяхъ Аму, сообщаетъ, что едва Русскіе поднимали парусъ и лодка начинала двигаться сама, какъ на лодочниковъ-хивинцевъ находила страшная паника. Они бросались на землю и кричали: «шайтанъ, шайтанъ» (чортъ), и не прежде принимались за дѣло, какъ по уборкѣ паруса. При переѣздахъ же съ одного берега на другой лодочники предавались совершенно на волю Аллаха и равнодушно ждали — опрокинетъ ли ихъ лодку, или прибьетъ къ берегу на 2 — 3 версты ниже того мѣста, гдѣ слѣдовало бы пристать.

Строго говоря, Аму-Дарья не имѣетъ дельты, въ точномъ смыслѣ слова. Воды Аму текутъ весьма непостоянно и устремляются то въ одинъ, то въ другой рукавъ или же образуютъ новые протоки. На правомъ берегу Аму, принадлежащемъ теперь Россіи, а также по берегамъ Улькунъ-Дарьи и Куванъ-Джармы живутъ Каракалпаки; они занимаются хлѣбопашествомъ. Это трудолюбивое племя сравнительно давно уже признало власть Россіи. Изгнанное во второй половинѣ XVIII столѣтія Киргизами съ низовьевъ Сыръ-Дарьи, оно страдало подъ гнетомъ хивинскихъ поборовъ и частыхъ набѣговъ Туркменъ. Въ низовьѣ Аму живутъ также Киргизы, принадлежащіе къ разнымъ родамъ. Часть Киргизовъ кочуетъ между Каракалпаками, другая же, болѣе значительная, часть занимаетъ оба берега Талдыка. Каракалпаки поселились при хивинскомъ Мамедъ-Ханѣ; имъ были подарены земли около Дау-Карійскихъ озеръ и города Кунграда, а также и часть праваго берега Аму-Дарьи—съ цѣлью создать оплотъ ханству отъ набѣговъ Туркменъ и Киргизовъ. Каракалпаки, согласно договору, не должны были платить никакихъ податей хивинскому хану, но вскорѣ на нихъ были наложены денежные платежи, достигшіе въ послѣдніе годы ханскаго владычества крупной цифры. Каракалпаковъ насчитываютъ до 20 тыс. кибитокъ; половина ихъ на правомъ русскомъ берегу, другая часть на хивинскомъ. Киргизы кочуютъ на всемъ пространствѣ отъ Сыра до Аму-Дарьи; ихъ не болѣе 3-хъ тысячъ кибитокъ, изъ которыхъ многіе ушли на кочевье ближе къ Сыру; эти Киргизы управляются своими біями и находятся подъ верховной властью персидскаго шаха. Наконецъ, Узбеки, принадлежащіе собственно къ Хивинскому племени, но весьма въ незначительномъ количествѣ. Всѣ эти племена живутъ въ кибиткахъ, за исключеніемъ тѣхъ, которые находятся въ городахъ, гдѣ дома дѣлаются изъ сырцоваго кирпича, одноэтажные, съ плоскими крышами изъ камыша, покрытаго сверху землей; пола нѣтъ; печи самаго первобытнаго устройства, съ прямой трубой; но большею частью вмѣсто печей въ землѣ дѣлается углубленіе, въ которомъ и готовятъ кушанье; для выхода дыма въ потолкѣ имѣется отверстіе. Одежда Каракалпаковъ состоитъ изъ большой, остроконечной, конусообразной папахи (шапки) изъ мерлушки, длинной рубахи изъ бумажной матеріи, пестраго халата съ бумажнымъ поясомъ, бѣлыхъ шароваръ и башмаковъ. Женщины одѣваются такъ же, только употребляютъ болѣе пестрыя матеріи. Главную пищу составляетъ пловъ изъ риса, пополамъ съ морковью, всегда съ курдючнымъ саломъ. Водку пьютъ и очень любятъ ее только тѣ, которые имѣли сношеніе съ Русскими; народный же ихъ любимый напитокъ — айракъ, приготовляемый изъ кислаго молока.

Каракалпакъ.

Вообще, Каракалпаки народъ бѣдный, занимающійся земледѣліемъ, которое стоитъ у нихъ на довольно высокой степени развитія, а также рыбной ловлей. Киргизы же и Узбеки, хотя и не пренебрегаютъ хлѣбопашествомъ, но, главнымъ образомъ, занимаются скотоводствомъ



Т. X.

Аму-дарьинскіе бурлаки (бичевники).

и коневодствомъ. Здѣсь воздѣлывается пшеница, рисъ, ячмень, конопля. Берега большаго арыка Кегейли, рѣки и Куванъ-Джармы, въ окрестностяхъ города Чимбая, на разстояніи нѣсколькихъ верстъ покрыты весьма красивыми садами, разведенными Каракалпаками. Все богатство этихъ садовъ заключается въ небольшомъ количествѣ тополей, таловъ, урюковыхъ (абрикосовыхъ) деревьевъ, персиковъ, яблонь, грушъ и константинопольской вербы. Искусственное удобреніе здѣсь не употребляется. Вся сила и производительность почвы зависитъ отъ орошенія. Урожаи хлѣбовъ весьма сильно страдаютъ отъ саранчи, вѣчно гнѣздящейся здѣсь; но счастье хивинскаго земледѣльца, что саранча предпочитаетъ всѣмъ хлѣбамъ молодые побѣги камыша, а свѣжаго зеленаго камыша въ низовьяхъ Аму-Дарьи цѣлые лѣса. Винограда, а также и тутовыхъ деревьевъ, мало разводится; сѣно клеверное собирается въ большомъ количествѣ; люцерна даетъ два или три покоса.

Каракалпакъ въ папахѣ и халатѣ.

Аму-Дарья сдѣлалась границей между русскими и хивинскими владѣніями. По заключеніи договора между Россіей и Хивой, здѣсь образованъ Аму-Дарьинскій округъ, раздѣляющійся на два отдѣла: Шураханскій (южный) и Чимбайскій (сѣверный).

Начиная съ восточнаго берега Аральскаго моря и береговъ дельты, Аму-Дарьинскій округъ представляетъ довольно обширное, богатое для культуры пространство земли, продолжающееся до урочища Тугай-Чатли; отсюда, по сѣверную сторону Тугая, тянется песчаная степь Кизилъ-Кумъ, которая приближается къ рѣкѣ, значительно съуживая удобную для земледѣлія полосу земли. Отъ Тугай-Чатли мѣстность становится холмистой, а еще далѣе къ востоку, по ней проходятъ невысокіе холмы, которые, приближаясь къ рѣкѣ, образуютъ невысокія сопки. Такъ, напримѣръ, противъ городовъ Гурлена, Кипчака и Мангита идетъ цѣпь холмовъ, извѣстная подъ именемъ Шейхъ-Джели и Султанъ-Овейса. Первая цѣпь обрывисто поднимается надъ рѣкой, а Султанъ-Овейса тянется верстъ на 20 къ сѣверо-востоку отъ рѣки. Далѣе этотъ кряжъ къ городу Шурахане понижается и сливается съ песчаною степью Кизилъ-Кумъ. Эти высоты мѣстами отступаютъ отъ рѣки на нѣсколько верстъ, покато спускаясь къ ней, образуя кое-гдѣ небольшіе луговые полуостровки, заливаемые отчасти во время разливовъ. Полуостровки эти (по туземному названію, тугаи) покрыты камышемъ, саксауломъ, джидой и другими кустарниками; на нѣкоторыхъ попадается и дикорастущій тополь.

Въ предѣлахъ Аму-Дарьинскаго округа совсѣмъ нѣтъ рѣчекъ. Аму-Дарья въ своемъ теченіи отъ урочища Мешекли (южнаго предѣльнаго пункта округа) образуетъ много естественныхъ протоковъ, называемыхъ Узяками. Нѣкоторые изъ этихъ протоковъ образуютъ на своемъ пути озера, между которыми слѣдуетъ упомянуть о Султанъ-Сараѣ, соленомъ озерѣ, лежащемъ въ 15 верстахъ отъ Тугай-Чатли, изъ котораго жители добываютъ соль. Кромѣ этихъ протоковъ, Аму-Дарьинскій округъ прорѣзываютъ еще большіе каналы или арыки, проведенные изъ Аму для орошенія полей, какъ-то: Шуруханъ-Ябъ, Бузъ-Уйгуръ, Найманъ и Ходжа-Ябы; изъ этихъ каналовъ и протоковъ вода небольшими каналами проведена на хутора и пашни.

Населеніе Аму-Дарьинскаго округа составляютъ какъ кочевые, такъ и осѣдлые жители. Заселеніе этого округа, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ нашли ихъ Русскіе, происходило, по всей вѣроятности, не ранѣе 15—17 столѣтія, исключая урочища Шахъ-Абасъ-Вали, какъ самаго древняго. Вообще, чрезвычайно трудно опредѣлить, когда появилось здѣсь кочевое населеніе, потому что изъ разсказовъ мѣстныхъ жителей видно, что они часто перекочевывали

съ одного берега Аму на другой. Населеніе ведетъ полукочевую, полуосѣдлую жизнь. Занятіе какъ осѣдлыхъ жителей, такъ и полукочевниковъ составляетъ земледѣліе и скотоводство, главнымъ образомъ — овцеводство. Въ племенномъ отношеніи населеніе Аму-Дарьинскаго округа состоитъ изъ Узбековъ, Киргизовъ, Каракалпаковъ, небольшаго числа Туркменъ и Персіянъ. Персіяне большею частью бывшіе рабы, получившіе свободу съ приходомъ въ Хиву Русскихъ. Узбеки праваго берега рѣки принадлежатъ къ различнымъ родамъ; они переселились сюда съ лѣвой стороны Аму, гдѣ у нихъ не было земли. На русской сторонѣ Узбеки живутъ главнымъ образомъ въ городахъ или въ пригородныхъ хуторахъ. Узбеки занимаются земледѣліемъ и садоводствомъ. Въ округѣ считается до 6,000 узбекскихъ домовъ. Киргизы имѣютъ здѣсь отъ 12,000 до 15,000 кибитокъ; Туркмены — до 2 тысячъ кибитокъ. Все это населеніе округа распредѣлено группами. Такъ, напримѣръ, Каракалпаки живутъ главнымъ обра

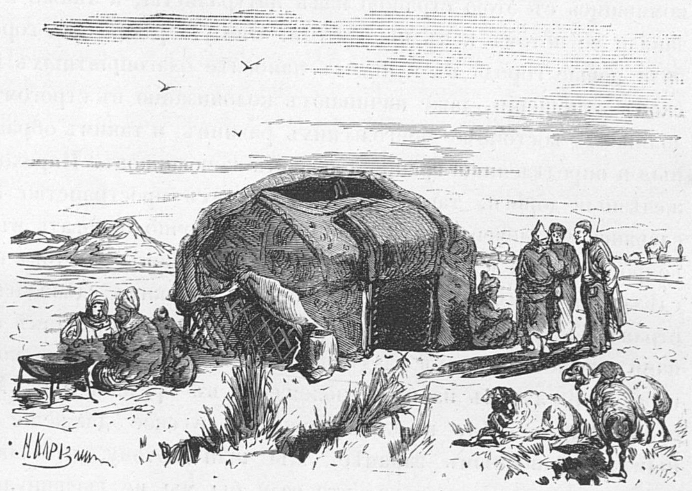
Каракалпакская кибитка (жилое помѣщеніе).

зомъ, какъ было сказано уже выше, на пространствѣ между Чимбаемъ и дельтой Аму-Дарьи, сѣвернѣе Каракалпаковъ кочуютъ Киргизы, въ урочищѣ Дау-Карійскихъ озеръ и въ нѣкоторыхъ тугаяхъ, у подножья горъ Султанъ-Овейса; Узбеки обитаютъ въ окрестностяхъ городовъ: Нукуса, Шахъ-Абасъ-Вали, Рахманъ, Берды-Бій-Базаръ и Шурахане. Персіяне живутъ главнымъ образомъ въ двухъ послѣднихъ городахъ. Само собою разумѣется, что представителей каждой изъ названныхъ группъ можно встрѣтить по всему Аму-Дарьинскому округу. Общая цифра населенія округа составляетъ около 215—220 тысячъ душъ.

Большая часть земель праваго берега Аму считаются потомственными землями ближайшихъ родственниковъ хана, но онѣ находятся подъ надзоромъ дованъ-бегіевъ (управителей, помѣщиковъ). Кочевое же населеніе, обитавшее на ханской землѣ, управлялось своими старшинами. Такимъ образомъ, земли Аму-Дарьинскаго округа состояли изъ земель мильковыхъ (наслѣдственныхъ) и ханскихъ, отдававшихся прежде въ арендное содержаніе, съ платой, соотвѣтствующей количеству сбора съ полей и садовъ. Хивинскіе ханы получали слѣдующіе сборы съ земель этого берега: зякетъ, т. е. платежъ съ каравановъ, проходящихъ въ Россію и обратно, за право торговли на базарахъ въ городахъ; денежную подать съ земель собственниковъ; натуральную повинность — условную часть урожая на арендованныхъ земляхъ и зякетъ со скота. Съ мильковыхъ владѣльцевъ ханы ничего не получали, — жители платили подать только помѣщикамъ. Опредѣлить хотя-бы приблизительно общій доходъ Хивинскаго ханства съ этого берега — не возможно; доходы же помѣщиковъ еще труднѣе опредѣлить, такъ какъ у нихъ не

было никакой отчетности по сборамъ. Во всякомъ же случаѣ, какъ ханскіе, такъ и помѣщичьи доходы, въ общемъ, были весьма значительны и исчисляются, безъ сомнѣнія, въ сотняхъ тысячъ рублей.

Естественныя богатства Аму-Дарьинскаго края заключаются главнымъ образомъ въ богатствѣ земель, удобныхъ для обработки. Округа Шураханскій, Рахманъ-Берды-Базарскій и Чимбайскій считаются самыми богатыми по урожаю. Хлѣба здѣсь высѣвается столько, что имъ жители не только снабжаютъ многіе рынки лѣваго берега рѣки, но и вывозятъ его въ другія мѣста Туркестанскаго края, напр. въ Казалинскъ. Въ Аму-Дарьинскомъ округѣ есть также и минеральныя богатства; въ горахъ Шейхъ-Джели извѣстно существованіе мѣдной и серебряной руды. Въ торговомъ отношеніи правый берегъ Аму не имѣлъ особеннаго значенія, — онъ скорѣе служилъ перепутьемъ для каравановъ, слѣдовавшихъ изъ русскаго Туркестана, Кокана и Бухары въ главные рынки ханства, находящіеся исключительно на лѣвомъ берегу Аму. Проходившіе товары изъ этихъ странъ переправлялись въ Хиву у Шурахане, Шахъ - Абасъ - Вали, Рахманъ - Берды - Бій - Базаръ и Нукуса. Къ этимъ городамъ выходятъ всѣ караванные пути въ сопредѣльныя страны. Торговыя сношенія воднымъ путемъ совершались въ небольшихъ размѣрахъ, да и то самое короткое время въ году. Причина, почему водный путь считался второстепеннымъ, — разбои Туркменъ, а также медленность движенія вверхъ по быстрой рѣкѣ.



Туркменская кибитка.

Въ такой безводной странѣ, какую, въ большей части, представляетъ собою Арало-Каспійская низменность, естественно, не можетъ быть густаго населенія. Эта обширная область оказывается населенною въ семь разъ менѣе, чѣмъ Кавказъ. Между тѣмъ эта страна была нѣкогда значительно заселена. Развалины многочисленныхъ городовъ, особенно по старому устью Аму, гдѣ прежде находились города Хорезма, историческія свидѣтельства и мѣстныя преданія единогласно утверждаютъ, что здѣсь было значительное населеніе, притомъ съ довольно высокою культурою. Но по мѣрѣ того, какъ происходило обсыханіе Арало-Каспійскаго бассейна, по мѣрѣ того, какъ уменьшались текучія воды, — уменьшалось и количество обитателей. Великія имперіи, основанныя на берегахъ древнихъ руслъ Аму-Дарьи, исчезли; цивилизація, блестѣвшая столь ярко для всего восточнаго міра, погрузилась во мракъ. Просвѣщенные народы превратились почти въ варваровъ, и кочевой образъ жизни восторжествовалъ надъ осѣдлымъ, земледѣльческимъ. Въ общемъ, произошелъ страшный регрессъ. Господствующая раса также замѣнилась другою. Измѣненія климата и обсыханіе почвы, гораздо больше, чѣмъ войны, способствовали тому, чтобы поставить частью, на мѣсто Арійскаго мѣстнаго населенія, Тюрковъ и Киргизовъ. Подобно тому, какъ измѣненіе климатическихъ условій увеличиваетъ или уменьшаетъ площадь произрастанія растеній и заставляетъ ихъ то взбираться на горы, то спускаться въ равнины, также точно и потеря культурныхъ участковъ земли, превращеніе ихъ въ пастбища и увеличивающіеся захваты пустыни привлекли кочующія племена, устранившія Арійцевъ, ведшихъ осѣдлую жизнь. Битвы и сѣчи только ускорили перемѣну обитателей, подготовленную

климатомъ. Но населеніе городовъ, какъ центровъ торгово-промышленныхъ мало зависитъ отъ условій жизни массы населенія и арійская раса, весьма смѣшанная, могла такимъ образомъ, до нашихъ дней, продержаться рядомъ съ расою пришельцевъ. Арійцы и Тюрки, безразлично, живутъ въ однихъ и тѣхъ же городахъ, образуя совершенно раздѣльныя группы; каждая изъ нихъ приспособляется къ внѣшнимъ условіямъ, сообразно своимъ привычкамъ и нравамъ.

Оксъ, въ продолженіе столѣтій, только въ политическомъ смыслѣ служилъ границей между Ираномъ и Тураномъ. Сѣвернѣе этой рѣки, во всѣ времена, Иранъ, въ дѣйствительности, островами и группами островов, удерживался среди Туранской страны. «Въ настоящее время,— говоритъ Реклю,— нація съ арійскимъ языкомъ снова имѣетъ преобладающее вліяніе. Русскіе, сильные могуществомъ, которое даетъ имъ болѣе высокая цивилизація, могутъ смѣло побороть вліяніе климата и трудность прохожденія громадныхъ пространствъ, чтобы съумѣть придать политическую связь завоеваннымъ ими областямъ Арало-Каспійскаго бассейна. Русскіе, познакомившись съ этою страною какъ натуралисты, а также въ качествѣ посланниковъ и купцовъ, заняли ее потомъ какъ побѣдители. Они утвердились въ городахъ, уже существовавшихъ, основали новые города въ пунктахъ наиболѣе благопріятныхъ въ стратегическомъ или коммерческомъ отношеніи, даже начинаютъ колонизацію въ строгомъ смыслѣ этого слова въ горныхъ долинахъ, восточнѣе монгольскихъ равнинъ, и такимъ образомъ имѣютъ стремленіе создать точныя и опредѣленныя границы области кочевниковъ. Пароходныя сообщенія, трактовые пути и желѣзныя дороги, такъ сказать, сократятъ пространство страны и такимъ образомъ дадутъ славянскому элементу большую легкость прочно основать въ этомъ краѣ свое господство. Весь вопросъ только во времени. Посреди Таджиковъ, Сартовъ и Узбековъ, Ташкентъ и Самаркандъ сдѣлаются такими же русскими городами, какимъ сдѣлалась, напр., Казань, расположенная въ странѣ Татаръ, Чувашей и Черемисовъ. «Далеко не такъ оптимистически смотритъ на занятіе нами средне-азіатскихъ владѣній г. И. Маевъ, какъ это можно видѣть изъ слѣдующихъ его словъ: «Взглянемъ на наше положеніе въ Средней Азіи. Мы явились сюда почти неожиданно и для самихъ себя, и для туземцевъ; русское движеніе вглубь Азіи не было разсчитаннымъ, взвѣшеннымъ заранѣе. Мы шли потому, что обстоятельства заставляли насъ идти впередъ, потому, наконецъ, что если бы мы не выдвинулись на Сыръ-Дарью, мы были бы принуждены отступить обратно къ Уралу. Точно такой же характеръ имѣютъ и позднѣйшія движенія наши къ Ходженту, Джизаку, Яны-Кургану и Самарканду. Побѣды генераловъ Черняева, Романовскаго и Кауфмана ввели въ составъ русской территоріи новыя обширныя пространства плодородной, густо населенной земли отъ Туркестана до Ходжента и Катты-Кургана. Мы застали здѣсь своеобразную жизнь, понятія, общественное устройство, поземельныя отношенія, все это, правда, несообразное съ европейскими взглядами и понятіями, но тѣмъ не менѣе — *живучее*. Этотъ строй, среди котораго мы явились непрошенными цивилизаторами (по взгляду туземцевъ, да такъ оно есть и на самомъ дѣлѣ), этотъ общественный и государственный порядокъ создался вѣками, есть непосредственное послѣдствіе вліяній климата, почвы, внѣшней обстановки и множества другихъ физическихъ причинъ на природу живущаго здѣсь человѣка. То, что создалось вѣками, что есть непосредственное произведеніе природы, не скоро поддается усиліямъ человѣка.»

Не надо еще упускать изъ вида и другое обстоятельство. Мы пришли въ Среднюю Азію, будучи совершенно неподготовленными къ пріобрѣтенію здѣсь новыхъ владѣній. Весьма немногіе русскіе ученые проникали, съ опасностію для своей жизни, въ средне-азіятскія ханства; но и они во все не были піонерами русскаго движенія. Списокъ лицъ, посѣтившихъ до 1865 Бухару, Хиву, Коканъ, Ташкентъ и Кашгаръ, весьма не великъ; ученые ихъ труды и до сихъ поръ остаются малоизвѣстными публикѣ. Вообще, средне-азіятскія владѣнія были мало извѣстны; имѣвшіеся о нихъ свѣдѣнія хранились главнымъ образомъ въ архивахъ. Словомъ, Русскіе явились въ Среднюю Азію неподготовленными, неизучивши предварительно страны; ее пришлось изучать

на мѣстѣ, — изучать, работая штыкомъ. Мы видимъ ученыя экспедиціи, оканчивающіяся перестрѣлками и штурмомъ разныхъ высотъ.

Начавъ изучать страну и народъ, Русскіе не могли достигнуть этого вдругъ, дѣлали промахи и увлекались по ложному пути. А между тѣмъ вопросъ о томъ, какъ слить туземцевъ съ Русскими, какъ объединить интересы тѣхъ и другихъ, является весьма существеннымъ, не говоря ужь о прямомъ вліяніи Россіи на благосостояніе покоренныхъ народовъ, на ихъ бытъ, и культуру. Вопросъ о томъ, какъ лучше устроить эти отношенія, пріобрѣтаетъ еще большую важность и значеніе вслѣдствіе того, что съ давнихъ поръ уже Россія и Англія являются соперничествующими странами въ Средней Азіи. Кто изъ нихъ будетъ имѣть наибольшее вліяніе на населеніе Азіи? чье знамя повлечетъ за собою эти народы? — вотъ вопросы, политическій смыслъ которыхъ несравненно глубже, чѣмъ можетъ казаться съ перваго взгляда.

Для выясненія особенностей климата разсматриваемой нами области, необходимо замѣтить, что Русскій Туркестанъ, раздѣляется на двѣ половины — на гористую и низменную. Разнообразіе климата, флоры и фауны, равно какъ и геологическихъ образованій на этомъ громадномъ пространствѣ, весьма велико. Климатъ здѣсь крайній, рѣзкій; скачки и колебанія температуры — поразительныя. Осенью и зимою полярный, сѣверо-восточный вѣтеръ господствуетъ въ равнинахъ и на горахъ этого общирнаго края; весной же и лѣтомъ здѣсь дуетъ экваторіальный юго-западный вѣтеръ. Такимъ образомъ климатъ во всякое время года является крайнимъ, какъ на горахъ, такъ и въ равнинахъ. Въ январѣ температура достигаетъ иногда — 30° Ц.; такая температура свойственна Канадѣ, Гренландіи и острову Шпицбергену, т. е. странамъ полярнымъ; въ іюлѣ же средняя температура достигаетъ 20° — 25° Цельзія. Такъ велико колебаніе температуры въ эти два крайніе мѣсяца; но скачки еще болѣе рѣзки отъ самаго холоднаго до самаго жаркаго дня; въ среднемъ разница температуры составляетъ 74 градуса: 44° жары и 25° и даже 30° холода. Въ разсматриваемой нами равнинѣ сухость воздуха и отсутствіе росы сообщаютъ ей крайній климатъ. Иногда атмосфера бываетъ на столько лишена паровъ, что трудно, просто невозможно дышать; проходятъ часто цѣлые годы, прежде чѣмъ ливень освѣжитъ высохшую почву. Такъ, въ 1858 году, напр., въ пустынѣ Кара-Кумъ продолжительность всѣхъ дождей въ теченіе года не превышала четырехъ часовъ. Влажность, которую приносятъ съ собой юго-западные вѣтры, осѣдаетъ на склонахъ Памира и въ долинахъ Тянъ-Шаня, гдѣ бьютъ ключемъ источники и рѣки; затѣмъ надъ равниной проносится сухой, знойный вѣтеръ.

Вотъ почему почти всякая долина поблизости Памира, Тянъ-Шаня и даже Тарбагатая является или вовсе безплодною, или мало плодородною, съ крайне ограниченною растительностью, какъ числомъ видовъ, такъ и періодомъ наростанія. Ростъ растеній здѣсь не можетъ продолжаться болѣе трехъ мѣсяцевъ; съ одной стороны зимніе холода, съ другой — крайняя сухость воздуха лѣтомъ ограничиваютъ періодъ растительности такимъ непродолжительнымъ промежуткомъ времени.

Это обстоятельство имѣетъ чрезвычайно серьезное значеніе не для одной только Арало-Каспійской низменности, но и для юго-восточной части Европейской Россіи. Дѣло въ томъ, что безплодная мѣстность, оставленная безъ заботъ и попеченія о ней человѣка, предоставленная вліянію неблагопріятныхъ климатическихъ условій, обладаетъ способностью разростаться и поражать безплодіемъ сосѣднія плодородныя мѣстности. Это именно мы и видимъ теперь на безплодныхъ средне-азіятскихъ пустыняхъ. Сѣверо-восточный вѣтеръ, пролетая надъ этими пустынями, теряетъ остатки влаги и достигаетъ предѣловъ Европейской Россіи, какъ вѣтеръ сухой. Вліяніе такого вѣтра будетъ тѣмъ пагубнѣе на юго-восточную часть Европейской Россіи (Донскую и Новороссійскую области и Малороссію), чѣмъ большихъ размѣровъ достигнутъ средне-азіятскія пустыни. И теперь уже есть явственные признаки, въ виду которыхъ можно сказать, что средне-азіятскія пустыни начинаютъ уже захватывать Прикас-

пійскій край Европейской Россіи. Необходима борьба человѣка съ пустынею, которая должна заключаться въ дѣятельнѣйшемъ распространеніи искусственнаго орошенія и лѣсоразведенія. Иначе пустыня поразитъ собою юго-востокъ Европейской Россіи; наши роскошныя травяныя волго-донскія степи могутъ обратиться современемъ въ подобіе Кизилъ-Кумской и Кара-Кумской пустынь.

Аму имѣетъ свои правильныя наводненія, находящіяся въ зависимости отъ таянія снѣговъ на горахъ. Наводненіе начинается въ маѣ; въ концѣ іюля или въ началѣ августа, уровень воды достигаетъ наибольшей высоты; въ октябрѣ рѣка входитъ въ свои берега; впрочемъ, уровень водъ продолжаетъ понижаться нѣсколько и во время зимы; словомъ, періодъ убыли воды продолжается до весеннихъ дождей. Зимою рѣка, подъ вліяніемъ сѣверныхъ вѣтровъ, иногда совершенно замерзаетъ, такъ что караваны, направляясь изъ Мерва въ Бухару переходятъ Аму-Дарью по льду. Въ нижнемъ же теченіи, ниже Нукуса, Аму какъ и Аральское море, всегда замерзаетъ. Послѣ войны съ Хивой, когда Русскіе утвердились въ низовьяхъ Аму, масса воды была тщательно измѣрена. Для всего пространства Аму-Дарьинскаго бассейна, который можно приблизительно считать въ 300,000 квадратныхъ километровъ, количество воды опредѣляется въ тридцать сантиметровъ на квадратный метръ поверхности. Это представляетъ собою избытокъ воды надъ испареніемъ, — избытокъ весьма значительный, свидѣтельствующій объ изобиліи снѣговъ на плоской возвышенности Памира. Аму катитъ свои воды, подобно рѣкамъ Европы, такимъ, напр., какъ Жиронда; по своей же абсолютной важности, Аму можетъ уступить развѣ только Дунаю и Волгѣ; она почти равняется Нилу и превосходитъ среднюю Миссисипи. Возлѣ Нукуса, въ мѣстѣ, гдѣ начинается раздѣленіе на рукава, впадающіе въ Аральское море, Аму имѣетъ уже не болѣе половины той воды, которая была въ болѣе верхнихъ частяхъ ея; здѣсь эта рѣка становится уже менѣе значительной чѣмъ Рона, Рейнъ, Днѣпръ или Нева. Это обѣднѣніе водою произошло вслѣдствіе того, что значительная часть воды пошла на орошеніе. Въ періодъ орошенія, продолжающійся съ половины апрѣля до конца іюля, поля, общее пространство которыхъ не превышаетъ 10,600 квад. километровъ, поглощаютъ семь милліардовъ кубическихъ метровъ воды, т. е. седьмую часть годовой прибыли воды. Общее количество отлагаемой ежегодно тины составляетъ 16,600,000 тоннъ; такого громаднаго количества тины достаточно, чтобы ежегодно поднимать поверхность затопляемыхъ мѣстъ на восемь десятыхъ миллиметра. Гербертъ Вудъ вычислилъ, что количество воды, употребляемой нынѣ хивинской страной для орошенія, на одну треть превосходитъ дѣйствительно необходимую для этого воду. Земледѣльцы, не имѣя возможности напередъ узнать уровень, до котораго достигнетъ высота разлива Аму, принуждены вырывать каналы такъ, какъ бы они предвидѣли засуху; но изобиліе воды могло-бы также причинить большія опустошенія, во избѣжаніе которыхъ имъ приходится устраивать искусственныя озера и болота, чтобы направлять въ нихъ излишекъ воды отъ орошенія. Необходимо каждый годъ прочи-

Плантаціи на Аму-Дарьѣ, занесенныя пескомъ.

щать каналы, чтобы избавить ихъ отъ накопившагося за это время ила и грязи (въ среднемъ размѣрѣ 50 сантиметровъ). Въ августѣ, какъ только окончена жатва, преграждаютъ водѣ доступъ въ каналы временными плотинами и прочищаютъ ложе каналовъ, нагромождая кучи грязи на обоихъ берегахъ, съ цѣлію укрѣпленія береговъ.

Теперь — познакомимся, въ общихъ чертахъ, съ Хивинскимъ ханствомъ. Нынѣшнее Хивинское ханство въ древности называлось *Хорезмомъ* или *Ховарезмомъ* (у Грековъ Хоразмія), что̀ означаетъ — низменная земля, равнина. Въ древности Хорезмъ имѣлъ гораздо большее значеніе, чѣмъ теперь Хива. До начала VIII столѣтія Хорезмъ составлялъ одну изъ сатрапій Персидской имперіи. Здѣсь соперничали Сассаниды съ Хуннами, потомъ явились сюда Турки. Въ 711 году Хорезмъ былъ завоеванъ арабскимъ предводителемъ Кутейбою-Ибнъ-Муслимомъ. Но въ этой странѣ весьма долго не прививался исламъ, — ему пришлось вынести здѣсь тяжелую борьбу съ религіей Зороастра, которую исповѣдывали мѣстные жители. Послѣ Арабовъ Хорезмъ находился подъ вліяніемъ Саманидовъ (это было временемъ его процвѣтанія), Газневидовъ и Сельджукидовъ. Въ концѣ XII и въ началѣ XIII столѣтія Хорезмское государство было первенствующимъ и самымъ значительнымъ государствомъ въ Азіи. Древнее населеніе было арійское. Наплывъ въ эту страну турецкихъ и другихъ средне-азіятскихъ племенъ значительно измѣнилъ массу кореннаго населенія, особенно же во время владычества Арабовъ. При династіи Саманидовъ (персидскаго происхожденія), въ IX вѣкѣ, Хорезмъ рѣзко выдѣлился изъ ряда другихъ азіятскихъ государствъ. Во время Саманидовъ, Хорезмъ дѣлился древнимъ русломъ Аму-Дарьи почти на двѣ равныя части. По лѣвую сторону рѣки правителями были Саманиды, на правой сторонѣ управляли вассалы, Хорезмъ-шахи. Хорезмъ достигъ въ это время наивысшаго процвѣтанія, въ смыслѣ просвѣщенія и образованности. Здѣсь явились высшія мусульманскія школы; отсюда вышли извѣстные ученые: Авиццена, Альфараби, Эльбируни и много другихъ не менѣе замѣчательныхъ. Умственное развитіе государства шло объ руку съ развитіемъ торговли. Въ началѣ XIII вѣка Хорезмское царство было покорено Монголами. Послѣднимъ государемъ былъ Алаэддинъ-Мохаммедъ (1200 — 1220 г.), которому удалось покорить большую часть Персіи. Но этотъ покоритель жестоко поплатился за свои завоевательныя стремленія. Чингизъ-ханъ будто въ отмщеніе за убитыхъ монгольскихъ купцовъ двинулся въ Хорезмъ. Мохаммедъ боялся сразиться съ нимъ въ открытомъ полѣ и рѣшился защищаться въ крѣпостяхъ; но послѣднія падали передъ Чингизъ-ханомъ. Одну за другою завоевывали Монголы хорезмійскія крѣпости, и Алаэддинъ-Мохаммедъ вынужденъ былъ спасаться бѣгствомъ, чтобы сохранить свою жизнь. Съ этихъ поръ Хорезмъ попалъ подъ власть Монголовъ. Въ такомъ политическомъ положеніи онъ оставался болѣе двухъ съ половиною вѣковъ. Въ русскихъ лѣтописяхъ упоминаются хорезмійскіе купцы, бравшіе на откупъ дань съ России и причинявшіе, по выраженію лѣтописи, «великую тяготу народу».

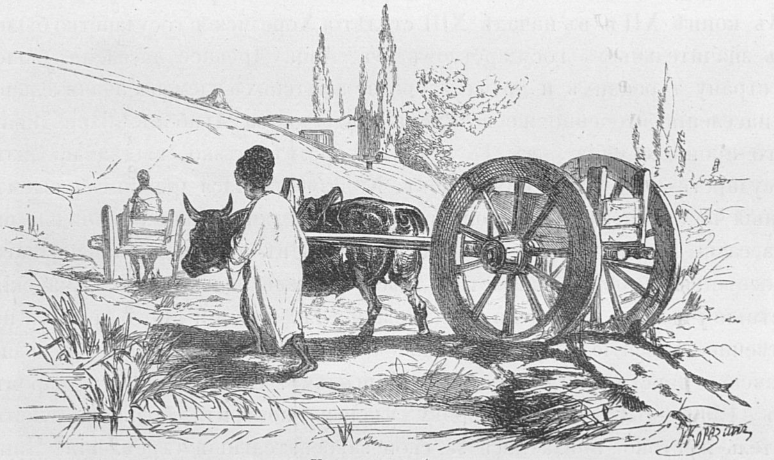
Тамерланъ совершилъ пять походовъ въ Хорезмъ, прежде чѣмъ побѣдилъ его.

Въ началѣ XVI столѣтія, Москва вела торговлю съ Хорезмомъ. Въ это время племена, населявшія степь, были вполнѣ независимы отъ Москвы; великимъ рынкомъ, на которомъ обмѣнивались произведенія Москвы на хивинскія произведенія, былъ берегъ залива Кара-су или Кайдака (въ сѣверо-восточной части Каспійскаго моря). Черезъ песчаную мель, которая отдѣляетъ этотъ заливъ отъ Мертваго Култука, тогда можно было легко переходить, что̀ теперь почти невозможно, такъ что русское правительство должно было оставить въ 1843 году Ново-Александровское укрѣпленіе, построенное лѣтъ за двадцать передъ тѣмъ.

Съ покореніемъ Хорезма Узбеками, начался печальный періодъ Хивинскаго ханства. Въ прежнее время Хорезмъ славился гостепріимствомъ, хорошими нравами жителей, ихъ честностью и прямодушіемъ (такъ, по крайней мѣрѣ, отзывались о нихъ арабскіе писатели). Съ воцареніемъ же въ этой странѣ Узбековъ, она сдѣлалась почти разбойничьимъ притономъ, кро-

вожаднымъ и жестокимъ ханствомъ, нарушавшимъ всѣ условія и правила человѣческаго общежитія. Самъ узбекскій ханъ-завоеватель палъ въ битвѣ съ персидскимъ Измаилъ-шахомъ. Изъ узбекскихъ хановъ наиболѣе замѣчателенъ султанъ Абдулъ-Гази (въ половинѣ XVII вѣка), авторъ «Исторіи Турокъ». При отцѣ послѣдняго, Арабъ-Магометѣ, въ началѣ XVII вѣка, Яицкіе казаки сдѣлали набѣгъ на Хивинское ханство, напали даже на городъ Ургенчъ и возвращались домой съ обильною добычею; но на дорогѣ были настигнуты Хивинцами и уничтожены.

Современное Хивинское ханство представляетъ собою оазисъ на низовьяхъ Аму-Дарьи. Съ сѣвера этотъ оазисъ граничитъ съ поросшимъ камышами южнымъ берегомъ Аральскаго моря, со всѣхъ же другихъ сторонъ ханство окружено песчаными степями. Рѣка Аму течетъ въ предѣлахъ ханства болѣе 400 верстъ; эта линія представляетъ собою наибольшее протяженіе Хивинскаго оазиса, ширина котораго нигдѣ не превышаетъ ста верстъ; общая же площадь оазиса около 600 геогр. миль. Окрестныя степи, населенныя полудикими Киргизами и Туркменами разныхъ родовъ, хотя номинально и входятъ также въ составъ территоріи Хивинскаго ханства, но сами властители Хивы никогда не были увѣрены въ покорности своевольныхъ, кочевыхъ обитателей этихъ степей и часто вели съ ними продолжительныя и кровопролитныя войны. Хивинская территорія раздѣляется собственно на двѣ неравныя части, сѣверную, отъ г. Ходжейли, малообработанную, и южную часть, которая покрыта сѣтью оросительныхъ каналовъ и отлично воздѣлана.



Хивинская арба.

Поверхность Хивинскаго оазиса представляетъ равнину, постепенно понижающуюся къ сѣверо-западу. Предѣлы осѣдлаго пространства съ точностью опредѣлить трудно, такъ какъ окраины заняты Туркменами и Киргизами, районы кочевокъ которыхъ весьма непостоянны. Почти вся масса осѣдлаго населенія всегда была на лѣвомъ берегу. Правая сторона, доставшаяся Русскимъ, отъ границы съ Бухарой до Аральскаго моря, была очень незначительно населена. Густота населенія Хивинскаго ханства зависитъ, главнымъ образомъ, отъ распредѣленія и направленія водъ Аму-Дарьи, проведенныхъ внутрь края; гдѣ условія позволяли устроить каналы, тамъ и населеніе гуще. Количество же воды въ каналахъ, естественно, зависитъ отъ большаго или меньшаго изобилія ея въ главномъ бассейнѣ; въ годы особенно большихъ разливовъ — всѣ каналы, безъ исключенія, сохраняютъ воду въ продолженіе всего лѣта; въ годы же незначительныхъ разливовъ — масса водъ въ странѣ получается также въ меньшемъ количествѣ; вода содержится круглый годъ только въ главныхъ каналахъ, въ прочіе же она пропускается лишь временно, въ моменты особенной надобности.

Въ предѣлахъ осѣдлой части Хивинскаго ханства берега Аму понижаются, и особенно лѣвый ея берегъ, начиная отъ города Питняка — самаго южнаго пункта хивинскихъ владѣній. Правый берегъ довольно высокъ и потому не требуетъ особенныхъ мѣръ для предохраненія отъ затопленія полей. Посредствомъ прокопанныхъ на этомъ берегу водопроводовъ,

поля орошаются преимущественно чигирями или водочерпальными колесами, посредствомъ которыхъ вода, зачерпнутая въ каналахъ, переливается на поля и сады. На лѣвомъ же берегу рѣки мѣстность чрезвычайно низменная, такъ что вода могла бы вполнѣ залить на далекое разстояніе поля и сады. Разливы Аму бываютъ нѣсколько разъ въ годъ; они происходятъ отъ тающихъ снѣговъ въ горахъ, преимущественно съ мая по октябрь, слѣдовательно, во все время, пока плодовыя деревья и полевыя растенія бываютъ уже въ цвѣту и приносятъ плоды. Поэтому Хивинцы принуждены принимать мѣры противъ этихъ разливовъ, продолжающихся такъ долго; иначе вода, долго оставаясь на поляхъ и садахъ, могла бы занести ихъ иломъ и уничтожить посѣвы. Это и заставило Хивинцевъ устроить на лѣвомъ берегу Аму-Дарьи земляной валъ такой высоты, чтобы, при самыхъ большихъ разливахъ, вода Аму была ниже вала. А для того, чтобы не размывало и не прорывало этого вала быстрымъ теченіемъ рѣки, во время разлива ея назначаются особые сторожа, обязанные постоянно находиться на валѣ и наблюдать за дѣйствіемъ воды. Въ случаѣ какой-нибудь опасности отъ прорыва вала, немедленно созываются рабочіе, которые задѣлываютъ поврежденія въ валѣ, произведенныя водой. Иногда подобные валы устраиваются и по обоимъ берегамъ водопроводныхъ каналовъ, служащихъ для орошенія земли; и здѣсь принимаются такія же предосторожности отъ прорывовъ вала, какъ и на Аму-Дарьѣ. Въ такомъ тревожномъ положеніи находятся Хивинцы во все время большой прибыли воды, особенно съ мая по сентябрь. Значительная часть полей и садовъ, во время такихъ разливовъ, находится ниже уровня воды въ Аму, въ протокахъ и каналахъ, и потому самое орошеніе производится крайне просто. Всякій земледѣлецъ имѣетъ на своемъ участкѣ нѣсколько деревянныхъ трубъ, врытыхъ въ землю поперекъ вала, такимъ образомъ, что одинъ конецъ трубы выходитъ въ поле или въ садъ, а другой — въ каналъ; трубы эти затыкаются пробками. Чтобы увлажнить извѣстный участокъ земли, къ трубѣ прикладываются желоба, открывается пробка — и вода проходитъ, куда требуется. Въ тѣхъ случаяхъ, когда бываютъ очень большіе разливы воды и ее слишкомъ много, Хивинцы спускаютъ воду изъ каналовъ въ старыя русла Аму и другія низменности.

Каналы дѣлаютъ много изгибовъ и дно ихъ очень неравномѣрно, вода въ нихъ осаждаетъ много илу, приносимаго Аму въ большомъ количествѣ. Чтобы уменьшить количество ила, осаждаемаго въ каналахъ, Хивинцы впускаютъ воду въ нихъ тогда, когда она необходима для орошенія; но когда потребность въ орошеніи пройдетъ, всѣ каналы, выходящіе изъ Аму, запруживаются мѣстными жителями и дно каналовъ осушается. Съ приближеніемъ весны, наряжаются рабочіе со всего ханства — для прочистки и углубленія каналовъ отъ нанесеннаго ила, образующаго слой до полуторыхъ аршинъ, вслѣдствіе чего для прочистки такъ сильно засоренныхъ каналовъ необходимо много рабочихъ рукъ. Въ числѣ рабочихъ, до покоренія Хивы, участвовало много и русскихъ плѣнныхъ; по ихъ увѣренію, для прочистки главныхъ каналовъ, выходящихъ изъ Аму и протекающихъ во всю ширину обрабатываемой полосы ханства, наряжалось въ каждую смѣну по 40,000 рабочихъ на 15 дней, причемъ, обыкновенно, на прочистку главныхъ каналовъ требовалось по крайней мѣрѣ три смѣны рабочихъ; слѣдовательно, для одной только прочистки главныхъ каналовъ требовалось болѣе 120,000 рабочихъ на 15 дней. Для прочистки же боковыхъ каналовъ, меньшей величины, протекающихъ по хуторамъ и землямъ частныхъ владѣльцевъ, употребляются особые рабочіе отъ обществъ и дворовъ. Если ханы предпринимали копаніе новыхъ каналовъ или же расширеніе и удлиненіе прежнихъ, для поселенія новыхъ земледѣльцевъ изъ Туркменъ или какихъ-нибудь военно-плѣнныхъ, — то наряжались для этого особые рабочіе и по вырытіи каналовъ ханы раздавали поселенцамъ способныя къ орошенію земли. Такъ, наприм., ханъ Мегемедъ-Эминъ, управлявшій съ 1842 по 1855 г., удлинивъ нѣсколько каналовъ къ западу отъ Хивы на Хазаватъ, заселилъ эту мѣстность. Но послѣ него здѣсь произошли неурядицы, войны, значительно умень-

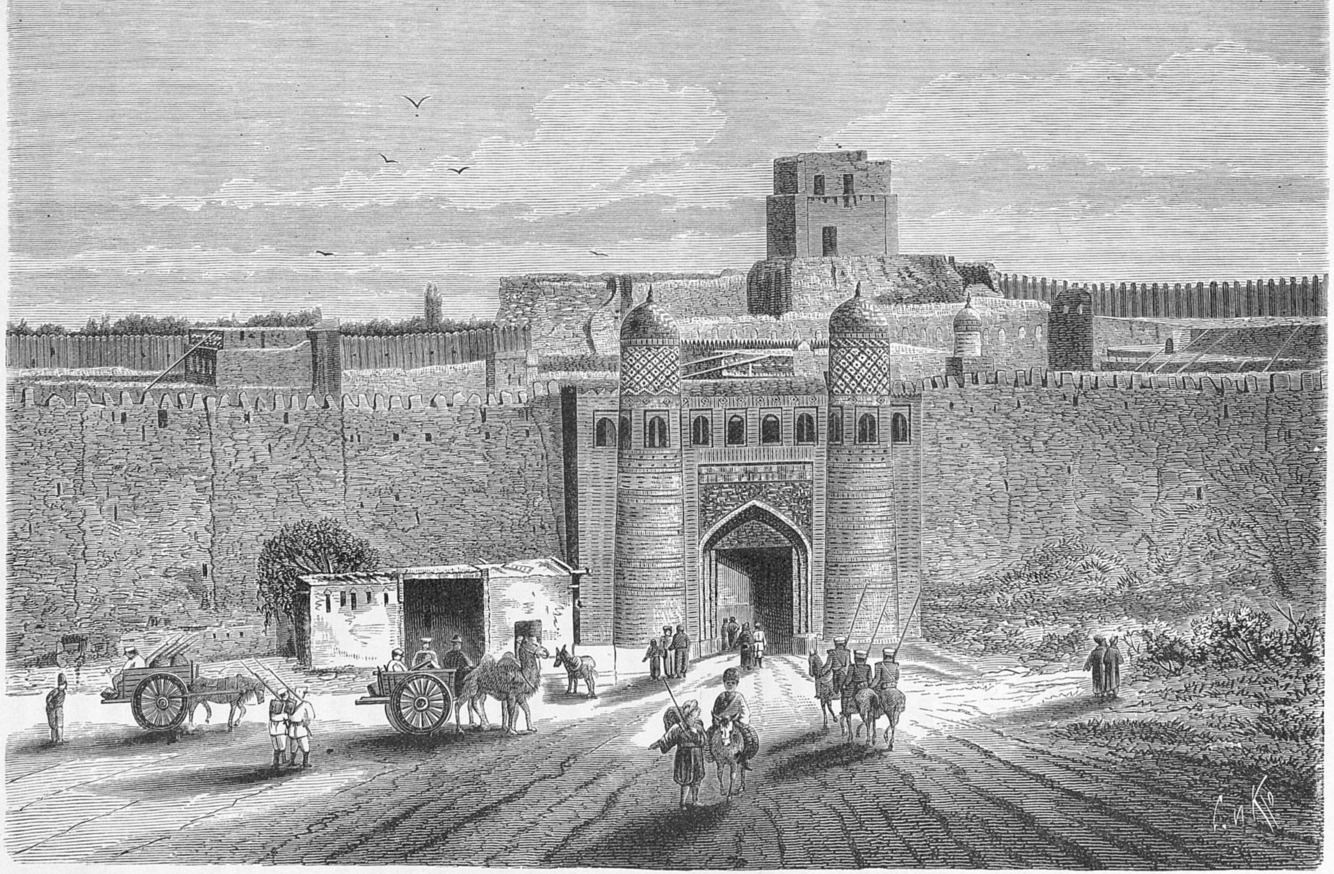
шившія число поселенцевъ, вслѣдствіе чего мѣстность вновь превратилась почти въ безводную и безплодную степь.

Съ осени всѣ каналы, выходящіе изъ Аму, запруживаются; къ веснѣ запруды уничтожаются. Ширина всѣхъ каналовъ и развѣтвленій оросительной системы, въ общей сложности, весьма значительна; если бы ихъ соединить въ одно, то общій каналъ имѣлъ бы сто саженъ ширины; а потому и отводъ такого значительнаго количества воды изъ рѣки Аму не можетъ не имѣть на нее вліянія. Ежегодно распружать и вновь запружать каналы — дѣло не легкое. Поэтому, понятно, когда въ Хивинскомъ ханствѣ были смуты и междоусобія, во время которыхъ значительная часть жителей была истреблена или уведена въ плѣнъ,—старое русло Аму должно было засориться и рѣка не могла не принять нынѣшняго направленія. По свидѣтельству историковъ того времени, старое русло, до XVII вѣка, было хорошо населено, земля была плодородна, всякіе плоды и растенія достигали совершенной зрѣлости.

Вообще, Хивинскій оазисъ имѣетъ большое сходство съ Египтомъ. И тамъ, и здѣсь жизнь края зависитъ отъ рѣки. Поэтому необходимо постоянное и хорошее содержаніе каналовъ. На главные каналы, какъ уже сказано, назначаются рабочіе; надсмотръ за ними поручается пятидесятникамъ и сотникамъ, назначеннымъ чиновниками хана, которые вознаграждаются за надзоръ за рабочими подарками отъ хана или остатками отъ взносовъ, собираемыхъ съ самихъ рабочихъ. Хивинское ханство не только не платитъ рабочимъ, несущимъ натуральную повинность, по исправному содержанію каналовъ, но ухитрилось еще съ нихъ же получать деньги. Такъ, для обезпеченія успѣшнаго хода работъ, съ каждаго рабочаго взимается правительствомъ, въ видѣ залога, 20 — 30 к., которыя очень рѣдко возвращаются и то лишь самымъ усерднѣйшимъ рабочимъ; сборъ этотъ идетъ на вознагражденіе надсмотрщиковъ. Правительство выѣзжаетъ на работы и самолично рѣшаетъ вопросъ о возвращеніи или удержаніи залоговъ.

Второстепенные арыки также ежегодно расчищаются; работы производятся по взаимному между собою соглашенію землевладѣльцевъ извѣстнаго участка. Третьестепенные арыки или канавы расчищаются каждымъ землевладѣльцемъ.

Земледѣліе въ Хивинскомъ ханствѣ находится въ совершенно иныхъ условіяхъ, чѣмъ вообще въ Европѣ. Оно отличается постоянствомъ и обиліемъ урожаевъ, что несомнѣнно, конечно, зависитъ отъ искусственнаго орошенія и системы обработки полей. Вслѣдствіе этого Хивинцы довольствуются незначительными участками земли. Въ Хивѣ владѣлецъ пяти, шести танаповъ (одна десятина) считается уже зажиточнымъ человѣкомъ; большинство владѣетъ однимъ, двумя или тремя танапами, что составляетъ отъ $1/6$ до $1/2$ десятины. Главнѣйшее вниманіе у нихъ обращено на пшеницу — первѣйшій предметъ потребленія у Хивинцевъ. Крупнымъ землевладѣльцемъ въ Хивѣ считается собственникъ пятидесяти и болѣе танаповъ. Обыкновенно половина всей земли назначается подъ посѣвъ озимой пшеницы, треть засѣвается люцерной, а остальная треть обыкновенно сдается съ извѣстной части для посѣва разнообразныхъ растеній. Въ среднихъ хозяйствахъ, положимъ въ двадцать танаповъ, 12 идутъ подъ пшеницу, а на остальныхъ засѣвается: на двухъ сорго, на двухъ хлопчатникъ, на двухъ овощи (огурцы, дыни, тыкви, арбузы) и на двухъ люцерна. Обработка малыхъ земельныхъ участковъ имѣетъ характеръ огородничества. Землю пашутъ сабаномъ, имѣющимъ видъ нашей сохи. Это заостренный чурбанъ, придѣланный подъ острымъ угломъ къ дышлу, въ которое впрягается пара воловъ. Сабанъ направляется рабочимъ за двѣ рукоятки, придѣланныя къ верхнему концу чурбана, и входитъ въ землю неглубоко. Бороненіе производится бревномъ съ воткнутыми въ него деревянными зубьями; на бревно становятся для тяжести нѣсколько человѣкъ; въ такомъ видѣ пара воловъ движетъ это орудіе по полямъ. Для поливки полей, въ верхнихъ и среднихъ частяхъ главныхъ арыковъ, служитъ особый снарядъ, извѣстный подъ названіемъ «персидскаго колеса». Къ вертикальной оси прикрѣплено колесо, приводящее въ движеніе другое колесо въ горизонтальномъ направленіи, которымъ сообщается движеніе вертикальному колесу



T, X

Дворецъ хана въ Хивѣ.

громадныхъ размѣровъ (до сажени и болѣе въ діаметрѣ); на ободѣ этого колеса расположены глиняные кувшины, черпающіе воду изъ арыка. Механизмъ этотъ приводится въ движеніе съ помощью лошадей, ословъ или верблюдовъ, причемъ животному завязываютъ глаза въ предупрежденіе головокруженія. Кромѣ поливки, урожаямъ способствуетъ также и удобреніе полей. Удобреніе это приготовляется изъ навоза, смѣшиваемаго съ землею. Удобряютъ послѣ посѣвовъ.

Благодаря такой культурѣ земли, неурожаевъ въ ханствѣ не можетъ быть; погода, т. е. такъ называемыя климатическія условія, не имѣетъ существеннаго рѣшающаго вліянія на урожай, какъ у насъ въ Россіи. Самый внѣшній видъ Хивинскаго оазиса производитъ на свѣжаго человѣка чрезвычайно пріятное впечатлѣніе. Всѣ поля правильно размежеваны, достаточно снабжены каналами и кругомъ усажены тутовыми деревьями; листьями послѣднихъ питается шелкопрядъ, коконы котораго разматываются на шелкъ. Тщательно воздѣлываемая почва даетъ возможность самому успѣшному произрастанію посѣвовъ. Поля сплошь покрыты зеленью, не оставляя ни одного вершка земли непроизводительнымъ. Пшеница растетъ необыкновенно густо и ровно; сорго достигаетъ такихъ размѣровъ, что укрываетъ всадника. Не смотря на неглубокую обработку почвы, земля даетъ урожаи, съ избыткомъ вознаграждающіе трудъ земледѣльца. По размѣрамъ урожаевъ, Хивинскій оазисъ можетъ быть сравниваемъ только съ самыми лучшими хозяйствами въ Англіи.

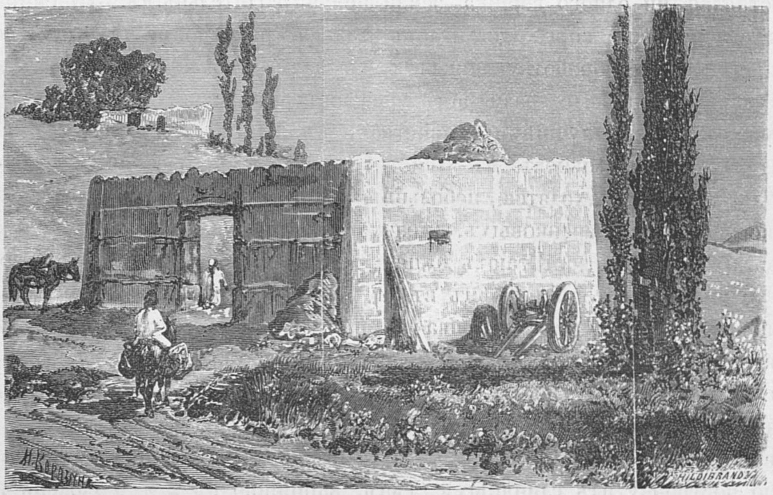
Большинство землевладѣльцевъ въ ханствѣ не имѣетъ настоящихъ садовъ, а почти у всѣхъ ихъ, вблизи дома, находятся небольшія группы фруктовыхъ деревьевъ, преимущественно абрикосовыхъ и персиковыхъ. Только богатые имѣютъ настоящіе огороженные сады; размѣры ихъ иногда достигаютъ до пяти десятинъ. Вообще, садоводство у Хивинцевъ находится въ лучшемъ состояніи, чѣмъ въ пограничныхъ съ Хивою странахъ. Развилось оно въ послѣднія 35 лѣтъ, вслѣдствіе прилива въ ханство Персіянъ — садовниковъ. Изъ не фруктовыхъ деревьевъ разводятся: карачалъ (вязъ), тополь и талъ. Эти деревья служатъ какъ для украшенія, такъ и для построекъ. Изъ фруктовыхъ деревьевъ слѣдуетъ упомянуть айву, яблони и груши.

Устройство жилищъ и садовъ у всѣхъ поселянъ почти одинаково. Домъ представляетъ четыреугольную постройку изъ глиняныхъ стѣнъ, вышиною въ 2 — 3 сажени и толщиною до $3^1/_2$ аршинъ. По протяженію каждой изъ стѣнъ, если онѣ длинны, и, во всякомъ случаѣ, по угламъ располагаются полукруглые выступы въ видѣ башенъ. Башни имѣютъ входъ со двора, если дѣлаются пустыми, чаще же онѣ представляютъ сплошную массу глины. Входъ въ жилище обыкновенно устраивается въ одной изъ стѣнъ и состоитъ изъ широкихъ крытыхъ воротъ съ деревянными затворами. Внутри двора къ стѣнамъ примыкаютъ навѣсы съ глиняными перегородками въ видѣ стойлъ, что и составляетъ жилище Хивинца; у одной изъ стѣнъ помѣщается скотъ. Навѣсъ, который, вмѣстѣ съ тѣмъ, служитъ и потолкомъ, обыкновенно дѣлается плоскимъ. Балки и жерди навѣса устилаются слоемъ глины въ четверть аршина толщины.

Вслѣдствіе скученности населенія около каналовъ, въ ханствѣ приходится ѣхать или по совершенной пустынѣ, или сплошь по заселенному пространству, встрѣчая послѣдовательно домъ, садъ и поле одного хозяина, потомъ другаго и т. д., въ непрерывномъ порядкѣ. Подъ дорогу, въ мѣстахъ населенныхъ, отводится лишь самая узкая полоса земли, такъ что даже и самые главные торговые пути бываютъ не болѣе 3 саженъ ширины. Дороги очень пыльны, а послѣ дождей — невообразимо грязны; въ южной части ханства дороги часто тянутся между каналами и до такой степени стѣснены насыпями послѣднихъ, что едва возможно проѣхать тремъ верховымъ всадникамъ рядомъ. Сообщеніе черезъ канавы производится или по узенькимъ, дырявымъ мостикамъ на сваяхъ, едва выдерживающимъ простую русскую телегу, или вбродъ; черезъ каналы же — по узкимъ каменнымъ мостамъ, безъ перилъ, причемъ средина арки приподнята надъ водой до двухъ саженъ. Словомъ, крайне незначительная ширина дорогъ и мостовъ представляетъ огромныя затрудненія для колеснаго сообщенія. Непроходимость страны,

особенно при большихъ разливахъ, доходитъ до того, что даже верхомъ не многіе рѣшаются ѣхать по нѣкоторымъ дорогамъ. Сухопутное сообщеніе Хивы съ Кунградомъ, во время разлива, производится только по правому берегу рѣки, притомъ по затопляемой дорогѣ, такъ что дважды приходится переѣзжать Аму; въ Кунградѣ, Ургенчѣ и нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ нужно ѣхать по берегу вплавь.

Въ Хивинскомъ ханствѣ нѣтъ селеній, въ смыслѣ нашихъ деревень; все заселенное мѣсто представляетъ собою хутора, съ воздѣланными около нихъ земельными участками. Изъ городовъ оправдываютъ свое названіе только три-четыре города. Замѣчательный городъ, какъ столица ханства, Хива. Она расположена на обширной песчаной равнинѣ, изрѣзанной канавами, проведенными изъ двухъ главныхъ каналовъ: Полванъ-Ата, огибающаго городъ съ сѣверной стороны, и Нигрика — съ юго-восточной; собственно же городу даетъ воду третій каналъ, Чарджейли,



Поселокъ оборонительной постройки (т. е. поле, обнесенное стѣною, или укрѣпленный загонъ).

проходящій между ними. Вокругъ Хивы находится глиняная стѣна, около десяти аршинъ высоты; стѣна эта воздвигнута ханомъ Ала-Куломъ въ 1842 году; эта ограда тянется верстъ на шесть и захватываетъ много совершенно пустыхъ мѣстъ. Внутри самаго города находится небольшая цитадель, въ которой расположены ханскій дворецъ, «казна» и арсеналъ. Ни рва, ни эспланады около городской стѣны нѣтъ; во многихъ мѣстахъ загородные дома примыкаютъ прямо къ стѣнѣ. Улицы Хивы узки, кривы и страшно пыльны; зданія возведены изъ глины и крайне незначительны; лавокъ насчитывается до 200; жителей около 19,000 человѣкъ.

Макъ-Коганъ, корреспондентъ Нью-Іоркской газеты, издавшій отдѣльное сочиненіе «Паденіе Хивы», такъ описываетъ чувство, охватившее его при видѣ Хивы, когда онъ, вмѣстѣ съ русскими войсками, подходилъ къ городу: «Мы не видѣли города, пока не подошли къ нему на полмили, такъ какъ масса деревьевъ со всѣхъ сторонъ скрывала его отъ насъ. Наконецъ, Хива предстала передъ нашими взорами, среди поднятыхъ нами облаковъ пыли; большія, тяжелыя, мазаночныя, зубчатыя стѣны, съ тяжелыми, круглыми подпорками и ровъ, частью сухой, частью наполненный водой; нѣсколько высокихъ минаретовъ, главы мечетей и одна громадная круглая башня, отражавшая лучи солнца, какъ фарфоръ. Мы были передъ воротами, представлявшими особый родъ маленькой крѣпости. Черезъ эти-то ворота, открытыя для нашего пріема, мы въѣхали въ такомъ густомъ облакѣ пыли, что я часто не видалъ головы своей лошади; въѣхали съ развѣвающимися знаменами, при торжественныхъ звукахъ національнаго русскаго гимна — «Боже, царя храни», исполненнаго музыкой Оренбургскаго отряда.

«Я думаю, что каждый изъ насъ испыталъ нѣкоторое разочарованіе при видѣ Хивы. Въ ней есть очень живописные виды, но не съ той стороны, откуда мы вошли въ нее, и большая башня, самый поразительный предметъ, была скрыта отъ насъ промежуточными стѣнами и деревьями. Передъ нами было широкое, открытое мѣсто, съ разбросанными тамъ и сямъ деревьями и нѣсколькими саклями и навѣсами, не выше пятнадцати футовъ; направо много круглыхъ памятниковъ — кладбище, а въ центрѣ города — опять потянулись сакли, только повыше и покрасивѣе, съ высокими портиками и небольшимъ количествомъ деревьевъ; далѣе шли стѣны цитадели, за которой виднѣлись двѣ-три каланчи. Здѣсь не встрѣтила насъ ни одна душа, и только когда мы въѣхали въ длинную, дикую, извилистую улицу, обстроенную голыми, черными, страшными мазаночными стѣнами, намъ начали встрѣчаться въ боковыхъ улицахъ небольшія кучки людей, въ грязныхъ, оборванныхъ одеждахъ, съ длинными бородами, безъ шапокъ, робко кланявшихся намъ. Это и были жители, еще не увѣренные въ томъ, будутъ-ли они избиты или нѣтъ. Съ какимъ отчаяніемъ и ужасомъ должны были они смотрѣть на насъ, пыльныхъ и грязныхъ, послѣ совершеннаго перехода въ шестьсотъ миль по пустынѣ, которую они считали непроходимой. Грозные, безмолвные, непобѣдимые, мы должны были казаться имъ какими-то чудными, могучими существами невѣдомаго міра. Далѣе мы приблизились къ толпѣ персидскихъ рабовъ, привѣтствовавшихъ насъ криками и слезами радости. Они были въ сильно возбужденномъ состояніи: до нихъ дошелъ слухъ, что всюду, гдѣ появлялись Русскіе, исчезало рабство, и они не сомнѣвались, что и у нихъ будетъ то же самое. Нѣкоторые изъ нихъ уже сами освободились, и я видѣлъ нѣсколькихъ занятыхъ перерѣзываніемъ цѣпей у трехъ, четырехъ несчастныхъ существъ, въ одно и то же время кричавшихъ, смѣявшихся и плакавшихъ самымъ дикимъ образомъ.

«Мы продолжали шествіе по этой узкой, пыльной и кривой улицѣ, пока не дошли до цитадели, куда и вступили черезъ большія, тяжелыя ворота изъ кирпича. Какъ только мы проникли туда, — увидѣли башню, представлявшую яркое и блестящее сочетаніе цвѣтовъ: голубаго, зеленаго, краснаго и коричневаго. По очень узенькой улицѣ, ведущей къ этой башнѣ, мы скоро попали на площадь, занимавшую 50 или 75 ярдовъ, оказавшуюся большой дворцовой площадью. Одна сторона ея была занята дворцомъ, огромнымъ раскинувшимся строеніемъ, съ глиняными зубчатыми стѣнами, около 20 футовъ вышины; противъ него было еще неоконченное медресе, остальныя же двѣ стороны были заняты навѣсами и частными домами, тогда какъ у юго-восточнаго угла дворца воздвигалась прекрасная и величественная, знаменитая священная хивинская башня. Основаніе ея имѣло около 30 футовъ въ діаметрѣ; башня постепенно съуживалась кверху, такъ что на высотѣ 125 футовъ діаметръ ея не превышалъ 15 футовъ; эта башня не имѣла ни пьедестала, ни капители и вообще никакихъ другихъ украшеній; она представляла собою простой круглый, срѣзанный конусъ, поверхность котораго была покрыта обожженными черепицами, ярко выкрашенными въ голубой, зеленый, пунцовый и коричневый цвѣта, расположенными на чистомъ бѣломъ фонѣ въ видѣ широкихъ полосъ и различныхъ фигуръ. Въ цѣломъ — зрѣлище производило великолѣпный и блистательный эфектъ. Башня покрыта также стихами изъ корана и глубоко почитается Хивинцами. Здѣсь находится гробница патрона Хивы, святаго мусульманина Полвана или Пеливана... Съ вершины ея каждый вечеръ можно слышать рѣзкій, пронзительный голосъ муллы, призывающаго народъ къ молитвѣ. Вершины двухъ боковыхъ дворцовыхъ башенъ были такимъ же образомъ украшены. Посреди этой площади была большая яма, около 10 футовъ въ окружности и шести глубины, — мѣсто казни преступниковъ.

«Мы двинулись ко дворцу и вступили въ дворцовыя ворота, частью загроможденныя большой мѣдной пушкой, и очутились на длинномъ, узкомъ и неправильномъ дворѣ; налѣво онъ раздваивался и велъ къ конюшнямъ, направо были двѣ высокія, толстыя деревянныя двери, ведущія въ гаремъ; противъ воротъ множество низкихъ, неправильныхъ строеній. Мы взошли

черезъ темный и узкій корридоръ и вскорѣ проникли на большой дворъ. Онъ весь вымощенъ кирпичемъ и окруженъ стѣнами въ двадцать футовъ вышины, надъ которыми возвышается четыреугольная башня гарема. Въ южной сторонѣ дворца расположена большая государственная зала или комната аудіенцій хана, гдѣ онъ чинитъ судъ надъ своими подданными.»

Хивинскій ханъ, какъ и турецкій султанъ, считается полнымъ господиномъ своихъ подданныхъ и имѣетъ право распоряжаться ихъ жизнью по своему произволу; но все-таки извѣстные обычаи часто сдерживаютъ его дикій произволъ. Сановныя лица извѣстныхъ профессій опредѣляются изъ извѣстныхъ классовъ. Такъ, *накибъ* или верховный жрецъ, котораго санъ соотвѣтствуетъ турецкому шейхъ-уль-исламу въ Константинополѣ, долженъ быть избираемъ непремѣнно изъ потомковъ пророка; аталики или совѣтники хана всегда Узбеки; мэперъ, т. е. министръ внутреннихъ дѣлъ, обязательно долженъ быть Сартомъ и кореннаго населенія страны.

Вообще, городъ Хива не отличается изяществомъ или красотой архитектуры построекъ. Западная часть города, вслѣдствіе множества садовъ, производитъ сравнительно пріятное впечатлѣніе. Жизнь общественная и коммерческая сосредоточивается на базарѣ. «Я отправился взглянуть на базаръ, — разсказываетъ Макъ-Коганъ. — Улицы были пыльны и жарки; солнце ослѣпительно свѣтило и жгло; сѣрыя глиняныя стѣны такъ сильно нагрѣваются, что на улицѣ находишься точно въ печкѣ булочника. Послѣ такого удушающаго жара съ удовольствіемъ входишь въ прохладную тѣнь базара. Смѣшанный запахъ специй и другихъ ароматовъ пріятно щекочетъ обоняніе; шумъ и говоръ большой толпы поражаетъ слухъ; пестрая масса людей, лошадей, верблюдовъ, ословъ и телятъ приковываетъ къ себѣ вниманіе. Базаръ — это крытая улица, притомъ совершенно первобытнымъ способомъ. Съ наслажденіемъ вдыхаешь прохладный, сыроватый воздухъ и глядишь облизываясь на обильныя груды роскошныхъ спѣлыхъ плодовъ; тутъ и абрикосы, и персики, и сливы, и дыни всѣхъ сортовъ, рядомъ съ пестрымъ подборомъ разнаго товара, встрѣчаемымъ только въ Средней Азіи. Собственно говоря, лавокъ на этомъ базарѣ нѣтъ: по одну сторону тянется платформа, гдѣ люди сидятъ среди своихъ товаровъ, а по другую помѣщаются брадобрѣи, мясники, портные, занимающіеся починкой старыхъ вещей, и мелкіе торговцы.

«Съ трудомъ проталкиваешь свою лошадь, пока не доѣдешь до другой крытой улицы, пересѣкающей первую. Повернувъ налѣво, въѣзжаешь черезъ большія ворота на настоящій базаръ. Тутъ сосредоточена главная городская мелочная торговля. Это двойная аркада или проходъ, въ сто ярдовъ длины и 40 ширины; построена она изъ кирпичей и состоитъ изъ ряда сводовъ. Лавки здѣсь — просто балаганы, въ шесть-восемь квадратныхъ футовъ, открытые у входа и представляющіе самый несоотвѣтственный подборъ товаровъ: чай (большею частью зеленый, ввозъ котораго составляетъ монополію Англичанъ), сахаръ, шелковыя и бумажныя матеріи, халаты, сапоги, табакъ — словомъ, все, что существуетъ въ Средней Азіи можно найти въ каждомъ изъ этихъ балагановъ.

«Вотъ вы располагаетесь здѣсь, услаждаете свой вкусъ превосходными плодами, а если желаете чего-нибудь болѣе существеннаго, то пилавомъ съ горячими пирогами, которые вамъ принесутъ въ одинъ мигъ. Вы можете развалиться на коврѣ въ какомъ-нибудь углу и наблюдать, съ неуменьшающимся интересомъ, цѣлые часы за постоянно мѣняющейся толпой и за рядомъ странныхъ, дикихъ лицъ... Вы встрѣтите здѣсь представителей всѣхъ средне-азіятскихъ народовъ и, побывавъ на базарѣ, можете сдѣлаться очевидцемъ самыхъ разнообразныхъ зрѣлищъ.»

Кварталы города Хивы имѣютъ больше кладбищъ, чѣмъ садовъ; жилища мертвыхъ перемежаются съ жилищами живыхъ, напоминая каждую минуту Хивинцамъ о томъ, что наступитъ конецъ ихъ жизни. Ургенчъ, хотя и не столичный городъ, больше Хивы; въ немъ считается 30 тысячъ населенія. Здѣсь живутъ богатые торговцы, которые находятъ для себя болѣе выгоднымъ вести торговыя сношенія съ обитателями Сыръ-Дарьи. Этотъ городъ рас-

положенъ въ 40 километрахъ къ сѣверо-востоку отъ Хивы, онъ прежде назывался Яни-Ургенчъ (Новый Ургенчъ) въ отличіе отъ Куня-Ургенча (стараго), разрушеннаго Тамерланомъ, передъ которымъ этотъ ужасный завоеватель сложилъ громадную пирамиду изъ человѣческихъ череповъ. Другой, довольно важный въ торговомъ отношеніи городъ — Кунградъ, населенный, главнымъ образомъ, бѣжавшими изъ русскихъ степей Киргизами и Каракалпаками. Онъ находится на караванной дорогѣ, ведущей изъ Хивы, черезъ Усть-Уртъ, въ Оренбургъ. Было время, когда Кунградъ составлялъ отдѣльное, независимое ханство, и только въ двадцатыхъ годахъ этого столѣтія присоединенъ къ Хивѣ ханомъ Мухамедъ-Рахимомъ.

Хивинцы отличались жестокимъ обращеніемъ съ рабами. Русскіе рабы цѣнились ими гораздо дороже другихъ и обыкновенно составляли собственность или хана, или болѣе знатныхъ и вліятельныхъ лицъ; но главный контингентъ рабовъ составляли Персіяне. Для того, чтобы рабы не могли убѣжать, Хивинцы отрѣзывали имъ икры или подошвы ногъ, а къ образовавшимся ранамъ прикладывали изрѣзанный конскій волосъ. Освобожденіе рабовъ съ пришествіемъ сюда Русскихъ неблагопріятно отразилось на культурѣ Хивинскаго оазиса.

Предметами отпуска изъ Хивы въ Россію служатъ: грубые ковры и шелковыя матеріи, хлопокъ, марена и сушеные фрукты. Хивинцы же получаютъ изъ Россіи: ситцы, бархатъ, сукно, парчу, сахаръ, разные москательные товары, а также желѣзныя и мелкія подѣлки. Вообще, промышленность и торговля не особенно развиты въ Хивинскомъ ханствѣ.

Типъ Хивинца опредѣлить не легко, потому что здѣсь замѣчается смѣсь узбекскаго и персидскаго типовъ; въ этомъ отношеніи не представляетъ исключенія даже и ханскій родъ. Отличительныя черты этого типа какъ у мужчинъ, такъ и у женщинъ: острыя скулы, плоскій носъ и большіе, правильно очерченные глаза. Въ Хивѣ носятъ покрывала только молодыя женщины или дѣвушки, да и то часто тамъ можно встрѣтить открытое молодое женское лицо. Хивинцы говорятъ совершенно особымъ нарѣчіемъ тюркскаго языка.

Климатъ ханства долженъ быть отнесенъ къ числу нездоровыхъ; короткая суровая зима; непродыхаемая пыль, при страшныхъ лѣтнихъ жарахъ; сильныя испаренія отъ множества каналовъ, а вслѣдствіе этого рѣзкіе переходы отъ жары къ сырости,—все это крайне неблагопріятно вліяетъ на здоровье европейскаго человѣка; хотя туземцы страдаютъ отъ этихъ дурныхъ условій и менѣе Европейцевъ, но зато у нихъ много другихъ болѣзней, зависящихъ отъ той страшной неряшливости, въ которой они живутъ. Такъ многіе изъ нихъ никогда не обмываются; обмываніе производится лишь тѣхъ частей тѣла, какія указаны магометанской религіей сунитскаго толка, къ которому они принадлежатъ.

Сношенія Россіи съ Хивой начались едвали-ли еще не въ XV столѣтіи; по крайней мѣрѣ, вскорѣ послѣ покоренія Казанскаго и Астраханскаго царствъ, въ Россію являлись хивинскіе послы, а въ слѣдующемъ столѣтіи начались даже вооруженныя столкновенія между Русскими и Хивинцами. Дальность разстоянія, а главное — непроходимыя пустыни защищали Хивинцевъ, и Русскіе, вслѣдствіе этого, терпѣли неудачные походы, отчего, конечно, Хивинцы становились болѣе и болѣе дерзкими и самонадѣянными.

Яицкіе Казаки (на берегахъ Яика, т. е. Урала), грабившіе въ то время всѣхъ и каждаго, какъ-то поймали нѣсколькихъ хивинскихъ купцовъ, ѣхавшихъ съ товарами въ Россію. Ограбивъ ихъ, разспросивъ о богатствѣ Хивы и узнавъ, что лѣтомъ все войско хана распускается, Яицкіе казаки быстро собрались въ путь; шайка ихъ, человѣкъ въ тысячу, безъ всякаго обоза двинулась на Хивинское ханство. Быстро прошли они Киргизскую степь, напали на городъ Ургенчъ (Яни) и ограбили его. Нагрузивъ около тысячи телегъ всевозможнымъ добромъ, въ томъ числѣ женщинами и дѣвушками, Казаки отправились въ обратный путь, но на дорогѣ были настигнуты Хивинцами. Казакамъ пришлось выдержать ужасную борьбу. Они были отрѣзаны отъ воды Хивинцами; жгучій палящій зной и недостатокъ въ водѣ заставили Казаковъ для утоленія жажды

высасывать кровь изъ своихъ убитыхъ товарищей. Защита продолжалась нѣсколько дней; наконецъ, побросавъ все награбленное, лишь незначительное число Казаковъ пробилось къ Аму-Дарьѣ. Но и здѣсь имъ не удалось спастись: они были настигнуты Хивинцами и окончательно уничтожены. Отъ этого похода остались у Казаковъ только пѣсни про казацкую удаль. Но казацкій духъ не успокоился. Вновь захотѣлось Казакамъ «попытать счастья», и они, подъ предводительствомъ атамана Нечая, совершенно повторили исторію перваго похода. Имъ удалось разорить нѣсколько хивинскихъ городовъ, награбить всякаго добра и увести съ собою женщинъ; но также, какъ и въ первый набѣгъ, они были настигнуты Хивинцами и перерѣзаны. Наконецъ, неудачна была и третья попытка, надолго отбившая у Казаковъ желаніе дѣлать набѣги на Хиву. Казаки, застигнутые суровой зимой, бураномъ и жестокой стужей, сбились съ дороги и дошли до такого отчаяннаго положенія, что убивали товарищей и ѣли ихъ; часть же Казаковъ попала въ плѣнъ къ Хивинцамъ.

Первый серьезный походъ былъ предпринятъ Петромъ Великимъ. Надо замѣтить, что задолго до этого начались дипломатическія сношенія Хивы съ Россіею; такъ, съ 1620 года начали посѣщать Хиву русскія дипломатическія миссіи. При Петрѣ Великомъ, когда Хива подпала подъ сильное вліяніе Бухары, ханъ хивинскій Шиніазъ, въ 1700 году, отправилъ въ Россію посольство съ просьбой принять его въ подданство. Русское правительство изъявило на это свое согласіе, но подчиненіе со стороны Хивы этимъ только и ограничилось. Въ 1713 году прибылъ въ Россію знатный Туркменъ, Хаджа-Нефесъ. Онъ сообщилъ русскому правительству объ изобиліи золотаго песку при устьѣ Аму-Дарьи, и о томъ, что Узбеки, опасаясь господства Россіи, засыпали устье, которымъ Аму-Дарья впадала въ Каспійское море, но что это теченіе можно было сравнительно легко возстановить, уничтоживъ запруживающую насыпь. Сообщеніе Хаджи-Нефеса и, еще болѣе, желаніе какимъ-нибудь образомъ проложить путь для торговли съ Индіей, а также и подтвержденіе сибирскаго губернатора, что дѣйствительно въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Хивинскаго ханства встрѣчаются золотыя розсыпи, заставили Петра I-го отправить экспедицію, начальство надъ которой было поручено князю Бековичу-Черкасскому. Въ указѣ Петра, данномъ по этому поводу сенату, говорилось, между прочимъ, слѣдующее: «послать въ Хиву съ поздравленіемъ на ханство (новаго хана Ширгазы), а оттоль ѣхать въ Бухару къ хану, сыскавъ, какое дѣло торговое, а дѣло настоящее — провѣдать про городъ Иркетъ, сколько далекъ оный отъ Каспійскаго моря и нѣтъ-ли какихъ рѣкъ оттоль, или хотя не отъ самаго того мѣста, однакожь поблизости въ Каспійское море».

Большинство кочевниковъ Закаспійскаго края, спрошенные Бековичемъ, подтвердили показаніе Хаджи-Нефеса; для большей увѣренности въ показаніяхъ Туркменъ, князь Бековичъ отправилъ, вмѣстѣ съ Хаджей-Нефесомъ, нѣсколькихъ дворянъ развѣдать дѣло на мѣстѣ. Посланные посѣтили долину бывшаго русла Аму, гдѣ «видѣли слѣды селеній, городовъ и оросительныхъ каналовъ». Этими извѣстіями Петръ остался доволенъ, и вскорѣ вновь далъ порученіе Бековичу отправиться и тщательно осмотрѣть старое русло Аму; построить близъ него крѣпость на тысячу человѣкъ; если можно, то спустить воды этой рѣки по ея ложбинѣ; устроить здѣсь городъ тайно отъ Хивинцевъ; наконецъ, отправиться въ Хиву, склонить хана къ подданству, предложить ему русскую гвардію, съ содержаніемъ ея на счетъ хана. Утвердившись въ Хивѣ, предложить хану послать туземцевъ съ нѣсколькими Русскими вверхъ по рѣкѣ, въ Иркетъ, для осмотра золотыхъ розсыпей. Кромѣ того, постараться, при помощи же хана, и «послать купчину въ Индію, съ тѣмъ, чтобы послѣдній описалъ-бы свой путь въ Индію и постарался бы найти самую кратчайшую дорогу». Бековичу вмѣнялось также въ обязанность отправиться изъ Хивы въ Бухару съ такими же предложеніями подданства, или, по крайней мѣрѣ, дружбы и предложить бухарскому хану гвардію. Такія-то далеко не легкія порученія были изложены Петромъ Великимъ Бековичу въ собственноручныхъ инструкціяхъ. Для выполненія этого предпріятія, ему былъ назначенъ отрядъ въ 4,000 человѣкъ пѣхоты и 100 человѣкъ

конницы. Переѣхавъ Каспійское море и высадивъ у Тюкъ-Караганскаго залива одинъ полкъ для сооруженія крѣпости, Бековичъ отправился далѣе. На берегу Каспійскаго моря онъ основалъ крѣпость, нынѣшній Красноводскъ. Здѣсь до него дошли недобрые слухи, что отправленный имъ посланецъ въ Хиву содержится подъ стражею, что ханъ намѣренъ идти противъ него войною и путь въ Хиву чрезвычайно затруднителенъ, вслѣдствіе отсутствія воды и корма для скота. Собравъ въ Астрахани подкрѣпленіе, онъ высадился у Гурьева (на Уралѣ) и въ первыхъ числахъ іюня 1717 года отправился въ степь. Въ семь недѣль отрядъ прошелъ 900 верстъ и достигъ урочища Карагача, гдѣ, по приказанію Петра, слѣдовало построить крѣпость. Здѣсь Бековичъ остановился и вновь послалъ къ хану вѣстника, что онъ идетъ съ мирными намѣреніями, а не воевать. И эти посланные также были задержаны въ Хивѣ, а ханъ выслалъ свои войска на встрѣчу русскому отряду. Здѣсь у Карагача произошло трехдневное кровопролитное сраженіе, въ которомъ Хивинцы были разбиты. Тогда ханъ прибѣгнулъ къ вѣроломству, изъявивъ согласіе на миръ и обѣщая исполнить всѣ условія, предложенныя Бековичемъ; онъ увѣрялъ Бековича, что нападеніе на русскій отрядъ было сдѣлано противъ его приказанія и что, напротивъ, онъ искренно желаетъ мира. Были заключены предварительныя условія и, по восточному обычаю, обмѣнялись съ обѣихъ сторонъ подарками. Ханъ клялся въ ненарушимости мирныхъ условій цѣлованіемъ корана, и затѣмъ просилъ Бековича раздѣлить его отрядъ на нѣсколько частей для того, чтобы удобнѣе было размѣстить ихъ по квартирамъ въ Хивѣ. Князь Бековичъ былъ далекъ отъ мысли подозрѣвать здѣсь ловушку; онъ довѣрчиво отнесся къ предложеніямъ хана, вполнѣ повѣривъ его словамъ: раздѣливъ свой отрядъ на нѣсколько частей, онъ вошелъ по приглашенію хана въ Хиву. Тогда Хивинцы измѣннически напали на разрозненныя части отряда Русскихъ; большую часть перебили, а остальныхъ продали въ неволю. Какъ гласитъ преданіе, съ князя Бековича-Черкасскаго сняли кожу и, набивъ ее сѣномъ, отправили въ подарокъ бухарскому эмиру.

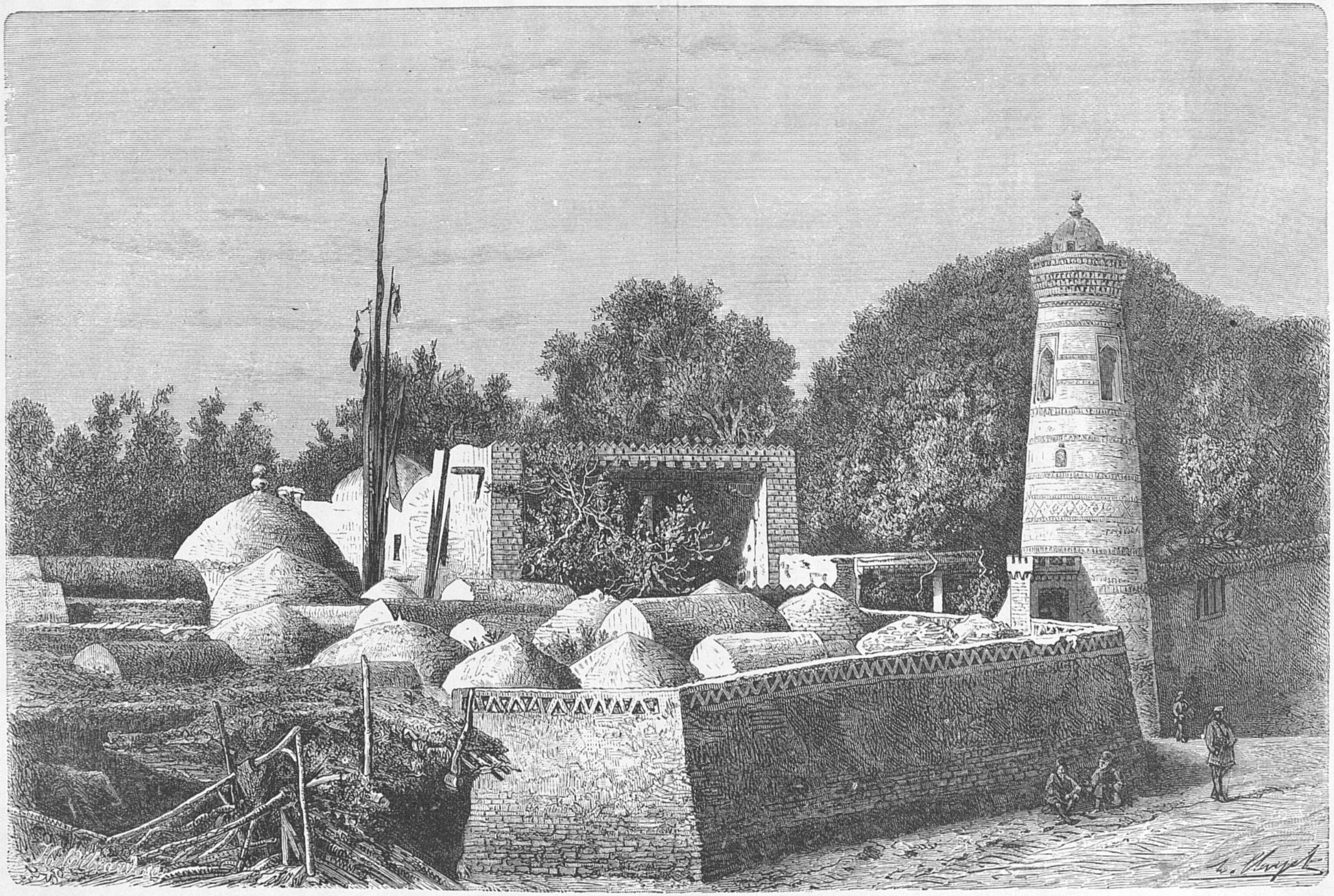
Послѣ такого печальнаго исхода дѣла, Русскіе долгое время не домогались утвердить свое вліяніе въ Хивѣ, и до конца тридцатыхъ годовъ нынѣшняго вѣка почти не принималось никакихъ мѣръ къ обузданію Хивинцевъ. А между тѣмъ ежегодно различными кочевниками ловились Русскіе и продавались въ рабство главнымъ образомъ на рынкахъ Хивы. Хива изстари занималась этимъ, и Русскіе, въ качествѣ невольниковъ, извѣстны были въ Средней Азіи уже въ X вѣкѣ. Такъ, арабскіе путешественники этого времени Истахри и Ибнъ-Хаукалъ упоминаютъ въ числѣ продававшихся въ Средней Азіи рабовъ, между прочимъ, и Славянъ. Оба эти путешественника главнымъ рынкомъ невольниковъ называютъ Хорезмъ; отсюда невольники распредѣлялись уже по другимъ государствамъ Средней Азіи. Является вопросъ: какимъ образомъ попадали русскіе невольники въ Хорезмъ? Кто ихъ доставлялъ туда? — Не надо забывать, что нынѣшнія киргизскія и приволжскія степи уже издавна служили пристанищемъ для различныхъ кочевыхъ народовъ. Русь, при самомъ ея зарожденіи, должна была вести борьбу съ разными кочевниками; столкновенія были чрезвычайно часты; всѣ лѣтописи повѣствуютъ о безконечныхъ войнахъ, веденныхъ русскими князьями съ сосѣдними кочевыми народами. Захватъ плѣнныхъ съ обѣихъ сторонъ, конечно, былъ неизбѣжнымъ слѣдствіемъ этихъ безпрерывныхъ войнъ. Еще Святославъ говорилъ, что въ Болгарію везутъ изъ Россіи медъ, воскъ и «невольниковъ». Плѣнные обращались обыкновенно въ рабовъ. Кочевники, захватывая въ плѣнъ Русскихъ, тоже продавали ихъ ближайшимъ осѣдлымъ народамъ, такъ какъ сами, вслѣдствіе кочеваго образа жизни, почти не нуждались въ невольникахъ. Продавать же плѣнныхъ, конечно, было наиболѣе удобно и ближе въ сосѣднемъ Хорезмѣ, такъ какъ въ то время торговый путь отъ Волги въ Среднюю Азію пролегалъ чрезъ эту страну. До начала XVI столѣтія русскихъ невольниковъ въ Средней Азіи было немного, вслѣдствіе вообще незначительнаго спроса тамъ на невольниковъ; но съ XVI столѣтія, спросъ все увеличивался; въ XVIII и въ началѣ XIX вѣковъ невольничество въ средне-азіятскихъ ханствахъ дошло до громадныхъ размѣровъ.

Это видно изъ того, что въ одномъ незначительномъ Хивинскомъ ханствѣ общее число невольниковъ, при занятіи Хивы русскими войсками, превышало 20,000 человѣкъ, при чемъ русскихъ невольниковъ было около 2,000 душъ. Такому сильному развитію невольничества способствовали двѣ причины: *политическая* — нашествіе и занятіе странъ Сыра и Аму-Дарьи, въ началѣ XVI столѣтія, Узбеками, кочевымъ населеніемъ тюркской крови, обитавшимъ до того времени въ верховьяхъ Урала и въ юго-западной Сибири. Покоривъ туземное осѣдлое населеніе, поселившись въ городахъ и селеніяхъ, Узбеки, какъ и всѣ другіе кочевники, неспособны были къ тяжелому, усидчивому труду, какой требуется отъ земледѣльца, не имѣли ни склонности, ни охоты обрабатывать землю, которую и пришлось воздѣлывать руками рабовъ. Вторая причина — *религіозная*. Незадолго до вторженія Узбековъ въ Хорезмійское ханство, духовенство Средней Азіи, съ гератскимъ муллою, Шемсъ-Эддиномъ, во главѣ, обнародовало «фетву» (духовный указъ), которымъ разрѣшалось мусульманамъ-сунитамъ (къ которымъ принадлежатъ Узбеки) продавать мусульманъ-шіитовъ, наравнѣ съ невѣрными. Поэтому явилась полная возможность покупать рабовъ Персовъ (мусульманъ-шіитовъ), чтобы удовлетворить возникшій спросъ на рабовъ вслѣдствіе традиціонной лѣни Узбековъ. Такимъ образомъ эта «фетва» была крайне удобна для Узбековъ, такъ какъ иначе они не могли бы держать въ неволѣ Персовъ, потому что всякій магометанинъ, по корану, долженъ быть свободенъ.

Главный контингентъ русскихъ плѣнныхъ составляли Уральскіе Казаки, а также рыбопромышленники на Каспійскомъ морѣ. Особенно отличались, въ этомъ отношеніи, Киргизы, которые, захвативъ Русскихъ, толпами гнали ихъ въ Хиву. Много русскихъ плѣнныхъ доставляли въ Среднюю Азію также и Калмыки, разбойничавшіе по Волгѣ и въ нынѣшнихъ губерніяхъ Казанской и Уфимской, съ половины XVII до половины XVIII столѣтія. Такъ, напр., въ 1708 году, Калмыки, подъ предводительствомъ Тайцзы-Тимура, перешли на правый берегъ Волги, выжгли болѣе ста селъ и деревень и захватили множество мужчинъ и женщинъ, которыхъ и продали въ рабство. Послѣ несчастнаго похода Бековича, количество русскихъ рабовъ въ Хивѣ еще болѣе увеличилось. Флоріо Беневени, бывшій посланникомъ въ Бухарѣ, заявлялъ Петру Великому о множествѣ русскихъ плѣнныхъ въ Бухарѣ, Хивѣ и Персіи, которыхъ насчитывалось болѣе 5,000 человѣкъ.

Въ XVIII вѣкѣ продолжался постоянный захватъ русскихъ плѣнныхъ Туркменами. Особенно бѣдственными въ этомъ отношеніи были для Русскихъ 1773 и 1774 годы — время пугачевщины. Киргизы, пользуясь начавшейся на юго-востокѣ Россіи смутой и беззащитностью границы, захватывали на линіи Казаковъ и гнали ихъ въ Хиву. Тамошніе рынки въ эти годы были переполнены русскими невольниками. Почти такіе же бѣдственные годы пришлось пережить Россіи вслѣдъ за учрежденіемъ въ степи пограничной экспедиціи; шайки вооруженныхъ Киргизовъ, разъѣзжая за Ураломъ, захватывали мирныхъ поселянъ. Это навело такой страхъ на пограничныхъ жителей, что они бросали полевыя работы и укрывались въ крѣпостяхъ.

Начало XIX вѣка представляетъ періодъ наибольшаго развитія торговли русскими невольниками въ Средней Азіи. Въ это время русскіе плѣнные томились въ неволѣ тысячами. «А сколько ихъ гибло во время самаго захвата, сколько ихъ погибало въ пути? — говоритъ одинъ изъ изслѣдователей нашихъ прежнихъ отношеній къ Хивинцамъ. — Похитители, захвативъ добычу, должны были спѣшить изъ опасенія погони, и несчастные, привязанные по нѣсколько человѣкъ къ веревкѣ, подгонялись разбойниками, ѣхавшими на лошадяхъ, ударами плети, иногда остріемъ копья, и должны были употреблять всѣ усилія, чтобы какъ можно скорѣй дотащиться до безопасныхъ для похитителей мѣстъ. Тѣ же Русскіе, которые, выбившись изъ силъ, падали въ изнеможеніи, или тутъ же умерщвлялись кровожадными хищниками, или бросались ими на произволъ мучительной смерти отъ голода и жажды.» По свидѣтельству Муравьева, въ 20-хъ годахъ нынѣшняго столѣтія томилось около 3,000 русскихъ невольниковъ въ одной только Хивѣ. Въ концѣ 30-хъ годовъ, захваты нашихъ рыбопромышленниковъ на Каспійскомъ морѣ



Т. X. Мусульманское кладбище въ Хивѣ.

увеличились; такъ въ одинъ годъ Туркменами было захвачено около 200 русскихъ рыбопромышленниковъ. Хивинцы надѣялись этимъ способомъ выручить въ обмѣнъ на нихъ своихъ соотечественниковъ, задержанныхъ въ Астрахани, Оренбургѣ и нѣкоторыхъ другихъ городахъ.

Нѣкоторые изъ русскихъ невольниковъ въ ханствѣ достигали даже почетнаго положенія, но чаще всего ихъ назначали смотрителями на работахъ; особенно же охотно ввѣрялась имъ артиллерія, хотя многіе изъ этихъ импровизированныхъ артиллеристовъ прежде никогда даже и не видали пушекъ. Такими записными артиллеристами прослыли они въ Хивѣ и вообще въ средне-азіятскихъ ханствахъ, вѣроятно, потому, что не теряли въ походахъ ввѣренныхъ имъ пушекъ, какъ это часто случалось съ храбрыми Узбеками. Безъ сомнѣнія, Русскіе, получившіе нѣкоторую силу въ хивинскихъ дѣлахъ, могли бы оказывать не только на туземцевъ, но и на хановъ полезное вліяніе, въ смыслѣ внесенія въ страну нѣкоторыхъ знаній. Но русскіе невольники были преимущественно изъ простаго званія; они скорѣе передавали какіе-нибудь пороки. Первымъ дѣломъ Русскіе научили Хивинцевъ и ихъ хановъ пить водку. Пилъ водку знаменитый Мухамедъ-Рахимъ, пили ее и сыновья его — Алла-Кулъ и Рахманъ-Кулъ. Доказательствомъ тому, что отъ плѣнныхъ ханы все-таки научались иногда кой-чему, служитъ тотъ-же Алла-Кулъ, который умѣлъ читать и писать по-русски, выучившись у какого-то Ѳомы, астраханскаго мѣщанина.

Совершенно иное положеніе было обыкновенныхъ плѣнныхъ, составлявшихъ громадное большинство, т. е. тѣхъ русскихъ невольниковъ, на долю которыхъ выпала тяжелая участь работать безъ отдыха и вознагражденія за трудъ, работать къ тому же часто при плохой и недостаточной пищѣ. Это большинство представляло собою *рабовъ* въ полномъ смыслѣ этого слова. Хивинецъ, купившій невольника, пріобрѣталъ вмѣстѣ съ тѣмъ полную, безграничную власть надъ нимъ. Власть эта простиралась до лишенія жизни раба по произволу его господина. Невольниковъ заставляли производить всевозможныя тяжелыя работы съ утра до ночи; малѣйшее при этомъ упущеніе или оставленіе работы наказывалось ударами плети. Одинъ изъ ханскихъ невольниковъ такъ описывалъ свое положеніе: «Каждому невольнику отпускается въ мѣсяцъ по пуду пшеницы, пополамъ съ землей, и больше ничего; самъ мели, да фунтовъ пять отдай за помолъ; самъ и пеки лепешки, а не даютъ ни щепы, ни дровъ, ни досугу; дрова воруешь у сосѣдей, да и печешь лепешки по ночамъ. Не украдешь, — и ѣсть нечего и надѣть нечего. Разъ вышла старая ханша въ садъ, я и говорю ей: «вамъ-де, сударыня, кажись, на насъ-бы глядѣть стыдно, ходимъ мы, почитай, нагишемъ; что ханъ не одѣнетъ насъ!» А она мнѣ на это: «чего стыдно? на тебя глядѣть, что на собаку, — все одно, и та не одѣвшись ходитъ». Понятно, что если такъ содержались ханскіе невольники, то какъ же содержались они у остальныхъ Хивинцевъ?

Русское правительство не могло равнодушно относиться къ захвату своихъ подданныхъ и ужасному ихъ положенію въ рабствѣ. Оно много разъ посылало дипломатическія миссіи, съ цѣлію освободить русскихъ подданныхъ, и употребило много денегъ на это. Такъ, въ концѣ 30-хъ годовъ нынѣшняго столѣтія, уже состоялась ассигновка суммы на выкупъ плѣнныхъ изъ неволи. Но обстоятельства перемѣнились, и правительство велѣло задержать всѣхъ хивинскихъ подданныхъ, бывшихъ въ предѣлахъ Россіи, не смотря на то, что тогдашній хивинскій ханъ освободилъ около 160 русскихъ невольниковъ. Такъ какъ въ это время захваты Русскихъ на Каспійскомъ морѣ увеличились, то рѣшено было принудить Хиву силою оружія разъ навсегда отказаться отъ покупки въ неволю русскихъ плѣнныхъ. Въ мартѣ 1839 года былъ окончательно рѣшенъ вопросъ о походѣ въ Хиву, чтобы силою оружія принудить хана выдать всѣхъ Русскихъ и предоставить свободу караванной нашей торговлѣ. Въ ноябрѣ этого же года всѣ приготовленія къ походу были окончены, и тогда же была объявлена слѣдующая весьма интересная декларація о причинахъ и цѣли похода: «Командиръ отдѣльнаго оренбургскаго корпуса, оренбургскій военный губернаторъ, по случаю выступленія съ воинскимъ отрядомъ

противу Хивы, считаетъ необходимымъ обнародовать во ввѣренномъ ему краѣ нижеизложенную декларацію о причинахъ и цѣли военныхъ противъ Хивы дѣйствій:

«Съ давняго уже времени, вниманіе правительства устремлено на враждебныя противъ Россіи расположенія ханства Хивинскаго. Прилегая къ степямъ подвластныхъ имперіи Киргизъ-Кайсаковъ, Хива, въ продолженіе многихъ лѣтъ, безпрерывными дерзостными поступками оказываетъ явное неуваженіе къ державѣ, съ которою имѣла всегда торговыя сношенія... Торговля съ Россіей доставляла Хивѣ необходимыя средства для ея существованія; Хивинцы постоянно пользовались у насъ важными выгодами и правами, наравнѣ съ торговцами прочихъ областей Средней Азіи, и за все сіе Хива платитъ намъ однимъ вѣроломствомъ; съ безпримѣрнымъ дерзновеніемъ она нарушаетъ ежедневно спокойствіе племенъ, кочующихъ близъ ея предѣловъ, преграждаетъ торговыя съ ними сообщенія прочихъ азіятскихъ владѣній, останавливаетъ идущіе въ Россію и возвращающіеся изъ оной бухарскіе караваны, облагаетъ ихъ непомѣрною пошлиною, насильственно принуждаетъ заходить въ свои владѣнія, гдѣ произвольно и безъ всякаго права отбирается отъ беззащитныхъ купцовъ значительная часть ихъ товаровъ. Наглость Хивинцевъ простирается еще далѣе; не только бухарскіе караваны, идущіе въ Россію, но и караваны, собственно россійскіе, не могутъ безопасно проходить черезъ степи. Такъ, снаряженный въ Оренбургѣ караванъ былъ совершенно разграбленъ высланными изъ Хивы вооруженными хищниками. Ни одинъ русскій торговецъ не можетъ появиться въ Хивѣ безъ опасенія лишиться жизни или подвергнуться заточенію. Хивинцы дѣлаютъ частые набѣги на отдаленныхъ отъ линіи Киргизовъ, поступившихъ еще при Абулхасунъ-Ханѣ въ подданство Россіи, разоряютъ ихъ аулы, обременяютъ разными поборами, волнуютъ противъ законной власти, даютъ убѣжище непокорнымъ и, наконецъ, въ довершеніе всѣхъ своихъ преступныхъ дѣйствій, они задерживаютъ въ Хивѣ множество Русскихъ, томящихся въ жестокомъ рабствѣ. Число сихъ несчастныхъ ежегодно увеличивается; по наущеніямъ Хивинцевъ, дѣлаются на Каспійскомъ морѣ и въ иныхъ мѣстахъ безпрестанныя нападенія на мирныхъ и беззащитныхъ промышленниковъ, которыхъ увлекаютъ въ Хиву и повергаютъ тамъ въ тяжкую неволю. Бѣдственная судьба сихъ несчастныхъ не могла не обратить вниманія нашего правительства, не оставляющаго одной изъ священныхъ обязанностей — огражденія спокойствія и безопасности подданныхъ имперіи. Но великодушіе, съ какимъ оно предваряло Хивинцевъ о неминуемыхъ послѣдствіяхъ ихъ преступныхъ дѣйствій, не имѣло успѣха, они не вняли сдѣланнымъ имъ внушеніямъ; они не постигли снисходительности Россіи къ ихъ заблужденію; напротивъ того, они возмечтали, что хищничества ихъ останутся безъ всякаго наказанія. Въ этой самонадѣянности они дерзнули построить внѣ своихъ предѣловъ, близъ караваннаго пути, ведущаго въ Бухару, двѣ крѣпости, дабы съ большей наглостью и безотвѣтственностью притѣснять торговцевъ; они усилили свои преступные набѣги и грабежи и въ бóльшей еще степени стали упорствовать въ непримиримой враждѣ своей противъ Россіи. Надлежало принять мѣры болѣе цѣлесообразныя съ ихъ понятіями. Испытано было еще послѣднее средство къ ихъ вразумленію: прибывшіе въ Россію хивинскіе торговцы были задержаны на линіи, и условіемъ ихъ освобожденія объявлено немедленное возвращеніе русскихъ невольниковъ и прекращеніе всѣхъ непріязненныхъ поступковъ. Но и сія мѣра оказалась недѣйствительной. Послѣ трехлѣтняго ожиданія, едва 160 человѣкъ возвращены въ Россію, между тѣмъ какъ нынѣшнею весною захвачено на одномъ Каспійскомъ морѣ до 200 рыбопромышленниковъ.

«Наконецъ, истощились всѣ средства убѣжденія. Охраненіе выгодъ Россіи, безопасность ея торговли, спокойствіе ея вѣрноподданныхъ — все требуетъ нынѣ мѣръ болѣе рѣшительныхъ, болѣе надежныхъ, того же требуетъ и самое достоинство имперіи.

«Сіи справедливыя и основательныя уваженія побуждаютъ Государя Императора повелѣть отправить военный отрядъ противу Хивы, дабы силою оружія обезпечить на будущія времена

право и пользы россійскихъ подданныхъ, положить конецъ грабежамъ и насиліямъ, избавить томящихся въ Хивѣ невольниковъ, внушить должное уваженіе къ имени русскому и упрочить то вліяніе, которое неоспоримо принадлежитъ Россіи и которое одно можетъ служить залогомъ сохраненія мира въ сей части Азіи.»

Къ сожалѣнію, эти благія намѣренія правительства еще долго не пришлось осуществить. Отрядъ генерала Перовскаго двинулся въ степь въ крайне неблагопріятное для этого время. Наступили сильные холода съ страшными вьюгами; снѣгъ дѣлался глубже и непроходимѣе. По мѣрѣ того, какъ отрядъ подвигался впередъ, положеніе его становилось болѣе и болѣе затруднительнымъ. Верблюды, которыхъ отправилось въ путь болѣе десяти тысячъ, страшно падали въ дорогѣ. Киргизскіе погонщики верблюдовъ возмутились, находя невозможнымъ идти дальше. Пришлось разстрѣлять зачинщиковъ и продолжать путь, который былъ чрезвычайно труденъ. Движеніе отряда замедлялось глубокимъ снѣгомъ, въ которомъ вязли люди, лошади и верблюды. Путь приходилось расчищать лопатами. Но лишь только успѣвала пройти передняя часть отряда, какъ бураны уже заметывали слѣдъ, и остальная часть отряда должна была вновь прокладывать себѣ дорогу. Верблюды скользили по оледенѣвшей поверхности, падали и многіе уже не вставали. На половинѣ пути осталось всего около 4,000 верблюдовъ. Здѣсь Перовскому пришлось рѣшиться вернуться назадъ. Но возвращеніе назадъ было еще ужаснѣе; недостатокъ провіанта, отсутствіе необходимыхъ врачебныхъ средствъ произвели страшную смертность между людьми и скотомъ; погибло болѣе 1,000 человѣкъ; оставшіеся въ живыхъ вернулись домой изнуренными, больными и изувѣченными, съ отмороженными руками и ногами, причемъ погибло болѣе 9,000 верблюдовъ и возвратилось не болѣе 1,000. Эта неудачная экспедиція дорого обошлась государству. Не говоря уже о потерѣ людей и скота, экспедиція стоила правительству около $6^1/_2$ милліоновъ руб. ассигнаціями. Но, не смотря на такой печальный исходъ этой экспедиціи, хивинскимъ ханомъ были исполнены нѣкоторыя требованія, выраженныя въ оренбургской деклараціи: ханъ освободилъ всѣхъ русскихъ плѣнныхъ, обѣщалъ не стѣснять русскихъ торговцевъ, пріѣзжающихъ въ Хиву, и не позволять болѣе Туркменамъ грабить и захватывать въ плѣнъ русскихъ людей. Послѣ этого похода долго не было съ Хивой сношеній, и она была оставлена въ покоѣ.

Въ 1858 году были заняты нами низовья Сыръ-Дарьи и учреждена была Аральская флотилія. Крейсируя на одномъ изъ пароходовъ въ Аральскомъ морѣ, капитанъ Бутаковъ, извѣстный своей неустрашимостью, вошелъ въ низовья Аму-Дарьи, неожиданно на всѣхъ парахъ подошелъ къ Кунграду и у самаго города сталъ на якорь, приведя въ ужасъ все населеніе. Говорятъ, что городское населеніе, при появленіи парохода, въ паническомъ страхѣ бѣжало изъ города, и только смѣльчаки высматривали на «шайтана» изъ камышей. Когда же пароходъ снялся съ якоря и прошелъ нѣсколько верстъ вверхъ по рѣкѣ, а потомъ вернулся и поплылъ внизъ, — масса народа высыпала на берегъ и долго бѣжала вслѣдъ за удалявшимся пароходомъ.

Съ занятіемъ низовьевъ Сыра, Русскіе мало-по-малу подвигались вверхъ по этой рѣкѣ; хотя теперь мы стали близкими сосѣдями, но противъ Хивы ничего рѣшительнаго еще не предпринималось. Надо замѣтить, что послѣ неудачной экспедиціи Перовскаго посылались въ Хиву миссіи съ крайне ограниченными требованіями. Такъ, въ 1841 году, былъ посланъ капитанъ генеральнаго штаба Никифоровъ. Поѣздка Никифорова произошла вскорѣ послѣ неудачнаго похода, когда Хивинцы особенно могли быть увѣрены въ недоступности ханства; не смотря на это и ничтожный конвой (12 казаковъ), который сопровождалъ Никифорова, онъ держалъ себя въ Хивѣ съ такимъ достоинствомъ, что положительно нѣтъ другаго такого примѣра въ нашихъ средне-азіятскихъ миссіяхъ. Ему пришлось вести дипломатическіе переговоры съ ханомъ Алла-Куломъ, который даже и въ варварскомъ Туранѣ слылъ за самаго деспотическаго владѣтеля. Никифоровъ, истощивъ всѣ убѣжденія къ подписанію договора, не побоялся

въ торжественной аудіенціи, прочитать вслухъ и вручить хану слѣдующую декларацію: «1) Всякій хивинскій подданный, появившійся для сбора податей между Киргизами, кочующими по сѣверную сторону рѣки Сыра, будетъ преданъ смерти. 2) Всякій хивинскій подданный, являющійся въ аулы Киргизовъ съ намѣреніемъ нарушить спокойствіе оныхъ, — будетъ схваченъ и преданъ смерти. 3) Всякій хивинскій подданный, посланный для сбора податей съ Киргизовъ, кочующихъ въ пескахъ Барсукахъ, на рѣкѣ Эмбѣ, на берегахъ моря, въ урощищѣ Кай-Кунакты, по берегамъ залива Карасу и на сѣверныхъ частяхъ Чинка (Усть-Урта), будетъ преданъ смерти, какъ нарушитель мира.» Хивинскіе министры, въ лживости которыхъ Никифоровъ вскорѣ убѣдился, впослѣдствіи пріѣзжали къ нему съ особымъ страхомъ и, при всякомъ новомъ обманѣ, публично выталкивались въ шею изъ квартиры посла. Такой крутой нравъ русскаго посла снискалъ ему огромную популярность въ ханствѣ; къ нему относились всѣ, до хана и его министровъ включительно, съ величайшимъ уваженіемъ. Никифоровъ, хорошо изучившій Хивинцевъ, такъ отзывается о нихъ: «Хивинцы сопротивляться не умѣютъ; у нихъ есть только духъ грабежа, но нѣтъ духа воинственности.... Ханъ и его сановники чужды всякаго понятія о политическихъ переговорахъ и даже не могутъ понять слова «уполномоченный». Вполнѣ сознавая свое безсиліе, они не въ состояніи оцѣнить кроткихъ сношеній, но трепещутъ силы, которая одна можетъ ихъ вразумить». Данилевскій, бывшій послѣ Никифорова посломъ въ Хивѣ, сообщаетъ, между прочимъ, какъ на него повліяли эти дипломатическіе переговоры: «Мои переговоры съ ханомъ меня морально разстроили. Я страдаю сплиномъ въ полномъ смыслѣ этого слова, изнурительнымъ и неисцѣлимымъ... Въ классѣ цивилизованномъ сохранилась, по крайней мѣрѣ, благопристойность, есть наружный лоскъ, подъ которымъ скрывается все безобразіе внутреннихъ слоевъ, есть, такъ сказать, газъ, который скрываетъ отъ васъ эгоизмъ и развратъ. Здѣсь все выставляется наружу съ самымъ возмутительнымъ цинизмомъ и въ самыхъ грубыхъ формахъ.»

Почти то же сообщаетъ о Хивинцахъ и графъ Игнатьевъ, бывшій посломъ въ 1858 году: «Никто изъ Хивинцевъ, даже самые близкіе родственники къ хану, не смѣютъ говорить что-либо въ нашу пользу, боясь поплатиться жизнью по подозрѣнію въ измѣнѣ.

«Положеніе наше въ Хивѣ, въ первое время пребыванія нашего, было весьма тягостное. Недовѣріе къ намъ и дурное расположеніе хана простирались до того, что, подъ смертною казнью, запрещено было жителямъ приходить къ намъ, останавливаться на улицахъ и говорить съ Русскими; требовали даже, чтобы я запретилъ чинамъ миссіи и конвою отлучаться изъ дома и сада, нами занимаемыхъ, безъ особаго ханскаго разрѣшенія... Не смотря на всю слабость ханства, въ особенности соразмѣрно съ могуществомъ Россіи, Хивинцы ослѣплены до того, что вѣрятъ въ недосягаемость свою и не видятъ необходимости въ уступкахъ... Посольства изъ средне-азіятскихъ владѣній, принимаемыя нами, не имѣютъ никакихъ выгодныхъ для насъ послѣдствій, а стоятъ намъ очень дорого. Весьма мало пользы могутъ принести также и наши миссіи, посылаемыя временно въ ханство. Это—напрасная трата денегъ, которыя могутъ быть употреблены для достиженія той же цѣли, въ этой же части Азіи, но инымъ способомъ, съ несравненно бо̀льшей вѣроятностью успѣха.»

Понятное дѣло, что Хива враждебно относилась къ успѣхамъ русскаго оружія на берегахъ Сыра. Не смотря на то, что наши войска съ двухъ сторонъ окружили Хиву и во всякое время могли подойти и занять Хивинское ханство, оно относилось крайне враждебно къ Россіи и не захотѣло стать въ дружественныя отношенія къ намъ. Хивинскій оазисъ, населенный разнообразными племенами, всегда былъ средоточіемъ всякаго сброда людей (преимущественно изъ подвластной Россіи Киргизской орды), неимѣющихъ возможности оставаться долѣе не только подъ русскою властью, но даже среди своего кочеваго общества. И простой разбойникъ, и почетный султанъ, мечтающій о возможности возрожденія киргизскаго народа, — все это бѣжало въ Хиву, находило тамъ себѣ пріютъ, и если не всегда матеріальную, то зато всегда нрав-

ственную поддержку. Такъ въ 1860 году въ Хиву бѣжало нѣсколько почетныхъ Киргизовъ (въ томъ числѣ два султана), откочевавшихъ съ своими однородцами. Они не только были тамъ приняты, но хивинскій ханъ возвелъ одного изъ бѣглыхъ хановъ въ достоинство киргизскаго хана. При содѣйствіи послѣдняго, онъ обратился къ нашимъ мирнымъ Киргизамъ съ слѣдующаго рода воззваніемъ: «Во-первыхъ во имя Бога, а во-вторыхъ пророка, да будетъ надъ нимъ миръ и благословеніе Божіе! Онъ, Всевышній Богъ, который есть жемчужина моря, совершенство, перлъ меча шаригата (вѣра), роза сада истины, соловей цвѣтника тариката (секта), свѣча фонаря постоянства, чаша общества великодушія, пособіе отъ болѣзни просящаго, — да сохранитъ отъ всѣхъ бѣдствій.

«Великодушнымъ и храбрымъ Адаевскаго рода біямъ и всѣмъ отъ малаго до великаго, передаемъ слѣдующее: сынъ Ганта, Хоневакъ-Батырь, сообщилъ намъ о вашемъ добромъ здоровьѣ и благополучіи, что̀ насъ очень обрадовало. Мы слышали о войнѣ вашей съ подлыми и нечестными Русскими. Если это правда, то намъ желательно, чтобы вы объ этомъ извѣстили насъ письменно. Если же вы рѣшаетесь воевать во славу Божію и во имя вѣры пророка, да будетъ надъ нимъ и благословеніе Божіе, уповая единственно на самого питающаго всѣхъ (Бога), то это послужитъ поводомъ къ тому, что сыны трехъ ордъ соединятся всѣ вмѣстѣ и сядутъ на своихъ коней (вооружатся), и въ такомъ случаѣ вамъ надлежитъ послать письма ко всѣмъ знатнымъ лицамъ, пребывающимъ какъ въ разныхъ областяхъ, такъ и въ Большой и Малой ордахъ. Событіе, которое должно совершиться въ общій намъ вѣкъ, мы должны считать за счастье: убьемъ, — прославимся воинами, сражающимися противъ невѣрныхъ; а убьютъ насъ, — причислятъ насъ къ числу мучениковъ. Мы представляемъ себѣ слѣдующую мысль: зачѣмъ, заискивая сей безконечный міръ, лишаться той счастливой доли, которая назначена каждому въ будущей жизни? Радуясь, что вы, почтеннѣйшіе, уже приступили къ дѣлу, мы денно и нощно пребываемъ послѣ каждаго намаза (богослуженіе, совершаемое пять разъ въ день) въ молитвѣ о вашемъ здоровьѣ — и просимъ Всемогущаго Создателя предопредѣлить намъ свиданіе съ вами. Аминь. О Господи міровъ! въ заключеніе же свидѣтельствуемъ вамъ наше почтеніе.»

Но Хивѣ казались эти злонамѣренныя противъ Россіи дѣйствія еще недостаточными. На попытки Русскихъ войти съ Хивой въ мирныя отношенія и заключить торговый договоръ, ханъ Мухамедъ-Рахимъ отвѣчалъ генералъ-губернатору Кауфману до неприличія дерзкими письмами и не только не исполнялъ законныхъ и справедливыхъ требованій Русскихъ, но высылалъ цѣлыя шайки грабителей въ русскія степи и къ русскимъ укрѣпленіямъ. Грабежи Хивинцевъ были повременамъ настолько дерзки, что прекращалось сообщеніе Ташкента съ Оренбургомъ. Такое поведеніе Хивинцевъ не могло оставаться безнаказаннымъ. Громовыя тучи уже тяготѣли надъ Хивой. Наконецъ, громъ грянулъ. Русскія войска съ нѣсколькихъ сторонъ подошли къ Хивѣ; кольцо войскъ, болѣе и болѣе стягиваясь, приблизилось къ Хивѣ; а между тѣмъ ханъ и всѣ Хивинцы такъ были убѣждены въ непроходимости пустыни, что, получивъ извѣстіе о вступленіи Русскихъ въ ханство, не хотѣли вѣрить этому факту. Хивинцы не оказали почти никакого сопротивленія; болѣе серьезныя столкновенія были лишь съ ихъ союзниками — Туркменами; хивинскія же войска, тотчасъ же послѣ первыхъ выстрѣловъ, бѣжали отъ Русскихъ. Когда Русскія войска приближались къ городу Хазаръ-Аспа, въ лагерь прибылъ посланный отъ хивинскаго хана и вручилъ главнокомандующему письмо, въ которомъ ханъ увѣдомлялъ начальника экспедиціи, что онъ отправилъ всѣхъ плѣнныхъ въ Россію, и обѣщалъ исполнить всѣ требованія русскаго правительства, съ тѣмъ, однако, чтобы войска наши были остановлены. На это главнокомандующій отвѣчалъ, что онъ готовъ заключить миръ, но наступленія войскъ не остановитъ, при чемъ совѣтовалъ распустить ополченіе и объявить жителямъ, чтобы они обратились къ своимъ обычнымъ занятіямъ. Когда войска приближались къ Хивѣ, — ханъ бѣжалъ, и Русскіе почти безъ выстрѣла вступили въ этотъ

городъ, долгое время составлявшій разбойничье гнѣздо, центръ самаго страшнаго произвола, страну насилія и рабства. Русскіе явились сюда провозвѣстниками равенства, человѣчности, свободы, мирнаго гражданскаго преуспѣванія и развитія. Ханъ черезъ нѣсколько дней возвратился въ Хиву, и съ нимъ былъ заключенъ договоръ, по которому Хивинское ханство сдѣлалось вассальнымъ въ отношеніи къ Россіи. Въ силу этого трактата, Русскіе получили право свободной торговли во всѣхъ городахъ Хивинскаго ханства и свободнаго проѣзда по всей странѣ. Русскіе выговорили себѣ свободную навигацію по всей Аму-Дарьѣ (въ предѣлахъ ханства), съ обязательствомъ хивинскаго правительства давать земли подъ складочныя мѣста для русскихъ товаровъ, при чемъ оно отвѣчаетъ также за ихъ цѣлость и, сверхъ того, гарантируетъ цѣлость и неприкосновенность тѣхъ техническихъ работъ, которыя будутъ предприняты нами на Аму. Кромѣ того, вмѣнено въ обязанность, чтобы русскіе кредиторы удовлетворялись предпочтительно передъ всѣми другими. Хивинское ханство обязалось еще выплатить русскому правительству 2.200,000 рублей, уплачивая ежегодно эту военную контрибуцію по 220,000 руб. сер., такъ что срокъ уплаты долженъ наступить въ 1893 году. Вся страна, города, фермы, вообще все ханство гарантируетъ эту уплату всѣмъ своимъ достояніемъ.

Теперь Хива является не болѣе, какъ одной изъ русскихъ губерній, только безъ гарнизона; въ силу того же трактата, деспотическій повелитель Хорезма объявленъ «покорнымъ слугой императора Всероссійскаго». Такимъ образомъ, деспотическому властелину жизни и смерти своихъ подданныхъ поставлены строгія и опредѣленныя границы. Со времени прихода Русскихъ, нѣтъ болѣе мѣста тѣмъ событіямъ, которыя вызывали ужасъ не только со стороны цивилизованныхъ Европейцевъ, но и среди самихъ Азіятовъ. Уничтоженіе Русскими рабства въ Хивинскомъ ханствѣ составляетъ, безспорно, одну изъ величайшихъ заслугъ Россіи въ колонизаторской ея дѣятельности въ Средней Азіи. Въ высшей степени характерно, что императору Александру II, употребившему энергическія усилія для уничтоженія рабскаго состоянія въ Россіи, пришлось явиться освободителемъ также громаднаго числа рабовъ и въ далекой, хищнической Средней Азіи!...

Н. А. Тарановъ.

ОЧЕРКЪ IV.

СРЕДНЕАЗІЯТСКІЯ ПУСТЫНИ.

Средне-азіятскія песчаныя степи.— Физическій характеръ Кара-Кума и Кизилъ-Кума; ихъ климатъ, растительный и животный міръ и минеральныя богатства.—Прохожденіе человѣка черезъ пустыни.

«Капля воды, поданная жаждущему въ пустынѣ, смываетъ грѣхи за сто лѣтъ.»

Туркменская пословица.

Весьма типичную и характерную мѣстность представляютъ собою песчаныя степи или пустыни нашихъ среднеазіятскихъ владѣній. «Степь и песокъ, песокъ и степь, поросшая саксауломъ и колючкой, жгучее солнце, печальныя становища Киргизовъ, подернутыя мглою песчаной мятели... Насколько трудно путешествовать по подобнымъ мѣстностямъ, настолько же трудно извлекать изъ подобной обстановки веселые мотивы; ихъ заглушаетъ все одна и та же непривѣтливая дѣйствительность, царящая неограниченно по всей пустынѣ, такъ что невольно спрашиваешь себя, какъ люди живутъ въ этой несчастной странѣ? А люди, какъ всюду, живутъ среди своихъ неприхотливыхъ радостей и печалей, подчиняясь тому же процессу существованія, въ силу котораго Эскимосъ бродитъ по своимъ снѣжнымъ равнинамъ, а цивилизованный Европеецъ толчется на биржѣ.» Вотъ какую картину пустыни рисуетъ одинъ изъ дѣятелей Туркестанскаго края, г. Хорошхинъ (нынѣ умершій).

Почти у самыхъ подножій лѣсистыхъ склоновъ Тянъ-Шаня, рядомъ съ безчисленными озерами, болотами и источниками, совершенно пересыхающими лѣтомъ, начинаются песчаныя пустыни, до нѣкоторой степени избѣгаемыя даже самими кочевниками. Здѣсь находится обширное пространство низменной степи, которая проходитъ черезъ весь Туркестанъ и затѣмъ продолжается вдоль рѣки Урала, въ Европейскую Россію. Почти вездѣ эта степь является въ видѣ обнаженной мѣстности, по которой глазъ однообразно скользитъ вплоть до самаго горизонта... Но, въ сущности, степь не представляетъ совершенно однообразной равнины: поверхность ея усѣяна буграми, напоминающими бугры моря во время пассатныхъ вѣтровъ. Общее же однообразіе красокъ и тѣней мѣшаетъ замѣтить эти гребни возвышеній и

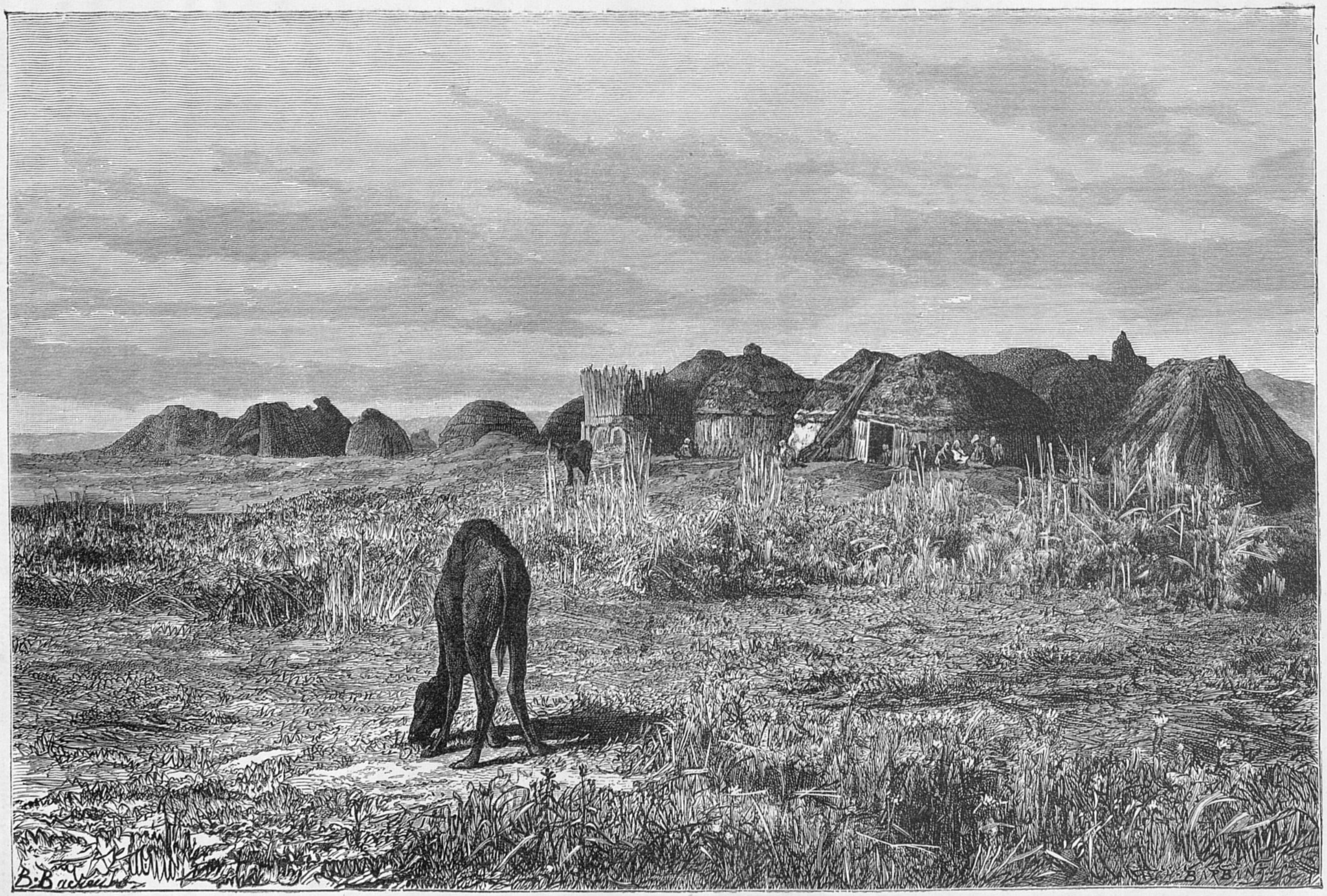
борозды, которыя во множествѣ проходятъ въ степи, и путешественники бываютъ чрезвычайно удивлены, въ этой кажущейся ровной мѣстности, видя вдругъ лошадей, всадниковъ, верблюдовъ, наконецъ, цѣлые караваны — внезапно исчезающими въ этихъ неровностяхъ почвы, словно земля разверзлась подъ ихъ ногами и поглотила ихъ. Отсутствіе какихъ бы то ни было предметовъ для сравненія — домовъ или другихъ какихъ-нибудь построекъ и зданій — обманываетъ на счетъ дѣйствительныхъ размѣровъ возвышенностей или углубленій почвы. Такъ, напр., холмы, метровъ въ 50 высоты, словно высочайшія горы высятся надъ равниной. Такой холмъ, песчаный склонъ котораго вдается въ болото, напоминаетъ собою скалу, вдающуюся въ море. Утромъ, преломленіе свѣтовыхъ лучей еще болѣе способствуетъ этому увеличенію размѣровъ всѣхъ предметовъ: орелъ, расположившійся на землѣ, кажется большимъ животнымъ; небольшой кустарникъ представляется громаднымъ деревомъ. Какъ только взойдетъ солнце, сильно нагрѣтый воздухъ начинаетъ колебаться: все принимаетъ волнистый, измѣнчивый видъ. Когда же небо заволакивается тучами, то не дождь благодатный освѣжаетъ раскаленную землю, а облака жгучаго песку все покрываютъ густой, красноватой пеленой.

Зимой равнины представляютъ полное однообразіе; все пространство сплошь покрыто снѣгомъ, раздуваемымъ вѣтромъ въ снѣжные бураны и вихри. Разнообразіе степи начинается весною, съ первыхъ ея дней, тотчасъ послѣ того, какъ рѣки и озерки вступятъ въ свои ложа и Киргизы сожгутъ высохшіе прошлогодніе кустарники на своихъ пастбищахъ. Молодыя растенія появляются и развиваются въ нѣсколько дней; зелень и цвѣты, словно по волшебству, смѣняютъ угрюмую обнаженность степи. Именно въ это время степь является въ самомъ разнообразномъ видѣ, вслѣдствіе различія почвъ.

Но весенній блескъ и богатство развитія флоры степей длятся не долго. Крайній климатъ страны, нестерпимо-знойный лѣтомъ, суровый и холодный во время зимы, дозволяетъ произрастать здѣсь весьма незначительному числу растеній, которыя въ состояніи сопротивляться крайностямъ климата. Наступающее лѣто сжигаетъ молодые побѣги; роскошные цвѣты средне-азіятской флоры исчезаютъ; большая часть степей, сѣрыхъ, пыльныхъ, принимаетъ вновь тотъ однообразно-унылый видъ, который онѣ имѣли зимою. Только осенью, и то на весьма короткое время, лишь на нѣсколько дней, дожди вновь вызываютъ растительность: кажется, что вновь зарождается вторая весна; но весьма скоро растенія начинаютъ вянуть, и зима, во всей своей печальной и угрюмой обстановкѣ, вступаетъ въ свои права въ пустынѣ.

Отсутствіе текучихъ водъ, недостатокъ водяныхъ паровъ въ воздухѣ еще болѣе придаютъ этимъ песчанымъ равнинамъ однообразный и пустынный характеръ. Однообразіе пустыни лишь изрѣдка нарушается весьма небольшимъ числомъ различныхъ возвышенностей. Въ разстояніи даже не болѣе версты отъ рѣки, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ туземцы еще не устроили оросительныхъ каналовъ, оплодотворяющихъ почву, уже находишься словно въ настоящей пустынѣ; насколько можно охватить глазомъ, видишь или движущіеся пески, или цѣлые лѣса камышей, окружающихъ болота съ солоноватой грязью, или глинистыя болота, въ которыхъ верблюды вязнутъ зимой, и которыя лѣтомъ становятся твердыми, какъ скалы. Сколько стараній приходится употребить Киргизу, который выбралъ себѣ здѣсь уголокъ земли, чтобы оросить его хорошенько! Посредствомъ бороздъ и небольшихъ земляныхъ валовъ онъ раздѣляетъ свое поле на множество участковъ, весьма похожихъ на участки при солеварняхъ; почерпая воду изъ побочныхъ каналовъ, онъ заливаетъ ею послѣдовательно каждый четыреугольникъ поля. Когда почва достаточно увлажнена,—избытокъ воды изливается, сообразно наклону мѣстности, черезъ отверстія, сдѣланныя въ заграждающихъ валахъ.

Туркестанскія пустыни простираются на весьма большое разстояніе, и занимаютъ почти половину степей этого края, начиная отъ р. Оби до Иранскаго плоскогорья. Въ сѣверной части степнаго пояса, пространство, ограниченное нижними теченіями рѣкъ Чу и Сары-Су, извѣстно подъ именемъ Бэдъ-пакъ-дала или «Вшивой степи», называемой иначе «Голодною степью».



 Весенній видъ песковъ и Киргизскія кибитки.

Южнѣе р. Чу лежитъ пустыня Акъ-Кумъ (бѣлые пески), а на западъ отъ нея — Кизилъ-Кумъ (красные пески). Между рѣкой Сыръ-Дарьей и Ураломъ расположена пустыня Кара-Кумъ или черные пески. Значительная часть этой пустыни обнимаетъ собою почти все треугольное пространство, ограниченное къ сѣверо-западу долиной Узбоя, къ сѣверо-востоку — теченіемъ Аму, на югѣ — оазисами, лежащими у подножія Иранскаго плоскогорья.

Эти песчаныя, безплодныя пустыни, не смотря на ихъ названія — красныя, черныя и бѣлыя, въ дѣйствительности имѣютъ почти однообразный сѣрый цвѣтъ, вѣрнѣе — сѣроватый. «Голодная степь» едвали не самая худшая изъ нихъ. Она лежитъ на пути изъ Ташкента въ Акмолинскъ; отсутствіе въ ней воды и необходимыхъ пастбищъ заставляетъ караваны тщательно обходитъ ее, дѣлая весьма большіе круги. Лѣтомъ, въ тѣни палатки, температура доходитъ до 36° по Р.; температура же песковъ, непосредственно нагрѣтыхъ лучами солнца, достигаетъ

Почтовая ѣзда въ пустынѣ Кара-Кумъ.

47 — 48 градусовъ. Путешественники, проѣзжающіе черезъ Голодную степь, даже послѣ спаденія дневной жары, вечеромъ, испытываютъ на подошвахъ ногъ ощущеніе обжога; собаки же, сопровождающія ихъ, не могутъ лечь на голый песокъ, а предварительно вырываютъ въ немъ глубокую яму, чтобы найти болѣе холодный слой почвы.

Когда вопросу о туркестанской желѣзной дорогѣ суждено будетъ осуществиться, то прямой путь изъ Москвы въ Ташкентъ и Самаркандъ долженъ прорѣзать среднюю часть песчаной степи или пустыни Кара-Кумъ. Еще весьма недавно всѣ признавали Кара-Кумъ вполнѣ безводной пустыней, моремъ сыпучихъ песковъ, и считали ее непреодолимымъ препятствіемъ для проведенія желѣзной дороги, которая должна соединить Оренбургъ съ Ташкентомъ. Преувеличенные разсказы о борьбѣ русскихъ войскъ съ природой киргизскихъ и туркменскихъ степей и не всегда достовѣрныя свѣдѣнія о трудности путешествія въ Туркестанъ — дали обществу и ученому міру также преувеличенное понятіе о чрезвычайно дурныхъ свойствахъ средне-азіятскихъ песчаныхъ степей. Многіе изслѣдователи Востока сравнивали Кара-Кумъ съ Сахарой, гдѣ будто бы гибнутъ караваны подъ грудами раскаленныхъ песковъ, вздымаемыхъ жгучимъ самумомъ, а путники, истомленные палящимъ зноемъ и едва не погребенные, заживо утоляютъ жажду кровью павшихъ верблюдовъ. Не отрицая возможности смерти отъ жажды, часто вслѣдствіе недостаточности, порчи или исчезновенія колодцевъ, необходимо замѣтить, что общая картина пустыни нѣсколько преувеличена; если въ настоящее время она пугаетъ собою караваны, то цивилизаціи, проводящей желѣзныя дороги, нѣтъ никакихъ основаній бояться ея, такъ какъ

во власти человѣка культивировать ее, какъ это было сдѣлано, напримѣръ, съ городомъ Иргизомъ. Пески, начинавшие было засыпать городъ, быстро остановились, какъ только русскія войска прекратили рубку кустарниковъ въ окрестностяхъ укрѣпленія. Въ ландахъ, весьма сходныхъ съ песками Кара-Кума, Французы, въ теченіе послѣдняго столѣтія, не только скрѣпили пески, но даже развели на нихъ сосновые и дубовые лѣса, которые приносятъ имъ огромный доходъ. По инженернымъ изслѣдованіямъ, именно въ виду подпочвенной воды, подобное же разведеніе лѣсовъ вполнѣ возможно въ Кара-Кумѣ.

Начиная съ 1877 года, во время изысканій направленія средне-азіятской желѣзной дороги, въ продолженіе трехъ лѣтъ, въ этой работѣ принимали участие инженеры путей сообщенія, офицеры генеральнаго штаба, горные инженеры, геологи, зоологи, ботаники и т. д. При этомъ было обращено особенное вниманіе на строеніе и свойство песковъ Кара-Кума

Мякеньковская почтовая станція въ Кара-Кумѣ.

и на ихъ климатъ. Оказалось, что далеко не вся пустыня представляетъ собою сыпучіе пески; это — глинистая или известковая равнина, съ разбросанными по ней бугристыми песками; песчаникъ залегаетъ подъ глиной, а бугристые пески болѣе или менѣе скрѣплены длинными, вѣтвистыми, переплетающимися корнями травъ и кустарниковъ. Верхушки бархановъ и котловины густо поросли кустами чагыра и джузгена, а ложбины (между рядами песчаныхъ холмовъ) иногда покрыты камышевыми лугами. Заросли саксаула, туранги, гребенщика, тала и джиды свободно развиваются среди песковъ. Вода, правда, солоноватая, встрѣчается всюду на глубинѣ двухъ, трехъ аршинъ. Среди этихъ песковъ долго остаются незанесенными сухіе солонцы и соленыя грязи, тропы караванныхъ путей, землянки и могилы кочевниковъ, слѣды кибитокъ и костровъ, копани и колодцы, сложенныя дрова, мѣста, гдѣ стоялъ скотъ, наконецъ, вывѣтрившіяся кости верблюдовъ, лошадей и овецъ, черепа и рога сайгака. Въ общемъ, пески Кара-Кума мало подвижны—они болѣе или менѣе сохраняютъ свои очертанія въ продолженіе довольно долгаго времени. Но мѣстами, внутри пустыни и по ея окраинамъ, существуютъ совершенно голые, лишенные всякой растительности барханы, въ полномъ смыслѣ сыпучіе, образовавшіеся, главнымъ образомъ, вслѣдствіе искусственнаго уничтоженія растительности на пескахъ. Киргизы постоянно обитаютъ въ Кара-Кумѣ. Они кочуютъ въ большомъ числѣ съ своими табунами и стадами и находятъ пастбища, водопои и топливо; барханы защищаютъ ихъ до извѣстной степени отъ мятелей и ураганов; сильныхъ же дождей и глубокихъ снѣговъ въ этой мѣстности не бываетъ. Годъ отъ году вырубается кустарникъ на топливо; скотъ, гуляя на пастбищахъ, разрыхляетъ и безъ того некрѣпкую почву; вслѣдствіе этого или задерживается, или совершенно прекращается всякая растительность. Такимъ образомъ, люди и скотъ, уничтожая кустарники и разрыхляя почву, подготовляютъ ее къ образованію сыпучихъ песковъ. вѣтеръ же довершаетъ остальное. Постройка жилья, рытье копани, устройство могилы, выдергиваніе дерева на песчаной почвѣ, — непремѣнно содѣйствуютъ образованію сыпучихъ песковъ.

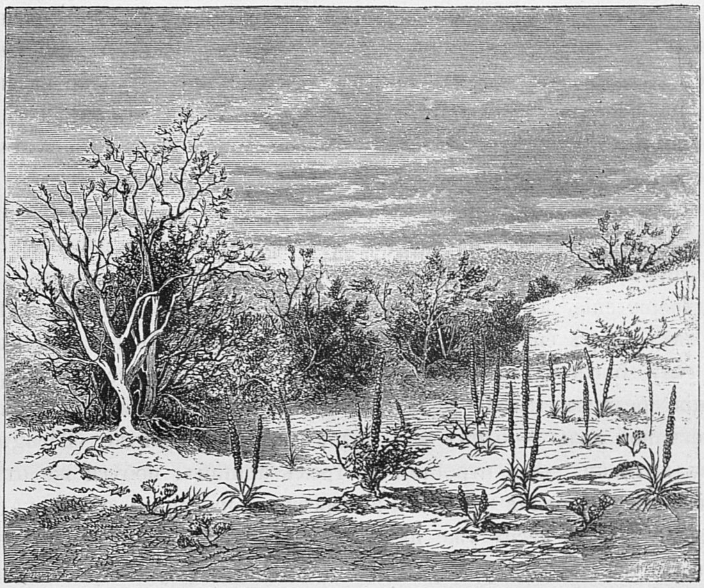
«Мы сами родимъ сыпучіе пески», — говорятъ Киргизы, истинные хозяева Каракумской пустыни.

Всякое уничтоженіе растительности на пескахъ всегда и вездѣ наноситъ большой вредъ окружающей мѣстности. Песокъ, лишенный скрѣпленія, становится подвижнымъ, постепенно и упорно катится по направленію господствующаго вѣтра и хоронитъ подъ собою всѣ неподвижные предметы, попадающіеся на пути. Многія селенія и пашни на окраинахъ Кизилъ-Кума и Кара-Кума, почти все низовье Сыръ-Дарьи, со слѣдами разрушенныхъ, шесть-семь столѣтій тому назадъ, городовъ, — покрылись песками и обратились въ пустыню. Часть ярмарки и ханской ставки въ Рынъ-Пескахъ, между Волгой и Ураломъ, церкви, мѣстечки и купальни въ ландахъ юго-западной Франціи, тони, лѣса и крѣпостцы въ дюнахъ сѣверо-восточной Пруссіи — окончательно исчезли съ лица земли подъ песчанымъ потопомъ, или со всѣхъ сторонъ сдавлены грудами кочующихъ песковъ, готовыхъ ихъ поглотить. Все это произошло вслѣдствіе неразумныхъ порубокъ на пескахъ или неумѣнья облѣсить ихъ. Растительность, такимъ образомъ, является для песковъ главной и единственной сдерживающей силой. Въ Кара-Кумѣ она далеко не вездѣ еще уничтожена, и для этой пустыни самымъ существеннымъ вопросомъ является вопросъ о томъ, чтобы какъ можно шире и больше развить растительную жизнь. Это замѣтили даже кочевники. При этомъ не только можно скрѣпить пески кустарниками, но, по мнѣнію Киргизовъ, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ положительно всякая растительность уничтожилась, достаточно на нѣсколько лѣтъ прекратить кочевку, чтобы вновь скрѣпить поверхность песковъ растеніями. Киргизы, дѣйствительно, даютъ отдыхать или скрѣпляться своимъ пескамъ. Вполнѣ возможно произвести и новыя древесныя насажденія въ Кара-Кумѣ. По преданію туземцевъ, въ древнія времена въ этой пустынѣ росли лѣса; это преданіе находитъ себѣ подтвержденіе въ найденныхъ стволахъ и корняхъ долголѣтнихъ растеній; мѣстами же и до сихъ поръ еще уцѣлѣли столѣтнія деревья. Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Иргиза, въ 1878 году, были сдѣланы первые опыты облѣсенія песковъ Кара-Кума изыскателями направленія среднеазіятской дороги. Опыты эти увѣнчались блестящимъ успѣхомъ. Саженцы тала (песчаной лозы — одинъ изъ видовъ Salix) и джиды (Eleagnus angustifolia) въ два года, безъ поливки, дали отростки до трехъ аршинъ; побѣги же отъ корней имѣли двѣ-три сажени; чагыръ (песчаная полынь) и березки выросли въ одинъ годъ на поларшина. Джида и чагыръ на вторую весну уже цвѣли. Въ этой пустынѣ вполнѣ возможно разводить быстро выростающіе талъ и джиду, идущіе на мелкія подѣлки, а изъ большихъ деревьевъ — турангылъ (родъ осокори — вѣроятно Populus diversifolia), легко принимающійся въ пескахъ и годный для построекъ. Наука признаетъ самымъ лучшимъ средствомъ уплотнять пески — засѣвать ихъ песчанымъ камышомъ, который и теперь растетъ въ песчаныхъ ложбинахъ, образуя цѣлыя поля. Изъ его стеблей дѣлаютъ цыновки, а изъ волоконъ вьютъ арканы.

Пески Кара-Кума, прилегающіе къ сѣверной части Аральскаго моря, гораздо болѣе доступны, благодаря параллельнымъ ложбинамъ, которыя проходятъ среди этой пустыни, направляясь отъ сѣверо-запада къ юго-востоку, между рядами дюнъ или песчаныхъ бугровъ, высотою отъ восьми до десяти метровъ. Эти промежуточныя лощины покрыты тонкимъ слоемъ дерна, который служитъ подножнымъ кормомъ скоту, а также кустарниками, песчаными ивами и дикою маслиной. Эти долины были когда-то воздѣланы, что доказывается слѣдами бывшихъ здѣсь оросительныхъ каналовъ. Самые песчаные холмы, почти всегда весьма плотные, имѣютъ преимущественно флору, состоящую изъ растеній съ очень глубокосидящими въ землѣ корнями, которые отыскиваютъ себѣ необходимую влагу въ глубинѣ почвы, далеко отъ верхнихъ, безводныхъ слоевъ песку. Источники чистой воды, являющіеся слѣдствіемъ просачиванія сквозь песокъ снѣговыхъ и дождевыхъ водъ, кое-гдѣ пробиваются у основанія холмовъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ находятся отъ двадцати до тридцати источниковъ, сверкающихъ среди песковъ. Были найдены въ различныхъ мѣстахъ этой пустыни слои льда, засыпанные

пескомъ, которые не растаивали въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, не смотря на сильныя жары пустыни.

Въ тѣхъ же мѣстахъ, гдѣ степи имѣютъ глинистую почву, пропитанную солью, онѣ представляютъ болѣе безотрадный видъ, чѣмъ песчаныя пустыни. Путешественники, какъ кажется, еще болѣе избѣгаютъ такихъ мѣстъ, даже болѣе чѣмъ песчаныхъ. Здѣсь именно находятся наиболѣе опасныя трясины, гдѣ верблюды увязаютъ послѣ самаго незначительнаго дождя; здѣсь также вода находится весьма рѣдко, и караваны весьма часто подвергаются опасности погибнуть отъ недостатка воды. Караванные пути, хотя и проложены здѣсь такъ, чтобы колодцы приходились въ мѣстахъ отдыха и остановокъ, но сплошь и рядомъ случается, что караванъ, усталый, измученный отъ жажды, достигаетъ, наконецъ, давно желаннаго колодца, — и утолить жажду оказывается невозможнымъ. Усталые люди и изнеможенныя



Флора степи.

жаждой животныя бросаются къ колодцу, въ надеждѣ освѣжить свои силы живительной влагой, и, къ ужасу, находятъ колодезь или совершенно разрушеннымъ, или видятъ, съ отчаяніемъ, что трупы животныхъ заразили источникъ и превратили воду въ ядъ... Надо прочистить источникъ, ждать долгіе, томительные часы, пока свѣжая вода вновь наполнитъ его. Иногда каравану приходится вырывать новые колодцы, нерѣдко на глубинѣ до 11 и 18 саженъ.

Не только пустыня Кара-Кумъ, но и, вообще, вся мѣстность при-аральскаго края отличается чрезвычайно скудной растительностью. Почва недостаточно богата, недостаточно влажна для того, чтобы здѣсь процвѣтали лѣса; но, какъ мы только-что видѣли, въ Кара-Кумѣ были прежде лѣсистыя мѣстности и, вообще, эта пустыня способна къ лѣсоразведенію. Неразумное уничтоженіе деревьевъ обратило эту мѣстность въ пустыню. Коренные обитатели степи — Киргизы — испытываютъ почти ужасъ, попадая въ лѣса, и чувствуютъ себя въ своей сферѣ лишь въ безграничной степи. Но, не смотря на то, что Киргизы вообще не щадятъ лѣса, они чрезвычайно уважаютъ отдѣльно попадающіяся въ степи деревья, какъ всякій отдѣльно стоящій и выдающійся въ пустынѣ предметъ. Эти деревья становятся для нихъ священными; къ нимъ они относятся съ особеннымъ почтеніемъ. Такъ, напр., въ пескахъ Акъ-

Кумъ они особенно почитаютъ два дерева. Вѣтви этихъ деревьевъ покрыты разными приношеніями: лентами, конскими гривами, медалями, разными лоскутьями; проходя мимо этихъ завѣтныхъ деревьевъ, каждый Киргизъ набожно произноситъ имя Аллаха.

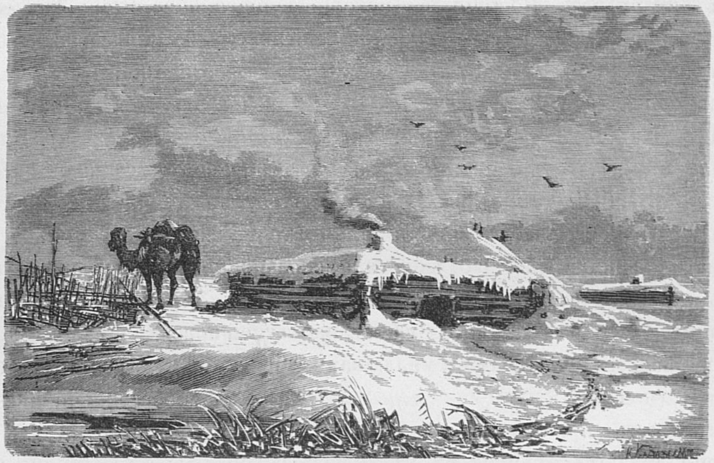
Въ этихъ степяхъ флора сводится къ нѣсколькимъ типическимъ представителямъ, обыкновенно бураго цвѣта, напоминающаго цвѣтъ верблюжьей шерсти, — покрывающимъ громадныя пространства на протяженіи многихъ тысячъ квадратныхъ верстъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ пустыни можно найти только чернобыльникъ, черноватаго цвѣта, который придаетъ природѣ степей невыразимо-печальный отпечатокъ; между тѣмъ на соленосныхъ почвахъ виднѣются однѣ лишь красноватыя солянки, и почва пріобрѣтаетъ цвѣтъ крови. Надо замѣтить, что флора всей вообще Арало-Каспійской низменности, простирающейся отъ Эмбы до Атрека, состоитъ всего изъ 329 видовъ. Вообще, въ исторіи земнаго шара флора Туркестанскаго края— новѣйшаго происхожденія. Виды, ее составляющіе, эмигрировали сюда изо всѣхъ окружающихъ его странъ: изъ русскихъ степей, изъ Алтая, Сибири, Персіи; они обогащали мало-по-малу почву, по мѣрѣ того какъ оставляли ее и удалялись съ нея воды. Въ борьбѣ растеній за существованіе получили преобладаніе южныя формы. Такъ, напримѣръ, саксаулъ (Anabasis ammodendron) и джида (Eleagnus), которые проникли сюда изъ Персіи, захватываютъ бо̀льшую и бо̀льшую область распространенія, тогда какъ осокори и тополи, пришедшіе съ сѣвера, болѣе отодвинулись къ мѣсту ихъ родины. Время роста и цвѣтенія весьма скоротечно. Съ первыхъ дней весны степь оживаетъ, но не надолго. Спустя нѣсколько недѣль она снова принимаетъ свой будничный видъ, угрюмый и сѣроватый. Растенія засохли, и вѣтеръ разноситъ ихъ по степи. Небольшой, сравнительно, вѣтерокъ подымаетъ, на жгучей поверхности почвы, песчаные вихри; остатки засохшихъ растеній тысячами и милліонами прыгаютъ по землѣ. Эти растенія, скомканныя въ шары (подобно нашему *перекати-поле*), словно соперничаютъ между собою въ быстротѣ бѣга, чуть прикасаясь къ землѣ и жестоко преслѣдуя другъ друга въ съумасшедшемъ бѣгѣ, они дѣлаютъ прыжки въ нѣсколько саженъ высоты, словно живыя существа, увлеченныя въ какую-то фантастическую скачку.

Фауна туркестанскихъ степей такъ же однообразна, какъ и флора, на громаднѣйшихъ пространствахъ. Тѣмъ не менѣе въ пустынѣ виды довольно многочисленны. Общее число млекопитающихъ и птицъ простирается до 141 вида. Пресмыкающіяся (змѣи, ящерицы) и скорпіоны водятся здѣсь въ огромномъ количествѣ. Караванамъ купцовъ и отрядамъ солдатъ, — которые слѣдуютъ здѣсь, можно сказать, по тропамъ, проложеннымъ животными, приходится встрѣчать иногда стада газелей и дикихъ ословъ (кулановъ), которые быстро убѣгаютъ, поднимая за собою столбы пыли, потомъ останавливаются, молчаливые, удивленные, и вновь пускаются галопомъ отъ путниковъ, въ которыхъ они, вѣроятно, ожидали встрѣтить себѣ подобныхъ. Природа не позволяетъ туземцамъ воспитывать, вдали отъ рѣкъ и обработанной земли, другихъ животныхъ, кромѣ вьючныхъ и верховыхъ верблюдовъ, лошадей и ословъ. Лишь въ небольшихъ оазисахъ, среди этихъ безконечныхъ пустынь, человѣкъ окружаетъ себя извѣстной культурой. Не говоря уже о томъ, что оазисы эти со всѣхъ сторонъ окружены пескомъ, угрожающимъ имъ, они часто опустошаются саранчею. Но человѣкъ обитаетъ или, по крайней мѣрѣ, проходитъ чрезъ всю пустыню. Зимой кочевникъ идетъ въ пустынѣ слѣдомъ за своимъ скотомъ, который отыскиваетъ себѣ кормъ подъ тонкимъ слоемъ снѣга; лѣтомъ онъ останавливается вблизи колодцевъ, у подножія холмовъ, гдѣ менѣе однообразна мѣстность и растительность болѣе богата, чѣмъ въ степи.

Сила воздушныхъ теченій находится въ тѣсной зависимости отъ встрѣчающихся имъ на пути препятствій. Такія бури, какія бываютъ на морѣ или у его береговъ, возможны и внутри материковъ. Степи, гдѣ нѣтъ возвышенностей, представляютъ такой же просторъ движеніямъ атмосферы, какъ и море. Въ степяхъ эти бури, подымающія громадныя облака песку, а иногда по цѣлымъ недѣлямъ крутящія снѣжный вихрь, почти всегда налетаютъ съ востока. Зимою

своею сухостью онѣ усиливаютъ рѣзкость холодовъ, а лѣтомъ — увеличиваютъ жесткость почвы.

Одну изъ особенностей не только песчано-бугристыхъ пустынь, какъ Кара-Кумъ и Кизилъ-Кумъ, но и вообще всего края, составляетъ совершенное отсутствіе росы. Росы не бываетъ не только въ пустыняхъ, но даже по берегамъ озеръ; по берегамъ же большихъ рѣкъ, напр. Сыръ-Дарьи, роса крайне рѣдко появляется въ концѣ лѣта и то только въ самомъ близкомъ разстояніи отъ рѣки. Невозможность образованія росы, не смотря на относительно довольно холодныя, тихія и свѣтлыя ночи, какъ кажется, зависитъ, главнымъ образомъ, отъ того, что въ продолженіе дня почва такъ накаляется, что не успѣваетъ достаточно охла-



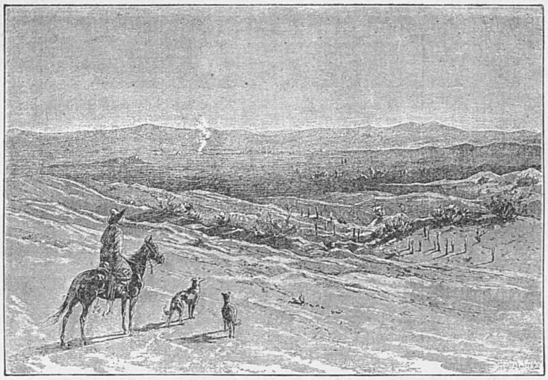
Почтовая станція въ Кара-Кумѣ, занесенная снѣгомъ.

диться ночью и потому постоянно поддерживаетъ въ нижнихъ слояхъ воздуха температуру, слишкомъ высокую для образованія росы.

Въ пустынѣ Кара-Кумъ, по Сыръ-Дарьѣ, и къ югу отъ нея, іюньскія и іюльскія жары нерѣдко доходятъ до 32—35° Р. и съ мая до конца августа почти постоянно держатся между 25—30° Р., а при юго-восточномъ вѣтрѣ сухость воздуха доходитъ до того, что дыханіе становится затруднительнымъ и чувствуется разслабленіе. Даже температура іюльскихъ ночей рѣдко бываетъ ниже 14° Р. и держится большею частью между 14 и 18°, доходя иногда до 20 и 25°. Почва накаливается до 47° Р. и выше, а температура воды въ Сыръ-Дарьѣ не бываетъ ниже 22°. Дожди въ этой части края до того рѣдки, что, какъ сообщаетъ Борщовъ (естествоиспытатель, изслѣдователь этого края), въ теченіе лѣта 1858 года въ пустынѣ Кара-Кумъ былъ всего одинъ проливной дождь (1-го мая), продолжавшійся, при сильномъ юго-западномъ вѣтрѣ, не болѣе четверти часа. Зима въ Кара-Кумѣ, на Сыръ-Дарьѣ, и къ югу отъ нея несравненно мягче, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ края. Самые сильные морозы рѣдко когда превышаютъ 18—20° Р., но такіе морозы бываютъ рѣдко; обыкновенно, морозы держатся между 8—10° Р. Оттепели бываютъ часто, и днемъ ртуть подымается иногда до 6° Р. и выше, при совершенно открытомъ небѣ. Осень по большей части сухая и теплая; только въ октябрѣ, во второй половинѣ, перепадаютъ небольшіе дожди, обыкновенно при тихомъ вѣтрѣ.

Представивъ общую характеристику пустынныхъ степей, перейдемъ къ двумъ наиболѣе выдающимся мѣстностямъ между Сыръ- и Аму-Дарьей. Сѣверную часть описанныхъ нами песковъ составляетъ пустыня Кара-Кумъ, которая, начинаясь на нижнемъ Иргизѣ, къ югу отъ озера Челкаръ, непрерывно протягивается до Сыръ-Дарьи. У этой рѣки она отдѣляется узкой

полосой сыръ-дарьинскихъ наносовъ отъ огромныхъ песчаныхъ пустынь Кизилъ-Кума, занимающихъ всю страну между восточнымъ берегомъ Аральскаго моря, склонами среднеазіятскихъ горъ и низовьями Аму-Дарьи. За восточное продолженіе Кара-Кума могутъ быть приняты расположенныя среди глинистыхъ пустынь значительныя песчаныя пространства: Арысъ-Кумъ, Кулбай-Бугутъ, Джиты-Конуръ и Голодная степь. По замѣчанію одного путешественника, песчаныя и каменистыя пустыни какъ бы опоясываютъ материкъ Стараго Свѣта. Въ самомъ дѣлѣ, Сахара, Барка, Аравія, степи южной Персіи, степи средней или центральной Азіи, наконецъ Гоби или Шамо идутъ непрерывно одна за другою съ запада на востокъ, минуя Европу, которая, конечно, между прочимъ, обязана и этому обстоятельству своимъ высокимъ культурнымъ развитіемъ, отличающимъ ее отъ другихъ частей свѣта. Растительность этихъ песчаныхъ пустынь представляетъ для ботаника весьма интересную и богатую оригинальными формами флору Арало-Каспійскаго края; вмѣстѣ съ тѣмъ она несравненно богаче, чѣмъ въ другихъ пустыняхъ, глинистыхъ или солончаковыхъ. Преобладающія здѣсь кустарныя формы, по словамъ Борщова, во многихъ мѣстахъ густо покрываютъ огромные песчаные холмы и придаютъ имъ, вмѣстѣ съ травянистыми растеніями, даже заманчивый видъ.


Общій видъ Кизилъ-Кума.

Весьма трудно объяснить, почему Кара-Кумъ получилъ названіе «Черныхъ песковъ»: оттого-ли, что эта степь дѣйствительно покрыта темнымъ, крупнымъ пескомъ, образовавшимся отъ разрушенія различныхъ горныхъ породъ, или, какъ полагаютъ нѣкоторые, названіе степи дано по цвѣту растительности, густому и темному. Во всякомъ случаѣ, слово «кара» (черный) не употреблено здѣсь въ смыслѣ мрачный, зловѣщій. Въ Кара-Кумѣ обитаютъ Киргизы, находящіе здѣсь прекрасныя зимовки, гдѣ скотъ легко достаетъ пищу изъ-подъ неглубокаго снѣга, а легкая загородка изъ чія защищаетъ шалашъ кочевника отъ снѣжныхъ буруновъ. Объ остальномъ онъ не заботится. Мѣстами встрѣчаются холмы переносныхъ песковъ, совершенно голые и безплодные. Въ разныхъ мѣстахъ виднѣются солончаки — голыя пространства, покрытыя бѣлымъ солянымъ налетомъ. Пески Кара-Кума неоспоримо представляютъ осадки, образовавшіеся въ горько-соленой водѣ; это доказываютъ находимыя въ нихъ раковины (Cardium и Mytilus), которыя есть также и въ глинисто-солоноватой почвѣ степи. Хорошо сохранившіеся остатки водорослей и камыша могутъ служить также доказательствомъ сравнительной новизны этихъ песчаныхъ холмовъ. Этотъ песчаный наносъ — остатокъ моря; образованіе его продолжается и понынѣ. Особенно ясно видно отступленіе Аральскаго моря у залива Сары-Чеганакъ, въ сѣверо-восточной части Аральскаго моря. Оставляемый моремъ песокъ, отъ вліянія атмосферныхъ водъ и вѣтровъ, принимаетъ вскорѣ бугристый видъ, который и составляетъ отличительную черту песчаной степи.

Кизилъ-Кумъ — наибольшая изъ песчаныхъ пустынь Средней Азіи. Ея пески представляютъ неправильную площадь, ограниченную на сѣверѣ Сыръ-Дарьей и ея старымъ русломъ, извѣстнымъ подъ названіемъ Яны-Дарья, за которымъ вскорѣ прекращаются пески; съ запада они подходятъ къ Аральскому морю и рѣкѣ Аму, на югѣ они доходятъ до предѣловъ Бухарскаго ханства. Въ этомъ направленіи они систематически разрастаются на счетъ травянистыхъ степей и даже хлѣбородныхъ земель. На востокѣ границу Кизилъ-Кума составляетъ неправильная линія. Особенность этой пустынной степи состоитъ въ томъ, что ея границы рѣзко отличаются отъ

прилегающихъ мѣстностей; только по направленію Сыръ-Дарьи, пески Кизилъ-Кума или упираются въ рѣку, или спускаются къ травянистымъ равнинамъ, образуя постепенные переходы въ травянистую степь; но и здѣсь есть рѣзкіе, внезапные переходы въ степь. Эта пустынная мѣстность занимаетъ площадь въ 3,000 кв. миль. Но не все это пространство занято сплошь песками. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, среди этой громадной пустыни, проходятъ горы, правда, голыя и каменистыя, но тѣмъ не менѣе умѣряющія общее тяжелое впечатлѣніе пустыни... Огромныя, холмистыя и травянистыя площади перемѣшаны здѣсь и тамъ съ высокими песчаными холмами; сплошные, совершенно голые солонцы тянутся иногда на много верстъ. Но, во всякомъ случаѣ, песчаныя пространства, особенно лѣтомъ, преобладаютъ надъ другими характерными особенностями этой пустыни.

Кромѣ горъ, въ Кизилъ-Кумской степи разбросаны отдѣльные, невысокіе курганы. Кизилъ-Кумскія горы состоятъ изъ песчаника, известняка и аспида, перемѣшанныхъ между собою, а также съ охрою, гипсомъ и горшечною глиною. Минеральными богатствами этихъ горъ никто не пользуется, и до настоящаго времени они составляютъ мертвый капиталъ; но тѣмъ не менѣе горы эти приносятъ пользу человѣку. Онѣ служатъ преградою летучимъ пескамъ и защищаютъ отъ нихъ травянистыя степи, столь важныя для стадъ кочевниковъ.

Солонцы ночью въ Кизилъ-Кумѣ.

Татарское слово Кизилъ-Кумъ означаетъ по-русски «красный песокъ». Песчаные холмы нѣкоторыхъ мѣстностей Кизилъ-Кума окрашены въ яркій оранжевый цвѣтъ; они иногда окаймляются снѣжно-бѣлыми солонцами, зеленью саксаула и гребенщика. Смѣсь этихъ цвѣтовъ образуетъ очень оригинальные пейзажи, невольно обращающіе на себя вниманіе. Песчаные холмы, голые или покрытые растительностію, по окраинамъ степи небольшіе, потомъ все увеличиваются и близъ колодца Чигирь становятся похожими на горы, съ крутыми и сыпучими подъемами. Эти большіе песчаные холмы называются Улькунъ-соръ-бель, т. е. тина большаго солонца. По обѣ стороны этого песчанаго хребта идутъ пески, сравнительно мелкіе, и солонцы. Вообще, въ Кизилъ-Кумѣ песчаныя пространства преобладаютъ надъ горами и солонцами. Много данныхъ заставляютъ предполагать, что прежде пески Кизилъ-Кума не были такъ обширны, какъ теперь, что, быть можетъ, они занимали только восточную половину нынѣшняго ихъ пространства и, затѣмъ, постепенно расширялись на западъ, минуя горы. Это движеніе песковъ замѣтно и въ настоящее время; оно происходитъ вслѣдствіе сѣверо-восточнаго вѣтра, дующаго съ замѣчательнымъ постоянствомъ и силой въ Кизилъ-Кумѣ, почему и происходитъ заносъ песками Бухарскаго ханства. Во время пребыванія въ Кизилъ-Кумѣ г. Хорошхина (какъ извѣстно, впервые давшаго удовлетворительное описаніе этой мѣстности), почти въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ дулъ каждый день сѣверо-восточный вѣтеръ; вслѣдствіе этого съ подвѣтренной стороны каждаго даже небольшаго кустика и камешка осаждался песокъ, тогда какъ противоположная сторона ихъ была совершенно обнажена.

Стремясь, такимъ образомъ, съ сѣверо-востока на юго-западъ, пески разбились горами Тохта-Тау на двѣ вѣтви — сѣверную, которая простирается до Сыръ-Дарьи и огибаетъ Буканскія горы, и южную вѣтвь, проходящую по узкой равнинѣ между горами Кынгыръ, Тамды, Акъ-Тау и Буканской группой. Эта вѣтвь, извѣстная подъ именемъ Джаманъ-Кизилъ, представляетъ

буквально песчаный хребетъ до тридцати верстъ шириною. Обѣ же вѣтви соединяются, какъ полагаютъ, близъ урочищъ Асугора и Касыя и снова сплошною массою стремятся къ Аму-Дарьѣ, простираясь и на югѣ почти до Бухары. Словомъ, пески постепенно спускаются болѣе на югъ и, прорвавшись клиньями между невысокими горами, идутъ на юго-западъ группами подъ различными названіями.

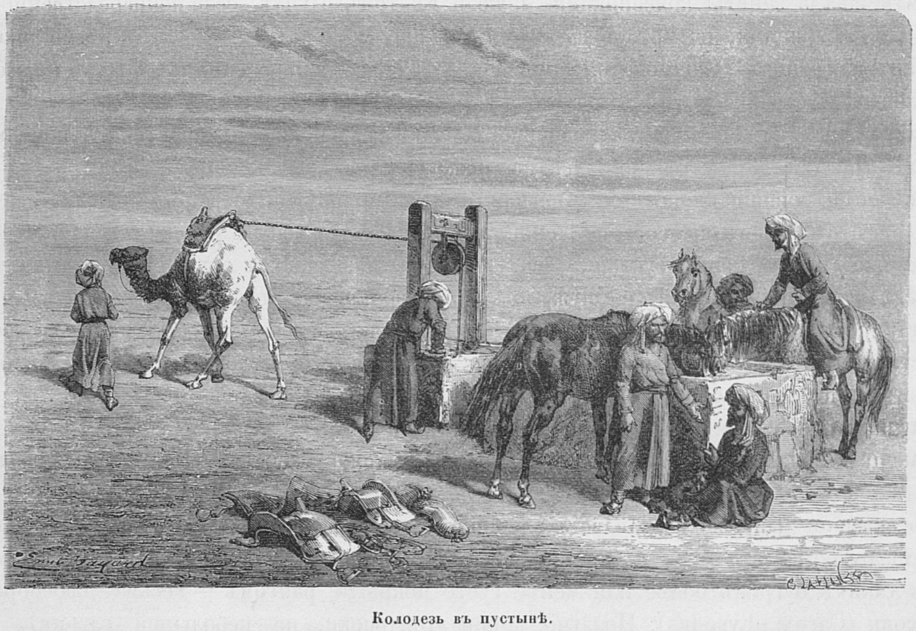
Въ Кизилъ-Кумѣ, кромѣ песковъ, есть также довольно много травянистыхъ степей и голыхъ, безплодныхъ солончаковъ. Травянистыя степи состоятъ почти сплошь изъ полыни. Слегка песчанистая почва покрыта ею, какъ, напр., степь Джусандагиръ, напоминающая оазисъ среди песковъ. Въ юго-восточной части травянистыя степи перемѣшаны съ песчаными пространствами, которыя, забираясь клиньями болѣе и болѣе на югъ, увеличиваются на счетъ травянистыхъ степей, отнимая пастбища у кочевниковъ. Долины горъ и ихъ ущелья, мало доступныя пескамъ, также покрыты травянистою растительностью, благодаря чему горы и предгорья почти всегда заняты кочевниками, даже и въ томъ случаѣ, если непосредственно соприкасаются съ солонцами, на которыхъ хотя нѣтъ корма для скота, но зато легче рыть колодцы, такъ какъ подъ солонцоватой почвой вода ближе къ поверхности, хотя и не всегда хорошаго качества.

У Киргизовъ, какъ сообщаетъ Федченко, выработалась полная и характерная номенклатура различныхъ мѣстностей, встрѣчающихся на пескахъ и на ихъ окраинахъ. Такъ, *тлеями* Киргизы называютъ ровныя площади, съ песчано-глинистой почвой, лежащія между песчаными буграми. Въ этихъ мѣстахъ особенно хорошо произрастаетъ саксаулъ, достигающій здѣсь высоты всадника и образующій густые лѣса. *Такирами* называются сухія пространства, остающіяся послѣ высыханія *какъ*, т. е. лужъ съ снѣговой водой. *Татыры* — гладкія, глинистыя пространства, поросшія мелкими солянками. Неровныя пространства, поросшія или кочковатыми кустарниками полыни, или мелкимъ саксауломъ, носятъ названіе *чабыръ*. Сравнительно ровныя, суглинистыя пространства, густо поросшія рангомъ, называются *ранգджой* и составляютъ лучшія пастбища. Плотный песокъ — *кунгыръ-кумъ;* сыпучій — *баткакъ-кумъ;* бугры передвигающихся песковъ — *урме;* песчаные холмы, одиноко разбросанные въ степи, называются *бiюратъ*.

Какъ сказано, ранджа составляетъ лучшія пастбища. Кизилъ-Кумъ имѣетъ множество невысокихъ бугровъ (отъ 4 до 8 саж. высоты), тянущихся часто неправильными рядами. Поверхность такихъ бугровъ болѣе или менѣе густо покрыта рангомъ — весьма своеобразнымъ видомъ осоки (Carex physodes). Ползучіе корни этой осоки, на небольшой глубинѣ (3 — 4 вершковъ) образуютъ густое сплетеніе, которое скрѣпляетъ песокъ; только песокъ, лежащій выше корней, можетъ перемѣщаться, да и въ этомъ ему мѣшаютъ узкіе, но весьма близко расположенные другъ къ другу листья ранга. Кромѣ укрѣпленія песковъ, рангъ играетъ еще другую весьма важную роль въ этой пустынѣ. По свидѣтельству г. Федченко, только благодаря рангу Кизилъ-Кумъ хоть сколько-нибудь обитаемъ. Листья ранга составляютъ питательный кормъ, которымъ, впрочемъ, можетъ удобно пользоваться только мелкій скотъ; для большаго травояднаго требуется слишкомъ много трудовъ, чтобы нащипать себѣ достаточно корму. Вслѣдствіе этого, мы и видимъ въ Кизилъ-Кумѣ отсутствіе рогатаго скота и лошадей и довольно значительное развитіе овцеводства. Во время посѣщенія г-номъ Федченко Кизилъ-Кумской пустыни, въ маѣ 1871 года, она была почти совсѣмъ безлюдна. Только близъ крайняго пункта пути, у колодца Дюсебая, онъ нашелъ одинъ киргизскій аулъ, который обитаетъ въ Кизилъ-Кумѣ постоянно, круглый годъ. Вся же остальная часть этой степи еще въ мартѣ была оставлена кочевниками, которые уходятъ отсюда и переходятъ на степи праваго берега Сыръ-Дарьи. Осенью они вновь возвращаются къ рѣкѣ, затѣмъ расходятся по степи, и съ первымъ снѣгомъ часть Киргизовъ переходитъ въ Кизилъ-Кумъ. Пока въ пескахъ есть снѣгъ, Киргизы пользуются снѣговой водой. Такъ какъ снѣгъ на мѣстахъ, не подверженныхъ дѣйствію солнца,

сохраняется почти всю зиму и даже при оттепеляхъ лежитъ до десяти дней, то Киргизы и не имѣютъ недостатка въ водѣ, хотя случаются и критическіе моменты. Легкость полученія воды изъ снѣгу и составляетъ причину, почему въ Кизилъ-Кумѣ такъ мало колодцевъ.

Въ Кизилъ-Кумѣ встрѣчаются солончаки трехъ родовъ: *соръ, какъ и баткакъ*. Первые — рыхлые солонцы; вторые — солонцевато-глинистыя, какъ бы утрамбованныя, голыя пространства; и послѣдніе — топкія, подернутыя легкимъ иломъ, впадины, которыя находятся, въ большинствѣ случаевъ, въ сосѣдствѣ озеръ съ самосадочной солью. Таковъ, напр., огромный солонецъ, идущій на востокъ отъ Минбулака, вдоль всего южнаго склона Буканской группы, горъ Тохта-Тау и другихъ. Этотъ солончакъ богатъ колодцами и занятъ стойбищами Киргизовъ, стада которыхъ находятъ кормъ на окружающихъ горахъ. Эти солонцы содержатъ въ себѣ соленую, горько-соленую, а иногда и хорошую воду. Вторая категорія солонцовъ также до-



Колодезь въ пустынѣ.

вольно часто встрѣчается въ Кизилъ-Кумѣ; иногда они достигаютъ громадныхъ размѣровъ, таковъ, напр., солонецъ Оксъ-Джитмасъ («пуля не долетитъ»), настолько широкій, что, по свидѣтельству Хорошхина, вполнѣ удобенъ для маневрированія стотысячной арміи. Онъ расположенъ на пути между колодцами Бши-Булакъ и Какъ-Ботасъ. Такой же солонецъ расположенъ по дорогѣ между ключами Тамды и колодцами Сугуты.

Пески Кизилъ-Кума все-таки снабжены водой настолько, что въ нихъ существуетъ органическая жизнь. Булаковъ или ключей весьма немного; имъ, конечно, принадлежитъ первое мѣсто. Они бываютъ двухъ родовъ: одни бьютъ изъ земли совершенно прѣсною водой; таковы два ключа — Тамды и Сулы-Тюбеликъ; другіе же медленно просачиваются изъ глинистой или песчаной почвы, образуя или открытые бассейны, какъ Коджанды, или же закрытые подземные бассейны, какъ Аякъ и Минбулакъ, соединяющіеся одинъ съ другимъ посредствомъ подземнаго канала. Колодцы Кизилъ-Кума обыкновенно роются въ пескѣ, причемъ глубина бываетъ чрезвычайно разнообразна и доходитъ отъ одной до двадцати саженъ. Колодцы эти, обыкновенно, почти на четверть своей глубины бываютъ выложены известнякомъ, песчаникомъ или саксауломъ. Предполагали, что, вообще, роютъ колодцы вблизи извѣстныхъ растеній, но Киргизы вовсе не руководствуются этимъ при закладкѣ колодца. Обыкновенно колодцы

лежатъ въ глубокихъ котловинахъ, окруженныхъ со всѣхъ сторонъ буграми; котловины эти представляютъ наиболѣе благопріятныя условія для рытья колодцевъ. Обыкновенно, болѣе или менѣе состоятельный Киргизъ, пожелавъ обзавестись колодцемъ, нанимаетъ рабочихъ, рѣжетъ барана, — и колодецъ въ нѣсколько дней готовъ. Киргизы отстаиваютъ свои колодцы и нерѣдко тягаются съ тѣми, кто, незванный, непрошенный, прикочевываетъ пользоваться водой изъ чужаго колодца. Колодцы требуютъ чистки. Для этого на арканѣ спускаютъ одного или двухъ человѣкъ, причемъ они обыкновенно надѣваютъ армякъ, такъ какъ въ колодцѣ очень холодно. Колодцы подвержены многимъ случайностямъ: засоренію, измѣненію вкуса воды и обваламъ, сопряженнымъ иногда и съ несчастіями. По этому поводу кизилъ-кумскіе Киргизы весьма характерно выражаются: «земля принадлежитъ царю, а вода Богу».

Хорошхинъ разсказываетъ слѣдующій случай провала колодца: «26 мая отрядъ нашъ пришелъ ночевать на колодецъ Турубай. Выдержавъ лошадей, казаки отряда повели ихъ къ колодцу, у котораго, по обыкновенію, было уже много Киргизовъ, Киргизокъ, ребятишекъ, нашихъ стрѣлковъ-солдатиковъ и разнаго скота. Надобно замѣтить, что колодцы въ степи — сборный пунктъ всѣхъ, по дѣлу и безъ дѣла. Офицеры нашего отряда отъ бездѣлья ходили на колодцы посмотрѣть на процедуру водопоя всевозможныхъ двугорбыхъ и одногорбыхъ верблюдовъ и верблюжатъ, полюбоваться граціей смуглой и пригожей Киргизки, пришедшей изъ сосѣдняго аула за водой, словомъ — провести пріятныя сумерки, потому что, вслѣдъ за призывомъ горниста къ вечерней зарѣ, обыкновенно, наступали въ лагерѣ тишина и сонъ.

«Итакъ, у колодца Турубай столпилось много всякаго народа, и стоялъ самый разнообразный гамъ отъ скота и людей... Какъ вдругъ къ этому гаму присоединился какой-то трескъ, затѣмъ крики удивленія, ужаса, такъ что мы, сидя въ нашихъ кибиткахъ, сейчасъ-же предположили что-то чрезвычайное... Оказалось, что колодецъ обвалился подъ тяжестью осаждавшей его толпы, потому что песчаные бока его, отъ небрежнаго обращенія съ водою, размокли и поползли внизъ, увлекая за собой все, что попалось... А попался лишь одинъ казакъ и три ведра, за которыя онъ ухватился и былъ извлеченъ наружу лишь нѣсколько помятымъ...»

По словамъ Федченко (естествоиспытателя и изслѣдователя этой мѣстности), близъ открытой имъ въ Кизилъ-Кумѣ возвышенности Каракъ, поднимающейся до 250 футовъ надъ степью, колодцы — ничто иное, какъ глубокія ямы, изъ которыхъ вода вытекаетъ небольшими ручейками. Въ нѣкоторыхъ колодцахъ, напр., въ мѣстности Тюбе-Кумъ, онъ нашелъ воду очень испорченную, съ сильнымъ запахомъ сѣро-водорода. Предполагали, что вода колодцевъ была нарочно испорчена брошенными туда трупами собакъ; но при изслѣдованіи никакихъ труповъ не оказалось, — вода получила запахъ отъ разлагавшихся растительныхъ остатковъ, занесенныхъ вѣтромъ и образовавшихъ толстый слой вонючаго ила. Киргизы, между прочимъ, увѣряли Федченко, что довольно распространенный среди обитателей Кизилъ-Кума обычай засыпанія колодцевъ составляетъ не болѣе какъ оригинальный способъ сохранить свое право на колодецъ и на окружающую землю. И то и другое принадлежитъ вырывающему, по имени котораго и называется колодецъ... Незначительность числа колодцевъ сильно затрудняетъ путешествіе по Кизилъ-Куму. Дороги, проходящія черезъ него, часто не имѣютъ колодцевъ ближе, какъ на трехдневномъ разстояніи. А между тѣмъ черезъ восточную часть степи Кизилъ-Кума проходятъ четыре главнѣйшія дороги (Матай, Джанай, Буранъ и Дюсебай) и нѣсколько второстепенныхъ. Кромѣ того, по окраинѣ песковъ идетъ дорога Кемиръ, по которой можно проѣхать изъ Бухарскихъ владѣній или бывшаго Коканскаго ханства въ Перовскъ и Казалинскъ. На дорогѣ Дюсебай, идущей отъ Учь-каюка въ Бухару, колодцы удалены другъ отъ друга на разстояніи трехдневнаго пути. А между тѣмъ увеличеніе числа колодцевъ вполнѣ возможно и имѣло-бы весьма важныя практическія послѣдствія уже потому, что пески Кизилъ-Кума лежатъ поперекъ торговыхъ путей, идущихъ въ Хиву и Бухару.

Намъ еще остается разсмотрѣть два вида воды, имѣющейся въ кизилъ-кумскихъ степяхъ

и употребляемой Киргизами. Это — снѣговыя и дождевыя воды. Снѣговые бассейны образуются изъ растаявшаго снѣга; воды эти сбѣгаютъ съ травянистыхъ степей по скатамъ (чинку) на «каки». Большіе водоемы изъ снѣговой воды находятся въ окрестностяхъ колодца Сугуты. Количество этой воды зависитъ отъ начала весны; если она началась поздно, то пользованіе водою бываетъ дольше. Вообще, Киргизы пользуются этой водою лишь ранней весной, въ продолженіе нѣсколькихъ недѣль. Что же касается дождевой воды, то она большею частью приходитъ въ Кизилъ-Кумъ въ видѣ потоковъ, свергающихся съ горъ по ущельямъ и водомоинамъ. Эти потоки приносятъ иногда съ собою несчастіе кочевникамъ Киргизамъ и ихъ стадамъ, какъ, напр., это было на урочищѣ Тоба-Бергенъ, въ маѣ 1872 года, когда цѣлая рѣка дождевой воды устремилась съ горъ Тоба-Бергенъ въ долину, снесла и поломала кибитки Киргизовъ, убила старика, нѣсколько штукъ скота и огромными озерами разлилась по предгорью...

Вообще, надо замѣтить, что воды песковъ Кизилъ-Кума далеко не одинаковы по составу и качеству, а слѣдовательно и по годности своей къ употребленію. Вода ключей Тамды, Коджанды и Сулы-Тюбелика—совершенно прѣсная, снѣговая вода. Въ нѣкоторыхъ колодцахъ и подземныхъ бассейнахъ такая же вода, но въ очень многихъ колодцахъ и подземныхъ бассейнахъ вода насыщена сѣроводородомъ. Вслѣдствіе такой примѣси, пьющіе эту воду подвергаются поносамъ, на исключая даже верблюдовъ и лошадей, хотя сильно разслабляющаго вліянія на организмъ при этомъ не замѣчается. Между тѣмъ, особенно вредное вліяніе на здоровье оказываетъ вода горько-соленыхъ колодцевъ. Эти колодцы довольно часто попадаются въ Кизилъ-Кумѣ, особенно тамъ, гдѣ раскинулся на многіе десятки верстъ самый огромный въ Средней Азіи солонецъ съ самосадочной солью—Тюзъ-Кокъ. Не смотря на вредныя свойства воды, эти колодцы все-таки заняты Киргизами. Скотъ пьетъ эту воду, какъ обыкновенную, а Киргизы пьютъ ее лишь въ смѣси съ квашенымъ козьимъ или овечьимъ молокомъ, что̀ значительно уменьшаетъ слабительное дѣйствіе этой воды. Чай, настоянный на ней, можно пить только горячимъ, но когда онъ остынетъ, получаетъ невыразимо-отвратительный вкусъ.

Какъ для Кара-Кума, такъ и для Кизилъ-Кума весьма характерно значительное, сравнительно, развитіе кустарной растительности. Саксаулъ и другіе кустарники, особенно же джузгунъ (Calligonum) и куянъ-суенъ (Ammodendron) покрываютъ песчаные бугры. Эти кустарники, лишенные пластинчатыхъ листьевъ и не дающіе никакой тѣни, придаютъ песчанымъ степямъ оригинальный видъ. Саксаулъ здѣсь играетъ весьма важную практическую роль. Это въ высшей степени полезное растеніе встрѣчается въ Кизилъ-Кумѣ повсюду. Киргизы жгутъ его на уголь, который сбываютъ въ сосѣдніе бухарскіе города и деревни. Извѣстно, что осѣдлое средне-азіятское населеніе по большей части ограничивается зимою потребленіемъ угля, вмѣсто дровъ; уголь разжигаютъ подъ особыми сидѣньями, посреди саклей, и такимъ образомъ коротаютъ вообще несуровую здѣсь зиму. Поташъ изъ листьевъ молодаго саксаула идетъ въ составъ киргизскаго мыла. Въ Кизилъ-Кумъ для выжиганія угля изъ саксаула пріѣзжаютъ киргизскіе байгуши, игенчи съ Сыръ-Дарьи и даже изъ окрестностей Ташкента.

Лѣсовъ и садовъ въ Кизилъ-Кумѣ нѣтъ. Нѣсколько десятковъ вербъ надъ ключами Тамды свидѣтельствуютъ лишь о необыкновенной склонности Бухарцевъ и вообще осѣдлаго средне-азіятскаго населенія садить лѣса и разводить сады. Лѣтъ 50 тому назадъ, на ключахъ Тамды не было ни одного дерева; тамдинскія вербы насажены бухарскимъ комендантомъ Шамши. Несомнѣнно также, что и на ключахъ Коджанды, расположенныхъ верстахъ въ 40 отъ Тамды, какой-нибудь набожный человѣкъ насадилъ, надъ находящеюся тутъ могилою святаго, нѣсколько средне-азіятскихъ вязовъ или карагачей. Лѣтъ 10—12 назадъ, бій Седень обсадилъ колодецъ Аманчура нѣсколькими вербами. Такимъ образомъ, деревья въ Кизилъ-Кумѣ на-перечетъ; но все-таки они свидѣтельствуютъ, что культура деревьевъ возможна здѣсь, хотя для

Почта въ Кизилъ-Кумѣ.

этого необходимо не киргизское бродяжничество и разбой, а сартовское миролюбіе и осѣдлая жизнь. Одними изъ наиболѣе отличительныхъ и преобладающими растеніями въ Кизилъ-Кумѣ являются разные роды колючекъ и полыни-янтака. Ее ѣстъ верблюдъ; на ней по утрамъ выходятъ тѣ прозрачныя, сахаристыя капли сока, которыя у насъ зовутся манною, а у Ташкентцевъ — янтакъ-шакаръ. Кромѣ янтака, изъ колючихъ растеній здѣсь водится тамарискъ, называемый Киргизами куянъ-суякъ, до полуторыхъ саженъ высотою, съ голубыми цвѣтами. Этотъ кустарникъ годится только на топливо. Между колючими кустарниками, произрастающими въ Кизилъ-Кумѣ, упомянемъ еще объ акъ-чингилѣ, потому что онъ почему-то очень почитается киргизскими женщинами, которыя навѣшиваютъ на него всевозможные лоскутья. Изъ кормовыхъ растеній, для верблюдовъ и барановъ, можно назвать весьма колючій ковыль (селеу), который годенъ также на кормъ лошадямъ. Здѣсь растетъ, кромѣ обыкновенной полыни, вѣничная полынь, идущая на кормъ всему вообще киргизскому скоту. Изъ семейства зонтичныхъ здѣсь водится одно оригинальное колючее растеніе, достигающее до полуторыхъ вершковъ толщины, при полутора-аршинномъ цилиндрическомъ стеблѣ. Цвѣты этого растенія пахнутъ чеснокомъ; жирныя его сѣмена жуютъ для утоленія жажды, за отсутствіемъ воды. Это растеніе прозвано туркестанскими солдатами въ насмѣшку «бухарской капустой». Въ Персіи это растеніе культивируется,—изъ него приготовляютъ чесночную эссенцію для приправъ; въ Кизилъ-Кумѣ же оно не употребляется даже на дрова, такъ какъ придаетъ кушаньямъ непріятный чесночный запахъ; бараны поѣдаютъ его молодые листья, а сучья идутъ на изгороди. Кромѣ того, здѣсь произрастаетъ ревень, корнями котораго зимой откармливаютъ слабыхъ верблюдовъ. Въ пескахъ растетъ множество шириша (Eremurus Sp.), корни котораго, содержащіе декстринъ (сахаристое вещество), собираются туземцами и употребляются какъ клей. Сайгакъ (Antilopa saiga) питается травянистымъ растеніемъ каикъ-отъ; пока эта трава зелена, сайгакъ держится въ степи безъ воды, а потомъ уходитъ къ берегамъ рѣки Аму или Сыра. Изъ наиболѣе замѣчательныхъ растеній назовемъ хазоразбандъ, со смолистымъ стеблемъ и листомъ и съ одуряющимъ запахомъ сѣмянъ. Это растеніе нашло большое примѣненіе въ жизни весьма суевѣрнаго и любящаго всѣ наркотическія, возбуждающія и одуряющія вещества, фанатическаго Средне-азіятца. Трава эта имѣетъ свою легенду. Гдѣ-то и когда-то тысяча мусульманъ сражались съ кѣмъ-то. Пришла пора молитвы, и они привязали всѣхъ своихъ коней къ кусту этой травы, чтò и дало ей названіе, такъ какъ слово хазоразбандъ означаетъ привязь тысячи лошадей. Бухарскіе дервиши одуряютъ себя сѣменами этой травы; дымомъ этихъ сѣмянъ хозяйки окуриваютъ своихъ новорожденныхъ дѣтей, словно съ первыхъ дней жизни пріучая ихъ къ тѣмъ наркотическимъ средствамъ, которыя составляютъ существенную потребность каждаго Средне-азіятца. Дымомъ этихъ же сѣмянъ окуривается также и скотъ, а пучки этой травы, какъ талисманъ, привѣшиваютъ надъ входомъ въ кибитку. Если Киргизы хотятъ выразить свой почетъ гостямъ, то передъ ними бросаютъ на огонь горсть этихъ сѣмянъ. Кромѣ того, здѣсь растетъ суттучакъ, чтò въ переводѣ означаетъ молочница, жирная трава, отъ которой скотъ даетъ больше молока. Здѣсь можно замѣтить ромашку, пріютившуюся въ ущельяхъ горъ, а также попадающуюся, но въ незначительномъ количествѣ, на травянистыхъ мѣстахъ, подобно ковылю. Кромѣ указанныхъ растительныхъ формъ есть еще нѣсколько травянистыхъ и кустарныхъ растеній, изъ которыхъ одни служатъ кормомъ скоту, а другіе имѣютъ употребленіе, сходное съ саксауломъ.

Фауна пустыни такъ же небогата, какъ и ея флора. Здѣсь встрѣчаются: сайгакъ, волкъ, лиса, разные виды землероекъ, ежъ, заяцъ и сусликъ. Здѣсь находятся также представители царства пернатыхъ, свойственные вообще степямъ: коршунъ, ястребъ-мышатникъ и ястребъ-змѣятникъ, горлицы, подорожники, жаворонки и др. Г-ну Федченко удалось убить близъ колодца Дюсебай ворону совершенно чернаго цвѣта. Ворона эта чрезвычайно быстро бѣгаетъ между саксауломъ, повременамъ взлетая на деревья, весьма громко и оригинально кри-

читъ; Киргизы называютъ ее алатаганакъ. Изъ пресмыкающихся здѣсь водятся наземныя черепахи, различныя ящерицы, изъ которыхъ болѣе замѣчательна одна, называемая шикемеръ, что значитъ «сосущая козу», такъ какъ Киргизы предполагаютъ, что ящерица эта сосетъ сонныхъ козъ и овецъ и портитъ имъ сосцы. Вблизи песковъ и въ пескахъ встрѣчаются исполинскія ящерицы, извѣстныя до сихъ поръ въ Туркестанскомъ краѣ только въ окрестностяхъ Ходжента. Киргизы называютъ этихъ огромныхъ ящерицъ *колесъ*. Исполинскій ящеръ этотъ совершенно безвреденъ, хотя Киргизы и боятся прикасаться къ живой ящерицѣ, говоря, что человѣкъ становится черезъ то безсильнымъ.

Возлѣ оазисовъ царство пернатыхъ разнообразнѣе. Здѣсь встрѣчаются песочники, разные виды кустовыхъ пѣвцовъ, бакланъ, кормаранъ, и даже залетаютъ сюда самые большіе кулики-кроншнепы (Numenius arcuata). Здѣсь обитаетъ также кабанъ, уходящій на лѣто въ камыши Сыръ-Дарьи. Наконецъ здѣсь водится также и тигръ. Одна изъ мѣстностей пустыни носитъ названіе Кифланкиръ, что означаетъ—«поле тигровъ». Здѣсь водилось когда-то много тигровъ; но въ настоящее время ихъ вовсе нѣтъ здѣсь, да и внѣ этой долины они встрѣчаются чрезвычайно рѣдко.

Насѣкомыя представляютъ много своеобразныхъ формъ. Г. Федченко говоритъ, что нигдѣ въ Туркестанскомъ краѣ онъ не встрѣчалъ столько формъ, такъ рѣзко отличающихся отъ европейскихъ, какъ въ этихъ пустыняхъ. Весьма разнообразныя осы; много видовъ жуковъ; оригинальный желтый муравей и множество скорпіоновъ. Послѣдніе иногда не давали покоя путешественникамъ, замѣняя другихъ паразитовъ, отсутствующихъ въ Кизилъ-Кумѣ. Уколы скорпіоновъ не влекутъ за собой никакихъ серьезныхъ послѣдствій. Невыносимая жгучая боль скоро проходитъ и не оставляетъ никакихъ слѣдовъ.

Домашнихъ животныхъ Киргизовъ составляютъ: лошади, верблюды, бараны и козы, дающія шерсть и молоко, составляющее главную пищу кизилъ-кумскихъ Киргизовъ. Коровъ здѣсь нѣтъ. Рогатый скотъ, приведенный нашимъ военнымъ отрядомъ для мяса, быстро ослабѣлъ отъ недостатка корма. Здѣсь, какъ домашнія животныя, водятся также ослы, пастушескія и борзыя собаки, туркестанской породы, весьма красивыя и дорогія. Есть также домашнія кошки и куры.

Теперь — о минеральныхъ богатствахъ Кизилъ-Кума. Здѣсь встрѣчается бѣлый мраморъ, кремень дымчатый и яшмовый, гипсъ, аспидъ и горшечная глина. Есть и желѣзныя руды, но онѣ не изслѣдованы. Мѣстные жители до покоренія нами края разрабатывали ихъ; теперь же, почему-то, разработка прекратилась. Мраморъ весьма плохаго качества и выходитъ изъ почвы на гребняхъ переваловъ. Кремень до сихъ поръ имѣетъ большой сбытъ. Бухарцы и Хивинцы до сихъ поръ еще продолжаютъ придерживаться фитильныхъ ружей; спичекъ же здѣсь до сихъ поръ почти не знаютъ; для добыванія огня употребляютъ кремень и огниво. Готовыя мраморныя плиты употребляются обыкновенно для надгробныхъ памятниковъ, для жолобовъ въ колодцахъ и для выстиланія внутренности колодцевъ. Пережженный гипсъ даетъ хорошія бѣлила для зданій, а потому вывозится изъ Кизилъ-Кума въ Бухару и многія другія мѣста. Аспидъ находится въ Буканскихъ горахъ близъ колодцевъ Архаръ, Урозали и другихъ. Такъ, колодцы Архаръ обставлены двумя высокими горами, въ видѣ лѣстницъ изъ гипса, и имѣютъ очень характерный видъ. Въ Кизилъ-Кумскихъ горахъ встрѣчаются охра желтая и охра красная, употребляемыя Киргизами на окраску деревянныхъ стѣнокъ кибитокъ, посуды, для мѣтки барановъ, которымъ пачкаютъ охрой спину. Киргизами добывается также самосадочная соль высокаго качества.

Кизилъ-Кумъ, какъ полагаютъ, гораздо древнѣе происхожденіемъ, чѣмъ окружающія его степи. Со многими изъ растительныхъ и животныхъ формъ Кизилъ-Кума ученые познакомились уже давно, благодаря тому, что русскіе путешественики — Пандеръ, Эверсманъ и Леманъ проходили черезъ Кизилъ-Кумъ на пути въ Бухару. Коллекціи, составленныя при проходѣ черезъ

пески, главнымъ образомъ содѣйствовали установленію взгляда, что весь Арало-Каспійскій районъ имѣетъ флору и фауну, рѣзко отличающіяся отъ европейскихъ. Кизилъ-Кумъ, по мнѣнію Федченко, осушенъ раньше сосѣднихъ съ нимъ степей. По осушеніи послѣднихъ, Кизилъ-Кумъ, наравнѣ съ другими частями суши, принялъ участіе въ заселеніи вновь образовавшейся площади, т. е. передалъ отъ себя въ окружающую мѣстность растительныя и животныя формы. Тѣмъ не менѣе эти пустыни никогда не играли никакой видной роли въ исторіи человѣчества. Во время нашествія Чингизъ-хана, онѣ были такъ пустынны, что движеніе варваровъ минуло ихъ. Весьма вѣроятно, однако, что и здѣсь могли пріютиться авантюристы изъ сосѣднихъ, завоеванныхъ мѣстностей. Мѣстныя легенды наводятъ на это предположеніе. По нимъ, напримѣръ, герои Кизилъ-Кума являются похитителями княженъ. Конечно, прежде всего, герои эти были похитителями женщинъ, еслибъ онѣ даже и не были принцессами. Такъ, нѣкто Бассанъ-Тинъ-Алебъ увезъ будто-бы дочь хивинскаго хана и поселился въ Кизилъ-Кумѣ, на урочищѣ Тамды, гдѣ основалъ крѣпость и грабилъ караваны, шедшіе изъ-за Яксарта на Оксъ. Могила этого рыцаря пустыни и до сихъ поръ показывается на одномъ изъ холмовъ горы Тамды, на которомъ онъ, вѣроятно, первый завелъ осѣдлость. Послѣ тутъ же былъ изъ жженнаго кирпича курганъ постройки хана Абдуллы, слишкомъ 200 лѣтъ тому назадъ; потомъ, болѣе 50 лѣтъ тому назадъ, Насыръ-Аллахъ построилъ тутъ курганъ. Наконецъ, въ послѣднее время, на стѣнахъ этого кургана развѣвался русскій флагъ, а рядомъ, на ключахъ Тамды, стоялъ русскій отрядъ. Могила Бассана неприкосновенна, какъ могила святаго, хотя, конечно, кое-кто и порывался разрывать ее, въ виду слуховъ о зарытыхъ въ ней сокровищахъ.

Впрочемъ, другая легенда передаетъ, что это — вовсе не могила богатыря, а просто складъ сокровищъ, которыя были зарыты здѣсь какимъ-то караваномъ, испугавшимся разбойниковъ. Чтобы выдать за могилу святаго, — водрузили надъ нею знамя. Въ Средней же Азіи такія могилы неприкосновенны. Тамъ не разроютъ могилу богача и не снимутъ позолоченное яблоко съ копья надъ могилой какого-нибудь мѣстнаго героя. Вообще, здѣсь почти ни одинъ курганъ, ни одна могила, не обходятся безъ того, чтобы фанатическій мусульманинъ не связалъ съ ними чего-нибудь выходящаго изъ ряда обычной жизни или даже и сверхъестественнаго.

Прошлое обитателей этихъ пустынь настолько не изслѣдовано, что останавливаться на немъ было бы совершенно неумѣстно. Заселеніе въ нынѣшнемъ его видѣ весьма недавнее. Лѣтъ пятьдесятъ назадъ, Буканскія горы и вся мѣстность на югъ отъ нихъ были не заняты жителями. Въ это время Киргизамъ, обитавшимъ въ низовьяхъ Сыра, стало плохо отъ хивинскихъ и коканскихъ намѣстниковъ; тогда они ушли оттуда и заняли Буканскія горы. Расположившись на новыхъ мѣстахъ, Киргизы отправили депутацію къ бухарскому эмиру Насыръ-Аллаху, прося принять ихъ въ подданство. Эмиръ согласился на поселеніе ихъ въ пустынѣ Кизилъ-Кумъ. Тогда предводитель рода Алчинъ основался на ключахъ Тамды, гдѣ эмиръ построилъ для него укрѣпленіе. Бухарскому властителю было лестно и выгодно принять новыхъ подданныхъ подъ свое покровительство, тѣмъ болѣе, что они увеличивали его казну своими податями. Съ переселеніемъ Киргизовъ начинается совершенно новая эра въ этой пустынѣ. Киргизы зажили на новой территоріи тою же жизнью кочеваго и воинственнаго племени. Здѣсь не замедлили возникнуть междоусобія; Кизилъ-Кумъ сталъ ареной всевозможныхъ грабежей. Коканцы и Хивинцы вторгались въ предѣлы Киргизовъ; послѣдніе, въ свою очередь, грабили ближайшія прибрежья Аму-Дарьи и караваны и, въ то же время, вели междоусобныя распри. Киргизовъ смущали сперва султанъ Малой орды, а потомъ бухарскій узбекъ Назаръ-Карагъ, въ то время, когда Русскіе взяли Самаркандъ. Наконецъ ими управлялъ молодой и храбрый Киргизъ Атамкулъ, сперва милиціонеръ въ отрядѣ генерала Черняева, а потомъ поручикъ русской службы.

Чрезвычайно трудно опредѣлить численность кизилъ-кумскихъ Киргизовъ. Они слишкомъ привыкли къ независимости, и всякіе слухи о русскомъ движеніи къ пустынѣ заставляютъ ихъ уходить въ пески или въ горы, изъ нежеланія быть сосчитанными. Полагаютъ, что общее число киргизскихъ кибитокъ въ Кизилъ-Кумѣ составляетъ не менѣе 3,000; это, въ среднемъ итогѣ, составитъ около 15,000 жителей обоего пола.

Преобладающее занятіе Киргизовъ — скотоводство и, какъ мы уже видѣли, главнымъ образомъ разведеніе овецъ и верблюдовъ. Земледѣліе, и то въ самыхъ незначительныхъ размѣрахъ, существуетъ на ключахъ Тамды, гдѣ Алчины сѣютъ клеверъ и дыни. Колодцы Тамды представляютъ наиболѣе культурное и самое оживленное мѣсто во всей Кизилъ-Кумской пустынѣ. Довольно характерно добываніе воды изъ колодцевъ. «Ношеніе воды — говоритъ Хорошхинъ, — общій трудъ. Случается, что мужчина принимаетъ изъ колодца бадью, а на верблюдѣ, который вытаскиваетъ ее, сидитъ молодица или старуха, а не то дѣвочка или совершенно голый и черный, какъ уголь, Киргизенокъ. На одномъ колодцѣ подобный мальчуганъ, всего четырехъ лѣтъ отъ роду, болѣе трехъ часовъ возилъ воду изъ колодца подъ отвѣсными лучами солнца! На другомъ колодцѣ крошка Киргизенокъ привелъ поить двухъ верблюдовъ, которые, въ сравненіи съ нимъ, казались еще громаднѣе, потому что голова повелѣвавшаго ими существа едва доходила до ихъ колѣнъ. Умныя и кроткія животныя, какъ и всегда, солидно шагали вслѣдъ за своимъ лиллипутомъ-вожакомъ. Вотъ съ какихъ лѣтъ вырабатываются эти желѣзные люди, которымъ нипочемъ ни зной, ни холодъ, ни пустыня съ ея безпредѣльными и печальными песками!» Все вниманіе Киргизовъ поглощено уходомъ за скотомъ. За ягнятами и верблюжатами Киргизки ухаживаютъ едва-ли не болѣе, чѣмъ за собственными дѣтьми. Бута, т. е. верблюжонокъ, — предметъ особенной заботливости каждой хозяйки, тѣмъ болѣе, когда этотъ бута изъ породы наръ, т. е. одногорбый.

Въ умѣ Среднезіятца постоянно, какъ было уже замѣчено, преобладаетъ мистическое направленіе. Этотъ мистицизмъ стоитъ на первомъ планѣ какъ въ исторіи Средней Азіи, такъ и въ современной жизни ея населенія. Страна эта заключаетъ въ себѣ безконечное собраніе легендъ и священныхъ преданій о различныхъ мусульманскихъ святыхъ. Средняя Азія въ этомъ отношеніи пошла гораздо дальше Аравіи, родины ислама, гдѣ подобное явленіе, казалось бы, болѣе умѣстно. Горы, долы, рѣки, овраги, могилы, различныя урочища, отдѣльно стоящіе въ пустынѣ предметы, какіе-нибудь кусты, имѣющіе особую, своеобразную форму, — все это окружено преданіями, исключительно религіознаго содержанія; съ простодушной, но несомнѣнной вѣрой въ непреложность событія, какой-нибудь мулла или просто старикъ разсказываетъ всякую небылицу объ этихъ предметахъ, постоянно путаясь въ хронологіи. Впрочемъ, послѣднее обстоятельство не приводитъ его въ смущеніе. Имъ слишкомъ дороги ихъ дѣдовскія преданія или сказанія изъ книгъ, для того, чтобы они сами когда-нибудь усомнились въ истинѣ своего разсказа. Оазисъ Тамды и происхожденіе его ключей также имѣютъ свою легенду. «Ходжа Боговатдинъ (могила его находится около Бухары) и Хазретъ-Султанъ (могила его въ Туркестанѣ) заспорили — какъ гласитъ легенда — о томъ, кто изъ нихъ могущественнѣе. Споръ кончился тѣмъ, что Хазретъ-Султанъ забралъ всю воду Аму-Дарьи въ свой платокъ и полетѣлъ черезъ Кизилъ-Кумъ въ Туркестанъ. Пролетая надъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ теперь находится урочище Тамды (оазисъ среди песчаной степи), онъ уронилъ каплю воды и она превратилась въ ключи; отсюда и самое названіе «Тамды», т. е. капельные. Другое преданіе сообщаетъ, что Хазретъ спустился здѣсь для намаза и, должно быть, употреблялъ имѣвшуюся при немъ воду Аму-Дарьи для омовенія (таратъ).

Урочище Тамды, конечно, обязано своимъ значеніемъ текущимъ здѣсь ключамъ. Ихъ здѣсь два, не въ дальнемъ разстояніи другъ отъ друга. Вода хороша въ обоихъ ключахъ. Въ ней обиліе піявокъ. Случайно проглоченныя съ водою, онѣ прицѣпляются во рту и въ горлѣ лошадей, собакъ, даже людей. Одинъ изъ джигитовъ при русскомъ отрядѣ 9 дней носилъ въ горлѣ

піявку, потерялъ много крови и жаловался на упадокъ силъ, пока, наконецъ, піявка не выпала. Лошадь съ піявками во рту — далеко не рѣдкость. «Тѣмъ не менѣе стоянка въ Тамды, — замѣчаетъ Хорошхинъ, — была бы раемъ, если бы не каждодневные смерчи, которые налетаютъ на нашъ лагерь, да еще постоянные вѣтры съ сѣверо-востока и сѣверо-запада пылятъ въ наши юрты и палатки.» Около колодцевъ Тамды оживлена также растительная и животная жизнь. По берегамъ двухъ небольшихъ бассейновъ бѣгаютъ обыкновенные песочники; на вербахъ чирикаютъ воробьи; масса утокъ; на окрестныхъ холмахъ много куропатокъ; по вечерамъ появляются летучія мыши.

Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ ключей находится крѣпость Тамды, сложенная изъ песчаниковъ и обожженнаго кирпича. Крѣпость весьма небольшая, занимаетъ около 500 квадратныхъ саженъ. Съ цитадели крѣпости открывается видъ на окрестности; на сѣверѣ — Джаманъ пески,

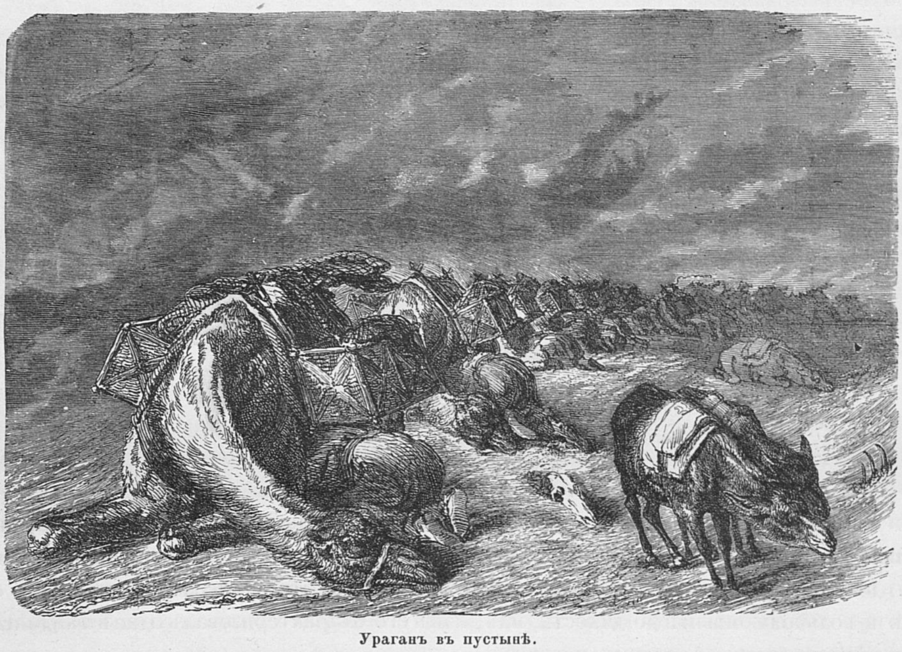
Качалка въ Кизилъ-Кумѣ.

на югѣ и востокѣ — горы и холмы Акъ-Тау. Обитатели Тамды привыкли къ независимой, самостоятельной жизни. Правительства хивинское, бухарское и коканское относились къ нимъ безразлично, довольствуясь незначительной данью. Вслѣдствіе этого населеніе сдѣлалось самостоятельнымъ и вольнолюбивымъ до дикости, или, какъ его охарактеризовалъ одинъ тамдинскій бій — «оно напоминаетъ тучи, бродящія повсюду».

Для полноты характеристики этихъ пустынь, необходимо еще сказать о свойственныхъ этимъ странамъ ураганахъ. Ураганы бываютъ песчаные и снѣжные. За неимѣніемъ достовѣрныхъ описаній мѣстныхъ снѣжныхъ урагановъ, остановимся только на песчаныхъ. Обыкновенно это явленіе начинается незначительнымъ вѣтеркомъ, переходящимъ мало-по-малу въ ураганъ. Песокъ летитъ и рѣжетъ лицо; небо меркнетъ и принимаетъ зловѣщій видъ, какъ зарево далекаго пожара; вѣтеръ такъ горячъ, словно онъ дуетъ прямо изъ печи. Шагахъ въ двадцати, въ тридцати не видно ничего кругомъ, кромѣ летящаго песку. Стада барановъ и верблюдовъ съ ревомъ бѣгутъ къ колодцу и ложатся около него; люди прячутся въ юрты и тщательно закрываютъ въ нихъ отверстія. Начавшись, напримѣръ, днемъ, ураганъ свирѣпствуетъ до заката солнца, а иногда дуетъ и всю ночь. Тогда часто бываютъ несчастные случаи. Ураганъ словно въ заговорѣ съ голодными волками, которые стаями въ это время бродятъ въ степи, нападаютъ на стада, отбиваютъ ихъ отъ ауловъ, загоняютъ въ песчаныя горы, гдѣ скотъ гибнетъ, задыхается. Трудно представить себѣ что-нибудь печальнѣе такой ночи, отнимающей иногда у кочевника все его богатство.

Путешествіе человѣка черезъ пустыни бываетъ сопряжено иногда съ страданіями

отъ жара, смертью отъ жажды и, наконецъ, опасностью быть занесеннымъ песчанымъ ураганомъ. Извѣстному путешественнику по Средней Азіи, Вамбери, отправившемуся съ караваномъ изъ Хивы въ Бухару, пришлось проѣхать небольшую часть песчаной пустыни. «Солнце еще не зашло, — разсказываетъ Вамбери, — когда мы, оставивъ развалины Тенюклю, были уже на дорогѣ къ Халатѣ. Легко себѣ представить, каково было мнѣ и моимъ спутникамъ, испытавшимъ уже всѣ ужасы пустыни. Изъ Гемюштепе въ Хиву мы ѣхали въ маѣ, теперь же былъ іюль; тогда попадалась намъ дождевая вода, теперь не предстояло встрѣтить ни одного даже горькаго источника. Съ невыразимой грустью смотрѣли мы вправо, на все болѣе и болѣе удалявшійся отъ насъ Оксусъ, освѣщенный послѣдними лучами солнца. Даже верблюды, которыхъ передъ отъѣздомъ напоили вдоволь, часто посматривали въ ту сторону своими выразительными глазами... Уже нѣсколько звѣздъ



Ураганъ въ пустынѣ.

показалось на небѣ, когда мы достигли песчаной степи. Караванъ на пути соблюдалъ величайшую тишину, опасаясь привлечь вниманіе Туркменъ, которые вѣроятно были невдалекѣ, но въ темнотѣ не могли насъ видѣть, такъ какъ мѣсяцъ еще не выходилъ. Шаговъ животныхъ по мягкому песку не было слышно, и мы боялись только, чтобы нашимъ осламъ не пришла охота пѣть: громкимъ крикомъ своимъ въ тиши ночи они могли бы выдать насъ... Къ полуночи мы достигли такой мѣстности, когда всѣ должны были сойти съ животныхъ, потому что ослы и верблюды по колѣно утопали въ мелкомъ пескѣ, который къ тому же образовывалъ непрерывную цѣпь холмовъ. Слѣдующая утренняя станція носила прекрасное названіе «Адамкирилганъ (т. е. мѣсто, гдѣ погибаютъ люди). Достаточно было взглянуть на горизонтъ, чтобы убѣдиться, что названіе это справедливо. Представьте себѣ необозримое песчаное море — съ одной стороны высокіе холмы, какъ волны, взбитыя страшными бурями, съ другой — зеркально-гладкая поверхность, волнуемая тихимъ вѣтеркомъ. Въ воздухѣ — ни птицы, на землѣ — ни червя, ни жука, есть лишь слѣды угасшей жизни — кости погибшихъ здѣсь людей и животныхъ, которыя каждый путникъ собираетъ въ кучу, чтобы онѣ служили указателями пути. Едва ли нужно говорить, что мы были спасены отъ нападенія Туркменъ: нѣтъ лошади въ мірѣ, которая могла бы здѣсь сдѣлать хоть

одну станцію. Но удастся ли намъ устоять въ борьбѣ съ стихіями — вотъ мысль, потрясавшая даже восточное спокойствіе. Мрачный видъ моихъ спутниковъ въ продолженіе всего нашего пути по Халатѣ былъ лучшимъ доказательствомъ этого...

«Послѣ трехдневнаго пути по песчаной части пустыни, мы должны были, наконецъ, достигнуть твердой равнины и увидать разстилавшійся къ сѣверу хребетъ Халаты. Къ сожалѣнію, наши животныя не могли больше идти и провели еще четвертый день среди песковъ. Въ моей кожаной флягѣ было еще около шести стакановъ воды; я пилъ ее по каплямъ и, конечно, страшно мучился отъ жажды. Къ ужасу моему, я увидѣлъ, что языкъ мой началъ немного чернѣть; я тотчасъ выпилъ половину своего запаса и думалъ этимъ спастись, но напрасно. Жажда, сопровождаемая головною болью, къ утру пятаго дня усилилась, и когда мы къ полудню могли различить облакообразныя очертанія хребта Халаты, я почувствовалъ, что силы начали совсѣмъ оставлять меня. По мѣрѣ того, какъ мы приближались къ горамъ, песокъ все болѣе и болѣе уменьшался, и всѣ уже стали всматриваться, нѣтъ ли гдѣ стада или пастушеской хижины, какъ вдругъ караванбаши указалъ намъ на приближающееся облако пыли и велѣлъ поспѣшно сойти съ верблюдовъ. Животныя уже знали, что это былъ приближающійся теббадъ. Съ громкимъ ревомъ опустились они на колѣни, вытянули свои длинныя шеи, припали къ землѣ и старались спрятать головы въ песокъ. Только-что мы успѣли прилечь сзади ихъ, какъ вѣтеръ съ глухимъ шумомъ пронесся надъ нами, покрывъ насъ слоемъ песку пальца въ два толщины. Первыя песчинки жгли какъ искры. Застань насъ этотъ вѣтеръ только шестью милями дальше въ степи, — мы всѣ погибли-бы. Я не замѣтилъ, чтобы дѣйствіе вѣтра производило лихорадку или рвоту, только воздухъ сталъ тяжелѣе и удушливѣе, чѣмъ былъ прежде.»

Таковы трудности и даже опасности прохожденія по этимъ степямъ. Легко себѣ представить, что̀ должны были испытывать тѣ русскіе отряды, которымъ неоднократно приходилось проходить эти пустыни. Вотъ, напр., нѣкоторые эпизоды о положеніи отряда, конвоировавшаго въ пески Кизилъ-Кума коммиссію для организаціи управленія Киргизами.

«Съ закатомъ солнца небо заволокло тучами, задулъ вѣтеръ, полилъ дождь,— разсказываетъ одинъ изъ участвовавшихъ въ этомъ отрядѣ. — Нашу палатку въ теченіе ночи срывало два раза; кругомъ царила невообразимая тьма; по̀сты были придвинуты къ самому лагерю; рундъ ходилъ непрерывно... Признаться, я не раздѣлялъ опасенія хивинской аттаки... На утро съ нами случилось нѣчто хуже хивинской аттаки; гроза отбила нашихъ барановъ — наше единственное продовольствіе, потому что окрестные Киргизы, заслыша насъ, ушли въ хивинскіе предѣлы или въ недосягаемыя степи. Хотя на людяхъ отряда были лишь рубахи и плащи, хотя много холодныхъ ночей послѣ большихъ переходовъ по зною перенесли люди нашего отряда, довольствуясь зачастую плохой водой, — но больныхъ было только двое, и то легкой простудой. Значитъ, климатъ Кизилъ-Кума, не смотря на его крайности, все-таки хорошъ.»

Безъ сомнѣнія, самое страшное время для переходовъ представляютъ эти пустыни во время лѣтнихъ жаровъ, когда и безъ того ослабѣваютъ люди отъ страшнаго зноя. Песокъ летитъ, вьется и безпощадно проникаетъ всюду; при вѣтрѣ путешествіе становится невыносимымъ. Всякій, заснувшій на стоянкѣ съ открытымъ лицомъ — а закрыться, значитъ задохнуться — просыпается съ разрисованною физіономіей: уши, носъ, волосы полны песку, непріятный потъ покрываетъ тѣло, голова страшно тяжелѣетъ отъ палящихъ лучей солнца. Случалось, что во время передвиженія военныхъ отрядовъ сразу погибали десятки людей отъ солнечнаго удара. Многіе навсегда сохраняютъ воспоминаніе о тѣхъ жгучихъ страданіяхъ, которыя пришлось имъ вынести по милости этого разгнѣваннаго бога — солнца. Обыкновенно, къ вечеру бываетъ нѣсколько легче, зной уменьшается, но иногда и вечера бываютъ нестерпимо-удушливы, знойны, — не приносятъ усталому путнику облегченія, на которое онъ надѣялся. Иногда къ вечеру задуетъ эта несносная песчаная мятель, — и вновь приходится глотать песокъ,

набивающійся въ ротъ. Вечеромъ, когда удается усталому путнику заснуть, никто не поручится, что среди ночи онъ, ужаленный скорпіономъ, не вскочитъ, какъ сумасшедшій, отъ ужаснѣйшей боли. Укушенія эти, хотя не смертельны и не опасны, но очень болѣзненны, и отряду, посланному въ Кизилъ-Кумъ, пришлось не мало вынести страданій, такъ какъ не проходило ни одной ночи, чтобы въ отрядѣ не было ужаленныхъ.

Н. А. Тарановъ.

Дорожные столбы въ Кара-Кумѣ.

ОЧЕРКЪ V.

НИЖНЕЕ ТЕЧЕНІЕ СЫРЪ-ДАРЬИ.

I. — СЫРЪ-ДАРЬИНСКАЯ ОБЛАСТЬ.

Нижнее теченіе Сыръ-Дарьи. — Сыръ-Дарьинская область. — Почва, климатъ, сельское хозяйство, жители, города и селенія области. — Исторія ея завоеванія и отношенія Русскихъ къ Бухарѣ. — Отношенія Русскихъ къ Сартамъ.

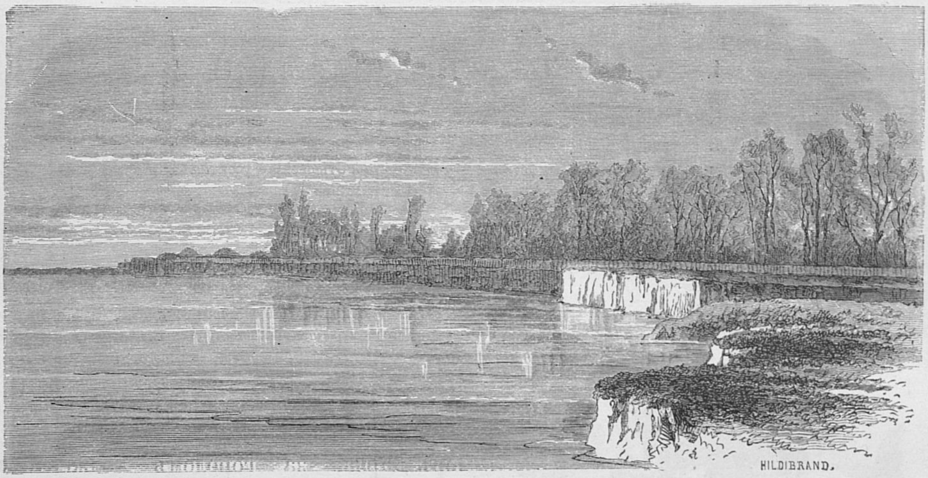
Если хочешь видѣть богатство — иди въ Индію;
Если хочешь видѣть истинное благочестіе — иди въ Мекку.
Если не хочешь видѣть ни того, ни другаго, а лишь корысть, — оставайся въ Туркестанѣ.

(Древнее стихотвореніе).

Сыръ-Дарья, за городомъ Ходжентомъ, измѣняетъ прежнее свое юго-западное направленіе на сѣверо-восточное и течетъ параллельно хребту Кара-Тау. Здѣсь находятся пороги, препятствующіе правильному судоходству; пороги эти продолжаются до урочища Ирджара. Затѣмъ Сыръ-Дарья снова становится глубокой, многоводной рѣкой и чрезвычайно быстрой. Этотъ весь районъ, отъ г. Ходжента до Аральскаго моря, можно раздѣлить на три отличныя другъ отъ друга области. Первый участокъ — до Форта Перовскаго — вполнѣ пригоденъ для культуры, которая и существуетъ здѣсь издавна въ весьма широкихъ размѣрахъ. Сюда входятъ участки Ходжентскій, Караминскій, Ташкентскій, Чимкентскій, Туркестанскій и Перовскій. На всемъ этомъ пространствѣ рѣка вполнѣ судоходна, но теченіе ея крайне извилисто, такъ что движеніе пароходовъ, особенно вверхъ, чрезвычайно затруднительно. Отъ укрѣпленія Новаго Чиназа берега Сыра обрывисты; непосредственно съ берега глубина рѣки доходитъ до сажени и болѣе; но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ вдоль рѣки встрѣчаются отмели и банки, большею частью переносныя. Отъ Чиназа до Форта Перовскаго, на протяженіи болѣе 600 верстъ, рѣка течетъ между низменными берегами, которые во время разливовъ затопляются водой. Въ это время берега Сыръ-Дарьи обращаются въ болота, весьма обширныя, отъ одной до семи верстъ въ ширину, заросшія камышемъ. Ширина рѣки въ этомъ районѣ весьма

значительна, — доходитъ до 400 саженъ, но мѣстами бываетъ не болѣе 120 — 200 саженъ. Глубина обыкновенно не болѣе 3 саж., но доходитъ и до пяти. Средняя быстрота теченія— до семи верстъ въ часъ, а выше Чиназа и до восьми.

Второй участокъ — отъ Форта Перовскаго до Форта № 2 (древній Кормокчи). Верстахъ въ пятнадцати ниже Перовска Сыръ-Дарья раздѣляется на два протока: лѣвый — Джаманъ-Дарья и правый — Кара-Узякъ. Джаманъ-Дарья (по-русски — дурная рѣка) имѣетъ весьма извилистое теченіе, переполнена мелями, перекатами, заманихами (такъ называются карчи, остановившіяся въ мелкихъ мѣстахъ и занесенныя иломъ и пескомъ). Глубина ея весной доходитъ до трехъ футовъ, а въ обыкновенное время гораздо менѣе и часто не превышаетъ одного фута. Мелководье Джаманъ-Дарьи составляетъ существенное препятствіе для развитія пароходства по этой рѣкѣ, тѣмъ болѣе, что второй протокъ — Кара-Узякъ, не судоходенъ,

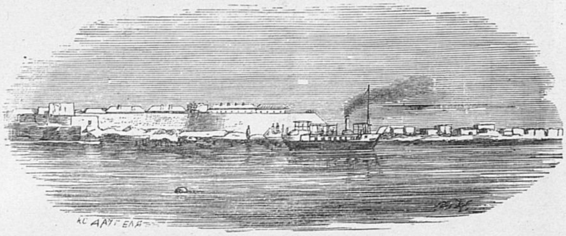


Берега Сыръ-Дарьи.

вслѣдствіе болотъ и камышей, засорившихъ его русло. Въ началѣ своего теченія Кара-Узякъ глубокъ, многоводенъ, отдѣляетъ отъ себя, въ свою очередь, нѣсколько протоковъ. Далѣе онъ разливается въ безчисленное множество болотъ и мелководныхъ озеръ, заросшихъ камышемъ, и, только миновавъ озеро Какъ-Арыкъ, разливы эти, длиною до ста верстъ, а шириною отъ 15 до 30 верстъ, собираются сначала въ нѣсколько протоковъ, а потомъ въ одно общее глубокое русло, которое тянется на протяженіи 80 верстъ глубокою, правильною рѣкою. У Форта № 2 Кара-Узякъ соединяется съ Джаманъ-Дарьею и оба соединившіеся протоки вновь получаютъ названіе Сыръ-Дарьи. Въ началѣ шестидесятыхъ годовъ были предприняты работы для расчистки Кара-Узяка, тогда какъ его слѣдовало-бы непремѣнно запрудить, такъ какъ онъ въ настоящее время питаетъ обширнѣйшія болота и черезъ это способствуетъ размноженію комаровъ, оводовъ и слѣпней, дѣлающихъ невозможнымъ здѣсь лѣтомъ всякое скотоводство. Запруды эти дали бы массу прекрасной воды въ Джаманъ-Дарью и огромный участокъ прекрасной земли изъ-подъ болотъ, пригодный для земледѣлія. Но именно сдѣлано было какъ разъ наоборотъ. Въ 1860 году начаты были работы по очисткѣ фарватера Кара-Узяка. Въ теченіе мѣсяца команда изъ 50 человѣкъ успѣла расчистить только 168 саженъ, а предстояло еще расчистить 6 верстъ; значитъ, на всю работу потребовалось бы полтора года. Обиліе же комаровъ дѣлаетъ эту работу возможной лишь осенью, что значительно усложняетъ дѣло, вслѣдствіе пагубнаго вліянія на здоровье рабочихъ. Работа эта была брошена, такъ какъ пришли къ убѣжденію, что судоходство встрѣтило бы здѣсь весьма большія препятствія: суда,

въ случаѣ надобности, не могли бы идти бичевою, такъ какъ берега Кара-Узяка чрезвычайно болотисты; вслѣдствіе этой же причины, нельзя было-бы имѣть для пароходовъ складовъ топлива; наконецъ, теченіе въ протокахъ, соединяющихъ разливы, такъ быстро, что существующіе пароходы аральской флотиліи не въ состояніи ходить по нимъ вверхъ, особенно съ буксиромъ.

Послѣдній участокъ — отъ Форта № 2 до дельты. Здѣсь рѣка достаточно широка и многоводна, почему и не представляетъ большихъ препятствій для судоходства. Фарватеръ рѣки достаточно широкъ, хотя и встрѣчаются мели, перекаты и заманихи, но не въ большомъ количествѣ. Къ сожалѣнію, на всемъ пространствѣ между этимъ фортомъ и Казалинскомъ (Фортъ № 1), нѣтъ ни городовъ, ни кишлаковъ (селеній), а лѣтомъ нѣтъ и ауловъ. Въ это время года даже Киргизы уходятъ отъ низменныхъ береговъ Сыра въ глубь степей, спасаясь отъ комаровъ, оводовъ, слѣпней, водящихся въ камышахъ Сыра. Такимъ образомъ, все лѣто берега Сыръ-Дарьи въ этомъ участкѣ, заключающемъ въ себѣ все нижнее теченіе рѣки до самой дельты, представляютъ почти совершенную пустыню, хотя и пригодны для земледѣльческой культуры. Здѣсь нѣкогда существовали многолюдные города, разрушенные однимъ изъ Чингизидовъ — Джучи, во время его похода отъ Ташкента къ Аральскому морю.



Фортъ Перовскій.

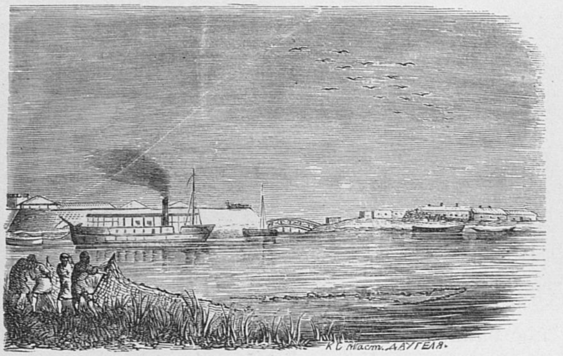
Отъ значительной быстроты теченія и песчанисто-илистаго дна вода въ Сыръ-Дарьѣ постоянно бываетъ мутна, но довольно скоро отстаивается. Она совершенно прѣсна и не имѣетъ никакого вреднаго вліянія на здоровье не только туземцевъ, но даже и вновь прибывшихъ.

Въ настоящее время рѣка Сыръ течетъ сѣвернѣе прежняго своего направленія. Длинное болото Туканя, которое находится къ сѣверу отъ горъ Нура-Тау, имѣетъ совершенно видъ древняго русла. По всей вѣроятности здѣсь протекала Сыръ-Дарья (древній Яксартъ), слѣдуя правильной покатости степи, чтобы соединиться съ Аму-Дарьей, вблизи горъ Шейхъ-Джели, гдѣ замѣтны слѣды бывшаго русла. Направленіе, которому слѣдуетъ теперь теченіе Сыръ-Дарьи, имѣетъ весьма незначительный наклонъ къ Аральскому морю. Сыръ-Дарья въ своемъ нижнемъ теченіи опоясываетъ бассейнъ древняго моря, въ настоящее время занесеннаго песками. Въ этомъ мѣстѣ, вѣроятно, въ Сыръ-Дарью впадала когда-то рѣка Чу, но она не достигаетъ теперь Сыръ-Дарьи и оканчивается большимъ степнымъ озеромъ Сауманъ-Кулемъ, находящимся всего въ 100 верстахъ отъ Сыръ-Дарьи.

Разливы Сыръ-Дарьи, во время половодья, не имѣютъ правильной періодичности. Приблизительно бываютъ три главныхъ разлива: первый начинается въ мартѣ, вслѣдъ за вскрытіемъ рѣкъ, и продолжается около десяти дней; въ это время прибыль воды бываетъ весьма значительная. Вторая прибыль воды начинается въ маѣ, когда отъ лѣтнихъ жаровъ таютъ снѣга въ горахъ; но не всякій годъ повторяется это половодье, и притомъ оно не отличается обиліемъ воды. Затѣмъ до іюня уровень воды все понижается. Въ іюнѣ бываетъ самый большой разливъ, нерѣдко затопляющій берега на весьма большомъ разстояніи. Затѣмъ уровень воды постепенно спадаетъ; въ августѣ, и то далеко не всегда, начинается новая прибыль воды, на короткое, впрочемъ, время.

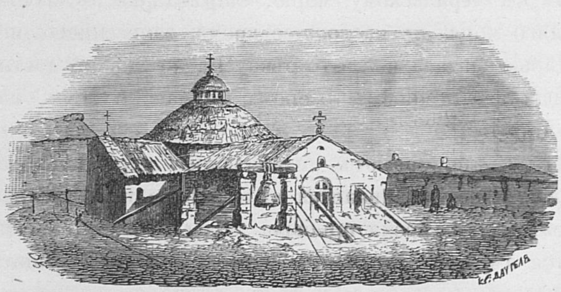
Самые замѣчательные протоки Сыра — Яны-Дарья и Куванъ-Дарья. Въ переводѣ на русскій языкъ, «Яны» означаетъ новая рѣка. По преданію, рукавъ этотъ образовался въ XIV столѣтіи. Въ началѣ XVIII столѣтія, во время путешествія Муравина, здѣсь было сухое русло; но во второй половинѣ этого столѣтія, именно въ 1760 году, когда Каракалпаки, оби-

тавшіе въ низовьяхъ Сыръ-Дарьи, тѣснимые Малой Киргизской ордой, должны были искать новыхъ мѣстъ для жительства, часть Каракалпаковъ поднялась вверхъ по сухому руслу рѣки и прорыла для хлѣбопашества большую канаву, изъ которой и образовался рукавъ Сыра, названный сначала Каракалпакъ-Дарьею, а потомъ Яны или Джаны-Дарьею. Яны-Дарья отдѣляется однимъ рукавомъ отъ Сыръ-Дарьи, съ лѣвой ея стороны, верстахъ въ пяти отъ Перовска. Берега ея большею частью плоскіе, во многихъ мѣстахъ поросшіе камышемъ, на мѣстахъ же болѣе возвышенныхъ — саксауломъ. Вода Яны-Дарьи чистая и прѣсная, но отзывается иломъ; теченіе чрезвычайно тихое; ширина рѣки около 60 саженъ. Въ половодье Яны-Дарья разливается на огромное пространство. Вода выходитъ изъ рѣки частью канавами, а частью посредствомъ протоковъ: Баткакъ-Уткуль и Султанъ-Какъ-Узякъ. Прежде Яны-Дарья впадала въ Аральское море, а теперь съ каждымъ годомъ болѣе и болѣе мелѣетъ; она проходитъ лишь верстъ триста и оканчивается озеромъ Кукча-Тенгизъ. Эту рѣку слѣдовало бы назвать *періодической рѣкою*, такъ какъ она въ 1820 году вновь перестала было течь, вслѣдствіе того, что плотиной преградили ея устье и воды были направлены въ главное теченіе Сыра. Впослѣдствіи сильнымъ наводненіемъ была снесена эта плотина, и, начиная съ 1848 года, Яны-Дарья вновь продолжаетъ свое теченіе. На ней видны слѣды стараго русла. Такъ, г. Мейеранъ нашелъ на ея берегахъ груды высохшихъ стволовъ, остатки мѣстъ, покрытыхъ камышемъ, подобныхъ теперешнимъ. Это — ложе древней Яны-Дарьи; на югѣ оно окружало хребты глинистой плоской возвышенности, которыми граничитъ съ востока Аральское море.



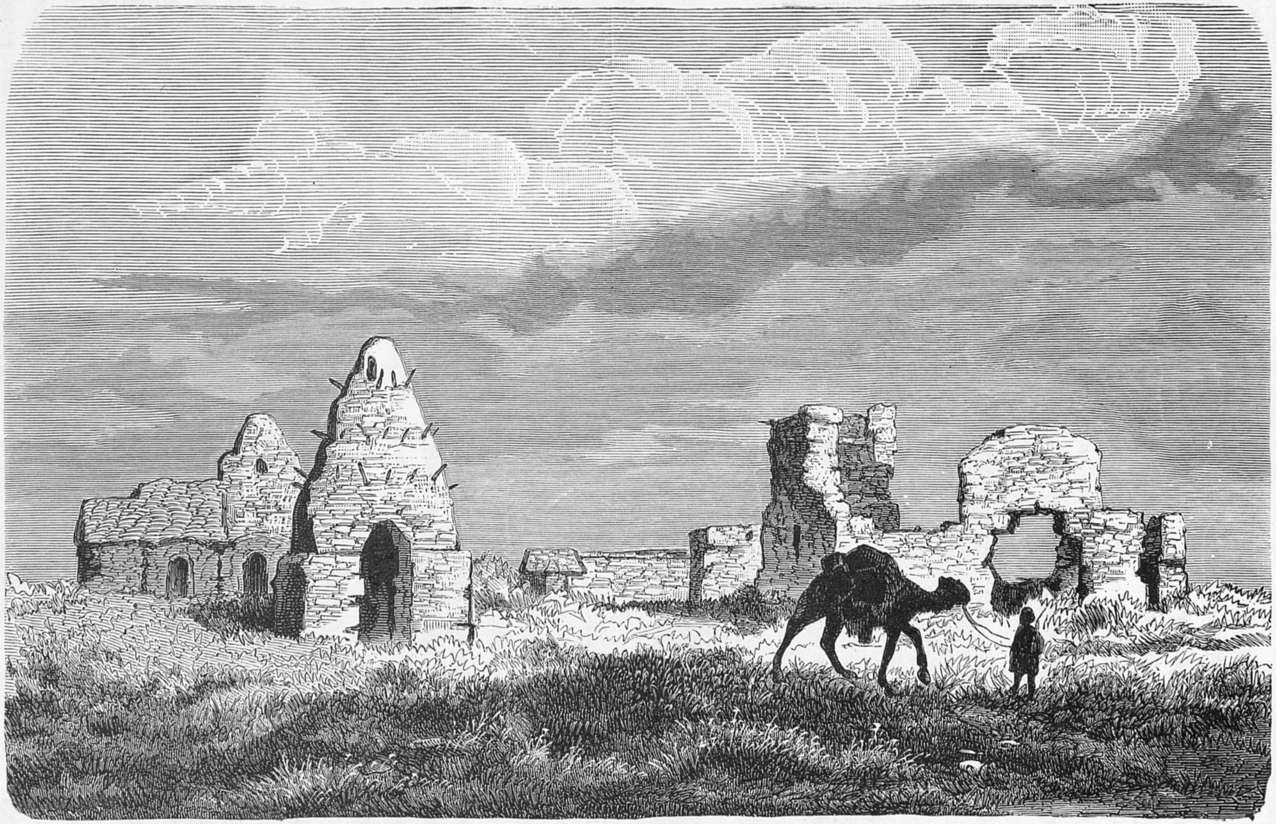
Фортъ № 2, съ рѣки.

Въ 15 верстахъ отъ истока, Джаманъ-Дарья отдѣляетъ протокъ Куванъ-Дарью. Пройдя верстъ 25, Куванъ-Дарья раздѣляется на три рукава и образуетъ разливъ, заросшій камышемъ. На всемъ протяжении отъ истока до раздѣленія на рукава, Куванъ-Дарья глубока и имѣетъ около 30 саженъ ширины. Берега низменные, покрытые камышемъ и отчасти травой. Сплошной разливъ, образуемый рукавами Куванъ-Дарьи, имѣетъ протяженіе отъ востока къ западу до 70 верстъ и въ ширину до 20. Недалеко отъ этого разлива находилось прежде хивинское укрѣпленіе Ходжаніазъ. Здѣсь, какъ передаютъ Киргизы, Хивинцы преградили въ 1847 году теченіе Куванъ-Дарьи, устроивъ плотину, чтобы удержать близъ крѣпости кочующихъ Киргизовъ. Дѣйствительно, за развалинами Ходжаніаза видно сухое русло, которое тянется до Аральскаго моря.



Развалины церкви въ Фортѣ № 1 (Казалинскѣ).

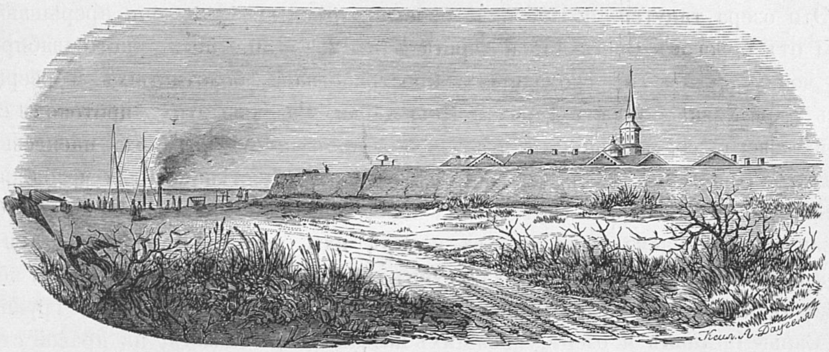
Сыръ-Дарья составляетъ жизненную артерію весьма обширныхъ пространствъ средне-азіятскихъ нашихъ владѣній и пріурочила къ себѣ жителей, отразившись на ихъ характерѣ, нравахъ и обычаяхъ. Сообразно съ видоизмѣненіемъ рѣчнаго бассейна, измѣняется также распредѣленіе жителей и ихъ бытъ. Сыръ-Дарья, выйдя изъ горъ въ долину, служитъ удобнымъ путемъ сообщенія и мѣстомъ рыбной ловли. Сдѣлавъ поворотъ на сѣверъ, близъ Ходжента, и обогнувъ плодородный оазисъ Фергану, Сыръ принимаетъ съ правой стороны при-



Г. Х.

Могила Кармакчи (недалеко отъ Форта № 2-ой).

токъ Арысъ, ограничивающій съ сѣвера этотъ оазисъ, изрѣзанный оживляющими край горными потоками. Дальше притоковъ почти нѣтъ, и единственнымъ источникомъ жизни является Сыръ-Дарья. Въ мѣстности отъ Арыса до Туркестана оказываютъ, кромѣ Сыръ-Дарьи, вліяніе еще и горы Кара-Тау, такъ какъ онѣ доставляютъ орошеніе для близлежащихъ земель. Но это орошеніе незначительно, такъ какъ горы Кара-Тау не высоки, бѣдны снѣгомъ и лѣсами, а потому и не могутъ имѣть многоводныхъ источниковъ, способныхъ поддерживать орошеніе въ теченіе всего года. Горные потоки, обыкновенно бурные, пересыхаютъ уже въ апрѣлѣ. Только около подножія горъ Киргизы искусно сохраняютъ воду, вблизи которой ютятся и осѣдлые туземцы. Сауранъ представляетъ послѣдній горный потокъ, достигающій Сыръ-Дарьи; за нимъ же ни одинъ потокъ даже весною не достигаетъ Сыра, такъ что отсюда земли, удобныя для осѣдлой жизни, идутъ двумя полосами — по рѣкѣ и у подножья горъ. Эти полосы



Укрѣпленіе Джулекъ.

раздѣлены безводнымъ пространствомъ, постепенно увеличивающимся до крѣпости Джулека, противъ которой оканчиваются горы Кара-Тау мысомъ Кара-Мурунъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и жизнь сѣверной полосы Сыръ-Дарьинскаго бассейна. За Джулекомъ только прирѣчная полоса возможна для обитанія; здѣсь Сыръ-Дарья не только не принимаетъ въ себя притоковъ, но, наоборотъ, разбрасываетъ свои воды въ степь протоками и разливами, благодаря чему Придарьинская полоса, способная къ обитанію, значительно расширяется. Неорошаемая водою полоса, между Саураномъ и Джулекомъ, не имѣетъ никакой жизни; вода добывается здѣсь изъ колодцевъ. Нѣкоторыя части степи долго удерживаютъ снѣговую воду, разлитую тонкимъ слоемъ по обширнымъ равнинамъ; въ другія же части вода заходитъ изъ Сыръ-Дарьи, что, впрочемъ, бываетъ только при самомъ началѣ весны. Эти пространства называются Дарьялыкомъ. Они имѣютъ видъ совершенной равнины, покрытой тучнымъ слоемъ рѣчнаго ила, благодаря которому, тотчасъ по спаденіи воды, подъ оживляющими лучами солнца, вся эта равнина покрывается отличными травами, куда Киргизы-земледѣльцы пригоняютъ свой скотъ. Здѣсь онъ отдыхаетъ отъ зимней голодовки и набирается силъ для трудной лѣтней работы. На этихъ же тучныхъ пастбищахъ останавливаются и кочевники для отдыха передъ дальнѣйшимъ путемъ въ свои лѣтнія становища.

Но и эта полоса была нѣкогда орошена. Отъ станціи Тюмень-Арыкъ идутъ два большіе арыка, къ которымъ вскорѣ присоединяется и третій. Эти арыки, въ настоящее время безводные, распадаются на цѣлую систему каналовъ, оканчивающихся у развалинъ Сунакъ-Ата, древняго кишлака, сохранившаго слѣды улицъ, садовъ, огородовъ, клеверныхъ полей и проч. Въ ширину эта система арыковъ захватила почти все пространство между плодоносными полосами, о которыхъ было выше сказано. Не смотря на то, что арыки до сихъ поръ прекрасно сохранились, въ нихъ нѣтъ воды, такъ какъ рѣка отошла отъ устьевъ арыковъ саженъ на пятьдесятъ и ложе рѣки такъ углубилось, что теперь вода въ рѣкѣ стоитъ ниже ложа ары-

ковъ аршина на полтора и лишь въ половодье вода подходитъ къ арыкамъ. Киргизы нѣсколько разъ принимались за расчистку этихъ арыковъ, но безуспѣшно.

Вообще, берега Сыръ-Дарьи низменны и только барханы поднимаются иногда на большую высоту надъ самымъ берегомъ, сдерживая воду во время разливовъ и препятствуя орошенію всей, расположенной за ними, мѣстности. Не будь ихъ, Сыръ-Дарья разливалась бы непрерывнымъ и широкимъ поясомъ на всемъ пространствѣ отъ Джулека до Казалинска. Вслѣдствіе разливовъ, на затопляемыхъ водою мѣстахъ остается большое количество ила, что дѣлаетъ землю чрезвычайно плодородной и не требующей больше никакого удобренія.

Послѣ разливовъ, далеко не вся вода, вышедшая изъ береговъ, возвращается въ рѣку. Не только уходитъ вода, всасываемая почвой и испаряемая съ большаго пространства залитой мѣстности, но, по всей вѣроятности, еще большее ея количество остается въ озерахъ, которыя наполняются или черезъ сплошные разливы, или, что бываетъ гораздо чаще, неглубокими протоками. Эти озера тянутся по обоимъ берегамъ рѣки, нерѣдко они прерываются, иногда расположены отъ береговъ Сыръ-Дарьи верстахъ въ 25 — 30. Какъ много забираютъ воды эти озера — можно судить по громаднымъ пространствамъ болотистыхъ и озерныхъ мѣстностей близъ Кара-Узяка, Куванъ-Дарьи и Яны-Дарьи. Разливы этихъ протоковъ состоятъ изъ цѣлой системы озеръ, соединяющихся между собою протоками; берега ихъ насквозь пропитаны водой, отчего они и представляютъ собою трясины, недоступныя для человѣка, заросшія сплошь камышемъ, гдѣ находятъ себѣ пріютъ дикіе кабаны. Самыя озера или болота еще не вполнѣ заросли камышемъ, такъ что въ центрѣ ихъ почти всегда находятся свободныя пространства воды. Кромѣ этихъ большихъ группъ озеръ, образуемыхъ протоками, весьма важны также по своему значенію для обитающаго здѣсь населенія разливы озеръ группы Кулалы, Сары-Куль, Сары-Чаганакъ и озеръ, носящихъ названіе Беръ-Казанъ, на правой сторонѣ рѣки; на лѣвой же сторонѣ находятся озера: Джирантай, Ханъ-Куль и множество другихъ озеръ, носящихъ названіе Иръ-Куль, по своей сѣдлообразной формѣ. Озера имѣютъ весьма большое значеніе для мѣстныхъ Киргизовъ; они служатъ постоянными резервуарами воды для орошенія пашень; кромѣ того въ нихъ много рыбы, попадающей сюда изъ рѣки во время разливовъ. Здѣсь много щукъ, сазановъ, сомовъ, карасей, окуней и лещей. Въ особенности важную роль играетъ растущій по озерамъ и разливамъ сплошными массами камышъ. Камышъ идетъ у Киргизовъ на тысячу потребностей: молодой онъ скашивается на кормъ скоту, какъ топливо употребляется для защиты киргизскихъ юртъ отъ холода и т. д. Потребность въ камышѣ и принуждаетъ Киргизовъ располагаться съ юртами поближе къ нему. Ранней весной Киргизы, какъ кочевники, такъ и земледѣльцы, уходятъ отъ береговъ Сыра и отъ связанной съ нимъ системы озеръ. Но какъ только вода спадетъ, Киргизы идутъ назадъ къ озерамъ, вслѣдствіе того, что уровень воды въ послѣднихъ почти не измѣняется, берега же ихъ ниже береговъ рѣки, почему и устройство оросительныхъ каналовъ несравненно легче, чѣмъ изъ Сыръ-Дарьи. Такимъ образомъ, зиму и лѣто населеніе связано съ озерами; пересыханіе ихъ дурно отозвалось бы на благосостояніи Киргизовъ. Но крайне необходимо, если не уменьшить число озеръ, то, по меньшей мѣрѣ, регулировать ихъ, въ особенности же большія озера, какъ, напр., группа озеръ, образуемая рукавомъ Сыръ-Дарьи — Кара-Узякъ. Она, какъ выше было сказано, состоитъ изъ системы озеръ съ берегами, пропитанными водою и заросшими камышемъ. Озера эти наполняются непосредственно изъ Кара-Узяка. На пространствѣ 12 верстъ отъ Перовска до урочища Кубасъ, изъ Сыръ-Дарьи выходитъ около семи протоковъ, изъ которыхъ самый многоводный и ближайшій къ Перовску носитъ названіе Тентекъ-Узякъ или «бурливая канава». Эти протоки наполняютъ ближайшія къ Перовску озера; изъ нихъ орошаются двѣ трети пашень, принадлежащихъ Перовску. Эти озера черезъ протоки Бишъ-Арна могутъ соединяться съ водами разлива, начинающагося у станціи Беръ-Казанъ, такъ что Перовскъ стоитъ какъ-бы на островѣ. Еслибы закрыть протоки, находящіеся между городомъ и Кубасомъ, то крайнія озера черезъ нѣсколько

лѣтъ высохли бы, а также высохъ бы и протокъ Бишъ-Арна. Нынѣшнія озера могутъ быть обращены въ воздѣлываемыя земли, но тогда придется брать воду изъ отдаленныхъ озеръ.

Это осушеніе болотъ имѣло бы послѣдствіемъ уменьшеніе разливовъ въ озерахъ Кара-Узяка, а вслѣдствіе этого количество воды въ Сыръ-Дарьѣ должно было бы увеличиться, черезъ что должно бы облегчиться пароходное сообщеніе по Джаманъ-Дарьѣ. На Кара-Узякѣ находится пяти-верстная плотина. Русское правительство до сихъ поръ не рѣшалось ее прорвать, между тѣмъ какъ отъ этого количество воды значительно увеличилось бы въ Джаманъ-Дарьѣ и сдѣлало бы Сыръ-Дарью гораздо болѣе судоходною. За протокомъ Бишъ-Арна киргизскія пашни и зимовки находятся между камышами разливовъ Кара-Узяка; внѣ этого пространства воды нѣтъ и тутъ начинаются уже безводные пески, сливающіеся съ Кара-Кумомъ и Арысъ-Кумомъ. Островъ, находящійся между Джаманъ-Дарьей и Кара-Узякомъ, тянется съ юго-востока на сѣверо-западъ, на протяженіи восьмидесяти верстъ. Въ самомъ широкомъ мѣстѣ онъ имѣетъ въ поперечникѣ до 40 верстъ. Сторона, обращенная къ Кара-Узяку, заливается и покрыта лѣсами камышей; сторона же къ Джаманъ-Дарьѣ открыта и изрѣзана выходящими изъ нея арыками. Въ прежнее время, въ началѣ владычества Русскихъ на Сыръ-Дарьѣ, вся сѣверо-западная часть острова была покрыта сплошь саксауломъ, но онъ уже весь истребленъ гарнизономъ Форта № 2; теперь на мѣстѣ прежняго саксаула видны только небольшія поросли этого полезнаго растенія, и не скоро онъ выростетъ и станетъ годнымъ для топлива, такъ какъ саксаулъ растетъ чрезвычайно медленно: надо не менѣе ста лѣтъ, какъ говорятъ Киргизы, чтобы саксаулъ могъ вырости. Нельзя не пожалѣть, что это столь важное растеніе для культуры степей безпощадно уничтожалось и уничтожается какъ топливо для пароходовъ аральской флотиліи. Борьба съ природой песчаныхъ степей слишкомъ грозна. Песчаныя степи болѣе и болѣе подвигаются и засоряютъ бывшія культурныя пространства; низовья Дарьи становятся все болѣе песчаной пустыней. Нужно, значитъ, разводить деревья, а не истреблять ихъ.

Вблизи станціи Беръ-Казанъ идетъ протокъ изъ Сыра въ ложбину, называющуюся Таисъ-Куль. Отсюда вода проходитъ далѣе большой, выпуклой къ сѣверу, дугой, оканчивающейся недалеко отъ Бишъ-Арна. Здѣсь, вслѣдствіе небрежности Киргизовъ, воды эти соединяются, при посредствѣ протока Бишъ-Арна, съ Кара-Узякомъ. При коканскомъ правительствѣ здѣсь были самыя лучшія, богатѣйшія пашни; теперь же это совершенно безводныя пространства, на которыхъ даже не растетъ камышъ. Произошла такая перемѣна вслѣдствіе того, что засыпали протокъ Беръ-Казанъ, вмѣсто того, чтобы построить черезъ него мостъ, для сообщенія съ Джулекомъ. Вслѣдствіе закрытія этого протока, плодороднѣйшая мѣстность обратилась въ пустыню. Беръ-Казанъ не имѣетъ непрерывнаго русла, но продолжается разливами, озерами и протоками, имѣющими различныя, мѣстныя названія и заросшими, большею частью, камышемъ; наконецъ, въ Кара-Узякскихъ болотахъ исчезаетъ, имѣя всего протяженія до 50 верстъ. Протокъ этотъ, такъ же какъ и вся низменность, наполняется водою только во время разлива Сыръ-Дарьи. Ниже Форта № 2, Сыръ-Дарья образуетъ еще нѣсколько протоковъ и незначительныхъ рукавовъ; таковъ, напр., Козалакъ, не широкій протокъ саженъ въ двадцать, при глубинѣ сажени въ двѣ, вода котораго весьма быстро истощается разливами и арыками. Отъ нижнихъ частей этого протока отходитъ къ сѣверу долина Айгерикъ, считающаяся одною изъ самыхъ плодороднѣйшихъ мѣстностей на Сыръ-Дарьѣ. Здѣсь Киргизы съ давнихъ поръ производили хлѣбопашество. Эта долина имѣетъ въ длину 25 верстъ, при самой большой ширинѣ въ десять верстъ. Кромѣ того, отъ Сыръ-Дарьи отдѣляются еще въ разныхъ мѣстахъ протоки: Утутляу, впадающій въ Аральское море, Кара-Арыкъ и нѣкоторые другіе.

Мели въ устьѣ Сыръ-Дарьи еще затруднительнѣе для прохода судовъ, чѣмъ въ Джаманъ-Дарьѣ. Во время низкой воды, главный фарватеръ имѣетъ не болѣе двухъ, двухъ съ половиной футовъ глубины и только при половоди достигаетъ трехъ-четырехъ футовъ глубины. Кромѣ

того, что фарватеръ весьма мелокъ, онъ также еще весьма узокъ и подверженъ чрезвычайно частымъ измѣненіямъ. Мели начинаются верстъ за пятнадцать до Аральскаго моря и тянутся почти непрерывно до самаго моря. Обмелѣніе устьевъ Сыръ-Дарьи происходитъ отъ наносовъ песку и ила; этой же причинѣ должно приписать образованіе острова Косъ-Аралъ, прикрывающаго выходъ рѣки въ море. Лѣвое устье рѣки или протокъ Шаварлы совершенно обмелѣло и заросло камышемъ и травой. Главное же русло проходитъ между косою, идущею отъ Косъ-Арала къ сѣверу, и ближайшими къ ней островами; фарватеръ идетъ здѣсь вдоль самаго берега косы. Правое устье почти такъ же обмелѣло, какъ и лѣвое.

Въ низовьяхъ, у Казалинска, Сыръ-Дарья замерзаетъ почти на четыре мѣсяца, а въ Перовскѣ рѣка остается подо льдомъ три съ половиной мѣсяца. И такъ, чѣмъ далѣе вверхъ по рѣкѣ, тѣмъ меньшее количество времени Сыръ-Дарья скована льдомъ; напр. въ Чиназѣ рѣка замерзаетъ всего недѣли на три, обыкновенно съ средины января до первыхъ чиселъ февраля; наконецъ, у Ходжента рѣка иногда совершенно не замерзаетъ, хотя и здѣсь случаются лютыя зимы; такъ, зимою съ 1877 на 1878 годъ морозы доходили до — 25° Ц., и рѣка у Ходжента болѣе пяти недѣль была скована льдомъ.

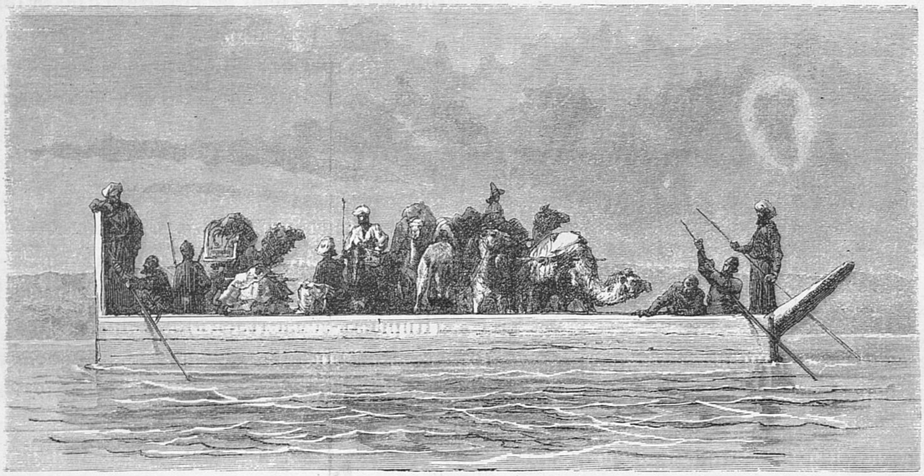
Саллы на Сыръ-Дарьѣ.

Переправы черезъ Сыръ-Дарью не вездѣ возможны, такъ какъ ея берега во многихъ мѣстахъ залиты водой и заросли камышемъ, а въ другихъ мѣстахъ изрѣзаны арыками. Переправа въ фортахъ и городахъ совершается посредствомъ паромовъ и баркасовъ. Для переправы Киргизовъ служатъ камышевые плоты, по мѣстному названію «саллы», и незначительное число деревянныхъ туземныхъ лодокъ. Эти лодки доставляются сюда изъ Хивинскаго ханства и изъ Ферганской области. Лодки имѣютъ видъ плоскодоннаго досчаника съ двумя носами, длиною отъ 4 до 7 саженъ, глубиной отъ трехъ четвертей до двухъ аршинъ. При переправѣ черезъ рѣку, лодка тянется плывущими людьми или лошадьми. Во время плаванія вверхъ по теченію, употребляется бичева; если надо плыть внизъ, то ставятъ лодку бокомъ къ теченію и такимъ образомъ спускаются по рѣкѣ, управляя ходомъ лодки посредствомъ шестовъ, замѣняющихъ и руль, и весла.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, напр. въ Ходжентѣ, существуетъ постоянный мостъ; въ другихъ же мѣстахъ устраиваются камышевые мосты, весьма замѣчательные по простотѣ и скромности устройства, — мосты, завѣщанные туземцамъ эпохой завоевателей, эпохой великаго переселенія народовъ, когда нерѣдко случалась надобность переправить черезъ рѣку сотни тысячъ народа и милліоны скота. Вотъ устройство этого моста. Наготовивъ достаточное количество камыша, рабочіе раздѣляютъ между собою трудъ, чтобы всѣ отдѣльныя, подготовительныя работы шли правильно. Часть людей роетъ на самомъ берегу четырехъугольную яму, сажени двѣ въ квадратѣ, глубиною около аршина. Другая партія скручиваетъ камышъ и вьетъ веревки толщиною въ руку. Веревки эти свиваются по двѣ и по три, образуя канатъ, вершковъ шести въ діаметрѣ и саженъ по тридцати длиною. Четыре такихъ каната и составляютъ основу моста. Если рѣка шире 30 саженъ, то канаты надставляются, сколько потребуетъ ширина рѣки. На одномъ концѣ каждаго изъ четырехъ канатовъ дѣлается громадный узелъ, который и укладывается въ яму такимъ образомъ, чтобы два каната легли у краевъ моста, а два другіе по срединѣ, на равномъ другъ отъ друга разстояніи. Затѣмъ, яма забивается крѣпко землей, утрамбовывается и узлы канатовъ служатъ такимъ образомъ якорями. Образовавшаяся насыпь служитъ спускомъ на мостъ. Свободные концы камышевыхъ канатовъ протягиваются вдоль берега, противъ теченія; къ нимъ привязываютъ, смотря по надобности, новые канаты; одновременно съ этимъ готовится и самое полотно моста: вяжутъ изъ камыша фашины въ два

аршина діаметромъ, длиной соотвѣтственно ширинѣ моста; затѣмъ остается только уложить фашины и привязать ихъ къ канатамъ. Когда эта работа сдѣлана, остается навести мостъ. Для этого часть рабочихъ приготовляетъ ямы на другой сторонѣ рѣки, для укрѣпленія каната, и мостъ наводятъ обыкновеннымъ образомъ. Для предупрежденія разрыва узловъ на вязкахъ фашинъ, полотно моста устилается толстымъ слоемъ камыша, что предохраняетъ узлы отъ копытъ переправляющагося скота. Такой мостъ выдерживаетъ громадную тяжесть и стоитъ зачастую безъ надзора, до тѣхъ поръ, пока не снесетъ его напоромъ льда, которому онъ все-таки долго сопротивляется.

Плаваніе по Сыръ-Дарьѣ довольно опасно. Аральская флотилія, которая въ началѣ завоеванія Туркестанскаго округа служила почти исключительно военнымъ цѣлямъ, съ трудомъ проходила безчисленное множество мелей. Весьма часто пароходы становились на мель,



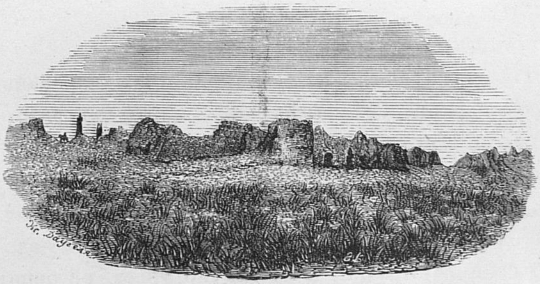
Перевозъ черезъ Сыръ-Дарью.

и здѣсь выработалась поговорка: «Не пароходы везутъ пассажировъ, а пассажиры везутъ пароходы». Въ нижнихъ теченіяхъ рѣки тучи комаровъ и другихъ насѣкомыхъ заставляютъ бѣжать отсюда лѣтомъ судовщиковъ Киргизовъ. Быстрое теченіе является также препятствіемъ для судоходства. Сыръ-Дарья мало служила путемъ для торговыхъ цѣлей; въ настоящее время, только съ устройствомъ искусственныхъ сооруженій на рѣкѣ, можно надѣяться на улучшеніе судоходства; до тѣхъ же поръ, эта рѣка будетъ попрежнему служить главнымъ образомъ для орошенія окрестныхъ земель, орошенія, къ сожалѣнію, недостаточно хорошаго, такъ какъ воды Сыръ-Дарьи, удовлетворительно направленныя съ этой цѣлью, прибавили бы несомнѣнно бо̀льшія пространства годной для обработки земли къ незначительному теперь поясу воздѣлываемыхъ земель. Весьма вѣроятно, что въ прежнее время пространство культурныхъ земель было значительно больше. Двѣнадцать тысячъ каналовъ,— говоритъ одна легенда,— распространяли жизнь посреди песковъ, но большинство ихъ засыпаны. Во многихъ мѣстахъ на Сыръ-Дарьѣ видны слѣды прежняго орошенія. Гдѣ теперь растутъ только кустарники или громоздятся песчаные холмы, тамъ процвѣтали когда-то большіе города, отъ которыхъ лишь кое-гдѣ остались груды развалинъ. Какъ повѣствуетъ исторія, пропускать воду или отводить ее — было однимъ изъ главныхъ искусствъ побѣждать и основывать царства. Проектируемая теперь здѣсь сѣть каналовъ, которая должна брать въ секунду изъ рѣки 35 кубическихъ метровъ воды, будетъ въ состояніи оросить около 91,542 дес. и возродитъ населеніе на берегахъ Яксарта.

Отъ Форта Перовскаго до Форта № 2 рѣку сопровождаютъ громадные камыши и болота.

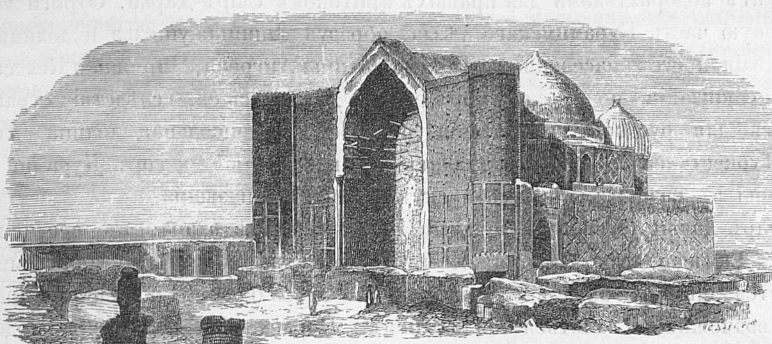
Въ камышахъ водятся кабаны, дикія утки и гуси. Вообще, надо замѣтить, что вся береговая линія Сыръ-Дарьи представляетъ превосходную страну для охоты. Здѣсь встрѣчаются волки, лисицы, олени, барсуки, кабаны, сайгаки и зайцы; въ камышахъ и на рѣкѣ водится много водяныхъ птицъ всякихъ породъ: цапли, ибисы, журавли, а также одинъ видъ фламинга.

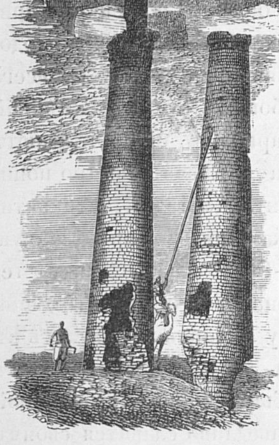
Съ наступленіемъ весны (съ конца февраля или средины марта) Киргизы откочевываютъ отъ береговъ Сыръ-Дарьи. Они располагаются зимовками въ плодородныхъ оазисахъ Кара-Кума или Кизилъ-Кума. Киргизы же, кочующіе къ югу отъ Кара-Таускаго хребта, въ Туркестанскомъ, Чимкентскомъ и Кураминскомъ уѣздахъ, распредѣляютъ свои передвиженія такимъ образомъ, что лѣтомъ бродятъ по безпредѣльнымъ равнинамъ праваго берега, заходятъ даже въ Кара-Таускія горы, а на зиму они переправляются черезъ Сыръ-Дарью и располагаются въ камышахъ лѣваго берега, гдѣ въ густыхъ поросляхъ этого растенія они укрываются отъ вѣтровъ, находятъ топливо и кормъ для скота. Впрочемъ, далеко не всѣ Киргизы оставляютъ на лѣто Сыръ-Дарью. Тѣ, которые по бѣдности и другимъ случайностямъ не имѣютъ скота, остаются на берегахъ Сыра и занимаются земледѣліемъ. Все ихъ хлѣбопашество ограничивается тѣмъ, что они засѣваютъ нѣсколько горстей (шапокъ) проса, составляющаго важнѣйшій продуктъ пропитанія кочеваго люда. Количество земледѣльцевъ-Киргизовъ весьма незначительно. Какъ только Игенчъ (Киргизъ-земледѣлецъ) поправляется, т. е. обзаведется нѣсколькими штуками скота, онъ тотчасъ-же бросаетъ ненавистный земледѣльческій трудъ и переходитъ къ своей любимой кочевой жизни. Киргизы — далеко не земледѣльческій народъ.



Развалины Саурана.

Существующіе въ этой мѣстности гигантскіе каналы, почти вдоль всего теченія Сыръ-Дарьи, ясно указываютъ на то, что здѣсь была когда-то культура несравненно высшая современной киргизской. Трудно опредѣлить, какимъ народамъ принадлежали эти сооруженія, но, во всякомъ случаѣ, это не дѣло Каракалпаковъ, жившихъ здѣсь въ прошломъ столѣтіи, а народовъ гораздо болѣе ихъ цивилизованныхъ. Здѣсь были когда-то большіе, для своего времени, цвѣтущіе города, нѣмыя развалины которыхъ свидѣтельствуютъ о давнопрошедшемъ. Къ числу такихъ развалинъ относятся слѣды города Отрара (мѣсто смерти Тимура), близъ устья Арыса, а также развалины Джаркента и Саурана, выше Джулека, по Сыръ-Дарьѣ. Стѣны Саурана видны далеко въ степи; изъ-за нихъ въ одномъ мѣстѣ выглядываютъ верхушки оригинальныхъ башень, имѣющихъ форму гигантскихъ бутылокъ изъ-подъ реинвейна. Башни эти очень высоки; съ нихъ, въ былое время, какъ гласитъ преданіе, будто бы бросали осужденныхъ на смерть преступниковъ. По другому преданію, башни построены въ угоду внучки Тамерлана, не любившей сидѣть въ гаремѣ и наслаждавшейся созерцаніемъ окрестныхъ видовъ.





Храмъ Азретъ-Султана и Башни Саурана.

сторія свидѣтельствуетъ, что Сауранъ когда-то процвѣталъ; караваны приходили къ нему со всѣхъ сторонъ; но Калмыки, будто бы, разрушили городъ. «Глядя на громадныя стѣны Саурана, со слѣдами полуразвалившихся бойницъ и башенъ, — говоритъ Хорошхинъ, — я невольно думалъ о томъ, что̀ творилось за ними въ былое время, какія страсти и цѣли оживляли ихъ, и какъ младенчествующее человѣчество глупо играло своими судьбами и безслѣдно ушло, оставивъ послѣ себя лишь безсмысленныя массы глины. А посмотрите на здѣшнюю природу, на горы, до прихода нашего сюда нетронутыя, и рядомъ съ этимъ на полнѣйшее, вообще, невѣжество отъ мала до велика, на царящее здѣсь искаженіе природы человѣческой. Здѣсь люди какъ будто спали, и сонные, безсознательно, шли изстари указаннымъ отцами и религіей путемъ жизни. Религіозный фанатизмъ и замкнутость господствовали во всей силѣ. Отношенія не вырабатывались; женщина презиралась и пока презирается; правда была миѳомъ; и поколѣнія за поколѣніями плелись и плетутся, не имѣя въ прошломъ и въ настоящемъ ничего, кромѣ кровавыхъ драмъ, безъ смысла, кромѣ многихъ сотенъ тысячъ жертвъ, павшихъ тоже безсознательно, и кромѣ нелѣпыхъ формъ жизни, весьма рельефно характеризующихъ нравственное несовершенство массъ. Въ самомъ дѣлѣ, благотворное вліяніе русской власти не замедлило здѣсь обнаружиться: дороги стали безопасны; личность также. Теперь купецъ смѣло идетъ съ своимъ караваномъ, увѣренный, что ничей произволъ не отыметъ у него товаровъ.»

Мы до сихъ поръ разсмотрѣли, собственно, береговую линію Сыръ-Дарьи. Сыръ-Дарьинская же область представляетъ собой самые поразительные контрасты. Такъ, напр., западная часть ея — равнина, низменная и солонцеватая, слѣды недавняго моря, гдѣ бродятъ стада кочевниковъ. Въ восточной и южной ея частяхъ высятся громадныя горы, увѣнчанныя снѣжными вершинами, достигающими высоты 25,000 футовъ; тамъ находятся ледники и горныя долины, куда укрылись аборигены Азіи (Арійцы), вытѣсненные ордами завоевателей, наводнявшихъ повременамъ Среднюю Азію. Западная часть Сыръ-Дарьинской области безводна, растительность въ ней выжжена солнцемъ; здѣсь преобладаетъ песокъ. Фауна и флора этой мѣстности извѣстна уже читателямъ изъ предъидущей статьи. Въ восточной и южной частяхъ Сыръ-Дарьинской области обиліе горъ обусловило также и обиліе рѣчекъ и горныхъ ручьевъ. Жители развели эту воду по своимъ полямъ и садамъ, увлажнили землю и получаютъ прекрасные урожаи. Въ гористой части этой области находятся отроги Александровскаго хребта. Здѣсь же отдѣляется вѣтвь Аксай, обрамляющая съ юга широкую долину р. Таласа. Эта рѣка

орошаетъ долину множествомъ притоковъ. Отъ Аксая отдѣляются вѣтви, по направленію къ юго-западу; эти вѣтви служатъ водораздѣлами для правыхъ притоковъ Сыръ-Дарьи. Отроги Аксая наполняютъ всю сѣверную часть Кураминскаго уѣзда, образуя длинныя ущелья и долины, вполнѣ удобныя для земледѣлія и густо населенныя. Таковы долины Ангрена, Чирчика и Келеса; онѣ поджидаютъ русской колонизаціи, но до сихъ поръ еще не дождались ея, вслѣдствіе странныхъ законовъ и правилъ для русской колонизаціи. Широкая и привольная долина Ангрена, житница для всего Туркестанскаго края, отдѣляетъ отроги Аксая отъ горъ Кураминъ-Тау и Моголъ-Тау. Эти горы въ разныхъ мѣстахъ носятъ различныя названія.

Область низовьевъ Сыръ-Дарьи безплодна и почти совсѣмъ невоздѣлана; въ среднемъ теченіи Сыръ-Дарьи, выше Джулека, встрѣчаются кое-гдѣ киргизскія пашни; но собственно культурная полоса начинается лишь за городомъ Туркестаномъ. Здѣсь большое количество притоковъ Сыръ-Дарьи даетъ возможность заняться земледѣліемъ. Первое мѣсто по своему плодородію занимаетъ Ташкентскій или, вѣрнѣе—Чирчикскій районъ, составляющій житницу для всего Сыръ-Дарьинскаго края. Обиліе воды, которую несетъ въ своемъ глубокомъ руслѣ важнѣйшій притокъ Сыръ-Дарьи — Чирчикъ, и множество отведенныхъ отъ него арыковъ, обусловливаютъ плодородіе орошаемой ими мѣстности. Чирчикъ беретъ начало въ горахъ Аксая. Быстро понижаясь и расширяясь, долина Чирчика достигаетъ на высотѣ Ташкента уже тридцати пятиверстной ширины и представляетъ болотистую мѣстность, заросшую камышемъ и прорѣзанную множествомъ рукавовъ или арыковъ, носящихъ общее названіе Сары-Су. Въ дальнѣйшемъ теченіи Чирчика его долина все болѣе приближается къ долинѣ Ангрена, другой значительной рѣки Ташкентскаго района. Наконецъ, обѣ долины сливаются въ одну и Чирчикъ впадаетъ въ Сыръ-Дарью въ десяти верстахъ отъ устья Ангрена. Подходя къ Сыръ-Дарьѣ, Чирчикъ течетъ довольно медленно по глинистому грунту. Ангренъ же не доходитъ до Сыръ-Дарьи, истощенный множествомъ отведенныхъ отъ него арыковъ. Ангренская долина справедливо славится своимъ замѣчательнымъ плодородіемъ. Она сперва идетъ узкой полосой, сомкнутая горами; по ней тянутся рисовыя поля, среди которыхъ кое-гдѣ виднѣются группы деревьевъ, окруженныя кишлаками. Разступающіяся и холмами спускающіяся горы образуютъ вторую террасу долины. На ней-то преимущественно и разбросаны кишлаки съ окружающими ихъ садами и полями пшеницы. Нижняя часть долины Ангрена теряетъ свой первоначальный характеръ, — она сплошь покрыта галькой; здѣсь не встрѣчается уже болѣе рисовыхъ полей. Важна въ земледѣльческомъ отношеніи также и долина рѣки Келеса, которая течетъ къ Сыръ-Дарьѣ, на протяженіи болѣе ста тридцати верстъ, образуя по обоимъ берегамъ довольно широкую, плодородную равнину, покрытую рисовыми полями, особенно вблизи Ташкента. Лѣвый берегъ этой долины сопровождаетъ невысокая, глинисто-песчаная гряда, составляющая водораздѣлъ Чирчика и Келеса; правый же берегъ, болѣе высокій, составляетъ переходъ въ безводную степь, изрѣзанную оврагами. Изъ трехъ названныхъ рѣкъ, Чирчикъ является главнымъ оросителемъ для всего Ташкентскаго района. Водою Чирчика пользуется также и Ташкентъ. Отъ этой рѣки отдѣляется рукавъ Боссъ-Су, протекающій черезъ Ташкентъ; Боссъ-Су же, въ свою очередь, отдѣляетъ рукава: Кара-Су и Саларъ, дающіе воду всѣмъ арыкамъ Ташкента.

Давнымъ-давно Киргизы звали Русскихъ на Сыръ-Дарью. Первый же ханъ Малой орды, подчинившійся Россіи, настойчиво просилъ устроить при устьѣ Сыръ-Дарьи русскую крѣпость, непремѣнно съ пушками, которыми онъ въ то же время предполагалъ поддержать и свою собственную власть, не всѣми признававшуюся послѣ принятія имъ русскаго подданства. Въ 1740 году была послана партія, подъ начальствомъ драгунскаго поручика Гладышева, для осмотра и выбора мѣста подъ укрѣпленіе. Мѣсто было найдено у развалинъ Яны-Кента, въ 25 верстахъ отъ Казалинска, внизъ по теченію рѣки. Но разныя соображенія пріостановили выполненіе задуманнаго дѣла. По всей вѣроятности, однимъ изъ наиболѣе вѣскихъ доводовъ противъ занятія устьевъ Сыръ-Дарьи былъ тотъ, что новое укрѣпленіе, отдаленное отъ оконеч-

ности русской пограничной линіи на 1,000 верстъ, пришлось бы связать съ послѣдней цѣлымъ рядомъ укрѣпленій, а эта связь легко могла бы порваться при слабости русскаго элемента въ Оренбургской степи. Только въ 1847 году была, наконецъ, осуществлена эта мысль. При самомъ устьѣ Сыра было устроено Раимское укрѣпленіе, гдѣ и поселены казаки, вызванные съ пограничной линіи. Но между новой линіей и сибирской границей образовались широкія ворота, гостепріимно раскрытыя для грабителей. Оказалось необходимымъ запереть эти ворота.

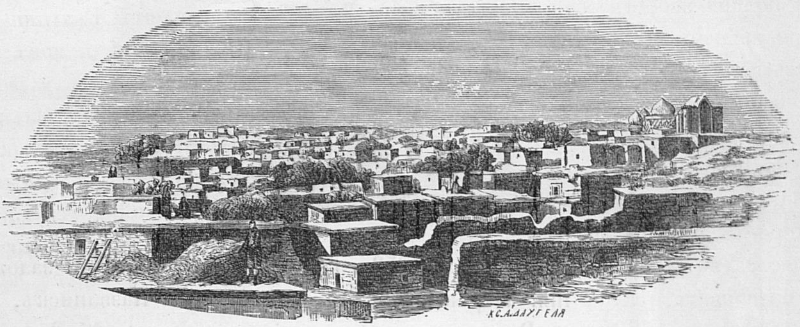
Базаръ въ Перовскѣ.

Перовскій въ 1853 году взялъ Акъ-Мечеть и заложилъ укрѣпленія: Перовское и № 1, нынѣшній Казалинскъ, куда перенесъ и Раимское; затѣмъ основалъ Фортъ № 2 на урочищѣ Кармакчи. Такимъ образомъ, Русскіе утвердились на среднемъ теченіи Сыръ-Дарьи. Сначала, при устройствѣ новой пограничной линіи предполагалось обойти Чимкентъ и Туркестанъ; но, вслѣдъ за паденіемъ Пишпека и Ауліе-Аты, обстоятельства вынудили полковника Веревкина, съ одной стороны, а генерала Черняева съ другой — взять и Туркестанъ, и Чимкентъ.

Еще въ 1844 г. были заняты низовья Сыръ-Дарьи, а черезъ два года было рѣшено связать образовавшуюся Сыръ-Дарьинскую линію съ Западною Сибирью. Правительство надѣялось закрыть, ничѣмъ не охранявшееся, пространство и запереть эти громадныя ворота, сквозь которыя, по проходамъ, образованнымъ охранительными линіями, безпрепятственно вторгались шайки барантачей (грабителей), вплоть до Иртыша и Урала. Выполненіе этой задачи вызвало рядъ войнъ съ Коканомъ и Бухарою и повело къ занятію обширной территоріи, включающей теперь почти въ цѣломъ составѣ бассейны Сыръ-Дарьи, Чу, Или и Зеравшана. Завоеванія были неожиданностью для самихъ Русскихъ. Сначала хотѣли ограничиться Пишпекомъ и Ауліе-Аты, чтобы оттуда вести пограничную черту по сѣверному склону хребта Кара-Тау, не занимая ни Туркестана, ни Чимкента. Но эти города, стоя на главныхъ путяхъ, ведущихъ изъ двухъ средне-азіятскихъ ханствъ въ Россію, служили-бы какъ-бы замками, запирающими ворота сибирской и оренбургской окраинъ. Не занявъ Чимкента и Туркестана, нельзя было соединить Сибирь съ Сыръ-Дарьинской линіей. Кромѣ того, нравственное и матеріальное значенія и средства средне-азіятскихъ ханствъ были такъ сильны, что на прочность новой русской линіи нельзя было очень полагаться. Только послѣдующіе успѣхи русскаго оружія создали въ Туркестанскомъ краѣ достаточно обезпеченное положеніе, дозволившее Русскимъ заняться внутреннимъ устройствомъ покоренныхъ земель. Въ видахъ ознакомленія съ нуждами новаго края, учреждена была степная коммисія, на обязанность которой было возложено объѣхать всѣ кочевки и населенныя мѣста Туркестанской области и составить проектъ положенія

объ его управленіи, на основаніи котораго было образовано новое туркестанское генералъ-губернаторство. Его вѣдѣнію были подчинены, между прочимъ, Семирѣченская и Сыръ-Дарьинская области. При этомъ администрація новаго края была приближена къ устройству ея въ Россіи, а ближайшее внутреннее управленіе туземнымъ населеніемъ положено было предоставить выборнымъ изъ среды самого народа, примѣняясь къ его обычаямъ.

Туземное населеніе Туркестанскаго края состоитъ изъ кочевыхъ и осѣдлыхъ жителей; первые преимущественно Киргизы, вторые — Сарты. Киргизы дѣлятся на роды и отдѣленія. Русское правительство не безъ основанія опасалось соединенія большихъ родовъ подъ властью одного родоначальника, что могло бы имѣть нѣкоторыя политическія неудобства. Рѣшено было подраздѣлить Киргизовъ на волости и аулы, а для того, чтобы устранить вліяніе богатаго или знатнаго меньшинства, рѣшено было предоставить право выбора всему народу, безъ ограниче-



Видъ Туркестана, съ птичьяго полета.

нія цензомъ. Въ каждомъ аулѣ хозяева десяти кибитокъ назначаютъ одного избирателя; сходъ этихъ избирателей выбираетъ аульнаго. Затѣмъ отъ каждыхъ пятидесяти кибитокъ также назначается одинъ избиратель; съѣздъ этихъ избирателей со всей волости избираетъ волостнаго. Такимъ же точно образомъ осѣдлое населеніе выбираетъ старшинъ и другихъ низшихъ властей. На первое время были оставлены въ краѣ раисы — особые полицейскіе чиновники, существовавшіе при Коканцахъ, обязанные наблюдать за нравственностью и религіозностью народа. Въ Туркестанскомъ краѣ дѣйствуютъ три рода судовъ: военный — за измѣну или возбужденіе народа къ неповиновенію, за ограбленіе почтъ, убійство христіанина или должностнаго лица; общій уголовный судъ — за разбои, грабежи, поддѣлку фальшивой монеты, сопротивленіе властямъ; народный судъ — за всѣ другія преступленія, не исключая баранты (угонъ скота) и убійства у Киргизовъ. Сарты же, по преступленіямъ, подлежащимъ народному суду у кочевниковъ, судятся уголовнымъ порядкомъ; такому же суду подлежатъ и всѣ дѣла, гдѣ истецъ не единоплеменникъ отвѣтчику. Органами народнаго суда у Киргизовъ служатъ біи, у Сартовъ — казіи. Судъ біевъ — гласный и публичный, рѣшающій дѣла по совѣсти; судъ же казіевъ, хотя тоже гласный и публичный, но дѣла рѣшаются на основаніи шаріата, т. е. по корану и его толкованіямъ. Такимъ образомъ судъ казіевъ имѣетъ извѣстную рутину, безъ всякаго отношенія къ духу времени и требованію обстоятельствъ. Кромѣ того, были учреждены съѣзды казіевъ для рѣшенія дѣлъ уголовныхъ, а также по искамъ сверхъ ста рублей. Съ приходомъ Русскихъ, отмѣнены смертныя казни и тѣлесныя наказанія, постановлявшіяся прежде судомъ казіевъ.

Форма судопроизводства у біевъ и у казіевъ имѣетъ весьма много общаго съ нашимъ мировымъ судомъ: предложеніе окончить дѣло миромъ или третейское разбирательство, гласность и публичность суда, отсутствіе письменнаго производства, простота и несложность дѣлопроизводства. Безъ сомнѣнія, весьма не трудно достигнуть того, чтобы туземцы охотнѣе обращались къ русскому судьѣ, болѣе развитому и гуманному, чѣмъ біи и казіи. Съ распростране-

ніемъ суда совѣсти, судъ шаріата, а съ нимъ и фанатизмъ, станутъ мало-по-малу упадать. Біи выбираются тѣми-же представителями народа, которые избираютъ и волостнаго. Біи не получаютъ жалованья, но за каждое рѣшеніе дѣла они взимаютъ бій-лыкъ — штрафъ съ виновнаго. Казіи также не получаютъ жалованья, а довольствуются кази-лыкомъ. Понятно, поэтому, что доходъ судьи зависитъ отъ количества рѣшенныхъ имъ дѣлъ, а это количество непосредственно зависитъ отъ доброй славы судьи. При вступленіи Русскихъ въ этотъ край, сдѣлано было немало промаховъ. То, что можно было ввести въ 1865 году однимъ почеркомъ пера, теперь потребуетъ нѣсколькихъ лѣтъ постепенной подготовки. Правда, мы явились сюда только во всеоружіи силы, но безъ соотвѣтствующихъ знаній: ни бытъ, ни характеръ, ни законы туземцевъ не были извѣстны намъ. Шаріатъ считался какимъ-то пугаломъ, чѣмъ-то неприкосновеннымъ, — и вотъ причина, между прочимъ, почему казіямъ, особенно-же такимъ, которые выдавались своимъ ханжествомъ, а слѣдовательно казались для насъ и наиболѣе опасными, была предоставлена полная свобода отправлять правосудіе, какъ они знаютъ. Святоши изъ казіевъ-ханжей быстро выдвинулись во мнѣніи главныхъ русскихъ начальниковъ и какъ нельзя лучше воспользовались этимъ, обративъ другихъ казіевъ въ своихъ подручныхъ и распространивъ черезъ нихъ свое вліяніе на огромныя пространства. Русскіе губернаторы, разсчитывая заслужить популярность въ покоренномъ народѣ, утвердили за такими ханжами титулы казы-келяновъ (верховный судья), и они сдѣлались оффиціальными покровителями всякихъ ханжей, мулловъ, улемовъ и дувановъ. Поэтому понятно, что тотъ туземецъ, который вѣрно служитъ русскимъ интересамъ, теряетъ въ народѣ всякую почву, какъ только узаконенный Русскими старшій законовѣдъ, толкователь корана — сартовскій митрополитъ (какъ называютъ его солдаты) — заклеймитъ его названіемъ кяфира (невѣрнаго).

Въ 1869 году были введены реформы по управленію краемъ. Хотя низшей единицей административнаго управленія было лицо выбранное обществомъ, но наблюденіе за его дѣйствіями было возложено на уѣзднаго начальника. Дѣятельность волостныхъ управителей, аульныхъ и кишлачныхъ старшинъ, направленная одною властью уѣзднаго начальника, совершенно соотвѣтствовала правительственнымъ цѣлямъ. Поддержаніе порядка и благочинія во ввѣренныхъ ихъ управленію районахъ, а также сборъ податей составляли единственную заботу низшей администраціи. До введенія реформъ, русская власть не опредѣляла заранѣе количества податей и довольствовалась тѣмъ, что дадутъ сборщики. Въ этомъ была виновата вся система сборовъ—процентнаго содержанія съ урожаевъ; усчитать сборщика при такой системѣ не было никакой возможности. Списки плательщиковъ и количество ихъ сборовъ писались на длинной, иногда въ нѣсколько саженъ, хартіи, изъ приклеенныхъ одинъ къ другому листовъ лощеной бумаги. Хартіи, написанныя по-сартовски, пугали русскихъ чиновниковъ своими размѣрами и письменами. Переводить ихъ не было никакой физической возможности, за неимѣніемъ достаточнаго числа переводчиковъ, и потому повѣрялись только итоги, затѣмъ деньги сдавались въ казну, а хартіи свертывались въ трубки и укладывались на полки архивовъ... Говорятъ даже, что нѣкоторые изъ прежнихъ «завѣдующихъ туземнымъ населеніемъ» преспокойно вырѣзывали ножницами нѣсколько среднихъ листовъ съ ихъ итогами, а концы хартіи, гдѣ были приложены печати сборщиковъ, склеивали снова. Эта операція давала возможность схоронить... деньги въ карманъ, а концы въ воду.

Послѣ введенія реформы, доходы края значительно увеличились. Такъ, доходъ въ 1868 году по всему округу составлялъ около милліона, а въ 1870 году — около двухъ милліоновъ руб. Но эти доходы весьма незначительны; ежегодный дефицитъ русскаго Туркестана составляетъ около семи милліоновъ рублей въ годъ; значитъ, въ теченіе послѣднихъ 14-ти лѣтъ, т. е. со времени реформы Туркестанскаго края, дефицитъ составляетъ около 100,000,000 рублей.

Быстрое движеніе Русскихъ въ глубь Азіи породило множество самыхъ нелѣпыхъ слуховъ среди мѣстнаго населенія. Муллы, казіи и ханскіе чиновники, терявшіе подъ собой почву съ

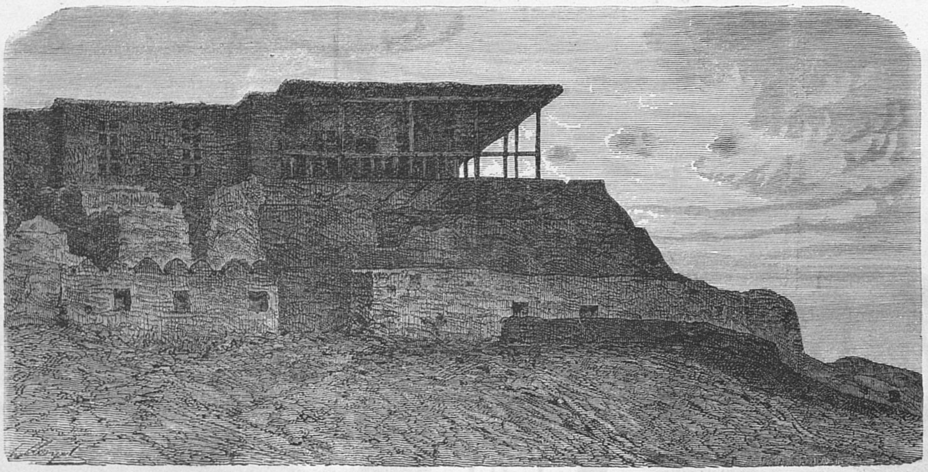
нашимъ приходомъ, были самыми усердными сочинителями разныхъ нелѣпостей. Прежде всего разнеслась вѣсть о насильственномъ обращеніи мусульманъ въ христіанство; но сдержанность русскихъ властей скоро успокоила страхъ религіозныхъ фанатиковъ побѣжденныхъ.

Въ ряду должностныхъ лицъ русской администраціи, появившихся въ краѣ почти одновременно съ водвореніемъ въ немъ русской власти, весьма видное мѣсто занимаютъ уѣздные судьи, по той дѣятельной и важной роли, какая имъ предоставлена. Они входятъ въ непосредственныя отношенія съ туземцами, касаются зачастую такихъ сторонъ ихъ жизни, которыя обыкновенно бываютъ скрыты отъ посторонняго наблюденія. Поэтому, уѣздные судьи могутъ своею полезною дѣятельностью исподволь и незамѣтно проводить въ массу народа здравыя юридическія понятія, вытѣсняя мало-по-малу грубые обычаи, внѣдрившіеся въ народѣ вѣками. Но для этого уѣздные судьи должны изучить серьезно покоренныя народности въ бытовомъ и юридическомъ отношеніи. До настоящаго времени сдѣлано весьма мало для юридическаго изученія народностей, составляющихъ населеніе Туркестанскаго края. Нечего и говорить, что одно знаніе томовъ свода законовъ недостаточно, что невозможно игнорировать все остальное — всю жизнь туземцевъ, сложившуюся вѣками, всѣ туземные обычаи, вытекающіе изъ склада жизни; необходимо также и изученіе понятій туземцевъ объ обязанностяхъ, о правдѣ, справедливости и долгѣ. Такое изученіе народа необходимо для разумной администраціи, не желающей однимъ почеркомъ пера регулировать народную жизнь. Изучить народъ съ юридической стороны не только могутъ, но и должны уѣздные судьи. Ихъ труды и разслѣдованія могутъ служить, во многихъ случаяхъ, для администраціи руководящею нитью.

Вопросъ о поземельномъ устройствѣ Туркестанскаго края, кромѣ общаго экономическаго и соціальнаго значенія, имѣетъ еще для края и серьезное политическое значеніе. Земледѣльческое населеніе края, не считая Киргизовъ, состоитъ почти изъ милліона жителей, густо осѣвшихъ по городамъ и кишлакамъ, среди плодородныхъ оазисовъ, обладающихъ проточною водою, необходимой для искусственнаго орошенія, трудолюбиво занимается хлѣбопашествомъ и кустарной промышленностью. Представители магометанской средне-азіятской культуры исключительно принадлежатъ къ средѣ людей, живущихъ въ осѣдлыхъ центрахъ. Не подлежитъ, конечно, сомнѣнію, что чѣмъ болѣе привязано населеніе къ своей трудовой жизни, обезпечивающей существованіе, чѣмъ болѣе обезпечена масса населенія въ пользованіи продуктами своего труда, тѣмъ крѣпче привязана она къ землѣ, тѣмъ болѣе обезпеченъ будетъ край отъ политическихъ движеній толпы, тѣмъ болѣе успѣха можно будетъ ожидать не только на пути улучшенія экономическаго положенія народа, но и въ смыслѣ объединенія его съ Россіей. Между тѣмъ на-скоро составленный проектъ положенія объ управленіи краемъ вовсе не коснулся вопроса о поземельномъ устройствѣ, такъ какъ степная коммиссія, выработавшая «временное положеніе», не имѣла ни времени, ни средствъ для изученія этого вопроса. Установивъ въ краѣ основныя начала русскаго управленія, «временное положеніе» опредѣлило обязанности народа передъ правительствомъ, но не выяснило, какія права даруются за это народу. Такимъ образомъ, вопросъ первостепенной важности остался какъ бы въ ряду вопросовъ, подлежавшихъ административному разрѣшенію. Народъ, разумѣется, продолжалъ владѣть землей по обычному праву, причемъ не были указаны должностныя лица и учрежденія, компетентныя для рѣшенія земельныхъ жалобъ и споровъ и для возстановленія нарушеннаго владѣнія землею; все это вѣдалъ народный судъ казіевъ.

Между тѣмъ колонизація Русскихъ на Сыръ-Дарью не только не поощрялась, но скорѣе затруднялась. Въ самомъ дѣлѣ, какими мотивами могло быть вызвано постановленіе 1871 г., категорически воспрещавшее покупать у Сартовъ земли внѣ черты города? Это распоряженіе касалось и всѣхъ уѣздныхъ городовъ области. Основаніями подобнаго распоряженія могли служить или боязнь, что въ краѣ разовьются формы крупнаго землевладѣнія и обычная аграрная безурядица, или же администрація признавала большую часть пахатныхъ земель казенными,

а потому и не рѣшалась допустить покупку этихъ земель, во избѣжаніе крупныхъ недоразумѣній, которыя могли-бы неизбѣжно произойти при разработкѣ правилъ землевладѣнія въ краѣ. Но послѣднее могло имѣть значеніе лишь при немедленномъ земельномъ переустройствѣ края; на самомъ же дѣлѣ поземельная реформа ожидалась еще не скоро, и воспрещеніе переуступки земель являлось для русскаго населенія, все прибывающаго, мѣрою чрезвычайно тяжелой. Для туземцевъ уклоненіе отъ неисполненія этого распоряженія не представляло никакихъ затрудненій. Извѣстно, какъ дешево обходится туземцу пріобрѣтеніе у казія какого-угодно документа, составленнаго заднимъ числомъ. Эта неизбѣжность злоупотребленій заставила администрацію разрѣшить въ 1878 году переуступку правъ *пользованія* землей на «постройки и насажденія».



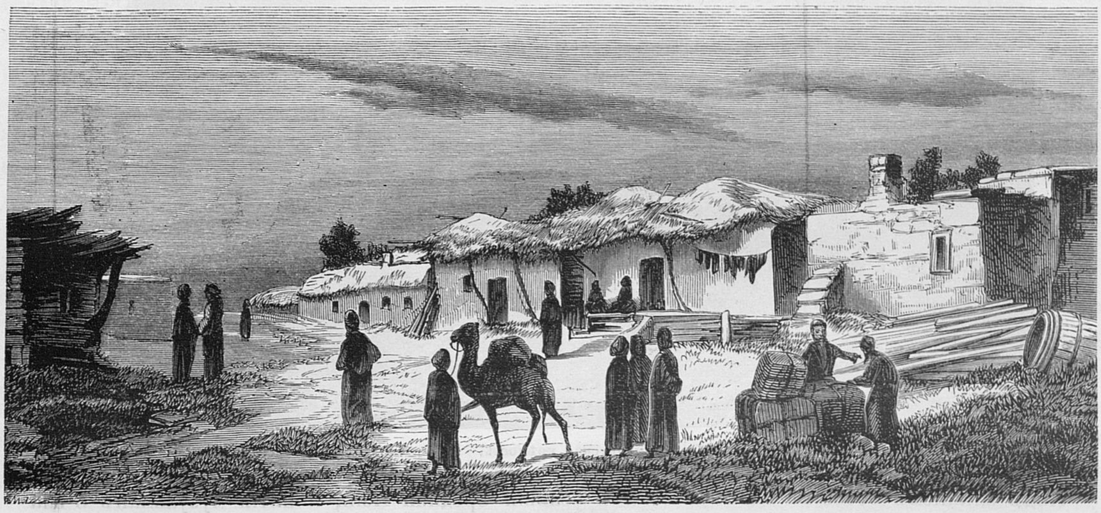
Чимкентская крѣпость.

Подъ вліяніемъ особыхъ экономическихъ условій Средней Азіи, понятія мусульманъ о владѣніи и пользованіи землей сложились въ теченіе вѣковъ въ совершенно стройную систему, опирающуюся, главнымъ образомъ, на законы Магомета. Поземельное законодательство пророка, урегулированное во всѣхъ его отдѣлахъ, вполнѣ удовлетворяло мусульманъ. Правительства также были довольны имъ, находя въ немъ источникъ значительныхъ и постоянныхъ доходовъ, и только частныя злоупотребленія и сборщики могли вызывать неудовольствія. Въ шаріатѣ подробно изложены какъ законы о свободныхъ переходахъ поземельной собственности изъ однѣхъ рукъ въ другія, такъ и порядокъ наслѣдованія земли; но примѣненіе этихъ законовъ на практикѣ дѣлалось зачастую въ ущербъ благосостоянію частныхъ лицъ. Вслѣдствіе этого, Русскіе, занявъ нынѣшнія Сыръ-Дарьинскую область и долину Зеравшана, столкнулись здѣсь съ совершенно своеобразными условіями осѣдлой жизни. Русской администраціи необходимо было немедленно изучить дѣйствовавшій здѣсь порядокъ земельнаго устройства и выработать какой-нибудь органическій законъ о землевладѣніи, отъ правильной постановки котораго зависѣло прочное и систематическое введеніе порядковъ въ краѣ, его гражданское и экономическое развитіе.

Сады въ Туркестанѣ (видъ города съ востока).

До завоеванія нами этого края порядокъ землевладѣнія былъ такой. По шаріату, вся земля раздѣлялась на два главныхъ отдѣла: на земли необработанныя по негодности ихъ и годныя

къ обработкѣ. На первыя никто не могъ имѣть опредѣленныхъ правъ, но пользоваться ими могли безъ всякихъ ограниченій всѣ, кто пожелаетъ, — для пастьбы скота и рубки топлива. Вторыя земли подраздѣлялись, въ свою очередь, на воздѣланныя и невоздѣланныя. Право распоряжаться послѣдними принадлежало государству. Что же касается воздѣланныхъ земель, то онѣ подраздѣлялись на *мамлекатныя*, *ушри* и *хераджи*. Мамлекатными назывались тѣ земли, которыя были отданы государствомъ въ пользованіе частныхъ лицъ, т. е. въ аренду, за что и взималась въ казну арендная плата отъ $^1/_2$ до $^1/_5$ урожая, а также особая поземельная плата—танапъ. Къ числу мамлекатныхъ участковъ принадлежали также и *вакуфные*, доходъ съ которыхъ шелъ въ пользу духовно-мусульманскихъ учрежденій. Земли, розданныя на правѣ военныхъ поселеній, назывались *ушри*, и подать съ нихъ взималась въ размѣрѣ десятой части съ



Базаръ въ Туркестанѣ.

урожая. Наконецъ, хераджи назывались земли, оставленныя во владѣніи покоренныхъ народовъ. Подать съ нихъ опредѣлялась или постоянная, или пропорціонально урожаямъ. Изъ этого обозрѣнія видно, что права полной земельной собственности по шаріату не существовало, и никто изъ частныхъ лицъ не могъ имѣть такихъ правъ на землю, которыя бы допускали безграничное распоряженіе ею. Установленіе подати съ урожая само собою опредѣляло право владѣнія и пользованія землей только при условіи обязательной ея обработки. Если земля въ теченіе трехъ лѣтъ оставалась необработанною, то считалась государствомъ пустопорожнею и отдавалась тому, кто заявлялъ о желаніи обработать ее. Мамлекатныя земли, по шаріату, находились во владѣніи государства, оставаясь только во временномъ пользованіи частныхъ лицъ, какъ арендаторовъ. Послѣдніе, не имѣя на эти земли даже права пожизненнаго пользованія и тѣмъ менѣе наслѣдственнаго, не могли также дарить ихъ, завѣщать или дѣлить. Допускался только переходъ условнаго пользованія ими отъ отца къ сыну. Такимъ образомъ къ мамлекатнымъ землямъ не могло примѣняться и слово *владѣніе* (милькъ), имѣвшее отношеніе только къ землямъ ушри и хераджи. Таковы въ общихъ чертахъ законы мусульманъ о правахъ землевладѣнія. Они примѣнялись во всѣхъ мусульманскихъ странахъ одинаково, и отличія заключались обыкновенно въ какихъ-нибудь мелочахъ или терминологіи. Кромѣ того, въ Самаркандѣ имѣлся еще одинъ особый видъ землевладѣнія — милькъ-хурра-халисъ (родъ собственности), происшедшій путемъ отчужденія хераджныхъ и танапныхъ сборовъ на вѣчныя времена въ пользованіе владѣльцевъ земли. Но такихъ участковъ было во всемъ Туркестанскомъ краѣ весьма немного.

T. X. Ходжи проповѣдники, считающіе себя прямыми потомками Магомета.

Базаръ въ Новомъ Чиназѣ.

Вотъ эти-то въ теченіе вѣковъ дѣйствовавшіе законы и предстояло русской администраціи измѣнить, согласовавъ ихъ по возможности съ русскимъ законодательствомъ и сообразуясь съ мѣстными условіями и особенностями туземнаго быта. На-скоро составленный проектъ положенія объ управленіи краемъ вовсе не коснулся, какъ было выше сказано, поземельнаго вопроса. Затѣмъ, шло теоретическое изученіе аграрной системы Средней Азіи, и въ началѣ семидесятыхъ годовъ были, наконецъ, выработаны основанія для поземельной реформы въ краѣ. Главнымъ основаніемъ этой реформы была мысль о надѣленіи всѣхъ лицъ и обществъ, которыя пользуются теперь землею и обрабатываютъ ее; земли эти должны быть укрѣплены за населеніемъ или на правѣ собственности, или на правѣ постояннаго пользованія. На правѣ полной собственности должны были состоять земли, пріобрѣтенныя въ собственность по купчимъ крѣпостямъ и другимъ актамъ, выданнымъ русскими властями, а также земли мильковыя и вакуфныя, не занятыя посторонними мызами или обществами. Городскія угодья предполагалось оставить въ общинномъ владѣніи городскихъ обществъ. Затѣмъ, всѣ прочія земли, находящіяся подъ посѣвами, садами, огородами и лугами, должны быть укрѣплены за лицами и обществами, которыя ими пользуются, на правѣ постояннаго владѣнія. Наконецъ, мѣста необработанныя предполагалось отводить въ надѣлы новымъ поселенческимъ обществамъ или лицамъ, по распоряженію правительства, безъ разрѣшенія котораго орошать эти земли не дозволялось. Въ виду же того, что большинство земель въ краѣ находится въ участковомъ владѣніи, предположено было предоставить населенію владѣть своими отдѣльными участками на правѣ собственности. Проектъ поземельнаго устройства позаботился также и о тѣхъ туземцахъ, которые могли переходить сюда изъ сосѣднихъ ханствъ; переходы эти объясняются тѣмъ, что русскіе порядки лучше обезпечиваютъ неприкосновенность личности и имущества, чѣмъ деспотическое правленіе сосѣднихъ ханствъ. Продажу, куплю, наслѣдство, даръ и вообще всякую переуступку права постояннаго пользованія землею между лицами, находящимися въ составѣ сельскихъ обществъ, предположено допустить по мѣстнымъ обычаямъ, т. е. по документамъ, совершеннымъ казіями. Но положеніе это не было осуществлено на практикѣ. Права большинства туркестанскаго населенія на землю имѣютъ сходство съ правами, которыми пользовались крестьяне вѣдомства государственныхъ имуществъ до 1866 года. Это сходство и было главной причиной, по которой въ этомъ проектѣ, выработанномъ въ 1873 г., земельное устройство основано на началахъ, тождественныхъ съ началами, принятыми нашимъ законодательствомъ при устройствѣ быта казенныхъ крестьянъ. Учрежденія, завѣдующія этимъ дѣломъ, примѣнены къ существующимъ въ Россіи учрежденіямъ по крестьянскимъ дѣламъ, а именно: предположены участковые чиновники (на-

подобіе бывшихъ мировыхъ посредниковъ), уѣздные ихъ съѣзды, подъ предсѣдательствомъ начальниковъ уѣздовъ, и областныя присутствія по земельнымъ дѣламъ подъ предсѣдательствомъ военныхъ губернаторовъ. Дѣйствія первой инстанціи, какъ единоличной, контролируются, въ опредѣленныхъ случаяхъ, двумя высшими инстанціями коллегіальнаго состава, которыя вмѣстѣ съ тѣмъ составляютъ и аппеляціонную инстанцію.

Укрѣпленіе и охраненіе земельныхъ правъ населенія должно совершаться для земель, признанныхъ на правѣ собственности, выдачею «данныхъ», для земель же, состоящихъ въ постоянномъ пользованіи — выдачею «владѣнныхъ записей». Несомнѣнно, что населеніе Туркестанскаго края выиграло бы и въ экономическомъ, и въ соціальномъ отношеніи отъ прочнаго охраненія его земельныхъ правъ.

На долю русскаго населенія въ этомъ проектѣ отведено лишь незначительное мѣсто: ему предположено предоставить мѣста *необработанныя* и *пустынныя*. Нижнимъ чинамъ, отбывшимъ свой срокъ дѣйствительной службы, поземельная коммиссія нашла возможнымъ выдавать пособіе, но весьма незначительное. Что же касается переселенцевъ-крестьянъ, то имъ не предоставляется никакихъ денежныхъ пособій на водвореніе, но, взамѣнъ этого, было предположено временно освободить ихъ отъ платежа подушной подати и несенія рекрутской повинности. Имъ предоставлены тѣ же льготы по отбыванію земскихъ повинностей, которыми пользуются инородцы: пятнадцатилѣтняя льгота отъ платежа государственной оброчной подати и освобожденіе отъ тѣлеснаго наказанія, по приговорамъ обществъ.

На этомъ заботы о русскихъ поселенцахъ и кончились. Пожалуй, этого было бы достаточно, еслибы о русскихъ поселенцахъ-земледѣльцахъ подумали ранѣе, тотчасъ по занятіи русскими войсками этого края; если бы привели въ то время въ извѣстность всѣ удобныя для культуры земли, а также обращали бы вниманіе на то, чтобы аренда мамлекатныхъ земель не превращалась въ милькъ (въ собственность). Но, какъ сказано уже, проектъ поземельной реформы, выработанный еще въ 1873 году, и до сихъ поръ остается пока проектомъ, и до сихъ поръ здѣсь существуетъ та путаница и сумятица въ аграрныхъ отношеніяхъ, какая началась здѣсь со времени прихода Русскихъ, когда Сарты употребляли всѣ усилія, всѣ средства, не исключая даже подлоговъ, чтобы тѣмъ или другимъ путемъ добыть себѣ нужные документы на право владѣнія землею, которая, во время ханскаго владычества, составляла государственную собственность и отдавалась лишь во временное пользованіе. Между тѣмъ русское населеніе прибывало; потребность въ свободныхъ земляхъ близъ населенныхъ центровъ сдѣлалась настоятельной. Но такихъ свободныхъ земель вовсе не оказалось, исключая неорошенной еще Джизакской степи да никуда негодныхъ песковъ, или же такихъ мѣстностей, гдѣ никакое орошеніе, а слѣдовательно, и культура невозможны.

Расхищеніе и присвоеніе туземцами совершенно не принадлежащихъ имъ земель произошли слѣдующимъ образомъ. По мѣрѣ того, какъ русскія войска подвигались болѣе и болѣе къ югу, въ Туркестанскомъ краѣ массы туземцевъ, бросая все, бѣжали въ предѣлы Бухарскаго ханства. Примѣромъ такого повальнаго бѣгства передъ занимающимъ страну побѣдителемъ можетъ служить нынѣшнее Яны-Курганское аксысальство Ходжентскаго уѣзда. Тамъ отрядъ полковника Абрамова, занявъ эту мѣстность, въ которой находилось до 100 селеній, не нашелъ въ окрестностяхъ ни души, — все населеніе ушло въ Самаркандъ и далѣе къ Бухарѣ. Не смотря на неоднократныя приглашенія, народъ не вернулся на свои мѣста; только лишь по занятіи Самарканда и умиротвореніи долины Зеравшана возвратилась часть бѣжавшаго отсюда населенія. Тѣ жители, которые возвратились домой, забрали себѣ мамлекатныя земли, сначала на правѣ общиннаго пользованія, а затѣмъ раздѣлили ихъ на отдѣльные участки. Не смотря на то, что теперь населеніе уменьшилось почти вчетверо, и что вмѣсто ста бывшихъ здѣсь селеній теперь находится лишь 25, — свободныхъ земель здѣсь совсѣмъ не стало: всѣ онѣ пре-

вратились въ милькъ. На каждый клочекъ земли окажется казійскій документъ, свидѣтельствующій, что участокъ достался по наслѣдству въ милькъ.

То же самое повторилось и въ другихъ уѣздахъ округа, особенно же въ Кураминскомъ уѣздѣ и въ районѣ Ташкента. Всѣ пустопорожнія земли захвачены туземцами; вездѣ чей-нибудь милькъ. Это выдаваніе свидѣтельствъ на милькъ дошло до того, что пастбища на горахъ, на высотѣ семи-восьми тысячъ футовъ, на которыя даже и мусульманское правительство не предъявляло правъ, также не избѣгли общей участи: тамъ распоряжаются Кара-Киргизы или горные Узбеки на основаніи какихъ-то, вновь сфабрикованныхъ, документовъ. Какъ уже было сказано, пустопорожнія земли захватывались сначала цѣлыми обществами; но такъ какъ общинное владѣніе не было въ мѣстныхъ обычаяхъ и довольно рѣдко практиковалось, то общества туземцевъ, захватившіи земли, торопились ихъ подѣлить между отдѣльными хозяйствами. Обыкновенно, въ началѣ владѣнія Русскихъ, когда земли было еще вдоволь, споры не возникали и многіе ремесленники даже совсѣмъ отказывались отъ надѣловъ. Позже возвратившіеся эмигранты также получали свою долю земли, и недоразумѣнія въ этомъ случаѣ не доходили до русскаго суда, а кончались обыкновенно рѣшеніемъ сходовъ (благодаря родовому началу). Но затѣмъ, по вздорожаніи земель, выдѣлъ ихъ сдѣлался затруднительнѣе, и начались серьезныя пререканія между хлѣбопашцами съ одной стороны и ремесленниками, ранѣе отказавшимися отъ земли — съ другой. Такъ, въ 1880 г. ремесленники города Ташкента подали жалобу о захватѣ нѣсколькими лицами общественныхъ земель, на прилегающихъ арыкахъ. При разслѣдованіи дѣла, отвѣтчики-хлѣбопашцы предъявили какіе-то документы на право владѣнія спорными землями, недавно сфабрикованные, дѣйствительность которыхъ ремесленники отвергали. Но въ районѣ Ташкента, до прихода Русскихъ, общиннаго владѣнія землей не существовало. Хоть ремесленники и утверждали, что спорныя земли суть древнія *чаковыя* (т. е. жеребьевыя, пользованіе которыми доставалось членамъ общины по жребію), но такой видъ владѣнія, если и былъ въ недавнее время, то исключительно вслѣдствіе захвата обществами пустопорожнихъ земель. Къ сожалѣнію, эти просьбы вѣдались народнымъ судомъ, а казіи, которымъ вполнѣ извѣстно истинное положеніе дѣлъ, все-таки рѣшаютъ эти дѣла въ пользу тѣхъ или другихъ претендентовъ, не заботясь, конечно, объ интересахъ русскаго населенія. Затѣмъ казіемъ фабрикуется документъ, и участки земли, составляющіе государственную собственность, навсегда остаются закрѣпленными за стороною, болѣе щедро оплатившей подложный документъ. Такимъ образомъ ускользаютъ изъ рукъ русскаго правительства громадныя площади плодородныхъ земель и ускользаютъ безвозвратно.

Старый Чиназъ.

Нельзя не обратить вниманія на чрезвычайное увеличеніе благосостоянія туземцевъ за время русскаго владычества. Съ приходомъ Русскихъ открылся обширный сбытъ для продуктовъ земледѣлія, а обиліе земли дозволило увеличить запашку болѣе чѣмъ вдвое. Неприкосновенность собственности, уничтоженіе баранты, значительное умиротвореніе края и весьма значительное уменьшеніе грабежей, разбоевъ и убійствъ вызвали на свѣтъ «тилли» и «коканы» (мѣстныя монеты), остававшіяся до тѣхъ поръ хорошо припрятанными, и оживили туземную торговлю и промышленность... Выше было сказано, что Туркестанскій округъ ежегодно требуетъ приплаты изъ обще-государственныхъ суммъ около семи милліоновъ руб.; эти милліоны ежегодно расплываются по сартовскимъ карманамъ, породивъ массу мѣстныхъ капиталистовъ, легко постигшихъ всю сладость казенныхъ подрядовъ по всевозможнымъ поставкамъ и постройкамъ. Вся торговля, даже и русскими товарами, сосредоточивается въ рукахъ Сартовъ, и Русскіе находятся въ полной зависи-

мости отъ нихъ какъ потребители. Насколько увеличилось благосостояніе туземнаго населенія, можно судить по тому, что, напр., въ Ташкентѣ рѣдкій изъ мѣстныхъ жителей принимается за черную работу; онъ уже отворачивается отъ этого труда, предоставляя его приходящимъ Бухарцамъ (ихъ теперь ежегодно является на лѣтнія работы около десяти тысячъ человѣкъ). Сартъ, хорошо обезпеченный матеріально, предпочитаетъ тяжелой работѣ кейфъ на базарчикѣ въ «чайханѣ» (кофейня), или у мечети. Наряду съ этимъ фактомъ несомнѣннаго процвѣтанія мусульманскаго населенія въ Туркестанскомъ краѣ, еще рѣзче бросается въ глаза далеко невеселая картина — заурядная бѣдность и лишенія, которыя приходится выносить русскому населенію городовъ Сыръ-Дарьинской области и всего края.

Въ отношеніи этого края, весьма характерна и даже назидательна та неподвижность и некультурность, какою заявили себя здѣсь и продолжаютъ заявлять коренные русскіе поселенцы, перебравшіеся изъ центральной Россіи. Въ первое время занятія этой области русскими войсками, чрезвычайно сильно нуждались въ русскихъ рабочихъ и мастеровыхъ. Ихъ заработокъ былъ очень хорошъ; это побуждало отставныхъ и запасныхъ нижнихъ чиновъ, попреимуществу семейныхъ, оставаться въ этомъ краѣ на жительство. Даже и служащіе чины выписывали сюда свои семьи, разсчитывая, по окончаніи срока службы, поселиться въ краѣ навсегда. Но, мало-по-малу, Сарты ознакомились съ русскими требованіями и работой, пригляделись, и русскимъ рабочимъ — столяру, плотнику, печнику, каменьщику и т. д., вскорѣ стало не подъ-силу конкурировать съ мастеровымъ изъ туземцевъ. Да это и понятно. У Сарта готовое жилье и продовольствіе, подати ничтожны; кромѣ того, онъ и сырой матеріалъ всегда можетъ купить вдвое дешевле, чѣмъ продадутъ его Русскому, а слѣдовательно, онъ можетъ значительно понизить и цѣну за трудъ противъ русскаго мастероваго, тѣмъ болѣе, что нѣтъ ремесла, за которое бы не взялись Сарты. Они являются и кондиторами, и поварами, и печниками, и даже наборщиками. Если положеніе русскихъ мастеровыхъ такъ неудовлетворительно, то положеніе простыхъ рабочихъ, оставшихся въ Сыръ-Дарьинской области, въ надеждѣ на мускульный трудъ, еще болѣе неудовлетворительно. Къ этому разряду должны быть главнымъ образомъ причислены безсрочные солдаты, оставшіеся здѣсь въ первые годы по занятіи края. Въ послѣднее время имъ ничего не оставалось болѣе, какъ идти въ кабалу къ Сартамъ. Такъ, напримѣръ, цѣлая артель составилась изъ отставныхъ солдатъ, служащая положительно за ничтожную плату на рыбныхъ тоняхъ, содержимыхъ торговцами Воскресенскаго базара въ Ташкентѣ. Стоитъ присмотрѣться къ жизни этихъ несчастливцевъ-побѣдителей, безсовѣстно эсплоатируемыхъ кулаками-Сартами, — и нетрудно придти къ выводу, что Русскіе, быть можетъ въ погонѣ за популярностью у мусульманства, зашли слишкомъ далеко. Особенно несчастную и жалкую жизнь ведутъ теперь солдатскія семьи въ городахъ Туркестанскаго края. «Помѣщенія солдатокъ вовсе и не похожи на человѣческія жилища, это скорѣе какія-то норы, — говоритъ г. Михайловъ въ своей книгѣ о Туркестанскомъ краѣ, — куда и порядочную скотину помѣстить было-бы жалко. Въ большинствѣ случаевъ квартиры ихъ устроены въ сартовскихъ саклюшкахъ съ каркасными стѣнами и рѣшетомъ вмѣсто крыши. Случайно забрелъ я зимою въ одно изъ такихъ жилищъ: въ небольшой каморкѣ, едва освѣщенной окномъ, заклеенымъ просаленной бумагой, помѣщались четыре семьи съ тремя дѣтьми; въ двухъ углахъ комнаты стояло по двѣ кровати, одна на другой, надъ ними пологъ; этимъ способомъ спасались отъ дождя, обильно капавшаго черезъ крышу, такъ какъ въ это время стояла оттепель. Сырость въ комнатѣ была неимовѣрная, на полу — лужа. Въ воздухѣ не то туманъ, не то угаръ стелется — дышать тяжело. Дѣти больны, да и мудрено имъ быть здоровыми въ такой атмосферѣ. За право жить въ такой берлогѣ платится Сарту-хозяину два рубля въ мѣсяцъ». — «Работы тоже почти нѣтъ, — жаловалась одна изъ солдатокъ, — есть, пожалуй, другія мѣста: зовутъ сидѣть въ кабаки да портерныя и спокой и деньги сулятъ, чего-бы лучше? Да спасибо на этомъ привольѣ, насмотрѣлись мы на этихъ солдатокъ, все имъ нипочемъ — Сартъ-ли,

Русскій-ли».— «Не многіе такъ выдерживаютъ до конца,— говоритъ Михайловъ,— сила солому ломитъ и если долго не подвертывается мѣсто, то другой разъ и самъ мужъ, скрѣпя сердце, отпускаетъ жену въ сидѣлицы. А затѣмъ, дѣло извѣстное! Та портерная и доходнѣе, гдѣ есть баба посмазливѣе; туда и Сарты чаще навертываются, гдѣ «Русскаго отъ нехристя не отличаютъ».

Въ фортахъ и маленькихъ уѣздныхъ городкахъ солдатки страшно бѣдствуютъ. Работы у нихъ нѣтъ никакой и развратъ остается единственнымъ средствомъ для тѣхъ, у которыхъ мужья не знаютъ какого-нибудь мастерства. Конечно, чрезвычайно грустно, что семья русскаго солдата-побѣдителя находится въ такомъ нищенскомъ положеніи, что женѣ его приходится продавать себя туземцамъ, разбогатѣвшимъ на деньги своихъ побѣдителей, всячески эксплоатирующимъ Русскихъ и позорящимъ ихъ женъ. Крайне необходимо обратить вниманіе на солдатскія семьи и улучшить ихъ положеніе. Отводъ земли подъ огороды и посѣвы составляетъ главную мѣру, способную избавить ихъ отъ настоящаго нищенскаго состоянія. Солдатки труда, конечно, не боятся. «Дома все едино наравнѣ съ мужиками управлялись,— говорила одна изъ солдатокъ г. Михайлову,— пахали, косили и овины обмолачивали. Работать не позабыли; придемъ домой,—опять за косу да за цѣпъ возьмемся».

Замѣтимъ, между прочимъ, что, характеризуя отношенія туземнаго населенія къ русскому, мы строго держались тѣхъ фактовъ и тѣхъ мотивовъ, которые даетъ намъ мѣстная подцензурная печать. Для полноты этой характеристики, приведемъ также слѣдующій, вполнѣ достовѣрный, фактъ. Послѣ многочисленныхъ ходатайствъ, отставнымъ солдатамъ, въ количествѣ, 119 человѣкъ, была отведена земля въ десяти верстахъ отъ Ташкента, — земля, безусловно пустопорожняя и ранѣе никому не принадлежавшая. Отслужили солдатики торжественный молебенъ и приступили къ постройкамъ. Но радоваться пришлось не долго. Нѣкоторые земледѣльцы города Ташкента подали коллективное прошеніе, въ которомъ заявляли, что отведенная отставнымъ нижнимъ чинамъ земля есть ихъ собственность, доставшаяся по наслѣдству отъ дѣдовъ и прадѣдовъ, и просили объ отмѣнѣ послѣдовавшаго распоряженія. «Никто и никогда не воображалъ,— говорилось въ этомъ льстивомъ и въ то же время дерзкомъ прошеніи,— чтобы земля эта была насильственнымъ образомъ отнята у насъ, *тѣмъ болѣе* по занятіи края русскими войсками. Если наше достояніе будетъ отдано лицамъ, никакого права на землю не имѣющимъ, то мы будемъ разорены окончательно». Администрація была тронута этимъ прошеніемъ и приказала пріостановить постройку новаго поселка, впредь до особаго распоряженія. Это нанесло тяжелый ударъ отставнымъ солдатамъ: многіе изъ нихъ уже закончили вчернѣ усадебныя постройки, успѣли и задолжать за счетъ ожидавшагося пособія отъ казны. Нѣкоторые дома были уже совсѣмъ готовы. Приведенный примѣръ — первый опытъ водворенія русскихъ поселенцевъ среди осѣдлаго населенія Сыръ-Дарьинской области, и, конечно весьма плохо будетъ для русской колонизаціи, если предъявленный Сартами споръ будетъ разрѣшенъ въ ихъ пользу, что очень легко можетъ случиться, если коммисія, на разрѣшеніе которой передано это дѣло, ограничится одними мусульманскими показаніями и ихъ документами, имѣя уже много фактовъ, свидѣтельствующихъ о подложности этихъ документовъ.

Помимо земледѣльческой промышленности, и въ другихъ сферахъ мѣстной жизни Русскіе, вообще дѣйствуютъ въ ущербъ прямымъ интересамъ своей колонизаторской дѣятельности. Такъ, напримѣръ, для совершенія купчей крѣпости требуется для русскаго человѣка мѣсяцъ или два (при наиболѣе благопріятныхъ условіяхъ); въ Ташкентѣ многіе Русскіе хлопочатъ часто по восьми и десяти мѣсяцевъ объ укрѣпленіи за собой нотаріальнымъ порядкомъ недвижимостей, купленныхъ у Сартовъ. Для Сартовъ же ничего нѣтъ легче, какъ добыть себѣ отъ казія удостовѣряющій продажу документъ. Русскіе даже дѣлаютъ какъ бы обязательными для себя постановленія шаріата и въ тѣхъ случаяхъ, когда это наименѣе желательно. Судебные пристава жалуются, что нѣтъ возможности взыскать съ Сарта какой-нибудь долгъ по частному или по казенному иску. При описи, напр., недвижимаго имущества Сартъ заявляетъ и

обѣщаетъ представить документъ о томъ, что имущество не принадлежитъ ему; между тѣмъ довольно заурядное явленіе, что продажа производится послѣ описи и представляется подложный документъ, помѣченный заднимъ числомъ. Это возможно при безконтрольности казіевъ и отсутствіи какой бы то ни было записи о куплѣ-продажѣ. Для Русскихъ же невозможно устроить подобный изворотъ, такъ какъ одно совершеніе купчей тянется нѣсколько мѣсяцевъ. Весьма не рѣдко должникъ, имущество котораго подлежитъ описи, заявляетъ, что оно составляетъ махръ (обезпеченіе) его женѣ. Это показаніе, обыкновенно голословное, поручается повѣрить казіямъ, а ихъ сомнительная честность не преминетъ донести по начальству, что данная «недвижимость, какъ выяснилось изъ *такихъ-то* показаній, обѣщана была должникомъ въ махръ его женѣ при бракосочетаніи, что и удостовѣряется приложеніемъ печати». Такимъ образомъ, по показанію судебныхъ приставовъ, только весьма незначительная часть недвижимостей можетъ быть обращена на пополненіе казенныхъ долговъ, и то какъ бы въ видѣ уступки со стороны Сартовъ-должниковъ. Частные истцы принуждены прибѣгать ко всевозможнымъ ухищреніямъ, чтобы получить что-нибудь отъ должника. А казна... на что ей? Недаромъ мусульмане говорятъ: «Богатство падишаха есть море; тотъ дуракъ, кто изъ него не черпаетъ».

Сартъ-земледѣлецъ.

Такъ мало сдѣлано Русскими для колонизаціи края. Комиссіи поземельнаго переустройства края,—если только оно когда-нибудь состоится,—съ каждымъ годомъ предстоятъ все болѣе серьезные труды; дѣло это тѣмъ болѣе будетъ осложняться, чѣмъ дольше будетъ оставаться въ нынѣшнемъ положеніи дѣло землевладѣнія въ Сыръ-Дарьинскомъ округѣ. До настоящаго времени Сартъ, какъ говорятъ сами туземцы, является какой-то «бѣлою костью», въ противоположность своимъ побѣдителямъ—солдатамъ и казакамъ, представляющимъ собою «черную кость». До сихъ поръ мѣстное населеніе пользуется чрезвычайными льготами. Въ самомъ дѣлѣ, русскій крестьянинъ платитъ несравненно больше противъ Сарта, вносящаго ежегодно по 4 р. 50 к. со двора, да и то едвали не съ половины домовладѣльцевъ этотъ окладъ не получается, такъ какъ бывали примѣры, что при ревизіяхъ открывались цѣлые кишлаки, незначившіеся въ спискахъ. Освобожденіе ихъ отъ гербовыхъ пошлинъ способствовало лишь развитію среди нихъ кляузничества, что хорошо извѣстно каждому служившему въ краѣ. Они чрезвычайно заваливаютъ всѣ учрежденія просьбами. Главнѣйшая привиллегія туземцевъ—освобожденіе ихъ отъ воинской повинности—всею тяжестью лежитъ на одномъ русскомъ населеніи. Если правительство находитъ невозможнымъ ввести обязательную для мусульманъ, натуральную воинскую повинность,—мусульмане должны быть, взамѣнъ ея, обложены денежнымъ взносомъ; но въ этомъ случаѣ должно быть предоставлено право и мѣстному русскому населенію замѣнять отбываніе натуральной воинской повинности денежнымъ взносомъ. Въ 1873 году, по почину полковника Куропаткина, былъ возбужденъ этотъ вопросъ и предложенъ на обсужденіе уѣздныхъ начальниковъ округа, но тѣ отнеслись несочувственно къ этой мѣрѣ, и вопросъ не прошелъ. Между тѣмъ все мусульманское населеніе края составляетъ болѣе двухъ съ половиной милліоновъ жителей; замѣнивъ пять рекрутъ съ 1,000 человѣкъ населенія соотвѣтствующей цифрой взноса, по стоимости содержанія рекрута въ годъ

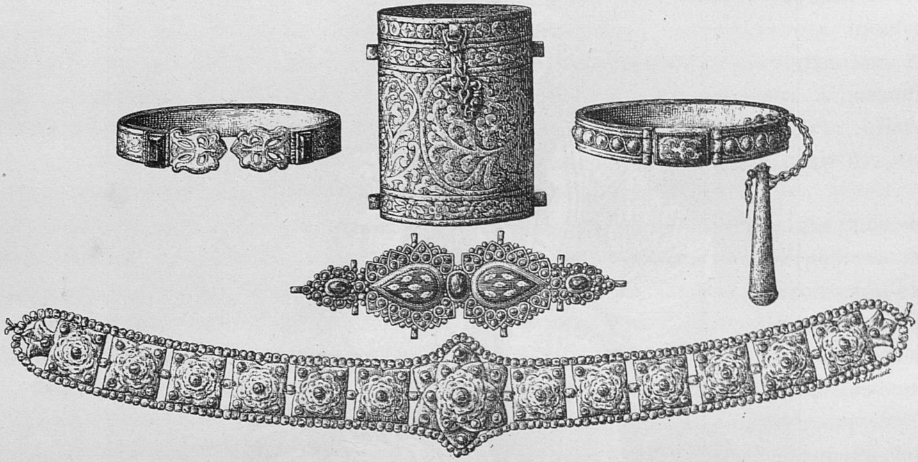
(250 руб.), получили-бы денежный сборъ не менѣе 3,125,000 руб. Такимъ образомъ, ежегодный дефицитъ Туркестанскаго края уменьшился бы почти на половину. Короче говоря, г. уѣздные начальники, категорически отвергшіе эту разумную и крайне необходимую мѣру, слишкомъ горячо отнеслись къ интересамъ туземца и совершенно забыли про интересы Русскихъ.

Кочевые народы Туркестанскаго края, а вмѣстѣ съ ними и Русскіе, называютъ мѣстное осѣдлое населеніе—Сартами, хотя собственно племени Сартовъ нѣтъ. Получившій это названіе классъ или слой населенія вмѣщаетъ въ себѣ весьма различныя, и по языку, и по происхож-

Сартянки.

денію, народности; но этотъ классъ, тѣмъ не менѣе, представляетъ нѣчто довольно цѣльное, какъ по своимъ духовнымъ и нравственнымъ свойствамъ, такъ и потому, что ведетъ одно-родный образъ жизни, живетъ въ деревняхъ и городахъ, занимаясь земледѣліемъ, ремеслами и торговлей. Сартами называются: Таджики,—исконные обитатели Средней Азіи, народъ иран-скаго племени,—и осѣдлые Узбеки, Татары, Киргизы и разныя народности, происшедшія отъ взаимнаго смѣшенія; наконецъ, Таранчи — осѣдлое племя, составляющее преобладающее населеніе

Кульджинскаго района. Слой населенія, называемый Сартами, самъ себя не называетъ этимъ именемъ, а именуется по тѣмъ городамъ, откуда пришелъ. Этимъ и объясняются прозвища: Ташкенлыки, Ходженлыки и т. д. Сарты усвоили себѣ общій родъ занятій и жизни. Ихъ общественная и гражданская жизнь, а отчасти и характеръ сложились подъ вліяніемъ мусульманскаго кодекса—шаріата. Не смотря на такое однообразіе въ общественной жизни, типъ и нарѣчіе Сартовъ представляютъ весьма большія отличія, что̀ обусловливается племенными особенностями. Въ ходжентскихъ типахъ замѣтенъ преобладающій характеръ горныхъ Таджиковъ, коренныхъ старожиловъ страны. Жители долинъ всегда смѣшивались съ различными пришлыми народностями, вслѣдствіе чего въ послѣднихъ и долженъ былъ выработаться смѣшанный типъ. Такъ, напр., въ типѣ Таджика-сарта, обитателя долинъ, весьма часто замѣтны явные слѣды тюркской расы; наоборотъ, физіономія Узбека-сарта часто носитъ отпечатокъ иранскаго типа. Поэтому типъ



Сартскія золотыя украшенія.

Сарта весьма трудно уловить, хотя, вообще, онъ довольно красивъ, съ пріятными и правильными чертами лица, при среднемъ ростѣ и не особенно крѣпкомъ тѣлосложеніи. Сарты — слой зажиточный, привиллегированный, слой денежной аристократіи. Достаточная, даже привольная жизнь способствовала сравнительной выхоленности этого слоя населенія и нѣкоторой облагороженности типа. Въ Ходжентѣ Сарты говорятъ на таджикскомъ языкѣ, тогда какъ въ Ташкентѣ они употребляютъ тюркскій языкъ. Сарты одѣваются чрезвычайно однообразно; всѣ, какъ богатые, такъ и бѣдные, носятъ одежду не только одного покроя — халаты, но почти изъ одинаковыхъ матеріаловъ. Халатъ составляетъ главную одежду; онъ опоясывается или поясомъ, или просто кускомъ какой-нибудь матеріи, на который, кромѣ того, накручивается еще платокъ, такъ что ширина пояса, особенно у зажиточныхъ людей, доходитъ до полъ-аршина и болѣе. На головѣ носятъ тюбетейки (родъ ермолки) и, сверхъ того, еще чалмы, чаще всего изъ бѣлой кисеи; но во многихъ городахъ носятъ чалмы разноцвѣтныя. Обувь — такъ называемые масы, т. е. мягкіе сапоги безъ каблуковъ, сверхъ которыхъ надѣваютъ калоши (каушъ), почти всегда зеленыя, изъ спеціально приготовляемой для этого конской кожи (сауръ). Только муллы носятъ рубашки, всѣ же остальные Сарты надѣваютъ вмѣсто нихъ бѣлые халаты, длиною немного ниже колѣнъ. Брюки заправляются за голенища «масы». Верхнюю одежду мужчинъ составляетъ бешметъ или камзолъ — короткій, узко сшитый и легкій халатикъ, иногда безъ рукавовъ, или съ рукавами по локоть. Кромѣ обыкновеннаго халата, есть почетный халатъ (тукъ), который, какъ при ханахъ, такъ и при русской администраціи, считается лучшей наградой. Богатые Сарты носятъ

T. X

Бача и его поклонники.

по нѣсколько халатовъ, одинъ на другомъ. Зимой надѣвается «тутунъ» — халатъ на мѣху. Съ лѣвой стороны пояса у Сартовъ висятъ: ножъ, огниво, брусокъ, кошелекъ и гребень. Туалетъ Сартовъ строго опредѣленъ шаріатомъ. Кромѣ того, каждый мусульманинъ по шаріату обязанъ имѣть повозможности чисто выбритую голову, долженъ подстригать усы и мыться, по крайней мѣрѣ, 5 разъ въ день, передъ каждымъ намазомъ, т. е. молитвой.

Сартянки повязываютъ голову платкомъ, преимущественно изъ бѣлой кисеи; у богатыхъ она расшита золотомъ и шелкомъ. Сорочка женщинъ застегивается на груди; панталоны ихъ ýже мужскихъ; обувь почти не отличается отъ мужской. Верхнюю одежду женщинъ составляетъ паранджи, т. е. халатъ шелковый, полушелковый или бумажный, никогда не одѣвающійся въ рукава, которые закинуты назадъ, висятъ почти до полу, сшитые крестообразно и расшитые шелкомъ. Женщины, выходя на улицу, надѣваютъ паранджи и закрываютъ лицо черными, густыми сѣтками изъ конскаго волоса, или бѣлой кисеей. Волосы заплетаютъ въ пять косъ; при недостаткѣ своихъ волосъ, замѣняютъ ихъ чужими. Употребляютъ также румяна и бѣлила и часто чернятъ себѣ зубы. Брови и рѣсницы подкрашиваютъ порошкомъ изъ какой-то травы, называемымъ сурмалъ; ногти подкрашиваютъ въ красный цвѣтъ. Носятъ всевозможныя ожерелья, кольца, запястья и проч. Сартянки преимущественно брюнетки; вообще, онѣ красивы и весьма подходятъ подъ европейскія понятія о красотѣ. Дѣвушекъ выдаютъ замужъ лѣтъ 13—15-ти, и женщины въ 30 лѣтъ кажутся старухами. Много, конечно, этому способствуетъ и многоженство Сартовъ—тотъ варварскій взглядъ на женщину, который господствуетъ среди мусульманъ. Иныя жены молча и терпѣливо подчиняются этому униженному положенію, другія же протестуютъ противъ него невѣрностью мужьямъ. Тогда имъ не страшны ни шаріатъ, съ его грозными догматами, ни побои мужа. Жизнь часто беретъ свое, и Сартянка иногда находитъ возможность подышать свободно, вопреки законамъ шаріата. Чувству нуженъ отзывъ. Иначе, зачѣмъ же эти пѣсни про соловья и розу, зачѣмъ это яркое солнце, эти сады, — зачѣмъ этотъ избытокъ силы и страсти? А мужъ? Мужъ или старъ, или любитъ другую жену, или въ лавкѣ, или, наконецъ, въ веселой компаніи поклонниковъ мужской красоты.

Обыкновенно, человѣкъ двадцать коротко знакомыхъ между собою Сартовъ имѣютъ своего «бачу», небольшаго мальчика. Они поочереди устраиваютъ вечера, угощая компанію бачуозовъ, какъ называютъ Сарты поклонниковъ мужской красоты. Въ мѣстной печати мы находимъ, напримѣръ, слѣдующее описаніе времяпровожденія бачуозовъ: «Туалетъ бачи шелъ недолго. На мальчика надѣли женскій парикъ, повязали платокъ, выпустили изъ-подъ рукавовъ халата длинные рукава бѣлаго халата, — и метаморфоза полная. Передъ нами была женщина. Пронзительный крикъ привѣтствовалъ бача, когда онъ, явившись передъ своими восхищенными поклонниками, сѣлъ въ уголъ, закрываясь рукавами, какъ это дѣлаютъ женщины. Сцена была очищена, и пришли бубенщики; раздались крики: «пропадаемъ отъ твоихъ очей, развернись, развернись!» Зазвенѣли бубны, захлопали ладоши, и бача пошелъ плясать. Сдѣлавши нѣсколько туровъ, бача взялъ изъ рукъ одного Сарта чашку чаю, отпилъ изъ нея и едва замѣтнымъ взглядомъ вызвалъ изъ гостей полнаго Сарта съ изрядной бородой. Быстро всталъ счастливецъ съ своего мѣста и, что-то бормоча, устремился къ нему съ сладкой и почтительной улыбкой. Принявъ отъ бача чашку и выпивши чай, толстякъ всталъ и, съ поклономъ обращаясь къ бачу, сказалъ: «куллукъ» (благодарю). Между тѣмъ бача съ другою чашкою стоялъ уже вблизи другаго не менѣе почтеннаго на видъ мужа. Почтенный мужъ поднялся на ноги и, не сходя съ мѣста, протянулъ было руку къ чашкѣ, потому что бача стоялъ близко; но коварный мальчикъ, неизмѣнно-холодный и спокойный, отступилъ нѣсколько шаговъ на средину комнаты,—и почтенный мужъ долженъ былъ сойти съ мѣста. Тѣмъ не менѣе почтительно подошелъ онъ къ лукавому ребенку, взялъ чашку, сѣлъ на свое мѣсто, выпилъ, всталъ и возгласилъ «куллукъ». Между тѣмъ, музыканты, успѣвъ перевести духъ, начали что-то наигрывать, выбивая тактъ дробью. Бача стоитъ передъ ними. Одна рука его поднята кверху, а другой онъ подперся въ бокъ; все тѣло его начинаетъ вздра-

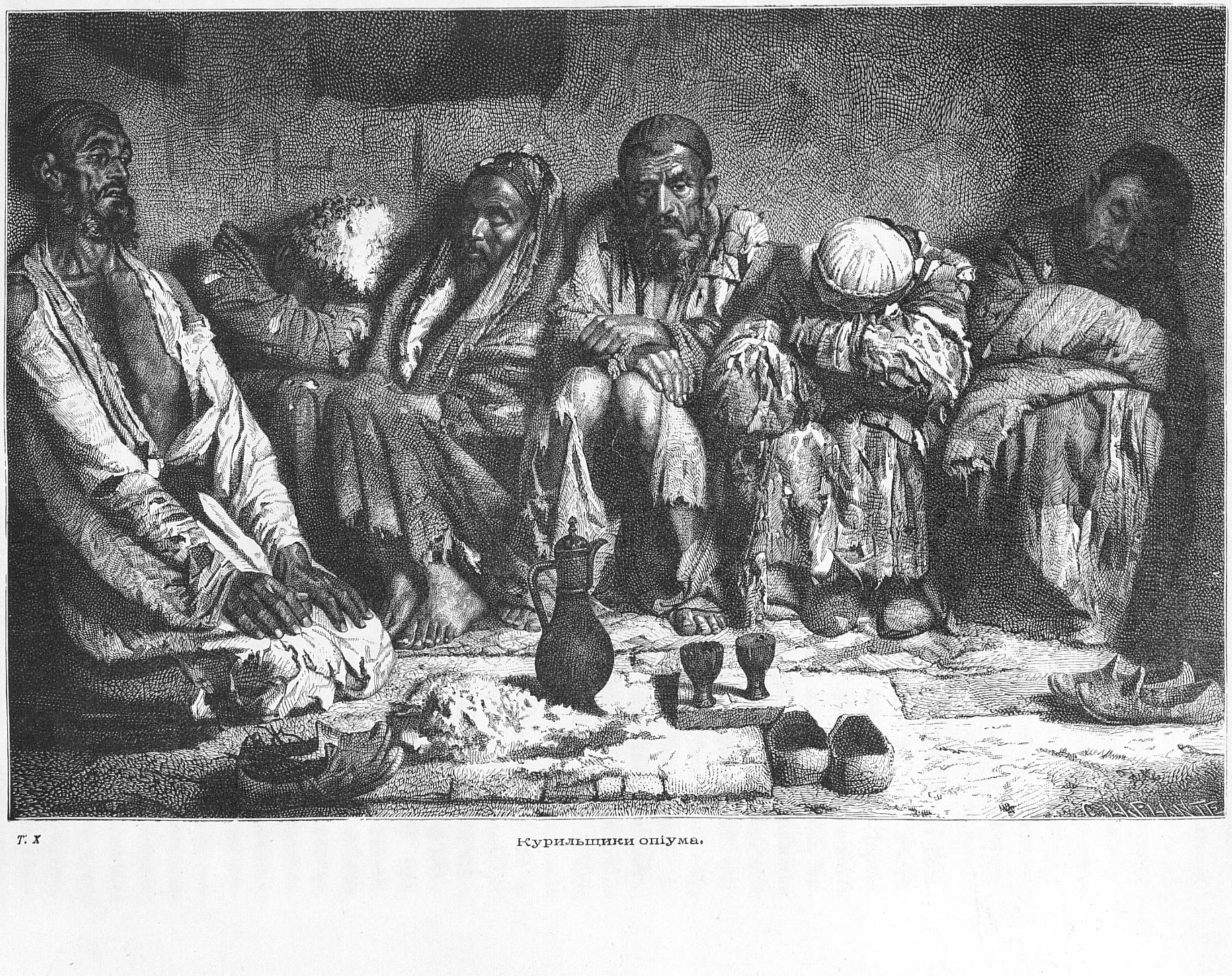
гивать, и онъ, въ третій разъ обойдя кругъ, становится на колѣни передъ музыкантами. Медленно гладитъ онъ свои косы, плавно и не безъ граціи колышетъ онъ руками, нагибая на-бокъ туловище и закинувъ назадъ голову,—и вдругъ начинаетъ кружиться. Быстро вальсируетъ онъ на колѣняхъ въ кругу, придерживая руками полы халата. Музыканты выходятъ изъ себя. Голоса пѣвцовъ безпрестанно срываются. Они уже не сидятъ; ставши на колѣни и вытянувъ шеи, бубенщики нагнулись другъ къ другу и во все горло выдѣлываютъ быструю трель, а бача все кружится на колѣняхъ. Подобныя сборища Сартовъ замѣняютъ собою общественныя развлеченія.»

Пищу Сартовъ составляютъ: бульонъ изъ баранины (шарпа), приправленный кислымъ молокомъ и стручковымъ перцемъ; нарѣзанная небольшими кусочками баранина, обжаренная въ курдючномъ салѣ, вмѣстѣ съ кусками лепешки и яйцами (каурдакъ); пильмени (манте) и пирожки (кебаба); шашлыкъ и пловъ (палау). Зеленый чай — сильно любимый и употребительный у Сартовъ напитокъ. Изъ одуряющихъ напитковъ Сарты любятъ бузу (изъ проса). Къ табаку они часто подмѣшиваютъ гашишъ...

Въ коммерческомъ отношеніи Сарты замѣчательны своей предпріимчивостью и умѣньемъ вести торговыя сдѣлки. Это, кажется, самая выдающаяся и наиболѣе развитая черта характера Сартовъ.

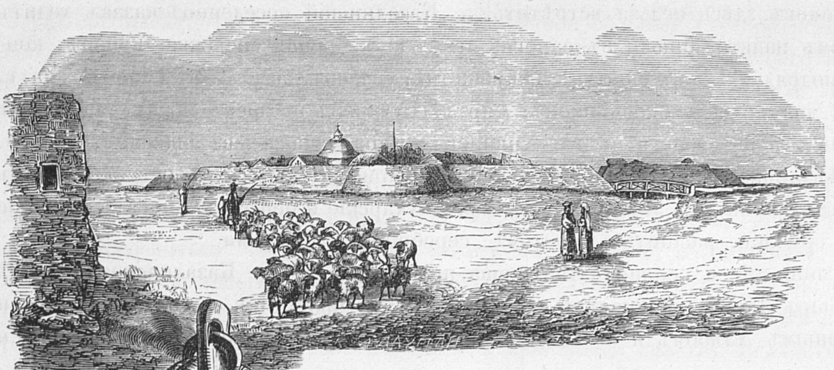
Въ умственномъ отношеніи они одарены достаточно — смѣтливы, ловки, находчивы и изворотливы. Сарты получаютъ образованіе исключительно религіозное. Для этой цѣли въ каждомъ осѣдломъ пунктѣ есть особыя начальныя мусульманскія школы. Здѣсь обучаютъ читать и обязательно выучивается коранъ наизусть. Высшій надзоръ за образованіемъ, вообще, лежитъ на обязанности мусульманскаго духовенства. Кромѣ начальныхъ школъ, въ каждомъ большомъ городѣ есть высшія учебныя заведенія — медрессе, въ которыя обыкновенно поступаютъ или юноши, или взрослые люди, но попадаются и старики. Эти высшія учебныя заведенія имѣютъ трехъ-годичный курсъ. Въ первый годъ изучаютъ грамматику и знакомятся съ литературою; во второй годъ проходится діалектика и метафизика; наконецъ, въ послѣдній годъ изучается законовѣдѣніе. Ученіе ограничивается занятіями только въ школѣ, и на домъ не задаютъ уроковъ. Ученики проводятъ въ школѣ цѣлый день, отъ 8 часовъ утра до заката солнца, отлучаясь домой только для обѣда. Кромѣ наставленій, щедро расточаемыхъ учителемъ по четвергамъ, дисциплинарными мѣрами служатъ еще: длинный прутъ, всегда лежащій около учителя, переплетенная книга и линейка. Высшею мѣрою наказанія считается халакъ — т. е. палка длиною въ полъ-аршина, съ веревочной петлей посрединѣ. Этому наказанію подвергаютъ учениковъ преимущественно за побѣгъ отъ школьныхъ занятій. Пойманный своими товарищами, ученикъ *поступаетъ въ халакъ*. Это значитъ, что ученика кладутъ на полъ, надѣваютъ ему на ноги петлю халака и поднимаютъ ноги, держа за концы палки, для того, чтобы удобнѣе было дѣйствовать другой палкой по пяткамъ наказываемаго. Право наказать его принадлежитъ поймавшимъ его товарищамъ, какъ вознагражденіе за поимку.

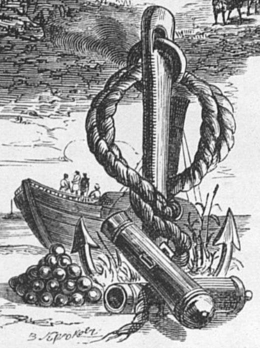
Ознакомившись съ мѣстностью разсмотрѣннаго края, его прошлымъ и отношеніемъ къ русской метрополіи въ настоящее время, разсмотримъ важнѣйшіе центры административнаго управленія, а также торгово-промышленной и земледѣльческой жизни, о чемъ въ общихъ чертахъ мы говорили уже выше.



T. X

Курильщики опіума.



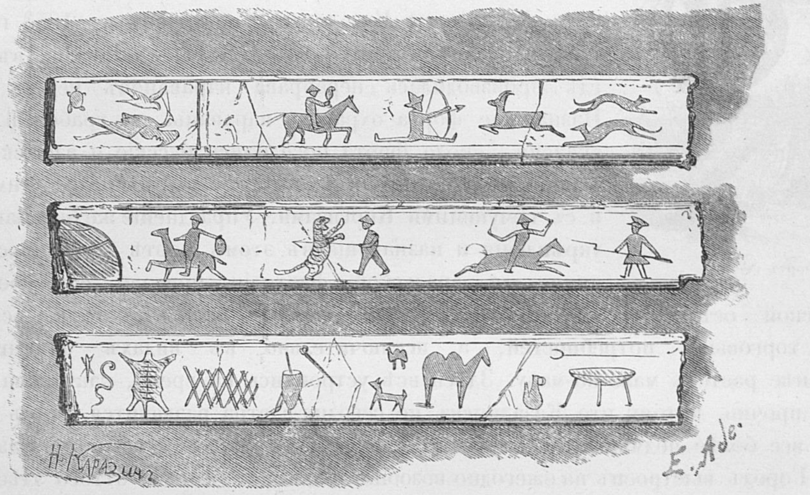


Фортъ № 1.

ортъ № 1, нынѣ Казалинскъ, построенъ въ 1853 году, на большой караванной дорогѣ изъ Бухары въ Россію, въ томъ мѣстѣ, гдѣ производилась переправа каравановъ черезъ Сыръ-Дарью. Назначеніе форта охранять караваны отъ грабежей. Съ теченіемъ времени, около форта поселились русскіе и азіятскіе купцы, начавшіе производить мелкую торговлю съ проходящими караванами и съ кочующими Киргизами. Упраздненіе же бывшаго Аральскаго укрѣпленія и назначеніе въ этомъ фортѣ мѣста постоянной стоянки для аральской флотиліи придало еще болѣе значенія новой русской осѣдлости въ низовьяхъ Сыръ-Дарьи. Городокъ этотъ, основанный не вслѣдствіе торговыхъ потребностей, а исключительно въ видахъ административныхъ, тѣмъ не менѣе растетъ мало-по-малу. Здѣсь всѣ устроились на время, какъ попало, да и нельзя устроиться прочно, потому что Казалинскъ не сегодня-завтра развалится, такъ какъ зыбкій грунтъ его все болѣе подмывается ежегодно водою Сыръ-Дарьи. Мѣстность Казалинска самая неудобная. Городъ выстроенъ на ежегодно возобновляющемся болотѣ; оттого здѣсь чуть не на каждомъ шагу развалившіяся постройки, покачнувшіяся стѣны. Казалинскъ имѣетъ унылый, грустный видъ. Нѣтъ хорошаго строительнаго матеріала, глина, изъ которой выдѣлывается здѣсь кирпичъ, весьма солонцовата. Какъ крѣпость, такъ и городъ расположены на болотистой мѣстности, въ особенности дающей себя чувствовать во время дождей; солонцоватая грязь прилипаетъ къ ногамъ пѣшеходовъ. На площади, въ центрѣ города, разбросано много лавокъ. Торговая площадь каждый день бываетъ покрыта народомъ и скотомъ. Съ ранняго утра до поздняго вечера здѣсь производится мѣна киргизскаго скота на русскіе товары. Первыми колонизаторами города Казалинска были верхне-уральскіе казаки, поселенные въ 1849 году въ упраздненномъ теперь Раимскомъ укрѣпленіи. Окрестности Казалинска осенью и зимою довольно многолюдны. Туземное населеніе состоитъ изъ полуосѣдлыхъ Киргизовъ, живущихъ по обоимъ берегамъ Сыръ-Дарьи. Полуосѣдлое населеніе, постоянно зимуя въ своихъ родовыхъ границахъ, не всегда занимаетъ тѣ же самыя стойбища. Исключеніе составляютъ лишь крупные аулы; мелкіе же аулы, между которыми распредѣлена большая часть полуосѣдлаго населенія, не рѣдко мѣняютъ свои зимнія стойбища, хотя не выходятъ изъ предѣловъ своихъ родовыхъ границъ. Всѣхъ жилыхъ строеній считается въ Казалинскѣ до 400, при населеніи болѣе 4,000 душъ. Общественная жизнь города разнообразится, время отъ времени, приходомъ пароходовъ. Въ городѣ находились мастерскія, гдѣ чинились и даже строились суда аральской флотиліи. Здѣсь построены суда: «Сыръ-Дарья», «Аралъ», «Ташкентъ», «Самаркандъ», «Перовскій» и баркасъ «Обручевъ». Казалинскъ сдѣлался средоточіемъ путей — изъ Оренбурга, Троицка, Ташкента, Бухары и Хивы. Тысячи верблюжьихъ каравановъ проходятъ черезъ него, и на нихъ ежегодно провозится различныхъ товаровъ на много милліоновъ. Какой только

смѣси племенъ и костюмовъ здѣсь нельзя встрѣтить!... Казалинскій поселенецъ-казакъ ходитъ въ широкомъ, короткомъ пальто, брюки въ сапоги, на головѣ черная фуражка; купецъ, конторщикъ, прикащикъ, подрядчикъ—въ сюртукѣ или жакеткѣ; уралецъ-казакъ—въ синемъ халатѣ, на головѣ фуражка съ малиновымъ околышкомъ; Сартъ, Бухарецъ и Узбекъ носятъ на головѣ чалму изъ шали сиреневаго или зеленаго цвѣта; Хивинецъ, Каракалпакъ—въ высокой, черной, мерлушковой шапкѣ; Татаринъ — въ низкой мерлушковой шапкѣ; Киргизъ въ остроконечномъ колпакѣ, или шапкѣ, сдѣланной изъ лисьяго мѣха; Евреи бухарскіе и персидскіе носятъ длинные пейсы, а на головахъ ермолки, расшитыя золотомъ, серебромъ и шелками.

Песокъ, песчано-глинистая и солонцоватая почва преобладаютъ въ Казалинскомъ округѣ (уѣздѣ). По равнинѣ Сыръ-Дарьи, орошаемой разливами водъ, виднѣются небольшіе островки полей, засѣянныхъ разнымъ хлѣбомъ и овощами. Обработка полей крайне затруднительна и



Рисунки внутри могилъ.

тяжела. Въ низовьяхъ рѣки находятся множество разрушенныхъ крѣпостей; всѣ онѣ весьма незатѣйливой постройки, съ двумя только исключеніями: именно, кладбище Хоркутъ и городъ Джаманъ-Кентъ. Кладбище Хоркутъ находится на правомъ берегу Джаманъ-Дарьи, верстъ двадцать ниже Форта № 2. Мѣсто это, повидимому, служило въ разныя времена кладбищемъ. Нѣкоторыя могилы, очевидно, весьма древняго происхожденія, сложены изъ жженаго кирпича съ примѣсью глины; другія же явно принадлежатъ болѣе поздней эпохѣ. Нельзя не обратить вниманія на большое число кусковъ бѣлаго мрамора, валяющагося около могилъ; на выполированной сторонѣ такихъ мраморныхъ плитъ или столбиковъ вырѣзаны искусною рукою орнаменты и надписи арабскими литерами. Число этихъ камней невелико; очевидно, они служили украшеніемъ; съ ними соединена слѣдующая легенда. Батырь или Ходжа-Хоркутъ, предчувствуя свою кончину, поскакалъ вечеромъ на своемъ чудномъ конѣ въ землю пророка и въ ту же ночь воротился, привезя эти камни для своей могилы. Въ развалинахъ города Джаманъ или Джаманъ-Кентъ производились раскопки гг. Лерхомъ, Верещагинымъ и Куномъ, но онѣ не помогли разъяснить прошедшее этого города. Киргизы, въ продолженіе многихъ лѣтъ, также усиленно разрывали эти развалины; они добывали изъ джаманъ-кентскихъ развалинъ жженый кирпичъ превосходнаго качества. У Киргизовъ сохранилось преданіе, что въ Джаманъ-Кентѣ имѣлъ свое мѣстопребываніе ханъ Джанджарханъ, навлекшій на себя гнѣвъ Божій несправедливымъ преслѣдованіемъ своей жены. За это Господь наслалъ змѣй, которыя разрушили его городъ.

Неподалеку отъ Казалинска находится самое большое русское поселеніе въ Сыръ-Дарьинской степи, въ которомъ живетъ болѣе 500 душъ русскихъ обоего пола. Въ первое время русское правительство очень заботилось о колонизаціи Сыръ-Дарьи. Въ видахъ привлеченія казаковъ-переселенцевъ, имъ предоставлены были весьма многія и существенныя льготы; но желающихъ среди казаковъ было мало; такъ какъ, во всякомъ случаѣ, станичныя общества должны были дополнить недостающее число поселенцевъ жребіемъ, то въ станицахъ образовались капиталы въ складчину для выдачи *премій* тѣмъ, которые добровольно согласятся переселиться сюда. Кромѣ земледѣлія, весьма неуспѣшнаго, рыболовство составляетъ одну изъ главныхъ доходныхъ статей поселенныхъ здѣсь казаковъ. Они ѣздятъ ловить рыбу даже на островъ въ дельтѣ Сыра—Косъ-Аралъ. Здѣсь ловилась смѣсь осетра съ севрюгой (шипъ), съ помощью такъ-называемой крючковой снасти. Вслѣдствіе недостатка хорошей соли, приготовляемая здѣсь икра горька и портилась. Чтобы усилить солдатскія продовольственныя суммы, заведены были казенныя рыболовныя снасти. Часть рыбы выдавалась въ войска безвозмездно, а часть продавалась. Небрежное обращеніе рыбаковъ со снастями вызвало отмѣну фортоваго рыболовства, а собранныя деньги были розданы войску на обзаведеніе собственными снастями.

Торговля съ самаго начала была преимущественно въ бухарскихъ рукахъ. Новизна дѣла, незнакомство съ краемъ и отсутствіе предпріимчивости русскихъ купцовъ вели къ тому, что въ фортахъ подчасъ нельзя было достать самаго необходимаго. Это вынудило мѣстную администрацію дозволить, какъ жителямъ, такъ и проѣзжимъ, получать, въ случаѣ надобности, разные предметы изъ казенныхъ запасовъ степныхъ укрѣпленій по казенной цѣнѣ. При этомъ соблюдались однакоже разныя формальности, иногда очень курьезныя. Одному, напримѣръ, офицеру понадобился для рапорта листъ бѣлой бумаги; офицеръ обратился за этимъ въ комендантское управленіе, но тамъ ему объявили, что безъ форменнаго требованія ничего не отпускается. Тогда проситель заявилъ, что ему не на чѣмъ написать и этого требованія. Ему тотчасъ были даны два листа бумаги, изъ которыхъ на одномъ онъ тутъ же изложилъ свою просьбу о выдачѣ ему листа бумаги.

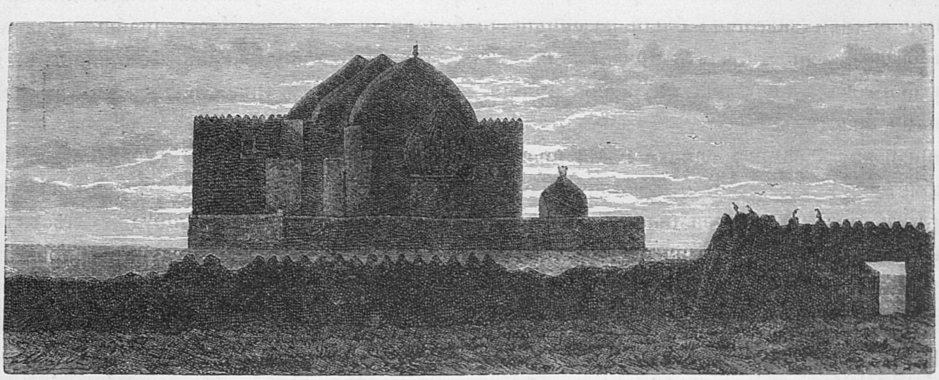
Отсутствіе правильныхъ сообщеній съ Россіей и до сихъ поръ составляетъ больное мѣсто русской средне-азіятской торговли. Нерѣдко случается, что предметы наибольшаго потребленія (сахаръ, свѣчи, табакъ), будучи распроданы, сильно поднимаются въ цѣнѣ. Купцы заранѣе припрятываютъ остатки, чтобы воспользоваться тѣмъ временемъ, когда эти припасы *подберутся* потребителями и когда можно легко нажить 300 или 400%, да еще получить благодарность за то, что уступилъ изъ собственнаго запасца. Ежегодный бюджетъ казалинскаго городскаго управленія — около 12,000 руб.; изъ нихъ до 2,000 расходуется на женское училище. Съ октября 1882 г. почта вновь начала отправляться регулярно, на верблюдахъ. Предполагается въ скоромъ времени открыть этотъ трактъ также и для пріѣзжающихъ. Съ октября того же года въ Казалинскѣ устроено телеграфное сообщеніе.

Кромѣ Казалинскаго и Перовскаго уѣздовъ, къ Сыръ-Дарьинской области еще относятся уѣзды: Ауліе-Атинскій, Чимкентскій, Туркестанскій, Ходжентскій и Кураминскій. Населеніе всей области составляетъ болѣе 1,000,000 душъ, въ томъ числѣ на долю кочевыхъ туземцевъ приходится болѣе двухъ третей населенія, а на долю осѣдлыхъ — остальная часть, включая сюда живущихъ въ краѣ иностранцевъ и русскія войска. Цифры эти, конечно, приблизительныя, такъ какъ никакой переписи нельзя произвести, въ виду того, что это будто бы противорѣчитъ религіознымъ понятіямъ мусульманъ.

Такъ какъ климатическія и геологическія условія страны дѣлаютъ хлѣбопашество невозможнымъ безъ искусственнаго орошенія, то количество урожая находится въ прямой зависимости отъ количества воды въ оросительныхъ каналахъ, что въ свою очередь зависитъ отъ количества атмосферной влаги, выпавшей въ предшествовавшій посѣву періодъ. Количество воды въ оросительныхъ

каналахъ обусловливаетъ и степень развитія всѣхъ остальныхъ отраслей земледѣлія: садоводства, огородничества и шелководства. Прекрасныя качества, напр., ходжентскаго шелка давно уже составили ему извѣстность на сосѣднихъ рынкахъ; но по недостатку тутовыхъ плантацій или, другими словами, по недостатку орошенія, шелководство остается на той же ступени развитія, какъ и много лѣтъ назадъ.

Фортъ Перовскій — уѣздный городъ теперь. Онъ основанъ въ 1853 году и носитъ также грустный отпечатокъ степныхъ укрѣпленій. Масса одноэтажныхъ домовъ, окруженныхъ стѣною, масса такихъ же домиковъ въ форштадтѣ и слободкѣ нисколько не разнообразятъ общей картины. Въ торговомъ отношеніи фортъ Перовскій даетъ результаты не хуже Казалинска, не смотря на то, что здѣсь мало пролегаетъ торговыхъ путей. Непроходимые пески пустыни Кизилъ-Кума отдѣляютъ его отъ Бухары, и только восточныя провинціи Бухары направляютъ

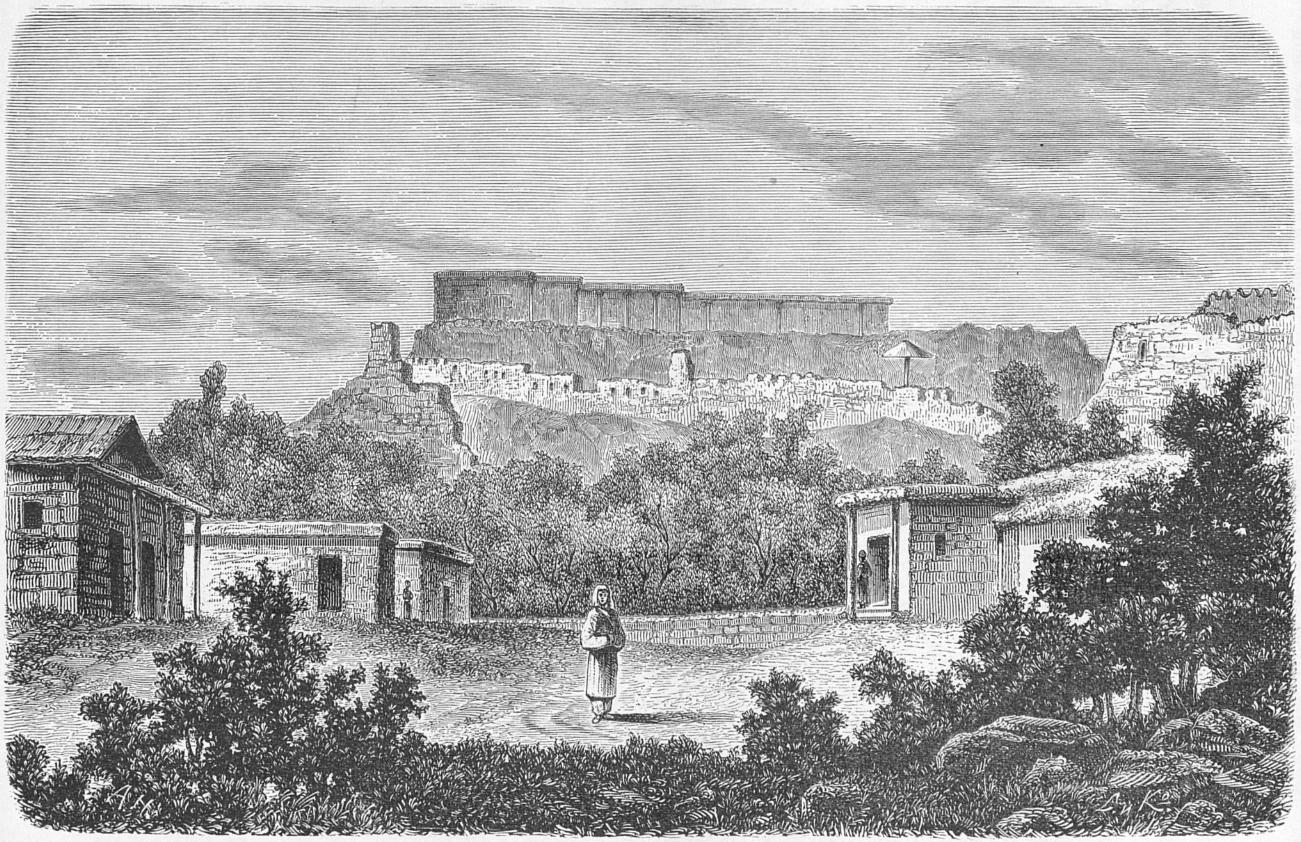


Большой недостроенный храмъ Азретъ-Султана въ Туркестанѣ.

черезъ него свои транспорты. Въ Перовскомъ и около него разведены огороды въ громадныхъ размѣрахъ. Въ слободкѣ форта живутъ поселенные солдаты; ихъ огороды ничѣмъ не отличаются отъ киргизскихъ, такъ какъ и способъ обработки земли заимствованъ у послѣднихъ. Арбузы, дыни, огурцы, тыквы здѣсь поспѣваютъ въ большомъ количествѣ; картофель у Киргизовъ вовсе не привился.

Укрѣпленіе Джулекъ построено въ 1861 году, на правомъ берегу Сыръ-Дарьи. Мѣстность выбрана ровная, но такъ же, какъ и въ названныхъ уже городахъ, рѣка подмываетъ берега, угрожая разрушеніемъ.

Туркестанъ — одинъ изъ большихъ городовъ Сыръ-Дарьинской области. Онъ расположенъ въ такъ называемой абрикосовой полосѣ. По климату онъ сходенъ съ укрѣпленіемъ Джулекъ и Фортомъ Перовскимъ. Зима здѣсь менѣе продолжительна, чѣмъ въ Казалинскѣ. Рѣка Сыръ-Дарья въ этой полосѣ бываетъ покрыта льдомъ лишь сто дней, но здѣсь такъ же, какъ и въ Казалинскѣ, бушуютъ сильные вѣтры. Жары доходятъ до 30° Р. въ тѣни, а холода — до 24°. Снѣгъ держится около двухъ мѣсяцевъ. Въ Туркестанѣ около 1,620 дворовъ и 6,700 жителей обоего пола. Этотъ городъ является центромъ киргизской жизни. Дома выведены изъ нежженаго кирпича, одноэтажные; но большинство слѣплены изъ глины, и чрезвычайно однообразной архитектуры. Улицы имѣютъ оригинальный и вмѣстѣ съ тѣмъ непривлекательный видъ. Обыкновенныя наши заднія постройки, т. е. конюшни, сараи и другія службы, выходятъ на лицевую сторону — на улицу. Жилыя же помѣщенія находятся сзади этихъ построекъ и лицевою стороною обращены на задній дворъ. Посреди города находится обширный базаръ, стѣны котораго выстроены изъ кирпича, а вмѣсто крыши служатъ жерди съ навѣшеннымъ на нихъ тряпьемъ или рогожами, какъ защита отъ солнечныхъ лучей и дождя. Городъ весьма богатъ садами, что значительно украшаетъ его; особенно онъ красивъ издали, именно съ вос-



T X. Чимкентъ (видъ города и цитадель).

точной стороны: онъ окруженъ весь садами, среди зелени которыхъ пріютились бѣлые домики Сартовъ, а высоко надъ городскими стѣнами виднѣется храмъ Азретъ-Султана, въ недоконченномъ видѣ. Широкій нижній фасадъ храма заставляетъ догадываться о той колоссальной высотѣ, которой онъ долженъ былъ-бы достигнуть, еслибы постройка была доведена до конца.

Храмъ выведенъ въ уровень съ высотой входныхъ дверей. Въ немъ настроено множество келій, и, по всей вѣроятности, самъ святой былъ основателемъ какой-нибудь секты. До настоящаго времени, по свидѣтельству путешественниковъ, еженедѣльно, съ четверга на пятницу, ходжи собираются на могилѣ святаго, гдѣ эти фанатики въ продолженіе многихъ часовъ читаютъ молитвы, сопровождая ихъ различными кривляньями, безконечными тяжелыми вздохами и пляской вокругъ могилы.

Необходимо замѣтить, что эти ходжи, считающіеся родственниками Азретъ-Султана, живутъ доходами съ земель, пожертвованныхъ въ его пользу (вакуфныхъ земель). Стиль постройки и различныя украшенія заставляютъ предполагать, что этотъ храмъ, равно и многія другія зданія въ Средней Азіи — сооруженія персидскихъ архитекторовъ.

Чимкентъ по дорогѣ изъ Туркестана.

Чимкентъ сталъ русскимъ городомъ въ сентябрѣ 1864 года, послѣ штурма, произведеннаго генераломъ Черняевымъ. Рѣзня была жестокая. Солдаты разграбили базаръ, врывались въ дома жителей и убивали ихъ; пострадали также много женщинъ и дѣтей. Годовщину этого штурма туземцы долгое время сопровождали повсемѣстнымъ плачемъ. Чимкентъ стоитъ на ручьяхъ Бадались и Кучкаръ-Ама. Послѣдній ручей названъ такъ по имени святаго, изъ-подъ могилы котораго онъ вытекаетъ. Эти два ручья, пробѣгая черезъ Чимкентъ, вполнѣ удовлетворяютъ потребность въ водѣ. Домовъ въ Чимкентѣ около 1,000, а жителей болѣе 5,000 душъ.

Чимкентъ играетъ весьма значительную роль въ караванной торговлѣ. Всѣ ташкентскіе караванъ-баши (т. е. путеводители), биштамгалинцы, какъ ихъ зовутъ здѣсь, кочуютъ въ Чимкентскомъ районѣ. Они берутъ огромные подряды на провозъ товаровъ въ Оренбургъ, Троицкъ, Петропавловскъ, Семипалатинскъ и Кульджу. Всѣ караванные пути въ рукахъ у биштамгалинцевъ. Это — народъ честный, правдивый и аккуратный. Всѣ караваны, кромѣ направляющихся въ Сибирь, идутъ черезъ Чимкентъ, а потому здѣсь въ извѣстное время бываетъ наплывъ каравановъ.

Другой, почти такой же важный городъ въ этомъ краѣ, какъ Туркестанъ, — Ходжентъ. Сыръ-Дарья, опоясывающая городъ, почти никогда не замерзаетъ. Въ садахъ города растетъ виноградъ. Климатъ способствуетъ произрастанію и гораздо болѣе нѣжныхъ растеній,

напр., фисташекъ. Мягкости климата способствуетъ хребетъ Моголъ-Тау, высокою стѣною защищающій Ходжентъ отъ сѣверныхъ вѣтровъ. Самая низкая температура около +2°; въ ноябрѣ около +10°, а въ лѣтніе мѣсяцы + 28°. Здѣсь бываетъ продолжительное лѣто, и фрукты созрѣваютъ ранѣе, чѣмъ въ Ташкентѣ. Въ Ходжентѣ 8,409 дворовъ и 29,000 жителей обоего пола.

Въ Ходжентскомъ уѣздѣ, не смотря на прекраснѣйшій климатъ, встрѣчается особенная болѣзнь, называемая туземцами — махау. Одержимые ею больные живутъ совершенно отдѣльно отъ остальныхъ жителей уѣзда, въ кишлакѣ, называемомъ Махау-Ханъ, населенномъ только одержимыми этою болѣзнью. Это селеніе расположено на небольшой возвышенности, къ сѣверу отъ Ура-Тюбе, въ трехъ верстахъ отъ города, около большой дороги, ведущей изъ Ура-Тюбе въ Ходжентъ; оно состоитъ изъ семи дворовъ.

Ходжентскій перевозъ.

Очень можетъ быть, что болѣзнь махау есть та самая, о которой упоминается въ священномъ писаніи, подъ названіемъ «проказы». Эта болѣзнь чрезвычайно прилипчива, и не было случая выздоровленія, такъ что мѣстные туземные врачи и не лечатъ ее. Русскіе медики почти не изслѣдывали ее, а туземное населеніе не можетъ дать никакихъ свѣдѣній о заболѣваніи ею; говорятъ только, что она прилипчива. Неопытный человѣкъ сочтетъ ее за сифилисъ. Проказа эта сперва показывается на ногахъ; на нихъ появляются раны; эти раны и язвы, исчезая на однихъ мѣстахъ, появляются на другихъ; черезъ нѣкоторое время раны распространяются по всему тѣлу, болѣе и болѣе приближаясь къ верхнимъ частямъ туловища, причемъ выпадаютъ брови, борода, вообще всѣ волосы на тѣлѣ. Наконецъ, при дальнѣйшемъ ходѣ болѣзни, больной теряетъ органы зрѣнія, слуха, лицо начинаетъ пухнуть и принимать такой безобразный видъ, что теряетея всякое человѣческое очертаніе. Вмѣсто лица, у больнаго остается только одно небольшое отверстіе, замѣняющее ротъ; мѣсто, гдѣ были ротъ и глаза, обозначены только небольшими выемками. Въ холодное время года, проказа сильнѣе развивается и вызываетъ большія страданія, такъ что больные, у которыхъ въ холодные мѣсяцы язвы увеличиваются, стараются лежать по цѣлымъ днямъ на солнцѣ, такъ какъ отъ вліянія солнечной теплоты страданія уменьшаются.

Болѣзнь махау обыкновенно развивается медленно, и потому одержимые ею доживаютъ иногда до глубокой старости. При первоначальномъ развитіи махау, у больныхъ не утрачивается способность имѣть дѣтей. Такъ, напр., одинъ изъ жителей селенія Махау, заболѣвъ этой болѣзнью одновременно съ своей женой, имѣлъ отъ нея, во время пребыванія въ этомъ селеніи, дѣтей, которыя въ возрастѣ 15—16 лѣтъ (два сына) были еще совершенно здоровы и проживали въ городѣ Ура-Тюбе. Такъ какъ махау прилипчива, то къ ихъ селенію никто близко не подходитъ, — больныхъ, одержимыхъ этою проказою, никогда не навѣщаютъ даже самые близкіе родственники или друзья. Въ тѣхъ же случаяхъ, когда прокаженные явля-

ются просить милостыню, они обязаны стоять на опредѣленныхъ мѣстахъ, причемъ проходящіе кладутъ подаяніе въ стоящія вблизи нихъ чашки.

Въ селеніи Махау кромѣ глиняныхъ саклей, составляющихъ общественную собственность, у больныхъ нѣтъ никакой собственности — ни садовъ, ни полей. Конечно, для нихъ немыслимъ никакой трудъ, и живутъ они исключительно подаяніями. Узнавъ о заболѣваніи проказою, жители Махау немедленно отправляютъ къ больному нѣкоторыхъ изъ своей среды, которые, въ случаѣ отказа заболѣвшаго слѣдовать за ними, силою заставляютъ его переселиться въ кишлакъ прокаженныхъ. Иногда больному удается откупиться отъ нихъ деньгами, и тогда его оставляютъ жить попрежнему; но, разумѣется, это возможно только до поры до времени, пока есть возможность скрывать свою болѣзнь. Прежде селеніе Махау находилось

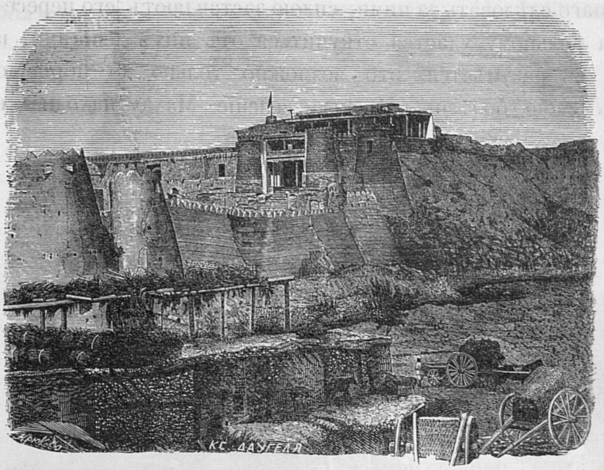
Улица въ Ходжентѣ.

подъ самыми стѣнами города Ура-Тюбе, и лишь въ двадцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія оно было переведено мѣстнымъ бегомъ на нынѣшнее мѣсто.

За Ходжентомъ находится одинъ изъ древнѣйшихъ городовъ Средней Азіи — Ура-Тюбе. Великолѣпныя развалины мечети, построенной три съ половиной столѣтія тому назадъ, свидѣтельствуютъ, что Ура-Тюбе былъ нѣкогда большимъ и важнымъ городомъ. Это было величественное медресе-кукульмесъ (центръ высшаго мусульманскаго образованія). По народному преданію, Ура-Тюбе построенъ болѣе 1000 лѣтъ назадъ, царемъ Кахкаю народа Могъ, пришедшаго въ это время откуда-то съ сѣвера, изъ-за Урала. Вытѣснивъ отсюда какихъ-то кочевниковъ, онъ построилъ крѣпость, которая и теперь называется именемъ того народа — «Могъ». Но черезъ двѣсти лѣтъ пришли Арабы, прогнали этотъ народъ, населеніе Таджиковъ обратили въ магометанство и возвратились назадъ. Затѣмъ орды Чингисхана заняли этотъ край. Ауляда-Хамака былъ первымъ независимымъ бегомъ, и волость его переходила наслѣдственно въ его родѣ до послѣдняго времени. За исключеніемъ временъ Тамерлана и Абдулъ-Хана, Ура-Тюбе былъ независимъ до XIX столѣтія, когда былъ взятъ коканскимъ ханомъ Мухамедъ-Даале, потомъ бухарскимъ эмиромъ — и нѣсколько разъ переходилъ отъ Бухарцевъ къ Коканцамъ.

Въ Ура-Тюбинскомъ районѣ около 130 кишлаковъ осѣдлаго населенія Таджиковъ

или Сартовъ. Эти селенія разбросаны по долинамъ, по скатамъ горъ и въ оврагахъ. Мѣстность представляетъ довольно оригинальный видъ. Кругомъ видны кишлаки съ небольшими садиками; мѣстность перерѣзана тележными дорогами и тропинками. Въ базарные дни въ Ура-Тюбе, по всѣмъ дорожкамъ, по всѣмъ направленіямъ, двигаются изъ кишлаковъ на базаръ, или ѣдутъ обратно съ базара, сотни верховыхъ на лошадяхъ, быкахъ, верблюдахъ и ослахъ. Зимой мѣстность населеннѣе и оживленнѣе, такъ какъ здѣсь собирается все и осѣдлое, и кочевое населеніе. Эта мѣстность вообще населена довольно густо. Ура-Тюбинскій районъ производитъ мало для сосѣдей, — самъ является главнымъ потребителемъ своихъ произведеній. Отсюда вывозится въ Ташкентъ хлопокъ, въ небольшомъ количествѣ, изюмъ, а также, при хорошемъ урожаѣ, и хлѣбъ; послѣдній преимущественно отправляется въ Ходжентъ. Ура-Тюбе — значительный городъ; въ немъ до 25,000 жителей и 5,000 домовъ. Городъ занимаетъ не болѣе шести верстъ въ окружности. Дома плотно, тѣсно другъ къ другу приставлены и составляютъ сплошную массу зданій, перерѣзанную улицами. Садовъ почти нѣтъ, они всѣ расположены за городской чертой. Городъ, по тѣснотѣ своихъ строеній и по характеру базара, походитъ на Бухару. Онъ не имѣетъ той привлекательности, какъ Ташкентъ или Ходжентъ, совершенно скрытые въ садахъ.



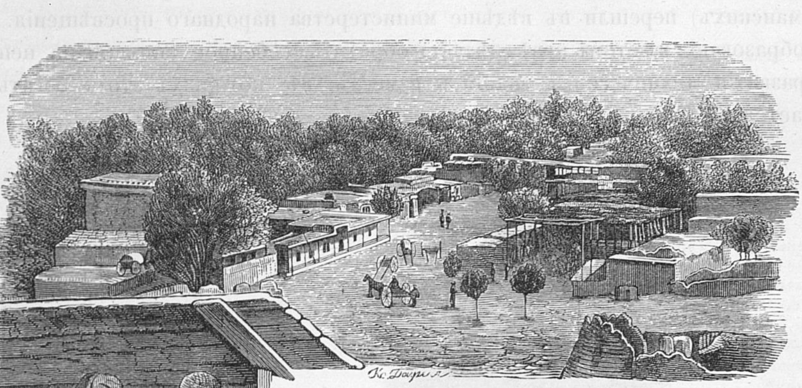
Бекскій дворецъ въ Ходжентѣ.

Въ заключеніе остается сказать нѣсколько словъ объ отношеніяхъ къ намъ Бухары. Отношенія эти въ прежнее время были враждебныя. Не смотря на всѣ желанія Россіи сохранить съ Бухарой дружбу, это далеко не всегда ей удавалось. Въ теченіе XIX вѣка было послано много миссій въ Бухару, но почти всѣ онѣ до 1870 г. не имѣли никакого успѣха. Такъ, ничего не добились отъ Бухары въ 1819—20 гг. Негри и Мейендорфъ; въ 1841 году — Бушенъ, Леманъ и Ханыковъ; въ 1859 году — Игнатьевъ; наконецъ, четвертое и самое неудачное посольство Струве и Глуховскаго было въ 1865—66 гг. Неблагопріятный исходъ всѣхъ миссій доказываетъ, какъ трудно было вести какія-нибудь дипломатическія сношенія съ Бухарою. Дипломатическая миссія 1865—66 годовъ очутилась въ плѣну и едва была освобождена изъ рукъ варваровъ. Наконецъ, въ 1870 году было послано въ Бухару новое посольство, причемъ главою миссіи былъ полковникъ Носовичъ. Обстоятельства въ это время перемѣнились; русскія войска сдѣлались слишкомъ близкими сосѣдями Бухарцевъ. Поэтому неудивительно, что бухарскій эмиръ въ аудіенціи, данной посольству, сказалъ: «теперь государство бухарское слилось съ русскимъ и составляетъ съ нимъ одно. Отнынѣ русскіе люди всегда будутъ встрѣчаемы въ Бухарѣ какъ дома.»

Весьма давно уже народы Туркестанскаго края сталкивались съ Русскими. Рядъ военныхъ экспедицій и походовъ, имѣвшихъ мѣсто въ теченіе послѣднихъ тридцати-сорока лѣтъ, закончился наконецъ полнымъ покореніемъ Туркестанскаго края, вслѣдствіе чего и непосредственные сосѣди — фанатическія государства, какъ Хива и Бухара, — признали наконецъ силу Россіи и навсегда отказались отъ своихъ хищническихъ замысловъ по отношенію къ русскимъ подданнымъ, которые такъ или иначе приходили съ ними въ соприкосновеніе. Только-что

указанное отношеніе Бухары къ Россіи лучше всего доказываетъ, насколько въ послѣднее время усилилось вліяніе Русскихъ въ Средней Азіи. Можно смѣло сказать, что Русскіе сдѣлали все, что только можно было сдѣлать мечемъ; остается теперь дѣло меча завершить вліяніемъ русской школы. Тогда нравственный авторитетъ Россіи въ Средней Азіи будетъ настолько силенъ, насколько это необходимо для прочности нашихъ владѣній въ этомъ отдаленномъ краѣ.

Вліяніе русской школы въ особенности необходимо здѣсь. Мы видѣли, что мусульманское образованіе, стоявшее когда-то на довольно высокой ступени, обратилось теперь въ рутину. Въ настоящее время магометанскій интелектуальный міръ рабски повторяетъ то, что выработано въ цвѣтущую эпоху магометанской образованности, не производя ничего новаго. Школьное воспитаніе магометанъ проникнуто вполнѣ затхлой, нравственно-удушливой рутиной. Средняя Азія славится среди мусульманскаго міра приверженностью къ обряду и буквѣ мусульманскаго ученія. Она до сихъ поръ не имѣла въ своихъ школахъ ни одной европейской книги, ни одной европейской буквы, ни одного понятія, приближающагося къ современнымъ взглядамъ образованныхъ народовъ. Между школой Средней Азіи и жизнью не существуетъ того живаго отношенія, обоюдно благотворнаго, какое должно существовать по нашимъ понятіямъ. Какъ по способу обученія, такъ и по характеру изучаемыхъ предметовъ, мусульманская школа не только не способна вдохновить на дальнѣйшую умственную дѣятельность и развитіе, но, напротивъ, подавляетъ въ самомъ зародышѣ стремленіе къ развитію, утомляя чтеніемъ книгъ, языкъ которыхъ не понятенъ учащимся, обременяя память заучиваніемъ невыясненныхъ и недоказанныхъ положеній, стѣсняя мысль въ узкомъ горизонтѣ и не допуская даже возможности критически отнестись къ изучаемому предмету. Вмѣстѣ съ тѣмъ, школа не даетъ никакихъ свѣдѣній, приложимыхъ къ жизни. По мнѣнію мусульманъ, значеніе школы заключается въ ея религіозномъ, воспитательномъ вліяніи. Магометанской школѣ не достаетъ живой воды научнаго знанія и освобожденія мысли отъ ея рутины. Еще до полнаго завоеванія края, когда Сыръ-Дарьинская линія вошла въ составъ Туркестанскаго генералъ-губернаторства и считала въ своихъ предѣлахъ города: Казалинскъ, Перовскъ, Туркестанъ, Чимкентъ, Ауліе-ата, Ташкентъ и Ходжентъ, — въ это время уже мысль о народномъ образованіи выразилась въ заботахъ администраціи объ устройствѣ начальныхъ школъ съ одной стороны для русскихъ дѣтей, а съ другой — для мѣстныхъ Киргизовъ. На берегахъ Сыръ-Дарьи нарождалось дѣло въ высшей степени важное, но къ несчастію оно велось кое-какъ, спустя рукава. Были открыты начальныя школы въ городахъ; но учебное дѣло было поставлено плохо, и школы то закрывались, то вновь открывались. Въ послѣднее время правительство обратило особенное вниманіе на учрежденіе городскихъ училищъ, и почти во всѣхъ названныхъ городахъ су-

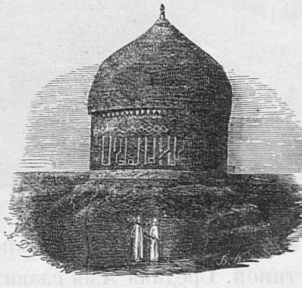


Ходжентскій базаръ.

ществуютъ или двуклассныя городскія училища, или начальныя училища. Въ Ташкентѣ и Вѣрномъ существуютъ по двѣ гимназіи: мужская и женская. Туркестанская администрація, озабочиваясь дальнѣйшей судьбой окончившихъ курсъ въ туркестанскихъ гимназіяхъ, рѣшила отчислить изъ мѣстныхъ суммъ извѣстный капиталъ и употребить его на устройство общежитія въ Петербургѣ для туркестанскихъ студентовъ. Весьма недавно въ Туркестанѣ было учреждено постоянное коллегіальное управленіе, которое рѣшаетъ всѣ важнѣйшія учебно-воспитательныя дѣла. Съ 1878 года всѣ учебныя заведенія Туркестанскаго края (за исключеніемъ, конечно, мусульманскихъ) перешли въ вѣдѣніе министерства народнаго просвѣщенія.

Въ дѣлѣ народнаго образованія въ этомъ краѣ слѣдуетъ обратить особенное вниманіе на непосредственную пользу развитія техническихъ знаній и ремеслъ, въ которыхъ этотъ богатый край такъ сильно нуждается.

Н. А. Тарановъ.



Мечеть въ цитадели Туркестана.

II. — ТАШКЕНТЪ.

День штурма Ташкента. — Первое русское укрѣпленіе. — Домикъ генерала Черняева. — Туземный городъ. — Развитіе русскаго Ташкента до 1867 года и быстрый послѣдующій ростъ города. — Общественныя и образовательныя учрежденія. — Туземцы и ихъ обрусѣніе.— Картинка обыденной жизни.

Въ безднѣ горя и невзгоды
Лавръ зеленый расцвѣтаетъ.
Вѣрь, не только тріумфаторъ,
Вѣрь, не только увѣнчанный
Отъ руки слѣпой богини,
Но и скорбный сынъ несчастья,
И боецъ, въ борьбѣ съ судьбою
Павшій истиннымъ героемъ,
Будутъ вѣки жить и вѣки
У людей въ воспоминаньи.

ГЕЙНЕ.

Ташкентскіе сады.

Въ ночь съ 14 на 15 іюня 1865 года, девятьсотъ русскихъ штыковъ, подъ начальствомъ М. Г. Черняева, овладѣли Ташкентомъ.

Громадный коканскій городъ съ семидесяти-тысячнымъ населеніемъ, съ невходящимъ въ составъ этого населенія почти десятитысячнымъ гарнизономъ, обнесенный высокими крѣпостными оградами, глубокими рвами, городъ - твердыня, для правильной осады и полнаго обложенія котораго едва ли достаточно было стотысячной арміи, палъ предъ горстью «бѣлыхъ рубахъ»,—палъ, не смотря на то, что къ нему на помощь двигались уже грозныя силы со стороны Бухары и Кокана.

15 іюня, къ закату солнца, едва удалось остановить кровопролитіе и пожары; депутаціи отъ городскаго населенія принесли генералу Черняеву полную покорность и присягу на подданство «Акъ-падишаху» (бѣлому царю).

Тогда Ташкентъ имѣлъ слѣдующій видъ, мало, впрочемъ, отличающійся отъ нынѣшняго

туземнаго Ташкента. Крѣпостныя ограды города, кое-гдѣ разрушенныя, такъ и остались безъ исправленія. Центральную часть города занимали обширные крытые базары, съ тысячами лавокъ, бойко торговавшихъ даже и въ первые дни послѣ нашего занятія. Вокругъ лабазовъ, сплошь до внѣшнихъ стѣнъ, тянулись тѣсно скученные кварталы обитателей, прорѣзанные узкими, неправильными улицами и переулками. На эти улицы не выходило ни одного окошечка, и онѣ имѣли чрезвычайно скучный, унылый видъ. Кое-гдѣ надъ плоскими, накаленными солнцемъ крышами сакель, поднимались купола и портики мечетей съ группами темно-зеленыхъ карагачей и рядами тополей; вдоль улицъ, проходя подъ стѣнами дворовъ, пересѣкая улицы и переулки по всѣмъ направленіямъ, струились арыки съ грязною водою изъ Бо-Су, главной водяной артеріи города.

Улица въ старомъ Ташкентѣ.

Улицы, чѣмъ дальше отъ центра, т. е. базаровъ, тѣмъ были пустыннѣе и безлюднѣе. Рѣдко-рѣдко попадались навстрѣчу одинокій всадникъ, или навьюченный мѣшками ишакъ, или двѣ арбы, нечаянно столкнувшіяся и недоумѣвающія, какъ имъ разъѣхаться въ узкомъ пространствѣ. По краямъ улицъ, робко брели, прижимаясь къ стѣнамъ, печальныя фигуры женщинъ, съ закрытыми лицами, съ головою окутанныя грязно-сѣрыми халатами. Но зато, чѣмъ ближе къ базарамъ, тѣмъ оживленіе становилось замѣтнѣе и замѣтнѣе, и на самыхъ базарахъ, оригинальная, характерная жизнь средне-азіятскихъ городовъ кипѣла ключемъ, поражая всякаго новоприбывшаго своею дикою пестротою, оглушая его хаосомъ разнообразнѣйшихъ звуковъ...

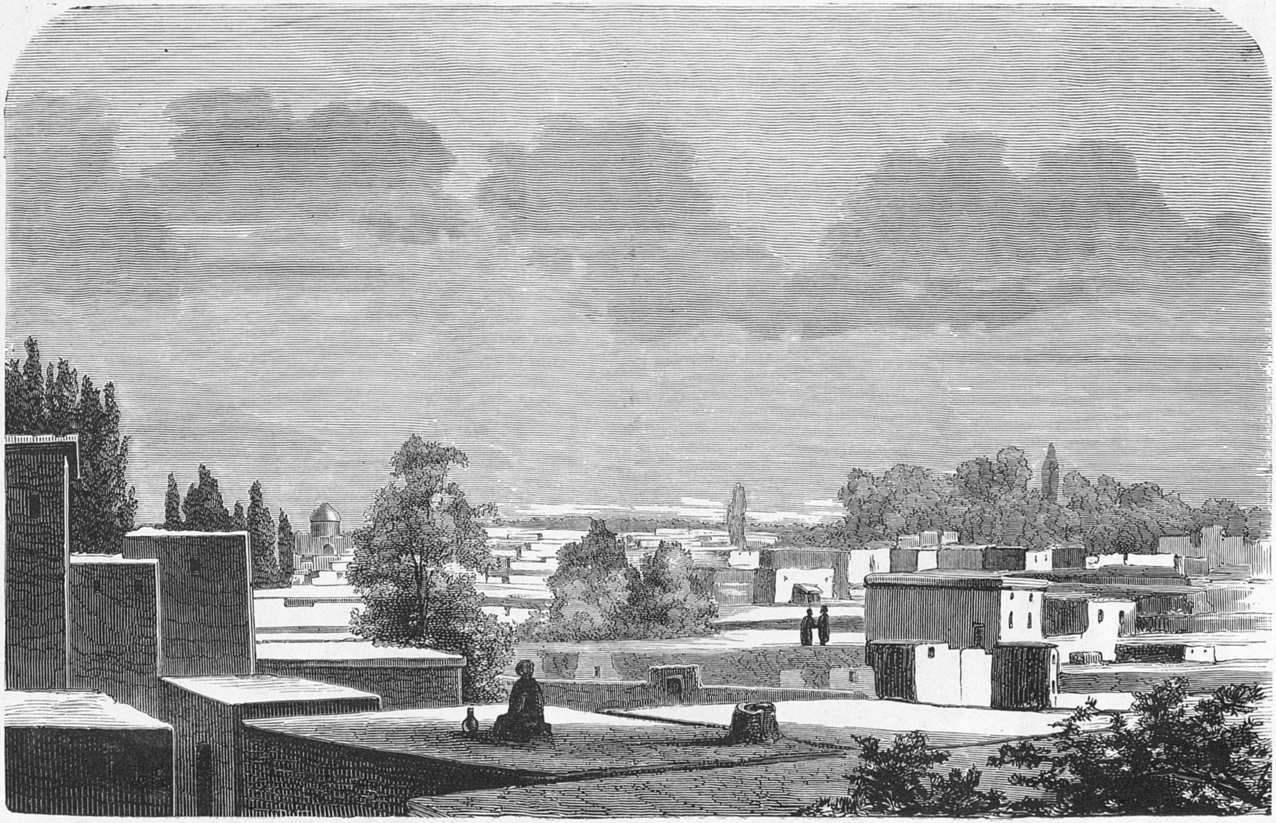
Ташкентъ до занятія его нами имѣлъ громадное значеніе, какъ большой, транзитный пунктъ, на которомъ сходились главнѣйшіе торговые пути кокандской, кашгарской и бухарской торговли съ Россіею. Окрестности города были покрыты цвѣтущими виноградниками, шелковичными, табачными и хлопчато-бумажными плантаціями. Городъ имѣлъ полу-независимый характеръ, напоминающій во многомъ вольные города Германіи, — по отношенію къ коканскому и бухарскому ханамъ, хотя официально и значился въ коканскихъ владѣніяхъ.

Видъ стараго Ташкента съ востока.

Исключительно торгово-промышленное положеніе города вѣками создало мирный, способный и трудолюбивый классъ населенія, инстинктивно ненавидящій войну, склонный охотно подчиниться какому угодно режиму, лишь бы этотъ режимъ обезпечивалъ ему имущественныя и личныя права. Ташкентцы очень быстро привыкли и освоились съ русскимъ управленіемъ, тѣмъ болѣе, что вліяніе фанатическаго духовенства, этого непримиримаго врага Русскихъ, оказалось весьма слабымъ, а впослѣдствіи даже ничтожнымъ, съ отнятіемъ у муллъ ихъ судебныхъ и административныхъ правъ.

Въ полуверстѣ, на сѣверо-востокъ отъ туземнаго города, на небольшой, однако доминирующей надъ городомъ возвышенности заложено было русское полевое укрѣпленіе, и около него расположились бивуакомъ девять ротъ русскихъ солдатъ, ряды которыхъ значительно порѣдѣли отъ боевыхъ потерь и неописанныхъ походныхъ лишеній.

Въ первый же годъ сюда прибыли нѣсколько солдатскихъ женъ съ дѣтьми; къ двумъ-тремъ офицерамъ тоже пріѣхали ихъ семейства, и для нихъ выстроены были маленькіе глинобитные домики и землянки, образовавшіе первую слободку, на эспланадѣ укрѣпленія. Къ на-



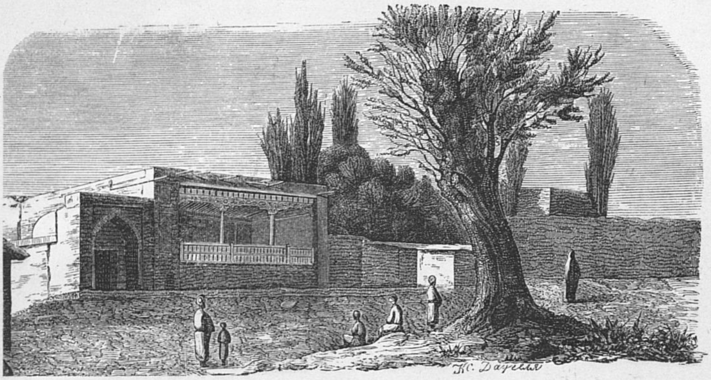
Т. Х.

Видъ Ташкента съ сѣвера.

ступающей зимѣ, съ ея холодами и ненастьями, для солдатъ внутри крѣпости построены жалкія казармы, тоже глинобитныя, частью изъ сырцоваго кирпича, и лазаретъ. Тогда же заложенъ былъ и домикъ Черняева, первый дворецъ русскаго губернатора. Этотъ домикъ сохранился до сихъ поръ и служитъ памятникомъ основанія русскаго Ташкента, выросшаго въ десять лѣтъ съ неимовѣрною, сказочною быстротою.

Домикъ этотъ выстроенъ изъ глины, имѣетъ болѣе чѣмъ скромные размѣры: десять шаговъ длины, восемь ширины и всего одна сажень высоты; крытъ камышемъ; имѣетъ двѣ комнаты: прихожую — просто сѣни, и комнату, служащую пріемной, рабочимъ кабинетомъ и спальнею; одна входная дверь; два крохотныя оконца, заклеенныхъ бумагою. Кругомъ дома насажено нѣсколько таловыхъ деревьевъ, образующихъ маленькій садикъ. Въ немъ жилъ первый русскій губернаторъ Ташкента до своего отъѣзда.

Домикъ этотъ сохраняется въ первоначальномъ своемъ видѣ до сихъ поръ и будетъ со-



Характеръ построекъ въ мусульманской части Ташкента.

храняться впредь. На его ремонтъ ежегодно отпускается по семнадцати рублей въ годъ. Надъ входною его дверью прибита мраморная доска съ вырѣзанною на ней надписью: «Первый домъ военнаго губернатора, генералъ-маіора Михаила Григорьевича Черняева, по занятіи гор. Ташкента 17 іюня 1865 года».

Между тѣмъ населеніе будущаго русскаго Ташкента все прибывало и прибывало. Ежедневно пріѣзжали семьи офицеровъ, интендантскихъ чиновниковъ и повѣренные торговыхъ фирмъ Москвы, Нижняго и Оренбурга.

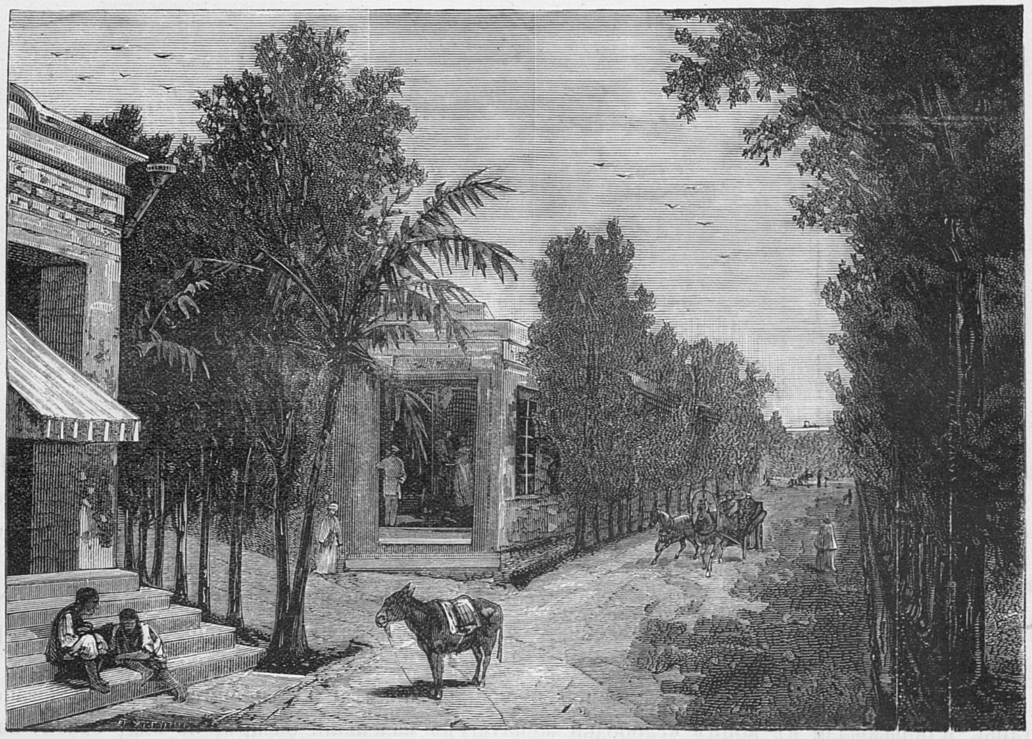
Первыми торговцами явились, конечно, отрядные маркитанты, преимущественно казанскіе Татары, и образовали въ концѣ «слободки женатыхъ» маленькій базаръ, по виду своему напоминавшій цыганскій таборъ... Сначала всѣ кинулись занимать мѣста и строиться безъ разбора, но съ пріѣздомъ новаго губернатора, генерала Романовскаго, положено было начало правильной распланировкѣ будущаго города, далеко, впрочемъ, не отвѣчающей нынѣшнимъ колоссальнымъ его размѣрамъ. Оттого и вышло, что центральная часть нынѣшняго Ташкента разбита гораздо тѣснѣе, чѣмъ окраинные его кварталы.

Тогда русскій Ташкентъ представлялъ такую картину: громадные пустыри, прилегающіе къ укрѣпленію, вплоть до рѣки Салара, были разбиты кольями и межевыми канавами, на прямоугольники, по окраинамъ которыхъ всюду виднѣлись начатыя постройки. Группы полуголыхъ туземныхъ рабочихъ рыли землю, мѣсили глину, мѣшали все съ саманомъ (мелко изрубленной соломою и навозомъ), лѣпили кирпичи и выводили изъ этихъ кирпичей стѣны будущихъ зданій. Даже новый дворецъ губернатора строился вначалѣ изъ этого непрочнаго сырцоваго кирпича... Но, благодаря предпріимчивости мѣстныхъ инженеровъ, высокая труба

новаго кирпичнаго завода дымилась уже день и ночь, производя сотни тысячъ превосходнаго обожженнаго кирпича, вытѣснившаго саманный кирпичъ и придавшаго новостроящемуся городу болѣе приличную и солидную физіономію.

Періодически повторяющіяся въ этой мѣстности землетрясенія не позволяли возводить слишкомъ высокихъ построекъ,—всѣ дома строились въ одинъ этажъ, вырабатывая при этомъ весьма изящныя линіи фасадовъ. Крыши были большею частью плоскія, смазывались глиною и асфальтомъ; вокругъ дома строились крытыя веранды, придавая зданіямъ оригинальный восточный характеръ. Тогда же введено было обязательство для каждаго строящагося — засаживать улицу передъ своимъ домомъ двойнымъ рядомъ тополей и, кромѣ того, разводить садикъ во дворѣ.

Городъ снабжался водою по арычной мѣстной системѣ. Арыки выводились изъ Бо-Су



Улица въ русскомъ Ташкентѣ.

и, главнымъ образомъ, изъ многоводнаго Салара, съ водою, хотя мутно-глинистою, но быстро отстаивающеюся и годною для питья.

Главнѣйшія торговыя фирмы новаго города были: Хлудова, Первушина, Шанина, Розенфельда и Заха. Эти фирмы обзавелись хорошими каравансараями внутри туземнаго города и превосходно обстроились въ русскомъ Ташкентѣ, занявъ, по праву первенства, лучшія центральныя части.

Потребовалось громадное число рабочихъ рукъ — и въ нихъ недостатка не было. Тысячи туземныхъ рабочихъ—каменьщиковъ, землекоповъ, плотниковъ и прочихъ строителей, благодаря хорошей заработной платѣ и аккуратному разсчету, охотно являлись на вызовъ и работали такъ, что за ними не могли угоняться русскіе рабочіе — солдаты. Въ русскомъ городѣ образовался большой ежедневный базаръ, куда со всѣхъ окрестностей,

свозились всѣ продовольственные предметы. Улицы новаго города оживились голосами разносчиковъ - мальчиковъ, выкрикивавшихъ уже по-русски названія предметовъ своей торговли.

Проектированныя улицы шоссировались и поливались... Но по этимъ улицамъ не катались еще коляски и городскіе экипажи, а галлопировали только исключительно верхомъ, или скромно пѣшешествовали. Тяжелые дорожные тарантасы были слишкомъ неудобны для городской ѣзды и покойно стояли на дворахъ новостроящихся домовъ. Мужчины всѣ безъ исключенія и даже большая часть женщинъ ѣздили верхомъ. И если слышится, бывало, на шоссе легкій звукъ рессорнаго экипажа, то это значило, что катитъ единственная въ то время здѣсь губернаторская коляска.

Осенью 1867 года новый городъ значительно оживился. Этотъ годъ является эпохою въ жизни русскихъ средне-азіятскихъ владѣній вообще и Ташкента въ особенности. Въ этомъ году назначенъ былъ генералъ-губернаторъ Кауфманъ и организованъ былъ Туркестанскій округъ

Окружной штабъ въ Ташкентѣ.

съ двумя областями—Семирѣченской и Сыръ-Дарьинской. Громадные штаты новыхъ управленій хлынули сюда изъ центральной Россіи, и началось такъ называемое «великое переселеніе чиновничьяго люда съ Запада на Востокъ».

Всю осень и зиму 1867 года орско-казалинскій трактъ и вновь устроенная почтовая дорога отъ Казалинска на Перовскъ, Джулекъ, Туркестанъ, Чимкентъ и Ташкентъ—были буквально запружены чиновниками и ихъ семьями.

Все это ѣхало, оффиціально, только на три условныхъ, обязательныхъ года, но съ тайнымъ намѣреніемъ остаться и дольше, если въ новомъ краѣ будетъ сносно жить.

Генералъ-губернаторъ изо всѣхъ силъ поощрялъ эти благія намѣренія. Для построекъ домовъ отводились мѣста безплатно и выдавались большія ссуды. Невозможность нанимать квартиры обязательно заставила всѣхъ строиться, и распланированные пустыри быстро превратились въ густо-населенные кварталы.

Отсутствіе аборигеновъ, съ сложившимися жизненными формами, и разнородный наплывной элементъ населенія русскаго Ташкента, придали жизни города характеръ совершенно своеобразный, самобытный, нисколько не похожій на жизнь прочихъ городовъ Россіи.

Городскаго самоуправленія не было введено, и городъ состоялъ въ вѣдѣніи начальника города съ правами коменданта и главы полиціи. Номинально городъ значился на военномъ положеніи, хотя и не несъ всѣхъ тяжестей, связанныхъ съ этимъ положеніемъ.

Въ теченіе трехъ лѣтъ съ 1867 по 1870 г., городъ раскинулся широко и красиво; аллеи по

всѣмъ улицамъ разрослись и дали превосходную тѣнь. Роща (Микъ-Урюкъ), лежащая за чертою города, превратилась въ загородный увеселительный садъ; появилось нѣсколько ресторановъ, изъ которыхъ знаменитый ресторанъ Розенфельда занялъ бы не послѣднее мѣсто даже въ Петербургѣ. Организовался военный клубъ, съ картами и танцовальными вечерами, со спектаклями, въ которыхъ играли любители, составившіе весьма изрядную драматическую труппу. Появились извощичьи биржи и гостиница съ номерами для пріѣзжающихъ; появилась, наконецъ, возможность уже не выписывать изъ Россіи, а получать на мѣстѣ все необходимое для жизни и комфорта.

Населеніе русскаго Ташкента, не считая войскъ, достигло къ этому времени до четырехъ тысячъ.

Въ такомъ видѣ я оставилъ Ташкентъ ровно десять лѣтъ тому назадъ и уѣхалъ въ Россію.

Лѣтомъ 1879 года, проѣзжая въ Самаркандъ — условный сборный пунктъ членовъ экспе-

Соборная улица въ Ташкентѣ.

диціи для изученія верховьевъ и бассейна Аму, мнѣ пришлось побывать въ Ташкентѣ.

Выѣзжая съ послѣдней станціи передъ городомъ, я съ живымъ нетерпѣніемъ поглядывалъ по сторонамъ, отыскивая знакомыя мѣста и предметы; я даже взялся было за роль бывалаго путеводителя, но жестоко ошибся въ своемъ разсчетѣ. Я положительно не могъ узнать ничего, я даже не замѣтилъ, собственно, начала, въѣзда въ городъ, — такъ онъ разросся и постепенно слился съ окрестными загородными дачами, растянувшимися по чимкентской дорогѣ.

Экипажи наши катились по превосходному шоссе, между сплошными садами — такъ разрослись уличныя аллеи, закрывая собою фасады домовъ. Сквозь массы густой зелени ярко свѣтились окна домовъ и магазиновъ. Мы проѣзжали мимо какихъ-то красивыхъ и большихъ зданій, пересѣкали просторныя площади, сворачивали вправо и влѣво и, наконецъ, очутились во дворѣ генералъ-губернаторскаго дворца, гдѣ намъ приготовлено было помѣщеніе.

Не смотря на то, что я присутствовалъ при основаніи города, слѣдилъ внимательно за его развитіемъ, зналъ планировку и окрестности, — я испыталъ впечатлѣніе человѣка, попавшаго въ мѣста, совершенно ему незнакомыя.

Только на другой день, когда я выѣхалъ верхомъ на прогулку, захвативъ съ собою проводника, и отыскалъ прежде знакомые мнѣ пункты, я могъ сколько-нибудь оріентироваться и сообразить, какъ широко раскинулся нынѣшній Ташкентъ, куда потянули его истинныя жизненныя потребности.

Въ настоящее время русскій Ташкентъ имѣетъ болѣе тысячи домовъ европейской постройки. Хотя эта цыфра и не особенно значительна, но если принять во вниманіе простор-

ную планировку домовъ съ дворами и садами при нихъ, громадныя открытыя площади и ширину улицъ, то можно себѣ представить — какое обширное пространство занято городомъ.

Въ Ташкентѣ сосредоточены всѣ высшія административныя учрежденія края. Главнымъ украшеніемъ города, конечно, служатъ казенныя зданія и дворцы съ ихъ великолѣпными садами, украшенными замысловатыми и изящными сооруженіями садовой архитектуры. Эти красивые сады ежедневно открыты для публики, безъ различія племенъ и состояній, и по вечерамъ, изящно иллюминованные, кишатъ народомъ, прогуливающимся и отдыхающимъ подъ звуки военной музыки.

Здѣсь вы встрѣтите и бѣлые кителя военныхъ, и плантаторскіе лѣтніе костюмы свободныхъ гражданъ, и сотни гемороидальныхъ чиновничьихъ физіономій, и русскую поддевку, и солдатскую рубаху, и русскую бабу въ платочкѣ, и щеголеватыя фигуры изящныхъ дамъ, какъ бы прямо сорвавшіяся съ модныхъ парижскихъ картинокъ. Между всѣмъ этимъ важно колышатся колоссальныя чалмы туземныхъ тузовъ, вышитыя золотомъ, бархатныя тюбетейки, пестрые халаты. А въ воздухѣ, прорываясь сквозь звуки музыки, гудитъ преимущественно русскій говоръ, изрѣдка пересыпаемый бойкими французскими фразами.

Въ Ташкентѣ давно уже заведено нѣсколько частныхъ приготовительныхъ школъ для обученія русской грамотѣ; кромѣ того, учреждены: мужская и женская гимназіи, такъ что теперь уже вовсе нѣтъ надобности возить дѣтей за нѣсколько тысячъ верстъ (въ Оренбургъ и далѣе) для образованія.

Кромѣ двухъ военныхъ госпиталей съ офицерскими палатами, есть еще городской госпиталь съ женскимъ отдѣленіемъ и амбулаторною палатою; наконецъ, существуетъ нѣсколько частныхъ лечебницъ.

Въ 1868 г. была учреждена въ Ташкентѣ публичная библіотека. Она очень быстро разрослась и въ короткое время въ состояніи была удовлетворять потребности въ чтеніи на русскомъ, нѣмецкомъ, англійскомъ, арабскомъ и персидскомъ языкахъ. При ней была удобно устроенная зала для чтенія. Въ библіотекѣ имѣлось 5,381 названіе книгъ, при 9,734 томахъ, не включая въ это число книгъ по богословію и военнымъ наукамъ. Но, къ сожалѣнію, это прекрасное учрежденіе, въ которомъ ощущалась такая огромная потребность для края, закрыто 13-го декабря 1882 года приказомъ туркестанскаго генералъ-губернатора, г. Черняева. Вотъ что, между прочимъ, говорится въ этомъ приказѣ: «Состоящему при мнѣ старшему чиновнику особыхъ порученій — подполковнику Крестовскому, было предложено мною осмотрѣть во всѣхъ отношеніяхъ ташкентскую публичную библіотеку, для доклада мнѣ о ея нынѣшнемъ состояніи.

«На основаніи представленнаго подполковникомъ Крестовскимъ по сему предмету рапорта, находя, что направленіе, усвоенное съ теченіемъ времени этою библіотекою, нимало не соотвѣтствуетъ серьезнымъ и полезнымъ цѣлямъ, какія имѣлись въ виду высшею администраціею Туркестанскаго края при учрежденіи сего книгохранилища, тѣмъ болѣе, что на его поддержаніе ежегодно расходуются казною довольно значительныя денежныя средства, я призналъ за болѣе полезное:

1) Прекратить съ 1-го января 1883 года дальнѣйшее существованіе ташкентской публичной библіотеки, какъ самостоятельнаго учрежденія.

2) Средне-азіятскій и туркестанскій отдѣлъ оной, равно какъ и всѣ сочиненія, имѣющія спеціальное значеніе по отношенію къ Азіи вообще, а также и научныя сочиненія по всѣмъ отраслямъ знаній, выдѣливъ изъ ея нынѣшняго состава, передать въ ташкентскій музей, съ тѣмъ, чтобы при семъ музеѣ составилось спеціальное по азіятскимъ вопросамъ книгохранилище, изъ котораго всегда могли бы заимствоваться матеріалами люди, серьезно занимающіеся изученіемъ Азіи.

3) Сумму, нынѣ ежегодно расходуемую на библіотеку, отнести на содержаніе музея и пополненіе книгохранилища вновь выходящими изданіями и сочиненіями, имѣющими спеціальный интересъ по азіятскимъ вопросамъ вообще и по Туркестанскому краю въ особенности.

4) Книги военно-научнаго и военно-историческаго содержанія передать въ библіотеку штаба войскъ Туркестанскаго округа, съ тѣмъ, чтобы изъ нея безпрепятственно, но съ извѣстными гарантіями за сохранность книгъ, могли пользоваться этими изданіями офицеры, готовящіеся къ поступленію въ высшія военноучебныя заведенія.

5) Сочиненія русскихъ и иностранныхъ классическихъ писателей и изданія обще-учебнаго характера передать въ распоряженіе инспектора училищъ Туркестанскаго края на пополненіе библіотекъ тѣхъ учебныхъ заведеній, гдѣ окажется надобность.»

Булочникъ въ Ташкентѣ.

Торговецъ канаусомъ въ Ташкентѣ.

Русская азбука здѣсь считается очень выгоднымъ товаромъ и расходится даже между туземнымъ населеніемъ, которое довольно быстро русѣетъ, притомъ безъ всякаго насилія. Съ нѣкоторымъ знаніемъ русскаго языка, туземный рабочій оплачивается вдвое дороже и скорѣе находитъ себѣ выгодное занятіе въ русскомъ Ташкентѣ. Мало того, знаніе русскаго языка открываетъ туземцу прямо доступъ къ русской администраціи, устранивъ ненавистное для туземца вліяніе переводчика.

Таджики и Сарты отлично поняли свои выгоды, отлично приспособились къ русскому владычеству, отлично оцѣнили выгодныя стороны этого владычества. Подведя итоги своимъ барышамъ, они пришли къ тому выводу, что при Русскихъ живется куда вольготнѣе.

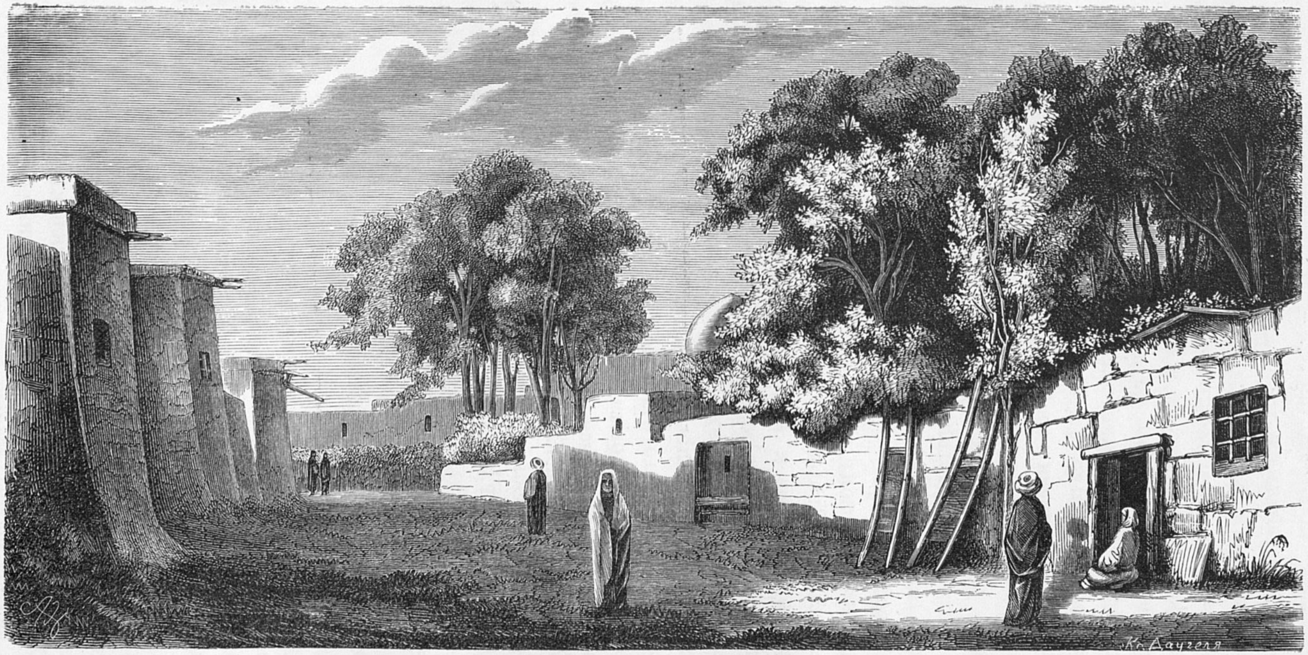
Русскій Ташкентъ, не смѣшиваясь съ туземнымъ городомъ, далъ этому городу новую жизнь, открылъ новые рынки для сбыта земледѣльческихъ и мануфактурныхъ произведеній туземцевъ, поднялъ значительно и то и другое и ввелъ усовершенствованія въ мѣстной жизни. Теперь уже вы найдете сотни превосходныхъ туземныхъ строителей—плотниковъ и столяровъ, умѣющихъ по готовымъ образцамъ дѣлать превосходную мебель, по аккуратности и достоинству работы несравненно лучшую самыхъ образцовъ. Въ производство ткани изъ бумаги и шелка вошли болѣе изящные и удовлетворяющіе развитому вкусу подборы цвѣтовъ и рисунковъ. Руками мѣстныхъ мастеровъ вы можете теперь вполнѣ создать свое жилье, устроить его комфортабельнѣйшимъ образомъ и обставить себѣ жизнь, не прибѣгая къ выписыванію чего-либо изъ Европейской Россіи.

Прежнее военное управленіе городомъ смѣнилось теперь самоуправленіемъ, — введено городское положеніе и избранъ баллотировкою составъ городской думы. Составъ гласныхъ таковъ: сорокъ четыре члена Русскихъ, двадцать четыре туземца, подъ предсѣдательствомъ градоначальника, назначаемаго туркестанскимъ генералъ-губернаторомъ. Эта дума вѣдаетъ всѣ дѣла по управленію городомъ, раскладки и сборы повинностей, народное образованіе, санитарное дѣло, полицію и городское благоустройство. Мнѣ пришлось лично присутствовать въ засѣданіи такой думы. Не смотря на ординарность обсуждавшихся вопросовъ, собраніе было многочисленное, почти полное; бойкихъ и длинныхъ рѣчей вовсе не произносилось; вопросы рѣшались скоро и толково; засѣданіе длилось не болѣе двухъ часовъ и разошлось въ самомъ мирномъ настроеніи.

При чтеніи протоколовъ предыдущаго засѣданія, оказалось, что всѣ постановленія этого засѣданія приведены уже въ исполненіе, и это исполненіе провѣрено предсѣдателемъ думы.

Войска, составляющія гарнизонъ Ташкента, и временно-проходящія команды, помѣщаются въ загородныхъ казармахъ, просторно построенныхъ, обсаженныхъ деревьями и снабжающихся водою изъ Салара. Прежняя крѣпость утратила всякое военно-оборонительное значеніе, — она превратилась въ мѣсто для склада продовольствія и разныхъ военныхъ вещей.

Новопріѣзжій въ Ташкентъ найдетъ очень удобныя гостиницы съ номерами и столомъ; къ его услугамъ есть всевозможные экипажи, запряженные сытыми и бойкими лошадками;

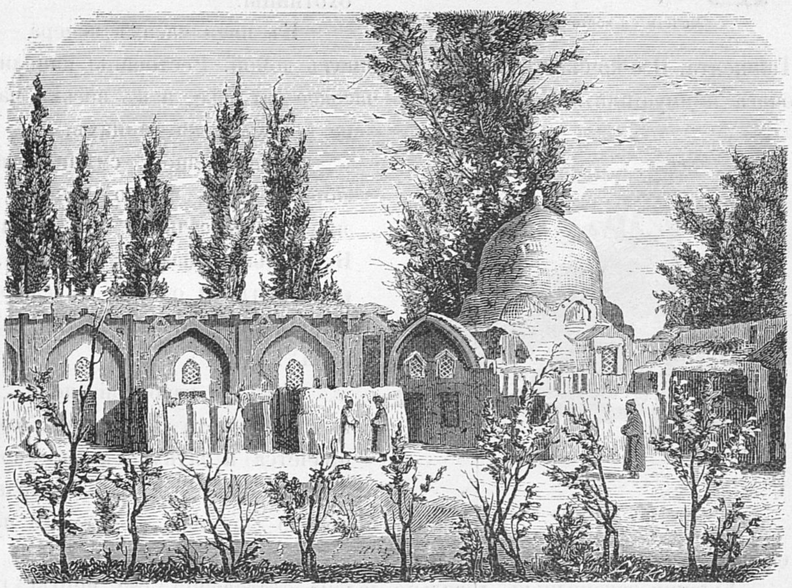


Т. X. Улица въ Старомъ Ташкентѣ.

извощичій легковой промыселъ, вслѣдствіе широкой распланировки города, развился быстро. За три рубля въ сутки вы имѣете прекрасную коляску парою, съ кучеромъ Таджикомъ или Татариномъ, умѣющимъ объясняться по-русски. Вы можете, не прибѣгая къ помощи переводчика, посѣтить и мѣстные базары туземнаго Ташкента, гдѣ всегда поймутъ, что вамъ нужно, и, кромѣ того, къ услугамъ вашимъ сейчасъ же явятся туземцы-факторы, бойко говорящіе по-русски.

На улицахъ русскаго города туземцы-разнощики выкликаютъ по-русски свои товары. Словомъ, вы не становитесь уже въ такое безпомощное положеніе, въ которомъ находились всего десять лѣтъ тому назадъ, затершись въ пеструю толпу халатнаго, чалмоноснаго люда.

Санитарное состояніе русскаго города не оставляетъ желать ничего лучшаго. Внутренній же бытъ туземнаго Ташкента измѣнился очень мало; но для того, чтобы преобразовать этотъ бытъ на европейскій ладъ, надо вторгнуться въ *святая святыхъ* мусульманина — въ его дворъ и гаремы, въ мечети и медрессе, куда Русскіе насильственно не заглядываютъ, предоставляя дѣло прогресса, въ этомъ отношеніи, хотя и медленному, но естественному, послѣдовательному развитію.



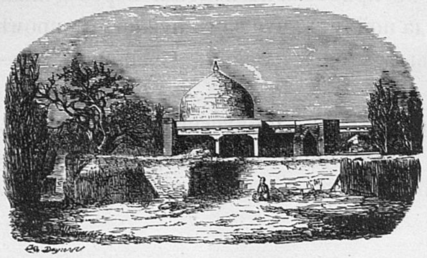
Мечеть въ Ташкентѣ.

Вотъ картинка лѣтняго дня въ русскомъ Ташкентѣ.

Рано утромъ, часа въ три, когда солнце только-что выглянетъ изъ-за сплошной зелени садовъ и бѣлоснѣжнаго хребта Акъ-Тау, — на пустынныхъ улицахъ появляются сотни Сартовъ — дворниковъ и метельщиковъ улицъ, съ ковшеобразными лопатами и метлами въ рукахъ; начинается поливка шоссе и чистка. Вдоль улицъ проведены, между тротуарами и насыпью шоссе, арыки съ проточною водою; эту воду лопатами расплескиваютъ во всю ширину улицъ. Начинаютъ показываться скрипучія, двухколесныя арбы и навьюченныя животныя, — это везутъ на рынокъ зелень и продовольственные продукты. Къ шести часамъ утра уже просыпается все населеніе, — отворяются войлочные ставни, въ воздухѣ попахиваетъ дымкомъ отъ самоваровъ. Къ семи часамъ уже идутъ пѣшкомъ, катятъ въ экипажахъ и галопируютъ верхомъ военные и чиновные люди, отправляющіеся на мѣсто служенія.

Съ девятаго часа наступаетъ жара. Шкапики съ прохладительными напитками, на перекресткахъ улицъ и бульваровъ, открываютъ свою дѣятельность; у подъѣздовъ магазиновъ и гостиницъ толпятся полунагіе, черномазые мальчики, такъ называемые «тащишки» (отъ слова тащить), съ предложеніемъ своихъ услугъ. Они держатъ вашу лошадь, пока вы заходите въ домъ, носятъ за вами покупки, бѣгаютъ на посылкахъ и довольствуются самымъ скромнымъ заработкомъ,—двумя-тремя копѣйками за услугу.

Къ самому разгару зноя, отъ часа до пяти, значительно пустѣютъ улицы, окна домовъ снова запираются войлочными ставнями. Движеніе почти прекращается.



Мечеть съ восточной стороны.

Визитировать въ это время положительно не принято по двумъ, весьма уважительнымъ причинамъ: первая—вы застанете хозяйку дома непремѣнно врасплохъ, заставите ее одѣваться, что ей, конечно, не можетъ доставить удовольствія, и помѣшаете ея хозяйственнымъ занятіямъ; вторая причина—не найдете мужа дома, занятаго службою, а это можетъ породить дурные толки, до которыхъ прекрасныя обитательницы русскаго Ташкента большія охотницы.

Къ пяти часамъ вечера — снова оживляются аллеи Ташкента. Все кончаетъ службу и спѣшитъ домой. Рестораны наполняются холостыми, своего очага неимущими... Затѣмъ, опять часовое затишье, а къ восьми часамъ вечера — весь городъ на ногахъ и на улицахъ.

Продавецъ дровъ въ Ташкентѣ.

Дневной зной смѣнила прохлада чуднаго вечера. Обрызганные водою тополи благоухаютъ. Элегантные экипажи и всадники несутся по всѣмъ направленіямъ. Бульвары кишатъ гуляющими. Губернаторскій садъ переполненъ, и оттуда, съ высоты китайскаго павильона, льются гармоничные звуки вальсовъ Штрауса и Шопена...

Такъ до глубокой ночи, когда снова наглухо запрутся ворота и ставни домовъ, когда снова все попрячется и затихнетъ по своимъ угламъ, а на улицахъ бродятъ или торчатъ неподвижно на перекресткахъ только ночные сторожа и нарушаютъ тишину ночи своими трещетками и свистками.

Бывшій загородный, довольно далеко отстоявшій отъ черты города, садъ Микъ-Урюкъ такъ и сохранилъ за собою до сихъ поръ значеніе увеселительнаго и общественнаго пункта. Только теперь онъ попалъ уже въ самую черту города.

Въ тѣни старыхъ абрикосовыхъ деревьевъ построенъ павильонъ для танцевъ и эстрада для представленій. Тамъ вы услышите и разскащика русскихъ народныхъ сценъ, и игривую шансонетку, Богъ вѣсть какими судьбами сюда занесенной, каскадной пѣвицы.

Н. Н. Каразинъ.

Рабочая арба въ Ташкентѣ.

ОЧЕРКЪ VI.

МАЛАЯ И СРЕДНЯЯ КИРГИЗСКАЯ ОРДА.

Тургайская и Акмолинская области. — Горы, рѣки и озера. — Производительность края. — Міръ растительный и животный. — Кочевое и осѣдлое населеніе. — Исторія киргизскаго народа и присоединеніе его къ Россіи.—Нравы и бытъ Киргизовъ; общественныя и семейныя ихъ празднества. — Древнія развалины.

«Мы бѣгаемъ отъ Калмыковъ, Башкирцевъ, Сибирскихъ и Яицкихъ казаковъ, какъ зайцы отъ борзыхъ собакъ».

ЖАЛОБА КИРГИЗСК. СТАРШИНЫ.

Зимняя станція въ степи.

ынѣ страна, гдѣ преимущественно обитаютъ Киргизы Малой и Средней орды, составляетъ двѣ русскія области: Тургайскую и Акмолинскую. Прежде Киргизская степь раздѣлялась на два большихъ отдѣла: «Степь Оренбургскаго вѣдомства» и «Степь Сибирскаго вѣдомства». Но ни одно изъ этихъ административныхъ дѣленій никогда не охватывало собою всѣ кочевки Малой и Средней Киргизской орды; Киргизы, принадлежащіе къ нимъ, кочуютъ, кромѣ того, въ области Уральской, Семипалатинской и Сыръ-Дарьинской; но, тѣмъ не менѣе, средоточіемъ этихъ степняковъ служатъ Тургайская и Акмолинская области.

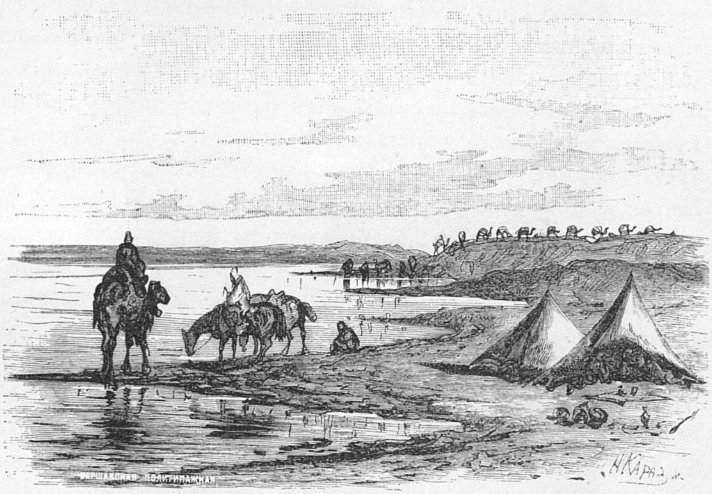
Обѣ названныя области, въ общей сложности, составляютъ около 18,200 квадратныхъ миль, занимая уголъ между Ураломъ, Западною Сибирью и Средне-Азіятскими нашими владѣніями. Обѣ эти области слабо населены; въ Акмолинской числится до 380,000 жителей обоего пола, въ Тургайской — до 636,000 душъ обоего пола. Русское населеніе сосредоточивается преимущественно въ городахъ, укрѣпленіяхъ и поселкахъ, по сѣверо-западной, сѣверной и сѣверо-

восточной окраинамъ этихъ областей и составляетъ очень небольшой процентъ въ сравненіи съ туземцами. Акмолинская область представляетъ собою слегка всхолменную плоскость, пересѣченную отъ востока къ западу низменнымъ уваломъ на двѣ части: сѣверную, понижающуюся отъ юго-востока къ сѣверо-западу, образующую двѣ обширныя низины — Иртышскую и Ишимскую степи, —и южную, менѣе значительную по размѣрамъ, спускающуюся террасами къ долинѣ пограничной рѣки Чу. Горный увалъ, прорѣзывающій область поперекъ, составляетъ продолженіе горнаго хребта Каракисяка, отдѣляющаго отъ себя три вѣтви холмовъ, изъ коихъ одна раздѣляетъ систему рѣкъ Ишима и Иртыша, другая тянется по площади Голодной степи и третья служитъ водораздѣломъ водъ рѣкъ Ишима и Сары-Су, оканчиваясь на западной границѣ скалистою группою горъ Улу-Тау, сѣверный и южный отроги которыхъ разграничиваютъ рѣки Тургайской и Акмолинской областей. Эти горныя возвышенности нигдѣ почти не представляютъ непрерывныхъ горныхъ кряжей; онѣ имѣютъ скорѣе видъ отдѣльно стоящихъ группъ, остроконечныхъ или съ плоскими вершинами сопокъ и низкихъ, длинныхъ, очень рѣдко крутыхъ уваловъ, связывающихъ собою послѣднія. Образуя толщи осадочныхъ породъ, всѣ эти степныя возвышенія представляютъ немного обнаженій. Этими наносами покрыты какъ равнины, такъ, нерѣдко, и самыя значительныя горы. Гранитъ составляетъ главнѣйшую составную часть здѣшнихъ возвышенностей. Послѣ гранитовъ, порфиры занимаютъ замое значительное мѣсто, при чемъ они всегда сопровождаются сильно измѣненными зеленокаменными породами. Лежащіе на склонахъ гранитныхъ и порфировыхъ возвышеній сланцы большею частью чернаго цвѣта, переходя въ зеленоватый тамъ, гдѣ они пронизываютъ діоритовыя жилы. Вообще, прилегающіе къ граниту глинистые сланцы переходятъ въ слюдяный и отчасти въ гнейсовый; песчаники же, находясь въ соприкосновеніи съ порфиромъ, обращаются въ кремнистый сланецъ. Короче говоря, гранитъ, порфиры и кварцъ составляютъ какъ бы скелетъ возвышенностей, а вмѣстѣ съ тѣмъ измѣняютъ и соприкасающіяся съ ними напластованія осадочнаго происхожденія.

Наносы во многихъ мѣстахъ пропитаны солью; въ ложбинахъ и углубленіяхъ образовалось множество соляныхъ и горькихъ озеръ; но, по мѣрѣ выщелачиванія насыщенныхъ этими солями наносовъ, стала замѣтно улучшаться покрывающая ихъ растительность; тѣмъ не менѣе, черноземная почва занимаетъ въ здѣшнихъ степныхъ равнинахъ весьма незначительныя пространства и преимущественно сосредоточивается въ сѣверо-западной сторонѣ области. Солонцоватыя почвы встрѣчаются, напротивъ, въ изобиліи; солончаки раздѣляются на сухіе и мокрые; послѣдніе преобладаютъ на сѣверѣ, а первые въ южной части области. Что же касается песчано-каменистыхъ почвъ, то онѣ составляютъ принадлежность всѣхъ здѣшнихъ возвышенностей, кромѣ известковыхъ холмовъ. По средней части области тянется рядъ невысокихъ уваловъ и холмовъ, образующихъ такъ называемый Ильдыгійскій-Сыртъ, служащій водораздѣломъ рѣчныхъ системъ Ишима, Нуры и Сары-Су; холмы эти оканчиваются Арганатинскими возвышенностями. Хребетъ этотъ весьма не высокъ. Сѣверные его скаты покрыты хорошими кормовыми травами, а по ущельямъ растетъ талъ, кустарникъ и мелкая березовая и осиновая поросль.

По западной границѣ области, отъ скалистой группы горъ Улу-Тау, тянется къ сѣверу, въ видѣ невысокаго увала, къ верховьямъ рѣки Убагана, холмистая гряда, служащая водораздѣломъ между рѣками Ишимомъ и Тургаемъ. Улу-Тауская группа состоитъ изъ гранитныхъ и порфировыхъ конусовъ; возвышающихся до 1,000 футовъ; она обильна источниками прѣсной воды. Въ прежнее время горы эти были покрыты сосновыми лѣсами; нынѣ лѣса эти истреблены неумѣренными порубками и пожарами; столѣтнія сосны рубились на дрова; словомъ, здѣсь было полное лѣсоистребленіе; теперь отъ прекрасныхъ нѣкогда лѣсовъ уцѣлѣли лишь жалкіе остатки да рѣдкій осиновый и березовый кустарникъ. Около Улу-Тауских горъ почва равнинъ очень хлѣбородна. Къ югу отъ Улу-Тау тянутся невысокіе холмы, переходящіе въ бугры, ниже впа-

денія Кингири въ Сары-Су, далѣе которыхъ начинаются песчаные барханы и пустыни Муюнъ-Кумъ и Буюрюкъ-Кумъ, простирающіеся до южной границы области. Въ восточной сторонѣ области расположены группы холмистыхъ высотъ, носящихъ различныя названія. Болѣе извѣстны Ерементаускія возвышенности, изъ коихъ Яхты-Ніазъ заключаетъ въ себѣ истокъ рѣки Ишима. Горы эти вообще обильны лѣсомъ, сосновымъ и березовымъ; густая трава покрываетъ ихъ, и почва удобна для хлѣбопашества. Отъ Ерементау на сѣверо-западъ до Кокчетавской гранитной группы тянутся невысокіе увалы, покрытые лѣсами; такими же густыми лѣсами покрыты и Кокчетавскія горы, самыя живописныя въ этомъ краѣ. Къ сѣверу и сѣверо-востоку, между развѣтвленіями этихъ горъ, разбросано множество соленыхъ и горько-соленыхъ озеръ, изъ которыхъ нѣкоторыя занимаютъ обширныя пространства. Въ отрогахъ Кокчетавскихъ горъ открыто присутствіе золота, которое съ 1855 года начали разработывать, хотя здѣшнія розсыпи и не особенно богаты содержаніемъ метала. Въ сѣверо-западномъ направленіи отъ Кокчетавскихъ горъ, къ берегамъ Ишима, горные кряжи идутъ въ различныхъ направленіяхъ, то повышаясь, то понижаясь, и, наконецъ, совершенно переходятъ въ волнистую равнину. Въ горѣ Яманъ-Тау (Джаманъ-Тау), на берегахъ озера Джаманъ - акъ - Куль открыты мѣдныя и свинцово-серебряныя руды, а также древнія копи и отвалы; но по незначительности содержанія въ сравненіи съ другими рудами Каркаралинскаго округа Семипалатинской области, эти рудныя мѣсторожденія до сихъ поръ еще серьезно никѣмъ не изслѣдованы. Лѣсное пространство Кокчетавскаго округа составляетъ до 30,000 квадратныхъ верстъ.

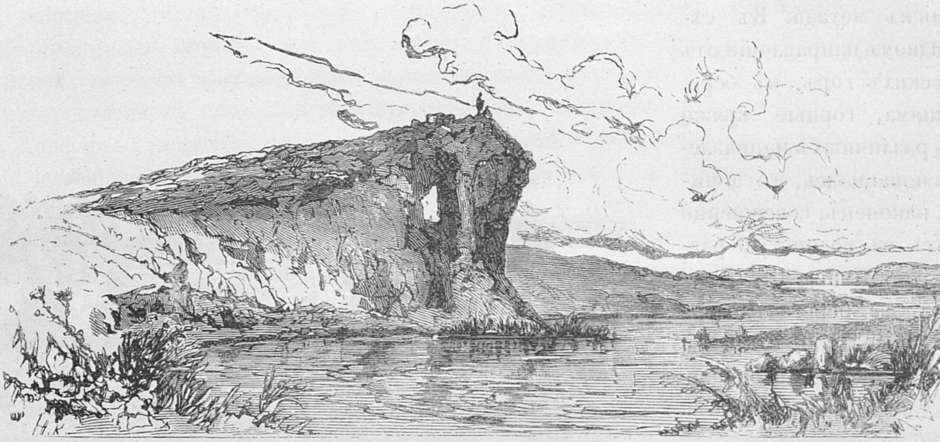


Озеро Джаманъ-акъ-Куль.

Тургайская область представляетъ котловину, къ сѣверной и отчасти западной сторонамъ которой прилегаютъ отпрыски Уральскихъ горъ; съ востока она ограничивается Улу-Таускими горами; къ югу и юго-западу простирается до береговъ Сыръ-Дарьи и Аральскаго моря; съ запада же она ограничена Мугоджарскими горами. Сѣверо-западная часть Тургайской области заполнена отрогами горъ, составляющими продолженіе Уральскаго хребта; горы эти въ юго-западномъ направленіи незамѣтно сливаются съ болѣе возвышеннымъ и обрывистымъ Мугоджарскимъ хребтомъ. Главная составная часть этихъ горъ — граниты; по скатамъ же ихъ появляются гнейсы. Къ югу и востоку отъ Мугоджарскихъ горъ, къ Аральскому морю, тянутся пески — Малые и Большіе Барсуки, состоящіе изъ новѣйшихъ наносовъ. Основная почва обширной котловины, занимаемой Тургайскою областью, — глинисто-сланцевая. Восточная половина Тургайской, равнины кое-гдѣ покрыта небольшими скопленіями песковъ, западная же ея часть состоитъ изъ бугристыхъ песковъ, и только мѣстами видна глинистая подпочва. Пески эти — образованіе позднѣйшаго времени, такъ какъ подъ ними встрѣчаются хорошо сохранившіеся камыши и водоросли. Обиліе солонцовъ, соленыхъ и горько-соленыхъ озеръ характерно для

Тургайской области. За исключеніемъ сѣверной, сѣверо-западной и сѣверо-восточной частей области, почва мало-производительна и негодна для земледѣлія.

Значеніе рѣкъ какъ водныхъ путей въ обѣихъ областяхъ ничтожно въ торговопромышленномъ отношеніи, Весною онѣ разливаются на большія пространства; въ лѣтнюю же пору, или пересыхаютъ, оставляя однѣ лужи, или мелѣютъ, такъ что ихъ переходятъ въ бродъ. Исключеніе въ этомъ отношеніи представляютъ только: Иртышъ, проходящій на небольшомъ разстояніи въ Акмолинской области, Тоболъ, берущій начало въ Тургайской области, и Ишимъ. Это—сплавныя, судоходныя рѣки. Рѣка Тоболъ протекаетъ въ предѣлахъ Тургайской области на протяженіи 500 верстъ, достигая ширины 30-ти саженъ; теченіе его быстро; берега въ верховьяхъ скалисты; послѣ впаденія рѣки Аяты они становятся низменными; правый берегъ выше лѣваго. Притоки Тобола незначительны, кромѣ рѣкъ: Уя, составляющаго сѣверо-западную границу

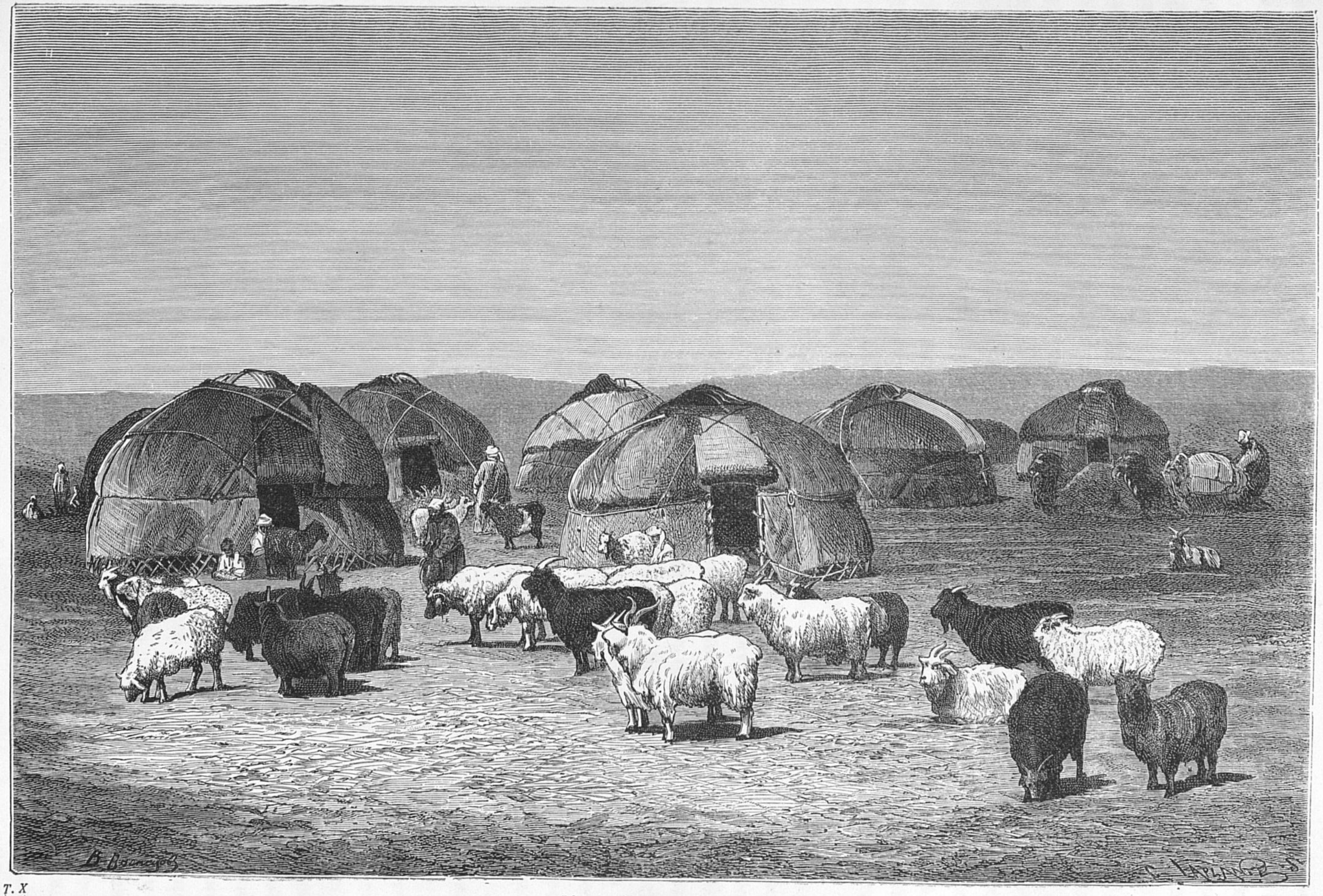


Рѣка Иргизъ.

области съ Оренбургскою губерніею,—Убагана, разграничивающаго Тургайскую и Акмолинскую области съ востока. Убаганъ до 300 верстъ протяженіемъ, шириною до 200 саженъ; онъ проходитъ черезъ соленое озеро Денгизъ-Куль (или Джюзъ-Куль) и имѣетъ почти на всемъ протяженіи солоноватый вкусъ.

Въ обѣихъ этихъ областяхъ много озеръ, въ которыя впадаютъ значительныя по протяженію рѣки, составляющія, такимъ образомъ, свои самостоятельные бассейны Къ такимъ внутреннимъ бассейнамъ принадлежатъ озера: Челкаръ-Тенгизъ, Телекуль-Тата, Денгизъ-Куль, Джаманъ-акъ-Куль и Кургалджинъ. Озеро Челкаръ—обширный водоемъ съ солоноватой водой, представляетъ, быть можетъ, остатокъ древняго моря, покрывавшаго здѣшнюю равнину. Въ западный его уголъ вливается одна изъ самыхъ значительныхъ степныхъ рѣкъ — Иргизъ, берущій начало въ отрогахъ Мугоджарскихъ горъ. Длина Иргиза до 500 верстъ, ширина до 75 саженъ, глубина довольно значительная, такъ что рѣка не вездѣ проходима въ бродъ. Вода въ Иргизѣ довольно хороша, но въ нижнемъ теченіи становится солоноватою, хотя и пригодною къ употребленію. Съ лѣвой стороны Иргизъ принимаетъ значительную рѣку Тургай, вытекающую изъ Улу-Таускихъ горъ нѣсколькими ручьями (числомъ до пятнадцати); по сліяніи ихъ образуется разливъ Сары-Копа; далѣе рѣка течетъ однимъ русломъ. Длина Тургая до 450 верстъ; онъ течетъ извилисто и такъ глубокъ, что броды бываютъ только въ извѣстное время года. Въ верховьяхъ рѣки вода прѣсная; чѣмъ далѣе къ низу, тѣмъ становится солонѣе.

Рѣка Сары-Су, впадающая въ озеро Телекуль-Тата, вѣроятно, была притокомъ Сыръ-Дарьи, а нынѣ только на 80 верстъ не доходитъ до нея. Она вытекаетъ изъ Каркаралинскаго



T. X

Киргизы въ степи.

округа Семипалатинской области и, послѣ тысячеверстнаго теченія, вливается въ Телекульское озеро, имѣющее до пятидесяти верстъ длины. Вода этого озера, какъ и всего нижняго теченія рѣки, на протяженіи болѣе 500 верстъ, имѣетъ соленый и даже мѣстами горько-соленый вкусъ, и только по нуждѣ можетъ быть употребляема въ пищу; тѣмъ не менѣе рыба здѣсь водится въ изобиліи. На одну четверть всей своей длины Сары-Су течетъ въ гористой мѣстности, имѣетъ прѣсную воду, рѣдко гдѣ болѣе 5 саженъ ширины и до двухъ футовъ глубины. Далѣе рѣка расширяется до 10 саженъ и течетъ по ровной мѣстности, служа мѣстнымъ жителямъ для орошенія пашенъ. Нижнее теченіе рѣки имѣетъ своеобразный характеръ; на 150 верстъ протяженія рѣка течетъ плесами до 90 саженъ ширины и отъ 1 до 5 верстъ длины; плесы эти соединяются собою между узкою и мелкою лентою. Затѣмъ рѣка разбивается на мелкіе протоки; наконецъ, соединившись снова въ одно русло, шириною 2—3 сажени, теряется въ мелкихъ разливахъ западной части Телекульскаго озера. Сары-Суйская долина, по выходѣ рѣки изъ горъ, расширяется до четырехъ верстъ; пройдя Муюнъ-кумскіе пески, обращается въ пространный логъ, съуживающійся при урочищѣ Торгунъ, гдѣ песчаные бугры, удаляющіеся отъ рѣки на три версты, образуютъ лѣсистую площадь до двѣнадцати квадратныхъ верстъ. Долина поросла густыми, питательными кормовыми травами; берега рѣки густо заросли тальникомъ, отчасти тополями, гребенщикомъ и саксауломъ. Для здѣшнихъ кочевниковъ долина эта имѣетъ важное значеніе, по своимъ кормамъ для скота и обилію топлива.

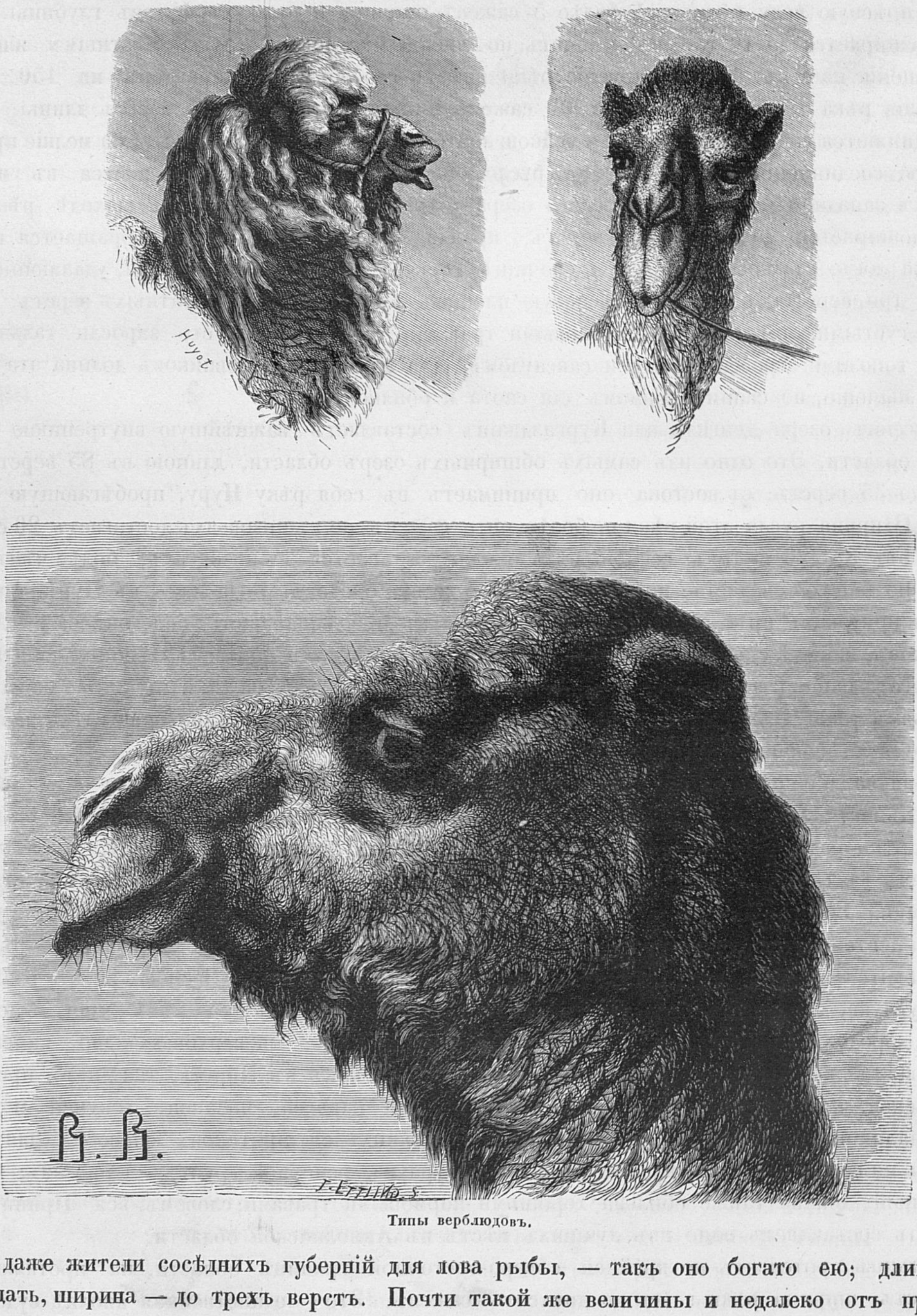
Бассейнъ озера Денгизъ или Кургалджинъ составляетъ важнѣйшую внутреннюю водную систему области. Это одно изъ самыхъ обширныхъ озеръ области, длиною въ 85 верстъ, шириною до 35 верстъ; съ востока оно принимаетъ въ себя рѣку Нуру, пробѣгающую до 650 верстъ. Ширина русла этой рѣки не болѣе пяти саженъ, но въ низовьяхъ достигаетъ 20 саженъ; глубина отъ 3 до 20 футовъ; весною рѣка сильно разливается въ низовьяхъ, болѣе чѣмъ на 10 верстъ, но быстро спадаетъ; на ней имѣется до десяти бродовъ. Вода какъ въ Нурѣ, такъ и во всѣхъ ея притокахъ прѣсная. Долина этой рѣки, какъ и большая часть береговъ озера Денгизъ и притоковъ, могутъ считаться лучшею мѣстностью для лѣтнихъ кочевокъ здѣшнихъ обитателей. Озеро богато рыбою: здѣсь ловятся въ изобиліи чебаки, караси, окуни и щуки. По берегу озера и низовьямъ рѣки Нуры расположены значительныя пашни Киргизовъ, которые здѣсь давно уже занимаются хлѣбопашествомъ.

Самая важная рѣка въ области по своему экономическому значенію для края — Ишимъ, притокъ Иртыша. Длина теченія Ишима въ предѣлахъ Акмолинской области до 1,050 верстъ; ширина рѣки различна: въ верховьяхъ до двухъ саженъ, далѣе до 10 саженъ, и затѣмъ, съ принятіемъ въ себя притока Нижняго Бурлука, до 40 саженъ. Съ этого мѣста рѣка становится сплавною. Берега рѣки, чѣмъ далѣе къ низу, тѣмъ болѣе понижаются; отъ урочища Джаръ-Агича они становятся совершенно ровными. Теченіе рѣки чрезвычайно извилисто; рѣка нерѣдко дѣлится на множество протоковъ, пересыхающихъ лѣтомъ. Весною рѣка, разливаясь ниже Бурлука, затопляетъ берега на нѣсколько верстъ; бродовъ на рѣкѣ много, но ниже Бурлука бродовъ не бываетъ. Пороговъ на рѣкѣ нѣтъ; въ верховьяхъ дно каменистое, въ низовьяхъ же—иловатое и песчано-глинистое. Вода какъ въ Ишимѣ, такъ и въ притокахъ его прѣсная. Рыбы водится изобиліе, въ особенности карасей, чебаковъ, окуней и лещей, щукъ, налимовъ и другихъ. Вся долина рѣки и нижнихъ ея притоковъ способна для земледѣлія; въ нижнихъ частяхъ рѣки, отъ впаденія Бурлука, основной грунтъ—черноземъ; урожай прекрасный; долина также обильна хорошими кормовыми травами; словомъ, вся Приишимская мѣстность составляетъ одно изъ лучшихъ мѣстъ въ Акмолинской области.

Иртышъ протекаетъ по крайней сѣверо-восточной границѣ области, на протяженіи до 180 верстъ; ширина рѣки здѣсь до двухсотъ саженъ. Это — единственная вполнѣ судоходная рѣка во всемъ этомъ краѣ.

Кромѣ рѣкъ, въ обѣихъ областяхъ находится громадное количество озеръ, какъ прѣсныхъ,

такъ равно соленыхъ и горько-соленыхъ. Первыхъ чрезвычайно много въ Акмолинской области; ихъ насчитываютъ тамъ до 150; всѣ они чрезвычайно рыбны и приносятъ огромную пользу. Большинство прѣсныхъ озеръ расположены въ сѣверной половинѣ края. По богатству рыбы замѣчательна группа Кокчетавскихъ озеръ, равно какъ и Аиртавское озеро, куда наѣз-



Типы верблюдовъ.

жаютъ даже жители сосѣднихъ губерній для лова рыбы, — такъ оно богато ею; длина его тринадцать, ширина — до трехъ верстъ. Почти такой же величины и недалеко отъ предыдущаго озеро Копчи, затѣмъ Большое Чаглы и озеро Кургалджинъ, черезъ которое протекаетъ рѣка Нура. Всѣ эти прѣсноводныя озера, подымая свой уровень весною, затопляютъ часть

низменнаго своего прибрежья и затѣмъ, входя снова въ берега, образуютъ прекрасные заливные луга, дающіе массу сѣна здѣшнимъ обитателямъ. Не менѣе полезны для жителей и соляныя озера, изъ коихъ во многихъ бываетъ осажденіе соли. Такихъ соляныхъ озеръ считается здѣсь болѣе двадцати. Соль ломается, какъ Русскими, такъ и Киргизами, не только для мѣстнаго употребленія и засола рыбы, но вывозится и за предѣлы края. Горько-соленыхъ озеръ въ краѣ считается болѣе ста.

Климатъ этихъ областей отличается сухостью воздуха, быстрымъ переходомъ температуры отъ высшей къ низшей, частыми и продолжительными вѣтрами. Зимы бываютъ снѣжныя и холодныя; лѣто сухое и знойное. Весна очень коротка; быстро стаивающій снѣгъ уносится вешними водами, послѣ полумѣсячнаго половодья. Средняя годовая температура сѣверной части этихъ областей составляетъ отъ 1° до 5°, южной — до 6°; въ первой рѣки и озера замерзаютъ въ концѣ октября и вскрываются въ апрѣлѣ, во второй же замерзаютъ въ концѣ ноября и вскрываются въ мартѣ. Морозы и здѣсь и тамъ случаются сильные, отъ 25° до 30°; но въ южной части такіе холода бываютъ рѣдки. Лѣто въ сѣверной части обѣихъ областей хотя жаркое, но не удушливо-знойное, какъ въ южной части. Въ Акмолинской области, хотя нѣтъ такихъ обширныхъ лѣсовъ, какъ въ Тургайской, но тѣмъ не менѣе долины Ишима и его притоковъ, какъ и берега озеръ, лѣсисты. Южная часть страны, въ особенности Голодная степь и многіе пески, совершенно безлѣсны; тамъ произрастаютъ въ видѣ кустарниковъ, часто довольно густыхъ, саксаулъ, гребенщикъ, колючка, терескенъ и тальникъ. Въ лѣсахъ сѣверной половины растутъ: береза, сосна, осина, ольха и осокорь, любящій исключительно рѣчныя долины. Строевымъ лѣсомъ служитъ сосна и береза; онѣ же составляютъ и топливо. Въ южной части строеваго лѣса вовсе нѣтъ; для топлива употребляется саксаулъ, терескенъ и нѣкоторые другіе кустарники. Изъ дикихъ животныхъ водятся здѣсь: заяцъ, бѣлка, сурокъ, тушканчикъ, барсукъ, хорекъ, корсакъ, лисица, волкъ; изрѣдка попадаются въ лѣсахъ медвѣди, кабаны, ирбисы, куланы, сайгаки, архары (каменные бараны). Птицы, какъ хищныя, такъ равно водныя и пѣвчія, держатся преимущественно въ сѣверной половинѣ степи, гдѣ много воды, луговъ, полей и лѣсовъ.

Священное дерево.

Въ рыбахъ нѣтъ недостатка въ Киргизской степи. Нѣтъ омута, грязной, прѣсной или солонцеватой лужи, гдѣ бы не водился карась. Въ болѣе обширныхъ озерахъ, караси попадаются до 6 фунтовъ вѣсомъ. Весьма распространены также плотва (чебакъ), язи, линь, щука и окунь. Лещи, налимы, таймени, нельмы, ерши и пискари преимущественно ловятся въ Иртышѣ, Ишимѣ, Тоболѣ и ихъ притокахъ. Сазаны и сомы водятся въ Сары-Су.

Змѣй въ степи много, но, кромѣ гадюки, онѣ не ядовиты. Здѣсь водятся также ящерицы и небольшія черепахи. Изъ вредныхъ безпозвоночныхъ здѣсь довольно много скорпіоновъ, фалангъ и тарантуловъ; послѣдніе встрѣчаются преимущественно въ южной половинѣ края. Оводы, слѣпни и комары отравляютъ пріятность лѣта. Въ нѣкоторыхъ озерахъ встрѣчается

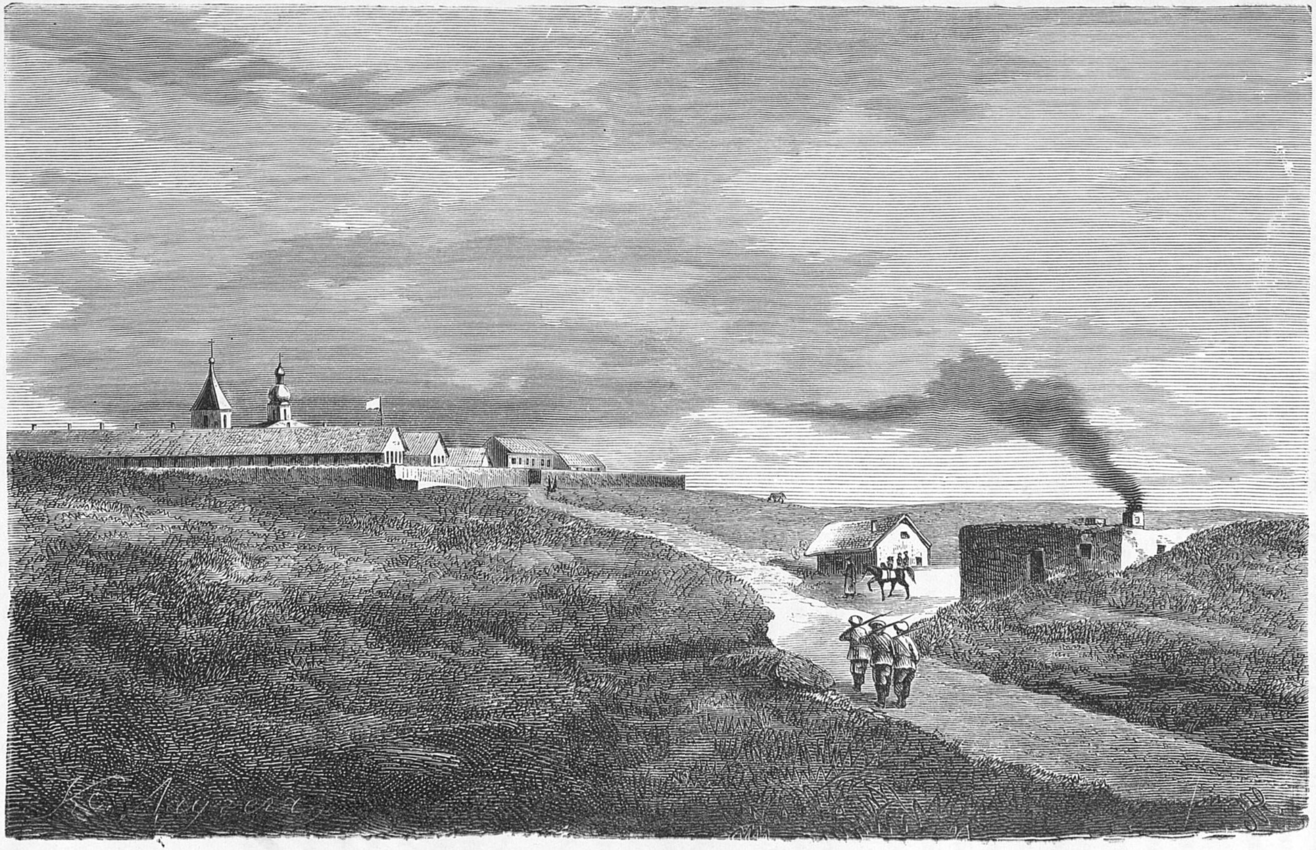
много піявокъ и такъ-называемый волосатикъ, достигающій аршина длины. Въ Киргизской степи водится въ изобиліи бичъ хлѣбопашества и огородничества — такъ называемая «кобылка» (родъ саранчи), которой встрѣчается здѣсь много видовъ. Особенно вреденъ такъ называемый «итальянскій видъ», быстро размножающійся и весьма прожорливый. Жители въ движеніи «кобылки» наблюдаютъ два направленія: одно — съ юго-востока на сѣверо-западъ, параллельно теченію Иртыша; другое — съ юга на сѣверъ; саранча эта, не доходя широты серединныхъ уваловъ, истребляется въ огромномъ количествѣ птицами.

Въ административномъ отношеніи Тургайская область дѣлится на уѣзды: Николаевскій, Илецкій, Иргизскій и Тургайскій; въ Акмолинской области находятся уѣзды: Акмолинскій, Омскій, Кокчетавскій и Сарысуйскій. Населенныхъ мѣстъ, въ строгомъ смыслѣ, въ Тургайской области очень немного; за исключеніемъ русскихъ укрѣпленій и двухъ жалкихъ городковъ, — остальное все кочевки и временныя поселенія. Акмолинская область гораздо больше заселена. Въ настоящее время къ ней присоединенъ городъ Омскъ и его ближайшій районъ. Русскія поселенія въ Тургайской области стали возникать въ сороковыхъ годахъ, въ видѣ укрѣпленій и военныхъ постовъ; въ Акмолинской же области, еще въ двадцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія, были основаны областные приказы — Кокчетавскій и Акмолинскій (первый — въ 1824 году, второй — въ 1832 г.). Впослѣдствіи, для усиленія русскаго населенія въ степи, были вызваны Малороссійскіе казаки, а также крестьяне малоземельныхъ смежныхъ съ Сибирью губерній, которые и были водворены въ Кокчетавскомъ округѣ, съ зачисленіемъ ихъ въ Сибирскіе казаки. Такимъ образомъ, основное осѣдлое населеніе области составилось изъ Сибирскихъ казаковъ, прикрѣпленныхъ къ 19 степнымъ осѣдлымъ пунктамъ. Въ 1863 году всего осѣдлаго населенія считалось здѣсь до 23,600 душъ обоего пола; въ настоящее же время оно составляетъ не менѣе 33,000 душъ. Съ присоединеніемъ Омска, части праваго берега Иртыша и поселеній на трактѣ изъ Троицка въ Омскъ съ городомъ Петропавловскомъ, осѣдлаго населенія въ этомъ краѣ не менѣе 100,000 душъ обоего пола; ежегодный приростъ населенія составляетъ около 2%.

Кочевое киргизское населеніе состоитъ изъ простаго народа (такъ-называемой «черной кости»), султановъ и высшаго сословія («бѣлой кости»). Семейства султановъ, ведущихъ свою родословную отъ того или другаго владѣтельнаго дома, стоявшаго нѣкогда во главѣ частей, на которыя разбилось обширное царство Чингисъ-хана, вмѣстѣ съ семействами, игравшими роль крѣпостныхъ и рабовъ, кочуютъ съ какимъ-нибудь родомъ, съ которымъ они исторически связаны въ силу общаго владѣнія поземельными угодьями или по другимъ причинамъ. Вмѣстѣ съ такими родами султаны и прежніе ихъ крѣпостные вошли въ составъ различныхъ волостей. Кромѣ ихъ, кочевое населеніе пополняется еще ходжами, считающими себя потомками Магомета, и муллами, преимущественно татарскаго происхожденія, а также и заѣзжими торговцами—Бухарцами и Ташкентцами, главнымъ же образомъ—казанскими и сибирскими Татарами, выговорившими себѣ право на отводъ имъ постоянныхъ зимовокъ. Всѣ Киргизы дѣлятся на поколѣнія и роды, а въ административномъ отношеніи — на волости и аулы.

Самый крупный городъ въ Акмолинской области, безспорно, Омскъ, бывшій до послѣдняго времени главнымъ центромъ административнаго управленія Западной Сибири. Но мы не будемъ вдаваться въ описаніе этого города, о которомъ упоминается въ томѣ XI «Живописной Россіи», посвященномъ описанію Западной Сибири, съ прошлымъ которой Омскъ такъ неразрывно связанъ.

Городъ Петропавловскъ, бывшій заштатный, нынѣ окружной городъ Акмолинской области, лежитъ на правомъ берегу Ишима; онъ основанъ въ 1752 г. въ видѣ укрѣпленія. Въ немъ нынѣ до 12,000 жителей обоего пола. Городъ весьма красивъ. Въ немъ три церкви, четыре мечети, до ста пятидесяти каменныхъ домовъ; каменный гостиный дворъ, довольно



Т. I. Уральское укрѣпленіе (городъ Иргизъ)

обширныхъ размѣровъ. Старинныя крѣпостныя строенія и валы существуютъ и понынѣ. Крѣпость расположена на высокомъ крутомъ берегу Ишима (до 100 футовъ высоты). Петропавловскъ — важный торговый пунктъ и для Киргизской степи имѣетъ громадное значеніе. Торговля его до послѣдняго времени имѣла мѣновой характеръ. Оборотъ петропавловской торговли простирается свыше семи милліоновъ рублей. Мѣстную заводскую промышленность нельзя причислить къ незначительнымъ. Заводы занимаются здѣсь обработкой кожъ, мыловареніемъ и вытапливаніемъ сала.

Акмолинскъ — центральный по мѣстоположенію пунктъ въ области, окружной городъ. Онъ расположенъ въ верхнемъ теченіи Ишима и имѣетъ до 6,000 жителей. Городъ ничѣмъ, впрочемъ, не замѣчателенъ, также какъ и городокъ Кокчетавъ, расположенный на берегу озера Копа, имѣющій до 1,000 жителей.

Осѣдлыя поселенія Тургайской области, образовавшіяся изъ бывшихъ укрѣпленій, весьма незначительны. Такъ, напримѣръ, городокъ Тургай (бывшее Оренбургское укрѣпленіе), на берегу рѣки Тургая, имѣетъ около 2,000 душъ населенія; городокъ Иргизъ (бывшее Уральское укрѣпленіе), на берегу рѣки Иргиза, почти съ такимъ же количествомъ жителей. Здѣсь нѣтъ даже и сносной воды, не говоря уже о другихъ какихъ-либо удобствахъ. Фортъ Карабутакскій, расположенный въ совершенно пустынной мѣстности, неспособной для заселенія, представляетъ собою только этапный пунктъ, по дорогѣ изъ Оренбурга въ Иргизъ.

Исторія киргизскаго народа темна и запутанна. Киргизъ-Кайсаки, правильнѣе — «Казаки», появляются только въ XV вѣкѣ, а въ нашихъ лѣтописяхъ они становятся извѣстны не ранѣе XVI вѣка. Подъ именемъ «Казаковъ», у Среднеазіятцевъ издавна подразумѣвались безпріютные бѣглецы. Во время властвованія хана Абулъ-Хаира надъ Узбеками, занимавшими почти всю нынѣшнюю Киргизскую степь, въ 1465 году бѣжали отъ притѣсненій его два Джучидскихъ султана, родные братья—Гирей и Джанибекъ, въ тогдашній Моголистанъ, т. е. въ страну, составляющую нынѣ Семирѣчинскую область. Владѣтель Моголистана отвелъ султанамъ, бѣжавшимъ со своими родичами и подначальными, значительную часть земель нынѣшней Большой орды. Послѣ смерти Абулъ-Хаира, царство его пришло въ разстройство; много народа откочевало къ Гирею и Джанибеку, такъ что вскорѣ они располагали 200,000 душъ. Это поселеніе у окрестныхъ жителей было извѣстно подъ именемъ «Казаковъ». Такимъ образомъ, ядро Киргизъ-Казацкаго народа составляли Узбеки. По самому свойству этого свободнаго союза и, тѣмъ болѣе, въ виду быстраго возрастанія Киргизъ-Казацкаго населенія (до 1,000,000 душъ въ теченіе перваго полувѣка), — оно приняло въ себя много чуждыхъ Узбекамъ, разноименныхъ и разноплеменныхъ родовъ. Такъ, напримѣръ, Киргизъ-Казацкій союзъ поглотилъ остатки племенъ: Наймановъ, Усуней, Юэ-чжей, Джалаировъ и другихъ народовъ. Это доказывается сохранившимися между Киргизами названіями этихъ племенъ, географическимъ распредѣленіемъ ихъ кочевокъ, почти неизмѣнившихся и до сихъ поръ, а также и типомъ, въ которомъ, не смотря на сложную племенную помѣсь, удержались еще черты, чуждыя восточно-тюркскому типу.

Усилившійся довольно быстро Киргизъ-Казацкій союзъ захватилъ вскорѣ всю нынѣшнюю Киргизскую степь, до самыхъ дальнихъ ея окраинъ. По смерти хановъ Гирея и Джанибека, сыновья ихъ ханствовали: одинъ — къ сѣверу отъ озера Балхаша, другой — къ югу отъ него; впрочемъ послѣдній ханъ, по имени Касимъ, по силѣ своего вліянія, былъ фактическимъ ханомъ и сѣверной половины степи. Вскорѣ же по смерти своего совмѣстника, Касима, онъ соединилъ подъ своимъ владычествомъ всю степь. Касимъ, по словамъ лѣтописи, былъ настолько могущественъ, что въ состояніи былъ выставить до 300,000 конницы. Онъ побѣдилъ извѣстнаго среднеазіятскаго завоевателя Шейбани и способствовалъ паденію его могущества. Послѣ смерти Касима, дѣти его брата, сдѣлавшись ханами, не съумѣли удержать согласія между племенами и родами, вошедшими въ составъ Киргизъ-Казацкаго народа, который въ 1538

году распался на нѣсколько частей. Это заставило многихъ киргизскихъ султановъ искать убѣжища даже у враждебныхъ имъ сосѣдей; но, во второй половинѣ XVI вѣка, снова началось возрожденіе Киргизъ-Казаковъ. Они начали нападенія на своихъ сосѣдей Ногаевъ, тѣснили Ташкентцевъ и препятствовали безпрерывными грабежами свободному движенію торговыхъ каравановъ. Возстановителемъ Киргизъ-Казацкаго союза былъ ханъ Хакъ-Назаръ, сынъ Касимовъ, получившій не малое вліяніе и между среднеазіятскими владѣтелями, которыхъ онъ неоднократно побѣждалъ. Послѣ Хака, племянникъ его Шигай, вѣрный союзникъ бухарскаго хана Абдуллы въ борьбѣ его съ Баба-султаномъ, поддерживалъ значеніе Киргизъ-Казацкаго народа; въ нашихъ лѣтописяхъ онъ называется Шигай-царевичемъ. Наслѣдникъ его, родной сынъ, Тевкель, еще болѣе имѣлъ значенія, вмѣшавшись въ распри туранскихъ владѣтелей. Въ 1598 году, онъ овладѣлъ Туркестаномъ, Ташкентомъ и всею окрестною страною; затѣмъ побѣдилъ бухарскаго эмира, разбивъ его войска. Киргизъ-Казаки удерживали за собою завоеванные ими города Туркестанскаго края до 1723 года; ханы ихъ проживали въ Ташкентѣ или Туркестанѣ. Это былъ самый блестящій періодъ въ жизни Киргизъ-Казацкаго народа.

Киргизскіе типы.

Раздѣленіе его на три орды — Большую, Среднюю и Малую, вѣроятно, послѣдовало въ этомъ періодѣ. Это раздѣленіе имѣетъ непосредственную связь съ владычествомъ надъ Ташкентомъ, такъ какъ Средняя орда образовалась изъ областей Ташкента и Туркестана. Малая орда находилась къ сѣверо-западу отъ нея, въ нынѣшней Тургайской и Уральской областяхъ, а Большая — къ сѣверо-востоку, въ нынѣшней Семирѣчинской и Семипалатинской областяхъ. Племянникъ хана Тевкеля, Уразъ-Мухамедъ, бывшій въ плѣну у сибирскаго царя Кучума, былъ препровожденъ въ Россію воеводою Чулковымъ, гдѣ и получилъ въ свое владѣніе городъ Касимовъ и остался въ Россіи до своей смерти. Наслѣдникъ Тевкель-хана, ханъ Ишимъ, былъ покровителемъ знаменитаго восточнаго историка Абулгази-Багадуръ-Хана, бѣжавшаго въ Россію, въ 1625 году, отъ притѣсненій своего брата, хивинскаго хана.

в Около половины XVI-го вѣка возгорѣлась борьба Киргизъ-Казаковъ съ калмыцкими ластителями, которая длилась все время правленія хановъ Джегангира и Тявка. Послѣдній отличался не только какъ герой-воитель, но и какъ законодатель, и донынѣ живетъ въ легендахъ Киргизъ-Казацкаго народа. Къ началу XVIII-го вѣка борьба съ Калмыками сильно ослабила Киргизскій народъ. Присутствіе дикихъ кочевниковъ на границѣ нашихъ владѣній, слабыхъ населеніемъ, и невозможность миновать Киргизскія степи при торговыхъ сношеніяхъ съ осѣдлыми государствами Средней Азіи вынудили наше правительство къ обузданію кочевыхъ сосѣдей, немилосердно грабившихъ наши сибирскія и приуральскія поселенія. Послѣдствіемъ этого было вмѣшательство Россіи въ дѣла Киргизской степи. Мало того: Петръ Великій взглянулъ на Киргизскія степи, какъ на естественныя ворота въ средне-азіятскія владѣнія. Съ 1723 года произошелъ крутой поворотъ въ дѣлахъ Киргизскаго народа, въ виду смерти великаго хана Тявка.

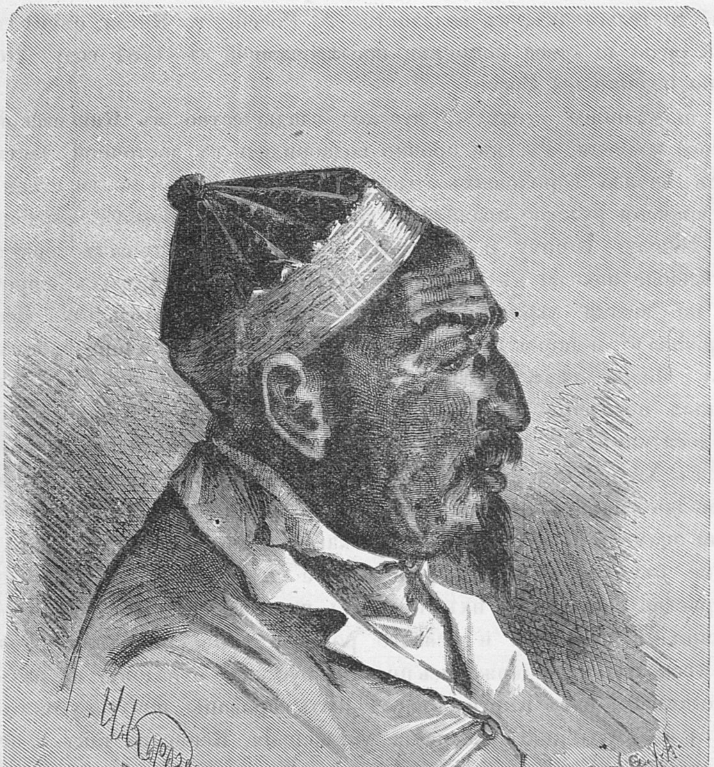
Ослабленные долговременной борьбою съ Калмыцкими народами Джунгарскаго царства и съ другими сосѣдями, Киргизы вытѣснены были изъ Туркестана и Ташкента и, волей-неволей, отодвинулись на сѣверъ. Сблизившись съ русскими владѣніями и раздираемые внутренними неурядицами, они вынуждены были искать покровительства у своихъ сильныхъ сосѣдей. Такимъ

образомъ, Большая орда подпала подъ власть Джунгаріи; ханъ Малой орды, Абулъ-Хаиръ, въ 1731 году, принялъ подданство Россіи. Тогдашнее положеніе Киргизскаго народа прекрасно выражено словами старшины Букенбая русскому генералу Тевкелеву: «Мы бѣгаемъ отъ Калмыковъ, Башкирцевъ, Сибирскихъ и Яицкихъ казаковъ, какъ зайцы отъ борзыхъ собакъ». Съ принятіемъ въ подданство Малой орды, русское правительство, въ силу необходимости защищать собственныя границы отъ киргизскихъ набѣговъ и для оказанія покровительства нашимъ новымъ подданнымъ — Киргизамъ, вынуждено было, шагъ за шагомъ, расширять свои Киргизскія владѣнія. Вслѣдъ за Малою ордою, обратилась за помощью и покровительствомъ Россіи Средняя орда. Въ 1769 году послѣдовало окончательное паденіе нѣкогда могущественнаго Джунгарскаго царства, на юговосточной окраинѣ Киргизской степи. Такимъ образомъ уничтожилась послѣдняя точка опоры для Киргизъ-Казаковъ, и сила обстоятельствъ заставила ихъ еще болѣе тяготѣть къ Россіи. Смѣлый и умный султанъ Средней орды Аблай, принявшій впослѣдствіи титулъ хана, вступая, смотря по обстоятельствамъ, въ подданство то Россіи, то Китая, съумѣлъ сохранить независимость Средней орды до своей кончины, послѣдовавшей въ 1781 году. Но сынъ его Вали-Ханъ окончательно подчинился Россіи.

Однако, до второй четверти нынѣшняго столѣтія, русское владычество въ Киргизской степи не было прочнымъ. Съ этого времени, Русскіе прочно водворились въ восточной части степи, со стороны Сибири, а съ начала сороковыхъ годовъ — и въ западной части степи, со стороны Оренбурга. До того времени русское правительство содержало обширную кордонную стражу по рѣкамъ: Уралу, Тоболу, Ишиму и Иртышу, въ нѣсколько тысячъ верстъ протяженія; предпринимало безцѣльные походы въ степь для поддержанія нелюбимыхъ народомъ притѣснителей-султановъ, не всегда вѣрныхъ притомъ русскому правительству. Все это, въ общей сложности, поддерживало и порождало неурядицу въ степи и причиняло намъ громадные матеріальные расходы. Между тѣмъ не проходило года, особенно же въ 30-хъ годахъ, чтобы русскія пограничныя поселенія и вполнѣ подчинившіеся намъ Киргизы не страдали отъ грабежей; жители десятками и даже сотнями захватывались, уводились въ неволю и, какъ рабы, продавались въ Хиву, Ташкентъ и Бухару. Особенно же тяжелы были годы съ 1838 по 1845, когда смѣлые наѣздники-батыри Кенисара-Касимовъ и Исетай-Кутебаровъ въ послѣдній разъ подняли знамя независимости Киргизскаго народа. Это были энергическія личности, съ которыми не съумѣло ужиться оренбургское начальство, не съумѣло ихъ привязать къ себѣ и безпристрастно выслушать ихъ протестъ противъ султановъ-правителей, разорявшихъ народъ незаконными поборами и всякаго рода несправедливостями. Оба эти удальца, и особенно первый, нѣсколько лѣтъ держались противъ русскихъ отрядовъ; не разъ удавалось имъ разгромлять аулы преданныхъ намъ Киргизовъ, разбивать караваны, почту и угонять стада; не разъ нападали они, хотя и безуспѣшно, на наши укрѣпленія. Кенисара такъ и не былъ пойманъ, но, вслѣдствіе враждебныхъ дѣйствій противъ него Хивинцевъ и нѣкоторыхъ киргизскихъ партій, а также преслѣдованія нашими отрядами, онъ откочевалъ за рѣку Чу и затѣмъ вскорѣ погибъ въ злой сѣчѣ съ независимы тогда Бурутами (Дикокаменными Киргизами), заманившими его отрядъ въ ущелье и пославшими, въ видѣ любезности, голову Кенисары одному изъ русскихъ пограничныхъ начальниковъ. Кутебаровъ также былъ, наконецъ, вытѣсненъ изъ своихъ кочевокъ по рѣкѣ Эмбѣ на Усть-Уртъ и затѣмъ окончательно смирился, схваченный съ тыла Хивинцами, раздраженными его грабежами.

Эти обстоятельства открыли, наконецъ, глаза на дѣла Киргизской степи. Надо отдать справедливость бывшему оренбургскому генералъ-губернатору Обручеву, который своими разумными дѣйствіями много подвинулъ впередъ дѣло замиренія оренбургской части Киргизской степи. Сибирская же часть Киргизовъ въ это время была совершенно спокойна, какъ по причинѣ богатства угодьевъ этой части, такъ и вслѣдствіе большей зажиточности кочевниковъ. Въ

1835 году, въ степи Оренбургскаго вѣдомства была устроена новая линія укрѣпленій, не принесшая, впрочемъ, тѣхъ результатовъ, какіе отъ нея ожидались. Въ 1845 году, по окончаніи волненій въ степи, были основаны: въ центрѣ Малой орды Оренбургское укрѣпленіе (нынѣ городъ Тургай) и Уральское укрѣпленіе (нынѣ городъ Иргизъ), а затѣмъ и фортъ Карабутакскій. Въ 1847 году, для обезпеченія Большой орды, вошедшей въ окончательное подданство Россіи, основанъ былъ городъ Копалъ у подошвы Семирѣчинскаго Ала-Тау, а при устьѣ Сыръ-Дарьи — укрѣпленіе Раимъ въ довольно удобной мѣстности; вскорѣ, впрочемъ, оно было перенесено въ весьма неудобную мѣстность, у протока Казалы, и извѣстно нынѣ подъ именемъ Казалинска. Въ 1854 году были взяты и разрушены кокансkія крѣпости по рѣкѣ Сыру и основаны были: на мѣстѣ коканской крѣпости Акъ-Мечети, взятой Русскими штурмомъ, Фортъ Перовскій (городъ Перовскъ) и городъ Вѣрный, для защиты сибирскихъ Киргизовъ отъ набѣговъ Дикокаменныхъ Киргизовъ. Въ этомъ же году присоединены къ Россіи Сыръ-Дарьинскіе Киргизы и устроена линія по этой рѣкѣ. Въ 1864 году линія эта была сомкнута съ Сибирской линіей, посредствомъ занятія подгорной полосы Туркестанскаго края и уничтоженія коканскихъ крѣпостей. Такимъ образомъ наши Киргизскія степи совершенно, можно сказать, были обезпечены отъ нападеній Хивинцевъ и Коканцевъ.



Киргизскій бій.

Средняя орда обитаетъ въ Семипалатинской области, занимаетъ всю Акмолинскую область и отчасти переходить въ Тургайскую; численность этой орды составляетъ 80,000 кибитокъ, т. е. до 400,000 душъ обоего пола. Малая орда занимаетъ большую часть Тургайской области и область Уральскую; въ ней числится до 130,000 кибитокъ, или до 650,000 душъ обоего пола. Племена киргизскія раздѣляются на роды, роды дѣлятся на подъ-роды и отдѣленія. Киргизы Акмолинской области несутъ повинности денежныя съ головы скота или натурою; сборъ этотъ достигалъ прежде до 124,000 руб., причемъ средняя ихъ недоимка достигала около 23,000 руб. Натуральныя повинности заключаются въ подводной гоньбѣ и квартирной повинности. Въ Тургайской области введена кибиточная подать и, кромѣ того, натуральныя повинности.

Аульное управленіе ввѣряется аульнымъ старшинамъ, выбираемымъ самимъ населеніемъ

и утверждаемымъ окружнымъ приказомъ. Выборы производятся словесно, черезъ каждые три года. Для судебнаго разбирательства, въ аулахъ и волостяхъ существуютъ особые почетные Киргизы, называемые біями. Ихъ вѣдѣнію подлежатъ исковыя дѣла Киргизовъ, кромѣ уголовныхъ и преступленій по должности. Біи рѣшаютъ дѣла словесно по киргизскимъ законамъ и обычаямъ, и рѣшенія ихъ тотчасъ же приводятся въ исполненіе. Недовольные рѣшеніемъ бія могутъ подавать письменныя просьбы областному начальству, которое также рѣшаетъ дѣла по степнымъ киргизскимъ законамъ, а біевъ подвергаетъ отвѣтственности за несогласное съ законами рѣшеніе.

Среднюю административную единицу составляютъ окружные приказы, предсѣдательство въ которыхъ принадлежитъ старшему султану, выбираемому знатнѣйшими родоначальниками на три года и утверждаемому высшимъ начальствомъ. Въ приказѣ засѣдаютъ три русскихъ засѣдателя и два Киргиза изъ почетныхъ, выбираемыхъ біями и старшинами. Волостное управленіе состоитъ изъ волостнаго султана, выбираемаго на три года цѣлою волостью, его помощника по выбору султана, письмоводителя и переводчика. Какъ волостные, такъ и окружные султаны имѣютъ званіе русскихъ чиновниковъ.

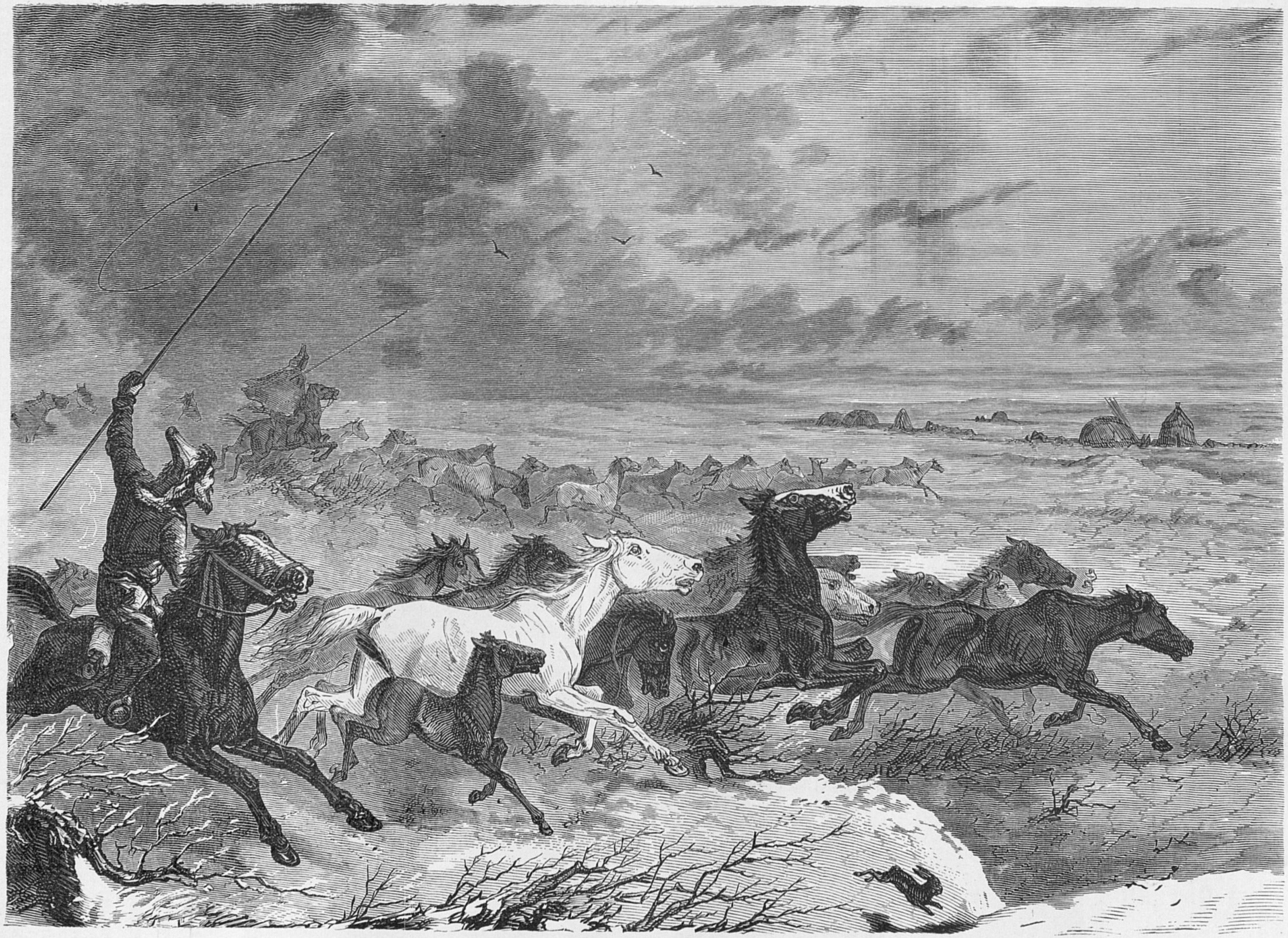
Черная кость.

Киргизы замѣчательно рослы, обыкновенно выше средняго роста, отличаются здоровымъ, плотнымъ тѣлосложеніемъ, хотя въ то же время неуклюжи въ движеніяхъ, по непривычкѣ ходить пѣшкомъ, а также вслѣдствіе покроя ихъ одежды, состоящей изъ множества халатовъ, надѣтыхъ одинъ поверхъ другаго, и нѣсколькихъ панталонъ (чембаръ). Такая одежда приноровлена къ суровой зимѣ, сопровождаемой снѣжными буранами. Болѣе рослые, стройные и ловкіе встрѣчаются въ южныхъ волостяхъ областей Тургайской и Акмолинской; между этими Киргизами встрѣчаются лица болѣе тюркскаго типа, чѣмъ монгольскаго. У Киргизовъ широкое, плоское лицо, выдающіяся скулы, узкіе, впалые глаза темнаго цвѣта, кожа смуглая. Киргизскія женщины небольшаго роста, черноволосы; голову убираютъ въ двѣ косы, спускающіяся на спину; дѣвушки же заплетаютъ безчисленное множество косичекъ, висящихъ со всѣхъ сторонъ, не исключая и лица. Въ косы для украшенія вплетаютъ ленты, а къ концу ихъ привѣшиваютъ серебряныя монеты. Женщины также неловки въ движеніяхъ. Особенно мѣшкотна ихъ походка по причинѣ полусапожекъ, у которыхъ высокіе каблуки слишкомъ косо идутъ внутрь, къ носку обуви, вслѣдствіе чего Киргизка, чтобы не упасть, должна наклонять впередъ все тѣло и ходить нѣсколько въ согбенномъ положеніи. Одежда женщины также состоитъ изъ множества халатовъ и чембаръ. — При кочевомъ образѣ жизни, мало-мальски зажиточный Киргизъ не знаетъ труда. Киргиза едва можно считать мусульманиномъ, и притомъ не особенно ревностнымъ; онъ отвергаетъ постановленія корана, гдѣ они противорѣчатъ съ укоренившимися народными обычаями.

Скотоводство доставляетъ Киргизу все необходимое для него; посредствомъ мѣны и продажи скота онъ въ состояніи добыть себѣ и предметы роскоши. Поэтому все вниманіе Киргиза обращено на скотоводство, съ чѣмъ неразрывно связанъ кочевой образъ жизни, для перемѣны пастбищъ. Для успѣшнаго веденія скотоводства такъ немного нужно было прилагать труда, что обѣднѣвшій Киргизъ (не по причинѣ царившей здѣсь нѣкогда баранты) былъ у всѣхъ въ презрѣніи, какъ человѣкъ, лишившійся божьяго благословенія; напротивъ, богачъ пользовался уваженіемъ, пріобрѣталъ значеніе и вліялъ на общественныя дѣла, обижая безнаказанно бѣднаго, безропотно переносившаго обиду потому только, что на пастбищахъ богача бродятъ многочисленныя стада — явный признакъ божескаго благословенія. Киргизы родственныхъ между собою ауловъ охотно помогаютъ своимъ сородичамъ въ случаяхъ какой-либо бѣды; но въ отношеніи чужихъ ауловъ они не настолько добры, а подчасъ и жестокосерды; при случаѣ, готовы обобрать даже открытою силою, особенно если еще примѣшается чувство личной мести. Киргизъ простодушенъ со своими, но недовѣрчивъ и подозрителенъ съ чужими. Подъ вліяніемъ пожилыхъ людей къ которымъ Киргизъ питаетъ большое уваженіе, онъ проститъ даже личную обиду; но, вообще, онъ злопамятенъ, и даже по прошествіи многихъ лѣтъ старается выместить свои обиды самымъ жестокимъ образомъ. Знакомясь съ новыми, неизвѣстными ему людьми, Киргизъ всячески старается извѣдать новаго человѣка, старается вкрасться въ его довѣренность, чтобы удобнѣе его обмануть. А если случится самому быть обманутымъ кѣмъ-нибудь, то безъ зазрѣнія совѣсти будетъ хвастать своею сметливостью, потому что неловкаго вора и несметливаго человѣка всѣ презираютъ. Искусный же плутъ, мошенникъ и даже барантачъ считается за батыря, — его всѣ боятся, уважаютъ за его смѣлость и находчивость, восхваляютъ его въ своихъ пѣсняхъ, какъ героя.

Киргизъ верхомъ.

Киргизъ отличается скопидомствомъ; но, тѣмъ не менѣе, обычай гостепріимства поддерживается суевѣрнымъ страхомъ за благополучіе стадъ, такъ какъ не накормленный путникъ или чужеземецъ уноситъ съ собою это благополучіе безвозвратно. Дорожный человѣкъ, отправляющійся въ путь, по которому расположены аулы, не заботится о томъ, чтобы брать съ собою припасы, потому что его всюду накормятъ. А если бы онъ не заѣхалъ въ лежащій на пути



T. X.

Табунъ въ киргизскихъ степяхъ.

аулъ, то сочли бы это за недоброжелательство, буде человѣкъ знакомый; чужаго, проѣзжающаго мимо и неостанавливающагося въ аулѣ просто назовутъ барантачемъ или плохимъ человѣкомъ. При всякой встрѣчѣ, даже съ незнакомымъ, Киргизъ непремѣнно остановится и перекинется съ нимъ нѣсколькими фразами.

Въ семейномъ быту Киргизъ играетъ роль тирана. Въ немъ нѣтъ жалости и сочувствія къ вѣчно-трудящейся женѣ или дочери; будь даже труды непосильны имъ, онъ не двинется съ мѣста, чтобы помочь. Спокойно покуривая трубку или пережевывая отъ скуки древесную

Киргизка въ парадномъ костюмѣ.

смолу, Киргизъ сидитъ у очага да покрикиваетъ на суетящихся женщинъ, занятыхъ укладкою вещей или навьючиваньемъ верблюдовъ. У Киргизовъ весь трудъ по хозяйству лежитъ на женщинахъ. Мужчина занимается только выборомъ пастбищъ на новой стоянкѣ; перекочевавъ, онъ опять становится свободнымъ, — ѣстъ и спитъ. Если нѣтъ у него работниковъ или онъ совсѣмъ соскучится отъ бездѣлья, то принимается за починку сбруи и сѣделъ, шьетъ сапоги или приготовляетъ деревянную посуду. Киргизъ зажиточный и этого не дѣлаетъ; онъ разъѣзжаетъ по сосѣдямъ или базарамъ, празднуетъ гдѣ-нибудь свадьбу или поминки, а подчасъ выискиваетъ себѣ новую жену да готовитъ за нее калымъ. Многоженство у богатыхъ не въ рѣдкость; у инаго имѣется 3—4 жены, да иногда есть еще и наложницы. Но теперь, съ

уничтоженіемъ рабства въ степи, наложничество выводится. Нынѣ даже и многоженство стало ограничиваться. Обыкновенно первая жена считается хозяйкою всего имущества мужа и госпожею всего въ домоводствѣ и даже остальныхъ женъ, но только не ихъ личнаго приданаго, которое, въ чемъ бы оно ни состояло, строго разграничивается отъ всего остальнаго имущества и не можетъ быть растрачено или передано дѣтямъ другой жены. Въ случаѣ развода, жена, отъѣзжающая съ своими дѣтьми къ родителямъ, беретъ все свое

Пожилая Киргизка.

приданое, а мужу выдается обратно половина уплаченнаго за нее калыма. Но случаи развода въ степи рѣдки, не въ обычаѣ.

Установленное обычаемъ обращеніе мужа съ своими женами строго соблюдается; бывали примѣры, что жена, обиженная предпочтеніемъ, оказываемымъ другой женѣ, уѣзжала со своимъ приданымъ къ роднѣ и возвращалась домой не иначе, какъ послѣ публичнаго обязательства мужа — быть къ ней внимательнымъ поравну съ другими женами, на что она имѣетъ право какъ по корану, такъ и по обычному киргизскому праву, хотя бы даже жена и переступила средній возрастъ. Дракъ въ семьѣ, при всей прирожденной грубости Киргиза, почти не бываетъ; даже дѣти рѣдко наказываются тѣлесно; но за то крику и ругани — вволю. Киргизы не ревнивы. Хотя, по древнимъ обычаямъ, мужъ имѣетъ право убить свою жену, если будетъ

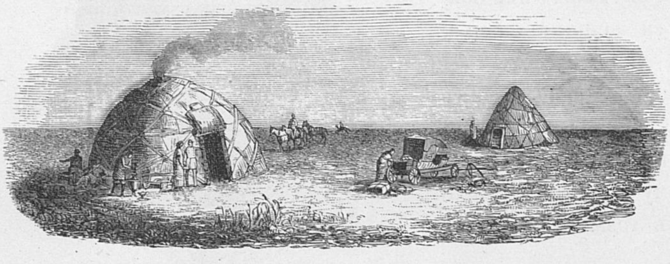
доказана ея невѣрность, но этого никогда не бываетъ, а теперь даже и невозможно, такъ какъ русскій законъ воспрещаетъ подобное возмездіе. Ни отцы, ни братья не наблюдаютъ за похожденіями своихъ дочекъ и сестеръ; за послѣднее время взглядъ Киргизовъ на цѣломудріе невѣстъ сдѣлался очень снисходителенъ, тѣмъ болѣе, что нерѣдко невѣсты назначаются имъ въ жены съ колыбели. Ссоры между женами рѣдки; повиновеніе старшей женѣ настолько велико, что она считается какъ бы матерью прочимъ женамъ. Не мало способствуетъ этому и какое-то задушевное, дружелюбное отношеніе женъ между собою, происходящее вѣроятно отъ общности работъ и одинаковости несомыхъ ими обязанностей. Какъ ни тяжелы обязанности женщины по хозяйству, но жены никогда не жалуются на судьбу, считая свое положеніе заранѣе предопредѣленнымъ самимъ Богомъ. Женщины какъ бы гордятся своими обязанностями, считая мужчинъ неспособными къ хозяйственнымъ работамъ. Если бы достаточному Киргизу пришло въ голову помочь своимъ женамъ въ хозяйствѣ, — онѣ встрѣтили бы его насмѣшками.

Киргизка-старуха.

Не смотря на свою неразвитость и грубость, Киргизки весьма добросердечны, добродушны и чадолюбивы. Рѣдкому бѣдняку откажетъ Киргизка въ пищѣ и даже въ одеждѣ. Нѣтъ ничего зазорнѣе для женщины, какъ отказать какому-нибудь бѣдняку или безсемейному человѣку сшить безплатно, что тотъ у нея попроситъ, хотя бы даже пришлось провести ей всю ночь за этой работой. Хорошаго ухода за дѣтьми почти вовсе нѣтъ здѣсь. Во-первыхъ, у матерей нѣтъ на это времени, во-вторыхъ, частыя перекочевки мѣшаютъ этому; и зимою, и лѣтомъ киргизскія дѣти мрутъ, какъ мухи. Дѣвочекъ съ самыхъ юныхъ лѣтъ пріучаютъ къ работѣ: шить, ткать, валять кошмы, приготовлять пищу, разбирать и складывать юрту, сѣдлать верблюдовъ и лошадей, доить овецъ и коровъ; въ десять лѣтъ дѣвочка почти кончаетъ свою науку, а въ двѣнадцать нерѣдко выходитъ уже замужъ. Дѣвочекъ грамотѣ не учатъ; мальчики же иногда обучаются у кочующихъ вмѣстѣ съ аулами татарскихъ муллъ; но обученіе это весьма недостаточное. Дѣвочка продается какому-нибудь зажиточному Киргизу, исподоволь уплачивающему за нее договоренный калымъ; нерѣдко и мальчика женятъ безъ его спроса; а то бываетъ и такъ, что, во избѣжаніе обоюдныхъ уплатъ, два семейства уговариваются сватать своихъ будущихъ дѣтей. Обыкновенно же взрослый сынъ разъѣзжаетъ по ауламъ, высматривая себѣ невѣсту, чаще всего изъ дальняго, чужаго рода, учащаетъ свои визиты, затѣмъ сватается, получаетъ отъ отца часть своего наслѣдства, выплачиваетъ калымъ и женится. Женитьба — предѣлъ стремленій молодаго Киргиза, съ другой стороны — главная

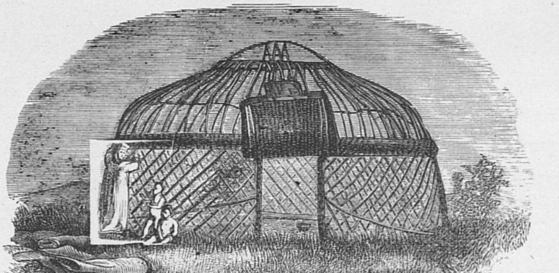
Леченіе горячки въ Киргизской степи.

дума, занимающая праздную голову женатаго. Какъ тотъ, такъ и другой стремятся всѣми помыслами скопить нужное для калыма и свадьбы имущество, — и ради этого готовы на все. Украсть, ограбить и даже убить незнакомаго человѣка, въ этомъ случаѣ, становится для Киргиза нипочемъ, особенно же если обстоятельства благопріятствуютъ совершенію и сокрытію преступленія. Если гдѣ возможно зашибить что-нибудь и вообще покорыстоваться, — онъ не упуститъ случая. Предъ богатымъ и знатнымъ Киргизъ унижается до ничтожества, предъ бѣднымъ — гордъ до смѣшнаго и, вообще, равнодушенъ къ несчастію своего ближняго. Изъ-за корысти способенъ продать кого и что угодно, и на своихъ дѣтей, въ этомъ случаѣ, смотритъ какъ на товаръ. Изъ-за личныхъ выгодъ онъ готовъ заставить голодать свое семейство и терпѣть всякія лишенія, а самъ будетъ объѣдаться въ чужомъ домѣ даровыми обѣдами.



Лѣтняя станція въ степи.

Лѣтомъ, пищу Киргизовъ составляютъ молоко, баранина, и въ изобиліи пьется кумысъ. Вообще, за лѣто какъ люди, такъ и скотъ видимо оживаютъ и поправляются отъ посѣщающей нерѣдко зимней голодовки. Зимою пища состоитъ изъ различнаго рода сыровъ, заготовленнаго въ прокъ сушенаго или вяленаго мяса, молока и толокна, т. е. толокняной болтушки, разводимой у зажиточныхъ на молокѣ, у бѣдняковъ на водѣ. Пища приготовляется неряшливо, да и вообще Киргизы большіе неряхи, хотя и совершаютъ свой намазъ около пяти разъ въ день, но безъ установленнаго кораномъ омовенія. Передъ обѣдомъ, Киргизъ, для вида, умываетъ руки, но вытираетъ ихъ какой-нибудь грязной тряпицей. При ѣдѣ, ни ножей, ни вилокъ, ни ложекъ не употребляется; остающимся на рукахъ жиромъ преспокойно смазываютъ сапоги. Объѣдки отъ обѣда зажиточнаго Киргиза получаютъ сидящіе у дверей юрты бѣдняки, или же они достаются семейству, выжидающему, пока поѣстъ глава дома. Послѣ обѣда начинаются дружественные разговоры, и нерѣдко Киргизъ-хозяинъ дружится съ своимъ гостемъ. Но дружба эта, по степному обычаю, имѣетъ такія неудобства, что когда навѣдывается другъ, то все лучшее спѣшатъ убрать изъ юрты, такъ какъ, по правиламъ дружбы, другъ можетъ взять изъ юрты все, что ему понравится. Если же этого почему-либо не удастся сдѣлать, то друзья нерѣдко идутъ судиться къ бію, за невыполненіе данныхъ другъ другу обѣщаній. Киргизъ очень остороженъ въ отношеніи сохраненія своего здоровья и ничѣмъ не увлечется во вредъ себѣ.



Установка юрты.

Жилище Киргиза—юрта состоитъ изъ деревяннаго рѣшетчатаго остова, обтянутаго плетенымъ камышомъ и покрытаго поверхъ кошмами; посреди юрты очагъ. Нынѣ, болѣе зажиточные и особенно султаны, живущіе близъ русскихъ станицъ, начали строить дома на русскій ладъ. Это нововведеніе встрѣчается преимущественно въ сѣверной части Акмолинской области и близъ русской границы въ Тургайской области. Юрта, въ зимнее время, плохо защищаетъ отъ холода, особенно же во время бурановъ и сильныхъ морозовъ. Холода убійственно дѣйствуютъ на дѣтей; взрослые же страдаютъ глазами отъ дымящагося день и ночь очага.

Киргизы и сами понимаютъ непригодность своего жилья для зимы; но они не рѣшаются переломить свою косность и приняться за устройство болѣе разумнаго жилья. На подобный переломъ можетъ подвинуть Киргиза только какая-нибудь крайность. Такъ, напримѣръ, окончательная потеря скота многими родами отъ безкормицы, во время холодныхъ буранныхъ зимъ, заставила ихъ заняться земледѣліемъ, но, при первой возможности, они бросаютъ поле и снова становятся кочевниками.

Нельзя указать ни одного времени года, когда бы Киргизъ проявлялъ дѣятельность, подобно дѣятельности русскаго крестьянина. Прежде, по крайней мѣрѣ, баранта вызывала у Киргиза своего рода дѣятельность; теперь же баранта болѣе уже невозможна, и Киргизъ, вообще говоря, неподвиженъ. Впрочемъ, осенью Киргизъ все-таки нѣсколько дѣятельнѣе, —

Киргизскія сани.

въ немъ видна нѣкоторая забота, какъ-бы лучше провести зиму и поменьше голодать. Онъ старается заготовить сѣна для скота, исправить изгороди и загоны, починить юрту и очагъ. Женщины же, эти неутомимыя труженицы, стригутъ овецъ, валяютъ кошмы, заготовляютъ армячину, плетутъ арканы и камышъ для юртъ, — словомъ, работаютъ не покладая рукъ, а домовладыки, сдѣлавъ что-нибудь для дома, зиму проводятъ какъ-бы въ спячкѣ.

Въ одеждѣ Киргизы не умѣютъ быть экономными и чистоплотными. Не у всякаго имѣется рубашка; ее очень часто замѣняетъ нижній халатъ, но у кого она есть — ее носятъ, не снимая, цѣлые мѣсяцы, иногда всю зиму. Нѣкоторую опрятность въ одеждѣ, да и то исключительно верхней, можно встрѣтить у зажиточныхъ. Киргизъ спитъ въ томъ же, въ чемъ ходитъ днемъ; если же провѣтриваетъ свое платье, то раздѣвается до-нага и закутывается въ грязныя одѣяла, шубы и кошмы. Утромъ умываетъ руки и кое-когда лицо, не заботясь о содержаніи въ чистотѣ остальныхъ частей тѣла, поэтому чесотка и другія накожныя болѣзни довольно распространены въ степи. Эти болѣзни начинаютъ лечить тогда уже, когда онѣ охватятъ значительную часть тѣла. Для этого варятъ ѣдкій щелокъ и, подмѣшавъ къ нему синяго купороса, обмываютъ пораженныя болѣзнью мѣста. Подобное леченіе зачастую дѣйствуетъ съ обратную сторону, т. е. вмѣсто чесоточныхъ струпьевъ появляются язвы. Хотя лѣтнее купанье и любимо Киргизами, но по мѣсту кочевокъ не всегда имъ доступно, а женщинамъ же, не отлучающимся отъ ауловъ, и вовсе невозможно.

Всякое нововведеніе пугаетъ Киргиза, и онъ примѣняетъ его только на половину. Такъ, напримѣръ, обзаведшись самоваромъ и признавая его удобнымъ, онъ не заботится о его луженіи. Купивъ

русскую посуду, завевши даже ножи, вилки и ложки, столъ, стулъ и кровать, Киргизъ обыкновенно не спитъ на кровати, не сидитъ на стулѣ, не ѣстъ съ тарелки ложкою или вилкою, а попрежнему ѣстъ руками, сидитъ на полу юрты, возлѣ купленнаго имъ стула, и т. д. Зависимость Киргиза отъ природы степи, — нерѣдко бывающей ему мачихой, — сильно отражается на его характерѣ. Киргизъ, вообще, мраченъ; рѣдко можно встрѣтить открытое, самоувѣренное лицо; обыкновенно Киргизъ угрюмъ; не смотря на это, однако, случаи самоубійства между Киргизами почти вовсе неизвѣстны.

Перекочевка.

Однообразіе семейной жизни Киргиза нарушается только въ дни празднествъ. Къ такого рода празднествамъ принадлежитъ, напримѣръ, перекочевка. Мужчины щеголяютъ при этомъ своимъ достаткомъ. Засидѣвшіяся дома женщины испытываютъ еще большее удовольствіе отъ перемѣны мѣста. Молодежь обоего пола гарцуетъ и джигитуетъ. Всѣ радуются, предвкушая въ будущемъ лакомство жирнымъ бараномъ. При этомъ встрѣчаются съ родными и знакомыми и передается масса новостей и слуховъ. Тутъ же происходитъ проба верблюжатъ и лошадей. Женщины и дѣвушки наряжаются въ лучшія одежды. Замужнія прикрѣпляютъ сзади пояса попоны разныхъ цвѣтовъ, покрывающія ихъ лошадей; у первыхъ женъ попоны краснаго цвѣта, вышитыя узорами. Мужчины также бываютъ одѣты лучше обыкновеннаго, подпоясаны кушаками въ серебряной оправѣ, съ дорогими нагайками, со щегольскими уздечками и сѣдлами. Всѣ сидятъ на лучшихъ, отборныхъ лошадяхъ. Верблюды тоже украшены страусовыми перьями, лентами и бубенчиками. Лошади подъ вьюками также снабжены бубенчиками, производящими легкій звонъ.

Перекочевка всегда начинается тѣмъ, что молодежь рано утромъ идетъ къ пастухамъ помочь согнать стада барановъ къ тому мѣсту, по которому пойдетъ аулъ; вьючный же скотъ и лошади пригоняются ими въ аулъ, гдѣ юрты разобраны уже и имущество упаковано. Вьючка верблюдовъ и лошадей идетъ быстро, и часовъ въ девять утра весь аулъ отправляется въ путь. Походъ открываютъ старшины, знакомые съ мѣстомъ новой кочевки. За ними гонятъ стада барановъ и свободныхъ лошадей, быковъ, коровъ и верблюдовъ. Затѣмъ ѣдетъ все мужское населеніе, совмѣстно кочующее; далѣе слѣдуютъ вьючныя животныя и впереди ихъ женщины. По бокамъ и сзади гарцуютъ дѣвушки, а въ хвостѣ всего каравана слѣдуютъ верхами работники. Караванъ растягивается иногда на нѣсколько верстъ и прибываетъ на мѣсто перекочевки уже поздно вечеромъ. Если на другой или на третій день предстоитъ такое же передвиженіе, то юрты не разбираются, а ставятся юламейки — небольшія коническія войлочныя палатки.

Когда же достигаютъ мѣста настоящей стоянки, — юрты разбираются, снова устраивается аулъ, и тогда начинается пиръ, для чего всякій семьянинъ колетъ барана; ночь проводится

Т. X

Киргизскія скачки.

въ пѣсняхъ подъ звуки балалайки или рожка, — и аулъ засыпаетъ только съ восходомъ солнца. Къ числу такихъ же торжественныхъ праздниковъ принадлежитъ Наурузъ или новый годъ, который празднуется Киргизами въ мартѣ. Но еще торжественнѣе праздникъ Курбанъ-айта, то же, что у Татаръ Курбанъ-байрамъ, или день памяти принесенія праотцемъ Авраамомъ въ жертву Богу сына своего Исаака, замѣненнаго, по внушенію ангела, ягненкомъ. Торжество это происходитъ одновременно во всей степи, въ началѣ мая, числа 6-го или 7-го; праздникъ длится около трехъ дней. Большинство Киргизовъ не знаетъ смысла праздника, — это вѣдаютъ только муллы, ходжи и болѣе грамотные, масса же считаетъ этотъ праздникъ встрѣчею весны. Первый день Курбанъ-айта празднуютъ всѣ безъ исключенія; второй — муллы и ходжи, къ которымъ въ этотъ день собираются султаны или знакомые Киргизы изъ простонародья; на третій день киргизская знать приглашаетъ къ себѣ на ѣду всѣхъ тѣхъ, у которыхъ они гостили первые два дня. Простонародье хотя и празднуетъ два послѣдніе дня, но у себя дома, за исключеніемъ отозванныхъ къ мулламъ и знати, съ тою притомъ разницею, что въ эти дни барановъ уже не колютъ, тогда какъ въ первый день нѣтъ въ степи такого бѣдняка, у котораго не кололся бы баранъ и не дѣлалась бы хоть самая скромная пирушка. Кромѣ того, въ этотъ день въ обычаѣ посѣтить всѣхъ своихъ знакомыхъ, и повсюду устраивается угощеніе.

Въ первый день Курбанъ-айта, мужчины встаютъ съ восходомъ солнца, одѣваются въ лучшія одежды и творятъ молитву подъ открытымъ небомъ, затѣмъ садятся на лошадей и выгоняютъ скотъ въ поле, причемъ выбираютъ для предстоящихъ пиршествъ лошадей и барановъ; другихъ же животныхъ въ этотъ день не закалываютъ. Пообѣдавъ пораньше, мужчины женатые разъѣзжаются по знакомымъ, женщины принимаются готовить кушанья для гостей, а молодежь обоего пола весь день проводитъ въ полѣ, на лучшихъ лошадяхъ, въ разныхъ увеселеніяхъ и играхъ. Дѣвушки въ этотъ день разряжены, что называется, въ пухъ и прахъ, безъ покрываль, которыя въ степи, не смотря на всѣ настоянія муллъ, нигдѣ не прививаются: женщины, кромѣ женъ муллъ и ходжей, ходятъ съ открытыми лицами. Самая любимая игра молодежи состоитъ въ томъ, что какую-нибудь ловкую наѣздницу,—а Киргизки всѣ большія мастерицы ѣздить верхомъ, — догоняютъ нѣсколько удальцовъ-наѣздниковъ, съ цѣлію поцѣловать ее. Она отбивается отъ ихъ покушеній плетью, которою безъ церемоніи хлещетъ всѣхъ нагоняющихъ ее, за исключеніемъ, конечно, одного, который ей нравится и котораго она этимъ кокетствомъ хочетъ приблизить къ себѣ. Другая, тоже распространенная игра заключается въ томъ, что какая-нибудь красавица даритъ выбранному ею мужчинѣ какую-нибудь вещь — кусокъ матеріи на шаровары или выдровый мѣхъ на шапку. Одаренный пріобрѣтаетъ право на подарокъ тогда лишь, когда съумѣетъ отстоять его отъ посягательства другихъ мужчинъ, пускающихся за нимъ въ погоню. Получившій вещь — долженъ держать ее въ рукѣ, надъ головою, во все время бѣга; если кто нагонитъ его, вещь переходитъ къ нагнавшему; переходя такимъ образомъ изъ рукъ въ руки, она достается тому, который уйдетъ отъ погони. Темою для вечернихъ разговоровъ долго служитъ удаль джигитовъ, проворство и ловкость дѣвушекъ, быстрота и достоинство лошадей.

Киргизъ на молитвѣ.

Всѣ празднества Киргизовъ сопровождаются пѣснями, подъ акомпанементъ балалайки или кобыза. Если пѣсни поются хоромъ, то акомпанементомъ служитъ камышевая дудка (габызга). Мелодія киргизскихъ пѣсенъ крайне проста и уныла. Хоровыя пѣсни преимущественно трактуютъ о любви; поэтому въ той юртѣ, гдѣ устраивается подобное пѣніе, собирается масса молодежи обоего пола; пѣніе иногда продолжается почти всю ночь; Киргизы—охотники пѣть хоромъ. Пожилые люди охотнѣе выслушиваютъ пѣніе какого-нибудь захожаго пѣвца-импрови-

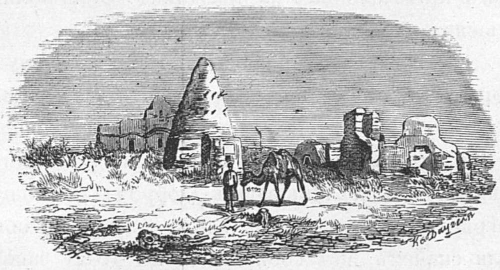
затора или же разскащика, хотя разскащики не отличаются особеннымъ остроуміемъ. Семейными праздниками служатъ: родины, свадьба и послѣсвадебные пиры, похороны и поминки. Родины сопровождаются странными обычаями, и надо удивляться, какъ только роженицы могутъ выносить ихъ безъ вреда для себя и для ребенка. Обыкновенно, когда роженица начнетъ мучиться родовыми болями, въ юрту набивается масса народа, который также находится и вокругъ юрты. Находящіеся внѣ юрты шумятъ, кричатъ, хлопаютъ нагайками по юртѣ; а тѣ, что въ юртѣ (родственники и свойственники), легонько ударяютъ роженицу нагайкою, приговаривая «чикъ», т. е. выходи. Все это дѣлается ради оказанія помощи роженицѣ. Женщины, при родахъ болѣе трудныхъ, мнутъ и слегка надавливаютъ роженицѣ животъ. Шумъ, гамъ и крикъ продолжается до тѣхъ поръ, пока не явится на свѣтъ ребенокъ. Въ зимнее время, когда аулы стоятъ порознь и пути сообщенія становятся затруднительны, родильницамъ не бываетъ такого безпокойства, потому что родственниковъ и постороннихъ удерживаетъ дома стужа. Послѣ родинъ, на другой день, у домохозяина бываетъ угощеніе и обѣдъ. Обрѣзываютъ младенца муллы тогда, когда ему минетъ три года; эта операція служитъ также поводомъ къ съѣзду родныхъ и близкихъ знакомыхъ на угощеніе и пиръ.

Замужняя Киргизка и дѣвушка.

Свадебный обрядъ до-нельзя простъ. Небогатые даже совсѣмъ избѣгаютъ всякихъ сопряженныхъ съ бракомъ формальностей, потому что заключаемый предъ бракомъ договоръ о калымѣ еще во время сватовства становится гласнымъ и всѣмъ сосѣдямъ извѣстнымъ. Въ день же свадьбы и вывоза молодой въ аулъ мужа, договоръ этотъ вновь подтверждается женихомъ во всеуслышаніе, при свидѣтеляхъ, въ числѣ которыхъ находится и бій. Отобѣдавъ у отца невѣсты, гости сопровождаютъ молодыхъ въ аулъ отца ея мужа, гдѣ ужинаютъ, и тѣмъ дѣло кончается. У зажиточныхъ дѣло происходитъ иначе. Выплативъ весь калымъ или бо̀льшую его часть за невѣсту, женихъ пріѣзжаетъ со всѣми своими родственниками и друзьями въ аулъ отца невѣсты, куда сзываются ея родные и близкіе знакомые, мулла и нѣсколько біевъ. Въ юртѣ матери невѣсты, передъ сидящими рядомъ молодыми ставится чашка съ водою. Мулла, прочитавъ молитву, громогласно объявляетъ затѣмъ договоръ о калымѣ и спрашиваетъ молодаго, если калымъ не весь уплаченъ, согласенъ ли онъ уплатить его въ назначенные сроки; получивъ утвердительный отвѣтъ, проситъ всѣхъ присутствующихъ быть свидѣтелями въ дѣлѣ договора; всѣ громко выражаютъ на то свое согласіе. Послѣ этого молодымъ, а также и всѣмъ присутствующимъ въ юртѣ, мулла даетъ отпить изъ чашки воды. Пока пьютъ воду, мать невѣсты, съ родственницами ея или близкими знакомыми, надѣваетъ на молодую, вмѣсто дѣвичьяго головнаго убора, головной уборъ замужнихъ женщинъ. Этимъ и оканчивается весь обрядъ. Молодыхъ поздравляютъ; всѣ выходятъ изъ юрты; тесть подводитъ молодому зятю хорошую лошадь съ дорогимъ уборомъ, надѣваетъ на него дорогой халатъ и велитъ сѣсть на лошадь; присутствующіе также садятся на лошадей; мать помогаетъ сѣсть на лошадь дочери; слѣдомъ за молодыми весь свадебный поѣздъ ѣдетъ къ поставленной тутъ же неподалеку юртѣ; пріѣхавъ туда, угощаются кумысомъ; затѣмъ оставляютъ молодыхъ въ юртѣ однихъ, а

сами возвращаются въ юрту отца молодой, который, съ этого времени, въ теченіе года, не имѣетъ права видѣть лицо выданной имъ замужъ дочери. На другой день молодые отправляются въ аулъ мужа, отецъ котораго, въ свою очередь, задаетъ гостямъ хорошій пиръ.

Черезъ годъ послѣ свадьбы, отецъ молодой долженъ ее навѣстить и увидѣть ея лицо, причемъ дѣлаетъ дочери какой-нибудь цѣнный подарокъ. При этомъ, обыкновенно, сзываются тѣ самые гости, которые были на свадьбѣ; теперь пиръ задаютъ уже молодые. По обычаю, вышедшая замужъ дочь обязана, черезъ каждые три года, посѣщать отца, но одна, безъ мужа, что́ служитъ опять предлогомъ къ пирушкамъ въ продолженіе всего того времени, пока дочь гоститъ, а это длится отъ трехъ дней до недѣли. На прощанье, отецъ дочери даритъ вдесятеро противъ того, что онъ подарилъ ей при годовомъ съ нею свиданьи. Всѣ эти свадебные праздники проходятъ шумно, и, сообразно съ достаткомъ хозяевъ, устраиваются иногда бѣги лошадей на призы, причемъ побѣдителямъ даются разные, болѣе или менѣе цѣнные, подарки. Для человѣка зажиточнаго свадьба и всѣ ея пиры — дѣло очень дорого стоющее; поэтому-то, при всей свободѣ многоженства, жениться Киргизу весьма нечетисто.


Надгробные памятники у Киргизовъ.

Смерть знатнаго Киргиза составляетъ событіе въ аулѣ. На третій день послѣ похоронъ происходитъ раздѣлъ имущества, и для мѣстныхъ жителей наступаетъ нѣкоторое измѣненіе въ аульной жизни. Умершаго Киргиза обмываютъ, завертываютъ въ бѣлую бязь и кладутъ на лучшій коверъ. Мулла, при входѣ въ юрту, умываетъ руки, что́ дѣлаютъ затѣмъ и всѣ присутствующіе при церемоніи. Послѣ отчитыванія надъ умершимъ молитвы, его зашиваютъ въ бѣлый войлокъ, кладутъ въ гробъ изъ камыша и хоронятъ на другой день, если смерть случилась въ теплое время; зимой же хоронятъ на третій день, или прячутъ трупъ въ укромномъ мѣстѣ, и похороны откладываются до весны. Предъ выносомъ тѣла мулла снова читаетъ молитву, затѣмъ несутъ трупъ умершаго къ могилѣ, которая устраивается на сосѣднемъ съ ауломъ бугрѣ; передъ опусканіемъ тѣла въ могилу, мулла читаетъ отходную. Иногда покойника не зарываютъ въ землю, а кладутъ въ комнатѣ, сдѣланной внутри особо устроенной, въ видѣ мечети, мазанки, обыкновенно сооружаемой надъ прахомъ прародителей. Такихъ мазанокъ въ степи встрѣчается немало. Очень богатые и знатные Киргизы сооружаютъ могильные памятники обыкновенно въ видѣ небольшихъ, а иногда и довольно обширнаго размѣра мечетей; такіе же памятники сооружаются и надъ могилами знаменитыхъ въ степи святыхъ ходжей. Послѣ похоронъ надъ могилою колютъ барана или лошадь, и присутствовавшіе возвращаются въ аулъ умершаго творить поминальный пиръ. Въ продолженіе печальной церемоніи и долго послѣ этого, женщины голосятъ и оплакиваютъ умершаго.

Киргизы полагаютъ, что душа умершаго, цѣлый годъ со дня смерти, присутствуетъ среди живущихъ. Если дурно отзываться объ умершемъ, то душа это чувствуетъ и страдаетъ, и до тѣхъ поръ будетъ страдать, пока всѣ родные покойнаго окончательно не примирятся съ нимъ. Поэтому, въ годовщину кончины дѣлаются новыя большія поминки или, такъ называемый обрядъ примиренія съ покойнымъ, независимо отъ тѣхъ поминокъ, которыя совершаются черезъ сто дней послѣ смерти. На оба эти торжества дѣти или братья умершаго сзываютъ родню и знакомыхъ даже изъ самыхъ дальнихъ ауловъ, предувѣдомляя ихъ о цѣнности призовъ, какіе будутъ раздаваться на скачкѣ, если устройство таковой предполагается. На эти скачки, называемыя по-киргизски «байгой», могутъ явиться со своими скакунами и лица посторонния, для вы-

игрыша приза, или изъ любопытства. Поэтому семейный праздникъ нерѣдко обращается въ общественный. Въ этотъ день юрта покойнаго ставится гдѣ-нибудь на видномъ мѣстѣ, украшается коврами, оружіемъ и прочимъ его добромъ, доставшимся его наслѣдникамъ. У дверей юрты водружается шестъ, на которомъ развѣвается черный флагъ, или вывѣшивается бѣлый флагъ, если умершій былъ пожилой или старикъ. Вокругъ юрты ставятъ любимыхъ покойникомъ верблюдовъ и лошадей. Призы бываютъ очень цѣнные, доходятъ до 1,000 барановъ, 50 лошадей или верблюдовъ. Всѣхъ призовъ бываетъ девять; послѣдній призъ составляетъ одну лошадь или 25 барановъ. Обыкновенно пріѣзжающіе на поминки родичи и знакомые, чтобы облегчить хозяина въ его расходахъ, привозятъ съ собою всякаго рода провизію и даже кумысъ, разставляютъ и палатки вокругъ юртъ покойнаго своего сородича. Хозяева, тѣмъ не менѣе, припасаютъ всякаго рода угощенія для гостей, въ изобиліи закупаютъ провизію, колютъ лошадей и барановъ, заготовляютъ много кумыса и угощаютъ обѣдомъ всякаго пріѣзжающаго на праздникъ. Такія поминки иногда обходятся богатому Киргизу въ нѣсколько тысячъ рублей.

Хозяева, устраивающіе поминки своему умершему родичу, выставляютъ достаточное число юртъ для помѣщенія приглашенныхъ ими на праздникъ знакомыхъ женщинъ; дѣвушки являются въ лучшихъ нарядахъ и на хорошихъ бѣгунцахъ. Праздникъ поминокъ начинается тѣмъ, что мулла въ юртѣ покойнаго читаетъ молитвы; присутствующіе родственники причитываютъ и всхлипываютъ, добромъ поминаютъ умершаго. Затѣмъ слѣдуетъ обѣдъ и разныя игры. Наконецъ, когда вдали покажется пыль, поднимаемая бѣгунцами, на мѣстѣ отведенномъ для скачекъ, всѣ собираются къ этому завѣтному мѣсту, гдѣ и происходитъ раздача призовъ. Въ заключеніе празднества происходитъ снятіе флага; шестъ разламывается и сжигается на кострѣ въ юртѣ покойнаго вмѣстѣ съ флагомъ, чѣмъ и выражается окончательное прощаніе и примиреніе съ тѣнью умершаго, и затѣмъ трауръ оканчивается. Тому, кто разводитъ костеръ въ юртѣ, ломаетъ флагштокъ и сжигаетъ его, дарится лучшій халатъ покойнаго. Такъ дѣлается у богатыхъ и знатныхъ Киргизовъ. Люди же бѣдные обходятся безъ этихъ торжествъ; дѣло ограничивается устройствомъ простаго семейнаго обѣда.

Чиновное сословіе, т. е. султаны, нелюбимы Киргизами, вслѣдствіе производимыхъ ими поборовъ и несправедливостей. Болѣе уважаемымъ начальствомъ являются аульные старшины, въ выборѣ которыхъ султаны не участвуютъ, а потому при выборахъ ихъ менѣе интригъ и болѣе справедливости. Киргизы вѣрятъ старшинамъ, полагаются на нихъ и безъ ихъ совѣта не рѣшаютъ никакого дѣла. Біи также почитаются населеніемъ, какъ люди знающіе жизнь народа, его нужды и привычки. Старые, разумные и справедливые въ своихъ рѣшеніяхъ біи — это, въ своемъ родѣ, патріархи Киргизовъ. Правда, біи этого типа болѣе и болѣе выводятся въ послѣднее время; но тѣмъ не менѣе Киргизы любятъ своихъ судей и совѣтниковъ — біевъ, султановъ же, заразившихся чиновническими замашками, напротивъ, чуждаются и не любятъ.

Киргизы, при всей своей дикости, сравнительно, довольно вѣжливы. При встрѣчахъ между собою незнакомые обмѣниваются словами: «аманъ-булъ» (т. е. будь здоровъ), или: «салемъ-аликумъ» (мое почтеніе), вступаютъ въ разговоръ, дѣлятся новостями, до которыхъ большіе охотники, и, разставаясь, жмутъ другъ другу руки, приговаривая: «исенъ-булъ» (прощай). Если встрѣчается знатный, богатый Киргизъ съ низшимъ себѣ, небогатымъ, то не подастъ ему руки до тѣхъ поръ, пока послѣдній не подойдетъ къ нему и не подастъ ему руку. Біевъ въ разговорѣ называютъ батырями и обоими руками сжимаютъ протянутую біемъ руку. Люди одного и того-же слоя подаютъ другъ другу руки и обоюдно никакъ себя не величаютъ. Друзья и родственники, при встрѣчахъ между собою, схватываются за руки и прижимаются другъ къ другу плечами, сначала лѣвымъ, потомъ правымъ. Женщины привѣтствуютъ другъ друга наклоненіемъ головы; мужчинъ привѣтствуютъ словами, не подавая имъ

Т. X.

Киргизская телега и ѣзда на волахъ.

руки и не наклоняя головы; вступая въ разговоръ съ лицомъ почетнымъ или старцемъ, убѣленнымъ сѣдинами, становятся на одно колѣно. Дѣвушки между собой цѣлуются; между замужними женщинами это не въ обыкновеніи; при встрѣчахъ съ знакомыми, дѣвушки кланяются и вступаютъ въ разговоръ, а отъ незнакомца должны или скрыться за занавѣску, или выбѣжать въ другую юрту, но это не всегда исполняется.

Вступая въ разговоръ съ русскимъ чиновникомъ, Киргизъ складываетъ на груди руки и отвѣшиваетъ низкій поклонъ; если же проситъ о чемъ-нибудь, то повторяетъ привѣтъ нѣсколько разъ кряду, но руки не подаетъ. Султаны же и біи держатъ себя съ чиновниками болѣе независимо и прямо протягиваютъ руку, безъ всякаго поклона, развѣ ужь случится очень крупный чиновникъ. Біи и народные старшины всѣмъ равно подаютъ руку; только старшаго султана или извѣстнаго своей знатностью рода и вліяніемъ называютъ въ разговорѣ «таксыръ» (господинъ), ожидая, когда тотъ самъ протянетъ имъ руку. Хозяинъ съ работниками обращается хорошо, но руки имъ не подаетъ. По суду біевъ воръ отдается въ работники, на извѣстный срокъ, тому, у кого онъ совершилъ кражу.

Въ степяхъ киргизскихъ, особенно же въ Уральской области, немало разсѣяно памятниковъ старины, хотя и не особенно глубокой, относящейся къ XIV вѣку. Эти остатки старины являются въ видѣ кургановъ, древнихъ зданій, выстроенныхъ изъ обожженнаго кирпича, глиняныхъ укрѣпленій, башенъ и другихъ строеній, въ томъ числѣ и могилъ; менѣе древнія зданія построены изъ комьевъ глины, имѣютъ болѣе правильный видъ, нѣсколько сложную постройку и содержатъ черепки глиняной посуды. Эти развалины относятся къ нѣсколькимъ эпохамъ. Однѣ принадлежатъ времени, предшествовавшему покоренію степи Джунгарами, другія относятся къ періоду ихъ владычества, третьи — новѣйшаго времени.

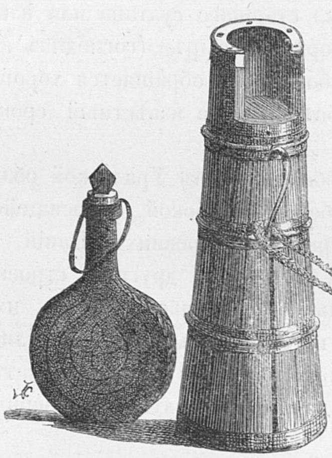
Всѣ болѣе древнія развалины находятся въ южной части степи и не переходятъ къ сѣверу параллели рѣки Нуры. Такъ, на рѣкѣ Нурѣ, въ двадцати семи верстахъ отъ ея устья, существуетъ могила Батакая, имѣющая видъ куба, надъ которымъ возвышается куполъ меньшихъ размѣровъ; вышина зданія до 6 саженъ; кирпичи квадратные. На берегу рѣчки Кара-Кингиръ находится могила Джансента, извѣстнаго въ легендахъ Киргизъ-батыря. Могила другаго такого же батыря, защитника киргизской независимости, находится на той же рѣкѣ и называется могилою Джега-Хана. Замѣчательны также развалины могилы, на томъ же Кингирѣ, извѣстнаго въ киргизской исторіи Алача-Хана. Это зданіе имѣетъ до 4 саженъ высоты, при такой же ширинѣ, и 6 саженъ длины; оно очень удовлетворительно сохранилось. Новѣйшаго типа развалины — это коканскія крѣпости, разбросанныя кое-гдѣ въ южной части степи.

Въ настоящее время, какъ разъяснено выше, мы имѣемъ несомнѣнное право считать Киргизовъ мирными подданными Россіи. Большою цѣною досталось Русскому государству это умиротвореніе Киргизовъ и закрѣпленіе ихъ за собою. Тѣмъ не менѣе, серьезно и безпристрастно глядя на дѣло, нельзя не признать, что умиротвореніе это представляетъ собою лишь начало дѣла, но не конецъ. Киргизы только тогда станутъ неразрывною органическою частью государственнаго населенія, когда образованіе заставитъ ихъ асимилироваться съ кореннымъ русскимъ населеніемъ.

Прошло болѣе вѣка уже, какъ началось систематическое подчиненіе Киргизовъ русской власти. Къ сожалѣнію, не смотря на такой значительный періодъ времени, закрѣпленіе Киргизовъ за Россіею велось исключительно путемъ оружія и кое-какихъ административныхъ мѣръ, т. е. улучшенія условій мѣстнаго управленія; между тѣмъ школа — этотъ могущественнѣйшій факторъ въ дѣлѣ асимиляціи всевозможныхъ племенъ и народностей — оставалась въ полномъ бездѣйствіи относительно Киргизовъ.

Насадить разумную, начальную школу въ Киргизской ордѣ на такихъ основаніяхъ, чтобы не изгонялся природный языкъ Киргизовъ и, въ то же время, открывался бы свободный и широкій доступъ въ киргизскую среду и русской книгѣ и русскому печатному слову, — вотъ главнѣйшая изъ очередныхъ задачъ въ отношеніи этого края. До тѣхъ поръ, пока образованіе и свѣтъ русской грамоты не озаритъ Киргизовъ, — они будутъ чувствовать себя чуждыми русскому народу. Съ распространеніемъ же въ ихъ средѣ образованія и проникновеніемъ къ нимъ русской книги, русскаго печатнаго слова, — они постепенно и незамѣтно станутъ такими же вѣрными, преданными сынами Россіи, какъ и коренное населеніе.

Николай Латкинъ.



Киргизскіе сосуды.

ОЧЕРКЪ VII.

ФЕРГАНСКАЯ ОБЛАСТЬ.

Положеніе страны. — Историческая ея судьба. — Коканское ханство и его паденіе. — Долина Ферганы. — Рѣки и оросительныя сооруженія. — Почва. — Климатъ. — Населеніе области и ея промышленность.

«Ты знаешь ли гору? — Тропинка за тучи ползетъ,
И мулъ средь тумановъ тамъ, тяжко ступая, идетъ,
И старыя гнѣзда драконовъ въ ущельи гнѣздятся,
И рушатся скалы, и съ ревомъ потоки клубятся».

ГЕТЕ.

Горный аулъ.

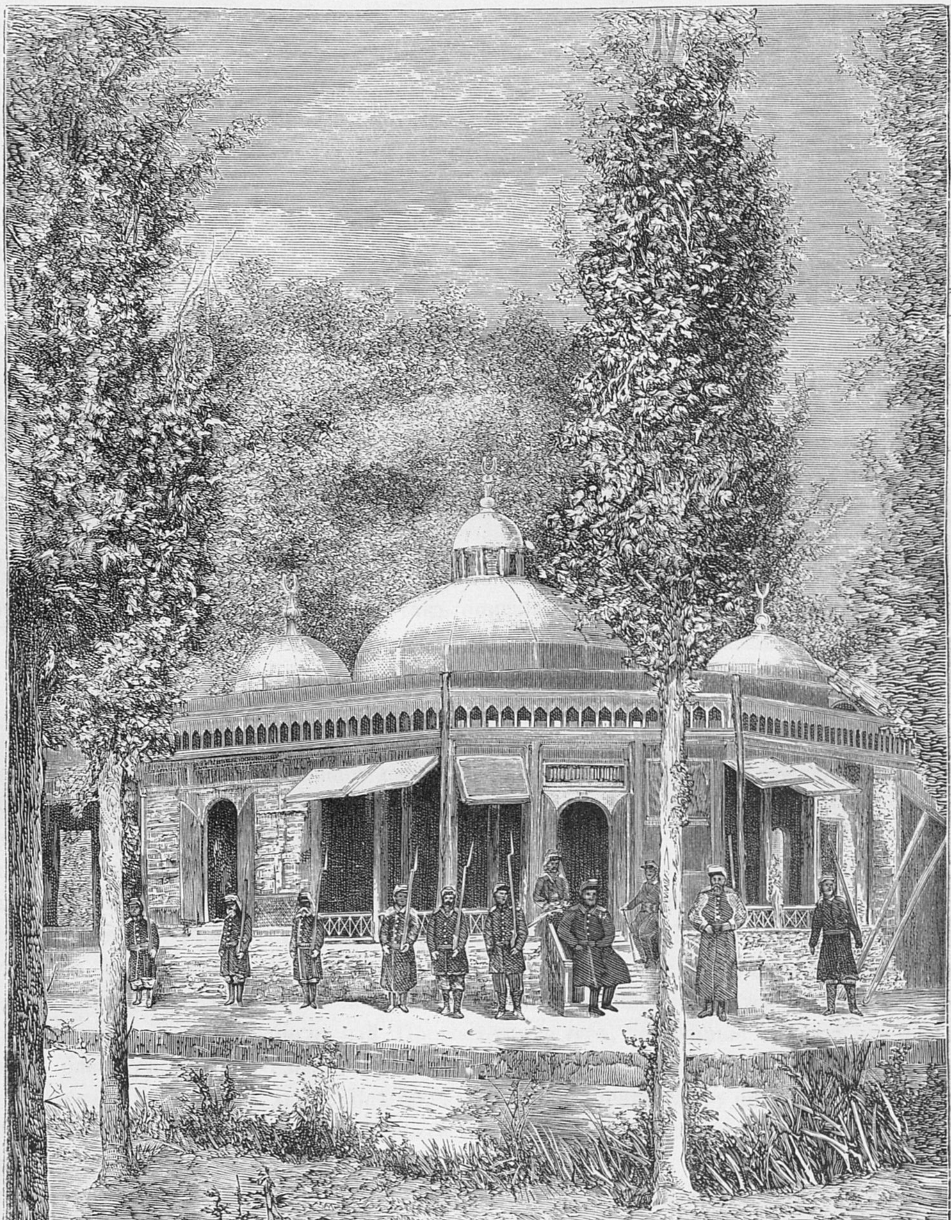
Подъ именемъ Ферганской области къ Русскому государству, всего нѣсколько лѣтъ тому назадъ, присоединена небольшая, но оригинальная и во многихъ отношеніяхъ интересная «земелька». Это новое пріобрѣтеніе Россіи на далекомъ востокѣ занимаетъ площадь въ 1330 кв. миль и имѣетъ около 808,000 жителей, т. е. по 607 человѣкъ на квадр. милю. По пространству Фергапская область или Фергана, какъ мы будемъ ее называть далѣе, почти равна Волынской губ., вдвое болѣе Бессарабской; по числу же жителей, а слѣдовательно и по средней на-

селенности уступаетъ Волынской губ. болѣе чѣмъ въ два раза; но, какъ увидимъ ниже, населеніе Ферганы распредѣлено весьма неравномѣрно по странѣ: нѣкоторыя мѣста заселены очень густо, другія же какъ-бы безлюдны. Занимая почти центральное положеніе на величайшемъ изъ материковъ земнаго шара, Фергана лежитъ на широтѣ южной Италіи, между 39 и 42 градусами с. ш. и между 67 и 72 градусами в. д., по парижскому меридіану.

Глубокая, мало возвышенная надъ поверхностью океана, мѣстами холмистая долина, окруженная со всѣхъ сторонъ высочайшими горами — хребтами горной системы Тянъ-Шаня, богато одарена всѣми условіями для счастливаго и свободнаго существованія населяющаго ее народа. Богатѣйшая почва (лёсъ-желтоземъ), не уступающая нисколько по плодородію нашему прославленному чернозему; южное, жаркое и ясное солнце, посылающее этой почвѣ море оживотворяющаго тепла и свѣта, свободно изливающагося чрезъ прозрачную атмосферу; наконецъ, масса водъ, ниспадающихъ съ горныхъ снѣговыхъ вершинъ по многочисленнымъ естественнымъ и искусственнымъ русламъ,— вотъ совокупность тѣхъ даровъ, которые не безъ основанія установили за Ферганой, частицей древней земли Согдъ, славу одного изъ четырехъ земныхъ эдемовъ. По отзыву арабскаго географа Могадесси, жившаго за много столѣтій до нашего времени, въ Ферганской долинѣ... «не видишь деревни, прежде чѣмъ не войдешь въ нее: ее заслоняютъ деревья; это — прелестнѣйшая страна на Божьей землѣ, богатая деревьями, изобилующая рѣками, оглашаемая пѣніемъ птицъ... Весь Согдъ — словно плащъ изъ зеленой парчи, съ вышитыми голубыми лентами проточной воды, украшенный бѣлыми замками и домами.»

Султанъ Баберъ, бѣжавшій изъ своей родины, Ферганы, во времена владычества его надъ южными частями Кабула и Индіи, такъ описываетъ родной край въ своихъ воспоминаніяхъ: «Фазаны здѣсь до того жирны, что, по пословицѣ, однимъ фазаномъ могутъ наѣсться четыре человѣка...; жители Анджиджана (одинъ изъ городовъ Ферганы) славятся своею красотою...; близъ Оша (другой городъ) воздухъ восхитителенъ, проточная вода въ изобиліи; весна очаровательна.»

Описаніе прелестей Зеравшанской долины, лежащей къ западу отъ южнаго угла Ферганы, сдѣланное Радловымъ, посѣтившимъ недавно этотъ край, можетъ быть всецѣло отнесено и къ долинѣ Ферганы. «Вся Зеравшанская долина, — говоритъ г. Радловъ, — насколько она покрыта каналами, представляетъ непрерывный рядъ поселеній. Проѣзжая верхомъ на высотѣ пограничныхъ горъ, видишь въ низменности темный лѣсъ, рѣзко обрисовывающійся среди ярко-озаренной степи; это и есть усѣянная поселеніями долина Зеравшана. Тутъ поле прилегаетъ къ полю, садъ граничитъ съ садомъ, безъ всякаго перерыва. Обработанъ каждый клочекъ земли. Когда спускаешься на лошади съ голой возвышенности въ долину, то кажется, будто переносишься изъ пустыни въ рай. Превосходные луга, засѣянные зеленой травой «беде» (люцерной), блещутъ восхитительной весенней зеленью; между ними тянутся роскошныя поля табаку, кукурузы, арбузовъ и дынь. Всѣ поля разбиты на правильные четыреугольники. Между ними широко текутъ пѣнящіеся ручьи, берега которыхъ большею частью сопровождаются густыми рядами деревьевъ. Межъ этихъ полей расположены сады, а надъ низкими, глинистыми стѣнами ихъ возвышаются густымъ лѣсомъ деревья. Здѣсь высоко поднимаются въ воздухѣ стройные стволы рослыхъ тополей, съ серебристо-сѣрыми, зубчатыми листьями, между мощными, темными карагачами (илимами), съ круглыми, шарообразными вершинами. Тамъ встрѣчаются сочныя фруктовыя деревья, свѣшивающіяся вѣтви которыхъ нагружены яблоками, персиками, абрикосами и т. д. Здѣсь видимъ мы желто-зеленыя, покрытыя водою рисовыя поля; тамъ — хлопчатникъ. Глазъ не можетъ вдоволь налюбоваться всѣмъ великолѣпіемъ, окружающимъ насъ въ пестромъ безпорядкѣ. Намъ казалось это сновидѣніемъ... И всею этою роскошью, всѣмъ великолѣпіемъ человѣкъ обязанъ водѣ, которая серебристыми лентами протекаетъ по пустынямъ и превращаетъ ихъ въ рай... Не даромъ зовутъ эту мѣстность *земнымъ раемъ!*»



Ханскій лѣтній павильонъ въ Коканѣ.

Т. X.

Такова же и Ферганская долина тамъ, куда или естественный склонъ почвы, или искусство издревле населяющаго ее трудолюбиваго населенія доставляютъ по русламъ рѣчекъ или по каналамъ и канальцамъ (арыкамъ) необходимую для напоенія почвы воду, безъ которой зной и свѣтъ солнца превратили бы страну въ мертвую пустыню, а не въ цвѣтущій и благоухающій эдемъ, — ту воду, которую вершины горныхъ громадъ, окружающихъ Ферганскую долину, отнимаютъ у неба.

Этимъ-то горамъ, образующимъ почти неприступный барьеръ, за который не легко могли переливаться волны бушевавшаго повременамъ въ Средней Азіи народнаго моря, Фергана обязана, въ другомъ отношеніи, нѣкоторымъ своимъ культурнымъ развитіемъ. Ни завоеватель Темучинъ, уроженецъ суровой Сибири, низринувшійся, подъ именемъ Чингисъ-Хана, съ всеразрушающей лавиной кочевыхъ ордъ на Среднюю Азію и Восточную Европу, ни достойный подражатель его, въ дѣлѣ уничтоженія всего жившаго иною жизнью, Тамерланъ или Тимуръ, явившійся, по мало правдоподобной, впрочемъ, легендѣ, именно изъ Ферганы и пролетѣвшій еще болѣе страшнымъ ураганомъ по культурнымъ странамъ,—не внесли въ замкнутую долину большаго разрушенія. Брызги волнъ этого народнаго моря хотя и залетали повременамъ въ благословенный уголокъ, но не были настолько велики, чтобы затопить устои тѣхъ политическихъ и общественныхъ условій, при которыхъ была создана культура страны. Осѣдлое, трудолюбивое населеніе могло продолжать трудъ предшествующихъ поколѣній по обводненію, а слѣдовательно и оживотворенію земли, и продолжало возводить трудныя въ техническомъ отношеніи и достойныя удивленія ирригаціонныя сооруженія.

Древнѣйшая исторія Ферганы, отчасти по причинѣ изолированности страны, оставила мало слѣдовъ и въ тѣхъ историческихъ памятникахъ сѣдой старины, нѣмой языкъ которыхъ съ такимъ искусствомъ научились понимать современные историки. Неприступныя почти горныя твердыни, отдѣляющія Фергану съ востока отъ Китайцевъ, поставили преграду распространенію въ долину этого цивилизованнѣйшаго и древнѣйшаго народа.

Кажется, болѣе удобный путь къ проникновенію въ страну съ запада, черезъ Ходжентскія ворота, тамъ, гдѣ рѣка Сыръ-Дарья выходитъ изъ тѣсной долины на пустынный просторъ Приаральскихъ степей, болѣе часто привлекалъ въ Фергану приливъ населенія странъ, лежащихъ къ западу. Отсюда же и Русскіе вошли въ Фергану. Несомнѣнно, что Персы, въ тѣ отдаленныя времена, когда въ Персидскомъ государствѣ не заходило солнце, также проникли въ Фергану. Существенную часть населенія этой области составляютъ потомки древнихъ Персовъ—Таджики.

Александръ Великій, приближавшійся съ своими побѣдоносными войсками къ воротамъ, ведущимъ съ запада въ Фергану, однако, не былъ, повидимому, въ самой долинѣ, хотя многія преданія Таджиковъ Ферганы связаны съ этимъ историческимъ именемъ. Горы защитили этотъ уединенный и райскій мѣстами уголокъ отъ завоевательныхъ стремленій Кира и Александра, а впослѣдствіи также отъ Сассанидовъ и Калифовъ, какъ и отъ полнаго поглощенія тѣми народными массами, которыя Центральная Азія постоянно выпускала изъ нѣдръ своихъ на всемірныя завоеванія.

Въ Ферганскую долину, какъ въ глубокій сосудъ, о наружныя стѣны котораго разбивались бушевавшія народныя волны, попадали лишь брызги, хотя и не безкровныя. Эти брызги принадлежали разнымъ племенамъ, довольно пестрая смѣсь которыхъ и составляетъ населеніе страны.

Не смотря, однако, на такую замкнутость, Фергана издавна служила однимъ изъ главнѣйшихъ звеньевъ транзитной торговли между отдаленнѣйшимъ востокомъ, побережьемъ Великаго океана, съ одной стороны, и столицей западнаго міра—Римомъ, съ другой. Первымъ по значенію предметомъ этой торговли былъ шелкъ, цѣнившійся Римлянами на вѣсъ золота.

Фергана лежала на кратчайшемъ и болѣе удобномъ пути этой торговли. Но путь этотъ былъ удобенъ лишь для мирнаго торговаго обращенія, а не для воинственныхъ вторженій.

Горные проходы черезъ хребетъ съ сѣверо-востока (Терекъ-Даванъ и другіе), тѣсные и лишь временно свободные, не представляли достаточнаго простора для разгульнаго шествія кочевыхъ ордъ, а западныя ворота были не на ихъ пути.

Во всякомъ случаѣ, Фергана, лежащая тамъ, гдѣ въ I и II вѣкахъ по Р. Х. почти сходились своими границами два могущественнѣйшія государства того времени—Китай и Римъ, не составляла тогда провинціи ни того, ни другаго, хотя испытывала иногда на себѣ могущественное вліяніе перваго и повременамъ платила ему дань.

Въ 638 и 656 г.г. по Р. Х. Фергана, имѣвшая своихъ государей, отправляла въ Китай посольство, чтобы заключить оборонительный союзъ, изъ опасенія Сарациновъ, напавшихъ въ это время на Персію и наведшихъ страхъ и ужасъ. Китайцы, занятые внутренними своими дѣлами, не могли оказать существенной помощи и потеряли черезъ это вліяніе. Въ началѣ VIII вѣка на Ферганѣ отразились и удары Арабовъ, воспламененныхъ магометанскимъ фанатизмомъ. Затѣмъ страна подпадала вліянію цвѣтущаго (въ IX — X в.в.) царства Гасванидовъ, Персіи, т. е. народовъ тюркскихъ, вдвинувшихся клиномъ между Арабами и Китайцами. Наконецъ, бродячіе Монголы разныхъ наименованій смѣняли господство надъ окрестными странами и тѣхъ и другихъ. Съ XII вѣка Фергана болѣе и болѣе начинаетъ втягиваться въ круговоротъ міровыхъ событій. Паденіе Самарканда и Ходжента подъ ударами ордъ Чингисъ-Хана (начало XIII вѣка) открыло и изолированную долину ударамъ непріятеля, хотя она пострадала меньше, нежели сосѣднія, вполнѣ открытыя, страны. Въ XIV вѣкѣ Фергана, считающаяся даже родиной Тамерлана, составляла часть обширной монархіи Тимуридовъ. Съ прекращеніемъ этой династіи, страны, лежащія по верхнему теченію Аму-Дарьи, распались на 27 княжествъ, подвластныхъ болѣе или менѣе тюркскимъ ханамъ, главное мѣстопребываніе которыхъ находилось на рѣкѣ Чу, къ сѣверу отъ Ферганы.

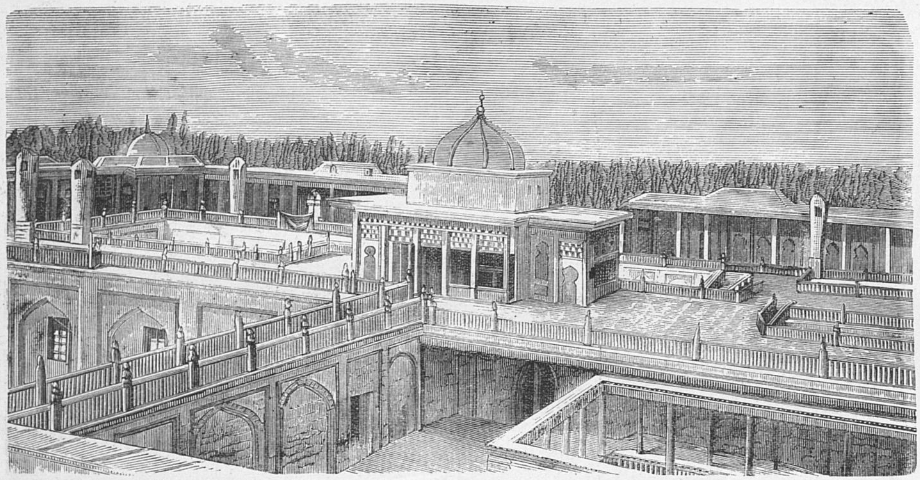
Въ концѣ XV вѣка, при правителѣ Баберѣ, изъ дома Тимуридовъ, вступившемъ на ферганскій престолъ двѣнадцати-лѣтнимъ мальчикомъ, Фергана, какъ и теперь, состояла изъ 7 округовъ, а именно: Анджиджана, Маргелана, Оша, Намангана, Касана (теперешняго Туса), Ходжента и Асфераха (отошедшихъ къ Самарканду). Около IX—XII вв. столицею Ферганы былъ Маргеланъ, затѣмъ Анджиджанъ; при отцѣ Бабера Тусъ былъ резиденціею правителей. Баберъ бѣжалъ въ 1506 г. по Р. Х. изъ Ферганы въ Кабулъ, сдѣлался тамъ султаномъ и оттуда подчинилъ себѣ Индію, имѣя своею резиденціею городъ Дели. Ферганой же завладѣли Узбеки, соплеменники Османовъ, впервые появившіеся въ Киргизскихъ степяхъ въ половинѣ XV вѣка.

Узбеки (племя восточныхъ Турковъ) были послѣднимъ властвующимъ народомъ во всѣхъ странахъ, лежащихъ по теченію Аму и Сыръ-Дарьи, въ томъ числѣ и въ Ферганѣ. Они давали изъ своей среды повелителей этихъ странъ. Въ это время каждый изъ названныхъ выше округовъ Ферганы имѣлъ своего независимаго князя; князья эти часто враждовали между собою. Такъ продолжалось до средины XVIII вѣка, до 1758 г., когда Китай, овладѣвъ Ташкентомъ, заставилъ этихъ князей признать верховную свою власть. Вскорѣ послѣ того, узбекскій предводитель Шахъ-Рогъ-Бегъ, явившись съ Поволжья, основалъ Коканское ханство на мѣстѣ прежней Ферганы, съ резиденціей въ мѣстечкѣ Куканѣ, въ 20 верстахъ къ западу отъ нынѣшняго Кокана. Такимъ образомъ, съ половины XVIII вѣка наша Ферганская область получила названіе Коканъ.

Дальнѣйшую судьбу этой страны можно изобразить слѣдующими краткими словами позднѣйшаго изслѣдователя Ферганы — Миддендорфа: «Съ той поры (т. е. какъ явилось на историческую сцену имя Кокана) Коканъ былъ ареною непрерывнаго ряда насилій. Онъ то оборонялся отъ своихъ сильныхъ сосѣдей, живущихъ въ юго-западныхъ оазисахъ — Хивѣ и Бухарѣ, хотя все-таки, по прошествіи нѣкотораго времени, былъ завоеванъ Бухарою, то распространялъ свою власть на весь Западный Туркестанъ — даже до Аральскаго моря. Внутри же страны господствовалъ восточно-варварскій порядокъ вещей, въ его наиболѣе типичной формѣ. Насильственные

захваты, отравленія, умерщвленія цѣлыхъ династическихъ родовъ ближайшими родственниками, ночныя нападенія, утопленіе, сажаніе прежнихъ властителей на колъ живьемъ, похищеніе юныхъ принцевъ для приданія законности возстанію, претендентству, регентству и т. д.—слѣдовали одно за другимъ безпрерывною чередою.

«Послѣдній ханъ Худояръ, который послѣ продолжительнаго пребыванія подъ опекою честолюбиваго регента, относившагося къ нему, впрочемъ, доброжелательно, хотя все-таки впослѣдствіи казненнаго имъ, — въ 1850 г. принялъ самостоятельно правленіе въ свои руки и, какъ человѣкъ ничтожный, былъ игрушкою обѣихъ главныхъ партій страны. Верхъ одерживали то Сарты, то опять Узбеки вмѣстѣ съ Кипчаками, изъ близкихъ къ нему людей. О царившемъ ужасѣ мы можемъ составить понятіе по слѣдующему факту: уже на третій годъ своего управленія государствомъ, ханъ приказалъ умертвить, какъ говорятъ, 20,000 своихъ подданныхъ



Ханскій гаремъ въ Коканѣ.

изъ племени Кипчаковъ. Это было лишь повтореніемъ злодѣянія, совершеннаго ранѣе: разсказываютъ, что изъ череповъ убитыхъ, тоже въ числѣ 20,000, была сложена пирамида.»

Этому восточному деспоту, въ полномъ смыслѣ слова, пришлось трижды укрываться въ Россіи отъ народной мести.

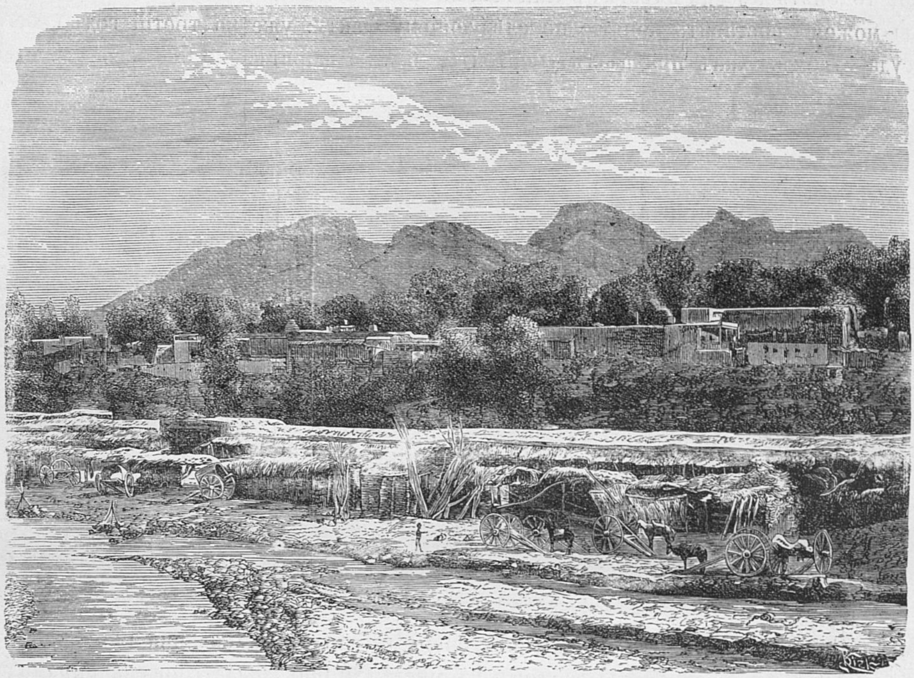
При такихъ внутреннихъ порядкахъ, естественно, что расширеніе предѣловъ господства Кокана повело лишь къ ускоренію его паденія. Онъ столкнулся съ болѣе могущественнымъ сѣвернымъ сосѣдомъ. Русскіе, овладѣвъ, въ 1852 г., сильною пограничною крѣпостью Акъ-Мешедъ (теперешній городъ Перовскъ), взятіемъ города Туркестана въ 1864 г. и городовъ Ташкента и Ходжента — въ два слѣдующихъ года, впервые вступили въ область распространенія Иранцевъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, они приблизились и къ порогу Ферганской долины.

Съ сокращеніемъ владѣній — сокращались и источники ханскихъ доходовъ. Между тѣмъ, привыкшій къ восточной роскоши и извращенный нѣгой гаремной жизни, Худояръ далекъ былъ отъ мысли ограничить свои требованія. И тягость его роскошнаго содержанія и содержанія ему родственныхъ бековъ, правителей отдѣльныхъ округовъ, легла на небольшую, хотя и богатую, какъ мы знаемъ, Ферганскую долину, остатокъ его владѣній — обширнаго когда-то Коканскаго ханства.

Въ Коканскомъ ханствѣ, какъ и въ другихъ средне-азіятскихъ ханствахъ, сборы съ народа слагались изъ слѣдующихъ податей: 1) *хераджъ* или десятинная подать (натурой); 2) денежная подать съ огородовъ и садовъ—*танапный* доходъ (танапъ—поземельная мѣра, равная $^1/_6$ десятины); 3) *зякетъ*—налогъ на торговлю, въ видѣ извѣстнаго процента съ цѣнности

товаровъ и скота; 4) базарный сборъ за право торговли на рынкахъ; 5) сборъ за содержаніе вѣсовъ; 6) сборъ за переправы черезъ рѣки; 7) пошлина съ соли; 8) сборъ за совершеніе браковъ.

При Худояръ-Ханѣ эти виды податей были развиты до тонкости. Собирали со всего, съ чего только было возможно, обирая народъ до нитки. На базарахъ брали и съ продавца, и съ покупателя по нѣсколько чекъ (копѣекъ) за всякую куплю и продажу. Были обложены сборомъ камышъ, хворостъ, колючки и т. п., собираемые бѣдняками «отунчи» (продавцами топлива), при помощи универсальнаго орудія Сарта — *кетменя* (родъ сопы), съ полей



Городъ Ошъ.

на продажу. Наконецъ, когда было уже все обложено, установили налогъ на право пользованія водой каналовъ, проведенныхъ трудами того же населенія, съ котораго взимали этотъ налогъ. «Оставался одинъ только воздухъ, — говоритъ А. Кунъ, сопровождавшій наши войска въ 1875 году въ Фергану, — за право дышать которымъ не бралось ничего».

Такихъ поборовъ не могъ вынести народъ и возставалъ не разъ противъ хана. Въ послѣднее же время волненія населенія въ Коканскомъ ханствѣ повторялись чуть не ежегодно, начинаясь всегда ранней весной. Ежеминутно въ это время можно было ожидать взрыва народнаго негодованія противъ деспота, но къ концу лѣта обыкновенно все успокоивалось: кровавыя расправы Худояръ-Хана заглушали народныя страсти. Молва объ этихъ событіяхъ скоро достигла и русскаго Туркестана. Съ слухами о безпорядкахъ въ Коканскомъ ханствѣ Русскіе начали уже свыкаться. Послѣдующія, однако, событія показали, что временно потухавшій вулканъ народныхъ страстей не былъ окончательно потушенъ мѣрами Худояръ-Хана. Народное чувство было слишкомъ сильно оскорблено несправедливостью, и въ концѣ лѣта 1875 года всеобщее неудовольствіе противъ хана и его приближенныхъ, душившихъ народъ непомѣрными налогами, взяточничествомъ, насиліемъ и т. п. дѣйствіями, наконецъ опасенія ежеминутной смерти выразились открытымъ поголовнымъ возстаніемъ столицы и низверженіемъ правительства Худояръ-Хана, который, подъ охраной нашего посольства, отправленнаго

передъ тѣмъ генералъ-губернаторомъ въ Коканъ, долженъ былъ покинуть свои владѣнія и искать убѣжища въ Ходжентѣ, ближайшемъ городѣ прежняго Коканскаго ханства, находившемся уже во власти Россіи.

Низверженіе правительства Худояръ-Хана и послѣдующія внутреннія смуты въ ханствѣ не остались безъ вліянія и на ближайшее къ Ташкенту населеніе. Это обстоятельство побудило Русскихъ двинуть отрядъ въ Коканъ, для водворенія спокойствія. Предполагалось возвести на престолъ старшаго сына Худояръ-Хана, Насретдина. Русскій отрядъ, съ молодымъ ханомъ, прошелъ черезъ Ходжентъ, коканское укрѣпленіе Махрамъ, селеніе Били-Арыкъ, Коканъ, селеніе Арты-Арыкъ до г. Маргелана. Страна, повидимому, начала успокоиваться. Къ генералу Кауфману отовсюду являлись депутаціи съ изъявленіемъ покорности и съ просьбой о милости и пощадѣ. Изъ г. Маргелана русскій отрядъ двинулся въ Наманганъ. Въ это время разыгралось возстаніе въ Анджиджанѣ, показавшее, что на искренность заявленія депутацій не вполнѣ можно разсчитывать. Наконецъ, главный вождь возстанія, Кипчакъ Абдурахманъ-Автобачи, смирился съ своими соумышленниками передъ неутомимо преслѣдовавшими его русскими войсками. Въ укрѣпленіе Махрамъ, лежащее на половинѣ дороги между Коканомъ и Ходжентомъ, явилась депутація къ находившемуся тамъ въ то время и уже бѣжавшему изъ Кокана новому хану Насретдину съ просьбой возвратиться въ столицу. Эта депутація привезла съ собой и бѣлую кошму, на которой, по старинному монгольскому обычаю, Коканцы намѣревались возвести его на престолъ.

Насретдинъ воспользовался этимъ случаемъ, но недолго могъ считать себя ханомъ. «Сыну съ позоромъ низверженнаго хана,—говоритъ А. Кунъ,—надо было бы обладать громадными способностями и пользоваться большою любовью народа, чтобы укрѣпиться на обломкахъ страны, разоренной отцомъ». Насретдинъ же не только не обладалъ этими качествами, но потерялъ уже всякое довѣріе, какъ между соплеменниками, такъ и между Русскими. Слабый, безхарактерный, извращенный интригами придворныхъ, погрязшій въ сладострастіяхъ гаремной жизни и ночныхъ оргіяхъ за запрещеннымъ кораномъ питьемъ вина,— онъ не могъ внушать сколько-нибудь серьезныхъ надеждъ на благополучное правленіе. Предложеніе ему ханскаго титула объясняется лишь недоразумѣніемъ: измученная страна, жаждавшая отдохновенія, думала, что Россія ведетъ войну за династію Худояръ-Хана, старшаго сына котораго и прочили на престолъ, отчасти подъ вліяніемъ интригъ его клевретовъ. Но въ концѣ концовъ Насретдину не удалось пройтись по бѣлой кошмѣ. Онъ дѣлалъ къ тому попытку, но былъ разбитъ подъ стѣнами столицы, въ которую намѣревался войти, и чуть не попался въ плѣнъ. Съ одной стороны, безсиліе представителя династическихъ интересовъ въ послѣдніе дни Коканскаго ханства, съ другой—междоусобица разнохарактерныхъ племенъ, составлявшихъ пестрое населеніе страны, а также окончательное истощеніе ея,—привели къ тому, что народъ охотно пошелъ просить покровительства Бѣлаго Царя.

Тысяча восемьсотъ семьдесятъ шестой годъ нашего лѣтосчисленія страна, нѣкогда именовавшаяся Коканскимъ ханствомъ, начала жить уже подъ именемъ русской Ферганской области, подъ управленіемъ губернатора, и вошла въ составъ Туркестанскаго генералъ-губернаторства.

О внутреннемъ строѣ Коканскаго ханства въ послѣдніе дни, съ которымъ пришлось встрѣтиться и считаться русскому управленію, можно сказать слѣдующее.

Подраздѣленіе страны сложилось въ правленіе Худояръ-Хана, подъ вліяніемъ родственныхъ связей его. Бекствами, которыхъ насчитывалось 15, управляли родственники хана, беки, называвшіеся *серкеде*. Эти бекства были: Коканское, Маргеланское, Шариханское, Анджиджанское, Наманганское, Сугское, Махрамское, Булакъ-Башинское, Арабанское, Балыгчинское, Чаоратагское, Наукашское, Касанское, Чустское и Бабадарханское.

Кромѣ того, въ ханствѣ находилось нѣсколько селеній, не подчиненныхъ бекамъ, а управ-

ляемыхъ самостоятельно поставленными ханомъ сборщиками податей, называвшимися *серкерами*. Такіе серкеры назначались преимущественно изъ бывшихъ рабовъ хана.

Серкеде управляли бекствами полновластно и находились въ вассальной зависимости отъ хана. Они лишены были только права смертной казни.

При проѣздѣ хана черезъ ввѣренную серкеде область, послѣдній обязанъ былъ содержать ханскую свиту и дѣлать подарки хану.

Управленіе каждой области организовалось такъ: въ городахъ *курбаши*, нѣчто въ родѣ полиційместеровъ, и *миръ-шабы* (полицейскіе) исполняли обязанности по надзору; *анималіи* (въ родѣ бухарскихъ аксаковъ) — старосты собирали подати; *мирза-баши* (что означаетъ — глава писарей) завѣдывали перепиской; судъ правили *казіи*, назначаемые беками по ханскому ярлыку. Нѣсколько селеній имѣли одного казія.

Взиманіе податей производилось не одинаково по всему ханству: въ однихъ мѣстахъ ихъ собирали люди, поставленные ханомъ или бекомъ, въ другихъ же, и это было чаще, сборъ отдавался на откупъ. Опредѣленнаго жалованья сборщики не получали, они отчисляли себѣ опредѣленную ярлыкомъ часть изъ собраннаго.

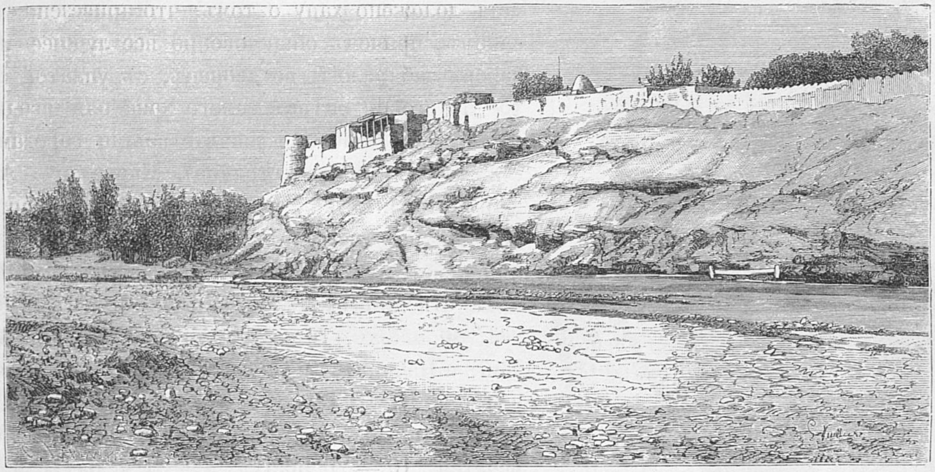
Весь сборъ съ населенія раздѣлялся на *хасаги* и *бійшлыкъ*. Первымъ именемъ назывались доходы, назначенные хану или, въ видѣ аренды, его приближеннымъ, а послѣднимъ — поступавшіе беку. Ханскіе доходы — хасаги составляли всѣ доходы съ гор. Кокана и приписанныхъ къ нему селеній, т. е. съ Коканскаго бекства, и слѣдующіе сборы съ остальныхъ областей ханства: зякетъ, сборъ за переправу черезъ Сыръ-Дарью, пошлины съ соли, сборъ съ имѣній хасаги, арендныя деньги за лавки, сараи и амбары, построенные въ разныхъ городахъ ханства на средства хана, маклерскіе проценты за совершеніе свадебныхъ обрядовъ и выморочныя имущества. Беки пользовались хераджною и танапною податями съ подвѣдомственныхъ имъ бекствъ.

Всѣ 18 бекствъ, составлявшія отдѣльныя серкеде, давали ежегодно до $2^1/_2$ мил. руб. сбора. Приводимая ниже таблица распредѣленія нѣкоторыхъ главнѣйшихъ сборовъ по отдѣльнымъ бекствамъ интересна въ томъ отношеніи, что даетъ характеристику величины, значенія и богатства различныхъ частей ханства.

НАЗВАНІЯ БЕКСТВЪ.	Число значительныхъ селеній въ бекствѣ.	Хераджъ зерномъ въ батманахъ (4 пуда).	Денежная подать въ тиляхъ (3 р. 60 к.). Танапная съ хлопка и огородовъ.	Зякетъ со скота кочевниковъ.	Зякетъ съ базаровъ, вѣсовъ и т. п.	Зякетъ, съ товаровъ.
1. Махрамъ	26	17,000	2,772	300	800	—
2. Сугъ	6	8,000	600	1,000	400	—
3. Коканъ-ханъ	368	230,000	55,700	28,200	12,000	23,000
4. Маргеланъ и Ошъ	120+20	40,000+27,000	8,000+6,000	3,500	1,800	8,000
5. Шариханъ (Ассаке и Узгентъ)	20+12+8	50,000+25,000	8,000	2,400	1,000	—
6. Арабанъ	8	13,000	500	300	300	—
7. Булакъ-Баши	6	12,000	300	2,000	500	—
8. Анджиджанъ	80	100,000	25,000	5,200	6,820	—
9. Балыгчи	15	40,000	3,000	1,500	1,000	—
10. Наманганъ съ селеніями Хасай	62	68,000	17,000	600	4,680	1,000
11. Чаоротагъ	6	10,100	800	300	400	—
12. Наукашъ	4	18,000	800	150	100	—
13. Касанъ	12	20,000	1,000	600	600	—
14. Чусть	18	26,550	1,000	700	400	100
15. Бабадарханъ	12	6,000	1,200	6,000	300	1,000
Всего . .	803 Значит. селенія.	707,550 Батмановъ	131,672 Тили.	47,350 Тили.	31,100 Тили.	33,100 Тили.

Коканъ и приписанныя къ нему селенія управлялись распоряженіями самого хана; семь бекствъ (Маргеланское, Шариханское, Анджиджанское, Наманганское, Сугское, Махрамское и Булакъ-Башинское) управлялись родственниками и сыновьями хана; остальныя же бекства образовались недавно и выдѣлены изъ главныхъ: изъ Маргеланскаго бекства было выдѣлено селеніе Арабанъ съ ближайшими къ нему подселками для сына управлявшаго этимъ бекствомъ брата Худояръ-Хана, султана Мурашъ-бека. Старшій сынъ хана Насретдинъ-бекъ управлялъ Анджиджанскимъ округомъ, а младшій, Урманъ-бекъ, Наманганскимъ.

Беки, управляя ввѣренными имъ округами вполнѣ безотчетно, обязаны были собирать войска, расположенныя на довольствіе въ ихъ бекствахъ, и выводить по указанію хана въ поле. Войска бекства находились въ вѣдѣніи особаго вождя *батуръ-баши* (главы богатырей). Эти войска, расположенныя въ округахъ, составляли иррегулярную военную силу ханства. Въ столицѣ же содержались, кромѣ того, особыя регулярныя войска и артиллерія. Въ разныхъ



Видъ крѣпости Тюре-Курганъ.

мѣстностяхъ страны, преимущественно по теченію рѣкъ Нарына и Сыръ-Дарьи, были расположены крѣпостцы, каковы Махрамъ, Тюре-Курганъ и другія.

Въ числѣ произведеній ханства главное мѣсто занимали хлѣбъ, хлопокъ и шелкъ, вывозившiеся въ значительныхъ количествахъ въ Россію. Горы богаты рудами и другими ископаемыми продуктами, каковы: каменный уголь, нефть, озокеритъ, сѣра и проч.; но минеральныя богатства мало разработывались туземцами; добывалась изъ нѣдръ земли преимущественно соль. Въ послѣднее время нѣсколькими Русскими, съ разрѣшенія Худояръ-Хана, производилась разработка нефтяныхъ источниковъ, и добывавшійся керосинъ шелъ въ Ташкентъ.

Обрабатывающая промышленность находилась въ странѣ на примитивной степени развитія, такъ что едва была въ состояніи удовлетворять нуждамъ внутренняго потребленія. Изъ произведеній Коканскаго ханства на рынкахъ сосѣднихъ средне-азіятскихъ странъ пользовались извѣстностью, какъ лучшія: канаусъ, шелковые платки, атласъ, бархатъ и низшій сортъ ковровъ. Внѣшняя торговля съ Россіей, главнымъ образомъ съ Ташкентомъ, въ послѣдніе годы нѣсколько оживилась, благодаря тому обстоятельству, что русскіе купцы открыли въ ханствѣ обширныя ткацкія мастерскія для приготовленія бязи или маты (грубая бумажная ткань) для русскихъ войскъ. Изъ Россіи въ Коканское ханство ввозились мануфактурныя и желѣзныя издѣлія, а также чай, сахаръ и другіе товары. По размѣрамъ оборотовъ, торговля съ Россіей занимала первое мѣсто. За нею слѣдовала торговля съ Бухарой, съ горными бекствами, лежащими по южной границѣ Кокана, и съ Кашгаромъ. Торговыя сношенія

съ Кашгаромъ производились черезъ Терекъ-Даванскій перевалъ, лежащій на Кашгаръ-Даванскомъ хребтѣ и свободный для прохода каравановъ съ мая по сентябрь. Въ остальное время проходъ этотъ заносится снѣгомъ. Изъ Кашгара получались яркендскіе ковры, фарфоръ и чай. Товары эти направлялись на Ошъ и Анджиджанъ, въ Намангaнъ или Коканъ.

Въ Махрамѣ и Бабадарханѣ находились таможенные или зякетные дворы для торговли съ Россіей. Въ Ошѣ, одномъ изъ старѣйшихъ торговыхъ городовъ ханства, лежащемъ на р. Акъ-Бура, такіе дворы существовали для торговли съ Кашгаромъ. Главный же осмотръ товаровъ производился въ Анджиджанѣ. Зякетъ съ товаровъ взимался особыми сборщиками, приставляемыми ханомъ. Товары, назначавшіеся въ Коканъ, оплачивались уже въ этомъ городѣ, гдѣ существовалъ особый зякетъ-сарай. Ни одинъ караванъ не имѣлъ права пускать товаръ въ продажу прежде, чѣмъ будетъ доложено хану о томъ, что̀ привезено съ караваномъ, причемъ обыкновенно все лучшее изъ товаровъ забиралось во дворецъ, съ уплатой за взятое по особой оцѣнкѣ самого хана или его приближенныхъ. Наиболѣе значительными городами ханства были: Коканъ (столица), Маргеланъ, Анджиджанъ, Наманганъ, Узгентъ, Ошъ и Балыкчи. Наибольшій изъ нихъ, Коканъ, имѣлъ 10,000 домовъ, 300 мечетей, 120 школъ, 40 медрессе и 2,000 лавокъ. Въ Маргеланѣ было 6,000 домовъ, 300 мечетей, 80 школъ, 10 медрессе и 1,000 лавокъ. Анджиджанъ и Наманганъ имѣли по 4,000 домовъ, 200—250 мечетей, 60—100 школъ, 6—5 медрессе и по 1,000 лавокъ; остальные города—по 1,000 домовъ, 50 — 70 мечетей, 10 — 20 школъ, 4 — 3 медрессе и по 100 лавокъ. Узгентъ и Ошъ — стариннѣйшіе города — имѣютъ много памятниковъ древности, въ видѣ богатыхъ построекъ, медрессе и мечетей, сложенныхъ изъ цвѣтныхъ изразцовъ.

Кашгарецъ.

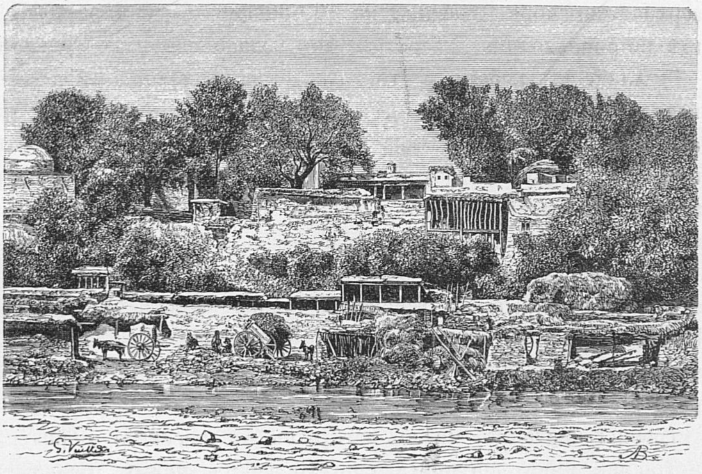
Съ присоединеніемъ Коканскаго ханства къ Россіи подъ именемъ Ферганской области, управляемой особымъ губернаторомъ, подчиненнымъ непосредственно Туркестанскому генералъ-губернатору, страна сразу вздохнула свободнѣе, вслѣдствіе совершенной отмѣны однихъ налоговъ и сокращенія другихъ. Сравнительное спокойствіе и безопасность существованія, при благоразумномъ управленіи этой оригинальной, какъ по исторической судьбѣ и географическому положенію, такъ и по оро-гидрографическимъ особенностямъ, страной — обѣщаютъ ей хорошую будущность въ отношеніи разработки естественныхъ богатствъ.

Управленіе областью перенесено изъ Кокана въ Новый или Русскій Маргеланъ, расположенный въ 7 верстахъ отъ стараго города. Сдѣлано это какъ по причинѣ нездороваго для Русскихъ климата прежней столицы страны, такъ и въ видахъ болѣе центральнаго положенія вновь избраннаго для резиденціи властей Маргелана. Область раздѣлена въ административномъ отношеніи на 7 уѣздовъ, соотвѣтствующихъ бывшимъ бекствамъ.

Южной границей своей Фергана примыкаетъ къ горной части Бухары; на востокѣ, на небольшомъ протяженіи, граничитъ съ Кашгаромъ; съ остальныхъ же сторонъ окружена русскими владѣніями: Зеравшанскимъ округомъ, Сыръ-Дарьинскою и Семирѣченскою областями. Вся граница области, за исключеніемъ упомянутыхъ выше Ходжентскихъ воротъ на западѣ,

тянется по вершинамъ высокихъ горныхъ хребтовъ, черезъ которые мало удобныхъ перевaловъ.

Горы, окаймляющія Ферганскую долину съ юга и заключающія небольшую долину Алай, представляютъ собой вѣтвь Тянъ-Шаня (Небесныхъ горъ), отдѣляющуюся отъ главнаго хребта въ горномъ узлѣ Суiокъ, близъ перевала того же имени, тянутся у самаго восточнаго угла Ферганской области, подъ именемъ Алайскаго хребта (Алай-Тау), въ юго-западномъ направленіи. Хребетъ этотъ достигаетъ средней высоты 16 тыс. футовъ. Отдѣльные пики его возвышаются до 18—19 тыс. футовъ. Западная часть хребта выше. Сѣверный склонъ положе. Въ томъ же горномъ узлѣ великая цѣпь Небесныхъ горъ отдѣляетъ другую вѣтвь, которая отграничиваетъ Ферганскую область отъ Семирѣчинской и замыкаетъ Ферганскую долину съ сѣверо-востока. Вѣтвь эта — Ферганскій хребетъ — тянется въ сѣверо-западномъ направленіи, подъ разными названіями (Джаелы, Когартъ, Чичикты и друг.) и прорѣзывается въ сѣверной своей части глубокимъ, непроходимымъ ущельемъ р. Нарына. Средняя высота этой вѣтви достигаетъ 16—18 тыс. футовъ. Западные склоны этихъ горъ круты; восточные болѣе отлоги и даютъ внутрь долины отроги, достигающіе города Узгента.



Базаръ въ Ошѣ.

Хребетъ Уртакъ-Тау (иначе Акъ-Бура) тянется нѣкоторою частью своею по сѣверной границѣ области, по направленію параллели, понижаясь къ западу и достигая средней высоты, значительно меньшей предъидущихъ вѣтвей (10 тыс. фут.).

Наконецъ, въ сѣверо-западномъ углу Ферганской области отъ горъ Уртакъ-Тау отходитъ въ юго-западномъ направленіи хребетъ Чоткальскій, замыкающій долину Ферганы съ сѣверо-западной стороны, тянущійся почти параллельно верхнему теченію Сыръ-Дарьи и дающій отроги, весьма близко подходящіе къ правому берегу ея. Западная оконечность Чоткальскаго хребта ниже. Въ одномъ изъ отроговъ его, Кураша-Тау, отдѣляющемъ Кураминскій уѣздъ Сыръ-Дарьинской области отъ Ферганской долины, находится перевалъ Кендырь-Диванъ, служащій для прямаго, хотя и неудобнаго сообщенія Ташкента съ Кокaномъ. Сыръ-Дарья протекаетъ между отрогами Чоткальскихъ и Туркестанскихъ горъ. Снѣжная линія окружающихъ Фергану горъ лежитъ на высотѣ 11 тыс. футъ въ сѣверныхъ хребтахъ, въ южныхъ же поднимается до 14—15 тыс. фут. Во многихъ мѣстахъ горъ находятся довольно грандіозные ледники, не спускающіеся ниже 8,000 фут., и снѣговые мосты, лежащіе иногда на 5,000 фут. высоты.

Въ юго-восточной части Ферганы, отъ Алайскаго хребта отдѣляется хребетъ Гезратъ-Акартъ. Между этимъ хребтомъ и главнымъ (Алайскимъ), по теченію рѣки Туруна образовалось ущелье, въ 200 саженъ ширины и длиною въ 30 верстъ, имѣющее характеръ долины и называемое Кара-Киргизами Кичи-Алаемъ, т. е. Малымъ Алаемъ. Долина эта покрыта прекрасными пастбищами, почему во многихъ мѣстахъ ея можно замѣтить зимовки Кара-Киргизовъ, вблизи которыхъ расположены посѣвы ячменя и пшеницы. Хребетъ Гезратъ-Акартъ имѣетъ 15 тыс. фут. высоты и трудно проходимъ.

Въ этомъ же углѣ, параллельно главному Алайскому хребту, между рр. Кокъ-Су и Кизилъ-

Су, тянется, какъ бы отщепленная отъ него, гряда высокихъ Заалайскихъ горъ, мало изслѣдованныхъ и также трудно-проходимыхъ. Гряда эта тянется вдоль теченія рѣки Кизилъ-Су, имѣетъ среднюю высоту 18 тыс. футовъ, съ отдѣльными пиками въ 20 и 23 тыс. фут. (пикъ Кауфмана), и замыкаетъ съ юга долину ея, ограниченную съ сѣвера главнымъ хребтомъ и извѣстную у Кара-Киргизовъ Ферганы подъ именемъ Алая (рай).

Долина эта, изгибаясь слегка къ югу, идетъ отъ востока къ западу, имѣетъ 120 верстъ длины, наибольшую ширину, въ срединѣ, 22 версты, и замѣчательна своею прямизною. Ширина Алайской долины уменьшается постепенно внизъ по теченію рѣки Кизилъ-Су, такъ что при входѣ въ Исфайрамское ущелье она не превышаетъ 3 верстъ, а верстами двумя ниже долина рѣки стѣснена горами до того, что остается мѣсто только для одного русла. Алайская долина занимаетъ площадь въ 34 кв. мили или 1680 кв. верстъ. Дно ея постепенно понижается внизъ по теченію рѣки, такъ что верхняя часть Алая, называемая туземцами Башъ-Алай (голова Алая), у истоковъ Кизилъ-Су лежитъ на высотѣ 11,000 фут. надъ поверхностью моря, средина на 10,000 фут., а у Дараутъ-Кургана (при входѣ въ Исфайрамъ, гдѣ ширина долины 3 версты) дно возвышено надъ уровнемъ моря всего на 8 тыс. фут.

Алайскій хребетъ круто спускается въ долину Кизилъ-Су, такъ что подошва его, подмываемая этою рѣкою, отстоитъ отъ гребня хребта всего, въ среднемъ, въ 12 верстахъ. Заалайскій же хребетъ спускается болѣе отлого къ Алаю посредствомъ предгорій, образующихъ широкую кайму, отдѣляющую долину отъ магистральнаго гребня (разстояніе между южнымъ краемъ долины и вершиною хребта мѣстами достигаетъ 32 верстъ). Черезъ Алайскій хребетъ въ долину Алая ведутъ многіе перевалы, но они далеко неудобопроходимы.

Чтобы дать понятіе о сообщеніяхъ черезъ горные проходы Ферганы, опишемъ, напримѣръ, одну изъ считающихся удобными дорогъ черезъ Алайскій хребетъ, именно дорогу изъ Учъ-Кургана на Алай, черезъ перевалъ Тенгизбай, по которой проходила одна изъ колоннъ во время алайской экспедиціи 1876 года. Изъ Учъ-Кургана дорога вступаетъ въ ущелье рѣки Исфайрамъ и идетъ карнизами, перекидываясь съ одного берега рѣки на другой. Черезъ рѣку устроены мостики, число которыхъ до перевала опредѣляютъ въ 20. Особенно трудна и нехороша дорога на протяженіи 10 верстъ между рѣкою Тютскомъ и урочищемъ Донгаръ. Здѣсь тропинка проходитъ крутыми подъемами и мелкими поворотами между громадными каменьями, скатывающимися при движеніи людей и животныхъ. Проходившая здѣсь въ 1876 году колонна нашихъ войскъ потеряла нѣсколькихъ лошадей съ провіантомъ, сбитыхъ въ пропасть падавшими сверху каменьями. Было ранено также нѣсколько нижнихъ чиновъ и офицеровъ. На всемъ протяженіи, почти до перевала Тенгизбай, нѣтъ подножнаго корма — одинъ голый камень. Наиболѣе удобный, однако, путь изъ долины Ферганы въ долину Алай—это путь изъ Оша по теченію рѣки Гульчи.

Орошающая долину Алая рѣка Кизилъ-Су (красная рѣка) получила свое названіе отъ цвѣта воды, несущей массу легко осѣдающей при отстаиваніи мути красной глины, вымываемой изъ мягкаго ложа и мягкаго грунта горныхъ кряжей. Рѣка эта течетъ по прямому направленію и широкому руслу (около $1\frac{1}{2}$ версты ширины), покрытому галькой, и разбивается на множество рукавовъ, ежегодно измѣняющихъ мѣсто. Теченіе рѣки быстрое, но плавное; рѣка не клубится и не пѣнится, подобно многимъ другимъ рѣкамъ горныхъ странъ. Справа Кизилъ-Су принимаетъ около 5 притоковъ, имѣющихъ характеръ быстрыхъ и короткихъ горныхъ ручьевъ. Слѣва, въ долинѣ Алая рѣка принимаетъ 10 болѣе значительныхъ рѣчекъ.

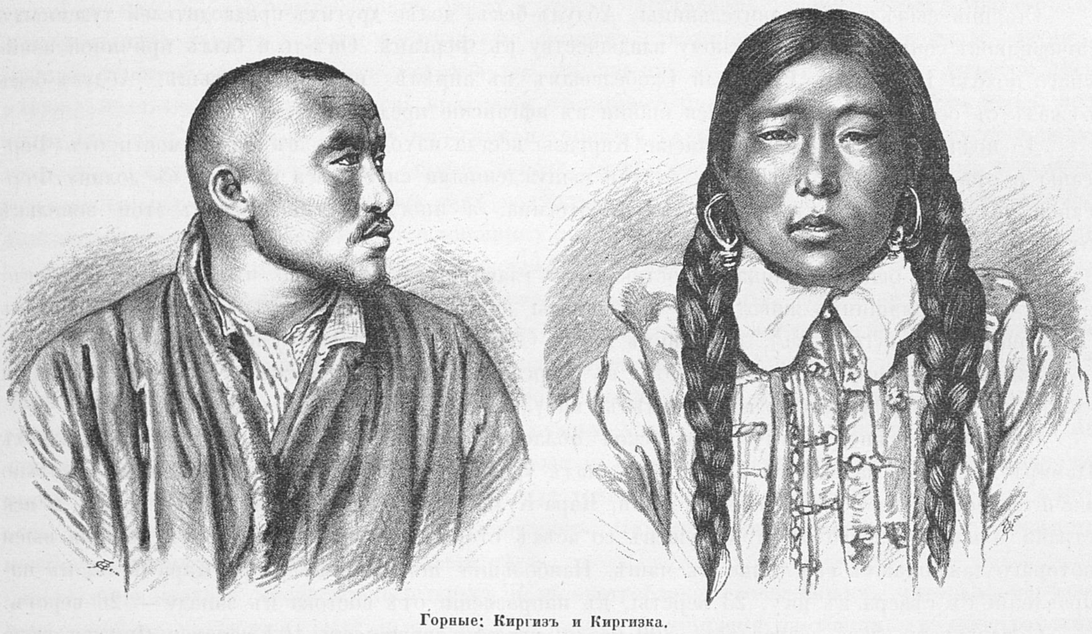
Райская долина имѣетъ характеръ степи, покрытой на всемъ протяженіи тучными пастбищами, представляющими превосходный кормъ для скота кочевниковъ; особенно обильны подножнымъ кормомъ предгорья и нѣкоторыя ущелья. На Алайскихъ пастбищахъ самая изнуренная лошадь въ двухнедѣльный срокъ поправляется такъ, что и узнать нельзя.

Древесная растительность отсутствуетъ въ Алаѣ; даже кустарники здѣсь не встрѣчаются

въ долинѣ. Верхняя половина Алая покрыта преимущественно кипцомъ и ковылемъ, а нижняя — ковылемъ и чіемъ (Lasiagrostis splendens).

Чій растетъ кочками, причемъ каждый стебель достигаетъ высоты полутора аршина. Стебли его служатъ Киргизамъ не только кормомъ для скота, но и употребляются ими для выдѣлки цыновокъ, которыя въ домашнемъ обиходѣ кочевника исполняютъ многоразличныя назначенія: для подстилки въ юртѣ, для защиты кибитки отъ вѣтра и отъ снѣга и т. п.

Высокое положеніе Алайской долины придаетъ климату ея нѣкоторую суровость: въ верхней части долины снѣгъ сходитъ лишь въ концѣ мая и снова выпадаетъ въ началѣ сентября; внизу лѣто нѣсколько продолжительнѣе. Ночи на Алаѣ даже лѣтомъ довольно прохладны; колебанія температуры сильны: въ іюлѣ днемъ термометръ поднимается до 25° Ц., а ночью опускается до 0°; снѣга зимою очень глубоки; скотъ, оставляемый здѣсь на зиму, принужденъ



Горные: Киргизъ и Киргизка.

доставать подножный кормъ, разгребая снѣгъ. Поэтому Алай можетъ считаться раемъ только 3—4 мѣсяца въ году.

Пашни Киргизовъ на Алаѣ встрѣчаются только въ нижней части долины, на высотѣ 8,000 футовъ, у Дараутъ-Кургана; здѣсь можно найти небольшіе посѣвы пшеницы, ячменя и люцерны (дженушки). Поля эти по большей части поливаются. Дженушку убираютъ на Алаѣ два раза въ годъ, тогда какъ въ Ферганской долинѣ она даетъ 5 укосовъ. Кое-гдѣ въ нижней части Алая, по ущельямъ, находятся зимовки Киргизовъ. Съ верхнихъ же частей Алая Кара-Киргизы на зиму уходятъ, оставляя иногда скотъ подъ надзоромъ одного, двухъ пастуховъ, живущихъ въ кибиткахъ.

Фауна Алая, какъ и флора, довольно бѣдна. Изъ четвероногихъ особенно много здѣсь сурковъ (суръ Киргизовъ), норы которыхъ встрѣчаются на каждомъ шагу, такъ что ѣхать верхомъ быстрымъ алюромъ по Алайской степи рискованно. Шкурки сурковъ употребляются туземцами для выдѣлки мѣха, которымъ подбиваются теплые халаты. Ни четвероногихъ хищниковъ, ни ядовитыхъ гадовъ, ни ядовитыхъ паукообразныхъ здѣсь нѣтъ. Изъ птицъ живутъ здѣсь орлы, коршуны, красноносые кулики, красноносыя галки, дикіе гуси, утки и проч.

Временные обитатели Алая — Кара-Киргизы изъ трехъ родовъ: въ верхней половинѣ

долины живутъ *Монгуши* и *Адыгане*, зимующіе въ окрестностяхъ Оша и Гульчи; въ нижней половинѣ лѣтуютъ *Ичкилики*, зимовки которыхъ находятся въ Маргеланскомъ уѣздѣ, между Учъ-Курганомъ и Мынь-Тюбе. Часть же Ичкиликовъ зимуетъ около Дараутъ-Кургана, по ущелью Алтынъ-Дара, въ ущельѣ Кокъ-Су и на Маломъ-Алаѣ. Роды алайскихъ Киргизовъ раздѣляются на отдѣленія: Монгуши на 12 отдѣленій, Адыгане на 14 и Ичкилики на 20. Монгушей считается 1,225 кибитокъ или 15,725 душъ и Ичкиликовъ свыше 9,000 кибитокъ, т. е. болѣе 45 тыс. душъ.

Адыгане и Монгуши управлялись издавна женщиной, по имени *Марнаджанъ-датха*. Чиномъ датха, соотвѣтствующимъ нашему генеральскому, Марнаджа была пожалована коканскими ханами изъ уваженія къ ея энергіи и уму. Она сплотила разрозненныя отдѣленія подчиненныхъ ей родовъ, поэтому ханы всегда относились къ ней съ почетомъ во время появленія ея въ Коканѣ.

Старшій сынъ этой правительницы, Абдулъ-бекъ, долѣе другихъ предводителей туземныхъ кочевниковъ сопротивлялся русскому владычеству въ Ферганѣ. Онъ-то и былъ причиной алайскаго похода 1876 года. Разбитый Скобелевымъ въ апрѣлѣ при Янчи-Арыкѣ, Абдулъ-бекъ бѣжалъ съ остатками разсѣявшейся шайки въ афганскіе предѣлы.

До подчиненія Русскимъ, алайскіе Киргизы всегда находились въ зависимости отъ Ферганы и отъ сосѣдняго Каратегина, будучи вынужденными спускаться на зиму въ долину Ферганы, получать сѣмена для посѣва изъ Каратегина, а иногда и спасаться въ этой земелькѣ отъ преслѣдованія ферганскихъ властей.

Курдючныя овцы и лошади составляютъ главнѣйшее богатство алайскихъ Киргизовъ; изъ прочихъ домашнихъ животныхъ эти номады держатъ также рогатый скотъ, верблюдовъ (исключительно двугорбыхъ), домашнихъ яковъ (дикихъ на Алаѣ нѣтъ) и, наконецъ, ишаковъ.

Зимой Кара-Киргизы вымѣниваютъ въ Ферганской долинѣ на скотъ, шерсть, кошмы и другіе предметы кочеваго хозяйства хлѣбъ, мату, халаты, чалмы, чай и проч.

Въ самомъ южномъ углу Ферганской области, въ той части ея, которая составляетъ Памиръ-Харгоши, на высотѣ 13,190 фут. надъ уровнемъ моря, лежитъ единственное, довольно значительное, озеро Ферганской области, Кара-Куль, столь же оригинальное, какъ и вся страна. Бассейнъ этого озера окруженъ со всѣхъ сторонъ снѣжнымъ хребтомъ, горныя выси котораго заключаютъ его точно въ чашѣ. Наибольшій поперечникъ озера Кара-Куль, въ направленіи съ сѣвера къ югу, 23 версты, въ направленіи отъ востока къ западу — 20 верстъ.

Поверхность озера составляетъ 300 квадр. верстъ, окружность 102 версты. Фигура озера неправильна; оно разбито глубоко вдающимся полуостровомъ и островомъ на двѣ части, соединенныя между собой проливомъ въ $5\frac{1}{2}$ верстъ длины и въ 1 версту ширины. Песчаный, бугристый островъ, въ 8 верстъ длины и около 4 верстъ ширины, занимаетъ средину озера и соединяется съ берегомъ песчаною же узкою косою, заливаемою въ половодье водой. Островъ этотъ дикъ, безплоденъ и негоденъ для обитанія. Поверхность его продолжаетъ постоянно увеличиваться, вслѣдствіе пониженія уровня воды въ озерѣ, которое прежде, какъ показываютъ многіе признаки, было значительно больше. Вода въ озерѣ слегка горькая. Озеро рыбное.

Кара-Куль не имѣетъ вовсе стока, но принимаетъ до 10 горныхъ рѣчекъ, текущихъ въ него съ окружающихъ снѣжныхъ горъ. На плоскихъ берегахъ озера (со всѣхъ сторонъ, кромѣ западной, гдѣ горныя громады отвѣсными стѣнами подступаютъ къ самому озеру), вдоль по теченію впадающихъ въ него рѣчекъ, растетъ рѣдкая, но довольно питательная трава, привлекающая сюда повременамъ стада кочующихъ Киргизовъ изъ рода Ичкиликовъ. Лѣтомъ дни здѣсь бываютъ весьма жаркіе, а по ночамъ зачастую термометръ показываетъ всего 0^0 и даже спускается ниже. Дождь почти никогда не выпадаетъ; вмѣсто дождя здѣсь падаетъ снѣжная крупа. Падающій зимою снѣгъ сдувается бурными вѣтрами. Морозы очень сильны. Сѣверный вѣтеръ дуетъ ежедневно, начиная съ 2—3 часовъ пополудни.

Замѣчательна особенность этого озера, подмѣченная туземцами: разъ въ недѣлю, въ пятницу, какъ увѣряютъ мѣстные Киргизы, уровень воды въ озерѣ поднимается. По наблюденію извѣстнаго путешественника Л. Ѳ. Костенко, рѣчка, на которой стоялъ небольшой русскій отрядъ, въ 2 верстахъ отъ озера, наканунѣ пятницы, съ вечера, стала быстро наполняться водой и къ утру уровень ея поднялся на высоту почти вдвое большую, чѣмъ это случалось въ обыкновенные дни.

Древесная растительность почти отсутствуетъ въ этихъ горахъ. Здѣсь только въ глубинѣ ущелій встрѣчаются поросли древовиднаго можевельника, называемаго *арча*. Въ сѣверныхъ горахъ кое-гдѣ встрѣчается ель, рѣдко, впрочемъ, образующая и здѣсь сплошные лѣса. Вообще, отличительная особенность горныхъ лѣсовъ — ихъ рѣдкость, разбросанность: деревья стоятъ на большихъ разстояніяхъ одно отъ другаго; но зато подлѣсокъ, состоящій изъ колючихъ, тернистыхъ кустарниковъ, почти непроницаемъ.

Въ южныхъ, высокихъ горахъ можевельникъ достигаетъ значительныхъ размѣровъ: стволъ въ пять саженъ высоты не рѣдкость; діаметръ ствола достигаетъ 3 и болѣе футовъ. Лучшій строевой арчевый лѣсъ встрѣчается на высотѣ 5—10 тыс. футовъ. Арчевые лѣса имѣютъ подлѣскомъ густую поросль ползучаго кустарнаго можевельника или заступающей его мѣсто акаціи (Caragana). По дну овраговъ и горныхъ ручьевъ, попадаются и другія породы деревьевъ и кустарниковъ: орѣхъ, береза, тополь, осина, талъ, рябина, шиповникъ и другіе. Орѣховыя деревья, высоко цѣнимыя какъ подѣлочный лѣсъ, достигаютъ $1^1/_2$ фут. діаметромъ. Затѣмъ абрикосовое дерево считается хорошимъ подѣлочнымъ матеріаломъ. Встрѣчающійся здѣсь кленъ (Acer lobelii) принадлежитъ къ низкорослымъ видамъ.

Строевой лѣсъ идетъ не только на удовлетвореніе мѣстныхъ потребностей, но и сплавляется по Сыръ-Дарьѣ даже до Казалинска. Трудность добычи отдѣльно стоящихъ деревъ и доставки ихъ ограничиваетъ истребленіе толстомѣрнаго лѣса. Гораздо большее развитіе изъ числа горныхъ лѣсныхъ промысловъ получило углежженіе. Въ лѣсахъ одного Маргеланскаго уѣзда ежегодно выжигается болѣе 200,000 пудовъ угля, который вьючнымъ способомъ, на лошадяхъ и верблюдахъ, доставляется въ города и селенія и составляетъ любимый горючій матеріалъ. Уголь употребляется здѣсь какъ для техническихъ надобностей, такъ и для жаровень, замѣняющихъ печи, а также для самоваровъ. На уголь пережигаютъ главнымъ образомъ мелкій и преимущественно фисташковый лѣсъ.

Облѣсенію горъ много препятствуетъ и лѣсоистребленіе кочевниками, которые, нерѣдко намѣренно, выжигаютъ еловый молоднякъ, въ видахъ расширенія пастбищныхъ пространствъ въ горахъ.

Въ горахъ водятся кабаны, медвѣди, рыси, волки, лисицы, корсаки, зайцы, куницы, барсуки, бѣлки, дикія кошки, хорьки, горностаи, сурки, куланы, дикія козы, горные бараны и маралы. Тигры и барсы забѣгаютъ въ горы изъ камышей большихъ рѣкъ и ихъ притоковъ.

Изъ птицъ здѣсь можно встрѣтить грифовъ, достигающихъ весьма почтенныхъ размѣровъ, орловъ, беркутовъ, соколовъ, коршуновъ и проч., которые весьма часто приручаются Киргизами для охоты не только на птицъ, но и на звѣрей. На высотахъ не ниже 5,000 футовъ обитаютъ весьма интересные, присущіе горамъ Тянь-Шаня и Гималая, красноносые кулики и красноносыя галки, съ красными ногами. Первые водятся вблизи горныхъ рѣчекъ и добываютъ себѣ пищу изъ-подъ камней и галекъ, покрывающихъ ложе этихъ рѣчекъ, при помощи очень цѣлесообразно устроеннаго длиннаго, краснаго, изогнутаго клюва.

Довольно богатою фауною горъ мало пользуются мѣстные жители. Кара-Киргизы рѣдко занимаются охотой, какъ промысломъ, не зная настоящей цѣны своему товару и сбывая его за безцѣнокъ купцамъ Сартамъ, въ обмѣнъ на гнилыя мату, выбойку и т. п.

Горная мѣстность области, кольцо горъ, окружающее собственно долину Ферганы, вмѣстѣ съ горами и высокими плоскогоріями юго-восточнаго угла, занимаетъ не менѣе $^4/_5$ всей поверхности

области. Долина Ферганы, начинаясь незначительнымъ пространствомъ у названныхъ выше Ходжентскихъ воротъ и расширяясь до наибольшей ширины всего въ 100 верстъ, вытянута съ запада къ востоку на 200 вер., имѣетъ миндалевидную форму и занимаетъ едва $1/5$ часть поверхности Ферганской области. Она представляетъ собою какъ бы наиболѣе выдвинувшуюся къ востоку часть той огромной низменности или впадины, глубочайшее мѣсто которой занято Каспіемъ. Дно долины поднято надъ уровнемъ моря всего на 1,000—1,500 футовъ, такъ что долина Ферганы представляетъ собою глубокую холмистую котловину, окруженную кольцомъ величественныхъ скалистыхъ стѣнъ, сѣдловины и проходы которыхъ возвышаются надъ дномъ долины на 10,000 футовъ, т. е. превышаютъ общую высоту Сенъ-Готарда европейскихъ Альпъ. Эти стѣны, именно южные Алайскій и Заалайскій хребты, увѣнчаны вершинами, превышающими болѣе чѣмъ вдвое высоту горныхъ проходовъ надъ уровнемъ моря.

Сравнительно съ размѣрами этихъ круто-поднимающихся исполинскихъ горъ, размѣры европейскихъ Альпъ кажутся ничтожными.

«Если отправиться, — говоритъ А. Миддендорфъ, посѣтившій Ферганскую область въ 1878 г.,—слѣдуя продольной оси Ферганской долины, изъ Ходжента (119 верстъ) въ Коканъ, въ концѣ февраля, то взорамъ открывается величественное зрѣлище. И вправо, и влѣво горизонтъ обрамленъ тройнымъ рядомъ кулисъ; и справа и слѣва (направо замѣтнѣе) горизонтъ ограничиваютъ предгорія, какъ бы сморщенныя глубоко врѣзывающимися, отвѣсно нисбѣгающими бороздами; эти предгорія представляются мягкими образованіями, въ которыхъ снѣговая вода произвела правильныя размоины; сами же предгорія, и въ особенности ихъ верхушки, отливаютъ великолѣпнѣйшими красноватыми, переходящими въ фіолетовый цвѣтъ, оттѣнками.

«Позади этихъ предгорій высится второй, зубчатый рядъ сумрачныхъ, многоразлично сформованныхъ скалистыхъ цѣпей, которыя, благодаря ихъ смѣнѣ свѣта и тѣни, служатъ болѣе темнымъ фономъ для упомянутаго нами красноватаго отблеска.

«Какъ бы для того, чтобы увѣнчать эту восхитительную панораму, надъ сумракомъ втораго ряда возвышается до самыхъ туманныхъ облаковъ еще третій рядъ высочайшихъ горъ, одѣтыхъ, мѣстами темно-пятнистымъ, ослѣпительнымъ снѣговымъ покровомъ; облака разнообразныхъ формъ то открываютъ для глаза даль, то спускаются непроницаемою для взора завѣсою. Неописуемую красоту получаетъ ландшафтъ, когда вечернее солнце бросаетъ свои прощальные лучи на эти огромныя массы; наконецъ отблескъ (называемый на Альпахъ — Alpenglühen), восходящій все выше и выше и достигающій вершинъ, нивеллируетъ своею нижнею, отграничивающею мракъ долинъ, линіею взаимное положеніе высотъ гребней и вершинъ, исправляя глазомѣръ путешественника.»

Первый рядъ этихъ кулисъ — лёсовыя цѣпи, господствующій желтый цвѣтъ которыхъ и зарумянивается фіолетовою дымкой; сѣрно-желтыя, красныя и охряно-бурыя обломочныя массы, на которыя распадаются нѣкоторые глинисто-сланцевые склоны, усиливаютъ тонъ настолько, что мѣстами онъ пріобрѣтаетъ болѣе яркую окраску.

Вторая стѣна — мощныя груды конгломератовъ, далѣе—глинисто-сланцевыя и известняковыя скалы, пронизанныя красными песчаниками, торчащими нерѣдко въ видѣ причудливыхъ изваяній и окруженными громадными скалистыми глыбами, напоминающими развалившіяся башни и низринувшіяся стѣны.

Послѣдній, доступный взору изъ долины, рядъ кулисъ образованъ частью тѣми же глинистыми сланцами и известняками, частью же впослѣдствіи присоединившимися къ нимъ кристаллическими горными породами.

Таковъ горизонтъ, открывающійся наблюдателю изъ долины Ферганы. Займемся теперь самой долиной, въ которой, главнымъ образомъ, сосредоточена жизнь Ферганской области, хотя по пространству долина занимаетъ лишь малую часть ея.

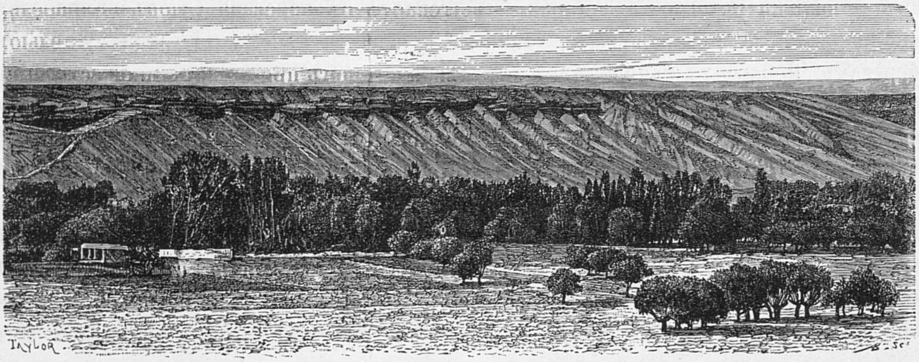
Жизнь эта, однако, всецѣло обязана окружающимъ горнымъ массивамъ, которые, соби-

рая воду, посылаютъ ее, въ видѣ многочисленныхъ потоковъ и рѣчекъ, жаждущей землѣ долины. Безъ этой воды цвѣтущіе нынѣ оазисы Ферганы быстро превратились бы въ безплодную пустыню.

Высокій, лежащій къ востоку Иссыкъ-Кульскій край посылаетъ въ Фергану многоводную и быструю рѣку Нарынъ, который, прорѣзавъ Ферганскій хребетъ въ сѣверной части его, течетъ здѣсь по дикому скалистому ущелью, протяженіемъ въ 50 — 100 верстъ, затѣмъ выходитъ въ долину Ферганы близъ Учъ-Кургана и, сливаясь съ Кара-Дарьей въ двѣнадцати верстахъ ниже города Намангана, образуетъ съ нею величайшую рѣку центральной Азіи — Сыръ-Дарью.

Послѣдняя рѣка отъ мѣста сліянія Нарына съ Кара-Дарьей становится настолько многоводною, что допускаетъ сплавъ плотовъ лѣса изъ Наманганскаго уѣзда въ Ходжентъ и далѣе въ Сыръ-Дарьинскіе форты.

Сыръ-Дарья какъ бы составляетъ продолженіе Нарына и течетъ по Ферганской долинѣ въ



Переносные пески (барханы) въ степяхъ Ферганской области.

общемъ съ нимъ юго-западномъ направленіи, придерживаясь близко предгорій Чоткальскихъ горъ и раздѣляя долину на двѣ неравныя части. Можно даже сказать, что почти вся долина лежитъ къ юго-востоку отъ Нарына и Сыра.

Нарынъ даетъ воду нѣсколькимъ оросительнымъ каналамъ, изъ которыхъ одинъ — Янги-Арыкъ — проводитъ воду къ городу Намангану и окружающему оазису. Этотъ каналъ выведенъ изъ рѣки въ 40 верстахъ къ сѣверо-востоку отъ города и тянется въ юго-западномъ направленіи, на протяженіи 60 верстъ, до впаденія въ Сыръ у маленькаго кишлака Киргизъ-Кургана.

Собственно же Сыръ-Дарьей, ниже сліянія Нарына и Кара-Дарьи, почти не пользуются для орошенія. Изъ нея здѣсь не выведено ни одного сколько-нибудь значительнаго арыка, и рѣка течетъ по мѣстности пустынной, незаселенной. Правый берегъ ея образуютъ каменистыя предгорья хребтовъ, окаймляющихъ долину Ферганы съ сѣвера и запада, а южный представляетъ степь, покрытую или галькой, или рѣдкимъ камышемъ, или буграми переноснаго песку (барханами), образующими иногда причудливой формы прямолинейно-изломанныя насыпи, видя которыя съ трудомъ повѣришь, что это дѣло буйнаго вѣтра, а не рукъ искуснаго сапера.

Наманганскій оазисъ справа узкою линіею тянется вдоль самаго берега рѣки лишь на нѣсколько верстъ; далѣе къ самому ложу рѣки придвигаются предгорья, дѣлающія правый берегъ ея крутымъ и обрывистымъ. Лѣвый берегъ Сыра на всемъ протяженіи низменъ и отдѣленъ отъ плодороднаго Ферганскаго оазиса степью, покрытою галькой и песчаными барханами, угрожающими засыпать культурныя пространства, оживляемыя арыками, которые проведены изъ горныхъ рѣкъ, сбѣгающихъ съ сѣверныхъ склоновъ Алайскаго хребта.

Въ маѣ, іюнѣ и іюлѣ черезъ Сыръ бродовъ нѣтъ и переправа производится на паромахъ

у селеній Каракуль, Тепе-Курганъ, Сангъ, Хурумъ-Сарай, Акъ-Джаръ и Гальмахрама, по дорогамъ изъ Намангана въ Маргеланъ, Коканъ и Ташкентъ. Съ конца августа вода начинаетъ убывать и къ осени появляются броды черезъ рѣку у Акъ-Джара, Тепе-Кургана и пр. Теченіе рѣки очень быстро, особенно весной, но до Ходжента не порожисто. Отъ мѣста сліянія Нарына и Кара-Дарьи до города Ходжента Сыръ имѣетъ длину 200 верстъ.

Другая значительнѣйшая рѣка Ферганы, образующая Сыръ-Дарью и считающаяся главнымъ истокомъ ея, Кара-Дарья, образуется сліяніемъ двухъ рѣкъ, Кара-Кульджи и Таръ, вытекающихъ изъ того горнаго узла Тянъ-Шаня (Суіокскаго), гдѣ происходитъ развѣтвленіе главнаго хребта на хребты Суіокъ-Тау, Ферганскій и Алайскій.

Кара-Кульджа беретъ начало близъ перевала Терекъ въ Ферганскомъ хребтѣ и течетъ по направленію съ востока на западъ, имѣя протяженіе въ 96 верстъ. Это по характеру вполнѣ горная рѣка, принимающая, какъ справа, такъ и слѣва, множество незначительныхъ ручьевъ.

Таръ — южный истокъ Кара-Дарьи — вытекаетъ съ перевала Суіокъ (Карабель), имѣетъ общее направленіе на сѣверо-западъ, длиною 135 верстъ, течетъ по узкому ущелью, въ крутыхъ берегахъ, и какъ съ правой, такъ и съ лѣвой сторонъ принимаетъ множество притоковъ и рѣчекъ, длиною отъ 6 — 26 верстъ (правые притоки значительно короче лѣвыхъ).

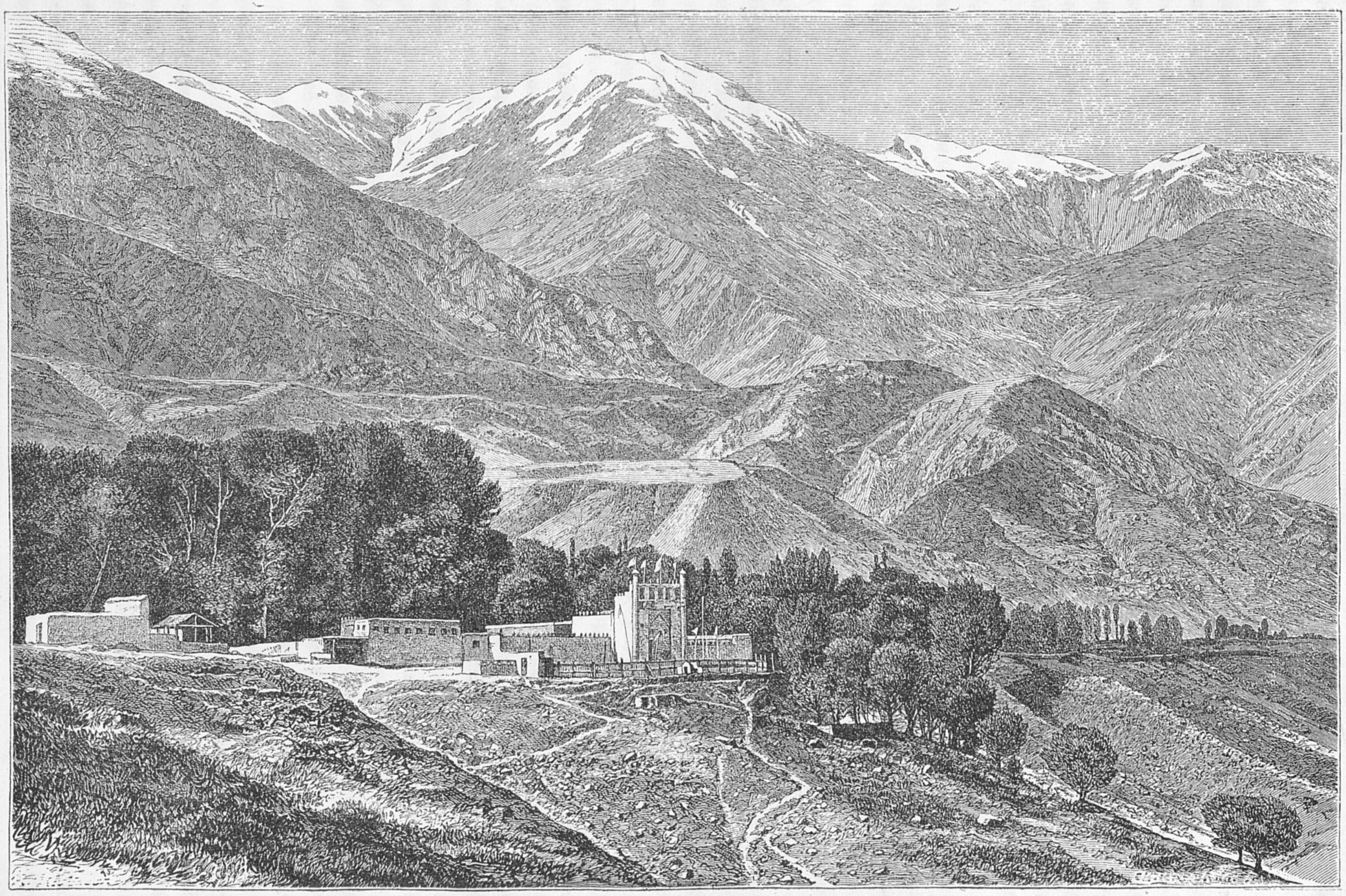
Кара-Кульджа и Таръ сливаются на урочищѣ Тогутай, въ 12 верстахъ выше Узгента. Отсюда соединенная рѣка получаетъ названіе Кара-Дарьи и течетъ по значительно (около 2 верстъ шир.) расширенному урочищу, которое можно назвать здѣсь уже долиной. Отъ Узгента Кара-Дарья становится совершенно степной рѣкой; здѣсь она выходитъ изъ горъ и продолжаетъ путь на западъ, по широкой долинѣ Ферганы, до сліянія съ Нарыномъ, протекая подъ именемъ Кара-Дарьи 122 версты (отъ ур. Тогутай до сліянія съ Нарыномъ).

Кара-Дарья весьма обильна водой, но сильно истощается на орошеніе полей. Изъ нея выведено, особенно къ югу, множество арыковъ, изъ которыхъ нѣкоторые достигаютъ протяженія въ нѣсколько десятковъ и даже до сотни верстъ (каналы: Анджиджанскій, Шарахинскій и Мусальманъ-Куль). Кара-Дарья разбивается въ своемъ степномъ теченіи на множество рукавовъ и имѣетъ броды только въ малую воду, осенью и зимою. Съ правой стороны она не принимаетъ значительныхъ притоковъ, а съ лѣвой — одинъ Куршабъ, берущій начало въ Алайскихъ горахъ, въ перевалѣ Талдыкъ, подъ именемъ Гульчи. Послѣдняя рѣка, принявъ множество притоковъ съ горъ, течетъ къ укрѣпленію Гульчи, гдѣ, по соединеніи съ лѣвымъ притокомъ Чигирчикъ, пріобрѣтаетъ названіе Куршабъ, который выходитъ на равнину и вскорѣ впадаетъ въ Кара-Дарью, ниже Узгента.

Кромѣ Тара, Кара-Кульджи и Куршаба, съ Алайскаго хребта вытекаютъ слѣдующія значительныя рѣки къ долинѣ Ферганы: Сохъ, Шахимарданъ, Исфайрамъ, Наукатъ и Акъ-Бура.

Сохъ, самая западная изъ рѣкъ Ферганы, беретъ начало въ горномъ узлѣ Кокъ-Су, образуется большимъ числомъ истоковъ (до 20) и течетъ по направленію къ сѣверу. Отъ кишлака Сохъ она течетъ по долинѣ, становится степною рѣкою, а нѣсколько ниже, между кишлаками Охчи и Сары-Курганъ, при помощи искусственныхъ сооруженій раздѣляется на множество арыковъ, расположенныхъ вѣерообразно, изъ которыхъ нѣкоторые орошаютъ сады Кокана, другіе же проводятъ живительную влагу еще далѣе, затѣмъ или вливаются въ Сыръ-Дарью, или до конца истощаются жаждущей почвой.

Шахимарданъ вытекаетъ съ перевала Караказыкъ и въ верховьяхъ, до урочища Карашура, носитъ названіе Каракызыкъ-Су, далѣе получаетъ имя Акъ-Су, а у горнаго кишлака (деревни) Шахимарданъ — свое настоящее названіе, по имени святаго, отъ котораго получилъ названіе и кишлакъ, сохраняющій его останки. До города Вадиль, на протяженіи 24 верстъ, Шахимарданъ имѣетъ характеръ горной рѣки, далѣе же становится степною и, едва достиг-



T. X.

Гробница святаго въ Шахимарданѣ (Кокандской области).

нувъ Маргелана, разбивается въ сѣть арыковъ, орошающихъ этотъ городъ и окружающія деревни.

Исфайрамъ беретъ начало на перевалѣ Тенгисбай и въ верхней части своего теченія извѣстенъ подъ этимъ именемъ. Далѣе рѣка течетъ въ сѣверномъ направленіи къ Учъ-Кургану, гдѣ выходитъ на долину и оканчивается также у Маргелана сѣтью арыковъ, орошающихъ какъ городъ, такъ и окрестность.

Наукатъ вытекаетъ съ сѣверныхъ склоновъ хребта Акартъ; течетъ сначала на сѣверо-востокъ, затѣмъ на сѣверъ, къ городамъ Наукату и Ассаке, служа также для орошенія.

Наконецъ, Акъ-бура, сперва подъ именемъ Турука, вытекаетъ съ перевала Кордунъ-Бель, на высотѣ 13,400 футовъ, и течетъ въ началѣ, до урочища Торпагатъ, на сѣверо-востокъ, образуя расширенное урочище Кичи-Алай (Малый Алай, о которомъ было упомянуто выше), затѣмъ поворачиваетъ на сѣверъ и идетъ до урочища Попанъ. Здѣсь Акъ-Бура измѣняетъ свое направленіе на сѣверо-западное и получаетъ уже степной характеръ. Пройдя Ошъ, рѣка течетъ по долинѣ и затѣмъ впадаетъ въ большой каналъ, проведенный изъ Кара-Дарьи ниже Узгента.

Такимъ образомъ всѣ рѣки Ферганы, за исключеніемъ Нарына, вытекаютъ изъ того почти непрерывнаго кольца ледниковыхъ, снѣговыхъ и фирновыхъ массъ, которое окружаетъ область и лежитъ въ заоблачной выси ея горъ. Всѣ сколько-нибудь значительныя рѣки Ферганы питаются глетчерами. Рѣки эти — «Бѣлыя Воды» (Акъ-Су), вытекаютъ изъ ледниковъ въ видѣ потоковъ молочнаго цвѣта; въ противоположность имъ Средне-Азіяты называютъ даже прозрачнѣйшую ключевую воду — «Черною Водою» (Кара-Су).

«Количества воды въ этихъ рѣкахъ неистощимы,—говоритъ Миддендорфъ.—Онѣ не только даютъ въ холодную половину года болѣе, чѣмъ необходимо, не только вызываютъ половодье въ рѣчныхъ артеріяхъ также и среди зимы, — правда, въ исключительныхъ случаяхъ, т. е. когда надъ высотами дуютъ южные теплые вѣтры; вода течетъ изъ всѣхъ ущелій не только во время таянія, уже въ февралѣ, подъ вліяніемъ весенняго солнца, — но въ особенности тогда, когда, по мѣрѣ приближенія тропическаго солнечнаго зноя, все болѣе истощаются послѣдніе запасы влаги въ предгорьяхъ и ихъ снѣговыхъ ущельяхъ, втеченіе апрѣля, мая и даже іюня, а дно долины накаляется солнечными лучами такъ, что вся растительность долины должна бы засохнуть, — тогда, когда въ срединѣ и концѣ лѣта дѣйствію яркихъ лучей подпадаютъ также и ледники самыхъ крайнихъ высотъ; и вотъ, молочно-мутныя рѣки, высочайшіе истоки которыхъ берутъ начало въ глетчерномъ льдѣ, вздуваются еще сильнѣе, чѣмъ въ началѣ года, и могутъ быть употреблены на пользу любой растительной культурѣ.»

Растеніямъ, скоту, человѣку, короче — всему живому, солнечный зной угрожаетъ жаждою, пожиганіемъ и разрушеніемъ. Но является вода, вызванная къ движенію изъ ледяныхъ оковъ тѣмъ же солнечнымъ зноемъ, — и роскошная растительность разливается по землѣ съ такою пышностью, о какой Европейцы почти не имѣютъ понятія.

Сама по себѣ вода рѣкъ не придала бы долинѣ Ферганы той жизни, какую мы видимъ, если бы къ землѣ не былъ примѣненъ трудъ человѣка, неустанно заботящагося о томъ, чтобы при помощи искусственныхъ ирригаціонныхъ сооруженій, о которыхъ мы упоминали выше и скажемъ нѣсколько словъ далѣе, направить эту воду, безполезно для человѣка проходящую мимо и мимо, въ бездну морскую, туда, гдѣ въ ней лишь и нуждается кормилица земля.

Нужно, однако, замѣтить, что при всей пользѣ, какую рѣки Ферганы приносятъ ея обитателямъ, онѣ иногда причиняютъ осѣдлымъ жителямъ этой страны не мало и бѣдъ,—бѣдъ, правда, устранимыхъ, но пока еще не устраненныхъ.

Когда горные потоки обращаются въ ревущія и многоводныя рѣки, то не представляется никакой возможности удалить съ надлежащею быстротою плотины далеко несовершенной кон-

струкціи, сооруженныя тамъ и сямъ по пути потока для цѣлей орошенія. Вода съ неистовымъ шумомъ низвергается чрезъ плотины и болѣе слабыя мѣста береговъ, срываетъ все на своемъ пути, заносяя, на большія протяженія, поля иломъ, пескомъ и галькою; подмываетъ мосты, стѣны и дома, повергая въ бѣдствіе и города, и села.

Такія опустошительныя наводненія нерѣдко застаютъ населеніе врасплохъ, такъ какъ, по выраженію туземцевъ, «бурная вода несется съ такою быстротой, что только на быстромъ конѣ уйдешь отъ ея неистоваго напора».

Уже въ періодъ русскаго владычества въ Ферганѣ бывали неоднократныя наводненія въ разныхъ мѣстахъ, причинившія большія потери. При этомъ страдали не только поля и села, но даже значительнѣйшіе города, каковы Анджиджанъ и Наманганъ.

Эти разрушительныя дѣйствія воды устранимы примѣненіемъ современныхъ и болѣе совершенныхъ пріемовъ гидротехники, сооруженіемъ необходимыхъ шлюзовъ въ плотинахъ и вообще улучшеніемъ первобытнѣйшихъ, существующихъ съ незапамятной древности, оросительныхъ сооруженій страны.

Ирригація Ферганы въ настоящемъ ея видѣ хотя и заслуживаетъ удивленія, какъ по простотѣ весьма грандіозныхъ иногда приспособленій, такъ еще болѣе по способу распредѣленія воды между отдѣльными владѣльцами земель, но оставляетъ желать еще многаго въ отношеніи техническаго ея выполненія.

Искусство орошенія, — занесено ли оно въ эту долину Китайцами или Персами, или явилось у древнѣйшихъ обитателей страны само по себѣ, подъ вліяніемъ неумолкаемаго вопля земли о напоеніи, земли безплодной, при отсутствіи влаги, и дающей урожаи самъ-сто при орошеніи, — примѣнялось здѣсь уже за тысячи лѣтъ до нашей эры. Съ той отдаленной поры и до нынѣшнихъ дней искусство это, повидимому, мало подвинулось впередъ. Ирригаціонныя сооруженія Ферганы сохранили свой первобытнѣйшій типъ.

Первоначально обитавшее здѣсь населеніе, надо полагать, замѣтивъ благотворное вліяніе воды на почву, дѣлало попытки проведенія отдѣльныхъ мелкихъ водныхъ артерій, прямо отъ главныхъ потоковъ, къ каждой усадьбѣ и ея огороду и саду, затѣмъ, съ быстрымъ возростаніемъ населенія, подъ благодарнымъ южнымъ небомъ, необходимость заселенія мелкихъ оазисовъ среди безконечной пустыни превратила эти попытки въ работу тысячи рукъ для сооруженія водопроводныхъ каналовъ, протяженіемъ въ десятки и сотни верстъ.

Особыя свойства мѣстной почвы — лёса, нуждавшейся въ орошеніи, облегчали и, пожалуй, исключительно обезпечили дальнѣйшее развитіе оросительнаго искусства.

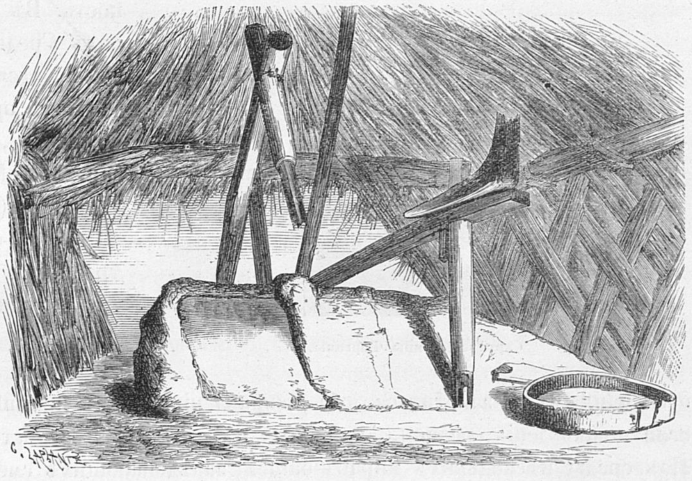
Лёсъ, представляющій преобладающую почву Ферганской долины, это известковый суглинокъ, совершенно свободный отъ камней. Онъ обладаетъ свойствомъ обращаться на солнечномъ припекѣ въ каменистую массу — спекаться, такъ что каналы, шириною въ 20 фут., выведенные надъ поверхностью полей изъ лёса, наполненные до краевъ водой, при высотѣ боковыхъ стѣнъ въ 4 фута и толщинѣ ихъ лишь въ три фута, безопасны отъ прорыва. Лёсъ не только дозволяетъ выводить стѣны плотинъ почти отвѣсно, но можетъ образовывать желоба водопроводовъ, футовъ въ пять ширины, прилѣпленныхъ къ крутымъ склонамъ. Пластичность лёса до того велика, что позволяетъ при возведеніи изъ него жилыхъ построекъ дѣлать въ немъ, какъ въ косякахъ окна, пазы, въ которыхъ поднимается и опускается оконная рама.

При смачиваніи, лёсъ, всасывая влагу, обращается въ такую вязкую массу, что онъ, вслѣдствіе сильнаго сцѣпленія, оказываетъ не меньшее сопротивленіе, нежели въ высохшемъ состояніи; но все-таки легко обрабатывается универсальнымъ орудіемъ — сапòю (кетменемъ). Большая связность лёсовой массы обусловливается мелкостью составныхъ частицъ его. Зато эта же мелкость частицъ придаетъ лёсу способность легко взмучиваться, такъ что лёсовая масса, при возведеніи изъ нея стѣнъ или оградъ, должна быть защищаема отъ дѣйствія воды

съ сильнымъ паденіемъ, иначе она взмучивается клубами ила и уносится вмѣстѣ съ водой. Поэтому-то въ Средней и Восточной Азіи, при возведеніи водопроводовъ изъ лёса, даютъ имъ возможно слабое паденіе.

Такимъ образомъ, на плоскихъ, низкихъ мѣстахъ Ферганы матеріаломъ для водопроводовъ служитъ исключительно лёсъ — та же орошаемая почва, а орудіемъ — кетмень. Для относки земли не употребляютъ обыкновенно ни тачекъ, ни носилокъ, а просто полы собственнаго халата, подобранныя для этой цѣли у пояса.

Водопроводныя сооруженія въ гористыхъ мѣстностяхъ еще болѣе возбуждаютъ удивленіе. Нельзя не изумляться тому, что мало развитый въ техническомъ отношеніи народъ съумѣлъ отвести на свои поля воду въ крутой, гористой мѣстности, на разстояніи 15 миль, мимо горъ и долинъ, и эти работы выполнены безъ всякаго знанія нивеллировки, безъ всякаго инструмента, необходимаго для этого. Этотъ же народъ съ неустанной энергіей постоянно очищаетъ свои поля и водопроводы отъ громадныхъ массъ ледниковыхъ обломочныхъ образованій, скатываемыхъ ежегодно въ долину горными потоками и разрушающихъ все на пути. Достойны удивленія также каналы меньшихъ размѣровъ, исподволь спускающіеся къ долинѣ вдоль отвѣсныхъ стѣнъ, на половинной высотѣ ихъ, высѣченные въ твердой, каменной массѣ, — туннели, по которымъ вода проводится далѣе, а также способы отведенія воды къ незатѣйливымъ, правда, мельницамъ по гребнямъ насыпей, въ нѣсколько верстъ длиною. Вызываетъ изумленіе также та цѣлесообразность, съ какою воды различныхъ рѣчныхъ системъ способствуютъ водоснабженію одного и того же мѣста; даже послѣднія, мельчайшія развѣтвленія скомбинированы въ одну, систематически устроенную оросительную сѣть, вода которой поистинѣ течетъ съ одного участка поля на другой, съ одного ирригаціоннаго квадратика на сосѣдній, отъ одного дома или двора къ другому, смотря по надобности.



Мельница въ соломенной саклѣ.

Каналы въ гористыхъ мѣстностяхъ постоянно скрещиваются между собою, и невольно удивляешься, видя, какъ сплетенный изъ ивовыхъ прутьевъ жолобъ саженной ширины, сплоченный дерномъ и залѣпленный суглинкомъ, отводитъ широкую пелену воды надъ перекрещивающимъ каналомъ, или какъ довольствуются небольшимъ корытомъ изъ тополеваго ствола для проведенія воды поперекъ и подъ другимъ каналомъ, служащей какъ для орошенія, такъ и для приведенія въ движеніе мельницы.

Малое количество воды, сравнительно съ жаждой почвы, научило жителей Ферганы быть крайне экономными съ нею. Они умѣютъ водой, текущей по жолобу шириною лишь въ 1 или даже въ $^1/_2$ фут., оросить поверхность въ 2 танапа ($^1/_3$ десят.), притомъ поверхность, подверженную всей силѣ солнечнаго зноя. Въ узкихъ горныхъ ущельяхъ такіе жолоба проводятъ воду высоко надъ рѣчною долиной на противоположный берегъ и оттуда назадъ и такъ нерѣдко по нѣсколько разъ. Притомъ остатки воды, непотраченной на орошеніе, снова соединяются помощью отводныхъ арыковъ въ общее русло и обыкновенно возвращаются въ главный водопроводъ или рѣку.

Въ ирригаціонныхъ сооруженіяхъ Ферганы шлюзы, какъ мы ужь замѣтили, отсутствуютъ. Сказано уже было также, что нивеллировки ирригаторы Ферганы не знаютъ. Единственный пріемъ, употребляемый ими для опредѣленія направленія склона, слѣдующій: человѣкъ ложится навзничь на ровной землѣ, направивъ взоръ въ ту сторону, куда намѣреваются вести воду. Воду слѣдуетъ направлять туда, гдѣ лежащій въ такомъ положеніи можетъ видѣть, хотя съ трудомъ, землю впереди себя. Иногда, впрочемъ, употребляютъ, вмѣсто ватерпаса или уровня, наполненный водою продолговатый сосудъ, или проводятъ плугомъ пробную борозду.

Обладаніе водой для земледѣльцевъ Ферганы равносильно обладанію жизнью, а потеря возможности пользоваться водою для орошенія все равно что смерть, поэтому понятны распри между ними за право имѣть этотъ источникъ жизни.

Понятна поэтому и та щепетильность и педантичная точность, съ какою распредѣляется между земледѣльцами эта драгоцѣнная жидкость. Въ Ферганѣ, какъ и въ другихъ странахъ Средней Азіи, наблюденіе за орошеніемъ возлагается на выборныхъ старшинъ, называемыхъ арыкъ-аксаклами (арычные «сѣдобородые»), иногда кокъ-башами и мирабъ-башами. Мѣстами существуютъ кромѣ того турганчи (надсмотрщики за плотинами.)

Сартянскіе типы Ферганы.

Кокъ-баши, знающіе до тонкости потребности своего района, обязаны равномѣрно распредѣлять воду между отдѣльными садами и полями, заботиться о поддержаніи арыковъ втораго и третьяго порядка и, въ случаѣ поврежденія ихъ, заботиться объ исправленіи или съ помощью мѣстныхъ рабочихъ силъ, или, если поврежденія велики, рабочими изъ другихъ мѣстностей, призываемыхъ мирабъ-башами. Изъ среды нѣсколькихъ мирабъ-башей, завѣдывающихъ смежными канавами, избирается народомъ мирабъ-баша, — главный распорядитель водами.

Мирабъ-баша заботится о періодической очисткѣ и поддержаніи главныхъ каналовъ, о надлежащемъ распредѣленіи воды въ различныхъ каналахъ втораго порядка и распоряжается призывомъ рабочихъ издалека, въ случаѣ необходимости исправить значительныя поврежденія въ каналахъ перваго и втораго порядка. Если районъ не очень великъ, то обязанности кокъ-баши и мирабъ-баши соединяются въ одномъ лицѣ.

Всѣ вопросы, касающіеся правильнаго распредѣленія воды, безаппеляціонно рѣшаются этими башами (головами).

Избираемыя обществомъ, нерѣдко совмѣстно Сартами и Киргизами, должностныя лица, а въ то же время и власти, которымъ каждый участникъ - избиратель долженъ безусловно повиноваться, контролируются тѣмъ не менѣе народомъ въ своихъ дѣйствіяхъ, и вотъ какимъ способомъ. Они не получаютъ опредѣленнаго содержанія, а пользуются частью собраннаго зерна, причемъ размѣръ послѣдняго зависитъ отъ воли дателя; послѣдній предоставляетъ въ пользованіе ихъ большее или меньшее количество зерна, смотря по тому, насколько доволенъ ихъ управленіемъ; благодаря этому, избиратели могутъ оцѣнивать ревность и честность поставленныхъ ими распорядителей и воздавать имъ по заслугамъ.

Цѣнность земли въ Ферганѣ опредѣляется всецѣло возможностью ея орошенія, положеніемъ ея по отношенію къ источникамъ живительной влаги. Почти только орошаемая земля и культивируется тамъ; эти земли называются *оби*. Неорошаемыхъ, но все-же воздѣлываемыхъ земель немного, и онѣ носятъ названіе *ляльми* (ляльми значитъ дождь).

Вообще же, культура въ Ферганѣ сосредоточена главнымъ образомъ въ доступномъ для оро-

шенія оазисѣ ея долины, который тянется длинною, непрерывною лентою, имѣющею форму разорваннаго на сѣверо-западѣ элипсиса. Эта лента начинается верстахъ въ 30-ти на западѣ отъ Кокана и пролегаетъ черезъ Коканъ, Риштинъ на Маргеланъ, отсюда поворачиваетъ на сѣверо-востокъ черезъ города Ассаке и Шариханъ до Анджиджана, гдѣ снова измѣняетъ направленіе на западъ черезъ Балыкчи къ Намангану, и оканчивается въ 14 верстахъ отъ послѣдняго, у большаго селенія Тюре-Курганъ.

Эта непрерывная лента плодороднаго Ферганскаго оазиса тянется на протяженіи болѣе 250 верстъ, при средней ширинѣ въ 30 верстъ, и орошается, главнымъ образомъ, лѣвыми притоками Сыръ-Дарьи, вытекающими съ Алайскаго хребта, которые по выходѣ въ долину развѣтвляются, наподобіе древесныхъ вѣтвей, на безчисленное множество арыковъ, покрывающихъ своею сѣтью южную часть главнаго Ферганскаго оазиса (города Коканъ, Маргеланъ и Ассаке съ окрестностями).

Кромѣ главнаго оазиса, въ долинѣ Ферганы существуютъ еще таковые же, въ видѣ небольшихъ участковъ или полосокъ, вдоль горныхъ рѣчекъ Исфары, Исфайрай-Сай, Акъ-Буры (Ошъ съ окрестностями) и по теченію Кара-Дарьи; далѣе—небольшой промежутокъ между Кара-Дарьею и Нарыномъ и, наконецъ, оазисъ, заключающій 21 деревню, вдоль по теченію ручья Гава-Ядра.

Къ этимъ-то оазисамъ Ферганы и относится приведенная въ началѣ этого очерка восторженная похвала древняго арабскаго землеописателя Могадесси. Достаточно напоенная почва ихъ — лёсъ (желтоземъ) производитъ громадные урожаи всѣхъ культивируемыхъ растеній: пшеницы, ячменя (арна), проса (тарыкъ), джугары, кукурузы (мека-джугара), риса (шала), сои (машъ), кунжута, мака (кугнаръ), льна (загырь), конопли (кендырь), хлопчатника (гузá), табаку, люцерны (дженушка) и другихъ хлѣбныхъ, масличныхъ, а также нѣкоторыхъ промышленныхъ, красильныхъ и лекарственныхъ растеній.

Къ тому же земледѣлецъ Ферганы не пренебрегаетъ и удобреніемъ своего цѣннаго клочка земли, при этомъ онъ пользуется какъ универсальнымъ удобреніемъ — навозомъ, такъ и иломъ, при помощи все тѣхъ же арыковъ и кетменя, а иногда прибѣгаетъ и къ навозкѣ весьма плодороднаго ила, выбрасываемаго изъ каналовъ во время расчистки ихъ.

На остальномъ пространствѣ долина Ферганы представляетъ собою или солончаковую, съ сильно пропитанною солями лёсовою почвою, или безплодную песчаную, или гальковую — щебневую пустыню.

Солончаковая пустыня Ферганы занимаетъ именно средину долины, окружена щебневою пустыней и ограничена съ сѣвера Сыръ-Дарьей, а съ юга лентою плодороднаго оазиса. Она не пригодна для земледѣлія, но обиліе солей дѣлаетъ почву ея годною для употребленія въ земледѣліи, какъ минеральнаго удобренія.

И солончаковая, и щебневая пустыни имѣютъ каждая скудную растительность, настолько скудную, что даже весною на нихъ растенія стоятъ чуть не на футовомъ разстояніи одно отъ другаго. Но тѣмъ не менѣе эти пустыни посѣщаются повременамъ, въ періоды весеннихъ перекочевокъ, Киргизами съ ихъ стадами. Солончаковая пустыня и для земледѣльцевъ имѣетъ значеніе какъ пастбище. Травы солончаковъ болѣе питательны для скота, чѣмъ травы щебневой пустыни. Даже тамъ, гдѣ солончаковыя пространства имѣютъ характеръ совершенной пустыни, овцы могутъ прокормиться, находя траву въ такихъ мѣстахъ, гдѣ, при бѣгломъ взглядѣ на пустыню, ея вовсе не замѣчается; верблюды также находятъ себѣ пищу тамъ, гдѣ попадаются лишь одинокіе невзрачные колючіе кустарники. Во многихъ же болѣе благопріятныхъ мѣстностяхъ и солончаковая пустыня переходитъ въ солончаковую степь, обильно поросшую мѣстами травою; такія мѣста представляютъ превосходныя пастбища.

Чтобы дать полное понятіе о природѣ Ферганской области, остается сказать нѣсколько словъ объ ея климатѣ. Прежде всего слѣдуетъ замѣтить, что уже орографическое строеніе об-

ласти обусловливаетъ крайнее разнообразіе климатическихъ особенностей различныхъ мѣстностей ея. Здѣсь можно встрѣтить все: отъ почвы тропическаго климата дна долины до полярнаго холода горныхъ высотъ. Да и сама долина, не смотря на ограниченность своего протяженія, въ климатическомъ отношеніи представляетъ крайнее разнообразіе. Отдѣльныя, рядомъ лежащія части ея обнаруживаютъ иногда почти противоположности въ этомъ отношеніи. Эти климатическіе контрасты, обусловливаемые вліяніемъ высотъ, расположены концентрическими поясами. «Они,—говоритъ Миддендорфъ,—столь же естественны, какъ и страшный подтропическій лѣтній зной котловины, открытой исключительно вліянію западныхъ и юго-западныхъ воздушныхъ потоковъ, которые, дуя изъ раскаленныхъ песчаныхъ пустынь, дѣлаютъ лѣто удушливо-знойнымъ».

Вблизи подошвы горъ лѣтній зной, по крайней мѣрѣ въ ночное время, умѣряется воздушными теченіями, спускающимися въ долину; но въ центрѣ долины, при средней температурѣ іюньскихъ и августовскихъ ночей въ 25—28°, днемъ жарко, ночью невыносимо душно.

Безморозная погода настаетъ въ подошвѣ долины часто уже въ февралѣ, обыкновенно въ половинѣ марта, и температура въ тѣни достигаетъ болѣе 20°, такъ что трава начинаетъ пробиваться. Полуденное солнце въ срединѣ февраля настолько тепло, что чувствуется настоящая весна. Температура, быстро повышаясь, съ незначительными охлажденіями по ночамъ, въ маѣ становится уже отяготительною, во второй половинѣ лѣта почти невыносимою для непривычнаго сѣверянина: средняя температура въ тѣни въ іюнѣ и августѣ достигаетъ почти 30° (въ полуденное время нѣсколькими градусами выше); во многіе дни она равна 35—36°. На солнцѣ почва нагрѣвается до 70° и выше, такъ что яйцо въ ней испекается. Ночи здѣсь теплѣе, чѣмъ обыкновенно въ степяхъ, вслѣдствіе того, что небо къ ночи обыкновенно заволакивается, и верхніе слои атмосферы наполнены пылью. Наибольшая жара наступаетъ въ тѣни очень поздно, лѣтомъ около 4 часовъ пополудни.

Сентябрь похожъ на май; октябрь на апрѣль; эти осенніе мѣсяцы самые пріятные послѣ прекращенія лѣтняго зноя; въ ноябрѣ наступаютъ морозы; декабрь въ нѣкоторые годы бываетъ совсѣмъ почти безснѣжнымъ и довольно теплымъ, такъ что термометръ падаетъ лишь на нѣсколько градусовъ ниже 0°; средняя температура выше точки замерзанія, а въ полдень достигаетъ +10° и выше; въ другіе-же годы, хотя и рѣдко, термометръ даже въ полдень показываетъ — 16°, а средняя мѣсячная температура на много градусовъ ниже 0; январь нѣсколько холоднѣе ноября. Средняя температура года въ центрѣ Ферганы равна приблизительно 15° Ц.

Къ характерной чертѣ ферганскаго климата — разнообразію и противоположности, какъ въ отношеніи температуры, такъ и въ отношеніи влажности и вѣтровъ,—присоединяется и непостоянство погоды, которымъ отличаются особенно средніе пояса, лежащіе между двумя крайностями — дномъ долины и высотами горъ. Но и въ самой долинѣ, съ ея подтропическими растеніями, непостоянны не только переходныя времена года, но и зимы.

Внезапно поднимающіеся, порывистые и сильные вѣтры довольно часты въ Ферганѣ, благодаря значительной разницѣ между температурами въ глубинѣ котловины и на высотахъ. Уже въ мартѣ и апрѣлѣ случается, что при совершенно тихой погодѣ, мѣстность вдругъ помрачается, поднимается буря, и вѣтеръ швыряетъ крупный песокъ въ лицо съ такою силою, что ни лошадь, ни всадникъ не въ состояніи продолжать путь.

Въ предгорьяхъ такіе порывистые вѣтры наскакиваютъ съ разныхъ направленій; тамъже замѣчается, что воздушный потокъ днемъ поднимается въ гору, а ночью притекаетъ книзу и приноситъ прохладу при удушающемъ лѣтнемъ зноѣ. Такія холодныя теченія спускаются по всей окрестности долины, слѣдовательно съ различныхъ частей горизонта. На днѣ-же долины преобладаетъ западный вѣтеръ; этотъ-то вѣтеръ и строитъ упомянутые выше причудливые барханы и наполняетъ воздухъ мельчайшею пылью, которая носится почти постоянно въ

сухое время года въ атмосферѣ долины, образуя метеорологическую особенность ея—пыльный туманъ. Вѣтры эти дуютъ преимущественно по ночамъ.

Иногда этотъ обычный вѣтеръ долины, подъ вліяніемъ южнаго воздушнаго теченія, отклоняется въ своемъ направленіи къ юго-западу и, вмѣстѣ съ тѣмъ, принимаетъ большую силу и злокачественность (лихорадочные міазмы). Такой, напримѣръ, вѣтеръ разразился въ ночь на 14 августа 1878 г. въ г. Коканѣ съ страшнымъ ревомъ послѣ нѣсколькихъ легкихъ толчковъ. Онъ бушевалъ до полудня слѣдующаго дня, ломая деревья и разбрасывая вѣтви.

Въ отношеніи влажности воздуха и осадковъ Фергана представляетъ такое же разнообразіе, какъ и въ отношеніи температуры. Крайнія противоположности встрѣчаются здѣсь въ непосредственной близи. Дожди зимой распространяются какъ на части, окаймляющія долину, такъ и на послѣднюю; весенніе дожди въ меньшей степени посѣщаетъ долину, а лѣтніе почти вовсе не посѣщаютъ её; лѣтніе дожди обильно идутъ въ окружающихъ горахъ.

Грозы и дожди съ грозами очень часты по окраинамъ долины; весною же, въ мартѣ и апрѣлѣ, въ предгорьяхъ окраины они бываютъ чуть не ежедневно.

Въ горахъ, окаймляющихъ долину, ливни съ грозами вовсе не рѣдкость и въ теченіе всего лѣта. Они-то и вызываютъ тѣ опустошительныя наводненія, о которыхъ было сказано выше.

Нерѣдко среди лѣта грозовыя тучи надвигаются съ горъ и къ центру долины, но здѣсь онѣ не разражаются дождемъ. Въ Наманганѣ, напримѣръ, въ іюнѣ преобладаетъ сѣверный вѣтеръ. Онъ почти ежедневно въ 2—3—4 часа пополудни гонитъ массы дождевыхъ тучъ надъ городомъ. Громъ гремитъ, и съ минуты на минуту можно ждать дождя. Но... вѣтеръ прекращается, горизонтъ начинаетъ проясняться, къ 5 часамъ облака совершенно разсѣиваются, и наступаетъ удушливая жара, нестерпимая между 5—6 часами пополудни.

Къ вечеру опять появляются такія же тучи, опять гремитъ громъ, молнія блеститъ за молніей, снова каждую секунду можно ждать, что вотъ-вотъ разразится страшный ливень; но къ 10—11 часамъ ночи отъ всего этого не остается и слѣда; на небесномъ сводѣ ярко блещутъ звѣзды. Тучи разсѣиваются при полнѣйшемъ безвѣтріи. Таково дѣйствіе восходящаго тока, накаленнаго и жадно поглощающаго воду воздуха, поднимающагося со дна котловины. Дождь не успѣваетъ дойти до поверхности земли; иногда лишь упадетъ нѣсколько капель; жадный воздухъ поглощаетъ влагу верхнихъ слоевъ атмосферы, гдѣ скопились облака, готовыя ниспослать на долину живительную воду.

Характерно также отсутствіе росы въ долинѣ Ферганы или, по крайней мѣрѣ, чрезвычайно рѣдкое ея образованіе здѣсь.

Снѣгъ въ долинѣ бываетъ также незначителенъ и непродолжителенъ, между тѣмъ какъ окружающіе горные проходы подолгу бываютъ завалены толщею снѣга въ нѣсколько саженъ и только въ срединѣ лѣта проходимы.

Испареніе и безъ того сильное въ засушливой долинѣ Ферганы еще болѣе увеличивается вліяніемъ западныхъ вѣтровъ, дующихъ изъ сухихъ степей. Оно усиливается съ апрѣля по іюль, когда достигаетъ своего максимума.

Климатическое различіе отражается, конечно, и на характерѣ флоры и на періодахъ растительности разныхъ мѣстностей Ферганы.

Въ то время какъ разница въ положеніи мѣста на 1° ширины опредѣляетъ различіе въ періодахъ растительности всего на 3—4 дня, даже въ самой долинѣ Ферганы, протянувшейся всего на 1—2° широты, это различіе между нѣкоторыми мѣстностями ея достигаетъ мѣсяца и болѣе. Таково различіе между дномъ долины (Маргеланъ) и пунктомъ возвышеннымъ всего на 3,000 футовъ (Нанай). Въ то время какъ въ Нанаѣ пшеница только-что начинаетъ выбрасывать колосъ, въ Исковатѣ стебли ея уже пожелтѣли, а въ Наманганѣ начинается жатва. На южной окраинѣ долины эти контрасты менѣе значительны, но тѣмъ не менѣе Федченко, есте-

ствоиспытатель-изслѣдователь Коканскаго ханства (въ 1871 г.), сообщаетъ, что, по вступленіи въ Ферганскую долину, онъ, слѣдуя къ востоку по южной окраинѣ, видѣлъ, какъ уборка хлѣба не прерывалась втеченіе двухъ мѣсяцевъ.

Фергана рѣшительно во всемъ представляетъ контрасты, рядомъ уживающіеся довольно мирно между собою. Здѣсь номадъ, не остающійся болѣе 2—3 мѣсяцевъ на одномъ и томъ же мѣстѣ, существуетъ вблизи земледѣльца, не оставляющаго почти ни на одинъ день своего ничтожнаго, тщательно воздѣлываемаго клочка земли. Безлюдная пустыня граничитъ съ населеннѣйшимъ до тѣсноты оазисомъ. Такія разнохарактерныя четвероногія, какъ лошадь, верблюдъ, быкъ, оселъ, овца и коза, пасутся чуть не вмѣстѣ на одномъ пастбищѣ. Наконецъ, интенсивнѣйшее, почти огородное хозяйство ведется рядомъ съ пастбищной системой (и то временной) эксплоатаціи земли!

Населеніе Ферганы распредѣлено крайне неравномѣрно. Горы и пустыни почти безлюдны; онѣ служатъ временнымъ мѣстопребываніемъ кочевниковъ. Осѣдлое же населеніе тѣснится въ городахъ и деревняхъ (кишлакахъ), вблизи рѣкъ, рѣчекъ и арыковъ на плодородномъ оазисѣ долины.

Ферганскій Сартъ.

Всего въ области насчитывается около 60,000 кибитокъ кочевниковъ, считая по 5 душъ на кибитку, — 300,000 душъ. Если предположить, что они равномѣрно размѣщены въ остальной части Ферганы, кромѣ оазисовъ долины, то населенность этой части оказывается всего 238 душъ на квадратную милю; между тѣмъ какъ населенность оазиса около 8,000 душъ обоего пола на одну квадратную милю. Вообще же, въ долинѣ Ферганы населенность опредѣляется въ 4,158 челов. на кв. милю.

Кочевое населеніе Ферганы — Киргизы разныхъ наименованій, между которыми Кипчаки наиболѣе развиты. Они ведутъ собственно уже полукочевую жизнь, занимаясь преимущественно скотоводствомъ, но кое-гдѣ и земледѣліемъ. Главное животное, по численности, — овцы, преимущественно курдючныя. Овца является почти единственнымъ мѣстнымъ животнымъ въ этихъ странахъ. Откармливаніемъ овецъ, скупаемыхъ у Киргизовъ, очень искусно занимаются земледѣльцы, заставляя ихъ скоро жирѣть на люцерновыхъ поляхъ и на жнивьяхъ. Жиръ овцы, для удовлетворенія потребностей жителей этихъ странъ, тѣмъ необходимѣе, что онъ замѣняетъ совершенно отсутствующее здѣсь масло.

Верблюдъ для номада является, такъ сказать, хранителемъ его свободы. Только покуда у него есть этотъ «корабль пустыни» и въ то же время, какъ оказывается, отличный горецъ, онъ можетъ вести свое хозяйство, поднимаясь по стремнистымъ тропамъ скалистыхъ горъ до альпійскихъ луговъ, до высокихъ равнинъ, гдѣ онъ чувствуетъ себя свободнымъ и счастливымъ, подобно обитателю европейскихъ Альпъ.

Между тѣмъ обширное скотоводство въ Ферганѣ только и возможно при кочевомъ его веденіи. Здѣсь въ долинѣ появляется въ лѣтніе мѣсяцы злѣйшій врагъ скота — маленькое насѣкомое, называемое «чимынъ» (вѣроятно москитъ), отъ нестерпимыхъ уколовъ котораго не

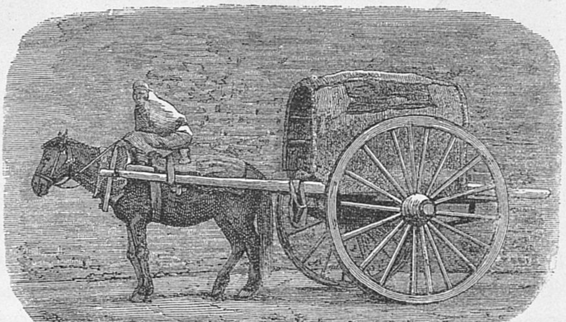
только мелкій скотъ, но и гигантъ-верблюдъ убѣгаетъ на время въ горы. Кочевники Ферганы держатъ исключительно двугорбыхъ верблюдовъ.

Рогатый скотъ составляетъ второстепенную отрасль скотоводства, а потому и пользуется наименьшимъ вниманіемъ. На долю коровъ достаются отбросы, лишь бы онѣ не умерли съ голода. Онѣ питаются даже навозомъ. Волы, воспитываемые Киргизами для сбыта земледѣльцамъ, которымъ нужны сильныя рабочія животныя, пользуются лучшимъ содержаніемъ.

У Кара-Киргизовъ рогатый скотъ имѣетъ жалкій видъ еще и потому, что онъ служитъ то какъ вьючное, то какъ верховое животное. На Алаѣ Киргизы держатъ еще яковъ (монгольскихъ быковъ), какъ вьючныхъ животныхъ. Лошадь пользуется наибольшимъ вниманіемъ у обитателей Ферганы, какъ у кочевниковъ, такъ и у осѣдлыхъ жителей. Нѣкогда Фергана, или по крайней мѣрѣ ближайшія къ ней страны (Таванъ), славились своими лошадьми. И теперь коканскія лошади, хотя не «божественныя» и не особенно «быстрокрылыя», но хорошія пони-возовики, таскающія въ горы большіе грузы въ оригинальныхъ двухколесныхъ мѣстныхъ арбахъ, да еще и сидящаго, со скорченными и упирающимися въ оглобли ногами, на спинѣ арабекша (погонщика).

Верховая ѣзда на быкахъ.

Всего въ Ферганской области овецъ считается 1,260,140 головъ, рогатаго скота 220,000 шт., лошадей 214,000 и верблюдовъ 38,300 головъ.



Ферганская арба.

Скотоводство кочевниковъ, особенно овцеводство, несетъ большія потери отъ снѣжныхъ бурановъ и гололедицы, случающихся нерѣдко въ степяхъ и предгорьяхъ, куда спускаются на зимовки стада.

Осѣдлое населеніе Ферганы слыветъ подъ общимъ именемъ Сартовъ, какъ ихъ называютъ кочевники, а за ними и Русскіе. Сарты не составляютъ особеннаго племени; Сартами не только въ Ферганѣ, но и во всемъ Туркестанѣ, кочевники и Русскіе называютъ жителей городовъ и деревень, занимающихся земледѣліемъ, ремеслами и торговлей. Народности, получившія это названіе, весьма различны и по языку, и по происхожденію, но имѣютъ одну религію (магометанскую) и общія нравственныя свойства, а также ведутъ почти одинаковый образъ жизни. Сартами называютъ Таджиковъ — народъ иранскаго племени, осѣдлыхъ Узбековъ, Татаръ, Киргизовъ, народности, происшедшія отъ ихъ взаимнаго смѣшенія и живущія въ городахъ и деревняхъ—и, наконецъ, Таранчей Кульджинскаго района.

Въ чистотѣ своей Таджики (или Гальчи) какъ и Узбеки, сохранялись лишь въ трудно-доступныхъ ущельяхъ гористыхъ мѣстностей. Въ долинахъ же эти народности смѣшались какъ между собою, такъ и съ другими племенами. Языкъ у Сартовъ Ферганы преимущественно тюркскій. Типъ же общій трудно уловимъ. Можно только сказать, что Сарты вообще довольно красивы, что черты лица ихъ правильны и пріятны, ростъ средній, тѣлосложеніе нѣжное и не крѣпкое.

Кромѣ Таджиковъ и Узбековъ, именуемыхъ Сартами, въ городахъ Ферганы постоянною при-

мѣсью населенія являются Евреи, Цыгане, Индійцы, Афганцы и Кашгарцы. Но всѣ эти народности имѣютъ здѣсь небольшое число представителей, а послѣднія двѣ временно пребываютъ въ странѣ, преимущественно по дѣлахъ торговымъ.

Въ этнографическомъ отношеніи жители Ферганы ничѣмъ не отличаются отъ населенія остальной части Туркестана. Сарты Ферганы носятъ ту же одежду, какую носятъ и Сарты всего Туркестана. Вмѣсто рубашки, которой Сартъ не носитъ, за исключеніемъ муллъ, онъ одѣваетъ бѣлый халатъ, опоясываемый лѣтомъ поясомъ, къ которому подвѣшиваетъ огниво, кошелекъ, ножъ въ кожаныхъ ножнахъ, точилку и мѣдный футляръ для деревянныхъ зубочистокъ.

Пища, питье, праздники, обряды при рожденіи, сватовствѣ, вѣнчаніи и погребеніи и гражданскій строй жизни, опредѣляемый съ пунктуальною точностью мусульманскимъ кодексомъ (шаріатомъ), у Сартовъ Ферганы тѣ же, что и у прочихъ мусульманъ Туркестана.

Гальчи.

Къ хорошимъ нравственнымъ сторонамъ Сартовъ можно отнести: отсутствіе пьянства (употребленіе бузы умѣренно, куреніе опіума и кукнара очень мало распространено), трудолюбіе (Сартъ отдыхаетъ только съ полудня четверга до вечера пятницы и другихъ праздниковъ не имѣетъ почти), радушіе, гостепріимство и готовность оказать помощь ближнему, хотя не всегда безъ разсчета на личную выгоду, вслѣдствіе чего нищенство между Сартами не распространено (въ каждомъ городѣ бѣдные и сироты призрѣваются обществомъ); воровство и вообще преступленія противъ собственности у Сартовъ рѣдки.

Дурная нравственная сторона Сартовъ: отсутствіе цѣломудрія. Не смотря на строгость мусульманскаго законодательства, въ настоящее время между Сартами господствуетъ полная распущенность нравовъ.

На женщину Сартъ смотритъ какъ на рабочую скотину, или какъ на предметъ удовлетворенія страсти, почему она не пользуется никакимъ уваженіемъ. Многоженство ведетъ лишь къ постоянному разладу между женами одного мужа, который отражается вредно и на дѣтяхъ. За презрѣніе, питаемое мужемъ къ женѣ, послѣдняя платитъ ему невѣрностью. Мужъ, тяготясь семейною жизнью, въ свою очередь погрязаетъ въ циническихъ и безобразнѣйшихъ порокахъ.

По отзыву Костенко, деспотизмъ и своеволіе правителей, система шпіонства, произволъ начальствующихъ и безпощадныя казни выработали изъ Сартовъ людей скрытныхъ, подозрительныхъ, трусливыхъ, склонныхъ къ обману. Въ то же время Сарты и ребячески тщеславны,

мало религіозны, болѣе лицемѣрны, но предпріимчивы въ торговлѣ и вообще довольно хорошо одарены въ умственномъ отношеніи.

Грамотность между мужскимъ сартскимъ населеніемъ распространена настолько, что почти всѣ Сарты, можно сказать, грамотны. Сартянки обучаются грамотѣ рѣдко. Эту премудрость постигаютъ преимущественно лишь дочери болѣе зажиточныхъ родителей. Для Сарта-же грамотность почти обязательна. Обученіе грамотѣ и вообще умственное образованіе у Сартовъ, какъ и у всѣхъ мусульманъ, идетъ рядомъ съ религіознымъ образованіемъ. Какъ для того, такъ и для другаго служатъ однѣ и тѣ-же школы, устраиваемыя преимущественно при мечетяхъ. Школы эти раздѣляются на два разряда: низшія школы (махтабъ) и высшія (медрессе).

Изъ приведенныхъ выше данныхъ о числѣ этихъ двухъ разрядовъ школъ въ болѣе значительныхъ городахъ области можно видѣть, какъ сильно распространена мусульманская наука между жителями Ферганы.

Строй этихъ школъ такъ же своеобразенъ, какъ своеобразна и сама мусульманская мудрость; но онъ таковъ-же, какъ и у всѣхъ прочихъ народовъ — послѣдователей Магомета.

Евреи въ Ферганѣ.

Осѣдлое населеніе Ферганы размѣщается въ 10 городскихъ поселеніяхъ (113 тыс. жителей) и 1,166 сельскихъ. Въ настоящее время считается жителей въ городахъ: Коканѣ 35 тыс., Наманганѣ 16 тыс., Маргеланѣ 26 тыс., Анджиджанѣ 43 тыс., Чустѣ 3 тыс., Ошѣ 3 тыс., Вуадилѣ $1^1/_2$ тыс., Кассанѣ 2 тыс., Махрамѣ 385 и Исфарѣ 3 тыс.

Населенные пункты Ферганы имѣютъ всю непривлекательность мусульманскихъ обиталищъ: грязь, вонь, нечистоплотность присущи всѣмъ имъ; улицы неправильны и узки, проулки же едва проходимы; главныя улицы городовъ иногда вымощены булыжникомъ, но это мало предохраняетъ отъ грязи. Все отличіе города отъ селенія (кишлака) заключается въ томъ, что городъ обнесенъ одною общею стѣною, имѣетъ цитадель (аркъ) и заключаетъ въ себѣ не менѣе трехъ мечетей. Общій видъ населенныхъ пунктовъ непривлекателенъ: городскія стѣны и дома вылѣплены изъ глины; дома плоски, приземисты и состоятъ изъ одного или нѣсколькихъ четырехугольныхъ дворовъ, обнесенныхъ строеніями; жилыя помѣщенія большею частью одноэтажныя. Единственнымъ украшеніемъ населенныхъ пунктовъ служитъ масса зелени, которою обыкновенно бываетъ залитъ городъ или деревушка.

Главныя занятія осѣдлаго населенія Ферганы—земледѣліе и связанные съ нимъ промыслы, а также, отчасти, торговля. Владѣніе землей въ нѣкоторомъ смыслѣ общинное, при общественномъ производствѣ и нѣкоторыхъ работъ. Сообща производится, напримѣръ, расчистка каналовъ, исправленіе плотинъ и вообще работы по обводненію полей. Участіе въ этихъ работахъ, а также раздѣлъ самой земли, опредѣляется числомъ «кошъ» (пара воловъ съ необходимыми орудіями и рабочими), находящихся во владѣніи того или другаго земледѣльца. Общія работы и раздѣлъ земли производятся подъ руководствомъ старшаго арыкъ-аксакла, на которомъ лежитъ обязанность и распредѣленія воды для орошенія, при участіи всего общества. По числу обрабатывающихся кошъ, земля дѣлится на число совершенно равноцѣнныхъ участковъ, которые затѣмъ распредѣляются между домохозяевами по жребію.

Участокъ общественной земли можетъ составлять и постоянное владѣніе того, кто заведетъ на принадлежащемъ ему «чакѣ» (участкѣ, доставшемся по жребію) садъ, выстроитъ домъ, засѣетъ люцерну и обнесетъ все это оградою (глиняною стѣнкою). На такомъ участкѣ — хаятѣ (огородная земля), кромѣ дженушки (люцерны) воздѣлываются еще: марена, табакъ, кукуруза,

баклажаны, конопля, фасоль, стручковый перецъ и огородныя овощи, между которыми дыня (кавунъ) занимаетъ первое мѣсто. Дженушка въ лѣто даетъ 4 — 5 укосовъ.

Полевая земля (дашти) даетъ обыкновенно одинъ урожай озимаго хлѣба (пшеницы, ячменя) и кромѣ того одинъ, а иногда два урожая яровыхъ растеній (машъ, просо, кунжутъ, чечевица, морковь, макъ), засѣваемыхъ вслѣдъ за уборкой озимыхъ, на томъ же полѣ, послѣ одно-двукратной вспашки его. Озимые хлѣба созрѣваютъ въ концѣ мая или въ началѣ іюня.

На слѣдующій годъ поле это поступаетъ подъ одно изъ слѣдующихъ яровыхъ растеній: рисъ, сорго (джугара), хлопчатникъ, ленъ, плодовыя овощи, лукъ или морковь.

Наиболѣе распространены посѣвы пшеницы, джугары, риса и хлопчатника, единственнаго прядильнаго растенія края; ленъ сѣется лишь для полученія масла.

Ученики мусульманской школы (въ Ферганской области).

Производство хлопка и приготовленіе изъ него разнаго рода тканей составляетъ весьма видную отрасль промышленности Ферганы, направленную какъ на удовлетвореніе мѣстной потребности въ одеждѣ, такъ и для вывоза. Къ сожалѣнію, хлопокъ Ферганы, какъ и хлопокъ другихъ странъ Средней Азіи, имѣетъ весьма существенные недостатки, ставящіе его значительно ниже хлопка американскаго и даже суратскаго, а потому сбытъ его на русскія мануфактуры ограниченъ и цѣны на него низкія. Недостатки эти отчасти присущи сортамъ, разводимымъ здѣсь — короткость, рыхлость, малыя шелковистость и эластичность и небольшая крѣпость, — частью же обусловливаются способами обработки сырца, упаковки и перевозки — сорность.

Пудъ очищеннаго хлопка въ Коканѣ стоитъ отъ 2 до 5 рублей. Годовое производство можно опредѣлить приблизительно въ 200 — 300 тысячъ пудовъ.

Другая, еще болѣе значительная, хотя также стоящая на первобытной ступени развитія, отрасль промышленности области — шелководство. По размѣрамъ производства шелка и изготовленія изъ него тканей, Фергана занимаетъ между средне-азіятскими странами второе мѣсто (послѣ Бухары). Общее количество производимаго здѣсь шелка достигаетъ 50,000 пудовъ, или до 1,800,000 пудовъ сырыхъ коконовъ (Бухара производитъ 60,000 пудовъ шелка). Но цѣна на лучшій коканскій шелкъ не превышаетъ 200 руб. за пудъ, между тѣмъ, какъ при болѣе совершенныхъ способахъ производства его, она могла бы достигать 500 руб.

Предполагаютъ, что искусство разведенія шелковичныхъ червей, мотанія шелка и производство шелковыхъ тканей въ Средней Азіи существовало съ незапамятныхъ временъ и пришло туда изъ Китая. Но несомнѣнно, что оно было впослѣдствіи забыто надолго и воз-

никло вновь очень недавно (въ концѣ XVIII вѣка). Существуетъ слѣдующій разсказъ о томъ, какъ перешло оно въ нынѣшній Зеравшанскій округъ. «Въ 1200 г. гиждры (1785 по Р. Х.) знаменитѣйшій изъ бухарскихъ хановъ, какъ правитель и ученый, Шамуратъ-Бекъ покорилъ независимое до того времени владѣніе Мервское, взялъ штурмомъ главный его городъ Мервъ, убилъ его владѣтеля Байрамъ-Али-Хана и всѣхъ почти жителей этого города (до 12 тыс. чел.) увелъ въ плѣнъ и разселилъ по своему ханству (близъ Бухары и Хатырги). До того времени жители ханства не умѣли замаривать коконовъ, вслѣдствіе чего бабочки прогрызали ихъ, а потому и размотки коконовъ не существовало; въ употребленіи былъ только шелковый хлопокъ. Плѣнные Мервцы, переселенные въ мѣста обильныя тутовыми деревьями, не оставили своего любимаго занятія шелководствомъ...» и водворили искусство шелкомотанія въ Бухарскомъ ханствѣ.

Въ Ходжентѣ разсказывается легенда о занесеніи этого искусства сюда и въ долину Ферганы изъ города Хотана дочерью китайскаго богдыхана, вышедшею замужъ за хотанскаго владѣтеля. По словамъ этой легенды, невѣста хотанскаго хана, боясь быть уличенной въ похищеніи коконовъ, вывозъ которыхъ изъ Китая былъ строго воспрещенъ, вплела ихъ въ свои косы и такимъ путемъ провезла въ Хотанъ, здѣсь вывела бабочекъ и получила первыя яички шелковичныхъ червей.

Какъ бы то ни было, шелководство въ настоящее время получило значительное распространеніе, чему способствовало, конечно, обиліе тутоваго дерева въ странѣ, которое цѣнится туземцами не только какъ средство для прокормленія червей, но и за его тѣнь и плоды.

Внутренность двора въ Ферганѣ.

Однако, какъ способъ самой выкормки червей, такъ особенно пріемы шелкомотанія оставляютъ желать многаго. Поэтому и продуктъ получается невысокаго качества. Попытки русскихъ предпринимателей ввести европейскую размотку шелка и на началахъ крупныхъ предпріятій—не увѣнчались пока успѣхомъ, чему во многихъ отношеніяхъ причинами являлись бытовыя особенности края.

Обрабатывающая промышленность области, состоящая въ переработкѣ частью продуктовъ скотоводства (кожевенное производство, выдѣлка шерстяныхъ тканей, войлоковъ и т. п.), главнымъ же образомъ—продуктовъ земледѣлія и шелководства (мукомольное, маслобойное производства, пряденіе и тканье бумажныхъ и шелковыхъ тканей), имѣетъ исключительно кустарный характеръ и руководствуется первобытнѣйшими пріемами, которые иногда, напримѣръ, въ ковровомъ производствѣ, приводятъ въ изумленіе по результатамъ ихъ примѣненія.

Богатство нѣдръ земныхъ почти совершенно еще не эксплоатируется Ферганцами. Лишь соль, какъ продуктъ безусловной необходимости, издавна добывается туземцами, да Русскими дѣлаются попытки эксплоатировать обиліе нефтяныхъ источниковъ.

Соляные ключи находятся у кишлака Камышъ-Кургана, въ 80-ти верстахъ отъ Чуста. Они бьютъ въ лощинѣ, находящейся въ предгорьяхъ, въ 8-ми верстахъ отъ кишлака и верстахъ въ 10-ти отъ Сыръ-Дарьи. Для добыванія соли промышленники роютъ въ лощинѣ ямы, которыя наполняются просачивающимся здѣсь разсоломъ на поларшина, если вся глубина ямы полтора аршина. Отъ сильнаго испаренія лѣтомъ вода въ ямѣ высыхаетъ, и на днѣ

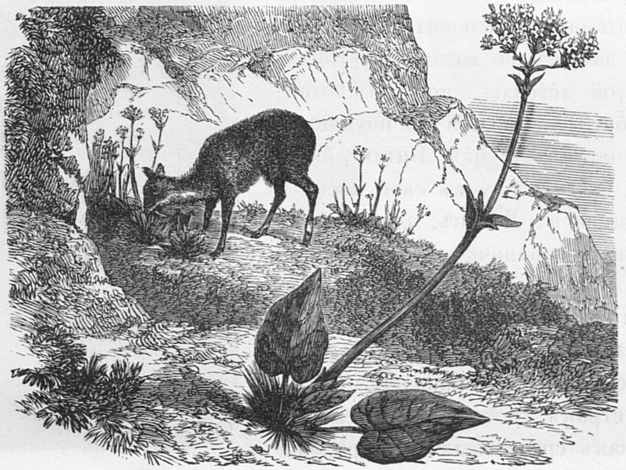
образуется соляная кора, не пропускающая воду снизу. Когда кору эту сдерутъ, яма снова наполняется разсоломъ, и такъ далѣе. Толщина солянаго слоя въ такой ямѣ достигаетъ 4 вершковъ. Если же при вырытіи ямы вода долго не показывается, то посредствомъ канавъ въ нее напускаютъ разсолъ изъ бьющаго вблизи родника.

Тутъ же мѣстами въ лощинѣ соль залегаетъ и на поверхности земли, и ее добываютъ какъ готовую. Эта соль происходитъ вслѣдствіе испаренія дождевыхъ лужъ, вода которыхъ, стекая въ лощину, прошла по обнаженнымъ пластамъ соли и насытилась ею.

Всего ежедневно добывается близъ Камышъ-Кургана до 750 пудовъ соли, совершенно бѣлаго цвѣта и хорошаго вкуса, продающейся на мѣстѣ по $^1/_2$—1 коп. за пудъ.

Настоящій очеркъ даетъ лишь общее понятіе о чрезвычайно интересномъ уголкѣ земли, который достался на долю Россіи въ центрѣ Азіи. Незавидно прошлое этого уголка. Каково-то его будущее?..

В. Г. Котельниковъ.

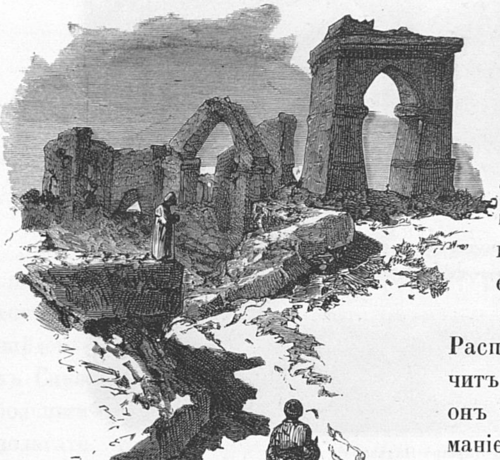


Кабарга.

ОЧЕРКЪ VIII.

ЗЕРАВШАНСКІЙ КРАЙ И САМАРКАНДЪ.

Самаркандъ. — Его древнее происхожденіе. — Пребываніе въ немъ Тимура. — Сказаніе о немъ очевидца. — Кончина его по персидскому историку. — Зеравшанскій округъ. — Рѣка Зеравшанъ. — Ея система орошенія. — Города Пенджкентъ, Ургутъ, Катта-Курганъ, Пенджамбе. — Горныя богатства. — Сельское хозяйство Зеравшанскаго округа. — Таджики, Узбеки и другіе жители округа.



Самаркандъ — лицо земли,
Бухара — мощь ислама.
Еслибы въ Мешхедѣ не было синяго купола,
Міръ походилъ-бы на помойную яму.

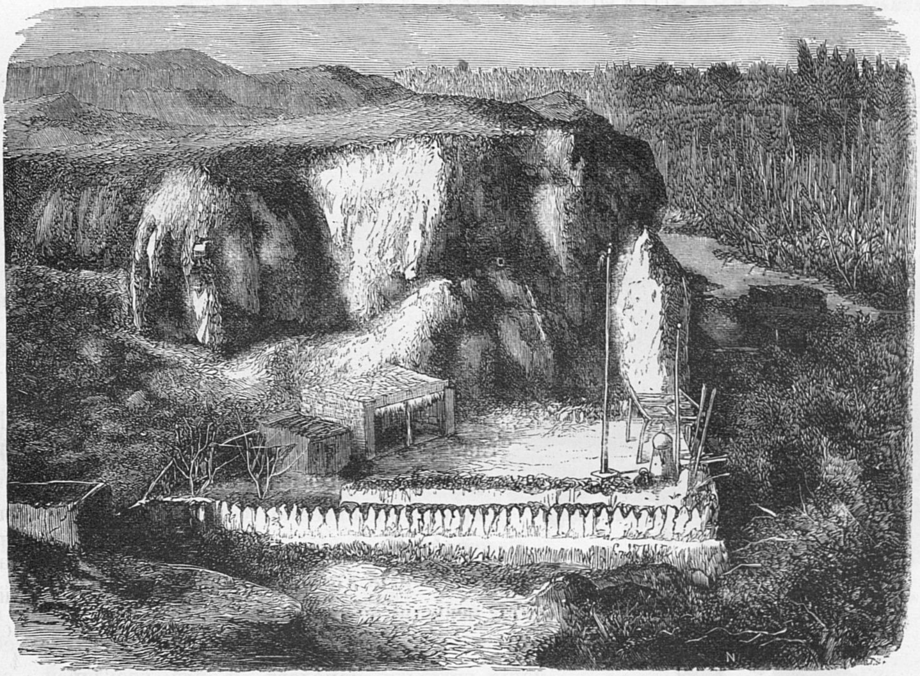
ТАДЖИКСКОЕ СТИХОТВОРЕНІЕ.

Подъ широтою 39° 38′ 45″ раскинулся Самаркандъ, главный городъ Зеравшанскаго округа, крайняго предѣла русскихъ владѣній въ Средней Азіи. По своему мѣстоположенію, Самаркандъ лежитъ на 45′ 44″ южнѣе Мадрида и на 1° 13′ 1″ южнѣе Неаполя. Расположенный въ «золотоносной» (Зеравшанъ — значитъ несущій золото, въ смыслѣ плодородія) долинѣ, онъ уже съ древнихъ временъ обращалъ на себя вниманіе разныхъ народовъ и ихъ государей, стремившихся утвердиться въ его роскошной, благодатной мѣстности. По преданіямъ, основаніе Самарканда приписывается арабскому шейху, который, увлекаемый завоеваніями, въ половинѣ пятаго вѣка до нашей эры явился со своими воинами въ богатую долину Зеравшана или Согды, какъ она называлась въ древности. Самаркандъ тогда носилъ имя Мараканда. При Александрѣ Македонскомъ городъ былъ разрушенъ и вновь отстроенъ, по преданію, Самаромъ, рабомъ Александра, а потому и былъ названъ Самаркандомъ. Городъ сдѣлался тогда столицею древней Согдіаны.

По другимъ преданіямъ, городъ, гдѣ стоялъ древній Маракандъ (Марикондъ) временъ Александра Македонскаго, назывался ранѣе того Калаи-Афросіабъ, по имени Афросіаба, миѳическаго героя древней Азіи. Онъ вмѣстѣ со своимъ другомъ и сотрудникомъ, Зааломъ, были знаменитѣйшими героями Турана. Афросіабъ былъ сынъ Тура, перваго властителя Турана. Заалъ, владѣлецъ Систана, былъ вскормленъ птицею Хумъ (Фениксъ), которая научила его

какъ должно побѣждать дивовъ, злыхъ миѳическихъ существъ, опустошавшихъ въ его времена страны Турана. Заалъ и Афросіабъ побѣдили дивовъ и загнали ихъ въ какія-то далекія горы. Остатки Афросіаба находятся въ окрестностяхъ нынѣшняго Самарканда.

Венеціанецъ Марко Поло, путешествовавшій въ 1286 году по Татаріи, разсказываетъ своего рода легенды о Самаркандѣ, которымъ, въ началѣ XIII вѣка, овладѣлъ Чингизъ-Ханъ. По словамъ Марко-Поло, «Самаркандъ великолѣпный городъ, украшенный чудными строеніями, лежитъ въ странѣ, которая платитъ дань племяннику великаго хана; онъ окруженъ равниною, производящею всевозможные плоды. Въ этомъ городѣ живутъ христіане и сарацины, и разсказываютъ, что тамъ случилось слѣдующее чудо. Сто двадцать пять лѣтъ тому назадъ въ Самаркандѣ царствовалъ братъ великаго хана, Цагатай. Къ великой радости христіанъ онъ крестился, и тогда они, съ его согласія, построили большую церковь и посвятили ее Св. Іоанну

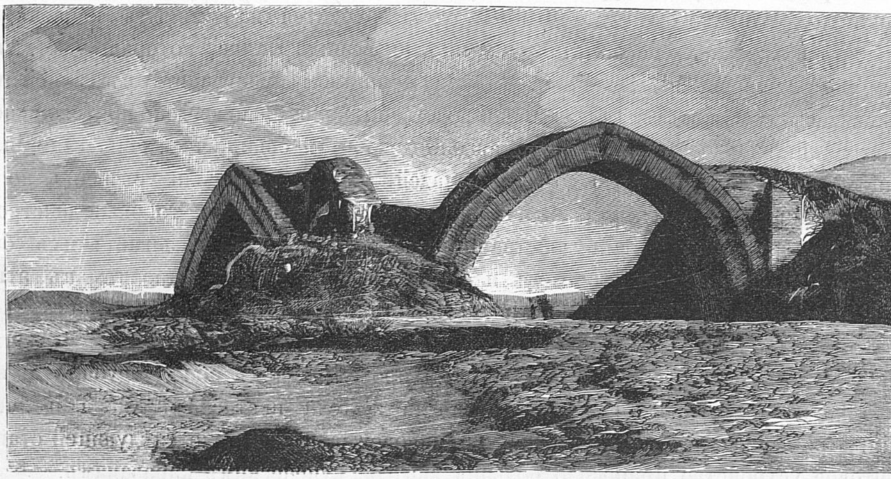


Афросіабъ и могила святаго Даріара Пальвана.

Крестителю. Этотъ храмъ былъ выстроенъ съ такимъ искусствомъ, что весь его сводъ опирался на одну только мраморную колонну, стоявшую посреди церкви. Подъ нее, съ дозволенія Цагатая, христіане положили, въ видѣ фундамента, квадратный камень, взятый изъ одного храма, принадлежавшаго магометанамъ. Послѣдніе не посмѣли запретить этого, такъ какъ самъ ханъ далъ христіанамъ дозволеніе. Но, нѣсколько времени спустя, этотъ ханъ умеръ, и ему наслѣдовалъ сынъ, который, однако, не захотѣлъ принять вѣру своего отца. Тогда сарацины уговорили его требовать у христіанъ, чтобы они отдали камень обратно, желая этимъ принудить христіанъ сломать ихъ церковь. Христіане же обратились къ Богу съ усердною молитвою. Когда наступилъ день, въ который слѣдовало вынуть камень изъ–подъ колонны, то случилось совершенно противное тому, чего ожидали безбожные сарацины, ибо сама колонна поднялась съ фундамента на три пяди, и съ тѣхъ поръ уже не она поддерживала сводъ, а сводъ держалъ колонну.»

Развалины, окружающія Самаркандъ съ одной стороны, свидѣтельствуютъ о существовав-

шемъ въ этомъ мѣстѣ древнемъ большомъ городѣ. Лѣтомъ 1874 года произведены были раскопки на одномъ изъ холмовъ, круто поднимающихся надъ рѣкою Сіабомъ, верстахъ въ двухъ или въ трехъ къ сѣверо-востоку отъ Самарканда. Раскопки эти обнаружили существованіе въ этомъ мѣстѣ въ прежнія времена довольно богатыхъ построекъ. Въ другомъ мѣстѣ, ближе къ городу, въ сторону отъ Сіаба къ новой ташкентской почтовой дорогѣ, открыты были остатки гончарнаго завода, потому что были найдены въ громадномъ количествѣ великолѣпно сохранившіеся кувшины для воды, корчаги, трубы и другія издѣлія изъ глины. Тутъ же расположены были жилыя помѣщенія, состоявшія изъ нѣсколькихъ комнатъ. Тутъ же найденъ былъ въ значительномъ количествѣ кирпичъ, размѣромъ до $2\frac{1}{2}$ четвертей длины и до $1\frac{1}{2}$ ширины, если только не болѣе. Подобнаго кирпича въ настоящее время въ туземномъ производствѣ не встрѣчается; но невдалекѣ отъ мѣста раскопки такой же кирпичъ можно было



Древній мостъ въ Зеравшанѣ.

видѣть употребленнымъ при сооруженіи воротъ Шаха-Зенда. Когда ворота сломали по ихъ ветхости, то найденъ былъ кирпичъ подобнаго размѣра и такой же формы. Въ этой раскопкѣ найдены были также слѣды обширнаго стеклянаго производства, существовавшаго прежде въ Самаркандѣ, именно: осколки чашекъ, блюдечекъ, трубочекъ, стклянокъ, сдѣланныхъ съ большимъ вкусомъ и искусствомъ. По огромному количеству остатковъ этой посуды, надобно полагать, что она производилась на мѣстѣ, а по наложеннымъ на стекло краскамъ и рисункамъ можно заключать, что этимъ производствомъ занимались китайскіе мастера, поселенные, какъ извѣстно, въ Самаркандѣ первою женою Тимура, дочерью китайскаго богдыхана. Къ замѣчательнымъ остаткамъ древности принадлежатъ два свода или арки гигантскаго моста, построеннаго чрезъ Зеравшанъ въ шестнадцатомъ столѣтіи при Абдулъ-Ханѣ. Мостъ этотъ состоялъ изъ четырнадцати арокъ.

Самаркандъ достигъ наибольшаго величія при Тимуръ-ленгѣ (Тамерланѣ), знаменитомъ завоевателѣ пятнадцатаго вѣка, который учредилъ въ немъ свою столицу и стремился сдѣлать его первымъ городомъ въ мірѣ. При Тимурѣ въ Самаркандѣ было болѣе 150,000 жителей. Въ царствованіе Тимура, съ 1363 по 1405 годъ, Самаркандъ былъ средоточіемъ всѣхъ духовныхъ силъ мусульманъ, овладѣвшихъ, подъ его главенствомъ, Среднею и Западною Азіею, всею Индіею и юго-восточною Европою. Туранскіе народы при Тимурѣ впервые стали развивать мусульманскую науку, чѣмъ еще болѣе укрѣпили свое первенствующее значеніе въ Средней Азіи. Въ то время славилось высшее училище Камендеръ-Ханы и обсерваторія Мирзы, Улугъ-Бека. на которой производились астрологическія наблюденія и дѣлались предсказанія. Тимуръ первона-

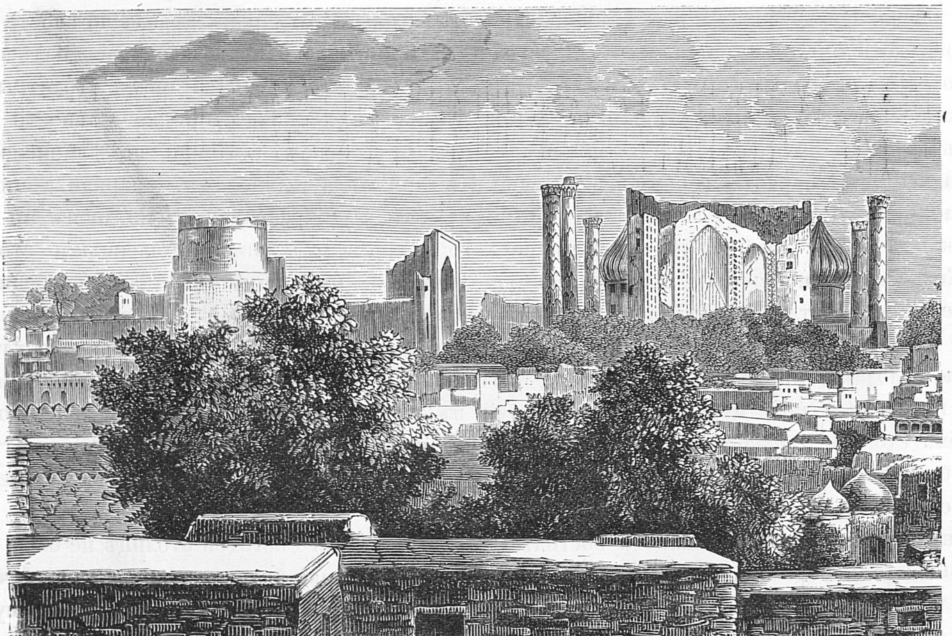
чально овладѣлъ Джагатаемъ, гдѣ, съ 1379 года, сдѣлался самостоятельнымъ государемъ. Въ 1387 году онъ завоевалъ всю Среднюю Азію, потомъ Восточную Индію и Персію. Въ 1402 г. на Анкирской равнинѣ онъ разбилъ турецкаго султана Баязета и взялъ его въ плѣнъ. Первоначально онъ поддерживалъ монгольскаго хана Тохтамыша, но затѣмъ нѣсколько разъ наносилъ ему сильныя пораженія, именно въ 1393, 1395, 1399 годахъ. Во время одной изъ такихъ войнъ съ Тохтамышемъ, Тимуръ совершилъ, въ 1395 году, походъ въ Россію и опустошилъ всѣ ея мѣста, по которымъ прошелъ тогда.

Любопытныя свѣдѣнія о Тимурѣ и его столицѣ Самаркандѣ сообщилъ посланникъ кастильскаго короля Генриха III, Рюи Гонсалесъ де-Клавихо, въ своемъ дневникѣ, напечатанномъ на русскомъ языкѣ въ «Русскомъ Вѣстникѣ» 1874 г. Клавихо выѣхалъ изъ Испаніи въ маѣ 1403 г., слѣдовательно послѣ знаменитой битвы при Анкирѣ, гдѣ окончилась борьба между Тимуромъ и турецкимъ султаномъ Баязетомъ. Прибывъ въ Константинополь, Клавихо узналъ, что Тимуръ находится на зимнемъ кочевьѣ въ Карабагѣ, около рѣки Аракса; но посолъ тамъ не засталъ великаго хана, который уже вышелъ въ Самаркандъ, куда и направились Испанцы. По всему обширному пространству владѣній Тимура, которыя управлялись его сыновьями, внуками или родственниками, было введено почтовое сообщеніе, со всѣми возможными удобствами. Чрезъ каждый день пути были учреждены станціи, гдѣ для проѣзжающихъ находилось отъ 100 до 200 лошадей. Станціи эти были устроены, по возможности, въ населенныхъ мѣстахъ, а если ихъ не оказывалось на пути, то были выстроены постоялые дворы, вѣроятно со всѣми удобствами, потому что Клавихо называетъ ихъ «большими дворцами». Жители ближайшихъ городовъ и селеній должны были доставлять въ эти гостиницы всѣ припасы, какіе были необходимы. Если станція сооружалась въ такомъ мѣстѣ, гдѣ не оказывалось воды, то ее проводили туда при помощи водопроводовъ. Такъ, Клавихо остановился на одной станціи, въ которую вода была проведена подземными трубами изъ мѣста, отстоявшаго на цѣлый день пути отъ нея. Сосѣдніе жители поставляли также и лошадей на эти станціи. При лошадяхъ находились люди, сопровождавшіе ихъ до слѣдующей станціи. Подобное почтовое устройство приносило большія выгоды купеческимъ караванамъ.

Испытавъ мученіе жажды въ безводной пустынѣ, простирающейся на западъ отъ рѣки Мургабъ, испытавъ тамъ же горячій песчаный вихрь, Испанцы достигли наконецъ границы собственно Самаркандскаго царства, какъ его называетъ Клавихо, т. е. рѣки Аму-Дарьи, за которою начинались владѣнія предковъ Тимура. Въ Маверальнагерѣ находилась стража, которая пропускала свободно всѣхъ желавшихъ войти въ предѣлы Самаркандскаго царства; но для выхода оттуда требовалось письменное дозволеніе, съ указаніемъ, куда и зачѣмъ ѣдутъ. Тимуръ желалъ какъ можно гуще населить свой любимый Самаркандъ и принадлежавшую къ нему страну, а потому и было установлено имъ требованіе письменнаго разрѣшенія на выходъ, чтобы плѣнные, переселенные имъ въ свои владѣнія, не могли разбѣжаться. Изъ всѣхъ завоеванныхъ имъ мѣстъ, Тимуръ выбиралъ людей наиболѣе полезныхъ, всякаго рода ремесленниковъ, ткачей, оружейниковъ, золотыхъ дѣлъ мастеровъ, такъ что каждое мастерство имѣло своихъ представителей въ Самаркандѣ. Сверхъ того, по приказанію хана, по Хорасану и Персіи ѣздили люди и приглашали всѣхъ сиротъ, безродныхъ и бездомныхъ переселяться къ нему во владѣнія, съ обѣщаніемъ имъ всевозможнаго довольства. Множество народа соглашалось на эти приглашенія, а жители тѣхъ странъ, чрезъ которыя проѣзжали приглашенные, должны были, по приказанію Тимура, кормить переселенцевъ. Такимъ способомъ, по словамъ Клавихо, переселилось болѣе 150,000 человѣкъ. Переселенцы, приведенные изъ покоренныхъ странъ, жили въ многочисленныхъ селеніяхъ, разбросанныхъ на равнинѣ, за широкою полосою садовъ Самарканда.

Переѣхавъ Аму-Дарью противъ города Тесмета, котораго посланники не успѣли разсмотрѣть, потому что ихъ очень быстро провезли чрезъ него, они, чрезъ ущелье «Желѣзныя ворота», направились къ Кешу, родинѣ великаго хана. Какъ ни любилъ Тимуръ Самаркандъ и

какъ ни заботился объ увеличеніи его, онъ не забывалъ однако и города своихъ отцовъ, украшалъ его великолѣпными зданіями и называлъ своею второю столицею. Кешъ пробуждалъ въ немъ воспоминанія дѣтства и, сверхъ того, нравился ему своимъ прекраснымъ мѣстоположеніемъ. По равнинѣ его протекало много чистыхъ, прозрачныхъ ручьевъ, а роскошная зелень окружала ее и наполняла городъ, за что онъ и получилъ свое названіе Шахрисябсъ, или «зеленый городъ». Клавихо пріѣхалъ въ этотъ городъ въ августѣ, слѣдовательно не могъ видѣть всей красоты его, но онъ все-таки обратилъ вниманіе на богатство садовъ и огородовъ. Тимуръ часто проводилъ свое время въ Кешѣ, построилъ въ его окрестностяхъ не одинъ дворецъ и окружилъ самый городъ новыми стѣнами. Самымъ великолѣпнымъ изъ дворцовъ былъ Акъ-Сарай, т. е. бѣлый домъ, прозванный такъ по бѣлизнѣ своихъ стѣнъ. По словамъ персидскаго историка Шерефеддина, никакой другой дворецъ не могъ сравниться съ нимъ по кра-



Самаркандъ.

сотѣ, а Клавихо, описывая богатое убранство безчисленнаго множества комнатъ этого дворца, отдѣланныхъ золотомъ и изразцами, замѣчаетъ, что «даже въ Парижѣ, славящемся лучшими мастерами въ мірѣ, похвалили-бы красоту этого дворца». Надъ входною дверью былъ изображенъ знакъ (armes) хана, — левъ и солнце. По словамъ Клавихо, это былъ знакъ самаркандскаго царя, а не собственно Тимурова рода. Тимуръ же имѣлъ другой знакъ, который чеканился на монетахъ и вводился во всѣхъ странахъ, платившихъ ему дань. Это было изображеніе трехъ круговъ, расположенныхъ треугольникомъ ⁰₀⁰. Три круга обозначали владѣніе тремя частями свѣта, или, вѣрнѣе, тремя царствами, т. е. владѣніями трехъ сыновей Чингизъ-Хана— Джучи, Джагатая и Гулагу-Хана.

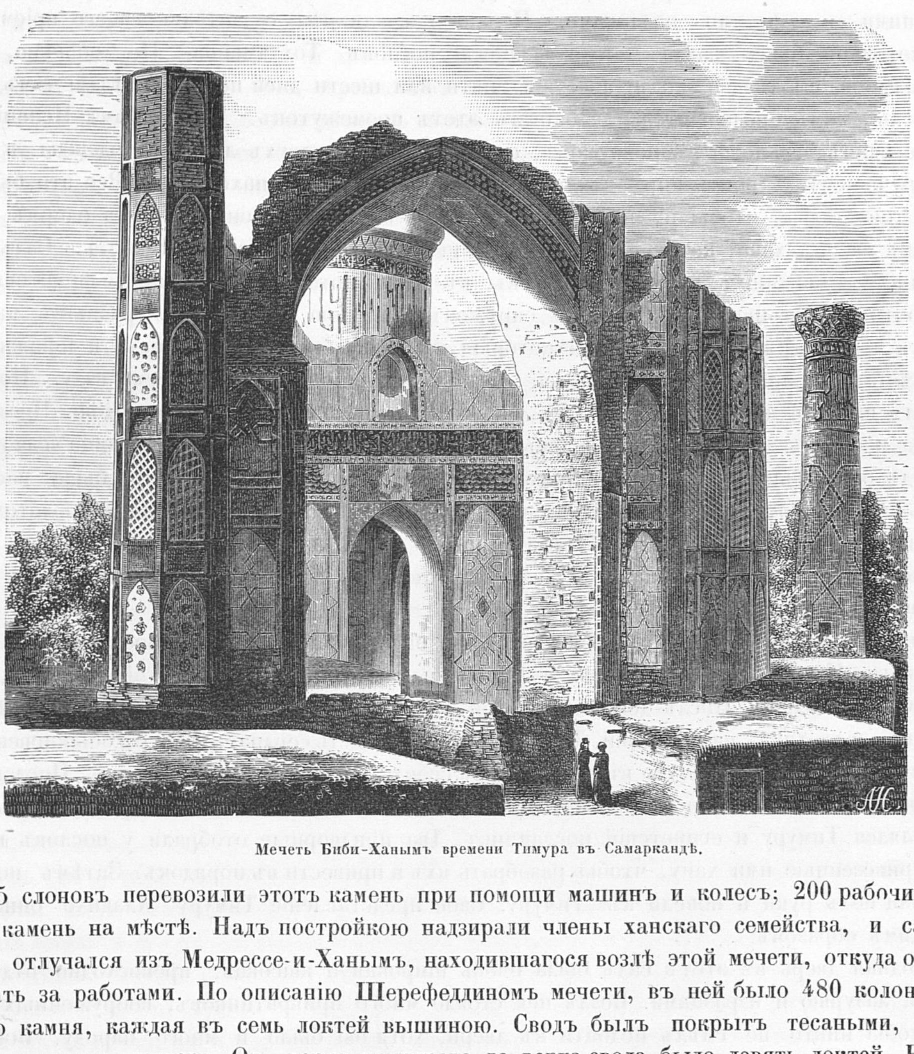
Послѣ этого дворца, находившагося въ великолѣпномъ саду, лучшимъ зданіемъ въ Кешѣ была мечеть, построенная надъ могилою Терагая, отца Тимура, въ которой былъ похороненъ также и старшій сынъ его, Джеангиръ, умершій въ молодости. Мечеть также была украшена золотомъ, лазурью и изразцами и возвышалась на площади, усаженной деревьями. Въ эту мечеть ежедневно отпускалось двадцать барановъ, для поминовенія душъ Терагая и Джеангира.

Отдохнувъ въ Кешѣ, посланники 31-го августа пріѣхали въ Самаркандъ и остановились въ одномъ изъ загородныхъ дворцовъ, окружавшихъ его, гдѣ они должны были ждать дня, который Тимуръ назначитъ для ихъ пріема. По описанію Клавихо, общій видъ Самарканда былъ совершенно таковъ, какимъ онъ представляется съ его нынѣшними развалинами по снятымъ съ него фотографіямъ. При подъѣздѣ къ Самарканду, уже издали видна была масса зелени садовъ, окружавшихъ его со всѣхъ сторонъ. Лучше сказать, цѣлыя предмѣстья Самарканда были расположены въ садахъ. Между виноградниками, дынными огородами, плантаціями хлопка, фруктовыми и густыми, тѣнистыми садами, тянулись улицы, площади, водопроводы. На улицахъ и площадяхъ происходила оживленная торговля всякаго рода товарами. Тамъ находились дома самыхъ знатныхъ и богатыхъ жителей, нѣсколько дворцовъ, главныя ханскія кладовыя. Пространство, занятое садами, было несравненно болѣе самаго города, находившагося въ ихъ центрѣ. Его окружалъ земляной валъ и глубокіе рвы. Въ одной его сторонѣ находилась крѣпость, окопанная глубокимъ рвомъ, наполненнымъ водою. Этотъ ровъ дѣлалъ крѣпость неприступною, хотя она стояла на плоскомъ пространствѣ и нисколько не возвышалась надъ окрестностью. Въ крѣпости Тимуръ хранилъ свою казну, и никто не имѣлъ права входить въ нее, за исключеніемъ городскаго старшины и его подчиненныхъ. Въ этой же крѣпости содержались плѣнные оружейные мастера, приведенные изъ Дамаска, которые, подъ присмотромъ, занимались тамъ приготовленіемъ вооруженія. По улицамъ и площадямъ Самарканда происходило постоянное движеніе, а торговля—продажа и купля не прекращались ни днемъ, ни ночью. Самаркандъ былъ чрезвычайно богатъ и велъ торговлю съ самыми отдаленными странами. Изъ Китая привозились въ Самаркандъ самыя лучшія въ мірѣ шелковыя ткани, особенно гладкій, не узорный атласъ, а также драгоцѣнные камни и мускусъ; изъ Индіи драгоцѣнныя пряности; изъ Россіи и Монголіи кожи и полотна. Самая страна Самарканда изобиловала хлѣбомъ, виномъ, плодами, пряностями, красками, драгоцѣнными камнями и металлами, дорогими тканями, шелкомъ и даже мѣхами. Продовольствіе въ этой странѣ было такъ дешево, что даже во время стоянія ханской орды около Самарканда пара барановъ стоила одинъ дукатъ. За такое богатство Самаркандъ, по словамъ Клавихо, и получилъ свое названіе, означающее «богатое селеніе».

Тимура сильно озабочивало то обстоятельство, что въ его богатой столицѣ не было мѣста, гдѣ бы ея разнообразные товары могли продаваться въ порядкѣ и чистотѣ, а также, что вся торговля производится на улицахъ и площадяхъ. Для устраненія этого неудобства, Тимуръ затѣялъ огромную постройку; именно, чрезъ весь городъ, отъ одного его конца до другаго, онъ приказалъ провести широкую улицу, покрытую сверху сводомъ и окнами, сквозь которыя долженъ былъ проходить свѣтъ. По обѣимъ сторонамъ подобной улицы-галлереи должны были быть поставлены палатки съ прилавками, покрытыми бѣлыми камнями, для продажи разныхъ товаровъ, а посрединѣ ея, на нѣкоторомъ разстояніи, предполагалось устроить фонтаны. Надзоръ за исполненіемъ этой работы Тимуръ поручилъ нѣсколькимъ лицамъ, давъ имъ знать, что если они не приложатъ всего старанія, работая день и ночь, то поплатятся жизнью. Они принялись за работу и начали разрушать дома, которые стояли на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ ханъ приказалъ провести улицу. Какъ только одни рабочіе кончали ломку домовъ, являлись немедленно на ихъ мѣста другіе и начинали постройку, а едва оканчивалась работа въ палаткахъ, въ послѣднія тотчасъ помѣщали торговцевъ, принимавшихся торговать. Рабочіе получали плату отъ города; рабочихъ являлось множество, сколько бы ихъ ни потребовали тѣ, которымъ поручено было Тимуромъ завѣдывать этимъ дѣломъ. Работавшіе днемъ уходили при наступленіи ночи; тогда приходила другая смѣна, работавшая ночью. Одни ломали дома, другіе уравнивали землю, третьи строили, и вслѣдствіе того въ городѣ стоялъ страшный шумъ. Во время пребыванія Клавихо въ Самаркандѣ, эта замѣчательная постройка не была окончена, потому что работы пріостановились съ наступленіемъ зимы.

Зданія, которыми Тимуръ украшалъ Самаркандъ, были мечети и дворцы. Изъ мечетей, по словамъ Клавихо, самая лучшая и замѣчательная была мечеть, построенная Тимуромъ въ честь матери своей главной жены, Ханымъ. Она была дочь хана Казана, потомка Джагатая, царствовавшаго въ Туранѣ до 1346 года. Ея сынъ, Шахрухъ, сдѣлался преемникомъ Тимура.

Историкъ Тимура, Шерефеддинъ, съ восторгомъ упоминаетъ о постройкѣ этой мечети, которая должна была вмѣщать въ себѣ всѣхъ правовѣрныхъ Самарканда. Для ея закладки было выбрано самое счастливое время, опредѣленное по положенію звѣздъ и луны; лучшіе мастера были вызваны изъ чужихъ краевъ для исполненія работы. Всѣ они должны были выказать свое искусство въ полномъ блескѣ: 500 человѣкъ были заняты ломкою камня въ го-



Мечеть Биби-Ханымъ времени Тимура въ Самаркандѣ.

рахъ; 95 слоновъ перевозили этотъ камень при помощи машинъ и колесъ; 200 рабочихъ обтесывали камень на мѣстѣ. Надъ постройкою надзирали члены ханскаго семейства, и самъ Тимуръ не отлучался изъ Медрессе-и-Ханымъ, находившагося возлѣ этой мечети, откуда онъ могъ наблюдать за работами. По описанію Шерефеддиномъ мечети, въ ней было 480 колоннъ изъ тесанаго камня, каждая въ семь локтей вышиною. Сводъ былъ покрытъ тесаными, полированными плитами мрамора. Отъ верха архитрава до верха свода было девять локтей. На каждомъ изъ четырехъ угловъ мечети находился минаретъ. Дверь была вылита изъ бронзы. Вся поверхность стѣнъ, какъ внутри, такъ и снаружи, а также своды, были украшены выпуклыми письменами. Каѳедра для проповѣди и джубе, гдѣ читаются молитвы за царя, были необыкновенно роскошны. Ниша алтаря была покрыта пластинками позолоченнаго желѣза, тоже замѣчательной красоты.

Испанскіе посланники пріѣхали въ Самаркандъ, когда Тимуръ возвращался въ него послѣ долгаго отсутствія на войнѣ, увѣнчавшейся славными побѣдами. Великій завоеватель торжествовалъ свое возвращеніе великолѣпными празднествами. Одна Китайская имперія во всей Азіи только не принадлежала ему. Выступая изъ Карабага, онъ намѣревался, послѣ короткаго пребыванія въ Самаркандѣ, идти на Китай, чтобы и тамъ утвердить свое владычество. Во время этого отдыха, онъ собирался совершить свадьбу своихъ шестерыхъ внуковъ. На празднество должны были съѣхаться почти всѣ члены его многочисленной семьи, жившіе въ разныхъ частяхъ его обширныхъ владѣній, ввѣренныхъ имъ въ управленіе. Множество посланниковъ и подвластныхъ Тимуру хановъ съѣхались также въ Самаркандъ. Послы изъ всѣхъ странъ Азіи, изъ Китая, Индіи, Сиріи, Ирана, Турана, Египта, Россіи и Греціи, явились съ богатѣйшими и рѣдкими подарками. Испанцы ждали цѣлую недѣлю своего пріема у Тимура, который былъ занятъ отправленіемъ пословъ Тохтамыша. По обычаю, Тимуръ принималъ пословъ только по прошествіи пяти или шести дней по ихъ пріѣздѣ; чѣмъ важнѣе были послы, тѣмъ продолжительнѣе бывалъ этотъ промежутокъ. Къ посламъ Испаніи былъ присланъ одинъ вельможа съ подаркомъ, состоявшимъ изъ двухъ лошадей, одежды и шапки, и съ порученіемъ устроить пиръ въ томъ помѣщеніи, гдѣ они находились. Все это было сдѣлано съ тою цѣлью, чтобы послы не скучали. Всю эту недѣлю они жили въ одномъ изъ загородныхъ садовъ хана, которому Клавихо даетъ названіе Талисія-и-Кольбетъ. Садъ этотъ, состоявшій изъ высокихъ, густыхъ деревьевъ, въ числѣ которыхъ было много фруктовыхъ, тянулся почти на четыре версты и былъ окруженъ глиняною стѣною. По разнымъ направленіямъ онъ былъ изрѣзанъ дорогами (нѣкоторыя изъ нихъ были точно улицы) и дорожками. Въ шести мѣстахъ были устроены водоемы; потокъ воды проходилъ по всему саду. Посрединѣ сада былъ высокій искусственный холмъ, окруженный валами и рвомъ съ водою. Чрезъ ровъ были два моста съ двухъ противоположныхъ сторонъ, за ними ворота; лѣстница вела на верхъ холма, гдѣ былъ выстроенъ домъ, окруженный частоколомъ, такъ что это была настоящая крѣпость. Самый домъ былъ обширный, со многими комнатами, украшенными золотомъ, лазурью, полированными изразцами. Въ саду бродили олени и летали фазаны. Къ саду примыкалъ виноградникъ, почти одинаковой величины съ нимъ, окруженный глиняною стѣною и рядомъ высокихъ, красивыхъ деревьевъ.

8-го сентября Тимуръ прислалъ сказать, что онъ можетъ принять посланниковъ короля кастильскаго. Ихъ повезли по дорогѣ къ Самарканду, по равнинѣ, покрытой садами, домами и торговыми площадями. Послѣ довольно долгой ѣзды, посланники остановились у въѣзда въ загородный садъ хана, называемый Дилькуша, т. е. «радость сердца». Тимуръ обыкновенно проводилъ время то въ одномъ, то въ другомъ изъ своихъ многочисленныхъ садовъ. Посланниковъ ввели прежде всего въ одно зданіе, находившееся за стѣнами сада. Одновременно съ ними, представлялся Тимуру и египетскій посланникъ. Два придворные отобрали у пословъ всѣ подарки, привезенные ими хану, чтобы разобрать ихъ и привести въ порядокъ. Затѣмъ посланниковъ взяли подъ руки и повели къ Тимуру. Свое представленіе Тимуру Клавихо описываетъ слѣдующимъ образомъ.

«Входная дверь въ этотъ садъ была очень широкая и высокая, превосходно отдѣланная золотомъ, лазурью и изразцами. Возлѣ нея стояло много привратниковъ, вооруженныхъ палицами, чтобы никто не смѣлъ подойти къ двери, хотя-бы было и много народу. Войдя, посланники увидали шесть слоновъ, на которыхъ были сдѣланы деревянныя бесѣдки съ двумя знаменами на каждой; на верху сидѣли люди, которые заставляли слоновъ дѣлать представленія передъ народомъ. Пословъ повели далѣе, и они увидали людей, которые несли привезенные ими подарки; они держали ихъ на рукахъ; всѣ вещи были разложены очень хорошо, въ порядкѣ. Потомъ пословъ заставили пройти впередъ подарковъ и подождать немного, а затѣмъ прислали сказать, чтобы они шли. Все время съ ними были тѣ два придвор-

ные, которые вели ихъ подъ руку. Ихъ привели къ одному старому рыцарю, сидѣвшему на возвышеніи. Это былъ сынъ сестры Тимура. Послы поклонились ему. Затѣмъ ихъ подвели къ тремъ маленькимъ мальчикамъ, также сидѣвшимъ на возвышеніи, внукамъ хана, которымъ они также поклонились. Тутъ у нихъ спросили письмо, присланное Тимуру королемъ кастильскимъ. У пословъ его взялъ одинъ изъ мальчиковъ, какъ сказали, сынъ Миранъ-Шаха, старшаго сына хана. Всѣ три мальчика тотчасъ встали и понесли письмо къ Тимуру, а затѣмъ возвратились и сказали посланникамъ, чтобы они шли. Тимуръ сидѣлъ подъ навѣсомъ, устроеннымъ предъ входною дверью въ великолѣпный домъ, на возвышеніи, поставленномъ на землѣ; предъ нимъ фонтанъ билъ вверхъ, а въ фонтанѣ были красныя яблоки. Ханъ сидѣлъ на маленькомъ матрасѣ изъ вышитой шелковой ткани, а локтемъ опирался на круглую подушку. На немъ была одежда изъ шелковой матеріи безъ отдѣлки, а на головѣ была высокая, бѣлая шапка съ рубиномъ наверху, съ жемчугомъ и драгоцѣнными каменьями. Какъ только посланники увидѣли хана, то поклонились ему, преклонивъ правое колѣно и сложивъ руки крестомъ на груди; затѣмъ они подошли ближе и вновь поклонились, потомъ поклонились въ третій разъ и остались съ преклоненными колѣнами. Ханъ приказалъ имъ встать и подойти ближе. Придворные, которые держали ихъ подъ руки, оставили ихъ, потому что сами не смѣли подойти ближе, а три эмира, стоявшіе у самаго подножія ханскаго мѣста, самые приближенные изъ всѣхъ, именно: эмиръ Хамеликъ, эмиръ Берендакъ и эмиръ Шейхъ-Нуреддинъ, подошли, взяли посланниковъ подъ руки, подвели ихъ къ Тимуру и поставили всѣхъ рядомъ на колѣна. Тимуръ сказалъ, чтобы они подвинулись ближе, чтобы разсмотрѣть ихъ хорошенько, потому что онъ не хорошо видѣлъ и былъ уже такъ старъ, что едва могъ поднять вѣки. Онъ не далъ имъ поцѣловать руки, потому что нѣтъ этого въ обычаѣ. Тимуръ затѣмъ обратился къ испанскимъ посламъ съ вопросомъ: «Какъ поживаетъ король, мой сынъ? Какъ идутъ его дѣла? Здоровъ ли онъ?» Посланники отвѣчали ему и изъяснили цѣль своего посольства. Тимуръ выслушалъ все, что они хотѣли ему сказать. Когда они кончили, Тимуръ обратился къ придворнымъ, сидѣвшимъ у его ногъ, изъ которыхъ одинъ былъ, какъ говорятъ, сынъ Тохтамыша, царствовавшаго въ Татаріи, другой былъ изъ рода царей самаркандскихъ, а остальные были важныя лица изъ рода самого Тимура, и сказалъ имъ: «Вотъ посланники, которыхъ посылаетъ мнѣ сынъ мой, король испанскій, первый изъ всѣхъ королей, какіе есть у Франковъ, что живутъ на концѣ свѣта. Они въ самомъ дѣлѣ великій народъ, и я дамъ мое благословеніе сыну моему, королю. Довольно было бы, если бы онъ прислалъ васъ только съ письмомъ, безъ подарковъ, потому что я такъ же радъ узнать о его здоровьѣ и дѣлахъ, какъ его подаркамъ.» Письмо, присланное королемъ Генрихомъ III, внукъ Тимура держалъ высоко предъ нимъ. Одинъ изъ посланниковъ, магистръ богословія, сказалъ, чрезъ переводчика, что это письмо, присланное королемъ, никто не съумѣетъ прочесть, кромѣ его, и что когда хану угодно будетъ прослушать его, онъ прочтетъ. Тогда Тимуръ взялъ письмо изъ рукъ своего внука, развернулъ его и сказалъ, что онъ желаетъ выслушать его сейчасъ. Магистръ отвѣчалъ, что онъ готовъ. Тогда Тимуръ сказалъ, что онъ послѣ пришлетъ за нимъ, что они сядутъ въ отдѣльной комнатѣ и онъ на свободѣ прочтетъ и скажетъ, чего онъ желаетъ. Затѣмъ посланниковъ подняли, повели и посадили на возвышеніи, по правую руку хана.

«Церемонія пріема однако не кончилась. Тимуръ замѣтилъ, что испанскихъ посланниковъ посадили ниже мѣста, на которомъ сидѣлъ китайскій посланникъ; послѣдній былъ непріятнымъ гостемъ для хана, потому что явился требовать дани, которую Тимуръ прежде платилъ ежегодно китайскому богдыхану, но не присылалъ ему уже восемь лѣтъ. Раздосадованный требованіемъ дани, Тимуръ не желалъ, чтобы Китайцу оказывались почести наравнѣ съ другими послами. Поэтому къ китайскому посланнику подошелъ одинъ изъ приближенныхъ хана и передалъ приказаніе, чтобы онъ, «посланный разбойника и злаго врага хана», не смѣлъ сидѣть выше тѣхъ, кого прислалъ сынъ и другъ его, испанскій король, прибавивъ, что ханъ

собирается повѣсить его, чтобы онъ не смѣлъ въ другой разъ являться къ нему съ такимъ порученіемъ. Испанцы и Китаецъ обмѣнялись мѣстами, и съ тѣхъ поръ на всѣхъ пирахъ ихъ усаживали въ такомъ порядкѣ. Когда всѣ усѣлись по своимъ мѣстамъ, началось угощеніе. Стали приносить жареную, вареную и соленую баранину и конину и складывать на большія, круглыя, золоченыя кожи съ ручками, служившія вмѣсто подносовъ. Наполнивъ эти кожи, прислужники потащили къ тому мѣсту, гдѣ сидѣлъ Тимуръ со своими гостями. Онѣ были такъ велики и тяжелы, что ихъ невозможно было нести, а надобно было тащить по землѣ, и то онѣ едва не разрывались подъ тяжестью наложеннаго на нихъ мяса. За двадцать шаговъ отъ ханскаго мѣста, тащившіе кожи остановились; явились рѣзатели въ передникахъ съ кожаными рукавами на рукахъ; они стали на колѣна и начали рѣзать мясо и укладывать его въ разныя чашки, золотыя, серебряныя, глиняныя, муравленыя и фарфоровыя. Послѣднія (по словамъ Клавихо) цѣнились очень дорого. Лучшія блюда, приготовленныя собственно для хана, состояли изъ лошадиныхъ и бараньихъ окороковъ, лошадиныхъ почекъ и бараньихъ головъ. Окончивъ свое дѣло, рѣзатели уставили всѣ кушанья рядомъ. Тогда явились другіе прислужники съ чашками бульона. Они положили въ бульонъ соли и, когда она распустилась, стали понемногу наливать на каждое блюдо, какъ подливку; затѣмъ, сверхъ мяса, положили тонкія хлѣбныя лепешки, сложенныя вчетверо. Когда все было готово, подошли ханскіе приближенные и сановники, взяли блюда и понесли ихъ къ хану; каждое блюдо несли по-двое и по-трое человѣкъ, потому что они были слишкомъ тяжелы для одного. Въ знакъ особаго благоволенія, Тимуръ приказалъ подать Испанцамъ два изъ тѣхъ блюдъ, которыя были поднесены ему. Кушанья подавались безостановочно, въ огромномъ количествѣ. Если бы посланники захотѣли, по обычаю, взять съ собою все, что передъ ними было поставлено, то имъ хватило бы пищи на полгода. За мясомъ слѣдовали плоды и очень вкусный, подслащенный кумысъ. Когда пиръ окончился, начался пріемъ подарковъ, состоявшій въ томъ, что ихъ только проносили передъ ханомъ. Этимъ заключилось торжественное представленіе посланниковъ, которыхъ подняли и увели въ новое помѣщеніе, невдалекѣ отъ ханскаго дворца.»

Отпустивъ всѣхъ своихъ гостей, Тимуръ приказалъ принести къ себѣ подарки кастильскаго короля, разсмотрѣлъ ихъ и остался ими очень доволенъ. Въ корзинахъ были пурпурныя ткани, которыми Тимуръ немедленно подѣлился со своими женами, — болѣе всѣхъ получила его главная жена, Ханымъ. Были также ковры съ затканными на нихъ изображеніями людей.

Клавихо описалъ также праздникъ, бывшій въ только-что отстроенномъ новомъ дворцѣ, который, расположенный посреди огромнаго квадратнаго сада, былъ обширнѣе и великолѣпнѣе всѣхъ, какіе Тимуръ только построилъ до того времени. Онъ былъ крестообразной формы и убранъ, какъ и другіе, золотомъ и лазурью. Передъ дворцомъ находился большой водоемъ; на каждомъ углу стѣны, окружавшей садъ, стояла высокая, круглая башня. Народу собралось такъ много, что только при посредствѣ тѣлохранителей для посланниковъ былъ очищенъ путь къ тому мѣсту, гдѣ былъ Тимуръ. Пиръ, данный въ этомъ саду, отличался тѣмъ, что на немъ было позволено пить вино. По словамъ Клавихо, для того, чтобы пить въ Самаркандѣ вино общественнымъ или частнымъ образомъ, необходимо было имѣть особое дозволеніе хана. Такимъ дозволеніемъ придворные и самъ ханъ воспользовались на славу. Прославъ Испанцамъ приглашеніе явиться на пиръ, Тимуръ доставилъ имъ и кувшинъ вина, прося ихъ выпить такъ, чтобы, пріѣхавши къ нему, «быть веселыми». Когда при дворѣ Тимура давали дозволеніе пить, то пить начинали раньше ѣды и пили безостановочно, такъ что, когда одни прислужники уставали наливать, приводили новыхъ, а между тѣмъ каждый прислужникъ наливалъ только одному или двумъ гостямъ. Никто не смѣлъ отказываться отъ питья, потому что это значило поступать противъ желаній хана, разрѣшившаго вино. Также нельзя было отказаться пить за здоровье хана или, выпивши, оставить хотя бы одну каплю въ чашѣ. Этотъ

пиръ отличался не однимъ питьемъ вина. Послѣ угощенія, надъ посланниками была исполнена церемонія одѣванія въ одежды, подаренныя ханомъ, и торжественный обрядъ обсыпанія деньгами. Для этого одинъ изъ придворныхъ подошелъ къ посланникамъ съ серебряною чашею въ рукахъ, наполненною серебряными монетами, и разсыпалъ ихъ надъ ними и надъ другими гостями. Этотъ обрядъ обозначалъ особенное торжественное привѣтствіе и употреблялся въ рѣдкихъ, важныхъ празднествахъ. Въ этотъ же день, до пріѣзда пословъ, самого хана привѣтствовали въ новомъ дворцѣ его жены и дѣти и обсыпали его золотомъ и драгоцѣнными камнями.

Передъ началомъ свадебныхъ празднествъ, Тимуръ имѣлъ торжественное вступленіе въ Самаркандскую крѣпость, во время котораго несли все оружіе, сработанное дамасскими плѣнниками въ теченіе семи лѣтъ. Въ числѣ этого оружія были три тысячи латъ и шлемовъ, сдѣланныхъ очень хорошо, но не довольно крѣпко и изъ не особенно искусно закаленной стали. Латы были вполнѣ похожи на европейскія, но только внизу были украшены полосою ткани, которая висѣла изъ-подъ нихъ точно рубашка. Шлемы были высокіе, круглые, съ широкимъ забраломъ. Послѣ торжественнаго вступленія въ крѣпость, ханъ одѣлилъ своихъ приближенныхъ новымъ оружіемъ. Свадебныя празднества происходили въ окрестностяхъ дворца Канигулъ, въ палаткахъ, раскинутыхъ на обширной равнинѣ, орошенной рѣкою и каналами. Весь дворъ, сановники, всѣ воины, всѣ городскіе торговцы получили приказаніе переселиться на эту мѣстность. Переселеніе совершилось спокойно и въ порядкѣ, потому что каждый зналъ то мѣсто, гдѣ ему слѣдовало поставить свою палатку. Въ три или четыре дня вокругъ ханскихъ палатокъ образовался станъ болѣе чѣмъ изъ 20,000 палатокъ, пестрѣвшихъ разноцвѣтными тканями, съ улицами и площадями. Каждый цехъ ремесленниковъ и торговцевъ занялъ свою отдѣльную улицу. Для народнаго увеселенія въ каждомъ цехѣ были устроены свои игры. Ханъ и знатные люди имѣли не по одной палаткѣ, а по нѣскольку, окруженныхъ одною общею оградою. Ограды были сдѣланы въ родѣ городской стѣны, иногда съ зубцами, вышиною въ ростъ человѣка, сидящаго на лошади, изъ разноцвѣтныхъ тканей, которыя придерживались на высокихъ столбахъ и натягивались или сдергивались при помощи толстыхъ шнуровъ. Входныя арки или двери были тщательно и роскошно украшены. Особеннымъ великолѣпіемъ отличался большой ханскій павильонъ, который былъ четырехъугольный; сводъ его, составлявшій крышу, опирался на 12 толстыхъ столбовъ. Къ вершинѣ столбовъ были прикрѣплены длинныя полосы шелковой ткани, изъ которыхъ образованы были арки или родъ гирляндъ. При входѣ были устроены высокія сѣни. Съ нижней стороны павильонъ былъ покрытъ шелковою тканью съ бѣлыми, желтыми и темными полосами. По угламъ павильона изъ средины поднимались высокіе столбы съ золотыми яблоками и лунами наверху. Между этими столбами, надъ павильономъ возвышалась цѣлая башня, также покрытая шелковою тканью. Башня была такъ высока, что издали казалась цѣлымъ замкомъ. Внутри павильонъ былъ обитъ краснымъ сукномъ, расшитымъ разноцвѣтными тканями и золотыми нитками. Богаче всего украшена была средина свода; по четыремъ угламъ его были изображены четыре орла, со сложенными крыльями. Одиннадцать оградъ, принадлежавшихъ женамъ и невѣсткамъ хана, стояли рядомъ; каждая изъ нихъ была отдѣлана особымъ цвѣтомъ. Многія изъ этихъ палатокъ соединялись крытыми ходами или были смежны между собою.

Въ одной изъ палатокъ, принадлежавшихъ главной женѣ, для дверей были употреблены бронзовыя дверныя доски, съ изображеніями св. Петра и св. Павла, захваченныя Тимуромъ въ Бруссѣ. Эти двери были такъ высоки, что въ нихъ можно было въѣхать верхомъ. Онѣ были покрыты позолоченнымъ серебромъ и отдѣланы рисункомъ изъ эмали и инкрустаціею изъ золота и лазури. Книги въ рукахъ апостоловъ были также покрыты золотомъ. Въ этой палаткѣ, въ числѣ другихъ драгоцѣнностей и рѣдкостей, былъ шкапикъ изъ чистаго золота, съ украшеніемъ изъ драгоцѣнныхъ камней, наполненный такою же посудою, и золотой столикъ съ изум-

рудомъ. Замѣчательнѣе же всего было золотое дерево, въ родѣ дуба. Стволъ его былъ толщиною въ ногу человѣка, а вышина въ ростъ человѣка; вѣтви его расходились въ разныя стороны и на нихъ было множество драгоцѣнныхъ камней, изображавшихъ плоды; на вѣткахъ сидѣли маленькія золотыя птички, разукрашенныя эмалью, и держали въ клювахъ бирюзу, жемчугъ и изумруды.

Ханскія ограды были окружены рядами бочекъ съ виномъ; за этотъ рядъ никто не смѣлъ пройти, потому что тутъ ѣздили верхомъ стражи съ луками, стрѣлами, дубинами и въ каждаго, проходившаго за рядъ, пускали стрѣлы или до полусмерти били дубинами. По всему полю, вокругъ ханской ставки, стояло множество народа и ждало выхода Тимура. Походная мечеть, которую онъ возилъ всюду съ собою, разбиралась и складывалась. Это было высокое деревянное строеніе, украшенное также золотомъ и лазурью, съ лѣстницею при входѣ, окруженное навѣсами и хорами.

Свадебныя празднества продолжались, по словамъ Клавихо, болѣе двухъ недѣль, съ 6-го по 23 октября, а по словамъ Шерефеддина — два мѣсяца. Кушанья привозили телегами; огромныя бочки съ виномъ были разставлены по полю. По ханскому приказанію, по всѣмъ улицамъ и площадямъ ходилъ глашатай и объявлялъ народу: «Теперь время праздника, веселья и радости; никто не долженъ ссориться или браниться; богачъ не долженъ обижать бѣднаго, сильный не смѣетъ трогать слабаго, и никто не обязанъ отдавать другому отчетъ въ томъ, что онъ сдѣлалъ». Такое разрѣшеніе касалось мелкихъ проступковъ, но не преступленій, потому что около тѣхъ мѣстъ, гдѣ находились палатки торговцевъ, было поставлено нѣсколько висѣлицъ, чтобы показать, что ханъ умѣетъ оказывать милости добрымъ и наказывать злыхъ.

Наиболѣе замѣчательнымъ праздникомъ былъ тотъ, на которомъ присутствовали всѣ жены Тимура. Онъ происходилъ въ палаткахъ, принадлежавшихъ хану. Въ началѣ скоморохи дѣлали передъ ханомъ разныя представленія. Передъ ханскимъ мѣстомъ было поставлено около трехсотъ кувшиновъ съ винами и два треножника, составленные изъ трехъ красныхъ кольевъ, на которыхъ были натянуты кожи. Въ нихъ наливали молоко и, размѣшивая съ сахаромъ, приготовляли прохладительное питье. Когда всѣ размѣстились по своимъ мѣстамъ, изъ одной сосѣдней ограды вышла Ханымъ, главная жена хана. На ней было платье изъ красной шелковой ткани, вышитой золотомъ, широкое и длинное, волочившееся по землѣ. Въ платьѣ не было рукавовъ и никакихъ отверстій кромѣ того, въ которое проходила голова, и проймъ, сквозь которыя просовывались руки. Оно было просторно, безъ всякаго пояса и до того широко внизу, что подолъ его несли пятнадцать женщинъ: безъ этой помощи Ханымъ не могла бы идти. На лицѣ ея было столько бѣлилъ и разныхъ бѣлыхъ красокъ, что оно казалось бумажнымъ. Краски эти накладываются для предохраненія отъ солнца. Передъ лицомъ у нея была тонкая бѣлая ткань, а на головѣ подобіе шлема изъ красной ткани, которая спускалась немного на плечи. Шлемъ былъ очень высокъ и на немъ было много крупнаго, свѣтлаго и круглаго жемчуга, много рубиновъ и бирюзы и разныхъ другихъ каменьевъ, очень красиво вставленныхъ. Та ткань, которая спускалась на плечи, была вышита золотомъ, а сверху былъ надѣтъ очень красивый вѣнокъ изъ золота, въ которомъ было много драгоцѣнныхъ каменьевъ и крупнаго жемчуга. Наверху шлема было нѣчто въ родѣ маленькой бесѣдки, въ которую были вставлены три рубина, шириною въ два пальца, прозрачные и чрезвычайно красивые, съ сильнымъ блескомъ. Наверху былъ бѣлый султанъ въ локоть вышиною; нѣкоторыя перья спускались внизъ, до лица и до самыхъ глазъ. Перья эти были связаны вмѣстѣ золотою ниткою, на концѣ которой была кисть изъ птичьихъ перьевъ съ драгоцѣнными каменьями и жемчугомъ. Когда Ханымъ шла, то ея шлемъ раскачивался въ разныя стороны и нѣсколько женщинъ поддерживали его. Ея очень черные волосы были распущены по плечамъ. Въ Самаркандѣ болѣе всего цѣнились черные волосы, а потому многія женщины красили свои волосы, чтобы они были черными. Съ главною женою Тимура было болѣе трехъ сотъ женщинъ.

Одинъ человѣкъ несъ надъ нею балдахинъ изъ бѣлой шелковой ткани. Впереди Ханымъ и женщинъ, ее сопровождавшихъ, шло много евнуховъ, которые смотрятъ за ханскими женами. Ханымъ сѣла на возвышеніи возлѣ Тимура, немного позади его.

Когда Ханымъ сѣла на свое мѣсто, изъ другой ограды вышла другая жена, по имени Кичикъ-Ханымъ, т. е. младшая царица, одѣтая такъ же, какъ и первая, съ такою же свитою и такою же обстановкою. Она заняла мѣсто немного ниже первой. Такимъ образомъ, одна за другою, вышли девять женщинъ, которыя, впрочемъ, не всѣ были женами Тимура. Одна изъ нихъ была жена его сына, Миранъ-Шаха, по имени Хансаде, которая пользовалась особымъ почетомъ при дворѣ Тимура. Когда всѣ усѣлись, подали вино и кумысъ. Ханскимъ женамъ напитки подавались съ особыми церемоніями и притомъ не слугами, а членами ханскаго семейства. Они подходили съ бѣлыми полотенцами въ рукахъ, а за ними слуги несли маленькія золотыя чаши на золотыхъ же блюдечкахъ. Дойдя до половины дороги, они преклоняли правое колѣно три раза, поднимаясь и опускаясь, но не двигаясь съ мѣста. Затѣмъ они брали чаши полотенцами, чтобы не прикоснуться къ нимъ руками, подходили къ тому мѣсту, гдѣ сидѣли ханскія жены, и становились на колѣна. Жены брали чаши, а они, съ блюдцами въ рукахъ, отступали немного назадъ и, вновь преклонивъ правое колѣно, ждали. Когда вино было выпито, они подходили, тѣмъ же порядкомъ брали чаши на блюдца и уходили, не поворачиваясь спиною къ ханскимъ женамъ. Иногда ханши приказывали имъ выпить самимъ; тогда они отходили въ сторону, становились на колѣна, выпивали до дна и переворачивали чашу, чтобы показать, что ничего въ ней не осталось, причемъ каждый что-нибудь разсказывалъ о своихъ подвигахъ.

По словамъ Клавихо, каждый изъ окружавшихъ Тимура зналъ свое дѣло. Одни сановники разрѣшали споры, другіе вели дѣла, касавшіяся ханской казны; нѣкоторые завѣдывали намѣстниками, управлявшими разными землями и городами, а другіе опять имѣли дѣло съ иностранными посланниками. Всѣ эти сановники выслушивали тѣхъ, кто къ нимъ приходилъ, рѣшали дѣла и потомъ докладывали Тимуру. Если нужно было составить бумагу, то писаря приготовляли ее, не распространяясь слишкомъ много, заносили ее въ записную книгу и ставили знакъ. Другіе провѣряли бумагу и прикладывали свои печати, послѣ чего уже прикладывалась ханская печать. Тимуръ въ своихъ запискахъ говоритъ объ этой печати, «что, при одномъ моемъ посѣщеніи святаго шейха (Инъ-Али-Шади), онъ опоясалъ меня своею собственною шалью, надѣлъ мнѣ на голову свою собственную шапку и подарилъ мнѣ корналинъ, на которомъ были вырѣзаны слова: «правда и спасеніе». Я счелъ это за хорошее предзнаменованіе, прибавилъ свое имя и вдѣлалъ въ печать.»

Въ исторіи Тимуръ-ленгъ-хана на персидскомъ языкѣ («Тарихи-Тимуръ») разсказаны послѣдніе дни его жизни, когда онъ собрался походомъ на Китай. На пути въ Самаркандъ, проѣзжая мимо Шахъ-Зендинскихъ высотъ, Тимуръ замѣтилъ невдалекѣ пещеру, а у входа въ нее — неизвѣстнаго человѣка. Тимуръ спросилъ его, что это за пещера? Незнакомецъ отвѣчалъ, что въ этой пещерѣ скрывался въ давніе годы родственникъ пророка Абусъ-Казымъ-Аббасъ, иначе Шахъ-Зенда. Тимуръ повелѣлъ незнакомцу войти въ пещеру и узнать, что въ ней находится. Незнакомецъ первоначально не рѣшался исполнить подобное порученіе, но, по настоятельному требованію, спустился туда на веревкѣ. Пещера эта существуетъ и въ настоящее время, но входить въ нее опасно, потому что на одной изъ ея стѣнъ большая глыба угрожаетъ паденіемъ.

По возвращеніи изъ пещеры, незнакомецъ разсказалъ слѣдующее: «Спускаясь внизъ по веревкѣ, я услышалъ странный шумъ, а сильный вѣтеръ доносилъ до моего обонянія очень пріятный ароматъ. Когда наконецъ я достигъ до дна пещеры, то первоначально увидѣлъ мраморный прудъ съ водою, чистою, какъ серебро. Около пруда красовались огромныя чинаровыя, карагачевыя и фруктовыя деревья. Подъ ними, на возвышеніи, устланномъ коврами, си-

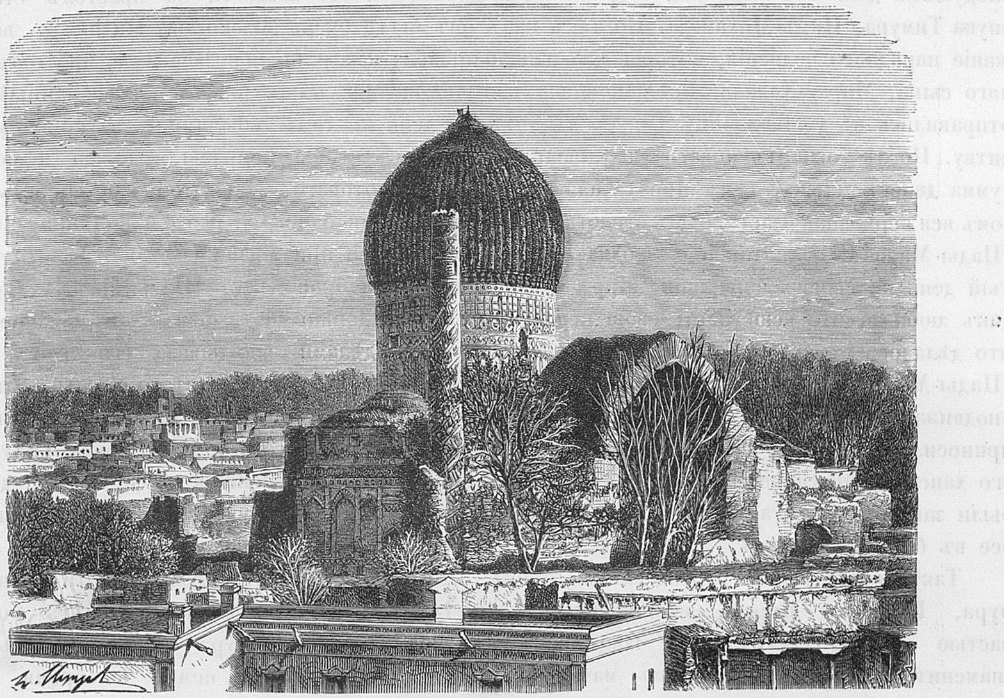
дѣли 12 муллъ, въ бѣлыхъ чалмахъ и бѣлыхъ одеждахъ. Повидимому, они что-то читали. Надъ прудомъ возвышался великолѣпный балдахинъ, подъ которымъ сидѣлъ прекрасный юноша, одѣтый въ бѣлое, подобно мулламъ. Когда я остановился у входа въ этотъ роскошный садъ, то одинъ изъ муллъ замѣтилъ меня и сказалъ остальнымъ: «къ намъ пришелъ человѣкъ съ того свѣта, спросимъ его, какъ онъ зашелъ къ намъ и для чего именно». — Я имъ отвѣчалъ, что на томъ свѣтѣ существуетъ Тимуръ - повелитель, который приказалъ мнѣ узнать, что находится въ пещерѣ, въ которой, какъ видно изъ священныхъ книгъ, скрылся когда-то родственникъ нашего пророка, великій Шахъ-Зенда. — «Мы знаемъ Тимура», отвѣчали мнѣ муллы, «но скажи, все ли ты видѣлъ?» — Все видѣлъ, — сказалъ я, — и благодарю Всевышняго за то, что онъ сподобилъ меня узнать такія чудеса.—Послѣ того 12 муллъ подошли къ сидѣвшему подъ балдахиномъ юношѣ и начали съ нимъ разговаривать, но такъ тихо, что я ничего не могъ разслышать. Спустя нѣкоторое время, юноша подозвалъ меня къ себѣ и подалъ мнѣ красивый ларчикъ съ слѣдующими словами:—«Вотъ тебѣ ларчикъ, который ты долженъ вручить Тимуру въ собственныя его руки. Предупреждаю тебя, что ты никому не долженъ разсказывать о томъ, что видѣлъ здѣсь, иначе ты лишишься зрѣнія и все твое поколѣніе будетъ слѣпое». Съ этими словами юноша отпустилъ меня.»

Получивъ ларчикъ, Тимуръ долго не рѣшался вскрыть его, но наконецъ приказалъ это сдѣлать одному изъ своихъ приближенныхъ. Въ ларчикѣ оказались только три буквы: *алифъ*, *залъ* и *джимъ*. Сначала никто не могъ понять, что это значитъ; но когда догадались соединить ихъ вмѣстѣ, то вышло словъ «азаджа», что значитъ «конецъ всему». Приближенные Тимура единогласно рѣшили, что эти слова имѣютъ своего рода таинственное значеніе, а именно, что или Тимуръ самъ скоро умретъ, или его походъ въ Китай окончится неудачею. Между тѣмъ въ Самаркандѣ Тимуръ получилъ извѣстіе, что въ Шахрисябсъ прибыли китайскіе послы. Онъ далъ имъ знать, что приметъ ихъ въ Акъ-Сараѣ, цитадели вышиною въ 40 саженъ. Тимуру, на пути изъ Самарканда въ Шахрисябсъ къ посламъ, въ одномъ селеніи поднесена была однимъ изъ жителей корзина съ яблоками. Тимуръ взялъ одно яблоко, но нечаянно уронилъ его изъ рукъ. Тогда визирь Тимура, Кумары (онъ родился въ одинъ годъ съ Тимуромъ и воспитывался вмѣстѣ съ нимъ; Тимуръ, по воцареніи, назначилъ его своимъ первымъ министромъ), сказалъ ему: «Повелитель, это признакъ нехорошій; онъ предвѣщаетъ упадокъ твоего могущества; поэтому я не совѣтовалъ бы тебѣ предпринимать походъ противъ Китайцевъ». Тимуръ отвѣчалъ ему: «Все, что случится съ нами въ этомъ походѣ, произойдетъ по волѣ Божіей».

На слѣдующій день Тимуръ подъѣхалъ къ рѣкѣ, протекающей подъ стѣнами Шахрисябса, и сталъ чрезъ нее переправляться. На срединѣ рѣки Тимуръ придержалъ своего коня, желая напоить его, но при этомъ движеніи съ указательнаго пальца эмира упалъ въ воду перстень, украшенный его именемъ. Тимуръ до того былъ пораженъ этимъ случаемъ, что нѣсколько минутъ не двигался съ мѣста. Кумары вновь замѣтилъ ему, что это дурная примѣта: «Вотъ тебѣ и другой признакъ, который предвѣщаетъ несчастіе; еще разъ прошу тебя не предпринимать похода въ Китай». Тимуръ, какъ и при первомъ предостереженіи, отвѣчалъ ему: «Что бы ни случилось съ нами въ этомъ предпріятіи, — все случится по волѣ Божіей». Въ Шахрисябсѣ, въ Акъ-Сараѣ, Тимуръ принялъ китайскихъ пословъ, изъ которыхъ одинъ вручилъ ему письмо слѣдующаго содержанія: «До слуха нашего дошло, что ты, Тимуръ, имѣешь намѣреніе идти противъ насъ; но напрасно ты это предпринимаешь, потому что для того, чтобы дойти до Китая, надобно побѣдить много препятствій и пройти обширное пространство безводной степи. Къ тому же въ Китаѣ 12,000 городовъ, въ которыхъ находится большое число войскъ и много очень хорошихъ начальниковъ; каждый изъ этихъ начальниковъ имѣетъ при себѣ по 12,000 воиновъ. Поэтому ты никогда не достигнешь своей цѣли, и я совѣтую тебѣ не предпринимать такого опаснаго шага; ты скорѣе со стыдомъ погибнешь въ чужой сторонѣ, чѣмъ возьмешь наше государство». Прочитавъ письмо китайскаго повелителя, Тимуръ сильно раз-

гнѣвался и въ гнѣвѣ бросилъ свой платокъ изъ дверей Акъ-Сарая. Сидѣвшіе въ пріемной сановники Тимура, числомъ 8,000 человѣкъ, бросились всѣ съ цитадели, чтобы поднять кинутый ихъ повелителемъ платокъ. Видя такое самопожертвованіе со стороны почетныхъ лицъ, посланники въ крайнемъ удивленіи сказали, что они еще никогда не видывали такой глубокой преданности народа къ своему повелителю.

По отъѣздѣ китайскихъ посланниковъ, Тимуръ выѣхалъ изъ Шахрисябса и сталъ приготовляться къ задуманному имъ походу. Передъ окончательнымъ выступленіемъ въ походъ, Тимуръ раздѣлилъ свои владѣнія между своими сыновьями. Въ городъ Багдадъ онъ назначилъ правителемъ своего втораго сына, Миранъ-Шаха, иранскія владѣнія поручилъ Мирзѣ-Курабаю, своему третьему сыну, а индостанскія области — первому своему внуку, Мирзѣ-Пиръ-Моха-



Мечеть Гуръ-Эмиръ.

меду. Тимуръ приказалъ своимъ сыновьямъ немедленно отправиться къ назначеннымъ имъ мѣстамъ. Начальникомъ всѣхъ войскъ, выступившихъ противъ Китая, онъ назначилъ Мирзу-Улугъ-бека.

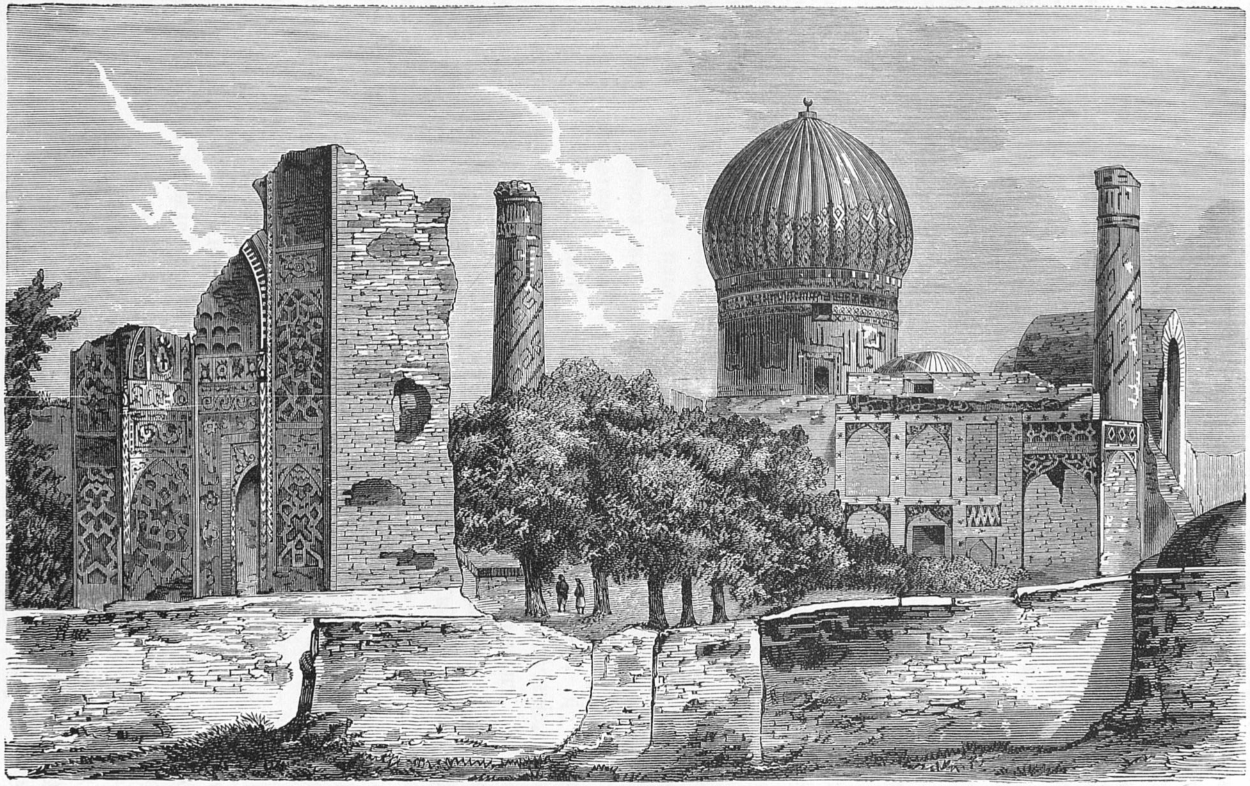
Когда войска Тимура уже прошли довольно большое разстояніе отъ Самарканда, Кумары сказалъ своему государю: «Великій повелитель! Я долженъ скоро разстаться съ тобою; наднахъ я умру». Въ это время поднялась сильная гроза, пошелъ такой проливной дождь, что люди отказались идти далѣе и упросили Тимура остановиться на ночлегъ. Пока раскладывали шатры, Кумары сѣлъ подъ дерево, которое одиноко возвышалось надъ степью. Не успѣлъ онъ снять съ головы чалму, какъ молнія ударила въ дерево, расколола его надвое и поразила на смерть великаго визиря. Распорядившись отправленіемъ въ Самаркандъ тѣла умершаго визиря, Тимуръ приказалъ войскамъ продолжать походъ, но въ городѣ Отрарѣ (на устьѣ рѣки Арыса, въ 38 верстахъ отъ города Туркестана, въ настоящее время видны развалины, которыя признаются остатками города Отрара) самъ занемогъ. Съ каждымъ днемъ ему становилось хуже. На четвертый день болѣзни, Тимуръ, окончательно ослабѣвъ, призвалъ къ себѣ всѣхъ своихъ

приближенныхъ, и сказалъ имъ: «Я умираю, оставляя васъ на волю Божію. Мнѣ кажется, что для всѣхъ васъ я сдѣлалъ все, что могъ; теперь прошу васъ простить меня. Надѣюсь, что порядокъ, который былъ при мнѣ, продолжится на долгое время, и съ тѣмъ вмѣстѣ прошу васъ всѣхъ быть преданными моему внуку, Пиръ-Мохамеду, какъ были преданы мнѣ. Онъ послѣ смерти моей долженъ занять мое мѣсто. О Господи міровъ! Благодарю Тебя за всѣ милости, какія Ты даровалъ мнѣ и моему отечеству!» Съ этими словами Тимуръ скончался, въ понедѣльникъ, 17 октября 1405 года.

На другой день тѣло усопшаго обвернули бѣлымъ полотномъ, зашили въ кожу и, навьючивъ на лошадь, повезли въ Самаркандъ, куда оно было привезено въ субботу ночью и погребено въ зданіи мечети Гуръ-Эмиръ, которую Тимуръ заранѣе построилъ для этой цѣли. На слѣдующій день всѣ вельможи собрались на совѣтъ, чтобы возвести на престолъ старшаго внука Тимура, Пиръ-Мохамеда. Но такъ какъ онъ былъ очень далеко, въ Индіи, то, во избѣжаніе народнаго волненія, которое уже начало проявляться, рѣшили возвести на престолъ средняго сына, Мирзу-Халила. Всѣ сановники, во главѣ которыхъ находился и новоизбранный ханъ, отправились въ усыпальницу Тимура въ тотъ же день и тамъ совершили заупокойную молитву. Послѣ того отъ новаго хана были розданы съѣстные припасы, одежда и большая сумма денегъ. Между тѣмъ Мирза-Халилъ, въ рукахъ котораго сосредоточилась такимъ образомъ вся верховная власть, былъ страстно влюбленъ въ дочь одного ходжи, Сейфутдина, по имени Шады-Малекъ, на которой онъ однако не могъ жениться при жизни своего отца. На четвертый день по своемъ воцареніи, Мирза-Халилъ сочетался бракомъ съ Шады-Малекъ, которую такъ любилъ, что всю власть свою передалъ ей. Дѣло дошло до того, что ханъ даже не зналъ, что дѣлалось въ его государствѣ, потому что всѣми дѣлами завѣдывала его жена. Когда Шады-Малекъ окончательно завладѣла властью, великое ханство стало падать. Старыхъ сподвижниковъ Тимура она замѣнила новыми, молодыми, которые по неопытности своей приносили своему отечеству только одинъ вредъ. Чрезъ два года послѣ смерти Тимура, въ его ханствѣ произошелъ большой переворотъ; области, оставленныя имъ своимъ дѣтямъ, были завоеваны врагами; съ каждымъ годомъ великое государство Тимура стало приходить все въ большій упадокъ.

Такъ повѣствуетъ персидскій историкъ. Но извѣстно, что, послѣ смерти сына Тимура, Шахруха-Мирзы, скончавшагося въ 1446 году и успѣвшаго овладѣть большею частью земель своего отца, государемъ бывшей имперіи Тимура сдѣлался Улугъ-Бекъ, знаменитый своею любовью къ математическимъ наукамъ. При немъ, во время войны его съ племянникомъ Алахтъ-Давлетомъ, узбекская конница ограбила окрестности Самарканда. Въ 1451 году Узбеки вновь заняли его и разорили совершенно, но окончательно имъ овладѣли только въ 1499 году. При Узбекахъ Самаркандъ низошелъ до степени варварскаго города.

Прежнее величіе Самарканда, временъ Тимура, затмилось. Ханыковъ, прожившій въ сороковыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія восемь мѣсяцевъ въ Бухарѣ, нашелъ, что Самаркандъ, который поэты называли «раемъ земли», долженъ былъ много потерять, чтобы дойти до того положенія, въ которомъ его засталъ въ то время Ханыковъ, хотя оно и не было такъ плачевно, какъ можно было думать изъ разсказовъ. Стѣна Самарканда имѣла видъ довольно правильнаго четыреугольника и находилась въ хорошемъ состояніи. Сѣверная сторона стѣны была шире, западная неправильнѣе всѣхъ остальныхъ, потому что тамъ цитадель выдавалась довольно далеко изъ городской стѣны. Въ послѣдней сдѣланы были бойницы и бурджы или выступы, въ видѣ маленькихъ башенъ, одной величины со стѣною. Воротъ въ городѣ было шесть. Окружность города составляла 13 верстъ, а площадь его равнялась 2,280,000 квадрат. саженъ (2,533 танапамъ), 500 танапами превосходила площадь Бухары, что зависѣло отъ большаго числа садовъ въ Самаркандѣ. По словамъ Ханыкова, Самаркандъ въ прежнія времена былъ



Т. Х. Мечеть Гуръ-Эмиръ въ Самаркандѣ.

несравненно обширнѣе: остатки стѣны, окружавшей его, онъ видѣлъ верстахъ въ четырехъ отъ новой стѣны, съ западной стороны. Съ сѣверной же стороны все пространство почти до самаго Зеравшана, или верстъ на шесть, покрыто было развалинами, называемыми Калаи-Афросіабъ. При Тимурѣ же пространство Самарканда было такое, какъ и при Ханыковѣ, съ тою лишь разницею, что окрестности были обработаннѣе. По словамъ Ханыкова, городъ снабжался водою тремя потоками, изъ которыхъ олинъ входилъ въ городъ нѣсколько восточнѣе воротъ Ходжа-Ахрара и, обогнувъ восточную и сѣверную стѣны цитадели, выходилъ на пашни, окружающія Самаркандъ; другой, втекая въ городъ около воротъ Сузянъ-Гиранъ, выходилъ изъ Самарканда съ восточной стороны городской стѣны и соединялся съ третьимъ потокомъ, омывавшимъ ее съ этой стороны и впадавшимъ въ Абибяшяртъ или въ Аби-Мешедъ, окружавшую городъ съ сѣверной стороны. Каменныхъ караванъ-сараевъ въ Самаркандѣ было два, а бань три. Главныя достопримѣчательности Самарканда при немъ состояли въ остаткахъ прошедшихъ временъ, «потому что настоящее поколѣніе не только не создаетъ ничего достойнаго описанія, но и разрушаетъ то, что было сдѣлано прежде».

Достопримѣчательности Самарканда описаны Ханыковымъ. По его словамъ, цитадель самаркандская весьма велика. Она болѣе не только бухарской, но даже и каршинской, имѣя въ окружности 3 версты 100 саж. Поверхность ея равняется 40,000 квадрат. сажен. или 100 танапамъ. Въ цитадели расположены: кладбище Кутфи Чаръ-Дяхумъ, дворецъ эмира, гдѣ находится тотъ знаменитый синій камень, на который всякій ханъ долженъ возсѣсть, чтобы не оставить сомнѣнія въ своемъ эмирствѣ; домъ губернатора, нѣсколько мечетей и дома частныхъ людей. Гробница Тимура находится въ высокомъ восьмиугольномъ зданіи съ возвышеннымъ куполомъ. Внутренность этого зданія состоитъ изъ двухъ комнатъ. Въ первой, составляющей какъ бы придѣлъ самой мечети, находится надгробный памятникъ Тимура. Полъ ея устланъ бѣлыми мраморными плитами, а стѣны испещрены надписями изъ корана и кое-гдѣ весьма хорошо сохранившеюся позолотою. Въ срединѣ второй комнаты, на мраморномъ пьедесталѣ, окруженномъ рѣшеткою, высѣченною изъ того же камня, стоитъ надгробный камень Тимура, имѣющій форму усѣченной четырехъ-угольной пирамиды, фута три вышиною и отъ пяти до шести футовъ длиною, поставленной на верхнее свое сѣченіе. Цвѣтъ камня темно-зеленый, переходящій въ черный; онъ весьма хорошо выполированъ. Надиръ-Шахъ, при взятіи Самарканда, велѣлъ его привезти къ себѣ, причемъ его раскололи надвое. Вокругъ этого памятника расположены плиты бѣлаго мрамора, составляющія надгробныя доски членовъ семейства Тимура. Подъ описанною комнатою находится склепъ, въ который спускаются почти на четверенькахъ. Онъ заключаетъ въ себѣ гробы вышеназванныхъ лицъ; мѣста, гдѣ они похоронены, означены мраморными плитами съ надписями. Въ срединѣ города были три медрессе, построенныя еще при Тимурѣ, а именно: медрессе Улугъ-Бека, медрессе Ширъ-Дарь и медрессе Тиллякари. Они расположены по странамъ свѣта — послѣднее на сѣверъ, второе на востокъ, а первое на западъ. Они были раздѣлены двумя улицами, перпендикулярно пересѣкавшимися, и представляли собою прямыя четырехъ-угольныя зданія, по угламъ которыхъ возвышались прежде высокія манары, уже во время Ханыкова большею частію обрушившіяся; стѣны ихъ были украшены изразцовою мозаикою, поражавшею своею пестротою, нелишенною вкуса. Надъ входомъ въ медрессе Ширъ-Дарь еще ясно сохранялось въ то время мозаическое изображеніе двухъ животныхъ, имѣющихъ отдаленное сходство со львами. Самое красивое медрессе было Тиллякари, самое небольшое, но и болѣе другихъ пострадавшее отъ времени. Ханыковъ не сообщаетъ числа студентовъ, бывшихъ въ его время въ самаркандскихъ высшихъ училищахъ (медрессе), но, по его словамъ, въ Бухарѣ такихъ училищъ было 103 (онъ сообщаетъ названіе 60 главныхъ), въ которыхъ въ 1840 году было отъ 9,000 до 10,000 студентовъ, получавшихъ въ годъ отъ 3 до 20 тиллъ и жившихъ въ верхнемъ этажѣ, потому что нижній былъ посвященъ чтенію лекцій. Внутренности мечетей, принадлежавшихъ къ самарканд-

скимъ медрессе, сохраняли еще много остатковъ своего прежняго великолѣпія. Лазурь и золото, покрывавшія ихъ стѣны, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ были еще необыкновенно свѣжи. Замѣчательнѣе всего то, что позолота по большей части повсюду состояла изъ позлащенной бумаги, наклеенной еще во времена Тимура и не потерявшей своего блеска. Къ сѣверу отъ упомянутыхъ медрессе, вблизи воротъ Шаха-Зенда, находилось медрессе Ханымъ. Это медрессе состоитъ изъ трехъ мечетей съ высокими куполами, соединенныхъ между собою четыреугольнымъ строеніемъ. Въ восточной сторонѣ его находились огромныя бронзовыя ворота, украшенныя надписями и рисунками; но эмиръ Хайдаръ приказалъ перелить ихъ въ мѣдную монету. Лучше всѣхъ, по словамъ Ханыкова, сохранился западный куполъ, хотя въ немъ онъ уже видѣлъ отверстіе, образованное вывалившимися кирпичами. Подъ этимъ куполомъ стоялъ огромный мраморный столъ на 9 ножкахъ, имѣвшій видъ двухъ пюпитровъ, сдвинутыхъ вмѣстѣ. Столъ

Городскія ворота въ Самаркандѣ.

былъ обращенъ къ высокому окну, изъ котораго, по преданіямъ, Ханымъ читала коранъ, написанный огромными буквами и лежавшій на этомъ столѣ. Ефремовъ, бывшій въ Самаркандѣ въ семидесятыхъ годахъ XVIII столѣтія, еще видѣлъ эту книгу, хотя онъ, не зная восточныхъ языковъ, не могъ сообщить, что собственно въ ней заключается. Во время Ханыкова, главное достоинство стола, по мнѣнію суевѣрныхъ туземцевъ, состояло въ томъ, что всякій, кто проползалъ подъ нимъ, избавлялся на всю жизнь отъ боли въ спинѣ. Нѣсколько восточнѣе этого зданія, по сообщенію Ханыкова, находится могила Ханымъ; но она до того пострадала отъ времени, что онъ не могъ составить себѣ понятіе о первоначальномъ ея видѣ.

Изъ зданій, находившихся внѣ Самарканда, Ханыковъ упоминаетъ только объ одномъ дворцѣ Тимура, который находился въ сѣверной части города и назывался Хазряти-Шахи-Зиндя. Остатки стѣнныхъ украшеній, состоявшіе преимущественно изъ фарфоровой мозаики, поражали своею красотою и великолѣпіемъ. Наружный видъ дворца своимъ изяществомъ соотвѣтствовалъ его внутренности. Особенно хорошъ былъ видъ дворца съ южной стороны, потому что тогда глазъ обнималъ всю перспективу дворцовыхъ зданій, посреди которыхъ шла

широкая и великолѣпная лѣстница. Этотъ дворецъ Тимура считался у мусульманъ священнымъ мѣстомъ, на поклоненіе которому они приходили издалека.

Въ Самаркандѣ Ханыковъ насчитывалъ отъ 25,000 до 30,000 жителей. Въ главные базары, по вторникамъ и воскресеньямъ, пространство, отдѣляющее медрессе Ханымъ отъ медрессе Ширъ-Даръ, до того наполнялось при немъ народомъ, что даже всадники едва имѣли возможность подвигаться впередъ. Такая тѣснота происходила отъ множества жителей, пріѣзжавшихъ въ Самаркандъ на означенные базары изъ его окрестностей.

Со стороны Джизака въ Самаркандъ въѣзжаютъ воротами Шаха-Зенда или Хазрета-Шахъ-Дервазе, каменными, съ караулками по обѣимъ сторонамъ. Ворота Шаха-Зенда (живаго царя) особенно бываютъ оживлены въ базарные дни, когда въ городъ направляются тысячи окрест-

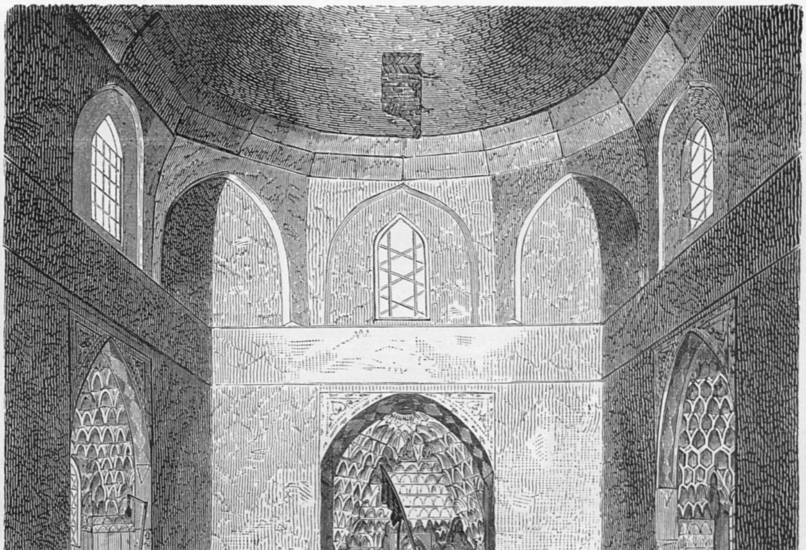
Видъ Самарканда съ Ригистанской площади.

ныхъ жителей. Отъ нихъ старая дорога проходитъ прямо чрезъ весь городъ. По правую сторону ея являются развалины мечети Ханымъ, отъ которой лучше всего сохранился ея западный куполъ; стѣны мечети покрыты изразцовою мозаикою. Вскорѣ начинается базаръ, послѣ чего показывается Чарсу, небольшая каменная сквозная бесѣдка, наполненная мелочными лавочками. Мимо этой бесѣдки дорога выходитъ на Ригистанъ, площадь, центръ города, арена его духовной и общественной жизни. Эта площадь—довольно бойкое и красивое мѣсто. Ригистанъ — продолговатая площадь, почти въ 500 квадратныхъ саженъ, обставленная съ трехъ сторонъ громадными медрессе, съ сѣвера Тиллякари, съ востока Ширъ-Даръ, а съ запада Улугъ-Бека. Въ 1823 году сильное землетрясеніе разрушило манары медрессе Улугъ-Бека. Съ Ригистанской площади открывается одинъ изъ лучшихъ городскихъ видовъ Самарканда.

Куполъ мечети Улугъ-Бека былъ будто бы въ прежнее время золотой и освобождался отъ тента только въ годовые праздники рамазана и курбана. Если и теперь въ праздники площадь Ригистана, съ ея громадными, древними постройками изъ яркихъ изразцовъ и надписями изъ корана, наполненная народомъ, цвѣтныя одежды котораго освѣщаются яркимъ солнцемъ,

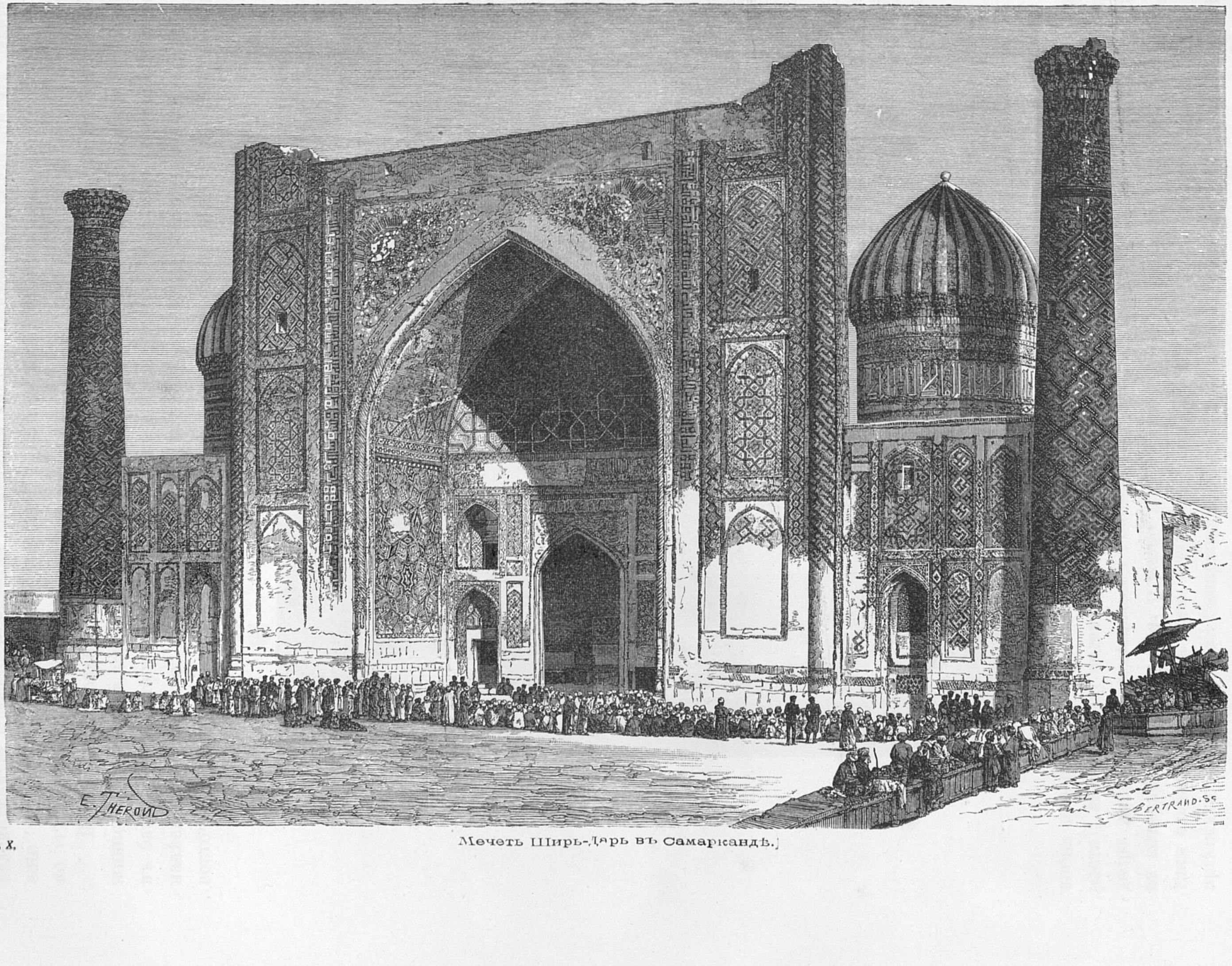
представляетъ поразительное своею оригинальностью зрѣлище, то можно представить себѣ великолѣпную картину Ригистана во времена величія Самарканда, когда всѣ эти зданія не были еще разрушены. Мечети Улугъ-Бека и Ширъ-Дарь, стоящія одна противъ другой, имѣютъ по угламъ передняго фаса по одному минарету (манары), а всего четыре.

Восточная половина Ригистана покрыта столиками съ разными мелкими товарами, причемъ живность разложена на землѣ на цыновкахъ. Число такихъ столовъ и продавцовъ увеличивается въ базарные дни, причемъ для защиты отъ солнца въ знойные дни устраиваются зонты и навѣсы изъ тѣхъ же цыновокъ. На Ригистанъ выходитъ нѣсколько улицъ. Отъ сѣверо-восточнаго края площади, между Тиллякари и покачнувшимся минаретомъ Улугъ-Бека, идетъ



Гробница Тимура въ мечети Гуръ-Эмиръ.

вновь проложенная Русскими улица, съ лавками по обѣимъ сторонамъ. Это новые ряды (янги-раста). Новая улица ведетъ на эспланаду передъ крѣпостью. Въ ней замѣчателенъ пріемный дворъ эмировъ, съ знаменитымъ синимъ камнемъ (кокъ-ташъ), на которомъ сидѣлъ Тимуръ и на который преемники его, а равно и бухарскіе эмиры, должны были сѣсть, для того, чтобы, такъ сказать, узаконить свое восшествіе на царство. Бухарскіе эмиры для этой цѣли нарочно пріѣзжали изъ Бухары въ Самаркандъ. Камень хранится въ галлереѣ. За камнемъ въ стѣнѣ есть ниша съ украшеніями, сходными съ находящимися въ нишѣ гробницы Тамерлана. Кокъ-ташъ — кусокъ бѣлаго мрамора съ едва замѣтными синими жилками. Онъ гладко обтесанъ, и только на верхнемъ краѣ есть нѣсколько высѣченныхъ со вкусомъ арабесокъ. Вышина кокъ-таша $1^1/_2$ аршина, длина его 15 четвертей, а ширина 7 четвертей. На стѣнѣ висятъ два фирмана, пи-



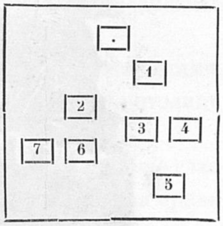
Мечеть Ширъ-Даръ въ Самаркандѣ.

T. X.

санные простыми чернилами. Налѣво отъ задней ниши въ стѣнѣ есть продолговатый черный камень съ надписью.

Нѣсколько лѣвѣе новыхъ рядовъ виднѣется высокое, каменное, неоштукатуренное зданіе кубической формы съ куполомъ. Это Рахабатъ, могила святаго Бурханитдина. Зданіе это очень древнее. Вообще, въ Самаркандѣ и его окрестностяхъ насчитываютъ до 200 святыхъ могилъ. У мусульманъ достаточно строгой до фанатизма жизни, богатства, высокаго общественнаго положенія, благотворительности, преклонныхъ лѣтъ, чтобы быть провозглашеннымъ святымъ, особенно если такое качество будетъ признано и правительствомъ. Внутри Рахабата хранилось гигантское знамя святаго. Тутъ было построено медрессе, передѣланное нынѣ въ зіякетъ-сарай, южными воротами котораго можно пройти въ Гуръ-Эмиръ, гдѣ находится могила Тимура (Тюрбети-Тимуръ). Мавзолей Тимура устроенъ изъ жженыхъ кирпичей, покрытыхъ глазурованными изразцами, такъ что внѣшнія стѣны строенія представляютъ украшенія изъ арабесокъ и мозаическихъ надписей. Мавзолей устроенъ въ видѣ восьмиугольника, съ куполомъ въ формѣ дыни, сплошь покрытымъ поливою. По обѣимъ сторонамъ строенія поднимаются двѣ высокія пустыя колонны изъ кирпича, покрытаго изразцами, со спиральными лѣстницами внутри, но почти въ разрушенномъ уже состояніи. Украшенія на этихъ колоннахъ въ такомъ же родѣ, какъ и на самомъ зданіи. Невдалекѣ отъ главнаго корпуса находятся ворота, похожія на самый мавзолей. На передней сторонѣ этихъ воротъ можно прочитать слѣдующую надпись: «строилъ слабый рабъ Мохаметъ, сынъ Махмуда, изъ Исфагани». Эта надпись доказываетъ, что памятники зодчества въ Самаркандѣ созидались персидскими художниками.

Отъ довольно большихъ воротъ ведетъ узкій со сводами корридоръ внутрь мавзолея, къ лѣвой его сторонѣ. Зданіе Гуръ-Эмира, въ которомъ находится надгробный камень Тимура, состоитъ изъ главнаго купола и четырехъ нишъ. Стѣны внутри выложены великолѣпными плитами изъ яшмы, украшенными отлично вырѣзанными арабесками и надписями; точно также и потолки нишъ богато украшены. Полъ выложенъ каменными плитами и въ срединѣ его, подъ самымъ куполомъ, находятся семь надгробныхъ камней, а на сторонѣ, обращенной къ Меккѣ, столбикъ и при немъ большое знамя. Надгробные камни расположены въ слѣдующемъ порядкѣ и окружены перилами:

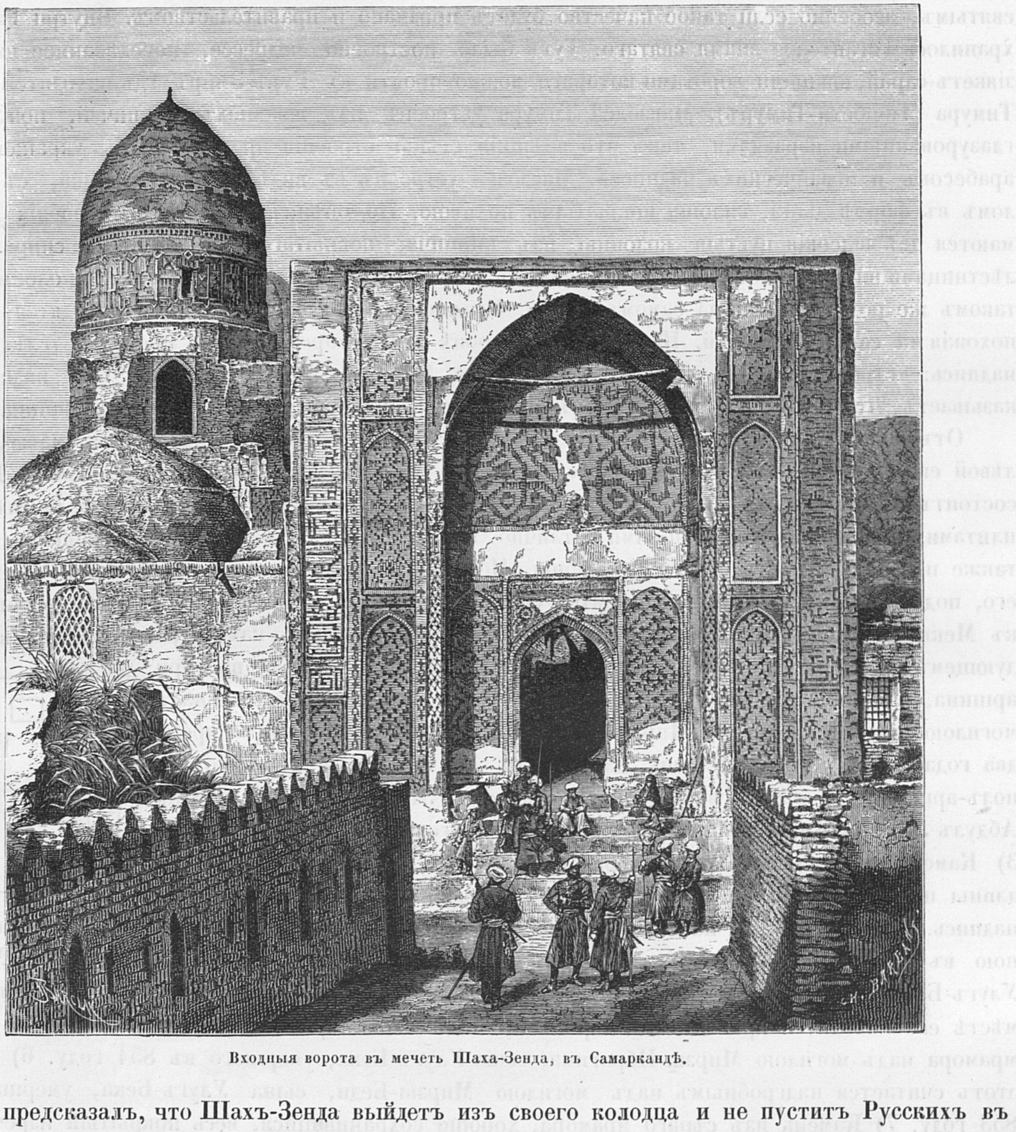


1) камень, длиною въ три аршина, шириною въ двѣ трети аршина, изъ сѣраго мрамора, лежитъ надъ могилою учителя Тимура, Миръ-Сеидъ-Береке-Шейха, умершаго чрезъ два года послѣ него. 2) Камень, длиною въ $1\frac{1}{4}$ аршина и шириною въ полъ-аршина, изъ сѣраго мрамора, съ надписями. Это надгробный камень Абдулъ-Латифъ-Мирзы, сына Улугъ-Бека, умершаго въ 854 году (1450 г.). 3) Камень изъ чернаго мрамора, разбитый на два куска, въ три аршина длины и въ три четверти аршина ширины. Вокругъ камня очень неясная надпись. Это надгробный камень Тимура. 4) Камень изъ сѣраго мрамора, съ надписями, длиною въ 3 аршина, шириною въ полъ-аршина. Камень этотъ лежитъ надъ могилою Мирзы-Улугъ-Бека, внука Тимура, умершаго въ 853 году (1449 г.). 5) Камень этотъ разбитъ; на мѣстѣ его находится призма изъ кирпичей; подъ этою призмою лежитъ плита изъ бѣлаго мрамора надъ могилою Мирзы-Ибрагима, сына Улугъ-Бека, умершаго въ 854 году. 6) Камень этотъ считается надгробнымъ надъ могилою Мирзы-Беди, сына Улугъ-Бека, умершаго въ 853 году. 7) Камень изъ сѣраго мрамора, хорошо сохранившійся, весь покрытый изреченіями изъ корана. Это надгробный камень Наипа, сына Улугъ-Бека.

Вблизи отъ входа въ мавзолей находится отверстіе въ полу. Чрезъ него по лѣстницѣ можно спуститься въ комнату, находящуюся подъ верхнею часовнею. Эта подпольная комната очень низка, со сводами, сдѣланными изъ жженыхъ кирпичей, безъ штукатурки и безъ всякихъ украшеній. Голые кирпичи очень хорошо сохранились въ этой комнатѣ. На полу, именно на тѣхъ самыхъ мѣстахъ, гдѣ въ верхнемъ покоѣ находятся семь надгробныхъ камней,

лежатъ столько же тонкихъ мраморныхъ плитъ съ надписями. Подъ ними и похоронены названныя лица.

Въ Самаркандѣ замѣчательна также мечеть Шаха-Зенда, построенная въ 795 году надъ могилою Шаха-Зенда, о которомъ мусульмане говорятъ, что онъ живетъ донынѣ подъ землею. До прихода Русскихъ въ Самаркандъ, Шахъ-Зенда считался великимъ святымъ и сильнымъ человѣкомъ, потому что за 500 лѣтъ передъ тѣмъ другой святой, Хозретъ-Ахмедъ-Ясави (въ Турке-



Входныя ворота въ мечеть Шаха-Зенда, въ Самаркандѣ.

станѣ), предсказалъ, что Шахъ-Зенда выйдетъ изъ своего колодца и не пуститъ Русскихъ въ Самаркандъ, и что онъ, предсказатель, также приметъ, съ своей стороны, участіе въ изгнаніи кяфировъ. Вотъ это сказаніе, писанное стихами на старомъ узбекскомъ нарѣчіи:

Друзья, скажу вамъ будущее:
Мусульманамъ будетъ много горя;
Невѣрные убьютъ много мусульманъ.
Въ 1281 (1864) придутъ невѣрные;
Они покорятъ окрестности Туркестана;

Они водворятъ свою власть;
Они принесутъ намъ много горечи...
Въ 1282 (1865) году они перейдутъ Дарью,
И много городовъ возьмутъ въ рабство.
Только безумные будутъ имъ противиться.
Воскресшій султанъ Ахмедъ (авторъ предсказанія)
Пройдетъ между людьми.
Въ 1283 (1866) году вы натерпитесь много страха.
Невѣрные подойдутъ къ Самарканду.
Шахъ-Зенда встанетъ изъ могилы и выйдетъ предъ невѣрныхъ.
Въ 1284 (1867) году невѣрнымъ придетъ конецъ.
Со всѣхъ сторонъ раздастся крикъ: бей!
Правовѣрные будутъ славить Бога за одолѣніе невѣрныхъ,
Правовѣрные погонятъ невѣрныхъ.
Въ 1285 (1868) году оживетъ султанъ Ахмедъ,
Святые соберутся вокругъ него,
Прочитаютъ молитву, и исчезнетъ самый слѣдъ невѣрныхъ.

Въ прежнія времена эмиры, пріѣзжая въ Самаркандъ, прежде всего творили поклоненіе «живому царю» (Зіаратъ) и потомъ уже проѣзжали во дворецъ. Мечеть Шаха-Зенда находится въ сѣверо-восточной сторонѣ Самарканда. Передъ могилою есть небольшая часовня, изъ которой входъ въ могилу запертъ замкомъ, изображающимъ какую-то невѣдомую рыбу, эмблему молчанія и тайны. Близъ этой двери водружено знамя святаго, съ конскимъ хвостомъ. За эту дверь проникаютъ лишь муллы и особенно щедрые жертвователи, но только на колѣнахъ. Иначе муллы объявляютъ, что «ключа нѣтъ». Внутри мечети находятся одна комната для муллъ и три для совершенія пяти намазовъ; сверхъ того, одна комната, пріемная, со сводами, устланная коврами, и одна темная, въ которой, по словамъ муллъ, покоится прахъ святаго Шаха-Зенды. Изъ послѣдней комнаты постоянно слышенъ шумъ, похожій на журчанье ручейка. Этотъ шумъ производится вѣтромъ, дующимъ въ раковину, находящуюся въ глубинѣ комнаты, и устроенъ въ прежнія времена, съ цѣлью поддержанія суевѣрнаго мусульманскаго фанатизма. Мусульмане утверждаютъ, что покоящійся въ этой комнатѣ святой Шахъ-Зенда живетъ по настоящее время, скрываясь тамъ въ ожиданіи конца міра, и производитъ означенный шумъ.

Въ мечети замѣчателенъ изразцовый корридоръ, великолѣпной работы исфаганскихъ мастеровъ, и коранъ, величиною почти въ квадратную сажень.

Мечеть Шаха-Зенды, замѣчательная своими изящными украшеніями и орнаментами, послужила образцомъ для всѣхъ другихъ самаркандскихъ построекъ, въ эпоху величія столицы Тимура.

Со времени присоединенія Самарканда къ русскимъ владѣніямъ, было обращено вниманіе главнаго начальства края на сохраненіе его древностей. Такимъ образомъ могила Тимура была приведена въ благообразный видъ. Кругомъ темнаго надмогильнаго камня поставлена изящная мраморная рѣшетка, для сооруженія которой были вызваны мастера изъ Бухары; сохранившійся случайно кусокъ старой рѣшетки, окружавшей когда-то могилу Тимура, послужилъ отличнымъ образцомъ для этихъ реставраціонныхъ работъ. Точно также возстановлена мечеть Гуръ-Эмиръ и во всѣхъ другихъ частяхъ, гдѣ только это было возможно. Дворъ мечети очищенъ отъ накопившагося на немъ мусора и сора; расчищены также и боковыя отдѣленія мечети, гдѣ погребены жены и нѣкоторые другіе члены семьи грознаго эмира, причемъ подъ грудами мусора былъ открытъ еще одинъ надмогильный камень. Ступени, ведущія внутрь часовни, гдѣ лежитъ прахъ Тимура, сдѣланы мраморныя, а входъ въ часовню прикрытъ сквозною деревянною рѣшеткою, изящнаго рисунка, въ азіятскомъ вкусѣ. Къ сожалѣнію, снаружи мечеть Гуръ-Эмиръ не могла быть вполнѣ реставрирована, потому что время наложило на нее свою разрушительную руку, такъ что возобновленіе ея фасада потребовало бы слишкомъ большихъ расходовъ. Также были приняты мѣры къ сохраненію знаменитаго кокъ-таша

(синяго камня), служившаго подножіемъ трона Тимура, и онъ обнесенъ желѣзною рѣшеткою изящнаго вида.

Не прошло и семи лѣтъ съ водворенія въ Самаркандѣ русской власти, какъ этотъ городъ во многомъ измѣнился къ лучшему. Вмѣсто полуразрушенныхъ сакель, среди которыхъ находились небольшія зеленыя поляны съ арыками и оврагами, появился европейскій городъ съ широкими, шоссированными улицами, окаймленными рядами тополей; улицы аккуратно поливаются изъ боковыхъ канавъ (арыковъ). Длинный бульваръ отдѣляетъ азіятскую часть города отъ европейской, въ которой выстроились небольшіе красивые домики и разросся порядочный скверъ, составляющій своего рода украшеніе Самарканда. Въ азіятской части города тянутся множество узкихъ, кривыхъ, пыльныхъ переулковъ, входящихъ въ составъ предмѣстій, гдѣ на каждомъ шагу попадаются глубокіе арыки, выходящіе изъ-подъ основанія стѣнъ и вновь уходящіе подъ стѣны, съ зыбкими мостами, перекинутыми чрезъ подобныя канавы. Городъ со всѣми его пригородами, съ весны 1875 года, перешелъ въ завѣдываніе городскаго комитета, при чемъ учреждена была и полиція, согласно утвержденному для того штату. Въ Самаркандѣ устроили пансіонъ для солдатскихъ дѣтей. Въ 1875 году въ Самаркандѣ образовался Зеравшанскій отдѣлъ Туркестанскаго статистическаго комитета, а 3-го октября 1876 года состоялось открытіе первой сельскохозяйственной выставки, небывалой еще вовсе въ центральной Азіи. Выставка эта удалась вполнѣ. На выставкѣ перебывало до 3000 посѣтителей. Туземные жители являлись на нее изъ-за разстоянія въ 60 — 70 верстъ. Самаркандъ не только соединился телеграфною линіею съ остальными частями имперіи, но въ 1881 году было устроено даже телефонное сообщеніе Самарканда съ Катта-Курганомъ на разстояніи 66 верстъ.

Поливальщикъ улицъ въ Самаркандѣ.

Большая часть домовъ въ Самаркандѣ построена въ одинъ этажъ; внутри нѣкоторыхъ домовъ находятся крытыя галлереи, защищающія жителей отъ жаровъ, которые лѣтомъ бываютъ иногда невыносимы. Медрессе и караванъ-сараи выстроены въ два этажа. Нижній этажъ караванъ-сараевъ служитъ кладовою для склада товаровъ, а въ верхнемъ размѣщаются торговцы и проводники каравановъ. Большая часть медрессе построена внутри дворовъ мечетей, у входа въ которыя находятся большія ворота съ минаретами по сторонамъ. Эти зданія составляли въ прежнія времена лучшее украшеніе Самарканда; но, при занятіи его Русскими, большая часть этихъ мечетей и медрессе найдена была въ полуразрушенномъ состояніи, при чемъ около нихъ безъ церемоніи размножались грязныя лавочки торговцевъ, уничтожавшихъ остатки древнихъ зданій растаскиваніемъ изъ нихъ кирпичей.

На главной улицѣ Самарканда выстроена при русскомъ управленіи церковь св. Георгія Побѣдоносца. Крѣпость, существовавшая при бухарскихъ эмирахъ, совершенно перестроена Русскими, и вокругъ нея оставлена обширная эспланада, для обстрѣливанія, въ случаѣ необходимости, города. Невдалекѣ отъ церкви и крѣпости возвышается скромный памятникъ надъ могилами офицеровъ и солдатъ, убитыхъ во время осады Самаркандской крѣпости, въ 1868 году, возмутившимися противъ Русскихъ сосѣдними беками. Подлѣ крѣпости крестъ на мраморной плитѣ указываетъ на могилу А. И. Хлудова, погибшаго въ то же время. Въ крѣпости, въ бывшемъ дворцѣ бухарскихъ эмировъ, въ настоящее время помѣщается русскій военный госпиталь.

Въ базарные дни и нынѣ въ Самаркандъ стекается такая масса народа изъ окрестныхъ мѣстъ, что все мѣсто отъ мечети Биби-Ханымъ до медрессе Ширъ-Даръ бываетъ буквально запружено

Базаръ въ Самаркандѣ.

народомъ, такъ что пѣшему и конному чрезвычайно трудно бываетъ пробиться сквозь эту толпу. Между тѣмъ базарная мѣстность въ Самаркандѣ представляетъ самую обширную площадь въ городѣ. На этомъ базарѣ, или главной улицѣ города, набросано въ лавкахъ множество пестрыхъ халатовъ, яркихъ головныхъ шапокъ (тюбетеекъ), необходимыхъ для бритыхъ головъ мусульманъ, деревянныхъ сѣделъ (арчаковъ), украшенныхъ золотомъ, серебромъ, малиновою фольгою, костью; тутъ же шелковые и бумажные товары, ковры, войлоки, масса фруктовъ, свѣжихъ, сушеныхъ и разныхъ лакомствъ. Среди лавокъ разбросаны рестораны (ашъ-хане), въ которыхъ пьютъ чай, воду съ шисни (патока изъ сгущеннаго винограднаго сока), а такъ же курятъ нашу (гашишъ). У лавокъ прогуливается рейсъ (туземный полицейскій), обязанный наблюдать за порядкомъ и общественнымъ благоустройствомъ. Посреди пестрой толпы на базарѣ медленно передвигаются караванами верблюды, прибывшіе съ товарами изъ отдаленныхъ мѣстъ, и вереницы ишаковъ (муловъ), привезшихъ изъ ближнихъ окрестностей фрукты, хлѣбныя произведенія и разные другіе деревенскіе продукты.

Туземный полицейскій въ Самаркандѣ.

Хлопокъ составляетъ важный продуктъ мѣстной промышленности. Для улучшенія ея, правительство основало образцовую хлопковую плантацію. Пространство земли, отведенное подъ казенную хлопковую плантацію въ Самаркандѣ, представляетъ площадь въ 36,986 квадратныхъ саженъ или 59 танаповъ. До 1877 года хлопокъ засѣвался постоянно на одныхъ и тѣхъ же участкахъ, которые удобрялись навозомъ очень слабо. Съ этого года, въ видахъ поддержанія плодородія почвы и продолженія опытовъ по акклиматизаціи американскаго хлопка въ Средней Азіи, вся удобная для посѣвовъ земля раздѣлена была приблизительно почти на три равные участка, изъ которыхъ одинъ былъ отведенъ подъ хлопокъ, другой — подъ полевыя растенія, а третій — подъ зеленый табакъ, джугару, кукурузу и картофель. Какъ видно изъ опытовъ 1874, 1875 и 1876 годовъ, сорты хлопка petit gulf и китайскій (early chinese) давали почти одинаково обильный урожай, и сѣмена этихъ сортовъ не вырождались, а волокно не теряло своего первоначальнаго достоинства даже и въ неудачномъ 1877 году. Поэтому можно сказать, что акклиматизація этихъ двухъ сортовъ, а равно сорта Hearlong, созрѣвающаго ранѣе всѣхъ другихъ плодовъ хлопчатника, на мѣстной почвѣ вполнѣ возможна. Туземцы, посѣщающіе плантацію, соглашаются, что русскія земледѣльческія орудія лучше и практичнѣе туземныхъ, но по дороговизнѣ считаютъ ихъ для себя почти недоступными. Къ рядовому посѣву хлопчатника туземцы относятся недовѣрчиво и удачнѣе воздѣлываютъ это растеніе общеупотребительными у нихъ способами обсѣванія вразбросъ. Такъ какъ сбытъ американскаго хлопка на бумагопрядильни Россіи оказывается для мѣстныхъ производителей невозможнымъ, а на туркестанскихъ рынкахъ цѣна ему стоитъ на одномъ уровнѣ съ туземнымъ, то мѣстные жители, сознавая даже высшую доброту американскаго хлопка, предпочитаютъ, понятно, сѣять въ большихъ количествахъ свой хлопокъ, потому что онъ не требуетъ за собою почти никакого ухода, а между тѣмъ, при меньшихъ затратахъ на его обработку, даетъ доходъ, одинаковый съ американскимъ. Въ апрѣлѣ 1876 года въ первый разъ были посланы въ Москву образцы хлопка, собраннаго на самаркандской плантаціи. Первоклассныя московскія бумагопрядильни дали объ этомъ самаркандскомъ хлопкѣ слѣдующій отзывъ: «хлопокъ хорошъ, чистъ и только нѣсколько грубоватъ; за этотъ хлопокъ въ настоящее время въ Москвѣ могутъ заплатить по 7 р. 80 к. за пудъ. Вообще, такой товаръ, какъ образцы, всегда найдетъ сбытъ, въ какомъ бы то ни было количествѣ. При

болѣе благопріятныхъ условіяхъ товарнаго рынка, цѣна такого хлопка можетъ дойти до 8 р. 50 к. и даже до 9 р. за пудъ».

Плантація находится за городскою чертою Самарканда и связывается съ нимъ шоссе, идущимъ по одной изъ городскихъ улицъ до воротъ ея. За зубчатою глинобитною стѣною видѣнъ домикъ караульнаго, въ русскомъ стилѣ, съ соломенною крышею, а въ глубинѣ, почти въ центрѣ плантаціи, на возвышеніи виднѣется помѣщеніе управляющаго плантаціею и тамошнихъ рабочихъ. За этимъ домомъ находится обширный дворъ съ пристройками, въ которомъ помѣщается казенный рабочій скотъ и земледѣльческія орудія.

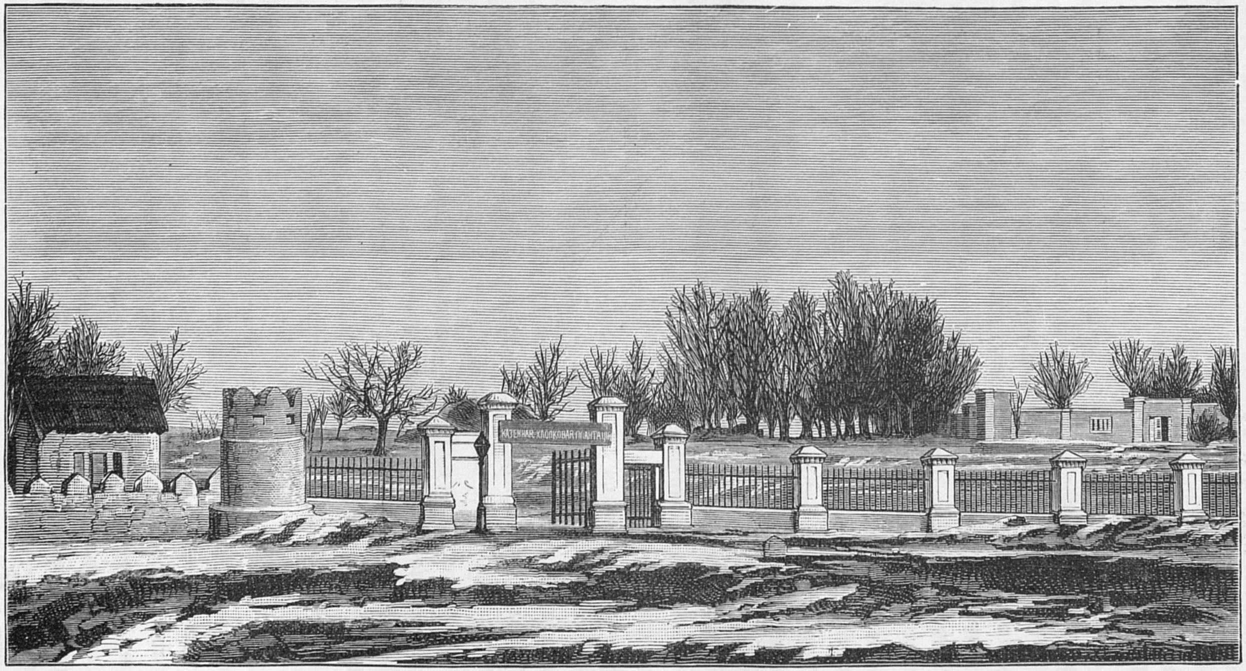
Зеравшанскій округъ образованъ былъ въ концѣ іюня 1868 года, послѣ занятія русскими войсками городовъ Самарканда, Ургута и Катта-Кургана, съ ихъ округами, или восточной части Бухарскаго ханства. Въ исходѣ 1868 года, къ этому округу былъ присоединенъ городъ Пенджекентъ съ его селеніями (кишлаками), а въ продолженіе 1870—1871 годовъ составъ округа былъ увеличенъ всѣми бекствами верховьевъ Зеравшана (Фальгарское, Мачинское, Фанское, Ягнаобское, Гиштутское или Кштутское и Магіанское) и бекствомъ Фарбскимъ. Въ настоящемъ своемъ составѣ Зеравшанскій округъ состоитъ изъ трехъ отдѣловъ, соотвѣтствующихъ уѣздамъ: Катта-Курганскаго, Самаркандскаго и Пенджекентскаго. Послѣдній былъ организованъ самостоятельно только въ 1872 году и расположенъ на востокѣ округа. Въ центрѣ округа находится Самаркандскій отдѣлъ, а ближе всего къ Бухарскому ханству Катта-Курганскій отдѣлъ.

Зеравшанскій округъ расположенъ, по описанію Л. Н. Соболева, по теченію рѣки Зеравшана, съ ея истоковъ, по направленію съ востока на западъ. По мѣрѣ расширенія долины рѣки, увеличивается и территорія округа, особенно съ меридіана Катта-Кургана. На сѣверѣ граница Зеравшанскаго округа соприкасается съ границами Кизилъ-Кумской степи, Ходжентскаго уѣзда и южною частію бывшаго Коканскаго ханства (нынѣ Ферганской области). Восточная граница округа расположена въ ненаселенныхъ горахъ, покрытыхъ вѣчнымъ снѣгомъ. На югѣ Зеравшанскій округъ граничитъ съ бекствами Каратегинскимъ, Гиссарскимъ, Шягрисябскимъ и Каршинскимъ. На западѣ округъ соприкасается съ бухарскими владѣніями. Бекство Нуратинское касается Зеравшанскато округа отчасти на западѣ и на сѣверѣ.

На сѣверѣ Зеравшанскаго округа тянется Нуратинскій хребетъ, названный такъ по городу Нурату и составляющій западное продолженіе великаго азіятскаго горнаго пояса Тянъ-Шаня. Нуратинскія горы раздѣляются на нѣсколько кряжей, имѣющихъ главное направленіе съ востока на западъ, съ уклоненіями на юго-востокъ и юго-западъ. Горы Усматъ-Катарталъ отдѣляютъ долину рѣки Зеравшана отъ долины Санзарской, принадлежащей къ бассейну рѣки Сыръ-Дарьи. На западѣ Гиссарскій хребетъ отдѣляетъ долину рѣки Ягна-Оба, принадлежащей къ системѣ Зеравшана, отъ долины рѣчекъ, принадлежащихъ къ бассейну Аму-Дарьи. Зеравшанскій хребетъ служитъ водораздѣломъ рѣкъ Зеравшана и Кашка-Дарьи. Зеравшанскій округъ заключаетъ въ себѣ 23,184 квадр. версты, изъ которыхъ на отдѣлъ Пенджекентскій приходится 9,540 кв. в., на Самаркандскій 6,700, и на Катта-Курганскій 6,944. Почти половина площади округа занята горами.

Земли, орошаемой водами Зеравшана, его притоками, горными рѣчками и ключами, насчитывается въ округѣ всего 1,398 квадратныхъ верстъ, а богарной земли, на которой хлѣбъ сѣютъ подъ дождь, безъ искусственнаго орошенія, полагается не болѣе 2,800 квадр. верстъ. Такимъ образомъ 6% всей площади Зеравшанскаго округа имѣютъ искусственное орошеніе, около 12% должны быть отнесены къ богарнымъ землямъ, а невоздѣланныхъ земель, большая часть которыхъ служитъ пастбищемъ для скота, оказывается 82%.

Рѣка Зеравшанъ въ большей части своего теченія сопровождается горами, которыхъ нѣтъ только въ западной ея части, уже въ предѣлахъ Бухаріи. Горы, окружающія верховье Зеравшана, составляютъ западное продолженіе Тянъ-Шаня. Одинъ изъ этихъ кряжей, Туркестан-



Т. Х. Видъ казенной хлопчато-бумажной плантаціи въ Самаркандѣ.

скій, составляетъ водораздѣлъ между бассейнами Сыръ-Дарьи и Зеравшана. Отдѣльные пики этого кряжа поднимаются на 20,000 футовъ высоты надъ моремъ.

Въ восточной части Туркестанскаго кряжа находится нѣсколько большихъ ледниковъ, изъ которыхъ значительнѣе всѣхъ Зеравшанскій, названный такъ потому, что онъ служитъ истокомъ рѣки того же имени. Этотъ ледникъ имѣетъ отъ 48 до 64 верстъ протяженія. Западный его край опустился до высоты 8,675 фут. надъ уровнемъ моря. Ледникъ совершенно замыкаетъ собою долину и у своего начала имѣетъ ширину въ 350 саженъ. Въ него впадаетъ нѣсколько другихъ боковыхъ ледниковъ меньшаго размѣра. Поверхность его покрыта конусами разной величины, а также видны на немъ нѣсколько моренъ, состоящихъ изъ валуновъ различныхъ породъ, чуждыхъ породамъ вблизи лежащихъ горъ. Зеравшанскій ледникъ имѣетъ поступательное движеніе къ западу по долинѣ. Въ долину рѣки впадаютъ, сверхъ главнаго ледника, и другіе ледники, которые также опустились значительно ниже линіи вѣчнаго снѣга. Поверхность главнаго ледника въ маѣ бываетъ сѣраго цвѣта, и во время пригрѣва солнцемъ въ немъ слышенъ шумъ, производимый паденіемъ валуновъ въ щели во время таянія льда.

Видъ Ура-Тюбе.

Туркестанскій кряжъ въ верховьѣ Зеравшана состоитъ не изъ сплошнаго поднятія, но изъ нѣсколькихъ поднятій, расположенныхъ террасами и прерываемыхъ иногда довольно глубокими равнинами, идущими параллельно оси кряжа. Такъ, на меридіанѣ города Ура-Тюбе, проходитъ весьма значительная долина, идущая до дороги, по которой можно проѣхать изъ Ура-Тюбе въ Варзиминоръ. Эта долина отдѣляетъ одну изъ передовыхъ грядъ горъ отъ главной цѣпи Туркестанскаго кряжа.

Долина Зеравшана съ Ура-Тюбе соединяется дорогою черезъ перевалъ Ахба-Пастигау-Метке, который начинается у села Пастигау, на рѣкѣ Зеравшанѣ. По этому перевалу сообщеніе происходитъ только лѣтомъ и онъ представляетъ большія затрудненія. Отъ селенія Пастигау до Ура-Тюбе 75 верстъ. Городъ Ура-Тюбе расположенъ въ горной мѣстности, на высотѣ 2,700 фут. надъ уровнемъ моря. Къ сѣверу отъ города находится горное плато, а въ пяти верстахъ, съ южной стороны, тянется невысокая горная цѣпь. Горное плато, составляющее терассовидную возвышенность, имѣетъ ширины до 25 верстъ, и на немъ расположена большая часть селеній (кишлаковъ) города Ура-Тюбе. Туркестанскій кряжъ, достигающій въ своемъ началѣ значительной высоты, сильно понижается по направленію къ западу. Поэтому и восточные перевалы, число которыхъ менѣе, труднѣе проходимы, чѣмъ западные. Внутри горъ находится повсюду вода, мѣстами лѣсная растительность, а на высотѣ отъ 7,000 до 10,000 футовъ прекрасныя пастбища для скота.

Съ меридіана Урмитана Туркестанскій хребетъ широкою полосою направляется на сѣверо-западъ и наполняетъ горами восточную и сѣверную части средняго Зеравшана. Близъ города Джизака этотъ хребетъ сильно понижается и въ видѣ горныхъ цѣпей направляется по южному краю песковъ Кизилъ-Кума. Отъ меридіана Урмитана Туркестанскій кряжъ раздѣляется на-

двѣ части и тѣмъ образуетъ Санзарскую долину. Южная часть кряжа, болѣе возвышенная, направляется по теченію Зеравшана до города Пенджекента. Въ этомъ мѣстѣ находится нѣсколько переваловъ, соединяющихъ долины Зеравшана и Санзара. Сѣверная часть кряжа направляется къ Джизаку.

Въ десяти верстахъ отъ упраздненнаго Ключеваго Укрѣпленія, по дорогѣ отъ Джизака въ Самаркандъ, по правой сторонѣ ущелья Джеланъ-Ага, возвышается неприступная отвѣсная скала изъ глинистаго сланца. У ея подножія течетъ ручей Джеланъ-Ага, бывшій, по всѣмъ признакамъ, прежде быстрою горною рѣкою. На серединѣ скалы, на ошлифованномъ камнѣ, вырѣзаны двѣ слѣдующія надписи на персидскомъ языкѣ:

«Съ помощью всемогущаго Аллаха, великій султанъ, покоритель царей и народовъ, тѣнь Аллаха на землѣ, опора постановленій сунны и закона Аллаха, государь, вспомоществующій вѣрѣ, Улугъ-Бекъ-Гуручанъ (да продлитъ Аллахъ время его царствованія и правленія), предпринялъ походъ въ страну Джеты и Монголовъ и отъ того народа возвратился въ эти страны невредимымъ, въ 828 новолунномъ году.

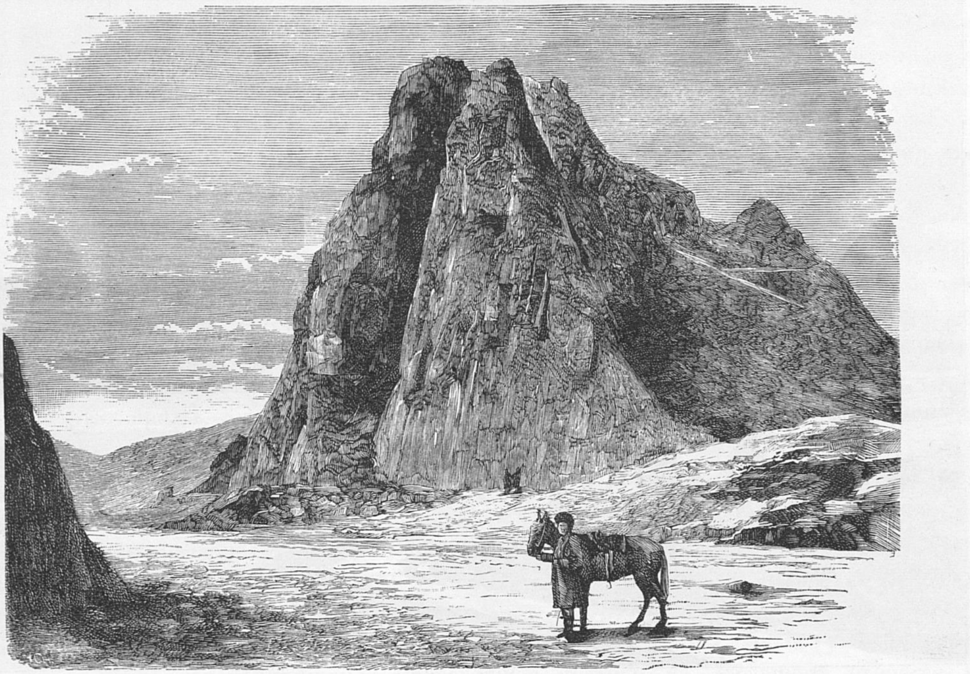
«Да вѣдаютъ проходящіе пустыни и путешествующіе по пристанищамъ на сушѣ и водѣ, что въ 979 году происходило сраженіе между отрядомъ вмѣстилища калифатства, тѣни Всевышняго, великаго Абдулла-хана, сына Искандеръ-хана, въ тридцать тысячъ человѣкъ боеваго народа, и отрядомъ Дервишъ-Хана и Баба-Хана и прочихъ сыновей. Сказаннаго отряда всего родичей султана до пятидесяти тысячъ человѣкъ и служащихъ людей до четырехъ сотъ тысячъ человѣкъ изъ Туркестана, Ташкента, Фергана и Дошта-Кипчака. Отрядъ обладателя счастливаго сочетанія звѣздъ одержалъ побѣду. Побѣдивъ упомянутыхъ султановъ, онъ изъ того войска предалъ столькихъ смерти, что отъ людей, убитыхъ въ сраженіи и въ плѣну, въ теченіе одного мѣсяца въ рѣкѣ Джизакской (рѣка Джеланъ-Ага) на поверхности воды текла кровь. Да будетъ это извѣстно!»

Напротивъ названной скалы возвышается другая, меньшей величины, не столь крутая, покрытая зеленью. Эти гигантскія природныя ворота получили названіе «воротъ Тамерлана» (также Желѣзныхъ воротъ), потому что тутъ прошло его многочисленное войско, когда онъ предпринялъ походъ противъ Китая.

Зеравшанскій кряжъ также значительно возвышается надъ уровнемъ моря и на меридіанѣ Варзиминора, прямо съ сѣвера на югъ, прорѣзывается весьма глубокою долиною, чрезвычайно узкою, съ поднятыми почти отвѣсно сторонами, по которой прорывается быстрая рѣка Фанъ-Дарья. Чрезъ кряжъ существуетъ нѣсколько переваловъ. Въ Дархскомъ прекрасная луговая растительность тянется на разстояніи десяти верстъ, а мѣстами встрѣчаются густыя рощи тополя. Перевалъ Дархскій, наиболѣе доступный, самъ по себѣ представляетъ чрезвычайныя затрудненія для путника и указываетъ, что южные спуски короче и круче сѣверныхъ. Какъ въ Туркестанскомъ хребтѣ, такъ и въ Зеравшанскомъ, ручьи, текущіе къ сѣверу, гораздо значительнѣе текущихъ къ югу. Чрезъ Кара-Тюбинскій перевалъ происходятъ очень дѣятельныя сношенія города Самарканда съ главными городами Шягрисябсской долины, именно Китабомъ и Шягромъ. Отъ Самарканда дорога идетъ степью, ровнымъ мѣстомъ, почти вплоть до селеній Кара-Тюбе. Самаркандъ расположенъ на высотѣ 2,150 фут. надъ уровнемъ моря, а Кара-Тюбе на 2,909 фут. Разстояніе между этими двумя пунктами не болѣе 30 верстъ, и движеніе по перевалу происходитъ въ теченіе всего года. Горы между ущельемъ Кара-Тюбинскимъ и Джамскимъ проходомъ покрываются снѣгомъ только въ зимніе мѣсяцы. Высота ихъ не превосходитъ 7,000 фут. Джамскій перевалъ находится на самой оконечности Зеравшанскаго кряжа; за нимъ горы переходятъ въ холмы и сравниваются со степью. Пути, пролегающіе чрезъ урочище Джамъ, имѣютъ большое значеніе, потому что чрезъ Джамское ущелье проходитъ главная торговая дорога, единственная, по которой ѣздятъ на колесахъ изъ Самарканда въ городъ Карши и далѣе до Аму-Дарьи. Чрезъ Джамъ направ-

ляется также главное сообщеніе между городомъ Бухарою и долиною Шагрисябса. Перевалъ расположенъ на высотѣ 2,050 фут. Отъ Самарканда до Джама 65 верстъ, а отъ этого урочища до города Карши около 80 верстъ. Гиссарскій кряжъ, ограничивающій хребтомъ высокихъ горъ съ юга долины Зеравшана и Кашка-Дарьи, представляется крайне массивнымъ и отдѣляетъ отъ себя къ югу и къ юго-западу нѣсколько высокихъ цѣпей, покрытыхъ вѣчными снѣгами, Горы отличаются очень слабою кустарною растительностью; лѣса попадаются чрезвычайно рѣдко, и болѣе всего распространенъ можевельникъ (арча). Ледники тутъ сильно развиты, достигаютъ значительныхъ размѣровъ и обусловливаютъ ту роскошную жизнь, которая проявляется въ среднихъ частяхъ долины Зеравшана.

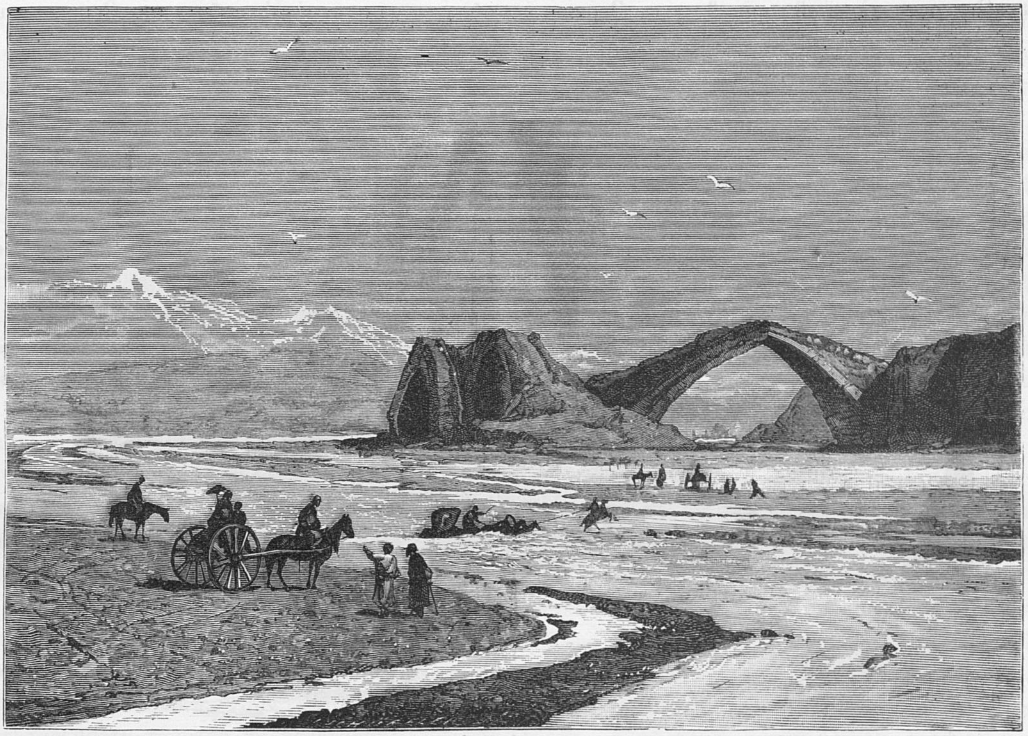
Рѣка Зеравшанъ вытекаетъ изъ громаднаго ледника, вершина котораго находится близъ горы Кокъ-Су, составляющей горный узелъ. Зеравшанъ образуется изъ сліянія собственно Зеравшана и



Ворота Тамерлана.

рѣкъ Фанъ-Дарьи, Кштутъ-Дарьи и Магіанъ-Дарьи и множества горныхъ ручейковъ, которые стекаютъ съ горъ, окружающихъ эти рѣки. Рѣка Фанъ образуется изъ сліянія Ягна-Объ-Дарьи, Пасрутъ-Дарьи и Искандеръ-Дарьи, вытекающей изъ озера Искандеръ-Куля. Всѣ ручейки, за исключеніемъ означенныхъ шести рѣкъ, незначительны, такъ что только нѣкоторые изъ нихъ достигаютъ длины 12 до 13 верстъ и бываютъ многоводными особенно въ года, изобильные снѣгомъ. Рѣка Ягна-Объ отличается обиліемъ воды мутнаго цвѣта, а вода Пасрутъ-Дарьи, впадающей въ Фанъ-Дарью близъ крѣпости Сарвада, имѣетъ молочный цвѣтъ. Рѣка Фанъ отъ Сарвады течетъ въ чрезвычайно крутыхъ берегахъ, образуетъ узкое, мрачное, съ тѣмъ вмѣстѣ, грандіозное ущелье и на двадцати-верстномъ пространствѣ отъ Сарвады до крѣпости Варзиминора, прорѣзывая высокій горный хребетъ, обнажаетъ пласты самаго древняго образованія. Въ рѣкѣ Фанѣ теченіе воды очень быстрое и она также имѣетъ мутный цвѣтъ. У Варзиминора эта рѣка впадаетъ въ Зеравшанъ. Масса воды, которая чрезъ Фанъ-Дарью вливается въ Зеравшанъ, почти одинакова съ тою массою, которая приносится послѣднею рѣкою изъ восточной части Когистана. Вытекая изъ ледника, Зеравшанъ сразу становится глубокимъ и широ-

кимъ; цвѣтъ его воды, какъ у всѣхъ рѣкъ, берущихъ свое начало въ тающихъ ледникахъ, мутный. Первоначально Зеравшанъ течетъ по долинѣ, которая мѣстами расширяется до 400—500 саженъ, но затѣмъ долина съуживается. Отъ истока до города Пенджекента, рѣка направляется съ востока на западъ, но это общее направленіе ея въ началѣ измѣняется нѣсколько на юго-западное. При дальнѣйшемъ своемъ теченіи, Зеравшанъ становится все многоводнѣе. Близъ крѣпости Пальдоракъ долина Зеравшана нѣсколько расширяется, а у селеній Сабакъ и Таушинъ это расширеніе доходитъ отъ $1^1/_2$ до 2 верстъ и притомъ на протяженіи теченія въ $6^1/_2$ верстъ. Въ 26 верстахъ отъ Пальдорака, близъ селенія Мадрушката, долина расширяется на три версты на протяженіи четырехъ верстъ. Затѣмъ до крѣпости Оббурданъ Зеравшанъ течетъ



Переправа чрезъ Зеравшанъ у Самарканда.

въ узкой долинѣ, образуетъ во многихъ мѣстахъ скалистыя ущелья, а близъ селенія Муджина раздѣляется на многіе рукава. Отъ Варзиминора, въ 47 верстахъ отъ Оббурдана, Зеравшанъ принимаетъ видъ многоводной, глубокой и большой рѣки горнаго характера.

Отъ Варзиминора до Урмитана, на 26 верстахъ, рѣка течетъ по узкому ущелью, а въ 16 верстахъ отъ Урмитана Зеравшанъ принимаетъ съ лѣвой стороны рѣку Кштутъ-Дарью, въ которой также много воды. Западнѣе послѣдней рѣки, близъ селенія Суджина, съ южной же стороны, въ Зеравшанъ впадаетъ Магіанъ-Дарья, чрезвычайно быстрая, богатая водою. Западнѣе впаденія Магіанъ-Дарьи, Зеравшанъ не принимаетъ въ себя болѣе никакихъ рѣкъ и ручьевъ, такъ что количество его воды не увеличивается посторонними притоками; но зато изъ Зеравшана выдѣляется масса воды, наполняющей собою оросительные каналы, большіе и малые арыки, которые и составляютъ своею системою основаніе богатства Зеравшанской долины. До селенія Дашты-Казы, при впаденіи Кштутъ-Дарьи въ Зеравшанъ, воды послѣдней рѣки не тратятся вовсе на орошеніе полей, расположенныхъ по ея берегамъ, такъ что всѣ селенія, расположенныя по верхнему Зеравшану, Фану, Ягна-Обу, Искандеръ-Дарьѣ, орошаютъ

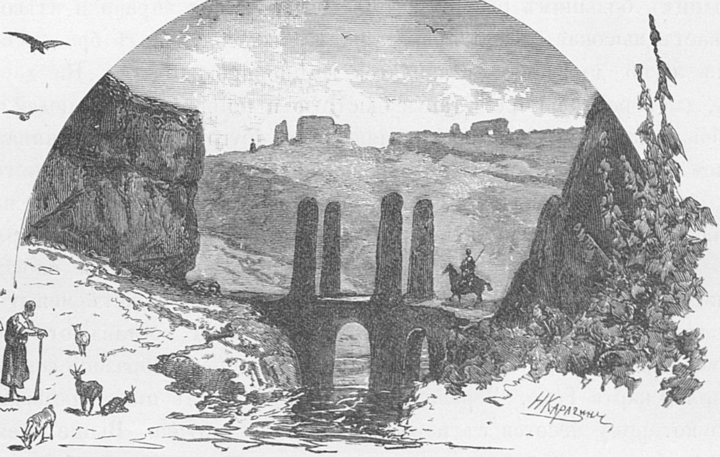
свои поля не водою этихъ рѣкъ, но горными ручьями. Но болѣе половины этихъ ручьевъ протекаютъ по такимъ узкимъ расщелинамъ, что тамъ не оказывается мѣста для воздѣлыванія полей. Такимъ образомъ, масса воды какъ бы сберегается для орошенія средней части Зеравшанской долины, самой широкой ея части и самой богатой. Протяженіе Зеравшана, отъ его начала до города Пенджекента, со всѣми главными извилинами, равняется 236 верстамъ. Прямое разстояніе между названными мѣстами менѣе 200 верстъ, слѣдовательно рѣка въ своемъ верхнемъ теченіи мало извилиста.

Наибольшая масса воды въ Зеравшанѣ находится у Пенджекента, съ котораго количество воды начинаетъ постепенно уменьшаться, потому что она начинаетъ расходоваться по оросительнымъ каналамъ. Отъ Пенджекента до высотъ Чапанъ-Ата, на протяженіи 55 верстъ, Зеравшанъ течетъ однимъ большимъ русломъ, отдѣляя отъ себя вправо и влѣво арыки. Вода въ Зеравшанѣ бываетъ высокая, малая и средняя. При высокой водѣ броды, которые въ обыкновенное время легко доступны, становятся трудно проходимыми. На дорогѣ изъ Джизака въ Самаркандъ, для переправы чрезъ такую быструю и широкую рѣку, людей и вещи помѣщаютъ на высокія арбы и почти вплавь переправляютъ на другой берегъ. Экипажи передвигаются отдѣльно, причемъ особенную ловкость выказываютъ проводники (арбакеты), которые впереди, верхомъ, на арканѣ выводятъ упряжныхъ лошадей съ экипажемъ по надлежащему мѣсту рѣки на противоположную сторону. Переправа, какъ видно, крайне патріархальная.

Зеравшанъ, выйдя изъ узкой части долины, течетъ уже по болѣе плоской мѣстности и въ не столь высокихъ берегахъ. До селенія Джарты-Тепе рѣка течетъ между стѣнъ, прорѣзанныхъ ею въ слояхъ конгломерата, но затѣмъ ложе рѣки составляютъ глинистые отлогіе берега. Конгломераты, изъ округленныхъ камней крайне разнообразной величины, выстилаютъ долину до селенія Джарта-Тепе. Зеравшанъ вырылъ себѣ въ нихъ чрезвычайно узкое и глубокое ложе, по которому несется съ неимовѣрною быстротою. Выше Пенджекента лѣтомъ чрезъ такую рѣку броды совершенно невозможны, а потому, для сообщенія между селеніями, расположенными на обоихъ берегахъ, устроены мостики. Мостъ близъ селенія Гузаръ заслуживаетъ особаго вниманія. Въ этомъ мѣстѣ ложе Зеравшана образовало довольно большое, круглое расширеніе, бока котораго состоятъ изъ конгломератовъ. Вслѣдствіе размыванія водою, эти конгломераты образуютъ различныя фигуры, преимущественно столбы, вышиною саженъ въ пять. На западной сторонѣ Зеравшанъ находитъ себѣ выходъ изъ этого расширенія, при посредствѣ двухъ рукавовъ, промытыхъ въ конгломератахъ. Чрезъ эти рукава и переброшены два мостика, а находящійся между ними островъ составляетъ громадный, естественный устой. Первый мостикъ деревянный, второй кирпичный. Деревянные мостики на Зеравшанѣ строятся изъ двухъ можевеловыхъ бревенъ, переброшенныхъ чрезъ пропасть, на которыя положена настилка изъ мелкихъ бревенъ. Ширина такого моста, безъ перилъ, менѣе сажени. Подобный мостикъ зыблется, когда чрезъ него переходятъ, такъ что всадникъ слѣзаетъ съ лошади и ведетъ ее на поводу.

Съ окончаніемъ конгломератовъ совпадаетъ начало огромныхъ арыковъ или оросительныхъ канавъ, вырытыхъ для орошенія южной половины Зеравшанской долины. Эта половина значительно выше сѣверной и оканчивается къ руслу Зеравшана большими обрывами. Такимъ образомъ устроились огромные арыки, изъ которыхъ самый значительный Даргамъ, имѣющій до 70 верстъ длины. Подъ Самаркандомъ, или на половинѣ своего протяженія этотъ арыкъ имѣетъ видъ рѣки порядочной длины. Онъ снабжаетъ водою преимущественно русскую часть города. Онъ быстро течетъ съ шумомъ и пѣною по глубокому и обрывистому оврагу съ каменистымъ дномъ. Чрезъ арыкъ перекинутъ оригинальный мостъ, старинной туземной постройки. По четыремъ угламъ моста возвышаются четыре высокія глинобитныя колонны. Другой огромный арыкъ называется Нарипай, начинающійся у селенія Афласья, въ 6 верстахъ отъ Катта-Кургана, снабжающій этотъ городъ водою и затѣмъ протекающій далѣе въ Бухарскія владѣнія.

Въ 8 верстахъ отъ Самарканда, у горы Чупанъ-Ата, рѣка Зеравшанъ раздѣляется на два русла, изъ которыхъ сѣверное называется Акъ-Дарья (бѣлая рѣка), а южное — Кара-Дарья (черная рѣка). Первое имѣетъ 105 верстъ, второе 100 верстъ длины. Эти два русла удаляются одно отъ другаго верстъ на 13 и сливаются вновь у Хатырчи, образуя островъ, отличающійся необыкновеннымъ плодородіемъ, обусловливаемымъ превосходною почвою и обиліемъ воды. Этотъ островъ представляетъ самую населенную и богатую часть долины. Хотя островъ, называемый Міанканскою долиною (Міанканъ), и лежитъ между двумя рукавами рѣки, но воду получаетъ только изъ Кара-Дарьи, потому что Акъ-Дарья орошаетъ поля, лежащія на сѣверъ



Мостъ черезъ арыкъ Даргамъ близъ Самарканда.

отъ нея. Главные арыки, орошающіе сѣверную часть Зеравшанской долины, берутъ свое начало гораздо выше, почти тамъ же, гдѣ начинаются южные арыки. Вслѣдствіе того, дѣлается возможнымъ орошеніе мѣстъ, значительно удаленныхъ отъ Самарканда; напримѣръ, Ташъ-Купрюкъ (укрѣпленіе Каменный Мостъ) находится въ 30 верстахъ отъ Зеравшана, но орошается арыкомъ, отведеннымъ отъ этой рѣки. Міанканская долина покрыта сплошь пахатными полями и садами, а сѣть оросительныхъ каналовъ такъ хорошо распредѣлена, что на всемъ островѣ нельзя найти клочка земли, который не заливался бы водою и, слѣдовательно, не засѣвался бы какимъ-нибудь полезнымъ растеніемъ. Поэтому островъ Міанканъ является житницею всего края.

Зеравшанская вода служитъ не только для орошенія, но дѣйствуетъ также и какъ удобреніе. Въ своемъ быстромъ теченіи на протяженіи 230 верстъ по горной долинѣ, Зеравшанъ до того наполняется землистыми частицами, что вода его становится совершенно мутною. Попадая на поля, вода оставляетъ на нихъ этотъ илъ, чрезвычайно плодородный.

Отъ бухарскаго города Хатырчи Зеравшанъ направляется къ городу Кермине, орошая своею водою, при помощи оросительныхъ каналовъ, 19 амилякствъ Хатырчинскаго бекства. Всѣ эти каналы выходятъ по правую сторону рѣки, потому что по лѣвую сторону она не отдѣляетъ ихъ отъ себя, такъ какъ лѣвый берегъ крутой и вся лѣвая сторона рѣки гораздо выше уровня зеравшанской воды. Дальнѣйшее теченіе Зеравшана направляется по Керминскому бекству, гдѣ рѣка отдѣляетъ отъ себя 9 арыковъ, а затѣмъ удаляется въ собственно бухарскіе и кара-кульскіе уѣзды и вливаетъ остатки своихъ водъ въ Денизъ.

Водою Зеравшана въ предѣлахъ округа орошается 128,808¼ казенныхъ десятинъ земли (въ Пенджекентскомъ отдѣлѣ 20,240½, въ Самаркандскомъ 76,234½, въ Катта-Курганскомъ

32,333 $^{1}/_{4}$), а количество земли, орошенной въ округѣ незеравшанскими водами, составляетъ до 16,770 десятинъ; слѣдовательно, все количество земли, орошаемой искусственно, о которой имѣются положительныя свѣдѣнія, доходитъ до 145,578 $^{1}/_{4}$ десятинъ, которая должна еще увеличиться, если присоединить къ ней орошенныя земли Фараба и части Магіана, невошедшія въ счетъ, и другія нѣкоторыя мѣстности.

Въ Катта-Курганскомъ отдѣлѣ большая часть воды, необходимой для орошенія полей, получается изъ южнаго русла Зеравшана, изъ рѣки Кара-Дарьи. Изъ нея же вытекаетъ самый большой арыкъ отдѣла, Нарипай. Всего въ отдѣлѣ 14 арыковъ. Такъ какъ русло Кара-Дарьи выше русла Акъ-Дарьи, а русло Нарипая выше русла той части Кара-Дарьи, которая отъ селенія Сара-Сія направляется къ Хатырчамъ, то эта разность обусловила необходимость построенія плотинъ, одной на Акъ-Дарьѣ, близъ высотъ Чапанъ-Ата, и другой на Кара-Дарьѣ, ниже Сара-Сія, близъ начала Нарипая. Первая плотина повышаетъ уровень воды въ Кара-Дарьѣ, а вторая въ Нарипаѣ. Теченіе арыка съ южной стороны ограничивается крутымъ берегомъ, а къ сѣверу мѣстность понижается по направленію къ руслу Зеравшана. Влѣво арыкъ Нарипай вовсе не орошаетъ земель, а потому онѣ засѣваются только подъ дождь (ляльми); но вправо онъ отдѣляетъ весьма значительное количество второстепенныхъ арыковъ, именно до 200, такъ что почти каждое селеніе Зіуддинскаго округа имѣетъ свою самостоятельную воду. Нарипай въ гораздо меньшихъ размѣрахъ, чѣмъ какимъ онъ оказывается въ настоящее время, прорытъ, по словамъ Бухарцевъ, назадъ тому 500 и даже 700 лѣтъ. Въ это время длина его не была значительна и въ немъ было немного воды. Съ теченіемъ времени арыкъ постоянно удлинялся; съ увеличеніемъ же воды въ Нарипаѣ возрастало и населеніе Зіуддинскаго округа. Въ прежнее время русло Кара-Дарьи было ниже русла Акъ-Дарьи. Нарипай получилъ то самое направленіе, какое имѣетъ Кара-Дарья отъ Чапанъ-ата до Сара-Сія, и вода по Нарипаю шла въ большемъ количествѣ. Увеличеніе этого арыка было такимъ образомъ весьма естественно. Около пятидесяти лѣтъ тому назадъ, по Кара-Дарьѣ направлялась наибольшая масса зеравшанской воды, и для орошенія нѣкоторыхъ уѣздовъ Самаркандскаго и Катта-Курганскаго бекствъ и бекства Хатырчинскаго устраивали плотину на Кара-Дарьѣ, подобно тому, какъ ее устраиваютъ на Акъ-Дарьѣ для Зіуддинскаго округа.

Было время, когда южная часть Зеравшанскаго бассейна была орошаема значительно обильнѣе сѣверной, т. е. было совершенно наоборотъ тому, что существуетъ въ настоящее время. Около 180—150 лѣтъ тому назадъ, вслѣдствіе политическихъ переворотовъ въ этой части Азіи, сѣверная часть нынѣшняго Зеравшанскаго округа почти обезлюдѣла, часть жителей ушла въ предѣлы коканскіе и ташкентскіе, а часть — въ бассейнъ верхней Аму-Дарьи. Многіе жители поселились близъ Ургута и по сѣвернымъ склонамъ горъ, отдѣляющихъ Зеравшанскую долину отъ долины Кашка-Дарьи. Эти поселенцы провели воду изъ Зеравшана близъ Пенджекента и обильно оросили ею южную часть нынѣшняго Зеравшанскаго округа. Главный арыкъ, проведенный въ этой части, носилъ названіе Кизилъ-Баши-арыкъ и доходилъ до Джама и Улуса. Слѣды его видны и донынѣ въ Ангарскомъ тюменѣ, гдѣ также видны признаки бывшаго прежде тамъ значительнаго поселенія. Долина Зеравшана покрылась тогда болотами, камышемъ, колючкою и рощами. Снова появились земледѣльцы на Зеравшанѣ въ началѣ XIX столѣтія, при бухарскомъ эмирѣ Ша-Мурадъ-біѣ, когда проведено было значительное число новыхъ арыковъ. Южная часть долины начала тогда пустѣть, а уменьшившееся въ ней населеніе не могло справиться съ орошеніемъ полей, и арыкъ Кизилъ-Баши былъ запущенъ и, наконецъ, совершенно заброшенъ. Зеравшанская вода была пущена тогда къ сѣверу. Независимо отъ естественнаго пониженія русла Акъ-Дарьи, г. Соболевъ полагаетъ, что и вышеприведенныя обстоятельства были причиною подобнаго пониженія. Поэтому также возможно, что главное русло Зеравшана въ прежнія времена направлялось южнѣе нынѣшняго и шло по Кара-Дарьѣ. Въ настоящее время, для поддержанія населенія Зіуддинскаго округа и Кермин-

скаго бекства, въ той ихъ части, гдѣ проходитъ арыкъ Нарипай, необходимо плотинами искусственно возвышать воду въ Кара-Дарьѣ и Нарыпаѣ, какое уравненіе воды и составляетъ главную часть въ механизмѣ оросительной системы Зеравшана.

Ханыковъ, въ своемъ описаніи Бухарскаго ханства, передаетъ, что среди его жителей живо сохранилось преданіе о томъ, что, передъ основаніемъ Бухары, Зеравшанъ былъ необыкновенно широкъ и разливы его поддерживали существованіе густыхъ камышей, которыми были сплошь покрыты тѣ мѣста, гдѣ теперь находится этотъ городъ. Преданіе это, вѣроятно, основано на слѣдующемъ мѣстѣ исторіи Бухары, написанной въ 522 году мусульманскаго счисленія Джафаромъ Наршахи: «Абдурахманъ, сынъ Нишабурійскаго, въ книгѣ Хезаинъ-Ульгулюмъ (сокровищница мудрости) повѣствуетъ слѣдующее: мѣсто, занимаемое нынѣ Бухарой, было водоемомъ и частью покрыто было камышемъ, лѣсомъ и кустарникомъ; иныя мѣста были таковы, что верблюдъ не находилъ брода, потому что въ областяхъ, находящихся въ сторонѣ Самарканда, тающіе горные снѣга образовали большую рѣку, которая и есть подлѣ Самарканда и ее называютъ Мазафъ. Въ этой рѣкѣ было много воды, и вода сія влекла много глины, которая наполняла вышеназванную яму; съ каждымъ наплывомъ воды накоплялась и глина, такъ что ея сдѣлалось множество, вслѣдствіе чего вода сія высохла, земля выровнялась, большая рѣка назвалась Согдомъ, а высохшее мѣсто — Бухарою.» Глинисто-солонцоватая земля, на которой расположена Бухара, говоритъ много въ подтвержденіе этого преданія. Сверхъ того изъ исторіи Джафара Наршахи также видно, что когда Таджики, мѣстные коренные жители, пришли съ запада для своего поселенія на Зеравшанѣ, то нашли его совершенно пустыннымъ, незаселеннымъ; густые камыши покрывали прибрежную мѣстность и служили убѣжищемъ для дикихъ звѣрей. Таджики первые начали обрабатывать берега Зеравшана и пользоваться его богатствомъ воды для орошенія своихъ полей и садовъ.

Къ замѣчательнымъ арыкамъ принадлежатъ также подземные, идущіе по закрытымъ галлереямъ и потому называемые «Карисъ». Такіе арыки преимущественно устраиваются при выходѣ горныхъ рѣчекъ изъ ущелій на болѣе ровную мѣстность; но въ такихъ случаяхъ они идутъ въ боковыхъ стѣнахъ рѣчныхъ овраговъ и сообщаются наружу боковыми отверстіями. Въ настоящее время большая часть ихъ заброшена. А. П. Федченко видѣлъ замѣчательный примѣръ такого арыка близъ Ура-Тюбе, въ Басмандинскомъ ущельѣ, гдѣ онъ снабжаетъ водою поля Басманды, лежащей въ горахъ, на тысячу футовъ выше уровня рѣки. Подземный арыкъ проведенъ также для орошенія пенджекентскихъ полей. Онъ начинается у селенія Чарбакъ, на рѣкѣ Магіанъ-Дарьѣ, и сначала идетъ по склону высокихъ холмовъ, ограничивающихъ лощину, по которой течетъ рѣка. Затѣмъ арыкъ поворачиваетъ назадъ и около трехъ верстъ идетъ подъ землею, въ конгломератовой почвѣ, на глубинѣ сорока аршинъ. Направленіе его обозначено воронкообразными углубленіями и рядомъ невысокихъ кургановъ, образованныхъ изъ земли, вынутой при копаніи арыка и находящихся на разстояніи 20 саженъ одинъ отъ другаго. Лѣтъ десять тому назадъ этотъ арыкъ былъ возобновленъ жителями Пенджекента. Время основанія этого арыка, по смѣлости и трудностямъ своего сооруженія могущаго стать на ряду съ знаменитымъ Тюя-Тартаръ, преданіе относитъ за нѣсколько сотъ лѣтъ (около 900 лѣтъ). По словамъ преданія, въ память его сооруженія, вблизи упомянутыхъ насыпей, поставленъ былъ надгробный памятникъ изъ бѣлаго мрамора, на которомъ высѣчены надписи; но изъ нихъ сохранились лишь изреченія, взятыя изъ корана. Полагаютъ, что подъ этимъ памятникомъ похороненъ основатель подземнаго арыка.

Жителей во всемъ Зеравшанскомъ округѣ считается, по вычисленію Венюкова, болѣе 271,000 душъ, а именно: въ отдѣлѣ Пенджекентскомъ 65,300, въ Самаркандскомъ 113,100 и въ Катта-Курганскомъ 93,000. Въ шести бывшихъ бекствахъ, въ горной части округа, находится до 35,700 душъ, которыя вошли въ исчисленіе Пенджекентскаго отдѣла. По вычисленію г. Соболева, въ Зеравшанскомъ округѣ находится жителей 281,000 душъ, домовъ 56,190, населенныхъ мѣстъ

1,347. Въ городахъ населеніе выражено г. Соболевымъ слѣдующими цифрами: въ Самаркандѣ 32,500, въ Катта-Курганѣ 6,450, въ Пенджекентѣ 2,150, Ургутѣ 10,200, Пенджамбе 4,380, Яны-Курганѣ 850, Чалекѣ 545. Зеравшанскій округъ, по густотѣ своего населенія, ближе всего подходитъ къ губерніямъ Таврической и Уфимской. Гуще всего населеніе расположено между Акъ-Дарьей и Кара-Дарьей, рукавами Зеравшана, на островѣ Міанканѣ. Города Ургутъ, Пендшамбе, Яны-Курганъ, Чалекъ имѣютъ исключительно туземное населеніе, между тѣмъ какъ Самаркандъ, Пенджекентъ и Катта-Курганъ населены и Европейцами, которыхъ менѣе всего въ Пенджекентѣ, именно менѣе ста человѣкъ. Въ Зеравшанскомъ округѣ находится 8 селеній, въ которыхъ число жителей превышаетъ 1,000 душъ (въ селеніи Дагбитъ 1,980 душъ), 10 селеній, въ которыхъ болѣе 750 жителей и менѣе 1,000, 34 селенія имѣютъ отъ 500 до 750 жителей и, наконецъ, 177 селеній — отъ 250 до 500 человѣкъ.

Городъ Пенджекентъ расположенъ въ тѣснинѣ, у подошвы круто-поднимающихся горъ. Городъ вытянулся съ сѣверо-запада на юго-востокъ, сообразно съ направленіемъ Зеравшана и горъ въ этомъ мѣстѣ, и тянется вмѣстѣ съ садами версты на двѣ. Часть города спускается съ крутаго берега къ ложу рѣки. По берегу засѣвается рисъ. Тутъ же находится лѣсная пристань, а немного выше—конный базаръ. Пенджекентъ значитъ «пятьдесятъ городовъ». По преданіямъ туземцевъ, къ нему когда-то принадлежали 50 горныхъ городовъ, путь къ которымъ прикрывался Пенджекентомъ. Но это преданіе явилось послѣ основанія города, который вовсе не принадлежитъ къ числу древнихъ поселеній, и вызвано было названіемъ Пенджекента. Оборонительныхъ сооруженій у него не существуетъ. Стѣны его скорѣе можно назвать глиняными заборами, не смотря на то, что въ нихъ продѣланы широкія ворота, какъ бы въ крѣпости. Весь городъ очень невеликъ и группируется около небольшой базарной площади. Въ сѣверо-западномъ ея углу находился прежде домъ пенджекентскаго бека, который, со всѣми своими пристройками, составлялъ городскую цитадель. Остальныя части площади застроены лавками, по большей части двухъ-этажными. На юго-востокъ за площадью находится большая куполообразная мечеть, а напротивъ нея устроенъ спускъ въ нижнюю часть города, гдѣ находится большая площадь, застроенная базарными лавками, въ родѣ навѣсовъ, безъ дверей. Мечеть на восточной сторонѣ базара выстроена, около 50 лѣтъ тому назадъ, изъ жженаго кирпича и имѣетъ большой садъ съ бассейномъ посрединѣ. Пенджекентъ изобилуетъ хорошими садами, съ разнаго рода фруктовыми деревьями. Въ лѣтнее время почти всѣ жители города переселяются въ сады. Въ верстѣ отъ Пенджекента, у крутаго берега Зеравшана, видны развалины стѣнъ какого-то укрѣпленія. Жители говорятъ, что на этомъ мѣстѣ, сто лѣтъ тому назадъ, существовалъ прежній городъ, но по недостатку воды былъ брошенъ, а его населеніе перешло въ другое мѣсто. Вѣрнѣе можно предположить, что эти развалины были прежнею цитаделью города, находившеюся внѣ его.

На югъ отъ Пенджекента лежитъ небольшое ущелье, котораго западная сторона состоитъ изъ крутой возвышенности, до 200 футовъ, выдающейся къ самымъ городскимъ стѣнамъ. Восточная сторона ущелья поднимается амфитеатромъ и сливается съ высотами. По преданію, на этой высотѣ, во времена Афросіаба, находилась сильная крѣпость Кайнаръ, а городъ Кайнаръ былъ расположенъ на той сторонѣ ущелья, которая идетъ амфитеатромъ. Искусственно отдѣланный всходъ на этотъ утесъ и площадка на возвышенности составляютъ теперь единственные остатки бывшей крѣпости. При раскапываніи горы Кайнаръ, а также того мѣста, гдѣ, по преданію, былъ городъ, найдены большія корчаги съ пепломъ и обожженными костями, чаши и проч. Изъ подошвы горы Кайнаръ вытекаетъ ручей, снабжающій водою весь Пенджекентъ и называемый Кайнаръ-Су. Вода въ немъ холодная, и онъ изобилуетъ рыбою. Таджики составляютъ почти исключительныхъ жителей Пенджекента.

Въ Пенджекентѣ большое разрушеніе производится горными потоками. Въ 1873 году впервые разразился тамъ въ маѣ разливъ ручья Чашмъ-Шурчасай, который имѣетъ длины всего

12 верстъ, при паденіи $2^1/_2$ саженъ на одну версту. Этотъ разливъ лишилъ жителей навсегда восьми десятинъ пахатной земли. Съ тѣхъ поръ разливъ этого ручья повторялся ежегодно. Въ теченіе всего лѣта, осени и зимы въ этомъ ручьѣ почти не бываетъ воды. Если подниматься вверхъ по Зеравшану, то картины разрушительнаго дѣйствія горныхъ потоковъ, особенно по правому берегу, появляются все чаще и чаще. Въ селеніи Іори половина базарной площади загромождена огромными каменьями, нанесенными незначительнымъ потокомъ Ду-Объ. Въ селеніи Хожа-Хальваи, въ 5 верстахъ выше Іори, жители, съ 1873 года по 1877 годъ, лишились отъ разливовъ своего десятиверстнаго ручья тридцати танаповъ пахатной земли. Въ ущельѣ Фальгара, начинающемся въ 56 верстахъ отъ Пенджекента, горы праваго берега представляютъ крутыя скалы, мѣстами съ вертикально стоящими пластами кремнистаго сланца, прорѣзываемаго незначительными ручьями. Селеніе Урмитанъ живописно разбросано по уступамъ довольно обширной терассы, наибольшее протяженіе которой въ длину, на востокъ, занято сплошными садами съ фруктовыми и другими деревьями, подъ тѣнью которыхъ все лѣто поддерживается роскошная растительность. Въ томъ мѣстѣ на сѣверо-востокѣ, откуда въ сады, при обильномъ выпаденіи дождей, устремлялся бурнымъ потокомъ ручей Лянгаръ, выведены для ихъ защиты каменные траверсы, мѣстами въ двѣ сажени толщины при основаніи и въ два аршина вышины; не смотря на такую защиту, поля Урмитана нерѣдко весною подвергались такому сильному затопленію, что необходимы были большія усилія для очищенія полей отъ наноснаго щебня и глины. Съ 1874 года Урмитанцы усилили свою ограду противъ горнаго потока и тѣмъ стали подвергаться меньшимъ убыткамъ.

По свидѣтельству многихъ туземцевъ, до развитія въ нагорномъ районѣ углепромышленности, растительность южнаго склона хребта противъ Пенджекента, покрывая густо покатости, спускалась къ Зеравшану и занимала его широкое побережье лиственными древесными породами, скрывавшими фазановъ, гусей, зайцевъ и кабановъ. Въ ущельяхъ росли тогда березы, чинары, орѣшники, горькій миндаль, фисташки, можевельникъ и друг. деревья. Нѣкоторыя ущелья получили даже названія по группировкѣ тамъ деревьевъ одной породы, напримѣръ: «жилище миндаля», «розсыпь фисташки» и проч. Эти деревья сожжены нынѣ на уголь.

Торговля въ Пенджекентѣ, а также въ Ургутѣ, по сообщеніямъ туземныхъ жителей, въ прежніе годы была незначительнѣе нынѣшняго. Причиною тому они считаютъ увеличеніе населенія, развитіе земледѣлія, а также не столь значительные налоги и повинности при русскомъ правительствѣ, чѣмъ при бухарскомъ. Благосостояніе сельскихъ хозяевъ повлекло за собою развитіе промышленнаго труда въ городахъ и увеличеніе въ нихъ торговли. Послѣднее обстоятельство нагляднѣе всего выражается въ увеличеніи базарныхъ площадей. Въ Пенджекентѣ, за сто лѣтъ передъ симъ, былъ небольшой базаръ, который помѣщался на верхней площадкѣ нынѣшняго базара, а также на мѣстѣ мечети «Немара». До этого времени Пенджекентъ находился нѣсколько выше по теченію Зеравшана. Тогдашній бекъ перевелъ городъ на новое мѣсто, гдѣ было обиліе воды, вслѣдствіе чего увеличилось число садовъ, улучшилось земледѣліе и возросло благосостояніе мѣстнаго населенія. Чрезъ 50 лѣтъ по учрежденіи базара, нашлись вынужденными увеличить его площадь на 200 квадр. саж., причемъ, сверхъ того, одинъ житель пожертвовалъ для базара свой садъ въ 400 квадр. саж. Чрезъ новый промежутокъ времени, въ 25 лѣтъ, увеличили базаръ на 110 квадр. саж., чрезъ 18 лѣтъ на 333 квадр. саж., а при русскомъ правительствѣ вновь на 400 кв. саж. Точно также въ городѣ Ургутѣ базарная площадь, за 300 лѣтъ предъ симъ, представляла собою небольшую улицу и простиралась отъ нынѣшней мечети «Почбанъ», въ кварталѣ Гузъ, до квартала Камарданъ. Первоначально подъ базаръ отвели площадь въ 588 квадр. саж., а затѣмъ вновь въ 714 кв. саж.

Въ Пенджекентѣ многіе жители промышляютъ сплавомъ лѣса въ Самаркандъ и Катта-Курганъ. Лѣсъ на ишакахъ привозится изъ Кштута, Фальгара и вяжется въ плоты, для чего онъ скрѣпляется особо приготовленными арканами, сдѣланными изъ молодаго тальника. Для

склада лѣса въ Пенджекентѣ, невдалекѣ отъ базара, существуетъ дровяной дворъ. Базаръ состоитъ изъ трехъ площадей. На верхнемъ базарѣ въ Пенджекентѣ располагаются и нѣкоторыя лавки съ красными товарами, которыя торгуютъ какъ въ базарные, такъ и въ остальные дни. На среднемъ базарѣ располагаются пріѣзжіе изъ селеній и торгующіе открыто, безъ помѣщеній. Вокругъ этой площади построены лавки и караванъ-сараи, гдѣ останавливаются пріѣзжіе туземцы. На нижней площади помѣщаются навѣсы, вѣсы, торговцы пшеницею, ячменемъ, рисомъ, мукою, масломъ, творогомъ и другими привозными сырыми произведеніями. Тутъ также помѣщается и рядъ мясниковъ. Въ Пенджекентѣ производится спеціальная продажа ишаковъ, пригоняемыхъ изъ Самарканда и Тайляка. Покупателями этихъ животныхъ являются жители ближайшихъ горныхъ селеній. Средній базарный оборотъ въ обыкновенное время равняется 1,170 руб. Оживляются базары преимущественно осенью, когда земледѣльцы, окончивъ свои полевыя работы, спѣшатъ запастись всѣмъ необходимымъ для своего семейства, между тѣмъ какъ всевозможные ткачи, завершивъ свои лѣтнія работы, представляютъ свои произведенія на продажу на базары.

Въ городѣ Ургутѣ базаръ состоитъ изъ ряда улицъ (въ длину три улицы, а въ ширину четыре), по сторонамъ которыхъ расположены караванъ-сараи и лавки. Сверхъ того, къ базару принадлежитъ небольшой дворъ, кругомъ обстроенный навѣсами, въ которыхъ въ базарные дни помѣщаются вѣсы и площадь для торговли лицъ, не имѣющихъ закрытыхъ помѣщеній. Въ разныхъ кварталахъ города занимаются, при помощи своихъ семействъ, тканьемъ бязи и алачи до 95 человѣкъ, которые продаютъ свои товары на базарѣ въ 150 лавкахъ. Остальныхъ лавокъ насчитывается на базарѣ 248. Въ іюлѣ, августѣ и сентябрѣ, на базары въ Ургутъ пригоняютъ, преимущественно изъ Гиссара, много барановъ и козловъ. Спеціальной торговли хлѣбомъ, скотомъ и лошадьми на ургутскомъ базарѣ не происходитъ. Изъ Карши привозятъ соль, изъ Самарканда ковры, изъ Шахрисябса гранаты; изъ Кштута, Магіана и Фараба крѣпкое дерево, очищенное отъ коры, палки для топорищъ, лопатъ, нагаекъ, разныхъ ручекъ; изъ Джума табакъ, изъ Магіано-фарабской волости лѣсъ, дрова, уголья. Изъ заграницы на базары въ Ургутъ пріѣзжаютъ Шахрисябцы, Китабцы, Каршинцы и Гиссарцы, какъ за мануфактурными товарами, такъ, особенно въ осеннее время, за хлѣбными продуктами. Торговля преимущественно оживляется осенью, вслѣдствіе тѣхъ же причинъ, какъ и въ Пенджекентѣ.

На городъ Ургутъ открывается прелестный видъ съ довольно высокаго холма, чрезъ который проходитъ къ нему дорога. Ургутъ расположенъ терассами по склону горъ и лежитъ въ довольно узкомъ ущельѣ у подошвы Шахрисябскихъ горъ. Въ немъ, сверхъ довольно обширнаго базара, находится нѣсколько мечетей и нынѣ разрушенная крѣпость. Въ этой цитадели жили беки,бывшіе сперва независимыми владѣтелями, а впослѣдствіи получавшіе свое назначеніе отъ бухарскихъ эмировъ. Въ самомъ южномъ концѣ города находится чинаровый садъ (Чаръ-Чинаръ), состоящій изъ полусотни старыхъ деревъ, изъ которыхъ многія имѣютъ громадныя дупла. Въ одномъ такомъ дуплѣ, въ довольно обширной комнаткѣ, помѣщался даже одно время сторожъ сада. Въ этомъ саду расположена деревянная мечеть и гробница Абу-Талиба, святаго, уважаемаго въ Ургутѣ. Около гробницы находится нѣсколько камней съ надписями. Вверхъ по ущелью, далѣе чинароваго сада, разбросано еще нѣсколько садовъ. Ущелье замыкается высокою горою.

Нагорныя бекства, принадлежащія къ Пенджекентскому отдѣлу,—Фарабское, Магіанское Кштутское, Масчинское, Фанское, Фальгарское, Ягна-Обское,—находясь на пространствѣ между ледникомъ Зеравшана и двумя его притоками, рѣками Магіанъ-Дарьей и Кштутою, издревле были извѣстны подъ названіемъ Когистана, что по-персидски значитъ «горная страна». Въ настоящее время изъ этихъ бекствъ образованы слѣдующія волости: Фальгарская, Масчинская, Искандеровская (изъ бекствъ Фанъ и Ягна-Объ), Кштутская и Магіано-Фарабская. Когистанъ заселенъ рѣдко, около трехъ человѣкъ на квадратную версту, вслѣдствіе чрезвычайно ограниченнаго количества земель,

удобныхъ для жилья, и крайне недостаточнаго размѣра пахатныхъ земель. Всѣ мало-мальски удобныя мѣста давно уже заселены и обработаны, а новыхъ не оказывается. Климатъ Когистана суровѣе, и зима въ немъ продолжительнѣе, а лѣто короче, чѣмъ въ Зеравшанской долинѣ. Почва, за весьма немногими исключеніями, камениста въ сильной степени. Исключая Кштутской волости, отличающейся обиліемъ богарныхъ (не орошаемыхъ земель), почва въ Когистанѣ засѣвается ежегодно, безсмѣнно, а потому, не имѣя отдыха и не получая достаточнаго удобренія, приходитъ въ сильное истощеніе. Отъ этихъ условій и зависитъ ничтожный урожай хлѣбныхъ произведеній въ Когистанѣ. Джугара, куруруза, хлопокъ, конопля, кунжутъ, махсаръ, табакъ, макъ, огурцы, свекла, рѣдька, капуста вовсе не засѣваются въ предѣлахъ Когистана. Рисъ сѣется только въ Кштутской волости въ одномъ селеніи Гуссарѣ, которое скорѣе принадлежитъ къ селеніямъ долины, чѣмъ горъ. Виноградъ воздѣлывается, вверхъ по Зеравшану, только до меридіана Шаводки и Рарза, на 5,081 футѣ надъ уровнемъ моря. Въ мѣстномъ сельскомъ хозяйствѣ преобладаютъ посѣвы малопитательныхъ бобовыхъ растеній. Озимыхъ хлѣбовъ сѣется менѣе яровыхъ. Въ Когистанѣ, въ счастливые годы, урожай для пшеницы не превышаетъ самъ-восемь, а для ячменя самъ-десять, и то только въ Кштутской волости, а въ другихъ высшій урожай бываетъ самъ-семь, а средній самъ-четыре. Сверхъ того, при посѣвѣ, вслѣдствіе неплодородія почвы, приходится затрачивать сѣмянъ по крайней мѣрѣ вдвое, а иногда и втрое болѣе того, сколько употребляется въ хозяйствахъ Зеравшанской долины. До вспаханія же поля, горцу необходимо очистить его отъ массы каменьевъ, ежегодно наносимыхъ весною разливомъ горныхъ ручьевъ. Занятіе земледѣліемъ даетъ жителямъ Кштутской волости не только обезпеченное существованіе, но, сверхъ того, и хорошую прибыль; оно достаточно обезпечиваетъ жителей Искандеровской волости и вовсе не обезпечиваетъ продовольствіемъ въ Масчинской и Фальгарской волостяхъ. Фальгарцы имѣютъ много выгодъ отъ садоводства и скотоводства.

Сады въ горахъ Фальгара, послѣ утомительнаго путешествія по узкимъ тропинкамъ, карнизамъ и балконамъ, пролегающимъ по крутымъ, голымъ горнымъ склонамъ, производятъ пріятное впечатлѣніе; но они, понятно, не могутъ быть вовсе сравниваемы съ садами Міанканской долины. Въ горныхъ садахъ нѣтъ величественныхъ чинаровъ и густолиственныхъ карагачей; но въ хозяйственномъ отношеніи они не уступаютъ садамъ Міанкана. Фальгарскій урюкъ цѣнится очень дорого и имѣетъ огромный сбытъ на базарахъ Ура-Тюбе, Джизака, Пенджекента, Самарканда. По словамъ туземцевъ, одно большое урюковое дерево можетъ дать въ годъ сухихъ плодовъ болѣе 4 пудовъ. Также большую пользу приноситъ тутовое дерево. Въ Фальгарской волости трудно найти такого бѣдняка, который не имѣлъ бы по одному дереву урюка и тута; но многіе имѣютъ до 10 и 15 подобныхъ деревьевъ. Въ предѣлахъ нижней Масчинской волости урюковыхъ и тутовыхъ деревьевъ также достаточно; но далѣе, вверхъ по Зеравшану, а также на истокахъ Ягна-Объ, выше Хитартаба, эти деревья уже не растутъ. Въ нижнемъ теченіи Ягна-Объ урюкъ и тутъ встрѣчаются въ незначительномъ количествѣ. Созрѣваютъ эти плоды въ концѣ августа. Яблонь, вишень и орѣшины въ горахъ мало. Огородничества въ Когистанѣ, какъ отдѣльной отрасли хозяйства, не существуетъ. Арбузы, дыни, тыквы, лукъ и морковь разводятся на уголкахъ пашень, рядомъ съ хлѣбными посѣвами, только для собственнаго потребленія. Они созрѣваютъ не ранѣе конца августа. По Зеравшану, выше Мадрушката и по Ягна-Объ, выше Хитартаба, означенные овощи не встрѣчаются.

Когистанъ вообще не богатъ лѣсами. Въ горахъ, по нижнему теченію Ягна-Объ, встрѣчаются только одинокія деревья и мѣстами молодыя поросли древовиднаго можевельника. Долина Зеравшана, отъ Кштудака до самаго ледника, обнажена совершенно, и только въ боковыхъ ущельяхъ, въ малодоступныхъ мѣстахъ, видны побѣги арчи. За исключеніемъ одинокихъ ивъ, лиственныхъ породъ почти совсѣмъ нѣтъ.

Не всѣ волости Когистана отличаются обиліемъ пастбищъ, потому что Фальгарцы лѣ-

томъ пригоняютъ своихъ барановъ и козъ на пастьбу въ окрестности Искандеръ-куля и въ долину Пастьрудскую. Но, не смотря на недостатокъ у себя кормовъ, Фальгарцы имѣютъ болѣе барановъ, чѣмъ Искандеровцы, владѣющіе обширными пастбищами. Причиною тому — умѣнье Фальгарцевъ наживать деньги оборотами скотомъ и торговлею, почему они оказываются и зажиточнѣе Искандеровцевъ, которые, вообще, лишены торговой смѣтки. Масчинская и Кштутская волости не обладаютъ также обширными пастбищами для своего скота. Въ Масчинской волости ежегодно между селеніями возникаютъ споры изъ-за обладанія тѣмъ или другимъ выгономъ. Изъ кормовыхъ травъ сѣется одинъ клеверъ, за исключеніемъ селеній, лежащихъ по верхнему теченію рѣки Ягна-Объ.

Горцы въ Когистанѣ владѣютъ своею землею преимущественно на правахъ частной собственности. Только выгоны составляютъ общинное владѣніе, и они съ давнихъ временъ подѣлены между жителями отдѣльныхъ селеній, или даже нѣсколькихъ деревень. Въ Искандеровской волости еще находятся свободные выгоны, не составляющіе ни частной, ни общественной собственности. На такія свободныя земли пригоняютъ пасти свой скотъ не только жители другихъ волостей Зеравшанскаго округа, но также жители Джизака, Гиссара, Заамина и Каратегина. Богарныя земли состоятъ въ частномъ владѣніи, а не въ общинномъ, какъ у большинства волостей въ долинѣ. Но жителямъ одного и того же селенія не возбраняется, свѣдома хозяина и безъ платежа аренды, посѣять хлѣбъ на чужой землѣ, если самъ хозяинъ не желаетъ воспользоваться ею или не имѣетъ для того достаточныхъ средствъ. Въ горныхъ волостяхъ находятся также казенныя земли, состоящія въ постоянномъ пользованіи жителей за плату ничтожной подати, установленной однажды навсегда, около 15 коп. за танапъ. Въ Когистанѣ существуетъ довольно распространенное обыкновеніе не завѣщать земли въ вакуфъ (во всемъ Когистанѣ существуетъ только одна такая земля, въ Кштутской волости), а въ замѣнъ того, въ угоду Всевышнему, отдавать, если у кого оказывается излишняя земля, въ безвозмездное пожизненное пользованіе какому-нибудь бѣдному, многосемейному родственнику.

Оросительныя сооруженія въ Когистанѣ не велики. Арыки его, въ большинствѣ, не шире полъ-аршина и не глубже 5 вершковъ. Въ горахъ нѣтъ широкихъ и многоводныхъ арыковъ въ родѣ Нарипая, Булунгура, Даргама. Каждое селеніе цѣлымъ обществомъ устраиваетъ изъ горныхъ ручейковъ, рѣже изъ ключей, общій магистральный арыкъ, откуда уже проводятъ разводные арычки на свои поля отдѣльные землевладѣльцы. Такъ какъ почва очень камениста, то и проведеніе подобныхъ ничтожныхъ арыковъ оказывается затруднительнымъ дѣломъ. На крутыхъ горныхъ склонахъ, покрытыхъ рыхлымъ конгломератомъ или сыпучимъ щебнемъ сланцевыхъ породъ, туземцы укрѣпляютъ берегъ арыка невысокою стѣною изъ колючки, камней и глины и, такимъ образомъ, устраиваютъ для воды какъ бы искусственное ложе. Подобный арыкъ имѣетъ иногда нѣсколько верстъ длины. Нѣкоторые арыки протекаютъ по деревяннымъ желобамъ, перекинутымъ чрезъ пропасть, съ одной скалы на другую. Ремонтъ и содержаніе арыковъ лежитъ на обязанности всѣхъ жителей селенія.

Необходимую для себя одежду жители Когистана приготовляютъ домашнимъ своимъ производствомъ, тѣмъ болѣе, что для покупки ея не имѣютъ средствъ. Но гораздо большаго развитія, чѣмъ домашнія ремесла, достигаютъ у нихъ отхожіе промыслы, именно: поденная работа и нищенство. Съ весны мардекеры (поденщики) и нищіе изъ Когистана спускаются со своихъ горъ пѣшкомъ въ долины Зеравшана и Сыръ-Дарьи, доходятъ даже до Бухары, Кокана и далѣе и, послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ бродяжнической жизни, возвращаются домой съ 10 до 15 рублей, добытыми ежедневною двѣнадцати-часовою работою или неустаннымъ попрошайничествомъ. Подобная сумма для горца составляетъ большія деньги. Нищенствомъ преимущественно занимаются Фальгарцы, болѣе по привычкѣ. Остальные горцы прибѣгаютъ къ нищенству только по нуждѣ. Г. Акимбетовъ, описавшій Когистанъ, зналъ въ Фальгарѣ нѣ-

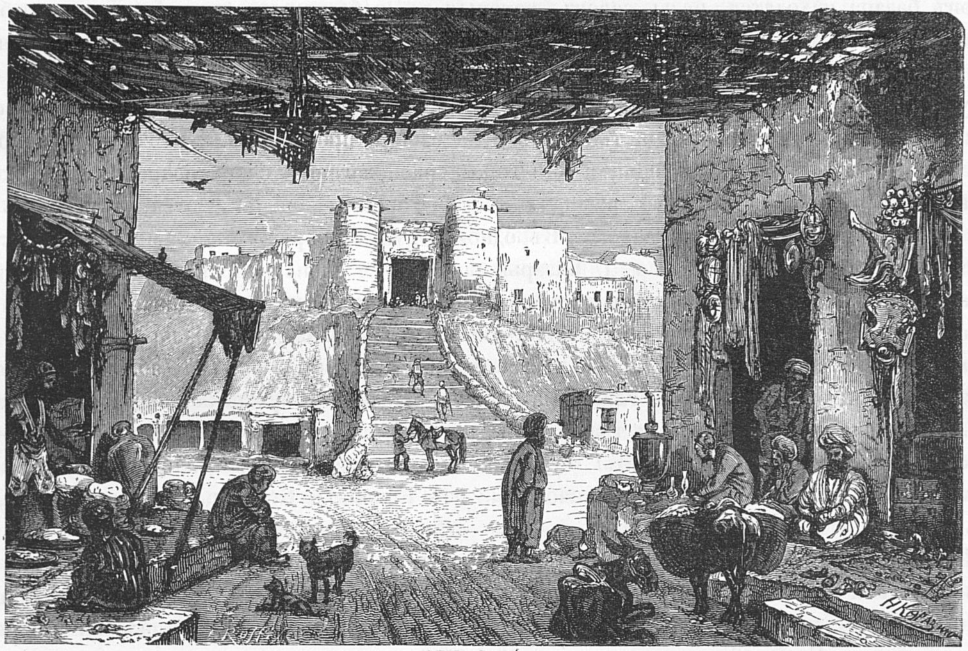
скольких зажиточных жителей, имѣвших нѣсколько танапов пахатной земли и до 10 или 15 голов разнаго скота, которые постоянно промышляли нищенством,

Населеніе Когистана состоит из Таджиков. Жители долин называют горных Таджиков «Галча» (т. е. приходящіе за хлѣбом), между тѣм сами горцы, даже на истоках рѣки Ягна-Об, называют себя просто Таджиками. Язык Галчи, нарѣчіе персидскаго языка, сохранился от вліянія других элементов, например узбекских слов и выраженій, усвоенных Таджиками Зеравшанской долины. Галча говорит протяжнѣе, а Таджик отрывистѣе. Ягнаобцы, живущіе в верховьѣ рѣки Ягна-Об, оказываются очень набожными мусульманами. Даже женщины их проводят длинные зимніе вечера за переписываніем корана и других мусульманских религіозных книг. Страна их, по климату и плодородію, самая худшая в Когистанѣ. По разсказам Ягнаобцев, они считают себя выходцами из Кашемира, переселившимися сюда около пятисот лѣт тому назад, вслѣдствіе политических переворотов. Три четверти года им приходится жить безвыходно в своих селеніях, потому что в теченіе восьми мѣсяцев, из-за непроходимых снѣгов по тропинкам и горным перевалам, прекращаются всякія сообщенія с сосѣдними горными селеніями Когистана. Когда рѣка покрывается льдом, то по нем возстановляется сообщеніе с нѣкоторыми селеніями других волостей. Вид селеній на рѣкѣ Ягна-Об, расположенных над обрывистым берегом, у котораго с ревом пробирается вода между огромными валунами, с пиками высоких гор по окрестностям, представляет много живописных картин. В этих селеніях дома без дворов; выход из мазанки прямо ведет на кривую улицу, неравномѣрной ширины.

Катта-Курганскій отдѣл, составляя западную половину Зеравшанскаго округа, представляет самую южную часть наших владѣній в Средней Азіи. На сѣверѣ хребет Ак-Тау отдѣляет Катта-Курганскій отдѣл от Нарутинскаго бекства. На востокѣ этот отдѣл граничит с Самаркандским, по линіи с урочища Джам на селенія Карасу, Митан до гор Ак-Тау. Западная граница отдѣла, с тѣм вмѣстѣ и государственная, проходит по линіи от Дизманскаго ущелья, в горах Ак-Тау, на селеніе Иманлы, затѣм, по рѣкѣ Ак-Дарьѣ, до бухарскаго города Хатырчи; далѣе от этого города, берегом Кара-Дарьи, выходит к высотам Зира-Булак и затѣм на югѣ упирается снова в Джам. Южная граница Катта-Курганскаго отдѣла идет вдоль сѣвернаго подножія Шярсабясских гор, от Джама до селенія Ибрагим-Ага. Отдѣл раздѣляется на три полосы, одна на другую не похожія: на сѣверную, между Зеравшаном и Ак-Тау, среднюю, расположенную по рѣкѣ Зеравшану, и южную между долиною этой рѣки и Шярсабяскими горами. Сѣверная полоса выше остальных двух полос, сплошь холмиста и перерѣзана многими крутыми балками, вырытыми горными потоками. В продолженіе большей части года эти балки сухи, так что селенія сѣверной полосы пользуются водою из ключей, вытекающих из гор Ак-Тау, или из самых балок. Особенно богата водою одна из восточных балок, Орлат-сай, начинающаяся далеко в горах Ак-Тау, за Пшатом. В этих балках расположены селенія, которых насчитывается до тридцати больших и малых в иных балках. Сѣверная полоса, за немногими исключеніями в окрестностях селенія Митана, в самой восточной балкѣ, Митан-саѣ, вовсе неудобна для орошенія из Зеравшана, как вслѣдствіе слишком высокаго положенія ея над рѣкою, так и по значительной крутизнѣ всего праваго берега Ак-Дарьи. Поэтому всѣ возвышенныя мѣста сѣверной полосы засѣваются исключительно пшеницею и ячменем, которые родятся в изобиліи, при том, однако, условіи, чтобы зима была снѣжная, а весна дождливая и прохладная. Хлѣбныя растенія, требующія правильнаго полива и ухода, засѣваются по балкам вблизи воды и в незначительном количествѣ. Вербы, тополи, урюки растут в большей части селеній, в которых находятся фруктовые сады, близ самых гор Ак-Тау, например, в селеніях Зарбандѣ, Андакѣ и друг.

Сѣверная окраина сѣверной полосы занята почти у самыхъ выходовъ изъ ущелій Акъ-Тау живописно расположенными селеніями (Шуръ, Себистанъ, Андакъ и друг.) среди урюковыхъ садовъ, снабженными хорошею водою изъ горныхъ источниковъ. Въ этой мѣстности видны мѣстами старыя развалины бывшихъ тутъ въ прежнія времена крѣпостей, въ которыхъ жили беки, воевавшіе между собою. Средина сѣверной полосы почти не заселена. Вообще, сѣверную полосу Катта-Курганскаго отдѣла заселяютъ исключительно Узбеки; Таджиковъ оказывается тутъ немного, преимущественно выходцевъ изъ Нуратинскихъ горъ, гдѣ ихъ также называютъ «Галча», какъ и въ горахъ, по верховьямъ Зеравшана. Все предгорье Акъ-Тау занято Туркменами.

Среднюю полосу Катта-Курганскаго отдѣла составляетъ самая населенная и обработанная



Базаръ въ городѣ Катта-Курганѣ.

часть, именно долина Зеравшана, на западъ отъ линіи съ селенія Карасу на Митанъ, откуда, ограничиваясь на сѣверѣ частью рѣкою Акъ-Дарьею, частью арыкомъ Шаватъ и на югѣ Кара-Дарьею и отчасти арыкомъ Нарипай, долина постепенно съуживается и упирается острымъ угломъ въ бухарскій городокъ Хатырчи, гдѣ сливаются въ одну рѣку оба рукава Зеравшана, Кара-Дарья и Акъ-Дарья. Сверхъ двухъ названныхъ арыковъ, средняя полоса Катта-Курганскаго отдѣла орошается еще другими арыками, изъ которыхъ на Наукѣ, напримѣръ, расположены болѣе 60 селеній, на Мухтарѣ и Нарипаѣ до 40 селеній. Эти арыки, вмѣстѣ съ рѣкою, имѣютъ преобладающее направленіе съ востока на западъ, такъ что долина, вообще, имѣетъ склоненіе на западъ. Въ долинѣ, въ средней полосѣ, нѣтъ возвышенностей, кромѣ двухъ — трехъ небольшихъ плато между Акъ-Дарьею и Кара-Дарьею, лежащихъ почти на одномъ уровнѣ со степью, и нѣсколькихъ холмовъ (тепе), изъ которыхъ на иныхъ оказываются остатки давно бывшей тамъ осѣдлости. Въ средней полосѣ Катта-Курганскаго отдѣла населеніе весьма разнообразно. Въ этой полосѣ лежитъ главный городъ отдѣла, Катта-Курганъ, а также городокъ Пенджамбе.

Катта-Курганъ лежитъ на лѣвомъ берегу арыка Нарипай, къ западу отъ Самарканда. Этотъ небольшой городъ обнесенъ глиняною стѣною, въ которой четверо воротъ: въ сѣверной стѣнѣ

Базаръ-Дервазе-и, въ восточной—Айдаръ-Чаманъ-Дервазе-и, въ южной—Самаркандъ-Дервазе-и, въ западной—Бухара-Дервазе-и. Городъ раздѣленъ на 25 кварталовъ (махалля или гузаръ) и построенъ четыреугольникомъ. Въ срединѣ города, на маленькой искусственной возвышенности, находится незначительная цитадель, служившая при бухарскомъ господствѣ крѣпостью города. Улицы узки, угловаты. При занятіи города Русскими, въ немъ большая часть домовъ и стѣнъ была въ полуразрушенномъ состояніи. Во всемъ городѣ только одинъ домъ былъ построенъ изъ кирпича, именно медресе, на базарѣ, недалеко отъ цитадели. Названіе этого мусульманскаго духовно-учебнаго заведенія — Медресе-и-Накши. Оно основано было въ послѣдніе годы XVIII столѣтія и построено было квадратомъ, окружающимъ внутренній домъ. Лѣтомъ это медресе почти пусто, но зимою въ немъ проживало до 100 человѣкъ. Базаръ представляетъ извилистую улицу. Она начинается къ югу отъ цитадели и простирается до сѣверныхъ воротъ. Съ обѣихъ сторонъ базара находятся ряды лавокъ, которыя въ небазарные дни обыкновенно бывали заперты. Только лавки ремесленниковъ бываютъ открыты ежедневно Въ небазарные дни городъ обыкновенно пустъ. Въ базарные дни густо покрываются народомъ не только вся базарная улица въ городѣ, но также и улицы внѣ городскихъ стѣнъ, до Нарипая, и по берегу самаго арыка. На базарѣ толпятся тогда тысячи покупателей и продавцовъ. Въ городѣ собираются ремесленники и городскіе продавцы, а внѣ города располагаютъ свои товары сельскіе жители, прибывшіе въ Катта-Курганъ изъ разныхъ мѣстъ. Торговцы группируются на разныхъ пунктахъ базара по роду своихъ товаровъ. Въ одномъ пунктѣ образуется хлѣбный рынокъ, въ другомъ фруктовый, скотный и т. д. Базары начинаются очень рано и оканчиваются уже къ 11 часамъ утра. На этихъ базарахъ можно купить баранину, говядину (жители Средней Азіи не любятъ говядины), хлопокъ, соль, мыло, табакъ, красильные матеріалы въ сыромъ видѣ, сѣмена китайскаго клевера (для засѣва искусственныхъ луговъ), фрукты (яблоки, виноградъ, урюкъ), пшеницу, ячмень, рисъ, глиняныя издѣлія, коканскіе, бухарскіе, кабульскіе мануфактурные товары (низкія бумажныя ткани, по 1 р. за 18 аршинъ, а также шелковыя и полушелковыя), готовые длинные халаты (бумажные, шелковые, суконные, плисовые, изъ пестраго кашемира) на бумажной подкладкѣ, привозимые изъ Кокана и Бухары, различной цѣны, шерстяные ковры изъ сѣверной Персіи и проч.

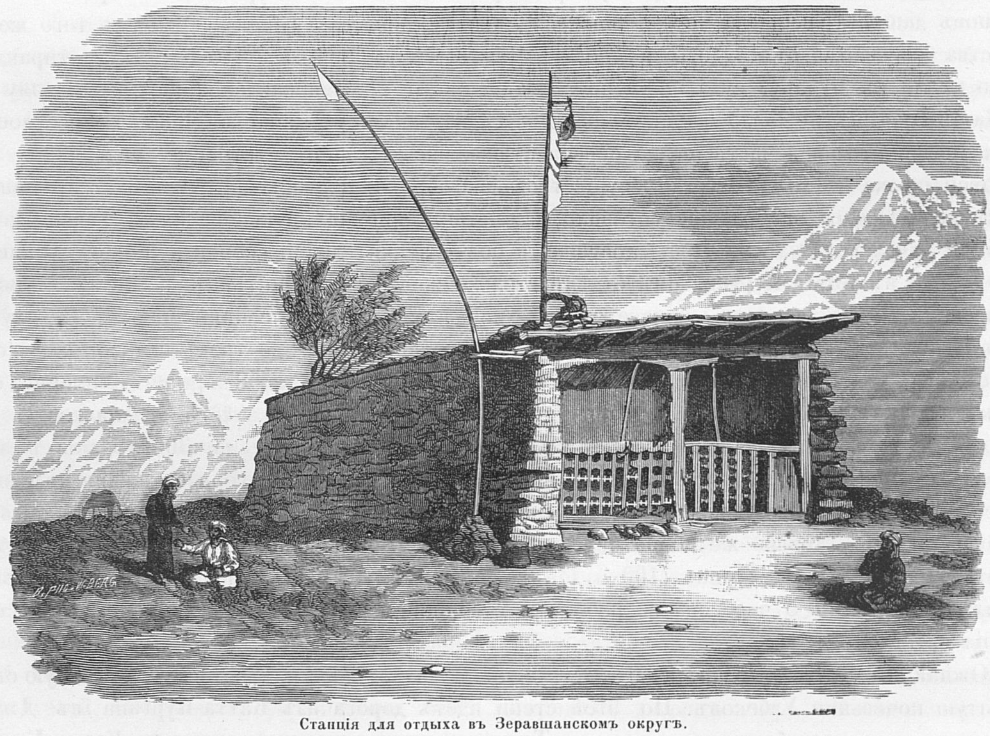
Лучшимъ мѣстомъ въ Катта-Курганѣ считается бывшій садъ бухарскаго эмира. Онъ очень великъ и отличается отъ остальныхъ садовъ своимъ правильнымъ расположеніемъ, величественными деревьями и широкими, гладкими дорожками, покрытыми высокими виноградными шпалерами. Большой, четырехъ-угольный бассейнъ окруженъ аллеями изъ гигантскихъ карагачей. На правой сторонѣ сада находится прежнее жилье эмира, состоящее изъ нѣсколькихъ флигелей. Особенными украшеніями этотъ загородный дворецъ эмира не отличался. Въ главномъ зданіи находилась большая зала, съ окнами въ садъ и съ галлереею на дворъ, на другой сторонѣ. На лѣвой сторонѣ этого двора находилась маленькая мечеть, съ низкими домиками возлѣ нея, въ которыхъ, обыкновенно, помѣщалась прислуга эмира. Направо отъ главнаго зданія были устроены помѣщенія для женщинъ эмира, посреди которыхъ крытый дворъ освѣщался сверху окнами маленькой башни. Съ главнымъ дворомъ соединены были другіе дворы, въ которыхъ устроены были конюшни и службы. Садъ эмира расположенъ въ полуверстѣ, къ югу отъ города Катта-Кургана, и отъ него до городскихъ воротъ ведетъ прямая, очень широкая улица, въ прежніе года бывшая, въ этомъ отношеніи, своего рода исключеніемъ въ Средней Азіи. Въ этомъ саду эмиръ живалъ, во время своего владычества надъ Зеравшанскимъ округомъ, отъ одного до двухъ мѣсяцевъ. У богатыхъ туземныхъ жителей Катта-Кургана, напримѣръ, у одного ферганскаго купца, поселившагося тамъ за 15 лѣтъ до присоединенія этого города къ Россіи, домъ состоитъ изъ нѣсколькихъ дворовъ, съ амбарами и складами для товаровъ. Въ срединѣ дворовъ — двухъ-этажный домъ самого хозяина. Въ верхнемъ этажѣ находятся очень хорошо устроенныя комнаты для пріема гостей; стѣны и потолокъ покрыты

гипсомъ и украшены съ большимъ вкусомъ рельефными арабесками. Стѣны раскрашены очень красивыми рельефными виньетками, окружающими букеты цвѣтовъ самыхъ яркихъ колеровъ. Потолокъ раскрашенъ разнообразными цвѣтами въ восточномъ фантастическомъ вкусѣ. Полъ покрытъ туркменскими коврами.

Населеніе долины Зеравшана въ Катта-Курганскомъ отдѣлѣ состоитъ преимущественно изъ Узбековъ разныхъ наименованій и Таджиковъ, которые едва замѣтны въ узбекскомъ населеніи. Преобладающимъ занятіемъ населенія служитъ земледѣліе; ремеслами въ особенности занимаются Таджики, хотя и Узбеки ткутъ грубыя ткани изъ хлопка, куютъ желѣзо, приготовляютъ разныя издѣлія изъ глины и дерева. Вокругъ Катта-Кургана развито производство шелка, такъ что, при занятіи Зеравшанской долины Русскими, сырца-шелка набиралось до 500 батмановъ (5,000 пудовъ). Лучшіе катты-курганскіе коконы продавались по 1 р. 40 к. за 5 фунтовъ (по 7 коконовъ за черекъ). При обработкѣ въ Катта-Курганѣ, 32 черека (4 пуда) коконовъ даютъ только два черека шелка лучшаго отбора, а худшаго сорта изъ того же количества получается отъ 4 до 5 череков. Шелкъ, смотанный въ Катта-Курганѣ, отправлялся въ то время въ Бухару, куда шелъ по большей части и самаркандскій шелкъ, потому что въ Катта-Курганѣ не было фабрикъ шелковыхъ издѣлій, а въ Самаркандѣ и его окрестностяхъ только незначительная часть шелка перерабатывалась въ ткани мѣстными Таджиками. Для размотки шелка въ Катта-Курганѣ существовала фабрика первобытнаго устройства, причемъ шелкъ наматывался на большое мотовило, въ четыре аршина въ поперечникѣ. Такой размѣръ мотовилу давался для того, чтобы достигнуть болѣе значительной скорости оборота. Производство хлопка въ Катта-Курганскомъ отдѣлѣ столько же значительно, какъ и шелка. Какъ и съ шелкомъ, большая часть лучшаго отбора хлопка посылалась неочищенною въ Бухару. Въ Катта-Курганѣ мѣстными ткачами, изъ которыхъ иные имѣютъ до трехъ станковъ, изготовляются очень узкія хлопчатобумажныя матеріи, имѣющія въ кускѣ 8 аршинъ, именно бязь, аладжа, калами, астаръ. Всѣ эти ткани употребляются только на мѣстѣ и продаются отъ 30 до 60 к. за кусокъ. Въ окрестностяхъ Катта-Кургана находится до 300 водяныхъ мельницъ. Вода изъ арыка льется въ деревянный желобъ и падаетъ на горизонтальное колесо, лежащее подъ самымъ жерновомъ, подъ угломъ, по крайней мѣрѣ, въ 40 градусовъ, такъ что жернова дѣлаютъ столько же оборотовъ, какъ и колеса. Каждый подобный жерновъ можетъ смолоть въ сутки 10 батмановъ (100 пудовъ). За каждый батманъ смолотаго зерна, мельникъ въ уплату получаетъ 5 череков за работу. Хлѣбныя зерна очищаютъ просѣваніемъ сквозь большія сита.

Южная полоса Катта-Курганскаго отдѣла представляетъ обширную, почти безводную степь, покрытую кочевьями Узбековъ. По этой степи идетъ дорога изъ Катта-Кургана въ Джамъ. Эта южная полоса вообще мало орошена. Только южныя окрестности города Катта-Кургана имѣютъ болѣе или менѣе значительные арыки. На юго-западъ отъ этого города, верстахъ въ сорока отъ него, находится глубокая долина Сипку, закрытая съ сѣвера скалистыми горами Чимтау, съ узкимъ каменистымъ ущельемъ, по которому пролегаетъ дорога въ эту долину. Въ ней находятся ключи, которыми орошаются незначительныя клеверныя плантаціи и садики жителей. Послѣ Сипку замѣчательна также долина Улусъ, въ 60 верстахъ къ югу отъ Катта-Кургана, равномѣрно съ ключами, а затѣмъ котловина Джамъ, въ 80 верстахъ къ югу отъ Катта-Кургана, орошаемая ключемъ, вытекающимъ изъ Шярсабясскихъ горъ. Остальныя мѣстности южной полосы Катты-Курганскаго отдѣла добываютъ себѣ воду изъ колодцевъ, очень глубокихъ, изъ которыхъ вода вытаскивается въ кожаныхъ ведрахъ верблюдами. Нѣкоторые изъ колодцевъ имѣютъ болѣе 20 саженъ глубины. Подобные колодцы разбросаны по всей степи. Вода въ этихъ колодцахъ удовлетворительной доброты. Лѣтомъ, въ зной, эти степи представляютъ печальную картину. На дорогѣ между Джамомъ и кочевьями Кокъ-Ташъ видна груда жженаго кирпича отъ какой-то постройки временъ Абдулла-хана бухарскаго, сооружав-

шаго цистерны по всѣмъ дорогамъ въ пустыняхъ. По преданію, Абдулла-ханъ построилъ въ своихъ владѣніяхъ тысячу цистернъ (сардоба) и тысячу одно убѣжище (рабатъ) для путниковъ. Гдѣ онъ отдыхалъ, выстроены цистерны, а гдѣ ночевалъ—рабаты. Южная полоса Катта-Курганскаго отдѣла, подобно сѣверной, изобилуетъ холмами, изъ которыхъ наибольшимъ возвышеніемъ отличаются горы Чимтау и высоты Зира-Булакъ, на которыхъ происходило сраженіе между русскими и бухарскими войсками 2-го іюня 1868 года, заставившее бухарскаго эмира согласиться на всѣ условія мира, предложенныя Россіею. Вся югозападная часть Катта-Курганскаго отдѣла называется Агранъ. Она долго не имѣла точной пограничной черты съ Бухарскимъ ханствомъ, именно съ Чиракчинскимъ бекствомъ, такъ что въ первое время по занятіи этого края Русскими нѣкоторые его жители платили дань обоимъ государствамъ.



Станція для отдыха въ Зеравшанскомъ округѣ.

Настоящихъ осѣдлостей въ южной части Катты-Курганскаго отдѣла мало, потому что жители ея, полукочевые Узбеки, весною и лѣтомъ кочуютъ въ юртахъ, а зиму живутъ въ землянкахъ или въ грязныхъ, дымныхъ сакляхъ. Всѣ эти сакли и дворы, разбросанные по балкамъ, туземцы зовутъ кишлаками, понимая подъ этимъ словомъ зимовки. На этой мѣстности кочуютъ Узбеки разныхъ видовъ и поколѣній, но въ восточныхъ и сѣверныхъ кишлакахъ преобладаютъ роды Найманъ, Каранайманъ и Арабъ, а въ югозападныхъ, около Джама, родъ Сарай. По словамъ г. Хорошхина, описавшаго Катта-Курганскій отдѣлъ, всѣ эти Узбеки до того еще дики, что, напримѣръ, дѣвушка Каранаймановъ, опоздавшая выходомъ замужъ и не подыскавшая себѣ джигита, который похитилъ бы ее изъ отцовской юрты, подвергается не только насмѣшкамъ, но даже гоненію со стороны родителей и родственниковъ. Вслѣдствіе недостатка воды въ южной полосѣ отдѣла, жители ея мало занимаются земледѣліемъ, особенно, если осень и весна были сухи, а зима малоснѣжна. Садоводство у нихъ очень слабо развито. Единственнымъ настоящимъ фруктовымъ садомъ въ этой степи и донынѣ считается неболь-

шой садикъ у Джама, гдѣ въ прежнія времена останавливался бухарскій эмиръ, когда отправлялся изъ Бухары въ Самаркандъ чрезъ Карши, а не чрезъ Катта-Курганъ. Въ этомъ садикѣ была небольшая мечеть, въ которой эмиръ совершалъ намазъ. Главное занятіе Узбековъ южной полосы составляетъ скотоводство. Почти у каждаго кочующаго Узбека имѣется нѣсколько десятковъ барановъ, но особенно богатыхъ въ этомъ отношеніи среди ихъ нѣтъ. При занятіи этого края Русскими, имѣвшій 2,000 барановъ, въ родѣ Арабъ, считался какимъ-то особымъ богачемъ. По свѣдѣніямъ 1876 г., у жителей Катта-Курганскаго отдѣла значилось 95,813 барановъ и 27,500 козловъ. Узбеки южной полосы продаютъ свой скотъ живымъ, торгуютъ на базарахъ его мясомъ, шерстью, войлоками, подпругами, переметными сумами (корджунъ) и другими произведеніями своего скотоводства.

Городъ Пенджамбе представляетъ нынѣ незначительное мѣстечко, состоящее изъ 70 или 80 домовъ, растянутыхъ по направленію съ запада на юговостокъ. Посрединѣ мѣстечка находится небольшая площадка, обстроенная десяткомъ лавокъ. Тутъ же расположено нѣсколько караванъ-сараевъ. Лавки открываются только во время базара, который въ Пенджамбе бываетъ разъ въ недѣлю. Всѣ сакли въ городѣ глиняныя, такъ что не видно ни одного зданія, построеннаго изъ кирпича. Пенджамбе расположенъ на ровномъ мѣстѣ, и въ изобиліи снабжается водою изъ большаго оросительнаго канала Кара-су, который проходитъ чрезъ его юго-восточную часть и около площади разбивается на нѣсколько канавъ. Главная изъ нихъ, подъ названіемъ Сіабъ, идетъ къ Самарканду и обмываетъ съ сѣверо-восточной стороны древній Афросіабъ. При раздѣленіи Кара-су образовалось нѣсколько небольшихъ водопадовъ, у которыхъ построены мельницы. Роскошная растительность садовъ и рощъ и обиліе воды дѣлаютъ Пенджамбе однимъ изъ лучшихъ мѣстъ въ окрестностяхъ Самарканда. Нынѣшній Пенджамбе—тѣнь прежняго. Еще въ 1821 году онъ служилъ роскошными дачами для Самаркандцевъ. Тутъ жили богатые купцы, имѣли хорошо отдѣланные дома, каменныя бани; громадные тѣнистые сады съ вѣковыми деревьями опоясывали Пенджамбе. Богатые жители Самарканда имѣли въ Пенджамбе свои дачи или нанимали у мѣстныхъ жителей. Въ праздники сюда пріѣзжали на гулянье въ сады и рощи. Въ 1821 году на Самаркандъ и Пенджамбе вдругъ обрушилось нѣсколько несчастій. Налетѣвшая саранча истребила всѣ посѣвы; наступилъ сильный голодъ: куль муки доходилъ до 3 р. и дороже. Жители продавали дѣтей и женъ; уцѣлѣвшіе отъ голода умерли отъ холеры, которая разразилась тамъ съ страшною силою; цѣлые кварталы вымерли, такъ что некому было хоронить покойниковъ. Самаркандъ и его окрестности естественно опустѣли. Что не разрушилось и не погибло въ опустѣломъ Пенджамбе, то уничтожили Китай-Кипчаки и Шахрисябцы, которые въ это время вели войну съ бухарскимъ эмиромъ. Когда жители Самарканда стали понемногу возвращаться и обстраиваться, то остатки пенджамбскихъ садовъ и рощъ были срублены на постройки. Съ тѣхъ поръ Пенджамбе забросили; никто изъ богатыхъ людей въ немъ не живетъ. Каменныя его зданія и бани разрушились и засыпаны и на многихъ мѣстахъ земля распахана подъ пашни. Арыкъ Кара-су, орошающій Пенджамбе, вытекаетъ изъ Джассе-тюпинскихъ болотъ, которыя образуются разливомъ большаго арыка Загара, у низкаго мѣста Джуссе-тепе. Эти плесы и болота, поросшіе камышами, изобилуютъ рыбою. Въ эти болота стекаетъ вообще вся вода съ ближайшихъ рисовыхъ полей, которыя до Пенджамбе являются только по лѣвую сторону дороги, отъ него же оказываются по обѣимъ ея сторонамъ.

Сверхъ Пенджамбе, главными пунктами въ островной части Зеравшана считаются Дагбитъ и Яны-Курганъ. Первый лежитъ въ 13 верстахъ къ сѣверу отъ Самарканда и замѣчателенъ по громадному базару, который бываетъ въ его окрестностяхъ, по берегу Акъ-Дарьи. Въ самомъ Дагбитѣ замѣчательна мечеть, при которой находится гробница мусульманскаго святаго, Махсунъ-Азама, умершаго около 400 лѣтъ тому назадъ. Мечеть представляетъ длинную, низенькую комнату, въ которой находится два ряда колоннъ. Потолокъ между ними сдѣланъ

въ видѣ куполовъ, которыхъ числомъ всего 12. Снаружи мечети выстроена высокая галлерея, раскрашенная разными фигурами. Строителемъ этой мечети, по преданіямъ туземцевъ, былъ Іелентгошъ, которому Самаркандъ обязанъ своими двумя великолѣпными медрессе. Въ мечети, при занятіи края Русскими, хранились паланкины, совершенно сходные съ китайскими. Они называются «тохтараванъ» и употреблялись, болѣе 100 лѣтъ тому назадъ, для ношенія потомковъ святаго Махсунъ-Азама, а именно Муса-хана и Ишаны-хана.

Яны-Курганъ — маленькій городокъ, обнесенный небольшою глиняною стѣною. Городъ Челекъ былъ резиденціею фанатическаго Омаръ-Бека, тревожившаго нашу Джизакскую линію до занятія нами Зеравшанской долины.

Джамъ въ прежнія времена служилъ мѣстомъ ссылки въ Бухарскомъ ханствѣ. Въ трехъ верстахъ отъ Джама, куча камней съ торчащимъ невысокимъ столбомъ, окрашеннымъ тремя цвѣтами, указываетъ на рубежъ русскихъ владѣній и на начало предѣловъ Бухары. Джамъ расположенъ противъ природнаго жерла вѣтровъ, на самомъ пути изъ горъ, гдѣ сгущенный холодами воздухъ стремительно несется въ раскаленныя степи, закручивая песчаные смерчи при встрѣчныхъ теченіяхъ. Такіе постоянные вѣтры начинаются почти за десять верстъ отъ Джама и сопровождаются массами пыли, потому что характеръ почвы рѣзко мѣняется. Тутъ начинается «лесъ», плодотворная почва Средней Азіи, но на которой, при малѣйшемъ дуновеніи вѣтра, образуется масса ѣдкой солонцоватой пыли. Господствующіе постоянно около Джама вѣтры поднимаютъ такія тучи пыли, что онѣ скрываютъ всѣ окрестности. У Джама находятся развалины бывшаго бухарскаго укрѣпленія, къ которымъ прислонились сакли и мазанки нынѣшнихъ жителей этого пункта. Джамъ отличается также обиліемъ фалангъ и скорпіоновъ.

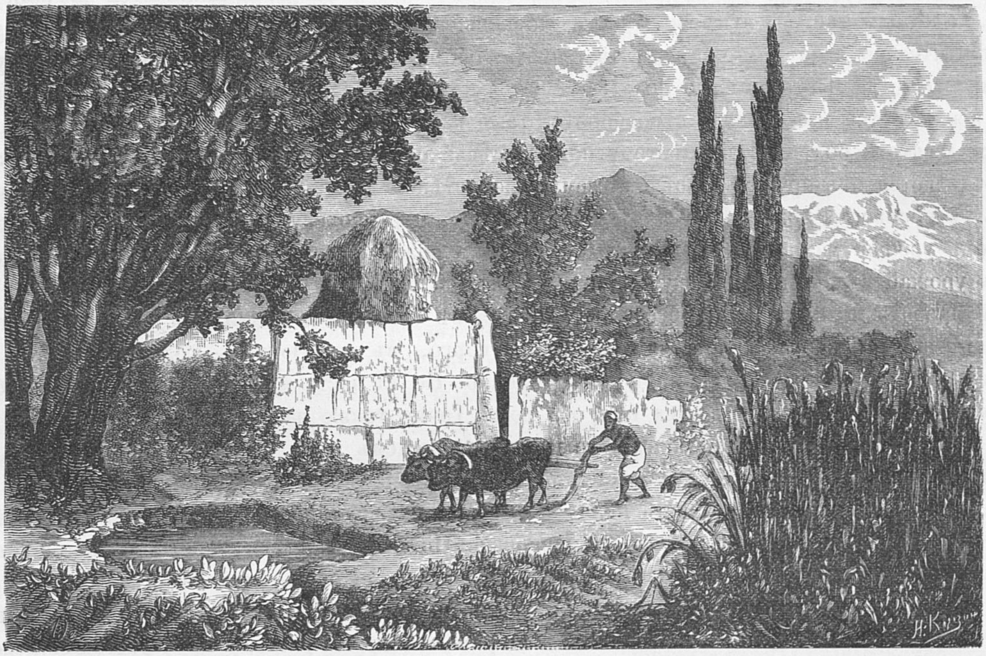
Туземцы въ Зеравшанскомъ краѣ раздѣляютъ земли, относительно получаемой ими воды, на «ляльми» или «бузъ», т. е. на возвышенно лежащія земли, пользующіяся только атмосферною влагою, слѣдовательно искусственно не орошаемыя, и на «оби» или «тугай», какое названіе присвоено землямъ, получающимъ воду изъ арыковъ или искусственно орошаемымъ. На земляхъ, неимѣющихъ искусственнаго орошенія, преимущественно засѣваются яровыя растенія. Полевая земля, находящаяся внѣ усадебной осѣдлости, называется «дашти», а огородная земля—«хаятъ». Огородъ зеравшанскаго туземца также обнесенъ земляною стѣною, какъ у крестьянина въ Россіи изгородью. На хаятѣ воздѣлывается дженушка (люцерна), — которая преимущественно поступаетъ въ кормъ домашнему скоту въ видѣ сѣна, — кукуруза, баклажаны, стручковый перецъ, вообще огородные овощи, причемъ, съ занятіемъ края Русскими, значительно усилилось разведеніе картофеля и капусты. Такимъ образомъ огородъ у русскаго крестьянина и хаятъ у Самаркандца служатъ для одной и той же цѣли, съ тою только разницею, что у крестьянина огородъ находится всегда при домѣ, въ чертѣ усадебной осѣдлости, а хаятъ бываетъ и внѣ ея, съ краю поля, но во всякомъ случаѣ обносится земляною стѣною. Туземные жители различаютъ только сильную почву или «карaупъ» и менѣе сильную — «чарчинъ», обусловливая эти названія меньшимъ или большимъ истощеніемъ земли. Система мѣстнаго хозяйства трехпольная, немного усложненная, потому что поля раздѣлены на три клина, изъ которыхъ два засѣваются разными озимыми и яровыми растеніями, а третье остается въ пару, «мидгаръ». Травосѣяніе, сильно развитое въ Зеравшанскомъ округѣ, не входитъ въ общій полевой сѣвооборотъ, а производится на особыхъ участкахъ, «хаятахъ». Хозяйства раздѣляются на мелкихъ земледѣльцевъ, или «пясрекеровъ» и болѣе крупныхъ, или «дихкановъ». Пясрекеры обработываютъ менѣе пяти танаповъ земли и держатся слѣдующаго пятипольнаго сѣвооборота: 1) паръ; 2) озимь и по ея уборкѣ вторые посѣвы «маша» (Soya hispida), проса (тарыка), моркови (сабзы), иногда кунджута, мака, чечевицы; 3) второй годъ озими безъ вторыхъ посѣвовъ послѣ нея; 4) яровые хлѣба и 5) второй годъ яровыхъ посѣвовъ. Къ дихканамъ принадлежатъ хозяева, которые обрабатываютъ пять и болѣе танаповъ земли и придерживаются слѣдующаго трехпольнаго

сѣвооборота: 1) паръ, 2) озимь и послѣ нея въ томъ же году вторые посѣвы и 3) яровые хлѣба.

Послѣ паровой обработки, озимое поле засѣвается отчасти озимою пшеницею, отчасти озимымъ ячменемъ, которые созрѣваютъ въ концѣ мая. По уборкѣ ихъ, поле въ томъ же году засѣвается маисомъ, просомъ или морковью, рѣже кунджутомъ, макомъ или чечевицею. Вторые посѣвы убираются осенью того же года, послѣ чего то же самое поле засѣвается въ слѣдующую весну яровыми посѣвами, такъ что каждый клинъ поля, при такомъ сѣвооборотѣ, даетъ одинъ урожай озими и два урожая яри, прежде чѣмъ поступаетъ подъ паръ. По снятіи озими, не всѣ названныя растенія засѣваются вторыми посѣвами непремѣнно каждымъ хозяиномъ, но одинъ сѣетъ болѣе маша и менѣе проса, болѣе моркови, вовсе не сѣетъ кунджута, мака и чечевицы, или сѣетъ ихъ немного. Въ самаркандскомъ районѣ макъ и чечевица вообще мало засѣваются; большую часть яроваго поля занимаютъ посѣвы риса и «джугары» (сорго). Сверхъ того засѣваются хлопчатникъ, ленъ, а небольшая часть поля занимается бахчами подъ дыни, арбузы, тыквы, лукъ и отчасти морковь. Одинъ хозяинъ сѣетъ на яровомъ полѣ предпочтительно одни растенія, другой—другія; общими посѣвами бываютъ рисъ, сорго и хлопчатникъ. Иногда часть яроваго поля занимается люцерною (дженушкою), но тогда эта часть поля исключается изъ общаго сѣвооборота, такъ какъ пользованіе ею послѣ засѣва продолжается десять и болѣе лѣтъ. Поэтому подъ посѣвы люцерны отводится часть поля на окраинѣ, отдѣляется отъ другихъ посѣвовъ земляною стѣною и становится хаятомъ. По снятіи яровыхъ посѣвовъ, поле остается въ чистомъ парѣ, и рѣдко случается, что съ части его собираютъ урожай маша. Въ хозяйствѣ пясрекеровъ поле между двумя урожаями озими даетъ одинъ урожай вторыхъ (промежуточныхъ) посѣвовъ, а затѣмъ посѣвы обоихъ главныхъ растеній яроваго поля, риса и сорго, производятся въ оба года на однихъ и тѣхъ же мѣстахъ. Иногда участокъ яроваго поля, давшій урожай сорго, въ слѣдующемъ году засѣвается или льномъ безъ удобренія, или дынями по удобренію. Но та часть яроваго поля, которая была обработана подъ рисъ, засѣвается имъ оба года. Точно также часть поля, которая была занята хлопчатникомъ, засѣвается имъ же и въ слѣдующемъ году. Участокъ яроваго поля, давшій въ первомъ году урожай лука или моркови, во второмъ году занимается подъ дыни, арбузы, тыквы, и, наоборотъ, часть поля, бывшая въ первомъ году подъ плодовыми овощами, во второй годъ засаживается лукомъ и морковью. Подобной плодосмѣнности однако не всегда придерживаются и измѣняютъ ее по своему усмотрѣнію, но наблюдаютъ за тѣмъ, чтобы люцерну не сѣять на томъ же участкѣ земли, который былъ ею занятъ, ранѣе четырехъ лѣтъ; причемъ замѣчено, что, послѣ многолѣтней люцерны, всѣ другія растенія произрастаютъ хорошо, особенно же пшеница. Обыкновенно, участокъ земли, бывшій подъ многолѣтнею дженушкою, прежде всего засѣвается сорго, послѣ котораго сѣютъ дыни и арбузы, за ними, два года сряду, озимую пшеницу, а затѣмъ этотъ участокъ можетъ быть вновь засѣянъ люцерною.

Земля, оставленная подъ паръ послѣ яровыхъ посѣвовъ, вспахивается подъ посѣвъ озимой пшеницы и озимаго ячменя отъ 5 до 10 разъ, причемъ при каждой вспашкѣ измѣняется направленіе бороздъ, такъ что борозды каждой послѣдующей вспашки идутъ накрестъ бороздамъ предшествовавшей вспашки. Каждый танапъ (400 квадр. сажен.) яроваго поля удобряется приэтомъ 40 или 50 арбами навоза или глины (турпакъ). Если количество навоза на арбѣ считать въ 10 пуд., то, слѣдовательно, на десятину его вывозится въ Зеравшанскомъ краѣ отъ 2400 до 3000 пудовъ. Подъ озимые посѣвы не всѣ хозяева удобряютъ свои поля навозомъ; при недостаткѣ его берутъ они глину или землю (турпакъ) съ холмовъ и вообще высоколежащихъ мѣстъ, не понимаемыхъ водою. Навозъ сохраняется въ большихъ кучахъ, въ которыхъ онъ прѣетъ въ продолженіе зимы, такъ что, ко времени вывозки его въ поле, онъ превращается совершенно въ порошокъ. Вывезенное удобреніе запахиваютъ и послѣ того, до

первыхъ чиселъ сентября, еще нѣсколько разъ, отъ двухъ до шести, перепахиваютъ поле вдоль и поперекъ. Пашутъ туземцы деревяннымъ плугомъ (омачъ), съ чугуннымъ лемехомъ, неприкрѣпленнымъ наглухо къ полозу и безъ отвала, на парѣ воловъ. Хотя одна пара воловъ вспахиваетъ танапъ до обѣда, но болѣе танапа на одной парѣ воловъ, безъ перемѣны, не пашутъ. Вспахиваютъ землю до глубины 4 вершковъ, что регулируется мѣстомъ прикрѣпленія грядили къ ярму. Въ началѣ сентября, послѣ послѣдней вспашки, производится посѣвъ пшеницы и ячменя по пласту, а прикрытіе сѣмянъ производится бороною (малла). Количество посѣва озимыхъ хлѣбовъ опредѣляется въ 16 чересковъ (2 пуда) на танапъ, слѣдовательно, 12 пудовъ на десятину. Озимая пшеница сѣется только на земляхъ, искусственно орошаемыхъ, и въ продолженіе своего роста орошается отъ двухъ до трехъ разъ. Въ первый разъ пшеница поливается водою, когда начинаетъ колоситься, во второй разъ во время цвѣтенія, а



Земледѣліе въ Зеравшанской долинѣ.

въ третій разъ во время налива зеренъ. Озимый ячмень, въ большинствѣ случаевъ, орошается только однажды, когда онъ начинаетъ колоситься. Озимые хлѣба созрѣваютъ въ послѣднихъ числахъ мая или въ первыхъ іюня. Ихъ жнутъ незазубреннымъ серпомъ (уракъ) и оставляютъ въ розвязи дня два, послѣ чего ихъ вяжутъ въ снопы. Молотьба производится на приготовленномъ въ полѣ же току (хирманѣ) волами или лошадьми, которыхъ заставляютъ топтаться на разостланныхъ снопахъ, а ихъ ворошатъ. Одинъ танапъ хорошо удобренной земли даетъ до 5 батмановъ (самаркандскій батманъ равняется 8 пудамъ) зерна, что составляетъ самъ-двадцать. Средній урожай пшеницы въ самаркандскомъ районѣ считается самъ-пятнадцать. Солома (саманъ), которая остается на хирманѣ послѣ молотьбы въ измятомъ, измельченномъ видѣ, употребляется для примѣси къ глинѣ при постройкахъ, или ее сжигаютъ и золу распредѣляютъ по пашнѣ. Кромѣ пшеницы сѣется также озимый ячмень, причемъ бо́льшій или меньшій посѣвъ того или другаго озимаго хлѣба зависитъ отъ соображеній хозяина. Земля подъ озимый ячмень обработывается такъ же, какъ и подъ пшеницу, но только ячмень сѣется въ той части озимаго поля, которая болѣе удалена отъ арыка, такъ какъ ячмень орошается только одинъ разъ и не

болѣе двухъ, а пшеница даже до трехъ разъ. Ячменя сѣется два пуда на танапъ; урожай бываетъ самъ-двадцать; созрѣваетъ ячмень и убирается съ поля въ послѣдней половинѣ мая.

Землю подъ вторые посѣвы проса, маша, чечевицы (адаса) и кунджута вспахиваютъ одинъ или два раза, причемъ по вспаханному засѣваютъ и заборониваютъ. Подъ морковь поле, послѣ вспашки, обработывается кетменемъ грядками, въ гребень которыхъ сажаютъ сѣмена. Подъ макъ (кукнаръ) поле вспахиваютъ послѣ озими три или четыре раза и, заборонивъ, засѣваютъ подъ борону. Посѣвы маша, проса, кунджута и мака орошаются всего одинъ разъ, а если земля богата почвенною влагою, то вовсе не орошаются. Посѣвы чечевицы орошаются два раза, а моркови отъ четырехъ до пяти разъ. Проса высѣвается нѣсколько болѣе 3 пудовъ на десятину, а среднїй урожай его бываетъ болѣе чѣмъ самъ-тридцать. Маша высѣвается до 10 пуд. на десятину и онъ даетъ огромные урожаи. Зерно его идетъ въ пищу людямъ, именно его варятъ вмѣстѣ съ рисомъ, а соломою кормятъ барановъ. Кунджута сѣютъ до $3^1/_2$ пуд. на десятину; получается до 36 пуд. съ десятины. Стебли кунджута идутъ на отопленіе, а сѣмена на приготовленіе масла. Изъ 8 пудовъ лучшаго кунджутнаго сѣмени получается до 6 пудовъ масла, причемъ къ этому сѣмени обыкновенно примѣшиваются сѣмена хлопчатника, именно одна часть послѣднихъ на четыре части перваго. Вообще, сѣмена хлопчатника примѣшиваютъ къ большей части сѣмянъ масличныхъ растеній, изъ которыхъ добывается масло, потому что примѣсь хлопчатника облегчаетъ выжимку масла тѣмъ, что волокна, покрывающія сѣмена хлопчатника, и шелуха ихъ не даютъ жмыхамъ плотно слегаться и тѣмъ способствуютъ выдѣленію масла изъ остальныхъ сѣмянъ. Но, съ другой стороны, надобно замѣтить, что только въ смѣси съ другими масличными сѣменами сѣмена хлопчатника даютъ масло годное въ пищу, и такимъ образомъ находитъ себѣ сбытъ побочный продуктъ, получаемый при значительномъ разведеніи хлопчатника. Отъ примѣси хлопковыхъ сѣмянъ кунджутное масло получаетъ противный вкусъ, особенно для непривычнаго къ нему, чего незамѣтно у чистаго кунджутнаго масла. Жмыхи кунджутные идутъ въ кормъ рогатому скоту и верблюдамъ.

Макъ (кукнаръ) засѣвается въ незначительномъ количествѣ, до 10 фунтовъ на танапъ, а урожай его бываетъ до 16 пудовъ. Сѣмена мака идутъ на приготовленіе масла, а головки мака даютъ наркотическій напитокъ «кукнаръ». Высыпавъ изъ головки сѣмена, ее толкутъ въ ступкѣ и полученный порошокъ настаиваютъ около получаса въ водѣ. Этотъ настой имѣетъ опьяняющія свойства и замѣняетъ у мусульманъ водку, запрещенную кораномъ. Чечевицы сѣется немного; она идетъ въ пищу людямъ, а также служитъ хорошимъ кормомъ для овецъ. Морковь также разводится въ незначительномъ количествѣ; она засѣвается послѣ озимой пшеницы въ началѣ іюля и поспѣваетъ въ четыре мѣсяца. Въ озимомъ полѣ морковь вырастаетъ гораздо крупнѣе, чѣмъ въ яровомъ.

Въ яровомъ полѣ, подъ посѣвы риса или «шали», послѣ снятія пшеницы или вторыхъ посѣвовъ, если они были, пашутъ землю еще съ осени два раза. При наступленіи весны, эту землю вновь вспахиваютъ до восьми разъ. Послѣ послѣдней вспашки на нее напускаютъ воду и держатъ подъ водою трое сутокъ. Затѣмъ воду спускаютъ и поле, приготовляемое подъ посѣвъ риса, разбиваютъ валиками, довольно значительной вышины, на квадратики, соображаясь съ тѣмъ, куда оно имѣетъ скатъ и какъ направляется оросительный каналъ или арыкъ. Послѣ этого выпускаютъ въ квадратики, разграниченные валиками, воду на полъ-аршина глубины и два раза пробораниваютъ каждый квадратикъ бороною, зубьями книзу. Вслѣдъ за послѣднею бороньбою, поле засѣвается рисовыми сѣменами, два дня мочеными въ водѣ и пророщенными въ кучѣ. Непосредственно передъ сѣвцомъ волокутъ борону оборотною стороною, для того, чтобы взмутить илъ, мелкія части котораго, при осѣданіи, прикрываютъ посѣянныя сѣмена, бросаемыя въ воду и упадающія на дно. Въ первые восемь дней послѣ посѣва, на рисовомъ полѣ воду держатъ на полъ-аршина глубины. Въ продолженіе этого времени показы-

ваются всходы риса, и притокъ воды на нихъ останавливаютъ на трое сутокъ, чтобы, спустивъ воду съ поля, дать почвѣ согрѣться. По истеченіи этого времени, воду вновь напускаютъ на 5 вершковъ глубины и держатъ ее на этомъ горизонтѣ въ продолженіе 20 сутокъ. Потомъ опять останавливаютъ притокъ воды на трое сутокъ, по прошествіи которыхъ напускаютъ воды на полъ-аршина и держатъ ее на этой глубинѣ вновь 20 сутокъ. Послѣ этого времени, въ теченіе трехъ сутокъ, не пускаютъ снова воды. Затѣмъ, напустивъ воду на глубину полъ-аршина, держатъ ее на этомъ уровнѣ до созрѣванія риса или около 60 дней. Когда рисъ поспѣлъ, то воду спускаютъ съ поля и чрезъ недѣлю начинаютъ жать незазубреннымъ серпомъ. Сжатый рисъ оставляютъ лежать на свислахъ для просушки. Послѣ трехъ дней его вяжутъ въ снопы. На танапъ высѣваютъ риса два пуда, урожай бываетъ самъ-16 до 40, или среднимъ урожаемъ считаютъ самъ-тридцать. Сортовъ риса собственно два: бѣлый и красный; послѣдній сортъ предпочитается первому.

Сверхъ риса, въ яровомъ полѣ сѣется также «джугара» или сорго, извѣстное въ Закавказьѣ подъ именемъ «гоми», а въ Египтѣ подъ именемъ «дура». Это растеніе достигаетъ роста въ 4 аршина и доставляетъ обильные урожаи зерна, которое идетъ въ пищу людямъ и на кормъ лошадямъ. Зеленые стебли этого растенія, въ видѣ сѣчки, даютъ хорошій кормъ скоту, а листьями кормятъ овецъ. Сухіе стебли сорго идутъ на топливо. Земля подъ джугару удобряется 40—50 арбами навоза или глины; пашутъ ее отъ 5 до 10 разъ; чрезъ каждыя двѣ вспашки на-крестъ боронуютъ. Послѣ послѣдней вспашки землю орошаютъ водою и, по достаточной просушкѣ, засѣваютъ сорго, въ первой половинѣ мая, подъ борону. Поле орошается въ первый разъ послѣ окучки каждаго растенія. Во второй разъ джугару орошаютъ чрезъ 10 или 15 дней. Въ третій разъ орошаютъ растеніе, когда на немъ начинаютъ образовываться кисти, а въ четвертый разъ — послѣ цвѣтенія, во время налива зерна. Такіе четыре полива поля дѣлаются только при избыткѣ воды. Крайне необходимъ поливъ въ іюнѣ, безъ котораго урожай бываетъ ненадеженъ. Джугара созрѣваетъ въ Зеравшанскомъ округѣ въ 9 мѣсяцевъ, хотя въ Бухарѣ есть сортъ, поспѣвающій въ три мѣсяца. Урожай бываетъ отъ самъ-50 до самъ-160. Сверхъ того, джугара разводится и на зеленый кормъ, въ смѣси съ другими растеніями. Для прокормленія рогатаго скота въ то время, когда хлѣбопашцы выѣзжаютъ въ отдаленныя поля, гдѣ не имѣется другаго корма для него, соотвѣтственная числу рабочаго скота часть земли засѣвается смѣсью сѣмянъ джугары, маша и кунака (бора) на зеленый кормъ. Когда эта джугара достигаетъ $1^1/_2$ аршина, то ее начинаютъ косить на кормъ скоту. Одного танапа, засѣяннаго такою смѣсью, достаточно для прокормленія 12 рабочихъ воловъ въ продолженіе 30 дней. Хлопчатникъ, на второй годъ послѣ джугары, даетъ ненадежный урожай. Въ тѣхъ хозяйствахъ, въ которыхъ поле засѣвается два года сряду озимыми и яровыми хлѣбами, послѣ джугары сѣютъ обыкновенно или ленъ безъ удобренія, или воздѣлываютъ плодовые овощи по удобренію.

Ленъ разводится только для сѣмянъ на масло, потому что волокно получается весьма грубое и толстое. Сафлоръ или «махсаръ» (Carthamus tinctoria), засѣваемый въ яровомъ полѣ, даетъ лучшее масло въ Зеравшанскомъ округѣ, а изъ цвѣтовъ его добывается оранжевая краска. Болѣе всего его засѣваютъ въ тюменяхъ Ургута и Шираза. Въ этихъ двухъ тюменяхъ, а также въ Ангарскомъ и Шаударскомъ, въ яровомъ полѣ разводится въ значительномъ количествѣ конопля («бангъ» или «бендона»). Сѣмена ея идутъ на приготовленіе масла, которое однако никогда не употребляется въ чистомъ видѣ, но всегда въ смѣси съ льнянымъ, потому что здѣшнее чистое конопляное масло содержитъ въ себѣ много пахучей смолы и имѣетъ одуряющее свойство. Изъ батмана сѣмянъ получается 3 пуда масла. Изъ стеблей получается волокно, идущее на приготовленіе веревокъ. Мелкіе листочки и оболочки, въ которыхъ сидятъ сѣмена конопли, толкутъ въ ступкѣ съ примѣсью небольшаго количества масла, и полу-

ченная такимъ образомъ масса, называемая «наша» (гашишъ), имѣетъ одуряющія свойства и употребляется для куренія изъ кальяна.

Дыни, арбузы, тыквы сѣются на землѣ, сильно удобренной и до десяти разъ вспаханной. Посѣвъ ихъ производится рядами. Всходы плодовыхъ овощей три раза промотыживаютъ кетменемъ и окучиваютъ. При обильномъ орошеніи, съ танапа собирается до 5,000 штукъ дынь и арбузовъ. Въ одномъ полѣ съ ними сѣется лукъ и морковь, для которыхъ землю приготовляютъ одинаковымъ образомъ, какъ и подъ бахчи, но удобряютъ ее не такъ сильно и по большей части не навозомъ, а глиною, не окучиваютъ, а только промотыживаютъ три раза для истребленія сорныхъ травъ. Всходы лука иногда удобряются по поверхности уличною пылью. Лукъ и морковь, въ продолженіе ихъ произрастанія, орошаютъ три раза.

Къ главнымъ растеніямъ, разводимымъ въ яровомъ полѣ, принадлежитъ хлопчатникъ. Тѣ хозяева, которые менѣе засѣваютъ риса, разводятъ болѣе хлопчатника, и наоборотъ. Землю подъ хлопчатникъ необходимо обработать тщательно и глубоко, перепахать отъ 5 до 10 разъ. Чѣмъ больше и лучше вспахана земля подъ это растеніе, тѣмъ обильнѣе получится урожай его. Сѣмена хлопчатника высѣваются рядами, промежутки между которыми, до его цвѣтенія, промотыживаютъ два раза, и взошедшія растенія окучиваются такимъ образомъ, что все поле бываетъ разбито грядками, на гребнѣ которыхъ растетъ хлопчатникъ. Большой поливки хлопчатникъ не требуетъ и даже не выноситъ, а потому на поле напускаютъ понемногу воды въ бороздки, между его рядами, два или три раза въ продолженіе его произрастанія. Въ первый разъ орошаютъ хлопчатникъ передъ самымъ его цвѣтеніемъ, во второй разъ — когда на немъ образуются коробочки, а въ третій разъ — когда шишки начинаютъ созрѣвать, или же ограничиваются однимъ орошеніемъ предъ его цвѣтеніемъ. Во время произрастанія хлопка поле необходимо очищать отъ сорныхъ травъ, для чего, сверхъ мотыженія, рачительно полоть. Въ Зеравшанскомъ округѣ вовсе не употребляется, и даже неизвѣстенъ, способъ, употребляемый въ Америкѣ для увеличенія урожая хлопка и состоящій въ обламываніи вершины растеній. Въ сложности получается съ танапа отъ 12 до 16 пудовъ коробочекъ хлопчатника, а изъ 8 пудовъ коробочекъ получается два пуда очищеннаго хлопка и 50 фунтовъ сѣмянъ. Коробочки хлопчатника начинаютъ созрѣвать чрезъ 5 мѣсяцевъ послѣ посѣва; уборка ихъ производится въ продолженіе шестаго мѣсяца. Коробочки собираютъ руками и отдѣляютъ хлопокъ отъ оболочекъ и сѣмянъ при помощи особаго инструмента, состоящаго изъ двухъ цилиндровъ, вращающихся въ противоположныя стороны. Хлопокъ, отдѣленный отъ оболочекъ и сѣмянъ, вслѣдъ затѣмъ выбивается палками, или поступаетъ на пряжу, или утюковывается въ бунты. Стебли, остающіеся на полѣ, собираются особо и идутъ на топливо.

Земля изъ-подъ яровыхъ посѣвовъ (въ малоземельныхъ хозяйствахъ давшая два урожая яровыхъ) оставляется въ пару (мидгаръ). Передъ посѣвомъ на ней озимой пшеницы или озимаго ячменя, ее пашутъ отъ 5 до 10 разъ и удобряютъ навозомъ, въ количествѣ 40 — 50 арбъ на танапъ. Очень рѣдко часть пароваго поля засѣвается мелкою фасолью (машъ).

Важнѣйшимъ кормовымъ растеніемъ въ краѣ служитъ люцерна (Medicago sativa), называемая Узбеками «дженушка», а Таджиками «бяда». Она одна высушивается на сѣно и засѣвается въ значительномъ размѣрѣ. Земля подъ посѣвъ люцерны вспахивается отъ 6 до 10 разъ и удобряется навозомъ или глиною, въ количествѣ 30 до 40 арбъ на танапъ. Послѣ каждой вспашки, поле боронуется поперекъ пласта. За окончательною бороновкою поле разбиваютъ валиками на квадраты, отъ 6 до 12 квад. саж. каждый, чтобы задерживать напускаемую на нихъ воду, которую распредѣляютъ по квадратикамъ, пропуская ее въ отверстія, сдѣланныя въ валикахъ, и задерживая по мѣрѣ надобности заваливаніемъ отверстій мокрою землею. По приготовленіи поля для посѣва, въ него напускаютъ воду глубиною на 3 — 4 вершка и высѣваютъ до 2 пудовъ сѣмянъ на танапъ, прямо въ воду. Сѣмена прорастаютъ, послѣ того

какъ вода отчасти испарится, отчасти будетъ всосана землею. Чрезъ пять дней послѣ появленія всходовъ люцерны, на нее вновь напускаютъ воду и, до перваго укоса, который бываетъ въ іюнѣ, воду пускаютъ на растеніе, чрезъ нѣкоторые промежутки, четыре раза, а иногда даже и пять. Въ іюнѣ люцерну жнутъ. Послѣ перваго укоса люцерну орошаютъ до втораго укоса два или три раза и въ первый разъ немедленно по уборкѣ. Люцерну, подрастающую послѣ втораго укоса, скармливаютъ на корню лошадьми или баранами, а если и косятъ, то она идетъ на зеленый кормъ. Въ первый годъ послѣ посѣва, люцерна, сверхъ послѣдней отавы, даетъ въ два укоса отъ 200 до 220 сноповъ или до 50 пудовъ сѣна съ танапа. Во второй годъ люцерна даетъ, въ три, четыре укоса, до 800 сноповъ или 150 пудовъ сѣна съ танапа. Во второй годъ люцерну орошаютъ рано весною одинъ разъ и затѣмъ по разу послѣ каждаго укоса. Въ третій годъ послѣ посѣва, люцерну удобряютъ навозомъ, въ размѣрѣ 30 до 40 арбъ на танапъ и притомъ или рано весною, до перваго укоса, или вслѣдъ за нимъ; сверхъ того она орошается одинъ разъ рано весною и затѣмъ послѣ каждаго укоса. Съ этого укоса и до восьмаго года послѣ посѣва, люцерна даетъ полные урожаи, до 1,000 сноповъ съ танапа въ четыре укоса, что, по разсчету на десятину, составляетъ до 1,200 пудовъ. Для такого пользованія укосами люцерны, необходимо поле, ею засѣянное, удобрять чрезъ каждые два года 30—40 арбами перепрѣвшаго навоза. При этомъ условіи люцерною можно пользоваться до 15 лѣтъ; но съ восьмаго года пользованія урожаи ея начинаютъ уменьшаться. Съ девятаго года послѣ посѣва, люцерну косятъ только три раза въ лѣто, причемъ каждый укосъ даетъ не болѣе 120 сноповъ съ танапа, а съ двѣнадцатаго года люцерна становится до того рѣдкою, что даетъ не болѣе ста сноповъ въ укосъ и притомъ ее можно бываетъ косить только два раза въ годъ. Послѣ двѣнадцати лѣтъ, для дальнѣйшаго пользованія люцерною необходимъ подсѣвъ, для чего на десятомъ году послѣ посѣва поле удобряютъ сильнѣе обыкновеннаго и разрѣдившіяся мѣста вновь засѣваются. На томъ же самомъ мѣстѣ люцерну не сѣютъ ранѣе четырехъ лѣтъ. Послѣ нея родятся хорошо всѣ разводимыя растенія. Сперва засѣваютъ сорго (джугара), потомъ дыни и арбузы; послѣ нихъ сѣютъ два года озимую пшеницу, а затѣмъ можно на этомъ полѣ вновь разводить люцерну. Для полученія ея сѣмянъ оставляютъ особые участки трехъ-лѣтней люцерны.

Преобладающимъ населеніемъ въ Зеравшанскомъ округѣ является арійское племя, которое вытѣснило въ этой мѣстности монгольское. Таджики, составляющіе коренныхъ жителей округа, имѣютъ три названія, именно общее «Таджикъ», частное для выходцевъ изъ Мерва «Тадъ», и бранное «Сартъ» или «Сасыкъ-Сартъ». «Сартъ» значитъ баба, а «Сасыкъ» — тухлый. Названіе Таджикъ, по изслѣдованію А. Д. Гребенкина, производятъ отъ словъ «таджъ» и «ли», т. е. коронованный; слѣдовательно, они какъ бы получили это названіе въ то время, когда ихъ цари носили корону. Туркмены называютъ Таджиковъ «Тадъ». Жители города Мерва, приведенные въ Бухарское ханство эмиромъ Ша-Муратъ-бекомъ, называютъ себя «Тадъ» и «Ирани». Они говорятъ про себя: «мы родъ Тадъ», племени персидскаго». Въ Мервѣ Тадъ играли ту же роль, какъ и Таджики въ Самаркандѣ, Бухарѣ и другихъ городахъ Средней Азіи; но замѣчательно, что изъ всѣхъ Мервцевъ Самарканда одни «Тадъ» имѣютъ своимъ природнымъ языкомъ персидскій. Занятія ихъ тѣ же, что и у Таджиковъ. Таджики въ долинѣ Зеравшанскаго округа не поселены сплошною массою, а разсѣяны отдѣльными группами и сосредоточиваются въ городахъ и селеніяхъ, какъ пригородныхъ, такъ и въ болѣе или менѣе удаленныхъ отъ городовъ. Сверхъ того, они живутъ по нѣсколько семействъ или по одному семейству въ селеніяхъ, съ исключительно узбекскимъ населеніемъ. Таджики заселяютъ пять городовъ: Самаркандъ, Ургутъ, Катта-Курганъ, Пенджекентъ и Пенджамбе и 52 селенія (кишлака). Горные же Таджики Зеравшанскаго округа занимаютъ собою сплошь пространство отъ Суджины и отъ Ургута на востокъ, вверхъ по Зеравшану и его при-

токамъ. Вообще, Таджики въ этомъ округѣ распредѣлены неравномѣрно. Въ западной и сѣверной части Зеравшанскаго округа Таджиковъ нѣтъ; въ срединѣ же его, съ Катта-Кургана на Самаркандъ и далѣе на шесть верстъ, они всего болѣе распространены въ долинѣ. Затѣмъ таджикское населеніе поворачиваетъ на юго-западъ, чрезъ Тайлянъ и Джума-базаръ на Ургутъ, отъ котораго становится сплошнымъ въ горной мѣстности. Отъ Самарканда до Пенджекента, на пространствѣ 60 верстъ, нѣтъ Таджиковъ; но съ этого города они вновь появляются, а съ Суджины представляютъ уже сплошное населеніе. По южной границѣ округа Таджики живутъ только въ нѣсколькихъ селеніяхъ, составляя выходцевъ изъ Когистана.

Таджики всегда стремятся къ переселенію въ города, а потому, подобно Узбеку-земледѣльцу, не прикрѣплены къ мѣсту. Городъ и Таджикъ такъ тѣсно связаны между собою въ понятіяхъ Среднеазіятца, что Узбекъ всѣхъ живущихъ въ городахъ считаетъ Таджиками. Стремленіе Таджиковъ къ промышленнымъ и торговымъ центрамъ происходитъ отъ ихъ характера, отъ природной любви ихъ къ торговлѣ, мелкому барышничеству. Если Таджикамъ мѣшаютъ селиться въ городѣ недостатокъ мѣста внутри городовъ или сплоченное узбекское населеніе кругомъ внѣшней стороны городскихъ стѣнъ, то они все-таки избираютъ для своего поселенія мѣста, ближайшія къ городамъ, большимъ караваннымъ дорогамъ и базарнымъ мѣстамъ или крѣпостцамъ, съ тѣмъ, чтобы, при первой возможности, переселиться въ городъ или въ его предмѣстье. Таджики, совершенно одинаковые по своимъ духовнымъ качествамъ, въ мѣстности Зеравшанскаго округа различаются своимъ типомъ и языкомъ. Туземцы говорятъ, что «всякій городъ имѣетъ своихъ Таджиковъ». Они дѣйствительно всегда называютъ себя по городамъ. Таджикъ, на вопросъ—кто онъ такой? — не отвѣчаетъ, подобно Узбеку: «я Узбекъ Мингъ», а говоритъ: «я Бухарецъ», «Ташкентецъ», «Самаркандецъ» и т. д. Въ Средней Азіи принято, что если кто себя называетъ по имени города, то онъ Таджикъ.

Уроженцы Зеравшана.

Сверхъ того, Таджики долины не выражаютъ собою какого-нибудь установившагося типа; скорѣе это сплавъ всѣхъ народностей, населяющихъ округъ. Помѣсь, называемая Таджиками, отражаетъ въ себѣ типы узбекскій, татарскій, еврейскій, цыганскій, даже славянскій, арабскій, персидскій, индійскій. Въ этой помѣси общею оказывается только духовная сторона: къ какому бы племени Таджикъ ни относился по лицу, онъ прежде всего трусъ, легковѣрный. При заселеніи Зеравшанскаго округа, въ него стекались Таджики изъ всѣхъ городовъ Средней Азіи, и всѣ эти пришлецы, имѣя свои типичные отпечатки, столкнувшись въ округѣ, перемѣшались между собою и еще болѣе усложнили нынѣшній типъ Таджика. Только при весьма внимательномъ наблюденіи Таджиковъ Зеравшанской долины, они могутъ быть отнесены къ двумъ характернымъ группамъ. Въ одной изъ нихъ преобладаетъ узбекская кровь, въ другой—кровь остальныхъ народностей Средней Азіи. Первая группа преимущественно живетъ по деревнямъ и большею частью говоритъ на узбекскомъ языкѣ, между тѣмъ какъ вторая группа обитаетъ преимущественно по городамъ и говоритъ по большей части персидскимъ языкомъ. Таджики второй группы, по лицу, тѣлосложенію, уму, стоятъ выше остальныхъ народностей Зеравшанскаго округа. Въ ней преобладаютъ люди съ

нѣжными, правильными, чисто-европейскими чертами лица, легкаго, граціознаго, но не сильнаго тѣлосложенія; цвѣтъ лица у нихъ бѣлый, съ едва замѣтнымъ оттѣнкомъ смугловатости; глаза большіе, съ продолговатымъ разрѣзомъ, черные и весьма рѣдко голубые. Волосы преимуществу черные.

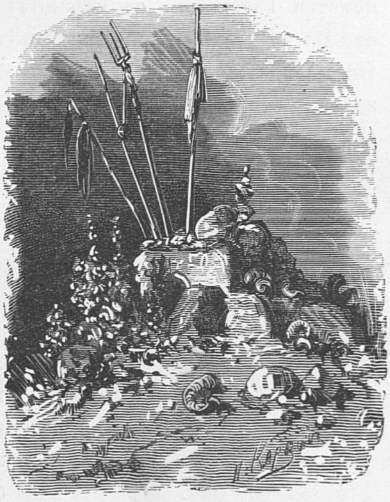
Въ этой группѣ Таджиковъ преобладаютъ еврейскія и персидскія черты, особенно въ Самаркандѣ, гдѣ много Евреевъ и Персіянъ, съ которыми Таджики весьма охотно вступаютъ въ бракъ. Евреи, переходя въ мусульманство, называютъ себя Таджиками. Еврейка, прежде чѣмъ сдѣлаться женою знатнаго мусульманина, перемѣняетъ предварительно вѣру и становится Таджичкою. Горожане, какъ болѣе богатые, до подчиненія края Россіи, держали у себя рабовъ и рабынь изъ Персіянъ, вслѣдствіе чего въ нарождающемся поколѣніи оказывались замѣтные слѣды персидской крови. Рожденный отъ рабыни и Таджика причислялся къ семьѣ, если того желалъ отецъ, и становился Таджикомъ. Не осталось безъ вліянія на таджикскій типъ и присутствіе Индійцевъ, которые въ Зеравшанскомъ округѣ имѣли право жить только безъ женъ, и которымъ не было дозволено жениться тамъ. Неудивительно послѣ того, что откровенные Таджики говорятъ, что они не знаютъ, которыя изъ дѣтей ихъ женъ принадлежатъ имъ. Въ Катта-Курганѣ и его окрестностяхъ на Таджикахъ отразилось вліяніе Арабовъ, которыхъ много живетъ въ этой мѣстности, въ Пенджамбе — Евреевъ, а въ Ургутѣ — Гальчей, отъ смѣси съ которыми у Таджиковъ явилось сильное сложеніе, а также рѣзкія, энергическія черты.

Узбекская кровь въ Таджикахъ второй группы не составляетъ характерной черты ея типа, хотя также проявляется своими особенностями. Узбекская гораздо сильнѣе выражается въ Таджикахъ первой группы, принадлежащихъ къ жителямъ деревень, окруженныхъ узбекскими селеніями. Эти Таджики слились съ узбекскими земледѣльцами: Таджикъ женится на дочери Узбека, а Узбекъ — на Таджичкѣ. Персидскій языкъ почти совершенно изгнанъ изъ семьи Таджиковъ этой группы, составляя для нихъ ненужную роскошь. Кровь монгольская до того преобладаетъ въ этой группѣ надъ арійскою, что только опытный наблюдатель въ состояніи отличить подобнаго Таджика отъ Узбека. Но, не смотря на это, ни одинъ узбекскій родъ не признаетъ Таджика своимъ родичемъ, Узбекомъ. Утративъ свой арійскій складъ лица, сельскіе Таджики сохранили нѣкоторые изъ свойственныхъ имъ обычаевъ и занятій, напримѣръ, охоту къ торгашеству. Узбекъ, при первой возможности, старается обзавестись скотомъ, перейти къ своимъ родичамъ въ степь и кочевать съ ними. Таджикъ-Узбекъ, накопивъ денегъ, дѣлается, въ большинствѣ случаевъ, перекупщикомъ, кулакомъ (джалябъ-сатаромъ), а потомъ и саудагаромъ (купцомъ), пріобрѣтаетъ себѣ въ городѣ или въ его предмѣстьѣ лавчонку и прибавляетъ къ своему имени прозваніе «бай», т. е. богатый или значительный.

Узбекъ не охотно ткетъ и въ такомъ случаѣ выдѣлываетъ только дешевыя ткани. Таджикъ-Узбекъ же берется только за выдѣлку болѣе цѣнныхъ матерій, требующихъ большаго искусства. Узбекъ не любитъ муллъ и только въ исключительныхъ обстоятельствахъ посылаетъ своихъ сыновей въ медрессе, между тѣмъ какъ въ глазахъ Таджика-Узбека быть муллою — завѣтная мечта. Онъ смотритъ на муллу, какъ надъ саудагара (купца) своего рода, и хорошо понимаетъ, что съ этимъ званіемъ связано тунеядство, зашибаніе денегъ, а потому при малѣйшей возможности отсылаетъ сына въ медрессе. У Таджиковъ-Узбековъ смягчено угловатое, рѣзкое очертаніе лица Узбека; скулы у нихъ не такъ выдаются; глаза болѣе и нетакъ косо вставлены; носъ прямѣе и лучшей формы. Сельскіе Таджики стараются брать въ жены Узбечекъ, какъ сильныхъ и неутомимыхъ работницъ, не обращая вниманія на красоту. Вообще, въ Средней Азіи происходитъ борьба главнымъ образомъ между двумя племенами — арійскимъ и монгольскимъ. Борьба эта вырабатываетъ особую породу людей, въ которой цѣльность типа на сторонѣ монгольскаго племени, а развитіе — на сторонѣ арійскаго. Физическія свойства новаго типа, по выводамъ г. Гребенкина, свойства линій и размѣровъ, какъ все это выразилось

уже и теперь, будутъ сильно напоминать Монголовъ, между тѣмъ какъ духовная сторона болѣе склонится на сторону арійскаго племени, за которымъ — давность духовнаго развитія. Физическая сторона Таджика оказывается слишкомъ слабою, неустойчивою. Отъ помѣси Таджика съ другою народностью всегда является человѣкъ съ чертами этой народности. Поэтому въ долинахъ Средней Азіи чистаго типа Таджика не существуетъ.

Языкъ Таджиковъ преимущественно персидскій. Въ виду незнанія этого языка Узбеками и необходимости сношеній съ ними, особенно въ мѣстности съ преобладающимъ узбекскимъ населеніемъ, всѣ Таджики съ малолѣтства говорятъ по-узбекски, и этотъ языкъ оказывается для нихъ такимъ же роднымъ языкомъ, какъ и персидскій. На персидскомъ языкѣ пишутъ письма, и въ прежнее время на немъ производились сношенія между беками Зеравшанскаго округа и властителями Средней Азіи. Муллы, мударисы, казіи, мирзы говорятъ на персидскомъ языкѣ. Науки въ медрессе проходятъ преимущественно на персидскомъ языкѣ. Хотя узбекскій языкъ не исключается изъ преподаванія, но среди ученыхъ Зеравшанскаго округа и акъ-сіяковъ (бѣлая кость) встрѣчаются лица, презирающія узбекскій языкъ.


Могила святаго.

Въ Зеравшанскомъ округѣ религіозность составляетъ какую-то профессію. Муллы, казіи, богачи и монахи смотрятъ на религію какъ на средство къ обогащенію, пріобрѣтенію себѣ почета, а потому исполняютъ требованія своей мусульманской вѣры только наружно, передъ толпою. Истинно-правовѣрный мусульманинъ всегда съумѣетъ выбрать себѣ мѣсто для молитвы посреди народа, и чѣмъ люднѣе мѣсто, тѣмъ онъ долѣе будетъ совершать свой намазъ. Такое поведеніе молящихся, по объясненію мусульманъ, есть подача примѣра другимъ. Это, пожалуй, было бы вѣрно, еслибы усердный богомолецъ, стоящій посреди толпы, не получалъ за свою набожность матеріальнаго вознагражденія, если бы онъ заранѣе не зналъ, что его ханжество доставитъ ему почетъ, мѣсто, вѣсъ его мнѣніямъ и проч.; еслибы онъ такъ же усердно молился и безъ свидѣтелей; но внѣ толпы онъ или забываетъ о молитвѣ, или же совершаетъ ее, какъ скучную обязанность. Вообще, масса таджикскаго населенія не религіозна. Она равнодушно относится къ постановленіямъ своей религіи, избѣгаетъ намазовъ, хожденія въ мечеть, если видитъ, что отъ такого образа дѣйствія не пострадаетъ матеріально; но эта нерелигіозная толпа требуетъ отъ каждаго члена порознь полной религіозности, не терпитъ никакихъ уклоненій съ ихъ стороны отъ вѣры, пальцами указываетъ на того, кто попался въ какомъ-либо проступкѣ и наказанъ за него, считаетъ его невѣрнымъ, негоднымъ членомъ своимъ, а между тѣмъ большинство совершаетъ эти же самые проступки. Попался, значитъ виновенъ. Съ приходомъ Русскихъ уничтожена духовно-полицейская мусульманская власть. До этого уничтоженія, по словамъ имамовъ, въ мечеть изъ 30 прихожанъ ходили 15 или 10, а послѣ уничтоженія стали ходить только пять, много десять человѣкъ и то исключительно стариковъ.

На духовенство Таджикъ смотритъ какъ на людей, живущихъ его трудомъ, обзываетъ его неприличными именами, но, въ присутствіи духовныхъ лицъ, выказываетъ знаки большаго или меньшаго уваженія къ нимъ. Особенно Таджики не любятъ монаховъ, мюридовъ и ихъ главу, ишана. Они называютъ ихъ дармоѣдами, прощалыгами. Не смотря на то, и чернь, и муллы, и купцы стараются выразить ишану публично свое расположеніе и преданность. Поклониться ишану, услышать отъ него привѣтъ себѣ при другихъ, считается верхомъ благополучія для

правовѣрнаго. Такое лицемѣріе въ большомъ ходу у туземцевъ. Когда, до взятія Русскими Самарканда, ученики медрессе (муллы) и духовенство подняли крики, призывая народъ на священную борьбу съ кяфирами (Русскими), начали подстрекать Самаркандцевъ, слѣдовательно, преимущественно Таджиковъ, къ поголовному вооруженію,—то самаркандскій бекъ приказалъ своимъ сарбазамъ усмирить оружіемъ этотъ священный пылъ духовенства. На дворѣ медрессе Тиллякари сарбазы перекололи болѣе 200 защитниковъ вѣры, а народъ не только не защищалъ ихъ, но смѣялся надъ ними и кричалъ: «наши муллы хотѣли сдѣлаться сильными». На каждое, по чему-либо священное для мусульманина, мѣсто, сами мусульмане смотрятъ, какъ на статью дохода. У гробницъ святыхъ до тѣхъ поръ только живутъ ихъ потомки или монахи, пока онѣ приносятъ прибыль. Изсякаетъ доходъ, пропадаютъ и охранители гробницы. Самаркандцы считаютъ на своихъ кладбищахъ болѣе 6,000 святыхъ, однако ничто у нихъ не содержится въ такомъ запустѣніи, какъ кладбища, наполненныя прахомъ святыхъ. Что касается знакомства Таджиковъ съ кораномъ и шаріатомъ, то, за рѣдкими исключеніями, они полные невѣжды. Даже большинство муллъ и казіевъ плохо знаютъ коранъ и шаріатъ, и только муфтіи хорошо знакомы съ шаріатомъ, потому что это знаніе даетъ имъ хлѣбъ. Не всѣ Таджики знаютъ самыя обыкновенныя мусульманскія молитвы. Но Таджики лучше другихъ сознаютъ выгоду казаться религіозными и лучше другихъ умѣютъ извлекать пользу изъ званій муллы, имама, казія, монаха и проч. Такъ, въ Зеравшанскомъ округѣ насчитывается болѣе 2,000 мечетей, а между тѣмъ въ немъ не болѣе 50—60 муллъ и имамовъ не изъ Таджиковъ.

Нищенствующій монахъ въ Самаркандѣ.

Таджики занимаются всѣми отраслями сельскаго хозяйства: они хлѣбопашцы, садоводы, скотоводы и т. под., но, при первой возможности, они стараются быть предпринимателями, затрачивающими капиталъ, а не непосредственными дѣятелями и работниками. Деревенскій Таджикъ не всегда самъ пашетъ, потому что наемъ работника Узбека стоитъ не дорого, такъ какъ всѣ безземельные нанимаются въ рабочіе къ владѣющимъ землею, на условіяхъ, по уговору. Если нанимающійся имѣетъ быковъ или быка, или же сѣмена, то поступаетъ въ половинщики, десятинники и проч. Половину получаетъ тотъ рабочій, который затратилъ на посѣвъ свои сѣмена и вспахалъ землю своими быками. Не имѣющій ни быковъ, ни сѣмянъ, преимущественно нанимается за деньги и прокормъ. Имѣя возможность дешево нанять работника изъ Узбековъ, Таджикъ сваливаетъ всю тягость полевыхъ работъ на него и на своихъ женъ, а самъ только руководитъ ими и занимается посторонними дѣлами. Самъ Таджикъ обрабатываетъ землю только въ крайнемъ случаѣ, когда у него мало земли. Безземельные Таджики не нанимаются для земляныхъ работъ, а дѣлаются садовниками, конюхами, водовозами, прикащиками, мастеровыми, ремесленниками и мелкими торговцами. Пашни, принадлежащія Таджикамъ, лучше унавожены, вспаханы, засѣяны, чѣмъ у Узбековъ, хотя работаютъ тѣ же Узбеки. У Таджиковъ не встрѣчается незасѣянныхъ мѣстъ, чего нельзя сказать про поля Узбековъ. Таджикъ купецъ, духовное или должностное лицо, если имѣетъ средства, непремѣнно бываетъ земледѣльцемъ. Въ Зеравшанскомъ округѣ лучшіе сады принадлежатъ Таджикамъ, которымъ почти исключительно принадлежатъ и всѣ виноградники. Они же разводятъ шелковичныя деревья всѣхъ сортовъ; огородныя растенія всѣхъ сортовъ встрѣчаются попреимуществу на таджикскихъ земляхъ. Полукочевники-Таджики, занимающіеся разведеніемъ скота и вмѣстѣ съ нимъ кочующіе, встрѣчаются по южной границѣ Зеравшанскаго округа и на востокъ отъ Пенджекента. Они исключительно разводятъ овецъ и козъ.

T. X

Дувана.

Фабричная и заводская промышленность въ Средней Азіи не сосредоточивается на большихъ фабрикахъ и заводахъ, а ограничивается ремесленнымъ производствомъ, небольшими размѣрами, въ частныхъ рукахъ и не группируется въ одномъ мѣстѣ. Только въ Ургутѣ вся масса населенія занята выдѣлкою тканей, но и тамъ нѣтъ мастерской, которая владѣла бы болѣе чѣмъ 10 ткацкими станками. Большая часть ремеслъ въ Зеравшанскомъ округѣ сосредоточена въ рукахъ Таджиковъ, имѣющихъ въ своихъ мастерскихъ болѣе рабочихъ и машинъ и, по нѣкоторымъ ремесламъ, не имѣющихъ не только соперниковъ, но даже и подражателей. У Таджиковъ замѣтно желаніе усовершенствовать свои работы, перенять лучшіе пріемы, лучшіе инструменты и подражать хорошимъ образцамъ. По ихъ издѣліямъ, обращающимся въ продажѣ, нельзя судить объ искусствѣ Таджиковъ, потому что они производятъ только то, на что есть спросъ, тѣмъ болѣе, что масса потребителей бѣдна и гонится за дешевизною, такъ какъ цѣнныя произведенія ей не по средствамъ. Но если дать мастеру Таджику образецъ, то онъ, не смотря на все несовершенство своихъ инструментовъ и на ихъ недостаточность, на іоту не отступитъ отъ образца. О дешевизнѣ ихъ работы, сравнительно съ работою русскихъ мастеровыхъ, лишне даже было бы распространяться. Они занимаются выдѣлкою шелковыхъ и бумажныхъ тканей всѣхъ сортовъ; окраскою же бумажныхъ нитокъ, шелка, шерсти, Таджики занимаются мало, — красятъ только въ красные цвѣта. Они занимаются также вышиваніемъ по различнымъ матеріямъ и по кожѣ, шитьемъ платьевъ, туземной и европейской обуви, выдѣлкою кожъ, производствомъ сѣделъ, свѣчъ и мыла, слесарнымъ, кузнечнымъ, мѣднымъ, серебрянымъ и золотымъ мастерствомъ; льютъ изъ чугуна разныя вещи, а также и колокола изъ другихъ металловъ; занимаются плотничными, столярными, токарными и гончарными работами. Нѣкоторыя изъ перечисленныхъ работъ они производятъ на базарѣ, въ своихъ открытыхъ лавочкахъ, а другія — въ домахъ. Занимающіеся однимъ ремесломъ называютъ другъ друга товарищами. Въ разное время года, предпочтительно весною, когда начинаютъ цвѣсти розы, подобные товарищи (хозяева) дѣлаютъ между собою складчину деньгами, покупаютъ барана, рисъ, лепешки, чай и проч., нанимаютъ бачей (мальчиковъ-плясуновъ, за которыми ухаживаютъ мужчины), музыкантовъ, и, вмѣстѣ со своими рабочими, какъ гостями, отправляются куда-нибудь за городъ на день, на два, «томашиться», т. е. ѣсть пловъ, пить чай, наслаждаться пляскою бачей и музыкою.

Продавецъ птицъ.

Таджикъ предпочитаетъ торговую дѣятельность всякой другой. Купить, хотя и на бездѣлицу, товара, достать на базарѣ мѣсто и сидѣть тамъ со своимъ грошевымъ товаромъ по цѣлымъ днямъ, выручая копѣйки въ сутки — составляетъ наслажденіе для Таджика. Жена его и дѣти сидятъ безъ куска хлѣба, работаютъ, на сколько хватаетъ силъ, а мужъ или отецъ беретъ весь ихъ заработокъ себѣ, прикупаетъ на него товара и сидитъ надъ нимъ на базарѣ. Когда Таджикъ дѣлается купцомъ, вѣрнѣе — торгашемъ, торговля становится его маніею, а прибыль и увеличеніе товаровъ—исходною точкою всѣхъ его помысловъ. Онъ переходитъ съ базара на базаръ, странствуетъ по всему Зеравшанскому округу, скупаетъ на деревенскихъ базарахъ или мѣняетъ на свой товаръ куръ, яйца, деревянныя ложки, нитки и проч., чтобы съ небольшимъ барышемъ продать этотъ товаръ на городскомъ базарѣ. Купецъ-Таджикъ не столько заботится о большомъ процентѣ на свой капиталъ, сколько о быстротѣ его оборота. Въ продолженіе года онъ успѣваетъ обернуть свой капиталъ разъ десять, а иногда и болѣе. Торговли опредѣленными товарами вообще у него нѣтъ въ теченіе года, да

и въ данное время онъ не торгуетъ однородными товарами, а часто самыми противоположными по своимъ свойствамъ. Въ лавкахъ, рядомъ съ шелковыми товарами, помѣщается мыло и чай, сѣра для жеванія, лекарства, яды и лакомства. Соединеніе такихъ разнородныхъ предметовъ бываетъ впрочемъ въ самаркандскихъ таджикскихъ лавкахъ только у небогатыхъ торговцевъ, или у $^6/_7$ всего торговаго люда города. У болѣе богатыхъ продавцовъ вошло въ обычай имѣть нѣсколько лавокъ для разныхъ товаровъ: въ одной продаютъ только матеріи, въ другой лекарства, чай и т. д. Богатый купецъ не ведетъ отъ себя розничной продажи; дѣятельность богатыхъ торговцевъ сосредоточивается въ караванъ-сараяхъ: товары прямо свозятъ туда, гдѣ они и лежатъ до распродажи партіями или остаются до вывоза въ караванъ-сараи другихъ городовъ. Продажею въ лавкѣ богатаго купца, если даже онъ имѣетъ ее подъ своимъ именемъ, занимается или сынъ его, или родственникъ, или просто слуга. Они обязаны возвратить купцу по продажѣ только сумму, которая причитается за отданный имъ товаръ, а вся выручка идетъ въ пользу торгующихъ. Многіе изъ Таджиковъ торгуютъ на тысячи, не имѣя почти ни гроша собственныхъ денегъ: имъ вѣрятъ на слово, какъ лицамъ пріобрѣвшимъ репутацію честныхъ людей. Получивъ на вѣру товаръ за небольшіе проценты, такой торговецъ пускается на промѣны, на раздачу товара, по малымъ частямъ, другимъ, такимъ же, какъ и онъ самъ, безденежнымъ людямъ. Капиталъ дробится все болѣе и болѣе, такъ какъ послѣдніе готовы, въ свою очередь, раздробить свой пай на части и отдать ихъ на подобныхъ же условіяхъ въ третьи руки. Раздробившись до мельчайшихъ партій, товары, уже въ видѣ денегъ, постепенно соединяются и наконецъ доходятъ до того капиталиста, который отдалъ ихъ въ долгъ первому члену въ этой цѣпи торгашей. При этомъ круговращеніи товаровъ, цѣнность ихъ должна была бы весьма чувствительно увеличиваться; но на дѣлѣ этого не бываетъ. Базарная цѣна Самарканда служитъ руководящею цѣною и для остальныхъ базаровъ Самаркандскаго отдѣла, потому что мелкіе торговцы часто съ пользою промѣниваютъ свои товары на продукты мѣстнаго произведенія, ни во что ставятъ трату времени на провозъ и самый провозъ и очень часто довольствуются самымъ ничтожнымъ барышомъ, на который сами могутъ быть сыты и въ состояніи накормить свою лошадь.

Таджики дѣлятся на духовныхъ и свѣтскихъ. Духовное званіе пріобрѣтается или рожденіемъ (ходжи и сеиды), или должностію (казіи, муллы, имамы, ишаны и проч.). Какъ тѣ, такъ и другіе ставятъ себя выше всѣхъ остальныхъ Таджиковъ; они записные ханжи и имѣютъ значительное вліяніе на общественное мнѣніе. Представители ихъ держатъ въ своихъ рукахъ остальныхъ своихъ сотоварищей, знакомятся только съ богатыми купцами или важными должностными лицами и выказываютъ полное презрѣніе къ мелкимъ торговцамъ, рабочимъ и небогатымъ земледѣльцамъ, которые, за ихъ грубое обращеніе, платятъ имъ наружнымъ почтеніемъ, униженіемъ себя въ глазахъ такихъ важныхъ особъ и насмѣшками надъ ними заглаза. Свѣтская часть таджикскаго населенія имѣетъ своими представителями богатыхъ купцовъ и землевладѣльцевъ. Вліяніе этихъ представителей на массу опирается на деньги и потому оказывается болѣе существеннымъ, чѣмъ вліяніе духовенства. Ремесленники, мелкіе торгаши и земледѣльцы всегда находятся въ зависимости отъ капитала. Если еще прибавить, что многіе богатые купцы дѣлаютъ народу въ извѣстные праздники угощеніе (томаши), то сдѣлается понятнымъ, почему въ Зеравшанскомъ округѣ первостепенное купечество не только извѣстно массѣ, но и пользуется ея расположеніемъ. Между купечествомъ и духовенствомъ происходитъ тайная, сильная борьба. До занятія Русскими Зеравшанскаго края, народъ стоялъ за купечество, а служилые люди, за исключеніемъ нѣкоторыхъ эпохъ, за духовенство. Купечество принуждено было вести борьбу очень осторожно, потому что духовенство основывало свои доказательства въ пользу войны съ Русскими на указаніяхъ корана. Каждаго открытаго противника ихъ мнѣнія духовные могли уличить въ измѣнѣ религіи. Съ занятіемъ Зеравшанскаго округа Русскими, борьба между купечествомъ и духовенствомъ возобновилась съ бо́льшею энергіею,

но перевѣсъ перешелъ на сторону коммерсантовъ. Духовенство изливаетъ всю свою желчь на Русскихъ, но народъ ему уже не довѣряетъ и даже благодаренъ Русскимъ за то, что при ихъ власти онъ можетъ менѣе расходовать на духовенство. Дѣти богатыхъ купцовъ и духовныхъ рѣдко перемѣняютъ профессію своихъ отцовъ. Дѣти же незначительныхъ купцовъ, ремесленниковъ и земледѣльцевъ, при первомъ удобномъ случаѣ, при достаточности матеріальныхъ средствъ и возможности получить образованіе въ медрессе, выходятъ или муллами, или муфтіями.

Праздникъ, томаша, съ одинаковымъ нетерпѣніемъ ожидается всѣми Таджиками, бѣдными и богатыми, знатью и чернью. Каждый изъ нихъ старается купить какую-нибудь обнову для своего туалета, смотря по средствамъ. Если возможно, то Таджикъ обновляетъ весь свой костюмъ. Въ праздникъ, въ семь часовъ утра, окатившись холодною водою, Таджикъ надѣваетъ чистое бѣлье, сурмитъ брови, подводитъ глаза. Болѣе всего занимаетъ его чалма, которую онъ повязываетъ передъ зеркаломъ, перемѣняетъ ея повязку нѣсколько разъ, совѣтуется о томъ неоднократно съ женою или сестрою. Только убѣдившись въ томъ, что чалма навернута на голову совершенно къ лицу, Таджикъ выходитъ изъ дома. Если онъ себѣ купилъ къ празднику всю новую одежду, то, идя по улицамъ, закидываетъ голову кверху, сильно размахиваетъ руками, но подвигается впередъ очень медленно. При встрѣчѣ съ знакомыми, хуже его одѣтыми, онъ ихъ не узнаетъ и проходитъ мимо. Дороги онъ никому не уступаетъ и потому сталкивается съ проходящими. Таджикъ заходитъ къ знакомому купцу въ лавку, садится и посылаетъ въ чайную за чаемъ. Таджикъ пьетъ чай, презрительно посматривая на проходящихъ. Халатъ у него полуспущенъ съ плечъ и видна бѣлая рубашка. Если въ это время въ лавку войдутъ старики, уважаемыя лица, то Таджикъ выставитъ ногу и будетъ ею шевелить. Но подобный поступокъ, составляющій полнѣйшее неуваженіе, можетъ позволить себѣ только старшій передъ младшимъ. Посидѣвъ въ одной лавкѣ, Таджикъ переходитъ въ другую, гдѣ продѣлываетъ то же самое. Такъ проводятъ праздники всѣ купившіе себѣ обновы, или всѣ достаточные Таджики. Возвратясь вечеромъ домой, онъ съ мелочными подробностями и даже съ огромными прибавленіями противъ дѣйствительности разсказываетъ женѣ или сестрѣ, какъ онъ шелъ по улицѣ или по площади, сколько выпилъ чаю, какъ прохожіе удивлялись его одеждѣ и важному виду, какъ онъ извѣстному лицу, за то, что тотъ не посторонился, наговорилъ дерзостей и заставилъ извиниться и проч. Жена сопровождаетъ этотъ разсказъ возгласами удивленія и немедленно передаетъ его со своими присказками сосѣдкѣ. И мужъ и жена долго послѣ того надоѣдаютъ своимъ знакомымъ разсказами о такомъ важномъ для нихъ происшествіи.

Купецъ въ Самаркандѣ.

Въ средѣ Таджиковъ, нарядъ, одежда играютъ важную роль и служатъ оцѣнкою дѣятельности и положенія человѣка въ обществѣ. Кто всегда одѣвался хорошо и вдругъ на гуляньѣ покажется въ старомъ платьѣ, тотъ вызоветъ немедленно самыя щекотливыя замѣчанія о себѣ. Пойдутъ предположенія о его мотовствѣ, пьянствѣ и проч. Поэтому Таджикъ отказываетъ себѣ въ пищѣ, поправкѣ своего жилища, чтобы только въ праздники появиться въ обновахъ, въ хорошей одеждѣ. Въ будніе дни большинство Таджиковъ ходитъ въ отрепьѣ.

Узбеки на словахъ пренебрегаютъ Таджиками; нѣкоторые ихъ роды даже хвалятся тѣмъ, что они не отдаютъ своихъ дочерей за Таджиковъ. Таджики же, съ своей стороны, говорятъ, что Узбеки безъ нихъ жить не могутъ, что они держатъ ихъ въ рукахъ, что Узбеки «варвары, неучи», даже сами за себя думать не могутъ. «Мы имъ даемъ одежду (говорятъ Таджики),

учимъ, что и съ чѣмъ лучше ѣсть, какъ прилично одѣваться, обучаемъ ихъ въ махтубъ-хана, въ медрессе, даемъ имъ казіевъ, муллъ, святыхъ (Таджики полагаютъ, что святые бываютъ только изъ Таджиковъ), учимъ ихъ мастерствамъ и снабжаемъ ихъ всякими товарами».

Дóма таджикскія женщины щеголяютъ красивыми и богатыми нарядами, на улицахъ же появляются въ самой простой одеждѣ, какъ то требуется обычаемъ. Онѣ набрасываютъ на голову женскій халатъ (фаренджи); длинные рукава его закидываютъ назадъ и связываютъ вмѣстѣ у самыхъ пятокъ. Замужнія женщины закрываютъ лицо черною сѣткою изъ конскаго волоса (чачбау), а дѣвицы могутъ употреблять для этого бѣлую кисею.

За Таджиками главными обитателями въ Зеравшанскомъ округѣ считаются Узбеки, народъ монгольскаго племени, составляющій, сравнительно, недавнихъ пришельцевъ въ эту мѣстность изъ различныхъ частей Средней Азіи, хотя нельзя отрицать, чтобы часть зеравшанскихъ Узбековъ не составляла потомковъ водворившихся тамъ со временъ Тимура. Извѣстно, что Узбеки, производящіе свое названіе отъ словъ «узи» и «бекъ», что значитъ «самъ себѣ господинъ», дѣлятся на нѣсколько родовъ. Ханыковъ называетъ 97 родовъ, Борнсъ и Вамбери 32 «племени». Въ Зеравшанскомъ округѣ живутъ Узбеки слѣдующихъ главныхъ родовъ: Тюаклы, Мингъ, Найманы, Уйшунъ, Кутча, Катаганъ, Мангиты, Сарай, Багринъ, Юсы, Кыркъ, Каракалпаки, Кипчаки, Ктаи, Мишаны, Туркмены, Джалаиръ, Дурменъ, Урганчи и Тюрки. Болѣе сильные роды сохранили старинныя преданія о своемъ бывшемъ могуществѣ и питаютъ къ остальнымъ презрѣніе, выражающееся преимущественно при женитьбѣ. Такіе роды заключаютъ браки почти исключительно между собою, и если случается, что они берутъ себѣ женъ изъ другихъ, болѣе простыхъ, родовъ, то не даютъ своихъ дочерей замужъ въ эти роды. Впрочемъ, все это касается только богачей и родовитыхъ, потому что бѣдняки берутъ себѣ женъ изъ того рода, въ которомъ ихъ продаютъ дешевле, а выдаютъ въ тотъ, гдѣ даютъ дороже. Городскіе Таджики и Персіяне (Ирани) только въ крайнихъ случаяхъ выдаютъ своихъ дочерей за Узбековъ, потому что жалѣютъ своихъ дочерей, считая Узбековъ варварами. Узбекскія же женщины, въ выборѣ себѣ мужей, неразборчивы, — имъ безразлично, за кого бы ихъ ни выдали. Всѣ домашнія и полевыя занятія, а въ нѣкоторыхъ семьяхъ и паханье земли, возложены Узбеками на женъ. Словомъ, узбекская женщина работаетъ безъ отдыха, какъ волъ. Лишь только Узбекъ становится хотя немного состоятельнымъ, онъ старается ничего не дѣлать, разъѣзжаетъ съ базара на базаръ, посѣщаетъ знакомыхъ и рѣдко бываетъ дома. Деньги всегда хранятся у мужа, который выдаетъ ихъ женѣ съ большимъ разсчетомъ. Въ большинствѣ семействъ, все ежедневное хозяйство жена обязана вести на свои заработки, на выручку отъ пряжи, отъ продажи коконовъ и т. п. Только празднества совершаются на деньги мужа. Отецъ заботится почти исключительно о любимомъ своемъ ребенкѣ, для остальныхъ же дѣтей жена справляетъ одежду на свои заработки. Вообще, забота о дѣтяхъ составляетъ для Узбека послѣднее дѣло. Когда ребенокъ выросъ и укрѣпился настолько, что станетъ уже рабочею силою, тогда онъ дѣлается необходимымъ въ семействѣ и на него наваливаютъ работу. Рожденіе сына всегда болѣе радуетъ отца, между тѣмъ какъ мать привязывается болѣе къ дочерямъ.

Женщины, идущія въ баню.

Если Узбекъ имѣетъ нѣсколько женъ, то онъ старается держать ихъ отдѣльно одна отъ другой, потому что, въ большинствѣ случаевъ, ихъ физически невозможно держать въ смежныхъ комнатахъ. Живя нераздѣльно, жены каждый день дерутся между собою; если же всѣ онѣ

имѣютъ дѣтей, то къ ихъ дракамъ присоединяются еще драки дѣтей. Подобныя семейныя несогласія происходятъ не вслѣдствіе ревности, о которой Азіятки не имѣютъ понятія, а отъ матеріальныхъ удобствъ или неудобствъ, отъ желанія каждой жены имѣть поболѣе вліянія на хозяйство мужа, отъ того, что одна изъ женъ получила отъ него лучшій платокъ, а другая — худшій. Невѣрность мужа не имѣетъ никакого значенія для женъ. На вопросъ—вѣрны ли жены мужьямъ?— Узбеки, по большей части, отвѣчаютъ: «жены мужьямъ невѣрны еще до свадьбы; женщина не отвѣчаетъ передъ своимъ мужемъ за прежній образъ жизни; пока она не жена,— она свободна».

Узбеки, желая имѣть въ женѣ неутомимую работницу, не женятся на молодыхъ дѣвушкахъ. Только богачи, имѣя иногда по одиннадцати женъ, женятся для разнообразія на десятилѣтнихъ. Въ нѣкоторыхъ родахъ вошло въ обычай отдѣлять женившихся сыновей; въ другихъ — они очень долго живутъ вмѣстѣ съ отцомъ, имѣя съ нимъ одинъ котелъ. Въ такомъ случаѣ, семейство, состоящее изъ десяти женатыхъ сыновей, имѣющихъ также дѣтей, считается однимъ дворомъ. Очень часто Узбеки женятся безъ всякаго калыма или выкупа. Хорошіе пріятели или бѣдняки, при женитьбѣ, не вносятъ калыма. Друзья иногда условливаются,—родившихся у нихъ дѣтей разнаго пола, съ самаго рожденія, считать женихомъ и невѣстою, и въ такомъ случаѣ, при заключеніи брака, калымъ не уплачивается. Бѣдняки или зарабатываютъ себѣ жену у ея родныхъ, или, женившись на дочери, остаются у ея отца въ работникахъ и зарабатываютъ калымъ послѣ женитьбы. Узбекъ, желающій жениться, посылаетъ въ семейство своей невѣсты сватовъ. Получивъ согласіе ея родителей, онъ, по обычаю, не можетъ уже показывать имъ своего лица и, при встрѣчѣ, для соблюденія приличія, обязанъ закрыться халатомъ и отворотиться, т. е. сыграть роль женщины, встрѣтившейся съ мужчиною. Въ городахъ, гдѣ много духовенства, гдѣ большинство жителей Таджики, даже обычай закрыванія женщины соблюдается, съ грѣхомъ пополамъ, только на модныхъ улицахъ, площадяхъ и базарахъ. Въ селеніяхъ же, среди сплошнаго узбекскаго населенія, женщина ходитъ свободно открытою и закрывается единственно передъ Русскими или передъ духовными лицами.

Женихомъ Узбекъ бываетъ отъ нѣсколькихъ лѣтъ до нѣсколькихъ недѣль, вообще, пока онъ или не выплатитъ калыма, или пока родители или родственники не заявятъ, что они считаютъ калымъ уплаченнымъ, даже если бы этого, въ дѣйствительности, не произошло. Когда женихъ получилъ согласіе родителей невѣсты на бракъ, то старшіе члены домовъ, желающихъ породниться, составляютъ «масля-хатъ», т. е. совѣтъ о величинѣ калыма, о времени прочтенія молитвы «фатиха», или, какъ выражаются Узбеки, о времени «ломанія лепешки» и совершенія свадьбы. Смотря по состоянію жениха, назначается болѣе или менѣе продолжительный срокъ для совершенія «никаха», т. е. свадьбы. Въ Зеравшанскомъ округѣ калымъ потерялъ свое первоначальное значеніе и обратился или просто въ подарокъ, дѣлаемый женихомъ невѣстѣ, или тратою на угощенія, дѣлаемыя со стороны невѣсты, родственникамъ жениха и общимъ знакомымъ. Съ момента сватанія, женихъ и его родители дѣлаютъ подарки невѣстѣ и ея роднымъ. Они состоятъ изъ платковъ, разныхъ матерій, гребешковъ, мѣдныхъ серегъ, колецъ, лентъ, изъ разныхъ лакомствъ, также изъ баранины, мяса, сала, риса, гороха, зерноваго хлѣба. Стоимость всѣхъ подарковъ тщательно запоминается обѣими сторонами, какъ для того, чтобы, если свадьба не состоится, одна сторона могла потребовать подарки назадъ, а другая — не переплатить лишняго, такъ и для того, чтобы, при заключеніи брачнаго листа, весь этотъ расходъ внести въ счетъ калыма. Богатые же Узбеки, сверхъ подарковъ, выплачиваютъ еще родителямъ невѣсты извѣстное количество денегъ или даютъ стадо барановъ, лошадей, быковъ, верблюдовъ, ишаковъ.

Когда родители невѣсты получили договоренное количество калыма, то назначается день свадьбы («никахъ-тоя»). По правиламъ ислама, женихъ не можетъ видѣть свою невѣсту; но въ Зеравшанскомъ округѣ этого не придерживаются; женихъ не только хорошо знаетъ свою

невѣсту, но часто и живетъ съ нею, какъ съ женою. Свадьба совершается у отца невѣсты на деньги жениха. Обрядъ бракосочетанія состоитъ въ томъ, что заключается у казія, или его повѣреннаго, контрактъ, въ которомъ прописывается, что такой-то внесъ столько-то за такую-то. Но до прочтенія, послѣ усиленной ѣды, молитвы «никахъ» надъ чашкою съ водою, женихъ еще не называется мужемъ, а невѣста женою. При чтеніи этой молитвы присутствуетъ только одинъ женихъ, а мѣсто невѣсты занимаетъ ея повѣренный. Задолго до свадьбы, женихъ и невѣста выбираютъ себѣ дружекъ, онъ — изъ молодыхъ парней одного съ нимъ рода, а она — изъ дѣвушекъ, ближайшихъ родственницъ. «Никахъ» прочитывается обыкновенно послѣ заката солнца; по прочтеніи молитвы, вновь начинается ѣда, но мужчины ѣдятъ въ отдѣльныхъ помѣщеніяхъ отъ женщинъ. Въ промежутокъ между ѣдою пляшутъ бачи (если Узбекъ отаджичился), поютъ пѣсни, играютъ на дутарѣ или сопѣлкахъ. Тѣмъ же самымъ занимаются и женщины, но у нихъ пляшутъ не бачи (мальчики), а молоденькія дѣвушки, ударяя въ бубны. Угощеніе тянется далеко за полночь. Тогда молодой посылаетъ сказать женщинамъ, окружающимъ его невѣсту, что онъ идетъ къ женѣ. Всѣ женщины зажигаютъ свѣчи (впрочемъ, этотъ обычай не вездѣ соблюдается) и выходятъ къ молодому навстрѣчу; молодая же остается въ саклѣ за занавѣсью, разгораживающею комнату на двѣ неравныя части: въ большей, обыкновенно, сидятъ почетныя женщины, а въ меньшей — молодая. Молодой идетъ на женскую половину въ сопровожденіи дружекъ и молодежи. Въ тотъ моментъ, когда всѣ они намѣреваются войти въ женское отдѣленіе, женщины съ крикомъ бросаются на молодежь и стараются отбить молодаго. Происходитъ порядочная свалка, во время которой женщины визжатъ, машутъ зажженными свѣчами, поджигаютъ халаты и бороды мужчинамъ. Наконецъ, женщины овладѣваютъ женихомъ, причемъ одна изъ нихъ беретъ его голову себѣ подъ мышку и тащитъ его къ молодой, а прочія женщины сопровождаютъ ихъ. Мужчины, лишившись молодаго, возвращаются на свою половину и принимаются за ѣду. Молодой, введенный въ саклю, обязанъ угощать всѣхъ женщинъ кушаньями, лепешками, сластями, а онѣ — занимать его разговорами.

Въ теченіе всего этого времени молодая сидитъ за занавѣсью на постели, состоящей у богатыхъ изъ 10 до 30 ватныхъ одѣялъ, положенныхъ одно на другое. Насладившись бесѣдами подругъ своей жены и угостивши ихъ, молодой отправляется къ женѣ, куда имъ ставятъ неизбѣжный пловъ и разныя сласти. Подруги молодой продолжаютъ угощаться. Около трехъ часовъ ночи, молодой объявляетъ, что подругамъ его жены пора уходить. Къ этому времени въ мужскомъ отдѣленіи остаются одни неженатые, которые пируютъ до восхода солнца. Сакля, въ которой находится брачная постель, убирается всѣмъ приданымъ невѣсты. У богатыхъ ниши завалены одѣялами, подушками, коврами; жерди и протянутыя веревки увѣшаны халатами, платками, рубахами и остальными принадлежностями женскаго туалета, а на полу разставлены калоши и ичеги. При восходѣ солнца, молодой оставляетъ комнату своей жены и идетъ къ пирующимъ холостякамъ, съ которыми и доходитъ до своего дома. Свадьба считается совершенною: обязательная, по обычаю, первая ночь проведена молодыми въ домѣ отца жены. Мужъ можетъ перевести жену въ свой домъ чрезъ два, три дня, но можетъ также оставить ее въ домѣ ея родителей. Въ первомъ случаѣ, при введеніи молодой въ домъ ея мужа, присутствуютъ всѣ его дружки, причемъ онъ въ послѣдній разъ угощаетъ ихъ, какъ холостякъ. Когда въ его домѣ поселяется жена, то холостяки ему уже не пара. Во второмъ случаѣ, когда жена остается въ домѣ своихъ родителей, мужъ можетъ ходить къ своей женѣ только украдкою, по ночамъ. Его должна встрѣчать и провожать въ саклю жены старуха, близкая родственница жены, которая хотя имѣетъ отдѣльную саклю, но въ занятіяхъ своихъ подчинена отцу и матери. Случается, что замужняя Узбечка живетъ особнякомъ года четыре и переѣзжаетъ къ мужу, имѣя трехъ, четырехъ дѣтей. Во все время подобнаго раздѣльнаго сожительства, мужъ не долженъ показываться ни отцу, ни матери своей жены.

Кромѣ Таджиковъ и Узбековъ, въ Зеравшанскомъ округѣ есть еще и другія, незначительныя численностью народности, какъ, напримѣръ, Персы и Мервцы, которыхъ считается до 1000 жителей. Персы явились сюда добровольно или въ качествѣ рабовъ изъ разныхъ провинцій Персіи. По языку и типу они представляютъ большое разнообразіе. Собственно Персы или Ирани (Казылбаши) Зеравшанскаго округа почти исключительно или потомки бывшихъ рабовъ, или рабы, получившіе свободу только съ занятіемъ Русскими Самарканда. Бывшихъ рабовъ и потомковъ рабовъ въ округѣ очень немного. Рабы, перепроданные въ десятыя руки, свыкались съ новою жизнью, перемѣняли вѣру и не только не помышляли о бѣгствѣ, но, получивъ свободу, рѣдко возвращались на родину. Чаще всего такіе вольноотпущенники покупали землю и обзаводились семьею. Рабыни почти всегда дѣлались законными женами своихъ владѣльцевъ, если онѣ были молоды и хороши собою, или ихъ работниковъ. Чтобы получить рабыню въ жены, работникъ не прибѣгалъ къ ея выкупу деньгами, а обязывался работать за нее извѣстное число лѣтъ, или безплатно за одинъ прокормъ, или же за уменьшенную плату. Въ Самаркандскомъ округѣ есть нѣсколько деревень, заселенныхъ одними вольноотпущенными.

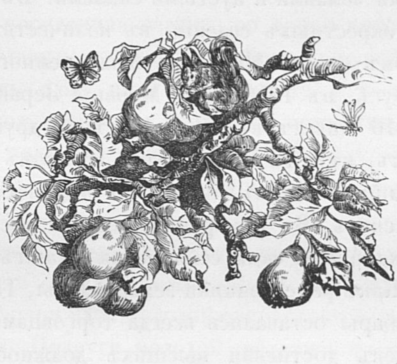
Мервцы, чистые Узбеки, переселившіеся изъ Мерва, неправильно называются Персіянами. Они переселены въ Бухарское ханство, около ста лѣтъ тому назадъ, эмиромъ Ша-Муратъ-бекомъ, желавшимъ имѣть ихъ въ своихъ владѣніяхъ, какъ хорошихъ земледѣльцевъ, ремесленниковъ и воиновъ. Эмиръ не только не обратилъ ихъ въ рабовъ, а разселилъ ихъ по главнымъ городамъ и надѣлилъ ихъ хорошими землями и пустыми саклями. Въ плѣнъ были уведены эмиромъ не только жители Мерва, но и окрестныхъ селеній, въ количествѣ нѣсколькихъ тысячъ семей. Первоначально въ Зеравшанскомъ округѣ Мервцевъ было немного; двѣ трети настоящаго ихъ количества поселились въ округѣ въ 1850 году. Мервцы Зеравшанскаго округа раздѣляются на 11 колѣнъ, изъ которыхъ 10 живутъ въ смѣси другъ съ другомъ и говорятъ по-узбекски, а «Сабзбары» или Тадъ (Таджикъ) имѣютъ природнымъ языкомъ персидскій и отличаются отъ Мервцевъ, сверхъ того, типомъ лица и родомъ занятій. Въ Мервѣ Сабзбары составляли городское населеніе и не служили въ войскахъ. Въ Самаркандѣ они извѣстны подъ общимъ названіемъ Мервцы или Ирани, но Таджиками они сами себя не называютъ и другіе ихъ не называютъ, хотя они безспорно Таджики. Какъ ремесленники-земледѣльцы, Тады стоятъ несравненно выше Таджиковъ. При эмирахъ Сабзбары оставались всегда торговцами, барышниками, ремесленниками, хотя многіе изъ Мервцевъ достигали высшихъ должностей, управляли провинціями, командовали пѣхотою и проч. Мервцы держатся особнякомъ. Въ обращеніи Мервцы мягки, но не такъ нахально-льстивы, какъ Таджики. Домашняя обстановка, одежда, пища Мервцевъ лучше и изысканнѣе, чѣмъ у Таджиковъ. Мервцы называютъ остальныхъ Зеравшанцевъ варварами.

Живущіе въ этомъ округѣ Мазаны, Люли и Джючи относятся г. Ханыковымъ къ Цыганамъ; но они, по изслѣдованію г. Гребенкина, какъ лицомъ, такъ и занятіями, отличаются другъ отъ друга. По словамъ Мазановъ, большая ихъ часть поселилась въ округѣ около сорока лѣтъ тому назадъ. До этого времени они жили въ Бухарѣ, откуда ихъ выходъ затруднялся разными стѣснительными формальностями. Мазановъ около 200 душъ обоего пола, живутъ они въ округѣ осѣдло, въ двухъ деревняхъ, и занимаются земледѣліемъ. Женщины ихъ, сверхъ того, торгуютъ разными бездѣлушками, необходимыми для туалета туземныхъ красавицъ, и переходятъ для того изъ дома въ домъ, изъ одной деревни въ другую. Онѣ заходятъ и въ кочевья Узбековъ, и въ горы. Женщины Мазановъ не выходятъ замужъ за Узбековъ или Таджиковъ, а также и Мазаны женятся только на своихъ дѣвушкахъ. Жены ихъ никогда не закрываются, имѣютъ правильное, красивое лицо и отличаются граціознымъ сложеніемъ. Туземцы говорятъ, что Люли тоже Мазаны, но только кочующіе, а не осѣдлые. По мнѣнію г. Гребенкина, это отдѣльный народъ, болѣе всего подходящій къ Цыганамъ. Въ Зеравшанскомъ округѣ ихъ считается около 500 душъ обоего пола. Все теплое время Люли проводятъ въ бязевыхъ шатрахъ, въ какихъ Цыгане кочуютъ на югѣ Россіи. Они кочуютъ

отдѣльными таборами, отъ 10 до 20 шатровъ въ каждомъ, и останавливаются на лужайкахъ, поблизости селеній. Они живутъ на одномъ мѣстѣ день, недѣлю, занимаются мѣною лошадей, покупкою и продажею ихъ, мелкимъ воровствомъ, дѣланіемъ деревянныхъ ложекъ, чашекъ и разной хозяйственной утвари. Женщины Люли гадаютъ, лечатъ, вымѣниваютъ однѣ вещи на другія и проч. На зиму Люли выпрашиваютъ себѣ въ какой-нибудь деревнѣ саклю, въ которой помѣщаются со всѣмъ своимъ имуществомъ. Дѣти и женщины ихъ бродятъ зимою по деревнямъ, выпрашивая милостыню, не смотря на то, что Люли съ достаткомъ. Оффиціально Люли называютъ себя мусульманами, но муллъ не имѣютъ. Какъ женщины, такъ и мужчины, Люли своимъ типомъ сильно напоминаютъ Цыганъ.

Джючи, по сохранившемуся въ средѣ ихъ преданію, пришли въ Міанканъ при эмирѣ Сеидѣ и своею родиною считаютъ Гисаръ, Зиди, рѣку Кафарніанъ, вообще сѣверо-восточную часть Гисарскаго бекства, гдѣ ихъ очень много въ настоящее время и гдѣ ими заселены цѣлые города. Они живутъ также и по рѣкѣ Ягнъ-Объ, протекающей по Когистану. Джючи — земледѣльцы; но, сверхъ того, они снабжаютъ весь край деревянными подѣлками, приготовляя въ большомъ количествѣ ложки, баки, корыта, вилы, лопаты, ободья, ступицы; шьютъ тюбетейки, пояса, дѣлаютъ оловянныя кольца и проч. Женятся они только на женщинахъ своего племени.

П. С. Усовъ.



ОЧЕРКЪ IX.

ПАМИРЪ И АЛАЙ.

Географическое положеніе Памира и Алая.—Краткій очеркъ путешествій въ этой области.—Характеристика Памира и раздѣленіе его.—Естественныя произведенія Памира.—Населеніе его.—Долина Мукъ-су и ледники его.—Долина Алая.—Алайскій и Заалайскій хребты.—Долина Матки или верхняго Зеравшана и ея ледники.—Восхожденіе автора на Зеравшанскій ледникъ.—Заключеніе.

Аллахъ-ли тамъ, среди пустыни,
Застывшихъ волнъ воздвигъ твердыни,
Притоны ангеламъ своимъ,
Иль Дивы словомъ роковымъ,
Стѣной умѣли тамъ высоко
Громады скалъ нагромоздить...

ЛЕРМОНТОВЪ.

Ущелье на рѣкѣ Чиле въ Алайскомъ хребтѣ.

Средняя Азія представляетъ высокій интересъ не только въ физико-географическомъ, но и въ историческомъ отношеніи, потому что здѣсь начало исторической жизни всѣхъ народовъ. Но, не смотря на это, болѣе точное знакомство съ нею началось только въ новѣйшее время, благодаря многочисленнымъ путешественникамъ и трудамъ оріенталистовъ.

Подъ именемъ центральной Азіи понимаютъ нагорное пространство между Тибетомъ на югѣ, Алтаемъ—на сѣверѣ, Арало-Каспійскою низменностью—на западѣ и верховьями Желтой рѣки (Хуанъ-Хо) и горами Хинъ-Ганъ—на востокѣ. Эта часть азіятскаго материка отличается высокими снѣжными хребтами, обширными, нерѣдко пустынными плато и громадными рѣчными бассейнами, совершенно континентальными, неимѣющими сообщенія съ открытымъ моремъ. Такимъ образомъ, уже по самому характеру природы, площадь эта вполнѣ заслуживаетъ названіе центральной Азіи. Если же разсматривать ее въ связи съ примыкающими къ ней колоссальными хребтами Гималая, Каракарума, Гиндукуша, то ее можно назвать еще болѣе общимъ терминомъ: Внутренней или Средней Азіей.

Почти въ центрѣ Средней Азіи находится прославленная область истоковъ Аму-Дарьи: *Памиръ и Алай.* «Здѣсь, — говоритъ Генри Юль, — если вѣрны нѣкоторыя толкованія, на-

ходится колыбель рода человѣческаго, о которой повѣствуютъ Моисей и арійскія преданія». Отсюда расходились народы и съ этою же областью связаны имена всѣхъ великихъ завоевателей Азіи.

Памиръ (Бамъ и Дунья), т. е. «крыша міра», какъ показываетъ самое названіе, представляетъ собою высокую нагорную страну (отъ 12 — 16,000 фут.) или собственно цѣлую серію плоскогорій, перемежающихся съ горами, относительно ихъ невысокими. Памиръ лежитъ съ одной стороны между равнинами восточнаго Туркестана и Арало-Каспійской низменности (около 170 миль съ востока на западъ), а съ другой — между Ферганой и Пянджемъ. При такомъ опредѣленіи границъ, Алай входитъ въ составъ Памира, образуя его сѣверную часть. Алай — рай, или Даштъ — степь представляетъ высокую продольную долину между Алайскимъ и Заалайскимъ хребтами. Такимъ образомъ Памиръ съ Алаемъ находятся между 36^{0} 35′ и 40^{0} с. ш., и между 71^{0} 15′ и 75^{0} 36′ в. д. отъ Гринича.

Не смотря на то, что средняя параллель этой области 38^{0} 20′ соотвѣтствуетъ Аѳинамъ и Мессинѣ въ Европѣ, С.-Франциско и Вашингтону въ Америкѣ, — она одна изъ самыхъ суровыхъ по климату и большую часть года необитаема. Только въ продолженіе трехъ лѣтнихъ мѣсяцевъ здѣсь кочуютъ Киргизы со своими многочисленными стадами.

Извѣстія о Памирѣ хотя встрѣчаются у самыхъ древнихъ писателей, но они имѣли о немъ довольно смутное представленіе, такъ какъ, при отсутствіи сколько-нибудь точныхъ изслѣдованій, географическія свѣдѣнія о невѣдомыхъ странахъ Востока въ тѣ времена почерпались или путемъ военныхъ походовъ, или же, главнымъ образомъ, при посредствѣ торговыхъ сношеній, и вдобавокъ затемнялись самыми невѣроятными вымыслами.

Первыя указанія о Памирѣ, хотя и гадательныя, мы встрѣчаемъ въ индійской поэмѣ «Магабгарата», въ которой говорится о центральной выпуклости Меру, гдѣ берутъ начало всѣ азіятскія рѣки. Затѣмъ Аристотель описываетъ гору Парнасъ, какъ самую высокую, «находящуюся въ странѣ солнечнаго восхода», съ которой текутъ рѣки: Индъ, Бактръ, Шоаспъ и др., такъ что подъ этимъ Парнасомъ можно съ нѣкоторою вѣроятностью подразумѣвать Памиръ. Прямыя и болѣе точныя свѣдѣнія, какъ справедливо замѣчаетъ Страбонъ, стали получаться только вслѣдствіе походовъ Александра Македонскаго, открывшаго большой торговый путь въ Индію чрезъ извѣстный проходъ Баміанъ, которымъ и впослѣдствіи проникали въ Индію всѣ завоеватели до Надиръ-Шаха включительно. Также благодаря Александру Македонскому, основавшему Греко-Бактрійское царство, сталъ играть большую роль Оксусъ; по долинѣ его, кромѣ Индіи, проложенъ былъ путь къ Имаусу и въ страну Casio Regio (нынѣшній Кашгаръ), которая была центромъ тогдашняго торговаго движенія. Этотъ путь изъ Бактріи проходилъ по самой срединѣ Азіи черезъ Памиръ и Ташкурганъ и былъ единственнымъ въ сношеніяхъ Европы съ крайнимъ Востокомъ. Первое описаніе его оставилъ македонскій купецъ Maes Titianus; дальнѣйшія подробности, въ связи съ орографіей и гидрографіей Памира, а также и о долинѣ Оксуса сообщаютъ намъ: Птоломей, Плиній и др. По Плинію, рѣка Оксусъ выходитъ изъ озера того же имени и впадаетъ въ Каспій; но неизвѣстно, была ли она судоходна. Птоломей, кромѣ Оксуса и Памира, говоритъ еще о хребтѣ Имаусъ (Цунъ-Линь Китайцевъ, позднѣйшій Болоръ) и вытекающей изъ него рѣкѣ Oechardes (Таримъ); онъ даже составилъ карту этой мѣстности. Такимъ образомъ, Птоломей лучше зналъ восточный Туркестанъ, включая и Памиръ, чѣмъ европейскіе географы первой половины прошлаго столѣтія. О населеніи этихъ странъ древніе писатели сообщаютъ намъ не многимъ больше того, что можно почерпнуть изъ индійскихъ поэмъ «Рамаяна» и «Магабгарата», то есть очень мало.

Впослѣдствіи произошло полное измѣненіе въ политической жизни внутренней Азіи, вслѣдствіе наплыва варварскихъ полчищъ съ Алтая, особенно Юе-Чжи (Бѣлыхъ Гунновъ), которые, двинувшись на западъ, угрожали Бактріанѣ и Индіи; они оказали неодолимое препятствіе дви-

женію по Оксусу, которое окончательно падаетъ и переходитъ на Яксартъ (Сыръ-Дарью); въ богатой Ферганѣ осѣли Монголы, а затѣмъ Турки; они сосредоточили у себя всю политическую и торговую дѣятельность Востока. Такимъ образомъ жизненный центръ перемѣстился къ сѣверу; торговая дорога въ продолженіе среднихъ вѣковъ пролегала отъ Волги и Урала по Яксарту въ сердце Монголіи, древнюю столицу великихъ хановъ, Каракарумъ. Съ другой стороны, перемѣщенію торговаго пути и паденію Бактріаны способствовало усиленіе Арабовъ, которые въ Самаркандѣ и Бухарѣ образовали центръ ислама. Яксартъ въ свою очередь становится такимъ же популярнымъ, какъ въ древности Оксусъ; по Яксарту проходятъ всѣ завоеватели и путешественники отъ XI до XV в., о которыхъ сообщаютъ намъ арабскіе писатели: Эдризи, Массуди, Абульфеда и др. Оксусъ настолько забывается, что о немъ почти не упоминаютъ лѣтописи среднихъ вѣковъ. Въ это время онъ посѣщался только немногими путешественниками, преимущественно буддійскими миссіонерами, а изъ Европейцевъ — только Марко-Поло.

Между тѣмъ позднѣйшіе географы и комментаторы пути по Яксарту и Нарыну (верховье Сыръ-Дарьи), отождествляя его съ древнимъ путемъ по Оксусу, произвели этимъ немалую путаницу, тѣмъ болѣе, что пріурочивали къ болѣе сѣверной мѣстности Птоломеевъ Vallis Comedarum (Памиръ), Turris Lapidea (Сариколь) и пр. По мнѣнію нѣкоторыхъ ученыхъ, путаницѣ этой могла также способствовать невѣрность Птоломеевой карты, гдѣ всѣ широты показаны сѣвернѣе, чѣмъ слѣдовало. Однако эти же географы и комментаторы избѣгли-бы подобнаго заблужденія, если-бы они знакомы были съ работами буддійскихъ миссіонеровъ и внимательнѣе изучали Марко Поло, этого Геродота среднихъ вѣковъ.

Путешествія буддійскихъ миссіонеровъ по Средней Азіи вызваны были введеніемъ буддизма въ Китаѣ и начинаются съ первыхъ вѣковъ. Они дали намъ много драгоцѣнныхъ свѣдѣній и сдѣлались извѣстны только благодаря трудамъ позднѣйшихъ оріенталистовъ.

По словамъ Гумбольдта, «они первые дѣйствительно узнали и описали Среднюю Азію». Такъ напр. Фа-Хянь и особенно Хой-Хынь и Сонь-Юнь; послѣдній (518) между прочимъ весьма опредѣлительно описываетъ величественное плато около Цунь-Линя (Имаусъ древнихъ), которое, по его словамъ, «лежитъ посрединѣ между небомъ и землею, и гдѣ жители всегда орошаютъ поля». Но всѣ эти миссіонеры далеко уступаютъ знаменитому Хюянь-Цзань (628—645), который до сихъ поръ почитается Китайцами, какъ святой. Свѣдѣнія о немъ можно найти въ двухъ книгахъ: въ біографіи, написанной его учениками, и въ его собственныхъ запискахъ. Обѣ книги изданы въ Парижѣ знаменитымъ французскимъ синологомъ Станиславомъ Жюльеномъ (Histoire de la vie de Hiouen-Thsang etc. 1855. и Mémoires sur les contrées occidentales etc. 1857—1858). (Біографія переведена на русскій языкъ Классовскимъ). Цѣлью его путешествія было изученіе буддизма въ самомъ источникѣ его, прославленномъ чудесами Шакьямуни, — въ Индіи. Для насъ важенъ собственно его обратный путь, когда онъ возвращался въ отечество послѣ 15-лѣтняго странствованія и прошелъ изъ Бадакшана сѣвернымъ Памиромъ, или Па-ми-ло, какъ онъ его называетъ и размѣры котораго опредѣляетъ довольно вѣрно, Хюянь-Цзань описываетъ также нѣкоторыхъ животныхъ, птицъ, говоритъ о рѣкахъ, озерахъ, какъ оз. Лунча или оз. Драконовъ, а самый Памиръ характеризуетъ слѣдующимъ образомъ: «Па-ми-ло тянется между двухъ цѣпей горъ, покрытыхъ снѣгомъ. Постоянно господствуютъ здѣсь холодные туманы. Снѣгъ не перестаетъ выпадать въ теченіе цѣлой весны; перепадаетъ и лѣтомъ. Вѣтры бушуютъ днемъ и ночью. Почва пропитана солью. Растительность такъ туга, что лишь на большихъ одно отъ другаго разстояніяхъ попадается трава или дерево. Вступивъ въ этотъ пустырь, не увидишь уже человѣческаго жилища»...

Съ Памира Хюянь-Цзань дошелъ до Сариколя, про который говоритъ, что «горы тянутся въ немъ непрерывными цѣпями; долины и плоскія пространства весьма узки; лѣсная растительность не густа; цвѣты и плоды рѣдки, но овощи произрастаютъ обильно, населенія

мало, жители грубы, книжнымъ дѣломъ занимаются немногіе, характера суроваго и горячаго, смѣлы и мужественны.... откровенны, усердно чтутъ законъ Будды и три драгоцѣнности: самого Будду, его ученіе и духовенство, проповѣдывающее это ученіе....»

Судя по многимъ даннымъ, можно думать, что Хюянь-Цзань проходилъ тѣ-же мѣста, которыя въ 1838 году посѣтилъ англичанинъ Вудъ.

Что касается арабскихъ изслѣдователей, то хотя они и были поставлены въ лучшія условія для изученія этихъ странъ, чѣмъ буддійскіе миссіонеры, но почему-то совершенно игнорировали Памиръ или сообщали о немъ однѣ сказки. Такимъ образомъ у арабскихъ историковъ и географовъ мы находимъ только жалкія свѣдѣнія о географіи Памира и тѣмъ болѣе объ этнографіи его; вмѣсто того чтобы способствовать знакомству съ этой страной, почти всѣ арабскія извѣстія по темнотѣ своей сами нуждаются въ подробныхъ комментаріяхъ. Только Эдризи, разобранный Юлемъ, сообщаетъ кое-что о горахъ Ботмъ, лежащихъ къ сѣверу отъ Памира, «покрытыхъ лѣсомъ и богатыхъ золотомъ, нашатыремъ» и пр., также упоминаетъ онъ о «горящихъ горахъ» (которыя собственно находятся въ ущельѣ Фанъ въ долинѣ Зеравшана).

Изъ Европейцевъ въ средніе вѣка прошелъ Памиръ единственный путешественникъ, а именно венеціянскій дворянинъ Марко Поло (1272—1273), съ которымъ никто не можетъ сравниться даже въ позднѣйшія времена. Онъ прошелъ Азію отъ Кавказа и Арменіи до Тихаго океана. Его разсказъ о своемъ путешествіи былъ до того непонятенъ для современниковъ и настолько казался преувеличеннымъ, что передъ смертью Марко Поло друзья уговаривали его для успокоенія своей совѣсти отказаться отъ нѣкоторой части своего разсказа; на что Марко Поло отвѣтилъ съ досадой, что онъ «не только ничего не прибавилъ, но не передалъ и половины видѣнныхъ имъ необыкновенныхъ вещей». Однако книга впослѣдствіи обратила на себя общее вниманіе и во всѣ времена находила многочисленныхъ комментаторовъ; по словамъ извѣстнаго знатока Китая, г. Скачкова, «едва ли можно указать хотя на одно сочиненіе среднихъ вѣковъ описательнаго характера, которое-бы претерпѣло столько изданій какъ книга Марко Поло». Всего было 56 изданій на всевозможныхъ европейскихъ языкахъ; въ 1873 году появился и русскій переводъ. Къ сожалѣнію, комментаторы, издававшіе Марко Поло, часто совершенно не понимали его и, извращая его путь, подрывали къ нему довѣріе. Это происходило отчасти отъ малаго знакомства самихъ комментаторовъ съ Азіей, а отчасти отъ того, что въ сочиненіи Марко Поло трудно отличить, что онъ самъ видѣлъ и что узнавалъ изъ разсказовъ другихъ лицъ. Между тѣмъ, чтобы хорошо понять и комментировать этого величайшаго путешественника всѣхъ вѣковъ, нужно быть хорошимъ знатокомъ Азіи, какимъ явился французъ Потье, который первый до извѣстной степени возстановилъ и объяснилъ разсказъ Марка Поло. Въ настоящее время поклонники послѣдняго дошли до того, что ставятъ его наравнѣ съ Александромъ Македонскимъ и Христофоромъ Колумбомъ на томъ основаніи, что онъ первый принесъ въ Европу правдивые разсказы объ Азіи.

Что касается Памира, то Марко Поло вышелъ на него изъ Бадакшана и направился къ сѣверо-востоку до Вахана, гдѣ на пути видѣлъ много замковъ и жилищъ и гдѣ жители магометане «горды, учтивы, храбры и искусны въ охотѣ».... «Отъ Вахана,—говоритъ онъ,—въ трехъ дняхъ пути по тому-же направленію, поднимались мы съ горы на гору до такой выси, которая считается самою высокою въ мірѣ». Здѣсь видѣлъ онъ между двумя грядами горъ большое озеро съ вытекающей изъ него прекрасной рѣкой, по равнинѣ которой находятся такія превосходныя пастбища, что «самый тощій скотъ жирѣетъ въ десять дней». Въ этой же равнинѣ, по словамъ Марко Поло, встрѣчается множество разныхъ звѣрей, въ особенности дикихъ барановъ необыкновенной величины, съ громадными рогами, изъ которыхъ дѣлаютъ посуду и изгороди отъ волковъ. «Двѣнадцать дней,—продолжаетъ онъ,—тянется дорога вдоль высокой долины, называемой Памеръ (Pianura di Pamer), и на всемъ этомъ про-

странствѣ нѣтъ ни одного жилища. Всѣ жизненные припасы нужно везти съ собою. Ни одна птица не залетаетъ сюда по причинѣ большой высоты и холода; даже огонь не такъ грѣетъ, какъ въ другихъ мѣстахъ, и менѣе варитъ жизненные припасы». Отсюда Марко Поло прошелъ въ Кашгаръ черезъ дикую и пустынную страну «Белоръ»; но какою долиною онъ спустился и что такое Белоръ — до сихъ поръ не выяснено.

Сравнивая описанія Памира Марко Поло и Хюянь-Цзаня, мы находимъ въ нихъ сходство, хотя путь Марко Поло гораздо сѣвернѣе, такъ какъ онъ прошелъ черезъ Шугнанъ и центръ Памира, а Хюянь-Цзань черезъ верховье Оксуса и Сариколь. Оба эти пути дополняютъ другъ друга, а сходство описаній доказываетъ, что Памиръ въ этихъ частяхъ своихъ обладаетъ болѣе или менѣе одинаковымъ характеромъ.

Со времени Марко Поло, т. е. съ XIII-го вѣка и до начала XIX-го въ изслѣдованіи Памира замѣчается полное затишье, которое объясняется совершавшимися въ это время событіями, поглотившими вниманіе всего цивилизованнаго міра. Опустошительные набѣги Тамерлана и завоеваніе Константинополя Турками съ одной стороны, съ другой — открытіе Васко-де-Гама морскаго пути въ Индію, обширныя кругосвѣтныя плаванія, открытіе новыхъ земель и развитіе морской торговли способствовали тому, что далекая Азія была забыта со своими первобытными караванными путями; ее только изрѣдка посѣщаютъ путешественники съ религіозною цѣлью, но уже не буддійскіе, а европейскіе миссіонеры — іезуиты. Изъ нихъ только одинъ патеръ Бенедиктъ Гоэсъ (1603), направляясь въ Китай, прошелъ изъ Кабула черезъ Бадакшанъ, Памиръ и Сариколь въ Яркендъ. Къ сожалѣнію, онъ умеръ, не издавъ полнаго описанія своего любопытнаго путешествія. Судя по нѣкоторымъ даннымъ, можно думать, что онъ прошелъ Памиръ по дорогѣ, лежащей между путями Хюянь-Цзаня и Марко Поло.

Въ началѣ нынѣшняго столѣтія (1812 г.) Индіецъ Миръ-Иззетъ-Уллахъ, по порученію извѣстнаго англійскаго путешественника Муркрофта, прошелъ изъ Тибета въ Кабулъ черезъ Кашгаръ, Кокандъ и Бухару. Такимъ образомъ онъ первый совершилъ вполнѣ научное путешествіе кругомъ Памира; по словамъ лорда Странгфорда, только на основаніи свѣдѣній, добытыхъ этимъ Индійцемъ, и могла быть составлена карта Муркрофта. Съ почина Муркрофта около этого времени является цѣлый рядъ путешественниковъ по Азіи: Эльфинстонъ, Борнсъ, Ферье и др., начинается усиленная разработка и переводы китайскихъ источниковъ, издаются классическія работы Гумбольдта, Ханыкова, автобіографія знаменитаго султана Бабера въ переводѣ Эрскина и пр. Здѣсь кстати замѣтимъ, что дневникъ полковника Гардинера и два документа Георга-Людвига фонъ.... (имя выскоблено въ оригиналѣ), отысканные Венюковымъ въ архивѣ русскаго военнаго министерства и до того считавшіяся подлинными, въ настоящее время признаны подложными. Но все это касается главнымъ образомъ другихъ частей Азіи и не имѣетъ прямаго отношенія къ Памиру; только одинъ изъ спутниковъ Борнса, англичанинъ Вудъ, проникъ въ самое сердце Памира и оставилъ образцовое путешествіе, которое составляетъ эпоху въ изслѣдованіи этой страны. Лучшее изданіе книги Вуда сдѣлано въ Лондонѣ Юлемъ подъ заглавіемъ: «A Journal to the source of the river Oxus by Captain John Wood etc.» Къ сожалѣнію, Вудъ, затрудняясь найти издателя, долженъ былъ, по словамъ Юля, значительно сократить свой разсказъ, чтобы не выйти изъ предѣловъ одного тома. Онъ вышелъ изъ Кабула, изслѣдовалъ четыре перевала Гинду-Куша и первый сообщилъ намъ точныя свѣдѣнія объ этомъ хребтѣ (Индійскомъ Кавказѣ древнихъ). Затѣмъ отъ Кундуза до Бадакшана онъ шелъ дорогою Марко Поло и съ восхищеніемъ подтверждаетъ правдивость разсказа венеціянскаго дворянина. Вудъ впервые осмотрѣлъ въ Джермѣ знаменитыя копи лазуреваго камня (Lapis Lazuri) и извѣстныя на всемъ Востокѣ рубиновыя копи Гарана; онъ первый изъ Европейцевъ прослѣдилъ Оксусъ до одного изъ его главныхъ источниковъ, изъ озера Сариколь, которое онъ назвалъ «Викторія» въ честь англійской королевы. Озеро это, по новѣйшимъ сообщеніямъ г. Сѣверцова, извѣстно у памирскихъ Киргизовъ подъ именемъ

Куль-Калянъ. Высоту озера онъ опредѣлилъ въ 15,000 ф. Болѣе точныя позднѣйшія опредѣленія даютъ высоту этого озера въ 13,900 ф., а прилежащихъ къ нему горъ въ 19,000 ф. Въ необыкновенно восторженномъ тонѣ онъ описываетъ Памиръ, какъ вмѣстилище Оксуса, имѣющаго свою жизнь, свой культъ, легенды и традиціи.

Вудъ, хотя не совсѣмъ точно, но довольно вѣрно опредѣлилъ орографическій характеръ Памира, назвавъ его «возвышенной массой, соединяющей Индію, Китай и Туркестанъ, отъ которой, какъ отъ общаго центра, направляется большая часть рѣкъ, орошающихъ Среднюю Азію». «Памиръ,—говоритъ онъ,—вмѣстѣ съ тѣмъ и главный фокусъ, изъ котораго выходятъ мощные хребты Центральной Азіи» (стр. 235). Съ Памира Вудъ возвратился черезъ Ваханъ въ Кундузъ, изучилъ среднее теченіе Оксуса и вторично изслѣдовалъ Гиндукушъ. Изслѣдованія Вуда до позднѣйшаго времени, т. е. до 60-хъ годовъ нынѣшняго столѣтія, представляли собою единственный источникъ, откуда почерпались свѣдѣнія о Памирѣ. Между тѣмъ Вудъ въ свое время испыталъ ту-же участь, что и Марко Поло: книга его вначалѣ была одинаково непопулярна; многіе предпочитали разсказы невѣжественныхъ туземцевъ его научнымъ изслѣдованіямъ.

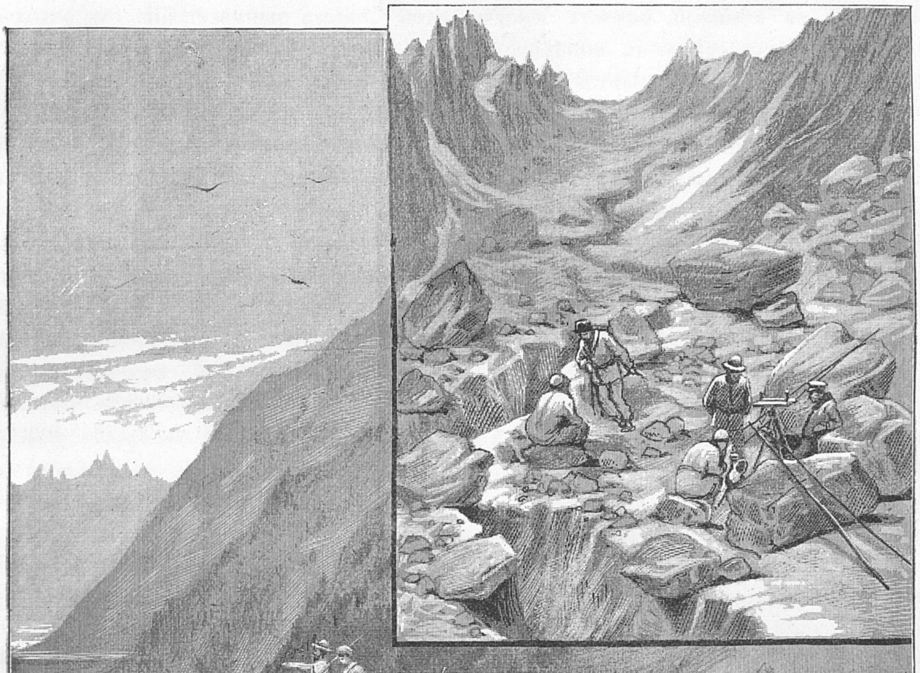
Послѣ Вуда, въ теченіе почти тридцати лѣтъ, на Памиръ не проникалъ ни одинъ европейскій путешественникъ, что отчасти объясняется тѣмъ возбужденіемъ противъ Европейцевъ, которое было слѣдствіемъ англо-авганской войны 40-хъ годовъ.

Съ 60-хъ годовъ замѣчается усиленное стремленіе къ болѣе точному изслѣдованію Памира, какъ со стороны Англичанъ съ юга, такъ и со стороны Русскихъ съ сѣвера.

Въ первое время Англичане не могли сами проникнуть на Памиръ, потому что мелкіе ханы Бадакшана, Вахана и пр. всѣми силами старались не допустить «варваровъ запада» въ свои владѣнія. Вслѣдствіе этого Англичане принуждены были посылать вмѣсто себя съ караванами образованныхъ туземцевъ, которые, не возбуждая подозрѣній, могли бы собирать свѣдѣнія о Памирѣ. Между этими туземцами, или, какъ ихъ называютъ, «пандитами», особенно полезными оказались тѣ, которыхъ подготовлялъ въ топографіи маіоръ Монгомери, прославившійся своими съемками на сѣверѣ Индіи. Такъ напр. Абдулъ-Меджидъ (1860—61) прошелъ съ юга на сѣверъ крайне своеобразнымъ путемъ изъ Бадакшана въ Кокандъ; его показанія отчасти дополняютъ Вуда. Изъ остальныхъ пандитовъ наиболѣе замѣчательны: Мирза (1868—70), который открылъ Памиръ-Хурдъ и опредѣлилъ 14 астрономическихъ пунктовъ на Памирѣ; Фаизъ-Бахшъ (1870), Магометъ-Аминъ, проводникъ несчастнаго Шлагинтвейта, убитаго въ Кашгарѣ, и, наконецъ, Хавилдаръ. Разсказы пандитовъ, изданные Англичанами, во многомъ разъяснили верховье Оксуса и подтвердили наблюденія прежнихъ путешественниковъ о безжизненности и пустынности Памира.

За пандитами слѣдуетъ цѣлый рядъ англійскихъ путешественниковъ, которые старались пройти на Памиръ съ юга и востока, какъ напримѣръ: Шау, Хендерсонъ, Хеуордъ и участники Форсайтовой экспедиціи: Биддульфъ, Гордонъ, Троттеръ, Столичка и др., — что было несравненно легче, потому что они пользовались содѣйствіемъ тогдашняго кашгарскаго правителя Якубъ-бека. Хотя двое изъ этихъ путешественниковъ сдѣлались жертвою своей любознательности (Хеуордъ и Шлагинтвейтъ), а инымъ и вовсе не удалось достигнуть Памира, тѣмъ не менѣе собранныя ими свѣдѣнія не лишены живаго интереса. Наибольшее значеніе собственно имѣетъ знаменитая экспедиція Форсайта 1873—1874 г.г., которою пока оканчиваются вполнѣ научныя изслѣдованія Англичанъ на Памирѣ. Она была составлена изъ самыхъ разнообразныхъ спеціалистовъ и собрала громадный матеріалъ о Восточномъ Туркестанѣ, а нѣкоторые изъ ея участниковъ (Биддульфъ, Гордонъ, Троттеръ и Столичка) осмотрѣли всю верхнюю область Оксуса. Мы не станемъ распространяться здѣсь о результатахъ этой экспедиціи относительно Памира и воспользуемся ими при общемъ описаніи этой страны.

Почти одновременно съ пандитами и англійскими путешественниками стали посѣ-



Восхожденіе экспедиціи И. В. Мушкетова на Зеравшанскій ледникъ
(первый привалъ на нижнемъ концѣ ледника 12-го августа 1880 г.)
Спускъ экспедиціи съ ледника Зардаля, составляющаго продолженіе Зеравшанскаго
(ночлегъ среди трещинъ ледника съ 14 на 15 августа 1880 г.).

щать Памиръ и русскіе изслѣдователи, такъ какъ, вслѣдствіе поступательнаго движенія нашихъ завоеваній въ Азіи, явилась возможность изученія Памира съ сѣвера. Еще въ 60-хъ годахъ, рано погибшій Валихановъ, сынъ киргизскаго султана, состоявшій на русской службѣ и превосходно знавшій туземные языки, подъ видомъ туземца проникъ въ Кашгаръ; онъ хотя и собралъ кое-какія свѣдѣнія о Памирѣ, но, къ сожалѣнію, не успѣлъ издать ихъ. Въ 1870-мъ году большая экспедиція А. К. Абрамова, при участіи извѣстнаго нашего путешественника Федченко, изслѣдовала долину Зеравшана, ея ледники и озеро Искандеръ-Куль. Въ слѣдующемъ году уже самъ Федченко съ своей женой первый изслѣдовалъ Фергану, Алайскій хребетъ, изучилъ Алай и открылъ Заалайскій хребетъ съ его грандіозными пиками, достигающими 22,000 ф. Такимъ образомъ Федченко, на весьма скромныя средства, сравнительно съ Форсайтовой экспедиціей, достигъ не менѣе важныхъ результатовъ въ изученіи Памира; къ сожалѣнію, преждевременная смерть помѣшала ему изложить ихъ со всею подробностью. Въ 1875 году экспедиція Маева изучила Гиссаръ; затѣмъ Костенко, участвовавшій въ военной экспедиціи генерала Скобелева 1876 года, въ первый разъ изслѣдовалъ оз. Каракуль и прошелъ весь Памиръ-Хоргоши (Заячій Памиръ). Въ 1877—78 г., по иниціативѣ генералъ-губернатора Кауфмана, еще бóльшее путешествіе совершено Сѣверцовымъ; въ эти-же два года геологическое строеніе сѣвернаго Памира и Алая было подробно изучено мною. Мои изслѣдованія къ югу простирались не далѣе озера Большаго Каракуля; но къ востоку я дошелъ до озера Чатыръ-Куля, гдѣ мнѣ удалось связать свои изслѣдованія съ геологическими наблюденіями Столичка. Сѣверцовъ прошелъ еще дальше къ югу; онъ проникъ на Памиръ-Аличуръ и Заресъ и, не дойдя только 40—50 верстъ до оз. Викторіи, принужденъ былъ возвратиться. Изъ его пока еще краткихъ сообщеній видно, что полученные имъ результаты представляютъ весьма большой интересъ, такъ какъ, кромѣ орографіи, разъясняютъ естественно-историческій характеръ Памира. Наконецъ, въ самое послѣднее время изслѣдованіемъ Памира занимались Ошанинъ, Смирновъ и Регель. Такимъ образомъ, много вѣковъ спустя, Памиръ, игравшій нѣкогда такую важную роль въ исторіи человѣчества, опять получаетъ значеніе. Теперь интересъ къ нему увеличивается положительно съ каждымъ годомъ, такъ какъ здѣсь сходятся политическія и научныя стремленія двухъ націй—Россіи и Англіи, или, говоря словами одного англійскаго публициста, «Славяне и Англосаксонцы, эти представители двухъ главныхъ вѣтвей арійской расы, сходятся на томъ же мѣстѣ, откуда они расходились въ отдаленную эпоху перваго переселенія народовъ».

Не смотря на совмѣстныя усилія Русскихъ и Англичанъ, изученіе Памира шло весьма неравномѣрно, и до сихъ поръ онъ подробнѣе изслѣдованъ въ своихъ сѣверныхъ и южныхъ окраинахъ, чѣмъ въ срединѣ. Тѣмъ не менѣе на основаніи имѣющихся свѣдѣній, а отчасти и моихъ личныхъ наблюденій, я постараюсь представить общій очеркъ Памира, не вдаваясь въ научныя подробности.

Всѣ путешественники, проходившіе Памиръ, характеризуютъ его какъ высокое, пустынное плоскогорье, отъ котораго, какъ отъ центра, расходятся величайшія рѣки и хребты Центральной Азіи. Рельефнѣе всего этотъ взглядъ выраженъ у Вуда, но такое опредѣленіе не вполнѣ точно, такъ какъ подъ Памиромъ нужно разумѣть цѣлую серію нагорныхъ долинъ, болѣе или менѣе однородныхъ по своему характеру, раздѣленныхъ хребтами, возвышающимися собственно надъ этими долинами не болѣе 4,000 фут. Такимъ образомъ, названіе Памиръ, гдѣ фантазія туземцевъ помѣщаетъ крышу міра—«Бамъ-и-Дунья», можно разсматривать какъ общій географическій терминъ, означающій всякое высокое и обширное, но запущенное и одичавшее мѣсто, подобно тому, какъ въ Тянъ-Шанѣ называется Сыртомъ всякая нагорная долина. Справедливость этого подтверждается тѣмъ, что слышалъ Гордонъ отъ самихъ туземцевъ у озера Викторіи. «Въ прежнее время, — объясняли они,—когда здѣшняя страна была обитаема Киргизами, какъ показываютъ развалины ихъ деревень, она вовсе не называлась

Памиромъ, какъ теперь, а носила различныя названія по деревнямъ. Только опустѣвъ это мѣсто стало Памиромъ...» (стр. 35). Такихъ Памировъ Юль насчитываетъ семь (Тагъ-Думъ-Башъ-Памиръ, Килянъ-Памиръ, Хурдъ-Памиръ, Аличуръ-Памиръ, Заресъ-Памиръ, Рангъ-Куль-Памиръ и Хоргоши-Памиръ). Вообще, насколько намъ извѣстно строеніе нагорной Азіи, Памиръ, повидимому, представляетъ собою область, гдѣ сходятся и отчасти пересѣкаются двѣ громадныя системы хребтовъ Азіи: Тянъ-Шань и Гималай, чѣмъ объясняется двойственный характеръ хребтовъ, который наблюдается на всей Памирской выси: одни имѣютъ сѣверо-восточное направленіе, характерное для Тянъ-Шаня, другіе — сѣверо-западное, Гималайское. Перваго рода хребты рельефно выражаются въ сѣверныхъ предѣлахъ Памира, вторые — на югѣ; точно также и всѣ большія нагорныя долины имѣютъ двоякое направленіе. Согласно такому понятію о Памирѣ, мы будемъ называть всю эту область Памирскою высью, а отдѣльныя долины—Памирами съ прибавленіемъ частныхъ названій, какъ Памиръ-Хурдъ, Памиръ-Хоргоши и пр.

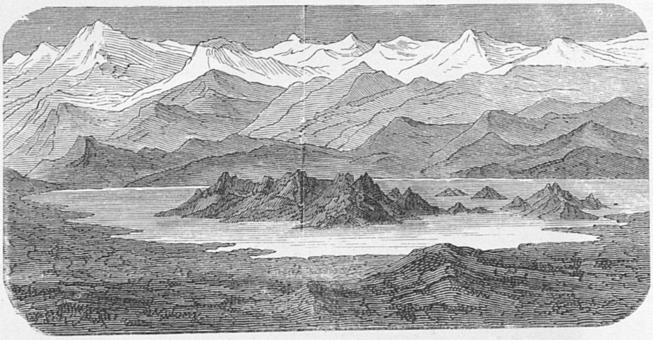
Могила храбрыхъ Киргизовъ близъ озера Кара-Куль, на Памирѣ-Хоргоши.

Памирская высь почти со всѣхъ сторонъ ограничена массивными хребтами, отдѣльные пики которыхъ доходятъ до 25,000 ф. и болѣе. Восточная окраина ея съ громаднымъ пикомъ Тагарма или Мустагъ-ата представляетъ цѣлый лабиринтъ колоссальныхъ вершинъ, которыя не составляютъ собственно опредѣленнаго хребта, а такъ сказать—массивное нагроможденіе горъ, гдѣ древніе помѣщали Имаусъ, Китайцы—Цунь-Линь, а новѣйшіе изслѣдователи — Болоръ и затѣмъ Кизилъ-Артъ. Горы эти даже нельзя назвать водораздѣломъ, такъ какъ онѣ пересѣкаются памирскими рѣками — Яманъ-Яръ и Сариколь, принадлежащими къ системѣ р. Тарима, единственнаго источника питанія Восточнаго Туркестана. Своими пологими западными склонами онѣ постепенно сливаются съ Памирскою высью, тогда какъ противоположные склоны, обращенные къ Восточному Туркестану, круты, обрывисты съ фантастическими скалами и глубокими ущельями, по которымъ несутся быстрые горные потоки. Къ юго-востоку эта горная масса соединяется съ горами Кандаръ, составляющими юго-восточную окраину Памирской выси, соотвѣтствующую 74-му меридіану, т. е. мѣсту соединенія Гинду-Куша съ Мустагомъ. Южная окраина сливается съ отрогами Гинду-Куша, которые, продолжаясь внутрь страны, образуютъ между собою нѣсколько нагорныхъ обширныхъ долинъ или собственно Памировъ, какъ напр. Тагъ-Думъ-Башъ-Памиръ, Килянъ-Памиръ и пр. Западную границу составляютъ горы Ходжа-Магометъ, соединяющіяся съ Гинду-Кушемъ подъ 72° в. д. и отдѣляющія Памиръ отъ Бадакшана. Эта западная окраина вообще далеко уступаетъ восточной по высотѣ. Къ сѣверу эти горы прорѣзываются рѣкою Аму-Дарьей и еще сѣвернѣе, значительно расширяясь, соединяются съ высокими и мощными хребтами Каратегина и Гиссара, между которыми первое мѣсто по величинѣ занимаетъ хребетъ Петра I-го, открытый В. Ф. Ошанинымъ. Каратегинъ представляетъ собою какъ-бы горный узелъ, гдѣ сталкиваются четыре массивныхъ хребта: Алайскій и Заалайскій, Петра 1-го и Гиссарскій; изъ нихъ Алайскій составляетъ сѣверную границу Памирской выси, если долину Алая причислять къ Памирамъ.

Отъ Заалайскаго хребта, почти на меридіанѣ западнаго конца озера Каракуль отдѣляется массивная гряда горъ, извѣстная подъ названіемъ Низа-Таша или Найза-Ташъ. Она идетъ почти посреди Памирской выси къ юго-востоку и вмѣстѣ съ тѣмъ значительно понижается: съ 18,000 ф. у Каракуля до 15,000 ф. на перевалѣ Низа-Ташъ, которымъ проходилъ Гордонъ. Начиная отъ этого перевала, горы Низа-Ташъ поворачиваютъ къ юго-западу и соединяются съ Гинду-

Кушемъ. Такимъ образомъ этотъ хребетъ, раздѣляя Памирскую высь на двѣ части, составляетъ настоящій водораздѣлъ между величайшими бассейнами Азіи: Тарима и Аму-Дарьи. Этотъ водораздѣлъ обусловливаетъ направленіе главныхъ истоковъ Аму-Дарьи и двоякій характеръ Памирскихъ долинъ. Въ восточной—меньшей части, долины, направляясь къ NO или O, имѣютъ вначалѣ характеръ высокаго плоскогорія, а по мѣрѣ приближенія къ восточной границѣ становятся глубже и превращаются въ скалистыя, едва проходимыя тѣснины. Долины западной — большей части направляются почти съ востока на западъ и имѣютъ такой же характеръ плато въ своихъ верхнихъ частяхъ, съ тою разницею, что онѣ понижаются и съуживаются въ ущелья по направленію къ западу. Восточныя долины служатъ ложемъ истоковъ Тарима, а западныя — истоковъ Аму-Дарьи.

Такимъ образомъ мы видимъ, что вся Памирская высь въ обѣихъ частяхъ своихъ, какъ восточной, такъ и западной, представляетъ, какъ мы уже говорили, далеко не однородное плоскогоріе, а цѣлую серію высокихъ платообразныхъ долинъ или собственно Памировъ, раздѣленныхъ относительно ихъ невысокими хребтами.


Видъ озера Кара-Куль или Драконова съ сѣвера (на Памирѣ-Хоргоши).

Этотъ характеръ поверхности еще рѣзче выразится для насъ, если мы подробнѣе разсмотримъ орографію Памирской выси. Въ восточной ея части залегаетъ высокая травянистая долина Тагъ-Думъ-Башъ-Памиръ, самый крайній изъ Памировъ на юго-востокѣ. Черезъ нее, съ одной стороны, идутъ дороги на перевалы Мустага, съ другой, постепенно склоняясь, она достигаетъ города Ташкургана, гдѣ получаетъ названіе Сариколя; отсюда, пройдя еще верстъ двадцать къ сѣверо-востоку, круто поворачиваетъ на востокъ, съуживается въ едва проходимую тѣснину и, подъ новымъ названіемъ Чарлинга, сливается съ Яркендъ-Дарьей, однимъ изъ главныхъ притоковъ Тарима. Такимъ образомъ долина Тагъ-Думъ-Башъ-Памиръ (около 120 верстъ длины и около 4 верстъ ширины, близъ г. Ташкургана) называется различно въ разныхъ частяхъ своихъ, сообразно названію омывающей его рѣки. Вмѣстѣ съ перемѣной названій, измѣняется отчасти и самый характеръ долины; это видно изъ того, что въ нижней своей части она представляетъ тѣснину; въ средней части, Сариколѣ, гдѣ высота достигаетъ 10,230 ф., встрѣчается осѣдлое населеніе, а на Тагъ-Думъ-Башъ-Памирѣ только Киргизы, подданные Кашгара, пасутъ свои стада и имѣютъ тутъ лѣтнее мѣстопребываніе.

Къ сѣверу отъ Сариколя лежитъ прекрасная открытая площадь Тагарма, хорошо орошенная и обильно покрытая не только пастбищами, но кустарникомъ и зарослями ивы со множествомъ горячихъ ключей. На ней кромѣ Сарикольцевъ, ея коренныхъ обитателей, кочуютъ и Киргизы. Мѣстами она возвышается до 14,000 ф., а на сѣверномъ концѣ ея лежитъ котловина озера Малый Каракуль (Черное озеро), окруженная короткими, сравнительно невысокими, горными грядами. Изъ оз. М. Каракуль выходитъ другой притокъ Тарима — рѣка Яманъ-Яръ. Между озеромъ Малый Каракуль и хребтомъ Низа-Ташъ разстилается мало-извѣстная намъ пустынная равнина, называемая Кизилъ-Артъ, съ озеромъ Ріангъ-Куль (Козлиное озеро).

Что касается западной, большей части Памирской выси, то здѣсь мы встрѣчаемъ цѣлый рядъ обширныхъ долинъ. Слѣдуя дугообразному изогнутію хребта Низа-Ташъ, у его западнаго подножія протекаетъ рѣка Акъ-Ташъ, которая выходитъ изъ озера Ой-Куль или Гасъ-Куль (Гусиное озеро), лежащее почти на срединѣ Хурдъ-Памира или Малаго Памира, на высотѣ

13,200 ф. Небольшой плоскій увалъ отдѣляетъ его отъ другаго истока, наз. Сархэдъ, который направляется къ западу, т. е. противоположно Акъ-Ташу, и составляетъ южный рукавъ рѣки Пянджа; эти два противоположные истока и даютъ начало Аму-Дарьѣ.

Долина Акъ-Таша направляется съ Хурдъ-Памира на сѣверъ и служитъ какъ бы его продолженіемъ; въ средней своей части она называется Аксу, а въ нижней, до соединенія съ Пянджемъ,—Мурхабомъ. Какъ долина Акъ-Таша, такъ и Хурдъ-Памиръ имѣютъ болѣе или менѣе одинаковый характеръ. Это большая травянистая площадь съ прекрасными пастбищами, но почти съ полнымъ отсутствіемъ деревьевъ, кромѣ колючихъ кустиковъ, аналогичныхъ тибетскимъ (лавенда, по Гордону), которые здѣсь растутъ въ изобиліи и составляютъ единственное топливо. Длина Хурдъ-Памира около 87 верстъ. Надъ нимъ съ юга

Долина Акъ-Таша.

возвышаются громадные пики Гинду-Куша, достигающіе 22,000 ф. высоты, покрытые массивными снѣгами и нерѣдко ледниками, особенно у западнаго конца озера Ой-Куля.

Къ сѣверу отъ Хурдъ-Памира идетъ широкая цѣпь округленныхъ вершинъ, мѣстами до 19,000 ф. высотою, отдѣляющая его отъ Килянъ-Памира или Большаго Памира, среди котораго находится знаменитое озеро Викторія, открытое Вудомъ и прежде ошибочно называвшееся Сариколь, такъ какъ у памирскихъ Киргизовъ оно извѣстно подъ именемъ Куль-Калянъ. Озеро это лежитъ на высотѣ 13,900 ф.; въ длину оно имѣетъ 15 верстъ съ востока на западъ, въ ширину $4^1/_2$ вер. Южный берегъ ровный и постепенно поднимается къ горамъ, а сѣверный крутой и обрывистый. На берегахъ замѣтны слѣды того, что уровень озера значительно понизился противъ прежняго. Килянъ-Памиръ также покрытъ многочисленными кустиками лавенда и превосходными пастбищами; здѣсь англійскіе путешественники видѣли снѣжныхъ фазановъ, зайцевъ и изобиліе дикихъ птицъ. Прежде на Килянъ-Памирѣ повидимому кочевали Киргизы и имѣли зимовки у его западной окраины; но теперь онъ совершенно оставленъ вслѣдствіе хищничества работорговцевъ. Килянъ-Памиръ омывается рѣкою, выходящею изъ

озера Викторія; рѣка эта, направляясь на западъ, соединяется у города Кила-Пянджа съ вышеупомянутою р. Сархэдъ и составляетъ многоводную рѣку Пянджъ, которая у города Кила-Вамара круто поворачиваетъ съ сѣвера на западъ и, сливаясь съ р. Сурхабомъ или Алайскою Кизилъ-Су, образуетъ знаменитый Оксусъ.

Сѣвернѣе описанныхъ Памировъ находится еще Алихуръ или Аличоръ-Памиръ, который мы знаемъ только по отрывочнымъ разсказамъ туземцевъ. Онъ тянется параллельно Килянъ-Памиру, также съуживается къ западу и отдѣленъ отъ Килянъ-Памира широкою степью Даштъ-и-Хоргоши. На немъ находятся два озера: одно изъ нихъ Тузъ или Сасыкъ-Куль (Соленое или Гнилое озеро), изъ котораго вытекаетъ рѣка, проходящая черезъ другое озеро—Тешиль-Куль (Зеленое озеро) и впадающая въ Мурхабъ. Въ настоящее время эти мѣстности подробно изслѣдованы Н. А. Сѣверцовымъ, но, къ сожалѣнію, мы еще не можемъ воспользоваться его результатами, такъ какъ они не опубликованы. Про это послѣднее озеро у Киргизовъ существуетъ легендарный разсказъ, что вблизи его часто слышится плачъ народа и ревъ животныхъ. Разсказъ этотъ основанъ на томъ преданіи, что когда Китайцы, въ прошломъ столѣтіи, завоевали Восточный Туркестанъ, то масса Кашгарцевъ, спасаясь отъ китайской рѣзни, уходили со своими правителями въ Бадакшанъ; будучи настигнуты Китайцами вблизи Тешиль-Куля, они загнали въ озеро своихъ женъ и дѣтей, вмѣстѣ съ верблюдами и лошадьми, предпочитая для нихъ смерть взятію въ плѣнъ.

Аличоръ-Памиръ повидимому выше Килянъ-Памира, хотя меньше его и также доступенъ со всѣхъ сторонъ.

Западнѣе Аличоръ-Памира находится, извѣстный только по разсказамъ, восьмой Памиръ-Багруманъ, составляющій, повидимому, его продолженіе, хотя онъ значительно ниже, такъ какъ въ долинахъ омывающихъ его рѣкъ: Гундъ и Шахдара находится осѣдлое населеніе.

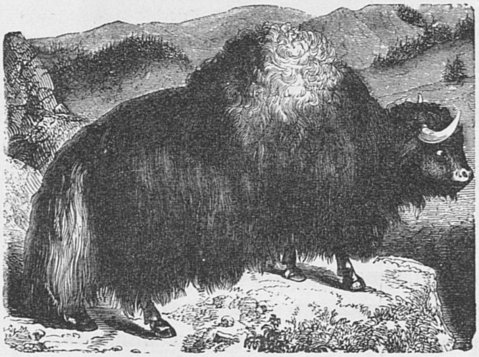
Что касается Заресъ-Памира, то онъ сливается съ долиною Мурхаба и составляетъ какъ-бы сѣверную часть долины Акъ-Таша.

Такимъ образомъ мы видимъ, что перечисленные нами Памиры (кромѣ Тагъ-Думъ-Башъ-Памира), равно какъ и Алай даютъ начало Оксусу и служатъ ложемъ истоковъ Аму-Дарьи, между которыми самые главные: Пянджъ, Мурхабъ (Акъ-Ташъ, Аксу) и Сурхабъ (Кизилъ-Су на Алаѣ).

Всѣ эти истоки берутъ начало въ Памирскихъ озерахъ и изливаются къ западу. Подобную же роль игралъ нѣкогда и самый сѣверный изъ Памировъ, Памиръ-Хоргоши (Заячій Памиръ), при посредствѣ своего знаменитаго озера Большой Каракуль, извѣстнаго еще въ древности подъ именемъ Драконова озера (Лунчи, по Марко Поло). Хотя въ настоящее время оно представляетъ совершенно замкнутый бассейнъ, но нѣкогда, а именно въ то время, когда уровень его былъ значительно выше современнаго, оно также имѣло истоки, которые долго служили предметомъ споровъ. Въ послѣднее время, благодаря многочисленнымъ изслѣдованіямъ Каракуля, не только въ орографическомъ, но и въ геологическомъ отношеніяхъ, доказано, что истоки Каракуля направлялись въ двѣ противоположныя стороны: къ западу и востоку; согласно же сообщеніямъ новѣйшихъ путешественниковъ, кажется, что наибольшій истокъ изливался къ западу. Оно лежитъ на высотѣ 13,200 фут. и вытянуто по направленію съ юга на сѣверъ. Длина его около 40 верстъ, ширина около 20 верстъ. На немъ находится нѣсколько гранитныхъ островова и полуостровов. Оно окружено, особенно съ юга, громадными хребтами, достигающими 20,000 ф. высоты. Вершины ихъ покрыты массою снѣга; состоятъ онѣ главнымъ образомъ изъ гранитовъ и метаморфическихъ сланцевъ, мѣстами прорванныхъ эпидотовыми діоритами и покрытыхъ красноцвѣтными породами тріасовой формаціи. Берега заняты мощными диллювіальными конгломератами, песками и глиною, на поверхности которыхъ часто замѣчаются налеты соли.

Что же касается общей характеристики Памирской выси, то здѣсь какъ горы, такъ и до-

лины въ большинствѣ случаевъ обнажены, и попадается только низкій, колючій кустарникъ; луга, какъ мы видѣли, встрѣчаются спорадически, небольшими полосами, по теченію ручьевъ и рѣкъ. Однимъ изъ интереснѣйшихъ результатовъ путешествія Н. А. Сѣверцова по Памиру представляется то, что памирская флора состоитъ изъ представителей самыхъ разнообразныхъ странъ, даже такихъ, которыя отстоятъ отъ него на сотни и тысячи верстъ. Напримѣръ, тамъ находятся растенія, свойственныя Финляндіи, окрестностямъ С.-Петербурга и пр. По характеру растительности, Памирская высь представляетъ собою совершенную степь, но только степь поднятую на 13—14,000 ф. высоты надъ уровнемъ моря. Долины служатъ ложемъ многимъ рѣкамъ, текущимъ въ Аму-Дарью, нерѣдко съ озеромъ въ верховьяхъ. Нѣкоторыя изъ озеръ, впрочемъ, представляютъ совершенно замкнутые бассейны, другія уже высохли, и вмѣсто нихъ образовались солончаки. Лѣтомъ около этихъ озеръ жизнь просыпается въ полномъ блескѣ, такъ какъ они служатъ мѣстомъ сбора различныхъ птицъ и звѣрей. Появляются громадные орлы-стервятники, коршуны, вороны и множество мелкихъ птицъ, а изъ звѣрей — знаменитые архары со своими громадными завитыми рогами, о которыхъ съ удивленіемъ повѣствуетъ Марко Поло. Долгое время существованіе ихъ считалось вымысломъ, наконецъ русскіе ученые подтвердили слова знаменитаго путешественника и въ честь его назвали это животное Ovis Polii. По Сѣверцову, это животное не горныхъ хребтовъ, а высокихъ холмистыхъ площадей, гдѣ растутъ альпійскіе представители степной растительности (кипецъ, полынь, солянки и пр.); въ горахъ оно только укрывается и то избѣгаетъ большихъ скалъ. Оно живетъ на высотѣ отъ 10—15,000 фут., а по Вуду — и на 16,000 фут.; держится въ этихъ предѣлахъ лѣтомъ и зимою. Вѣситъ оно около 17 пудовъ; одни рога около 2-хъ пуд. Рога его очень упруги, такъ что ихъ не пробиваетъ пуля. Убить архара довольно трудно. Сѣверцовъ приводитъ случай, гдѣ архаръ былъ убитъ послѣ 6 выстрѣловъ изъ винтовокъ, и только шестая пуля въ сердце положила его на мѣстѣ. Разсказываютъ, что, соскакивая со скалъ, онъ бросается на рога, но это вѣроятно выдумка, обусловленная тѣмъ, что во время прыжковъ онъ дѣлаетъ различныя наклоненія головы, какъ бы уравновѣшивая свое тяжелое тѣло. Сѣверцовъ, дѣлая различныя сравненія между дикими баранами Тянъ-Шаня, приходитъ къ тому выводу, что животное тѣмъ рослѣе и рогатѣе, чѣмъ на большей высотѣ живетъ оно. Здѣсь также встрѣчаются горные козлы «рангъ», дающіе превосходный пухъ. Сюда же, собственно въ южную часть Памирской выси заходятъ: лисицы, волки, медвѣди, сурокъ, заяцъ и пр. Но самое любопытное изъ здѣшнихъ животныхъ—это быкъ-якъ. Хотя Фаизъ-Бахшъ и другіе упоминаютъ о дикомъ якѣ, но мнѣ приходилось видѣть только ручныхъ, которые вмѣстѣ съ лошадьми и верблюдами составляютъ неразлучныхъ спутниковъ памирскихъ кочевниковъ, какъ это было и во времена Бабера. Это великолѣпное животное, дѣйствительно, поражаетъ своею громадностью и своеобразною красотою. Длина его до 11 ф., высота до 6 ф.; вѣситъ оно до 40 пудовъ. Цвѣтъ его чаще темно-коричневый, но бываетъ и сѣроватый съ просѣдью; низъ тѣла, подобно хвосту, покрытъ длинными черными волосами; рога молодыхъ самцовъ красивѣе, а у старыхъ загнуты внутрь. Самки меньше и еще неуклюжѣе. Дикій якъ, по словамъ Пржевальскаго, живетъ на обширныхъ плато до 13—15,000 ф. высотою, и при этомъ въ самыхъ непріятныхъ, пустынныхъ и холодныхъ мѣстахъ. У древнихъ онъ былъ извѣстенъ подъ именемъ «поэфагусъ». Какъ ни удалялся этотъ длинношерстый быкъ отъ безпощаднаго человѣка, но все-таки попалъ ему въ руки; не смотря на свою дикость, неуклюжесть и лѣнь,



Якъ.

онъ сталъ покорнымъ слугой кочевника, хотя родной братъ его свободно гуляетъ въ Монголіи на высотахъ Гань-Су и Тибета. Сила его громадна, но умственныя способности довольно слабы. Забавно смотрѣть на это огромное и неуклюжее животное, когда оно, не измѣняя выраженія своей свирѣпо-глупой физіономіи, принимается играть и прыгать. Это всегда заставляетъ хохотать даже привычныхъ къ нему Киргизовъ.

Благодаря тому, что памирскія долины обладаютъ значительной высотой и раздѣляющіе ихъ хребты возвышаются надъ долинами не болѣе 3—4,000 ф., а также и тому, что, повидимому, въ составъ ихъ, главнымъ образомъ, входятъ породы метаморфическія и разрушенные граниты, прикрытые мѣстами осадками мезозойскихъ системъ, — перевалы хотя высоки, но легко проходимы, безъ глубокихъ ущелій и не круты, какъ Низа-Ташъ, Узъ-Бель, о которыхъ мы имѣемъ свидѣтельство Гордона, Тротера и Костенко. Этому помогаетъ и огромная высота снѣжной линіи, которая поднимается до 16,000 ф., почему и возможно существованіе такихъ высокихъ озеръ, какъ Викторія — 13,900 ф., Каракуль — 13,200 и т. п. Такимъ образомъ, по свидѣтельству путешественниковъ, дороги по Памиру вообще очень удобны, а Биддульфъ указываетъ даже на возможность движенія здѣсь артиллеріи. Туземцы также заявляли Гордону, что съ хорошимъ проводникомъ можно легко пройти Памиръ по всѣмъ направленіямъ.

Однако, не смотря на удобство дорогъ, жизнь на Памирѣ весьма затрудняется его пустынностью и суровостью климата. Лѣтомъ дни жарки; на высотѣ 15,000 фут. я, во время своего путешествія, оставался въ одной блузѣ; но ночи холодныя; и уже въ началѣ августа утренники доходятъ до—5°—7° Ц. Въ концѣ апрѣля на Килянъ-Памирѣ лежалъ еще снѣгъ и озеро Викторія оставалось замерзшимъ. Зимой снѣгъ выпадаетъ очень обильно и держится долго; при этомъ сильный вѣтеръ положительно захватываетъ дыханіе, и мы съ трудомъ выносили его при экскурсіи на Б. Каракуль. Вѣтры бываютъ здѣсь весьма часто и направленіе ихъ, довольно правильное, обусловливается конфигураціей горъ. Они всегда дуютъ вдоль долинъ, періодически измѣняясь; раскаленный воздухъ долины разрѣжается, поднимается кверху и мѣсто его замѣщается притокомъ воздуха извнѣ. Этотъ притокъ, слѣдовательно, бываетъ только въ жаркіе дни; въ холодное время направленіе вѣтра обратное. Еще Вудъ упоминаетъ объ изнурительномъ вѣтрѣ въ Пянджѣ, дующемъ вдоль долинъ. Кромѣ того, здѣсь бываютъ такіе страшные холода, что «даже въ апрѣлѣ — говоритъ Гордонъ — сильная мятель сопровождала насъ ежедневно, а вѣтеръ бывалъ такъ силенъ и холоденъ, что у насъ на лицахъ были отмороженныя части, а глаза были воспалены отъ вѣтра и снѣга». Не даромъ говорятъ, что здѣсь только два времени года: лѣто и зима, изъ которыхъ первое продолжается 3 мѣсяца, а послѣднее 9 мѣсяцевъ... Но и лѣтомъ жизнь здѣсь едва возможна, такъ какъ разрѣженная атмосфера сильно затрудняетъ дыханіе; при малѣйшемъ подъемѣ на гору люди и животныя требуютъ частыхъ остановокъ отъ отдышки. Члены Форсайтовой экспедиціи указываютъ, что трудность дыханія особенно чувствуется на высотѣ около 16,000 ф., хотя по ихъ же словамъ сопровождавшій ихъ дворецкій постоянно заболѣвалъ отъ головокруженія, когда высота достигала 12,000 ф., а одинъ изъ Ваханцевъ даже умеръ отъ разрыва сердца. По отзыву одного изъ членовъ Алайской экспедиціи, хотя и можно привыкнуть къ разрѣженной атмосферѣ, но они почувствовали значительное облегченіе, лишь когда спустились на Алай; казалось, будто тяжесть свалилась съ плечъ; дыханіе стало ровнѣе и организмъ сдѣлался бодрѣе. Киргизы въ этомъ случаѣ лечатся чеснокомъ, а Фаизъ-Бахшъ совѣтуетъ во время сна класть голову фута на 2 выше тѣла, такъ какъ иначе можно умереть отъ апоплексіи. Въ моей экспедиціи особенно страдалъ одинъ полнокровный казакъ, котораго намъ пришлось тащить какъ вьюкъ при переѣздѣ черезъ перевалъ Кара-Казыкъ (14,500 ф.); при этомъ всѣ мы чувствовали, разумѣется, въ различной степени, головокруженіе и головную боль, даже когда спустились гораздо ниже. Вообще же страдаютъ больше люди полнокровные и употребляющіе спиртные напитки. Я всегда спасался кумысомъ и сахаромъ, что облегчало мнѣ восхожденіе даже на очень высокія горы.

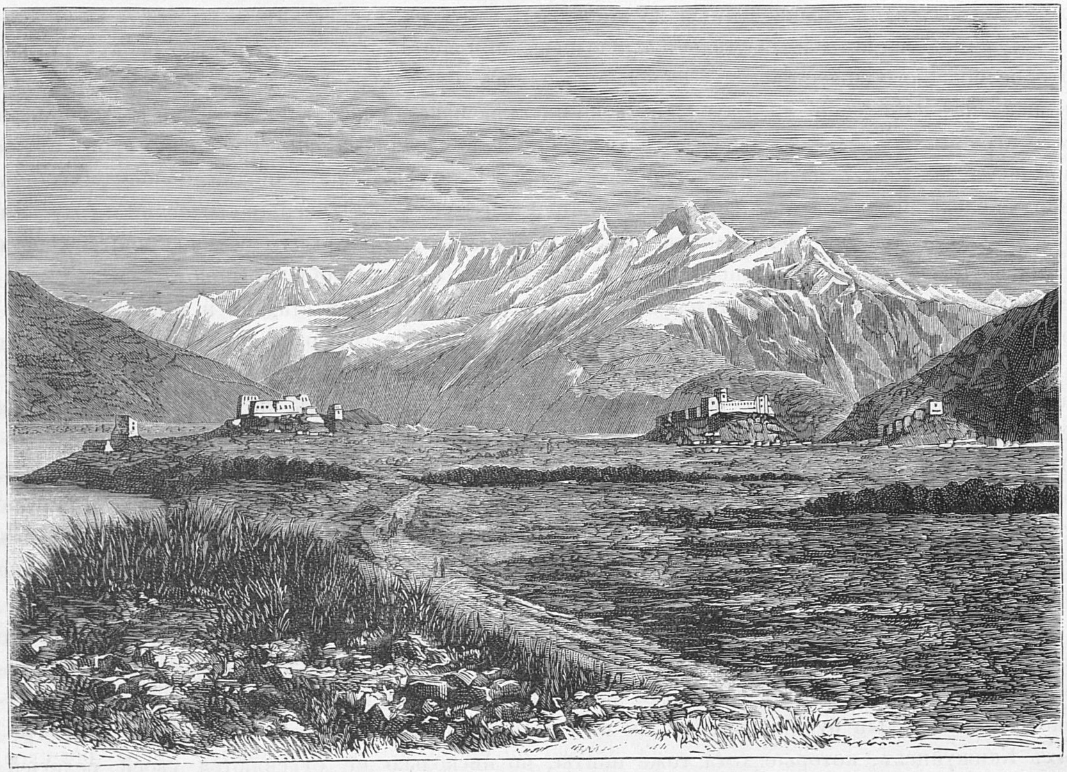
Хотя, конечно, нельзя вполнѣ отвергать вліяніе разрѣженной атмосферы, но едва-ли она можетъ быть причиной малой населенности Памира; тутъ, какъ думаетъ Юль, всего болѣе дѣйствуетъ скудость кормовъ для скота, пустынность страны и стужа. На Памирѣ кочуютъ номады, приходящіе сюда изъ Кашгарскихъ, Шугнанскихъ, Каратегинскихъ и другихъ владѣній; они исключительно занимаются скотоводствомъ. Въ южной части существуютъ и осѣдлыя поселенія, о которыхъ сообщаетъ Гордонъ.

Однако, не смотря на пустынность Памирской выси, на склонахъ или окраинахъ ея помѣстилось нѣсколько отдѣльныхъ владѣній: на востокѣ Сариколь, на западномъ склонѣ провинціи: Ваханъ, Шигнанъ, Рошанъ и Дарвазъ. Еще Хюань-Цзань указываетъ на важное значеніе этихъ маленькихъ ханствъ въ смыслѣ облегченія сношеній съ крайнимъ Востокомъ.

Сариколь занимаетъ восточный склонъ Памирской выси и представляетъ плодородную долину съ хорошими пастбищами и пашнями. Орошающія его рѣки стекаютъ въ Яркендъ, который уходитъ черезъ пески въ Таримъ. Сариколь былъ извѣстенъ еще древнимъ, которые вполнѣ понимали его значеніе; можно думать, что въ будущемъ, по мѣрѣ увеличенія сношеній Запада съ Восточнымъ Туркестаномъ, ему суждено играть весьма видную роль. Значеніе слова Сариколь было долго предметомъ споровъ между различными изслѣдователями. Нѣкоторые производили его отъ тюркскаго «сирикъ» желтый и «коль» долина, но Хассанъ-шахъ объяснялъ Гордону, что Сариколь есть испорченное персидское слово «сиръ-и-кохъ», то есть голова горъ. Это объясненіе тѣмъ болѣе вѣроятно, что Сарикольцы, всѣ говорящіе по-персидски, могли, при первомъ своемъ переселеніи, дать это названіе мѣсту по его высокому положенію, такъ какъ высота Сариколя доходитъ до 10,250 ф. Сарикольская долина простирается на 12 верстъ къ сѣверу отъ Ташъ-Кургана; средняя ширина ея около $4^1/_2$ вер. Нижняя часть долины богата отличными пастбищами, а въ верхней преобладаетъ земледѣліе; къ сѣверо-востоку встрѣчаются даже рощи березы, ивы и древовиднаго можевельника, особенно у Кокъ-Маніана. Къ востоку долина превращается въ едва проходимую тѣснину, съ крутыми, нерѣдко отвѣсными скалами, до 2,000 ф. высоты, состоящими изъ гранита и сіенита. Жители (магометане шіиты) представляютъ собою смѣсь самыхъ различныхъ народностей Бадакшана, Вахана, Шигнана, Индустана и Туркестана; ихъ языкъ представляетъ смѣсь языковъ всѣхъ этихъ народовъ. При этомъ персидскій языкъ у Сарикольцевъ, какъ у всѣхъ народностей Памира, такъ же употребителенъ, какъ въ Европѣ французскій. До позднѣйшаго времени Сариколь подвергался частымъ разореніямъ и успокоился только подъ твердымъ управленіемъ Якубъ-бека; но по смерти его начались прежнія смуты. Деревни здѣсь вообще бѣдны, построены самымъ первобытнымъ образомъ изъ камня и глины; между ними много запустѣвшихъ. Столица Сариколя Ташъ-Курганъ, въ которой живетъ правитель страны, мало чѣмъ отличается отъ простой деревни; прежняя столица называлась Варшида; развалины ея находятся по сосѣдству съ Ташъ-Курганомъ. Изъ хлѣбныхъ растеній преимущественно воздѣлывается ячмень, а изъ овощей морковь и рѣпа. Домашнихъ животныхъ составляютъ лошади, волы, овцы, козы, верблюдъ и якъ; изъ дикихъ заслуживаютъ вниманія Ovis Polii, козелъ и птицы. Климатъ здѣсь такой же суровый, какъ и въ остальныхъ Памирахъ; что же касается жителей, то, по словамъ Гордона, и они видимо отличаются отъ Киргизовъ, Узбековъ и другихъ обитатетелей Восточнаго Туркестана, имѣя правильныя черты лица и густую бороду. Ихъ способъ привѣтствія состоитъ въ поднятіи руки ко лбу... Для верхней одежды употребляются овчины съ покрышкою изъ грубаго сукна, также какъ, напр., въ Ваханѣ и, вообще, въ окрестныхъ странахъ. Овчинные ичиги, родъ сапогъ безъ каблуковъ, съ крѣпкой кожаной подошвой, бумажный или шерстяной кушакъ, овчинная шапка, иногда обернутая кускомъ бумажной матеріи наподобіе чалмы, довершаютъ обыкновенный нарядъ туземцевъ. Повременамъ грубыя бумажныя одежды замѣняются болѣе роскошными, для которыхъ матеріи получаются изъ Яр-

кенда и окружающихъ его деревень. Для покрышки зданій и для всякихъ построекъ единственнымъ матеріаломъ служитъ тополь, но и плакучія ивы растутъ въ изобиліи по берегамъ ручьевъ и рѣчекъ. Сарикольцы отчасти населяютъ и равнину Тагарма, которая находится въ 4-хъ верстахъ къ NO отъ Сарикольской.

На противоположномъ склонѣ Памирской выси, къ западу отъ Низа-Таша, находится *Ваханъ* съ главнымъ его поселеніемъ Кила-Пянджъ, которое лежитъ на лѣвомъ берегу Оксуса (или Пянджа, какъ его здѣсь называютъ), около 5 верстъ ниже соединенія обоихъ памирскихъ потоковъ. Мѣсто это зовется Кила-Пянджъ отъ 5 укрѣпленій, которыя стоятъ тутъ, но только



Крѣпость Кила-Пянджъ, на верховьяхъ Оксуса, на Памирѣ.

два изъ нихъ могутъ еще назваться крѣпостями и то въ мѣстномъ смыслѣ, а остальныя три находятся на высокихъ склонахъ въ видѣ сторожевыхъ будокъ. Главный фортъ служитъ резиденціей эмира и представляетъ неправильную постройку изъ камня и глины, съ высокими стѣнами и многими башнями, въ родѣ обыкновенныхъ туземныхъ укрѣпленій, какъ напр. крѣпость Дараутъ-Кургана и другія. Рѣка здѣсь во время половодья глубока и ее переѣзжаютъ на паромахъ, поддерживаемыхъ надутыми кожаными мѣшками, какъ это часто практикуется въ Авганистанѣ и другихъ мѣстахъ. Обстановка Ваханцевъ очень грязная и грубая, не исключая и повелителя ихъ, почтеніе къ которому выражается цѣлованіемъ руки. Любопытно, что всѣ владѣтели этихъ мелкихъ земель ведутъ свой родъ или считаютъ себя потомками великаго Искандера (Александра Великаго). Во время пребыванія англійской экспедиціи правителемъ Вахана былъ Фатехъ-Али-ханъ, который пользовался большою популярностью и уваженіемъ народа. Ваханъ всегда находился въ зависимости отъ Бадакшана, которому и платитъ дань верблюдами, лошадьми и пр., такъ какъ денегъ нѣтъ въ странѣ. Число жителей въ послѣднее время очень уменьшилось, хотя и прежде ихъ было не болѣе 1,000 се-

мей, а теперь ихъ всего около 500 семей, т. е. около 3,000 душъ. Ваханцы по наружности похожи на Сарикольцевъ и, также считаютъ себя потомками выходцевъ изъ разныхъ странъ. Они шіиты и, признавая бомбейскаго Агу-хана своимъ духовнымъ главою, посылаютъ ему ежегодно десятую часть всѣхъ своихъ произведеній. То же дѣлаютъ, по словамъ Гордона, и жители Шигнана, Рошана и др., хотя относительно этого многіе сомнѣваются. Дома Ваханцевъ имѣютъ плоскія крыши и строятся изъ камня и глины; ближе къ воротамъ расположены конюшни и загороди для скота, а сама семья занимаетъ одну большую центральную комнату, которая имѣетъ въ срединѣ пола углубленіе для очага; вдоль стѣнъ устроены нары съ отгородками для женщинъ и дѣтей. Словомъ, архитектура и расположеніе дома имѣютъ тотъ-же типъ, какъ обыкновенныя жилища Таджиковъ въ Туркестанѣ.

Мужчины воинственны, смѣлы и выносливы, занимаются охотой и страстно любятъ оружіе, которое обыкновенно составляетъ украшеніе жилищъ. Ружья ихъ фитильныя, какъ у Киргизовъ, съ вилообразными сошками. Ваханскія женщины красивы, не носятъ покрывала и въ домашнемъ быту играютъ болѣе важную роль, чѣмъ женщины въ долинахъ при-тяншанскихъ; онѣ нѣжно сложены и не ходятъ на полевыя работы, которыя справляются мужчинами. Вообще, Ваханцы народъ красивый, съ правильными чертами лица и, нерѣдко, съ прекрасными волосами и голубыми глазами. Одѣваются они почти такъ же, какъ и Сарикольцы. Франты изъ мужчинъ употребляютъ остроконечныя, цвѣтныя авганскія шапки, обвитыя небольшою, обыкновенно бѣлою или синею чалмою. Большинство жителей лѣтомъ переходитъ со своими стадами и табунами на роскошныя долины по окрестнымъ высотамъ; только немногіе остаются въ деревняхъ смотрѣть за огородами и полями, уборка которыхъ производится по возвращеніи съ кочевья. Ихъ домашнія животныя состоятъ изъ овецъ, козъ, коровъ, яковъ и лошадей; послѣднія мелки, но крѣпки и хорошо сложены. Изъ растеній Ваханцы разводятъ: ячмень, бобы, горохъ, отчасти хлопокъ, абрикосы и дыни; изъ деревьевъ встрѣчается только тополь, который, по причинѣ частыхъ вѣтровъ, растетъ только въ мѣстахъ затишья; ивнякъ и другіе кустарники находятся въ изобиліи на песчаныхъ берегахъ рѣкъ. Минеральныхъ продуктовъ здѣсь никакихъ нѣтъ; дурная соль и желѣзо привозятся изъ Бадакшана, такъ что Англичане встрѣтили большое затрудненіе даже въ ковкѣ лошадей.

Изъ этого видно, до какой степени бѣдны и ничтожны эти землицы, кичащіяся своею самостоятельностью и происхожденіемъ отъ великаго Искандера. Ихъ самостоятельность держится только тѣмъ, что онѣ слишкомъ ничтожны и не могутъ привлекать завоевателей. Однако и у нихъ были бурныя времена, и имъ не мало пришлось потерпѣть, особенно отъ грубыхъ Канжуйцевъ, которые хотя тоже шіиты, но нисколько не стѣсняются своей религіей, пьютъ вино и наслаждаются музыкой и танцами; у всѣхъ сосѣдей они пользуются самой плохой репутаціей и слывутъ за работорговцевъ. Изъ Вахана ведутъ дороги въ Индію черезъ перевалы Борогиль и Даркотъ, гдѣ погибъ Хейуордъ.

Сѣвернѣе Вахана находится другое владѣніе, называемое *Шигнанъ*, которое гораздо больше и многолюднѣе другихъ; оно представляетъ какъ-бы центръ дѣятельности жителей Памирской выси. Въ послѣднее время свѣдѣнія о немъ доставлены пандитомъ, котораго посылалъ Троттеръ. Шигнанъ и лежащій западнѣе его *Рошанъ* управлялись тогда однимъ ханомъ Юсуфъ-Али; у мѣстныхъ жителей они извѣстны подъ общимъ прозвищемъ «зучанъ», т. е. двужизненныхъ, потому что въ этихъ двухъ владѣніяхъ необыкновенно здоровый климатъ и прекрасная вода. По существующему повѣрью, человѣкъ, пользующійся ими, проживаетъ вдвое долѣе. Баръ-Пянджъ, столица Шигнана, содержитъ до 1,500 домовъ, а въ Рошанѣ столица Вошаръ. Мѣсто это любопытно въ томъ отношеніи, что здѣсь Пянджъ соединяется съ Мурхабомъ, послѣ чего направляется къ западу подъ именемъ Бортама, а у Куляба соединяется съ Сурхабомъ, получая названіе Аму-Дарьи. Жители — хорошіе наѣздники; часто вмѣстѣ со своимъ ханомъ охотятся на дикихъ барановъ, козловъ и сайгъ. Ихъ насчитываютъ до 5,000 семействъ;

но, говорятъ, прежде ихъ было больше. Они составляли пограничную стражу, особенно во время владычества Китайцевъ въ Кашгарѣ. Здѣсь же находятся знаменитыя рубиновыя копи и золотыя розсыпи въ мѣстечкѣ Гаранъ. Копи эти описаны еще Вудомъ и слывутъ подъ именемъ Бадакшанскихъ; вмѣстѣ съ знаменитыми копями lapis lazuri на р. Кокша, онѣ славны и въ историческомъ отношеніи. Онѣ разрабатывались по приказанію кабульскаго хана Ширъ-Али; говорятъ, находили рубины величиною съ голубиное яйцо. Повидимому, вмѣстѣ съ рубинами попадаются также корундъ и шпинель (рубинъ-балэ); по крайней мѣрѣ на базарахъ Туркестана мнѣ не разъ попадались бадакшанскіе камни, среди которыхъ можно было различить нѣсколько минеральныхъ видовъ. Борнсъ указываетъ между прочимъ на повѣрье, по которому рубины должны будто-бы попадаться парами, почему иногда большой камень разбиваютъ на два. У туземцевъ безплодные супруги принимаютъ иногда внутрь мелкіе рубины.

Самое названіе мѣстечка Гаранъ по Борнсу значитъ пещеры или копи; по крайней мѣрѣ, таково значеніе этого слова по-персидски. Копи эти разрабатывались также правителями Кундуза, но теперь оставлены: ханы требовали дароваго труда, и потому работники разбѣжались. О нахожденіи бирюзы на Бадакшанѣ нѣтъ никакихъ данныхъ, хотя Костенко и указываетъ на нее, но это врядъ ли справедливо. По разсказамъ Шигнанцевъ, ихъ правители ведутъ свой родъ отъ Сеидъ и Факи Шахи-Кимоша, родомъ Перса, который, 500—700 лѣтъ тому назадъ, пришелъ въ эту страну проповѣдывать коранъ среди населенія, принадлежавшаго къ просвѣщенному и могущественному племени Зердуштіевъ (т. е. древнихъ гвебровъ-огнепоклонниковъ). Въ какія-нибудь 10 лѣтъ, проповѣдь его сдѣлала значительные успѣхи среди народа, и онъ началъ религіозную войну съ Зердуштіями, а еще черезъ 10 лѣтъ онъ обратилъ всю страну въ мусульманство шіитскаго толка.

Такъ воцарились шіиты, а отъ прежнихъ жителей остались только развалины нѣсколькихъ деревень. Рабство здѣсь весьма развито, и, не смотря на запрещеніе кабульскаго эмира, въ широкихъ размѣрахъ процвѣтаетъ ужасная торговля людьми. По свидѣтельству Англичанъ, въ послѣднее время торговля людьми почти прекратилась въ Шигнанѣ и Рошанѣ, хотя врядъ ли это справедливо, такъ какъ ханства эти платили дань Бадакшану рабами, причемъ мужчины и женщины цѣнились одинаково отъ 75—115 рублей или 10 быковъ, 5—8 яковъ, или же 2 киргизскихъ ружья. Миръ-Вали разбилъ у города Зебака работорговый караванъ, въ которомъ были купцы, имѣвшіе по 100 рабовъ. Само собою разумѣется, что подобная торговля людьми служила поводомъ къ постояннымъ смутамъ, разбоямъ, взаимной мести, такъ что Киргизы и Ваханцы не рѣшались кочевать по Большому и Малому Памиру, а купцы могли являться сюда только большими вооруженными партіями. Похищали, такъ сказать, другъ друга; шіиты уводятъ своихъ собратьевъ и продаютъ ихъ сунитамъ, которые на обращеніе въ рабство «проклятыхъ еретиковъ» смотрятъ какъ на похвальное, богоугодное дѣло. На нѣкоторое время здѣсь возстановилось было спокойствіе, благодаря сильной власти Якубъ-бека; но теперь. послѣ его смерти, вѣроятно, все пойдетъ по-старому.

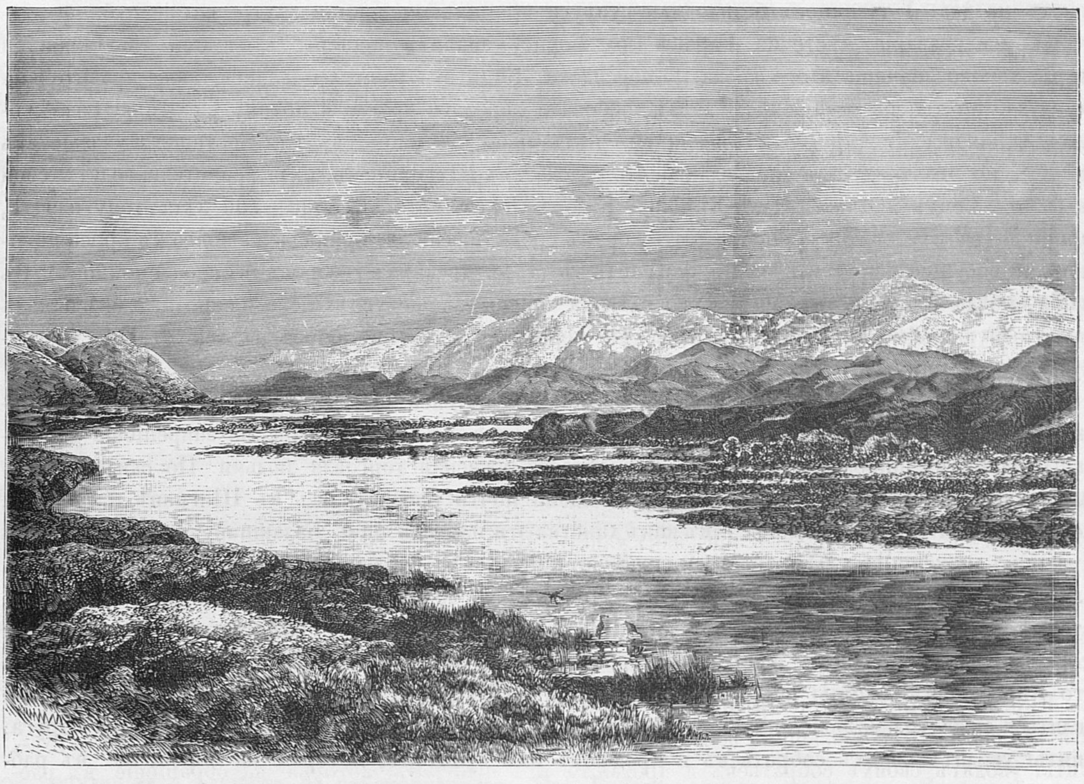
Еще сѣвернѣе лежитъ *Шахдара*, маленькое ханство, которое въ настоящее время входитъ въ составъ Шигнана; но о немъ до сихъ поръ почти ничего неизвѣстно.

Къ западу отъ Памирской выси за хребтомъ Ходжа-Магометъ лежитъ нѣсколько владѣній, игравшихъ нѣкогда важную роль. Здѣсь уже мѣстность значительно понижается; характеръ Памирской пустыни проявляется не такъ рѣзко и она постепенно сливается съ песчаными пустынями Туранской низменности.

По свидѣтельству Хюань-Цзаня, тутъ находится древній Тохаристанъ, который раздѣляется Оксусомъ на двѣ почти равныя части: южная часть—Авганскій Туркестанъ, принадлежитъ Кабулу, а сѣверная— Бухарѣ. Изъ южныхъ провинцій особенно извѣстенъ Бадакшанъ, который изучали всѣ путешественники, проходившіе Памиръ съ запада. Въ этой же области, здоровой по климату и богатой разнообразными естественными произведеніями, рѣка

Оксусъ принимаетъ одинъ изъ своихъ важныхъ притоковъ Сурхабъ или Вахшъ, который беретъ начало на Алаѣ, гдѣ называется Кизилъ-Су (Красная рѣка). Эта рѣка омываетъ сѣверныя владѣнія: Каратегинъ и Гиссаръ, а потому мы теперь перейдемъ къ описанію сѣверной части Памирской выси — *Алая*.

Собственно сѣверо-западная часть Памирской выси, между р. Мурхабъ и оз. Б. Каракуль, до сихъ поръ весьма мало извѣстна; мы знаемъ только изъ разспросныхъ данныхъ Федченко, что мѣстность къ сѣверу отъ Кила-Клумба на Мурхабѣ гориста и трудно-доступна, непосредственныя же изслѣдованія пока проникали только до верховьевъ р. Мукъ-Су, одного изъ лѣвыхъ притоковъ Вахша. Всѣ изслѣдователи проходили на Мукъ-Су съ Алая чрезъ перевалъ Терсъ-



Алай и Заалайскій хребетъ.

Агары, гдѣ эта рѣка составляется изъ трехъ главныхъ потоковъ: Суокъ-су, Каинды и Сель-су; изъ нихъ первые два текутъ въ глубокихъ и узкихъ ущельяхъ съ востока, а послѣдній — съ юга. Долина Мукъ-су противъ Терсъ-Агары представляетъ величественный примѣръ размыва; при сравнительно небольшой ширинѣ, глубина ея до 3,000 ф.; оба склона ея круты, даже обрывисты и прилегаютъ къ высочайшимъ пикамъ, особенно на лѣвой или южной сторонѣ, гдѣ горы, болѣе чѣмъ съ половины видимой высоты, покрыты массивными снѣгами, изъ которыхъ мѣстами вытекаютъ небольшіе ледники. Еще Костенко въ 1876 г., затѣмъ я въ 1877 г. и наконецъ Ошанинъ въ 1878 г., разсматривая эти горы съ перевала Терсъ-Агары, отличали въ нихъ три выдающіяся вершины: Шельбель, Сандаль и Мусъ-Джилга; первая, самая восточная, находится въ углу между Сель-сай и Мукъ-су, вторая въ центрѣ всей группы и третья самая западная; высота ихъ, особенно Сандаля, не менѣе 25,000 ф. Склоны этихъ громадъ покрыты сплошными полосами синеватой осыпи, которыя, вмѣстѣ съ ледяными потоками и

мрачными, зубчатыми сланцевыми вершинами, рѣзко выступающими на бѣломъ фонѣ вѣчныхъ снѣговъ, представляютъ эффектную и величавую картину...

Въ долинѣ Мукъ-су попадаются небольшія травянистыя площадки, называемыя тугаями, съ облѣпихой, таломъ и шиповникомъ; одно изъ такихъ мѣстечекъ носитъ названіе Кутасъ-Кушты, т. е. «якъ былъ зарѣзанъ». Это оригинальное названіе, по словамъ Ошанина, произошло отъ того, что, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, жители провели арыкъ для орошенія небольшихъ клочковъ полей и окончаніе этой общей работы они отпраздновали большимъ пиромъ, для котораго, между прочимъ, зарѣзали яка. Недалеко отъ этого тугая находится Алтынъ-Мазаръ — гробница мусульманскаго святаго Ходжи-Фазильманда, будто бы прямаго потомка халифа Омара.

Долина Мукъ-су, равно какъ и Каинды, славится также золотоносными розсыпями, но, повидимому, богатство ихъ такъ же сомнительно, какъ и Зеравшана. Съ Мукъ-су по направленію къ югу, по разсказамъ туземцевъ, существуютъ двѣ дороги, ведущія къ перевалу Тохта-Корумъ, но добраться до него еще никому не удалось. Моя попытка въ 1877 г. окончилась неудачно вслѣдствіе смутъ, послѣдовавшихъ за смертью кашгарскаго хана Якубъ-бека. Въ 1878 г. В. Ф. Ошанинъ былъ счастливѣе меня; онъ хотя также не дошелъ до Тохта-Корума, но зато изслѣдовалъ часть долины Сель-Сая и открылъ цѣлую группу громадныхъ ледниковъ, которые занимаютъ все южное продолженіе долины Сель-Сая, начиная отъ впаденія въ нее р. Танимаса справа и Баляндъ-Кіака слѣва; эти послѣднія долины представляютъ между собою совершенный контрастъ; Танимасская, также какъ и Сель-Сайская, занята мощнымъ ледникомъ до 2-хъ верстъ ширины; долина Баляндъ-Кіака, напротивъ, значительно расширена и хотя склоны ея круты, а дно каменисто, тѣмъ не менѣе на ней видна трава и даже разбросано нѣсколько небольшихъ тугаевъ, состоящихъ изъ высокоствольныхъ тополей, кустовъ облѣпихи, тала и гребенщика.

Танимасскій ледникъ—около 7—8 верстъ длиною, спускается изъ широкаго цирка со склона пика, носящаго то же имя и поднимающагося прямо къ югу отъ Шельбеля. Ошанинъ насчиталъ на немъ четыре ряда моренъ.

Сель-сайскій ледникъ несравненно длиннѣе Танимасскаго и по величинѣ можетъ быть причисленъ къ величайшимъ ледникамъ Средней Азіи. Г. Ошанинъ хотя не опредѣлилъ точно длину его, но полагаетъ, что онъ не короче 15—20 верстъ, слѣдовательно не уступаетъ Зеравшанскому. Ледникъ этотъ Ошанинъ назвалъ ледникомъ Федченко въ память знаменитаго и перваго русскаго изслѣдователя Алая А. П. Федченко, которому, не смотря на его преждевременную смерть, наука обязана разъясненіемъ многихъ темныхъ вопросовъ въ географіи и естественной исторіи Средней Азіи.

Алай или Даштъ-и-Алай (т. е. степи Алая или «рая») представляетъ въ сущности такую-же нагорную долину, какъ описанные нами Памиры, т. е. расширенную къ востоку и съуживающуюся къ западу до непроходимой тѣснины, какъ ее прекрасно охарактеризовалъ еще Федченко. Долина эта залегаетъ между двумя массивными хребтами: Алайскимъ на сѣверѣ и Заалайскимъ на югѣ. Послѣдній граничитъ съ Памиромъ-Хоргоши и отдѣляетъ отъ него Алай. Ниже устья Кокъ-су (подъ 72° в. д.) Заалайскій хребетъ соединяется съ Алайскимъ въ горномъ узлѣ Карамукъ и достигаетъ 20 — 25,000 ф. высоты. Горы эти, продолжаясь къ западу, заполняютъ Каратегинъ и составляютъ массивный хребетъ Петра I-го, открытый Ошанинымъ; еще далѣе онъ дифференцируется въ нѣсколько отдѣльныхъ грядъ, оканчивающихся въ Бухарскихъ степяхъ. Высокій Заалайскій хребетъ направляется почти на востокъ и состоитъ изъ діорита, преимущественно эпидотоваго, эпидозита, хлоритоваго, актинолитоваго и другихъ метаморфическихъ сланцевъ, прикрытыхъ мощными толщами мезозойскаго краснаго песчаника, содержащаго гипсъ и каменную соль, залежи которой извѣстны и изучены мною въ долинѣ Тузъ-Арасы. На южномъ склонѣ въ составъ его входитъ гранитъ, совершенно аналогичный

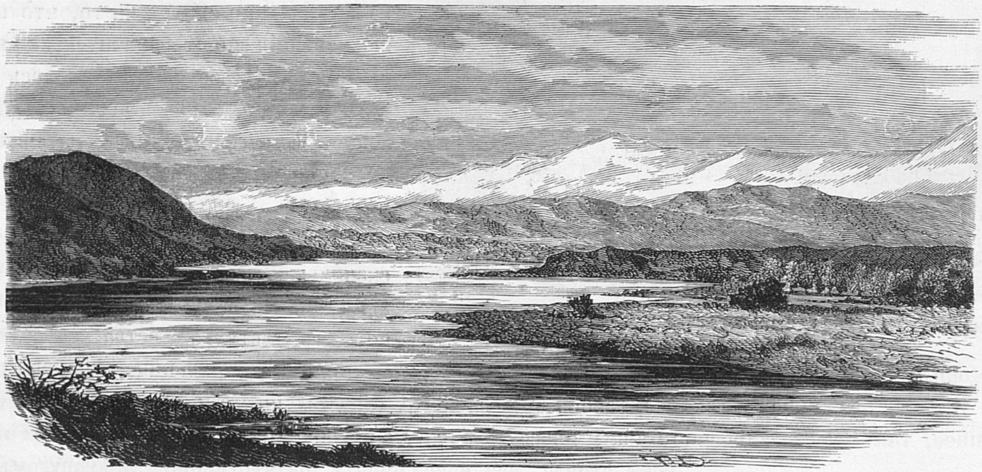
граниту Каракуля. Склоны его здѣсь весьма неравномѣрны: сѣверный, обращенный къ Алаю, болѣе длинный и прорѣзанъ многими ущельями, а южный короткій. Вершины Заалайскаго хребта достигаютъ 20,000 фут., хотя перевалы доступны и удобны, какъ напр. Терсъ-Агаръ и Кизилъ-Артъ, которые я проходилъ безъ всякихъ затрудненій. Масса снѣга еще поразительнѣе, если смотрѣть издали на средину Алая. Между вершинами его особенно выдается своею массивностью пикъ Кауфмана, доходящій до 22,000 ф. Высота снѣговой линіи 15,000, а гребня 18,000 — 19,000 ф. Къ востоку хребетъ значительно понижается и на меридіанѣ Улугчата не достигаетъ уже снѣговой линіи. Составъ его замѣчательно постояненъ.

Алай имѣетъ около 130 — 140 верстъ въ длину (отъ устья Кокъ-су, гдѣ онъ переходитъ въ ущелье, и до перевала Тонъ-Мурунъ) и до 25 — 30 верстъ въ ширину. Высота его въ нижней западной части около 7,000 — 8,000 фут.; къ востоку онъ постепенно возвышается и у перевала Тонъ-Муруна достигаетъ 11,000 — 12,000 ф. Поперечная гряда Тонъ-Мурунъ скорѣе имѣетъ характеръ плато, нежели гряды, и служитъ соединительною связью между Алайскимъ и Заалайскимъ хребтами, а вмѣстѣ съ тѣмъ водораздѣломъ двухъ обширныхъ рѣчныхъ бассейновъ: Алайской Кизилъ-су, принадлежащей къ системѣ Аму-Дарьи, и Кашгарской Кизилъ-су системы Тарима. Словомъ — перевалъ Тонъ-Мурунъ для Алая играетъ такую-же роль, какъ Низа-Ташъ для рѣкъ южной части Памирской выси, т. е. представляетъ собою водораздѣлъ тѣхъ-же рѣчныхъ бассейновъ. Составъ его и характеръ повидимому также аналогичны Низа-Ташу. Здѣсь-же у Тонъ-Муруна, въ массивныхъ снѣгахъ Заалайскаго хребта, берутъ начало главные истоки обѣихъ Кизылъ-су. Вода обѣихъ рѣкъ густо-красная, такъ какъ онѣ протекаютъ по легко-размываемымъ краснымъ рухлякамъ и мергелямъ. Тѣмъ же свойствомъ обладаетъ и вода Мурхаба на Памирской выси, почему можно думать, что и тамъ составъ горъ тотъ-же. Сліяніе ихъ съ притоками мѣстами очень эффектно: напр. Кизилъ-Артъ и Кокъ-су, соединившись, представляютъ двухцвѣтный потокъ на разстояніи нѣсколькихъ сотъ саж. Кизилъ-су называется ниже Сурхабомъ, что также означаетъ «красная рѣка»; только первое названіе тюркское, а второе таджикское. Сурхабомъ рѣка называется по соединеніи ея съ Мукъ-су, которая представляетъ глубокій потокъ, питающійся вышеописанными Сельсуйскими ледниками. Для переправы черезъ Кизилъ-су построенъ мостъ по общепринятому у туземцевъ способу, т. е. на концы выдающихся отъ берега бревенъ положены другія болѣе длинныя, и на нихъ,—настилка изъ почти неотесанныхъ досокъ. Длина его 10 саж., ширина—$1\frac{1}{2}$ саж.

Киргизская зимовка въ урочищѣ Большой-Карамукъ въ Алайскихъ горахъ.

Флора Алая, также какъ и фауна, не имѣютъ никакихъ рѣзкихъ особенностей, сравнительно съ тѣмъ, что мы встрѣчаемъ на сѣверномъ склонѣ Алайскаго хребта и въ долинѣ Зеравшана. Но Алай замѣчателенъ нахожденіемъ чисто-степныхъ формъ растеній и животныхъ, которыя на сѣверномъ склонѣ попадаются гораздо ниже. Степной характеръ Алая особенно рельефно выражается въ растительности, такъ что здѣсь передъ вами какъ-будто степи, только поднятыя на значительную высоту. Животныхъ на Алаѣ не особенно много. Выше 8,000 ф. стада козъ лѣпятся по самымъ ужаснымъ склонамъ и карнизамъ, представляя собою полное подобіе альпійскихъ сернъ. Хищные звѣри, какъ медвѣди, волки и лисицы, составляютъ рѣдкость на Алаѣ; тигровъ совсѣмъ нѣтъ; но сурковъ несмѣтное множество; изъ ихъ шкуръ. Киргизы изготовляютъ шапки на продажу. На большихъ высотахъ птицы попадаются рѣдко; но въ болѣе низкихъ мѣстахъ онѣ въ изобиліи; особенно же много голенастыхъ и водяныхъ. Изъ рыбъ попадается форель, напр. въ Кизилъ-су близъ Дараутъ-Кургана. Рос-

кошные луга привлекаютъ сюда множество Киргизовъ и преимущественно Кара-Киргизовъ. По ихъ словамъ, самая изнуренная лошадь послѣ 2-хъ-недѣльнаго корма на Алаѣ такъ поправляется, что ее и узнать нельзя. Не даромъ они Алай называютъ «раемъ», хотя этотъ рай доступенъ только три — четыре мѣсяца, потому что въ остальное время отъ сентября до мая холодъ и снѣгъ дѣлаютъ его невозможнымъ даже для кочевокъ. Въ августѣ, во время нашего пребыванія, выпалъ такой снѣгъ, что пришлось надѣть шубы; по утрамъ, даже въ срединѣ лѣта, температура доходитъ до 0°. Въ болѣе низкихъ мѣстахъ, какъ въ Кокъ-су, на высотѣ 7,000 — 8,000 ф., а также у Дараутъ-Кургана находятся пашни Киргизовъ. Сѣютъ они люцерну, ячмень и пшеницу; поля искусственно орошаются. Въ этихъ же мѣстахъ имѣютъ они свои зимовки, хотя зимою на Алаѣ остаются весьма немногіе. Въ горахъ топятъ кизякомъ; деревьевъ же почти нѣтъ, если не считать жалкихъ кустовъ можевельника да разбросанныхъ



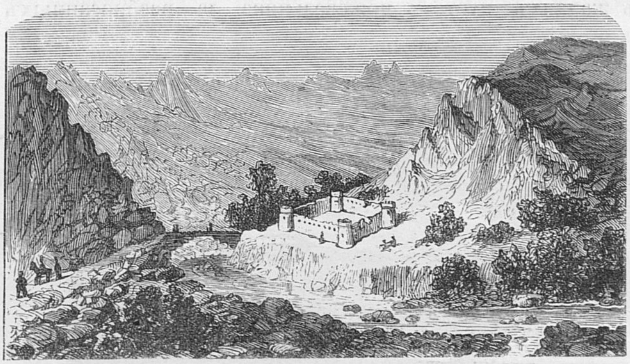
Пикъ Кауфмана.

кое-гдѣ по ущельямъ чахлыхъ березъ, рябинъ и ивъ. На островахъ Кизилъ-су много кустовъ облѣпихи (Hipophaea ramnoides). Всего любопытнѣе и здѣсь растеніе чій (Lasiogrostis splendens), родъ злака, покрывающій нерѣдко большія пространства, напр. у Дараутъ-Кургана. Растетъ онъ отдѣльными почками, изъ которыхъ развиваются тонкіе, длинные стебли, имѣющіе большую важность для Киргизовъ, выдѣлывающихъ изъ нихъ циновки и покрывающихъ ими бока своихъ жилищъ (кибитокъ).

Изъ Ферганы перекочевываютъ на Алай только тѣ Киргизы, которые имѣютъ двугорбыхъ верблюдовъ-аировъ, потому что только одинъ аиръ въ состояніи перевалить горный хребетъ по ужасающимъ тропинкамъ, хотя и онъ сбиваетъ и портитъ свои ноги о камни. Обойтись безъ верблюда рѣшительно невозможно: иначе понадобилось бы для перекочевки слишкомъ большое количество лошадей. Киргизы, живущіе постоянно на Алаѣ, большею частью довольствуются скромной долей бѣдняка — «игенчи» (земледѣльца). Что-же касается Кара-Киргизовъ, то они усердно занимаются скотоводствомъ, разводятъ коровъ, овецъ, яковъ, верблюдовъ и лошадей. Якъ прекрасно переходитъ горы и употребляется для вьюковъ; молоко и мясо его служатъ пищей. Верблюды все двугорбые; дромадеровъ почти совсѣмъ нѣтъ.

Кара-Киргизы состоятъ изъ нѣсколькихъ племенъ: въ верхнихъ частяхъ Алая живутъ Мангуши и Адыгине, которые уходятъ на зимовку въ Гульчу и Ошъ (въ Ферганѣ); въ нижней части — Ичкилики и Кипчаки, изъ которыхъ Наймены и Тайши зимуютъ около Дараутъ-Кургана. Они устраиваютъ свои зимовки въ землянкахъ, а скотъ кормится по склонамъ горъ, гдѣ снѣгъ сдувается вѣтромъ и трава швакъ составляетъ обильный кормъ для скота. Нѣко-

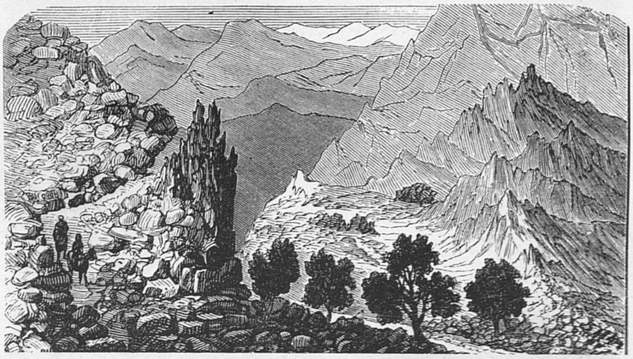
торые спускаются къ Учъ-Кургану и къ Маргелану, оставляя стада свои съ работниками. Всѣхъ этихъ кочевниковъ насчитываютъ здѣсь до 45,000; такъ какъ они не могутъ обойтись безъ низкихъ долинъ, то всегда находились въ зависимости отъ Кокана или Кашгара. Изъ нихъ Адыгине и Мангуши издавна управлялись женщиною, по имени Мармаджанъ-Датха, которая славилась своею энергіею, умомъ и съумѣла сплотить этихъ своевольныхъ дѣтей природы. Она была въ большомъ почетѣ у коканскихъ хановъ, которые всегда оказывали ей торжественный пріемъ и даже заискивали у нея. Старшій сынъ ея Абдулъ-Бекъ долѣе другихъ сопротивлялся русской власти и производилъ не мало набѣговъ, пока не былъ окончательно разбитъ Скобелевымъ у Янги-Арыка на р. Куршабѣ. Въ 1877 году, когда русскій отрядъ стоялъ на Алаѣ, то кочевники, не опасаясь болѣе разбоевъ, буквально, запрудили Алай; я былъ пораженъ количествомъ ихъ стадъ, не смотря на то, что предшествующія событія значительно уменьшили ихъ. Здѣсь же мнѣ удалось увидѣть одно изъ самыхъ любимыхъ увеселеній Киргизовъ, такъ называемую «байгу».


Дараутъ-Курганъ (укрѣпленіе при сліяніи Дараутъ-су и Кизилъ-су).

Уже съ утра въ нашъ лагерь появилась цѣлая толпа мальчишекъ на скаковыхъ поджарыхъ лошадяхъ. Они выстроились въ рядъ и пустились скакать къ мѣсту торжества, до котораго было около 30 верстъ. Вслѣдъ за ними отправились и мы, причемъ начальникъ Алайскаго отряда, В. И. Рогожниковъ, взялъ съ собой, на всякій случай, цѣлую сотню казаковъ, что было нелишнее, такъ какъ скопленіе Кара-Киргизовъ было громадное (около 3,000 чел.). На полугорѣ стояла вся масса народа, размѣстившись полукругомъ, въ центрѣ котораго были поставлены палатки для русскихъ тюря, т. е. господъ. На равнинѣ передъ толпой отличались отдѣльныя группы джигитовъ въ игрѣ подъ страннымъ названіемъ «козла рвать». При нашемъ приближеніи каждый изъ участниковъ игры старался бросить отбитаго имъ козла къ ногамъ начальника отряда, а вся толпа бросалась за нимъ, почему мы не разъ были въ крайне непріятномъ положеніи среди безумно скачущихъ оборванцевъ, опрокидывавшихъ все на своемъ пути. Наконецъ, добравшись до палатки, мы размѣстились на коврѣ и сдѣлались предметомъ общаго любопытства. Вскорѣ къ намъ присоединились два Киргиза — бандуристъ и пѣвецъ, которые, не жалѣя красокъ, воспѣвали съ акомпанементомъ музыки доблести умершаго, въ честь котораго справлялась тризна, служившая поводомъ къ байгѣ. Они перечисляли всѣ его хорошія качества, и особенно хвалили за то, что онъ былъ веселъ, добръ, часто угощалъ бараниной, имѣлъ прекрасныхъ лошадей, былъ отличный наѣздникъ и нажилъ 5,000 барановъ. Пѣніе это было до крайности однообразно. Вмѣстѣ съ пѣніемъ насъ угощали чаемъ, копченой бараниной и кумысомъ. Чай, сваренный въ кунганѣ (родъ металлическаго чайника), оказался до того отвратительнымъ, что мы съ трудомъ выпили по чашкѣ. Между тѣмъ мы съ любопытствомъ осматривали толпу, среди которой были удивительные типы чернокожихъ, скуластыхъ, узкоглазыхъ Кара-Киргизовъ, съѣхавшихся изъ-за 200 — 300 верстъ. Вскорѣ началась другая забава: вышли борцы, сначала мальчуганы, затѣмъ взрослые.

Ущелье Янги-Арыкъ на р. Куршабѣ.

Начальникъ отряда давалъ побѣдителямъ по серебряной монетѣ. Наконецъ вышелъ батырь Иргайли, съ которымъ долго никто не рѣшался тягаться, пока не уговорили одного изъ молодыхъ здоровыхъ ребятъ. Иргайли былъ дѣйствительно мускулистъ и крѣпокъ; но противникъ его оказался ловчѣе. Они долго боролись и страшно разозлились. Иргайли вертѣлъ своего противника по воздуху, вокругъ себя, однако одолѣть не могъ, такъ какъ тотъ ловко увертывался. Наконецъ, борьбу прекратили; начальникъ отряда наградилъ обоихъ одинаково, чѣмъ прославленный батырь былъ недоволенъ, между тѣмъ какъ его противникъ казался необыкновенно счастливымъ. Всего интереснѣе были охотники, которыхъ безъ всякаго испытанія признали побѣдителями въ стрѣльбѣ и дали по халату: физіономіи ихъ просто сіяли отъ радости. Затѣмъ началась раздача призовъ. Выводили скакуновъ, изъ которыхъ первая лошадь, принадлежащая самому хозяину праздника, взяла 9 лошадей и нѣсколько барановъ; вторая — верблюда, барана и халатъ; третья — барана, золотой. Всѣхъ призовъ было 41. Такимъ образомъ, одна эта скачка (байга) стоила наслѣдникамъ умершаго около 1,000 р., а если включить расходы на угощеніе такой громадной толпы, то они должны были истратить не менѣе 2,000 руб. Торжество это закончилось, по обыкновенію, обжорствомъ.

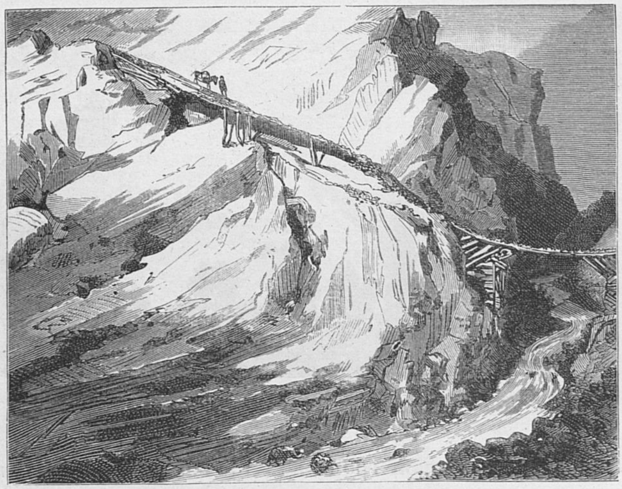


Ущелье Кизилъ-Курганъ въ долинѣ Куршабъ, на пути изъ Гульчи къ перевалу Арчатъ-Даванъ.

Алайскій хребетъ, долины котораго служатъ главнымъ мѣстопребываніемъ всѣхъ этихъ кочевниковъ, отдѣляетъ Алай отъ Ферганы. Онъ имѣетъ сѣверо-восточное направленіе, на западѣ соединяется съ Заалайскимъ хребтомъ, а къ востоку болѣе и болѣе удаляется отъ него, постепенно понижаясь. Составъ Алайскаго хребта необыкновенно сложный; здѣсь находятся: сіенитъ, гранитъ, діоритъ, діабазъ, габбро, всевозможные метаморфическіе сланцы, горные известняки, тріасъ, юрскіе, мѣловые, третичные осадки и, наконецъ, послѣ-пліоценовыя отложенія. Сѣверный склонъ его прорѣзанъ огромными, глубокими ущельями, тогда какъ на южномъ склонѣ такихъ ущелій нѣтъ, благодаря сосѣдству высокаго Алая. Кромѣ того, снѣга и ледники на сѣверномъ склонѣ спускаются ниже и занимаютъ большія площади; растительность при томъ же степномъ характерѣ несравненно богаче и разнообразнѣе южнаго склона. Здѣсь встрѣчаются мѣстами цѣлыя рощи можевельника, ивы, а ниже — березы, рябины, кусты розъ и пр. Но доступъ къ нимъ часто едва возможенъ. Во время путешествій по Алаю и Памиру въ 1877 — 1878 — 1880 г., мнѣ не разъ приходилось столько-же наслаждаться красотою этихъ живописныхъ зеленыхъ рощъ, среди самыхъ причудливыхъ скалъ, сколько и волноваться, переходя нерѣдко дикія ущелья. Часто ничтожная тропинка, величаемая громкимъ именемъ дороги, буквально виситъ надъ пропастью, гдѣ протекаетъ бурливая рѣка, или же опускается къ самому руслу рѣки, а еще чаще подымается на склоны горъ трудными, крутыми подъемами. Въ мѣстахъ съуженія долины тропинки эти не превышаютъ 2 — 3 футовъ ширины и извѣстны у путешественниковъ подъ именемъ «карнизовъ», которые съ одной стороны висятъ надъ пропастью въ 600 — 700 ф. глубины, а съ другой — примыкаютъ почти

Мазарка (памятникъ въ Алайскихъ горахъ).

къ отвѣсному склону въ нѣсколько тысячъ футовъ высотою. Иногда такой карнизъ еще заплескивается водой, какъ видѣлъ это Федченко въ Исфайрамѣ, на такъ называемой «Чортовой дорогѣ». Гдѣ скалы отвѣсны и состоятъ изъ твердыхъ породъ, тамъ карнизы устраиваются въ самой скалѣ, т. е. въ скалу вбиваютъ клинья, образующіе мостикъ въ видѣ балкона. Карнизы особенно опасны на мѣстахъ крутыхъ подъемовъ или спусковъ; тутъ уже рѣшительно нельзя оставаться спокойнымъ, — даже вьюки переносятъ на рукахъ. Само собою разумѣется, что эти переходы рѣдко обходятся безъ приключеній, нерѣдко очень печальныхъ. Подобныя тропинки можно встрѣтить почти на каждой дорогѣ, ведущей изъ Ферганы на Алай; мнѣ особенно приходилось испытывать ихъ въ долинахъ Урта-Казыкъ и Джиптыкъ, гдѣ мы въ день едва успѣвали проходить по 8 — 10 верстъ; но, судя по разсказамъ, онѣ всего ужаснѣе на рѣкѣ Сохѣ. Такимъ образомъ, величественныя картины природы являются здѣсь едва доступными, хотя нѣкоторыя изъ нихъ настолько поразительны, что повременамъ невольно забываешь всѣ опасности и неудобства путешествія. Особенно живописны склоны долины Кокъ-Су, на которыхъ рисуются причудливыя скалы желтовато-бѣлаго или красноватаго горнаго известняка, располагающіяся на черныхъ сланцевыхъ пьедесталахъ и образующія мѣстами какъ-бы ряды гигантскихъ колоннъ, выступающихъ террасообразно. Какъ террасы, такъ и промежутки между ихъ зубчатыми вершинами заполнены блестящими покровами снѣга, дающаго начало множеству стремительныхъ водопадовъ, падающихъ съ высоты 1,000 ф. серебристою лентою, съ облакомъ водяной пыли. Сочетаніе этихъ бѣшеныхъ водопадовъ на отвѣсныхъ скалахъ съ фантастичными вершинами горъ представляетъ величественнѣйшую картину. Впечатлѣніе это еще более усиливается громадными обвалами, которые съ трескомъ низвергаются съ высоты и производятъ оглушающій шумъ.



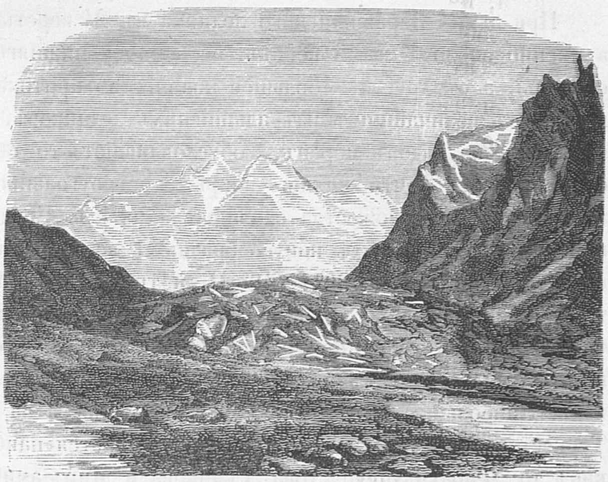
Карнизъ и горный мостикъ въ Алайскихъ горахъ.

Перевалъ Арчатъ-Даванъ.

Однако, Алайскій хребетъ, при всей своей недоступности, имѣетъ много переваловъ, какъ напримѣръ: Тарколъ, Терекъ-Даванъ, Шартъ, Талдыкъ, Арчатъ-Даванъ, Джиптыкъ, Кара-Кизикъ и др. Къ западу онъ становится массивнѣе и несетъ огромные ледники; одинъ изъ нихъ находится въ верховьяхъ Исфары и названъ, по иниціативѣ Федченко, ледникомъ Щуровскаго. Величина этого ледника громадная и, судя по море-

намъ, онъ составляется изъ 9 — 10 притоковъ; пики въ окрестностяхъ его достигаютъ 19—20,000 ф. По нѣкоторымъ даннымъ, Федченко предполагалъ, что ледникъ переходитъ на другую сторону горъ и соединяется еще большимъ съ Зеравшанскимъ ледникомъ, откуда берутъ начало истоки Зеравшана. Предположеніе это, однако, не оправдалось, такъ какъ геологическая экспедиція 1880 года доказала полную самостоятельность того и другаго ледника.

Долина Зеравшана, заключающая въ себѣ весь Зеравшанскій округъ, отчасти изслѣдована еще въ 40-хъ годахъ Леманомъ и Богословскимъ; но болѣе полнымъ изученіемъ ея мы обязаны Искандеръ-Кульской экспедиціи 1870 года, въ которой участвовали Федченко и Аминовъ, доставившіе лучшіе отчеты этой экспедиціи. Въ 1878 году Каратегинъ былъ пройденъ Ошанинымъ, который открылъ хребетъ Петра I-го и описалъ долину Вахана; въ 1879 г. проф. Г. Д. Романовскій произвелъ геологическія изслѣдованія долины Зеравшана отъ Самарканда до оз. Искандеръ-Куля. Наконецъ, въ 1880 г., я, вмѣстѣ съ горнымъ инженеромъ Ивановымъ изслѣдовали долину Зеравшана отъ Оббурдена до истоковъ р. Матча и впервые прошли знаменитый Зеравшанскій ледникъ и ледникъ Зардаля.


Щуровскій ледникъ въ Алайскихъ горахъ.

Алайскій хребетъ, до горнаго узла въ верховьяхъ Зеравшана, представляетъ водораздѣлъ между бассейнами Сыръ и Аму; но отъ перевала Матча къ западу онъ раздѣляется на нѣсколько кряжей. Изъ нихъ сѣверный кряжъ, называемый Туркестанскимъ, служитъ водораздѣломъ Сыръ-Дарьи и Зеравшана, другой — южный раздѣляетъ бассейны Зеравшана и Сурхаба и называется Гиссарскимъ; его снѣговая линія находится на высотѣ 13,000 фут. Эти два хребта, съ своими развѣтвленіями, направляясь почти съ востока на западъ, заполняютъ собою Когистанъ, т. е. «страну горъ», лежащую между Каратегиномъ, Ура-Тюбе и Самаркандомъ и омываемую системою р. Зеравшана, верхняя часть которой называется Матча.

Зеравшанъ, или Политиметъ древнихъ, вмѣстѣ съ своими притоками питается многочисленными ледниками, изъ которыхъ наибольшій, такъ называемый, Зеравшанскій ледникъ, даетъ начало р. Матча.

Первыя свѣдѣнія о Зеравшанскомъ ледникѣ были доставлены въ 1870 г. Искандеръ-Кульскою экспедиціею, но члены ея ограничились только осмотромъ нижняго конца ледника; вслѣдствіе этого до послѣдняго времени существовало совершенно невѣрное представленіе о его величинѣ, формѣ и даже направленіи; такъ, напримѣръ, полагали, что онъ непроходимъ, имѣетъ въ длину около 50 верстъ, составляетъ одно цѣлое съ ледникомъ Щуровскаго, не имѣетъ конечныхъ моренъ и пр. Эти заблужденія держались до 1880 г., когда я прошелъ этотъ ледникъ отъ начала до конца и собралъ положительныя данныя о немъ. Снарядившись со всевозможными предосторожностями, необходимыми для такихъ опасныхъ экскурсій, какъ ледниковыя, запасшись провизіею, 25-ю человѣками носильщиковъ — Гальчей, нѣсколькими козлами и собаками, необходимыми инструментами и пр., мы взошли на ледникъ 13-го августа 1880 г. изъ долины Матча; въ три дня мы добрались до его истока — громаднаго поля фирна, перешли высокій и снѣжный перевалъ Матча и на четвертый день спустились по чрезвычайно крутому леднику Зардаля въ долину Соха въ Ферганѣ. Зеравшанскій ледникъ хотя и оказался

вдвое меньше, чѣмъ предполагали прежде, но, во всякомъ случаѣ, онъ принадлежитъ къ величайшимъ ледникамъ Средней Азіи, — по величинѣ только немного уступаетъ Каракарумскимъ.

Онъ выступаетъ изъ громаднаго поля фирна у перевала Матча на высотѣ около 13,000 ф. и, направляясь почти къ западу, заполняетъ собою всю долину Матча на протяженіи 24 верстъ; онъ оканчивается на высотѣ около 9,000 ф. великолѣпнымъ ледянымъ сводомъ, изъ-подъ котораго вырывается многоводная и бурливая Матча. Мощныя моренныя накопленія показываютъ однако, что въ прежнее время, геологически недавнее, ледникъ этотъ былъ значительно больше и спускался, по крайней мѣрѣ, до дер. Діаминора, т. е. на 50 вер. ниже современнаго конца; слѣдовательно, въ то время длина его была около 74 верстъ. Въ настоящее время онъ постепенно уменьшается, отступаетъ, а вслѣдствіе этого многіе боковые ледники, какъ Рама, спускающійся съ Туркестанскаго хребта, или Гиссарскій Навышуръ, бывшіе нѣкогда притоками главнаго ледника, теперь сдѣлались самостоятельными ледниками.

При длинѣ Зеравшанскаго ледника въ 24 версты, ширина его сравнительно незначительна, а именно около $1^1/_2$ — 2 верстъ, особенно у нижняго конца; эта небольшая ширина съ одной стороны, а съ другой — большое количество притоковъ - ледниковъ, изъ которыхъ многіе не уступаютъ величайшимъ изъ альпійскихъ ледниковъ, и всѣ они приносятъ на главный ледникъ по нѣсколько рядовъ моренъ, — обусловливаютъ то обстоятельство, что поверхность Зеравшанскаго ледника почти сплошь покрыта остроугольными камнями моренныхъ накопленій, образовавшихся отъ множества слившихся моренъ. Груды камней образуютъ цѣлые ряды болѣе или менѣе правильныхъ конусообразныхъ возвышеній, что, при пустынности, однообразіи, высокой температурѣ до 30° — 40° Ц. и трудности пути по нимъ, напоминало Кизилъ-Кумъ съ тѣмъ различіемъ, что лишь, вмѣсто бархановъ песка, здѣсь были конусы каменныхъ глыбъ; только изрѣдка зіяющія трещины напоминали намъ о ледяной почвѣ, о которой мы совершенно забывали, тѣмъ болѣе, что въ первый день нашего восхожденія нуждались даже въ водѣ. Наибольшее количество моренъ скопляется на правой сторонѣ ледника, прилежащей къ Туркестанскому хребту, съ котораго спускаются наиболѣе значительные притоки ледниковъ, какъ то: Фарахнау, Толстова, Скачкова и Миръ-аминъ; они залегаютъ въ глубокихъ долинахъ и приносятъ огромное количество моренъ; тогда какъ притоки, спускающіеся съ Гиссарскаго хребта, какъ Ярхичъ, Поракъ, два Назаръ-Айлякъ, Ахунъ, Алашбай и Бѣлый гораздо короче, круче первыхъ, нерѣдко образующихъ ледопады, но моренъ приносятъ меньше. Выше, верстъ чрезъ 10 — 15 отъ нижняго конца главнаго ледника, поверхность его становится чище; морены обособляются въ опредѣленные ряды, между которыми появляются ровныя площадки снѣга и льда, нерѣдко съ громадными и оригинальными ледниковыми столами, многочисленными мелкими ледниковыми стаканами и милліонами ручейковъ, которые, соединяясь, образуютъ ледниковыя рѣчки съ красивыми каскадами; на льду, почти подъ каждымъ камнемъ, кишатъ мелкія падуры — Desoria glacialis — единственные обитатели мертвой области ледника.

Чѣмъ выше, тѣмъ поверхность ледника дѣлается чище, и наконецъ, выше устья всѣхъ притоковъ, около скалистой и массивной горы Обрывъ, достигающей 18,000 ф. высоты, срединныя морены почти исчезаютъ, и начинается обширное поле фирна, содержащее громадный запасъ снѣга для питанія ледника. Фирновый циркъ обставленъ высокими и чрезвычайно эффектными гранито-гиперстнитовыми пиками, между которыми гора, названная нами Иглою, поражаетъ необыкновенною остроконечностью своей вершины.

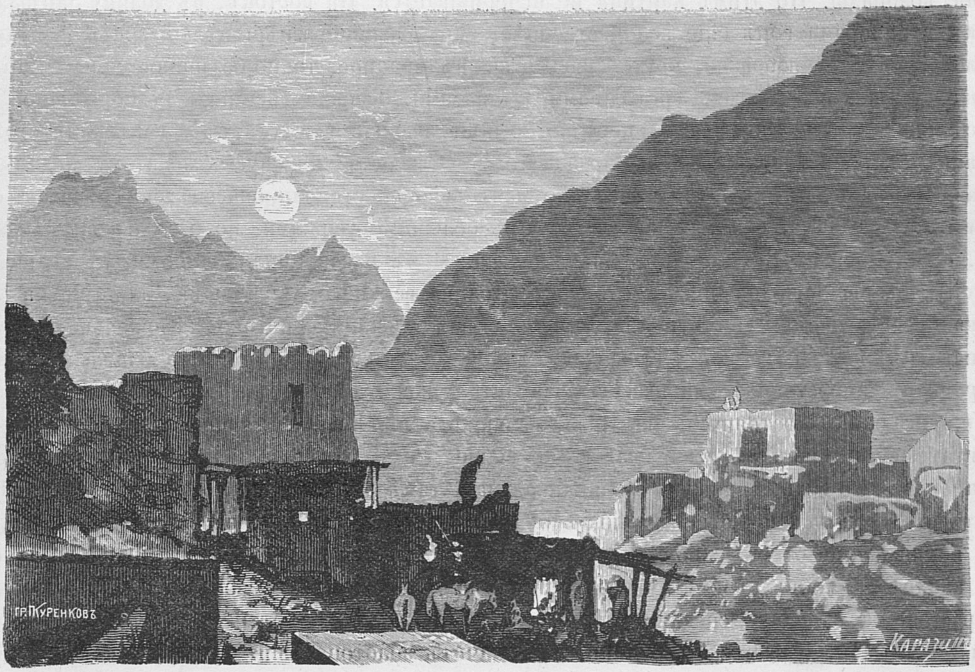
Путь по леднику стоилъ большихъ усилій. Внизу остроугольные камни; вверху рыхлый снѣгъ и трещины; рѣзкая перемѣна температуры отъ 30 — 40° Ц. днемъ, до — 3 — 6° Ц. ночью; ночлеги на льду и пр. — все это очень затрудняло насъ. Когда же, преодолѣвъ всѣ трудности, мы, наконецъ, взобрались на перевалъ Матча, то вполнѣ были вознаграждены за всѣ лишенія; предъ нами открылась чудная картина, о которой скажу словами моего дневника, записанными подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ. На первомъ планѣ разстилается необозри-

мое поле снѣга, которому безоблачное небо и южное солнце придаютъ ослѣпительный блескъ. Въ морѣ снѣга тамъ и сямъ, какъ острова, востаютъ то зубчатые гребни, то массивные пики, то смѣло-нависшія скалы, рисующіяся на бѣломъ фонѣ необыкновенно отчетливо. Вдали, къ западу востаетъ цѣлый лабиринтъ горъ съ фантастическими вершинами, переливающимися съ блестящими бѣлыми полосами ледниковъ, и, постепенно уходя вдаль, закрываются прозрачнымъ туманомъ, столь характернымъ для всей Средней Азіи. Скалы и дальнія вершины кажутся какъ-бы висящими въ воздухѣ, лишенными основанія. Изъ верхняго, громаднаго поля снѣга мало-по-малу выдвигается главный Зеравшанскій ледникъ; суровый и безжизненный, онъ поражаетъ своимъ величавымъ покоемъ. Онъ, какъ массивный стволъ, въ обѣ стороны отъ себя пускаетъ вѣтви — боковые ледники; правые — длинные и глубокіе, въ мрачныхъ ущельяхъ; лѣвые — крутые, блестящіе, съ неровною поверхностью, — точно застывшіе водопады. Но этимъ картина не исчерпывается. На востокъ, въ долину Зардаля, подобная же панорама горъ еще величественнѣе, еще разнообразнѣе: цѣлый рядъ ледниковъ, расположенныхъ лучеобразно, круто спускается въ мрачное, точно бездонное ущелье Зардаля. Поверхность ихъ изборождена громадными ледопадами. Тысячи трещинъ, безпорядочно пересѣкаясь между собою, образуютъ, нерѣдко, чудные ледяные выступы съ гигантскими столами, порогами и пр.... Длина ледника Зардаля только 6 верстъ, но спускъ по этому леднику съ перевала Матча былъ не только труденъ, но и въ высшей степени опасенъ; переночевавъ среди лабиринта трещинъ его, мы наконецъ, хотя съ большими усиліями, но безъ несчастныхъ случаевъ, спустились въ роскошную долину Зардаля, чѣмъ и закончили наше изслѣдованіе знаменитой системы Зеравшанскихъ ледниковъ. Долина верхняго Зеравшана или Матчи ниже ледника представляетъ типичную продольную долину, склоны которой сложены изъ однообразнаго глинистаго, глинисто-слюдянаго сланца, песчаника и роговика, а ближе къ леднику изъ гранита, гиперстенита, эпидозита, гранулита, міаскита и др., а дно выполнено озерно-рѣчными осадками, состоящими изъ песка, илоподобной глины и конгломерата; до деревни Посшигау находятся и мѣловые осадки, но выше — ихъ нѣтъ; тамъ, гдѣ дислокація пластовъ сланца болѣе или менѣе правильно-синклинальная, тамъ всегда долина нѣсколько расширяется, а вмѣстѣ съ тѣмъ усиливаются озерно-рѣчные осадки; неприхотливые Матчинцы пользуются этими площадками, чтобы основать на нихъ свои жалкія деревни, неприглядный видъ которыхъ вполнѣ гармонируетъ съ суровою природою горъ. Названіе свое р. Матча сохраняетъ до Варзаминора, гдѣ она, соединившись съ Ягнобомъ, истоки которой до сихъ поръ неизвѣстны, получаетъ названіе Зеравшана, что значитъ золотоносный, и служитъ почти единственнымъ источникомъ орошенія Самарканда и отчасти Бухары. За Бухарою Зеравшанъ оканчивается, не достигая Аму-Дарьи, въ пересыхающемъ оз. Каракуль, окрестности котораго нѣкогда славились мѣхами «каракульками», но нынѣ засыпаются пескомъ.

Горы Когистана представляютъ вообще видъ голыхъ, обрывистыхъ скалъ, нерѣдко со снѣговыми вершинами и только мѣстами съ древесною растительностью, которая здѣсь почти незамѣтна среди массы обнаженныхъ ущелій. Дороги въ Когистанѣ такъ же плохи и едва проходимы, какъ и въ Алайскомъ хребтѣ, лѣпятся часто по крутымъ карнизамъ, пересѣкаютъ увалы; особенно опасны и затруднительны дороги на снѣжныхъ перевалахъ, гдѣ путники безпрестанно проваливаются въ трещинахъ снѣга.

Изъ всѣхъ долинъ только Зеравшанъ и Ягнобъ носятъ характеръ широкихъ долинъ; остальныя представляютъ собою ущелья и дикія тѣснины, которыя расширяются только въ верхнихъ частяхъ своихъ. Здѣсь также, какъ на Алайскомъ хребтѣ, обильные луга и древесная растительность встрѣчаются только на сѣверныхъ склонахъ, но собственно строеваго лѣса нѣтъ, а встрѣчаются только отдѣльныя рощи или группы деревьевъ, преимущественно можевельникъ, березы, тополи и ивы, кустарники облѣпихи, жимолости и пр., среди которыхъ особенно красиво выдѣляются зеленые покровы одного вида льна (Linum) съ

крупными нѣжно-розовыми цвѣтками. Но всего роскошнѣе развивается растительность въ боковыхъ ущельяхъ и лощинахъ съ высоты 7,000 ф., гдѣ растутъ можевельникъ, рябина, кленъ, береза, тополи и ивы, разнообразные кустарники, какъ шиповникъ, разные *prunus*, боярышникъ, миндаль и пр. Но всего больше заслуживаетъ вниманія корень «таранъ», употребляемый какъ дубильное вещество, и «сумбулъ», извѣстный въ фармакологіи подъ названіемъ *sumbulus moechatas*, который по формѣ напоминаетъ свеклу, только въ болѣе миніатюрномъ видѣ. Корень его имѣетъ мускусный запахъ и служитъ для добыванія душистаго вещества, одного изъ любимыхъ косметическихъ средствъ туземныхъ дамъ. На высотѣ отъ 8—10,000 ф. тянется сплошной коверъ травянистыхъ растеній, образующихъ сочные альпійскіе луга. Распредѣленіе животныхъ идетъ соотвѣтственно распредѣленію растеній; наиболь-

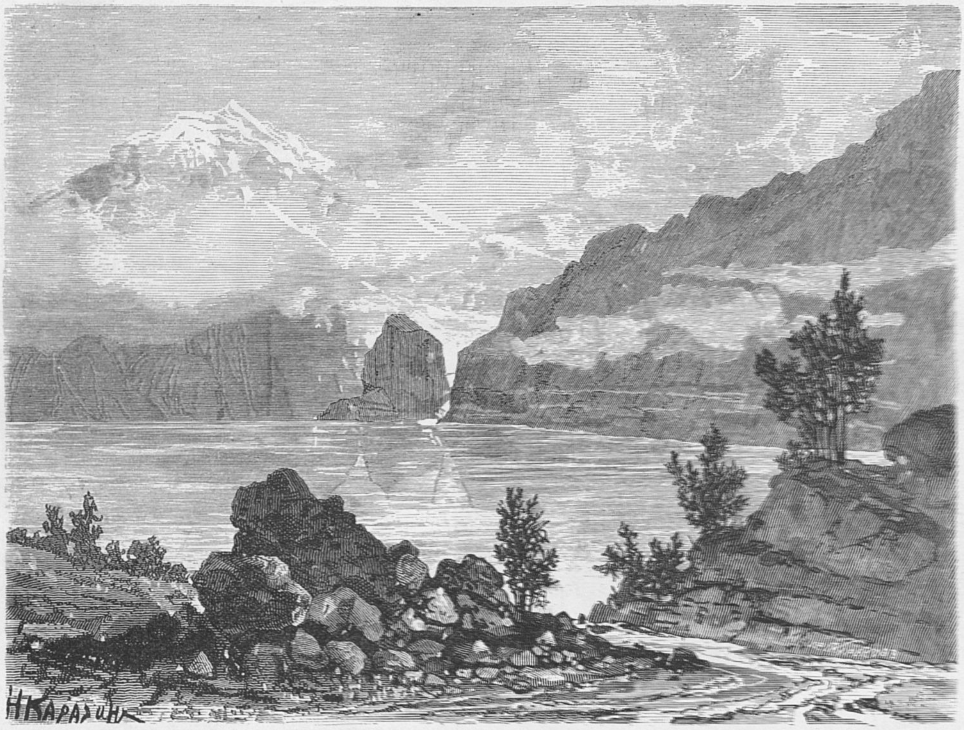


Кишлакъ Варзаминоръ въ долинѣ Зеравшана.

шее богатство фауны встрѣчается въ ущельяхъ на значительной высотѣ. Изъ животныхъ попадаются зайцы, сурки, лисицы, хорьки, куницы, заходятъ даже тигры въ нижнихъ частяхъ, а около альпійскаго озера Искандеръ-Куль водятся медвѣди, дикіе кабаны, горные бараны и козлы. Изъ птицъ преобладаютъ кеклики, улары (огромныя горныя куропатки) и дрозды. Здѣсь также водятся ящерицы и змѣи. Такимъ образомъ фауна Когистана, какъ замѣтилъ Федченко, представляетъ смѣсь степной и чисто-горной, при чемъ степные виды, какъ скорпіоны, фаланги, ящерицы, поднимаются до 5,000 и 7,000 ф., а горные — спускаются въ сравнительно низкія долины. Вмѣстѣ съ тѣмъ горная фауна имѣетъ большое сходство съ тянь-шанскою и гималайскою, такъ что существуетъ сходство между фаунами величайшихъ горныхъ системъ Азіи, которыя представляютъ собою одну зоогеографическую область.

Въ горахъ Когистана нѣсколько озеръ; изъ нихъ самое замѣчательное Искандеръ-Куль, весьма живописное, въ $2^1/_2$ версты въ наибольшемъ поперечникѣ, съ крайне извилистыми берегами. На склонахъ его замѣтны двѣ террасы, которыя указываютъ, что уровень озера нѣкогда стоялъ значительно выше и что обмелѣніе его обусловлено разрывомъ глинисто-сланцевыхъ горъ на сѣверномъ берегу, откуда вытекаетъ р. Искандеръ-Дарья, впадающая въ Ягнобъ.

Высота озера около 7,000 ф.; въ него впадаютъ три рѣки, изъ которыхъ самая значительная Саротагъ-Су на юго-западномъ концѣ. По берегамъ его находятся рощи древовиднаго можевельника, тополи и березы. Фауна очень бѣдна; попадаются только пискари да маленькія ракообразныя: *Cyclops Cypris*. Прилежащія горы состоятъ изъ горнаго известняка и юрскихъ песчаниковъ. Въ окрестныхъ горахъ находятся нашатырь, сѣра, каменный уголь и золото. Послѣднее встрѣчается въ небольшомъ количествѣ, и добываніемъ его по Зеравшану занимаются самые бѣдные изъ жителей, такъ какъ вообще промыселъ этотъ не составляетъ здѣсь выгоднаго и почетнаго занятія. Желѣзныя руды и другіе минеральные продукты находятся только въ горѣ Канъ-Тагъ на р. Фанъ, о которой упоминаетъ еще Эдризи подъ именемъ Ботмъ; позднѣе Леманъ описалъ эту горящую гору, которая вовсе не составляетъ рѣдкость,



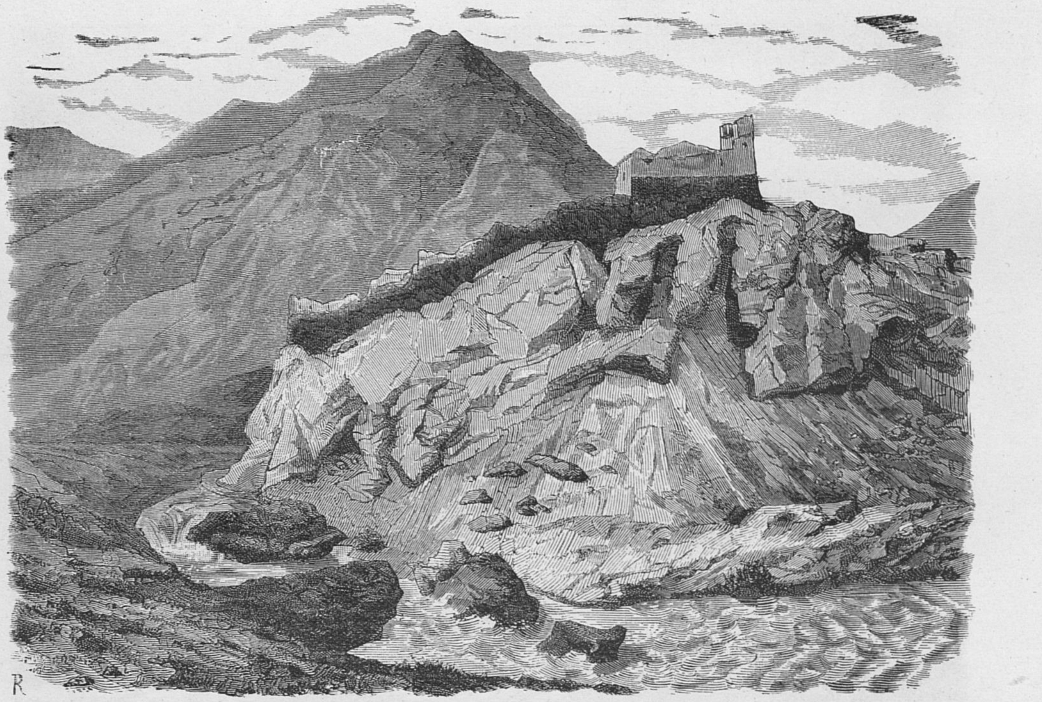
Озеро Искандеръ-Куль.

такъ какъ подобныя горы, вообще, распространены въ Тянъ-Шанѣ, что подало поводъ Гумбольдту считать эту страну вулканическою, чего нѣтъ въ дѣйствительности. Отъ горѣнія угля на горѣ Канъ-Тагъ образуются налеты сѣры, которая усердно эксплоатируется туземцами. Въ горѣ много трещинъ, изъ которыхъ выходятъ до того горячіе газы, что на нихъ можно скипятить воду.

Что же касается населенія Когистана, то хотя оно очень незначительно сравнительно съ пространствомъ, но если вспомнимъ, что изъ всей площади только $^1/_{85}$ часть ея годна для обработки, то окажется, что изъ 34,000 жителей 442 чел. приходятся на 1 кв. версту годной земли, которой всего-навсе 65 кв. вер. изъ 6,540; все же остальное пространство занято неприступными горами.

Въ Когистанѣ насчитываютъ всего 5 бекствъ: Фальгаръ, Матча, Фанъ, Ягнобъ, Киштутъ, которыя образовались въ различное время. Они населены выходцами изъ равнинъ, которые

послѣ каждой сколько-нибудь значительной войны въ Средней Азіи спасались въ горы и основывали новыя деревни. Исторія этихъ бекствъ—это сводъ разныхъ преданій: всѣ писатели, не исключая и восточныхъ, проходили ихъ полнымъ молчаніемъ. Да оно и понятно: Когистанскія бекства, совершенно изолированныя едва проходимыми горами, а зимою и вовсе недоступными, не могли принимать участія въ общей среднеазіятской исторической жизни. Вмѣстѣ съ тѣмъ бѣдность страны, при ея недоступности, заставляла сосѣднихъ властителей смотрѣть на нее какъ на область, неимѣющую никакой цѣны; если они и нападали иногда на нее, то, такъ сказать, мимоходомъ. Тѣмъ не менѣе политическія бури и колебанія въ Средней Азіи до извѣстной степени отразились на Когистанѣ. Это объясняется тѣмъ, что, по своей естественной бѣдности, Когистанъ самъ по себѣ существовать не можетъ и, нуждаясь въ рынкахъ



Кр. Сарвада (сліяніе р. Артуча съ Фаномъ).

своихъ сосѣдей, почти постоянно находится въ зависимости отъ котораго-нибудь изъ нихъ. Въ силу этого, здѣшнія бекства попеременно принадлежали то Гиссару, то Бухарѣ или Ура-Тюбе, то сплачивались въ самостоятельное цѣлое. Одно время они находились подъ управленіемъ «казіевъ» — духовныхъ лицъ, выходцевъ изъ Бухары, которые оставили по себѣ ужасную память, и народъ говоритъ о нихъ: «одинъ казій стоитъ трехъ тирановъ». Въ последнее время бекства были подчинены бухарскому эмиру, но это подчиненіе номинальное, потому что беки ихъ, управляя своими областями совершенно самостоятельно, вели даже между собою войны, которыя, въ сущности, состояли во взаимныхъ грабежахъ, а иногда и поголовномъ вырѣзываніи жителей той или другой мѣстности. Между всѣми этими беками особенно прославился Абдулъ-Куръ-Дахта, который соединилъ Когистанъ въ одно цѣлое, проложилъ дороги, мосты и устроилъ крѣпости. Развалины одной изъ нихъ—Сарвада представлены у насъ на рисункѣ, какъ типъ горныхъ крѣпостей; тутъ же изображены окружающія ее и массивныя горы съ бурливой рѣкой. Въ настоящее время бóльшая часть Когистана принадлежитъ Россіи и составляетъ округъ, называемый Нагорными Тюменями.

Горная деревня Вишенъ, на р. Зеравшанѣ.

Население Когистана до такой степени изолировалось, что до сихъ поръ сохранило свой старый языкъ, и такъ гордится имъ, что не считаетъ нужнымъ знакомиться съ языкомъ сосѣдей. Это своего рода Исландцы, отставшие отъ своихъ родичей, Норвежцевъ, на цѣлые 10 вѣковъ. Угрюмыя, но добродушныя лица, съ бритою по-мусульмански головою и черною окладистою бородою, широкія плечи, высокая грудь и чрезвычайно тонкія, но крѣпкія ноги — составляютъ отличительныя черты Гальчей или Матчинцевъ, населяющихъ Когистанъ. Въ верхней части Ягнау, называемой Сомни-Анзобъ, живетъ какое-то особенное племя, говорящее непонятнымъ для другихъ языкомъ.

Жители Нагорныхъ Тюменей заняли своими деревнями все, что только можно было занять. Кажется, ни одна нагорная площадка, ни одно расширеніе въ долинѣ не пропали даромъ: всѣмъ воспользовался Матчинецъ, все пріурочилъ къ жизни, но всего этого достаточно лишь на столько, чтобы не умереть съ голода,— да и это приходится отвоевывать у природы съ неимовѣрнымъ трудомъ. Жители Когистана любятъ земледѣліе, но по необходимости должны заниматься преимущественно скотоводствомъ, которое особенно успѣшно идетъ у Ягнобцевъ, располагающихъ богатыми лугами на высотахъ отъ 7,000 до 10,000 ф.

Долина Зеравшана гораздо удобнѣе Ягноба для пашенъ; но и здѣсь годной земли слишкомъ мало. Изъ культурныхъ растеній воздѣлываются: пшеница, ячмень, просо, бобы и пр., но урожай вообще неудовлетворительный; въ Вадифѣ, Дихаузѣ растительность на столько бѣдна, что деревьевъ совсѣмъ нѣтъ, а поле можно узнать, только всмотрѣвшись въ рѣдкіе стебли злаковъ, торчащихъ среди галекъ; не смотря на это, каждый, сколько-нибудь годный клочекъ земли тщательно огороженъ заборомъ изъ валуновъ, тщательно орошенъ не только арыками, но даже такъ наз. карисами, т. е. подземными канавами, какъ, напримѣръ, около Пянджекента. Съ другой стороны, земледѣлію мѣшаетъ недостатокъ земель, такъ что, не смотря на то, что жители пользуются всѣми площадями между подошвами горъ, у русла рѣкъ, даже на склонахъ горъ, иногда весьма удаленныхъ отъ селеній и притомъ такихъ крутыхъ и высокихъ, на которые только съ трудомъ можно взобраться, все-таки своего хлѣба не хватаетъ для потребленія страны, и онъ привозится изъ Ура-Тюбе, Гиссара и пр. Здѣшнія селенія-кишлаки (деревни) находятся только въ расширеніяхъ долины, при соединеніи ея съ боковыми притоками, какъ напр. Шамтичи, Дерга, Вишанъ и др. Всѣ эти деревни состоятъ изъ глиняныхъ саклей, но выше Обурдена и въ особенности у Польдорака глиняныя постройки почти исчезаютъ; жилища сложены изъ камня, каждый домикъ представляетъ низкій четыреугольникъ, построенный изъ валуновъ, почти безъ цемента; это скорѣе конура, чѣмъ домъ; безпорядочное скопленіе такихъ домовъ безъ улицъ, а только съ тропинками между ними, составляетъ деревню. Хижины лѣпятся на утесахъ, и часто нужно присмотрѣться, чтобы отличить ихъ отъ груды окружающихъ валуновъ. Горная деревня Вишанъ, съ ея крошечными выхоленными пашнями, изъ которыхъ каждая огорожена каменными грядками, это—типъ деревень такого рода. Въ садахъ, даже на высотѣ 6,000 ф., разводятся яблоки, абрикосы, шелковица, а немного ниже — и виноградъ. Изъ животныхъ держатъ барановъ и козъ, составляющихъ главное богатство туземца, такъ какъ ихъ мясо и шерсть служатъ не малымъ подспорьемъ въ жизни; лошадей и верблюдовъ у Матчинцевъ почти совсѣмъ нѣтъ, или ихъ держатъ только какъ роскошь. Рогатый скотъ имѣютъ они въ самомъ небольшомъ количествѣ, но за то ишакъ составляетъ необходимую принадлежность хозяйства Матчинца. Впрочемъ, на ишакахъ они только перевозятъ тяжести, но сами никогда не ѣздятъ, что вполнѣ понятно при той способности ходить, которою обладаютъ Матчинцы. Мнѣ самому пришлось видѣть замѣчательныхъ ходоковъ; такъ, одинъ изъ моихъ проводниковъ, Абду-Саматъ, прошелъ въ $1^1/_4$ день около 100 верстъ по труднымъ, горнымъ тропинкамъ съ ужасными спусками и обрывами. Между тѣмъ онъ среди Польдоракцевъ, Вадифцевъ и Сабакцевъ считается однимъ изъ посредственныхъ ходоковъ.

Чтобы дать понятіе о бѣдности Матчинцевъ, достаточно указать на то, что когда мы яви-

лись въ верховье Зеравшана съ караваномъ въ 40 лошадей, то знатокъ Нагорныхъ Тюменей, г. Акимбетьевъ, весьма сомнѣвался въ возможности прокормить нашъ караванъ. Дѣйствительно, въ 4 — 5 дней, мы такъ сказать, съѣли почти полугодовые запасы Матчинцевъ. Разумѣется, жители нижнихъ частей Зеравшана гораздо богаче Матчинцевъ, которые своими каменными деревнями, орудіями и пр. напоминаютъ скорѣе доисторическихъ людей каменнаго періода, нежели нашихъ современниковъ.

Къ югу отъ Когистана лежитъ огромный Гиссарскій хребетъ, отдѣляющій его отъ Каратегина, перевалы котораго доходятъ до 14 — 15,000 ф. Каратегинъ и вообще Гиссарскія владѣнія замыкаютъ собою западныя при-Памирскія земли; въ нихъ замѣчается цѣлый рядъ болѣе или менѣе параллельныхъ хребтовъ, перемежающихся съ низкими долинами. Хребты состоятъ изъ древнихъ матаморфическихъ и палеозойскихъ породъ, а отчасти изъ массивныхъ кристаллическихъ. Хребты эти, въ большинствѣ случаевъ, безжизненны; за то долины, состоящія изъ болѣе новыхъ осадковъ — третичныхъ, мѣловыхъ и другихъ породъ, — богаты минеральными продуктами, особенно каменною солью, и заняты обширными поселеніями съ многочисленными городами, какъ, напримѣръ, Гиссаръ, Гармъ, Фейзабадъ, Кулябъ, Шехрисябсъ (зеленый городъ), родина Тамерлана, и пр.

Торговецъ цыплятами.

Этимъ мы закончимъ наше описаніе Памира и Алая съ ихъ окрестностями, которыя представляютъ собою самый разнообразный конгломератъ народностей — отъ дикихъ и кочевыхъ до осѣдлыхъ.

Изъ нашего краткаго очерка можно видѣть, что Памиръ и Алай, со своими громадными хребтами, альпійскими озерами, мощными снѣгами и колоссальными ледниками, представляютъ область, почти исключительно занятую истоками Аму-Дарьи, къ которымъ мы причисляемъ и Зеравшанъ. Эта высокая область, съ рѣдкимъ осѣдлымъ населеніемъ, многочисленными кочевьями Киргизовъ и прекрасными оазисами въ родѣ Алая и Сариколя, перерѣзанная горными громадами до 20,000 — 25,000 футовъ высотою, съ разнообразною растительностью и животными, бѣдная культурою, но богатая величественными картинами природы, однообразная по внѣшнему виду, но разнообразная по геологическому своему строенію, — далеко не такъ стара въ смыслѣ геологическомъ, какъ ее принято считать въ историческомъ отношеніи. Вся Памирская высь — эта такъ называемая колыбель рода человѣческаго — сложена изъ осадковъ, сравнительно новыхъ въ геологическомъ отношеніи.

Въ составъ Памирскихъ горъ, кромѣ различныхъ древнихъ кристаллическихъ и метаморфическихъ породъ, входятъ также и осадки болѣе новыхъ формацій. Тѣ и другія породы проявляются часто съ необыкновенною мощностью. Породы древнія и между ними особенно группа гранита и сіенита, вмѣстѣ съ метаморфическими сланцами, составляютъ, такъ сказать, ядро всѣхъ массивныхъ горныхъ громадъ, какъ напр. горы и окрестности озера Каракуля, горы верховьевъ Зеравшана, горы Сариколя и пр. Тѣ же породы, но съ прибавленіемъ разнообразныхъ діоритовъ, эпидозитовъ, діабазовъ, габбро и пр., составляютъ основу Алайскаго и Заалайскаго хребтовъ, горъ Карамукъ и т. д. На этихъ-то древнихъ образованіяхъ Памира располагаются болѣе новые осадки, которые хотя и не достигаютъ такого громаднаго развитія въ вертикальномъ направленіи, какъ древніе, но за то нисколько не уступаютъ имъ по

своему горизонтальному распространенію. Они проявляются большею частью на склонахъ большихъ хребтовъ, изрѣдка только образуя ихъ гребень, и заполняютъ собою всѣ главныя долины Памирской выси, оцѣпляя ее вмѣстѣ съ тѣмъ со всѣхъ сторонъ. Хотя намъ мало извѣстно о породахъ центральныхъ частей Памирской выси, но, тѣмъ не менѣе, мы имѣемъ нѣкоторыя основанія думать, что тріасовые осадки находятся въ горахъ Низа-Ташъ, также какъ и въ долинѣ рѣки Пянджа, на перевалѣ Узъ-Бель и въ долинѣ Мурхаба. Въ Алайскомъ и Заалайскомъ хребтѣ, кромѣ тріаса, имѣютъ большое распространеніе осадки юрскіе и мѣловые, а въ восточной части Алая, у перевала Тонъ-Мурунъ, даже находятся мощные пласты третичной формаціи, которые совершенно тождественны съ третичными отложеніями сѣвернаго склона Алайскаго хребта и долины Ферганы. Совершенно подобныя отложенія залегаютъ и въ долинѣ Зеравшана, гдѣ они содержатъ небольшіе пласты каменнаго угля среди юрскихъ песчаниковъ долины Фанъ. Тѣ-же образованія попадаются и западнѣе Алая, въ Каратегинѣ, и по всей западной окраинѣ Памирской выси, заполняя собою всѣ конечныя долины отъ Каратегина до Бадакшана, а вѣроятно и до Гинду-Куша. Совершенно такого же характера новые вторичные и третичные осадки залегаютъ и на восточной окраинѣ Памирской выси, въ долинѣ Тарима отъ сѣверныхъ склоновъ Куэнъ-Луня до южной подошвы Тянъ-Шаня. Всѣ эти новыя слоистыя отложенія, какъ на восточной окраинѣ Памирской выси въ бассейнѣ Тарима, такъ и на западной, въ бассейнахъ Сыръ и Аму-Дарьи, имѣютъ то общее свойство, что по мѣрѣ удаленія отъ горъ становятся, во-первыхъ, новѣе, а во-вторыхъ получаютъ большее горизонтальное распространеніе, такъ что въ прилегающихъ пустыняхъ они являются господствующими образованіями. Всѣ эти осадки, отъ тріаса до третичной формаціи включительно, по характеру своей ископаемой фауны должны быть причислены къ чисто-морскимъ отложеніямъ. Если-же мы встрѣчаемъ ихъ въ настоящее время на высокихъ горахъ, то это значитъ, что послѣ своего образованія, на днѣ глубокаго моря, они были подняты на значительную высоту сравнительно со своимъ первоначальнымъ залеганіемъ. Если мы видимъ, что на Памирской выси тріасовые, юрскіе и мѣловые осадки находятся въ настоящее время на высотѣ 13—14,000 ф., а на Алаѣ и въ Алайскомъ хребтѣ третичные — на 9—11,000 ф., то мы должны допустить, что вся эта горная страна, послѣ отложенія третичныхъ пластовъ, поднялась по крайней мѣрѣ на 15—16,000 ф. Если мы перенесемся мысленно въ эпоху отложенія третичныхъ осадковъ, то вмѣсто нынѣшней горной страны намъ представится совершенно другая картина. На мѣстѣ нынѣшнихъ Памирскихъ горныхъ громадъ бушевало море, которое распространялось далеко на западъ и вѣроятно соединялось съ Каспіемъ, на востокѣ занимало весь Восточный Туркестанъ, пустыни Гоби, Монголію, Ханъ-Хай Китайцевъ. Въ этомъ морѣ только кое-гдѣ выходили гряды острововъ, возвышавшихся надъ уровнемъ не болѣе 2—3,000 ф. Въ концѣ третичной эпохи острова эти, группировавшіеся главнымъ образомъ на мѣстѣ нынѣшней Памирской выси, увеличивались въ числѣ и объемѣ и стали обособляться въ цѣлыя гряды горъ. Такъ, Заалайскій и Алайскій хребты были раздѣлены заливомъ также, какъ Гиссарскій и Туркестанскій, а долина Ферганы, Бадакшанъ и долина Тарима представляли обширные заливы. Далѣе, послѣ третичной эпохи, осушились уже нѣкоторые заливы, какъ Алайскій, Зеравшанскій, а вѣроятно и Бадакшанскій. По мѣрѣ осушенія море отступало, а площадь Памирской выси все болѣе и болѣе выдвигалась и образовала массивный островъ среди моря; высота его увеличилась, но еще не настолько, чтобы она мѣшала жизни; надо думать, что въ то время климатъ на Памирѣ былъ умѣреннѣе, чѣмъ въ настоящее время, а растительная и животная жизнь несравненно богаче. Понятно, что онъ представлялъ тогда одно изъ наиболѣе удобныхъ и роскошныхъ мѣстъ для поселенія человѣка, который, вѣроятно, этимъ и воспользовался. Если исторія придаетъ Памирской выси глубокую древность, а геологическія данныя указываютъ на ея молодость, то это нисколько не противорѣчитъ одно другому, а напротивъ придаетъ Памиру еще большій интересъ въ томъ отноше-

ніи, что изъ всѣхъ странъ Средней Азіи здѣсь впервые могли появиться подходящія условія для существованія человѣка, благодаря высотѣ этой области, со всѣхъ сторонъ окруженной моремъ. Съ теченіемъ времени море постепенно отступаетъ, осушается, а по мѣрѣ отступанія моря и поднятія страны, болѣе высокія части Памира становятся менѣе доступными, менѣе годными для жизни и болѣе пустынными, а рядомъ съ этимъ животная жизнь перемѣщается въ болѣе удобныя мѣста; человѣкъ спускается все ниже и ниже, отыскивая себѣ лучшее убѣжище, и, такъ сказать, слѣдуя за моремъ, распространяется по материку пропорціонально уменьшенію моря. Какъ на востокѣ, такъ и на западѣ упомянутыя условія были одинаковы. Отсюда совершенно логично допустить, что у древнихъ могло явиться предположеніе, что на Памирѣ зародилось Арійское племя и уже съ него расходилось въ разныя стороны, преимущественно же на востокъ и западъ. Такимъ образомъ, мечтательныя предположенія о Памирѣ, какъ колыбели рода человѣческаго, до нѣкоторой степени оправдываются его естественно-историческимъ характеромъ.

Само собою разумѣется, чѣмъ дальше будетъ жить Памиръ и чѣмъ больше станетъ онъ подниматься, тѣмъ суровѣе и непригляднѣе станетъ его поверхность и невозможнѣе для существованія, тѣмъ скуднѣе будетъ его населеніе, которое и теперь не велико, а въ далекомъ будущемъ, вѣроятно, исчезнутъ и эти жалкія деревушки, кичащіяся своимъ происхожденіемъ отъ Александра Македонскаго, если только будутъ существовать тѣ-же физико-географическія условія, которыя пережилъ Памиръ въ послѣднюю геологическую эпоху. За существованіе-же этихъ условій отчасти говорятъ всѣ новѣйшія изслѣдованія Памирской выси.

И. В. Мушкетовъ.

Орелъ-могильщикъ

ОЧЕРКЪ X.

НЕБЕСНЫЙ ХРЕБЕТЪ И ЗАИЛІЙСКІЙ КРАЙ.

Тянъ-Шань или Небесный хребетъ.—Роль его въ исторіи народныхъ переселеній.—Гунны и Усуни, и вызванное ими знакомство съ Тянъ-Шанемъ китайскихъ лѣтописей до Р. Х. — Турское царство, опиравшееся на оконечности Тянъ-Шаня въ VI—IX вѣкахъ.— Показанія о Тянъ-Шанѣ очевидца того времени—буддійскаго миссіонера Хюанъ-Цзана. — Китайскія свѣдѣнія о Небесномъ хребтѣ, во время владычества Уйгуровъ въ IX вѣкѣ. — Тянъ-Шань при Монголахъ и Тамерланѣ. — Свѣдѣнія о Тянъ-Шанѣ въ Джунгарскую эпоху въ XVIII вѣкѣ. —Начало русской колонизаціи въ Заилійскомъ краѣ. — Поѣздки въ 1856 г. на оконечности Иссыкъ-Куля. — Орографія Заилійскаго Алатау. — Характеристика пяти вертикальныхъ зонъ Заилійскаго края. — Котловина Иссыкъ-Куля. — Главный Тянъ-Шанскій хребетъ. — Поѣздки: въ 1857 году къ истокамъ Сыръ-Дарьи и горной группѣ Ханъ Тенгри. — Ледники Сары-Джаза. — Изслѣдованія позднѣйшихъ путешественниковъ въ Тянъ-Шанѣ.

Перевалъ въ Тянъ-Шанѣ.

Темные граниты
Пластами снѣжными покрыты,
И на груди ихъ вмѣсто латъ,
Льды вѣковѣчные горятъ.

ЛЕРМОНТОВЪ.

Четверть вѣка тому назадъ, только два знаменитыя европейскія географическія сочиненія — «Землевѣдѣніе Азіи» Карла Риттера и «Средняя Азія» Гумбольдта — давали намъ скудныя свѣдѣнія объ одномъ изъ самыхъ величественныхъ хребтовъ Стараго Свѣта, названномъ Китайцами Тянъ-Шанемъ, т. е. Не-

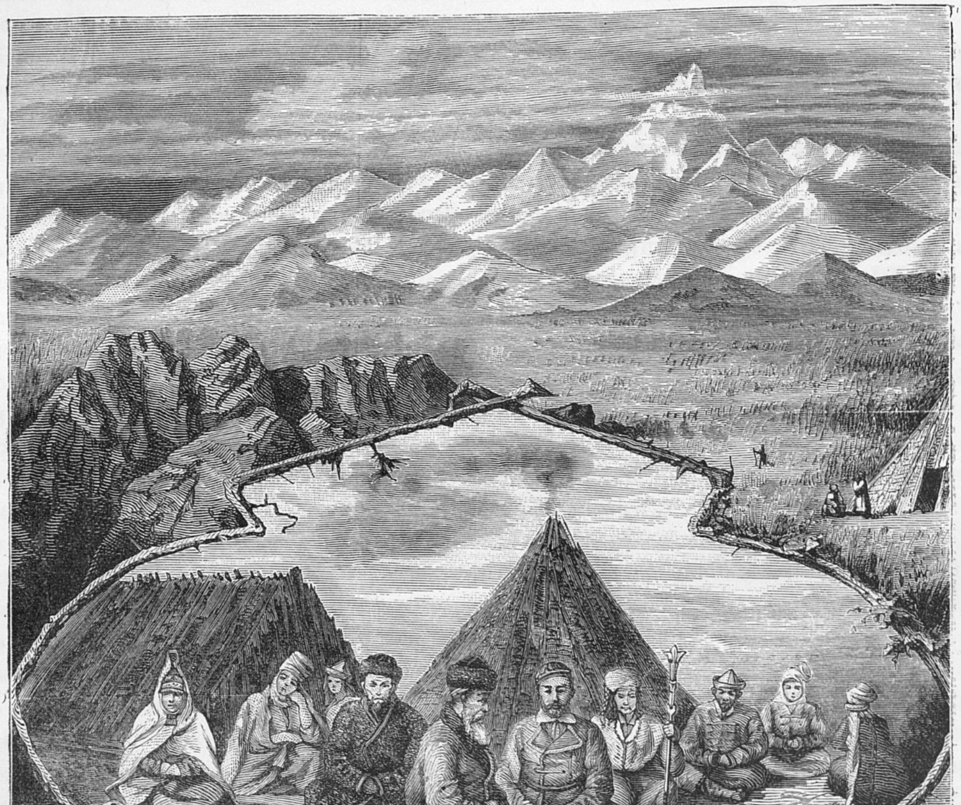
беснымъ хребтомъ, а у восточныхъ туркскихъ племенъ извѣстномъ подъ неопредѣленнымъ именемъ «Мустага», т. е. ледяныхъ горъ.

Названіе Тянъ-Шаня собственно принадлежитъ исполинскому хребту, начиная отъ окрестностей знаменитаго среднеазіятскаго города и оазиса Хами (Камула) до меридіана верховьевъ р. Нарына, находящихся къ югу отъ восточной части озера Иссыкъ-Куля, т. е. на протяженіи менѣе 1500 верстъ. Небесный хребетъ, входящій у верховьевъ р. Текеса (т. е. верхняго теченія рѣки Или, одной изъ четырехъ главныхъ среднеазіятскихъ рѣкъ) въ русскіе предѣлы, имѣетъ на всемъ протяженіи у насъ среднюю высоту до 12,000 фут. Такова высота не особенно многочисленныхъ горныхъ проходовъ или переваловъ, ведущихъ черезъ сѣдловидныя выемки главнаго хребта, между тѣмъ какъ предѣльная высота горныхъ вершинъ Тянъ-Шаня, возвышающихся надъ этими перевалами, достигаетъ 24,000 фут. Между безчисленными снѣжными вершинами особенно замѣчателенъ Ханъ-Тенгри, расположенный между верховьями р.р. Текеса и Нарына, превращающихся въ нижнихъ своихъ теченіяхъ въ значительныя среднеазіятскія рѣки: Или и Сыръ-Дарью. Рѣзко выдается на темноголубомъ фонѣ небесной лазури Ханъ-Тенгри изъ цѣлой группы бѣлоснѣжныхъ горныхъ вершинъ, кажущихся незначительными въ сравненіи съ величественнымъ царемъ Небеснаго хребта. Вся эта горная группа Тенгри-Тага, далеко превосходящая своимъ величіемъ не только Монбланъ и Монте-Розу, но и Казбекъ, Дихтау и Эльбрусъ, покрыта сплошнымъ покровомъ вѣчнаго снѣга и фирна, не смотря на то, что снѣжная линія, при сухости среднеазіятскаго климата, начинается здѣсь на высотѣ между 11 и 12 тыс. футовъ, между тѣмъ какъ въ европейскихъ Альпахъ она не превосходитъ 8 тыс. футовъ. Обширные ледники и такъ называемыя ледяныя моря (mers de glace) расползаются въ разныя стороны отъ Ханъ-Тенгри, питая ледниковые ручьи, дающіе начало тремъ большимъ рѣчнымъ системамъ Средней Азіи: Сыръ-Дарьи, текущей въ Аральское море, Или, впадающей въ озеро Балхашъ, и мало-бухарскому Тариму, теряющемуся въ болотистомъ бассейнѣ Лобъ-Нора. Едва-ли много уступаетъ въ вышинѣ величественной группѣ Тенгри-Тага мало изслѣдованная, но знаменитая у народовъ Средней Азіи, болѣе восточная горная группа Богдо-Оола, образующая, повидимому, подобно кавказскому Эльбрусу, значительный горный выступъ горнаго хребта въ сосѣдствѣ обширнаго и издавна знаменитаго среднеазіятскаго города Урумчи.

Восточная оконечность Тянъ-Шаня (за 95° в. д. отъ Гринвича), къ сѣверо-востоку отъ Хами, понижаясь постепенно, сглаживается въ высокомъ поднятіи обширныхъ плоскогорій пустынной степи Гоби, но около великаго изгиба китайской Желтой рѣки (Хуанъ-Хо) продолженіе колоссальнаго поднятія Небеснаго хребта, съ пониженіемъ сосѣднихъ плоскогорій, возстаетъ снова подъ именемъ Инъ-Шаня и, вѣнчаясь на нѣкоторыхъ изъ своихъ гребней знаменитою Китайскою стѣною, продолжается въ одинаковомъ съ Тянъ-Шанемъ направленіи почти до Желтаго моря.

Совершенно въ другомъ видѣ представляется западная, русская оконечность Тянъ-Шаня, къ западу отъ исполинской горной группы Тенгри-Тага. Здѣсь Небесный хребетъ, расщепленный продольными по отношенію къ его оси долинами, обнаруживаетъ наклонность къ образованію широкихъ, возвышенныхъ, поросшихъ альпійскими травами плоскогорій и къ расчлененію на вѣтви, сначала почти параллельныя, а потомъ слегка расходящіяся наподобіе пластинокъ немного распущеннаго вѣера.

Самое сѣверное изъ этихъ расчлененій, связанное съ Тянъ-Шанемъ въ горномъ узлѣ Санташъ, расположенномъ въ верховьяхъ восточныхъ притоковъ Иссыкъ-Куля (Тюбъ и Джиргаланъ), носитъ въ разныхъ частяхъ своего протяженія частныя названія Заилійскаго Алатау и Александровскаго хребта и окончательно сглаживается въ степной равнинѣ близъ города Сыръ-Дарьинской области Аулія-Ата. Между южною цѣпью Заилійскаго Алатау и главнымъ Тянъ-Шанскимъ хребтомъ, въ широкой продольной долинѣ, расположена глубокая котловина, въ которой, на абсолютной высотѣ 5,600 фут., разстилается темно-синяя поверхность Иссыкъ-



Горная группа Ханъ-Тенгри. Киргизы Большой орды. Выходъ р. Чарына изъ Заилійскаго Алатау.

Куля, одного изъ обширнѣйшихъ и величественнѣйшихъ альпійскихъ озеръ земнаго шара. Главный Тянъ-Шанскій хребетъ, уже теряя свое названіе въ верховьяхъ Нарына, вѣтвится здѣсь на двѣ медленно расходящіяся цѣпи. Сѣверная изъ нихъ, простирающаяся по сѣверной сторонѣ Нарына и Сыръ-Дарьи, носитъ у Китайцевъ названіе Луковыхъ горъ (Цунъ-Линь), продолжаясь на западѣ отъ истоковъ р. Таласа, подъ разными частными названіями, между которыми наиболѣе извѣстны Уртакъ-Тау и Кара-Тау. Послѣдняя цѣпь сглаживается въ Сыръ-дарьинскихъ степяхъ, не доходя до Джулека, между тѣмъ какъ южныя вѣтви этой цѣпи подходятъ къ Ташкенту. Отдѣляющееся же отъ Цунъ-Линя въ верховьяхъ Нарына самое южное расчлененіе носитъ разныя названія, какъ напримѣръ: Кокъ-Талъ, Атбаши, а вблизи очень возвышеннаго (11 тыс. фут. абсол. выс.) альпійскаго озера Чатыръ-Куля — Суокъ-Тау; далѣе же къ юго-западу называется Алайскимъ хребтомъ. Хребетъ этотъ, въ свою очередь, въ исполинскомъ горномъ узлѣ Кокъ-Су, питающемъ Зеравшанскіе ледники и истоки Зеравшана, развѣтвляется на двѣ горныя цѣпи, ограничивающія съ сѣверной и южной стороны долину Зеравшана. Цѣпь, ограничивающая долину Зеравшана съ сѣвера, есть та самая горная цѣпь, которую Гумбольдтъ называетъ Акъ-Тагъ (названіе это подтверждается и оригинальною картою Рената). Цѣпь, ограничивающая Зеравшанскую долину съ юга, составляетъ продолженіе большаго Алайскаго хребта и окончательно сглаживается въ низменности только на границахъ Бухарскаго оазиса.

Такимъ образомъ вся линія поднятія Небеснаго хребта отъ Желтаго моря до Бухарскаго оазиса представляетъ до 4,500 верстъ длины. При этомъ Небесный хребетъ представляется самымъ континентальнымъ на земномъ шарѣ, такъ какъ одна изъ двухъ высшихъ его точекъ (гора Богдо-Оола) находится почти въ одинаковомъ отдаленіи отъ Бенгальскаго залива, Обской губы, Желтаго и Каспійскаго морей, то есть почти въ самомъ центрѣ азіятскаго материка. Если принять въ соображеніе континентальное положеніе Небеснаго хребта и умѣренность зоны, черезъ которую онъ проходитъ (между 40° и 43° с. шир.), вслѣдствіе чего предѣлъ вѣчнаго снѣга или снѣжная линія лежитъ на хребтѣ очень высоко, то обиліе вѣчныхъ снѣговъ и ледниковъ, встрѣчающихся въ Тянъ-Шанѣ, находитъ объясненіе только въ исполинской высотѣ хребта, которая значительно превышаетъ высоту Кавказа и тѣмъ болѣе высоту всѣхъ европейскихъ горъ, въ Азіи высоту Алтайско-Саянской системы, но уступаетъ первенство Гималайскому хребту. Этотъ послѣдній, расширяясь въ возвышенныя плоскогорія и расчленяясь, на западной оконечности своими развѣтвленіями сталкивается съ расчлененіями Тянъ-Шаня, и на этой-то грани высится знаменитый *Памиръ*—крыша міра, по географическимъ понятіямъ древнихъ Индусовъ.

Вслѣдствіе того, вся обширная часть Средней Азіи, лежащая между исполинскими горными хребтами Гималайскимъ и Тянъ-Шанскимъ, которые образуютъ главный остовъ азіятскаго материка, отдѣлена отъ Индійской, Туранской и Киргизской низменностей высокою горною стѣною, имѣющею удобные проходы на высотѣ 11—12 тыс. фут. лишь тамъ, гдѣ сталкиваются верховья долинъ притоковъ Тарима и Сыръ-Дарьи на пути изъ Кашгаріи въ Фергану. Здѣсь-то и проходилъ, еще во времена древней Римской имперіи, знаменитый торговый путь, по которому Римляне получали изъ Азіи шелковыя ткани; здѣсь же проходили и нѣкоторыя народныя переселенія, хотя, вообще, кочевники Средней Азіи предпочитали, во время миграцій изъ внутренней нагорной Азіи въ болѣе щедро одаренныя природою и болѣе удобныя для селенія равнины Индостана и отдаленной Европы, огибать исполинскій Небесный хребетъ съ сѣверной его стороны и спускаться въ низменность нынѣшнихъ Киргизскихъ степей въ загроможденномъ только отчасти высокими горными хребтами промежуткѣ между Алтаемъ и Небеснымъ хребтомъ. Достаточно широкими воротами для выхода азіятскихъ кочевниковъ изъ нагорной Азіи въ низменную равнину представляются только четыре междугорныя полосы: бассейнъ озера Зайсана, между Алтаемъ и Тарбагатаемъ; бассейнъ озера Ала-Куля, между Тарба-

гатаемъ и Семирѣченскимъ Алатау; широкая Илійская долина, между Семирѣченскимъ и Заилійскимъ Алатау; наконецъ, Иссыкъ-Кульская котловина между Заилійскимъ Алатау и Тянъ-Шаномъ. Почти всѣ народныя миграціи, шедшія съ среднеазіятскаго нагорья, имѣли непосредственныя отношенія къ Тянъ-Шаню. Богато орошенные склоны Небеснаго хребта, въ особенности Илійская долина и котловина Иссыкъ-Куля, неминуемо должны были служить долговременными станціями для народныхъ массъ, стремившихся на далекій западъ.

Первое изъ коснувшихся Тянъ-Шаня народныхъ переселеній произошло въ началѣ II вѣка до Р. Х. Усилившееся въ то время Китайское государство положило предѣлъ дерзкимъ вторженіямъ кочевниковъ, сгруппированныхъ около воротъ, искони служившихъ входомъ со степнаго среднеазіятскаго нагорья въ плодородныя равнины Китая, а именно, около великаго изгиба Желтой рѣки. Вслѣдствіе того, Гунны, наиболѣе сильные въ этомъ сбродѣ кочевниковъ, вытѣснили два народа, жившіе въ сосѣдствѣ съ изгибомъ Желтой рѣки, а именно: темноволосыхъ Юэчжи, тибетскаго племени, и голубоглазыхъ и русоволосыхъ Усуней, принадлежавшихъ, по мнѣнію многихъ ученыхъ, къ индо-германскому племени. Усуни первые бѣжали на западъ. Найдя удобныя для кочевокъ мѣста на сѣверномъ склонѣ Небеснаго хребта, они заняли Илійскую долину и Иссыкъ-Кульскую котловину съ прилегающими къ нимъ горными скатами и осѣли здѣсь на нѣсколько вѣковъ.

Вслѣдъ за Усунями и Юэчжи также прибыли въ Илійскую долину, но, найдя, что всѣ кочевки въ этой долинѣ и на озерѣ Иссыкъ-кулѣ заняты Усунями, послѣдовали далѣе къ юго-западу, не остановились даже на сверженіи греческихъ властителей македонскаго происхожденія съ бактрійскаго трона — и сами основали обширное царство Индо-Скиѳовъ или Гетовъ, просуществовавшее нѣсколько вѣковъ.

Между тѣмъ, близъ великаго изгиба Желтой рѣки, китайская династія Цинъ энергически продолжала вести упорную борьбу съ могущественными Гуннами и, желая обезопасить себя пріобрѣтеніемъ вѣрныхъ союзниковъ въ тылу Гунновъ, вступила въ дружескія сношенія съ Усунями, усилившимися въ своихъ новыхъ благопріятныхъ условіяхъ. Сношенія эти впервые познакомили Китайцевъ со склонами Тянъ-Шаня, на которыхъ кочевали Усуни, несомнѣнно поднимаясь лѣтомъ до альпійскихъ луговъ Небеснаго хребта. Для упроченія союза съ Усунями, въ 107 году до Р. Х. одна изъ китайскихъ принцессъ Цинской династіи была выдана замужъ за усунскаго государя, носившаго титулъ куенми (т. е. короля — тоже, что старо-нѣмецкое Künig, по мнѣнію К. Риттера).

Жалобно раздавалась въ долинахъ Тянъ-Шаня пѣсня китайской принцессы, тосковавшей по отдаленной родинѣ. Вотъ переводъ этой пѣсни, сохраненной для потомства китайскимъ лѣтописцемъ:

Родные отдали меня въ замужство,
Въ далекую, чужую для меня сторону.
Дворцомъ служитъ мнѣ бѣдная юрта,
Стѣны которой обшиты только войлокомъ;
Сырое мясо служитъ мнѣ обычною пищею,
А кислое молоко—лучшимъ напиткомъ.
О, еслибъ я могла быть легкою птичкою,
Какъ быстро понеслась бы я къ милой родинѣ!

Правда, усунскій король построилъ для своей царственной супруги вблизи нынѣшняго окружнаго города Семирѣченской области Каракола, у восточной оконечности Иссыкъ-Куля, городъ Чи-Гу-Чжень, существовавшій еще въ V вѣкѣ по Р. Х. Но ни этотъ городъ Красной долины (Чи-Гу), ни германскій титулъ королевы (кюнъ-ди, по Риттеру, то же, что англійское и шведское Queen, или едва ли не ближе нѣмецкое Kün-igin), ни дворецъ, для нея выстроенный въ китайскомъ вкусѣ, ни царственная власть не могли утѣшить поэтическую принцессу въ ея тоскѣ по родинѣ, и, повидимому, не долго прожила она на берегахъ очаровательнаго синяго озера, въ виду величественнѣйшей снѣговой цѣпи, вдали отъ скучныхъ, болотистыхъ,

пересѣченныхъ грязными канавами, но милыхъ ей рисовыхъ полей Китайской Срединной имперіи.

Не посчастливилось впослѣдствіи и самому городу Красной долины. Киргизы утверждаютъ, что во время низкаго стоянія воды Иссыкъ-Куля, между устьями Тюба и Джиргалана торчатъ еще развалины древняго города, а волны Иссыкъ-Куля выбрасываютъ на его прибрежья мѣдныя орудія и большіе мѣдные котлы древнихъ обитателей этого города, который, повидимому, подвергся участи Содома и Гомора.

Только въ I вѣкѣ по Р. X. Китайцамъ удалось, наконецъ, оттѣснить отъ великаго изгиба Желтой рѣки своихъ опасныхъ враговъ Гунновъ, значительная часть которыхъ откочевала на западъ, по слѣдамъ Юэчжи и Усуней. Само собою разумѣется, что богатые водою и пастбищами сѣверные склоны Тянъ-Шанскаго нагорья должны были служить Гуннамъ при ихъ миграціи на далекій западъ долговременною станціею. Впрочемъ, часть Гунновъ двинулась и вдоль южнаго подгорья Тянъ-Шаня и заняла подгорье между нынѣшними городами Харашаромъ и Куча. Китайцы, слѣдя за всѣми движеніями своихъ страшныхъ враговъ, естественно обратили впервые надлежащее вниманіе на склоны исполинскаго Тянъ-Шаня. Къ этому-то времени (92 году по Р. X.) и относится первое свѣдѣніе Китайцевъ о Байшанѣ, горѣ, богатой сѣрою и нашатыремъ, выбрасывавшей огонь и находившейся верстахъ въ 100 къ сѣверу отъ города Ироло (нынѣшняго Куча) на южномъ склонѣ Тянъ-Шаня. Во II вѣкѣ по Р. X. Гунновъ уже не было на южномъ склонѣ Тянъ-Шаня, которымъ владѣло туркское племя Уйгуровъ, сдѣлавшихся данниками воинственной китайской династіи Хань и устроившихъ въ началѣ II вѣка свою столицу на южномъ склонѣ Небеснаго хребта, вблизи нынѣшняго города Турфана.

Въ это время Гунны занимали однакоже еще то сѣверное подгорье Небеснаго хребта, которое въ новѣйшія времена было извѣстно подъ именемъ Джунгаріи, и сильно тѣснили обитавшихъ еще попрежнему въ Илійской долинѣ и на Иссыкъ-кулѣ Усуней. Китайская исторія постоянно слѣдила за опасными сосѣдями и заносила на свои страницы непрерывный рядъ государей сѣверныхъ Гунновъ, носившихъ титулъ *шань-юй*.

Но и Гуннамъ и Усунямъ невозможно было удержаться въ западномъ углу нагорной Азіи съ тѣхъ поръ, какъ, въ началѣ II вѣка по Р. X., хлынули въ эту часть Средней Азіи полчища воинственныхъ Сянъ-бійцевъ, народа вѣроятно манчжурскаго племени, обитавшаго первоначально на границѣ Кореи въ Манчжуріи, но захватившаго въ это время все пространство между Алтайско-Саянскими горами и Небеснымъ хребтомъ до Джунгаріи включительно. По свидѣтельству китайской исторіи, Гунны и Усуни, т. е. кочевники, занимавшіе въ то время сѣверные склоны западной части Небеснаго хребта, бѣжали на западъ къ прибрежьямъ отдаленнаго моря, которому Китайцы даютъ неопредѣленное названіе Си-Хая, т. е. Западнаго моря. Подъ этимъ именемъ Китайцы смѣшивали, правда, всѣ обширныя озера Арало-Каспійской низменности, но въ этомъ случаѣ они, очевидно, разумѣли подъ Си-Хаемъ Каспійское море, такъ какъ черезъ полстолѣтія, по свидѣтельству византійскихъ историковъ, страшный народъ, вышедшій изъ глубины Средней Азіи и кочевавшій нѣкоторое время около прибрежьевъ Каспія и въ нынѣшнемъ Заволжьѣ, переходитъ Волгу въ 376 г. подъ тѣмъ же именемъ Гунновъ (Hunni), подъ которымъ онъ такъ долго былъ извѣстенъ Китайцамъ, и, какъ грозная туча, надвигается на Европу, открывая своеобразный періодъ событій, извѣстный на страницахъ европейской исторіи подъ именемъ переселенія народовъ.

Не долго продолжалось владычество Сянъ-бійцевъ на сѣверномъ склонѣ Небеснаго хребта. Многочисленныя орды туркскаго племени, оставшіяся на обоихъ склонахъ Тянъ-Шаня, сплотились въ обширное Ту-кюэское (Туркское) царство, подчинивъ себѣ и своихъ соплеменниковъ Уйгуровъ, обитавшихъ въ то время по обѣимъ сторонамъ восточной оконечности Тянъ-Шаня.

Первоначальною родиною Туркскаго племени была, какъ ясно слѣдуетъ изъ его народныхъ преданій, та обширная продольная долина Алтайско-Саянской системы, въ которой сливаются двѣ текущія одна на встрѣчу другой водныя вѣтви, образующія исполинскую рѣку Енисей; владычество же Тукюэ, образовавшихъ въ VI, VII и VIII вѣкахъ обширное кочевое государство, извѣстное въ китайской исторіи подъ именемъ Хой-хэ, распространилось на всю Среднюю Азію, между Алтайско-Саянскою горною системою и Небеснымъ хребтомъ, отъ идущаго, приблизительно по меридіану Пекина, хребта Хингана, отдѣляющаго нынѣшнюю Монголію отъ Манчжуріи, до крайнихъ на западѣ подгорій Тянъ-Шаня. Черезъ посредство вассальныхъ Уйгуровъ владычество Турковъ распространилось и на южное подгорье Небеснаго хребта, т. е. на большую часть нынѣшняго Китайскаго Туркестана или Малой Бухаріи.

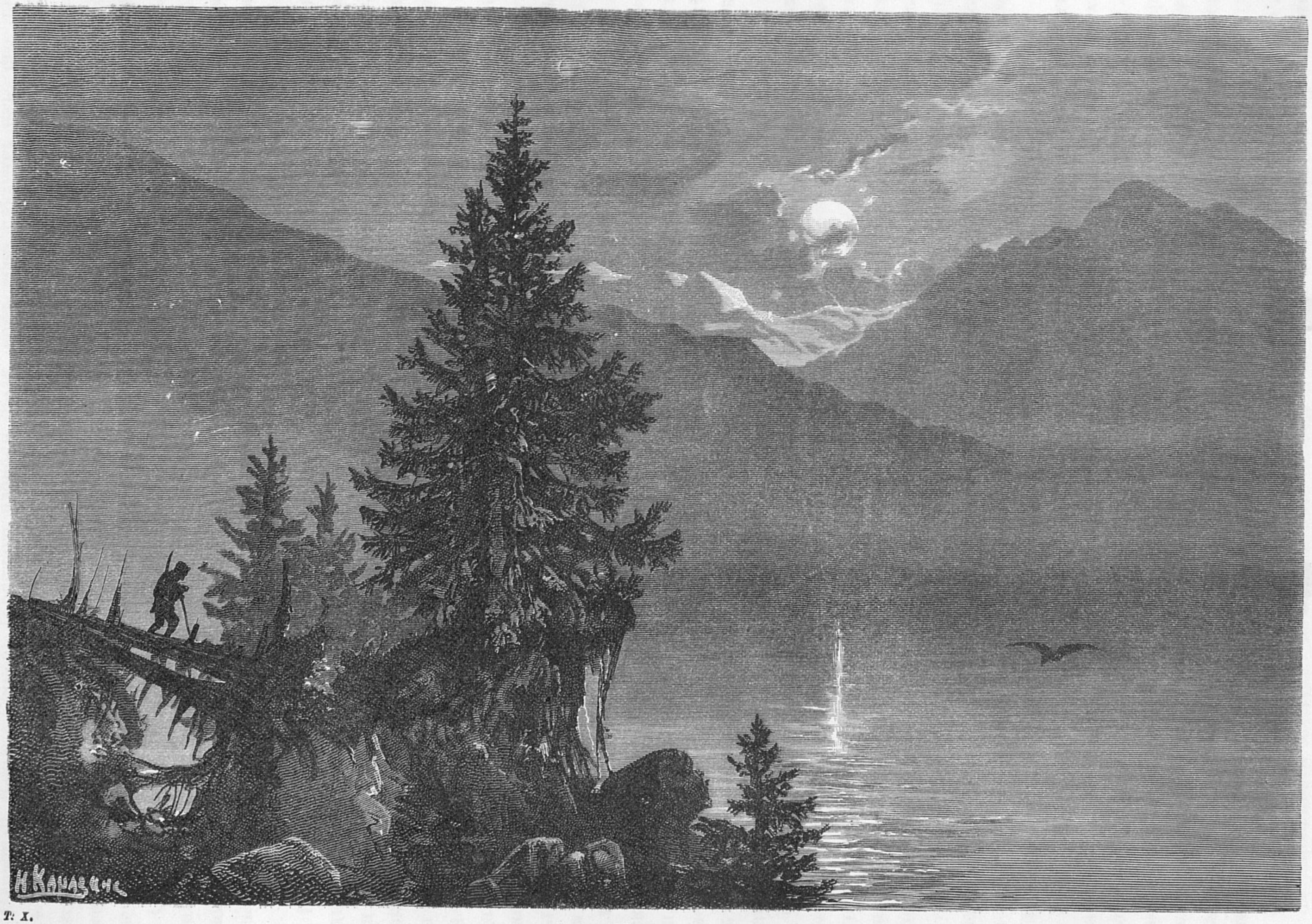
Главный центръ тяжести Туркскаго государства находился, впрочемъ, на Саянской окраинѣ Среднеазіятскаго нагорья, гдѣ туркскіе ханы въ VIII вѣкѣ построили столицу Холинъ (впослѣдствіи Каракорумъ—столица Чингисъ-хана), къ сѣверо-востоку отъ Урги, на нынѣшней русско-китайской границѣ. Особенно же дорожили туркскіе ханы двумя важными предѣльными пунктами своего государства: изгибомъ Желтой рѣки на юго-востокѣ и западною оконечностью Тянъ-Шаня на юго-западѣ. Несомнѣнно, что на этихъ отдаленныхъ окраинахъ находились стойбища туркскихъ хановъ, подручниковъ обитавшихъ въ Холинѣ главныхъ хановъ; несомнѣнно также, что эти подручники состояли въ такихъ же отношеніяхъ къ главнымъ ханамъ, какъ ханы Золотой орды, жившіе въ Сараѣ за Волгою, находились къ главнымъ монгольскимъ ханамъ Чингису и Октаю.

О стойбищѣ такого подручнаго туркскаго хана, расположенномъ на склонѣ западнаго русскаго Тянъ-Шаня, повѣствуетъ очевидецъ русскаго Тянъ-Шаня и бассейна озера Иссыкъ-Куля, оставившій намъ первыя драгоцѣнныя письменныя свѣдѣнія объ этихъ мѣстностяхъ, а именно, буддійскій миссіонеръ Хюанъ-Цзанъ, Китаецъ родомъ, прошедшій въ VII вѣкѣ черезъ эти мѣстности на продолжительномъ пути своемъ изъ Индіи въ Китай, черезъ нынѣшніе Авганистанъ, Туркестанъ и Джунгарію.

Свѣдѣнія, сообщенныя Хюанъ-Цзаномъ, очень скудны, но они отличаются замѣчательною точностью. Пройдя отъ одного изъ ферганскихъ городовъ верстъ 200 на сѣверо-востокъ, Хюанъ-Цзанъ пришелъ въ мѣстность тысячи источниковъ (Минъ-Булакъ), расположенную, очевидно, на сѣверномъ склонѣ одного изъ западныхъ Тянъ-Шанскихъ расчлененій на подгорьѣ весьма богато орошенномъ, такъ какъ непосредственно надъ нимъ возвышается снѣговой хребетъ, о которомъ совершенно опредѣленно упоминаетъ Хюанъ-Цзанъ. Здѣсь находились въ то время лѣтнія кочевки туркскаго хана, который искалъ убѣжища отъ лѣтняго зноя на прохладномъ горномъ склонѣ, обильно поросшемъ, какъ свидѣтельствуетъ Хюанъ-Цзанъ, деревьями и коврами самыхъ разнообразныхъ весеннихъ цвѣтовъ.

Еще двѣсти верстъ перехода черезъ высокое нагорье привели Хюанъ-Цзана, какъ онъ выражается, къ «чистому большому озеру», которое нѣкоторые писатели называютъ *теплымъ озеромъ* (по-китайски Же-Хай), другіе—*соленымъ озеромъ* (по-китайски Ханъ-Хай). Это и есть, несомнѣнно, самый обширный изъ водоемовъ Тянъ-Шанскаго нагорья, нынѣ носящій туркскія названія Иссыкъ-Куля или Тузъ-Куля, т. е. «теплаго озера» и «соленаго озера», и намъ остается только удивляться постоянству въ Средней Азіи географическихъ именъ, по счастію, неизмѣнившихся въ теченіе болѣе чѣмъ двѣнадцати столѣтій.

Краткая характеристика озера, сдѣланная Хюанъ-Цзаномъ, поразительно вѣрна. Онъ даетъ ему въ окружности до 1,000 ли (китайскихъ миль), т. е. около 500 верстъ. Это приблизительно вѣрно, такъ какъ окружность озера нынѣ простирается до 420 верстъ, а оно, повидимому, нѣсколько уменьшилось въ своемъ объемѣ, судя по старымъ береговымъ террасамъ. Далѣе Хюанъ-Цзанъ говоритъ, что «озеро растянуто отъ в. къ з., а съужено отъ ю. къ с., со всѣхъ четырехъ сторонъ окружено высокими горами и принимаетъ множество рѣчекъ. Вода



Т. I.

Озеро Иссыкъ-Куль.

его имѣетъ зеленовато-темный цвѣтъ и нѣсколько солоноватый и горьковатый вкусъ. Иногда воды его разстилаются въ гладкихъ обширныхъ поверхностяхъ, иногда же бушуютъ и пѣнятся его волны съ неимовѣрною силою. Драконы и рыбы живутъ совмѣстно въ озерѣ.»

Неразъясненное сомнѣніе представляетъ только это указаніе на драконовъ, такъ какъ никакихъ водныхъ ящерицъ, подобныхъ большому каспійскому Monitor или Psammosaurus, до сихъ поръ не было найдено ни на берегахъ Иссыкъ-Куля, ни въ самомъ озерѣ.

Ко времени путешествія Хюанъ-Цзана относится и еще одно весьма интересное показаніе о Тянъ-Шанѣ, записанное исторіей въ періодъ могущественной Танской династіи, которая вела на сѣверо-западной окраинѣ упорную борьбу съ болѣе и болѣе возрастающимъ въ могуществѣ Туркскимъ государствомъ. Свѣдѣніе это относится до выбрасывавшей огонь горы Байшань, по южному китайскому произношенію Пешань. «Байшань — говоритъ лѣтопись — выбрасываетъ непрерывно огонь и дымъ, отчего и образуется нашатырь. Съ одной стороны огненной горы всѣ камни горятъ, плавятся и текутъ на разстояніи нѣсколькихъ часовъ пути; расплавленная масса, которая течетъ подобно растопленному жиру, твердѣетъ при охлажденіи. Жители употребляютъ ее, какъ врачебное средство въ болѣзняхъ; здѣсь есть также и сѣра.»

Мы уже сказали, что самыми важными опорными пунктами могущественнаго съ VI до IX вѣка Туркскаго государства (Хой-хэ) были: мѣстность верхнихъ Байкальскихъ притоковъ на сѣверѣ, великій изгибъ Желтой рѣки на югѣ-востокѣ и западная оконечность Тянъ-Шаня на юго-западѣ. Такимъ образомъ, обширное Туркское государство опиралось по всей длинѣ своей на исполинскій Тянъ-Шанскій хребетъ и пользовалось столь громкою извѣстностью въ Азіи, что даже византійскій императоръ Юстиніанъ II въ 562 г., т. е. задолго до путешествія Хюанъ-Цзана, посылалъ своего посла, префекта восточныхъ провинцій, Земарха, въ стойбище туркскаго кахана Ди-ту-була, кочевавшаго въ Экъ-Тагѣ или Золотыхъ горахъ.

Къ сожалѣнію, Земархъ, очень характерно описывающій палатку или кибитку кахана, покоющуюся на колесахъ, украшенную богатыми шелковыми драпировками, золотыми сосудами и постелью, укрѣпленною на золотыхъ павлинахъ, а также и пріемъ, при которомъ его заставляли пройти черезъ огонь, при неистовой музыкѣ и крикахъ шамановъ, — ничего не говоритъ о мѣстностяхъ, черезъ которыя онъ проходилъ, такъ что стойбище кахана Ди-ту-була одинаково можно пріурочить къ Алтаю — золотой горѣ, и Акъ-Тагу (бѣлой, а вовсе не золотой горѣ, какъ ошибочно переводилъ Земархъ), т. е. западной оконечности одного изъ расчлененій Тянъ-Шаня. Дѣвушка племени «Киргизъ», подаренная Ди-ту-буломъ Земарху, также не опредѣляетъ положенія долины Акъ-Тага, такъ какъ Киргизы, первоначально обитавшіе въ долинѣ Верхняго Енисея и на Черномъ Иртышѣ, въ то время (въ VI вѣкѣ), т. е. по уходѣ Усуней, могли уже проникнуть и въ бассейнъ Иссыкъ-Куля, гдѣ, смѣшавшись съ остатками Усуней, живутъ и донынѣ подъ древнимъ своимъ именемъ Кергизъ или Киргизъ (Черные или Дикокаменные Киргизы).

Эти-то самые Киргизы, находившіеся уже въ VI вѣкѣ въ борьбѣ съ Турками, наиболѣе способствовали сокрушенію могущественнаго царства, окончательно ослабленнаго ими въ IX вѣкѣ, въ то время, когда съ одной стороны могущественная китайская династія Танъ отторгла отъ нихъ Уйгуровъ со всею восточною оконечностью Тянъ-Шаня, а на юго-западѣ Арабы сильно ослабили ихъ своими нашествіями. Впослѣдствіи, значительныя массы туркскаго племени, не видя возможности держаться долѣе въ нагорной Средней Азіи, также какъ и въ Арало-Каспійской низменности, направились въ Малую Азію и Сирію, т. е. нынѣшнюю Азіятскую Турцію.

Обладателями обоихъ склоновъ восточной части Туркестана остались Уйгуры, то подчинявшіеся владычеству китайскихъ династій, то державшіе себя довольно независимо. Вслѣдствіе такихъ отношеній властителей Тянъ-Шаня, уйгурскихъ государей, къ Китаю, мы снова встрѣчаемъ въ китайской исторіи нѣкоторыя географическія свѣдѣнія о Тянъ-Шанѣ,

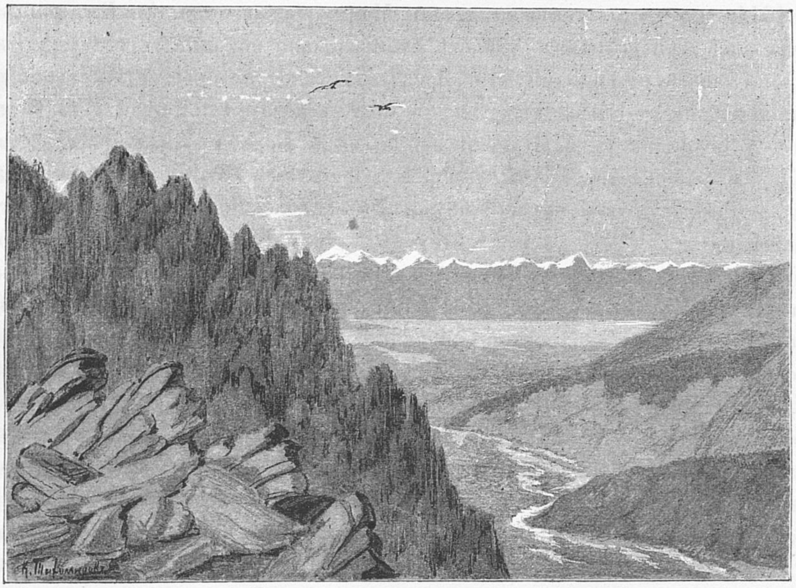
относящіяся къ 982 году. Въ это время первый китайскій императоръ изъ династіи Сунъ послалъ своего уполномоченнаго къ уйгурскому Арсланъ-хану (Львиному царю), для поддержанія, какъ говоритъ лѣтопись, и упроченія союза, предложеннаго данниками и вассалами Небесной имперіи. Китайскій посланникъ не нашелъ уйгурскаго хана въ его исконной столицѣ Си-Чжеу (нынѣшнемъ Турфанѣ), на южномъ склонѣ Тянъ-Шаня. Подобно всѣмъ тянъ-шанскимъ властителямъ, «Львиный царь» искалъ убѣжища отъ лѣтняго зноя на сѣверномъ, тѣнистомъ склонѣ Небесныхъ горъ, въ нарочно устроенной тамъ для этой цѣли сѣверной резиденціи, по-китайски Бэй-Тинь. Эта резиденція находилась верстахъ въ 250 къ с. отъ Турфана, и китайскому посланнику пришлось перевалить черезъ главный Тянъ-Шанскій хребетъ, на что онъ употребилъ дней 14. «Послѣ 6 дней пути отъ Турфана, — повѣствуетъ китайскій посланникъ, — посолъ прибылъ къ Золотой горѣ, изъ которой туземцы извлекали большія богатства. Два дня слѣдовали путешественники этими горами и наконецъ дошли до мѣста, называемаго «Китайскимъ лагеремъ». Оттуда, послѣ 5 дней пути, поднялись въ гору; во время перехода выпало много снѣга. На вершинѣ находился храмъ драконовъ (китайская кумирня), а у подошвы горы—памятникъ съ надписью «Малая снѣжная гора». Гора эта всегда покрыта снѣгомъ, и путешественники должны одѣться въ шубы для того, чтобы защититься отъ холода. Черезъ день спуска съ горы путешественники прибыли въ сѣверную резиденцію «Львинаго царя». Бэй-Тинь лежалъ у подножія Небеснаго хребта, на равнинѣ, разстилавшейся въ три стороны отъ города. Подгорная равнина была очень богата лошадьми и покрыта ими болѣе, чѣмъ на 16 дней пути кругомъ. Черезъ 8 дней уйгурскій ханъ принималъ посольство. Церемоніалъ произошелъ въ тогдашнемъ китайскомъ вкусѣ: сначала были поднесены императорскіе подарки, потомъ день и ночь прошли въ пиршествѣ и танцахъ. На другой день ханъ устроилъ поѣздку по озеру, окруженному музыкантами; на третій день посѣтили храмъ, построенный еще въ VII вѣкѣ. На сѣверъ отъ Бэй-Тиня, повѣствуетъ посланникъ, лежитъ гора, изъ которой добывается нашатырь; она дымится днемъ и всегда покрыта снѣгомъ и туманами. При свѣтѣ ея огня птицы и летучія мыши кажутся огненными. Люди, добывающіе здѣсь соль, привязываютъ подъ ноги деревянныя подошвы, потому что кожаныя скоро истлѣваютъ. У подошвы горы находятся отверстія, изъ которыхъ выступаетъ черный илъ, превращающійся скоро въ песчаникъ. Въ городѣ Бэй-Тинь было довольно многоэтажныхъ домовъ и деревьевъ въ цвѣту. Жители его были бѣлы, рослы, серьезны, ловки отъ природы и умѣли добывать золото, серебро и желѣзо; особенно хорошо обдѣлывали драгоцѣнный камень юй (нефритъ).

Владычество Уйгуровъ на обоихъ склонахъ Тянъ-Шаня продолжалось до начала XIII вѣка, т. е. до времени міровыхъ завоеваній знаменитаго Чингисъ-хана. Впрочемъ, уйгурскій царь подчинился Чингисъ-хану въ несравненно лучшихъ условіяхъ, чѣмъ его сосѣди. Разбивъ сыновей погибшаго въ борьбѣ съ Чингисъ-ханомъ царя Мекритовъ, онъ добровольно пошелъ въ вассальную зависимость Чингисъ-хана, за что и получилъ въ супружество его дочь.

Вотъ почему войны Чингисъ-хана не касались прекрасныхъ долинъ и склоновъ Небеснаго хребта. При всемъ томъ потоки народныхъ движеній, произведенные возникновеніемъ такого громаднаго государства, какимъ явилось съ XIII вѣка Монгольское, не могли, конечно, совершенно обойти исполинскаго Небеснаго хребта. Въ походѣ своемъ изъ столицы Чингисъ-ханидовъ (Кара-корума) въ Персію, внукъ Чингисъ-хана, Гулагу, неминуемо пересѣкъ всѣ крайнія западныя оконечности русскаго Тянъ-Шаня; пересѣкали ихъ и тѣ подвластные Чингисъ-ханидамъ князья, которые, подобно армянскому царю Гетуму, съ южныхъ береговъ Каспія или изъ Персіи, отправлялись въ отдаленный Каракорумъ на поклоненіе великому хану; но, къ сожалѣнію, въ маршрутахъ этихъ лицъ очень мало такихъ географическихъ данныхъ, которыя могли бы быть безспорно пріурочены, подобно разсказу Хюанъ-Цзана, къ опредѣленнымъ мѣстностямъ Небеснаго хребта. Только въ отношеніи армянскаго царя Гетума несомнѣнно,

что онъ пересѣкъ нынѣшнія области Сыръ-Дарьинскую и Семирѣченскую, откуда вышелъ къ озеру Алакулю, которое онъ не называя описываетъ такъ, что нельзя не узнать его.

Большой интересъ для географіи Тянъ-Шаня представляетъ тотъ фактъ, что бѣжавшіе отъ религіозныхъ преслѣдованій на дальній востокъ несторіанскіе христіане построили, въ началѣ XIV вѣка, монастырь свой на сѣверо-восточной сторонѣ Иссыкъ-Куля. Такъ гласитъ хранящаяся въ Венеціи знаменитая Каталанская карта 1374 г., на которой впервые на европейскихъ картахъ изображено и озеро Иссыкъ-Куль. Къ сожалѣнію, никакихъ иныхъ свѣдѣній объ этомъ первомъ христіанскомъ монастырѣ въ Небесномъ хребтѣ мы не имѣемъ, да и слѣды его еще не найдены, но, по нашимъ догадкамъ, онъ долженъ былъ находиться какъ разъ въ той мѣстности, въ которой нынѣ предположено построить православный монастырь, — на берегу одной изъ лучшихъ бухтъ Кунгея, т. е. сѣвернаго прибрежья озера, находящейся при устьѣ р. Курметы.



Спускъ къ Иссыкъ-Кулю съ горнаго перевала Курметы.

Въ концѣ XIV вѣка, Монголы, утвердившіеся съ 1285 г. на китайскомъ престолѣ, были изгнаны изъ Китая и съ тѣхъ поръ заняли нынѣшнее свое положеніе на Среднеазіятскомъ нагорьѣ, а именно, между Алтайскими горами и Тянъ-Шанскимъ хребтомъ, отъ Хингана до Джунгарскаго или Семирѣченскаго Алатау.

Потомки Чингисъ-хана удержались на туркестанскомъ престолѣ, и одному изъ нихъ, знаменитому Тимуру или Тамерлану, въ началѣ XI вѣка много разъ доводилось переходить черезъ русскія развѣтвленія Небеснаго хребта, между которыми лежала его прекрасная столица Самаркандъ. Въ особенности на пути въ Джунгарію приходилось ему совершать свои наиболѣе тяжелые переходы. Въ Джунгарію онъ всегда проходилъ черезъ котловину или долину Иссыкъ-Куля, и мнѣ лично привелось видѣть на нетрудномъ, впрочемъ, горномъ перевалѣ или проходѣ Санташъ, къ востоку отъ Иссыкъ-Куля, груду камней, насыпанныхъ, по мѣстнымъ преданіямъ, руками полчищъ Тамерлана. Кара-Киргизы, вѣковые обитатели долины, говорятъ, что Тамерланъ при переходѣ черезъ Санташъ приказалъ каждому изъ воиновъ взять камень и всѣ эти камни сложить въ одну груду. На возвратномъ пути побѣдоносное войско снова проходило черезъ Санташъ. Тамерланъ приказалъ каждому возвра-

щавшемуся воину взять по камню изъ груды и отбросить въ сторону, такъ что число камней, оставшихся въ грудѣ, соотвѣтствуетъ числу погибшихъ въ походѣ. Болѣе простаго и точнаго статистическаго пріема для исчисленія убыли въ войскахъ не придумалъ-бы современный европейскій статистикъ.

По изгнаніи Монголовъ изъ Китая династіею Минь, въ концѣ XIV вѣка, монгольскій народъ, возвратившійся къ прежнему своему невѣжеству, сгруппировался въ два главные центра: сѣверо-восточный — Халхасско-бурятскій, на подгорьяхъ Саянскаго хребта, и юго-западный — сначала Элютскій и потомъ Джунгарскій на подгорьяхъ Тянъ-Шаня.

Властвовавшая въ Китаѣ туземная Минская династія едва могла защитить предѣлы Срединной имперіи отъ кочевниковъ и очень мало имѣла вліянія на событія, совершавшіяся около Тянъ-Шаня. Но обстоятельства очень сильно измѣнились съ тѣхъ поръ, какъ на китайскій престолъ въ 1644 году взошла свѣжая силами Манчжурская династія. Въ концѣ XVII вѣка, когда манчжурскимъ императорамъ удалось окончательно подчинить себѣ всѣ части Срединной имперіи, они обратили вниманіе и на средне-азіятское нагорье, гдѣ вступили въ войну съ Галданомъ, ханомъ Элютовъ, имѣвшимъ свою столицу въ Хоргосѣ на рѣкѣ Или, близъ нынѣшней Кульджи, т. е. у подножія Тянъ-Шанскихъ предгорій. Борьба эта окончилась въ 1696 году гибелью Галдана и совершеннымъ сокрушеніемъ Элютскаго (Калмыцкаго) царства, на развалинахъ котораго возникло другое калмыцкое же Джунгарское царство, просуществовавшее съ самыхъ первыхъ годовъ XVIII вѣка до 1757 года. Это Джунгарское государство занимало все сѣверное подгорье Тянъ-Шаня въ тѣсномъ смыслѣ; на сѣверо-западѣ оно простиралось до озера Балхаша, на сѣверѣ—до Алтая. Съ одной стороны, оно сильно интересовало Китайцевъ, которые вели съ Джунгарами безпрестанныя войны, кончившіяся окончательнымъ завоеваніемъ Джунгаріи во второй половинѣ XVIII вѣка, съ другой Россія находилась съ Джунгарами то въ мирныхъ, то во враждебныхъ отношеніяхъ.

Въ одномъ изъ столкновеній, происшедшихъ между Джунгарами и русскою экспедиціею Бухгольца на Иртышѣ, былъ захваченъ въ плѣнъ Джунгарами конвой русскаго каравана и, между прочими плѣнными, шведскій сержантъ Іоганнъ Густавъ Ренатъ, попавшійся въ русскій плѣнъ въ Полтавской битвѣ и сосланный на житье въ Сибирь. Этому Ренату обязаны мы недавно найденною въ Швеціи и напечатанною въ 1881 году Русскимъ Географическимъ Обществомъ единственною современною картою прежней Джунгаріи, на которой часть Тянъ-Шаня отъ истоковъ Таласа до истоковъ Кунгеса (праваго верховья р. Или) изображена съ замѣчательною вѣрностью.

Ренатъ, пробывъ въ Джунгаріи 17 лѣтъ (съ 1716 до 1733 года), научилъ Джунгаръ плавить желѣзныя руды, дѣлать пушки и ядра, завелъ типографію съ подвижными шрифтами — словомъ, былъ такъ полезенъ Джунгарамъ, что они, отпуская его съ почетомъ въ отечество въ 1733 году, одарили его очень щедро. Къ сожалѣнію, Ренатъ, умершій въ Швеціи въ чинѣ поручика, не оставилъ никакого описанія своихъ путешествій, никакого маршрута, кромѣ интересной карты, начертанной имъ, очевидно, еще въ Джунгаріи. Причина этого кроется въ томъ, что Ренатъ былъ не особенно грамотенъ и, доживая свой вѣкъ на родинѣ, былъ слишкомъ занятъ своими служебными обязанностями.

Изъ карты Рената, однакожь, видно, что Тянъ-Шанское подгорье было лично осмотрѣно имъ. Не говоря уже объ Илійской долинѣ, какъ болѣе постоянномъ его мѣстожительствѣ, онъ, очевидно, объѣзжалъ весь Заилійскій Алатау, Иссыкъ-Кульскую котловину, былъ даже и въ Тянъ-Шанѣ, по крайней мѣрѣ въ двухъ пунктахъ, а именно: на Альма-Арассанскихъ теплыхъ водахъ (на сѣверномъ склонѣ Небеснаго хребта) и на перевалѣ, ведущемъ съ Текесскаго Джиргалана, черезъ главный хребетъ, на Юлдузъ. Особенно отчетливо на картѣ Рената изображены бассейны р. Или и озера Иссыкъ-Куля. На сѣверномъ берегу озера обозначено имя Усуней, а такъ какъ и нынѣ три племени Большой орды носятъ собирательное имя Усунь, то

несомнѣнно, что остатки Усуней, нѣкогда властвовавшихъ на Иссыкъ-Кулѣ, вошли въ разноплеменный союзъ Казаковъ или Кайсаковъ, которому Русскіе дали названіе Киргизъ-Кайсацкаго народа.

Ренатъ, очевидно, не только не начальствовалъ джунгарскими войсками, но и не принималъ никакого участія въ войнахъ Джунгаръ съ Китайцами. Наиболѣе важныя событія этой войны, а именно истребленіе джунгарскими засадами китайскихъ войскъ въ ущельяхъ Тянъ-Шаня, между Турфаномъ и Урумчи, происходили въ 1713, до прибытія Рената въ Джунгарію. Да и по его картѣ, очевидно, что на восточной окраинѣ Джунгаріи онъ никогда не былъ и составлялъ эту часть карты по весьма неточнымъ разспросамъ. По характеру же мѣстностей, особенно тщательно и вѣрно нанесенныхъ на карту, очевидно, что Ренатъ завѣдывалъ рудными и заводскими, а можетъ быть, и строительными дѣлами въ Джунгаріи, что на него возлагались нѣкоторыя организаціонно-административныя порученія и что разъѣзды его были весьма многочисленны.

Время пребыванія Рената въ Джунгаріи (1716 — 1733) было, впрочемъ, самымъ мирнымъ въ кратковременной исторіи этого государства, такъ какъ оно приблизительно совпадало съ миролюбивымъ царствованіемъ Юнъ-Дженъ (1722 — 1738) на китайскомъ престолѣ. Только послѣ отъѣзда Рената, уже въ царствованіе Кянъ-Луня возгорѣлась борьба на жизнь и смерть небольшой Джунгаріи съ колоссальною Китайскою имперіей. Борьба эта охватила весь сѣверный склонъ Тянъ-Шаня и кончилась не только совершеннымъ паденіемъ Джунгарскаго государства въ 1757 году, но и поголовнымъ истребленіемъ до милліона джунгарскихъ Калмыковъ въ Илійской долинѣ и въ самыхъ дикихъ ущельяхъ Небеснаго хребта, гдѣ они искали себѣ спасенія. Только 200 тысячамъ семействъ изъ не джунгарскихъ Элютовъ удалось бѣжать въ русскіе предѣлы.

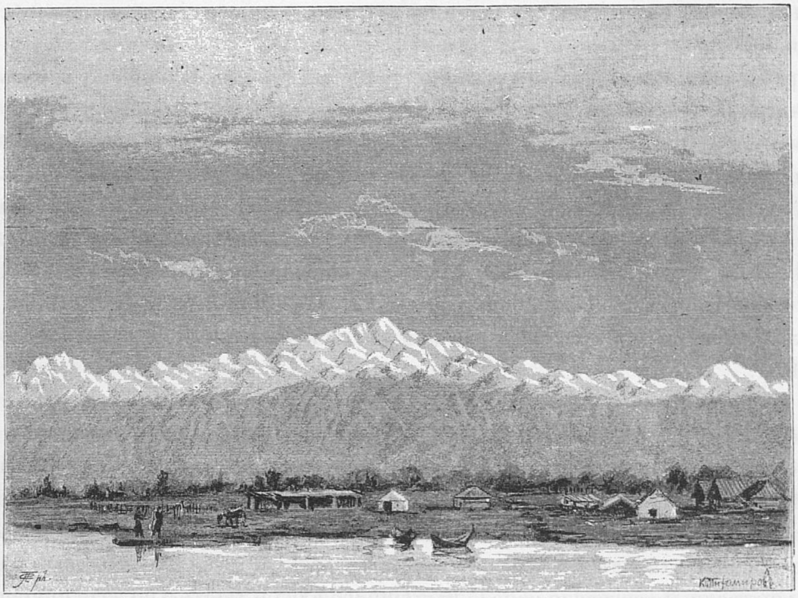
Съ этой поры (второй половины XVIII вѣка) китайская власть утвердилась на обоихъ склонахъ Тянъ-Шаня, и съемки миссіонеровъ-іезуитовъ и китайскихъ учениковъ ихъ проникли и въ эти мѣстности, о чемъ свидѣтельствуетъ единственный, впрочемъ, китайскій астрономическій пунктъ въ Иссыкъ-Кульской котловинѣ Хонгоръ-Олонъ (Конуръ-Уленъ), опредѣленный Китайцами на юго-западной сторонѣ Иссыкъ-Куля, съ достаточной вѣрностью подъ 42° 17′ с. ш. Къ этому же времени относятся и скудныя географическія свѣдѣнія, занесенныя на страницы китайской государственной географіи начала нынѣшняго вѣка и тщательно сгруппированныя Риттеромъ и Гумбольдтомъ въ ихъ классическихъ сочиненіяхъ объ Азіи. Наиболѣе интересныя изъ этихъ свѣдѣній касаются, несомнѣнно, знаменитаго Муссартскаго горнаго прохода, расположеннаго на восточной сторонѣ величественной горной группы Ханъ-Тенгри на дорогѣ изъ города Кульджи на Или въ городъ Аксу, расположенный уже на южномъ подгорьѣ Тянъ-Шаня, въ Малой Бухаріи или Китайскомъ Туркестанѣ.

Къ югу отъ станціи Гахча-Кархай, лежащей у подножія Муссартскаго горнаго прохода, по свидѣтельству китайской географіи, передъ взоромъ путника разстилаются снѣжныя поляны, очень глубокія зимою. Лѣтомъ на вершинахъ встрѣчаются снѣгъ, ледъ и болотистыя мѣста. Люди и животныя движутся по тропинкѣ надъ обрывомъ; всякій же, кто по неосторожности углубляется въ снѣжныя поляны, неминуемо погибаетъ. Послѣ 3-хъ часовъ пути начинается ледникъ, гдѣ уже нѣтъ ни деревьевъ, ни травы, ни песку. Исполинскіе иглы и зубцы наваленныхъ одна на другую ледяныхъ массъ, съ пустыми, непроницаемыми для свѣта, трещинами поражаютъ взоръ путника. Шумъ воды, текущей подо льдомъ, походитъ на раскаты грома. Скелеты вьючныхъ животныхъ, верблюдовъ и лошадей, разбросаны повсюду. Для облегченія пути, высѣчены во льду ступени, но онѣ очень скользки и путь по нимъ опасенъ. Немало путниковъ находятъ смерть на этихъ обрывахъ. Люди и животныя пробираются здѣсь въ страхѣ, одинъ за другимъ; будучи застигнуты бурею, они ищутъ убѣжища подъ огромными скалами. Въ тихія ночи слышатся здѣсь чудные, но наводящіе ужасъ мелодическіе звуки: это

эхо растрескивающихся ледяныхъ массъ. Лучшая дорога становится нерѣдко неудобною на другой день. Таковъ горный проходъ Муссуръ-Даванъ (проходъ ледниковъ).

Альпійскій волкъ обитаетъ на этихъ высотахъ; по раннему утреннему его слѣду всегда можно найти потерянную дорогу. Сѣрые орлы своимъ крикомъ также наводятъ заблудившагося путника на настоящій путь, такъ какъ они питаются трупами и костями, разсѣянными по дорогѣ. Небольшая птица ча-кэу, съ краснымъ клювомъ и красными лапами, летаетъ большими стаями въ ледникахъ и, какъ утверждаютъ Китайцы, кладетъ свои яйца въ ледъ.

Китайцы, для которыхъ дорога изъ Кульджи въ Аксу всегда имѣла большое значеніе, высылали изъ ближайшихъ къ перевалу станцій каждое утро по 10 рабочихъ для того, чтобы въ движущемся льду ледника высѣкать ледяныя ступени. Иногда ледъ такъ размягченъ, что



Заилійскій Алатау со стороны Илійскаго поселка (на р. Или).

путешественники проваливаются и погибаютъ. Снѣгъ падаетъ на Муссартѣ круглый годъ, а дождя здѣсь никогда не бываетъ. На южномъ склонѣ перевала ручей Муссуръ-голъ (ледниковый потокъ) съ страшною силою вырывается изъ-подъ льда и течетъ на юго-востокъ къ малобухарской или восточно-туркестанской рѣкѣ Тариму и Лобъ-Нору. Въ трехъ дняхъ пути отъ горнаго перевала къ югу уже разстилается сухая пустыня, на которой не произрастаетъ ни одно растеніе.

Ни одинъ изъ европейскихъ миссіонеровъ, повидимому, не былъ очевидцемъ Тянъ-Шанскаго хребта, а китайскія съемки въ этой части имперіи производились китайскими учениками миссіонеровъ. Результаты этихъ съемокъ изображены на извѣстной картѣ Средней Азіи, составленной знаменитымъ Клапротомъ. Карта эта для своего времени весьма удовлетворительна, но въ частяхъ Тянъ-Шанскаго подгорья, посѣщенныхъ Ренатомъ, уступаетъ картѣ послѣдняго.

Вотъ въ какомъ положеніи были географическія свѣдѣнія о Небесномъ хребтѣ, находившемся еще внѣ предѣловъ Русской имперіи, когда я въ 1855 г. задумалъ свое путешествіе въ Тянъ-Шань, поддерживаемый въ этомъ намѣреніи Ал. Гумбольдтомъ и знаменитымъ авторомъ «Землевѣдѣнія Азіи» Карломъ Риттеромъ.

Въ августѣ 1856 года, переправившись черезъ р. Или, я впервые увидѣлъ снѣжный хребетъ, извѣстный подъ именемъ Заилійскаго Алатау и служащій передовою цѣпью Небеснаго

хребта. Никогда не забуду впечатлѣнія, произведеннаго на меня этимъ горнымъ хребтомъ, представляющимся съ рѣки Или грандіознѣе Швейцарскихъ Альповъ. Въ степной Илійской равнинѣ я находился на высотѣ 1,300 ф. надъ ур. моря. Съ этой равнины круто поднимался снѣговой хребетъ, подножіе котораго было задернуто легкимъ покрываломъ сухаго, степнаго тумана, не позволявшаго видѣть ясно очертанія не только предгорій, но и всего темнаго подножья хребта; но зато снѣжныя вершины чрезвычайно отчетливо обрисовывались въ совершенно прозрачной темно-голубой лазури. Снѣжныя вершины эти образуютъ на протяженіи, по крайней мѣрѣ, 180 верстъ непрерывный горный гребень, одѣтый сплошнымъ снѣжнымъ покровомъ и, повидимому, нигдѣ не пересѣченный значительными выемками или сѣдловидными углубленіями. Напротивъ, всѣ выемки между горными пиками были сплошь покрыты вѣчнымъ снѣгомъ. Только на отдаленной восточной и западной оконечностяхъ хребта видно было, что хребетъ опускался тамъ ниже предѣловъ вѣчнаго снѣга; снѣжная же средина хребта была увѣнчана трехглавымъ исполиномъ, замѣтно превосходящимъ вышиною всѣ остальные снѣжные пики хребта. Три вершины этого Талгарскаго пика (Талгарнынъ-Талъ-Чеку), высотою (до 15,000 фут.) едва ли не превосходящаго европейскій Монъ-Бланъ, очень сближены между собою.

Отъ рѣки Или, имѣющей у нынѣшняго Илійскаго поселка отъ 150 до 200 саженъ ширины, считаютъ не менѣе 70 верстъ до нынѣшняго областнаго города Вѣрнаго, расположеннаго какъ-разъ у самой подошвы Заилійскаго Алатау, въ томъ мѣстѣ, гдѣ рѣка Малая Алматы выходитъ на подгорье изъ горной тѣснины. Осенью 1856 года этотъ городъ, въ которомъ нынѣ считается уже около 17 тысячъ жителей, былъ еще въ зародышѣ. Въ 1851 году первый русскій отрядъ, переправясь черезъ рѣку Или, прошелъ въ Заилійское подгорье, разрушивъ здѣсь небольшое коканское укрѣпленіе Тоучубека, находившееся при сліяніи рѣкъ Большой Алматы и Кескелена. Но, слѣдуя далѣе вверхъ по Кескелену въ лабиринтѣ глубокихъ ложбинъ, по дну которыхъ текутъ рѣка и ея притоки, русскій отрядъ былъ окруженъ такими многочисленными скопищами Коканцевъ и Кара-Киргизовъ, что едва могъ уйти невредимо назадъ за Или. Только осенью 1854 года былъ посланъ отрядъ для основанія въ Заилійскомъ краѣ русскаго укрѣпленія, которое и было сооружено при выходѣ изъ горъ рѣчки Малой Алматы, подъ именемъ укрѣпленія Вѣрнаго. Въ то время, ближайшія окрестности Вѣрнаго были еще такъ опасны, что черезъ нѣсколько дней послѣ прихода отряда большой табунъ казачьихъ лошадей, кочевавшій на ближайшихъ къ Вѣрному пастбищахъ, былъ угнанъ коканскими Киргизами, головы же караулившихъ табунъ казаковъ были найдены воткнутыми на казачьихъ пикахъ на томъ мѣстѣ, гдѣ пасся табунъ. Въ слѣдующемъ, 1855 году, до 9000 Коканцевъ подступали къ Вѣрному для того, чтобы разрушить укрѣпленіе, но, встрѣтивъ сильный отпоръ, отступили. Лѣтомъ 1856 года пришли въ Заилійскій край первые русскіе переселенцы изъ крестьянъ, водворившіеся здѣсь подъ охраною юнаго укрѣпленія, и въ этомъ же году было открыто съ Заилійскимъ краемъ почтовое сообщеніе, которымъ я и воспользовался для прибытія въ Вѣрное.

Ближайшія окрестности Вѣрнаго въ 1856 году были уже довольно безопасны, но, вообще, спокойствіе далеко еще не водворилось въ Заилійскомъ краѣ. Дерзкіе набѣги коканскихъ подданныхъ Киргизовъ, разграбившихъ русскій караванъ (изъ котораго плѣнные русскіе прикащики и казаки были проданы въ неволю въ Хиву) и угнавшихъ у нашихъ Киргизовъ до 15 тыс. головъ скота, вынудили мѣстное начальство, за мѣсяцъ передъ моимъ пріѣздомъ, послать первый русскій отрядъ черезъ сѣверную цѣпь Заилійскаго Алатау на р. Чу, на которой кочевали въ то время коканскіе подданные Кара-Киргизы (Дикокаменные Киргизы) изъ племени Сара-Багишъ, славившагося своею храбростью. Отрядъ состоялъ изъ двухъ ротъ пѣхотныхъ солдатъ, посаженныхъ на лошадей, двухъ сотенъ казаковъ, двухъ пушекъ и двухъ ракетныхъ станковъ. Сначала экспедиція шла благополучно. Перевалили черезъ западное крыло Заилійскаго Алатау въ Кестекскомъ перевалѣ, не превышающемъ высотою перевала Кресто-

вой горы на кавказской военно-грузинской дорогѣ, спустились въ долину р. Чу и, заставъ здѣсь множество кара-киргизскихъ ауловъ на кочевкахъ, разгромили ихъ и отбили много скота. Стоявшій во главѣ отряда штабсъ-капитанъ Соловцовъ пошелъ далѣе къ р. Таласу, но тутъ, при незнаніи мѣстности, заблудился въ мало доступныхъ дебряхъ южной цѣпи Заилійскаго Алатау и, возвратясь на Чу, нашелъ здѣсь уже такія многочисленныя стойбища Кара-Киргизовъ, что отряду оставалось только идти назадъ въ Вѣрное, пробиваясь черезъ густыя массы непріятеля. Такое отступленіе черезъ высокій горный перевалъ, по малознакомымъ тропинкамъ, мимо хорошо устроенныхъ непріятельскихъ засадъ, было крайне затруднительно. Штабсъ-капитанъ Соловцовъ, прикрывавшій отступленіе своего отряда, съ его орудіями, тяжелыми вьюками и ранеными, былъ изрубленъ вмѣстѣ съ 20 человѣками, находившимися при немъ. Также погибали и раненые, отстававшіе отъ отряда. Только мужество есаула Колтыбаева, вернувшагося почти съ высоты горнаго перевала въ атаку на преслѣдующихъ его Киргизовъ и Коканцевъ, спасло весь отрядъ, орудія и ракетные станки. Въ концѣ концовъ казакамъ удалось отбросить Киргизовъ и Коканцевъ, потерпѣвшихъ при этомъ страшный уронъ, въ долину р. Чу, послѣ чего отрядъ уже безпрепятственно возвратился въ Вѣрное.

Весь жаркій день 30 августа ѣхалъ я по равнинѣ въ направленіи къ Вѣрному. Солнце уже скрывалось на степномъ западномъ горизонтѣ, когда я, наконецъ, достигъ предгорья Заилійскаго Алатау. Вѣтеръ приносилъ намъ изъ Алматинскихъ долинъ запахъ спѣлыхъ яблокъ (Алма-ты значитъ — яблочное мѣсто). Ослѣпительныя снѣжныя вершины мерцали еще своими розоватыми отливами на лучахъ уже скрывшагося за видимымъ горизонтомъ солнца; болѣе и болѣе свѣтлѣющая луна блистала прямо надъ трехглавымъ снѣжнымъ исполиномъ, озаряя темное подгорье своимъ зеленоватымъ свѣтомъ. Привѣтливо блистали у подножья гигантскаго хребта безчисленные огоньки, обозначавшіе улицы и площади недостроеннаго Вѣрнаго. Будущій городъ праздновалъ день тезоименитства своего Государя прекрасною иллюминаціею. Фасады немногихъ достроенныхъ и множества недостроенныхъ домиковъ были украшены шкаликами. Площадь оживлялась военной музыкой и звуками русскихъ пѣсенъ. Иллюзія была полная. Огненные скелеты недостроенныхъ домовъ обозначали ихъ будущую архитектуру. Это былъ какой-то сказочный русскій городъ, выросшій какъ бы въ одинъ день въ глубинѣ Средней Азіи, у подножія Небеснаго хребта, или по крайней мѣрѣ, передовой его цѣпи.

Когда я проснулся на другой день, города не оказалось. Была одна длинная, деревянная казарма, фундаментъ церкви, чистенькій домикъ пристава Большой орды и немного только-что отстроенныхъ домиковъ наиболѣе зажиточныхъ казаковъ; все же остальное населеніе, превышавшее 2,500 человѣкъ, было расположено кое-какъ на бивакахъ, возлѣ грудъ наваленныхъ для построекъ бревенъ, страшно растрескавшихся въ сухомъ климатѣ подгорной равнины.

Нынѣ Вѣрный, безспорно, лучшій и самый цвѣтущій русскій городъ Средней Азіи, имѣетъ 17 тыс. жителей, много хорошихъ каменныхъ двухъ-этажныхъ домовъ, прекрасный, просторный каменный гостиный дворъ, двѣ церкви красивой архитектуры. Но лучшимъ украшеніемъ Вѣрнаго служатъ прекрасные сады, разведенные вокругъ города русскими переселенцами, въ мѣстности, гдѣ прежде не было никакой древесной растительности. Жители города занимаются земледѣліемъ, садоводствомъ, ремеслами и торговлею.

Посѣтивъ прекрасную, заросшую садами дикихъ яблонь и абрикосовъ, Алматинскую долину, я скоро собрался въ путь къ озеру Иссыкъ-Кулю и къ подножію главнаго Тянъ-Шанскаго хребта. Предупреждая меня объ опасностяхъ пути, мѣстное начальство очень радушно снабдило меня конвоемъ и сухарями и пріискало вьючныхъ лошадей. Рѣшено было, что въ первую экскурсію я отправлюсь на восточную оконечность Иссыкъ-Куля, гдѣ, по соображеніямъ мѣстныхъ властей, не должно было въ это время быть никакихъ кочевокъ, такъ какъ обитающее тамъ кара-кир-

гизское племя Богу, послѣ кровавыхъ распрей съ болѣе воинственнымъ племенемъ Сара-Багишей, было вытѣснено ими съ кочевокъ и удалилось къ востоку, въ китайскіе предѣлы, оставивъ между собою и Сара-Багишами, признававшими въ то время коканское подданство, нейтральную полосу, никому не принадлежавшую. Другую экскурсію, съ болѣе многочисленнымъ конвоемъ, рѣшено было предпринять въ долину р. Чу, въ видѣ рекогносцировки, на мѣсто недавняго побоища, съ цѣлью опредѣлить положеніе кочевки только-что бывшихъ съ нами во враждебныхъ отношеніяхъ Сара-Багишей.

Для того, чтобы достигнуть Иссыкъ-Куля съ восточной стороны, пришлось обойти всю снѣжную средину Заилійскаго Алатау, слѣдуя на востокъ, вдоль подножья хребта, а тамъ, гдѣ онъ уже ниже снѣжной линіи, повернувъ круто на югъ,—пересѣчь обѣ его цѣпи: сѣверную въ двухъ перевалахъ, высота которыхъ не превышала 6,500 ф., а южную — въ еще менѣе высокомъ перевалѣ Санташѣ. Съ Санташа я достигъ безпрепятственно, послѣ 7-дневнаго перехода отъ Вѣрнаго, до очаровательныхъ береговъ Иссыкъ-Куля, близъ того мѣста, гдѣ, по разсказамъ Киргизовъ, при низкомъ стояніи воды, торчатъ изъ нея развалины древняго, по всей вѣроятности, усуньскаго города «Красной долины». Замѣчательно, что имя это какъ будто сохранилось и до-нынѣ, такъ какъ и до сихъ поръ Киргизы называютъ эту мѣстность Кизилъ-Кія, т. е. красный яръ. Хотя мы не встрѣтили ни души во всей долинѣ Иссыкъ-Куля, но оставаться на ночлегъ на берегу озера было неудобно, такъ какъ огни наши можно было бы видѣть со всякаго мѣста на Кунгеѣ (сѣверномъ берегу Иссыкъ-Куля) и Терскеѣ (южномъ его берегу), а это могло навести на насъ одну изъ тѣхъ сильныхъ кара-киргизскихъ шаекъ, которыя свободно рыскали въ это время между кочевьями враждующихъ Сара-Багишей и Богинцевъ и легко могли напасть на насъ, такъ какъ насъ было всего только 14 человѣкъ. Поэтому мы предпочли ночевать на южномъ склонѣ спускающейся къ Иссыкъ-Кулю южной цѣпи Заилійскаго Алатау, въ такомъ ущельѣ, гдѣ наши огни не бросались въ глаза Кара-Киргизамъ, слѣдующимъ вдоль Кунгея.

На другое утро я вполнѣ насладился видомъ необъятной поверхности темно-синяго озера, за которымъ поднималась поражающая своимъ величіемъ, главная цѣпь Небеснаго хребта. Прямо противъ насъ, за озеромъ, поднимался стѣною величественный хребетъ. Въ ближайшихъ къ намъ частяхъ безпредѣльно тянущейся отъ востока къ западу горной цѣпи, снѣжные покровы непрерывнаго ряда исполиновъ нисходили до половины ихъ высоты, рѣзко гранича съ темною полосою своего подножія; но чѣмъ далѣе къ западу, тѣмъ болѣе узкою становилась эта темная полоса подножія и, ближе къ западной оконечности озера, исчезала за горизонтомъ, такъ что снѣжный покровъ горныхъ исполиновъ какъ бы спускался непосредственно до темно-синей, зеркальной поверхности озера. Болѣе величественный видъ едва-ли гдѣ-либо существуетъ на земномъ шарѣ, такъ какъ Иссыкъ-Куль—одно изъ обширнѣйшихъ альпійскихъ озеръ на земномъ шарѣ и находитъ себѣ соперниковъ только въ озерахъ Хуху-Норъ въ Тангутѣ, Тенгри-Норъ въ Тибетѣ и Титикака на границѣ Перу и Боливіи въ Америкѣ. Впрочемъ, всѣ эти озера лежатъ на несравненно болѣе значительныхъ абсолютныхъ высотахъ, съ которыхъ сосѣднія съ ними горы не могутъ уже представляться столь величественными. Температура кипѣнія воды дала мнѣ для абсолютной высоты уровня Иссыкъ-Куля казавшуюся мнѣ тогда почти невѣроятною цифру въ 4,500 фут. абсолютной высоты; по новѣйшимъ же болѣе точнымъ и продолжительнымъ барометрическимъ наблюденіямъ, уровень Иссыкъ-Куля оказался даже на 5,600 ф. выс., слѣдовательно, все-таки вдвое ниже Титикака и Тенгри-Нора, между тѣмъ какъ сосѣдніе съ Титикака исполины Андо-Кордильеровъ нѣсколько ниже Тянъ-Шанскихъ; озеро же Тенгри-Норъ находится въ очень большомъ отдаленіи отъ исполиновъ Гималайскаго хребта, а ближайшія къ нему горы, повидимому, не особенно много возвышаются надъ озеромъ. Какъ ни манили меня къ себѣ долины и вѣчные снѣга Небеснаго хребта, но достигнуть до нихъ въ этомъ году нельзя было и думать. Достаточно было на этотъ разъ прикоснуться къ

солоноватой волнѣ Иссыкъ-Куля и увидѣть за нимъ всю величественную панораму Небеснаго хребта.

Возвратясь въ Вѣрный, я немедленно отправился во вторую изъ предположенныхъ экскурсій и на этотъ разъ уже съ болѣе многочисленнымъ конвоемъ изъ казаковъ. Верстахъ въ 25 отъ Вѣрнаго, къ западу, мы наткнулись на шайку кара-киргизскихъ разбойниковъ, немилосердно грабившихъ небольшой караванъ, шедшій изъ Ташкента въ Вѣрный. Наше появленіе заставило шайку обратиться въ бѣгство. Мы сильно преслѣдовали ее; нагоняемые нами киргизскіе всадники побросали всѣ свои доспѣхи и платье и, наконецъ, зажгли по вѣтру, на встрѣчу намъ, сухую степь подгорья, такъ что дальнѣйшее преслѣдованіе сдѣлалось невозможнымъ.

Мы перешли сѣверную цѣпь Заилійскаго Алатау въ томъ самомъ Кестекскомъ перевалѣ, черезъ который слѣдовала и наша первая военная экспедиція, углубившаяся въ это предгорье Небеснаго хребта. Съ горъ видѣли коканскую крѣпость Токмакъ и, спустившись въ долину р. Чу, не нашли въ ней ни живой души.

Рѣка Чу выходитъ здѣсь изъ узкаго ущелья въ широкую, прекрасную, плодородную долину, пользующуюся хорошимъ климатомъ. Въ ней нынѣ, на мѣстѣ прежней коканской крѣпости, стоитъ цвѣтущій русскій окружный городъ Токмакъ, заселенный съ 1867 года русскими переселенцами изъ Малороссіи. Городъ состоитъ изъ укрѣпленія, собственно города и двухъ слободокъ, правильно и широко распланированныхъ, имѣетъ церковь и мечеть, базарную площадь, окруженную деревьями и много небольшихъ садовъ. Жители города занимаются земледѣліемъ, огородничествомъ, садоводствомъ и торговлею.

Не встрѣтивъ никакой опасности въ прекрасной, но тогда пустынной Чуйской долинѣ, мы рѣшились для большей безопасности ночью идти далѣе вверхъ по рѣкѣ Чу, къ озеру Иссыкъ-Кулю по дикому ущелью Буамъ, черезъ которое эта значительная рѣка прорывается съ Иссыкъ-Кульскаго плоскогорья. При блескѣ частыхъ молній и фантастическомъ свѣтѣ луны, повременамъ проглядывавшей изъ-за быстро гонимыхъ вѣтромъ тучъ, при необходимости часто подниматься и спускаться по крутымъ тропинкамъ (бомамъ), нависшимъ надъ пѣнистою и шумною рѣкой, до того наполнившеюся въ то время водою, что броды черезъ нее были затруднительны и опасны,—Буамское ущелье показалось намъ чрезвычайно мрачнымъ и даже ужаснымъ. Мы остановились на ночлегъ въ самой дикой части ущелья, между двумя бомами, опасаясь, разумѣется, быть открытыми въ этомъ мѣстѣ какимъ-нибудь скопищемъ Киргизовъ, которые легко могли весь нашъ бивакъ, прижатый къ шумной рѣкѣ, завалить сброшенными съ горъ каменьями.

Нынѣ Буамское ущелье, страшное во время моего путешествія, совершенно измѣнило свой характеръ. Черезъ него проведена прекрасная почтовая экипажная дорога, идущая на протяженіи верстъ пятнадцати по искусственнымъ горнымъ карнизамъ, устроеннымъ саперами, при помощи пороховыхъ взрывовъ. Она проходитъ два большіе моста, смѣло переброшенные черезъ шумную и пѣнистую рѣку Чу. Дорога совершенно безопасна, кромѣ бродовъ черезъ рѣчки, впадающія въ Чу. Дорога эта, строившаяся нѣсколько лѣтъ, соединяетъ городъ Токмакъ съ нынѣшнимъ окружнымъ городомъ Иссыкъ-Кульскаго округа Караколомъ.

Гораздо привѣтливѣе показалась намъ на другое утро ближняя къ Иссыкъ-Кулю часть Буамскаго ущелья. При выходѣ изъ его тѣснинъ, тамъ, гдѣ долина уже становится просторнѣе, мы встрѣтили первыя юрты Кара-Киргизовъ. Мужчины бѣжали изъ нихъ прежде, чѣмъ мы успѣли ихъ замѣтить; женщины, вѣрныя своему домашнему очагу, съ смертною блѣдностью на лицахъ бросались передъ нами на колѣна, полагая, что послѣдній часъ ихъ насталъ,—такъ сильно было еще впечатлѣніе недавняго разгрома ихъ ауловъ и битвы, въ которой такъ много погибло ихъ родичей. Успокоились онѣ только тогда, когда мы обошлись съ ними привѣтливо и одарили ихъ подарками. Отъ этихъ женщинъ узнали мы, что находились всего только верстахъ въ 15 отъ Иссыкъ-Куля, на западномъ прибрежьѣ котораго кочевали почти всѣ Сара-Багиши, послѣ своего послѣдняго столкновенія съ русскими войсками.

Прибытіе наше было совершенно неожиданно, о чемъ свидѣтельствовала такая масса конскихъ табуновъ, никуда не убранныхъ Кара-Киргизами, что намъ мѣстами даже трудно было пробираться между ними при быстромъ переѣздѣ въ аулъ хромаго Умбетъ-Алы, старшаго ихъ султана; отецъ его Урманъ погибъ года за два передъ тѣмъ въ схваткѣ съ Богинцами, но слава о немъ гремѣла между киргизскимъ племенемъ отъ Небеснаго хребта до Иртыша и Урала, какъ о храбрѣйшемъ батырѣ (богатырѣ), особливо съ тѣхъ поръ, какъ подвластные ему Кара-Киргизы побѣдили и истребили знаменитаго киргизскаго султана Кенисару, котораго можно назвать Митридатомъ Киргизской степи, такъ какъ онъ въ теченіе болѣе 10 лѣтъ не безъ успѣха боролся съ русскими отрядами, защищая свободу и независимость своихъ родныхъ степей.

Враги наши встрѣтили насъ, однакоже, гостепріимно. Самъ Умбетъ-Ала, какъ утверждали встрѣтившіе насъ его дядя и братья, не былъ дома: на верховьяхъ Таласа онъ занимался приготовленіемъ къ большой тризнѣ по нѣсколькимъ стамъ Сара-Багишей, погибшихъ въ недавнихъ бояхъ съ Русскими на Чу и у Кумъ-Муруна, гдѣ нашелъ свою гибель и храбрый нашъ офицеръ Соловцовъ. Очевидно, Сара-Багиши думали, что мы представляемъ только авангардъ болѣе сильнаго отряда, спрятавшагося въ засадѣ въ горахъ, и, убѣдившись въ нашихъ миролюбивыхъ намѣреніяхъ, могли только радоваться такому благополучному исходу нашего появленія.

Благодаря этому обстоятельству, я снова увидѣлъ очаровательное озеро, на этотъ разъ съ западной его оконечности. Первую ночь мы провели посреди кара-киргизскихъ ауловъ, на самомъ берегу озера; вторую—на склонѣ южной цѣпи Заилійскаго Алатау, откуда опять, за необъятной поверхностью темно-синяго озера, представилась, но только въ другомъ видѣ, та же чудная панорама снѣговой цѣпи Небеснаго хребта, съ поднимающимися и утопающими на дальнемъ востокѣ въ темно-синей поверхности озера снѣговыми вершинами. Мы вернулись въ Вѣрный самымъ прямымъ путемъ съ озера Иссыкъ-Куля, въ три дня усиленнаго перехода черезъ страшно высокіе горные перевалы Дюртнынъ и Кескеленъ, превышающіе 10 тыс. ф. абсол. выс. и раздѣленные глубокою продольною долиною рѣки Кебина.

Такъ какъ въ слѣдующемъ году я изслѣдовалъ всѣ главные перевалы Заилійскаго Алатау, то рельефъ этой горной группы, составляющей передовое со стороны Балхашско-Илійской низменности звено Небеснаго хребта, вполнѣ выяснился.

Заилійскій Алатау состоитъ изъ двухъ параллельныхъ цѣпей, раздѣленныхъ глубокою продольною долиною и связанныхъ горнымъ узломъ какъ-разъ въ меридіанѣ середины озера Иссыкъ-Куля, тамъ, гдѣ поднимается Талгарскій пикъ. Въ продольной долинѣ текутъ въ совершенно противоположныя стороны отъ горнаго узла: на востокъ —Чиликъ, вырывающійся въ Илійскую долину въ меридіанѣ восточной оконечности Иссыкъ-Куля, т. е. тамъ, гдѣ уже Заилійскій Алатау опустился ниже снѣжной линіи, а на западъ—Кебинъ, впадающій въ р. Чу. Продольная долина, въ которой текутъ рѣки Кебинъ и Чиликъ, очень углублена, и дно ея лежитъ ниже уровня озера Иссыкъ-Куля (а именно 4 до 4500 фут.), между тѣмъ какъ средняя высота горныхъ переваловъ, какъ сѣверной, такъ и южной цѣпи, между прорывомъ Чилика и Кестекскимъ проходомъ, или между меридіанами оконечностей Иссыкъ-Куля (на протяженіи 180 верстъ), составляетъ отъ 9 до 10 тыс. фут. Немного выше этой высоты, а именно на 10 тыс. ф., начинается снѣжная линія на сѣверномъ склонѣ Заилійскаго Алатау.

Вѣчные снѣга питаютъ на этомъ сѣверномъ склонѣ довольно многочисленныя рѣчки, которыя, подобно Кестеку, Кескелену, Алматы, Талгару, Иссыку, Тургеню, Чилику, быстро спускаются на прекрасно-орошенное, благодаря имъ, подгорье, образующее вслѣдствіе того одинъ изъ лучшихъ оазисовъ Средней Азіи. Бурныя, шумныя, пѣнистыя въ своемъ горномъ теченіи, прохладныя рѣчки разбираются во всѣ стороны на подгорьѣ арыками или поливными канавами и, оплодотворяя превосходную наносную почву, почти не доходятъ до р. Или, испаряясь на пашняхъ и впадая, можно сказать, непосредственно въ воздушный океанъ.

Понятно, что, вслѣдствіе такихъ особенностей орошенія, подгорье Заилійскаго Алатау должно было привлечь къ себѣ осѣдлую земледѣльческую колонизацію, которая и пріютилась здѣсь, кромѣ цвѣтущаго земледѣльческаго и торговаго города Вѣрнаго, въ Софійской и Надеждинской станицахъ, Любовномъ хуторѣ и Кестекѣ. Въ Заилійскомъ краѣ, отъ р. Или до снѣжнаго гребня, можно различить пять зонъ или этажей.

Нижняя или *степная* зона, самая широкая, имѣетъ отъ 1,300 до 2,000 ф. высоты и простирается отъ русла р. Или до появленія первыхъ волненій почвы, образуемыхъ поднятіемъ горной системы. Зона эта характеризуется наиболѣе сухимъ континентальнымъ климатомъ, песчаною почвою и слабымъ, вообще, орошеніемъ, потому что рѣчки, ослабленныя ирригаціею въ подгорной зонѣ, изсякаютъ именно въ началѣ степной зоны, не доходя до р. Или. Горныхъ обнаженій въ этой зонѣ почти вовсе не встрѣчается; растительность оригинальная, степная, до такой степени характерная для Арало-Каспійской низменности, что растеній европейской флоры здѣсь почти вовсе не имѣется. Скудная древесная растительность тянется только вдоль теченія Или и очень немногихъ рѣчекъ, которыя, подобно многоводному въ своихъ верховьяхъ Чилику, кое-какъ достигаютъ главной, становой рѣки.

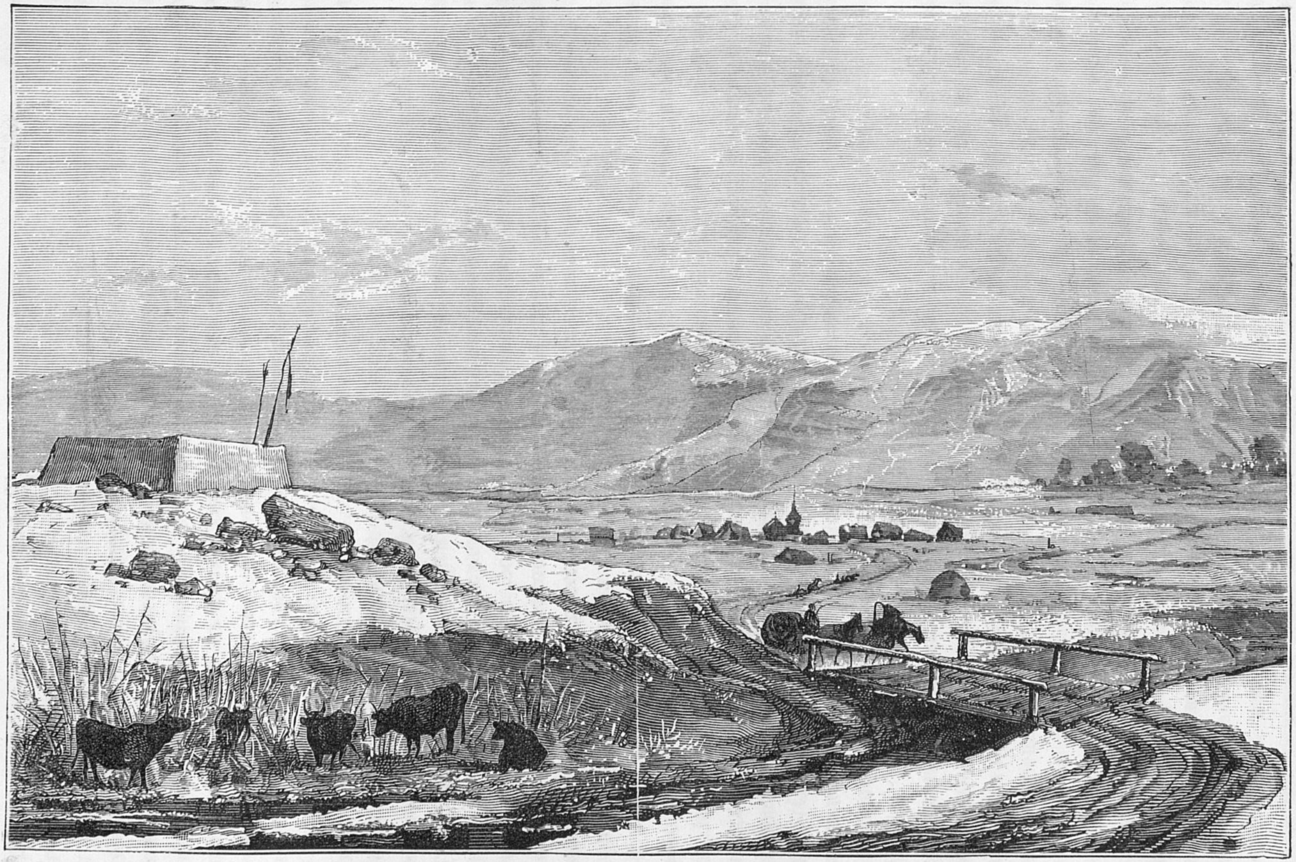
Единственными деревьями Илійской ложбины представляются два среднеазіятскіе вида тополя (Populus euphratica Ol. и P. pruinosa Schr.), вновь открытый мною видъ ясени (Fraxinus potamophila Herd.) и серебристая джигда (Eleagnus hortensis M. Bieb.). Изъ высокихъ кустарниковъ выдается красотою особый видъ барбариса (Berberis integerrima Bunge), съ крупными кистями душистыхъ цвѣтовъ золотаго цвѣта и кругловатыми розовыми ягодами; очень распространены также породы гребенщиковъ (Tamarix elongata Led. и hispida Wild.) и два европейскіе вида ивъ (Salix fragilis L. и purpurea L.).

Травы и мелкіе кустарники исключительно принадлежатъ степной фаунѣ. Между ними особенно многочисленны породы астрагаловъ (въ томъ числѣ вновь найденные мною виды Astr. iliensis Reg. и Astr. halodendron Reg.), солянковыхъ (Salsolaceae) и между прочимъ превосходная для корма лошадей на киргизскихъ зимовкахъ трава ибелекъ (Ceratocarpus arenarius). Поразительную особенность этой зоны составляетъ чрезвычайно странное растеніе краснаго цвѣта (Cynomorium coccineum L.), лишенное листьевъ и распространяющее вокругъ себя отвратительный запахъ. Характерна также для степной зоны среднеазіятская порода невьющихся вьюновъ (Convolvulus subsericeus, pseudocontabrica, Gortchakovii Schr. и C. Semenowi Herd.).

Тотъ же характеръ пустыни обличаетъ и фауна тѣхъ животныхъ, которыя, ограничиваясь тѣсными предѣлами одной мѣстности, не легко переходятъ изъ одной зоны въ другую, какъ напримѣръ фаланги, скорпіоны, большеголовыя породы ящерицъ (Phrynocephalus) и небольшія сухопутныя черепахи.

Весною степная зона въ Заилійскомъ краѣ представляетъ очаровательный видъ. Ландшафтъ скрашенъ роскошною цвѣтущею растительностью степныхъ травъ и кустарниковъ; а на дальнемъ планѣ ландшафта—исполинскою стѣною снѣжнаго гребня Заилійскаго Алатау.

Совершенно иной характеръ представляетъ слѣдующая, *подгорная* зона Заилійскаго края, въ которой и расположены всѣ русскія поселенія. Зона эта, начинаясь волненіями почвы, произведенными колоссальнымъ поднятіемъ хребта, простирается отъ 2 до 5,000 ф. абс. высоты и занимаетъ не только все подгорье Заилійскаго Алатау, но и нижнія части открывающихся на это подгорье поперечныхъ его долинъ. При плодородіи своей мягкой наносной почвы, непрерывно обновляемой и освѣжаемой новыми наносами, сносимыми съ горъ рѣчными потоками, при обиліи воды, приносимой въ подгорную полосу горными рѣками, и при легкости проведенія арыковъ (оросительныхъ каналовъ), зона эта самою природою предназначена для осѣдлой культуры, земледѣлія и садоводства. Пшеница и сорго даютъ здѣсь баснословные урожаи. Нижнія части рѣчныхъ долинъ заросли яблонями и урюками (абрикосовыми деревьями).

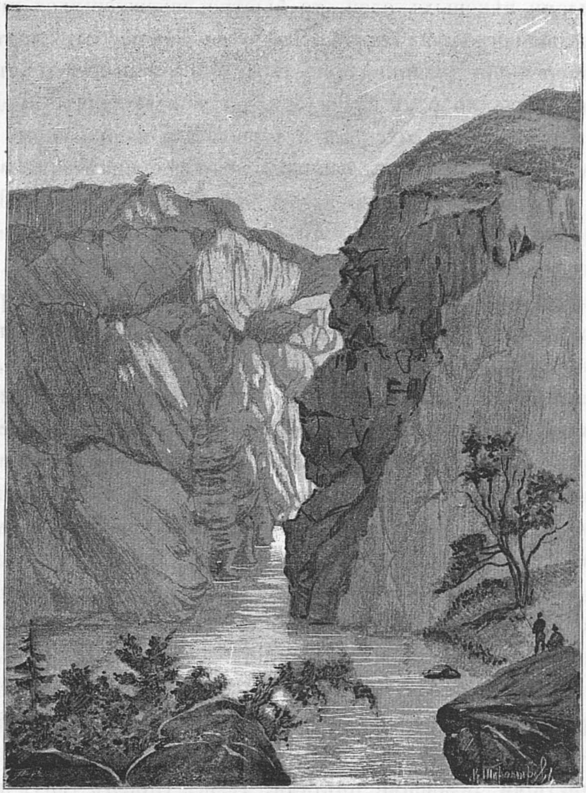


Т. X.

Станція Любовная.

Безъ сомнѣнія, и виноградъ можетъ произрастать въ этой зонѣ, а плодовые сады могутъ быть разводимы съ тѣмъ же успѣхомъ, какъ и на сѣверномъ склонѣ Крымскихъ горъ.

Флора этой зоны хотя и представляетъ многія отличія отъ европейской, но, тѣмъ не менѣе, въ общихъ чертахъ сохраняетъ европейскій характеръ, особенно же въ травянистой флорѣ. Только деревья и кустарники Заилійскихъ долинъ специфически различны отъ европейскихъ. Такъ, здѣшній кленъ (Acer Semenowi Reg.), имѣющій сходство съ татарскимъ кленомъ, подходитъ гораздо ближе къ амурской формѣ клена (Acer ginallum). Зато тополь этой зоны — обыкновенный видъ душистаго тополя (Populus suaveolens Fisch.). Между травами преобладаютъ чисто-европейскіе виды, но вторженіе нѣкоторыхъ собственно степныхъ азіятскихъ видовъ и обиліе астрагаловъ, а весною нѣкоторыхъ чисто-азіятскихъ формъ луковичныхъ растеній—придаютъ и флорѣ этой зоны мѣстный колоритъ.



Прорывъ р. Мерке черезъ порфировыя горы въ Заилійскомъ Алатау.

Мѣстность у станціи Любовной, на Кескеленѣ, находится въ подгорной зонѣ, въ которой, обыкновенно, за невысокими предгоріями не видно главнаго снѣжнаго хребта. Другой типъ подгорной зоны представляетъ выходъ рѣкъ изъ горныхъ тѣснинъ, когда онѣ вырываютъ себѣ глубокія и широкія долины въ возвышенномъ подгорьѣ, какъ, напримѣръ, рѣка Мерке въ Заилійскомъ Алатау.

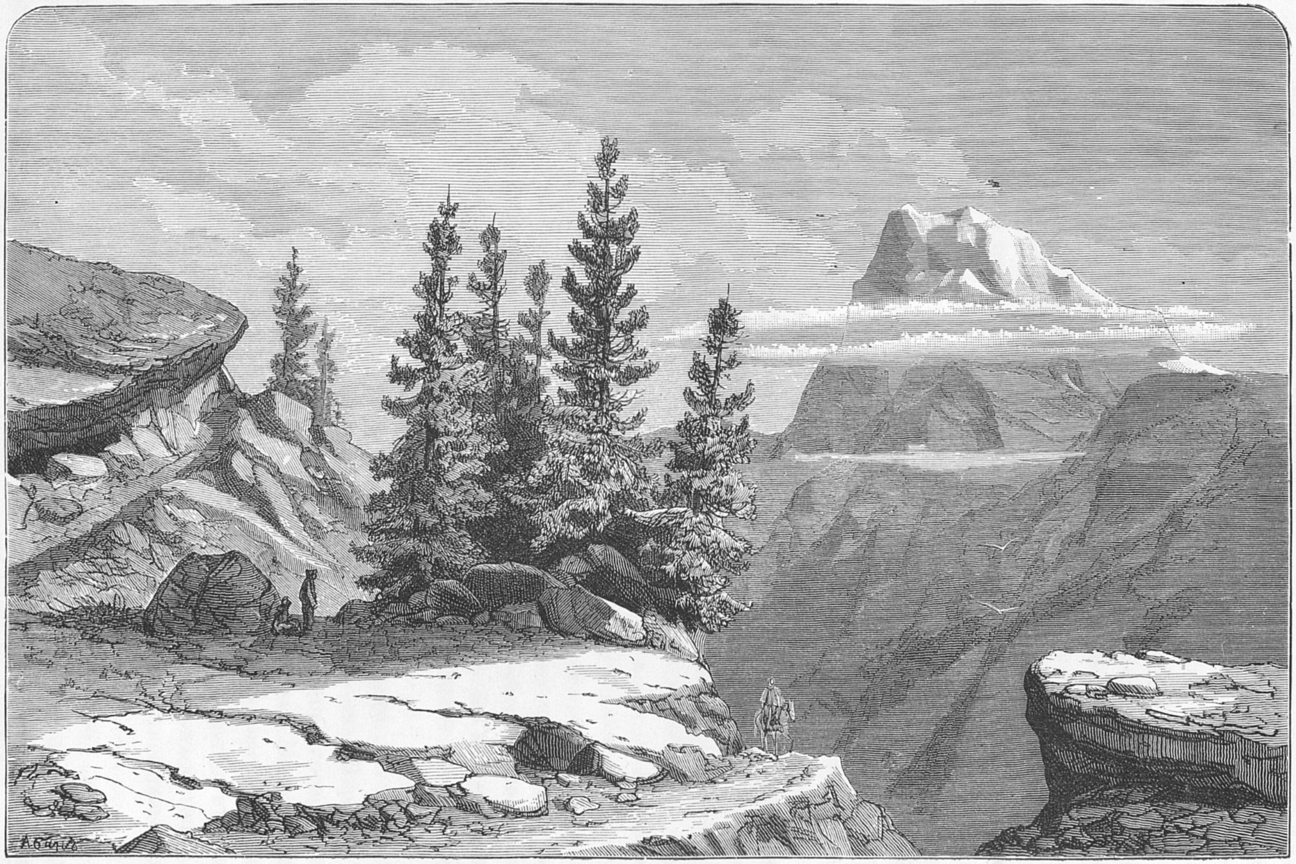
Зона *горная-лѣсная* простирается отъ нижняго предѣла здѣшней березы и пихты, т. е. приблизительно отъ 5,000 ф. до крайняго предѣла лѣсной растительности, т. е. приблизительно 8,000 ф. Только въ этой зонѣ имѣются еще лѣса и вѣковыя деревья. Преобладающая лиственная древесная порода — береза представляетъ джунгарскую форму нашей обыкновенной березы и, по мнѣнію многихъ ботаниковъ, имѣетъ видовое отличіе отъ обыкновенной березы; здѣшнюю ель извѣстный ботаникъ д-ръ Регель не считаетъ специфически различною отъ гималайской Abies Smithiana Bedf. Здѣшняя рябина весьма мало отличается отъ обыкновенной нашей рябины (Sorbus aucuparia Gaert.). Между кустарниками этой зоны встрѣчаются оригинальныя формы, характеризующія именно Тянь-Шанское нагорье. Сюда относятся: горный барбарисъ съ черными кругловато-продолговатыми ягодами (Berberis heteropoda Schr.); особая порода бересклета съ чрезвычайно тонкими, нѣжными вѣтками и розовыми плодниками (Evonymus Semenowi Reg.); наконецъ, одна изъ здѣшнихъ породъ жимолости (Lonicera humilis Kar.). Гораздо болѣе обширное распространеніе въ Средней Азіи имѣютъ растущіе въ той же зонѣ: горная акація (Caragana tragacanthoides Pall.), твердый аргай (Cotoneaster nummularia Fisch.), изъ котораго Киргизы дѣлаютъ палки; красивыя, но безвкусныя породы здѣшней смородины (Ribes heterotrichum Mey., R. atropurpureum Mey.), принадлежащія къ общеизвѣстнымъ видамъ здѣш-

нія жимолости (Lonicera xylosteum L., L. hispida Pall., L. coerulea L., L. microphylla Wild). Особое ландшафтное впечатлѣніе въ этой зонѣ производитъ низкій и стелящійся хвойный кустарникъ, извѣстный подъ именемъ казацкаго можевельника (Juniperus Sabina), одѣвающій своею густо-темною зеленью дикія скалы, но въ нѣкоторыхъ горныхъ ущельяхъ поднимающійся въ видѣ вѣковаго дерева съ чрезвычайно толстымъ и живописнымъ стволомъ, сравнительно бѣдно одѣтымъ темною зеленью, которая придаетъ ему характеръ какого-то фантастическаго, нѣсколько искривленнаго и уродливаго кипариса.

Горная и лѣсная зона, до крайности разорванная и скалистая, представляетъ наибольшее количество горно-каменныхъ обнаженій и осыпей и, будучи пересѣчена пѣнистыми, горными рѣчками, текущими то въ глубокихъ недоступныхъ ущельяхъ, гдѣ быстрое ихъ теченіе окаймлено рядами вѣковыхъ елей, то быстро спускающихся шумными каскадами съ горныхъ вершинъ, чрезвычайно живописна. Всѣ рѣки Заилійскаго Алатау, во время прохожденія черезъ короткія поперечныя долины горно-лѣсистой зоны, имѣютъ такой же характеръ, но самою живописною изъ нихъ, по ряду каскадовъ, ею образуемыхъ, представляется р. Иссыкъ, которая, при условіи расчистки подходовъ и устройства павильоновъ на разныхъ пунктахъ ея паденія, могла бы имѣть для туристовъ значеніе подобное швейцарскому Гисбаху.

Зона *альпійскихъ луговъ* простирается отъ 8,000 фут., то есть верхняго предѣла лѣсной растительности, до 10,500 ф., т. е. до снѣжной линіи. Ни одного дерева уже не видно въ этой зонѣ; отовсюду торчатъ дикія, набросанныя въ хаотическомъ безпорядкѣ одна на другую, массы скалъ, между которыми высятся то твердые, рѣзкіе горные гребни, то округлыя, мягкія въ своихъ очертаніяхъ, обнаженныя горныя вершины. Скаты этихъ вершинъ и влажныя, широкія, но неглубокія ложбины, ихъ раздѣляющія, одѣты самымъ роскошнымъ покровомъ альпійскихъ травъ, столь характерныхъ своимъ приземистымъ ростомъ, наклонностью отдѣльныхъ растеній куститься и образовать крупныя, густыя розетки изъ своихъ, покрытыхъ густою зеленью, но скученныхъ вѣточекъ, смыкаться въ сплошные бархатные ковры, наконецъ— своими чрезвычайно крупными, особливо по сравненіи съ приземистостью растеній, цвѣтами самой яркой окраски. То, что называютъ въ садахъ ковровою культурою, есть до нѣкоторой степени подражаніе природѣ альпійскихъ луговъ. Флора ихъ до крайности разнообразна и даетъ самую богатую добычу ботанику. Между прекрасными альпійскими растеніями этой зоны встрѣчаются растительныя формы европейскихъ Альповъ, Кавказа, Алтая, Гималайскаго хребта и специфическія, принадлежащія исключительно Тянъ-Шанскому нагорью. Изрѣдка проникаютъ въ это царство сочныхъ альпійскихъ травъ и кустарники; это—или стелющаяся по скаламъ арча (Juniperus pseudo-sabina Fisch.), или колючій, торчащій между скалами своими скученными мохнатыми вѣтвями, снабженными длинными иглами, сѣро-серебристою зеленью и душистыми розовыми цвѣтами, тюэкъ-уйрюкъ (видъ акаціи изъ рода Caragana, близкій къ Caragana jubata, но совершенно отъ него отличный)— любимая пища верблюдовъ на этихъ высотахъ. Въ углубленіяхъ этой альпійской зоны расположены иногда очаровательныя аквамариново-зеленыя альпійскія озера, подобныя Джасылъ-Кулю (зеленому озеру) въ верховьяхъ Иссыка. Лѣтомъ альпійская зона оживляется прибытіемъ Киргизовъ, пасущихъ свои стада на ея роскошныхъ питательныхъ альпійскихъ лугахъ, гдѣ они находятъ убѣжище отъ лѣтняго зноя нижней зоны.

По отношенію къ населенію Заилійскаго края, охарактеризованныя зоны имѣютъ каждая свое самостоятельное значеніе. Кочевникамъ особенно дороги первая и четвертая зоны. Зимою со всѣми своими стадами Киргизы держатся въ нижней степной зонѣ. Здѣсь и сильныхъ холодовъ не бываетъ, и снѣга выпадаетъ мало, и снѣжный покровъ долго не держится. Во всю зиму, продолжающуюся мѣсяца полтора, приходится домашнимъ животнымъ разрывать рыхлый неглубокій снѣгъ копытами, для добыванія пищи. Весною степь покрывается самою сочною, свѣжею зеленью и роскошными цвѣтами, превращаясь въ очарованный садъ, также какъ и альпій-



Т. X.

Лѣсная зона. Гора Каскыръ-тау.

скіе луга, подходящій подъ типъ ковровой культуры. Но уже съ начала іюня кочевнику становится непривольно въ степной зонѣ: появляются миріады мучительныхъ для скота и людей насѣкомыхъ; ядовитые скорпіоны и фаланги, которыхъ укушеніе безопасно для человѣческой жизни въ остальныя времена года, всегда готовы именно въ іюнѣ поразить человѣка своимъ въ этомъ мѣсяцѣ часто смертельнымъ ядомъ; наконецъ, вода въ степной зонѣ изсякаетъ и испаряется, роскошная растительность блекнетъ и выгораетъ, воздухъ становится раскаленнымъ, какъ въ аравійской или африканской пустынѣ, и кочевникъ уходитъ съ своими стадами въ привлекательныя прохладныя горы. Быстро проходитъ онъ занятую осѣдлымъ населеніемъ подгорную зону, еще быстрѣе пробирается черезъ скалистую и каменистую лѣсную зону и взбирается на привольные, прохладные, альпійскіе луга четвертой зоны.

Зато почти излишни эти двѣ зоны—нижняя степная и верхняя альпійская—для осѣдлаго населенія. Все это населеніе скучивается на единственной плодородной, производительной по отношенію къ земледѣлію и садоводству, второй подгорной зонѣ. Здѣсь осѣдлый поселянинъ можетъ безпрепятственно засѣвать и поливать дающія ему баснословные урожаи поля, здѣсь онъ можетъ разводить и прекрасные сады, а посѣвы сорго могутъ дать ему обильный кормъ для его не слишкомъ обширнаго осѣдлаго скотоводства. Важнымъ подспорьемъ служитъ осѣдлому населенію еще и третья (лѣсная) зона, гдѣ оно находитъ необходимые для него строительные матеріалы и топливо, котораго, впрочемъ, въ здѣшнемъ климатѣ требуется не много. Вездѣ, гдѣ въ лѣсной зонѣ есть долинка или ровное мѣсто, осѣдлый поселянинъ можетъ устроить себѣ хуторъ (по-сибирски заимку), садъ, дачу для лѣтняго пребыванія и т. п. Если не особенно обширно скотоводство осѣдлаго населенія, скученнаго въ подгорной зонѣ, то зато оно дешево получаетъ всѣ предметы скотоводства у кочевника, уступая ему свой хлѣбный избытокъ, идущій взамѣнъ прежняго кочеваго хлѣбопашества Киргизовъ въ подгорной зонѣ, которой они лишились со времени водворенія въ ней русскаго осѣдлаго населенія. Такимъ образомъ въ Заилійскомъ краѣ осѣдлое земледѣльческое и кочевое пастушеское населенія могли бы, занимая совершенно различные этажи этого края и взаимно нуждаясь другъ въ другѣ, очень удобно ужиться, но при одномъ необходимомъ, конечно, условіи—чтобы кочевникамъ были открыты нѣкоторые пути поперекъ второй и третьей зоны, ведущіе изъ перваго этажа въ четвертый, и чтобы слѣдуя по этимъ путямъ, они не подвергались никакимъ притѣсненіямъ или поборамъ со стороны осѣдлаго населенія. Конечно, не такъ идеально слагаются на практикѣ отношенія подвластныхъ кочевниковъ къ владычествующимъ въ странѣ земледѣльцамъ, но все же нельзя сказать, чтобы русская колонизація въ Заилійскомъ краѣ сдѣлала жизнь въ этой странѣ для ея аборигеновъ кочевниковъ невозможною или даже невыносимою.

Нынѣ, вдоль всей подгорной зоны съ сѣверной стороны Заилійскаго Алатау, развился цѣлый рядъ русскихъ поселеній, расположенныхъ здѣсь узкою полосою отъ Вѣрнаго: къ западу верстъ на 70, какъ, напримѣръ, поселенія Любовное, Казанское, Богородское, Кэстекъ, а къ востоку на 120 вер.—поселенія Софійское, Надеждинское, Тургень, Маловодное, Чиликъ. Поселки эти, считая и Вѣрный, имѣютъ уже десятки тысячъ земледѣльческаго русскаго населенія, составляющаго главную опорную мѣстность для русскаго владычества въ Центральной Азіи. Киргизы, кочующіе въ нижней степной зонѣ и переходящіе лѣтомъ въ зону альпійскихъ луговъ, здѣсь, на сѣверномъ склонѣ Заилійскаго Алатау, состоятъ исключительно изъ Киргизовъ Большой орды.

Никому съ перваго взгляда не нужна пятая, верхняя зона Заилійскаго края,—зона вѣчныхъ снѣговъ, объемлющая всѣ горныя вершины, всегда окутанныя непроницаемымъ саваномъ альпійскаго фирна (крупчатаго снѣга), который едва таетъ на жаркихъ лучахъ лѣтняго солнца и то лишь на поверхности, покрываясь съ осени новымъ снѣжнымъ напластованіемъ, сначала мягкимъ и рыхлымъ, а потомъ постепенно превращающимся въ ту же форму альпійскаго крупчатаго снѣга или фирна. На Заилійскомъ Алатау эти фирны еще недостаточно

обширны и глубоки, чтобы образовать нисходящіе въ долины ледники, которыми такъ богаты болѣе высокіе массивы главнаго Тянъ-Шанскаго хребта, но также, какъ и въ Тянъ-Шанѣ, эти вѣчные снѣга питаютъ чистыя и прохладныя горныя рѣки, благодаря которымъ третья и вторая зона представляются такими, какими онѣ были только-что описаны.

Такимъ образомъ, значеніе верхней, пятой зоны, никѣмъ никогда не обитаемой и въ экономическомъ отношеніи совершенно непроизводительной, совершенно опредѣленное: зона снѣжныхъ горныхъ вершинъ связываетъ тяжелую, мрачную земную поверхность съ легкимъ, свѣтлымъ, прозрачнымъ, эѳирнымъ небеснымъ сводомъ; она вытягиваетъ изъ атмосферы этого свода ту живительную влагу, безъ которой въ этой отдаленной отъ обширныхъ океаническихъ поверхностей странѣ замираетъ вся органическая жизнь.

На сколько заманчивы и привлекательны кажутся поэту и художнику вѣчно-снѣжныя горныя вершины, на столько же привлекаютъ онѣ и естествоиспытателя, да и вообще путешественника, умѣющаго находить въ изученіи явленій природы и умственныя, и эстетическія наслажденія. Никогда не забуду момента, проведеннаго мною въ совершенномъ одиночествѣ, на грани вѣчныхъ снѣговъ въ Заилійскомъ Алатау, надъ прекраснымъ альпійскимъ озеромъ Джасылъ-Кулемъ. Пройдя благополучно черезъ сѣрую мглу густой темной тучи, я добрался до снѣжнаго горнаго гребня и неожиданно очутился здѣсь въ совершенно безоблачной атмосферѣ подъ палящими лучами склоняющагося къ западу солнца. Внизу подо мною мрачно задвинули ущелье Джасылъ-Куля темныя тучи, безпрестанно разсѣкаемыя извилистыми молніями. Страшные удары грома повторялись эхомъ близкихъ и дальнихъ горъ, сливаясь иногда въ продолжительные раскаты. Съ трескомъ отрывались скалы отъ нависшихъ надъ пропастями утесовъ и съ глухимъ гуломъ падали на дно долины. Около меня все было величественно-спокойно. Неподвижно стояли предо мною снѣжные исполины, ослѣпительно блистая на солнечномъ свѣтѣ. Я былъ одинъ; лошади и спутники остались внизу въ долинѣ, гдѣ бушевала гроза и шелъ проливной дождь. Никакого оружія при мнѣ не было, кромѣ геологическаго молота; но я чувствовалъ себя въ совершенной безопасности. Кровожадному тигру не зачѣмъ было забѣгать на эти пустынныя вершины; никогда не забирались сюда и шайки разбойниковъ, иногда даже болѣе лютыя, чѣмъ тигры. Свѣжъ и чистъ былъ нѣсколько рѣдкій горный воздухъ, прозрачна была холодная водная струя, вытекавшая изъ-подъ ослѣпительнаго снѣжнаго покрова. Кое-гдѣ виднѣлись крупные красивые вѣнчики альпійскихъ травъ на окраинѣ снѣжной зоны; изрѣдка пролетали жучки, шмели или бабочки, случайно достигавшіе здѣсь крайнихъ предѣловъ своего распространенія, или проносился орелъ, стремящійся почему-то туда, гдѣ, казалось-бы, нѣтъ для него добычи. Не менѣе часа пришлось мнѣ дожидаться окончанія самой величественной грозы, которую я когда-либо видѣлъ. Замолкли громовые раскаты, и водворилась чудная тишина, изрѣдка прерываемая паденіемъ скалъ въ глубину долины. Потокъ воздуха, нисходящаго съ горныхъ вершинъ, вытѣснилъ изъ ущелья мрачную тучу; на днѣ его снова засвѣтилось изумрудное озеро. Нехотя разстался я съ альпійскою снѣговою зоною, и казалось бы, что на вопросъ Творца вселенной, зачѣмъ я туда взобрался и что я тамъ дѣлалъ,—я смѣло отвѣтилъ бы, вмѣстѣ съ безсмертнымъ поэтомъ:

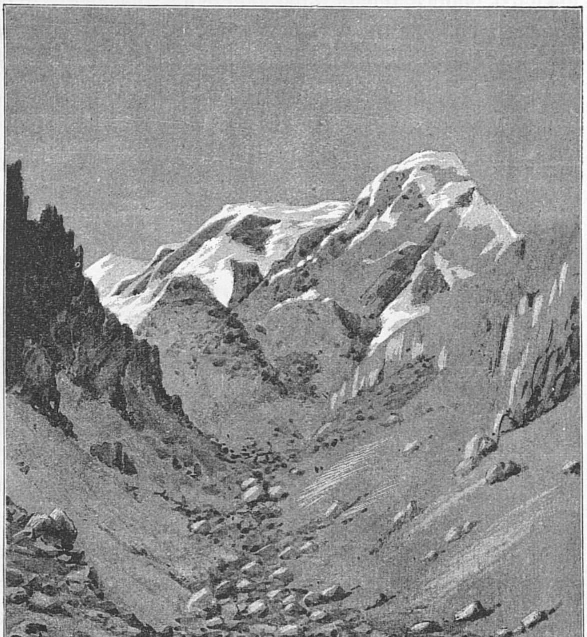
Ich war, sprach der Poet, bei dir,
Mein Auge hing an deinem Angesichte,
An deines Himmels Harmonie mein Ohr;
Verzeih dem Geiste, der, vor deinem Lichte
Berauscht, das Irdische verlor!»

(Я былъ, отвѣтилъ поэтъ, у Тебя, не могъ оторвать своего взгляда отъ созерцанія Твоего лика, а своего слуха отъ Твоей небесной гармоніи. Прости же духу, который, будучи ослѣпленъ Твоимъ небеснымъ свѣтомъ, потерялъ земныя блага.)

Потерянными мною земными благами оказались лошади, проводники, промокшіе до костей въ котловинѣ Джасылъ-Куля, и сухари, составлявшіе нашъ скудный обѣдъ въ этихъ дикихъ,

пустынныхъ мѣстностяхъ. Все это нашлось послѣ двухчасовыхъ поисковъ. До ночлега въ подгорной зонѣ добрались мы уже тогда, когда на далекомъ западѣ давно мерцалъ золотой Весперъ.

Обширное нагорье Заилійскаго Алатау отдѣляется отъ главнаго массива Небеснаго хребта долиной, несравненно болѣе широкой, чѣмъ узкая, продольная трещина, раздѣляющая обѣ цѣпи Заилійскаго Алатау. Самая глубокая котловина этой долины выполнена обширнымъ водоемомъ Иссыкъ-Куля. По западной, болѣе возвышенной оконечности этой долины медленно тянутся въ озеро параллельные и самые значительные притоки озера — Тюбъ и Джиргаланъ. Промежутокъ между ними, характеризующійся своими глинистыми, красными ярами, и есть «Красная долина» древнихъ Усуней, отъ которыхъ уцѣлѣли даже и памятники, — «каменныя бабы», какъ ихъ называютъ казаки, — грубыя, каменныя изваянія людей, глубоко врытыя въ почву. Въ вершинахъ рѣкъ Тюба и Джиргалана находится горный узелъ, связывающій понизившуюся южную цѣпь Заилійскаго Алатау съ главнымъ массивомъ Небеснаго хребта; черезъ этотъ узелъ идетъ горный проходъ Санташъ, гдѣ, говоря языкомъ старыхъ русскихъ лѣтописей, «лазяли» тамерлановскіе Татары въ опустошительныхъ своихъ походахъ на Джунгарію. На западной оконечности своей продольная долина Иссыкъ-Куля замыкается кряжемъ, связывающимъ южную цѣпь Заилійскаго Алатау съ главнымъ хребтомъ западнѣе Иссыкъ-Куля. Черезъ этотъ кряжъ прорывается рѣка Чу, въ описанномъ уже Буамскомъ ущельѣ.



Озеро Джасылъ-Куль на Заукинскомъ перевалѣ.

Но очевидно, что р. Чу могла прорвать такое ущелье только тогда, когда она была стокомъ озера Иссыкъ-Куля. Нынѣ же Иссыкъ-Куль вовсе не имѣетъ стока и притомъ уже очень-очень давно, потому что и во время Хюанъ-Цзана озеро было солоновато, какъ и теперь, значитъ давно не имѣло стока, иначе оно было бы прѣсноводно. Чу, спускаясь съ Тянъ-Шанскаго нагорья, протекаетъ мимо озера и едва-едва выше его уровня, верстахъ въ 3-хъ отъ озера, круто отворачиваясь отъ него, затѣмъ стремительно врывается въ Буамское ущелье. На поворотѣ Чу находится «сазъ» — болотистая, мокрая луговина, питающая слабый ручеекъ Кутемалды, текущій въ Иссыкъ-Куль. Какъ ничтоженъ этотъ ручеекъ — доказываетъ насмѣшливое названіе, данное ему Кара-Киргизами (замочишь то, на чемъ сидишь). Тутъ находится теперь станція того же имени почтовой дороги, ведущей изъ русскаго города Каракола, лежащаго на восточной оконечности Иссыкъ-Куля, въ русскій же городъ Токмакъ на р. Чу.

Котловина Иссыкъ-Куля, если приравнивать ее къ тѣмъ зонамъ, которыя выше были охарактеризованы для сѣвернаго склона Заилійскаго Алатау, принадлежитъ къ подгорной зонѣ,

такъ какъ лѣсная растительность, какъ на южномъ склонѣ Заилійскаго Алатау, такъ и на сѣверномъ главнаго хребта, начинается не ниже 6000 ф. На берегахъ же Иссыкъ-Куля этой собственно лѣсной растительности вовсе нѣтъ, кромѣ тополей, окаймляющихъ теченіе пересѣкающихъ Иссыкъ-Кульское плоскогоріе рѣчекъ. На самыхъ же берегахъ Иссыкъ-Куля очень много высокихъ, почти древовидныхъ кустарниковъ, какъ напр. серебристой, покрытой свѣтло-красными ягодами облѣпихи (Hippophaea rhamnoides) и тамариксовъ или гребенщиковъ (Tamarix). Зато вездѣ, гдѣ только есть возможность распустить одну изъ многочисленныхъ впадающихъ въ Иссыкъ-Куль рѣкъ на арыки, разведеніе садовъ не встрѣчаетъ препятствій, также какъ и хлѣбопашество.

Озеро чрезвычайно богато рыбою. Въ одной изъ вдающихся въ прибрежье бухтъ южнаго берега очень крупная рыба (сазанъ), играя въ несмѣтномъ количествѣ на поверхности воды, такъ путалась въ наіадахъ (водныхъ травахъ), которыми густо заросла бухта, что мы могли бить ее казацкими шашками и набили во время одного купанья болѣе семи пудовъ. Теперь жители Каракола уже производятъ правильный ловъ, между тѣмъ какъ во время моего посѣщенія на Иссыкъ-Кулѣ не было ни одной лодки, такъ какъ Киргизы, вообще, не любятъ воды. Если Иссыкъ-Куль когда-либо видѣлъ лодки до принадлежности своей Русскому государству, то это могли быть только лодки несторіанскихъ христіанъ, имѣвшихъ свой монастырь на берегахъ озера. Недалеко и то время, когда православный монастырь осѣнитъ своимъ крестнымъ знаменіемъ подводныя богатства этого озера, бывшаго до моего посѣщенія полусказочнымъ. Да будетъ этотъ монастырь не только оплотомъ духовнаго просвѣщенія страны, но и форпостомъ цивилизаціи, опорнымъ пунктомъ ея піонеровъ — людей, путешествующихъ съ цѣлью разносторонняго изслѣдованія этихъ отдаленныхъ странъ, и людей, переселяющихся изъ переполненныхъ уже населеніемъ центральныхъ частей государства на отдаленныя, но еще привольныя его окраины.

Для любителей охоты едва ли гдѣ найдется болѣе интересная, при своей нынѣшней доступности, охотничья область, какъ котловина Иссыкъ-Куля. Не даромъ такой опытный и страстный охотникъ, какъ Н. А. Сѣверцовъ, называетъ долину Иссыкъ-Куля да и весь Заилійскій край «охотничьимъ раемъ». Этимъ охотничьимъ раемъ увлекаются даже Дикокаменные Киргизы, отправляющіеся на охоту съ своими старинными тяжелыми неуклюжими ружьями, изъ которыхъ стрѣляютъ не иначе, какъ поставивъ ихъ на ножки или подпорки. Въ густыхъ камышахъ, на самыхъ берегахъ озера, держатся кабаны, барсы или ирбисы (Felis irbis) и джуль-барсы, т. е. настоящіе тигры (Felis tigris); монгольскимъ же зайцамъ (Lepus tolai) нѣтъ и счета. Въ какую бы сторону изъ Каракола ни направился путешественникъ, вездѣ онъ встрѣтитъ самыхъ интересныхъ для охотника звѣрей: прекрасныхъ архаровъ (Ovis Karelini Lew.) и тековъ (Capra Sibirica) съ громадными рогами, здѣшнихъ оленей или мараловъ (Cervus maral), дикихъ козъ, которыхъ здѣсь не мало видовъ; а изъ хищныхъ — небольшаго медвѣдя (Ursus leuconyx Sew), обыкновенныхъ волковъ и лисицъ и краснаго горнаго волка (Canis alpinus), степныхъ караганокъ или темно-брюхихъ лисицъ (Ganis melanotis), великолѣпныхъ куницъ, обыкновенныхъ и алтайскихъ хорьковъ (Foetorius alpinus Gebl.) и пр.

Горный охотникъ.

Текъ.

Еще богаче орнитологическая фауна, въ которой степныя формы куриныхъ птицъ (какъ, напр., странный улларъ (Megaloperdrix Nigellii), вѣсящій до 30 фунтовъ, кекликъ (Perdrix saxatilis), чиликъ (Perdrix daurica) и великолѣпные монгольскіе фазаны (Phasianus mongolicus) попадаются, вмѣстѣ съ водными (напр., разными породами утокъ—Anas boschas, Fuligula clangula) и хищными высокихъ Альпъ (какъ, напр., бородачъ—Gypaetes barbatus, кумай—Gyps nivicola, породы орловъ—Aquila fulva и Haliaetes albicilla и т. п.).

Понятно, что когда мнѣ впервые удалось въ 1856 году заглянуть въ этотъ невѣдомый край, поднять непроницаемую до того времени завѣсу, скрывавшую въ теченіе тысячелѣтій снѣжныя

Сырты въ верховьяхъ Нарына (верхнее теченіе Сыръ-Дарьи).

вершины Тянь-Шаня, я не могъ не стремиться ближе къ его вершинамъ, которыя даже у мало поэтическихъ Китайцевъ носятъ названіе «Небесныхъ».

12 іюня 1857 года, слѣдуя по Терскею, южному прибрежью Иссыкъ-Куля, я достигъ подошвы Заукинскаго перевала, самаго удобнаго изъ доступныхъ для меня въ то время Тянъ-Шанскихъ переваловъ, ведущаго къ совершенно неизвѣстнымъ тогда истокамъ Нарына, верховья знаменитаго Яксарта или Сыръ-Дарьи. Послѣ труднаго перехода черезъ всю горную лѣсную зону, я ночевалъ въ романтической Заукинской долинѣ, со скатовъ которой мѣстами падали шумные водопады, на верхней границѣ лѣсной растительности, на высотѣ 8000 фут. Но несравненно интереснѣе было путешествіе слѣдующаго дня, имѣвшее цѣлью пройти поперекъ всей альпійской зоны до предѣловъ вѣчнаго снѣга.

Отправился я, конечно, налегкѣ, съ небольшимъ конвоемъ, оставивъ вьюки, верблюдовъ и большую часть людей въ Заукинской долинѣ. Только такимъ образомъ можно было избѣгнуть встрѣчи съ враждебными Сара-Багишами, которые, узнавъ, что русскій отрядъ пришелъ въ аулы, придвинувшихся отъ китайскихъ предѣловъ къ восточной оконечности Иссыкъ-Куля, робкихъ Богинцевъ, только-что вошедшихъ въ русское подданство, очистили передъ нами весь Терскей и при томъ такъ поспѣшно удалились куда-то въ горы, что на пути по Терскею мы встрѣчали десятки брошенныхъ Сара-Багишами богинскихъ плѣнниковъ, возвращавшихся въ родные аулы, но до того изнуренныхъ, что мы должны были спасать ихъ отъ голода своими черными сухарями.

Какъ ни опасно было намъ разбиваться на двѣ партіи, но я рѣшился сдѣлать свое вос-

хожденіе только съ семью казаками и сопровождавшимъ меня художникомъ Кошаровымъ, оставивъ главныя силы на бивакѣ въ Заукинской долинѣ.

Черезъ три часа быстраго, но труднаго перехода, мы очутились на берегу прекраснаго аквамарино-зеленаго, прозрачнаго альпійскаго озера, лежащаго въ глубокой котловинѣ, образуемой крутыми обрывами совершенно обнаженныхъ черныхъ сланцевыхъ горъ. Взобравшись по крутому ущелью въ эту котловину и пройдя мимо озера и впередъ его, я былъ пораженъ тѣмъ, что впереди насъ (мы шли къ юго-западу) ничего не было видно, кромѣ крутыхъ, безжизненныхъ, черныхъ утесовъ, а сзади, за пройденнымъ озеромъ, возвышались великолѣпныя горныя вершины, уже увѣнчанныя снѣжными покровами. Очевидно, мы взбирались по крутой и тѣсной поперечной трещинѣ и уже прошли передовые альпы, оставивъ ихъ за собою на сѣверѣ. За первымъ альпійскимъ озеромъ пришлось подниматься ко второму, столь же романтическому, но лежащему выше перваго, черезъ груду скалъ, наваленныхъ одна на другую въ хаотическомъ безпорядкѣ въ неисчислимомъ количествѣ. Глубоко подъ этою грудою течетъ съ едва слышнымъ кое-гдѣ подземнымъ шумомъ, на протяженіи едва-ли не болѣе двухъ верстъ, подземная рѣчка, соединяющая одно озеро съ другимъ. Цвѣтъ верхняго озера хотя и зеленый, но менѣе прозрачный чѣмъ перваго, за то окружающій ландшафтъ еще величественнѣе. На южномъ берегу озера черные кремнистые сланцы смѣняются гранитами. Эти граниты поднимаются крутыми утесами, вершины которыхъ, снова состоящія изъ темныхъ сланцевъ, покрыты вѣчными снѣгами, которые были здѣсь такъ же правильно напластованы, какъ всякая другая твердая, слоистая, горная порода, такъ что мѣстами можно было почти сосчитать число годовыхъ слоевъ. Въ этомъ странномъ отчасти снѣговомъ, отчасти горнокаменномъ карнизѣ видна была глубокая вырѣзка. Черезъ эту естественную амбразуру проходила зигзагомъ восходящая на крутой каменный утесъ тропинка, которая и должна была вывести насъ на вершину горнаго перевала. Подъемъ былъ такъ крутъ, что я рѣшился оставить на верхнемъ альпійскомъ озерѣ часть своего конвоя съ вьючными лошадьми и ѣхать впередъ только съ моимъ спутникомъ, художникомъ Кошаровымъ, двумя казаками и киргизскимъ вожакомъ. Но и тутъ насъ встрѣтили неожиданныя препятствія. Путь нашъ былъ мѣстами заваленъ трупами лошадей и другихъ домашнихъ животныхъ. Въ холодной атмосферѣ альпійской зоны трупы эти хорошо сохранились. Изрѣдка видѣли мы и трупы людей, что еще болѣе увеличивало ужасъ картины. Въ одномъ мѣстѣ трупъ лежалъ поперекъ тропинки; лошадь моя бросилась назадъ и сорвалась, а я спасся, спрыгнувъ съ нея на выдавшуюся со ската скалу. Я взялъ себѣ другую лошадь, на которой наконецъ достигъ вершины амбразуры и вступилъ на горный перевалъ.

Здѣсь ландшафтъ совершенно измѣнился. Передъ нами разстилался тотъ типъ природы, который на многочисленныхъ развѣтвленіяхъ Тянъ-Шанскаго нагорья извѣстенъ подъ именемъ *сыртовъ*, на развѣтвленіяхъ же Гималайскаго хребта — подъ именемъ *памировъ*.

Передъ вами разстилается широкое, холмистое нагорье, поверхность котораго, по сдѣланному мною гипсометрическому опредѣленію, превышала 11 тыс. фут. На югѣ нагорье замыкалось рядомъ округлыхъ холмовъ или даже горъ, не превышающихъ, повидимому, 3000 фут. относительной высоты, то есть такихъ относительно невысокихъ кряжей, какіе нерѣдко встрѣчаются на гладкой поверхности безпредѣльной Киргизской степи. Но вслѣдствіе громадной абсолютной высоты, горы эти отъ вершины и почти до подошвы покрыты вѣчнымъ снѣгомъ. Съ востока видны отдаленныя, но болѣе высокія снѣжныя горы, съ запада холмистое нагорье кажется безпредѣльнымъ. Съ нагорья равнины кое-гдѣ поднимаются еще болѣе низкіе, округлые, рѣдко съ одной стороны обрывистые, холмы отъ 600 до 1500 и болѣе ф. высоты, также покрытые вѣчными снѣгами съ сѣверной стороны до основанія, съ южной до половины и даже менѣе. Между холмами разстилается роскошный коверъ сочныхъ альпійскихъ травъ, украшенный яркими, по своимъ колерамъ, альпійскими цвѣтами. Мѣстами, въ пространствѣ между холмами, есть и пологія котловины, выполненныя полузамерзшими плоскоберегими озе-

рами, мутно-зеленоватаго цвѣта тамъ, гдѣ они не подернуты льдомъ. Изъ ближайшихъ къ нашей окраинѣ двухъ озеръ, соединенныхъ между собою протокомъ, рѣка вырывалась черезъ пройденную нами амбразуру въ Верхне-Заукинское альпійское озеро, быстро спускаясь черезъ короткую Заукинскую долину къ Иссыкъ-Кулю. Изъ двухъ болѣе отдаленныхъ озеръ, до которыхъ я добрался часа черезъ два, рѣчки лѣниво текли въ Тарагай—верховье Нарына и Яксарта. Съ небольшой относительно и пологой высоты, на которую мы взобрались, проводникъ мой показывалъ мнѣ издали мѣсто, гдѣ находились подобные же истоки Аиръ-Таша, одного изъ верховьевъ Аксу, системы Тарима и Лобъ-Нора. Это—одна изъ тѣхъ «крышъ міра», съ которыхъ воды текутъ во всѣ стороны свѣта: на сѣверъ и югъ, на западъ и востокъ. Сравненіе съ крышей и въ особенности съ крышей обширнаго индійскаго храма, уставленнаго безчисленными фантастическими куполами, представляется весьма удачнымъ.

На этомъ мертвомъ, безжизненномъ сыртѣ насъ встрѣтили однако-же живыя существа, вѣрные друзья человѣка,—простыя домашнія киргизскія собаки, въ числѣ четырехъ или пяти. Съ радостнымъ лаемъ бросились онѣ къ намъ на встрѣчу, какъ бы желая сообщить намъ печальную исторію своихъ хозяевъ и жаловаться на ихъ губителей. Но мы и сами отгадали эту исторію, припомнивъ разсказы стараго манапа (верховнаго султана) богинскаго племени—Бурамбая. Одинъ изъ подвластныхъ ему младшихъ султановъ разсорился съ нимъ изъ-за чего-то и рѣшился откочевать отъ него въ покинутыя имъ долины Тянь-Шанскаго нагорья, мимо любимаго кочевья манапа Бурамбая, въ нижней части Заукинской долины, гдѣ находились и садъ, и мельница манапа, разоренные Сара-Багишами; непокорный султанъ занялъ одну изъ привлекательнѣйшихъ долинъ нагорья. Но общіе враги богинскаго племени не дремали. Огромными силами напали они на богинскіе аулы и страшно разгромили ихъ. Съ остатками своихъ стадъ и табуновъ, съ женами и дѣтьми, несчастные Богинцы бѣжали черезъ Заукинскій перевалъ и, преслѣдуемые врагами на крутомъ подъемѣ отъ верхняго альпійскаго озера до сырта, понесли страшныя потери. На сыртѣ Сара-Багиши уже не могли успѣшно преслѣдовать своихъ враговъ, разсѣявшихся въ разныя стороны. Сколько несчастныхъ погибло въ кровавой битвѣ, сколько замерзло на полянахъ снѣжной зоны, сколько и куда спаслось бѣгствомъ и сколько попало въ злую неволю, — неизвѣстно. Мы могли узнать только, что укочевавшіе отъ нашего прихода Сара-Багиши разбросали на своемъ пути до трехъ сотъ плѣнниковъ, и вотъ нѣсколько десятковъ изъ нихъ повстрѣчались намъ на дорогѣ, благословляя наше прибытіе. Новые же наши друзья — собаки, пробывшія столь долгое время на одной изъ крышъ міра, питались въ это время хорошо сохранившимися посреди снѣговъ трупами лошадей и другихъ домашнихъ животныхъ. Собаки, прикормленныя нами, такъ и остались при насъ до возвращенія въ обитаемую подгорную зону; двѣ же изъ нихъ не покидали нашего маленькаго отряда до самаго конца путешествія, доставляя казакамъ не мало развлеченій.

Когда я добрался до озеръ Яксартской системы, погода сильно перемѣнилась. Сѣрыя тучи заволокли небесный сводъ, снѣгъ падалъ хлопьями, горы скрылись изъ глазъ и далѣе ѣхать съ двумя только казаками и киргизскими проводниками намъ было уже невозможно. Остававшіеся на верхнемъ альпійскомъ озерѣ пять казаковъ также были не въ блестящемъ положеніи и сильно безпокоились о нашей участи. Ночевать при этихъ обстоятельствахъ на крышѣ міра было бы неосторожно и неудобно. Мы вернулись къ нашей амбразурѣ и начали спускаться къ зеленому озеру. Во время спуска, съ оглушающимъ трескомъ сорвалась въ наше ущелье громадная снѣжная лавина. Къ счастью, лавина промчалась мимо насъ, увлекая за собою массу громадныхъ каменьевъ, съ оглушительнымъ шумомъ прыгавшихъ со скалы на скалу, и только обдала меня снѣжной пылью. Въ первый разъ видѣлъ я въ Тянь-Шанѣ паденіе громадной снѣжной лавины, долетѣвшей до самаго озера. Встрепенулись и оставленные нами казаки; съ радостью убѣдились мы взаимно, что всѣ цѣлы и невредимы. Собравшись въ кучу на берегу

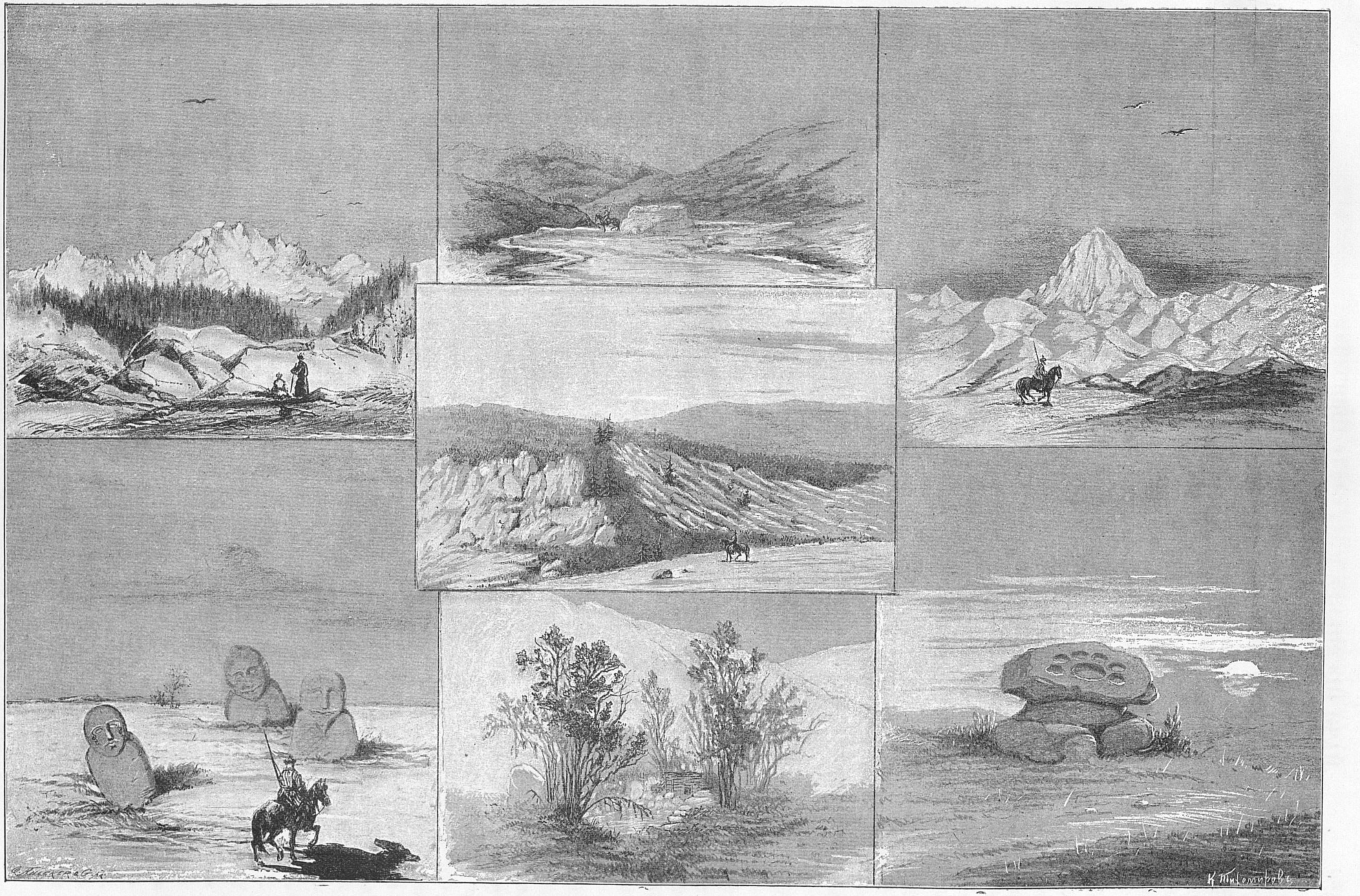
озера, мы утолили, въ первый разъ въ теченіе этого труднаго дня, и голодъ, и жажду. День уже склонялся къ вечеру и хотя погода въ долинѣ совершенно разгулялась, но мы не рѣшились терять ни минуты и, спускаясь внизъ по знакомой уже дорогѣ, добрались до нашего нижняго бивака, гдѣ насъ ожидали палатка и вьюки, живительный огонь пылающаго костра и теплый чай.

Восхожденіе на Тянъ-Шанскіе сырты убѣдило меня въ томъ, что самая возвышенная часть Тянъ-Шаня — многочисленные куполы этой великолѣпной крыши міра — находится значительно восточнѣе той мѣстности, въ которой я впервые взобрался на Тянъ-Шанское нагорье.

Вотъ почему, второе свое восхожденіе на Тянъ-Шань я рѣшился предпринять въ болѣе восточномъ меридіанѣ. Въ продольную долину, отдѣляющую главное Тянъ-Шанское нагорье отъ Заилійскаго Алатау, текутъ съ Тянъ-Шаня многочисленныя рѣчки, впадающія въ озеро Иссыкъ-Куль, въ р. Джиргаланъ—восточный притокъ озера, въ р. Каркару — одно изъ верховьевъ р. Чарына, очень значительнаго притока р. Или, наконецъ въ Текесъ — верховье самой Или. Черезъ короткія, сравнительно, но круто поднимающіяся поперечныя долины или ущелья этихъ рѣчекъ, можно, разумѣется, съ большими или меньшими трудностями, взбираться на Тянъ-Шанское нагорье.

Тщательные разспросы заставили меня выбрать путь по р. Каркарѣ — самый удобный изъ путей, приводящихъ къ подножію величественнѣйшей въ Небесномъ хребтѣ горной группы Тенгри-Тага. Приготовленія мои къ восхожденію производились въ аулахъ Бурамбая, стараго манапа богинскаго племени, кочевавшаго на Малой Каркарѣ и чрезвычайно успокоеннаго тѣмъ, что наша экскурсія на Заукинскій перевалъ очистила весь Терскей и заставила удалиться съ его наслѣдственныхъ кочевокъ страшныхъ ему Сара-Багишей къ западу.

23 іюня я уже находился у выхода Большой Каркары изъ тѣснинъ Тянъ-Шаня на широкую продольную долину. Съ самаго устья тѣснины пришлось намъ вступить въ горную лѣсную зону, начинавшуюся здѣсь на высотѣ 6000 фут. или даже болѣе. Предгорія хребта состоятъ здѣсь изъ желтыхъ песчано-глинистыхъ наносовъ, но скоро появляются и горнокаменныя обнаженія, несомнѣнно горнаго известняка съ нѣкоторыми окаменѣлостями (каменно-угольной формаціи). Каркара быстро и шумно течетъ по каменистому ложу, заваленному валунами и цѣлыми скалами известняковъ и гранитовъ. Скаты долины круты и чѣмъ дальше, тѣмъ болѣе густо заросли пихтовымъ лѣсомъ. Кое-гдѣ между пихтами попадались другія деревья и кустарники: обыкновенная рябина, двѣ породы ивы (Salix sibirica Pall. и S. nigricans Sm.) и двѣ породы жимолости (Lonicera hispida Pall. и L. Karelini Bunge). Вѣроятно, вслѣдствіе быстраго паденія рѣки, сносящей съ горъ сѣмена альпійскихъ растеній, и холодной ея температуры, близъ самой рѣки замѣтны были и совершенно альпійскія растенія здѣшней флоры, какъ напримѣръ столь извѣстный швейцарскимъ путешественникамъ пушистый безсмертный цвѣтокъ (Leontopodium alpinum), Anemone narcissiflora, красивыя, синія генціаны и не менѣе красивая розовая Primula nivalis. Здѣсь же появились первыя гранитныя обнаженія, и скоро долина раздвоилась. Мы пошли по лѣвой отъ насъ, восточной, главной вѣтви, направляясь прямо къ югу, и черезъ 4½ часа пути отъ развѣтвленія долины дошли до впаденія въ Каркару ключика Сартъ-Джелъ. Здѣсь проводники наши убѣдили насъ идти вверхъ по Сартъ-Джелу, увѣряя насъ, что путь этотъ лучше, чѣмъ тропинка, ведущая по долинѣ Каркары. Сартъ-Джелъ —небольшой ручей, текущій съ незначительной высоты, при самомъ крутомъ паденіи между гранитными скалами и пихтовымъ лѣсомъ, въ долину Каркары. Около полутора часовъ поднимались мы, посреди густой чащи, вверхъ по узкой и трудной тропинкѣ и, наконецъ, выѣхали на открытую поляну, на которой увидѣли аулъ. Аулъ этотъ принадлежалъ родственнику Бурамбая, Мулдассану, который не побоялся удалиться въ горы отъ другихъ Богинцевъ, державшихся въ сборѣ изъ опасенія сара-багишскихъ набѣговъ. Больная мать Мулдассана желала подышать живительнымъ горнымъ воздухомъ. Табуны и стада Мулдассана паслись на роскош-



Типическія мѣстности Тянъ-Шанскаго нагорья:

Талгарскій пикъ въ Заилійскомъ Алатау.
Каменныя бабы на Иссыкъ-кульскомъ плоскогорьѣ.

Тузъ-кокъ-джаръ и мѣстожденіе каменной соли.
Поднятіе осадочныхъ пластовъ на склонѣ Небеснаго хребта.
Альма-аралакъ (теплый ключъ въ долинѣ Небеснаго хребта).

Ханъ-Тенгри (высшая изъ горъ въ русскомъ Тянъ-Шанѣ).
Жертвенный камень близъ Альма-аралака.

ныхъ альпійскихъ лугахъ сосѣднихъ, едва доступныхъ горныхъ вершинъ. Радушный и ласковый хозяинъ, пригласившій насъ къ себѣ на ночлегъ, былъ искусный музыкантъ на домбрѣ.

Мы тѣмъ съ бо̀льшимъ удовольствіемъ остановились здѣсь на ночлегъ, что подъ вечеръ шелъ дождь и ночь была холодная. Юрта наша была расположена какъ разъ надъ выходившимъ изъ-подъ скалъ источникомъ, въ глубокую ложбину котораго опускались вѣковыя пихты. Здѣсь мы узнали, что самая трудная часть пути предстоитъ намъ именно на слѣдующій день, до Кокъ-Джара, одного изъ верховьевъ Каркары.

24 іюня съ разсвѣтомъ мы уже были на лошадяхъ. Рѣшено было, что мы не пойдемъ далѣе по Сартъ-Джелу, потому что тамъ пришлось бы взобраться на горный гребень, на которомъ лежало много снѣга. Потому мы опять направились на главную Каркару, черезъ густой пихтовый лѣсъ. Трудная для проѣзда тропинка мѣстами была совершенно преграждена свалившимися на нее вѣковыми деревьями; лучшаго лѣса я нигдѣ не видалъ на Тянъ-Шанѣ, кромѣ, впрочемъ, еще одного, болѣе западнаго ущелья—Тургень-Аксу, въ которомъ я доходилъ, къ сожалѣнію, только до прекраснаго теплаго ключа (альма-арассана). Вся поперечная долина Каркары представляетъ здѣсь самое дикое и лѣсистое ущелье. Тропинка наша то спускалась до пѣнистой и шумной горной рѣки, то опять поднималась въ гору и мѣстами принимала характеръ бома, т. е. висящаго надъ пропастью карниза. Торчащія отовсюду скалы, версты на 4 отъ аула, состояли исключительно изъ гранита, затѣмъ пошли на 6 верстъ обнаженія сіенита, смѣнившагося послѣ 10-й версты пути отъ аула порфиромъ.

Черезъ 15 верстъ труднаго пути, по довольно крутому подъему, характеръ мѣстности совершенно измѣнился. Мы, наконецъ, окончательно выбрались изъ поперечной трещины или разсѣлины хребта, по которой съ шумомъ и пѣной, прыгая по скаламъ подобно Тереку, спускалась стремительная и многоводная Каркара, и вышли на широкую продольную долину, лежавшую уже выше верхняго предѣла лѣсной растительности, т. е. между 9,000 и 10,000 футовъ. Здѣсь, въ этой широкой долинѣ, сливались въ довольно спокойномъ теченіи двѣ вѣтви Каркары. Мы пошли вверхъ по лѣвой вѣтви, которая и носитъ названіе Кокъ-Джара, т. е. синяго яра.

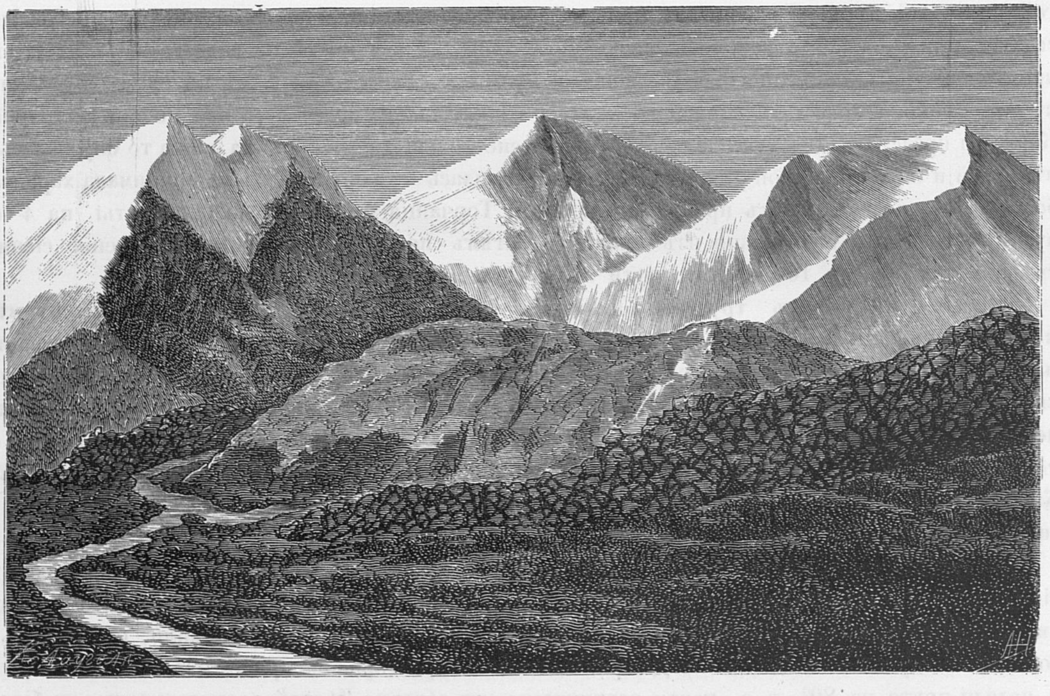
Геогностическій характеръ мѣстности сильно измѣнился. Кристаллическія породы (граниты, сіениты и порфиры), черезъ гребень которыхъ прорвала себѣ амбразуру многоводная Каркара, смѣнились осадочными, скорѣе сѣро-зеленоватыми, чѣмъ синеватыми сланцами, отъ которыхъ долина и получила названіе Кокъ-Джара. Сланцы эти простирались прямо отъ запада къ востоку и падали круто на 80°, т. е. почти вертикально, къ сѣверу. Лѣсной растительности не было и слѣда, и только кое-гдѣ видны были невысокіе кустарники, разстилавшіеся по камнямъ или торчавшіе между ними. Это были кусты казацкаго можевельника (Juniperus Sabina), сибирской ивы (Salix Sibirica Pall.), горной алтайской таволги (Spiraea laevigata), столь извѣстной въ нашихъ садахъ Potentilla fruticosa, горнаго даурскаго гребенщика (Myricaria daurica) и любимаго верблюдами тюэкъ-уйрюка (Caragana jubata). Травы нижней альпійской зоны Небеснаго хребта въ благопріятныхъ мѣстахъ образовали роскошные ковры, испещренные разнообразными цвѣтами, и пріятно контрастовали съ однообразнымъ и унылымъ видомъ сѣрозеленыхъ или сѣро-синеватыхъ скалъ. Горы, ограничивавшія долины, не особенно высоко поднимались надъ ея дномъ довольно однообразными грядами. Только на юго-востокѣ, въ головѣ долины, блистали вѣчноснѣжныя вершины, да позади насъ осталась пройденная нами черезъ Каркаринское ущелье цѣпь, нѣкоторыя вершины которой были нѣсколько засыпаны снѣгомъ.

Послѣ 20 верстъ неутомительнаго пути по этой долинѣ мы достигли до впаденія въ нее Тузъ-Кокъ-Джара—соленаго ключа. Мы поднялись нѣсколько въ гору для того, чтобы добраться до самаго соленаго ключа, который оказался интереснымъ минеральнымъ источникомъ, очень насыщеннымъ растворомъ поваренной соли и имѣющимъ температуру 18°, 6 Ц., при внѣшней температурѣ, едва превышавшей 10° Ц. Источникъ этотъ вытекаетъ изъ мѣсторожденія

каменной соли. Кругомъ мы замѣтили мѣсторожденіе гипса, а на обратномъ пути въ обрывахъ надъ Тузъ-Кокъ-Джаромъ—весьма интересныя обнаженія чернаго известняка, довольно богатыя окаменѣлостями, между которыми нашлись самыя характерныя окаменѣлости каменноугольной системы (какъ, напр., Productus giganteus и Productus semireticulatus).

Ночевать на Тузъ-Кокъ-Джарѣ оказалось затруднительнымъ, за неимѣніемъ достаточнаго корма для лошадей и топлива, а потому мы снова спустились на Кокъ-Джаръ и, пройдя еще нѣсколько верстъ, ночевали здѣсь на высотѣ свыше 9,000 ф. Передъ солнечнымъ закатомъ температура не превышала 8° Ц.

25 іюня при солнечномъ восходѣ было $2\frac{1}{2}$° мороза; палатка обледенѣла, и края не чрез-



Ледникъ, открытый П. П. Семеновымъ въ верховьѣ Сыръ-Дарьи (въ горной группѣ Ханъ-Тенгри).

мѣрно быстраго ручья были подернуты тонкимъ льдомъ. Передъ нами на югѣ поднималась относительно уже невысокая гряда, съ которой не особенно быстро стекала рѣчка Кокъ-Джаръ. Богинскіе наши проводники, повидимому, были знакомы съ мѣстностью очень отчетливо, во всякомъ случаѣ,— гораздо лучше тѣхъ проводниковъ, которые сопровождали насъ на Заукинскій перевалъ. По весьма обстоятельнымъ показаніямъ этихъ проводниковъ, гряда, возвышавшаяся передъ нами, была водораздѣломъ между Кокъ-Джаромъ (верховьемъ Каркары, системы р. Или и озера Балхаша) и рѣкою Сары-Джазомъ, по разсказамъ проводниковъ, несомнѣнно составлявшей верховье р. Аксу, текущей мимо извѣстнаго города того же имени на южномъ склонѣ Тянь-Шаня и принадлежащей къ системѣ Тарима и Лобъ-Нора.

Понятно, съ какимъ рвеніемъ двинулись мы 25 іюня утромъ съ своего ночлега на главный водораздѣлъ Небеснаго хребта. Сначала мы шли прямо къ югу, все вдоль верховья Кокъ-Джара, потомъ постепенно завернули къ востоку, наконецъ—круто къ юго-западу. Здѣсь уже начался болѣе крутой, но уже непродолжительный подъемъ на водораздѣлъ. Горнокаменныя обнаженія состояли здѣсь изъ глинистаго сланца, простирающагося отъ с.-з. къ ю.-в. и круто падающаго къ юго западу (подъ угломъ въ 75°), а далѣе отъ з. къ в. онъ имѣетъ север-

шенно вертикальное паденіе. Въ одномъ мѣстѣ мы прошли мимо величественнаго утеса, состоявшаго изъ известняка и падавшаго отвѣсно надъ тропинкою. У подошвы утеса нашли мы массу череповъ тянъ-шанскихъ горныхъ барановъ, съ ихъ громадными завитыми рогами. Черепа эти съ рогами вѣсили отъ 3-хъ до 4-хъ пудовъ. Подобные же черепа были находимы въ такомъ же количествѣ англійскимъ путешественникомъ, лейтенантомъ Вудомъ, на одномъ изъ Гималайскихъ памировъ. Все бѣднѣе и бѣднѣе водою становилась разбившаяся на нѣсколько истоковъ рѣчка; когда она вовсе исчезла, мы взошли, наконецъ, на вершину водораздѣла.

Здѣсь открылась передъ нами такая неожиданная панорама, которая превосходила величіемъ все, что я когда-либо видѣлъ не только въ европейскихъ Альпахъ, но и на Кавказѣ. Въ упоръ передъ нами при совершенно безоблачномъ небѣ возвышалась вся снѣжная группа Тенгри-Тага. Я могъ насчитать не менѣе 30 снѣжныхъ гигантовъ, сверху до низу засыпанныхъ вѣчными снѣгами. Мы были отдѣлены отъ длиннаго ряда этихъ гигантовъ сравнительно неглубокою долиною Сары-Джаза, различныя вѣтви котораго вытекали изъ раздѣляющихъ отдѣльные альпы глубокихъ долинъ. Очевидно, онѣ брали начало изъ спускающихся по долинамъ ледниковъ. Отроги самыхъ переднихъ снѣжныхъ исполиновъ выступали между долинами въ видѣ постепенно понижающихся грядъ, на гребнѣ которыхъ держались вѣчные снѣга. Между этими исполинами выступалъ одинъ, едвали не вдвое превышавшій всѣ остальные и имѣвшій форму крутой пирамиды, на чрезвычайно крутыхъ бокахъ своихъ засыпанный вѣчнымъ снѣгомъ. Эта царственная вершина Небеснаго хребта и была Ханъ-Тенгри, достигающая высоты 24 тыс. футовъ. Тонкое, слоистое облако прилѣпилось наподобіе вѣнца, немного выше средины пирамиды, а надъ этимъ облакомъ величественно возвышался куполъ вершины, сверкавшей на солнцѣ ослѣпительною своею бѣлизною.

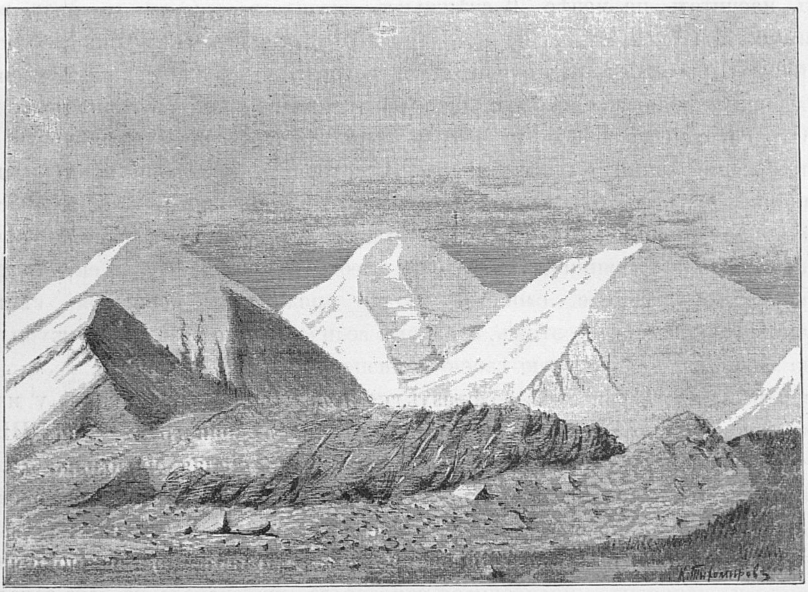
Хотя мы перешли уже главный водораздѣлъ Тянъ-Шаня, — такъ какъ у нашихъ ногъ струились ключики, текущіе въ Сары-Джазъ,—но главная горная группа Тянъ-Шаня исполинскою стѣною замыкала намъ южный горизонтъ, такъ что длинная продольная долина, въ которой сливались всѣ безъ исключенія рѣчки, текущія изъ ледниковъ сѣвернаго склона группы Ханъ-Тенгри, находилась на сѣверномъ склонѣ Небеснаго хребта. Вдали на западѣ видно было, какъ Сары-Джазъ, слѣдуя по этой длинной продольной долинѣ, постепенно приближался къ снѣжному гребню и, наконецъ, поворачивая наперерѣзъ его сначала къ юго-западу, а потомъ къ югу, врывался въ его тѣснины и прокладывалъ себѣ смѣлый путь на южную сторону Тянъ-Шаня. Впрочемъ, по разсказамъ нашихъ вожаковъ, долиной Сары-Джаза пройти въ городъ Аксу невозможно: прорываясь сквозь главный Тянъ-Шанскій хребетъ, рѣка, принимающая названіе Аксу, безъ сомнѣнія, отъ того, что она на всемъ своемъ теченіи черезъ дикія ущелья дробится о скалы и, превращаясь въ пѣну, имѣетъ на своей поверхности бѣлый цвѣтъ, течетъ въ такой тѣснинѣ, въ которой можно было бы проложитъ дорогу только искусственно по горному карнизу, устроенному при помощи взрыва скалъ, какъ это дѣлается на многихъ альпійскихъ горныхъ перевалахъ. Пока такой дороги еще нѣтъ, мѣстные жители обходятъ это альпійское ущелье весьма кружнымъ путемъ, переходя черезъ три горные перевала: Куулю, имѣющему по новѣйшимъ измѣреніямъ 13,700 ф. абс. выс., Ишегарту — 12,750 фут., и Беделю, съ котораго спускаются на южное Тянъ-Шанское подгорье (Тянъ Шань-Нань-Лу), близъ города Ушъ-Турфана, лежащаго западнѣе города Аксу.

Мы въ полдень стояли на Кокъ-Джарскомъ перевалѣ, при температурѣ $9\frac{1}{2}^0$ Ц. Гипсометрическое опредѣленіе мое дало высоту 11,530 фут., на которую и нужно смотрѣть, какъ на высоту Тянъ-Шанскаго водораздѣла въ этомъ меридіанѣ. Флора горнаго перевала была высоко-альпійская флора Небеснаго хребта, характеризующаяся такими растеніями, какъ напр. изъ лютиковыхъ: Ranunculus altaicus Lax., R. gelidus Kar., Oxygraphis glacialis Bunge, Callianthemum rutaefolium C. A. Mey, Hegemone lilacina Bge, изъ крестоцвѣтныхъ: Parrya stenocarpa Kar., Draba lactea Ad., D. stellata Jacq. var. nivalis, Thlaspi cochleriforme,

Hutchinsia pectinata Bge, изъ фіалокъ—Viola biflora v. acutifolia Kar., изъ камнеломковыхъ—Chrysosplenium nudicaule Bge и т. д.

Насладившись вполнѣ величественной панорамою высшей горной группы Небеснаго хребта, я поспѣшилъ спуститься въ долину Сары-Джаза. Здѣсь мы устроили привалъ на ключѣ, впадающемъ въ Сары-Джазъ, въ мѣстности, гдѣ не было недостатка ни въ водѣ, ни въ топливѣ, состоящемъ, разумѣется, только изъ тезека (навоза), оставляемаго проходящими здѣсь изрѣдка кочевниками, такъ какъ даже и въ глубинѣ долины, на высотѣ не менѣе 9,000 ф., не было и слѣда древесной растительности.

На привалѣ оставилъ я свой караванъ, и съ двумя казаками и киргизскимъ вожакомъ от-



Ледникъ у Ханъ-Тенгри.

правился немедленно въ горы, чтобы въ этотъ же день достичь до сплошныхъ вѣчныхъ снѣговъ Ханъ-Тенгри и опредѣлить высоту снѣжной линіи.

Прежде всего намъ пришлось переправиться черезъ Сары-Джазъ. Ложе рѣки здѣсь не особенно скалисто, теченіе очень быстро, вода рѣки млечнаго, зеленовато-бѣлаго или агатоваго цвѣта. Очень многоводная рѣка разбивается на много рукавовъ и очевидно служитъ стокомъ многихъ ручьевъ, непосредственно берущихъ начало изъ ледниковъ. Бродъ нашъ былъ очень затруднителенъ. За Сары-Джазомъ мы поѣхали прямо къ горному гребню, служащему однимъ изъ отроговъ ближайшаго къ намъ снѣжнаго исполина группы Ханъ-Тенгри. Верстъ черезъ семь некрутаго подъема достигли мы гранитныхъ скалъ этого гребня, а затѣмъ уже слѣдовали вдоль самаго гребня.

Переходя отъ одной къ другой изъ лежащихъ вдоль гребня, покрытыхъ снѣгомъ шапокъ, я уже на третьей убѣдился, что достигъ *вѣчнаго* снѣга, и здѣсь сдѣлалъ опредѣленіе высоты въ 12,976 ф. Это была самая высшая изъ достигнутыхъ мною на Тянь-Шанѣ высотъ; здѣсь не было уже никакой растительности. Въ ближайшую къ намъ долину спускался глетчеръ, дававшій начало одному изъ притоковъ Сары-Джаза, но спуститься къ этому леднику въ этотъ день не было возможности: день уже склонялся къ вечеру, и ночь застала бы насъ въ долинѣ не менѣе какъ верстахъ 25-ти отъ нашего лагеря. Всего болѣе былъ я пораженъ встрѣчею на горномъ снѣжномъ гребнѣ, и притомъ въ неособенно большомъ отъ насъ отдаленіи, цѣлаго

стада прекрасныхъ, громадныхъ и красивыхъ горныхъ барановъ. То были кочкары — порода Гималайскихъ памировъ и Тянъ-Шанскихъ сыртовъ, носящая названіе Ovis Polii, въ честь великаго путешественника Марко Поло, видѣвшаго ее впервые на Памирѣ. Весьма обстоятельному описанію Марко Поло этихъ животныхъ въ свое время никто не повѣрилъ, и только когда лейтенантъ Вудъ привезъ съ Памира скелеты головъ этихъ барановъ, съ ихъ громадными рогами, то порода была зоологически установлена и названа Ovis Polii. Но такъ какъ Вудъ не видалъ живыхъ экземпляровъ этихъ животныхъ, то натуралисты полагали, что порода эта совсѣмъ вымерла. И вотъ теперь передо мною находилось великолѣпное стадо, состоявшее изъ многихъ десятковъ кочкаровъ, перебѣгавшихъ съ вершины на вершину; въ зрительную трубу можно было хорошо разсмотрѣть каждое изъ этихъ стройныхъ, сильныхъ животныхъ, украшенныхъ великолѣпными, сильно завитыми рогами. Къ сожалѣнію, намъ не удалось убить ни одного кочкара; уже впослѣдствіи экземпляры ихъ привезены были въ музей академіи наукъ Сѣверцовымъ и Пржевальскимъ. Кочкаръ, несомнѣнно, свойственъ лишь этой богатой роскошными альпійскими лугами крышѣ міра. Ему нужно много корма, много простора, и потому онъ можетъ жить только тамъ, гдѣ,—какъ на здѣшнихъ сыртахъ и Гималайскихъ памирахъ,—широкая полоса верхне-альпійскихъ луговъ разстилается, можно сказать, почти непрерывно отъ подножія Ханъ-Тенгри до подножія Гималайскихъ исполиновъ.

Кочкары (старый и молодой).

Возвратились мы на свой привалъ уже въ глухую полночь, послѣ далеко небезопасной переправы черезъ многоводный Сары-Джазъ.

Слѣдующій день, 27 іюня, я желалъ посвятить осмотру хотя одного изъ главныхъ Сары-Джазскихъ ледниковъ, а потому всталъ очень рано. Въ небольшомъ разстояніи отъ своей палатки наткнулся на трупъ Кара-Киргиза, лежавшій въ западинкѣ и незамѣченный казаками. Мертвецъ былъ завернутъ въ войлокъ и одѣтъ въ халатъ. По всей вѣроятности, это былъ одинъ изъ многочисленныхъ бѣглецовъ, спасшихся отъ погрома на Заукинскомъ перевалѣ, но замерзшій здѣсь при снѣжномъ буранѣ.

Температура въ 6 часовъ утра была 5° Ц. Погода прекрасная. Я отправился въ путь, съ небольшой партіей, вверхъ по теченію Сары-Джаза. Близъ нашего привала долина Сары-Джаза, имѣющая 1 версту шир., была направлена прямо отъ в. къ з., но такъ какъ одинъ изъ главныхъ истоковъ Сары-Джаза лежалъ въ поперечной долинѣ группы Ханъ-Тенгри, къ ю.-ю.-в. отъ насъ, то мы должны были переправиться черезъ Сары-Джазъ нѣсколько выше того мѣста, гдѣ переправлялись вчера, и, избѣгая обширной дуги, образуемой рѣкою, пошли въ прямомъ направленіи къ юго-востоку, по хордѣ этой дуги. Черезъ три часа нетруднаго перехода по сырту, мы опять вышли на Сары-Джазъ, который тутъ уже протекалъ въ направленіи не отъ в. къ з., а отъ ю.-в. къ с.-з. Здѣсь уже мы вступили въ настоящую альпійскую долину, имѣвшую версты три ширины и ограниченную съ двухъ сторонъ высокими горными грядами, увѣнчанными болѣе и болѣе высокими снѣжными вершинами. Вся долина была засыпана валунами, происходившими, какъ мы убѣдились впослѣдствіи, отъ размыва рѣкою Сары-Джазомъ ледниковыхъ моренъ. Между крупными валунами преобладали бѣлые и только отчасти

свѣтло-сѣрые мраморы. Кое-гдѣ попадались валуны сланцевъ и гораздо рѣже гранитъ. Часа черезъ два пути вверхъ по долинѣ достигли мы вдающагося въ нее мыса. Здѣсь долина раздвоилась. Въ лѣвый отрогъ ея спускались два ледника, съ ясно видными боковыми моренами и черновато-грязнаго цвѣта оконечностями. Но еще обширнѣе и величественнѣе казался ледникъ, спускавшійся въ верховье главной долины. Онъ спускался довольно круто, какъ бы обширною замерзшею рѣкою, и былъ въ нижней своей части, чрезвычайно разорванной трещинами и буграми, засыпанъ черноватымъ покровомъ каменьевъ. По сторонамъ виднѣлись характерные валы сопровождавшихъ ледникъ моренъ, а впереди лежалъ валъ передовой морены, надъ которою оконечность ледника, впрочемъ, сильно возвышалась.

Оставивъ у подножія мыса свои вьюки и сопровождавшихъ меня казаковъ, я, съ тремя только спутниками, отправился на лучшихъ нашихъ лошадяхъ прямо къ леднику. Ледникъ оказался совершенно доступнымъ,—болѣе даже доступнымъ чѣмъ остальные ледники Тенгри-Тага. Сначала я осмотрѣлъ конечный обрывъ ледника, возвышающійся надъ дномъ долины, какъ мнѣ казалось, фут. на 300, потомъ поднялся по моренѣ и взобрался на верхнюю поверхность ледника пѣшкомъ, уже совершенно одинъ, вслѣдствіе чего не могъ предпринять перехода поперекъ всего ледника, имѣющаго здѣсь не менѣе полуторы версты ширины.

Киргизскій инородецъ.

Оконечность ледника оказалась, по моему опредѣленію, на абс. выс. 10,580 фут. Ледяной утесъ, грозно нависшій надъ дномъ долины, въ головѣ ея, представляетъ очень величественный видъ. Изъ-подъ него выбивается одинъ изъ истоковъ Сары-Джаза, усиливаемый крупными каплями воды, падающими непрерывнымъ дождемъ съ нависшаго ледянаго утеса. При внѣшней температурѣ, имѣвшей въ часъ пополудни $12^1/_2{}^0$ Ц., и палящихъ лучахъ солнца, ледъ былъ такъ твердъ на ледяномъ обрывѣ, что его можно было отбивать, какъ горную породу, молотомъ, который звенѣлъ по ней. Ледъ, при всей своей прозрачности, былъ зеленовато-бѣловатаго цвѣта, подобно цвѣту невскаго льда. Бѣловатый цвѣтъ зависѣлъ отъ нѣсколько пузырчатаго сложенія. Къ изумленію своему, я нигдѣ не замѣтилъ въ ледникѣ тѣхъ глубокихъ голубыхъ трещинъ, которыя такъ характеризуютъ швейцарскіе ледники; гдѣ были трещины, тамъ онѣ казались свѣтло-зелеными. Поверхность ледника, остро-бугристая, фута на три засыпанная слоемъ крупчатаго снѣга (nevé), представлялась черноватою на своей поверхности, такъ-какъ она сверху была покрыта мелкими камнями. Мѣстами на поверхности видны были и такъ называемые ледниковые столы, т. е. большіе камни, находящіеся на сравнительно тонкомъ ледяномъ пьедесталѣ, образующемся вслѣдствіе того, что камень защищаетъ ледъ, его поддерживающій, отъ таянія. Валуны на ледникѣ и въ высокой боковой его моренѣ состояли почти исключительно изъ метаморфическихъ породъ: бѣлыхъ и сѣрыхъ кристаллическихъ известняковъ, мраморовъ, глинистыхъ и слюдяныхъ сланцевъ, красивыхъ яшмъ и т. п. Бока долины казались безснѣжными еще по крайней мѣрѣ на 2,000 фут., затѣмъ уже начинались вѣчно-снѣжные покровы, одѣвавшіе сверху до низу величественный бѣлокъ, стоявшій во главѣ долины. Бѣлокъ этотъ былъ только одинъ изъ трехъ десятковъ бѣлковъ, образующихъ горную группу Ханъ-Тенгри, и едвали превышалъ 18 или 19 т. ф. абс. высоты. Лѣвѣе его видны были еще два столь же высокіе бѣлка. Очертанія всѣхъ трехъ довольно округлыя, куполовидныя; бѣлизна сплошнаго ихъ снѣжнаго покрова ослѣпительна. Бѣлки эти замыкаютъ собственно верхнюю изъ поперечныхъ долинъ, впадающихъ въ Сары-Джазъ и направленныхъ отъ юга къ сѣверу; главная же долина, направленная

отъ востока къ западу, замыкается широкимъ ледникомъ, вполнѣ заслуживающимъ названіе ледяного моря (mer de glace) и отличающимся отъ остальныхъ ледниковъ тѣмъ, что послѣдніе имѣютъ чрезвычайно замѣтное и довольно крутое паденіе, а ледяное море, служащее, вѣроятно, общею оконечностью нѣсколькимъ выходящимъ изъ болѣе восточныхъ поперечныхъ долинъ ледникамъ, представляется на своей поверхности какъ бы совершенно горизонтальнымъ и только слегка взволнованнымъ, подобно поверхности мгновенно замерзшаго волнующагося моря. Поверхность простиравшагося отъ насъ на востокъ ледянаго моря, не связаннаго съ осмотрѣннымъ мною ледникомъ, была также грязнаго цвѣта. Ширина этого ледника казалась мнѣ не менѣе $2^1/_2$ или даже 3 верстъ; верхней оконечности его вовсе не было видно. Мы доходили до нижней оконечности и этого ледника, которая оказалась еще доступнѣе, чѣмъ оконечность боковаго; я взбирался и на его окраину. Вообще говоря, для изслѣдователей ледниковъ группа Тенгри-Тага представляетъ самую лучшую и едвали не самую доступную область.

Флора ледниковыхъ долинъ совершенно альпійская, хотя, конечно, менѣе высоко-альпійская, чѣмъ на снѣжныхъ гребняхъ Небеснаго хребта. Изъ кустарниковъ, я замѣтилъ только двѣ породы — низкорослую иву (Salix sibirica Pall.) и снабженный длинными колючками сѣролистный тюэкъ-уйрукъ, съ красивыми блѣдно-розовыми цвѣтами (Caragana jubata). Самыми блестящими цвѣтами здѣшней альпійской флоры представлялись: желтая, чрезвычайно крупноцвѣтная фіалка (Viola grandiflora L.), розовый первоцвѣтъ (Primula nivalis Pall.), нѣсколько прелестныхъ синихъ и желтыхъ генціанъ (Gentiana foliata Turez., Olivieri Gris., verna L., prostrata Haenk., aurea L., гималайская Kurroo Royl., Pleurogyne carinthiaca и Swertia marginata), изъ губоцвѣтныхъ синіе Dracocephalum altaiense; нѣсколько видовъ крестоцвѣтныхъ (напр. Parrya steno-carpa Kar, Hutchrinsia pectinata Bge, Taphrospermum altaicum Mey и пр.) и сложноцвѣтныхъ (Erigeron uniflorum L., Calimeris altaica Nees, Saussurea pygmaea, Leontopodium alpinum, Tanacetum pulchrum Sz, T. Semenowi Herd., Taraxacum Stedoeni, Crepis multicaulis). Нашлись и характерные злаки Ptilogrostis, какъ напримѣръ mongolica Gris и новооткрытый характерный видъ Deschampsia koelerioides Reg. Но всего болѣе бросалась въ глаза порода лука (Allium Semenowi Reg), съ красивыми цвѣтными головками золотаго цвѣта. Порода эта настолько характеризуетъ Тянъ-Шанскіе сырты, что она заставила наблюдательныхъ Китайцевъ дать всей западной оконечности Тянъ-Шаня (къ западу отъ горной группы Ханъ-Тенгри) названіе Луковыхъ горъ—*Цунъ-Линъ*.

Поздно ночью возвратились мы на свой ночлегъ, на ключикѣ близъ Сары-Джаза. На слѣдующій день, 28 іюня, я предпринялъ съ утра экскурсію въ противоположную сторону, то есть внизъ по Сары-Джазу. Мы шли нѣсколько часовъ и дошли до той мѣстности, гдѣ въ Сары-Джазъ впадаетъ справа рѣка, съ которой начинается подъемъ къ перевалу Куулю, такъ какъ далѣе по Сары-Джазу, все болѣе поворачивающему къ ю.-з. и врѣзывающемуся въ горное ущелье, невозможно слѣдовать. Между тѣмъ погода испортилась: тучи занесли горныя вершины, пошелъ дождь, и идти далѣе къ перевалу Куулю въ такую погоду налегкѣ не было цѣли, а тронуться туда цѣлымъ караваномъ было бы слишкомъ опасно. Притомъ же за этимъ боковымъ (относительно главной оси Тянъ-Шаня) переваломъ мы бы остались все-таки на томъ же сѣверномъ склонѣ Тянъ-Шаня, только на другой вѣтви р. Аксу, а потому я и рѣшился возвратиться на нашъ бивакъ.

28 іюня мы перешли съ Сары-Джаза на Кокъ-Джаръ, черезъ другой, болѣе восточный и болѣе высокій водораздѣльный перевалъ, на которомъ были еще пятна снѣга, и, пройдя до солянаго его притока (Тузъ-Кокъ-Джара) останоновились здѣсь на ночлегѣ.

29 іюня, поднявшись до самаго истока Тузъ-Кокъ-Джара, мы взобрались на боковой относительно оси Тянъ-Шаня перевалъ, служащій водораздѣломъ между Каркарою и Текесомъ, верховьемъ р. Или. Этотъ Текесскій перевалъ оказался въ 10,900 фут. абс. высоты. Горный гребень состоялъ здѣсь изъ краснаго песчаника, съ простираніемъ отъ в. къ з. (hor. $7^1/_2$)

и паденіемъ 85° къ в., и былъ покрытъ высокоальпійскою растительностью. Быстро спустились мы съ перевала въ глубокую долину Текеса и слѣдующій ночлегъ провели уже въ лѣсной зонѣ, т. е. ниже 8,000 ф.

Спустившись по рѣкѣ Текесу въ подгорную зону, я намѣревался дойти до рѣки Чонъ-Мусарта и, поднимаясь по ней, проникнуть Мусартскимъ ледникомъ, но, къ сожалѣнію, гонецъ, догнавшій насъ уже недалеко до Чонъ-Мусарта, извѣстилъ меня, что одинъ изъ старшихъ султановъ Большой орды Тезекъ, который облегчилъ все мое путешествіе тѣмъ, что съ нѣсколькими стами всадниковъ сопровождалъ насъ до ауловъ манапа Бурамбая и подножія Тянъ-Шаня, былъ захваченъ въ плѣнъ однимъ изъ возмутившихся противъ него младшихъ султановъ. Это обстоятельство разстраивало все наше дальнѣйшее движеніе впередъ, такъ какъ разсѣявшійся нынѣ отрядъ Тезека придавалъ моему конвою, состоявшему всего только изъ 40 казаковъ, значеніе крупнаго русскаго отряда, устрашившаго враждебныхъ намъ Сара-Багишей до такой степени, что они побросали и очистили отвоеванныя ими у Богинцевъ Тянъ-Шанскія кочевья. Пришлось быстро двинуться назадъ на выручку султана Тезека, и хотя это движеніе удалось вполнѣ, но послѣ того уже не пришлось мнѣ возвращаться въ долины Тянъ-Шаня, а остальную часть лѣта и осени я занялся изслѣдованіемъ горныхъ переваловъ, долинъ и двухъ гребней Заилійскаго Алатау.

Главными результатами двухъ-лѣтнихъ моихъ изслѣдованій, кромѣ открытія нѣсколькихъ ледниковъ Тенгри-Тага и верховьевъ системы Яксарта, было между прочимъ то, что мнѣніе знаменитыхъ европейскихъ географовъ Риттера и въ особенности Гумбольдта, о присутствіи въ Небесномъ хребтѣ не только дѣйствующихъ, но даже и потухшихъ вулкановъ, не подтвердилось. По двумъ видѣннымъ мною мѣстностямъ, которыя, на основаніи показаній китайскихъ источниковъ, признавались вулканическими, можно было судить, что за вулканическія явленія было принято горѣніе подземныхъ пластовъ каменнаго угля; дѣйствительныхъ же вулкановъ въ Тянъ-Шанѣ вовсе не существуетъ.

Разумѣется, такое категорическое заявленіе представлялось бы послѣ моего путешествія еще слишкомъ смѣлымъ и преждевременнымъ, такъ какъ мною не были посѣщены двѣ важнѣйшія мѣстности, слывшія вулканическими, а именно: Байшань или Пешань, на южномъ склонѣ Небеснаго хребта близъ города Ку-Ча, и Сольфатара близъ Урумчи; но показаніе всѣхъ послѣдующихъ русскихъ путешественниковъ и очевидцевъ Тянъ-Шаня подтвердили мое предварительное заключеніе объ отсутствіи вулкановъ и даже вулканическихъ породъ и явленій въ Небесномъ хребтѣ.

Прошло четверть столѣтія съ того времени, какъ нога перваго русскаго путешественника коснулась скалъ почти легендарнаго до того времени Небеснаго хребта,—и цѣлая плеяда исключительно русскихъ путешественниковъ съ достаточною разносторонностью изучила Тянъ-Шань и Цунъ-Линь съ ихъ развѣтвленіями, сыртами и долинами, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, и русская осѣдлая колонизація стала твердою ногою у Тянъ-Шанскихъ подгорій.

Въ первое семилѣтіе послѣ моего путешествія, Небесный хребегъ оставался все еще мало доступнымъ для путешественниковъ, и только рекогносцировки русскихъ офицеровъ: Голубева (1859), Венюкова, Валиханова (1860), Проценко (1862) и Лерхе (1863) разъяснили географическое положеніе и картографію нѣкоторыхъ частей Тянъ-Шанскаго нагорья.

Но болѣе разностороннія научныя изслѣдованія и наблюденія въ Тянъ-Шанѣ могли начаться только съ тѣхъ поръ, какъ походы Черняева 1864—65 годовъ, завершившіеся взятіемъ Ташкента и покореніемъ всего Туркестана, упрочили окончательно наше владычество въ Средней Азіи.

Рука объ руку съ завоеваніемъ Туркестана, шли и мирныя, научныя завоеванія обширнаго нагорья Небеснаго хребта. Особенно важными по своимъ результатамъ для географической науки являются для западнаго Тянъ-Шаня путешествія и изслѣдованія Н. А. Сѣверцова

(1864 и 68 г.), Полторацкаго и бар. Остенъ-Сакена (1867 г.), бар. Каульбарса (1868 и 1869 г.) Федченко (1868—70 г.), Шепелева (1871 г.), Романовскаго и Мушкетова (1874 и 1875 г.); для восточнаго же Тянъ-Шаня—путешествія Пржевальскаго и Потанина (1877 г.).

Н. А. Сѣверцовъ, посвятившій лучшую половину своей жизни на изученіе Туркестанскаго края, впервые увидѣлъ Тянъ-Шанское нагорье восемь лѣтъ спустя послѣ моего путешествія—въ 1864 году, сопровождая отрядъ генерала Черняева. Отрядъ этотъ направился въ походъ, которымъ и была рѣшена навсегда участь всего Туркестанскаго края. Въ научныхъ рекогносцировкахъ, сопровождавшихъ этотъ достопамятный походъ, Сѣверцовъ показалъ себя неутомимымъ, преданнымъ наукѣ ученымъ, при осадѣ кокансквхъ укрѣпленій — героемъ.

Черезъ западное продолженіе сѣверной цѣпи Заилійскаго Алатау отрядъ Черняева прошелъ изслѣдованнымъ уже мною путемъ черезъ Кестекскій перевалъ, у горы Суокъ-Тюбэ. Результатами интересныхъ рекогносцировокъ Сѣверцова и сопровождавшаго его горнаго офицера Фрезе, въ 1864 году, было весьма обстоятельное изслѣдованіе западнаго продолженія южной цѣпи Заилійскаго Алатау, доходящаго между теченіями рѣкъ Чу и Таласа до нынѣшняго окружнаго города Сыръ-Дарьинской области Аулія-ата и получившаго названіе *Александровскаго хребта*, въ честь покойнаго Императора Александра II. Затѣмъ Сѣверцовъ не менѣе обстоятельно изслѣдовалъ и ту часть, проходящую между долинами Таласа и Сыръ-Дарьи, продолженія западнаго Тянъ-Шаня или Цунъ-Линя, которая носитъ мѣстное названіе Уртакъ-Тау; цѣпь эта на перевалахъ возвышается до 10,500 фут., а въ вершинахъ до 13 и 14 тысячъ футовъ. На сѣверномъ склонѣ этого Уртакъ-Тау Сѣверцовъ нашелъ ту замѣчательную мѣстность тысячи источниковъ (Минъ-Булакъ), которая въ VII вѣкѣ была посѣщена Хюанъ-Цзаномъ. Мѣстность эта, конечно, нѣсколько измѣнилась въ теченіе двѣнадцати вѣковъ. Исчезли высокія деревья, подъ которыми находили спасительную тѣнь турскій ханъ и интересный его гость Хюанъ-Цзанъ, сохранившій для исторіи и потомства тѣ впечатлѣнія, которыя произвела на него эта мѣстность; но журчатъ здѣсь и нынѣ многочисленные свѣтлые источники, одѣваются роскошною зеленью и покрываются разноцвѣтными цвѣтами хорошо орошенные скаты, оправдывая болѣе чѣмъ тысячелѣтнюю извѣстность «страны тысячи источниковъ».

Въ 1865 и 1866 годахъ Сѣверцовъ занимался изслѣдованіемъ Каратау — самой западной оконечности того же самаго Цунъ-Линскаго развѣтвленія, которое въ средней своей части носитъ названіе Уртакъ-Тау. Этотъ Каратау, сопровождая съ правой стороны теченіе Сыръ-Дарьи между меридіанами Ташкента и Джулека, есть одинъ изъ отроговъ Тянъ-Шанской или Цунъ-Линской системы, наиболѣе вдающихся въ Арало-Каспійскую низменность.

Такимъ образомъ, въ первое 10-лѣтіе послѣ того, какъ мнѣ удалось впервые взобраться на сырты и ледники Тянъ-Шанскаго нагорья, только три мѣстности этого нагорья (въ тѣсномъ смыслѣ) были открыты для науки, а именно: высокая горная группа Тенгри-Тага съ горою Ханъ-Тенгри и ледниками Сары-Джаза, Заукинскій перевалъ съ верховьями Нарына, Верхне-нарынскими сыртами и котловиною озера Иссыкъ-Куля и Уртакъ-Тау, наконецъ, Каратау съ страною тысячи источниковъ.

Лѣтомъ въ 1867 году замѣчательной экспедиціи полковника (нынѣ генералъ-лейтенанта) Полторацкаго и барона Остенъ-Сакена (впослѣдствіи секретаря, а нынѣ почетнаго члена Русскаго Географическаго Общества) удалось впервые пересѣчь весь Тянъ-Шанскій или, лучше сказать, Цунъ-Линскій профиль, начиная отъ Илійской равнины до Кашгарской или Мало-бухарской степи, въ меридіанѣ города Токмака. Экспедиція эта изъ Вѣрнаго до долины р. Чу шла изслѣдованною уже мною дорогою, черезъ Кестекскій перевалъ, но далѣе, вмѣсто того, чтобы перерѣзать южную цѣпь Заилійскаго Алатау въ пересѣкающемъ ее Буамскомъ ущельѣ, перевалилась черезъ западное продолженіе этой цѣпи (Александровскій хребетъ), въ перевалѣ Шамси, съ котораго и спустилась въ продольную долину Кочкара—верховье р. Чу,

отдѣляющую Александровскій хребетъ отъ Цунъ-Линя. Шамсійское ущелье оказалось чрезвычайно живописнымъ и поросшимъ прекраснымъ хвойнымъ лѣсомъ. Перевалъ имѣетъ 11,830 ф. высоты, растительность на его вершинѣ альпійская, спускъ въ долину Кочкара коротокъ и крутъ, долина Кочкара не превышаетъ 6,000 ф. абс. выс.

Изъ продольной долины Кочкара экспедиція поднялась уже на главное Цунъ-Линское нагорье и, перейдя водораздѣлъ системъ Чу и Нарына, вступила сначала въ ущелье Чаръ-Арча, притока Джумгала, впадающаго въ Нарынъ, и затѣмъ достигла одного изъ интереснѣйшихъ озеръ Тянъ-Шанскихъ сыртовъ—*Сонъ-Куля*. Озеро это простирается на 25 верстъ въ длину и до 18 въ ширину. Вода его, имѣющая, если смотрѣть на озеро съ горъ, голубой цвѣтъ, прѣсна и годна для питья; высота озера надъ уровнемъ моря 9,400 ф.; берега только съ одной сѣверо-западной стороны представляютъ скалистые гребни, съ другой къ югу покрыты великолѣпными лугами альпійской зоны, характеризуемыми чисто-альпійскими формами растеній, каковы, напримѣръ, альпійскій безсмертникъ (Leontopodium alpinum), камнеломка (Saxifraga hirculus), Parnassia Laxmani Pall., виды генціанъ (Gentiana aurea L., detonsa Rottb., Pleurogyne carinthiaca Gris.) и пр.

Съ Сонъ-Кульскаго плоскогорья или сырта экспедиція спустилась черезъ живописное ущелье Молда-Аксу, отчасти поросшее пихтовымъ лѣсомъ, въ широкую, продольную долину Нарына, на которую вышла близъ развалинъ стараго укрѣпленія Куртка, гдѣ уровень Нарына, имѣющаго здѣсь уже отъ 100 до 150 саж. ширины, не превосходитъ 6520 ф. Такимъ образомъ экспедиція пересѣкала именно здѣсь, между продольными долинами Кочкара и Нарына, то расчлененіе Цунъ-Линя, которое, въ дальнѣйшемъ своемъ продолженіи къ западу, ограничиваетъ прекрасную и плодородную Ферганскую область съ сѣвера, а еще далѣе на западъ было изслѣдовано Сѣверцовымъ подъ именемъ Уртакъ-Тау и Кара-Тау.

Но самые высокіе перевалы во всемъ профилѣ, Тянъ-Шанскаго нагорья, пересѣченные экспедиціею, оказались въ томъ обширномъ развѣтвленіи Цунъ-Линя, которое ограничиваетъ съ юга какъ Верхне-нарынскую долину, отдѣляя ее отъ Кашгаріи или Малой Бухаріи, такъ далѣе на западъ и Фергану, подъ именемъ Алайскаго и Заалайскаго хребтовъ. Это важное развѣтвленіе Цунъ-Линя показываетъ (подобно Заилійскому Алатау) рѣшительную наклонность къ расщепленію на параллельные или почти параллельные гребни, вслѣдствіе чего экспедиціи, на пути отъ Нарынской долины до Кашгарской равнины, пришлось перейти не черезъ одинъ, а черезъ три неимовѣрно-высокіе перевала.

Первый изъ этихъ переваловъ—*Джаманъ-Даванъ* оказался въ 12,900 фут. высоты. Онъ ведетъ черезъ горную цѣпь, раздѣляющую широкую, продольную долину Нарына отъ болѣе узкой и возвышенной, въ которой сталкиваются, текущія съ двухъ противоположныхъ сторонъ, рѣки Кара-Коинъ и Атбашъ, которыя соединившись прорываются черезъ горную цѣпь на сѣверъ, въ Нарынъ. Альпійская флора Джаманъ-Давана представляла уже не мало гималайскихъ формъ. Второй горный перевалъ—*Ташъ-Роватъ* въ 12,900 ф. выс. велъ черезъ другую горную цѣпь, отдѣляющую продольную долину Атбашъ-Кара-Коинъ отъ другой, почти параллельной съ нею, въ которой сливаются текущія также, съ двухъ противоположныхъ сторонъ, рѣки Аксай и Иго-Дургенъ, по своемъ сліяніи прорывающіяся къ югу черезъ горную цѣпь, ограничивающую ихъ долину съ южной стороны и образующія верховья Таушканъ-Дарьи, протекающей мимо города Ушъ-Турфана вѣтви Тарима. На западной оконечности этой продольной долины, на самомъ сыртѣ, на высотѣ 11,050 ф., находится замѣчательное озеро Чатыръ-Куль, величиною мало уступающее Сонъ-Кулю, а именно имѣющее 21 вер. длины и до 9½ вер. ширины. Замѣчательно, что вода этого озера прѣсна и годна для питья, не смотря на то, что озеро не имѣетъ стока. Растительность вокругъ озера не особенно роскошная, но несомнѣнно альпійская, съ тѣмъ же характеромъ флоры, представляющимъ переходъ отъ алтайской къ гималайской. Горный гребень подходитъ къ озеру только съ сѣверной стороны, съ

южной—ровный сыртъ простирается на ширину отъ 6 до 10 вер. до той цѣпи, которая ограничиваетъ котловину озера и продольную долину Аксай-Игодургенъ съ южной стороны.

Черезъ эту-то послѣднюю цѣпь Цунъ-Линя экспедиція перешла въ горномъ перевалѣ *Туругартъ*, въ 12,700 ф. абс. выс., и спустилась въ Малую Бухарію или Кашгарію, по долинѣ Суока, притока Кашгаръ-Дарьи. Экспедиція достигла до обработанныхъ полей Кашгаріи, лежавшихъ еще на высотѣ 7,000 фут., но не увидѣла даже и издали самаго города Кашгара, расположеннаго уже совершенно въ равнинѣ, на высотѣ 4,000 фут.

Такимъ образомъ экспедиція Полторацкаго и барона Остенъ-Сакена впервые опредѣлила полный орографическій профиль всей Тянъ-Шанской системы въ меридіанѣ города Токмака, лежащаго къ западу отъ западной оконечности Иссыкъ-Куля, и независимо отъ того дала весьма цѣнный ботаническій матеріалъ, обработанный академикомъ Рупрехтомъ, въ принадлежащемъ ему и барону Остенъ-Сакену сочиненіи Vertum thian-shanicum. Матеріалъ этотъ послужилъ важнымъ дополненіемъ къ собранному мною ботаническому матеріалу, разработанному директоромъ ботаническаго сада Регелемъ въ его Plantae Semenovianae.

Въ 1868 году Сѣверцовъ, въ свою очередь, совершилъ самое интересное изъ своихъ путешествій для изслѣдованія Тянъ-Шанскаго нагорья. Выѣхавъ изъ Вѣрнаго, къ сожалѣнію, позднею осенью, онъ дошелъ до подошвы Небеснаго хребта на южномъ прибрежьѣ Иссыкъ-Куля (Терскеѣ), уже изслѣдованнымъ мною путемъ, по которому нынѣ проходитъ почтовая дорога, на востокъ отъ Вѣрнаго на Сейрекъ-Тасъ, Санташъ, въ городъ Караколъ.

На Цунь-Линь и Тянъ-Шанскіе сырты Сѣверцовъ взобрался черезъ ущелье Барскаунъ, сосѣднее съ Заукинскимъ, но болѣе западное. Перевалъ называется здѣсь Денгереме (11,800 ф. абс. выс.), по имени притока р. Барскауна; онъ былъ уже обслѣдованъ полковникомъ Проценко въ 1862 году, подъ именемъ Барскаунскаго перевала. На Тянъ-Шанскихъ сыртахъ и верховьяхъ Нарына и другихъ рѣкъ этихъ обширныхъ плоскогорій Сѣверцовъ пространствовалъ три недѣли и спустился съ Цунь-Линскаго нагорья только въ послѣднихъ числахъ октября, по Кочкару, т. е. путемъ Полторацкаго и барона Остенъ-Сакена. Изслѣдованы были Сѣверцовымъ въ орографическомъ и геологическомъ отношеніяхъ Тянъ-Шанскіе сырты, особливо вдоль высокихъ продольныхъ и паралельныхъ долинъ Нарына и Атбаша, но переваливался онъ въ горныхъ проходахъ Кыны и Тасъ-Аксу (10,400 и 10,700 ф.) и черезъ горную цѣпь, раздѣляющую продольную долину Атбашъ-Кара-Коинъ отъ паралельной съ нею долины Игодургенъ-Аксай, и достигалъ до этой послѣдней рѣки, образующей верховье Турфанской вѣтви Тарима (Таушканъ-Дарьи). Въ особенности богата была зоологическая добыча путешественника. Между этою добычею находится и тотъ бурый медвѣдь Тянъ-Шанскихъ сыртовъ, за которымъ мнѣ приходилось безуспѣшно гнаться въ 1857 году; спутники Сѣверцова застали его выкапывающимъ изъ норъ замерзшихъ тамъ сурковъ, я же видѣлъ такого медвѣдя выкапывающимъ изъ могилы трупъ Киргиза; Сѣверцовъ назвалъ этотъ видъ медвѣдя, составляющій переходъ отъ нашихъ русскихъ равнинныхъ формъ къ горнымъ—ливанскому (Ursus livanicus) и гималайскому (Ursus isabellinus)—по длиннымъ бѣлымъ его когтямъ—Ursus leuconyx. Еще болѣе интересная была добыча знаменитаго кочкара (Ovis Polii), въ первый разъ убитаго Сѣверцовымъ для музея академіи наукъ.

Изъ орнитологической добычи особый интересъ представляли экземпляры *кумая*, тянъ-шанскаго орла, похожаго на индѣйскую породу (Gyps indicus), но вдвое превосходящаго его величиною; Сѣверцовъ назвалъ этого орла Gyps nivicola, замѣтивъ, что онъ всегда держится около вѣчно-снѣжныхъ вершинъ. На сыртахъ же, вблизи вѣчныхъ снѣговъ, Сѣверцовъ нашелъ и ту красноногую галку, о которой разсказываютъ Китайцы въ своихъ описаніяхъ Муссартскаго перевала; она оказалась уже извѣстнымъ видомъ Fregilus graculus. Зато совершенно новыми видами оказался подснѣжный тянъ-шанскій воробей, названный Сѣверцовымъ Leucosticte Brandtii, въ честь покойнаго академика Брандта.

Не менѣе важными для географіи Тянь-Шанскаго нагорья были экспедиціи для съемокъ и орографическихъ изслѣдованій въ Тянь-Шанѣ въ 1869 году, во главѣ которыхъ стоялъ баронъ Каульбарсъ (впослѣдствіи бывшій военнымъ министромъ въ Болгаріи), который черезъ три года послѣ того (въ 1872 году) посѣтилъ и Кашгаръ, въ качествѣ посланца къ тогдашнему властителю Кашгаріи, Якубъ-беку.

Въ Тянь-Шанскомъ нагорьѣ баронъ Каульбарсъ обозрѣлъ значительную часть долины Нарына, посѣтилъ долину Атбаша и озеро Чатыръ-Куль, изслѣдовалъ по всей длинѣ (верстъ на 170) южнѣйшую изъ продольныхъ долинъ Цунъ-Линя, Аксай-Игодургенъ, и достигъ до высокой снѣжной группы Акшійрика, на которую я смотрю какъ на западную оконечность нагроможденной на Цунъ-Линскомъ нагорьѣ снѣжной цѣпи Тенгри-Тага, отъ коей Акшійрикъ отдѣленъ только прорывомъ къ югу Сары-Джаза, верховой рѣки Аксайской вѣтви Тарима. Бар. Каульбарсъ обогнулъ Акшійрикъ, возвышающійся въ своихъ пикахъ до 19,000 фут., съ трехъ сторонъ и черезъ высокій горный перевалъ Куулю (13,700 ф.) вышелъ на Сары-Джазъ, но не достигнувъ до осмотрѣнныхъ мною Сары-Джазскихъ ледниковъ, повернулъ на Каркару и спустился по ней въ Иссыкъ-Кульскую котловину. Одному изъ неутомимыхъ сотрудниковъ этой экспедиціи, Буняковскому, обязана орографія Тянь-Шаня опредѣленіемъ множества барометрически измѣренныхъ высотъ на горныхъ перевалахъ и въ продольныхъ долинахъ. Важнымъ результатомъ экспедиціи, независимо отъ съемки въ Тянь-Шанскомъ нагорьѣ 30 тыс. кв. верстъ, было открытіе главнаго истока Яксарта изъ ледника, названнаго, въ честь одного изъ топографовъ экспедиціи, ледникомъ Петрова. Ледникъ этотъ опускается съ горной группы Акшійрика. Въ прекрасномъ своемъ сочиненіи «Матеріалы по географіи Тянь-Шаня» баронъ Каульбарсъ изложилъ весьма обстоятельно географическіе результаты экспедиціи 1869 года.

Такимъ образомъ, особенно плодотворнымъ для географіи Тянь-Шанскаго нагорья оказалось трехлѣтіе 1867 — 69 годовъ, въ которое отдѣльныя области изслѣдованія: моихъ на Тенгри-Тагѣ и Зауку-Нарынскомъ сыртѣ, Полторацкаго и бар. Остенъ-Сакена на Цунъ-Линскомъ профилѣ меридіана Токмака и Сѣверцова въ Уртамъ-Тау и Нарынскихъ сыртахъ были связаны между собою неразрывною связью. Вслѣдъ за тѣмъ, съ 1869 по 1871 г., превосходныя изслѣдованія талантливаго и незабвеннаго натуралиста А. П. Федченко обстоятельно ознакомили насъ съ продолженіемъ южнаго развѣтвленія Цунъ-Линя, извѣстнаго подъ именемъ Алайскаго и Заалайскаго хребтовъ, между тѣмъ какъ минеральныя богатства и петрографическій составъ всѣхъ западныхъ развѣтвленій Цунъ-Линя были обслѣдованы съ 1866 по 1872 годъ цѣлою партіею горныхъ инженеровъ, изъ которыхъ наиболѣе свѣдѣній сообщено было инженерами Татариновымъ и Мушketовымъ.

Рядъ научныхъ изслѣдованій Тянь-Шанскаго нагорья въ 20-лѣтіе, послѣдовавшее за моимъ путешествіемъ, достойно заканчивается чрезвычайно важною для географической науки экспедиціею горныхъ инженеровъ Романовскаго и Мушкетова, въ 1874 и 1875 годахъ, изъ которыхъ первый изслѣдовалъ въ геологическомъ отношеніи Александровскій хребетъ и западную оконечность Заилійскаго Алатау и опредѣлилъ всѣ собранныя на Тянь-Шанскомъ нагорьѣ окаменѣлости, между тѣмъ какъ И. В. Мушкетовъ чрезвычайно обстоятельно изслѣдовалъ въ геологическомъ отношеніи всю западную оконечность сѣвернаго развѣтвленія Цунъ-Линя (Уртакъ-Тау и Джумгалъ до озера Сонъ-Куля и р. Кочкара), Иссыкъ-Кульскую котловину, весь Заилійскій Алатау съ Кульджинскою оконечностью этой передовой цѣпи Тянь-Шанскаго нагорья. Ожидаемые геологическіе труды Мушкетова будутъ заключать въ себѣ результаты его неутомимыхъ и основательныхъ изслѣдованій.

Къ этому нужно прибавить еще труды мѣстныхъ дѣятелей Туркестанскаго края, которые, во время своего служебнаго въ немъ пребыванія, изслѣдовали край, напримѣръ, полков. Кушакевичъ и г-нъ Ошанинъ въ энтомологическомъ отношеніи, д-ръ Регель—въ ботаническомъ;

бывшій консулъ въ Кульджѣ, превосходный синологъ Захаровъ, разработалъ много неизвѣстныхъ до него китайскихъ источниковъ о Тянъ-Шанѣ и составилъ на основаніи этихъ источниковъ интересную карту Тянъ-Шаня. Словомъ, Тянъ-Шанское нагорье, особенно въ русской его части, въ одну четверть вѣка, благодаря исключительно русскимъ путешественникамъ, ученымъ и мѣстнымъ дѣятелямъ, перешло изъ легендарнаго почти фазиса географическихъ о немъ свѣдѣній въ совершенно научный.

Впрочемъ, русскія изслѣдованія распространились не только на русскую, но и на китайскую часть Тянъ-Шанскаго нагорья, хотя въ этой части не было и не могло быть сплошныхъ изслѣдованій, каковыми представляются въ совокупности русскія изслѣдованія Тянъ-Шанскаго нагорья отъ самыхъ западныхъ расчлененій Цунъ-Линя до Ханъ-Тенгри, а сдѣлались извѣстны только отдѣльныя, довольно отдаленныя одна отъ другой, мѣстности, въ которыхъ русскія ученыя экспедиціи перешли Тянъ-Шанское нагорье или достигли до него.

Первая изъ этихъ мѣстностей лежитъ въ Тянъ-Шанѣ, какъ разъ на границѣ русскихъ владѣній съ китайскими: это знаменитый Муссартскій ледяной проходъ, на который я смотрю какъ на восточную оконечность нагроможденной на Тянъ–Шанскомъ нагорьѣ снѣжной цѣпи Тенгри-Тага, посреди коей возвышается вершина Ханъ-Тенгри.

Уже въ 1867 году Муссартскій проходъ былъ посѣщенъ Полторацкимъ, а въ 1870 г. барономъ Каульбарсомъ. Оба они доходили до описанныхъ выше по китайскимъ источникамъ ледниковъ, но не переходили черезъ весь профиль перевала, что съ большимъ мужествомъ и энергіей совершилъ въ 1871 году полковникъ Шепелевъ. Эта послѣдняя поѣздка была совершена позднею осенью, а именно въ октябрѣ мѣсяцѣ.

Послѣ 40-верстнаго подъема по Муссартскому ущелью, по которому спускается въ рѣку Текесъ, питаемый ледниками стремительный и многоводный ея притокъ Муссартъ, экспедиція Шепелева достигла до перваго Муссартскаго ледника. Обойдя оконечность этого ледника, верстъ черезъ пять пути, экспедиція достигла конца втораго еще болѣе величественнаго ледника, спускавшагося съ снѣжныхъ горъ, какъ бы застывшимъ водопадомъ, и здѣсь расположилась на ночлегъ. За этимъ ночлегомъ на другой день, послѣ 5-ти верстнаго подъема, Шепелевъ достигъ вершины Муссартскаго перевала, имѣющаго отъ 11 до 12 тыс. ѳут. высоты.

На южномъ склонѣ перевала, нѣсколько верстъ ниже его, оказался спускающійся на южную сторону Тянъ-Шаня громадный ледникъ или ледяное море, черезъ которое приходится переправляться караванамъ и путешественникамъ, слѣдующимъ по Муссартскому пути.

Громадныя массы льда, въ видѣ холмовъ, покрытыхъ снѣгомъ и заваленныхъ гигантскими каменьями или обрывами скалъ, торчали въ хаотическомъ безпорядкѣ. Онѣ принимали видъ исполинскихъ волнъ, катящихся съ Тянъ-Шанскихъ вершинъ, сначала отъ востока къ западу, а потомъ поворачивающихъ на югъ. При переходѣ черезъ ледникъ, путешественники медленно карабкались по снѣгу и каменьямъ на взгроможденные одинъ за другимъ ледяные холмы, держась то средины застывшаго ледянаго потока, то приближаясь къ западному его краю. Лошади поминутно останавливались, чтобы перевести духъ, и дрожали, когда приходилось спускаться внизъ по отвѣсно-усѣченнымъ и угловатымъ обрывамъ обледенѣлаго бассейна: такъ сильно на нихъ дѣйствовалъ и страхъ, и разрѣженный воздухъ. При заворотѣ на югъ ледникъ расширялся до 2½ вер. въ ширину; по бокамъ его высились мрачныя вершины съ рѣзкими очертаніями.

Чѣмъ дальше углублялись путешественники между безформенными массами этого ледника, тѣмъ поразительнѣе представлялись ландшафты. Ледяныя горы, по которымъ шли путешественники, возвышались отъ 300 до 500 ф. отъ своего основанія, то скучиваясь группами, то отдѣляясь одна отъ другой глубокими трещинами и пропастями. Полная безжизненность царила на этомъ пространствѣ. Кое-гдѣ встрѣчались кости, обозначая собою слѣды прошедшихъ здѣсь каравановъ; обломки скалъ и камней, величиною въ нѣсколько саженей и вѣсомъ до тысячи пу-

довъ торчали въ разнообразно наклонныхъ положеніяхъ, удерживаясь до своего окончательнаго паденія во временномъ равновѣсіи на тоненькихъ столбикахъ льда, не имѣющихъ и четверти аршина въ діаметрѣ, и представляли замѣчательные образцы исполинскихъ ледниковыхъ столовъ. Мѣстами приходилось спускаться въ небольшія долинки, или лучше сказать, въ неособенно глубокія трещины, между крутыми ледяными стѣнами. Дно этихъ долинокъ состояло изъ совершенно гладкой и прозрачной поверхности льда. Тамъ, гдѣ приходилось подниматься изъ такой долины, видны были высѣченныя во льду, но уже обтершіяся искусственныя ледяныя ступени, безъ которыхъ изъ трещины выбраться было бы невозможно. Мѣстами попадались прекрасные ледяные гроты или пещеры самыхъ затѣйливыхъ формъ, со входами, на половину занесенными въ это время года снѣгомъ. Цвѣтъ льда въ нихъ былъ бѣлый и чистый. Въ такихъ пещерахъ ледъ принималъ самыя причудливыя формы полокъ или какъ бы этажерокъ, вертикальныхъ столбовъ, имѣвшихъ иногда сходство съ статуями, а также спускающихся съ верхняго свода пещеры въ видѣ бахромы и достигающихъ иногда дна ихъ ледяныхъ сталактитовъ. Между скалами, разбросанными по волнамъ этого ледянаго моря горныхъ породъ, Шепелевъ замѣтилъ, также какъ и я на Сары-Джазскихъ ледникахъ, прекрасные бѣлые мраморы и яшмы, расположенные не въ смѣшеніи, а какъ бы отдѣльными по роду каменьевъ полосами.

Наступили сумерки. Глухой гулъ раздался съ восточной стороны ущелья: то была снѣжная лавина, сначала медленно катившаяся съ снѣжной вершины, а потомъ, послѣ минутной остановки, съ трескомъ и грохотомъ свергнувшаяся на поверхность ледянаго моря. Сибирскіе казаки, сопровождавшіе Шепелева, были такъ поражены величіемъ окружающей природы, что поминутно крестились. Экспедиція провела ночь съ 16 на 17 окт. на бивакѣ, на самомъ ледникѣ. Утромъ только казаки замѣтили на окраинѣ ледника кашгарскій пограничный пикетъ и фортъ Мазаръ-Башъ, расположенный въ 8 верстахъ ниже гребня перевала. Отъ Мазаръ-Баша, по разспроснымъ свѣдѣніямъ, считается около 200 верстъ до города Аксу, расположеннаго уже въ степной Кашгарской равнинѣ, на высотѣ всего только 3,500 ф. Повидимому, на южномъ склонѣ Небеснаго хребта въ меридіанѣ Мусарта вовсе нѣтъ сопровождающей хребетъ съ южной стороны параллельной цѣпи.

Шепелеву на возвратномъ пути, при спускѣ съ Муссартскаго горнаго прохода, удалось увидать также, какъ и мнѣ въ горахъ Кату, на сѣверной сторонѣ рѣки Или еще одно изъ тѣхъ, явленій, которыя подали поводъ къ показаніямъ туземцевъ о дымящихся и извергающихъ пламень горахъ, которыя были приняты, въ классическихъ сочиненіяхъ объ Азіи Риттера и Гумбольдта, за дѣйствующіе вулканы. Шепелевъ видѣлъ здѣсь дымящуюся почву. Образцы, привезенные Шепелевымъ, совершенно сходны съ тѣми, которые были взяты и мною изъ горъ Кату: это—квасцовая земля, продуктъ горѣнія подземныхъ пластовъ каменнаго угля, здѣсь весьма распространеннаго и мѣстами высоко поднятаго. Нѣтъ сомнѣнія, что ложно-вулканическія явленія кряжа Бешань, лежащаго не далѣе какъ верстахъ въ 250 отсюда къ в.-ю.-в., имѣютъ такой же характеръ.

Показанія Шепелева собственно о Муссартскомъ проходѣ вообще очень согласны съ китайскими его описаніями. Важность Муссартскаго прохода заключается въ томъ, что онъ представляетъ собою единственный проходимый профиль Тянъ-Шаня, на которомъ существуетъ всего только одинъ перевалъ и гдѣ, слѣдовательно, Небесный хребетъ не обнаруживаетъ, какъ на всемъ своемъ протяженіи къ западу отъ Ханъ-Тенгри да и къ востоку отъ Муссарта, наклонности къ расчлененію, при посредствѣ продольныхъ долинъ на параллельныя цѣпи.

Почти на четыре градуса долготы восточнѣе оконечности русскихъ владѣній въ знаменитомъ Муссартскомъ горномъ проходѣ весь профиль Небеснаго хребта былъ пройденъ въ 1877 году экспедиціею извѣстнаго путешественника, Н. М. Пржевальскаго. Полковникъ Пржевальскій слѣдовалъ сначала изъ Кульджи на востокъ по долинѣ Или и служащей ей продолженіемъ

прекрасной долинѣ Кунгеса, праваго притока Или. Необитаемая осѣдлымъ населеніемъ долина Кунгеса, имѣющая здѣсь тысячи четыре ф. абс. высоты, относится еще къ подгорной зонѣ, богата лиственнымъ лѣсомъ и въ особенности естественными насажденіями яблочныхъ и абрикосовыхъ деревьевъ; обиліемъ плодовъ она привлекаетъ къ себѣ множество звѣрей, какъ, напримѣръ, кабановъ и мѣстныхъ медвѣдей (Ursus leuconyx), и птицъ, въ числѣ которыхъ много вальдшнеповъ и разныхъ породъ дроздовъ: изъ этихъ породъ особенно замѣчательна индійская форма — Myophoneus Temminckii.

Черезъ перевалъ въ 6,000 ф. Пржевальскій перешелъ въ долину р. Цанма, лежащую въ горной лѣсной зонѣ, а отъ истока рѣки Цанма черезъ альпійскій горный перевалъ Наратъ (въ 9,800 ф. абс. выс.) вышелъ въ прекрасную, продольную долину, носящую поэтическое названіе «Звѣздной»—Юлдузъ, лежащую въ зонѣ альпійскихъ луговъ, на высотѣ около 8 тыс. ф.

Эта долина—обѣтованная земля для скотоводческихъ племенъ. Здѣсь Пржевальскій наслаждался охотою за многочисленными кочкарами и горными козлами или теками. Перейдя черезъ южную цѣпь Небеснаго хребта, на высотѣ 9,300 ф., онъ спустился въ долину нижней части той же рѣки, извѣстной около Харашара подъ именемъ Хайдугола.

Посѣтившій впослѣдствіи Юлдузъ д-ръ Альбертъ Регель, сынъ директора с.-петербургскаго ботаническаго сада, пополнилъ богатые зоологическіе сборы Пржевальскаго въ ботаническомъ и энтомологическомъ отношеніи.

Наконецъ, почти на восемь градусовъ долготы восточнѣе Юлдуза, профиль Небеснаго хребта между историческими городами—Баркюлемъ на сѣверной и Хами на южной сторонѣ Небеснаго хребта, былъ пройденъ тремя русскими экспедиціями: Сосновскаго, Матусовскаго и Пясецкаго въ 1875 году, Потанина и Рафаилова въ 1877 году и Пржевальскаго въ 1879 году.

Въ этомъ профилѣ Тянь-Шань уже представляется несравненно менѣе сложнымъ, а именно состоитъ изъ одной только цѣпи, перевалъ черезъ которую — Кошету-Даба имѣетъ около 9,000 ф. абс. выс., между тѣмъ какъ подгорный городъ Баркюль расположенъ на 5,000 ф. высоты, а лежащій въ относительно глубокой впадинѣ Средней Азіи, у подошвы Небеснаго хребта, городъ Хами—только на 2,800 фут. высоты.

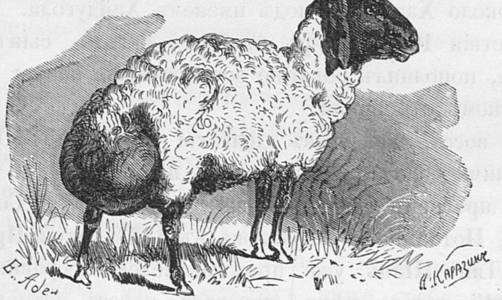
Въ промежуточныхъ меридіанахъ между меридіанами Муссарта, Юлдуза и Хами было, вообще, произведено еще очень мало мѣстныхъ изслѣдованій Тянъ-Шаня, но самымъ интереснымъ между ними представляется поѣздка полковника Пѣвцова въ городъ Гученъ, оттуда онъ поднимался на малоизвѣстную еще горную группу Богдо-Ола до снѣжной линіи.

Изъ нашего краткаго очерка видно, что въ теченіе послѣднихъ 30 лѣтъ для познанія Тянъ-Шанскаго нагорья было сдѣлано несравненно и неизмѣримо болѣе, чѣмъ въ два тысячелѣтія, въ теченіе которыхъ у подножья величественнаго хребта совершались важныя событія всемірной исторіи, а именно: въ теченіе пятнадцати вѣковъ проходили тѣ токи народныхъ переселеній, которые имѣли такое громадное вліяніе на судьбу Европы. Но еще много и много интереснаго и важнаго для наукъ: физической географіи, геологіи, ботаники, зоологіи, этнографіи и археологіи можетъ быть сдѣлано въ будущемъ въ этой интереснѣйшей части Стараго Свѣта, нынѣ уже вполнѣ открытой, благодаря усиліямъ русскихъ піонеровъ науки и цивилизаціи, не только для научныхъ путешественниковъ, но и для туристовъ.

Въ русскихъ, наиболѣе доступныхъ частяхъ Тянъ-Шанскаго нагорья для археологовъ, зоологовъ и охотниковъ, мы можемъ въ особенности рекомендовать котловину Иссыкъ-Куля съ ея каменными истуканами, подводными каменными постройками, подобными открытымъ еще въ 1869 г. нынѣшнимъ степнымъ генералъ-губернаторомъ Колпаковскимъ на Кунгеѣ, между устьями двухъ рѣчекъ Койсу (второй и третьей) и на юго-западной оконечности озера, на мысѣ близъ урочища Койсары. Изслѣдованіе этихъ и другихъ тому подобныхъ мѣстностей можетъ пролить свѣтъ не только на культурное состояніе древнихъ обитателей Иссыкъ-Кульскихъ прибрежій, но и на тѣ геологическія перемѣны, которыя происходили уже въ историческія времена на

этихъ прибрежьяхъ. Для геологовъ, въ особенности занимающихся изслѣдованіями ледниковыхъ явленій, и вообще для натуралистовъ, интересующихся растительными и животными формами высокихъ альпійскихъ зонъ, а также для туристовъ, мы не можемъ рекомендовать лучшей, болѣе доступной и удобной мѣстности для продолжительныхъ экскурсій и наблюденій, какъ весь сѣверный склонъ величественнаго Тенгри-Тага къ продольной долинѣ Сары-Джаза съ его вѣчными снѣгами (фирнами), чрезвычайно доступными ледниками, моренами, покрытыми роскошными альпійскими травами сыртами, до которыхъ можно добраться изъ окружнаго города Каракола дня въ четыре интереснаго и не труднаго подъема, и гдѣ можно прожить въ лучшее время года, хотя бы цѣлый мѣсяцъ, съ большою пользою для науки и притомъ совершенно безопасно и даже съ нѣкоторымъ комфортомъ, въ удобной юртѣ, расположенной въ самомъ близкомъ разстояніи (напримѣръ, полуверстѣ) отъ окраины любаго изъ посѣщенныхъ мною ледниковъ въ верховьяхъ Сары-Джаза.

П. П. Семеновъ.

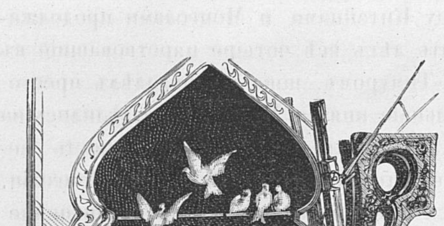


ОЧЕРКЪ XI.

СЕМИРѢЧЬЕ.

I.— РУССКАЯ ДЖУНГАРІЯ.

Джунгарское государство и его отношенія къ Россіи и Китаю. — Семирѣчье. — Джунгарскій Алатау. — Могила демоновъ. — Семь рѣкъ. — Озера Балхашъ, Ала-Куль и ихъ бассейны. — Города Копалъ, Сергіополь, Токмакъ, Каракалъ. — Лепсинская и Карасуйская станицы. — Кульджинская провинція. — Таранчинское государство. — Киргизы Большой орды.



Тамъ рѣки медовыя, берега кисельные!

ОТЗЫВЪ РУССКИХЪ КРЕСТЬЯНЪ О СЕМИРѢЧЬѢ.

Въ составъ Джунгарскаго царства входило прежде и Семирѣчье, называемое поэтому Русскою Джунгаріею. Власть этого царства одно время простиралась далеко за предѣлы страны, ограниченной Алтаемъ и Убсою, Тянь-Шанскимъ хребтомъ, кочевьемъ Большой Киргизской орды и бывшею Сибирскою линіею Россіи. По китайскимъ лѣтописямъ, Джунгарія сдѣлалась извѣстною не ранѣе третьяго столѣтія до Рождества Христова. Въ то время Илійскій округъ занятъ былъ народомъ Сэ, а потомъ народомъ Юэжчи. Въ этотъ округъ двинулось отъ сѣверо-западной границы монгольское поколѣніе Усунь и вытѣснило прежнихъ обитателей, Черныхъ Киргизовъ (Бурутовъ), далѣе на юго-западъ. Въ то время южные предѣлы губерній Енисейской, Томской и Тобольской и часть Монголіи, отъ Алтая до вершинъ Селенги, принадлежали къ нынѣшней Джунгаріи. Въ исходѣ IV вѣка по Р. Х. въ Джунгарію отъ предѣловъ Китая явилось поколѣніе Тулэ и утвердилось въ Тарбагатаѣ. Въ 401 году сильное и многочисленное поколѣніе Жужань покорило своей власти Джунгарію и поселилось въ ней. Оно также двинулось отъ предѣловъ Китая. Поколѣнія Усунь, Тулэ и Жужань считаются, вообще, коренными предками нынѣшнихъ Калмыковъ. Китайское правительство, имѣвшее вліяніе на вы-

ступленіе, отъ сѣверозападныхъ предѣловъ его страны разныхъ, поколѣній въ Джунгарію, продолжало вмѣшиваться въ столкновенія жившихъ тамъ народовъ. Поэтому власть переходила отъ одного поколѣнія къ другому, такъ что, напримѣръ, въ 745 году обладателемъ всей Монголіи сдѣлался домъ Хойхоръ (сильнѣйшее изъ пятнадцати поколѣній Тулэ); въ 848 году поколѣніе это лишилось уже своего могущества. При переворотѣ, произведенномъ въ Азіи побѣдами и завоеваніями Чингисъ-хана, въ Джунгаріи образовалось новое феодальное царство Армуръ, глава котораго и джунгарскихъ князей былъ Хайду, начавшій войну съ Хубилаемъ и его преемникомъ Тимуромъ за уничтоженіе права князей избирать преемника обширной Монгольской имперіи. Эта упорная война начата была въ 1288 году и продолжалась до смерти Хайду въ 1301 году. Миръ между обѣими сторонами былъ заключенъ только въ 1303 году. Съ этого времени и потомки Чингисъ-хана, занимавшіе престолъ въ Китаѣ, стали постепенно утрачивать свою силу. Тогонъ-Тимуръ, уступивъ возникшей въ Китаѣ борьбѣ за независимость, добровольно удалился, въ 1367 году, въ свою отчизну, Монголію.

Выходъ потомковъ Чингисъ-хана изъ Китая произвелъ всеобщее броженіе въ Монголіи, вслѣдствіе чего князья родовъ присвоили себѣ вновь право утверждать хана на упраздненномъ престолѣ. Послѣ скончавшагося, въ 1368 году, Тогонъ-Тимура, сынъ его перенесъ столицу въ городъ Хора-Хоринъ, основанный Хойхорскимъ ханомъ около половины VIII вѣка и великолѣпно украшенный Чингисъ-ханомъ. Послѣ него наслѣдовалъ, въ 1378 году, Тогосъ-Тимуръ, который потерпѣлъ сильное пораженіе со стороны Китайцевъ въ 1388 г. и затѣмъ былъ убитъ своими князьями. Въ это время война между Китайцами и Монголами продолжалась уже двадцать лѣтъ. Въ послѣдовавшія затѣмъ десять лѣтъ всѣ четыре царствовавшіе въ Монголіи государя имѣли одинаковую участь съ Тогосъ-Тимуромъ, пока не овладѣлъ престоломъ Гольци, не имѣвшій на него законнаго права. Сильные князья Монголіи раздѣлились на три партіи, причемъ наиболѣе могущественный изъ нихъ занималъ при ханѣ должность великаго визиря (тайши) и пользовался правомъ предводительствовать войсками всей Монголіи. Въ эту эпоху такимъ могущественнымъ княземъ оказался Элютей (по китайскому произношенію, Олотай), по имени котораго дано было названіе всему его поколѣнію. Оно прежде кочевало отчасти въ Джунгаріи, преимущественно по направленію на востокъ отъ Кобдо къ вершинамъ рѣки Селенги. Хотя въ Джунгаріи находились тогда три сильныя поколѣнія — Чоросъ, Хошотъ и Торготъ,—но владѣтели ихъ не могли равняться въ силѣ съ Элютеемъ, имѣвшимъ также многочисленное свое собственное войско. Съ цѣлію усиленія своего значенія, эти три поколѣнія соединились между собою въ союзъ, подъ названіемъ Ойратъ (по-монгольски союзникъ, ближній человѣкъ), и старшаго изъ своей среды, чоросскаго князя Махмуда, объявили главою этого союза. Таково было происхожденіе названія Ойратовъ, которымъ Джунгарцы-Калмыки гордились въ продолженіе болѣе трехъ съ половиною столѣтій.

Элютей, усилившись еще болѣе, убилъ хана Гольци, какъ незаконнаго похитителя престола, и сдѣлалъ ханомъ прямаго потомка Тогонъ-Тимура, Буинь-шара. Въ его царствованіе произошло новое сильное столкновеніе съ Китаемъ, правительство котораго, тщетно домогаясь въ продолженіе сорока лѣтъ признанія со стороны хана зависимости своей отъ Китая, отправило, въ 1408 году, армію въ 100,000 человѣкъ на берега Керульыни. Китайцы понесли такое пораженіе, что ни одинъ изъ нихъ не возвратился въ отечество. Тогда, въ 1410 году, богдыханъ лично явился на берега той же рѣки съ полумилліономъ воиновъ. Буинь-шара и Элютей, не согласившись между собою въ планѣ войны, раздѣлились, а Китайцы воспользовались подобнымъ несогласіемъ и разбили каждаго изъ нихъ порознь. Во время этой войны союзъ Ойратовъ взялъ перевѣсъ въ управленіи; Элютей лишился должности великаго визиря, а Махмудъ убилъ Буинь-шара и возвелъ на ханскій престолъ князя Дарибу. Элютей, видя невозможность бороться съ Махмудомъ, перешелъ въ подданство Китая; но Махмудъ все-таки, въ 1425 году, напалъ на него подъ Калганомъ и заставилъ его уйти со своимъ

народомъ еще далѣе и поселиться на границѣ Манджуріи. Махмудъ подготовлялъ тѣмъ себѣ путь къ задуманному имъ великому походу на Китай, но Китайцы предупредили его и разбили вблизи Толы. Махмудъ нашелся вынужденнымъ тогда признать себя вассаломъ Китая.

Послѣ смерти Махмуда, сынъ его Тогонъ, считая все еще Элютея опаснымъ для Ойратскаго союза, напалъ на него въ восточной Монголіи, въ 1437 году, убилъ его и подчинилъ его народъ своей власти. Поколѣніе Элютовъ, не смотря на частыя пораженія, все еще было столь многочисленно, что, по присоединеніи его къ Ойратамъ, всѣхъ Калмыковъ стали называть джунгарскими Элютами (Олотами). Такимъ образомъ, западные Монголы или Калмыки по странѣ называются Джунгарами, по народности—джунгарскими Элютами (Олотами), по союзу—Ойратами, наконецъ, по своимъ главнымъ четыремъ поколѣніямъ — Чоросами, Дурботами, Хошотами, Торготами. Удачный походъ Тогона до такой степени усилилъ его, что, по смерти Дарибу, онъ разсчитывалъ быть ханомъ, но, встрѣтивъ сопротивленіе со стороны прочихъ князей, принужденъ былъ объявить ханомъ Токто-буху, а самъ остался при немъ великимъ визиремъ. Тогонъ, подобно отцу своему, намѣревался осуществить великое нашествіе на Китай и уже готовился къ нему, но смерть не дала ему возможности исполнить это предпріятіе. Сынъ его, Эсень, привелъ въ исполненіе замыслы дѣда и отца. Въ 1449 году онъ подошелъ къ великой стѣнѣ со всѣми силами Монголіи и вступилъ въ предѣлы Китая. Богдыханъ, съ 500,000 воиновъ, двинулся къ нему на встрѣчу въ Калганскую долину, не укрѣпившись въ горныхъ проходахъ. Эсень воспользовался такою оплошностію и нанесъ Китайцамъ пораженіе, рѣдкое въ исторіи. Въ живыхъ остался только государь Китая, узнанный по его одеждѣ, и былъ взятъ въ плѣнъ съ сопровождавшими его офицерами. Эсень подошелъ къ Пекину, подъ стѣнами его заключилъ выгодный для себя миръ и возвратился въ свою степь со своимъ царственнымъ плѣнникомъ.

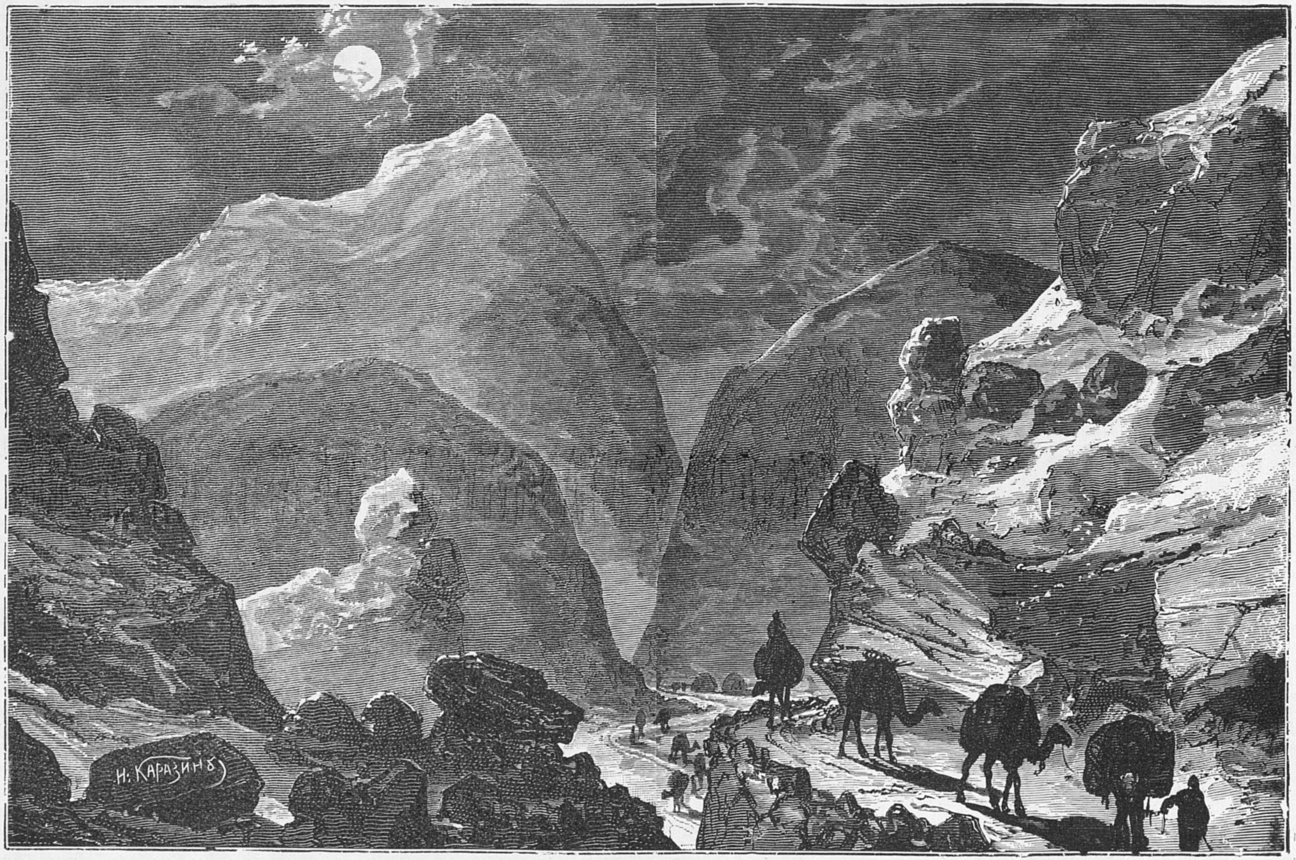
Эсень достигъ высшей степени могущества. Ханъ Токто-буха былъ женатъ на сестрѣ его и имѣлъ отъ нея сына. Эсень пожелалъ видѣть въ своемъ племянникѣ наслѣдника ханскаго престола, но, встрѣтивъ сопротивленіе своему желанію, убилъ Токто-буха и самъ вступилъ на ханскій престолъ. При немъ сталъ домогаться быть великимъ визиремъ одинъ изъ сильныхъ его вассаловъ, но, не достигши своей цѣли, убилъ Эсеня въ 1453 г. Со смертью Эсеня, окончилось могущество Ойратовъ и прекратился блистательный періодъ джунгарскаго союза (ойратства). Съ кончиною Эсеня, Ойраты утратили свое вліяніе на Монголію и въ продолженіе 150 лѣтъ ограничивали свою дѣятельность предѣлами собственныхъ владѣній или Джунгаріей. Объ этомъ періодѣ исторіи Калмыковъ-Джунгаровъ почти ничего не извѣстно, кромѣ именъ ихъ владѣтелей и хановъ. Въ XVII столѣтіи они снова стали помышлять о возстановленіи своего прежняго могущества; но недостатокъ единодушія являлся главнымъ тому препятствіемъ. Глава Ойратовъ, ханъ Хоре-Хула, желалъ ввести единодержавіе, другіе же изъ представителей рода желали царствовать каждый отдѣльно. Вслѣдствіе этого, между ними возникли явные раздоры, которыми воспользовалась Россія для завоеванія себѣ южныхъ предѣловъ нынѣшнихъ Томской и Енисейской губерній. Русскіе, при первомъ своемъ появленіи въ этой мѣстности, встрѣтились съ малочисленными родами, разсѣянно жившими, и изъ которыхъ каждый защищалъ свои кочевыя угодья, безъ взаимнаго соединенія съ другими родами. По приближеніи къ Алтаю, казаки встрѣтили упорное сопротивленіе со стороны Калмыковъ-Отокъ, составлявшихъ довольно сильное поколѣніе; но такъ какъ ханъ Хоре-Хула не поддержалъ ихъ, занятый внутреннимъ преобразованіемъ своего государства, то Русскіе и были въ состояніи овладѣть всею Сибирью.

Съ семнадцатаго столѣтія начались первыя сношенія Русскихъ съ Калмыками. Въ 1605 году, по основаніи города Томска, воевода Писемскій первый предложилъ теленгутскому (названіе Калмыковъ-Отокъ, кочевавшихъ въ числѣ 4,000 кибитокъ) князю Абаку подчиниться Россіи; но Абакъ только въ 1609 году прибылъ, наконецъ, въ Томскъ со своими родовичами,

принялъ присягу на подданство и вызвался помогать Русскимъ въ войнѣ, подъ условіемъ защиты ихъ отъ Алтынъ-хана, владѣтеля урянхайскаго поколѣнія, кочевавшаго на берегу озера Убсы, при подошвѣ Алтая, выговоривъ себѣ при этомъ право кочевать неподалеку отъ Томска. Между тѣмъ, въ 1607 г., нѣкоторые калмыцкіе князья прислали въ Томскъ повѣренныхъ съ предложеніемъ своего подданства, но это предложеніе не осуществилось вслѣдствіе междоусобій между Калмыками и войны ихъ съ Киргизами. Въ 1615 г. три калмыцкіе князя присылали повѣренныхъ въ Тару съ предложеніемъ своего подданства, даже учинили присягу, но затѣмъ нарушили ее, когда остались недовольны присланными имъ подарками, а въ 1618 г. даже помогали Ишиму, сыну Кучума, въ его войнѣ съ Русскими. Около этого времени состоялось посольство къ Алтынъ-хану отъ имени царя Михаила Θеодоровича, потому что нѣкоторые изъ урянхайскихъ родовъ уже состояли въ подданствѣ Россіи и самъ Алтынъ-ханъ неоднократно ласково принималъ Русскихъ, которыхъ посылали къ нему изъ Томска. Посланники, атаманъ тарскій, Василій Тюменецъ, и десятникъ изъ Тюмени, Василій Петровъ, нашли хана по южную сторону Алтая, на берегахъ озера Убсы. Алтынъ-ханъ принялъ присягу Россіи и въ удостовѣреніе своего подчиненія отправилъ съ русскими послами и своихъ, которые прибыли въ Москву въ 1617 году. Въ 1619 году въ Москву явилось второе посольство отъ Алтынъ-хана, но въ томъ же году онъ измѣнилъ данной имъ присягѣ и отказался платить ясакъ.

Преобразованіе Джунгаріи, начатое съ 1600 года чоросскимъ ханомъ, вызвало тамъ, какъ извѣстно, несогласія, вслѣдствіе которыхъ ханъ торготскій, Хо-Урлыкъ, вышелъ изъ Джунгаріи съ большею частію своего поколѣнія и расположился при вершинахъ Ишима, Тобола и Эмбы и отчасти въ предѣлахъ Сибири. Сибирскіе воеводы, изумленные нежданнымъ его появленіемъ, посылали къ нему, въ 1621 и 1622 годахъ, узнать о причинѣ его прихода. Посланные стали убѣждать Торготовъ подчиниться Россіи и едва не поплатились за то своею жизнію, потому что Калмыки издавна считали южные предѣлы Сибири принадлежащею имъ собственностію. Калмыки безпрестанно отправляли отъ себя посольства въ Москву, въ видахъ полученія подарковъ за увѣренія въ своей подчиненности; но такъ какъ эти увѣренія сопровождались вслѣдъ за тѣмъ вѣроломствомъ, то указомъ 1623 года повелѣно было «посольствъ калмыцкихъ и урянхайскихъ» въ Москву болѣе не пропускать, а выслушивать ихъ предложенія въ сибирскихъ городахъ. Это запрещеніе, направленное противъ алчности Калмыковъ, заставило ихъ взяться за оружіе и отомстить за себя. Одновременно Торготы устремились на западѣ на уѣзды Тюменскій и Тобольскій, а Киргизы и Теленгуты на востокѣ на уѣзды Тарскій и Томскій и произвели тамъ своими набѣгами страшныя опустошенія. Тогда предписано было изъ Москвы принимать вновь посольства отъ Калмыковъ и ласкою убѣдить ихъ оставить занятые ими предѣлы Сибири.

Хо-Урлыкъ ласково принялъ присланныхъ къ нему нарочныхъ отъ воеводы Тюмени, обѣщалъ жить въ дружбѣ съ Русскими въ Сибири и отправилъ даже своихъ пословъ учинить въ томъ присягу. Хо-Урлыкъ видѣлъ, что лучшія мѣста въ Сибири твердо уже обезпечены Русскими за собою, что онъ со своими стрѣлами не можетъ успѣшно бороться противъ огнестрѣльнаго оружія, и потому вошелъ въ тайныя сношенія съ Ногаями, кочевавшими между Волгою и Ураломъ, чтобы основательно развѣдать о привольѣ тамошнихъ степей. Въ 1634 г., послѣ Хоре-Хулы, вступилъ на престолъ сынъ его, Баторъ-Хонь-Тайцзи (Хоно-Хоцинъ), при которомъ торготскіе князья въ одно время съ потомками Кучума вторглись въ уѣзды Тюменскій и Тарскій и произвели тамъ сильныя опустошенія; но чрезъ годъ они сами прекратили постепенно эти враждебныя дѣйствія. Баторъ-Хонь-Тайцзи, стремясь довершить успѣшно начатое его отцомъ соединеніе Ойратовъ въ одно государство и желая совершенно обезопасить себя со стороны Россіи, запретилъ пограничнымъ Калмыкамъ производить набѣги въ предѣлы Сибири. Этимъ распоряженіемъ онъ открылъ себѣ путь къ мирнымъ сношеніямъ съ Россіею. Въ этомъ же 1634 году торготскій ханъ Хо-Урлыкъ, занимавшій болѣе 15 лѣтъ



Ущелье Кастекъ (въ Семирѣченской области).

верховья Ишима, Тобола, Эмбы, оставилъ эту мѣстность, вступилъ въ подданство Россіи и поселился въ астраханскихъ степяхъ при Волгѣ. Около этого же времени состоялось важное переселеніе Элютовъ въ Тангутъ. Хошотскій князь Туру-Байху, съ значительною частію своего поколѣнія, ушелъ къ Хухонору и, овладѣвъ этою прекрасною и обширною страною, получилъ вслѣдъ затѣмъ господство надъ Тибетомъ.

Сношенія Русскихъ съ главою Ойратовъ начались съ 1635 г., и починъ въ томъ принадлежитъ тарскому воеводѣ. До того, русскія власти переговаривались только съ пограничными князьями. Баторъ-Хонь-Тайцзи, принявъ присланные ему въ подарокъ нѣсколько кусковъ сукна, обѣщался все исполнить по желанію русскаго правительства, но при этомъ намекнулъ, что за такую преданность онъ ожидаетъ лучшихъ подарковъ, и просилъ себѣ непроницаемый панцырь, винтовку, свинцу для пуль, двухъ борововъ, десять свиней, двухъ индѣекъ и десять постельныхъ собачекъ. Баторъ-Хонь-Тайцзи выдумалъ предлогъ для посылки своихъ уполномоченныхъ въ Москву, куда они и были пропущены и откуда возвратились съ подарками, состоявшими въ серебряной посудѣ, шелковыхъ матеріяхъ и сукнахъ. Свиньи, собачки и индѣйки были пріобрѣтены для него въ Сибири.

Достопамятнымъ въ исторіи Ойратовъ былъ 1640 годъ, когда, по составленіи Баторомъ-Хонь-Тайцзи степнаго уложенія, для управленія кочевниками по дѣламъ военнымъ, гражданскимъ и уголовнымъ, къ нему съѣхались всѣ джунгарскіе, халкаскіе и хухонорскіе владѣтели для разсмотрѣнія этого уложенія и для утвержденія его общимъ своимъ согласіемъ. Законы этого уложенія не имѣютъ систематическаго расположенія, но любопытны по отношенію къ понятіямъ кочевниковъ о нравственности поступковъ. Смертная казнь была назначена только въ двухъ случаяхъ: 1) кто оставитъ своего владѣтеля при нападеніи непріятеля, того разорить и умертвить; 2) кто усмотритъ приближеніе сильнаго непріятеля и о томъ не увѣдомитъ другихъ, того со всѣмъ семействомъ разорить и умертвить. Отцеубійство наказывалось лишеніемъ жены, дѣтей и всего имущества. Если же отецъ убивалъ сына, то онъ лишался только своего имущества.

Баторъ-Хонь-Тайцзи вскорѣ измѣнилъ свои отношенія къ Россіи. Онъ объявилъ свои права на владѣніе Барабинскими Татарами, давно поддавшимися Россіи, и въ 1641 году обложилъ нѣкоторыя ихъ волости тяжелымъ ясакомъ. Когда, въ 1642 г., тобольскіе воеводы послали къ нему узнать о причинѣ его поступка, то ханъ отвѣчалъ, что Русскіе берутъ дань съ Киргизовъ, его подданныхъ, принялъ присланное ему въ подарокъ тонкое сукно, но отвергнулъ представленія воеводъ о Барабинцахъ и Киргизахъ и требовалъ еще возвращенія, безъ выкупа, его подданныхъ, захваченныхъ въ плѣнъ кузнецкими казаками. Ханъ посылалъ нѣсколько посольствъ въ Москву съ дрянными подарками, требуя себѣ взамѣнъ разныхъ предметовъ. Въ 1646 г. посольство его было пропущено въ Москву, но въ 1650 г. въ пропускѣ было отказано. Спорныя дѣла поэтому не были приведены къ окончанію. Въ 1650 году ханъ просилъ, между прочимъ, о присылкѣ къ нему двухъ плотниковъ, двухъ каменьщиковъ, двухъ кузнецовъ, двухъ ружейныхъ мастеровъ. Съ 1650 года сношенія русскихъ властей съ Ойратами стали понемногу сокращаться, а со смертію Батора-Хонь-Тайцзи, въ 1654 году, совершенно прекратились.

Переселеніе Торготовъ на берега Волги, одновременно съ переходомъ Хошотовъ къ Хухонору, гдѣ Туру-Байху сдѣлался извѣстнымъ подъ именемъ Гуши-Хана, произошло не отъ взаимныхъ неудовольствій между ханами, потому что выходцы, по переселеніи на новыя земли, поддерживали со своими мнимыми врагами, оставшимися въ Джунгаріи, тѣсныя родственныя и политическія связи. Иначе Хо-Урлыкъ и Гуши-Ханъ врядъ-ли бы рѣшились ѣхать въ Джунгарію на совѣщаніе всѣхъ князей, бывшее въ 1640 году. Дѣйствительно, въ то самое время, когда Баторъ-Хонь-Тайцзи приводилъ къ концу начатое отцомъ его соединеніе Ойратовъ подъ одною властью, Гуши-Ханъ, основавъ новое царство въ Хухонорѣ, перешелъ въ Тибетъ и,

убивъ въ сраженіи тамошняго государя, получилъ отъ Далай-Ламы верховную власть надъ Тибетомъ. Съ противоположной стороны Хо-Урлыкъ, удалившись съ привольныхъ для кочевья береговъ Иртыша къ вершинамъ Эмбы и Тобола, начинаетъ тамъ дѣйствовать и противъ Русскихъ, и противъ Киргизовъ, въ связи съ джунгарскими Ойратами, а затѣмъ, покоривъ уральскихъ Ногаевъ и Тюрковъ на восточномъ берегу Каспійскаго моря, окружаетъ орды Киргизовъ съ тыла. Этими дѣйствіями Ойраты пріобрѣли господство надъ обширными странами въ Азіи, отъ Алтая на западъ до Каспійскаго моря и на югъ до предѣловъ Индіи. Ойраты, размножившись и усилившись въ продолженіе 150-лѣтняго мира отъ Эсеня до Хоре-Хулы, замыслили возстановить въ Азіи имперію Чингисъ-хана и вѣроятно успѣли бы въ томъ, если бы междоусобія между ханами и хитрая политика пекинскаго правительства не воспрепятствовали тому.

Послѣ смерти Баторъ-Хонъ-Тайцзи остались двѣнадцать его сыновей. Замѣчательнѣйшими въ исторіи Ойратовъ оказались четыре: старшій Цицинъ (Чечень) и второй Баторъ,— братья отъ одной матери, пятый Сенге и шестой Галданъ, также братья отъ другой матери. Престолъ послѣ отца наслѣдовалъ Сенге, вѣроятно по бо̀льшимъ правамъ своей матери или по ея происхожденію, потому что иначе престолонаслѣдіе всегда принадлежало старшему въ родѣ. Галданъ въ малолѣтствѣ отвезенъ былъ въ Тибетъ, гдѣ принялъ духовное званіе и воспитывался при Далай-Ламѣ. Въ 1665 году къ Сенге прибыло русское посольство, у котораго онъ просилъ выдать ему его подданныхъ Теленгутовъ, переселившихся, вслѣдствіе голода, въ Томскій и Кузнецкій уѣзды. Они не были выданы и сдѣлались въ Сибири извѣстными подъ названіемъ «Бѣлыхъ Калмыковъ». Сенге былъ убитъ своими братьями Цициномъ и Баторомъ, которымъ отомстилъ тѣмъ же Галданъ, снявшій съ себя духовный санъ и объявившій себя ханомъ. Галданъ, по своемъ воцареніи, отправилъ въ 1677 году первое посольство въ Китай. Послѣ Сенге остались два сына, законные преемники его правъ, а потому Галданъ младшаго изъ нихъ, Сономъ-Рабтана, отравилъ ядомъ, но старшаго, Цеванъ-Рабтана, спасли отъ смерти семь вельможъ покойнаго Сенге, которые скрылись съ нимъ въ дальнія мѣста. Это было началомъ семейныхъ раздоровъ въ калмыцкомъ народѣ.

Устранивъ домашнихъ враговъ, Галданъ возъимѣлъ честолюбивые замыслы на соединеніе всей Монголіи подъ свое единодержавіе и началъ непріязненныя дѣйствія противъ всѣхъ монгольскихъ владѣтелей, которые признавали надъ собою зависимость Китая. При этомъ онъ вошелъ въ столкновеніе съ китайскимъ правительствомъ, которое, въ 1690 г., отправило нарочнаго посланника къ Цеванъ-Рабтану, бывшему въ изгнаніи, узнать о причинѣ ссоры его съ дядею, и стало постепенно направлять свои войска къ Толѣ. Галданъ вступилъ въ Халху съ 40,000 конниковъ и сверхъ того намѣревался просить у Россіи вспомогательныхъ войскъ, не смотря на первый мирный договоръ между Россіею и Китаемъ, заключенный подъ Нерчинскомъ въ 1689 году. Наблюдательный китайскій отрядъ былъ отраженъ Галданомъ, а потому пекинское правительство немедленно сдѣлало ему мирныя предложенія. Галданъ заявилъ, что и онъ готовъ вступить въ переговоры. Обѣ стороны старались обмануть одна другую; между тѣмъ, осенью китайскій полководецъ Фуцуань, получивъ подкрѣпленія, неожиданно напалъ на Галдана и обратилъ его въ бѣгство. Галданъ, стараясь выиграть время, соглашался на всѣ условія, которыя ему предложитъ пекинское правительство, а между тѣмъ, въ 1692 г., тайными письмами склонялъ князей южной Монголіи принять его сторону противъ Китая. Одно такое письмо было представлено пекинскому двору нераспечатаннымъ. Въ то же время китайское посольство, отправленное къ Цеванъ-Рабтану, было умерщвлено въ предѣлахъ Джунгаріи. Тогда въ Пекинѣ рѣшено было двинуть многочисленную армію противъ Галдана. Весною 1696 года китайскія войска, подъ личнымъ начальствомъ богдыхана, двинулись на Галдана и разбили его совершенно на берегахъ Толы. Галданъ собралъ военный совѣтъ на берегахъ Тамира, куда онъ отступилъ. Одни совѣтовали ему возвратиться къ Алтаю, другіе предлагали уйти

къ границамъ Россіи. Положеніе Галдана было крайне затруднительное. Одни князья оставили его; другіе же, не покинувшіе его, располагали не болѣе какъ тысячью воиновъ каждый и не имѣли ни котловъ, ни юртъ. Китайскій императоръ, узнавъ о затруднительности положенія Галдана, предпринялъ рѣшительныя мѣры для его истребленія. Враги Галдана соединились при Алтаѣ, чтобы общими силами поймать его на обратномъ пути, такъ что Галданъ, узнавъ о томъ, направился на западъ. Пекинское правительство предписало всѣмъ своимъ союзникамъ и вассаламъ представить въ Пекинъ или самого Галдана, или его голову. Сынъ Галдана, Сэбтынъ-Балчжуръ, былъ схваченъ, въ началѣ 1697 года, на охотѣ Туркестанцами и былъ препровожденъ въ Пекинъ, гдѣ его возили по улицамъ и показывали народу. Галданъ вновь униженно сталъ просить у китайскаго императора пощады, но изъ его двусмысленныхъ отвѣтовъ увидалъ, что ея не будетъ, а потому и отравился, во избѣжаніе готовившейся ему позорной и мучительной казни на площади въ Пекинѣ.

Китайское правительство, получивъ извѣстіе о смерти Галдана, предоставило его престолъ Цеванъ-Рабтану, въ которомъ надѣялось пріобрѣсть преданнаго себѣ вассала. Цеванъ-Рабтанъ немедленно пошелъ войною на Среднюю Киргизскую орду, а по ея окончаніи сталъ устраивать свое государство, разстроенное и разоренное прежними войнами. Лишь-только онъ возстановилъ его силы,—забылъ все, чѣмъ былъ обязанъ Китаю, и въ 1715 году началъ съ нимъ войну, нападеніемъ на слабый китайскій отрядъ въ Хами. Получивъ свѣдѣніе о приближеніи новаго китайскаго отряда, Цеванъ-Рабтанъ возвратился въ свои предѣлы. Изъ этого случая китайскій дворъ убѣдился, что Джунгары питаютъ непримиримую вражду къ Китаю, которую можно прекратить только окончательнымъ уничтоженіемъ ихъ государства. Съ этою цѣлью началось постепенное сосредоточеніе китайскихъ войскъ противъ Джунгаровъ, первые отряды которыхъ посланы были въ 1717 году къ Алтаю, въ Кобдо, въ Баркюль и къ Хухонору. Цеванъ-Рабтанъ овладѣлъ между тѣмъ всѣмъ Тибетомъ, потому что всѣ жители его желали быть скорѣе подъ властью Элютовъ, а не Китайцевъ. Китайцы одержали побѣду надъ Элютами, но затѣмъ сами были разбиты, вслѣдствіе чего, въ 1719 году, направили въ Тибетъ два сильные корпуса. Окруженный со всѣхъ сторонъ наблюдательными отрядами Китайцевъ, Цеванъ-Рабтанъ не могъ болѣе помышлять о походахъ и завоеваніяхъ. Въ Монголіи установилось полное спокойствіе. Въ 1723 году хухонорскій князь произвелъ нападеніе на предѣлы Китая, въ интересахъ Цеванъ-Рабтана, но былъ разбитъ наголову. Тогда китайское правительство вывело свои войска изъ Монголіи, оставивъ только отрядъ въ Хами для заготовленія тамъ съѣстныхъ припасовъ, которые были необходимы для задуманнаго имъ покоренія Восточнаго Туркестана и Джунгаріи. При Цеванъ-Рабтанѣ ханъ торготскій, Аюки, приходилъ изъ Россіи въ Джунгарію и увелъ съ собою туда остальныхъ Торготовъ.

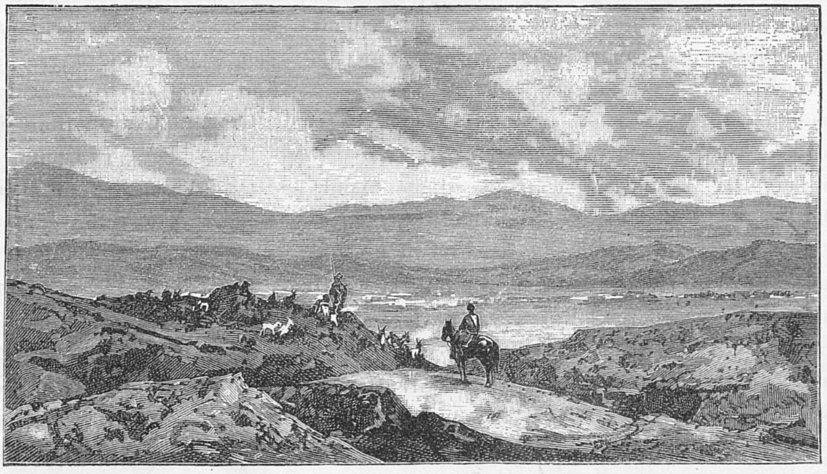
Послѣ смерти Цеванъ-Рабтана, въ 1727 году, на престолъ вступилъ старшій его сынъ, Галданъ-Церынъ, по китайскимъ источникамъ, человѣкъ злой, коварный, безпокойный. Онъ сталъ готовиться къ войнѣ съ Китаемъ. Пекинское правительство, узнавъ о томъ, отправило два корпуса войскъ къ Алтаю и Баркюлю и послало въ 1730 г. къ русскому двору узнать его мысли относительно войны въ Джунгаріи, а также къ владѣльцамъ волжскихъ Калмыковъ, съ цѣлію вооружить ихъ противъ Джунгаровъ. Китайскій отрядъ при Алтаѣ былъ совершенно разбитъ послѣдними. Осенью 1732 г. Галданъ-Церынъ произвелъ нападеніе на земли Чжасахту-хана, который передъ тѣмъ отправился въ Пекинъ. Этотъ ханъ, собравъ войска разныхъ союзниковъ, напалъ на Галданъ-Церына, въ то время, какъ онъ торжествовалъ свою побѣду пьянствомъ, и нанесъ Джунгарамъ рѣшительное пораженіе. Галданъ-Церынъ послѣ того не могъ уже продолжать военныхъ дѣйствій и вскорѣ послалъ китайскому правительству предложенія о мирѣ. Переговоры о мирѣ продолжались до 1739 г., когда состоялся договоръ, въ силу котораго джунгарскій ханъ лишился земель отъ Алтая на востокъ до вершинъ Енисея и хребта Хангайскаго, что составило почти половину его владѣній.

Галданъ-Церынъ, послѣ этого мира, рѣшился наказать Киргизовъ, которые, пользуясь его стѣсненнымъ положеніемъ на востокѣ, грабили западные предѣлы Джунгаріи. Въ 1741 году до 20,000 Элютовъ ознаменовали свой путь, отъ Иртыша до Оренбурга, убійствомъ Киргизовъ и опустошеніемъ ихъ страны. Киргизы покорились, но такъ какъ Элюты требовали въ заложники сыновей султановъ, то султанъ Средней орды Абуль-Магметъ и султанъ Малой орды Абуль-Хаиръ вынуждены были согласиться на ихъ требованіе. Послѣдній увѣдомилъ о томъ оренбургскаго губернатора Неплюева. Вслѣдствіе этого русскій чиновникъ прибылъ къ Элютамъ объявить, что Киргизы Средней и Малой орды находятся во владѣніи Россіи и не имѣютъ права входить въ какія-либо сношенія съ иностранными народами, и что Элюты должны обращаться къ русскому правительству со своими жалобами на Киргизовъ. Ханъ Джунгаріи отправилъ тогда своихъ уполномоченныхъ въ Оренбургъ для переговоровъ. Маіоръ Миллеръ отправленъ былъ къ Галданъ-Церыну удостовѣрить его въ соблюденіи поручительства Россіи за будущее поведеніе Киргизовъ и успѣлъ выпросить у него свободу султану Средней орды, Аблаю, плѣненному Джунгарами въ послѣднюю войну.

Галданъ-Церынъ умеръ въ 1745 году, испытавъ въ послѣдніе три года большія непріятности отъ семейныхъ раздоровъ, сдѣлавшихся наслѣдственными въ домѣ джунгарскаго государя. Такъ, онъ вооруженными силами долженъ былъ остановить хошотскаго князя Лацзанъ-Церына, который направился было съ 10,000 кибитокъ своихъ подданныхъ къ Торготамъ въ Россію. Послѣ него вступилъ на престолъ Цеванъ-Дорчжи-Нямгалъ, извѣстный въ исторіи своего народа одними семейными раздорами. Ими воспользовалось, при его преемникѣ Даваци, китайское правительство, которое, утомленное войною въ продолженіе нѣсколькихъ десятилѣтій съ цѣлію разрушенія союза Ойратовъ, видѣло, что для достиженія такого результата наступило благопріятное время, особенно, когда Амурсана и другіе джунгарскіе князья подчинились Китаю, по невозможности совладать съ Даваци. Въ началѣ 1755 года двинулись двѣ китайскія арміи, одна по сѣверной дорогѣ отъ Калгана на Кодбо, а другая — по западной на Баркюль. Китайскія войска, по вступленіи своемъ въ Джунгарію, повсюду были встрѣчаемы съ виномъ и молокомъ, потому что имъ предшествовали джунгарскіе князья Амурсана и Саларъ, ручавшіеся за миролюбивыя расположенія Китайцевъ къ элютскому народу. Даваци съ 10,000 человѣкъ своего войска ожидалъ ихъ на южной сторонѣ горы Кедынъ, имѣя за собою горы, а передъ собою нѣсколько озеръ. Китайцы ночью внезапно вторгнулись въ элютскій лагерь, такъ что Джунгары, испуганные, разсѣялись въ разныя стороны безъ сопротивленія. Даваци ушелъ въ Восточный Туркестанъ и расположился лагеремъ въ 20 верстахъ отъ города Уша, правитель котораго, возведенный Даваци въ княжеское достоинство, воспользовался его опьянѣніемъ и связаннаго представилъ въ китайскій лагерь. Вмѣстѣ съ Даваци взяты были хухонорскій владѣтель и князь Баранъ, и всѣ трое въ клѣткахъ были доставлены въ Пекинъ, въ качествѣ мятежниковъ. Война эта была необыкновенно удачна для Китайцевъ, потому что они, въ продолженіе трехъ-мѣсячнаго похода, не сдѣлавъ ни одного выстрѣла, покорили цѣлое государство, домогавшееся нѣкогда верховной власти надъ Китайскою имперіею.

Китайское правительство намѣревалось основать въ Джунгаріи четыре независимыя ханства, по числу поколѣній, чтобы предупредить сосредоточеніе власти въ рукахъ одного государя; но Амурсана добивался быть, по примѣрамъ прежнихъ хановъ, единовластнымъ владѣтелемъ и, видя, что цѣль его не достигается, возбудилъ илійскихъ Элютовъ поднять оружіе противъ Китая. Этимъ Амурсана избѣгъ казни, для которой уже былъ предназначенъ пекинскимъ правительствомъ, желавшимъ избавиться отъ неудобнаго для него честолюбца. Въ 1756 году двинуто было новое войско противъ Амурсаны, который успѣлъ скрыться въ степи Средней Киргизской орды. Поставленные китайскимъ правительствомъ четыре хана, забывъ свою клятву, также возстали противъ него. Тогда Амурсана возвратился отъ Киргизовъ въ Или и, соеди-

нившись съ прочими князьями, хотѣлъ объявить себя ханомъ джунгарскимъ, но, узнавъ о высылкѣ противъ него новыхъ китайскихъ войскъ, опять удалился въ степи. Прочіе князья, послѣ побѣга Амурсаны, также были вынуждены скрываться, но были переловлены китайскими войсками и казнены. Киргизскій ханъ Аблай, къ которому Амурсана прибылъ всего съ 22 человѣками, обѣщался выдать его китайскимъ полководцамъ, подошедшимъ къ киргизской границѣ; но Амурсана успѣлъ бѣжать, скитался нѣсколько времени въ необитаемыхъ горахъ близъ границъ Сибири и наконецъ вошелъ въ предѣлы Россіи, гдѣ и умеръ отъ оспы. Китайскіе полководцы, для наказанія Джунгаровъ, поднявшихъ оружіе противъ Китая, обыскали всѣ мѣста, куда только могли укрыться беззащитные старики, женщины или дѣти, и истребили всѣхъ, кого



Илійская долина.

только нашли. Ханъ Серынъ съ 10,000 кибитокъ успѣлъ уйти въ Россію. Таковъ былъ конецъ, въ 1758 г., Джунгарскаго царства.

Въ китайскомъ описаніи Джунгаріи, составленномъ манджурскимъ чиновникомъ, жившимъ въ Туркестанѣ въ 1773 году, или вскорѣ послѣ покоренія Джунгаріи Китайцами въ 1758 г., про Илійскую страну сказано, что она принадлежала Джунгарамъ и составляла мѣстопребываніе ихъ хана. Въ 1754 году, Амурсана, поссорившись съ джунгарскимъ ханомъ Даваци, вступилъ въ китайское подданство и, отправленный съ китайскимъ войскомъ противъ Даваци, завоевалъ всѣ его владѣнія. Послѣ того Джунгары нѣсколько лѣтъ сряду возставали противъ власти Китайцевъ, причемъ около милліона Джунгаръ обоего пола было истреблено, и вся страна была превращена Китайцами въ пустыню. Поэтому богдыханъ предписалъ тогда помощнику своего главнокомандующаго имѣть постоянное пребываніе въ Или съ манджурскими и китайскими войсками. Въ 1764 году, при богдыханѣ Цянь-Лунѣ, при рѣкѣ Или, основанъ былъ городъ Хой-Юань-Ченъ, имѣвшій 18 ли (около $9^1/_2$ верстъ) въ окружности. Этотъ городъ назначенъ былъ мѣстопребываніемъ корпуснаго генерала (главнокомандующаго), а также генераловъ солонскаго, собоскаго, чахарскаго, олотскихъ и управлявшихъ туркестанскими городами. Правительство прислало для поселенія въ этомъ городѣ изъ Китая 3,800 манджурскихъ солдатъ съ семействами, при 128 оберъ-офицерахъ. Сверхъ того туда-же было отправлено около 2,000 китайскихъ преступниковъ для выполненія разныхъ казенныхъ службъ. Торговыхъ людей поселилось также очень много въ этомъ городѣ, въ окрестностяхъ котораго разнообразными массами разставлены были манджурскія, китайскія, солонскія, собоскія, чахарскія, олотскія и туркестанскія войска. Въ 15 ли (8 верстахъ) отъ Хой-Юань-

Чена (неправильно называемаго Русскими Гулчжею) на востокъ лежитъ гора Конгоръ, въ которой находится желѣзная руда и много каменнаго угля. Еще черезъ 55 ли ($29^1/_2$ верстъ) къ востоку основанъ городъ Хой-Нинъ-Ченъ, въ которомъ расположенъ былъ гарнизонъ изъ 1,900 солдатъ, подъ начальствомъ генерала; а затѣмъ еще чрезъ 15 ли (8 верстъ) лежитъ туркестанскій городъ Гулчжа. Въ одной ли (270 саженъ) отъ города Хой-Юань-Чена протекаетъ рѣка Или, которая, составившись изъ соединенія рѣчекъ изъ горъ Хаша и Цирцинни и принявъ въ себя множество другихъ горныхъ ключей, наконецъ расширяется и течетъ съ великою быстротою и заворотами. По южному берегу этой рѣки лежитъ обширная равнина, на которой построено восемь крѣпостей для тысячи человѣкъ собоскаго гарнизона съ ихъ семьями, подъ управленіемъ одного генерала съ помощникомъ. Между солдатами мѣстами живутъ и Туркестанцы, занимающіеся земледѣліемъ. Вообще, Илійскій округъ обширенъ и имѣетъ множество горныхъ дорогъ. На сѣверо-западѣ и юго-западѣ онъ граничитъ съ иностранными владѣніями, на сѣверѣ прилегаетъ къ Тарбагатаю, на югѣ къ новой линіи (китайской), а на востокѣ къ Урумци.

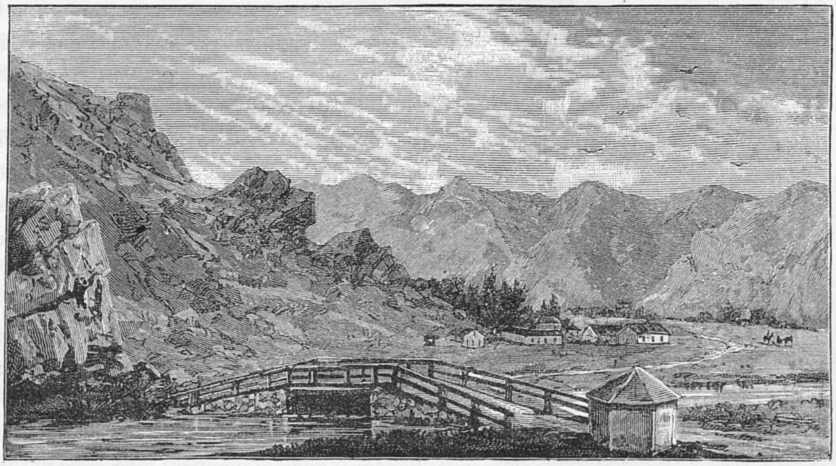
Для охраненія сѣверо-западной стороны учреждено было 12 военныхъ станцій и 50 карауловъ, которые отстоятъ одинъ отъ другаго на сколько возможно близкомъ разстояніи. На этихъ земляхъ собственно и обитали Джунгары, которые, пропитываясь скотоводствомъ, мало заботились о земледѣліи. По расположеніи же въ странѣ китайскихъ войскъ, сталъ ощущаться недостатокъ въ хлѣбѣ, вслѣдствіе чего правительство богдыхана завело въ ней военныя поселенія, которыя стали употреблять степныя мѣста подъ хлѣбныя пашни. Шесть тысячъ туркестанскихъ семействъ начали обсѣвать земли и вносить въ казну хлѣбъ, котораго только-что доставало на продовольствіе войска. На жалованье и фуражъ офицерамъ и на овощи солдатамъ ежегодно доставлялось въ округъ Или изъ Китая болѣе полумилліона лановъ серебра (1,135,000 руб. чистаго серебра).

Къ древнимъ джунгарскимъ землямъ принадлежалъ также и Тарбагатай, которымъ владѣли Олоты. Въ урочищахъ Ярчи и Чугучу кочевалъ со своимъ народомъ Амурсана, но, съ 1758 г., когда Джунгары были покорены Китайцами, а Амурсана бѣжалъ къ сѣверу, эта страна осталась пустынною и была занята китайскими войсками, по покореніи ими Или. Тарбагатай—страна довольно обширная, на югъ до Или она имѣетъ 18 станцій, на сѣверъ до казачьей (киргизской) границы семь дней пути, на западъ до казаковъ (Киргизовъ) три дня, а на сѣверо-востокъ до предѣловъ Россіи простирается на 500 ли (227 верстъ), причемъ китайскіе и русскіе караулы расположены одинъ въ виду другаго. Зимою въ сѣверо-западной части этой страны бываетъ очень холодно. Когда въ 1777 г. Торготы (Джунгары) возвратились изъ Россіи въ китайское подданство, то около 3,000 человѣкъ поселены были къ востоку отъ Тарбагатая.

Въ 1846 году, по ходатайству султана Большой орды, Сюка, о защитѣ его Россіею отъ набѣговъ Киргизовъ, непризнававшихъ его власти, была занята нами часть земель Большой орды до предгорій Алатаускаго хребта и были построены на этихъ земляхъ два укрѣпленія: въ 1846 году Копальское, а въ 1854 году Вѣрное, южнѣе перваго. Въ послѣднемъ году, при учрежденіи Семипалатинской области и области Сибирскихъ Киргизовъ (нынѣ Акмолинской), округъ Аягузскій (нынѣ Сергіопольскій уѣздъ), военный округъ Копальскій, Заилійское укрѣпленіе и кочевья Киргизовъ вошли въ составъ Семипалатинской области. По присоединеніи, въ 1866 году, всѣхъ остальныхъ земель Большой орды и окончательномъ закрѣпленіи за Россіею всего края до китайскихъ владѣній, была образована Семирѣченская область, въ составъ которой вошла часть Семипалатинской области, къ югу отъ Тарбагатайскаго хребта. Укрѣпленія Копальское и Вѣрное были переименованы въ города. Семирѣченская область была образована изъ пяти уѣздовъ: Сергіопольскаго, Копальскаго, Вѣрнинскаго, Токмакскаго и Иссыкъ-Кульскаго. Центръ области былъ перенесенъ въ Копалъ.

Высочайшимъ указомъ 18-го мая 1882 года, учреждено было степное генералъ-губернаторство, въ составъ котораго вошли области Акмолинская, Семипалатинская, Семирѣченская, причемъ послѣдняя была изъята изъ вѣдѣнія туркестанскаго генералъ-губернатора. Главное мѣстопребываніе степнаго генералъ-губернатора назначено въ Омскѣ, такъ какъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, было уничтожено генералъ-губернаторство въ Западной Сибири.

По мѣрѣ присоединенія къ Россіи земель Средней и Большой Киргизской орды, по дорогѣ отъ Семипалатинска до Вѣрнаго стали устраивать сторожевые пикеты изъ казаковъ, переведенныхъ съ Иртышской и Бійской линій. Такихъ пикетовъ, названныхъ выселками, образовалось между Семипалатинскомъ и Сергіополемъ, на протяженіи 272 верстъ, десять; между Сергіополемъ и Копаломъ, на 363 верстахъ, двѣнадцать и между Копаломъ и Вѣрнымъ, на 355 верстахъ, тринадцать. Они состояли изъ помѣщеній для казаковъ съ офицерами, съ не-



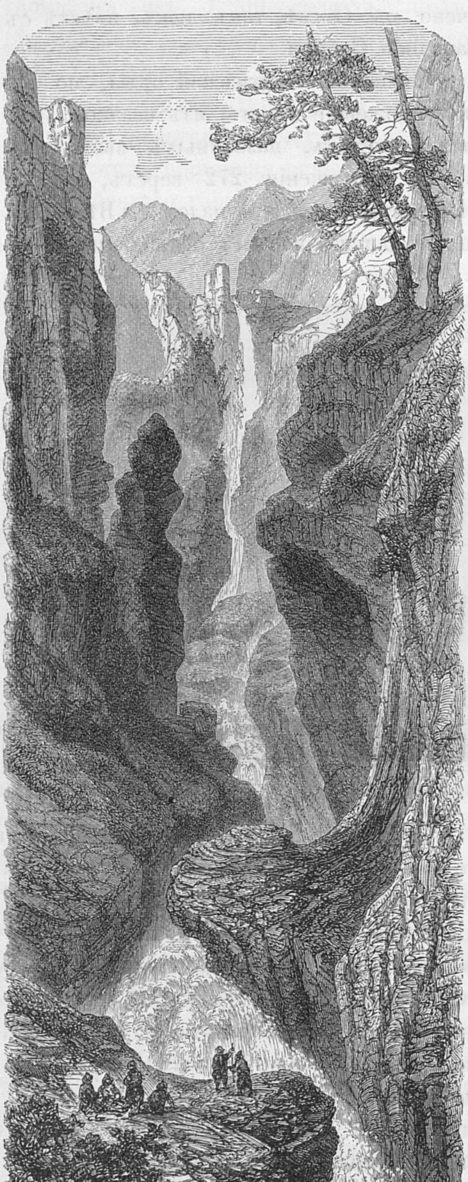
Мостъ, пикетъ и выселокъ на берегу рѣки Коксу.

обходимыми службами. Въ настоящее время эти пикеты составляютъ почтовыя станціи. Изъ нѣкоторыхъ пикетовъ и выселковъ образовались съ годами богатыя станицы, каковыми оказываются нынѣ Арасанская, Лепсинская, Коксуйская и Илійская.

Коксуйскій выселокъ (станица) пріютился въ одной изъ благодатныхъ долинъ Семирѣченскаго Алатау, близъ ущелья, изъ котораго съ шумомъ и пѣною вырывается рѣка Коксу (синяя вода). Вообще, каждая изъ семи рѣкъ, давшихъ названіе краю, причудливо извивается между горными утесами, въ берегахъ, покрытыхъ деревьями, и разнообразитъ мѣстность живописными видами. Коксуйскій выселокъ былъ основанъ въ 1858 году, въ числѣ 40 дворовъ, на тогдашнемъ главномъ пути въ Илійскую провинцію западнаго Китая, хотя уже въ 1855 г. тутъ былъ передовой постъ, состоявшій всего изъ трехъ дворовъ. Сюда переселились крестьяне изъ Тамбовской губерніи и казаки изъ Копала. Пашни въ Коксуйскомъ выселкѣ, какъ и въ другихъ горныхъ долинахъ Копальскаго уѣзда, даютъ отличные урожаи; для разведенія скота имѣются привольныя мѣста и, сверхъ того, завелось пчеловодство на роскошныхъ лугахъ, усѣянныхъ медоносными растеніями. Жители этого выселка перевезли на свой счетъ упраздненную въ Копалѣ церковь и пристроили къ ней колокольню, а въ 1870 году на свой счетъ соорудили мостъ чрезъ рѣку Коксу, въ одинъ пролетъ, длиною около десяти саженей.

Казачьи поселенія въ Семирѣченскомъ краѣ составляли первоначально девятый и десятый полковые округи Сибирскаго казачьяго войска и состояли изъ шести станицъ и восьми выселковъ. Въ іюлѣ 1867 года изъ этихъ двухъ округовъ образовано было Семирѣченское казачье войско, въ составъ котораго вошли природные сибирскіе казаки, крестьяне, переселенные

въ Семирѣчье изъ многихъ губерніи, въ томъ числѣ и великороссійскихъ, и, наконецъ, даже поселенцы, обращенные въ крестьянъ. Во всѣхъ почти выселкахъ и станицахъ казачьихъ имѣются церкви. Казачьи выселки разсѣяны по уѣздамъ Копальскому, Вѣрнинскому, Сергіопольскому; въ Токмакскомъ и Иссыкъ-Кульскомъ уѣздахъ нѣтъ казачьихъ поселеній.



Рѣка Копалка.

Въ августѣ 1846 года русскій отрядъ перешелъ за рѣку Лепсу и направился далѣе по Семирѣченскому краю. Въ 1846 же году, для защиты Большой орды отъ ея сосѣдей, неподчиненныхъ Россіи, особенно же отъ Кара-Киргизовъ (Бурутовъ), было основано укрѣпленіе Копальское. Названіе это было дано отъ избраннаго для него урочища Копалъ, на которомъ въ былыя времена кочевалъ джунгарскій князь Копалъ со своимъ родомъ. Копалъ лежитъ на плоскогоріи у подошвы Семирѣченскаго Алатау, по обѣимъ сторонамъ очень быстрой горной рѣчки Копалки. Она выходитъ изъ ущелья сѣверо-западнаго отрога Алатау и въ видѣ водопада стремится среди нависшихъ скалъ. Прилагаемый рисунокъ даетъ понятіе объ этой живописной мѣстности, характеризующей съ тѣмъ вмѣстѣ и всѣ горныя рѣки Семирѣчья. Весною рѣчка Копалка достигаетъ ширины пяти саженей и глубины $1^1/_2$ аршина. Сверхъ того, чрезъ Копалъ, въ числѣ другихъ ключей, протекаетъ Тамчи-булакъ (капельный ключъ), который выходитъ изъ болота, лежащаго къ юго-западу отъ города. Вода, просачиваясь сквозь нѣкоторые пласты, обнаженные въ оврагѣ, имѣющемъ двѣ сажени глубины, и не пропускаемая другими пластами, падаетъ въ нѣсколькихъ уровняхъ чистыми, прозрачными каплями, которыя собираются на днѣ оврага и образуютъ Тамчи-булакъ. Про этотъ ключъ сохранилась киргизская легенда, что когда-то дочь одного киргизскаго султана влюбилась въ простаго Киргиза и бѣжала съ нимъ. Любовники были настигнуты у этого оврага, убиты и похоронены на этомъ мѣстѣ. Съ того времени оврагъ этотъ какъ бы слезами оплакиваетъ ихъ горькую судьбу.

Заселеніе Копальскаго укрѣпленія произведено было въ нѣсколько пріемовъ, въ 1847, 1848, 1849 и 1850 годахъ. Вскорѣ послѣ основанія Копальскаго укрѣпленія, оно сдѣлалось пунктомъ торговли Госсіи съ Китаемъ, Ташкентомъ, Коканомъ, и тогда въ немъ стали селиться промышленные и торговые люди, русскіе торговцы, Татары изъ Казанской и Тобольской губерній, Ташкентцы, подъ названіемъ торговыхъ гостей, и Чала-казаки («не настоящіе Киргизы», подъ какимъ названіемъ извѣстны были тогда выходцы изъ сосѣднихъ азіятскихъ, въ то время независимыхъ,

владѣній или ихъ дѣти, родившіяся отъ Киргизокъ). Первоначально это поселеніе состояло изъ укрѣпленія и казачьей станицы. Управленіе имъ и его округомъ, состоявшимъ изъ четырехъ волостей Киргизовъ Средней орды, было ввѣрено военноокружному начальнику изъ штабъ-офицеровъ, который былъ въ то же время и комендантомъ укрѣпленія. Ему были подчинены всѣ войска, расположенныя въ Копалѣ и въ его округѣ. При учрежденіи, 1-го октября 1854 года, Семипалатинской области, Копальское укрѣпленіе было преобразовано въ окружный городъ, а въ 1857 году въ немъ былъ открытъ окружный приказъ, въ которомъ, подъ предсѣдательствомъ военно-окружнаго начальника, присутствовали старшій киргизскій султанъ въ округѣ и четыре засѣдателя — два русскихъ и двое Киргизовъ. До расширенія русскихъ владѣній въ Средней Азіи, въ теченіе десяти слишкомъ лѣтъ, Копалъ увеличивался и распространялся, какъ крайній пунктъ предѣловъ Россіи и какъ средоточіе значительныхъ военныхъ силъ; но затѣмъ наступило время его упадка, и теперь Копалъ принадлежитъ къ числу незавидныхъ городовъ Россіи, хотя и составляетъ центръ управленія Семирѣченскою областью, въ которой онъ занимаетъ дѣйствительно центральное положеніе.

Мѣстность, на которой расположенъ Копалъ, неровная; съ сѣверо-запада она открыта, а съ юго-востока ограждена горами Семирѣченскаго Алатау, вершины которыхъ покрыты вѣчнымъ снѣгомъ. Лѣтомъ жары умѣряются частыми вѣтрами, а также снѣгами горъ. Лѣтомъ даже вечеромъ бываетъ прохладно, а ночью и утромъ холодъ становится даже чувствителенъ. Весною земля покрывается растеніями въ началѣ марта. Осенью первый снѣгъ выпадаетъ въ концѣ октября или въ началѣ ноября, но остается, даже и зимою, только нѣсколько часовъ и въ крайнемъ случаѣ не болѣе трехъ сутокъ, потому что разносится вѣтромъ. Въ Копалѣ преобладаютъ западные и юго-западные вѣтры, то есть со стороны Балхаша. Восточная часть Копальскаго уѣзда — возвышенная, гористая, а западная — низменная степь, покрытая песками и солончаками съ бѣдною растительностью.

Около Копала находится много древнихъ кургановъ. При рѣкѣ Біени, въ окрестностяхъ города, видны остатки бывшей когда-то тамъ крѣпостцы, съ гранитными вокругъ столбами. Въ самомъ Копалѣ былъ прежде большой курганъ, сверху покрытый щебнемъ и большими каменными плитами. Этотъ курганъ срыли при постройкѣ домовъ въ Копалѣ. Преданіе киргизское утверждаетъ, что подъ этимъ курганомъ погребенъ былъ древній владѣтель Копала. Въ одномъ изъ кургановъ нашли глиняный сосудъ и въ немъ золотой перстень, украшенный камнями, съ тюркскою надписью «Арсланъ»; нашедшій продалъ его въ Кульджѣ за пять серебряныхъ ямбъ, или за 250 р. сер. На нѣкоторыхъ курганахъ Копальскаго уѣзда имѣются древніе намогильные памятники. Памятникъ на могилѣ Гингекъ представляетъ пирамиду, вышиною около четырехъ саженей, сдѣланную изъ гранита, съ каменною женскою статуею внутри ея. По киргизскому преданію, тутъ похоронена жена джунгарскаго хана Гингекъ, умершая отъ укушенія тарантуломъ. Эта могила находится въ двухъ верстахъ отъ рѣчки Кизылъ-Каинъ. Въ той же мѣстности находится памятникъ на могилѣ знаменитаго киргизскаго бія Урдабая.

Въ Копальскомъ уѣздѣ расположена Верхлепсинская станица, — одна изъ самыхъ лучшихъ мѣстностей Семирѣченскаго края, какъ по мѣстоположенію и качеству почвы, такъ и по здоровому климату и обильной растительности. Когда, въ 1854 году, послѣдовало Высочайшее повелѣніе о направленіи переселеній въ Семирѣчье и Заилійскій край, то въ 1855 году, въ вершинахъ рѣки Лепсы, въ восьмидесяти верстахъ ниже ея истока, было устроено поселеніе Верхлепсинское, на урочищѣ Чубаръ-Агачъ (пестрый лѣсъ). Верхлепсинская станица находится въ 121 верстѣ къ сѣверо-востоку отъ Копала, въ 70 верстахъ отъ ближайшаго къ востоку китайскаго пограничнаго поста Басъ, и расположена въ долинѣ главной цѣпи Семирѣченскаго Алатау, на высотѣ 2,400 футовъ. Почва долины Чубаръ-Агача состоитъ изъ чернозема, слой котораго мѣстами имѣетъ толщину до одного аршина. Подпочва состоитъ изъ супеси, смѣшанной съ галькою и булыжникомъ.

Лепса, на которой расположена станица, принадлежитъ къ числу семи рѣкъ, давшихъ названіе краю. Она вытекаетъ изъ горы Кукетъ-Добанъ (т. е. изъ ущелій синей вершины) и составляется изъ двухъ потоковъ, называемыхъ Теректы. Въ верховьѣ Лепса течетъ очень быстро, особенно весною, увлекая за собою камни и деревья, а отъ Лепсинскаго пикета до устья постепенно становится тише и ровнѣе. Въ верховьѣ берега Лепсы возвышенны и утесисты, а затѣмъ довольно обрывисты и невысоки. Вода въ рѣкѣ здоровая, до второй половины мая мутная, а лѣтомъ чистая. Весною на низменныхъ мѣстахъ Лепса разливается на нѣсколько верстъ, а осенью она сильно мелѣетъ, какъ вообще всѣ горныя рѣки. Сверхъ того, днемъ въ ней бываетъ воды болѣе, чѣмъ вечеромъ и ночью, когда таяніе снѣговъ въ горахъ уменьшается или вовсе прекращается. Въ половодіе, съ первыхъ чиселъ мая до начала іюня, отъ Лепсинскаго пикета по этой рѣкѣ могутъ удобно ходить до устья плоскодонныя лодки, поднимающія груза до 1,000 пудовъ; но въ самомъ устьѣ камышевыя крѣпи загромождаютъ входъ въ Балхашъ. Лепса вскрывается въ началѣ апрѣля, а покрывается льдомъ въ самыхъ послѣднихъ числахъ октября.

Чубаръ-Агачская долина имѣетъ климатъ умѣренный, благорастворенный. Весна начинается въ концѣ апрѣля, причемъ съ шумомъ и грохотомъ скатываются воды съ снѣжныхъ вершинъ Алатау. Снѣгъ таетъ очень быстро. Вершины Лепсы превращаются въ стремительные потоки, увлекающіе камни и деревья. Весною въ долинѣ идутъ проливные дожди, а лѣто не обходится безъ грозъ въ горахъ. Отъ возвышеннаго положенія долины Лепсы лѣтомъ зной не бываетъ тамъ ощутителенъ, тѣмъ болѣе, что и ночи бываютъ холодныя. Лѣтомъ дождя бываетъ мало, но травы въ Чубаръ-Агачской долинѣ не высыхаютъ, какъ на степи, и яркая зелень, испещренная цвѣтами, сохраняетъ свою свѣжесть до осени, которая начинается въ октябрѣ густыми туманами. Въ ноябрѣ обыкновенно выпадаетъ снѣгъ, который въ декабрѣ и январѣ покрываетъ долину на аршинъ и болѣе. Зимою въ горахъ свирѣпствуютъ сильные бураны и вьюги.

Хлѣбопашество составляетъ главное занятіе жителей. Плодородная почва, при благопріятномъ климатѣ, при условіи орошенія, способствуетъ урожаямъ, которые, въ среднемъ, бываютъ самъ-десятъ. Лепсинская станица считается житницею Семирѣченскаго края. Обиліе покосныхъ мѣстъ и пастбищъ, покрытыхъ сочными травами, доставляетъ сытный кормъ скоту; сверхъ того, въ станицѣ развилось въ большомъ размѣрѣ пчеловодство, такъ что уже въ 1864 году тамъ считалось до 3,000 ульевъ, дававшихъ въ годъ около 1,350 пудовъ меда и до 240 пудовъ воска. По киргизскимъ преданіямъ, джунгарскіе ханы лѣтомъ обыкновенно кочевали въ Чубаръ-Агачской долинѣ. Въ вершинахъ Лепсы указываютъ на высокій земляной курганъ, обложенный камнями, на которомъ ханы будто-бы чинили судъ и расправу надъ Джунгарами и около котораго происходили также общественныя совѣщанія и народныя увеселенія. Множество арыковъ, сохранившихся въ долинѣ, свидѣтельствуютъ, что обитавшее въ ней въ прежнія времена населеніе имѣло пашни въ большихъ размѣрахъ.

Верстахъ въ тридцати или сорока отъ станицы Лепсинской, близъ урочища Бюдесъ, находятся насыпные курганы, въ видѣ четыреугольниковъ, иногда значительныхъ размѣровъ. Въ 1879 году въ Бюдесѣ дѣлались небольшія раскопки, причемъ обнаружены были стѣны зданія, обращенныя острымъ концомъ къ западу. Длина зданія 13 аршинъ, ширина 6 аршинъ. Стѣны его сложены на глинѣ изъ отлично выдѣланнаго и прокаленнаго кирпича, $7^1/_2$ вершковъ въ квадратѣ. Кирпичъ употребляемыхъ нынѣ размѣровъ встрѣчается въ этомъ зданіи только въ видѣ подкладокъ и подъ настилкою пола изъ $7^1/_2$-вершковаго кирпича. Полъ залитъ известковымъ цементомъ. Западная сторона зданія оканчивается въ планѣ усѣченнымъ конусомъ, такъ что общая фигура зданія напоминаетъ собою храмъ съ алтаремъ. Входъ въ зданіе былъ только съ востока, гдѣ сохранилось преддверіе, выстланное тѣмъ же кирпичемъ. Повидимому, стѣны зданія были также оштукатурены известью. Около зданія

найдены: мѣдный ножъ, мелкая серебряная монета и множество мелкихъ кусковъ глиняной посуды; нѣкоторые изъ нихъ покрыты цвѣтною глазурью. Сверхъ того, около зданія найдено было одиннадцать гончарныхъ трубъ, повидимому, водопроводныхъ, длиною каждая въ 10 вершковъ, при діаметрѣ отъ $2^1/_2$ до 3 вершковъ. Нѣсколько юго-западнѣе зданія проходитъ отъ ключа Бюдесъ возвышеніе, въ родѣ бруствера землянаго вала, гдѣ оказались подъ землею гончарныя водопроводныя трубы съ ясными внутри отложеніями ила.

Городъ Токмакъ, заселенный только съ 1867 года, расположенъ въ широкой долинѣ рѣки Чу, на лѣвомъ ея берегу. Чу выходитъ, въ шестидесяти верстахъ отъ Токмака, изъ Буамскаго ущелья. При этомъ городѣ долина рѣки расширяется до сорока верстъ. Токмакъ составляетъ центральный пунктъ управленія уѣздомъ того же имени. Расположенный въ долинѣ и окруженный съ трехъ сторонъ горами, городъ Токмакъ пользуется теплымъ климатомъ. Поэтому здѣсь водятся: тутъ, абрикосы, виноградъ и персиковое дерево. Сады и деревья разведены поселенцами города, преимущественно Малороссами, которые составляютъ большинство городскаго населенія. Зима въ Токмакѣ не отличается суровостью, и снѣгъ держится не долго. Часто онъ таетъ немедленно по выпадѣ. При первомъ основаніи города, въ немъ свирѣпствовала между жителями и войсками гарнизона перемежающаяся лихорадка, вслѣдствіе низменной, болотистой окрестности города. Но, съ проведеніемъ канавъ для орошенія полей и съ выкашиваніемъ и выжиганіемъ камышей, болота стали осушаться, вмѣстѣ съ тѣмъ улучшилось и санитарное состояніе города.

Въ составъ города Токмака входятъ слѣдующія части: небольшое укрѣпленіе, въ которомъ помѣщаются казармы и разныя казенныя учрежденія; собственно городъ съ лавками и двѣ слободки, изъ которыхъ одна примыкаетъ къ городу, а другая къ укрѣпленію. Какъ городъ, такъ и слободки, населенныя преимущественно крестьянами-переселенцами, распланированы на прямыя, широкія улицы. Главная или базарная площадь въ городѣ обсажена вокругъ деревьями. Почти у каждаго домика имѣется садикъ и огородъ. Лавки выстроены въ азіятскомъ вкусѣ, то есть представляютъ небольшія темныя комнатки, освѣщаемыя только открытыми дверями. Главные торговцы въ городѣ Сарты и Татары, которые составляютъ треть населенія; остальныя двѣ трети состоятъ изъ Русскихъ. Въ городѣ находится одна церковь и мечеть. Русскіе поселенцы занимаются исключительно земледѣліемъ и огородничествомъ. Урожай пшеницы даетъ здѣсь не менѣе самъ-двѣнадцати. Сверхъ пшеницы здѣсь сѣютъ также ячмень, овесъ и ярицу.

Въ прежнее время Токмакъ былъ расположенъ на главномъ почтовомъ трактѣ изъ Ташкента въ Вѣрный. Но когда нашли возможнымъ обойти Кастекскій перевалъ и упразднить проходившую чрезъ него дорогу, то Токмакъ остался въ сторонѣ, хотя отъ него и была проложена дорога къ этому тракту. Въ 1871 году эта небольшая дорога была продолжена отъ него на Каракалъ. Съ проведеніемъ этой дороги, Буамское ущелье, по которому въ прежніе годы съ трудомъ пробирались верхомъ, сдѣлалось доступнымъ всякаго рода экипажамъ. Верстъ тринадцать по ущелью дорога идетъ карнизомъ, вьющимся самыми разнообразными направленіями надъ быстрою рѣкою Чу и часто висящимъ надъ пропастью; но ямщики до того увѣрены въ безопасности пути, что везутъ обыкновенно вскачь. Тормозятъ экипажи только въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ дорога, спускаясь внизъ, въ то же время круто поворачиваетъ въ сторону. Эта замѣчательная дорога сооружена въ нѣсколько лѣтъ саперами, построившими чрезъ рѣку Чу въ ущельѣ два большіе моста, сверхъ небольшаго, перекинутаго чрезъ сухой оврагъ. Переправа чрезъ горныя рѣчки производится вбродъ, гдѣ мѣстами она до того затруднительна, что экипажи нерѣдко опрокидываются.

Городъ Каракалъ, основанный въ 1869 г., расположенъ на правомъ берегу горной рѣчки Каракалъ, которая въ 12 верстахъ отъ города впадаетъ въ озеро Иссыкъ-Куль. Городъ лежитъ на плоской покатости, возвышающейся къ горной цѣпи Терскей-Тау, образующей пере-

довую цѣпь Тянъ-Шаня. По своему расположенію, городъ подверженъ дѣйствію сильныхъ вѣтровъ по двумъ главнымъ направленіямъ, а именно — съ юга изъ Каракальскаго ущелья и съ сѣверо-востока, съ верховьевъ рѣкъ Тюпа и Джергалана. Вѣтеръ съ Тюпа приноситъ съ собою влагу. Эти вѣтры преимущественно дуютъ съ четырехъ до семи часовъ пополудни и сопровождаются облаками пыли. Лѣтомъ жаръ въ городѣ бываетъ необыкновенно сильный и утомительный, зимою морозы доходятъ до 20 градус., что обусловливается положеніемъ города на высотѣ 5,000 футовъ надъ уровнемъ моря. Зимою рѣка Каракалъ промерзаетъ до такой степени, что въ городѣ ощутителенъ недостатокъ въ водѣ. Окрестности города зимою бываютъ покрыты глубокимъ снѣгомъ, но въ самомъ городѣ на улицахъ онъ не удерживается, его сдуваетъ вѣтеръ.

Городъ лежитъ въ четырехъ верстахъ отъ Каракальскаго ущелья, изъ котораго вытекаетъ рѣчка того же наименованія, пробивая цѣпь Терской-Тау. Рѣчка стремительно течетъ по большимъ камнямъ, въ сѣверо-западномъ направленіи, и достигаетъ у города ширины трехъ саженей. Глубина ея не превышаетъ половины роста человѣка, но переправа чрезъ нее въ бродъ невозможна, по причинѣ быстроты воды. Климатъ города, составляющаго центръ управленія Иссыкъ-Кульскимъ уѣздомъ, вообще весьма здоровъ, чему способствуетъ отчасти неимѣніе садовъ, а слѣдовательно и фруктовъ. Городъ распланированъ правильно на четыреугольники ровными и широкими улицами. Большинство населенія состоитъ изъ Сартовъ и Татаръ, такъ что русскій элементъ состоитъ почти исключительно изъ значительнаго числа войскъ, расположенныхъ въ этомъ городѣ. Главное занятіе жителей небольшаго Каракала, въ которомъ около 100 домовъ и болѣе 50 лавокъ, составляетъ торговля, особенно съ Киргизами, являющими въ городъ для покупки необходимыхъ имъ предметовъ и для продажи своего хлѣба, который также получается изъ сосѣднихъ русскихъ поселеній.

Каракальское ущелье, которое тянется въ четырехъ верстахъ къ югу отъ города, имѣетъ первоначально юго-западное направленіе, но въ двадцати-пяти верстахъ отъ входа становится непроходимымъ и развѣтвляется на множество второстепенныхъ долинъ и ущелій, въ которыхъ находятся превосходныя пастбища и растетъ строевой лѣсъ, состоящій изъ пихты, ели и другихъ деревьевъ. Окрестности Каракала извѣстны минеральными ключами (арсанами), расположенными въ Аксуйскомъ ущельѣ, отличающемся своими живописными видами. Самый ближайшій ключъ, желѣзистый, лежитъ въ двухъ верстахъ отъ входа въ ущелье и въ 16 верстахъ отъ Каракала. Вода въ ключѣ необыкновенно чиста, имѣетъ температуру до 32 град. по Р. и обладаетъ свойствомъ преломлять лучи. Купанье въ этомъ источникѣ производитъ истому. Вода пріятна на вкусъ и мягчитъ кожу. Края источника, осѣненнаго яблонями, расчищены и обложены камнемъ; видно, что цѣлебныя свойства этого ключа давно уже извѣстны туземцамъ. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ этого ключа находится другой, также теплый, но съ очень небольшимъ количествомъ воды. Саженяхъ же въ пятидесяти ниже этихъ двухъ ключей, на лѣвомъ берегу Аксуйки, вытекаютъ изъ скалы еще три незначительные минеральные источника, изъ которыхъ одинъ холодный, а два теплые. На притокѣ Аксуйки, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ этихъ ключей, находится одинъ большой ключъ съ горячею водою.

По всему Иссыкъ-Кульскому уѣзду, возлѣ Каракала, вдоль по теченію его рѣки, а также по сѣверному берегу озера Иссыкъ-Куля, разсѣяны курганы, которые достигаютъ иногда большихъ размѣровъ. Высокіе курганы имѣютъ почти всѣ одинаковый типъ, а именно представляютъ холмъ съ воронкою внутри и съ гребнемъ, покрытымъ камнями, величиною въ кулакъ и болѣе. Съ одной стороны воронки оказывается прорывъ, составляющій какъ бы входъ внутрь кургана. Высота холмовъ доходитъ до трехъ саженей, а окружность гребня воронки до ста шаговъ.

Въ самой сѣверной части Семирѣченской области расположенъ городъ Сергіополь

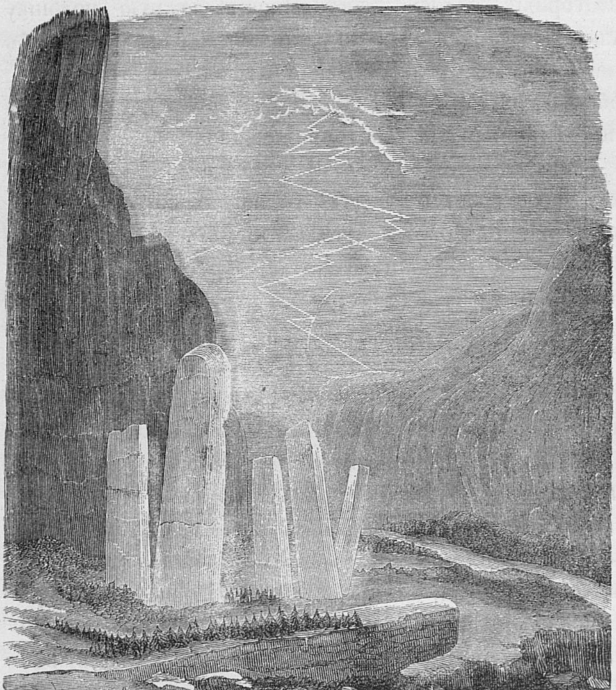
(Аягузъ), первое русское поселеніе въ Семирѣченскомъ краѣ, основанное въ 1831 году. Онъ былъ заложенъ первоначально въ 31 верстѣ ниже по рѣкѣ Аягузу, но, по неудобству мѣстности, перенесенъ былъ на нынѣшнее мѣсто, которое также оказалось неудобнымъ. Городъ лежитъ въ 270 верстахъ отъ Семипалатинска и поддерживаетъ свое существованіе только тѣмъ, что онъ центръ уѣзда. Онъ состоитъ изъ укрѣпленія, нынѣ утратившаго свое значеніе, собственно города, бывшей станицы казачьей, и татарской слободы. Окрестности Сергіополя состоятъ изъ обнаженныхъ порфировыхъ холмовъ, почти совершенно безплодныхъ. Попытки къ земледѣлію не увѣнчались успѣхомъ, по причинѣ невозможности устроить для пашенъ надлежащее орошеніе. Въ тридцати верстахъ выше города, по рѣкѣ Аягузу, производится распашка земель. Южная часть Сергіопольскаго уѣзда простирается на востокъ къ китайскимъ владѣніямъ и занимаетъ собою бассейнъ озера Ала-Куль. Весь уѣздъ можно раздѣлить на три бассейна—Иртышскій, Балхашскій и Ала-Кульскій. Ала-кульская часть округа—самая лучшая въ Сергіопольскомъ уѣздѣ, особенно подгорныя полосы, составляющія южную подошву Тарбагатая и сѣверную Семирѣченскаго Алатау, которыя хорошо орошены и плодородны. Въ долинахъ и ущельяхъ Тарбагатая встрѣчается весьма разнообразная лѣсная растительность, хотя эти лѣсныя пространства и не особенно обширны. Рѣка Аягузъ, самая сѣверная изъ семи рѣкъ, составляла прежде южный предѣлъ частной золотопромышленности въ Киргизской степи.

Семирѣченскій или Джунгарскій Алатау простирается въ видѣ горнаго хребта по сѣверной сторонѣ рѣки Или, между 46 и 44 градусами сѣверной широты. Онъ образуетъ отчасти границу между Семирѣченскою областью и Илійскою провинціею Китая. На своемъ юго-восточномъ склонѣ онъ находится въ непосредственной связи съ горнымъ хребтомъ Эринъ-Хабирганомъ, примыкающимъ на востокѣ къ Богда-Ола, высшей горной группѣ Тянъ-Шаня. Сѣверный склонъ Семирѣченскаго Алатау постепенно спускается къ Балхашской низменности, отдѣляя отъ себя болѣе или менѣе значительные отроги, почти параллельные между собою; наиболѣе значительный изъ нихъ находится на сѣверной сторонѣ рѣки Каратала и извѣстенъ подъ названіемъ Копальской горной цѣпи. Тупой уголъ, образуемый пересѣченіемъ этой цѣпи съ главнымъ хребтомъ, занятъ плоскогоріями Джунке и Джиль-Карагай. На югѣ отъ Копальской цѣпи, параллельно съ нею, направляются не столь значительные отроги Алатау, между рѣками Караталомъ и Коксу и между Коксу и Каргалинскою долиною. Снѣжная линія на главномъ хребтѣ Семирѣченскаго Алатау находится между истоками рѣки Тентека на сѣверовостокѣ и Уйгенъ-Ташскимъ проходомъ на юго-западѣ. Продолженіе главнаго хребта отъ Уйгенъ-Таша на юго-западъ, оканчивающееся горами Чолакъ близъ Или, уже не имѣетъ вѣчныхъ снѣговъ. Изъ отроговъ же Алатау, только Копальская цѣпь, отъ верховьевъ рѣки Чаджи и рѣки Коры до главнаго хребта, возвышается до снѣжной линіи. Предѣлъ возвышенія Семирѣченскаго Алатау не переходитъ за 13,000 фут. Въ сѣверной части главнаго хребта горные проходы на китайскую сторону находятся въ верховьяхъ рѣкъ Тентека и Лепсы. Въ южной части главнаго хребта, горный проходъ Уйгенъ-Ташъ образуетъ путь въ Кульджу, на вышинѣ 6,400 фут. Проходъ Алтынъ-Имель удобнѣе его и не возвышается болѣе 4,600 футовъ. Въ Копальской цѣпи горный проходъ Аралъ-Джелъ находится на вышинѣ 7,170 ф. Терраса у подошвы Копальской цѣпи, на которой выстроены городъ Копалъ и Арассанское поселеніе, возвышается на 3,000 футовъ.

Главный гребень Семирѣченскаго Алатау состоитъ изъ гранита и сіенита; на склонахъ и отрогахъ распространены осадочныя породы, преимущественно каменноугольная формація. Юго-западная понизившаяся часть хребта и ея предгорія богаты порфирами. Юго-восточный склонъ хребта богатъ каменнымъ углемъ. Въ хребтѣ также находятся мѣсторожденія мѣдныхъ и серебросвинцовыхъ рудъ.

Съ сѣверо-восточнаго склона Семирѣченскаго Алатау текутъ тѣ главныя семь рѣкъ, ко-

торыя дали наименованіе всему краю, а именно: Лепса, Басканъ, Сарканъ, Аксу, Біенъ, Караталъ и Коксу. Всѣ онѣ берутъ свое начало изъ вѣчныхъ снѣговъ сѣверо-восточнаго склона и текутъ въ дикихъ живописныхъ долинахъ, очень разнообразныхъ по своему направленію. Лѣсная растительность прекращается на высотѣ 7,700 до 8,000 футовъ. Поясъ хвойныхъ лѣсовъ имѣетъ нижнимъ своимъ предѣломъ высоту отъ 4,250 до 4,500 фут. Преобладающею древесною породою является пихта (Picea Schrenckiana), дающая лучшій строевой лѣсъ въ краѣ; но на истокахъ Лепсы къ пихтѣ присоединяется еще лиственница. Между деревьями нижняго лѣснаго пояса распространены рощи дикихъ яблонь и абрикосовыхъ деревьевъ. Въ нижнемъ лѣсномъ поясѣ (отъ 2,000 до 4,300 футовъ), при выходѣ изъ горъ потоковъ и горныхъ рѣчекъ, обильныхъ водою, расположены первыя русскія поселенія Семирѣченскаго Алатау, а именно: Лепсинское или Чубаръ-Агачское, Арассанское, Коксуйское и городъ Копалъ.



«Могилы демоновъ» у верховья Коры.

Горныя ущелья Семирѣченскаго Алатау, по которымъ пробиваютъ себѣ путь многочисленные его потоки и рѣчки, обыкновенно завалены каменными массами разнообразныхъ величинъ, отъ обыкновенныхъ валуновъ до громадныхъ монолитовъ. Очень часто подобныя скалы съ трескомъ отрываются отъ окружающихъ горъ и съ страшнымъ шумомъ скатываются въ долину, увлекая съ собою груду камней меньшихъ размѣровъ. Подобные монолиты, состоящіе преимущественно изъ порфировъ, поражаютъ своимъ видомъ, какъ, напримѣръ, «Могилы демоновъ» у верховьевъ рѣки Коры, близъ Копала. Съ перваго взгляда, они походятъ не на обломки окружающихъ горъ, а на дѣйствительные надмогильные памятники, воздвигнутые титанами. Въ долинѣ Коры видны почти неразрушенныя морены, заросшія ледникомъ; видны другіе ледниковые слѣды, причемъ край долины мѣстами явственно исчерченъ параллельными бороздами. Кора имѣетъ характеристическую бѣло-зеленоватую мутность ледниковой рѣки, хотя и бѣжитъ по чистой галькѣ, т. е. по дну, на которомъ неледниковыя рѣки отличаются совершенно прозрачною водою.

Климатъ въ Семирѣчьѣ вообще здоровый, за исключеніемъ низменныхъ и болотистыхъ мѣстъ по берегамъ озеръ, гдѣ господствуютъ лихорадки. Лѣто бываетъ жаркое. Въ городѣ Вѣрномъ изъ наблюденій выведено, что оно стало будто бы умѣреннѣе, а зимы въ свою очередь сдѣлались холоднѣе. Прежде съ мая до сентября не видали ни капли дождя, но въ 1873 и 1874 годахъ дождей выпало столько, что не было надобности прибѣгать къ арыкамъ для поливки полей. Полагаютъ, что такая перемѣна произошла отъ устройства многихъ новыхъ арыковъ и отъ разведенія садовъ, задерживающихъ испаренія, скопляющіяся вблизи горъ въ

дождевыя облака. Дальнѣйшія метеорологическія наблюденія, за болѣе продолжительное время, разъяснятъ основательнѣе такую замѣченную перемѣну въ климатѣ Вѣрнаго. Заморозки начинаются въ концѣ октября. Въ лѣтніе жаркіе дни, при совершенно тихой погодѣ, въ степи появляются замѣчательные вихри. Въ степи вдругъ образуется крутящійся сѣрый столбикъ, который, постепенно увеличиваясь въ объемѣ, уносится въ горы; за нимъ появляется другой, третій и т. д. и каждый изъ нихъ уносится послѣдовательно въ горныя ущелья. Дождевыя грозы въ Семирѣченскомъ краѣ почти всегда оканчивается бурями.

Въ степи растительность бѣдна, но по долинамъ рѣчекъ и въ горахъ, до полосы снѣга, она разнообразна и роскошна. Изъ деревьевъ растутъ пирамидальные и серебристые тополи, вязъ (карагачъ), осина, ветла, тальникъ, береза, листвениця (иногда громадныхъ размѣровъ), ель, сосна, можевельникъ (въ горахъ въ видѣ деревьевъ), рябина, акація и друг. Отъ Копала до китайской границы растутъ дикія яблони, абрикосы (урюкъ), груша, вишня, персики, фисташки, грецкій орѣхъ, барбарисъ, тутъ, малина, смородина, ревень, марена, конопля, хендырь (многолѣтнее растеніе, дающее крѣпкое волокно), хмѣль, дубильный корень (кермекъ), огурцы, арбузы, тыквы и пр. На пашняхъ засѣвается пшеница, китайская и ташкентская, рожь, ячмень, овесъ, просо, греча, горохъ, клеверъ, рисъ (близъ Кульджи), табакъ.

По своей величинѣ, озеро Балхашъ (Денгиръ) принадлежитъ къ самымъ большимъ озерамъ Азіи, такъ что называется даже моремъ. Съ сѣверо-востока на юго-западъ оно простирается на 600 верстъ, въ ширину же имѣетъ отъ 8 до 80 верстъ; очертаніе его представляетъ длинный, но узкій, сравнительно, водоемъ. Въ окружности Балхашъ имѣетъ около 1,320 верстъ; Наибольшая глубина озера достигаетъ 10 саженъ, но къ берегамъ она сильно уменьшается, такъ что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ имѣются отмели, протяженіемъ въ двѣ версты и болѣе. Сѣверный, сѣверо-восточный и сѣверо-западный берега мѣстами гористы, но къ южному берегу озера примыкаютъ обширныя песчано-холмистыя степи, тянущіяся отъ Алатаускаго хребта. У гористыхъ береговъ озера, полуострова его, которыхъ на немъ нѣсколько, оканчиваются утесистыми скалами и окружены подводными камнями. Полуострова, выдающіеся на южномъ берегу Балхаша, низки, поросли камышемъ и къ нимъ подходить нельзя, по причинѣ мелководья. Каменистыя гряды остальныхъ береговъ дозволяютъ судамъ приближаться къ нимъ только во время спокойнаго состоянія озера. Во время сильнаго вѣтра или бури для судовъ безопаснѣе всего или укрываться въ заливы озера, или становиться на якорь въ открытомъ озерѣ. Дно озера по большей части песчано-иловатое, хотя имѣются также каменистыя мѣста или покрытыя дресвою.

Вода въ озерѣ соленая, но употребленіе ея не приноситъ вреда людямъ и животнымъ. Въ сѣверо-восточной сторонѣ озера вода солонѣе, а въ южной части, называемой Итъ-Ичмесъ (Ала-Куль), вода такъ вредна, что животныя, напившись ея, издыхаютъ. Слова Итъ-Ичмесъ значатъ — «собака не пьетъ». При устьѣ рѣки Или вода въ озерѣ, отъ значительнаго притока прѣсной воды, имѣетъ очень пріятный вкусъ. Близъ устья рѣки Каратала, по лѣвую его сторону, находятся небольшія соленыя озера, дающія бѣлую, чистую соль, но горькую на вкусъ, между тѣмъ какъ по правую сторону рѣки соленое же озеро доставляетъ сѣроватую соль, пріятную на вкусъ. Соль эта употребляется въ пищу мѣстнымъ населеніемъ и извѣстна подъ названіемъ «кара-тузъ» (черная соль). Обыкновенный уровень воды въ озерѣ бываетъ въ концѣ іюля. Вода возвышается весною первоначально отъ таянія снѣговъ въ долинахъ, а затѣмъ отъ разлитія рѣкъ. При возвышеніи уровня воды въ озерѣ всѣ низменныя мѣста южнаго берега, поросшія камышемъ, заливаются водою. Высота волнъ на озерѣ, во время часто случающихся бурь, доходитъ до пяти аршинъ и даже до двухъ саженей. Постоянныхъ вѣтровъ на озерѣ почти не бываетъ. Вѣтры бываютъ сильны, порывисты, но непродолжительны. Туманы бываютъ на озерѣ рѣдко, преимущественно осенью, но не настолько густы, чтобы могли препятствовать плаванію по немъ.

На Балхашѣ очень мало острововъ. По величинѣ своей замѣчательнѣе другихъ Алгазы-Калганъ, Байгабылъ, Майкамышъ, Ултаракты, Учь-Аралъ. Около юго-восточнаго берега озера находится еще нѣсколько острововъ, меньшихъ по своей величинѣ и окруженныхъ камышами, потому что Балхашъ здѣсь мелокъ. Берега большихъ названныхъ острововъ отличаются каменистыми утесами и имѣютъ почву каменистую или твердо-глинистую. Только островъ Ултаракты отличается песчаною почвою. Западный берегъ Балхаша съ каждымъ годомъ болѣе и болѣе мелѣетъ. Сравнительно со съемкою 1853 года, вода въ озерѣ около Куръ-Боканасъ удалилась, въ продолженіе 20 лѣтъ, отъ береговъ на три—четыре версты. У устья Каратала въ съемкѣ 1853 года показаны были небольшія озерки, которыя въ двадцать лѣтъ высохли и превратились въ солонцы. Озеро Балхашъ замерзаетъ въ концѣ ноября или же въ половинѣ декабря и вскрывается отъ льда въ началѣ марта. Толщина льда на озерѣ незначительна, но въ иные годы бываетъ возможенъ переѣздъ по льду.

Страна, окружающая озеро Балхашъ, очень разнообразна, но отличается бѣдною растительностію. На сѣверѣ и сѣверо-востокѣ къ озеру подходятъ отроги небольшихъ горъ, которыя оканчиваются у озера обрывистыми, каменистыми утесами незначительной величины или покатыми отлогостями. Склоны такихъ покатостей безплодны; по нимъ протекаютъ небольшія рѣчки, теряющіяся въ долинахъ и не доходящія до озера на 50 и болѣе верстъ. Съ западной и сѣверо-западной стороны къ озеру примыкаетъ безплодная равнина, называемая Бедпакъ-Дала (голодная степь), оканчивающаяся у береговъ Балхаша, а на югѣ и юго-востокѣ—песчано-бугристая степь. На этой песчаной степи растутъ разнаго рода кустарники, именно саксаулъ, джингылъ, чингель, терскенъ и другіе, годные только на топливо. За исключеніемъ южнаго берега, грунтъ земли вокругъ озера преимущественно каменистый и мѣстами глинисто-солонцеватый. Мѣстъ, удобныхъ для хлѣбопашества, и луговъ нѣтъ; по теченію рѣчекъ и по низкимъ мѣстамъ растетъ мелкій камышъ, а на возвышенностяхъ — кустарники баялышъ, кокпекъ и полынь. Рѣчки и ручьи, текущіе въ Балхашъ, наполнены водою только весною: съ наступленіемъ жаркаго времени, вода въ нихъ, уже въ началѣ іюня, остается только въ глубокихъ мѣстахъ, гдѣ застаивается и дѣлается негодною къ употребленію.

Изъ рѣкъ, впадающихъ въ Балхашъ, главнѣйшія: Токрау, Аягузъ, Лепса, Аксу (Тентекъ-су), Караталъ и Или. Устья Аягуза, Каратала поросли непроходимыми камышами, чрезъ которые вода если и достигаетъ Балхаша, то, вслѣдствіе медленности теченія, разливается на большое пространство, а потому рѣки эти совершенно неудобны для судоходства. Устье рѣчки Аксу на юго-восточномъ берегу также недоступно для судовъ. Устье Или, равно какъ и дно Балхаша поблизости, засорено лѣсомъ, нанесеннымъ рѣкою во время половодья.

Илійско-Балхашская низменность, занимающая площадь въ 35,415 квадр. верстъ, была дномъ обширнаго моря, вмѣщавшаго въ себѣ нынѣшнія Каспійское и Аральское моря, такъчто Балхашъ, подобно двумъ послѣднимъ водоемамъ, представляетъ остатокъ огромнаго воднаго бассейна. Въ камышахъ по Балхашу, устьямъ Или и отчасти Каратала водятся кабаны, близъ горъ дикія козы (архары), дикіе ослы (куланы), зайцы, лисицы, волки; встрѣчаются также тигры и барсы.

Рѣка Караталъ начинается въ снѣжныхъ вершинахъ Алатаускаго хребта и первоначально имѣетъ общее направленіе на сѣверозападъ, до соединенія съ Коксу; Коксу впадаетъ слѣва множествомъ протоковъ. Длина Каратала, отъ устья Коксу до впаденія въ Балхашъ, равняется 260 верстамъ. При сліяніи съ Коксу теченіе его становится быстрымъ, до семи верстъ въ часъ, а по приближеніи къ Балхашу ослабѣваетъ до трехъ верстъ. Ширина рѣки отъ 30 до 70 саженей. У Карабулакскаго выселка, гдѣ чрезъ Караталъ проходитъ почтовый трактъ, устроенъ хорошій мостъ. Чрезъ Коксу имѣются также хорошіе мосты у Коксуйскаго и Царицынскаго выселковъ. На протяженіи 115 верстъ берега долины Каратала составляютъ сплошное песчаное пространство, которое окаймляетъ и весь южный берегъ Балхаша. Глинистая почва этой долины во многихъ мѣстахъ обработана подъ просо. Отъ урочища Темиръ-Тюлей до самаго Бал-

хаша, на протяженіи 35 верстъ, эта долина заросла камышомъ. Къ верху отъ этого урочища, по самому берегу рѣки, растетъ тальникъ, годный только на палки для киргизскихъ юртъ. Въ Караталѣ въ большомъ количествѣ водятся двѣ господствующія въ этой мѣстности породы рыбъ—османы и маринка. Около рѣки Каратала на горѣ Лоба находятся фундаменты шестнадцати зданій бывшаго тамъ буддійско-ламайскаго монастыря, существовавшаго еще въ 1567 году.

Рѣка Или, протекающая на протяженіи 700 верстъ, составляетъ главный притокъ Балхаша. Она беретъ начало въ предѣлахъ Китая, въ Тянъ-Шанскомъ хребтѣ, и образуется изъ нѣсколькихъ рѣкъ разныхъ наименованій. Главными изъ нихъ считаются Кунгезъ и Кашъ. Рѣка Или (Ли) замѣчательна глубиною, шириною и быстротою теченія. Она имѣетъ главное направленіе на сѣверозападъ. При Илійскомъ пикетѣ, въ 370 верстахъ отъ впаденія въ Балхашъ, рѣка Или принимаетъ слѣва рѣчки Талгаръ, Курту и Кискеленъ. Она течетъ въ возвышенныхъ, отчасти каменистыхъ берегахъ, которые съ Илійскаго пикета постепенно возвышаются и въ 25 верстахъ отъ него образуютъ мѣстами крутые обрывы, до 300 футовъ высоты надъ уровнемъ рѣки. Эта вышина оказывается предѣльною для береговъ Или Затѣмъ берега Или понижаются, и при впаденіи въ нее справа рѣки Керебулакъ, по обѣимъ сторонамъ Или образуются возвышенныя равнины, оканчивающіяся справа горами Молай-Сары, а слѣва рѣкою Курту, за которою по обоимъ берегамъ Или тянутся глубокіе пески. Эти пески то удаляются отъ рѣки, то приближаются къ ней и образуютъ долину, шириною отъ 2 до 9 верстъ. Съ юго-запада эти пески продолжаются до самаго Балхаша, образуя непрерывную массу, а съ сѣвера доходятъ до урочища Чильгарынъ, гдѣ Или, отдѣливъ отъ себя вправо Боканасъ, измѣняетъ нѣсколько свое общее направленіе, именно уклоняется болѣе къ западу. Приближаясь къ Балхашу, въ 110 верстахъ отъ устья, Или раздѣляется на нѣсколько протоковъ, которые образуютъ собою обширную дельту, въ 1,000 квадратныхъ верстъ, называемую Камао, по большей части болотистую, поросшую камышомъ и въ немногихъ мѣстахъ обработанную Киргизами подъ посѣвъ проса. Протоки эти окружены озерами, болотами и представляютъ не проходимые низменные берега. Почва острововъ между протоками глинистая. Ширина Или въ нижней части ея теченія имѣетъ отъ 100 до 500 саженей, при глубинѣ отъ 6 до 30 футовъ. Ширина и глубина рѣки непостоянны; въ маѣ, іюнѣ и іюлѣ онѣ бываютъ наибольшія, а въ октябрѣ и ноябрѣ наименьшія.

Быстрота теченія въ рѣкѣ измѣняется отъ 3 до 6 верстъ въ часъ. На рѣкѣ Или находится множество острововъ, отчасти поросшихъ тальникомъ, отчасти камышомъ. Не рѣдки на рѣкѣ и песчаныя мели, которыя переносятся водою съ одного мѣста на другое и затрудняютъ по временамъ судоходство, которое свободно производится на плоскодонныхъ судахъ отъ самой Кульджи въ продолженіе всего года, особенно же по главному руслу рѣки. Бродовъ на рѣкѣ нѣтъ: въ самыхъ мелкихъ мѣстахъ глубина не бываетъ менѣе шести футовъ. Киргизы переправляются въ нѣкоторыхъ мѣстахъ чрезъ рѣку вплавь.

Долина Или, шириною отъ 2 до 9 верстъ, имѣетъ глинистую почву, обработываемую подъ посѣвы проса. У самыхъ береговъ рѣки находятся такія густыя поросли камыша и тальника, что мѣстами доступъ къ водѣ становится невозможнымъ. Остальное пространство долины поросло чингилемъ (колючкою), джигдою, саксауломъ и въ рѣдкихъ мѣстахъ тополемъ.

Боканасъ, отдѣляющійся вправо отъ Или, представляетъ въ настоящее времъ логъ, протяженіемъ въ 240 верстъ, не имѣющій воды и занесенный пескомъ. Полагаютъ, что Боканасъ былъ въ прежніе годы искусственнымъ водопроводомъ или оросительнымъ каналомъ. Онъ отдѣляется отъ Или въ 150 верстахъ ниже Илійскаго пикета и идетъ къ Балхашу почти по прямому сѣверному направленію. Въ 50 верстахъ отъ Или Боканасъ отдѣляетъ отъ себя влѣво новый логъ, который чрезъ двадцать пять верстъ снова развѣтвляется. Всѣ эти три лога называются Боканасами, и изъ нихъ восточный — Читъ-Боканасъ, средній — Урта-Боканасъ,

а западный — Курсъ-Боканасъ. Послѣдній, въ 60 верстахъ отъ своего начала, отдѣляетъ отъ себя влѣво логъ Нарынъ, а затѣмъ еще два лога, Кокъ-Узекъ и Джеманъ-Су. Всѣ эти логи достигаютъ Балхаша и при своихъ устьяхъ, верстъ на двадцать къ верховьямъ, наполнены водою, которая заливается къ нимъ изъ озера. Самое восточное устье Боканаса впадаетъ въ Балхашъ въ 200 верстахъ отъ устья Или и въ 100 верстахъ отъ устья Каратала. Слѣды безчисленныхъ водопроводовъ между Боканасами, а также остатки крѣпостей по Или и Караталу, служатъ доказательствомъ, что эта мѣстность имѣла прежде населеніе, образованнѣе нынѣшнихъ Киргизовъ.

Рѣка Или, постепенно врѣзывая свое ложе въ возвышенной степи, прокладываетъ себѣ путь на протяженіи болѣе тридцати верстъ чрезъ весьма живописное ущелье, состоящее изъ порфировыхъ скалъ, круто спускающихся въ узкую, извилистую долину рѣки. Тамъ, гдѣ рѣка

Выходъ р. Или въ степь черезъ порфировыя горы.

Или окончательно выходитъ изъ ущелья въ равнину, на послѣднихъ порфировыхъ скалахъ, носящихъ названіе Тамгалы-Тазъ (печатные камни), изсѣчены изображенія Будды и находятся тибетскія надписи.

Третьимъ большимъ озеромъ, къ востоку отъ Каспійскаго моря, въ 100 верстахъ отъ Балхаша, лежитъ озеро Ала-Куль, составляющее нынѣ совершенно отдѣльный бассейнъ, но который прежде соединялся съ Балхашемъ въ одно море: высохшія озера и волны зыбучаго песку между Балхашемъ и Ала-Кулемъ приводятся въ подтвержденіе этого предположенія. Три горные хребта сливаютъ свои воды въ Ала-Куль: Тарбагатай на сѣверѣ, Барлыкскій хребетъ на востокѣ и Алатау на западѣ. Въ этомъ треугольникѣ и заключена большая часть водъ Ала-Куля. Нынѣ оно состоитъ собственно изъ трехъ озеръ, извѣстныхъ подъ общимъ названіемъ Ала-Куль (пестрое озеро). Пестрымъ озеромъ оно названо потому, что на немъ есть острова. Въ древности это озеро называлось Гурге-Норъ (озеро мостовъ), вслѣдствіе многихъ узкихъ косъ, далеко вдающихся въ озеро, которыя, при сильномъ пониженіи воды, могли приближаться къ противоположному берегу и составлять узкіе перешейки, какъ бы мосты. На югѣ озера, лѣтъ двадцать тому назадъ, существовалъ подобный перешеекъ, залитый потомъ водою. На всѣхъ китайскихъ картахъ Ала-Куль представляютъ однимъ озеромъ, такъ что, вѣроятно, всѣ три озера сливались прежде вмѣстѣ. Киргизы утверждаютъ, что уровень Ала-Куля прежде былъ гораздо выше и что отцы ихъ еще помнятъ, какъ воды его разливались по сѣверному берегу далѣе нынѣшняго саженей на 250. Послѣ того уровень въ озерѣ сталъ спадать и въ началѣ пятидесятыхъ годовъ XIX столѣтія былъ до того низокъ, что небольшіе островки,

лежащіе въ ста саженяхъ отъ берега, примыкали къ послѣднему. Затѣмъ уровень воды сталъ постепенно съ каждымъ годомъ подниматься.

Изъ рѣчекъ, впадающихъ въ озеро, главнѣйшія: Караколъ, Тентекъ, Урджаръ, Хатынъ-су и Имель. Весною рѣчки эти принимаютъ очень значительные размѣры: онѣ увлекаютъ камни, несутъ изъ неприступныхъ ущелій огромныя деревья и разбрасываютъ ихъ по долинѣ. Въ остальныя времена года эти рѣчки переходятъ вбродъ. Самая большая изъ нихъ — Имель. У устьевъ эти рѣчки разливаются въ рядъ небольшихъ озеръ, поросшихъ камышомъ.

Отъ южной оконечности Ала-Куля тянется верстъ на двадцать камышевая полоса маленькихъ озеръ, образуемыхъ нѣсколькими рѣчками, текущими съ горъ. Эти озера доходятъ до небольшаго озера Джеланамъ-Куль, имѣющаго затхлую, слабосоленую воду, и простирающагося въ длину на 8 верстъ, а въ ширину на 4 версты. На озерѣ Ала-Куль находится островъ Аралъ-Тюбе (островъ-сопка), нѣкогда славившійся подъ названіемъ среднематерикового вулкана, созданнаго Гумбольдтомъ, какъ на основаніи разсказовъ туземцевъ, такъ и вслѣдствіе собственнаго убѣжденія въ существованіи вулкановъ внутри Азіи. Между тѣмъ, по изслѣдованіямъ г. Шренка, оказалось, что Аралъ-Тюбе не имѣетъ даже никакихъ признаковъ вулканическаго происхожденія.

На долинѣ сѣвернаго берега Ала-куля сходятся границы Россіи и Китая. На рѣкѣ Урджарѣ основано русское поселеніе, отъ котораго въ 100 верстахъ къ востоку лежитъ Чугучакъ, имѣвшій, до его разоренія мусульманами, болѣе 10,000 жителей и бывшій тогда важнымъ торговымъ пунктомъ. Долина обильно орошена и отличается плодородіемъ. Киргизскія пашни встрѣчаются вдоль дороги отъ Урджара (въ урочищѣ Чугуцы, близъ нынѣшняго Урджара, кочевалъ джунгарскій ханъ Амурсана, передавшійся Китайцамъ) до Чугучака. Но климатъ въ этой мѣстности уже настолько суровъ, что успѣшное разведеніе фруктовыхъ деревьевъ становится невозможнымъ. Арбузы и дыни также родятся дурнаго качества, хотя и въ изобиліи. По мѣрѣ приближенія къ Ала-Кулю, почва становится все безплоднѣе; показываются песчаныя солонцеватыя поверхности, скудно покрытыя растеніями. На лѣтнее время Киргизы уходятъ въ горы, и тогда мѣстность около озера становится еще пустыннѣе.

Алатау и Барлыкъ близко подходятъ къ озеру. Въ предгоріяхъ обоихъ хребтовъ есть много долинъ съ прекрасными пастбищами, орошаемыми рѣчками. Въ Барлыкскомъ хребтѣ проходитъ линія китайскихъ пикетовъ, огибающая всю нашу западную границу.

Ала-Куль замерзаетъ въ ноябрѣ и очищается отъ льда не ранѣе апрѣля. Снѣгъ начинаетъ выпадать въ октябрѣ. На сѣверномъ берегу озера, гдѣ не бываетъ лѣтомъ утомительныхъ жаровъ, морозы не продолжительны, хотя термометръ понижается иногда до 20 градусовъ по Р. Съ осени до апрѣля въ степяхъ Ала-Куля дуетъ юго-восточный вѣтеръ (юбе), который вырывается изъ узкой долины, отдѣляющей Алатау отъ Барлыкскаго хребта Этотъ вѣтеръ сдуваетъ снѣгъ съ открытыхъ мѣстъ, вслѣдствіе чего въ долинѣ между обоими хребтами до Ала-Куля не бываетъ снѣга. Иногда вѣтеръ усиливается до степени урагана и поднимаетъ тучи снѣга и песку, которыми не разъ засыпало киргизскіе аулы. Вѣтеръ этотъ теплый, сухой.

Событія въ западномъ Китаѣ, т. е. возстаніе тамъ мусульманъ, повлекли за собою новое расширеніе владѣній Россіи со стороны Семирѣчья. Дунганы (окитаившіеся мусульмане) къ 1863 году размножились въ Китаѣ до такой степени, что уже занимали полосу земли отъ главнаго ихъ пункта населенія, города Ша-джу (невдалекѣ отъ Пекина), до Кульджи. Первое возстаніе ихъ въ Ша-джу вспыхнуло въ 1863 году, когда до нихъ дошло первое извѣстіе, что китайское правительство сдѣлало секретное распоряженіе объ уничтоженіи ихъ, въ тѣхъ видахъ, чтобы не дать имъ возможности еще болѣе усилиться въ Поднебесной имперіи. На запросъ правительства, кульджинскій дзянь-дзюнь отвѣчалъ, что онъ ручается за подвѣдомственныхъ ему Дунганъ, и просилъ объ отмѣнѣ секретнаго распоряженія. Въ это же время въ западномъ Китаѣ оказался сильный голодъ, вслѣдствіе истребленія полей саранчею. Таранчи, во время

этого голода, были обложены непомѣрными налогами хлѣбомъ, а такъ какъ саранча опустошала страну нѣсколько лѣтъ сряду, то Таранчи, доведенные до крайности, принуждены были продавать своихъ женъ и дѣтей, для удовлетворенія требованій Манджуръ, которымъ они обязаны были доставлять хлѣбъ. Дунганы, не платившіе до того времени никакихъ податей, въ этотъ тяжелый для народа моментъ также обложены были Манджурами, первоначально по нѣсколько саровъ съ души (саръ — 2 рубля серебромъ). Требованія Манджуръ постепенно до того возрасли, что, по словамъ Дунганъ и Таранчей, если сегодня Дунганъ заплатилъ, напримѣръ, двадцать саровъ серебра, а Таранчи 10 коповъ хлѣба, то на другой день накладывалось на нихъ вдвое болѣе. Подобное обложеніе продолжалось до тѣхъ поръ, пока истомленные жители не начали продавать своихъ женъ и дѣтей. Кто не платилъ увеличенныхъ налоговъ, тѣхъ предавали суду, строго наказывали и даже присуждали къ смертной казни. Дунганы и Таранчи одинаково возненавидѣли манджурское правительство и, какъ единовѣрцы-мусульмане, составили заговоръ для своего освобожденія изъ-подъ его власти.

Когда возмущеніе Дунганъ усилилось въ Урумчинской области, то кульджинскій дзяньдзюнь выдалъ оружіе Таранчамъ, намѣреваясь выслать ихъ противъ Дунганъ, на помощь своимъ войскамъ. Въ то же время, для ослабленія Таранчей, онъ рѣшился истребить наиболѣе вліятельныхъ изъ нихъ. Тогда Таранчи открыто присоединились къ возстанію Дунганъ, подъ начальствомъ своего акыма, Мазамъ-Хана. Кульджинскіе мусульмане случайно узнали о намѣреніи дзянъ-дзюня истребить вліятельныхъ Таранчей. Гонецъ, посланный къ Калмыкамъ-Торготамъ за помощью, напился и выронилъ отправленное съ нимъ письмо, которое и было прочтено мусульманами. Въ домѣ Таранчи Абдрасула рѣшено было въ ту же ночь начать возстаніе. Акымъ (начальникъ Таранчей, назначавшійся китайскимъ правительствомъ изъ среды Таранчей), Мазамъ-Ханъ, напалъ на возвращавшагося отъ Торготовъ амбаня Дарына, убилъ его со всѣми бывшими при немъ людьми, а 1,500 лошадей, собранныхъ имъ у Калмыковъ, Таранчи присвоили себѣ. За этимъ дѣломъ возстаніе началось во всей Илійской провинціи и, наконецъ, заключилось овладѣніемъ Кульджи и истребленіемъ Китайцевъ. День заговора положено было считать началомъ новаго счисленія, новой жизни мусульманъ, и такую эру они прозвали «исламомъ». Эта эра началась съ 1864 года.

По описанію г. Бородина, бывшаго въ Кульджѣ при управленіи краемъ Таранчами и Дунганами, по сверженіи ими китайскаго владычества, положено было имѣть двухъ верховныхъ правителей, одного изъ Дунганъ, въ званіи ахуна, а другаго изъ Таранчей, въ званіи султана. Ахуномъ избранъ былъ старикъ Аджа, бывшій начальникомъ Дунганъ еще при Китайцахъ, а султаномъ—Мазамъ-Ханъ. Они оба были главными предводителями и распорядителями возстанія. Они должны были управлять сообща. Вскорѣ однако между Дунганами и Таранчами начались раздоры, которые повели къ междоусобіямъ.

Чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ, Аджа-Ахунъ умеръ и на мѣсто его Дунганы избрали Яуръ-Ахуна. Въ это время изъ Кашгара явился престарѣлый Парчи-Ходжа, около котораго собралась многочисленная партія Таранчей, убившая Мазамъ-Хана и провозгласившая султаномъ Парчи-Ходжу, который чрезъ три мѣсяца былъ, въ свою очередь, убитъ сторонниками богатаго Таранчи Кальпе, которые объявили султаномъ его родственника Абиль-Оглу, не пользовавшагося особеннымъ вліяніемъ, но считавшагося умнымъ, справедливымъ, добрымъ. Кальпе занялся организаціею административнаго управленія, котораго, въ строгомъ смыслѣ, не было, привлекъ къ султану наиболѣе вліятельныхъ людей и, такимъ образомъ, составилъ обширный кругъ знатныхъ людей, отодвинувшихъ дунганскаго ахуна на второй планъ и парализировавшихъ его власть. Между султаномъ и ахуномъ начались неудовольствія; вмѣстѣ съ тѣмъ и Дунганы раздѣлились на три враждебныя партіи, изъ которыхъ каждая желала видѣть ахуномъ своего избранника. Кальпе воспользовался этими несогласіями. Таранчи постепенно обезсилили Дунганъ, одного ахуна прогнали за границу, другаго, Яуръ-Ахуна,

убили, а третій призналъ власть Таранчей. Съ того времени и до занятія Кульджи Русскими, въ продолженіе четырехъ слишкомъ лѣтъ, управленіе всѣмъ Кульджинскимъ краемъ находилось въ рукахъ одного таранчинскаго султана. Дунганы окончательно покорились Таранчамъ. Попытки двухъ претендентовъ въ 1867 году и заговоръ противъ султана въ 1870 году, были уничтожены въ самомъ ихъ зародышѣ и виновные были казнены. Старикъ Кальпе умеръ въ 1869 году, и мѣсто его, въ качествѣ главнаго совѣтника султана по управленію, занялъ его старшій сынъ Камырданъ. Султанъ Абиль-Оглу пользовался уваженіемъ со стороны властей и народа за свою щедрость и справедливость. О немъ составилась въ народѣ поговорка: «одною рукою беретъ, а другою отдаетъ». Султанъ для себя и для своего семейства откладывалъ только самое необходимое, устраивалъ часто обѣды для бѣдныхъ, надѣлялъ ихъ платьемъ и скотомъ. У султана были четыре жены и воспитывалось нѣсколько сиротъ, оставшихся послѣ сановниковъ, убитыхъ въ сраженіяхъ. Онъ воспитывалъ также дочь бывшаго кульджинскаго дзяньдзюня, дѣвушку двѣнадцати лѣтъ.

Первыми лицами, послѣ султана, были два визиря (по туземному вазирь), отъ которыхъ исходили всѣ распоряженія по управленію краемъ, даваемыя отъ имени султана. Четыре «казначи» разбирали всѣ дѣла, просьбы и жалобы, поступавшія къ султану, а нѣсколько духовныхъ лицъ, разныхъ степеней, объясняли правила шаріата при опредѣленіи мѣры взысканія съ преступниковъ. Всѣ вышеупомянутыя лица обязаны были ежедневно бывать при дворѣ султана, гдѣ изъ нихъ, въ случаѣ надобности, составлялся совѣтъ. Все таранчинское населеніе раздѣлялось на участки, которыми управляли особые начальники, въ званіи шанъ-беги, числомъ десять. У каждаго изъ нихъ было два помощника, мингъ-беги и четыре мираба. Все населеніе Кульджи дѣлилось на сотни по семействамъ, и каждая сотня имѣла своего юзъ-баши или сотеннаго начальника. Нѣкоторые шанъ-беги жили въ своихъ участкахъ, другіе — въ Кульджѣ и повременамъ только объѣзжали ввѣренныя имъ мѣста. Въ Кульджѣ имѣлась сверхъ того особая полиція, состоявшая изъ нѣсколькихъ чиновниковъ. Всѣ означенныя власти были военныя и одновременно гражданскія. Онѣ рѣшали всѣ дѣла по шаріату и только въ сомнительныхъ случаяхъ обращались къ султану. Въ военное время они со своими волонтерами шли на битву, а въ мирное время они поочереди назначались со своими людьми въ пограничные отряды и караулы. Одни мирабы были собственно гражданскіе чины, потому что обязаны были наблюдать за правильнымъ раздѣломъ поземельныхъ угодій и воды въ арыкахъ, а также рѣшать возникавшіе по этому предмету споры. Для управленія кочевымъ киргизскимъ и калмыцкимъ населеніемъ имѣлось пять начальниковъ волостей (иль-беги). Киргизы раздѣлены были посотенно, имѣли для этого юзъ-башей, а для рѣшенія дѣлъ — казіевъ, назначаемыхъ изъ ихъ среды, по выбору Таранчей. Калмыки-кочевники управлялись своими прежними властями, причемъ главные ихъ начальники повременамъ пріѣзжали въ Кульджу за приказаніями и съ донесеніями. Для наблюденія за Дунганами назначенъ былъ особый шанъ-беги, который жилъ среди Дунганъ въ разрушенной Кульджѣ съ 500 таранчинскихъ семей, составлявшихъ его конвой и охрану. Въ восьми селеніяхъ Сибо, называемыхъ Ходзигеръ, по лѣвой сторонѣ рѣки Или, былъ также особый начальникъ изъ Таранчей, въ званіи тюне-бека, и жилъ среди Сибо съ тремя стами Таранчей. Всѣ начальники и чиновники Кульджинскаго государства не получали никакого содержанія отъ султана, а имѣли для того свое хозяйство и поля, которыя обработывались безплатно подвѣдомственными имъ людьми. Нѣкоторые небогатые люди получали, впрочемъ, отъ султана, одинъ или два раза въ годъ, на себя и на свое семейство одежду и годовое содержаніе, состоявшее изъ хлѣба въ зернѣ, пшеницы и ячменя.

Главное населеніе Таранчей сосредоточено было въ Кульджѣ, находившейся на 30 верстъ выше разрушенной китайской Кульджи, и гдѣ они жили еще прежде. Китайцы называли этотъ городъ Джинды-Сы. Онъ находится въ трехъ верстахъ отъ праваго берега Или, на арыкѣ,

проведенномъ изъ рѣки Кашъ, берущей свое начало изъ горъ того же имени и впадающей въ Или выше Кульджи верстъ на пятнадцать. Сверхъ того эта Кульджа снабжается въ изобиліи водою изъ ключей Кара-Су, вытекающихъ версты на двѣ отъ Кульджи и протекающихъ чрезъ городъ довольно большою рѣчкою. Въ кульджинскомъ таранчинскомъ государствѣ не имѣлось крѣпостей. Не имѣла отдѣльной крѣпости и сама Кульджа, которая, тѣсно населенная, была обнесена толстыми стѣнами, въ видѣ правильнаго прямоугольника, безъ рва, длиною около 350 саженъ, а шириною до 250 саженъ. Стѣны имѣли въ вышину $3^1/_2$ саж. а въ толщину до 2 саженъ и были снабжены банкетною обороною, зубцами, амбразурами. Со всѣхъ сторонъ въ стѣнѣ были ворота, обнесенныя толстою стѣною полукругомъ, съ караульными надъ ними будками, въ видѣ пагодъ. Стѣны этого города возведены были при султанѣ Абиль-Оглу и послѣднія работы по сооруженію воротъ производились еще въ 1870 г. особо наряжаемыми для того Калмыками. Самъ султанъ жилъ внутри города въ отдѣльномъ кварталѣ, огороженномъ толстою стѣною, гдѣ находилось также и помѣщеніе для 500 джигитовъ (каска). По лѣвой сторонѣ Или находилось до 17 кентовъ или селеній Таранчей, расположенныхъ по подножью горъ на рѣчкахъ, кромѣ трехъ или четырехъ, лежащихъ ближе къ Или. Только кентъ Янги-Шара, отобранный Таранчами у Сибо и находящійся напротивъ Кульджи, былъ обнесенъ стѣною. Отъ него расположены были семь кентовъ Сибо вдоль рѣки Или книзу по каналу, проведенному изъ нея верстъ на шестьдесятъ. Кенты Сибо обнесены были толстыми стѣнами, въ видѣ прямоугольниковъ, а за стѣнами не имѣли построекъ, какъ, напримѣръ, у Кульджи. Ниже ихъ, верстъ на 50 или на 60, въ долинѣ рѣки Или находился пограничный городъ Дубунъ, населенный Таранчами и не обнесенный стѣною. Кульджинскіе Калмыки кочевали въ горахъ, къ востоку отъ Кульджи, въ числѣ до 6,000 кибитокъ. На лѣвой сторонѣ Или жило тогда до 2,700 слишкомъ Киргизовъ разныхъ родовъ, а на правой кочевало ихъ около 1,500 кибитокъ.

Абиль-Оглу властвовалъ въ Кульджѣ до 22 іюня 1871 г., когда его владѣнія заняты были временно русскими войсками, подъ начальствомъ генерала Колпаковскаго. Таранчинское правительство дозволяло своимъ подданнымъ грабить предѣлы Россіи и не исполняло ея требованій о прекращеніи грабежей. Султанъ Абиль-Оглу со своими совѣтниками считалъ себя сильнѣе Россіи.

Абиль-Оглу сдался въ плѣнъ и прибылъ въ городъ Вѣрный. Занятіе Русскими Илійскаго края было временное и, по возстановленіи власти пекинскаго правительства въ западномъ Китаѣ, договоромъ, подписаннымъ 2 (14) февраля 1881 года, китайскому императору возвращена была восточная часть Илійскаго края, а западная присоединена къ Россіи. Граница между владѣніями Россіи и принадлежащею Китаю Илійскою областью проведена отъ горъ Беджинъ-Тау, по теченію рѣки Хоргосъ, до впаденія ея въ рѣку Или и затѣмъ направлена на югъ къ горамъ Узунъ-Тау, оставивъ къ западу селеніе Кольджатъ. Старая и Новая Кульджа остались въ предѣлахъ Китая. Большая часть туземнаго населенія не пожелала остаться подъ властью китайскаго правительства и въ назначенный срокъ переселилась въ предѣлы Россіи.

Вотъ въ какомъ видѣ представилась манджурская или китайская Кульджа г. Вилькинсу, посѣтившему ее въ 1875 году, на пути изъ города Суй-Дуна, лежащаго въ двѣнадцати верстахъ отъ нея. Ѣхать пришлось между сплошными садами, тянувшимися до самой Кульджи. Эти сады имѣли видъ красивыхъ рощицъ, въ которыхъ деревья и кусты перемежались съ полянками, испещренными мелкими цвѣтами. Мѣстами попадались домики, кое-какъ исправленные. Когда окончилась полоса садовъ, то путь, чрезъ развалившійся каменный мостъ, сталъ подниматься по небольшому холму, съ котораго открылась картина величественныхъ развалинъ огромнаго города и крутаго изгиба рѣки Или. Въ городъ путь лежалъ по широкой, прямой улицѣ, мѣстами заваленной изломаннымъ кирпичемъ и щебнемъ. Слѣва, невдалекѣ отъ въѣзда

въ городъ, высился разбитый фронтонъ большаго зданія. По сторонамъ крыльца находились два большіе каменные пьедестала, съ прекрасными высѣченными узорами; подлѣ лежали разбитые каменные львы, красовавшіеся когда-то на пьедесталахъ. Такіе львы ставились въ китайскомъ городѣ передъ входомъ въ большія зданія. Остатки огромныхъ зданій возвышались надъ разрушенными домиками, по большей части снесенными до основанія. Таковыми оказывались развалины большаго храма, состоявшаго изъ трехъ дворовъ или большихъ почти квадратныхъ площадей. На второй площадкѣ видны были два разбитые истукана изъ бѣлой глины, прислонившіеся къ темнокрасной стѣнѣ, между тѣмъ какъ въ глубинѣ третьяго двора виднѣлся еще одинъ большой идолъ (бурханъ), на которомъ замѣтны были слѣды бывшей на немъ богатой отдѣлки. Стѣны этихъ дворовъ были выложены китайскими одноцвѣтными и одноформенными изразцами, представлявшими такой же узоръ, какой обыкновенно бываетъ на паркетѣ.

Въ одной изъ центральныхъ частей города находились остатки другаго храма, въ видѣ фундамента, обломковъ стѣнъ и грудъ камня и мусора. Среди этихъ развалинъ возвышалось колоссальное изваяніе Будды, безъ головы и рукъ, съ пробитою грудью. Отъ огромнаго зданія, бывшаго дворца генералъ-губернатора (дзянь-дзюня) Кульджи, остались только груды мусора и щебня. Въ критическій моментъ поголовной рѣзни, произведенной Дунганами, генералъ-губернаторъ Кульджинской провинціи сидѣлъ за роскошнымъ столомъ, окруженный своимъ семействомъ, и раскаленнымъ пепломъ отъ только-что выкуренной имъ трубки зажегъ фитиль, проведенный къ пороховому складу въ погребахъ его дворца. Все зданіе взлетѣло на воздухъ. По обломкамъ карнизовъ съ артистически выполненными рельефными изображеніями цвѣтовъ и узоровъ, по отдѣльнымъ кирпичамъ и изразцамъ съ украшеніями, по пьедесталамъ съ затѣйливыми драконами и другимъ остаткамъ, можно заключить, что генералъ-губернаторскій дворецъ представлялъ замѣчательное, въ художественномъ отношеніи, зданіе. Отдѣлка мелочей, составляющая характерное отличіе китайскихъ работъ, замѣтна была и на большинствѣ уцѣлѣвшихъ домовъ въ Кульджѣ, отличавшихся изяществомъ внѣшней стороны. Западная часть бывшей Кульджи омывается крутымъ изгибомъ рѣки Или, которая подходитъ къ самой стѣнѣ, разрушенной, подобно сосѣднимъ домамъ, разливами рѣки. Стѣна эта, сохранившаяся въ другомъ мѣстѣ, была на столько широка, что на ней свободно могли разъѣхаться трое всадниковъ. Огромныя городскія ворота, съ каменнымъ сводомъ и массивною надъ нимъ башнею, были разрушены при общемъ разореніи. Отъ этихъ воротъ, верстахъ въ трехъ за городомъ, виднѣлось нѣсколько домиковъ и церковь, — остатки бывшей русской факторіи.

Китайскій городъ раздѣлялся нѣсколькими стѣнами на кварталы и въ каждой изъ нихъ были громадныя ворота. Прямыя улицы перекрещивались между собою подъ прямыми углами, какъ по линейкѣ. Въ этомъ городѣ жило населеніе слишкомъ въ сто тысячъ душъ. По разсказамъ Дунганъ, участвовавшихъ въ возстаніи въ Кульджѣ противъ власти Китайцевъ, они напали на послѣднихъ первоначально только съ ножами и палками. Первое оружіе они добыли отъ убитыхъ ими Китайцевъ, и уже затѣмъ бросились къ арсеналу и разграбили его. Китайцы до того перепугались, что, не дожидаясь нападенія Дунганъ, сами лишали себя жизни, распарывая себѣ животъ. Та же исторія повторилась и въ городѣ Баяндаѣ, гдѣ считалось до 80,000 жителей, изъ которыхъ большая часть, также со страху, сама лишила себя жизни.

Таранчинская Кульджа, сдѣлавшаяся столицею Кульджинской провинціи, по освобожденіи ея изъ-подъ китайскаго владычества, находится почти въ тридцати верстахъ разстоянія отъ старой. Городъ этотъ, небольшой и некрасивый, представляетъ какое-то безсвязное смѣшеніе разнороднаго населенія, водворившагося въ немъ на жительство. Русскіе домики, средне-азіятскія мазанки и китайскія постройки перемѣшались между собою. Довольно высокая стѣна окружаетъ центральныя части города. Молельни мусульманскія не отличаются архитектурою

отъ китайскихъ, такъ какъ для первыхъ отведены были старыя китайскія будахане (дома идоловъ), представляющія высокія башнеобразныя зданія, украшенныя много-этажными черепитчатыми крышами, съ приподнятыми углами. Мусульманская молельня отличается только тѣмъ, что на дверяхъ висятъ клочки бумаги съ написанными на нихъ изреченіями изъ корана. Китайскія молельни отличаются рельефными буквами на карнизахъ фронтоновъ и на другихъ болѣе видныхъ мѣстахъ.

Въ Кульджѣ были два базара: таранчинскій и китайскій. На первомъ торговали преимущественно Татары русскимъ краснымъ товаромъ. Тутъ же находились мясныя и овощныя лавки. На китайскомъ базарѣ, лавки были набиты самымъ разнообразнымъ хламомъ. Тутъ находились стеклянныя бусы, маленькие коническіе кусочки простаго мыла, свинцовыя бѣлила, пло-

Торговецъ фруктами въ Кульджѣ.

хіе карандаши, китайскіе квасцы, купоросъ, подковы, цвѣтные шарики отъ шляпъ мандариновъ, трубки, гребни, конфекты, словомъ — масса самаго дешеваго товара. Китайскія шелковыя добротныя матеріи продавались въ особыхъ магазинахъ. На площади передъ базаромъ сосредоточена была торговля плодами, привозимыми, главнымъ образомъ, изъ садовъ Суй-Дуна, потому что они предпочитаются кульджинскимъ.

Населеніе Кульджи, до передачи города Китайцамъ по послѣднему трактату, было очень разнообразно. На улицахъ города встрѣчался верхомъ Таранча съ женою, посаженною на крупъ лошади, шелъ пѣшкомъ Дунганъ, ѣхали Китайцы въ голубой двухколесной каретѣ съ холщевымъ навѣсомъ надъ лошадью, попадались кашгарскіе Сарты со своими характерными физіономіями, массы Калмыковъ, также Киргизы, Татары, Авганцы. Евреевъ и Индусовъ не было въ Кульджѣ, какъ и вообще ихъ нѣтъ въ Илійской долинѣ. По числу и по своему значенію въ экономическомъ отношеніи, самымъ главнымъ населеніемъ ея оказываются Таранчи. Дунганы, состоявшіе на службѣ у Китайцевъ, пришли въ долину рѣки Или въ 1759 году, одновременно съ Китайцами. По легендѣ, распространенной между Дунганами, они потомки тѣхъ воиновъ Александра Македонскаго, которые, женившись на Китаянкахъ, остались въ своемъ новомъ отечествѣ. Во времена китайскаго владычества въ Илійской долинѣ, Дунганы принимались на службу въ китайскую пѣхоту, но до высокихъ чиновъ ихъ не допускали выслуживаться. Выше юзъ-баши (начальника сотни) Дунганъ не производили, причемъ они всегда были подчинены китайскому начальнику. При такомъ угнетеніи, до нѣкоторой степени рабствѣ, въ средѣ Дунганъ не могли выработаться сословныя различія, но, съ другой стороны, это положеніе принуждало Дунганъ держаться крѣпко другъ за друга. Дунганы не

имѣли недвижимой собственности въ Илийской провинціи, не потому, что имъ такое пріобрѣтеніе не было дозволено, но потому что они были бѣдны. Богатые Дунганы, изрѣдка пріѣзжавшіе въ Кульджу для торговыхъ оборотовъ изъ центральныхъ провинцій Китая, жили тамъ обыкновенно не долго и избѣгали браковъ съ кульджинскими Дунганами. Передъ уступкою Кульджинской провинціи Китаю, Дунганы, въ числѣ 1,234 семействъ, обитали въ мѣстечкахъ Мазарѣ и Чанъ-Панъ-Дзи, прилегающихъ къ Новой Кульджѣ, въ Суй-Дунѣ, въ Тарджи, Чинъ-Ча-Ходзи, Лаоцу-Гунѣ и въ окрестностяхъ Старой Кульджи.

Только немногіе Дунганы знаютъ языкъ Таранчей; всѣ они говорятъ по-китайски. Они одѣваются въ китайскій костюмъ, носятъ косы и брѣютъ бороды, чего никогда не дѣлаютъ мусульмане. Дунганы женятся обыкновенно на Китаянкахъ изъ бѣднаго сословія, обязывая ихъ

Кульджинскіе Калмыки.

принять мусульманскую религію. Своихъ дочерей Дунганы не отдаютъ за Китайцевъ. Дунганы въ большинствѣ относятся однако пренебрежительно къ обрядамъ своей религіи, — къ омовеніямъ и молитвамъ (намазамъ) и пренебрегаютъ обрѣзаніемъ. Хотя Дунганы соблюдаютъ мусульманскіе посты и праздники, но въ то же время надѣваютъ праздничное платье и въ праздничные дни Китайцевъ. Погребальные обряды у Дунганъ сохранились мусульманскіе, но передъ свадьбой не соблюдается обычай привозить невѣсту въ домъ жениха, вечеромъ послѣ молитвы. Дунганы не стѣсняются показывать своихъ женщинъ днемъ, и потому онѣ постоянно ходятъ, не покрывая лица. Раздѣлъ имущества между дѣтьми производится на основаніи шаріата. Дунганы выучились у Китайцевъ пить водку, въ чемъ ихъ и упрекаютъ другіе

мусульмане. Они имѣютъ и свои собственные обычаи. Такъ, при рожденіи перваго сына, отцу и тестю его вымазываютъ лицо сажею, увѣшиваютъ ихъ шкурками и бусами и возятъ по городу, верхомъ на быкѣ. Смѣшеніе мусульманства съ китаизмомъ дошло въ дунганской народности до того, что они также распарывали себѣ животы, когда русскія войска вступали въ дунганскіе города. Такъ, одинъ изъ жителей города Суй-Дуна былъ схваченъ надъ теплыми трупами только-что зарѣзанныхъ имъ женъ и отца, когда онъ хотѣлъ покончить и съ собою.

Дунганы не любимы какъ Китайцами, такъ и въ особенности Таранчами. Когда они затѣяли возстаніе противъ Китайцевъ, то миролюбивые Таранчи не желали принять въ немъ участіе; но Дунганы вынудили ихъ къ тому особеннымъ пріемомъ. Наканунѣ мятежа, когда народъ разошелся по мѣстамъ для вечерней молитвы, Дунганы ворвались небольшими партіями въ дома вліятельныхъ Таранчей, объявили имъ о своемъ намѣреніи и приказали, подъ страхомъ немедленной смерти, склонить въ теченіе ночи народъ къ возстанію. Дѣйствительно, утромъ Таранчи присоединились къ мятежникамъ. Въ послѣдніе годы, подъ вліяніемъ Таранчей, Дунганы стали усваивать себѣ обычаи мусульманъ, утраченные ими, то есть надѣваютъ чалмы во время молитвы, отпускаютъ себѣ бороды, но китайской одежды не мѣняютъ.

Илійскіе Таранчи произошли отъ семействъ, поселенныхъ въ долинѣ рѣки китайскимъ правительствомъ около ста лѣтъ тому назадъ, и взятыхъ изъ предѣловъ Кашгарскаго ханства. Переселенцевъ назвали Таранчами, т. е. земледѣльцами, или пахарями. Цѣлью поселенія была обработка плодородныхъ, но мало населенныхъ, земель по берегамъ Или. Вновь поселившимся отведены были земли по восточной и южной границамъ провинціи, гдѣ Таранчи остались до занятія Кульджинской провинціи Русскими. Они заняли также мѣстечко Мазаръ, въ западной части Илійской долины. Рощи пирамидальныхъ тополей и вязовъ окружаютъ таранчинскія поселенія, отличающіяся также своими садами. Эти селенія тянулись прежде по дорогѣ отъ города Кульджи до рѣки Каша и вдоль предгорій вѣтви Тянъ-Шаня. Таранчи оказывали Китайцамъ самую раболѣпную покорность. При встрѣчѣ съ Китайцемъ, Таранча обязанъ былъ сойти съ лошади за нѣсколько шаговъ и поклониться, какъ было установлено этикетомъ. Такіе поклоны Таранчи отдавали потомъ и Русскимъ, конечно добровольно. Если китайскій офицеръ или чиновникъ встрѣчалъ Таранча на хорошей лошади, то отбиралъ ее и заставлялъ его идти пѣшкомъ. Дома Таранчей отличаются отъ дунганскихъ мусульманскимъ характеромъ, хотя и въ нихъ замѣтны разныя заимствованія отъ Китайцевъ. При китайскомъ правительствѣ, вслѣдствіе непосильныхъ поборовъ, Таранчи не могли богатѣть, но со времени владычества Русскихъ стали быстро поправляться, благодаря своимъ громаднымъ полямъ съ плодородною почвою. Весь хлѣбъ, собираемый въ Кульджинскомъ районѣ, засѣвается Таранчами, сбывающими его въ китайскіе города, лежащіе по Урумчинской дорогѣ. Таранчи имѣютъ своихъ святыхъ въ Кульджинскомъ районѣ, и на ихъ могилахъ (мазарахъ) возвышаются болѣе или менѣе красивыя зданія съ мавританскими куполами. Таранчи не употребляютъ одуряющихъ напитковъ и даже не курятъ. Эта народность считалась лучшею въ Кульджинскомъ районѣ.

Третья осѣдлая народность на берегахъ Или принадлежитъ къ монгольскому племени и называется Имбе (переиначенная Русскими въ Сибо). Лицо у нихъ длинное, скуластое, желтаго цвѣта; глаза прищуренные; взглядъ тупой, голова бритая, съ косою; тѣло худое; костюмъ китайскій. Сибонецъ грязенъ и пропитанъ чеснокомъ. Въ китайской арміи Сибонцы составляли легкую кавалерію и въ такомъ качествѣ явились въ Илійскую долину, гдѣ прежде представляли исключительно военное сословіе, находившееся на жалованьѣ. Въ послѣдніе годы они обратились въ земледѣльцевъ, разводятъ хлѣба, рисъ, въ небольшомъ количествѣ хлопокъ, занимаются шелководствомъ крайне первобытнымъ образомъ и славятся также какъ

ткачи маты (хлопчатобумажной ткани). Сибонцы не смѣшиваются съ другими народностями и живутъ нѣсколькими селеніями по лѣвому берегу Или.

Городъ Борохудзяръ былъ прежде китайскимъ городкомъ, ближайшимъ къ нашей границѣ до занятія нами Кульджи. Онъ населился пришлецами Малороссами и сталъ болѣе походить на деревню. Населеніе городка въ послѣдніе годы сдѣлалось почти исключительно русскимъ. Зимою здѣсь дуютъ сильные, холодные вѣтры, сопровождающіеся частыми мятелями, а лѣтомъ почти не бываетъ дождей, которые не рѣдки въ другихъ частяхъ долины

Инородцы Семирѣчья.

Или. Довольно большой городской садъ представляетъ лѣтомъ единственное тѣнистое убѣжище. Несмотря на такія климатическія условія, Малороссы устроились хорошо въ Борохудзярѣ, обзавелись домиками, хозяйствомъ и даже многіе изъ нихъ разбогатѣли. За Борохудзяромъ виднѣется лѣсъ, образовавшійся изъ одичалыхъ, насаженныхъ въ былыя времена, деревьевъ на огромномъ пространствѣ, верстъ на 30 въ длину и верстъ 15 въ ширину. Эти заросли еще недавно скрывали четыре города, отъ которыхъ остались только груды щебня. Въ сорныхъ травахъ, покрывающихъ развалины, гнѣздятся теперь фазаны, а въ самыхъ развалинахъ зимою, во время вьюгъ, скрываются тигры. Такіе разрушенные города, большіе и ма-

лые, встрѣчаются часто по дорогѣ къ Новой Кульджѣ и являются послѣдствіемъ страшнаго возстанія Дунганъ, въ 1863 году. Разоренныя деревни виднѣются и въ сторонѣ отъ побочныхъ дорогъ; въ горахъ также оказываются разрушенныя стѣны китайскихъ монастырей и жилищъ.

По сосѣдству съ разрушенными китайскими городами, въ долинѣ Или расположенъ небольшой городъ Суй-Дунъ, населенный Дунганами. Онъ расположенъ на берегу рѣчки Суй-Дуны, пересыхающей лѣтомъ. За рѣчкою тянутся довольно большіе сады, славящіеся своими плодами. Дома въ Суй-Дунѣ имѣютъ китайскую физіономію; жители одѣты по-китайски и говорятъ на китайскомъ языкѣ. Въ шестидесяти верстахъ отъ этого города находится альпійское озеро Сайрамъ-Нооръ, дорога къ которому ведетъ чрезъ мѣстечко Лаоцу-Гунъ, населенное Дунганами, съ живописными группами деревъ и полуразрушенными домами. Озеро имѣетъ округленную форму, около 25 верстъ какъ въ одномъ, такъ и въ другомъ поперечникѣ. Съ сѣверной стороны озера поднимается довольно острый пикъ отрога Сары-Чака. На южномъ берегу озера находятся развалины китайскаго поста, разрушеннаго Дунганами. Дорога къ озеру Сайрамъ-Нооръ ведетъ чрезъ Талкинское ущелье, называется императорскою; по ней идутъ обозы съ хлѣбомъ, состоящіе изъ арбъ, запряженныхъ волами. По ущелью протекаетъ быстрая рѣчка Талки, омывающая подножіе Боро-Хоро, мощнаго горнаго поднятія, ограничивающаго съ сѣвера долину Или. Озеро Сайрамъ-Нооръ находится въ вершинахъ Боро-Хоро.

Около озера Балхаша Киргизы кочуютъ, сверхъ Камао, на мѣстности Тау-Кумъ, представляющей песчаную поверхность, покрытую восемью растительными породами, въ видѣ мелкаго кустарника. Тау-Кумъ называется пространство отъ рѣки Курту къ западу до озера Балхаша. Киргизы употребляютъ эти степныя растенія на топливо, для чего вырываютъ ихъ съ корнемъ. Такой способъ добыванія топлива сильно истребляетъ растительность, въ чемъ сознаются и сами Киргизы, указывая на совершенно голыя мѣста, гдѣ прежде росли мелкій кустарникъ и трава, дававшая возможность пасти домашній скотъ. Хотя корма для скота здѣсь неособенное обиліе, но сытый скотъ пасется во множествѣ по Тау-Куму и доказываетъ, что пищи для него здѣсь имѣется достаточно. Сверхъ того камышевыя чащи около Балхаша защищаютъ зимою скотъ отъ булановъ и пронзительныхъ вѣтровъ, отъ которыхъ, по словамъ Киргизовъ, онъ сильно худѣетъ. Рогатаго скота на Тау-Кумѣ Киргизы не держатъ зимою и отгоняютъ его для перезимовки въ камыши на рѣку Или. Напротивъ Киргизы, кочующіе въ горахъ, на зимовку перегоняютъ верблюдовъ и барановъ на Тау-Кумъ, потому что обиліе солонцовъ и малоснѣжная мѣстность даютъ возможность скоту и зимою добывать скудную, но питательную пищу, отъ которой онъ жирѣетъ. Къ пашнямъ Киргизы привыкаютъ сильно и съ трудомъ ихъ оставляютъ, потому что при прорѣзываніи арыковъ необходимо приложить къ дѣлу громадный трудъ. Надъ нѣкоторыми арыками трудились цѣлые роды въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ.

Киргизы, за весьма немногими исключеніями, не имѣютъ постоянныхъ зимовокъ, а лѣтомъ они еще болѣе перемѣшиваются между собою, когда при похоронахъ, свадьбахъ, разныхъ празднествахъ и сборищахъ родственники и знакомые пріѣзжаютъ не только изъ другихъ волостей, но и изъ другихъ уѣздовъ и гостятъ все лѣто у гостепріимныхъ хозяевъ. Стремленіе Киргизовъ къ соединенію въ роды не составляетъ родственнаго чувства или привязанности, но есть скорѣе дѣло разсчета: свадебное приданое, поминки по умершемъ, штрафы и даже призы на байгѣ (скачкѣ), — все это раздѣляется на весь аулъ, между родственниками. Личности богатыя и смѣтливыя стараются окружить себя какъ можно болѣе родственниками, съ цѣлью имѣть на своей сторонѣ большинство голосовъ при выборахъ или спорныхъ дѣлахъ. Грамотность между Киргизами развита слабо; но въ иныхъ волостяхъ встрѣчаются по двѣ школы и до 50-ти учащихся. На Балхашѣ и на рѣкѣ Или Киргизы ловятъ въ обиліи рыбу, которую солятъ, вялятъ и заготовляютъ изъ нея припасы до новаго улова.

Вообще, Большая Киргизская орда занимаетъ въ Семирѣченскомъ краѣ земли къ югу отъ

рѣки Каратала до южной цѣпи Заилійскаго Алатау, на западъ до озера Балхаша, на юго-западъ до рѣки Чу, а на востокъ до китайскихъ границъ. По илійской долинѣ Киргизы иногда кочевали до окрестностей города Кульджи, а на югозападъ—за Чу, къ Таласу и горамъ Кара-Тау. Киргизы Большой орды называютъ себя собирательнымъ именемъ Уйгунъ или Усюнъ. Они дѣлятся на три главные рода: Джалаиръ, Дулатъ и Атбань.

Одежду Киргизовъ составляютъ длинные халаты изъ армячины, бумажной и шелковой матеріи, или изъ бархата, и широкіе шальвары изъ плиса, бараньей кожи и проч. Всѣ сколько-нибудь зажиточные Киргизы въ настоящее время носятъ рубашки и только бѣдняки надѣваютъ халаты на голое тѣло. Всегда надѣваютъ нѣсколько халатовъ, одинъ на другой. Голову брѣютъ и покрываютъ ее небольшой шапочкою или тюбетейкой, а затѣмъ — высокою остроконечною войлочною шапкою. Зимою поверхъ тюбетейки надѣвается мѣховая шапка или папаха, мала-

Группа Киргизовъ; справа двѣ невѣсты.

хай, въ видѣ треуха, надѣваемая мѣхомъ внизъ. На ноги надѣваются кожаные сапоги иногда съ ичигами (калошами). Одежда у женщинъ почти такая же, но не разрѣзная спереди, какъ у мужчинъ, похожая отчасти на узкую рубаху, сверху которой также надѣваются халаты. Голову женщины кутаютъ самымъ разнообразнымъ образомъ въ бѣлое полотно, иногда поверхъ шапочки. Волосы плетутъ въ мелкія косы и украшаютъ лентами и побрякушками. Киргизская одежда вообще не красива, хотя у богатыхъ она бываетъ очень цѣнна, состоитъ иногда изъ бархатныхъ и шелковыхъ халатовъ, шитыхъ золотомъ и серебромъ. Киргизки, вообще, малаго роста, что находится вѣроятно въ зависимости отъ большаго физическаго труда, который выпадаетъ на ихъ долю.

Богатые Киргизы сговариваютъ своихъ дѣтей въ молодости, не спрашивая ихъ согласія, имѣя въ виду, главнымъ образомъ, равенство состояній, а не соотвѣтствіе лѣтъ. Сватовство начинается подарками отцу невѣсты со стороны жениха; отецъ невѣсты обязанъ отдарить родственниковъ жениха, привезшихъ подарки, и, собравъ всю родню, общимъ совѣтомъ рѣшаетъ количество выкупа (калыма) невѣсты и сроки его платежа. Смотря по состоянію, калымъ назначается въ 120, 60 и 40 барановъ; сверхъ того, по состоянію, 9 верблюдовъ, ло-

шадей, коровъ и оружія. Когда женихъ заплатилъ весь калымъ, то получаетъ право посѣщать невѣсту ночью и прожить въ аулѣ около трехъ дней, какъ бы тайно. Дѣлу придается такой видъ, что женихъ прокрадывается въ кибитку невѣсты, а родители ея держатъ себя такъ, словно они ничего не знаютъ. Для полученія права пріѣзжать къ невѣстѣ, днемъ женихъ даетъ новые подарки отцу и матери ея. Сватовство длится иногда болѣе года, причемъ всѣ угощенія дѣлаются на счетъ отца невѣсты. По окончаніи сватовства, женихъ пріѣзжаетъ за невѣстою, для чего одѣвается въ свое лучшее платье, выбираетъ лучшую лошадь. Въ аулѣ

Молящійся мулла.

невѣсты уже бываетъ приготовлена для него особая кибитка, въ которую, послѣ молитвы муллы, то есть послѣ совершенія обряда вѣнчанія вводятъ невѣсту и жениха и оставляютъ ихъ наединѣ. При послѣднемъ посѣщеніи жениха, родственники невѣсты отбираютъ у него лошадь, одежду, оружіе, словомъ — все; сверхъ того, въ продолженіе сватовства, братъ невѣсты имѣетъ право воровать у жениха своей сестры все, что ему угодно, не платя за это штрафа, хотя въ случаѣ поимки и подвергается сильнымъ побоямъ. Новобрачные отправляются чрезъ

нѣкоторое время домой, куда ихъ провожаютъ съ торжествомъ и гдѣ начинаются новыя празднества у отца жениха и на его счетъ.

Киргизы исповѣдуютъ мусульманскую вѣру, но менѣе другихъ знакомы съ ученіемъ и постановленіями ислама. Муллы у нихъ бываютъ назначаемые отъ правительства, и частные, опредѣляемые уже оффиціальными муллами. Иногда являются и муллы-самозванцы. Киргизы, вообще, уважаютъ муллъ. Муллъ неоффиціальныхъ они едва ли не болѣе еще уважаютъ, потому что такіе муллы всякую требу исполняютъ по первой просьбѣ. Муллы изъ Киргизовъ составляютъ исключеніе, потому что грамотныхъ Киргизовъ немного. Чаще всего эту должность занимаютъ бывшіе казанскіе Татары и ходжи изъ сосѣднихъ азіятскихъ государствъ, считающіе себя потомками Мохамеда. Киргизы причисляютъ ихъ къ такимъ же привиллегированнымъ людямъ «бѣлой кости», какъ и своихъ султановъ.

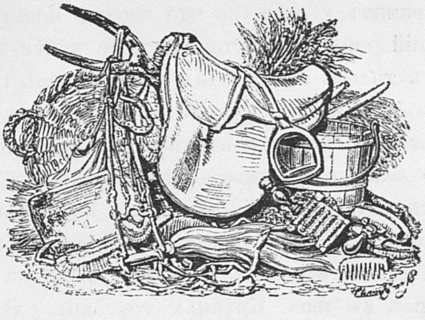
У семирѣченскихъ Киргизовъ главное богатство составляетъ скотъ, собственно же бараны, которыми они ведутъ обширную торговлю. Баранъ у Киргизовъ составляетъ единицу цѣнности, на которой основывается значительная часть разсчетовъ, хотя цѣна барана часто измѣняется. Напримѣръ, барашекъ, родившійся весною, до конца слѣдующей зимы составляетъ половину единицы или полбарана; но когда ему минетъ годъ, то онъ составляетъ уже «барана» или полную единицу. Двухлѣтній барашекъ составляетъ полтора барана, трехлѣтній— два барана, овца съ баранкомъ, еще не явившимся на свѣтъ, составляетъ также полтора барана. Годовалый козелъ (серке или серкешъ) считается за полбарана, двухгодовалый и старше — за одного барана. Годовалый теленокъ (таянча) равняется двумъ баранамъ, двухгодовалый (кунанъ) — четыремъ баранамъ. Годовалый жеребчикъ приравнивается четыремъ баранамъ, кобылка—пяти, нестельная корова— шести, а стельная — семи баранамъ. Этотъ разсчетъ имѣетъ силу какъ между Киргизами, такъ и между торговцами, пріѣзжающими въ степь для покупки скота. Послѣдняя производится тремя способами: 1) покупкою въ концѣ лѣта или осенью на наличныя деньги, отъ 80 к. до 1 р. за барана; 2) задатками, преимущественно во время сдачи податей Киргизами, по 1 р. и 1 р. 10 к. за барана, съ условіемъ, что запродавшій обязывается продержать зимою барановъ у себя, за что весною пользуется шерстью; 3) промѣномъ барановъ на товаръ. Послѣдній способъ составляетъ не менѣе трехъ четвертей всѣхъ оборотовъ торговли скотомъ. Какъ только снѣгъ сойдетъ, барановъ гонятъ въ Куянды, въ Каркаралинскій уѣздъ, Акмолинской области, гдѣ бываетъ большая ярмарка и гдѣ мелкія партіи продаются за наличныя деньги, а большія покупаются крупными торговцами, съ уплатою частію наличными, а частію векселями, срокомъ на ирбитскую ярмарку.

Первый способъ покупки самый легкій, вѣрный и выгодный, но подъ условіемъ отысканія удобной зимовки и притомъ такъ, чтобы зима не была особенно сурова, не было бы гололедицы. Зимовка необходима такая, чтобы всѣ бараны были на виду,— иначе волки будутъ съѣдать по нѣсколько барановъ въ день. Крупные торговцы дѣлаютъ свои покупки иначе: они даютъ Киргизамъ деньги или товары подъ барановъ, съ условіемъ сдать баранами или заплатить вмѣсто того деньгами, по 2 р. за барана. Но Киргизъ не думаетъ доставлять самъ барановъ такому покупателю, а тѣмъ болѣе платить ему деньгами, которыхъ у него обыкновенно не бываетъ. Торговецъ самъ долженъ ѣхать за баранами къ Киргизамъ или послать своихъ довѣренныхъ; иначе Киргизъ и въ нѣсколько лѣтъ не уплатитъ своего долга, если бы даже принадлежалъ къ самымъ честнымъ плательщикамъ. Если деньги были даны на общественные расходы, то между Киргизами производится раскладка, по окончаніи которой они начинаютъ приводить торговцу въ уплату старыхъ барановъ, едва держащихся на ногахъ коровъ, у которыхъ нѣтъ уже зубовъ, лошадей со сбитыми спинами или телятъ, едва передвигающихъ ноги послѣ зимы (сдача бываетъ въ концѣ февраля). Каждое такое животное оцѣнивается въ переводѣ на барановъ въ непомѣрно увеличенномъ размѣрѣ. Лошади, рогатый скотъ и бараны безъ пороковъ оцѣниваются быстро по обоюдному соглашенію; но изъ-за

больныхъ и слабыхъ животныхъ начинаются продолжительныя препирательства. Пріемщикъ не беретъ, а сдатчикъ хладнокровно отвѣчаетъ ему: «если не хочешь брать предлагаемаго, то не отдамъ ничего». Очень часто подобные споры оканчиваются дракою, причемъ сборщику особенно достается, потому что онъ бываетъ въ аулѣ или одинъ, или только съ товарищемъ. Наконецъ, начинаются мирные переговоры съ уступкою какъ съ одной, такъ и съ другой стороны, которые иногда продолжаются по недѣлѣ, по мѣсяцу. Скотъ сдается задатчику всегда съ болѣе или менѣе значительнымъ процентомъ немощныхъ животныхъ.

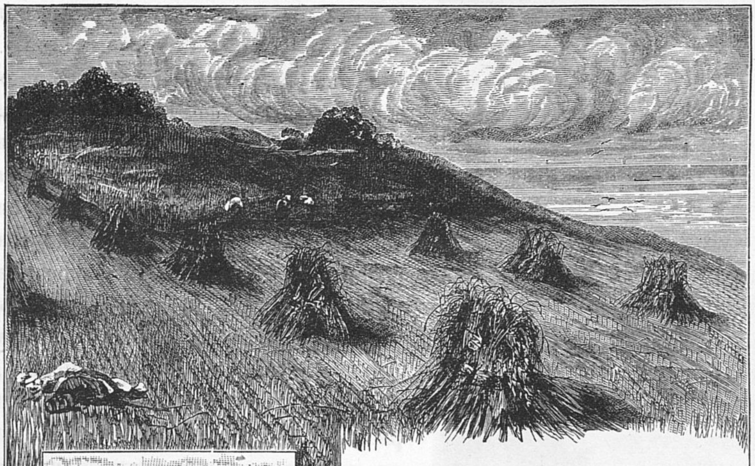
Еще затруднительнѣе бываетъ полученіе разсчета торговцемъ, если у него были взяты Киргизами деньги на уплату «куна», т. е. штрафа за убійство или крупную кражу. Виноватымъ въ этомъ случаѣ бываетъ, за весьма рѣдкими исключеніями, одно лицо, а по киргизскимъ обычаямъ долженъ платить обязательно весь родъ, т. е. иначе люди, нисколько неповинные въ совершенномъ преступленіи. Въ такихъ случаяхъ занять деньги у торговца помогаютъ люди, пользующіеся особеннымъ почетомъ въ глазахъ Киргизовъ; но, въ моментъ разсчета, они утрачиваютъ обыкновенно въ глазахъ Киргизовъ всякое значеніе какъ убѣжденія этихъ людей, такъ и самыя раскладки туземныхъ властей. Киргизы обыкновенно низачто не соглашаются уплатить займа, сдѣланнаго у крупнаго торговца скотомъ. При самомъ счастливомъ стеченіи обстоятельствъ, можно бываетъ получить уплату чрезъ нѣсколько лѣтъ. Такія же задержки бываютъ и въ томъ случаѣ, когда вмѣсто денегъ дается въ долгъ товаръ. Хотя къ уплатѣ за товаръ и не примѣняются пріемы по «куну», но вымѣненныхъ на товаръ барановъ цѣнятъ дороже, потому что въ Куяндахъ, при промѣнѣ на товаръ, не гонятся за цѣною и даютъ за барана 2 р. 50 к. и 2 р. 60 к., но зато прибавляютъ и на товаръ отъ 20 до 25% его стоимости. Въ разсчетахъ между Киргизами, вообще принято оставшагося въ долгу къ будущему году барана считать за два. Такой разсчетъ принятъ и всѣми торговцами, потому что Киргизы пользуются отъ барановъ и козловъ еще молокомъ и шерстью.

П. С. Усовъ.



II.—ВЪ ОКРЕСТНОСТЯХЪ САССЫҚЪ-ҚУЛЯ.

Видъ на Семирѣченскій Ала-Тау. — Проѣздъ чрезъ пустыню и ночлегъ. — Сассыкъ-куль. — Разсказъ вожака объ озерѣ. — Камыши и солончаки. —Охота на кабана. — Видъ на озеро съ Джеруата. —Вечеръ и ночлегъ; комары. —Соображеніе о причинахъ вымиранія разныхъ животныхъ. — Рыбы Сассыкъ-куля, маринка; ея икра—ядовита. — Выѣздъ изъ степи.



Если издали посмотришь,
Эти горныя вершины
Предъ тобой заблещутъ ярко
Золотымъ и краснымъ свѣтомъ,
Но вблизи поблекнутъ краски,
Пропадутъ эффекты свѣта,
И хребетъ разоблачится,
Какъ величіе земное.

ГЕЙНЕ.

25 іюля 1877 года, въ полдень, мы разбили станъ у подошвы двухъ горныхъ вершинъ,—у подошвы рядомъ стоящихъ Большаго и Малаго Сайкановъ. Позади у насъ осталась вся цѣпь Семирѣченскаго Ала-Тау. Недаромъ этотъ хребетъ получилъ отъ Киргизовъ свое названіе: слово *Ала-Тау* значитъ пестрый хребетъ. И, въ самомъ дѣлѣ, плутоватый, но зоркій глазъ Киргиза находитъ здѣсь много красокъ, которыми одѣто безконечно-большое количество горныхъ формъ, составляющихъ хребетъ. Нашъ станъ былъ разбитъ, примѣрно, на высотѣ немного болѣе тысячи футовъ надъ уровнемъ моря. Позади насъ утесы, холмы, увалы, или, наконецъ, цѣлые горные массивы разбѣгались по всѣмъ направленіямъ, на юго-востокъ и на юго-западъ; ближайшія къ намъ низменныя

части предгорій смѣнялись на дальнѣйшемъ протяженіи болѣе высокими, до тѣхъ поръ, пока на самомъ югѣ отъ насъ, въ разстояніи болѣе двухъсотъ верстъ, не выступили главныя вершины Семирѣченскаго Ала-Тау, восходящія въ поднебесье выше, чѣмъ на 16 тысячъ футовъ надъ уровнемъ моря. Прозрачный и чистый воздухъ позволялъ услѣдить дѣйствіе палящихъ солнечныхъ лучей не только на ближайшихъ долинахъ, съ ихъ пожелтѣвшей отъ зноя травой, на утесахъ, въ основаніи которыхъ камень почернѣлъ и потрескался, но даже болѣе: можно было видѣть весьма отдаленныя вершины и массивы, съ ихъ скалами, съ изрѣзывающими ихъ долинами, оврагами и ущельями. Однако же былъ предѣлъ, за которымъ предгорія скрывались то въ вибрирующихъ или мерцающихъ лучахъ солнца, то, наконецъ, въ сплошномъ, синевато-дымчатомъ покровѣ. И уже за всѣмъ этимъ выступилъ настоящій кряжъ Ала-Тау. Сотни вершинъ его уперлись въ темно-голубое небо, обрисовываясь во всемъ ихъ блескѣ, со всей ясностью ихъ очертаній; ихъ головы, окутанныя вѣчными снѣгами и ледниками, уподоблялись, какъ по цвѣту, такъ и по формамъ, совершенно бѣлымъ облакамъ, тутъ и тамъ разбросаннымъ, которыя нерѣдко ползли по ущельямъ, между вершинами, съ юга на сѣверъ. Это тотъ самый Семирѣченскій Ала-Тау, у южныхъ подножій котораго раскинута благословенная Кульджа, съ ея цвѣтущими виноградниками, съ ея роскошными персиковыми и абрикосовыми рощами. Это тотъ самый кряжъ, который не пускаетъ къ намъ теплыхъ и влажныхъ южныхъ вѣтровъ и защищаетъ отъ сѣверныхъ свои южные склоны.

Видъ въ Семирѣченскомъ Ала-Тау.

Находясь у подножія двухъ Сайкановъ, во время томительнаго зноя, намъ невольно пришлось подумать о прохладѣ, господствующей на вершинахъ Ала-Тау, о тысячахъ прохладныхъ и свѣжихъ источниковъ, стремящихся изъ-подъ его снѣговъ и ледниковъ и орошающихъ плодородныя и черноземныя долины въ среднихъ частяхъ его предгорій. Тамъ густые хвойные и лиственные лѣса, въ которыхъ бродятъ дикія козы, благородные олени, въ сосѣдствѣ съ горными баранами и козлами, оживляющими своимъ присутствіемъ скалы; тамъ роскошные луга, способные дать пищу десяткамъ тысячъ домашнихъ животныхъ. Все это представляло поразительный контрастъ съ мѣстомъ нашей стоянки, лежавшимъ на рубежѣ съ безплодною степью; источники сюда уже не доходятъ, и мы должны были утолить нашу жажду изъ лужи полу-соленой, полу-прѣсной водой, — изъ лужи, носящей громкое названіе колодца. Немногочисленные обитатели степи сходятся сюда, частію для воды, частію съ цѣлью попробовать болѣе сочной травы, которая здѣсь уцѣлѣла небольшимъ оазисомъ. Двѣ чернохвостыя антилопы, которыхъ мы замѣтили здѣсь, несомнѣнно доказали это; прелестныя

животныя, издали замѣтивъ насъ, долго не хотѣли оставить дорогаго для нихъ пріюта; но затѣмъ, предвидя опасность, пошли сначала тихо и неохотно, озираясь и останавливаясь, затѣмъ пустились вихремъ въ бѣгъ и быстро исчезли въ степи, желтоватый колоритъ которой такъ подходилъ къ цвѣту ихъ шерсти.

Было довольно простору не для двухъ только антилопъ въ этой степи, которая раскинулась передъ нами... То гладкая и ровная, то едва волнистая, съ желтоватымъ или сѣроватымъ колоритомъ, она уходила въ безпредѣльную даль на западѣ, терялась безслѣдно на сѣверѣ и только нѣсколько вправо отъ насъ, въ сѣверо-восточномъ направленіи, однообразіе ея нарушалось довольно длинной, голубой полосой, въ которой несомнѣнно нужно было признать водный бассейнъ. Это были воды Сассыкъ-Куля, за которыми еще дальше, въ голубовато-темномъ туманѣ, можно было различить неясныя очертанія довольно высокаго хребта, лежавшаго отъ насъ въ громадномъ разстояніи. Это—хребетъ Тарбагатай, собравшій надъ своими высотами облака и тучи.

Послѣ нѣсколькихъ часовъ отдыха, нашъ маленькій караванъ двинулся въ дальнѣйшій путь, чтобы къ вечеру найти себѣ новое пристанище на берегахъ Сассыкъ-Куля. Два казака, Лаврентій и Евстафій, закуривъ свои неизбѣжныя трубки и сѣвъ на лошадей, открыли путь. За ними направился Киргизъ Тайбусунъ на парѣ гнѣдыхъ, заложенныхъ въ телѣгу, съ разными припасами для дороги. Его сопровождалъ Киргизъ Кенишбай, — настоящій сынъ степи и нашъ вожакъ. Я пошелъ впередъ, вмѣстѣ съ переводчикомъ, собирать характерныхъ для степи обитателей изъ класса пресмыкающихся, — мелкихъ животныхъ, похожихъ на ящерицу и отличающихся отъ нея тѣмъ, что голова ихъ похожа на голову жабы, почему они и получили научное названіе жабоголовыхъ (Phrynocephalus). Здѣсь въ степи, между мѣстными жителями они наззываются коньками. Коньки оживляютъ своимъ присутствіемъ песчаныя и глинистыя степи, причемъ спасаются отъ преслѣдованія, быстро зарываясь въ сыпучій и обыкновенно раскаленный песокъ, или же скрываясь на поверхности почвы около тѣхъ предметовъ, которые наиболѣе подходятъ къ цвѣту ихъ тѣла. Поэтому коньки, весьма многочисленные на громадныхъ пространствахъ средне-азіятскихъ степей, измѣняются не только по своему характеру и подвижности, по формѣ своего тѣла, но даже по рисунку и окраскѣ ихъ кожи, которая имѣетъ иногда простой сѣрый или песочный цвѣтъ, или же бываетъ расписана то темными, то ярко-красными или голубыми цвѣтами. Имѣя въ виду эту чрезвычайную измѣнчивость коньковъ, а также необыкновенную трудность отличить одни виды коньковъ отъ другихъ, одинъ натуралистъ не даромъ выразился, что «ихъ выдумалъ чортъ на досугѣ». Намъ встрѣчался здѣсь конекъ-астрономъ, наиболѣе медленный представитель своего рода, при остановкахъ обращающій глаза кверху. Онъ былъ какъ бы единственнымъ обитателемъ степи, которая на дальнѣйшемъ пути становилась болѣе и болѣе пустынной. Усѣвшись на лошадей, мы начали спѣшить; путь шелъ по степи то съ глинистой почвой, то съ довольно плотной песчаной; наконецъ, начали появляться и солончаки. Скудная растительность степи исключительно состояла изъ солянковыхъ. Растенія другихъ семействъ видимо не могутъ заселить безводныхъ пространствъ. Правда, въ ложбинахъ, гдѣ зимой набирается снѣгъ и гдѣ онъ, стаивая весной, даетъ влагу,—тамъ селятся зонтичныя, но не долго они красуются здѣсь: съ наступленіемъ жаровъ, влага быстро испаряется, и отъ растеній остаются одни сухіе стебли.

Прошедши уже значительное разстояніе по степи, мы должны были пересѣкать одну изъ весьма обширныхъ низинъ; вся она была покрыта солончаково-глинистой почвой и кочками, обросшими полукустарными солянками. Здѣсь, однажды, почти подъ ногами моей лошади, показалась большая степная змѣя (Elaphis dione Pall.) и, обвившись крѣпко въ многочисленныхъ и корявыхъ вѣткахъ куста, долго сопротивлялась, чтобы сдѣлаться предметомъ нашей добычи. Еще нѣсколько далѣе, мы встрѣтили другаго, но уже страшнаго обитателя степи — фалангу. Это большой паукъ, весьма изящный на видъ, нѣжный, восковаго цвѣта; укушенье

его производитъ сильныя страданія какъ у животныхъ, такъ и у человѣка; исключеніе, по разсказамъ Киргизовъ, представляетъ только овца, которая будто бы ѣстъ фалангъ и отъ этого необыкновенно жирѣетъ. Поэтому Киргизы, прежде чѣмъ заселить мѣстность, держатъ на немъ предварительно день или два стадо барановъ, послѣ чего и считаютъ это мѣсто совершенно безопаснымъ для поселенія. Но, такъ или иначе, если бараны и не съѣдаютъ фалангъ, то, по крайней мѣрѣ, мнутъ ихъ подъ ногами. Изобиліе опасныхъ пауковъ на нашемъ пути свидѣтельствовало, между прочимъ, о томъ, что кочевники неохотно заходятъ сюда со своими стадами. — «Да, — говорили мои спутники, — здѣсь уже дикая степь!» Намъ пришлось еще болѣе усилить быстроту хода. Черезъ часъ хорошей верховой ѣзды, солнце уже покраснѣло и склонилось къ горизонту. Обыкновенно сѣрая степь приняла темно-розовый оттѣнокъ. Озера, однако же, не было видно, такъ же какъ и еще часа черезъ два ѣзды, когда въ степи сдѣлалось уже довольно темно. Нашъ вожакъ Кенишбай началъ обнаруживать безпокойство. Много разъ уносился онъ впередъ, какъ вихорь, на прекрасномъ степномъ скакунѣ; дѣлалъ много разныхъ предположеній о разстояніи отъ озера, но видимо они не были вѣрны. Теперь онъ долго всматривался въ черную даль, въ которой я ничего не видѣлъ; дѣлалъ онъ это, сидя на лошади и сходя на землю, припадая къ ней. Наконецъ, онъ опредѣлилъ разстояніе до озера еще на два часа ходу, при чемъ самъ умчался впередъ, чтобы убѣдиться въ этомъ. Нашъ же усталый караванъ потащился по степи почти ощупью, среди мертвой, гробовой тишины. Изрѣдка можно было слышать наставленіе, которое читалъ казакъ своей лошади, стукъ колесъ шедшей за нами телѣги по ухабистымъ мѣстамъ. Разъ замѣтили на востокѣ, но далеко, огонь, — обрадовались. Но вскорѣ оказалось, что это была восходившая и ярко свѣтившая звѣзда. Наконецъ, насъ встрѣтилъ и самъ Кенишбай съ печальнымъ извѣстіемъ, что былъ далеко впереди, но озера не нашелъ. Мы прошли еще нѣкоторое разстояніе и рѣшили затѣмъ подождать утра, чтобы съ разсвѣтомъ избрать болѣе вѣрное направленіе къ озеру. Глубокая ночь застигла насъ, повидимому, среди совершенно дикой степи; здѣсь не было корма для лошадей и воды. Мы должны были довольствоваться только тѣмъ запасомъ воды, который остался у насъ въ кожаномъ мѣшкѣ (турсукѣ). Воды было достаточно, чтобъ сдѣлать чай, который и оживилъ обычную дорожную бесѣду. Одно только тревожило насъ опасеніе степныхъ гадинъ и особенно фалангъ. Мнѣ было устроено помѣщеніе на телѣгѣ, для себя же мои спутники разостлали на землю войлоки, которые считаются вѣрнымъ средствомъ отъ посѣщеній фаланги. При отходѣ ко сну, казакъ Евстафій, завертываясь въ свою шинель, не обошелся безъ обычнаго казацкаго изреченія: «Что за житье казаку!... Вездѣ дома... Шинель подостлалъ, шинелью одѣлся, шинель въ головы — и славно!»

Утромъ мы пробудились въ полномъ благополучіи. Я услышалъ птичій крикъ, похожій на журавлиный; значитъ, должна быть по близости вода, въ чемъ вскорѣ и пришлось убѣдиться. Пока караванъ собирался въ дорогу, я пошелъ впередъ и минутъ черезъ пятнадцать ходьбы передо мной открылся видъ на озеро, отъ котораго мы ночевали не больше какъ въ 2-хъ верстахъ. Такимъ образомъ, предположеніе нашего вожака о разстояніи, въ которомъ мы находились отъ озера съ наступленіемъ ночи, было справедливо.

Когда мы подъѣхали къ озеру на близкое разстояніе, насъ встрѣтили, повидимому, наиболѣе почетные изъ обитателей здѣшняго края, — пеликаны. Недалеко отъ берега они, расположившись на землѣ, выстроились цѣлымъ полкомъ и очевидно были въ недоумѣніи при видѣ неожиданныхъ гостей. Когда же они положительно убѣдились въ нашемъ намѣреніи занять ихъ мѣсто на берегу, то медленно и лѣниво, какъ бы нехотя, начали подниматься стаями въ воздухъ; затѣмъ, въ высотѣ, пустились маневрировать, описывая рядъ круговъ и сопровождая эти маневры звуками, напоминающими журавлиный крикъ.

Озеро, около котораго мы остановились, носитъ у Киргизовъ названіе Сассыкъ-Куля. Нѣкогда оно составляло часть другаго озера, лежащаго на юго-востокъ отсюда,—Ала-Куля, и, безъ сомнѣнія, періодъ, когда два озера соединялись, былъ весьма недавно. Теперь же озера разъединены и даже разнятся въ значительной степени по своему характеру. На Сассыкъ-Кулѣ мы, прежде всего, должны были убѣдиться въ томъ, что вода въ озерѣ прѣсная, вполнѣ годная для питья, хотя и имѣетъ нѣсколько щелочный характеръ. Послѣднимъ обстоятельствомъ обусловливается то пріятное ощущеніе, которое приходится испытывать при купаньѣ въ озерѣ. Сейчасъ же по пріѣздѣ мы воспользовались купаньемъ и оно доставило намъ истинное удовольствіе, послѣ странствованій въ безводныхъ раскаленныхъ степяхъ. Во время нашего пріѣзда, дулъ довольно крѣпкій, сѣверо-восточный вѣтеръ; вода у береговъ была бѣловато-мутная. За купаньемъ послѣдовалъ чай, а за чаемъ — бесѣда. Рѣчь держалъ за чаемъ Кенишбай, съ видомъ человѣка авторитетнаго. По его словамъ, Сассыкъ-Куль на зиму замерзаетъ и Киргизы обыкновенно переходятъ по льду со своими стадами на противоположный берегъ, потому что тамъ больше кормовъ. При переходахъ случаются иногда приключенія и довольно опасныя, особенно весной. Прежде чѣмъ кочевники, пустившіеся въ путь, успѣютъ перейдти озеро, — оно вскрывается у береговъ, и тогда запоздавшихъ ждетъ неминуемая гибель.

Послѣ чая, каждый занялся своимъ дѣломъ: одни — лошадями и кухней, другіе — приготовленіемъ сѣтей и невода къ предстоящей послѣ полудня ловлѣ рыбы. Я направился въ окрестности нашего стана, сначала къ камышамъ, у окраины которыхъ мы остановились. Верхушки и молодые побѣги камышей составляютъ любимую пищу здѣшнихъ лошадей. Начинаясь около нашего стана, камыши тянулись къ востоку, по берегу озера, лентой, болѣе и болѣе расширяющейся. Ихъ окаймляла низменность, покрытая глубокими солончаками. При ходьбѣ, кора солончака ломалась, и нога довольно глубоко вязла въ находящейся подъ ней рыхлой массѣ, почему ходьба по такимъ солончакамъ не менѣе трудна, чѣмъ по сыпучимъ пескамъ. Однообразная и скудная растительность изъ солянковыхъ покрываетъ эти пространства, бывшія еще недавно подъ водами Сассыкъ-Куля и представляющія въ настоящее время весьма печальный видъ. Не менѣе мрачны и камыши. Но здѣсь все-таки было нѣчто заманчивое: камыши служатъ пристанищемъ для многочисленныхъ обитателей. Уже у самаго мѣста нашей остановки было много слѣдовъ кабана, оставленныхъ на солончакахъ. Но, главнымъ образомъ, они пребывали въ камышахъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ проложены даже цѣльныя тропы въ камышахъ, и по такимъ-то тропамъ только и есть возможность пробираться среди этого травянистаго лѣса. На окраинахъ камышъ имѣетъ болѣе сажени высоты, но чѣмъ дальше, тѣмъ онъ становится толще и выше, и въ этой-то чащѣ кабаньи тропы исчезаютъ, — слѣды ихъ идутъ вразбродъ. Конечно, чтобъ встрѣтиться съ кабаномъ, нужно выждать его на окраинѣ: въ камышахъ же нельзя ничего съ нимъ подѣлать, еслибы даже находиться на разстояніи двухъ-трехъ саженъ. Кромѣ того, днемъ да еще въ жаркое время года, толстокожіе обитатели камышей предаются отдыху. Такимъ образомъ, пришлось на первый разъ удовольствоваться рекогносцировкой.

Послѣ обѣденнаго отдыха я пошелъ къ западу отъ нашего стана, гдѣ мѣстность болѣе возвышена. Не замѣтивъ ни одного пресмыкающагося въ солончакахъ, я думалъ на мѣстахъ болѣе высокихъ и менѣе солончаковыхъ поохотиться за ящерицами и коньками, въ надеждѣ найти что-нибудь новое между ними. Скоро меня нагналъ мой переводчикъ Петръ съ дробовикомъ и съ берданкой за спиной. «Здѣсь все-таки нельзя безъ ружья, надо взять!»— говоритъ. — «Ну ладно, давайте мнѣ винтовку», — говорю я, зная, что спутникъ мой любитъ быть вооруженнымъ кстати и не кстати. Ружья, между тѣмъ, сильно мѣшали охотѣ за чешуйчатыми и быстрыми четвероногими, да кромѣ того нужно было беречь стеклянныя банки со спиртомъ, висѣвшія на шеѣ и служившія для помѣщенія добычи. Берегъ къ западу началъ болѣе и болѣе возвышаться, такъ что на разстояніи версты отъ нашего стана онъ образо-

валъ уже надъ водами озера крутой обрывъ, который на дальнѣйшемъ протяженіи еще болѣе возвышался. Самый скатъ обрыва былъ покрытъ сочными травами, а въ овражкахъ, перерѣзывавшихъ иногда обрывъ, можно было видѣть огромные кусты бѣлыхъ розъ, съ цвѣтущими и пахучими бѣлыми цвѣтами, которыми я не безъ удовольствія украсилъ свою шляпу. Въ камышѣ, на нѣкоторомъ разстояніи отъ обрыва, мы усмотрѣли нѣчто въ родѣ тропы неправильной, прерывающейся; въ другихъ мѣстахъ камышъ былъ какъ бы помятъ. Удаляясь на холмы, производя нашъ промыселъ по самому возвышенному берегу, мы заглядывали повременамъ внизъ, убѣждаясь болѣе и болѣе въ томъ, что здѣсь должна быть какая-либо жизнь. Наконецъ, убѣдившись, что высоты не представятъ особенно богатой добычи изъ міра пресмыкающихся, мы остановились на самой высокой части обрыва, около которой внизу камышъ былъ наиболѣе помятъ. — «Должно быть, здѣсь есть кабаны», — говоритъ Петръ. Дѣйствительно, обитатели пустыннаго края не заставили себя долго ждать, будто сознавая, что о нихъ именно идетъ рѣчь. Увидавъ, какъ въ одномъ мѣстѣ камышъ раздвигается, — мы притаили дыханіе. — Воцарилась гробовая тишина. Въ камышѣ раздалось «хрю-хрю». Въ отвѣтъ на это, камышъ зашевелился въ другомъ мѣстѣ и раздалось отвѣтное хрюканье. Видно, здѣсь была цѣлая семья. Мы сидѣли на обрывѣ, держа ружья насторожѣ, и внимательно слѣдили за движеніемъ всѣхъ членовъ семьи. Зѣвать, однако, было некогда. Я спустилъ курокъ; раздался выстрѣлъ, а вмѣстѣ съ нимъ и страшный, неистовый ревъ. Я пустилъ затѣмъ еще одну пулю, и несчастное животное только отрывисто хрюкнуло. Во мнѣ запылалъ охотничій жаръ; но въ карманѣ остался только одинъ патронъ. Пускаться съ нимъ въ дальнѣйшую стрѣльбу я не рѣшился, и сейчасъ же командировалъ Петра въ станъ за патронами и за телѣгой. Самъ же занялся наблюденіемъ надъ оставшимися въ живыхъ кабанами. Но они скоро совершенно притихли, попрятались, направившись по камышу къ западу. Вскорѣ опять воцарилась полная тишина.

Вѣтеръ прекратился. Передо мною открылся широчайшій видъ на озеро, поверхность котораго сдѣлалась гладкою, зеркальною. Оно, впрочемъ, не отличалось жизненностью; только пеликаны тутъ и тамъ плавали на его поверхности и, освѣщаемые яркими лучами вечерняго солнца, казались бѣлоснѣжными и принимали, въ силу освѣщенія и прозрачности воздуха, чудовищно-большіе размѣры. Все мѣсто, начиная отъ нашего стана до того пункта, гдѣ я находился и еще нѣсколько далѣе, — самое возвышенное на всемъ юго-западномъ берегу озера, потому оно и носитъ киргизское названіе Джеръ-суатъ, что̀ значитъ — высокій берегъ. Вся остальная часть береговъ, какъ по сю, такъ и по ту сторону Сассыкъ-Куля, низменна и болотиста; съ пункта моего наблюденія я могъ усмотрѣть ту широкую ленту камышей, которая опоясываетъ озеро по эту его сторону. Противоположный берегъ не представлялъ, по своему низменному характеру и отдаленію, явственныхъ очертаній, кромѣ горнаго хребта, который начинаетъ за нимъ громоздиться. Изъ двухъ острововъ среди озера, особенно красиво выступалъ изъ-подъ воды Аралъ-Тюбе, лежавшій къ сѣверо-западу отъ насъ. Благодаря зеркальности воздуха, онъ принималъ различныя очертанія, — то казался въ видѣ башни, то выступалъ зубчатой или гранчатой стѣной. Даже камыши на берегахъ, лежавшихъ къ западу отъ меня, казались стѣнами или лѣсомъ, рѣзко выступавшимъ надъ водою.

По пріѣздѣ казаковъ, спустились внизъ оврага за добычей и нашли въ камышѣ большую старую матку кабана; съ трудомъ выволокли ее на верхъ обрыва. Животному можно было дать пудовъ 7—8 вѣсу. Мы нашли въ немъ двѣ пули: одна разбила поясничные позвонки, другая, ударивъ нѣсколько ниже поясницы, прошла черезъ внутренности и остановилась подъ кожей на передней части груди.

Когда я захотѣлъ пить и отправился къ озеру, чтобъ достать воды, то былъ пораженъ въ камышахъ невыносимымъ запахомъ затхлости и гнили. Вслѣдствіе этого запаха гнили въ камышахъ около Сассыкъ-Куля, озеро и получило свое названіе, такъ какъ *сассыкъ-куль* зна-

читъ *гнилое озеро*. Отвратительнымъ запахомъ гнили былъ зараженъ въ камышахъ не только воздухъ, но и вода.

Отправились осматривать камыши, какъ около того мѣста, гдѣ была убита самка, такъ и далѣе, — но нигдѣ никакого движенія. Думали, что, можетъ быть, компаньоны убитой вышли изъ этого камыша и перебрались въ другой, ближайшій, перейдя небольшой перешеекъ, лишенный камыша. Осмотрѣли мы и здѣсь мѣсто, — но никакихъ слѣдовъ не нашли. Берегъ выдался съ мелкимъ пескомъ, съ плотной мягкой почвой, и мы рѣшились покупаться. Не утерпѣлъ даже Петръ, который боялся купанья въ озерныхъ водахъ, потому что однажды, во время купанья, около ногъ его обвилась змѣя. Въ нѣкоторыхъ средне-азіятскихъ озерахъ водяныхъ змѣй такъ много, что когда рыбаки тащутъ неводъ, то онѣ цѣлыми десятками шныряютъ подъ ногами. Но змѣи эти ничто иное, какъ совершенно безвредные ужи.

Когда мы кончили купаться, солнышко уже сѣло за горизонтъ. Сейчасъ, послѣ заката, кабаны поднялись и начали показываться около помятыхъ мѣстъ, затѣмъ шли въ глубину камыша; но сдѣлалось уже такъ темно, что трудно было опредѣлить, гдѣ находились животныя. Довольные, однакоже, этого дня результатами, мы двинулись къ нашему стану, гдѣ около разведеннаго огонька, за чаемъ и ужиномъ, пошли оживленныя бесѣды.

Ночь прошла для насъ не благополучно: при первыхъ попыткахъ уснуть, мы потерпѣли неудачу: комары, которыхъ уже и днемъ было достаточно, появились къ ночи въ такомъ изобиліи, что носились буквально цѣлыми тучами. Никакими силами нельзя было спастись отъ того, чтобъ назойливое насѣкомое не пролѣзло подъ одѣяло, подъ одежду и не достигло бы своей цѣли. Между тѣмъ укушеніе его чрезвычайно жгуче, рѣзко и ядовито. Такой рѣзкой боли, какъ отъ укушенія здѣшнихъ комаровъ, я не испыталъ ни отъ какихъ другихъ, ни въ Восточной Сибири, ни въ Россіи, ни даже отъ комаровъ въ тундрахъ глубокаго Сѣвера. Совершенно измученные, мы едва получили возможность сомкнуть глаза передъ восходомъ солнца, т. е. тогда, когда уже нужно было подниматься, въ виду предположенной съ вечера охоты на кабановъ. Вслѣдствіе этого, мы появились у мѣста обитанія кабановъ только въ семь часовъ, но это было слишкомъ поздно. Толстокожія уже улеглись, и мы занялись ловлей змѣй. Тутъ же, на обрывѣ, въ какихъ-нибудь полчаса, на протяженіи какихъ-нибудь пятидесяти саженей, мы добыли шесть штукъ ядовитыхъ гадюкъ подъ кустами хармыка и другихъ солянковыхъ растеній.

Къ небогатой млекопитающими фаунѣ здѣшняго края нужно прибавить видъ небольшаго зайца, котораго мы видѣли иногда пробѣгающимъ по обрыву и скрывающимся въ оврагахъ. Далѣе, уже въ степи, охотясь за ящерицами, находили слѣды барсука, который выходилъ по ночамъ и рылся въ землѣ.

На Сассыкъ-и Ала-Кулѣ тигръ рѣдокъ; озера славятся больше барсами, съ которыми не рѣдко приходится сталкиваться и человѣку.

Обѣдъ нашъ былъ готовъ. Въ него поступило нѣсколько маринокъ и не вошелъ окунь. Здѣсь мы добыли сѣтями и неводомъ именно только два этихъ вида рыбъ. Вообще, бассейны средне-азіятскихъ озеръ, совершенно замкнутые, не имѣющіе стока въ океаны, заключаютъ въ себѣ своеобразную рыбную фауну, совершенно отличную отъ рыбъ, водящихся въ рѣкахъ Сѣверной Азіи и Европы. Къ общимъ родамъ съ нашими принадлежитъ окунь, но онъ составляетъ совершенно особенный видъ (Perca Schrenckii Kesel); цвѣтомъ онъ бѣлый и напоминаетъ больше судака; рыло его болѣе хищническое и зубастое, чѣмъ у нашего вида. Кромѣ того, въ бассейнѣ Сассыкъ-Куля, какъ и во многихъ другихъ озерахъ, водятся османы или нагорцы (Diptichus), рыбы величиною съ плотву, но нѣсколько болѣе вытянуты въ длину; вмѣстѣ съ ними встрѣчаются своеобразныя формы гольяновъ или выгоновъ (Diplophysa). Эти два рода рыбъ имѣютъ въ рѣкахъ, впадающихъ въ Сассыкъ-куль, своихъ представителей различныхъ видовъ. Но безспорно, одною изъ самыхъ характерныхъ формъ рыбъ,

вмѣстѣ съ бѣлымъ окунемъ, является здѣсь маринка (Schizo thorax), имѣющая наибольшее экономическое значеніе; она принадлежитъ къ семейству карповыхъ, изъ которыхъ наиболѣе приближается къ усачу. Она достигаетъ до $^1/_2$ аршина длины, покрыта довольно мелкой и плотной чешуей и въ этомъ отношеніи напоминаетъ нѣсколько рыбъ лососевыхъ, частію напоминаетъ и линя. Икру она имѣетъ крупную и мечетъ ее весной; но по отношенію къ икрѣ она и является рыбой своеобразной: икра ея — ядовита. Для людей непривычныхъ, достаточно попробовать съѣсть небольшое количество ея икры, чтобы подвергнуться жестокимъ страданіямъ, какъ отъ отравы; часто бываетъ дѣйствіе икры даже смертельнымъ. Люди, въ первый разъ явившіеся въ этотъ край и наѣдавшіеся икрой, помирали десятками, какъ это разъ случилось съ проходившими здѣсь солдатами. Но мясо маринки не считается вреднымъ; рыба эта составляетъ здѣсь предметъ промысла.

Послѣ обѣда, мы отправились въ дорогу, къ устьямъ р.р. Тентека и Чинджели. Дорога шла по степи, совершенно подобной той, по которой мы пришли къ Сассыкъ-Кулю, съ тою лишь разницей, что теперь у насъ постоянно лежали влѣво камыши и болото. Намъ пришлось, затѣмъ, ѣхать по окраинамъ этихъ болотъ, гдѣ выступило много солончаковъ. Коснулись камышей, съ цѣлью пересѣчь ихъ въ одномъ мѣстѣ; но попытка пересѣчь болото не удалась, — мы попали въ солончакъ, завязили телѣгу и должны были направиться въ сторону.

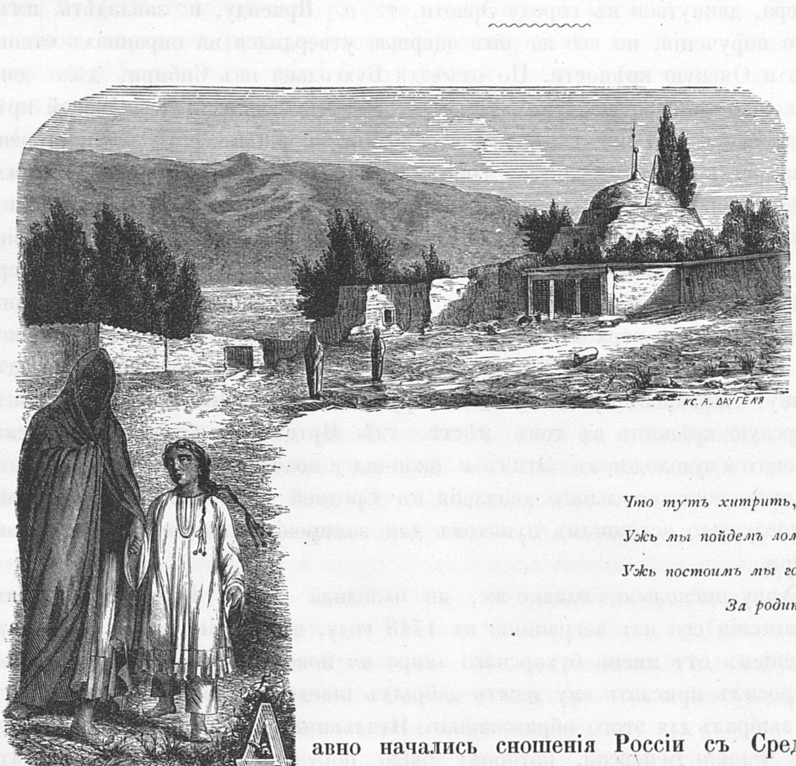
Здѣсь лично со мной случилось не совсѣмъ ладно. Послѣ того, какъ я выпилъ немного воды изъ имѣвшагося съ нами мѣшка, я почувствовалъ сначала тяжесть въ головѣ, затѣмъ началось головокруженіе, тошнота и, наконецъ, сильное разстройство желудка. Я едва сидѣлъ на конѣ. Припадки повторялись черезъ каждую версту или двѣ ходу. Между тѣмъ уже вечерѣло; каравану нужно было торопиться къ водѣ. Идти мнѣ пѣшкомъ было невозможно, чтобъ не запоздать, а сидѣть на лошади — стоило немалыхъ усилій. Въ глазахъ мутилось. Съ наступленіемъ темноты, мы въѣхали въ мѣстность, заросшую высокой травой — чіемъ (Lasaeogrostis). Чій казался мнѣ въ формѣ прекрасныхъ хлѣбныхъ полей. Наконецъ, достигли воды. Когда еще не успѣли справиться съ лошадями, я сунулся на разостланный мнѣ войлокъ и заснулъ мертвымъ сномъ, такъ что спутники мои не могли меня добудиться. Этими припадками я обязанъ былъ ухѣ изъ маринки, которая, однако же, для всѣхъ другихъ моихъ спутниковъ не имѣла никакихъ дурныхъ послѣдствій; говорятъ, надо привыкнуть къ рыбѣ.

На другой день я пробудился совершенно здоровый. Было прелестное ясное утро. Намъ пришлось ѣхать только частію по степи, большую же часть по лугамъ, въ виду поселеній. Наконецъ, недалеко отъ долины р. Чинджели остановились въ одномъ киргизскомъ аулѣ на отдыхъ. Старшина аула, почтенный Киргизъ, обрадовался нашему пріѣзду и пригласилъ насъ въ гости въ сосѣдній аулъ, гдѣ были скачки. Сотни всадниковъ, мужчинъ и женщинъ, стариковъ и дѣтей, въ пестрыхъ нарядахъ, крики, гиканье составили совершеннѣйшій контрастъ съ однообразной и молчаливой степью, изъ которой мы только-что выѣхали.

И. Поляковъ.

ОЧЕРКЪ XII.

ИСТОРИЧЕСКІЙ ОБЗОРЪ ОТНОШЕНІЙ РОССІИ КЪ ТУРКЕСТАНУ.



Что тутъ хитрить, пожалуй къ бою!
Ужъ мы пойдемъ ломить стѣною,
Ужъ постоимъ мы головою
За родину свою!

ЛЕРМОНТОВЪ.

Перевязочный пунктъ подъ Ходжентомъ.

Давно начались сношенія Россіи съ Средней Азіей. Въ первомъ очеркѣ было уже указано, въ какую отдаленную историческую эпоху русскій людъ началъ прокладывать себѣ путь въ Среднеазіятскія страны. Вскорѣ послѣ покоренія Сибири и занятія береговъ рѣки Урала, къ концу XVII вѣка, русское правительство пришло, въ силу политическихъ обстоятельствъ, въ соприкосновеніе съ народами и государствами Средней Азіи. Соприкосновеніе это сдѣлалось особенно ощутительнымъ со временъ Петра I, когда и проявилось характерно стремленіе на востокъ. Петръ провидѣлъ ту роль, какую Россія должна будетъ играть въ судьбѣ среднеазіятскихъ народовъ. Торговые и политическіе интересы заставляли наше правительство настойчиво заботиться о прочномъ и правильномъ устройствѣ нашихъ

азіятскихъ границъ, которыя постоянно нарушались кочевавшими въ нихъ Киргизскими ордами, а впослѣдствіи и Среднеазіятцами. Торговый путь въ Индію занималъ умъ Великаго Преобразователя Россіи, и это было причиною, къ несчастію, неудавшейся, но хорошо задуманной экспедиціи Бековича въ Хиву. Еще ранѣе этой экспедиціи, въ 1700 году, къ Петру Великому прибылъ въ Москву посланецъ хивинскаго хана Шаніаза съ просьбою принять его со всѣмъ Хивинскимъ народомъ подъ великую руку московскаго царя, на что Петромъ и было изъявлено согласіе граматою, отъ 30 іюля того-же года, подтвержденное новою граматою 1703 года, на имя наслѣдника Шаніаза, Аранъ-Мамета. Дѣло этимъ пока и ограничилось, по причинѣ занимавшей тогда царя борьбы съ Швеціею. Неудачный исходъ Прутскаго похода и потеря Азовскихъ портовъ заставили Петра Великаго снова заняться среднеазіятскимъ вопросомъ и обратили его вниманіе на прикаспійскія страны и сибирскія окраины.

Имъ отправлены были двѣ экспедиціи: со стороны Сибири, подъ начальствомъ капитана Бухгольца, а со стороны Каспійскаго моря—подъ управленіемъ князя Бековича-Черкасскаго. Печальный исходъ экспедиціи Бековича хорошо извѣстенъ уже читателямъ. Что же касается экспедиціи Бухгольца, то она все-таки имѣла нѣкоторый успѣхъ и положила начало нашему поступательному движенію въ Среднеазіятскія степи. Бухгольцъ, которому поручено было построить крѣпость у Ямышева озера, двинуться къ городу Эркети, т. е. Яркенду, и завладѣть имъ, хотя не выполнилъ этого порученія, но все же онъ впервые утвердился на окраинахъ степи, построивъ Ямышевскую и Омскую крѣпости. По отъѣздѣ Бухгольца изъ Сибири, дѣло движенія Русскихъ въ степь не остановилось. Въ 1717 году, вслѣдъ за основаніемъ Омской крѣпости, было устроено на берегу Иртыша укрѣпленіе Желѣзнинское, а въ 1718 году построена была Семипалатинская крѣпость, нынѣ областной городъ Семипалатинскъ. Смѣнившій князя Гагарина, бывшаго губернаторомъ Сибири и за лихоимство повѣшеннаго въ Петербургѣ, передъ Сенатомъ, генералъ Лихаревъ дѣятельно продолжалъ движеніе Русскихъ въ глубь Азіи. Лихаревъ, съ отрядомъ въ 500 человѣкъ, въ 1725 году проникнулъ по Иртышу до озера Норъ-Зайсана, откуда вытекаетъ Иртышъ, поднялся вверхъ по Черному Иртышу, притоку озера Норъ-Зайсана, составляющему верховье Иртыша, но далѣе двигаться было не возможно: отрядъ былъ не большой и Калмыки принудили Лихарева повернуть назадъ. Вернувшись къ Иртышу, Лихаревъ усилилъ линію русскихъ укрѣпленій по этой рѣкѣ, заложивъ Усть-Каменогорскую крѣпость въ томъ мѣстѣ, гдѣ Иртышъ выходитъ изъ ущелій Алтайскихъ горъ и становится судоходнымъ. Этимъ и окончился походъ въ Яркендъ, имѣвшій все-таки значеніе для нашего поступательнаго движенія въ Средней Азіи, такъ какъ устройство Иртышской линіи послужило исходнымъ пунктомъ для замиренія и покоренія Киргизской степи, со стороны Сибири.

Неудача похода въ Хиву нисколько, однако-же, не охладила Петра I къ среднеазіятскимъ дѣламъ. По возвращеніи его изъ заграницы въ 1718 году, въ Россію прибылъ бухарскій посолъ съ поздравленіемъ отъ имени бухарскаго эмира по поводу побѣдъ надъ Шведами; вмѣстѣ съ тѣмъ эмиръ просилъ прислать ему десять добрыхъ шведскихъ лошадей и разумнаго человѣка. Петръ Великій выбралъ для этого образованнаго Итальянца, служившаго секретаремъ въ посольскомъ приказѣ, Флоріо Беневени, которому было поручено государемъ развѣдать хорошенько о золотыхъ розсыпяхъ близъ Яркенда и вмѣстѣ съ тѣмъ утвердить русское вліяніе въ Бухарѣ. Направившись черезъ Закавказье и Персію, Беневени, послѣ долгихъ задержекъ въ пути, прибылъ въ Бухару только въ 1721 году, гдѣ нашелъ положеніе дѣлъ крайне запутаннымъ. Эмиръ, окруженный Узбеками, едва держался на престолѣ, потому что междоусобица царила въ странѣ. Беневени, несмотря на трехлѣтнее пребываніе въ Бухарѣ, не могъ заключить съ бухарскимъ правительствомъ никакого договора. Послѣ всякаго рода бѣдствій и затрудненій, Беневени выѣхалъ изъ Бухары; на дорогѣ онъ едва не попалъ въ руки туркменскихъ разбойниковъ, а потому снова вернулся въ Бухару, куда хивинскій ханъ неодно-

кратно посылалъ къ нему своихъ посланцовъ. Боясь, что Бухарцы снова задержатъ его, онъ воспользовался приглашеніемъ хивинскаго хана и тайно бѣжалъ въ Хиву, куда и прибылъ 14 апрѣля 1725 года. Беневени и здѣсь испыталъ ту же участь, что и въ Бухарѣ. Хотя ханъ обходился съ нимъ ласково, но его приближенные мѣшали ему отправиться въ путь. Беневени тайно бѣжалъ изъ Хивы; въ августѣ достигъ Гурьева (прикаспійскій городъ на Уралѣ) и затѣмъ прибылъ въ Астрахань.

Хотя миссія Беневени въ политическомъ отношеніи не удалась, но онъ успѣлъ собрать довольно подробныя свѣдѣнія о минеральныхъ богатствахъ Средней Азіи и о прежнемъ теченіи Аму-Дарьи.

Кромѣ Хивинцевъ и Бухарцевъ, ханы киргизскихъ ордъ, занимавшихъ обширныя Киргизскія степи, также неоднократно обращались къ Петру Великому, съ просьбою принять ихъ въ свое подданство, но смерть великаго государя остановила на время это дѣло. Въ 1730 году, ханъ Малой орды Абулъ-Каиръ послалъ просить о принятіи его владѣній въ подданство Россіи. Воспользовавшись этимъ случаемъ, русское правительство послало въ степь мурзу Тевкелева, который своею дипломатическою ловкостью привелъ къ присягѣ, въ 1732 г., не только всю Малую орду, но и обитавшихъ тогда на низовьяхъ Сыръ-Дарьи Каракалпаковъ. Въ 1734 году приняла русское подданство и Средняя орда. Вслѣдствіе этихъ событій, пришлось перенести русскую военную границу далѣе на югъ. Такимъ образомъ, Омскъ на Иртышѣ и Уральскъ на рѣкѣ Уралѣ вскорѣ соединились между собою станицами, заселенными казаками, и форштадтами по берегамъ рѣкъ Урала, Уя и по дорогѣ отъ города Троицка въ Омскъ. Въ инструкціи, данной Кирилову, управлявшему восточной окраиной Россіи, говорилось даже объ устройствѣ пристани и учрежденіи военнаго судоходства на Аральскомъ морѣ. Но это осталось невыполненнымъ по причинѣ безпорядковъ въ степи, тѣмъ болѣе, что принявшіе наше подданство Каракалпаки, притѣсняемые Киргизами, вынуждены были откочевать съ низовьевъ Сыръ-Дарьи въ хивинскіе и бухарскіе предѣлы.

Во все остальное время XVII вѣка дѣла наши въ Киргизскихъ степяхъ и, вообще, въ Среднеазіятскихъ владѣніяхъ находились въ застоѣ. Принимались кое-какія полумѣры по части умиротворенія степи, но онѣ не приносили никакой существенной пользы: всѣ такъ называемыя пограничныя коммисіи и экспедиціи служили только препятствіемъ для полнаго присоединенія и успокоенія степей и—дѣла не подвинули впередъ ни на волосъ. Киргизы враждовали между собою, въ средѣ ихъ появились батыри, волновавшіе населеніе противъ хановъ, нелюбимыхъ народомъ, но поддерживаемыхъ русской администраціей; начались разбои, грабежи и всякаго рода неустройства. Хивинцы и частію Коканцы стали вмѣшиваться въ дѣла Киргизовъ и не упускали случая поживиться на ихъ счетъ. Словомъ, въ степяхъ наступила неурядица. Въ 1810 году, къ русскимъ предѣламъ присоединена была часть киргизскихъ земель между рѣками Илекомъ и Бердянкою; въ Илецкомъ районѣ, столь богатомъ солью, начали селиться Русскіе. Въ 1812 г., киргизскій ханъ Букей, желая возвыситься, уговорилъ до семи тысячъ кибитокъ Киргизовъ перекочевать за Уралъ, въ Астраханскія степи, гдѣ и положилъ начало Внутренней или Букеевской ордѣ.

Въ 20-хъ и 30-хъ годахъ нынѣшняго столѣтія, всѣ мѣры, принимаемыя правительствомъ, несмотря на кажущуюся ихъ энергичность, не привели ни къ какимъ положительнымъ результатамъ; напротивъ, баранта, волненія и разбои въ степяхъ усилились; караваны, несмотря на военныя прикрытія, грабились по прежнему; воздвигнутые новые форты и укрѣпленія не укрощали грабителей. Въ 1825 г., огромный торговый караванъ, сопровождаемый отрядомъ изъ 625 человѣкъ, при двухъ орудіяхъ, во время переправы черезъ рѣку Яны-Дарью, былъ окруженъ враждующими съ нами Киргизами и приставшими къ нимъ Хивинцами; въ теченіе двухъ недѣль отрядъ отбивался отъ нападеній; въ концѣ концовъ, побросавъ свои товары, на сумму до полумилліона рублей, вернулся назадъ, при чемъ убытку было понесено до 600,000

рублей. Увозъ же плѣнныхъ, какъ съ Уральской линіи, такъ равно и съ береговъ Каспійскаго моря, не только не прекращался, но ежегодно превосходилъ двѣсти человѣкъ. Плѣнныхъ продавали на хивинскомъ рынкѣ. Расходы по выкупу плѣнныхъ доходили иногда до 20,000 р. въ годъ. Какъ велика была дерзость хищниковъ, можно судить по тому, что весною 1836 года, во время управленія Оренбургскимъ краемъ Перовскимъ, взятъ былъ въ плѣнъ смотритель казенныхъ Эмбенскихъ рыболовныхъ промысловъ; осенью того же года захваченъ былъ въ плѣнъ командиръ четырехъ-пушечнаго бота, со всею командою, пушками и самимъ ботомъ.

Мы не будемъ вдаваться здѣсь въ подробности о волненіяхъ Киргизовъ въ 30-хъ годахъ, о чемъ было уже разсказано выше (въ очеркѣ о Малой и Средней ордѣ). Просто изумительно, до чего доходила дерзость Хивинцевъ. Въ Оренбургъ былъ присланъ изъ Хивы смотритель таможеннаго сбора, для объявленія русскимъ и бухарскихъ купцамъ, что караваны ихъ непремѣнно будутъ разграблены, если не направятся черезъ Хиву. Хивинскій ханъ не обращалъ никакого вниманія на заключенные съ нимъ торговые договоры, и недостатокъ энергіи со стороны русскихъ властей приписывалъ слабости Россіи. Съ Хивою русское правительство сносилось черезъ посланцовъ и послѣ Петра Великаго. Такъ, въ 1731 г., туда былъ посланъ для переговоровъ полковникъ Герценбергъ, но его Хивинцы не пропустили въ Хиву и даже ограбили на возвратномъ пути. Въ 1741 году, въ Хивѣ были поручикъ Гладышевъ, геодезистъ Муравинъ и инженеръ Назимовъ, прибывшіе туда, по просьбѣ хана Абулъ-Каира, для изслѣдованія Киргизской степи. Въ теченіе XVII вѣка, въ Хивѣ царствовало нѣсколько хановъ, признававшихъ русское подданство. Въ 1793 году былъ посланъ въ Хиву докторъ Бланкенагель, для излѣченія глазъ хана, бѣжавшій тайно изъ Хивы къ Туркменамъ на Мангишлакъ, такъ какъ Хивинцы хотѣли его убить. Бланкенагель представилъ записку о Хивинскомъ оазисѣ, гдѣ высказалъ ошибочный взглядъ о возможности направить теченіе рѣки Аму по прежнему ея руслу въ Каспійское море. Въ 1819 году, командующій на Кавказѣ генералъ Ермоловъ посылалъ для описи восточнаго берега Каспійскаго моря капитана Муравьева, съ цѣлію избранія удобнаго мѣста для постройки тамъ крѣпости, причемъ Муравьевъ ѣздилъ въ Хиву убѣждать хана, чтобы торговля направлялась через этотъ пунктъ. Въ этомъ же году было отправлено въ Бухару посольство русское подъ начальствомъ Негри, съ цѣлію заключенія торговаго договора. Оба эти предпріятія кончились неудачно. Муравьевъ былъ заключенъ въ тюрьму, гдѣ и пробылъ полтора мѣсяца.

Наконецъ, терпѣніе русскаго правительства истощилось. Въ 1836 году послѣдовало повелѣніе о задержаніи на нашей линіи и въ Астрахани всѣхъ хивинскихъ купцовъ, чтобы добиться освобожденія нашихъ плѣнныхъ изъ Хивы. Но это не помогло. Лишь тогда, когда Перовскій сталъ готовиться къ походу въ 1839 году, ханъ возвратилъ 80 человѣкъ русскихъ плѣнныхъ, изъ числа 152 человѣкъ, захваченныхъ Хивинцами въ этомъ году. Походъ Перовскаго, задуманный въ широкихъ размѣрахъ и стоившій казнѣ многіе милліоны рублей, былъ крайне неудаченъ и бѣденъ по своимъ результатамъ. Мы лишились при этомъ болѣе 1,000 человѣкъ солдатъ, недостигнувъ даже и границъ Хивинскаго ханства. Походъ предпринятъ былъ зимою. Стужа, снѣжныя вьюги, недостатокъ топлива производили ужасное дѣйствіе въ огромномъ отрядѣ Перовскаго, доходившемъ до 6,000 войска и прислуги. Съ нуждою и трудностями похода возрастала болѣзненность въ войскахъ. По приходѣ отряда въ выстроенное, за годъ до похода, на половинѣ пути въ Хиву, Чушкакульское укрѣпленіе, боевая сила уменьшилась до 1,850 человѣкъ; остальные или лежали больными, или умерли отъ невзгодъ и трудностей пути. Двигаться далѣе Перовскій счелъ безразсуднымъ, и 1 февраля 1840 года онъ началъ отступленіе, которое было столь же бѣдственно, какъ и наступленіе; отрядъ прибылъ въ Оренбургъ 1 іюля 1840 года. Однако, эта неудача заставила наше правительство готовиться къ новому походу въ Хиву, что и побудило хивинскаго хана сми-

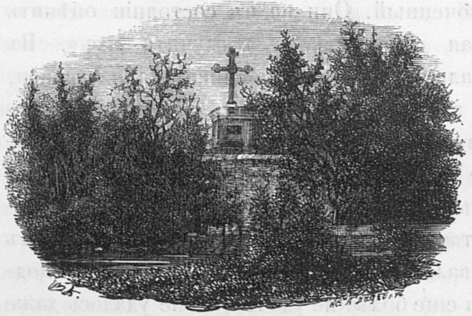
риться. Прибывшій лѣтомъ 1840 года хивинскій посланецъ привелъ изъ Хивы 420 человѣкъ русскихъ плѣнныхъ, причемъ хивинскій ханъ издалъ повелѣніе, которымъ запрещалось не только ловить Русскихъ, но даже и покупать ихъ. Эта покорность Хивы снова заставила наше правительство дѣйствовать на Среднеазіятцевъ дипломатическимъ путемъ.

Въ 1841 г. были посланы: въ Хиву капитанъ Никифоровъ, въ Бухару — горный инженеръ маіоръ Бутеновъ. При всей энергіи Никифорова, внушавшаго къ себѣ уваженіе Хивинцамъ, ничего изъ этого посольства не вышло. Это еще разъ подтвердило, что никакія дипломатическія сношенія съ Среднеазіятцами невозможны, если они не опираются на вооруженную силу, что̀ прекрасно выражено Никифоровымъ въ его письмѣ къ Перовскому. «Ханъ и его чиновники, — говоритъ Никифоровъ, — чужды всякаго понятія о политическихъ переговорахъ, они не понимаютъ слова: уполномоченный. Они не въ состояніи оцѣнить кроткихъ мѣръ сношеній, но трепещутъ силы, которая одна можетъ вразумить ихъ». Въ 1841 году въ Хиву послана была депутація, подъ начальствомъ подполковника Данилевскаго, успѣвшая послѣ трехъ-мѣсячнаго пребыванія въ Хивѣ заключить съ ханомъ Рахимомъ договоръ. При возвращеніи этой миссіи въ Россію, ханъ отправилъ въ Петербургъ своего посла, который былъ весьма щедро одаренъ и увезъ богатые подарки своему хану и его главнымъ чиновникамъ. Но договоръ, заключенный Данилевскимъ, былъ мертвою буквою; Хивинцы попрежнему вмѣшивались въ дѣла степи, покровительствовали мятежникамъ, возбуждали ихъ противъ Россіи; шайки хивинскихъ грабителей прорывались за Сыръ-Дарью и грабили подвластныхъ намъ жителей степи. Миссія Бутенова была еще болѣе не удачна, — не удалось даже заключить и такой договоръ, какой былъ заключенъ Данилевскимъ съ Хивою.

Такимъ образомъ, всѣ старанія русскаго правительства достигнуть какихъ-нибудь положительныхъ результатовъ съ сосѣдними ханствами не увѣнчались успѣхомъ. Заступившій мѣсто Перовскаго, генералъ Обручевъ, первый изъ русскихъ администраторовъ Оренбургскаго края увидалъ, что продолжать старую систему управленія степью нельзя; онъ рѣшилъ вынести русскія укрѣпленія внутрь степи. Такимъ образомъ, основаны были Тургайское и Оренбургское укрѣпленія. Ново-Александровскій фортъ былъ перенесенъ съ безплодныхъ и малодоступныхъ береговъ залива Мертвый-Култукъ на берегъ лучшей бухты, близъ мыса Тюкъ-Караганъ. Въ этомъ мѣстѣ укрѣпленіе приносило пользу, охраняя тюленьщиковъ и рыболововъ, пріѣзжающихъ сюда на промыслы. Въ 1847 году, для прекращенія хивинскихъ набѣговъ, основано было близъ устья Сыръ-Дарьи Раимское укрѣпленіе. Въ слѣдующемъ году появились на Аральскомъ морѣ двѣ казенныя шхуны и выстроенъ былъ Косъ-Аральскій фортъ, который, за безполезностью, былъ упраздненъ въ 1854 году. Въ 1849 г. Обручевъ сталъ заселять степь казаками; при устроенныхъ въ степи фортахъ стали возникать казачьи слободки. Всѣ эти мѣры имѣли хорошее вліяніе на степныхъ кочевниковъ; порядокъ сталъ водворяться и набѣги на наши границы, особенно же захватъ людей, почти совсѣмъ прекратились. Однако Раимское укрѣпленіе не могло совершенно прекратить вторженія въ наши владѣнія другаго среднеазіятскаго народа — Коканцевъ (т. е. обитателей Туркестанскаго края), да и самые Хивинцы, время отъ времени, чрезъ эмиссаровъ, старались возбуждать волненія въ южной части степи. Въ виду этого, Обручевъ находилъ необходимымъ осуществить мысль Петра I, т. е. занять Хиву, что̀ теперь могло быть исполнено гораздо легче, такъ какъ базисомъ экспедиціи послужило бы Раимское укрѣпленіе; кромѣ того, на Аральскомъ морѣ, помимо двухъ шхунъ, появились два казенные парохода, съ выдвижными килями, приспособленные такъ, что на нихъ можно плавать и по рѣкѣ, и по морю. Наконецъ, въ 1848 и 1849 годахъ начались изслѣдованія Аральскаго моря.

Въ 1851 году Обручевъ подалъ записку, въ которой изложилъ планъ обузданія Хивинцевъ и степныхъ кочевниковъ. Записка эта была отдана на просмотръ Перовскому и подверглась безпощадной критикѣ. Обручевъ былъ вскорѣ смѣненъ, и на его мѣсто назначенъ

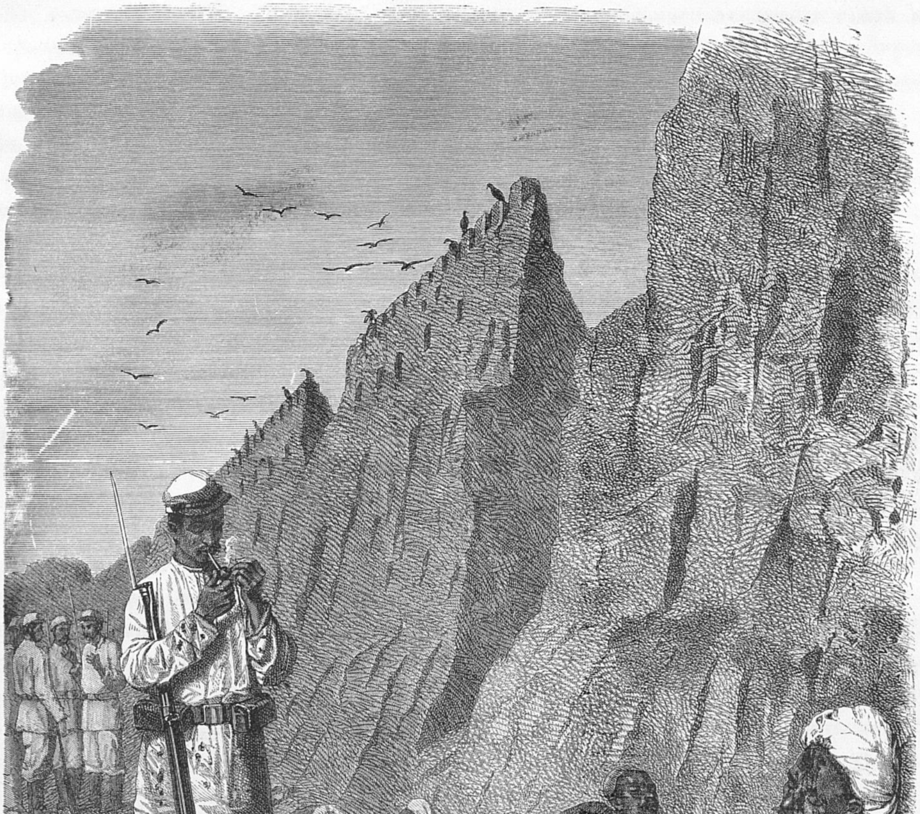
Перовскій. Перовскій обратилъ главное вниманіе на Коканъ. По прибытіи на мѣсто, онъ отправилъ въ 1852 году отрядъ полковника Бларанберга для занятія коканской крѣпости Акъ-Мечети на рѣкѣ Сырѣ. Но, взявъ двѣ коканскія крѣпостцы — Кумышъ и Чимъ-Курганы, Бларанбергъ былъ отбитъ отъ Акъ-Мечети. Въ 1853 году Перовскій, съ отрядомъ въ 2,200 человѣкъ, при 12 орудіяхъ, пошелъ на Акъ-Мечеть, разбилъ коканскій отрядъ подъ стѣнами этого укрѣпленія и взялъ его штурмомъ. Идя изъ Раима къ Акъ-Мечети, Перовскій заложилъ два укрѣпленія: Казалинскъ (при истокѣ изъ Сыръ-Дарьи рукава ея Казалы) и Фортъ № 2; на мѣстѣ же Акъ-Мечети онъ заложилъ Фортъ Перовскій, нынѣ городъ Перовскъ. Два года спустя, Раимское укрѣпленіе переведено было въ Казалинскъ, гдѣ предполагали имѣть хорошую гавань, что, впрочемъ, не осуществилось. Такимъ образомъ, теченіе рѣки Сыръ-Дарьи отъ устья до Акъ-Мечети было занято; въ этомъ случаѣ Перовскій дѣйствовалъ именно по плану Обручева, находившаго необходимымъ также занять нижнее теченіе рѣки Сыра, прежде похода на Хиву.



Памятникъ убитымъ при Акъ-Мечети.

Шайки обитателей нынѣшней Туркестанской области сначала нападали на наши укрѣпленія, но отбитыя повсюду—успокоились. Хивинцы же очистили свою крѣпостцу Хаджа-Ніазъ, находящуюся близъ нашей линіи на Куванъ-Дарьѣ. Но волненія въ степи все-таки продолжались. Въ 1857 г. Перовскаго смѣнилъ Катенинъ, которому пришла несчастная мысль — обратить Киргизовъ въ земледѣльцевъ. Этотъ планъ совершенно не удался какъ по отвращенію Киргизовъ отъ осѣдлости, такъ и по причинѣ слишкомъ большихъ денежныхъ затратъ, необходимыхъ на устройство искусственнаго орошенія. Въ 1857 году Бухарцы и Хивинцы отправили посланцовъ для принесенія поздравленія съ восшествіемъ на престолъ Императора Александра II. Воспользовавшись этимъ случаемъ, русское правительство отправило миссію, подъ начальствомъ полковника Игнатьева въ Хиву и Бухару, для заключенія съ ними торговыхъ договоровъ. Но всѣ усилія Игнатьева не привели ни къ чему, доказавъ еще разъ, что съ Среднеазіятцами сладить невозможно путемъ дипломатіи, безъ вооруженной силы. Преемникъ Катенина, генералъ Безакъ, для охраненія Киргизовъ, занимавшихся земледѣліемъ въ окрестностяхъ Перовска, приказалъ разрушить крѣпостцу Джулекъ, на берегу Сыра, и на мѣстѣ ея построить русскій фортъ Джулекъ. Со стороны Сибири, Русскіе также подвигались съ каждымъ годомъ въ глубину степи. Въ 1831 году, для Киргизовъ изданъ былъ новый уставъ и учреждены два приказа: Аягузскій и Учъ-Булакскій, а въ 1833 году—Баянъ-Аульскій приказъ. Тѣмъ не менѣе, волненія въ степи продолжались; въ виду этого, прибѣгли къ болѣе рѣшительной мѣрѣ — возведенію укрѣпленій. Въ 1835 году воздвигнуты были (теперь уже упраздненныя) укрѣпленія Улутовское и Актовское. Въ 1846 году, кочевавшіе за рѣкою Караталомъ Киргизы Большой орды признали надъ собою власть Россіи, почему для защиты ихъ былъ основанъ городъ Копалъ. Въ 1850 году русскія войска проникли за рѣку Или и въ 1851 году разрушили укрѣпленіе Ткучебекъ, при устьѣ рѣки Алматы. Въ 1854 году было построено укрѣпленіе Алматы, на мѣстѣ котораго нынѣ находится областной городъ Вѣрный. Съ этого времени весь За-илійскій край окончательно былъ занятъ. Для болѣе прочнаго занятія края, при укрѣпленіяхъ поселялись слободы казаковъ и другихъ русскихъ людей, а съ замиреніемъ края поселенія стали возникать и помимо укрѣпленій, образуя выселки, казачьи станицы и слободки. Въ 1854 году образована была Семипалатинская область.

Но обитатели Туркестанскаго края, тѣмъ не менѣе, не унимались. Желая взбунтовать противъ насъ Киргизовъ Большой Орды, недавно подчинившихся Россіи, дѣлали вторженія

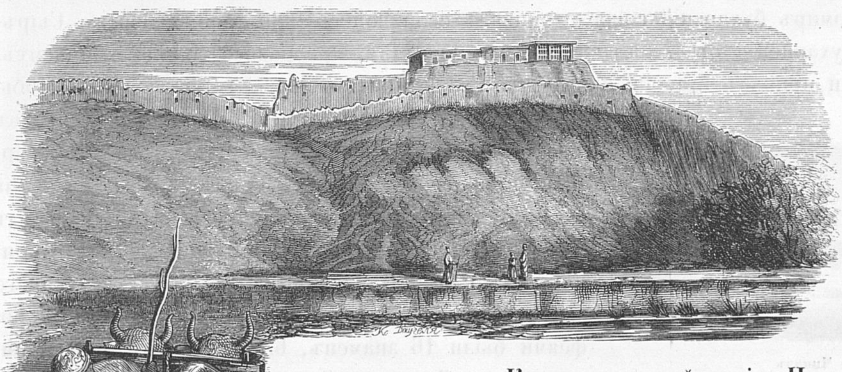


Т. X. После сраженія.

въ наши предѣлы. Въ виду этого, въ 1860 году противъ нихъ были открыты военныя дѣйствія, результатомъ которыхъ было взятіе и разрушеніе двухъ крѣпостей: Токмака и Пишнека, въ долинѣ рѣки Чу. Такимъ образомъ, для окончательнаго замиренія степи и обезпеченія границъ, намъ оставалось только сомкнуть наши линіи,—Чуйскую и Сыръ-Дарьинскую, и тѣмъ положить предѣлъ вторженіямъ въ степь разбойничьихъ отрядовъ изъ Туркестанской области.

Въ 1861 году генералъ Безакъ указалъ на необходимость совмѣстнаго дѣйствія Оренбургскаго и Сибирскаго корпусовъ такимъ образомъ, чтобы они, двигаясь на встрѣчу другъ другу, соединились подъ Ташкентомъ и взяли этотъ городъ. Но проектъ этотъ не былъ одобренъ: опять дѣло ограничилось полумѣрами.

Въ 1863 году произведена была рекогносцировка со стороны Сыръ-Дарьи и взято было укрѣпленіе Яны-Курганъ. Въ 1864 году произошло такъ называемое сомкнутіе границъ, и этотъ годъ положилъ начало нашему занятію Средней Азіи. Оренбургскимъ отрядомъ командовалъ полковникъ Веревкинъ, а Сибирскимъ полковникъ Черняевъ, бывшій такъ недавно еще генералъ-губернаторомъ нашихъ Среднеазіятскихъ владѣній. Веревкинъ взялъ укрѣпленный городъ Туркестанъ, а Черняевъ укрѣпленіе Ауліе-Ата. Подъ Туркестаномъ оба отряда соединились, и общее начальство надъ ними принялъ полковникъ Черняевъ. По занятіи Туркестана возгорѣлась новая война; военныя обстоятельства вынудили Черняева двинуться внутрь Туркестанскихъ владѣній. При урочищѣ Акъ-Булакѣ, на отрядъ капитана Мейера, въ числѣ 400 человѣкъ, при трехъ орудіяхъ, шедшій на соединеніе съ отрядомъ Черняева, напало коканское войско, въ числѣ 12,000 человѣкъ, при нѣсколькихъ орудіяхъ. Два дня Мейеръ геройски отражалъ Коканцевъ, которые, потерявъ до 2,000 человѣкъ убитыми и ранеными и заслышавъ о приближеніи отряда Черняева на выручку Мейера, отступили къ крѣпости Чимкенту. Въ дѣлѣ подъ Акъ-Булакомъ нашъ отрядъ потерялъ до 80 человѣкъ убитыми и ранеными, но побѣдоносно отбилъ въ 25 разъ превышавшія его скопища Коканцевъ. Дѣятельно производившееся Коканцами укрѣпленіе Чимкента заставило Черняева взять этотъ городъ штурмомъ; 21 сентября того же года Чимкентъ былъ взятъ, съ потерею 56 человѣкъ изъ нашего отряда. Въ Чимкентѣ намъ досталось 31 орудіе и много другихъ трофеевъ. Весь гарнизонъ Чимкента бѣжалъ къ Ташкенту.



Цитадель Чимкента.

Послѣ взятія Чимкента Черняевъ сдѣлалъ рекогносцировку къ Ташкенту и попытался взять его силою. Хотя брешь въ стѣнѣ и была пробита, но малочисленный отрядъ, послѣ первой попытки штурма, вынужденъ былъ отступить къ Чимкенту, нетревожимый Коканцами и безъ особыхъ потерь. Между тѣмъ, зимою 1864 года, вооруженныя партіи Коканцевъ собрались въ значительномъ количествѣ подъ предводительствомъ Садыка, и направились къ Туркестану, чтобы отнять его. Неизвѣстно было, въ какомъ числѣ двигаются Ко-

канцы. У деревни Иканъ выставлена была сотня Уральцевъ, подъ начальствомъ есаула Сѣрова. Сотня эта, окруженная многочисленнымъ скопищемъ Коканцевъ, мужественно отбивалась и начала свое знаменитое отступленіе къ городу Туркестану лишь тогда, когда половина защитниковъ Икана была убита или ранена и патроны стали выходить. Отступая съ боемъ, окруженный непріятелемъ Сѣровъ показалъ себя въ этомъ дѣлѣ героемъ, и, соединившись съ высланнымъ къ нему на выручку отрядомъ, онъ окончательно отбился отъ Коканцевъ и вошелъ въ Туркестанъ, къ которому между тѣмъ подошли Коканцы, подъ предводительствомъ Алимъ-Кулы. Отрядъ Сѣрова потерялъ 57 человѣкъ убитыми, остальные всѣ были ранены. Эта безпримѣрно храбрая защита горсти русскихъ воиновъ противъ громаднаго коканскаго скопища, чуть не въ 20,000 человѣкъ, произвела важное моральное дѣйствіе. Коканцы не рѣшились атаковать Русскихъ въ Туркестанѣ и отступили къ берегамъ Сыръ-Дарьи.

Въ слѣдующемъ году Черняевъ, въ виду бухарскихъ происковъ и желанія Бухарцевъ вмѣшаться въ коканскія дѣла и занять Ташкентъ, рѣшилъ предупредить Бухарцевъ и взять этотъ городъ, для чего, въ началѣ мая, двинулся туда съ отрядомъ около 2,000 человѣкъ, при 12 орудіяхъ. Во избѣжаніе большихъ потерь людьми, онъ рѣшился взять прежде крѣпость Ніазбекъ, владѣющую водою Ташкента и устроенную при началѣ канала, несущаго воду рѣки Чирчика въ этотъ городъ. Послѣ кратковременной осады и пораженія вышедшаго изъ Ташкента на помощь Ніазбеку коканскаго отряда, Ніазбекъ сдался на капитуляцію. Здѣсь взято было до 350 плѣнныхъ и 6 орудій. Взявъ Ніазбекъ, Черняевъ отвелъ воду, протекающую въ Ташкентъ и его крѣпости, и перешелъ на позицію Сары-Тюбе, въ 8 верстахъ отъ Ташкента. 9 мая Коканцы, предводительствуемые регентомъ Коканскаго ханства, извѣстнымъ муллою Аминкуломъ, двинулись на Черняева въ значительномъ количествѣ. Коканцы были разбиты на голову, потерявъ два орудія и оставивъ до 300 человѣкъ убитыхъ, въ томъ числѣ былъ смертельно раненъ и мулла Аминкулъ. Тѣмъ не менѣе, Ташкентъ не сдавался. Между тѣмъ эмиръ бухарскій сосредоточивалъ свои войска на лѣвомъ берегу Сыръ-Дарьи; одна партія бухарцевъ, съ Искандеръ-бекомъ во главѣ, пробралась даже въ Ташкентъ, гдѣ Искандеръ-Бекъ и принялъ главное начальство надъ ташкентскимъ гарнизономъ. Чтобы преградить Бухарцамъ путь къ Ташкенту, Черняевъ взялъ крѣпостцу Чиназъ, лежащую близъ устья Чирчика, при переправѣ чрезъ Сыръ-Дарью, а въ ночь съ 14 на 15 іюля взялъ штурмомъ и самый городъ Ташкентъ, имѣвшій до 100,000 жителей, съ гарнизономъ до 30,000 человѣкъ, при чемъ регулярнаго коканскаго войска было до 5,000 человѣкъ. Трофеями были 16 знаменъ, 63 орудія и громадный, многолюдный торговый городъ, одинъ изъ лучшихъ въ Средней Азіи. Гарнизонъ Ташкента бѣжалъ при началѣ штурма, который тѣмъ не менѣе былъ довольно кровопролитнымъ, особенно во время борьбы въ узкихъ улицахъ. Наша потеря при этомъ простиралась до 125 человѣкъ. Въ Ташкентѣ былъ оставленъ гарнизонъ изъ батальона пѣхоты при 10 орудіяхъ и 200 казаковъ, при чемъ Черняевъ, въ виду отдаленности городской цитадели, принялся строить новое укрѣпленіе для защиты города у Комеланскихъ воротъ. Въ Ніазбекѣ и Чиназѣ оставлены были также небольшіе гарнизоны для охраны воды для Ташкента и переправы черезъ Сыръ-Дарью.

Крѣпость Чиназъ.

Осенью 1865 года, генералъ Черняевъ дѣятельно занялся устройствомъ укрѣпленія въ Ташкентѣ, а также и помѣщеній для войскъ, приспособивши и прежнюю его цитадель для этой цѣли. Но спокойствіе въ краѣ, со взятіемъ Ташкента, не водворилось: напротивъ, дѣла еще болѣе запутались, и мы, волей-неволей, втянулись въ войну съ Бухарой, этимъ главнымъ, по силѣ, государствомъ въ Средней Азіи. Бухарцы заняли всю правую сторону рѣки

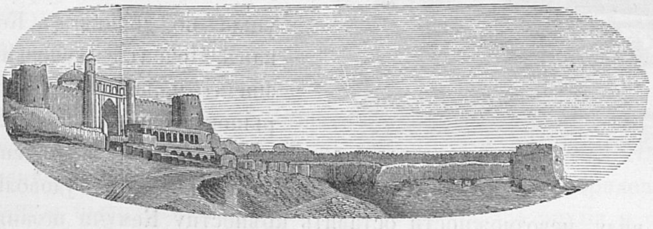
Сыра, по рѣкѣ Чирчикъ, такъ называемую Кураму, житницу Ташкентскаго края, откуда получалась значительная часть продовольствія для Ташкента. Туда былъ назначенъ правителемъ Рустемъ-Бекъ, занявшій удобную позицію, волновавшій всю страну и взимавшій съ жителей разнаго рода поборы. Такой порядокъ въ За-чирчинскомъ краѣ былъ крайне вреденъ въ видахъ умиротворенія края; поэтому Черняевъ рѣшился вытѣснить Бухарцевъ изъ захваченной ими мѣстности и отбросить ихъ за Сыръ-Дарью, тѣмъ болѣе, что Рустемъ-Бекъ сталъ заготовлять запасы для арміи бухарскаго эмира, которую ждали съ каждымъ днемъ. Дождавшись подкрѣпленій, Черняевъ двинулъ отрядъ полковника Пистолькарса къ городу Тай-Тюбе. Жители приняли его съ радостью, желая избавиться отъ непосильныхъ поборовъ Рустемъ-Бека; туда же прибыли и депутаты отъ Курамы, прося защиты у Русскихъ. Пистолькарсъ со своимъ отрядомъ двинулся далѣе къ Пекенту; Рустемъ-Бекъ же, видя наступленіе Русскихъ, удалился въ крѣпости Кемучи, другая же часть его отряда ушла по дорогѣ въ Коканъ. Пекентъ—довольно значительный внутренній рынокъ; занятіе его Русскими было встрѣчено жителями съ удовольствіемъ. Въ виду невозможности оставить крѣпостцу Кемучи незанятою, положеніе которой было очень важно, русскій отрядъ Пистолькарса занялъ это укрѣпленіе, гдѣ войска, къ тому же, могли удобно перезимовать. Въ скоромъ времени дорога отъ этой крѣпостцы до Ташкента была исправлена и передовой отрядъ нашъ вступилъ въ связь съ главнымъ отрядомъ.

Цитадель въ Ташкентѣ.

Для прекращенія недоразумѣній съ Бухарцами, къ эмиру было отправлено посольство изъ нѣсколькихъ офицеровъ, которыхъ онъ не только задержалъ у себя, но грозилъ даже умертвить. Отказъ эмира возвратить посланныхъ къ нему офицеровъ вынудилъ Черняева сдѣлать военную демонстрацію на лѣвый берегъ рѣки Сыра, для чего собрано было 14 ротъ пѣхоты, 600 человѣкъ казаковъ и 16 орудій. Въ концѣ января, весь этотъ экспедиціонный отрядъ переправился у Чиназа чрезъ Сыръ и двинулся къ укрѣпленному городу Джизаку. Между тѣмъ бухарскій эмиръ просилъ отложить военныя дѣйствія на нѣкоторое время, обѣщая отпустить посланныхъ къ нему офицеровъ, какъ только они прибудутъ изъ Бухары въ Самаркандъ. Но отъ этой переписки дѣло впередъ не подвинулось: русскому отряду пришлось фуражироваться, такъ какъ кормъ и провизія стали выходить. При фуражировкахъ происходили стычки съ Бухарцами; во время одной изъ такихъ фуражировокъ нашъ отрядъ ворвался въ городъ Джизакъ. Но, въ виду многочисленности непріятеля, долженъ былъ покинуть городъ, захвативъ, однако, необходимый фуражъ. Долѣе оставаться отряду подъ Джизакомъ, въ виду безкормицы въ его окрестностяхъ, невозможно было. Не тревожимый Бухарцами, издали слѣдовавшими за отступающими Русскими, Черняевъ отошелъ вновь къ берегу Сыръ-Дарьи и сталъ лагеремъ у Чиназской переправы.

27 марта 1866 года Черняевъ былъ смѣненъ въ командованіи генераломъ Романовскимъ. Тѣмъ временемъ бухарскія войска стали безпрерывно тревожить нашъ отрядъ, собираясь приступить къ наступательнымъ дѣйствіямъ. Эмиръ привелъ на берегъ Сыра всю

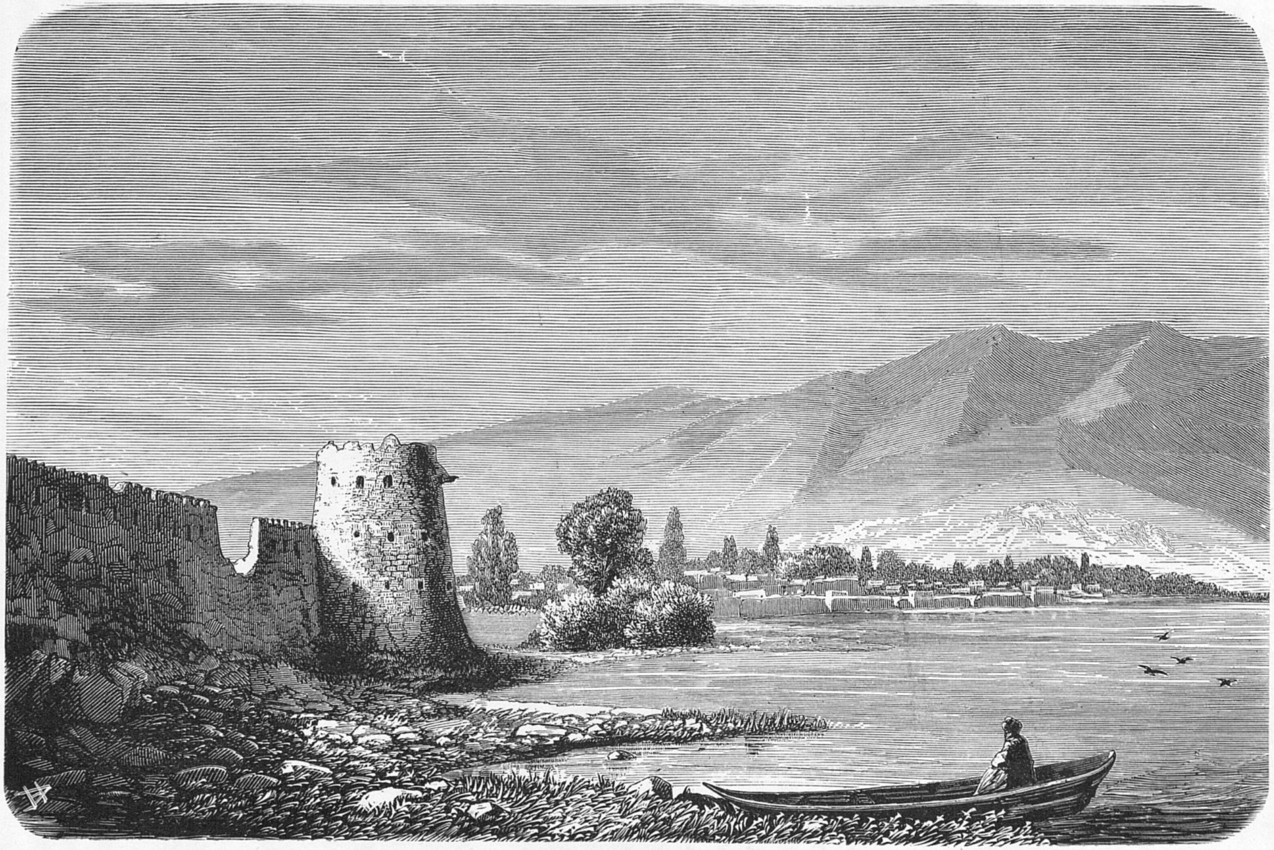
свою боевую силу и укрѣпился въ лагерѣ на берегу рѣки, при урочищѣ Прджорѣ, отправивъ въ то же время на правый берегъ, въ наши предѣлы, отряды кавалеріи. Всего войска у эмира было 5,000 регулярныхъ и 30,000 иррегулярныхъ, при 21 орудіи. Иррегулярныя войска его были дурно вооружены и въ сущности не представляли никакой боевой силы, за исключеніемъ отряда конныхъ стрѣлковъ. Здѣсь должна была рѣшиться участь всей кампаніи, по крайней мѣрѣ, для ташкентскаго района. Подкрѣпленный свѣжими войсками и двумя военными пароходами, подвезшими артиллерійскіе припасы и снаряды, генералъ Романовскій, съ отрядомъ въ 14 ротъ пѣхоты, 500 казаковъ, при 20-ти орудіяхъ и 8-ми ракетныхъ станкахъ, двинулся на армію эмира, предписавъ въ тоже время полковнику Краевскому двинуться изъ крѣпости Кемучи къ Ирджорѣ и быть тамъ къ 8-му мая. Въ этотъ день наши войска дѣйствовали молодецки и, къ 8 часамъ вечера, войска бухарскаго эмира были разбиты на голову; самъ эмиръ бѣжалъ съ 2,000 всадниковъ, побросавъ свой лагерь, орудія, военные запасы; остальное войско его разсѣялось, потерявъ болѣе 1,000 человѣкъ убитыми. Наша потеря ограничилась, по оффиціальнымъ свѣдѣніямъ, 12-ю раненымм и контуженными.



Крѣпость Ура-Тюбе.

Разгромъ бухарскихъ войскъ съ эмиромъ во главѣ произвелъ сильное впечатлѣніе на Среднеазіятцевъ. Первымъ послѣдствіемъ его было занятіе крѣпости Нау, близъ Ходжента, представляющаго торговый и сильно-укрѣпленный городъ, второй по значенію въ Ташкентскомъ ханствѣ. Ходжентъ расположенъ на лѣвомъ берегу рѣки Сыра, по дорогѣ изъ Бухары въ Коканъ. Ходжентъ въ это время представлялъ собою полунезависимое владѣніе, — признавалъ, смотря по обстоятельствамъ, надъ собою власть то коканскаго хана, то бухарскаго эмира. Городъ былъ важенъ для насъ какъ въ торгово-промышленномъ, такъ и въ стратегическомъ отношеніи. Пользуясь впечатлѣніемъ Ирджорской побѣды, генералъ Романовскій рѣшился занять Ходжентъ, тѣмъ болѣе, что тамъ находилась партія, желавшая покориться Русскимъ. Подойдя къ городу 18 мая и сдѣлавъ рекогносцировку, генералъ Романовскій, прежде чѣмъ рѣшиться на штурмъ, въ виду значительности укрѣпленій, заложилъ нѣсколько осадныхъ батарей и 20 мая открылъ по городу огонь. Бомбардированіе это произвело свое дѣйствіе, такъ какъ изъ города явилась депутація для переговоровъ о сдачѣ его Русскимъ. Переговоры эти, однако, не повели ни къ чему, депутаты, вернувшись въ городъ, были арестованы вожаками враждебной Русскимъ партіи, а потому бомбардированіе началось снова и продолжалось до 23 мая, когда назначенъ былъ штурмъ. Штурмъ этотъ былъ однимъ изъ самыхъ кровавыхъ и продолжался до 24 числа, когда городъ окончательно сдался; укрѣпленія его и цитадель были заняты Русскими, а защитники его бѣжали. Бой былъ особенно упоренъ въ узкихъ улицахъ, на которыхъ устроены были мѣстами завалы, а потому разгоряченные солдаты наши не щадили защитниковъ, чѣмъ и объясняется огромная ихъ потеря. Цѣлую недѣлю собирались трупы павшихъ Ходжентцевъ; однихъ убитыхъ было подобрано болѣе 2,500 труповъ, раненыхъ было значительно болѣе. Русскіе при этомъ потеряли убитыми и ранеными болѣе полутораста человѣкъ.

Въ Ходжентѣ къ сентябрю того же года собрался значительный русскій отрядъ до 20 ротъ пѣхоты, 500 казаковъ, при 24 орудіяхъ; но несмотря на эту солидную военную силу, бухарскій эмиръ все-таки медлилъ съ принятіемъ нашихъ мирныхъ предложеній и хитрилъ. Въ виду этого, не получивъ въ обѣщанный срокъ отвѣта бухарскаго правительства, Русскіе двинулись для занятія богатаго города Ура-Тюбе и его плодоноснаго и населен-



Т X.

Ходжентъ (со стороны Сыръ-Дарьи).

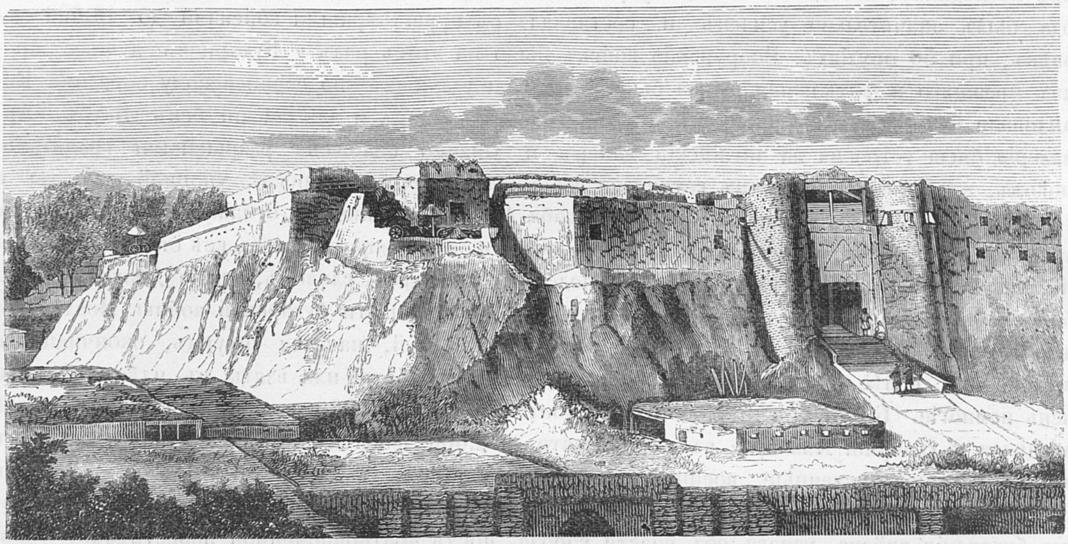
наго округа. Бухарскій бекъ, командовавшій городомъ, дѣятельно вооружился, удалилъ жителей округа въ сосѣднія горы и сжигалъ деревни и поселки. Послѣ восьмидневной осады и бомбардировки, Русскіе штурмовали укрѣпленный городъ и, несмотря на упорную его защиту, Ура-Тюбе былъ взятъ. Въ крѣпости намъ досталось 16 орудій; наша потеря простиралась до 200 человѣкъ убитыми и ранеными. Вслѣдъ за паденіемъ Ура-Тюбе, вполнѣ естественно было занятіе укрѣпленнаго города Джизака, стоявшаго при выходѣ изъ ущелья Джаланъ-Ута, составляющаго главный и даже почти единственный удобный путь со стороны Ташкентскаго ханства въ города Самаркандъ и Бухару. Джизакъ служилъ Бухарцамъ защитою отъ вторженія къ нимъ Коканцевъ и базою для наступательныхъ ихъ дѣйствій противъ послѣднихъ; вслѣдствіе этого, и укрѣпленія его были въ хорошемъ порядкѣ; гарнизонъ города былъ значительно усиленъ и составлялъ съ иррегулярными войсками до 10,000 человѣкъ, при 50 орудіяхъ. Вооруженіе войскъ было на этотъ разъ у Бухарцевъ лучшее противъ прежняго и фитильныя ружья были замѣнены ударными (по европейскому образцу). Командовали бухарскими войсками въ городѣ Токсаба-Аллаяръ и джизакскій бекъ Якубъ. Артиллерія была устроена на англійскій манеръ и хорошо снабжена разрывными гранатами. Словомъ, въ Джизакѣ Русскимъ готовился серьезный отпоръ; но, послѣ упорной защиты и страшнаго кровопролитія, Джизакъ палъ. Токсаба-Аллаяръ защищался отчаянно; чтобы не дать гарнизону города разбѣжаться, онъ завалилъ всѣ городскія ворота, снесъ всѣ строенія, мѣшавшія огню крѣпости, перекопалъ дороги и подступы канавами; словомъ, взятіе Джизака и его оборона была однимъ изъ важнѣйшихъ дѣлъ этой первой части бухарской войны. Послѣ жаркаго обстрѣливанія крѣпости въ теченіе нѣсколькихъ дней, начался штурмъ, окончившійся ея паденіемъ; болѣе двухъ третей ея защитниковъ были убиты или взяты въ плѣнъ; бѣжали очень немногіе. Бухарцы потеряли только убитыми болѣе 6,000 человѣкъ, въ томъ числѣ находился и храбрый Аллаяръ; въ плѣнъ взято до 2,000 человѣкъ; орудій досталось Русскимъ до 56 и многочисленные военные запасы; часть города сгорѣла. Потеря Русскихъ простиралась до 150 человѣкъ убитыми и ранеными. Подходившія на выручку Джизака бухарскія войска, узнавъ объ участи города, послѣ кратковременной перестрѣлки, ушли обратно.

Такимъ образомъ, весь За-дарьинскій край былъ занятъ Русскими, стоявшими, такъ сказать, на порогѣ исконныхъ владѣній бухарскаго эмира, который, однако, послѣ всѣхъ нанесенныхъ ему ударовъ, все-таки не думалъ смириться. Весною 1867 года, генерала Романовскаго смѣнилъ генералъ Кауфманъ, назначенный главнокомандующимъ войсками вновь образованнаго Туркестанскаго военнаго округа.

Въ 1867 году производились рекогносцировки Нуратинскихъ горъ, покореніе ихъ населенія русскому владычеству, борьба съ мелкими партіями. Въ маѣ произведено было занятіе бухарской крѣпости Яны-Кургана, стоящей по ту сторону ущелья Джаланъ-Уты и служившей выходнымъ къ нему ключомъ. Занятая отрядомъ полковника Абрамова, крѣпость Яны-Курганъ была важна еще и потому, что охраняла воды Джизакской рѣчки и не давала хозяйничать ими Бухарцамъ; кромѣ того, вокругъ Яны-Кургана мѣстность была крайне плодородна и обработана, могла снабжать Джизакскій отрядъ фуражемъ. Бухарцы не разъ пытались вытѣснить Русскихъ изъ этого укрѣпленія; особенно жаркія были дѣла 26 мая и 5 іюля, когда отрядъ Абрамова не только отбилъ многочисленнаго непріятеля, но и прогналъ его къ Самарканду, заставивъ Бухарцевъ бросить устроенный ими, въ 20 верстахъ отъ Яны-Кургана, военный лагерь.

Въ 1868 году война съ бухарскимъ эмиромъ приняла рѣшительный характеръ; русскія войска двинулись къ Самарканду, нѣкогда знаменитой столицѣ Тимура, лежащей въ плодородной долинѣ рѣки Зеравшана. Войска наши 1 мая, подъ начальствомъ генералъ-адъютанта Кауфмана, одержали блистательную побѣду надъ Бухарцами, пытавшимся остановить наступ-

леніе Русскихъ, на берегахъ рѣки Зеравшана, подъ стѣнами Самарканда, на урочищѣ Чапанъ-Ата. Русское войско форсировало переправу черезъ рѣку, штурмомъ овладѣло командующими надъ переправою высотами, причемъ взято было 21 орудіе, а на другой день древнѣйшій, замѣчательнѣйшій религіозный центръ Средней Азіи сдался на капитуляцію и отворилъ свои ворота побѣдителямъ. Въ маѣ того же года занятъ былъ съ боя важный, въ стратегическомъ отношеніи, городъ Ургутъ, лежащій въ 32 верстахъ на юго-востокъ отъ Самарканда, въ гористой, весьма выгодной для обороны, мѣстности; 18 мая занятъ былъ безъ боя важный, укрѣпленный Бухарцами пунктъ, городъ Катты-Курганъ, лежащій внизъ по Зеравшану, въ 65 верстахъ отъ Самарканда. Хотя мирные переговоры съ Бухарцами снова на-

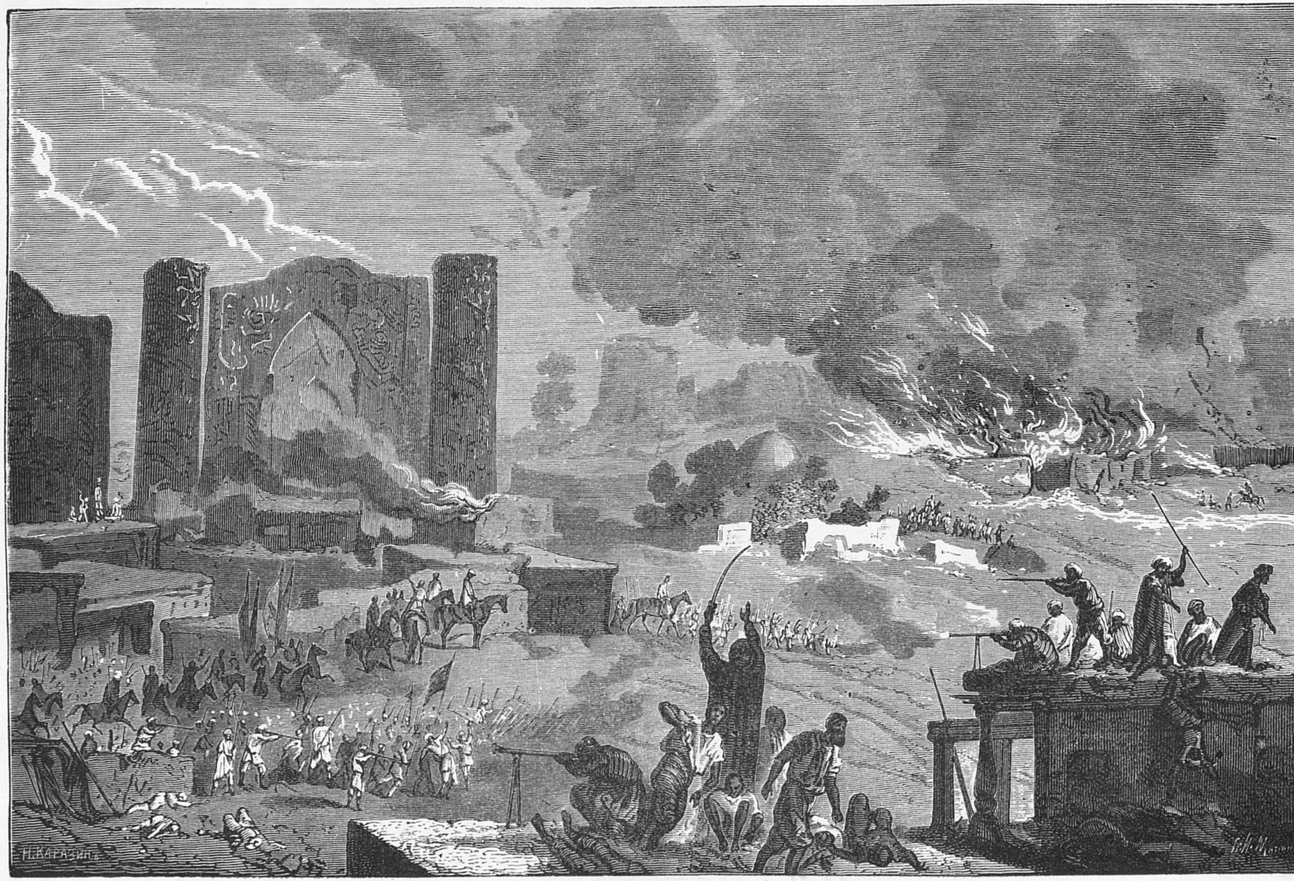


Видъ крѣпости въ Самаркандѣ.

чались, но эмиру, какъ видно, захотѣлось еще разъ попытать военнаго счастія. При урочищѣ Зерябулакѣ онъ собралъ всѣ лучшія свои войска, состоявшія изъ 6,000 пѣхоты и 15,000 конницы, при 14 орудіяхъ. Русскія войска, подъ начальствомъ Кауфмана, атаковали высоты, сбросили съ нихъ пѣхоту эмира, овладѣли ими и горячо преслѣдовали непріятеля. Пораженіе Бухарцевъ было полное; отъ бухарской пѣхоты осталось едва 1,000 человѣкъ; кавалерія же ускакала съ поля сраженія.

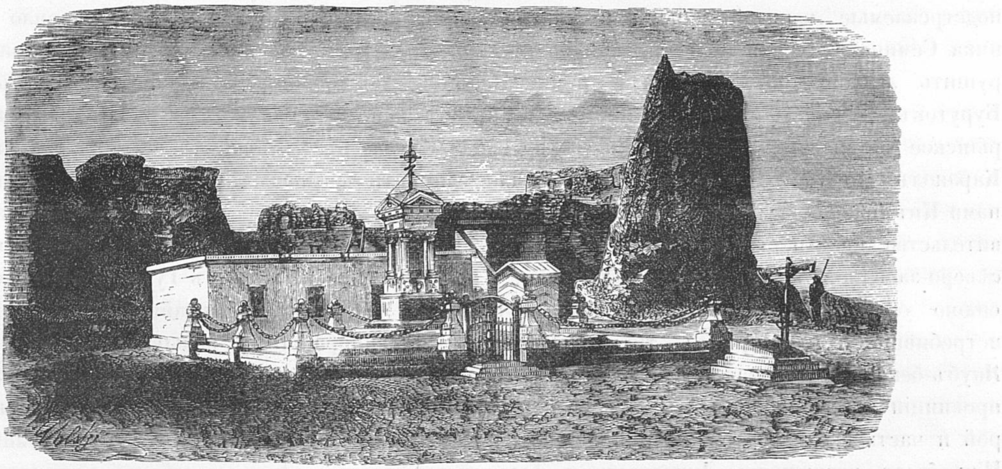
Во время похода Кауфмана къ Зерябулаку, оставленный въ Самаркандѣ немногочисленный русскій гарнизонъ былъ осажденъ Шехрисябцами, возставшими мѣстными окрестными жителями, подъ начальствомъ шехрисябскаго бека Джура-Бія. Гарнизонъ защищался геройски, несмотря на производившіеся ежедневно, по нѣскольку разъ, штурмы непріятеля. Возвращеніе Кауфмана изъ-подъ Зерябулака, получившаго вѣсть о критическомъ положеніи Русскихъ въ Самаркандѣ, положило конецъ семидневной неравной борьбѣ. Джура-Бій, выгнанный изъ Самарканда Русскими, благополучно скрылся; возставшіе же дорого поплатились за свое вѣроломство: значительная часть ихъ была истреблена. Геройская защита Самаркандской цитадели горстью Русскихъ, подъ начальствомъ маіора барона Штемпеля, можетъ быть поставлена въ ряду блестящихъ дѣлъ русскаго оружія.

Наконецъ, давно желанный миръ съ бухарскимъ эмиромъ былъ заключенъ, въ двадцатыхъ числахъ іюня. Эмиръ подчинился всѣмъ требованіямъ нашего правительства, призналъ его права на завоеванный имъ край, при чемъ во власть Россіи перешелъ весь Самаркандскій край. Съ этихъ поръ, указанная часть Бухарскаго владѣнія вполнѣ подпала русскому владычеству и до



Т. X. Защита Самаркандской цитадели Русскими.

сихъ поръ остается вѣрною своимъ обязательствамъ въ отношеніи Россіи. До 1870 года Русскіе занимались устройствомъ края и рекогносцировками въ верховья рѣки Зеравшана, гдѣ находились еще не вполнѣ признавшія власть Россіи бекства, напримѣръ, Матчинское, Кштутское и Магіанское, которыя и были въ теченіе этого времени покорены нами. Въ 1870 г. противъ бухарскаго эмира возстала часть его владѣній, въ томъ числѣ и Шехрисябскія бекства, гдѣ управляли старые уже, знакомые по Самарканду, Джура-бій и Баба-бій, проучить которыхъ до этого времени не представлялось возможности. Эмиръ обратился за помощью къ туркестанскому генералъ-губернатору. Такъ какъ по договору мы обязались охранять эмира отъ враговъ его, то на выручку былъ посланъ отрядъ изъ 8 ротъ, 3 сотенъ казаковъ, 10-ти орудій и 8-ми ракетныхъ станковъ, подъ начальствомъ генерала Абрамова. Выступивъ 7-го



Могила русскихъ воиновъ, павшихъ въ 1868 году, при оборонѣ Самарканда.

августа изъ Самарканда, 11-го онъ подошелъ къ Шехрисябскому укрѣпленію Китабу, окруженному общей стѣной вмѣстѣ съ другимъ, недалеко отъ него расположеннымъ, укрѣпленнымъ городомъ Шоромъ. Послѣ двухдневнаго обстрѣливанія укрѣпленій города и по образованіи въ стѣнахъ его бреши, наши войска двумя колонами пошли на штурмъ рано утромъ 14-го числа и къ 8-ми часамъ утра, послѣ жаркаго боя, городъ Китабъ былъ взятъ, съ потерею 120 человѣкъ убитыми и ранеными. Непріятель изъ 7,000 человѣкъ потерялъ до 600 и бѣжалъ со своими беками. Въ городѣ было взято до 30-ти орудій и склады артиллерійскихъ запасовъ. Шоръ и прочіе шехрисябскіе города покорились добровольно. Генералъ Абрамовъ передалъ ихъ прибывшему бухарскому начальству, объявивъ жителямъ, чтобы впредь не бунтовали противъ ихъ законнаго государя. Возстановивъ спокойствіе въ этой части Средней Азіи, русскій отрядъ вернулся въ Самаркандъ, а генералъ Абрамовъ, пройдя съ небольшимъ отрядомъ гористой страной къ востоку отъ Шехрисябскихъ владѣній черезъ Мадіанъ и Фаранъ, объявилъ жителямъ о присоединеніи ихъ къ Россіи, причемъ разрушилъ Фаранскую цитадель, могущую служить сборищемъ разныхъ бродячихъ шаекъ барантачей.

По завоеваніи Ташкента, и вслѣдствіе смерти регента Коканскаго ханства Алимкулы, въ Коканѣ правителемъ былъ назначенъ Атабекъ, а затѣмъ принялъ правленіе Худояръ-ханъ. Съ Коканцами, въ январѣ 1868 года, Кауфманъ заключилъ мирный договоръ, по которому Коканъ и вся плодородная Ферганская долина открывались Русскимъ для торговли и изслѣдованія, опредѣлялся размѣръ пошлинъ съ товаровъ, давалось право русскимъ подданнымъ не только ѣздить черезъ Коканскія владѣнія въ другія страны, но и селиться въ нихъ, гдѣ пожелаютъ. Съ этого времени Коканъ еще больше Бухары подпалъ русскому вліянію. Обуздавъ силою оружія ко-

варныхъ среднеазіятскихъ хановъ и заставивъ ихъ подчиниться русскимъ требованіямъ, а также водворивъ порядокъ въ Киргизскихъ степяхъ и во вновь завоеванныхъ владѣніяхъ, русское правительство не предполагало дѣлать новыхъ завоеваній или какихъ-нибудь территоріальныхъ пріобрѣтеній, стараясь, по возможности, жить мирно съ сосѣдями, что̀ пока и удалось только въ отношеніи Бухары; въ отношеніи же другихъ сосѣдей пришлось разочароваться. Прошло очень немного времени, и опять пришлось идти усмирять, а затѣмъ и невольно присоединять неспокойныхъ сосѣдей, чтобы самимъ жить мирно.

Послѣ подчиненія Россіи Киргизовъ Большой орды, ближайшіе ихъ сосѣди, обитающіе въ предгорьяхъ Тяншанскаго хребта и около большаго среднеазіятскаго водоема, озера Иссыкъ-Куля, такъ называемые Буруты или Дикокаменные Киргизы стали заниматься барантой на земляхъ Киргизовъ Большой орды и производить безпрестанныя нападенія на русскія владѣнія, подстрекаемые жаждой добычи и коканскими своими сородичами. Это заставило начальника Семипалатинской области двинуть русскіе отряды въ сѣверныя предгорья Тяншана, разрушить лежащее на верховьяхъ рѣки Нарына коканское укрѣпленіе и занять земли Бурутовъ. Для поддержанія же порядка въ странѣ, выстроено было въ верховьяхъ Нарына Нарынское укрѣпленіе, а на притокѣ озера Иссыкъ-Куля, рѣкѣ Караколѣ, другое укрѣпленіе — Караколъ. Но въ то время, какъ мы начали занимать Среднеазіятскія земли, въ сосѣднемъ съ нами Китайскомъ Туркестанѣ произошли событія, заставившія обратить вниманіе русскаго правительства на эти страны. Китайская власть была потрясена возстаніемъ Дунганъ во всей сѣверо-западной части Китайской имперіи. Въ Кашгарѣ и Китайскомъ Туркестанѣ утвердился, силою оружія, коканскій выходецъ Якубъ-бекъ, прогнавшій Китайцевъ или точнѣе — истребившій ихъ, и принялъ титулъ бадаулета Джитышара (такъ называлась вновь занятая Якубъ-бекомъ китайская область). Кромѣ того, Китайцы были вытѣснены изъ Кульджинской провинціи и въ большинствѣ истреблены; провинція эта лежитъ по рѣкѣ Или, низовья которой и часть средняго теченія принадлежали уже Россіи. Китайскіе города въ долинѣ рѣки Или были разрушены Дунганами и Таранчами: здѣсь вмѣсто китайской власти явилось Таранчинское владѣніе или Кульджинское султанство. Вслѣдствіе волненій, бывшихъ въ 1870 году между Киргизами Вѣрненскаго уѣзда, кочевавшими близъ кульджинской границы, пришлось устроить въ этой мѣстности, кромѣ имѣвшагося уже укрѣпленнаго, наблюдательнаго Борохудзарскаго поста, новые военные посты на урочищѣ Чунджи и близъ Музартскаго прохода. Таранчинское правительство неоднократно подстрекало нашихъ Киргизовъ къ откочевкамъ изъ Россіи и отказывалось выдавать бѣглыхъ. Всякій изъ нашихъ Киргизовъ, не желавшій платить подати или сдѣлавшій какое-либо преступленіе, перекочевывалъ или просто бѣжалъ въ Кульджинскій край, гдѣ встрѣчался сочувственно своими сородичами и принимался радушно Таранчами.

Главный поводъ къ походу противъ кульджинскихъ Таранчей подалъ прапорщикъ, киргизскій бій, Тазабекъ Бусурмановъ, подбивавшій свой родъ и другіе родственные ему киргизскіе роды къ перекочевкѣ въ Кульджинскій край. Посланный русскій казачій отрядъ для арестованія Тазабека былъ встрѣченъ вооруженными Киргизами и подвергся ночному нападенію нетолько родичей Тазабека, но и вышедшихъ на помощь ему Киргизовъ изъ Кульджинскаго края. На всѣ просьбы русской администраціи, кульджинскій султанъ Абдулъ-Оглы отвѣчалъ уклончиво и не только не выдалъ Русскимъ бѣглеца Тазабека, но видимо вооружался и изъ-подъ руки подстрекалъ подвластныхъ ему Киргизовъ дѣлать открытыя нападенія на нашихъ Киргизовъ и военные отряды. Все это повело къ походу противъ Кульджи. Начальникъ Семипалатинской области генералъ Колпаковскій, подкрѣпивъ наши передовые отряды войсками и артиллеріей, приказалъ имъ двинуться впередъ. Произошли горячія дѣла у селенія Кетменъ и городка Мазара, гдѣ Таранчи были разбиты наголову, хотя защищались довольно стойко; затѣмъ эти отдѣльно дѣйствующіе отряды соединились въ одинъ и направились

правымъ берегомъ рѣки Или къ главному городу Таранчей, Кульджѣ. Таранчи оказали русскому войску сопротивленіе при крѣпости Чинъ-чи-годзи, но были разбиты наголову, самая же крѣпость взята штурмомъ; затѣмъ, лишившись всей почти артиллеріи и большей части войскъ, кульджинскій султанъ покорился и сдался въ плѣнъ, а весь Кульджинскій край былъ временно занятъ Русскими, для передачи прежнимъ его владѣтелямъ, Китайцамъ. Султанъ отправленъ былъ для проживанія внутрь Сибири; а мы, до ратификаціи Китаемъ трактата, т. е. до 1882 года, занимали эту житницу и богатѣйшую страну восточной части Средней Азіи цѣлыхъ 12 лѣтъ, вводя въ нее русскую цивилизацію и русскіе порядки и совершенно успокоивъ всю окрестную область. Едва ли можно сомнѣваться, что Кульджинскій край намъ снова придется занимать. Ненависть его жителей къ Китайцамъ, безпорядки, возникающіе тамъ, и, вслѣдствіе этого, волненія среди населяющихъ его Киргизовъ и Таранчей, родичи которыхъ обитаютъ на нашей территоріи, безсиліе Китайцевъ водворить тамъ порядокъ, что̀ уже сказывается и теперь, — все это заставитъ русское правительство снова занять Кульджу.

Послѣ разгрома Бухары, хивинскій ханъ почувствовалъ, что часъ его насталъ, а потому присылалъ въ 1870 и 1871 годахъ посольства, съ обѣщаніемъ выслать всѣхъ русскихъ плѣнныхъ. Но высылки этой въ дѣйствительности не произошло, подстрекательства же Хивинцевъ между пограничными Киргизами продолжались. Въ виду этого, посольства хана не были принимаемы и отсылались обратно. Въ 1870, 1871 и 1872 годахъ, по занятіи русскими постами нѣкоторыхъ пунктовъ на восточномъ берегу Каспійскаго моря, дѣлались рекогносцировки въ глубь страны, какъ въ сторону земель Текинскихъ, такъ равно и къ Хивѣ, по старому руслу Аму-Дарьи. Въ 1872 году былъ рѣшенъ походъ въ Хиву, куда русскія войска должны были направиться тремя колоннами и соединиться у города Хивы, подъ общимъ начальствомъ туркестанскаго генералъ-губернатора, генерала Кауфмана. Туркестанскій отрядъ, имѣвшій до 5,000 человѣкъ съ артиллеріей, долженъ былъ идти прямо къ Аму-Дарьѣ, черезъ Кизилъ-Кумскую пустыню; оренбургскій, численностью до 2,000 человѣкъ, подъ начальствомъ генерала Веревкина, долженъ былъ направиться въ сѣверные предѣлы ханства; отрядъ же генерала Ломакина, въ составѣ до 3,000 человѣкъ, направился отъ Александровскаго укрѣпленія, черезъ Мангишлакъ и Усть-Уртъ къ западнымъ предѣламъ ханства. Весною 1873 г. отряды двинулись въ походъ; самый трудный переходъ выпалъ на долю туркестанскаго и каспійскаго отрядовъ. Туркестанскій отрядъ достигъ, послѣ трудностей и лишеній разнаго рода, рѣки Аму-Дарьи 11 мая, отбивъ неоднократныя нападенія Хивинцевъ; 20 числа онъ переправился черезъ Аму и 21 мая, вмѣстѣ съ прочими отрядами, вошелъ въ Хиву, сдавшуюся на капитуляцію. Оренбургскій отрядъ вступилъ въ Хивинское ханство съ сѣвера, разбилъ Хивинцевъ въ нѣсколькихъ стычкахъ, занялъ съ боя городъ Мангитъ, разсѣялъ скопища Хивинцевъ и, соединившись съ отрядомъ каспійскимъ, подошелъ къ городу Хивѣ. Передъ сдачей города, генералъ Веревкинъ штурмовалъ сѣверныя его ворота. Хотя штурмъ и не вполнѣ удался, но на другой день (т. е. въ день сдачи) ворота были заняты силою, такъ что городъ неизбѣжно былъ бы взятъ штурмомъ, еслибы не сдался добровольно.

Ханъ бѣжалъ, но потомъ явился съ повинною къ генералу Кауфману. Договоръ, заключенный хивинскимъ ханомъ, отдавалъ во владѣніе Россіи весь правый берегъ Аму-Дарьи, по западный ея рукавъ Талдыкъ, начиная отъ урочища Ичке-яра. Кромѣ того, ханъ обязался уплатить Россіи значительную денежную контрибуцію, лишился права заключать съ кѣмъ-либо какіе бы то ни было договоры, обязался имѣть только то количество войска, какое по договору было опредѣлено. Въ предѣлахъ ханства немедленно же было уничтожено рабство, и до 30,000 рабовъ получили полную свободу. Словомъ, Хива стала вполнѣ вассальнымъ владѣніемъ Россіи, болѣе даже, чѣмъ Бухара; теперь ханъ представляетъ собою скорѣе областнаго начальника, чѣмъ са̀мостоятельнаго владѣтеля. Однако, буйные данники хана — Туркмены, обитаю-

щіе въ западной части Хивинскаго оазиса, не признали этого договора; они учинили нечаянное ночное нападеніе на отрядъ генерала Головачева, находившійся недалеко отъ города Ильялы, близъ селенія Чандырь. Но попытка эта не удалась, несмотря на отчаянную храбрость Туркменъ. Они были разбиты наголову; аулы ихъ истреблены; бѣжавшіе въ степь жители настигнуты и уничтожены. Примѣръ этой кары произвелъ должное дѣйствіе на дикарей. Послѣ этого грустнаго эпизода, начальнику Аму-Дарьинскаго отдѣла, генералу Иванову, пришлось совершить еще двѣ зимнія экспедиціи въ Хивинское ханство, чтобы парализовать нарождавшееся волненіе среди Туркменъ. Съ тѣхъ поръ порядокъ и спокойствіе въ Хивѣ до сихъ поръ не нарушались. Чтобы удержать во власти вновь присоединенный край, устроены были близъ города Шурахана, находящагося въ нашихъ владѣніяхъ, укрѣпленіе Петро-Александровское, центръ русскаго управленія Аму-Дарьинскимъ округомъ, и укрѣпленіе Нукусъ, близъ раздѣленія рѣки Аму-Дарьи на рукава, т. е. при вершинѣ ея дельты. По окончаніи разсчетовъ съ нѣкогда строптивой Хивой, начались ученыя изслѣдованія этой страны и рѣки Аму-Дарьи, продолжающіяся понынѣ.

До 1875 года, туркестанскія власти жили весьма дружелюбно съ коканскимъ ханомъ Худояромъ, безпрекословно исполнявшимъ русскія требованія. Самъ же Худояръ-ханъ, какъ человѣкъ и правитель, не заслуживалъ никакого уваженія и симпатіи. Это былъ жестокій, развратный и корыстолюбивый азіятскій деспотъ, притѣснявшій и грабившій своихъ подданныхъ. Онъ нисколько не затруднялся предавать казни, по малѣйшему подозрѣнію, даже своихъ родичей; людей же зажиточныхъ убивалъ съ корыстною цѣлію, чтобы завладѣть ихъ имуществомъ. Особенно же онъ былъ жестокъ съ исконными своими недругами, Кипчаками, прогнавшими его нѣкогда изъ Кокана. Несмотря на совѣты русскихъ властей управлять своими подданными болѣе человѣколюбиво, ханъ только и думалъ, какъ бы побольше награбить себѣ чужаго имущества, разсчитывая почему-то на русское покровительство. Неудивительно поэтому, что въ 1874 году проявилось въ Коканѣ сильное броженіе, выразившееся въ 1875 году открытымъ возстаніемъ Кара-Кипчаковъ и Киргизовъ, обитавшихъ по верховьямъ рѣкъ Нарына и Кара-Дарьи. Худояръ, чуя недоброе, собралъ всѣ свои богатства и съ большимъ караваномъ, въ нѣсколько сотъ верблюдовъ и арбъ, подъ охраною русскаго отряда, бывшаго при нашемъ резидентѣ въ Коканѣ, бѣжалъ въ наши предѣлы. Затѣмъ онъ водворенъ былъ на жительство въ Оренбургѣ, откуда бѣжалъ впослѣдствіи. Коканскіе города безпрекословно сдались возставшимъ и приняли съ ними участіе въ возстаніи. На первое время Коканцы избрали правителемъ смѣлаго кипчакскаго вождя Абдурахмана-Автобачи, который, вмѣстѣ съ другими кипчакскими и киргизскими вождями, объявилъ Русскимъ священную войну (газаватъ). Шайки ихъ стали врываться въ наши предѣлы, начали грабить и разбойничать въ Кураминскомъ и Ходжентскомъ уѣздахъ.

Положеніе дѣлъ въ Туркестанскомъ краѣ стало серьезнымъ. Подстрекательство возставшихъ начало оказывать свое дѣйствіе и на жителей вновь присоединеннаго края, которые втайнѣ сочувствовали Коканцамъ; при малѣйшей удачѣ послѣднихъ можно было ожидать всеобщаго возстанія. Принятыя нашими военными властями мѣры были рѣшительны и цѣлесообразны. Въ Ходжентѣ и на границахъ ханства были вскорѣ сосредоточены войска, которыя двинулись на встрѣчу коканскимъ полчищамъ, собраннымъ въ значительномъ количествѣ у крѣпости Махрамъ, близъ нашей границы, у береговъ Сыръ-Дарьи. Въ этомъ столкновеніи, почти рѣшившемъ участь всей кампаніи, Коканцы были разбиты наголову; Махрамъ былъ взятъ штурмомъ. Послѣ погрома коканской арміи и еще нѣсколькихъ кровавыхъ стычекъ, Ферганская долина покорилась, причемъ сдались и главные ея города: Маргеланъ и Андиджанъ. Возставшіе же Кара-Кипчаки бѣжали въ горы. Въ походѣ этомъ отличился быстрыми и крайне смѣлыми дѣйствіями генералъ Скобелевъ.

Туркестанскій генералъ-губернаторъ, желая положить конецъ неурядицѣ въ Коканѣ и

недовѣряя Кипчакамъ, призналъ коканскимъ ханомъ прямаго наслѣдника Худояра, сына его Насръ-Эдина; съ нимъ заключенъ былъ формальный договоръ, по которому Россіи былъ уступленъ Наманганскій край, или вся сѣверная часть Коканскаго ханства, лежащая по правому берегу рѣки Сыръ-Дарьи. Изъ всѣхъ другихъ мѣстъ ханства, которыя признали Насръ-Эдина своимъ правителемъ, русскія войска были выведены. Насръ-Эдинъ недолго оставался ханомъ. Вскорѣ по уходѣ Русскихъ, Коканцы, подъ предводительствомъ Фуладъ-бека, выгнали Насръ-Эдина, и онъ бѣжалъ къ Русскимъ, подъ защиту махрамскаго отряда. Вскорѣ и Кипчаки, опять подъ предводительствомъ Абдурахмана, возстали противъ хана и его защитниковъ. Но Коканцы, изъ боязни Русскихъ, прогнали Фуладъ-бека и пригласили къ себѣ ханствовать Насръ-Эдина, хотя и ненавидѣли его. Между тѣмъ Фуладъ-бекъ снова выгналъ Насръ-Эдина изъ Кокана и объявилъ себя ханомъ. Въ декабрѣ 1875 года, русскія войска, подъ предводительствомъ Скобелева, снова перешли за рѣку Сыръ-Дарью, въ южную часть Коканскаго ханства, въ числѣ 2,800 человѣкъ. Скобелевъ разбилъ коканскія скопища и осадилъ Андиджанъ, въ которомъ собралось до 15,000 человѣкъ Кипчаковъ, съ Абдурахманомъ-Автобачи во главѣ. Послѣ жестокаго боя и отчаянной защиты, городъ Андиджанъ былъ взятъ штурмомъ. Абдурахманъ, не видя возможности защищаться болѣе, сдался Скобелеву. Въ январѣ 1876 г. Фуладъ-бекъ снова былъ изгнанъ изъ Кокана. Разбитый и преслѣдуемый отрядомъ Миллера-Закомельскаго, онъ ушелъ на Алай. Скрывшись здѣсь въ крѣпостцѣ Учъ-Курганѣ, Фуладъ-бекъ выдержалъ послѣдній бой съ Русскими. Учъ-Курганъ былъ взятъ штурмомъ Русскими; почти всѣ защитники его пали мертвыми, взятый же въ плѣнъ Фуладъ-бекъ, за учиненныя имъ жестокости, былъ казненъ Русскими. Наконецъ, грабительскія шайки возставшихъ въ Ходжентскомъ уѣздѣ Киргизовъ были разсѣяны.

Этотъ рядъ побѣдъ привелъ Кипчаковъ и Коканцевъ къ сознанію своего безсилія въ борьбѣ съ Русскими, почему коканскіе города стали сдаваться одинъ за другимъ Русскимъ. 8 февраля сдался Коканъ съ 62 орудіями; затѣмъ сдались города: Ошъ, Узгентъ и Маргеланъ со всею своею артиллеріею, причемъ жители заявили, что они не желаютъ имѣть особаго хана, а желаютъ быть подданными «Великаго Бѣлаго царя». Убѣдившись на примѣрѣ Кокана во вредѣ сохраненія ханства, генералъ Кауфманъ рѣшился присоединить Коканъ къ владѣніямъ Россіи, на что 19 февраля 1876 года и послѣдовало Высочайшее повелѣніе. Абдурахманъ-Автобачи, бывшій ханъ Насръ-Эдинъ и нѣкоторые другіе, причастные возстаніямъ, были высланы въ Ташкентъ. Возбужденные Кипчаками жители верховьевъ рѣки Зеравшана, Матчинцы, также вздумали было возстать, но движеніемъ русскаго отряда въ ихъ страну быстро были приведены въ покорность. Тѣмъ не менѣе, не всѣ еще присоединенныя къ Россіи племена успокоились. Жители городовъ, особенно же Сарты и Таджики, равно какъ и мирное сельское населеніе ханства искренно присоединились къ русской державѣ, потому что всѣ эти волненія и войны были разорительны и невыносимы для нихъ. Но кочевое населеніе Кипчаковъ и Киргизовъ не скоро еще успокоилось. Такъ, въ мартѣ 1876 года, Киргизы, живущіе въ юго-западномъ углу Коканскаго ханства, близъ Лангора и Чиміона, подъ предводительствомъ сподвижника Фуладъ-бека, Худай-Кулы, взбунтовались и сдѣлали попытку возстанія, тѣмъ болѣе, что Худай-Кула, въ ихъ глазахъ, былъ человѣкомъ святымъ. Быстрое движеніе русскаго отряда разстроило замыслы возставшихъ. Они были разбиты у Каракія и совершенно разсѣяны. Городъ Чиміонъ былъ занятъ русскими войсками и въ немъ оставленъ небольшой отрядъ. Въ верховьяхъ Кара-Дарьи, въ гористой мѣстности Гульча, Кара-Кипчаки также волновались, но произведенная Скобелевымъ рекогносцировка всей этой страны (главнаго обиталища Кара-Кипчаковъ) и полнѣйшій разгромъ непокорныхъ повели къ умиротворенію края, чему также содѣйствовало воздвигнутое здѣсь укрѣпленіе Гульча, въ которомъ былъ оставленъ постоянный гарнизонъ. Фортъ Гульча построенъ на единственной дорогѣ, ведущей изъ Ферганской долины, черезъ проходъ Терекъ-Даванъ, въ Кашгарію.

Но алайскіе Киргизы, помогавшіе Фуладъ-беку, не унимались и не признавали русской власти. Въ виду этого, въ іюнѣ 1876 г., для усмиренія ихъ отправленъ былъ отрядъ, подъ начальствомъ капитана Боголюбова, который разбилъ ихъ скопище и привелъ этихъ горцевъ въ покорность. Такимъ образомъ въ 1876 году кокансkій вопросъ получилъ наконецъ полное разрѣшеніе. Теперь Россія завладѣла этимъ богатѣйшимъ ханствомъ. Ферганская долина, воспѣтая покорителемъ Индіи, султаномъ Баберомъ, славится плодородіемъ, цвѣтущею промышленностью и многочисленными городами. Фергана — древнѣйшее названіе Коканскаго ханства. Подъ этимъ древнѣйшимъ названіемъ Коканское ханство стало наконецъ русскою областью.

Вскорѣ послѣ занятія Ферганской области послѣдовало присоединеніе и За-алайскаго

Ячи-арыкъ въ Алайскихъ горахъ. Мѣсто сраженія 25 апр. 1876 года.

края, страны около озера Кара-Куля, почти до самаго Памира, потому что здѣсь кочуютъ Киргизы, приходящіе на зимовку въ предѣлы нынѣшней Ферганской области и признававшіе своимъ сюзереномъ коканскаго хана. Эта выдающаяся къ югу горная страна важна только въ стратегическомъ отношеніи; въ торговопромышленномъ же отношеніи она ничѣмъ не выдается. За окончаніемъ военныхъ дѣлъ въ Средней Азіи, сдѣлана была попытка къ установленію прочныхъ мирныхъ сношеній Россіи съ Афганистаномъ, не приведшая, впрочемъ, къ сколько-нибудь удовлетворительнымъ результатамъ, по причинѣ вліянія Англіи, относившейся всегда завистливо и несправедливо къ нашимъ Среднеазіятскимъ владѣніямъ.

Кромѣ завоеваній въ Средней Азіи, Россія принесла огромную пользу многосторонними изслѣдованіями этой обширной территоріи. Русскія изслѣдованія въ Средней Азіи, Хивѣ, Бухарѣ и сопредѣльныхъ съ ними странахъ обогатили науку разнообразными свѣдѣніями. Теперь Средняя Азія перестала уже быть загадкой. Она изслѣдована и съ каждымъ годомъ продолжаетъ изслѣдоваться болѣе и болѣе. Всякая военная экспедиція обязательно сопровождается учеными изслѣдователями. Еще въ 1867 году, по учрежденіи Туркестанскаго округа, начались русскія изслѣдованія въ обширныхъ размѣрахъ въ Средней Азіи. Въ этомъ и слѣдующемъ годахъ, полковникъ Краевскій, отправленный туркестанскимъ генералъ-губернаторомъ для постройки моста на рѣкѣ Нарынѣ и Нарынскаго укрѣпленія, занялся изслѣдованіемъ Тяншанскихъ горъ, которыя впервые были посѣщены въ 1856—57 годахъ извѣстнымъ русскимъ географомъ, П. П. Семеновымъ. Въ это же время занимались изслѣдованіемъ края господа Бунаковскій, Сѣверцовъ и Реинталь. Въ 1869 году баронъ Каульбарсъ, съ топографомъ Петровымъ, обслѣдовалъ и снялъ на планъ горное пространство къ югу отъ озера Иссыкъ-Куля до Кашгаріи. Въ 1870 г. была снаряжена большая военно-научная экспедиція генерала

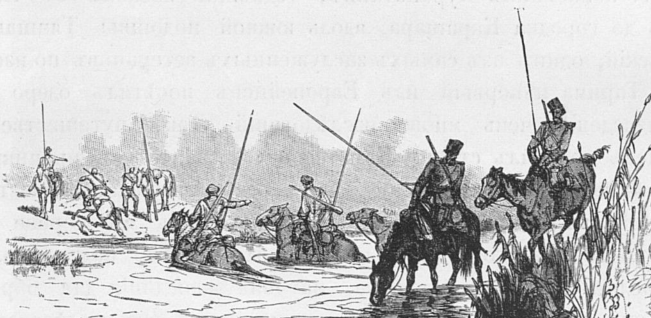
Абрамова для изслѣдованія окрестностей Искандеръ-Кульскаго озера. Въ 1871 году г. Федченко со своею женою сдѣлалъ замѣчательное путешествіе по Коканскому ханству, вдоль Алайскаго хребта, и вышелъ на южную его сторону; въ этомъ же году онъ изслѣдовалъ восточную часть пустыни Кизилъ-Кумъ. Въ 1873 году произведена была топографическая съемка Нуратинскихъ и Буканскихъ горъ, южной окраины пустыни Кизилъ-Кумъ, рѣки Аму-Дарьи отъ урочища Учъ-Учакъ до устья, всего Хивинскаго ханства и стараго русла этой рѣки до озера Сара-Камышъ. Въ 1875 году была снаряжена экспедиція полковника Маева для изслѣдованія восточной части Бухарскихъ владѣній, Гиссарскаго края, которая и обслѣдовала весь обширный районъ. Въ 1874 году горные инженеры Романовскій и Мушкетовъ изслѣдовали Тяншанскій хребетъ въ геологическомъ отношеніи. Въ 1875 году было опредѣлено геодезистомъ Борнсдорфомъ нѣсколько астрономическихъ пунктовъ Ферганской долины, гдѣ производились обширныя съемки. Въ 1876 году въ военной экспедиціи генерала Скобелева на Алай участвовали: Костенко, топографъ Лебедевъ и геодезистъ Борнсдорфъ, которые изслѣдовали Алайское плоскогорье и рекогносцировали сѣверную часть Памира, посѣтивъ озеро Кара-Куль. Въ 1876 г. полковникъ Куропаткинъ, ѣздившій посломъ въ Кашгаръ къ хану Якубъ–беку, доходилъ до городка Карашара, вдоль южной подошвы Тяншанскаго хребта, а полковникъ Пржевальскій, одинъ изъ самыхъ заслуженныхъ ветерановъ по изслѣдованію Азіи, изучилъ теченіе рѣки Тарима и первый изъ Европейцевъ посѣтилъ озеро Лобъ-Норъ. Въ 1878 году было произведено очень много изслѣдованій. Такъ путешественникъ Ошанинъ первый изъ Европейцевъ посѣтилъ страну Каратегинъ; г. Матвѣевъ проникъ въ страну Бадакшанъ; г. Гриденовъ проѣхалъ изъ Самарканда, черезъ Авганскій Туркестанъ, въ Гератъ, г. Маевъ вторично посѣтилъ Гиссаръ и, непосѣщенныя имъ въ первое его путешествіе туда, нѣкоторыя мѣстности. Въ этомъ же году была отправлена, подъ начальствомъ извѣстнаго изслѣдователя Средней Азіи, г. Сѣверцова, научная экспедиція для обрекогносцированія пространства къ югу отъ озера Кара-Куль и, благодаря этимъ его изслѣдованіямъ, наши русскія рекогносцировки почти сомкнулись съ рекогносцировками Англичанъ на Памирѣ. Сѣверцовъ посѣтилъ озеро Ранъ-Куль и Яшиль. Подъ начальствомъ генерала Глуховскаго, въ Хивинскомъ ханствѣ производились изслѣдованія старыхъ руслъ Аму-Дарьи, а по завоеваніи Текинскаго оазиса инженеръ Лессаръ изслѣдовалъ пространство между этимъ оазисомъ до рѣки Тенджена и далѣе до туркменскаго города Мерва. Въ то же время производились изслѣдованія какъ по верховьямъ Аму-Дарьи, такъ и въ Кульджинскомъ ханствѣ.

Наконецъ, выше, въ статьѣ «Памиръ и Алай» (очеркъ IX), описана экспедиція профессора И. В. Мушкетова, давшая очень много новаго въ научномъ отношеніи. Словомъ, наше занятіе Среднеазіятскихъ ханствъ принесло какъ въ политическомъ, такъ равно въ научномъ и даже въ торговопромышленномъ отношеніяхъ значительныя выгоды Россіи, которыя, современемъ, когда этотъ край свяжется съ нею желѣзнодорожнымъ путемъ, несомнѣнно увеличатся въ значительной степени и возвратятъ тѣ затраты, какія стоили намъ всѣ эти походы и экспедиціи, въ которыхъ молодецкая удаль нашихъ войскъ проявилась въ самомъ выгодномъ и славномъ для нихъ свѣтѣ. Наши туркестанскія войска, слабыя численностью, представляютъ однако весьма солидную силу по ихъ боевымъ качествамъ. Для среднеазіятскихъ правителей они неодолимы, а потому и служатъ порукою спокойствія въ краѣ, такъ недавно присоединенномъ къ Русскимъ владѣніямъ, но уже пользующемся всѣми благами мира и порядка, которыхъ онъ не зналъ до пришествія туда Русскихъ, при своихъ прежнихъ правителяхъ. Россія внесла сюда начатки европейской цивилизаціи, и теперь ея задача заключается въ развитіи этихъ благодѣтельныхъ началъ въ средѣ полуварварскаго народа.

Въ предыдущихъ статьяхъ цѣлымъ рядомъ фактовъ было доказано, какую неотложную потребность представляетъ поднятіе уровня образованія массы населенія этого края. Такою же насущною потребностью представляется и улучшеніе здѣсь путей сообщенія. Въ этихъ видахъ,

необходимо желать, во-первыхъ, развитія частнаго пароходства не только на Каспійскомъ морѣ, но и на всѣхъ главнѣйшихъ рѣкахъ въ Среднеазіятскихъ нашихъ владѣніяхъ; во-вторыхъ, устройства желѣзнодорожнаго пути отъ восточнаго берега Каспійскаго моря (гдѣ имѣется уже желѣзная дорога на протяженіи около 200 верстъ) до восточнаго края Туркестанскихъ владѣній; въ третьихъ, устройства трактовыхъ путей и установленія правильныхъ почтовыхъ сообщеній между всѣми городами Среднеазіятскихъ владѣній. При этихъ условіяхъ, съ одной стороны, Среднеазіятскія наши владѣнія будутъ постепенно заселяться кореннымъ русскимъ населеніемъ изъ центральной Россіи, что̀ такъ необходимо для окончательнаго упроченія этого края за метрополіею; съ другой — установится должный сбытъ произведеній этого края въ Россію, равно какъ и собственно-русскихъ произведеній въ глубь Азіи.

Н. В. Латкинъ.



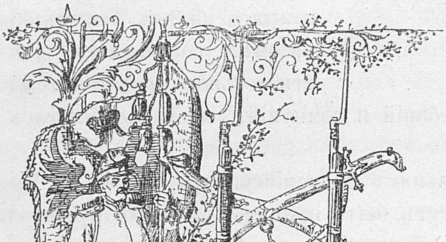
ОЧЕРКЪ XIII.

МЕРВЪ.

Присоединенiе Мерва къ Россiи.— Мервская депутацiя.— Значенiе Мерва въ стратегическомъ отношенiи — Прошлое Мерва.

Златой Востокъ — страна чудесь,
Страна любви и сладострастья,
Гдѣ блещетъ роза, дочь небесь,
Гдѣ все обильно, кромѣ счастья,
Гдѣ чище катится рѣка,
Вольнѣе мчатся облака,
Пышнѣе вечерь догараеть,
И мiръ всю прелесть сохраняетъ
Тѣхъ дней, когда печатью зла
Душа людей, по волѣ рока,
Не обезславлена была.

ЛЕРМОНТОВЪ.



е только у насъ въ Россiи, но и за-границей считалось неизбѣжнымъ, что, рано или поздно, Мервъ долженъ войти въ составъ Русской Имперiи. Это — естественное слѣдствiе ряда завоеванiй, сдѣланныхъ нами въ Средней Азiи.

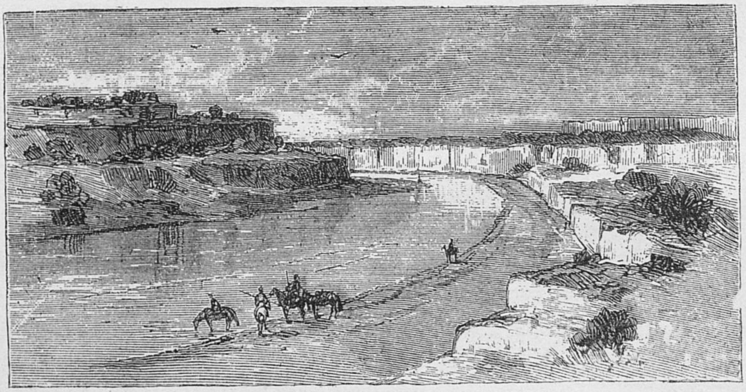
Еще въ концѣ 1883 года пронесся слухъ, что Мервъ отходитъ къ Россiи. Но лишь въ началѣ февраля 1884 года было опубликовано оффицiальное сообщенiе о присоединенiи къ Россiи Мервскаго округа, т. е. территорiи, расположенной по рѣкамъ Мургабъ и Теджентъ, съ населенiемъ болѣе 200,000 человѣкъ. Мирно, безъ кровопролитiя и совершенно добровольно со стороны мервскаго населенiя, состоялось это присоединенiе.

Томъ «Живописной Россiи», посвященный описанiю Средне-азiятскихъ нашихъ владѣнiй, былъ уже законченъ печатанiемъ, когда сдѣлалось извѣстно о включенiи Мерва въ составъ Русской Имперiи. Вслѣдствiе этого, Мервская область не могла быть описана въ первомъ очеркѣ, гдѣ обозрѣвается весь Закаспiйскiй край, куда теперь принадлежитъ и Мервъ. Вотъ почему статья о Мервѣ является заключительною статьею въ этомъ томѣ, и въ ней мы коснемся лишь важнѣйшихъ сторонъ новой русской территорiи.

Начальникъ обширнаго Закаспiйскаго края и, вмѣстѣ съ тѣмъ, командующiй мѣстными войсками, А. В. Комаровъ, очень тактично воспользовался тѣмъ впечатлѣнiемъ, которое

произвела на Мервцевъ экспедиція отряда нашихъ войскъ на рѣку Гери-рудъ, или Теджентъ (Теджентъ-Дарья), протекающую западнѣе Мургаба и почти параллельно ему. Находившимся въ этомъ отрядѣ штабъ-ротмистру Алиханову и текинскому маіору Махтумъ-Кули-хану поручено было проѣхать въ Мервъ и предложить населенію принять русское подданство.

Туркменское населеніе Мервскаго района (называемаго оазисомъ за его плодородіе) раздѣляется на два племени: Отамыши и Тахтамыши. Племена эти, въ свою очередь, подраздѣляются на четыре рода (Векили, Бахши, Сигмазы и Беки). Затѣмъ, въ административномъ отношеніи, Мервскій оазисъ дѣлится на *24 канала* (вода здѣсь— главный источникъ благосостоянія), съ населеніемъ не менѣе 2,000 кибитокъ у каждаго канала. Для обсужденія вопроса о подданствѣ Россіи, кромѣ хановъ отъ каждаго изъ четырехъ родовъ, явились еще и депутаты (кетходы, т. е. старшины надъ орошеніемъ) отъ каждаго канала. Такимъ образомъ, составилось дѣйствительное представительство Мервской территоріи, которое, безъ всякихъ колебаній и сомнѣній, изъявило безусловную покорность Россіи.



Рѣка Теджентъ.

Когда объ этомъ оффиціально было заявлено, начальникъ Закаспійскаго края, А. В. Комаровъ, категорически объявилъ Мервцамъ, что они могутъ быть приняты въ число русскихъ подданныхъ неиначе, какъ подъ условіемъ полнаго отреченія отъ рабовладѣльчества и немедленнаго возврата Персіянамъ всего, награбленнаго у нихъ. Мервцы безпрекословно подчинились этому условію. Среди нихъ началось небывалое движеніе. Съ плѣнныхъ сбили оковы. Освобожденные Афганцы и Персы ушли на востокъ и югъ. Въ числѣ рабовъ было и 37 человѣкъ Русскихъ. Изъ нихъ 20 человѣкъ ушли изъ Мерва прямо на родину, 17 человѣкъ были доставлены на подводахъ въ Асхабадъ. Погнали обратно цѣлые табуны скота, награбленнаго у Персовъ, Афганцевъ и другихъ сосѣднихъ народовъ...

Эта, такъ сказать, ликвидація рабства, этотъ окончательный разсчетъ съ нимъ (разсчетъ, можно не сомнѣваться, навсегда) представлялъ истинно-трогательную картину. Плакали отъ радости и прославляли гуманность Русскихъ рабы, получившіе свободу. Радовались и сами Мервцы. По словамъ очевидцевъ, «они, безспорно, находились подъ вліяніемъ честнаго порыва. Освобожденіе рабовъ, возвратъ награбленнаго имущества не только не тяготили ихъ, но они дѣлали это, можно сказать, съ удовольствіемъ».

25 января 1884 года прибыла въ Асхабадъ мервская депутація, состоявшая изъ 4-хъ хановъ и 60-ти почетныхъ жителей Мерва. Депутація состояла исключительно изъ стариковъ и людей пожилыхъ, но въ числѣ депутатовъ былъ и юноша, Юсуфъ-ханъ, умная мать котораго, Гюль-Джаманъ, во время бывшаго въ Мервѣ голода, закупила на сторонѣ огромное количество хлѣба и, продавъ его своимъ соотечественникамъ въ кредитъ и по низкой цѣнѣ, снискала этимъ огромный, даже преобладающій авторитетъ въ Мервѣ. Въ числѣ депутатовъ находились также и два знаменитые сардаря аламановъ (т. е. иначе грабителей-разбойниковъ), подъ предводительствомъ которыхъ Мервцы грабили сосѣдей и забирались даже подъ Гератъ и Тегеранъ.

27-го января, въ 11 часовъ утра, депутація торжественно была принята начальникомъ Закаспійскаго края, генералъ-лейтенантомъ А. В. Комаровымъ, въ занимаемой имъ квартирѣ, и подала ему на Высочайшее имя прошеніе о принятіи въ русское подданство. Прошеніе было написано по-татарски, на огромномъ листѣ вощеной бумаги. По прочтеніи прошенія, оно тутъ же, въ присутствіи свиты начальника края и депутатовъ, было переведено на русскій языкъ. Въ прошеніи говорится, что Мервцы просятъ Бѣлаго Царя принять ихъ подъ свою высокую руку, обѣщаясь, съ своей стороны, бросить грабежи и разбои и быть вѣрными, честными русскими подданными. Въ отвѣтъ на это, генералъ Комаровъ объявилъ депутатамъ, отъ имени Государя Императора, что Мервская область принимается въ русское подданство, и затѣмъ обѣщалъ имъ сохраненіе ихъ религіи, обычаевъ и внутренняго устройства, а также—защиту отъ внѣшнихъ враговъ. Въ доказательство этого, начальникъ края указалъ на то, что, по его настоянію, шахъ персидскій приказалъ немедленно возвратить Мервцамъ болѣе 100 верблюдовъ, отбитыхъ у нихъ Персами, незадолго передъ тѣмъ. Депутатамъ разъяснены были тѣ обязанности, которыя возлагаются на нихъ, вмѣстѣ съ принятіемъ русскаго подданства, и объявлено, что окружными начальниками къ нимъ назначаются: въ Теджентскій районъ—маіоръ Махтумъ-Кули-ханъ, въ Мервъ—штабъ-ротмистръ Алихановъ. Въ помощь послѣднему, въ дѣлѣ управленія, назначены четыре хана, участвовавшіе въ депутаціи. Оффиціальный пріемъ закончился принесеніемъ депутатами присяги на русское подданство, закрѣпленной цѣлованіемъ корана и возложеніемъ на него рукъ, а также приложеніемъ печатей къ присяжному листу. Поздравляя депутатовъ со вступленіемъ въ новую жизнь, генералъ Комаровъ объявилъ имъ, что Государь Императоръ жалуетъ всѣмъ Мервцамъ прощеніе за прежніе грабежи и разбои, но повтореніе ихъ въ будущемъ будетъ строго наказываться.

Передъ отъѣздомъ въ Мервъ для принятія въ русское подданство новой территоріи и введенія здѣсь первоначальнаго управленія (въ Теджентскомъ и Мервскомъ округахъ), начальникъ Закаспійскаго края, 11 февраля, далъ всѣмъ депутатамъ прощальный обѣдъ, передъ началомъ котораго Мервцамъ было роздано на татарскомъ языкѣ разъясненіе ихъ новыхъ обязанностей, какъ русскихъ подданныхъ. Раздача эта сопровождалась также и словесными объясненіями. На этотъ разъ, депутаты очень внимательно вчитывались въ розданныя имъ разъясненія и вдумывались въ словесныя объясненія, вступая также въ разспросы того, что казалось имъ непонятнымъ. 13-го февраля депутація отправилась обратно въ Мервъ.

Такъ состоялось присоединеніе къ Россіи Мервской области, служившей ядромъ одного изъ древнѣйшихъ въ мірѣ государствъ, память о которомъ сохранилась на страницахъ исторіи человѣчества болѣе чѣмъ за 1200 лѣтъ до христіанской эры.

Мервскій округъ лежитъ на рубежѣ между Ираномъ и Тураномъ. Высокая цѣпь горъ, извѣстная подъ именемъ Паропамиза и Гинду-Куша, перерѣзаетъ азіятскій материкъ отъ Каспійскаго моря до Китая, образуя естественную раздѣльную линію между Туранскими и Индогерманскими расами. Въ одномъ только мѣстѣ прерывается горная цѣпь— и линія перерыва почти совпадаетъ съ мервскимъ меридіаномъ. Чрезъ этотъ-то естественный проходъ въ Южно-азіятскія владѣнія, удобнѣйшій изъ всѣхъ существующихъ проходовъ, и прорываются рѣки Теджентъ (Гери-рудъ) и Мургабъ, протекающія въ сѣверномъ направленіи, которыя затѣмъ теряются въ обширной песчаной пустынѣ Кара-Кумъ, извѣстной также подъ именемъ Туркменіи.

Эта топографическая особенность Мервской области даетъ возможность понять, почему, съ незапамятныхъ временъ, Мервъ игралъ въ отдаленномъ прошломъ выдающуюся роль. Въ давно-давно прошедшія времена разсматриваемая область была сатрапіей Дарія; потомъ—провинціей Александра Македонскаго; затѣмъ—служила мѣстопребываніемъ древнѣйшаго племени Пароянъ и была оплотомъ противъ опустошительныхъ набѣговъ Монголовъ; наконецъ, составляла гласисъ персидскаго Хорасана.

Мервъ сторожитъ тотъ самый естественный проходъ, по которому Наполеонъ I, въ началѣ нынѣшняго столѣтія, замышлялъ произвести русско-французское вторженіе въ Индію. Изъ этого можно заключить, какъ важно стратегическое значеніе территоріи, состоящей въ настоящее время въ подданствѣ Россіи.

Нужно замѣтить еще, что Мервъ удаленъ всего лишь на 250 верстъ отъ Гаварса, т. е. конечнаго пункта Ахалъ-Текинскихъ нашихъ владѣній, завоеванныхъ въ 1881 году. Теперь черезъ всю эту территорію, до Асхабада включительно, проходитъ удобный для сообщенія путь, въ томъ числѣ желѣзная дорога отъ Каспійскаго моря до Кизилъ-Арвата (т. е. болѣе чѣмъ на 200 верстъ), которая, вѣроятно, не замедлитъ протянуться до Мерва и далѣе — къ Аму-Дарьѣ, въ Ташкентъ, съ развѣтвленіями на Самаркандъ и Коканъ.

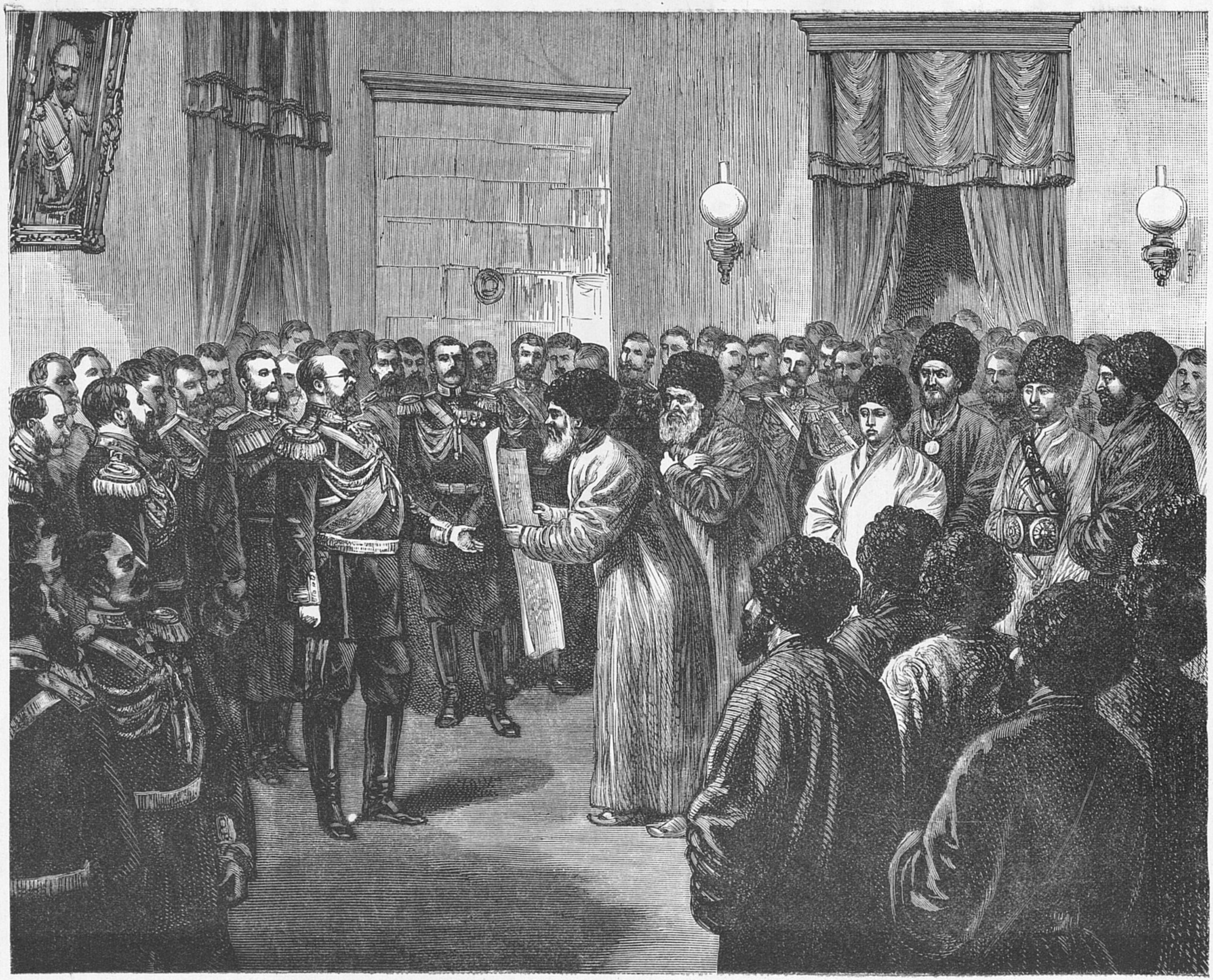
Сѣверныя ворота Мерва.

Безъ сомнѣнія, потребуется немало государственныхъ расходовъ, чтобы поднять Мервскую область на высоту того благосостоянія, которое отвѣчало бы важности стратегическаго ея значенія. Но не нужно забывать, что это—чрезвычайно плодородный край. Умѣлыя затраты на его улучшеніе не замедлятъ возвратиться *сторицею*. Исторія хорошо помнитъ еще ту эпоху, когда на берегахъ рѣкъ Мервскаго оазиса (т. е. Мургаба и Теджента) красовались многолюдные, цвѣтущіе города, доставившіе Мерву названія «*Владыки*» или «*Царицы міра*» (Меру-шахъ-и-джеханъ).

Едвали найдется на земномъ шарѣ хоть одинъ уголокъ, который испыталъ бы такія жестокія превратности судьбы, какія выпали на долю Мервскаго оазиса, расположеннаго у естественныхъ воротъ, черезъ которыя переливались бурные потоки народныхъ движеній. Вотъ нѣсколько наиболѣе характерныхъ чертъ изъ исторіи Мерва.

Около V вѣка, Мервъ служилъ мѣстопребываніемъ христіанскаго архіепископа восточной церкви. Въ половинѣ VII вѣка, арабскія завоеванія распространились за предѣлы персидскихъ горъ, до пустынь Средней Азіи. Въ 666 году, Мервъ былъ занятъ полководцами халифа Османа—и сдѣлался столицею Хорасана. Въ 874 году окончилось арабское владычество въ Средней Азіи. Во время господства арабовъ, Мервъ былъ однимъ изъ великихъ центровъ науки. Знаменитый историкъ Якутъ работалъ въ его библіотекахъ. Около 1037 года Сельджукскіе Турки перешли Аму-Дарью съ сѣвера и возвели Тохрулъ-бега, внука Сельджука, на престолъ Персіи. Братъ Тохрула, Даудъ, овладѣлъ Мервомъ. Тохрулу наслѣдовалъ знаменитый Альпъ-Арсланъ (большой левъ). Могущество его было такъ велико, что, по преданію, передъ нимъ преклонялись до 1,200 царей и принцевъ. Въ Мервѣ покоится прахъ этого знаменитаго повелителя царей и народовъ давноминувшихъ временъ. Около этого времени, Мервъ достигъ зенита своей славы. По преданію, населеніе Мерва простиралось до 1.000,000 жителей.

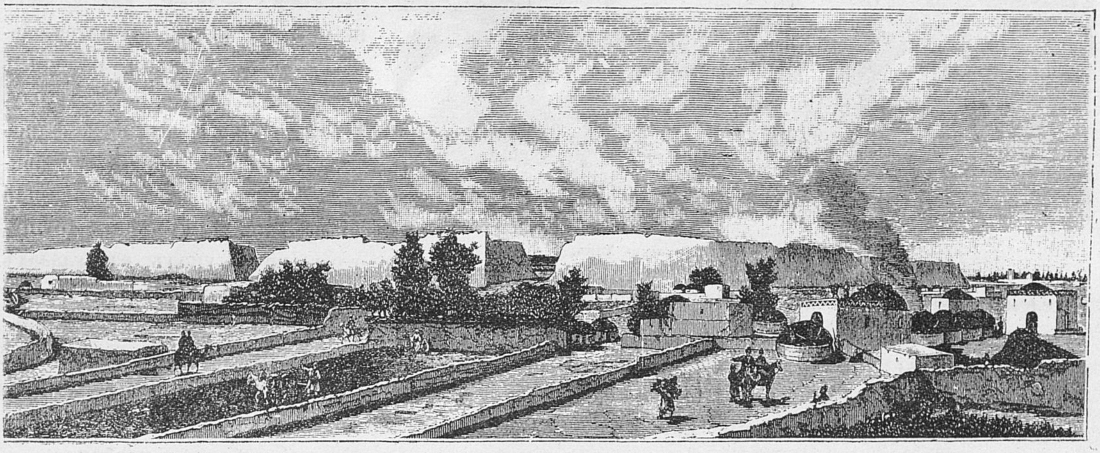
Къ этому времени относится арабская поговорка, что «древо науки коренится въ Меккѣ, а плоды его созрѣваютъ въ Хорасанѣ». О благосостояніи Мервскаго края въ эту отдаленную эпоху даетъ возможность догадываться слѣдующее изреченіе въ одной персидской поэмѣ: «Правовѣрные! собирайтесь радостно читать свои молитвы въ благодатномъ климатѣ Мерва!»



 Представленіе мервской депутаціи начальнику Закаспійскаго края, А. В. Комарову, въ Асхабадѣ.

Въ половинѣ XI вѣка, въ Мервъ вторглись Туркмены племени Гузъ (родоначальники нынѣшнихъ Туркменовъ),—и страна подверглась полному разоренію. Сынъ Чингисъ-хана, Тулай, вступилъ въ Мервъ въ 1221 году и избилъ около 700,000 населенія. Съ этого времени, городъ сталъ быстро приходить въ упадокъ и забвеніе. Тѣмъ не менѣе, въ началѣ XIV вѣка, Мервъ вновь сдѣлался резиденціей христіанскаго архіепископа восточной церкви. По смерти внука Чингисъ-хана, Мервъ былъ включенъ, въ 1380 году, во владѣнія Тамерлана. Затѣмъ городъ находился сначала во владѣніи Узбековъ, потомъ — Персовъ. Въ 1787 году Мервомъ завладѣли Бухарцы. Около 1794 года, они срыли городъ до основанія, разрушили плотины и обратили страну въ пустыню. Это былъ послѣдній, почти смертельный, ударъ для Мерва.

Въ половинѣ 50-хъ годовъ нынѣшняго вѣка, съ запада нахлынули Текинцы (Туркмены), въ количествѣ около 30,000 человѣкъ, съ энергическимъ предводителемъ, Коушутъ-ханомъ, во главѣ. Мервскій оазисъ обязанъ этому умному, распорядительному завоевателю нѣкоторой до-



Сѣверный фронтъ Мерва (Коушутъ-Ханъ-Кала).

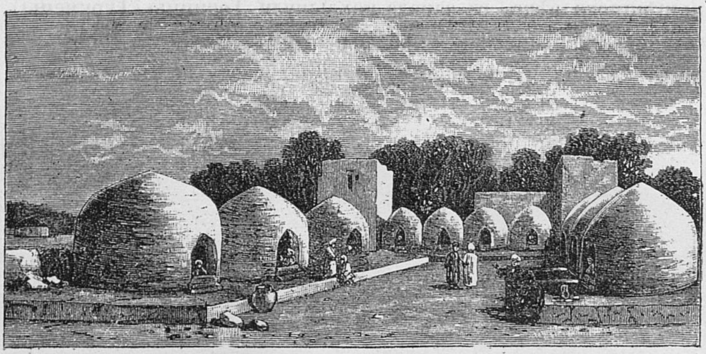
лей нынѣшняго своего возрожденія. Первою заботою завоевателя было устройство плотины и проведеніе каналовъ для искусственнаго орошенія. Въ 1873 году, опасаясь вторженія Русскихъ (въ то время нашимъ правительствомъ предпринята была Хивинская экспедиція), Коушутъ собралъ 25,000 рабочихъ и, въ теченіе 20-ти сутокъ, строилъ крѣпость (работы производились безпрерывно, днемъ и ночью), названную по его имени — Коушутъ-Ханъ-Кала.

Нынѣшній Мервскій оазисъ расположенъ сѣвернѣе стараго, отъ котораго сохранились теперь только остатки оросительныхъ каналовъ, да развалины мечетей и зданій. Верстъ на 25 южнѣе названной крѣпости, рѣка Мургабъ пересѣчена огромною плотиною (32 саж. длины, 64 саж. толщины и около 9 саж. высоты). Во время половодья, когда плотинѣ угрожаетъ опасность быть разрушенной сильнымъ напоромъ воды, посрединѣ плотины дѣлаютъ небольшой каналъ, черезъ который и уходитъ излишекъ воды. Для наблюденія за исправнымъ состояніемъ плотины имѣется особый караулъ, помѣщающійся въ 200 кибиткахъ. Вода Мургаба распространяется по оазису двумя главными каналами, отъ которыхъ идетъ нѣсколько второстепенныхъ, развѣтвляющихся, въ свою очередь, на множество мелкихъ каналовъ (арыковъ). Орошенная и населенная площадь имѣетъ теперь около 5,000 квадр. верстъ. По берегамъ Мургаба и каналовъ растутъ камыши, розмаринъ, фисташки и попадаются небольшія рощи другихъ лиственныхъ породъ, деревья которыхъ достигаютъ 7 саж. высоты, при толщинѣ ствола въ три обхвата.

Такимъ образомъ, и старый, и новый Мервскій оазисъ—искусственнаго происхожденія. Размѣры площади оазиса и степень плодородія его находятся въ прямой и непосредственной зависимости отъ развитія и состоянія искуственнаго орошенія.

То же слѣдуетъ замѣтить и въ отношеніи Теджентскаго района, отдѣленнаго отъ Мервскаго и Ахалъ-Текинскаго оазисовъ сыпучими песками. Теперь эта мѣстность носитъ на себѣ слѣды запустѣнія. Развалины городовъ, высохшіе каналы, запущенныя пашни — все это доказываетъ, что здѣсь, сравнительно недавно, привольно жилось человѣку. Стоитъ только вновь оросить этотъ оазисъ,—и въ немъ опять закипитъ жизнь.

Коушутъ-ханъ усиленно стремился къ тому, чтобы возстановить здѣшніе орошеніе, а слѣдовательно — и плодородіе всей Мервской территоріи въ прежнемъ величіи. Но у него не хватило на это ни матеріальныхъ средствъ, ни рабочихъ рукъ. Онъ умеръ въ 1878 году, и послѣ его смерти начались безпорядки. Авторитетъ правителя страны, возстановленный до нѣкоторой степени Коушутомъ, вновь упалъ въ глазахъ населенія, обратившагося исключительно къ разбойничьимъ набѣгамъ и грабежамъ.



Школа (медресе) въ аулѣ Коушутъ-Ханъ.

Строго говоря, тамъ не было въ послѣдніе годы никакой, сколько-нибудь установившейся, системы управленія, не взималось даже никакихъ постоянныхъ пошлинъ на внутреннія надобности. Не было тамъ и мало-мальски оформившагося закона: его замѣнялъ *обычай*, на основаніи котораго разбирались семейныя тяжбы, споры отдѣльныхъ родовъ между собою и выдавались также разрѣшенія на грабежи и разбои.

Во время присоединенія къ Россіи Мервской территоріи, она была уже довольно порядочно, сравнительно, изучена. Вскорѣ послѣ завоеванія Ахалъ-Текинскихъ владѣній, въ Мервъ была отправлена, подъ видомъ торговаго каравана, экспедиція, съ цѣлію изслѣдованія Мервскаго оазиса. Во главѣ этой экспедиціи стоялъ А. М. Алихановъ. Изъ русскихъ сочиненій о Мервѣ можно назвать: записки П. М. Лессара «О Мервѣ, окружающей мѣстности и нѣкоторыхъ важныхъ путяхъ» и брошюру г. Алиханова «Мервскій оазисъ и дороги, ведущія къ нему».

Домъ въ Мервѣ, гдѣ жили члены русской экспедиціи.

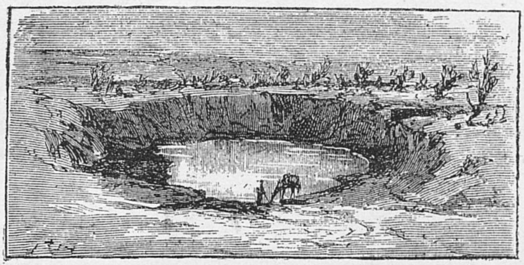
Теперь этотъ многострадальный край, испытавшій столько превращеній, пріютился подъ покровительствомъ Россіи. Въ исторіи довольно нерѣдко случаются повторенія. Прошлое Мерва представляетъ несомнѣнныя тому доказательства. Суждено ли этому, безспорно, важному пункту вновь возвеличиться и занять, хоть приблизительно, то положеніе, какое онъ занималъ прежде,—это трудно сказать теперь.

T. X. Первый русскій караванъ, отправленный въ г. Мервъ.

Самостоятельной политической роли Мервская область, безъ сомнѣнія, никогда уже болѣе не будетъ и не можетъ играть. Говоря о «возвеличеніи» этого края, мы разумѣемъ возстановленіе прежняго его экономическаго благосостоянія, о которомъ находимъ на страницахъ исторіи почти баснословныя, по нынѣшнему времени, свѣдѣнія.

Во всѣ времена, страна эта славилась по всему востоку, до отдаленнѣйшихъ азіятскихъ окраинъ, удивительнымъ плодородіемъ. Чтобы дать о немъ хоть приблизительное понятіе, сдѣлаемъ нѣсколько выдержекъ изъ исторіи.

Страбонъ говоритъ, что «въ Мервской странѣ нерѣдко можно встрѣтить виноградную лозу, стволъ которой съ трудомъ обхватываютъ руками двое человѣкъ, и виноградные грозды попадаются по два локтя въ длину». Арабскій путешественникъ X-го вѣка, Ибнъ-Гаукалъ, свидѣтельствуетъ, что «плоды въ Мервѣ лучше, чѣмъ въ какой-либо другой странѣ, и ни въ какомъ городѣ не увидишь такихъ дворцовъ, съ такими садами и фонтанами, какъ въ Мервѣ». Наконецъ, объ изобильномъ плодородіи свидѣтельствуетъ и мѣстная поговорка: «*Посѣй одно зерно, чтобы собрать сто*». Дѣйствительно, и до сихъ поръ, вездѣ, гдѣ есть искусственное орошеніе, плоды и злаки даютъ огромный урожай.


Озеро Аламанъ-Чунгуль (у Теджента).

Въ настоящее время, между собственно Мервскимъ (Мургабскимъ) и Теджентскимъ оазисами пролегаетъ безплодная пустыня. Но не то было въ отдаленнѣйшую историческую эпоху, когда слава о Мервѣ гремѣла на весь міръ. Тогда и эта, пустынная нынѣ, часть была такъ же орошена и почти такъ же плодородна, какъ собственно-Мервскій и Теджентскій оазисы. Есть большое основаніе думать, что тотъ среднеазіятскій районъ, который извѣстенъ въ исторіи подъ именемъ «Мерва», «Меру» или «Маура» заключалъ въ себѣ не только собственно Мервскій оазизъ (по рѣкѣ Мургабъ), но и все вообще пространство между Мургабомъ и Теджентомъ.

Теперь въ этой пустынной странѣ сохраняются лишь слѣды оросительныхъ каналовъ, проведенныхъ изъ Мургаба и Теджента навстрѣчу другъ другу. По свидѣтельству современныхъ путешественниковъ, «нѣтъ причинъ, почему эти каналы не могли бы вновь наполняться водою». И наполнить ихъ положительно необходимо уже потому, что, въ противномъ случаѣ, будетъ въ высшей степени затруднительно поддерживать даже простое сообщеніе между Теджентскимъ и Мервскими округами, что̀ такъ важно въ видахъ успѣшнаго административнаго управленія только-что присоединеннымъ краемъ.

Съ того момента, какъ Мервъ добровольно отошелъ къ Россіи, англійскіе политики сильно безпокоятся относительно «того вліянія, какое Россія можетъ имѣть на всемъ азіятскомъ материкѣ». Причины этого безпокойства будутъ понятны, если припомнить слѣдующія слова генерала Скобелева (нынѣ умершаго): «Съ покореніемъ Ахалъ-Текинскаго оазиса, — говоритъ Скобелевъ въ своихъ „Запискахъ“, — русскому вліянію въ Афганистанѣ предстоитъ, когда того потребуютъ обстоятельства, самое широкое поле дѣйствія. Разсматривая стратегически пути для проявленія этого вліянія, въ зависимости отъ результатовъ для Великобританіи афганскихъ войнъ, слѣдуетъ придти къ заключенію, что наше главное операціонное направленіе будетъ опираться на вновь покоренный оазисъ».

Съ присоединеніемъ же Мервской территоріи, «опорнымъ» пунктомъ, разумѣется, должны служить не Ахалъ-Текинскія, а Мервскія владѣнія, что̀ еще ближе изъ цѣли.

Но Россія менѣе всего можетъ придерживаться политики завоеваній. Теперь, когда азіятскія наши владѣнія округлились, можно сказать, по естественнымъ границамъ, — по

горнымъ кряжамъ и рѣкамъ,—Россіи некуда и незачѣмъ уже стремиться, въ смыслѣ дальнѣйшаго расширенія своей территоріи на азіятскомъ материкѣ. Мы говоримъ «незачѣмъ» потому, что для удержанія того, чѣмъ владѣетъ теперь Россія въ Азіи, необходимо огромное напряженіе силъ, громадныя денежныя затраты со стороны метрополіи.

По примѣру Коушутъ-хана, намъ, прежде всего, приходится позаботиться объ орошеніи вновь присоединенныхъ къ Россіи Мервскихъ владѣній. Для выполненія же этой задачи, требуется немедленное увеличеніе здѣсь количества населенія. Важность новой русской территоріи въ политическомъ отношеніи заставляетъ желать, чтобы это увеличеніе произошло исключительно за счетъ великорусскаго населенія.

М. Песковскій.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ТОМА X-го.

РУССКАЯ СРЕДНЯЯ АЗІЯ.

Закаспійскій край, Туркестанъ и Киргизскія степи.

ОЧЕРКЪ I. Закаспійская область. I. Восточный берегъ Каспійскаго моря и Туркмены. Николая Латкина 3

Горы, рѣки, острова и нагорье Усть-Уртъ. — Ахалъ-Текинскій оазисъ. — Туркмены вообще и Текинцы въ частности. — Текинскіе походы. — Развалины древнихъ поселеній и городовъ.

Рисунки въ текстѣ: Гербы областей Сыръ-Дарьинской, Семирѣченской, Тургайской, Акмолинской и Аму-Дарьинской, Баньдингера. — Начальная буква. — Мангишлакскія балки. — Долина Апазиръ. — Мѣловыя горы (въ Актаузскихъ, т. е. бѣлыхъ горахъ). — Тюкъ-Караганскій заливъ. — Скала «Монахъ» (недалеко отъ Тюкъ-Карагана). — Чиръ Кала, Каразина. — Красноводскъ, Дмоховскаго. — Устройство желѣзной дороги (лагерь у Михайловскаго поста). — Островъ Кулалы, Шпака. — Кизилъ-Арватъ. — Денгли-Тепе (ближайшій аулъ къ Геокъ-Тепе) послѣ занятія его Русскими. — Туркменъ-батырь во время аттаки. — Мулла-проповѣдникъ. — Туркменскіе музыканты, Каразина. — Верблюдъ, съ навьюченнымъ на него домомъ, Баяра. — Улучшенная Русскими туркменская арба, Раффе.

Отдѣльныя картины: Пробный поѣздъ закаспійской жел. дороги, Каразина. — Женскіе типы Текинскихъ Туркменъ. — Туркменъ Теке. Коракчи (хищникъ). — Туркменка на сторожевомъ посту, Каразина.

ОЧЕРКЪ I. Закаспійская область. II. Аму-Дарья. В. Д. Аленицина. 25

Нынѣшнее и прежнее русло Аму-Дарьи. — Предположенія о причинахъ измѣненія въ направленіи теченія этой рѣки. — Вопросъ о судоходствѣ.

Рисунки въ текстѣ: Начальная виньетка, Каразина. — 1 карта, 14 схемъ и 1 масштабъ для схемъ. В. Д. Аленицина.

Отдѣльная картина: Туркмены, переправляющіеся черезъ рѣку, Каразина.

ОЧЕРКЪ II. Аральское море. В. Д. Аленицина. 41

Суша на берегахъ Аральскаго моря; ея особенности, флора и фауна. — Вода моря: характеръ и строеніе дна, растенія и животныя. — Судоходство.

Рисунки въ текстѣ: Начальная буква, Каразина. — Схема сѣченія западнаго берега моря. — Бабы на прибойной полосѣ. — Кабанъ. — Тростниковый берегъ. — Тигръ, при переходѣ черезъ барханную полосу; джюзгуны. — Видъ Аральскаго моря: сѣверовосточный берегъ около могилы Акъ-Джулпасъ, Каразина. — Камень Токпакъ-Кызъ, Шпака. — Усть-Уртъ, Каразина. — Нора степнаго ежа, Дмоховскаго. — Сайгакъ на высокой степи; саксаулъ. — Родникъ; степныя куры и ходульникъ. — Устье Улькунъ-Дарьи, Каразина. — Схема сѣченія черезъ островъ. — Устье Сыръ-Дарьи, Каразина. — Аральское море. „Баржа № 2“ въ виду острова Барса-Кильмезъ, Петрова.

Отдѣльная картина: Ученая экспедиція на Аму-Дарью. Входъ въ дельту Аму-Дарьи, Каразина.

ОЧЕРКЪ III. Русскій берегъ Аму-Дарьи. Н. А. Таранова 77

Низовье рѣки Аму-Дарьи. — Русскій берегъ. — Древній Ховарезмъ и нынѣшнее Хивинское ханство. — Вступленіе русскихъ войскъ въ Хиву. — Освобожденіе рабовъ.

Рисунки въ текстѣ: Рыбаки на озерѣ Сара-Куль (въ долинѣ Аму-Дарьи).—Типъ надгробныхъ сооруженій въ Средней Азіи.—Каракалпакъ.—Каракалпакъ въ папахѣ и халатѣ.—Каракалпакская кибитка (жилое помѣщеніе).—Туркменская кибитка.—Плантаціи на Аму-Дарьѣ, занесенныя пескомъ. — Хивинская арба. — Поселокъ оборонительной постройки (т. е. поле, обнесенное стѣною, или укрѣпленный загонъ).—Заключительная виньетка, всѣ рисунки Каразина.

Отдѣльныя картины: Аму-Дарьинскіе бурлаки (бичевникъ). — Дворецъ хана въ Хивѣ. — Мусульманское кладбище въ Хивѣ, Барта.

ОЧЕРКЪ IV. Средне-азіятскія пустыни. Н. А. Таранова 107

Средне-азіятскія песчаныя степи. — Физическій характеръ Кара-Кума и Кизилъ-Кума; ихъ климатъ, растительный и животный міръ и минеральныя богатства.—Прохожденіе человѣка черезъ пустыни.

Рисунки въ текстѣ: Заглавная буква.—Почтовая ѣзда въ пустынѣ Кара-Кумъ.—Мякеньковская почтовая станція въ Кара-Кумѣ, Каразина.—Флора степи, Миллера.—Почтовая станція въ Кара-Кумѣ, занесенная снѣгомъ.—Общій видъ Кизилъ-Кума.—Солонцы ночью въ Кизилъ-Кумѣ, Каразина.—Колодезь въ пустынѣ, Баяра.—Качалка въ Кизилъ-Кумѣ, Каразина.—Ураганъ въ пустынѣ, Аткинсона.—Дорожные столбы въ Кара-Кумѣ, Каразина.

Отдѣльныя картины: Весенній видъ песковъ и киргизскія кибитки, Васнецова. — Почта въ Кизилъ-Кумѣ, Каразина.

ОЧЕРКЪ V. Нижнее теченіе Сыръ-Дарьи. I. Сыръ-Дарьинская область. Н. А. Таранова . . . 129

Нижнее теченіе Сыръ-Дарьи.—Сыръ-Дарьинская область. — Почва, климатъ, сельское хозяйство, жители, города и селенія области.—Исторія ея завоеванія и отношенія Русскихъ къ Бухарѣ. — Отношенія Русскихъ къ Сартамъ.

Рисунки въ текстѣ: Заглавная буква, Каразина.—Берега Сыръ-Дарьи, Баяра.—Фортъ Перовскій, Крюкова.—Фортъ № 2 съ рѣки.—Развалины церкви въ Фортѣ № 1 (Казалинскѣ).—Укрѣпленіе Джулекъ, Крюкова.—Саллы на Сыръ-Дарьѣ, Каразина.—Перевозъ черезъ Сыръ-Дарью, Баяра.—Развалины Саурана, Крюкова.—Храмъ Азретъ-Султана и башни Саурана, Крюкова. — Базаръ въ Перовскѣ. — Видъ Туркестана, съ птичьяго полета, Крюкова.—Чимкентская крѣпость, Меера.—Сады въ Туркестанѣ (видъ города съ востока), Крюкова.—Базаръ въ Туркестанѣ.—Базаръ въ Новомъ Чиназѣ, Крюкова.—Старый Чиназъ.—Сартъ-земледѣлецъ.—Сартянки.—Сартскія золотыя украшенія.—Фортъ № 1, Крюкова.—Рисунки внутри могилъ, Каразина.—Большой недостроенный храмъ Азретъ-Султана въ Туркестанѣ.—Чимкентъ по дорогѣ изъ Туркестана.—Ходжентскій перевозъ.—Улица въ Ходжентѣ.—Бекскій дворецъ въ Ходжентѣ.—Ходжентскій базаръ.—Мечеть въ цитадели Туркестана, Крюкова.

Отдѣльныя картины: Могила Кармакчи (недалеко отъ Форта № 2). — Ходжи проповѣдники, считающіе себя прямыми потомками Магомета, Сѣдова.—Бача и его поклонники, Сѣдова.—Курильщики опіума. — Чимкентъ (видъ города и цитадели), Нисченкова.

ОЧЕРКЪ V. Нижнее теченіе Сыръ-Дарьи. II. Ташкентъ. Н. Н. Каразина 167

День штурма Ташкента. — Первое русское укрѣпленіе.— Домикъ генерала Черняева.—Туземный городъ. — Развитіе русскаго Ташкента до 1867 года и быстрый послѣдующій ростъ города. — Общественныя и образовательныя учрежденія. — Туземцы и ихъ обрусѣніе.—Картинка обыденной жизни.

Рисунки въ текстѣ: Ташкентскіе сады.—Улица въ старомъ Ташкентѣ.—Видъ стараго Ташкента съ востока.—Характеръ построекъ въ мусульманской части Ташкента, Крюкова.—Улица въ русскомъ Ташкентѣ.—Окружной штабъ въ Ташкентѣ.—Соборная улица въ Ташкентѣ.—Булочникъ въ Ташкентѣ.—Торговецъ канаусомъ въ Ташкентѣ, Каразина.—Мечеть въ Ташкентѣ.—Мечеть съ восточной стороны.—Продавецъ дровъ въ Ташкентѣ.—Рабочая арба въ Ташкентѣ, Каразина.

Отдѣльныя картины: Видъ Ташкента съ сѣвера, Адамова.—Улица въ старомъ Ташкентѣ, Нисченкова.

ОЧЕРКЪ VI. Малая и Средняя Киргизская орда. Николая Латкина 177

Тургайская и Акмолинская области. — Горы, рѣки и озера. — Производительность края. — Міръ растительный и животный. — Кочевое и осѣдлое населеніе. — Исторія киргизскаго народа и присоединеніе его къ Россіи.—Нравы и бытъ Киргизовъ; общественныя и семейныя ихъ празднества. — Древнія развалины.

Рисунки въ текстѣ: Зимняя станція въ степи, Крюкова.—Озеро Джаманъ-Акъ-Куль.—Рѣка Иргизъ, Каразина.—Типы верблюдовъ (3 рисунка), Верещагина.—Священное дерево, Каразина.—Киргизскіе типы, Крюкова.—Киргизскій бій.—Черная кость, Каразина.—Киргизъ верхомъ, Васнецова.—Киргизка въ парадномъ костюмѣ.—Пожилая Киргизка.—Киргизка-старуха.—Леченіе горячки въ Киргизской степи, Каразина.—Лѣтняя станція въ степи.—Установка юрты, Крюкова.—Киргизскія сани, Каразина.—Перекочевка, Крюкова. — Киргизъ на молитвѣ, Каразина. — Замужняя Киргизка и дѣвушка, Васнецова.—Надгробные памятники у Киргизовъ.—Киргизскіе сосуды.

Отдѣльныя картины: Киргизы въ степи, Васнецова.—Уральское укрѣпленіе (городъ Иргизъ).—Табунъ въ киргизскихъ степяхъ.—Киргизскія скачки.—Киргизская телѣга и ѣзда на волахъ, Каразина.

ОЧЕРКЪ VII. Ферганская область. В. Г. Котельникова 203

Положеніе страны.—Историческая ея судьба.—Коканское ханство и его паденіе. — Долина Ферганы. — Рѣки и оросительныя сооруженія.— Почва. — Климатъ. — Населеніе области и ея промышленность.

Рисунки въ текстѣ: Горный аулъ, Каразина.—Ханскій гаремъ въ Коканѣ.—Городъ Ошъ.—Видъ крѣпости Тюре-Курганъ.—Кашгарецъ.—Базаръ въ Ошѣ.—Горные Киргизъ и Киргизка, Тихомирова.—Переносные пески (барханы) въ степяхъ Ферганской области, Тайлора.—Мельница въ соломенной саклѣ.—Сартянскіе типы Ферганы, Крюкова.—Ферганскій Сартъ, Петрова.—Верховая ѣзда на быкахъ, Каразина.—Ферганская арба.—Гальчи, Тихомирова.—Евреи въ Ферганѣ, Верещагина.—Ученики мусульманской школы (въ Ферганской области), Роніата.—Внутренность двора въ Ферганѣ.—Кабарга, Петрова.

Отдѣльныя картины: Ханскій лѣтній павильонъ въ Коканѣ.—Гробница святаго въ Шахимарданѣ (Коканской области).

ОЧЕРКЪ VIII. Зеравшанскій край и Самаркандъ. П. С. Усова 235

Самаркандъ. — Его древнее происхожденіе. — Пребываніе въ немъ Тимура. — Сказаніе о немъ очевидца. — Кончина его, по персидскому историку. — Зеравшанскій округъ. — Рѣка Зеравшанъ. — Ея система орошенія. — Города Пенджкентъ, Ургутъ, Катта-Курганъ, Пенджамбе. — Горныя богатства. — Сельское хозяйство Зеравшанскаго округа. — Таджики, Узбеки и другіе жители округа.

Рисунки въ текстѣ: Заглавная буква, Каразина.—Афросіабъ и могила святаго Даріара Пальвана.—Древній мостъ въ Зеравшанѣ.—Самаркандъ.—Мечеть Биби-Ханымъ, времени Тимура, въ Самаркандѣ.—Мечеть Гуръ-Эміръ, Бегетъ.—Городскія ворота въ Самаркандѣ.— Видъ Самарканда съ Ригистанской площади, Тайлора. — Гробница Тимура въ мечети Гуръ-Эміръ.— Входныя ворота въ мечеть Шаха-Зенда, въ Самаркандѣ.—Поливальщикъ улицъ въ Самаркандѣ.— Туземный полицейскій въ Самаркандѣ, Каразина.—Видъ Ура-Тюбе.—Ворота Тамерлана.—Переправа черезъ Зеравшанъ у Самарканда.—Мостъ черезъ арыкъ Даргамъ близь Самарканда.—Базаръ въ городѣ Катта-Курганѣ. Каразина.—Станція для отдыха въ Зеравшанскомъ округѣ, Берга.—Земледѣліе въ Зеравшанской долинѣ, Каразина.—Уроженцы Зеравшана.—Могила святаго. — Нищенствующій монахъ въ Самаркандѣ.—Продавецъ птицъ. — Купецъ въ Самаркандѣ. — Женщины, идущія въ баню, Каразина. — Заключительная виньетка.

Отдѣльныя картины: Мечеть Гуръ-Эміръ въ Самаркандѣ.—Мечеть Ширь-Дарь въ Самаркандѣ. — Базаръ въ Самаркандѣ.—Видъ казенной хлопчато-бумажной плантаціи въ Самаркандѣ.—Дувана (юродивый), Сѣдова.

ОЧЕРКЪ IX. Памиръ и Алай. И. В. Мушкетова 299

Географическое положеніе Памира и Алая.—Краткій очеркъ путешествій въ этой области.—Характеристика Памира и раздѣленіе его.—Естественныя произведенія Памира. — Населеніе его. — Долина Мукъ-су и ледники его.—Долина Алая. — Алайскій и Заалайскій хребты.—Долина Матчи или верхняго Зеравшана и ея ледники.—Восхожденіе автора на Зеравшанскій ледникъ.—Заключеніе.

Рисунки въ текстѣ: Ущелье на рѣкѣ Чиле въ Алайскомъ хребтѣ, Стасяка.—Могила храбрыхъ Киргизовъ близь озера Кара-Куль, на Памирѣ-Хорроши.—Видъ озера Кара-Куль, или Драконова, съ сѣвера (на Памирѣ-Хороши).—Долина Акъ-Таша.—Якъ.—Крѣпость Кила Пянджъ на верховьяхъ Оксуса, на Памирѣ.—Алай и Залайскій хребетъ.—Киргизская зимовка въ урочищѣ Большой-Карамукъ, въ Алтайскихъ горахъ.—Пикъ Кауфмана, Дмоховскаго.—Дараутъ-Курганъ (укрѣпленіе при сліяніи Дараутъ-су и Кизилъ-су).—Ущелье Янги-Арыкъ на р. Куршабѣ.—Ущелье Кизилъ-Курганъ въ долинѣ Куршабъ.—Мазарка (памятникъ въ Алайскихъ горахъ).—Карнизъ и горный мостикъ въ Алайскихъ горахъ.—Перевалъ Арчатъ-Даванъ.—Щуровскій ледникъ въ Алайскихъ горахъ.—Кишлакъ Варзаминоръ, въ долинѣ Зеравшана.—Озеро Искандеръ-Куль, Каразина.—Крѣпость Сарвада [сліяніе р. Артуча съ Фаномъ].—Торговецъ цыплятами.—Орелъ могильщикъ, Каразина.

Отдѣльныя картины: Восхожденіе экспедиціи И. В. Мушкетова на Зеравшанскій ледникъ (первый привалъ на нижнемъ концѣ ледника, 12-го августа 1880 г.). Спускъ экспедиціи на пути изъ Гульчи къ перевалу Арчатъ-Даванъ съ ледника Зардаля, составляющаго продолженіе Зеравшанскаго (ночлегъ среди трещинъ ледника, съ 14 на 15 августа 1880 г.), Тихомирова.—Горная деревня Вишанъ на р. Зеравшанѣ.

ОЧЕРКЪ X. Небесный хребетъ и Заилійскій край. П. П. Семенова 333

Тянъ-Шань, или Небесный хребетъ.—Роль его въ исторіи народныхъ переселеній.—Гунны и Усуни, и вызванное ими знакомство съ Тянъ-Шанемъ китайскихъ лѣтописей до Р. Х.—Турксксе царство, опиравшееся на оконечности Тянъ-Шаня въ VI—IX вѣкахъ.—Показанія о Тянъ-Шанѣ очевидца того времени—буддійскаго миссіонера Хюанъ-Цзана. — Китайскія свѣдѣнія о Небесномъ хребтѣ, во время владычества Уйгуровъ въ IX вѣкѣ.—Тянъ-Шань при Монголахъ и Тамерланѣ. — Свѣдѣнія о Тянъ-Шанѣ въ Джунгарскую эпоху въ XVIII вѣкѣ.—Начало русской колонизаціи въ Заилійскомъ краѣ. — Поѣздки въ 1856 г. на оконечности Иссыкъ-Куля. — Орографія Заилійскаго Алатау. — Характеристика пяти вертикальныхъ зонъ Заилійскаго края. — Котловина Иссыкъ-Куля. — Главный Тянъ-Шанскій хребетъ. — Поѣздки: въ 1857 году къ истокамъ Сыръ-Дарьи и горной группѣ Ханъ-Тенгри. — Ледники Сары-Джаза. — Изслѣдованія позднѣйшихъ путешественниковъ въ Тянъ-Шанѣ.

Рисунки въ текстѣ: Перевалъ въ Тянъ-Шанѣ, Каразина.—Спускъ къ Иссыкъ-Кулю, съ горнаго перевала Курметы.—Заилійскій Алатау со стороны Илійскаго поселка (на р. Или).—Прорывъ р. Мерке черезъ порфировыя горы въ Заилійскомъ Алатау.—Озеро Джасылъ-Куль на Заукинскомъ перевалѣ, Тихомирова.—Горный охотникъ. Каразина.—Текъ-Сырты въ верховьяхъ Нарына (верхнее теченіе Сыръ-Дарьи), Тихомирова.—Ледникъ, открытый П. П. Семеновымъ въ верховьѣ Сыръ-Дарьи (въ горной группѣ Ханъ-Тенгри), Нисченкова.—Ледникъ у Ханъ-Тенгри, Тихомирова.—Кочкары (старый и молодой), Шпака.—Киргизскій инородецъ.—Заключительная виньетка, Каразина.

Отдѣльныя картины: Горная группа Ханъ-Тенгри, Прохорова. Киргизы Большой орды. Выходъ р. Чарына изъ Заилійскаго Алатау.—Озеро Иссыкъ-Куль, Каразина.—Станція Любовная.—Лѣсная зона. Гора Каскыръ-тау, Бара.—Типическія мѣстности Тянъ-Шанскаго нагорья. — Талгарскій пикъ въ Заилійскомъ Алатау. Каменныя бабы на Иссыкъ-кульскомъ

плоскогорье.—Тузъ-Кокъ-Джаръ и мѣсторожденіе каменной соли.—Поднятіе осадочныхъ пластовъ на склонѣ Небеснаго хребта.—Альма-аралакъ (теплый ключъ въ долинѣ Небеснаго хребта).—Ханъ-Тенгри (высшая изъ горъ въ русскомъ Тянъ-Шанѣ).—Жертвенный камень близь Альма-аралака, Тихомирова.

ОЧЕРКЪ XI. Семирѣчье. I. Русская Джунгарія. П. С. Усова 377

Джунгарское государство и его отношенія къ Россіи и Китаю. — Семирѣчье. — Джунгарскій Алатау. — Могила демоновъ. — Семь рѣкъ.— Озера Балхашъ, Ала-Куль и ихъ бассейны.—Города Копалъ, Сергіополь, Токмакъ, Каракалъ. — Лепсинская и Карасуйская станицы.— Кульджинская провинція. — Таранчинское государство. — Киргизы Большой орды.

Рисунки въ текстѣ: Заглавная буква, Каразина.—Илійская долина.—Мостъ, пикетъ и выселокъ на берегу рѣки Токсу.—Рѣка Копалка.—«Могилы демоновъ» у верховья Торы —Выходъ р. Или въ степь через порфировыя горы.—Торговецъ фруктами въ Кульджѣ, Роньята.— Кульджинскіе Калмыки, Брожа.—Инородцы Семирѣчья, Каразина.—Группа Киргизовъ; справа двѣ невѣсты.—Молящійся мулла, Верещагина.—Заключительная виньетка, Каразина.

Отдѣльная картина: Ущелье Кастенъ (въ Семирѣченской области), Каразина.

ОЧЕРКЪ XI. Семирѣчье. II. Въ окрестностяхъ Сассыкъ-Куля. И. Полякова 413

Видъ на Семирѣченскій Ала-Тау.—Проѣздъ чрезъ пустыню и ночлегъ.—Сассыкъ-куль.—Разсказъ вожака объ озерѣ.—Камыши и солончаки.—Охота на кабана.—Видъ на озеро съ Джерсуата.—Вечеръ и ночлегъ; комары.—Соображеніе о причинахъ вымиранія разныхъ животныхъ.—Рыбы Сассыкъ-куля; маринка; ея икра ядовита.—Выѣздъ изъ степи.

Рисунки въ текстѣ: Заглавный рисунокъ.—Видъ въ Семирѣченскомъ Ала-Тау.—Заключительная виньетка.

ОЧЕРКЪ XII. Историческій обзоръ отношеній Россіи къ Туркестану. Н. В. Латкина 421

Рисунки въ текстѣ: Перевязочный пунктъ подъ Ходжентомъ.—Памятникъ убитымъ при Акъ-Мечети.—Цитадель Чимкента.—Крѣпость Чиназъ. – Цитадель въ Ташкентѣ. Крюкова.—Крѣпость Ура-Тюбе.—Видъ крѣпости въ Самаркандѣ.— Могила русскихъ воиновъ, павшихъ въ 1866 году, при оборонѣ Самарканда, Крюкова.—Янчи-арыкъ въ Алайскихъ горахъ. Мѣсто сраженія 25 апр. 1876 года.—Заключительная виньетка, Каразина.

Отдѣльныя картины: Послѣ сраженія, Верещагина.—Ходжентъ (со стороны Сыръ-Дарьи).—Защита Самаркандской цитадели Русскими, Каразина.

ОЧЕРКЪ XIII. Мервъ. М. Л. Песковскаго. 441

Присоединеніе Мерва къ Россіи.—Мервская депутація.—Значеніе Мерва въ стратегическомъ отношеніи.— Прошлое Мерва.

Рисунки въ текстѣ: Заглавная буква, Борхердта.— Рѣка Теджентъ.—Сѣверныя ворота Мерва.—Сѣверный фронтъ Мерва (Каушутъ-Ханъ-Кала).—Школа (медресе) въ аулѣ Каушутъ-Ханъ.—Домъ въ Мервѣ, гдѣ жили члены русской экспедиціи.—Озеро Аламанъ-Чунгуль (у Теджента).—Заключительная виньетка.

Отдѣльныя картины: Представленіе мервской депутаціи начальнику Закаспійскаго края, А. В. Комарову, Адамова.—Первый русскій караванъ, отправленный въ г. Мервъ.

КОНЕЦЪ ДЕСЯТАГО ТОМА.

ГПБ Русский фонд
134
356-10